ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «АРХЕОЛОГИЯ»

ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ДРЕВНОСТИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ

Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова

Под редакцией
В. С. Синики и Р. А. Рабиновича

Библиотека stratum

КИШИНЕВ-ТИРАСПОЛЬ
2018

902/904(478)(082)
Д 730

Рекомендовано к печати Научно-координационным советом
Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук **Синика Виталий Степанович**, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко; Нижневартовский государственный университет. Тирасполь, Молдова (ответственный редактор)
д-р истории **Рабинович Роман Аронович**, Университет «Высшая антропологическая школа». Кишинёв, Молдова (ответственный редактор)
канд. ист. наук **Лысенко Сергей Дмитриевич**, Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев, Украина
канд. ист. наук **Разумов Сергей Николаевич**, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь, Молдова
канд. ист. наук **Фидельский Сергей Анатольевич**, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь, Молдова
ст. науч. сотр. **Гавритухин Игорь Олегович**, Институт археологии Российской Академии наук Москва, Россия
д-р истории **Рябцева Светлана Станиславовна**, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы. Кишинёв, Молдова

Научные рецензенты:
доктор исторических наук **С. Н. Кореневский**,
ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

доктор истории **М. Е. Ткачук**,
университет «Высшая антропологическая школа» (Кишинёв)

кандидат исторических наук **О. А. Щеглова**,
старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Древности. Исследования. Проблемы : Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова = Antiquities. Studies. Issues : Essays in honour of Nicolai Telnov on the occasion of his 70th birthday / Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, Н.-и. лаб. "Археология", Высшая антрополог. школа ; под ред.: В. С. Синика, Р. А. Рабинович ; науч. рецензенты: С. Н. Кореневский [и др.] ; обл.: Д. А. Топал. – Кишинэу : Stratum Plus ; Тираспол : Б. и., 2018 (F.E.-P. "Tipografia Centrală"). – 508 p. : fig., tab. – (Библиотека "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).
Tit., cuprins paral.: lb. engl., rusă. – Rez.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 200 ex.

ISBN 978-9975-4269-9-2.
902/904(478)(082)
Д 730

Сборник научных работ посвящен 70-летию известного археолога, специалиста по средневековым древностям юга Восточной Европы, Николая Петровича Тельнова. Спектр представленных статей весьма широк, соответствуя научным интересам юбиляра, и содержит работы по энеолиту и бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью.

Для археологов, историков, преподавателей вузов и студентов, а также всех, кто интересуется древней историей региона.

© В. С. Синика, Р. А. Рабинович, 2018.
© Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" Р. Р.
© Обложка: Д. А. Топал, 2018.
© Фото амулета на обложке: С. О. Симоненко, 2016.
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

T. G. SHEVCHENKO PRIDNESTROVIAN STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF ARCHAEOLOGY

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

ANTIQUITIES. STUDIES. ISSUES

Essays in honour of Nicolai Telnov
on the occasion of his 70th birthday

Edited by
V.S. Sinika and R.A. Rabinovici

stratum Library

KISHINEV-TIRASPOL
2018

70-летию

Николая Петровича Тельнова

посвящается

This issue to 70th anniversary of Nicolai P. Telnov

С О Д Е Р Ж А Н И Е

AD GLORIAM

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). К юбилею Николая Петровича Тельнова 13

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Э. В. Овчинников (*Киев, Украина*). Исследования трипольского поселения Русановцы в Верхнем Побужье в 2010—2012 гг. 19

И. В. Манзура (*Кишинёв, Молдова*). Расписная керамика позднего энеолита на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае 35

С. Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), А. Н. Усачук (*Донецк, Украина*). Комплекс раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного Приазовья . . 49

Г. Л. Евдокимов (†), Н. М. Данилко, С. Ж. Пустовалов (*Киев, Украина*). Курганы бронзового века в низовьях Днепра (раскопки Краснознаменской экспедиции в 1991 г.). 59

С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко (*Киев, Украина*). Курганная группа 3 Войцеховского могильника (по результатам исследований 2011—2012 гг.) 89

А. С. Пробейголова (*Киев, Украина*). Поселение эпохи поздней бронзы Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец 113

С. С. Лысенко (*Киев, Украина*). Булавки с пластинчатой головкой эпохи поздней бронзы с территории Украины 125

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С. Б. Вальчак (*Москва, Россия*). Новочеркасский клад 1939 г. — эпонимный памятник предскифского периода 137

В. Б. Панковский (*Киев, Украина*), С. А. Фидельский (*Тирасполь, Молдова*). Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) 147

Д. А. Топал (*Кишинёв, Молдова*). Состав вооружения и возможности культурной группировки (на материалах скифского времени Карпато-Подунавья) 165

А. Р. Канторович (*Москва, Россия*). Образно-сюжетный репертуар восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты классифицирования и кодирования 195

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*), Н. П. Тельнов (*Кишинёв, Молдова*). Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное 223

С. В. Полин (*Киев, Украина*). Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы). 267

Ю. П. Зайцев (*Симферополь, Крым*). Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму 289

М. М. Чореф (*Нижневартовск, Россия*). Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации 319

СРЕДНИЕ ВЕКА

И. О. Гавритухин (*Москва, Россия*), М. М. Казанский (*Париж, Франция*). О времени появления славян на территории Молдовы 333

А. М. Обломский (*Москва, Россия*). Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье 355

Д. Елинкова (*Брно, Чехия*). К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа 389

А. В. Комар (*Киев, Украина*). Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони 409

А. Тюрк (*Будапешт, Венгрия*). Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы 423

С. С. Рябцева (*Кишинёв, Молдова*). Об особенностях морфологии и декора «волынских серег» с тиснеными подвесками 435

Н. А. Плавинский (*Минск, Беларусь*). Курган 5 могильника Погоща как пример элитарного погребального комплекса конца X — начала XI в. на северо-западе Полоцкой земли 445

Р. А. Рабинович (*Кишинёв, Молдова*). Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв. 465

А. А. Романчук (*Кишинёв, Молдова*). Слово о *Суждале*: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики 483

М. В. Цыбин (*Воронеж, Россия*). К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX—XVII вв. 495

Список сокращений. 505

CONTENTS

AD GLORIAM

V. S. Sinica (*Tiraspol, Moldova*). This issue is dedicated to Nicolai P. Telnov's birthday anniversary 13

PALAEOMETAL AGE

E. V. Ovchinnikov (*Kiev, Ukraine*). Research of the Trypillia Settlement Rusanovtsy in the Upper Southern Bug River in 2010—2012. 19

I. V. Manzura (*Kishinev, Moldova*). Late Eneolithic Painted Pottery at the Settlement of Orlovka-Kartal on the Lower Danube 35

S. N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), A. N. Usachuk (*Donetsk, Ukraine*). The Early Bronze Age Complex with a Stone Figurine from the North-East Azov Sea Region 49

G. L. Evdokimov (†), N. M. Danilko, S. Zh. Pustovalov (*Kiev, Ukraine*). Bronze Age Barrows in the Lower Dnieper Region (excavations of the Krasnoznamenskaya expedition in 1991) 59

S. D. Lysenko, S. S. Lysenko (*Kiev, Ukraine*). Barrow Group 3 of the Voytsehovka Cemetery (excavations of 2011—2012) 89

A. S. Probeygolova (*Kiev, Ukraine*). The Settlement of Mechetnoe-2 of the Late Bronze Age in the Middle Donets Area 113

S. S. Lysenko (*Kiev, Ukraine*). Pins with a Plate Head of the Late Bronze Age from the Territory of Ukraine 125

EARLY IRON AGE

S. B. Valchak (*Moscow, Russian Federation*). Novocherkassk Hoard of 1939 — an Eponymous Site of the Pre-Scythian Period 137

V. B. Pankowski (*Kiev, Ukraine*), S. A. Fidelski (*Tiraspol, Moldova*). A Systematic Outline of Bone and Antler Industry in the Dniester Region Iron Age: some principles from Chobruchi settlement site 147

D. A. Topal (*Kishinev, Moldova*). The Panoply and Cultural Grouping of Scyhian Period in Carpathian-Danube Region 165

A. R. Kantorovich (*Moscow, Russian Federation*). Imagery Repertoire of the Eastern European Scythian Animal Style: the principles and results of classification and coding 195

V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*), N. P. Telnov (*Kishinev, Moldova*). Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3rd Century BC Near Glinoe Village 223

S. V. Polin (*Kiev, Ukraine*). Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (current studies) 267

Yu. P. Zaytsev (*Simferopol, Crimea*). Complex with a Celtic Type Shield from Ak-Kaya Necropolis in Crimea 289

M. M. Choref (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). Countermarks on Staters of King Pharzoius as Sources of Historical Information. 319

MIDDLE AGES

I. O. Gavritukhin (*Moscow, Russian Federation*), M. M. Kazanski (*Paris, France*). About the Time of the Appearance of the Slavs in the Territory of Moldova 333

A. M. Oblomskii (*Moscow, Russian Federation*). Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region. 355

D. Jelínková (*Brno, Czech Republic*). On the Issue of Some Female Adornments from a Cremation Cemetery of the Prague-type Pottery Culture in Přítluky 389

A. V. Komar (*Kiev, Ukraine*). Birch Bark Decoration of Scabbard of an Early Medieval Sword from Yablunya 409

A. Türk (*Budapest, Hungary*). The Eastern Origins of the Early Hungurian Culture in 10th Century AD and Medieval Archaeology of Eastern Europe 423

S. S. Ryabtseva (*Kishinev, Moldova*). On the Features of the Morphology and Decor of the "Volhynian Type Earrings" with Embossed Pendants 435

M. A. Plavinski (*Minsk, Belarus*). Barrow 5 of the Pahoshcha Cemetery as an Example of an Elite Burial Complex of the Late 10th — Early 11th Century in the Northwest of Polatsk Land 445

R. A. Rabinovici (*Kishinev, Moldova*). The Prut-Dniester Interfluve in the Context of Cultural and Historical Relations of the Surrounding Regions in the Middle of the 5th — Middle of the 11th Centuries. 465

A. A. Romanchuk (*Kishinev, Moldova*). A Word about *Sujdal*: a Hypothesis by O. N. Trubachev in the Light of Archeological, Historical and Toponomic Data. 483

M. V. Tcybin (*Voronezh, Russian Federation*). To Study the Regularities of Formation of the Russian-Nomadic Frontier in the Middle Don Region in the 9th —17th Centuries 495

Abbreviations 505

Ad gloriam

К юбилею Николая Петровича Тельнова

1 февраля текущего года отмечает свой 70-летний юбилей один из видных археологов-славистов современности Николай Петрович Тельнов. Он родился в 1948 г. в с. Дмитриевка Ракитянского района Белгородской области РСФСР. После окончания в 1966 г. Дмитриевской средней школы работал слесарем на Владимирском электромоторном заводе в г. Владимир. В 1967—1968 гг. Николай Петрович проходил службу в Советской Армии. После демобилизации закончил филологический факультет Белгородского государственного педагогического института и исторический факультет Одесского государственного университета. С 1973 г. по 1979 г. работал учителем истории в средней школе. В 1979 г. был принят на работу в Институт археологии Академии наук Молдавской ССР, где он прошёл путь от старшего лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующего Отделом античной и средневековой археологии Института культурного наследия (в настоящее время Академии наук Республики Молдова).

Археологией Николай Петрович увлёкся ещё в школьные годы, а студентом уже принимал участие в работе археологических экспедиций, исследовавших различные памятники в Молдавии и Украине. Не прекращал он заниматься археологией, и работая учителем в средней школе, активно привлекая к этому занятию своих учеников.

Приобретённый ранее полевой опыт позволил ему, работая в Институте археологии, довольно скоро начать проводить самостоятельные исследования. Значительное внимание Николай Петрович уделял археологическим разведкам. Он открыл множество памятников разных эпох — от палеолита до молдавского средневековья. Также он принимал участие в раскопках разновременных памятников археологии, активно изучая древнюю историю Прутско-Днестровского междуречья.

В связи с тем, что, при всей его любви к первобытной археологии, специализироваться Николаю Петровичу всё же пришлось в области средневековья, то темой его научных интересов стала археология и история славян и их соседей. Исследование раннесредневековых поселений, таких как Ханска, Рудь, Гординешты, Корпач, Скок и др., работа над письменными источниками позволили Н. П. Тельнову заметно продвинуть решение ключевых проблем славянской археологии и внести значительный вклад в изучение истории и культуры древних славян на территории Молдавской ССР. Результаты этих исследований легли в основу диссертационной работы Н. П. Тельнова на тему «Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—IX вв.», которую он защитил в 1990 г. в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР после завершения годичной стажировки в этом научном центре.

Важно подчеркнуть, что, если ранее исследователями основное внимание уделялось славянским древностям VI—VII вв., то в своей диссертации Н. П. Тельнов впервые монографически исследовал материальную культуру Прутско-Днестровского междуречья VIII—IX вв. Собственно, что такое культура Лука-Райковецкая в Молдавии, различные специфические аспекты этой культуры, особенно домостроительство, производственные сооружения, керамика, — сегодня известно по разработкам Н. П. Тельнова.

Обратил серьёзное внимание Николай Петрович и на памятники VI—VII вв., определив их роль в формировании местных древностей культуры Луки-Райковецкой.

При значительном внимании к славянской проблематике Н. П. Тельнов никогда не ней не замыкался. Наоборот, его всегда отличала широта научных интересов. Он исследовал курганы в Буджакской степи, проводил раскопки золотоордынского города у с. Костешты

© В. С. Синика, 2018.

и молдавского средневекового города Старый Орхей, принимал участие в изучении городского поселения молдавского средневековья у с. Тарасово, раскопал грунтовое погребение гординештского типа в зоне трипольского Гординештского поселения.

Особо следует отметить, что Николай Петрович впервые на территории Молдавии открыл и интерпретировал памятники культуры Поянешты-Выртешкой конца II — III в. н. э., которые связываются со свободными даками. Под его руководством было проведено исследование уникального гончарного центра у с. Прутены, что позволило детально охарактеризовать не только технологию производства и формы столовой гончарной керамики этой культуры, но также выяснить, что в это время и тара (амфоры) изготавливалась по римским образцам в гончарных мастерских Прутско-Днестровского междуречья.

С 2003 г. начинается особый период в биографии Н. П. Тельнова, безусловно, самый яркий и насыщенный за всё постсоветское время. В этом году Николай Петрович был приглашён на должность заведующего научно-исследовательской лабораторией (НИЛ) «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в г. Тирасполь. Его экспедиционная деятельность в Приднестровье начинается с 2004 г. Под его руководством на протяжении 2004—2012 гг. были изучены все доступные для исследования курганы скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского района, а главное, доисследованы и те насыпи, которые в предшествующее время (1995—2003 гг.) были раскопаны с нарушениями существующей методики. Была проведена большая работа по составлению отсутствующей отчётной документации, реставрация находок и подготовка всех материалов для публикации этого уникального памятника.

В это же время под руководством Н. П. Тельнова проводилось изучение и такого интересного многослойного памятника, как поселение у с. Чобручи.

На протяжении 2007, 2013—2017 гг. Николай Петрович руководил раскопками тех курганов (у с. Дойбаны-2 Дубоссарского района, у сс. Ближний Хутор и Глиное Слободзейского района), которым грозило полное уничтожение.

Особой заслугой юбиляра является и то, что им была инициирована и в 2006—2010 гг. проведена работа по ревизии всех археологических памятников на территории Приднестровья. Была проведена оценка уже известных памятников, и выявлены новые. Вся эта информация была задокументирована в сводах, составленных для каждого из районов Приднестровья и внесённых в общий реестр памятников Приднестровской Молдавской Республики.

Важное место в деятельности Н. П. Тельнова занимает и преподавательская работа, которую он проводит со студентами-историками Приднестровского государственного университета. Нельзя не отметить и то, что усилиями Николая Петровича была создана благоприятная атмосфера для научного роста сотрудников НИЛ «Археология». В 2007 г. и в 2015 г. двое выпускников ПГУ им. Т. Г. Шевченко защитили свои кандидатские диссертации по специальности «археология»: один — в Москве, другой в Кишинёве. Под его руководством НИЛ «Археология» стала одним из наиболее мощных научных подразделений Приднестровского университета, способным решить любую теоретическую и практическую задачу, связанную с изучением памятников археологии Приднестровья.

За свои 40 лет деятельности в археологии Н. П. Тельнов принял участие в работе более 70 археологических экспедиций, являясь руководителем более 40 из них. Полевые изыскания легли в основу более 200 опубликованных работ, автором или соавтором которых является Николай Петрович. Среди них такие монографические исследования, как «Курганы Буджакской степи» (1989 г.), «Алчедарское древнерусское поселение» (1997 г.), «История Республики Молдова» (1997 г.), «Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья» (2001 г.), «И... разошлись славяне по земле» (2002 г.), «Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)» (2008 г.), «Pruteni un centru de olarie dacică din epoca romană» (2007 г.), «Курганы у села Буторы» (2013 г.), «Дубоссарские курганы» (2014 г.), «Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное» (2016 г.), «Археологическое наследие Приднестровья» (2016 г.) и другие.

Николай Петрович активно участвует в научных конференциях и семинарах, посвящённых различным проблемам археологии и истории. Его доклады всегда касаются сложных вопросов, выдвигаемые им положения являются глубоко аргументированными.

Н. П. Тельнов является членом редакционных коллегий таких периодических изданий, как «Stratum plus», «Revista arheologica», «Русин», «Ежегодный исторический альманах

Приднестровья». Также Николай Петрович является членом редколлегий, ответственным секретарём или ответственным редактором коллективных и индивидуальных (археологических сборников и монографий) работ.

Кроме того, Н.П. Тельнов состоит в Учёных советах Института культурного наследия АН Республики Молдова и Факультета общественных наук ПГУ им. Т.Г. Шевченко, является членом Полевого комитета и Археологической комиссии, членом специализированного совета по защите докторских работ по археологии Академии наук Республики Молдова.

Его друзья и коллеги поздравляют его с днём рождения и выражают юбиляру искреннюю признательность и глубокую благодарность за всю ту работу, которую он всегда делает добросовестно и качественно.

Мы желаем вам, Николай Петрович, дальнейших успехов в археологической работе и всего самого доброго в жизни!

От имени друзей и коллег,
В.С. Синика

Vitalij Sinica (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko[1]; Nizhnevartovsk State University[2].

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Нижневартовский государственный университет.

E-mail: sinica80@mail.ru

Addresses: [1] 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; [2] Lenin St., 56, Nizhnevartovsk, 628605, Khanty-Mansi Autonomous District — Yugra, Russian Federation

Фото 1. Н.П. Тельнов в 1952 г.

Photo 1. Nicolai P. Telnov in 1952

Фото 3. Н.П. Тельнов (слева) в пионерском лагере в 1960 г.

Photo 3. Nicolai P. Telnov (left) in a Young Pioneer camp in 1960

Фото 2. Н.П. Тельнов в 1958 г.

Photo 2. Nicolai P. Telnov in 1958

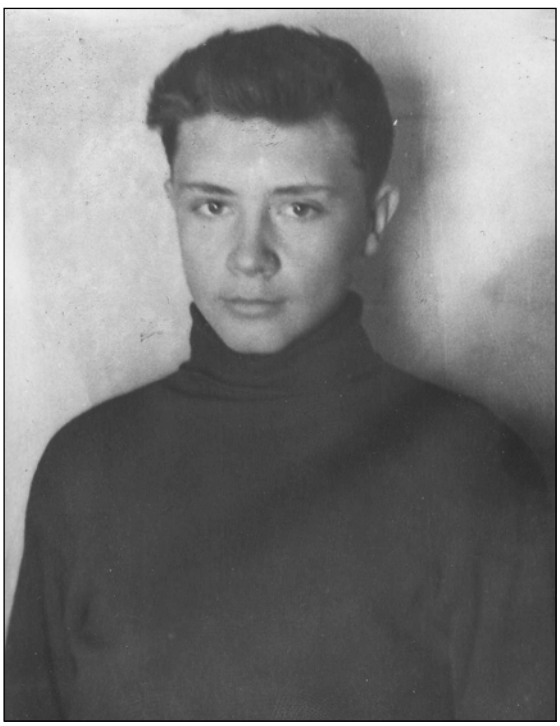

Фото 4. Н.П. Тельнов в 1964 г.

Photo 4. Nicolai P. Telnov in 1964

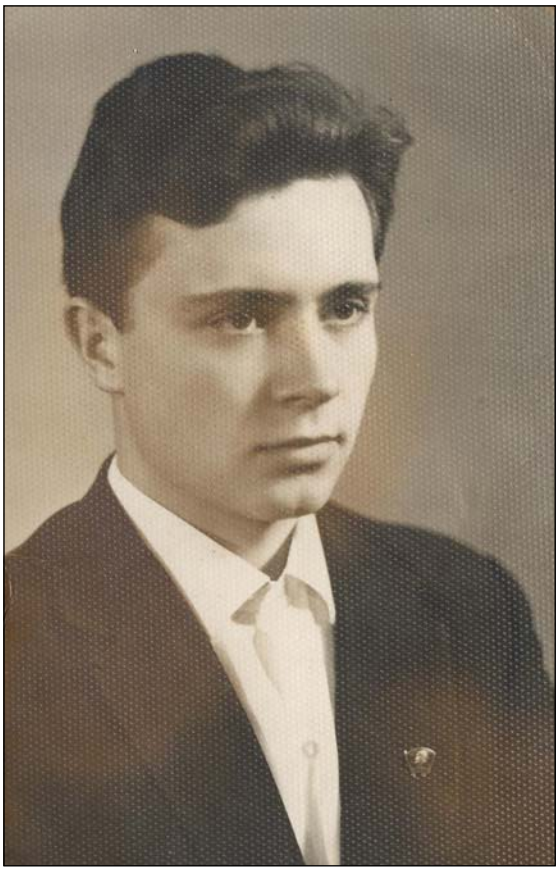

Фото 5. Н.П. Тельнов перед призывом в ряды Советской Армии (1966 г.)

Photo 5. Nicolai P. Telnov called to duty in the Soviet Army (1966)

Фото 6. Н.П. Тельнов во время службы в Советской Армии (1968 г.)

Photo 6. Nicolai P. Telnov on duty in the Soviet Army (1968)

Фото 7. Н.П. Тельнов (стоит справа) на раскопках трипольского поселения у с. Старые Дуруиторы (1973 г.)

Photo 7. Nicolai P. Telnov (standing, right) on Tripolye settlement at Duruitorii Vechi (1973)

Фото 8. Н.П. Тельнов — учитель в школе в Крыму (1977 г.)

Photo 8. Nicolai P. Telnov, school teacher in Crimea (1977)

Фото 9. В.С. Бейлекчи (крайний слева) и Н.П. Тельнов (в центре) на раскопках городища Рудь (1981 г.)

Photo 9. V.S. Beilekchi (left) and Nicolai P. Telnov (center) on Rudi hillfort (1981)

Фото 10. Н.П. Тельнов (крайний слева), И.О. Гавритухин (второй слева), А.А. Юшко (в центре) и Б.А. Тимощук (третий справа) на раскопках городища на р. Збруч (1985 г.)

Photo 10. Nicolai P. Telnov (left), I.O. Gavritukhin (second left), A.A. Yushko (center) and B.A. Timoshchuk (third right) on a hillfort on Zbruch river (1985)

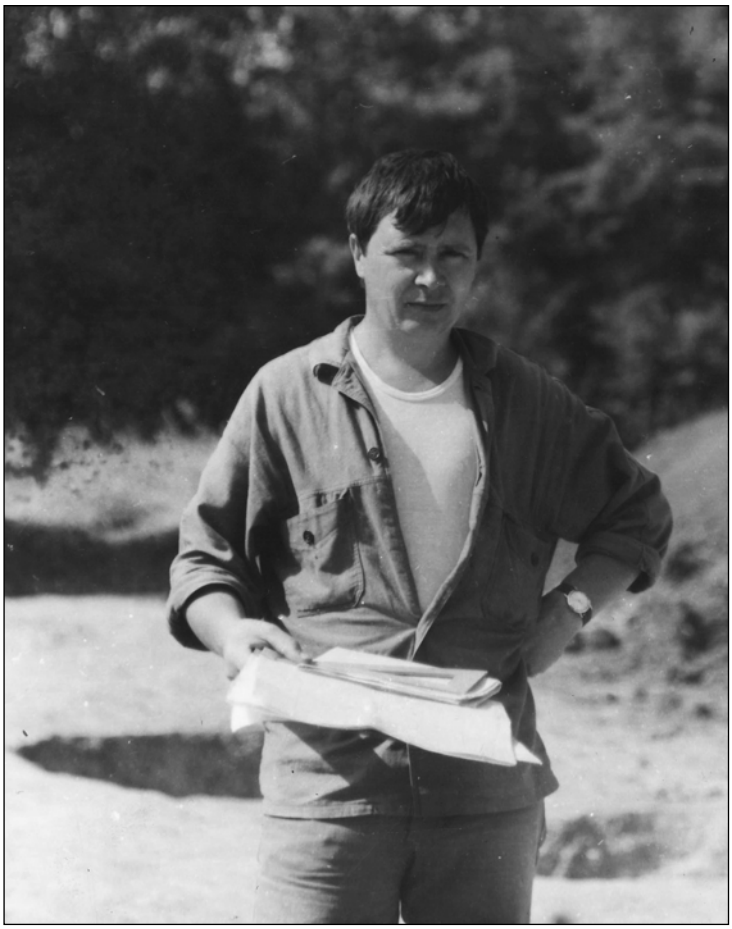

Фото 11. Н.П. Тельнов на раскопках средневекового поселения Скок в 1985 г.

Photo 11. Nicolai P. Telnov on medieval settlement at Skok in 1985

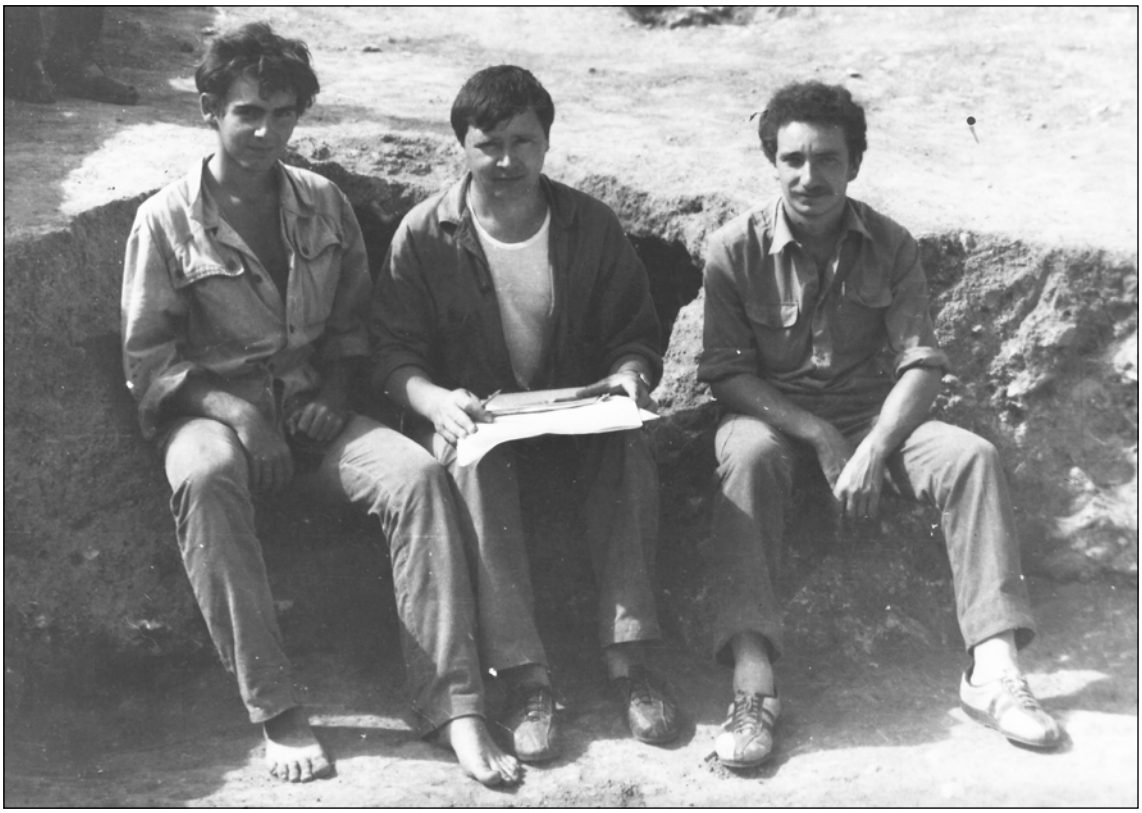

Фото 12. М.Е. Ткачук (слева), Н.П. Тельнов (в центре) и Р.А. Рабинович (справа) на раскопках средневекового поселения Скок в 1985 г.

Photo 12. M.E. Tkachuk (left), Nicolai P. Telnov (center) and R.A. Rabinovici (right) on medieval settlement at Skok in 1985

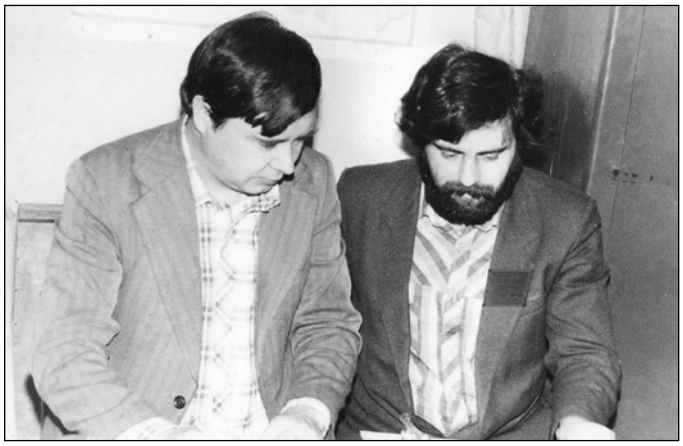

Фото 13. Н.П. Тельнов (слева) и А.П. Городенко в рабочем кабине (1986 г.)

Photo 13. Nicolai P. Telnov (left) and A.P. Gorodenco in the study (1986)

Фото 14. Н.П. Тельнов (слева) и М.Е. Ткачук в рабочем кабине (1986 г.)

Photo 14. Nicolai P. Telnov (left) and M.E. Tkachuk in the study (1986)

Фото 15. Фотография Н.П. Тельнова на доске почёта АН МССР (1987 г.)

Photo 15. Nicolai P. Telnov's photo from the Hall of Fame of the Academy of Sciences of the MSSR (1987)

Фото 16. Семейная фотография 1988 г. Слева направо — Л.А. Тельнова (супруга), А.Н. Тельнова (старшая дочь), О.Н. Тельнова (младшая дочь), В.Н. Тельнов (сын) и сам Н.П. Тельнов

Photo 16. Family photo, 1988. Left to right: L.A. Telnova (wife), A.N. Telnova (elder daughter), O.N. Telnova (younger daughter), V.N. Telnov (son) and Nicolai P. Telnov himself

Фото 17. Н.П. Тельнов (слева) и А.Н. Левинский на раскопках средневековой землянки на поселении Тодиреш-ты в Румынии (1994 г.)

Photo 17. Nicolai P. Telnov (left) and A.N. Levinskiexcavating a medieval earth hut in Todireşti (Romania, 1994)

Фото 18. Н.П. Тельнов (слева) и П.П. Бырня (1997 г.)

Photo 18. Nicolai P. Telnov (left) and P.P. Byrnea (1997)

Фото 19. Н.П. Тельнов (слева) и Н.А. Кетару (2000 г.)

Photo 19. Nicolai P. Telnov (left) and N.A. Chetraru (2000)

Фото 20. Слева направо С.И. Курчатов, В.Г. Бубулич, В.М. Ворник и Н.П. Тельнов на раскопках поселения у с. Прутены в 2003 г.

Photo 20. Left to right: S.I. Kurchatov, V.G. Bubulici, V.M. Vornic and Nicolai P. Telnovexcavating a settlement at Pruteni village (2003)

Фото 21. О.Г. Левицкий (слева) и Н.П. Тельнов в процессе изучения керамики с поселения Прутены (2003 г.)

Photo 21. O.G. Levitski (left) and Nicolai P. Telnov studying ceramics from Pruteni settlement (2003)

Фото 22. Н.П. Тельнов (слева) и его сын В.Н. Тельнов (2003 г.)

Photo 22. Nicolai P. Telnov (left) with his son V.N. Telnov (2003)

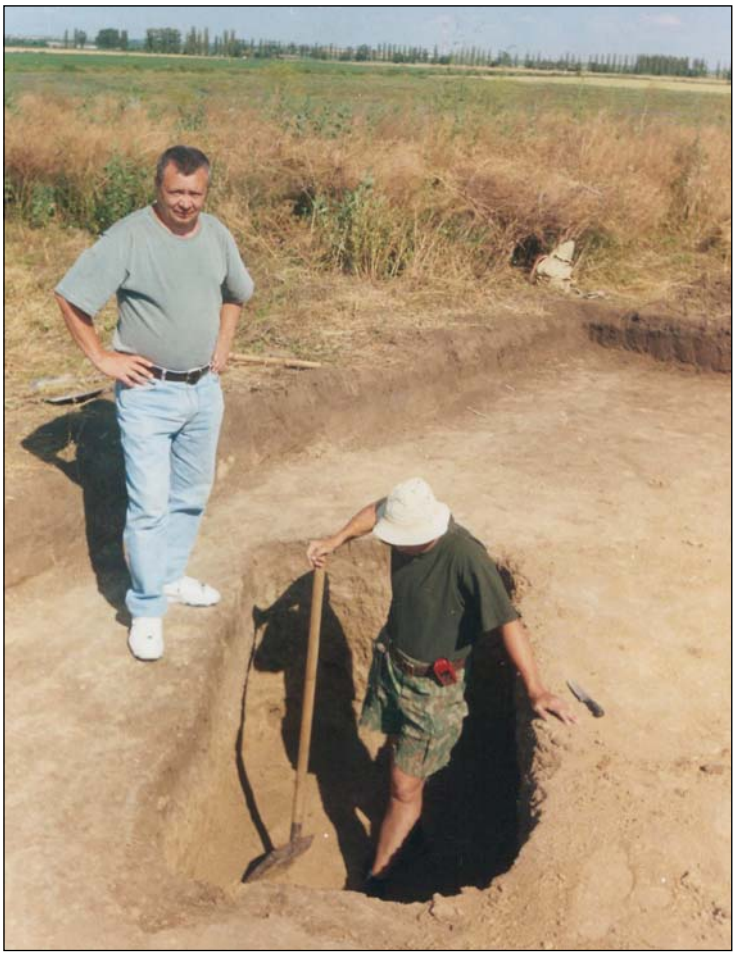

Фото 23. Н.П. Тельнов (слева) и И.А. Четвериков на раскопках скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района (2004 г.)

Photo 23. Nicolai P. Telnov (left) and I.A. Chetverikov on a Scythian burial ground at Glinoe village (Slobodzeya distict, 2004)

Фото 24. Н.П. Тельнов (стоит, третий справа) на раскопках многослойного поселения у с. Чобручи Слободзейского района (2005 г.)

Photo 24. Nicolai P. Telnov (standing, third from right) on a multi-layer settlement at Chobruchi (Slobodzeya district, 2005)

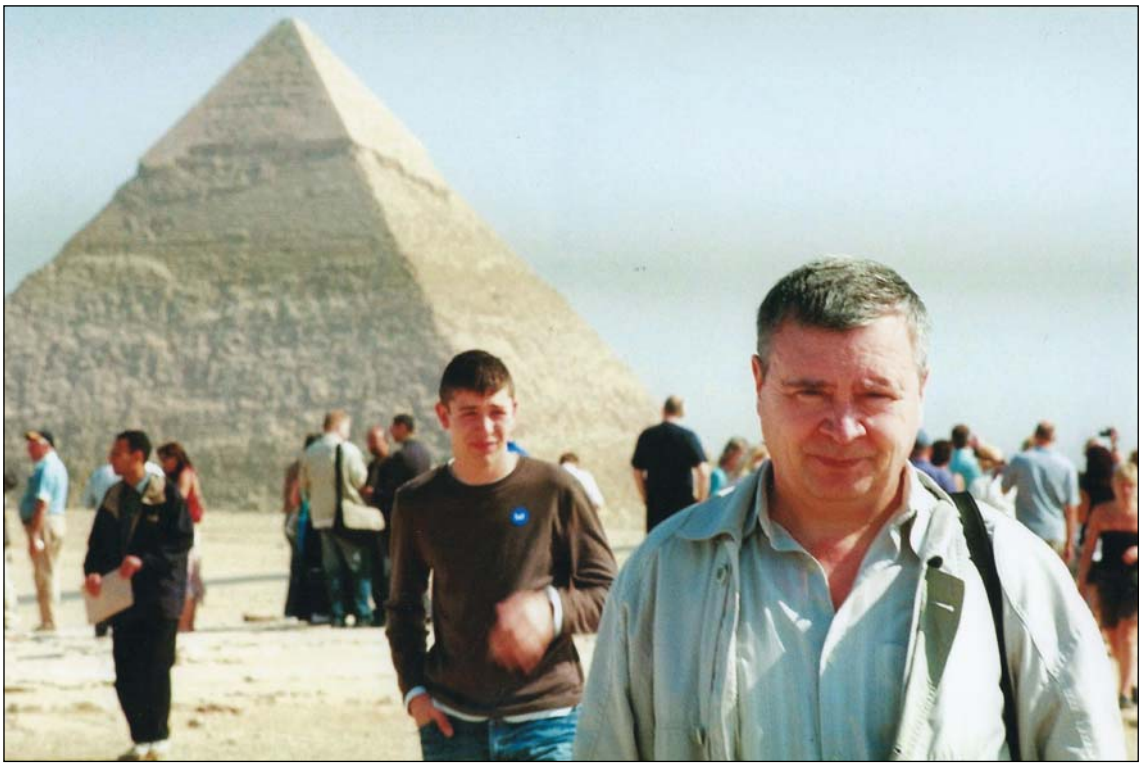

Фото 25. Н.П. Тельнов (справа, на переднем плане) в Египте (2006 г.)

Photo 25. Nicolai P. Telnov (right, front) in Egypt (2006)

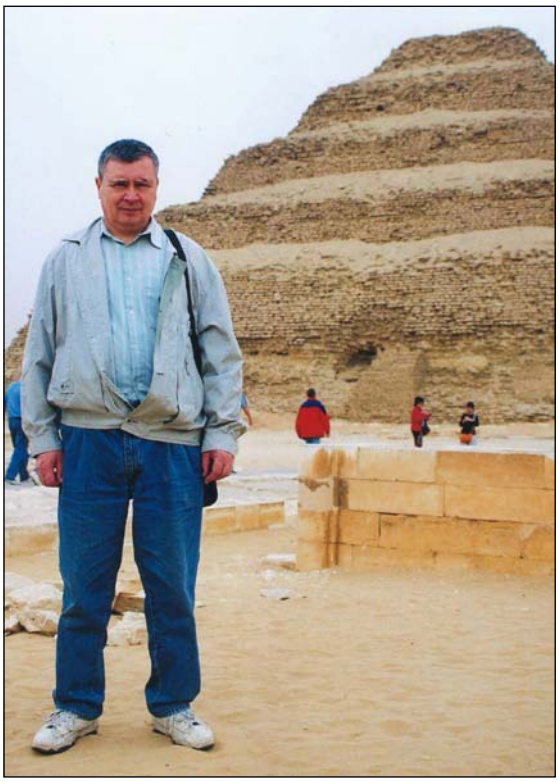

Фото 26. Н.П. Тельнов в Египте (2006 г.)

Photo 26. Nicolai P. Telnovin Egypt (2006)

Фото 27. Н.П. Тельнов (стоит, крайний слева) на раскопках скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района (2007 г.)

Photo 27. Nicolai P. Telnov (standing, left) on a Scythian burial ground at Glinoe village (Slobodzeya district, 2007)

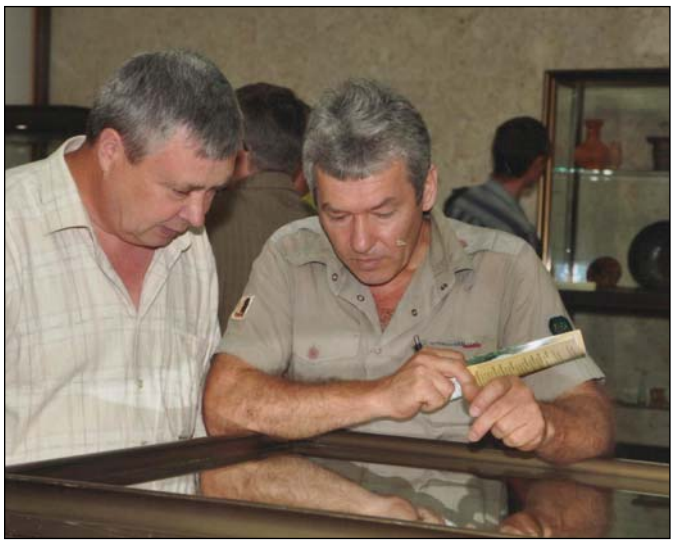

Фото 28. Н.П. Тельнов (слева) и А.Н. Левинский у витрины Национального Музея истории РМ (2009 г.)

Photo 28. Nicolai P. Telnov (left) and A.N. Levinski at a display in the Moldovan National Museum of History (2009)

Фото 29. Фотография Н.П. Тельнова для буклета Института культурного наследия АН РМ (2009 г.)

Photo 29. Nicolai P. Telnov's photo for a booklet of the Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova (2009)

Фото 30. Н.П. Тельнов (слева), В.С. Синика (в центре) и С.В. Полин в Музее археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (2011 г.)

Photo 30. Nicolai P. Telnov (left), V.S. Sinika (center) and S.V. Polin in the Museum of Archaeology of the Dniester Region, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko (2011)

Фото 31. Е.М. Бобкова (слева) и Н.П. Тельнов на раскопках кургана 1 группы «ДОТ» у с. Глиное в 2013 г. С.Н. Разумов (внизу) зачерчивает погребение

Photo 31. E.M. Bobkova (left) and N.P. Telnov digging barrow 1 of group "DOT" at Glinoe village in 2013. S.N. Razumov (below) is sketching the burial

Фото 32. Н.П. Тельнов в Будапеште (2016 г.)

Photo 32. Nicolai P. Telnov in Budapest (2016)

Фото 33. И. Фодор (слева) и Н.П. Тельнов на научной конференции в Будапеште в 2016 г.

Photo 33. I. Fodor (left) and Nicolai P. Telnov at a scientific conference in Budapest (2016)

Фото 34. М.В. Цыбин (слева) и Н.П. Тельнов в Будапеште (2016 г.)

Photo 34. M.V. Tcybin (left) and Nicolai P. Telnovin Budapest (2016)

Фото 35. Н.П. Тельнов (слева) и И. Эрдели на научной конференции в Будапеште в 2016 г.

Photo 35. Nicolai P. Telnov (left) and I. Erdely at a scientific conference in Budapest (2016)

Фото 36. В.С. Синика (слева) и Н.П. Тельнов на раскопках кургана 5 группы «Водовод» у с. Глиное в 2016 г.

Photo 36. V.S. Sinika (left) and N.P. Telnov digging barrow 5 of "Vodovod" group at Glinoe in 2016

Фото 37. Н.П. Тельнов (слева), В.С. Синика (в центре) и И.А. Четвериков на раскопках кургана 5 группы «Водовод» у с. Глиное в 2016 г.

Photo 37. N.P. Telnov (left), V.S. Sinika (center) and I.A. Chetverikov digging barrow 5 of "Vodovod" group at Glinoe in 2016

Фото 38. В.С. Синика (слева) и Н.П. Тельнов снимают грунт над камерой захоронения ингульской катакомбной культуры в кургане 2 группы «ДОТ» в 2016 г.

Photo 38. V.S. Sinika (left) and N.P. Telnov removing the earth above the burial chamber of the Ingul catacomb culture in barrow 2 of "DOT" group in 2016

Фото 39. На раскопках скифских курганов у с. Глиное в 2017 г. Слева направо — А.В. Гуцул, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, С.А. Фидельский, С.О. Симоненко, В.С. Синика

Photo 39. Excavations on Scythian barrows at Glinoe village (2017). Left to right: A.V. Gutul, S.D. Lysenko, Nicolai P. Telnov, S.N. Razumov, S.A. Fidelski, S.O. Simonenko, V.S. Sinika

Эпоха палеометалла

Palaeometal Age

Э. В. Овчинников

Исследования трипольского поселения Русановцы в Верхнем Побужье в 2010—2012 гг.

Keywords: Cucuteni-Trypillia, Upper Southern Bug region, ground structure, painted ceramics, flint tools

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, Верхнее Побужье, наземная постройка, расписная керамика, орудия из кремня

E. V. Ovchinnikov

Research of the Trypillia Settlement Rusanovtsy in the Upper Southern Bug River in 2010—2012

In 2010—2012, excavations were carried out at the Trypillia settlement of Rusanovtsy 1, located in the upper reaches of the Upper Southern Bug River. The remains of three ground structures, which could have one and two chambers were studied. The living quarters were located at the level of the lower tier, as indicated by details of the interior — hearths and permanently installed pithos. Among the finds, ceramics with bichromic paintings predominate — a pattern made with dark brown paint, supplemented with white edging or small patterns. Products made from flint from local Bug or imported Volhynian raw materials were manufactured directly at the settlement. The settlement belongs to post-Zaleshchiki sites and dates to the beginning of stage BII.

Э. В. Овчинников

Исследования трипольского поселения Русановцы в Верхнем Побужье в 2010—2012 гг.

В 2010—2012 годах на трипольском поселении Русановцы 1, расположенном в Верхнем Побужье, были проведены раскопки. Изучены остатки трех наземных построек, которые могли быть одно- и двухкамерными. Жилые помещения располагались на уровне нижнего яруса, на что указывают детали интерьера — очаги и стационарно установленные пифосы. Среди находок преобладает керамика с бихромной росписью — рисунок, выполненный темно-коричневой краской, дополнен белыми окантовкой или мелкими узорами. Изделия из кремня из местного бужского или привозного волынского сырья изготавливались непосредственно на поселении. Поселение относится к постзалещицким памятникам и датируется началом этапа Триполье BII.

Несмотря на огромный объем информации, который мы имеем относительно культурного комплекса Кукутень-Триполье, нужно признать, что накопление данных идет очень неравномерно. Так, например, феномен трипольских поселений-гигантов, открытие которых стало поворотным моментом в исследованиях Триполья, привлекает все более и более значительные силы ученого сообщества (исследования международных экспедиций 2009—2016 годов на Украине). В то же время, существуют группы памятников, которые находятся на периферии научных интересов и еще ждут своего исследователя.

Одним из таких регионов на сегодняшний день является Верхнее Побужье. Информация из известных здесь пунктов дает достаточно широкие временные рамки проживания раннеземледельческого населения. Не полностью выяснены и вопросы принадлежности поселений тем или иным локально-хронологическим вариантам культурного комплекса. Тем не менее, местоположение трипольских пунктов относительно всего ареала распространения Кукутень-Триполья вызывает немалый интерес. Географически регион является одновременно северной окраиной ареала распространения Триполья (для среднего и начала позднего этапов), и в то же время — предполагаемой контактной зоной, через которую проходили пути распространения высококачественного волынского кремня в Буго-Днепровское междуречье и в Среднее Поднепровье.

Оценка возможностей решения этих вопросов стала первоочередной задачей в начале исследований региона. Разведки и раскопки были сосредоточены в округе пгт. Меджибож Хмельницкой области. Основные работы проводились на поселении Русановцы 1, которое находится на восточной окраине одноименного села Летичевского района Хмельницкой области.

Памятник был открыт в 1950-х гг. В. К. Пясецким (Пясецкий 2007: 101—102), в научный оборот информация о поселении была введена М. И. Ягодзинским (Ягодзинский 1971: 35—37). В 1990—2000-х гг. обследования этой территории проводили экспедиции об-

© Э. В. Овчинников, 2018.

Рис. 1. Русановцы 1. Общий вид памятника (фото автора).

Fig. 1. Rusanovtsy 1. General view of the settlement (photo by the author).

ластного краеведческого музея и общественной организации «Меджибож-2000» (Демидко 1995; 2007: 65). В 2010—2012 гг. стационарные раскопки проводила Меджибожская трипольская экспедиция Института археологии НАН Украины (начальник Э. В. Овчинников). В разное время в работе экспедиции принимали участие Е. В. Пичкур, А. В. Паникарский, А. В. Шиянова, члены туристско-краеведческих кружков Международного центра детско-юношеского туризма г. Киева (руководители С. Г. Выклюк, О. В. Лиховид) и студенты-практиканты исторического факультета Уманского государственного педагогического университета им. П. Тычины (руководители А. В. Кукуруза, В. В. Карпенко, К. В. Диденко). Инициатором и активным участником исследований стала администрация Государственного историко-культурного заповедника «Межибиж» в лице его директора О. Г. Погорельца. Результаты работы экспедиции уже частично освещались в публикациях (Овчинников, Погорілець 2011а; 2011б; Овчинников, Погорілець, Панікарський 2012; Овчинников, Шиянова 2012; Ovchinnikov 2013; Овчинников, Погорілець, Пічкур 2013).

Памятник, на территории которого находятся трипольское и древнерусское поселения, курганный могильник предположительно эпохи поздней бронзы и грунтовый могильник литовского (?) времени, расположен на мысовидном выступе плато левого берега Южного Буга. Мыс своей оконечностью выступает на восток, где река делает резкий поворот, и ограничивается с юга и востока руслом Южного Буга, а с севера — впадающей в него малой речкой Бездна. Площадь памятника составляет 25 га, высота над уровнем воды 10—26 м (рис. 1).

Планировка трипольского поселения предположительно круговая, хотя, по сути, этот вопрос на сегодня остаётся открытым. Разведка объектов проводилась путём закладки шурфов по обеим сторонам мыса вдоль всей предполагаемой линии наземных жилищ. Древняя дневная поверхность была выявлена нами на глубине 0,20—0,30 м по скоплениям керамического материала, костей, единичным кремнёвым изделиям, лежащим *in situ*. Однако поиск наземных построек в большинстве случаев положительных результатов не дал. Были обнаружены только три наземные постройки, которые располагались на южной стороне мыса на достаточно большом расстоянии друг от друга. Две из них очень плохо сохранились — одна представляла собой скопление рассеянных, в основном мелких кусков обмазки, вторая была сильно повреждена пахотой. Можно предположить, что отсутствие традиционных для трипольских поселков «площадок» объясняется либо слабым обжигом глинобитных конструкций, который приводил к образованию таких объектов, либо распашкой, уничтожившей скопления строительных остатков. Вполне вероятно, что здесь сыграли свою роль оба фактора.

Необходимо добавить, что достаточно крупные обломки трипольской обмазки (фрагменты т. н. «плиток» толщиной иногда до 10 см) были найдены в центральной части мыса на курганах. Впервые это было отмечено ещё М. И. Ягодзинским (Ягодзинский 1971: 35—37). Подобное наблюдение сделали и мы. Вероятность того, что строители курганов при возведении своих погребальных сооружений почти полностью использовали остатки домов со всего трипольского поселения, кажется малореальной. В то же время не исключено, что какая-то часть строительного материала энеолитического времени была задействована в этом процессе.

Наземные жилища исследовались на южной стороне мыса в 2010 г. («площадка» №1) и 2012 г. («площадки» №2, 3). Поверхность участка имеет небольшой уклон — около 3—5° — по направлению к берегу реки. Строительные остатки залегают соответственно этому наклону и распределяются довольно равномерным слоем на глубине 0,20—0,35 м. Раскопаны однокамерные и двухкамерные по-

Рис. 2. Русановцы 1. Наземная постройка № 1, вид с юго-востока (фото автора).

Fig. 2. Rusanovtsy 1. Ground construction no. 1, view from the south-east (photo by the author).

стройки; двухкамерная постройка имеет вытянутую форму и ориентирована по длинной оси в сторону реки. Входами жилища выходили, вероятно, также на реку. С противоположной стороны домов концентрировались скопления бытового мусора.

Жилище № 1 имело общие размеры приблизительно 4,2 × 4 м (рис. 2). Форма расчищенного массива обожжённой глиняной обмазки в плане не имеет каких-либо правильных очертаний. Сплошное залегание обмазки прослеживается в юго-западном секторе и составляет около половины площади объекта. Вторая половина имеет вид отдельных скоплений или разрозненных обломков. Поскольку здесь не было обнаружено следов пахоты, которая могла бы разрушить трипольскую «площадку», то вернее было бы предположить, что обжиг конструкций был неравномерным и часто низкотемпературным, т. е. таким, который не приводил к появлению мощных скоплений обожжённой глины.

По-видимому, слабый обжиг «площадки» обусловил и отсутствие хоть каких-то участков, где можно было бы проследить последовательную укладку строительных конструкций на деревянный каркас постройки. Не удалось зафиксировать и направление, в котором настилались деревянные плахи при устройстве чердачного помещения. Последнее, безусловно, должно было существовать в конструкции этого дома. Отсутствовали и какие-либо узнаваемые элементы интерьера, как-то: остатки вымосток, ёмкостей для хранения, отопительных сооружений и т. п.

Очень ограниченную информацию можно получить из характеристики образцов строительных материалов, полученных при разборке «площадки». Большую часть массива составляли фрагменты из ожелезнённой глины (суглинка?) с небольшой примесью половы злаков, толщиной от 2 см до 7—8 см. Часть из них имела отпечатки древесины с одной стороны. Имеются и более уплощённые фрагменты толщиной 5—6 см из такой же массы, но уже более плотные, с меньшим содержанием половы. Последние могут быть с заглаженным скруглённым краем, некоторые имеют трапециевидную форму в разрезе.

Ещё один вариант состава обмазки — «белоглиняная» (каолинит?) однородная масса (60%) с вкраплениями ожелезнённой глины (40%), без растительных примесей. Толщина фрагментов составляет 4—6 см. Способ укладки, при котором получался подобный строительный материал, вероятнее всего, был следующим: слой подсушенного и подроб-

Рис. 3. Русановцы 1. Наземная постройка №1, вкопанный в пол сосуд-«пифос» (фото автора).

Fig. 3. Rusanovtsy 1. Ground structure no.1, 'pithos' dug into the floor (photo by the author).

ленного до состояния крошки «красноглинистого» материала равномерно распределялся по плоской поверхности, а затем заливался полужидким «белоглиняным» раствором.

Образцы из чистой «белой» глины, но имевшие при этом примесь половы, толщиной около 2,0—2,5 см, относились, видимо, к внутренней отделке помещений. Один из фрагментов имел следы ошлакования.

Таким образом, о планировке постройки и особенностях её конструкции можно сказать очень немногое. Дополнительная информация была получена по косвенным данным, которые касались распределения домашней утвари и некоторых деталей, не входящих в основную конструкцию здания. Одной из таких деталей была вымостка из местного песчаника, которая выступала за периметр завала обмазки, фиксируя, по-видимому, вход в постройку. В пользу этого предположения говорит и направленность вымостки в сторону реки, что вполне могло быть обусловлено повседневными нуждами жителей этого дома.

Рядом с каменной вымосткой, но уже под завалом обмазки, был обнаружен развал большого тарного сосуда-«пифоса», который хотя и растрескался и был раздавлен, вероятно, под весом грунта, но при этом сохранил свою первоначальную форму (рис. 3). Его размеры: высота 63,5 см, диаметр венчика 43 см, диаметр плечиков 56 см, диаметр дна 16,3 см. Объём сосуда составлял около 60—70 л. 14 маленьких налепных ручек, расположенных четырьмя горизонтальными рядами, выступали на 2,2 см над поверхностью стенок (рис. 4).

В Триполье известны толстостенные «пифосы», которые предназначались для хранения сухих продуктов. Они монтировались на месте, как традиционная деталь интерьера, из материалов, использующихся в строительстве. В отличие от них, «пифос» из Русановцев 1 был изготовлен на стороне, обожжён в окислительном режиме, перенесён в жилище и стационарно установлен — вкопан по плечики возле входа. Именно это обусловило его почти полную сохранность. Форму помогло сохранить и то обстоятельство, что на момент гибели постройки сосуд был заполнен чистым грунтом без каких-либо видимых включений. Обожжённая в результате пожара обмазка здания присыпала лишь его верхнюю часть, а стоящие *in situ* вертикально фрагменты венчика даже немного выступали над завалом «площадки».

Достаточно плотная керамическая масса, большой объем, широкое горло, следы уплотнения и ангобирования внутри говорят о назначении сосуда как о ёмкости для воды или жидких продуктов. А грубая обработка внешней поверхности, отсутствие декора, узкое неустойчивое дно наталкивают на мысль о том, что использование «пифоса» именно во вкопанном состоянии подразумевалось изначально.

Именно это положение «пифоса» относительно обожжённой обмазки помогло окончательно пролить свет на обустройство дома — постройка была одноэтажной, имела чердак, отделённый от нижнего помещения перекрытием из деревянного настила с глинобитной двухслойной обмазкой. В основном помещении с земляным полом возле входа была установлена ёмкость для воды (?). Тут же была обустроена каменная вымостка, выходящая за пределы жилой части дома.

Ещё несколько развалов керамической посуды были найдены под завалами обмазки. Кроме керамики, в постройке были найдены несколько орудий из кремня и других пород камня, среди которых выделяется шлифованный топор из волынского кремня.

В 2 м от предполагаемого входа был обнаружен развал расписного сосуда, который, вероятно, был специально установлен целым за пределами жилища (найдено около 2/3 всей формы). Это может быть связано с одним из ритуалов, входящих в церемонию оставления дома.

Скопление обломков керамики и костей за противоположной от входа торцевой стеной фиксирует, видимо, место для выброса бытового мусора.

Жилище №2 было обнаружено в 30 м на восток от «площадки» №1. Оно представляло собой бесформенное пятно очень мелких фрагментов обмазки, рассеянных на площади приблизительно 6×4 м. Глубина залегания 0,25—0,40 м. Среди строительных материалов присутствуют образцы обмазки с очень небольшим содержанием половы. Они могут быть как из светлоглиняной, так и из ожелезнённой массы; обнаружены смеси и из обоих сортов глины.

Образцы «плитчатой» обмазки толщиной 1,5—2,0 см имеют светлоглиняную вяжущую основу, после обжига приобретавшую желтовато-бежевый цвет, в которой различимы вкрапления «красноглиняной» крошки. Последняя составляет около 10—20% остатков от общей массы «плитки».

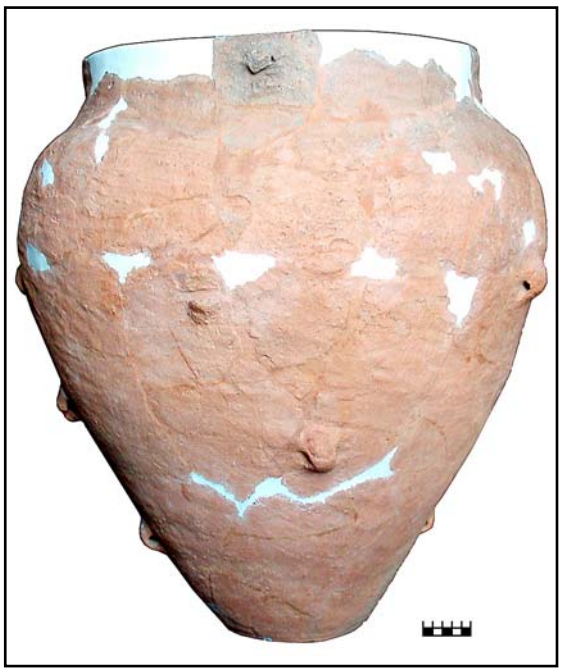

Рис. 4. Русановцы 1. «Пифос» после реставрации (фото автора).

Fig. 4. Rusanovtsy 1. “Pithos” after restoration (photo by the author).

В пределах пятна рассеянных кусочков обмазки найдены разрозненные фрагменты керамики, несколько необработанных камней и костей животных. За условным периметром постройки было зафиксировано скопление керамики, расположенное аналогично ранее исследованным объектам на «площадке» №1 — с северо-западной, т. е. противоположной от предполагаемого входа стороны.

Жилище №3 в наибольшей степени отвечало современным представлениям о конструкции трипольского дома. Оно было расположено в 115 м на восток от жилища №2, продолжая линию построек поселения вдоль берега реки. Остатки наземной постройки («площадки») залегали сплошным массивом вытянутой формы, который был ориентирован по своей длинной оси в направлении берега реки. Размеры «площадки», составлявшие изначально около 12×5 м, в результате распашки были расширены до 13×5,6 м (рис. 5).

Объект залегал равномерно в одной плоскости на глубине 0,25—0,40 м. Сохранность объекта вряд ли можно назвать удовлетворительной — вспашкой повреждены верхние слои обмазки, в некоторых местах борозды от плуга прорезали «площадку» на всю глубину. Непотревоженной осталась только северо-западная, наиболее удалённая от берега реки часть постройки (рис. 6). Сделан-

Рис. 5. Русановцы 1. Наземная постройка № 3, вид с юга (фото автора).

Fig. 5. Rusanovtsy 1. Ground structure no. 3, view from the south (photo by the author).

ное наблюдение даёт возможность предположить, что перед началом строительства было проведено террасирование участка. В то же время, данные стратиграфии этого не показывают.

«Площадка» обожжена неравномерно, встречаются как слабообожженные участки, на которых обмазка при разрушении дома ссыпалась, образуя бесформенные скопления, так и хорошо обожжённые, в которых строительные материалы сохранили свою изначальную форму, что дало возможность проследить конструкцию постройки. Наиболее высокая температура отмечена в центральной части, где обмазка была обожжена до насыщенного малинового и ярко-оранжевого цветов.

Подавляющее большинство строительных остатков являлись фрагментами обмазки т. н. «платформы» — деревянно-глинобитной конструкции межъярусного (чердачного) перекрытия. Верхний слой «платформы» распался на довольно крупные плитки размерами иногда до 35—30 × 20—15 см. Толщина «плиток» 3,5—5,5 см. Состав строительных растворов — смеси глин «красножгущейся» (ожелезненной) и беловато-жёлтой (каолинитовой?), плохо вымешанные, без половы. Преобладает «красножгущаяся» ожелезненная масса. Оба сорта присутствуют в образцах либо в виде комочков, либо как хаотически распределяющиеся прослойки.

Слой обмазки, непосредственно прилегавший к деревянному каркасу, представлен фрагментами разной толщины — от 4 до 8 см, что зависело от того, насколько ровно были уложены плахи настила «платформы». Размеры в плане могут быть от 30—20 × 15—10 см до совсем малых. Состав образцов разный, присутствуют как смеси «беложгущейся» и «красноглиняной», так и только «красножгущаяся» масса, в которые добавлено немного (до 10%) половы. Вообще, фрагменты нижнего слоя «платформы» очень близки «плиткам» верхнего слоя. Так, в юго-западной части объекта зафиксированы образцы слоя с отпечатками плах и небрежно выровненной верхней стороной. По составу эти фрагменты расслаиваются на крошащийся низ из «красноглиняной» крошки и более плотный «белоглиняный» верх. Это характерно для строительного приёма укладки растворов по типу «стяжки», принципы которой были описаны выше для образцов из жилища № 1. Верхняя сторона выравнивалась очень небрежно, ввиду того, что по верху нанесённого слоя предполагалось наносить ещё один выравнивающий слой — «плитчатый». В районе юго-восточной торцевой стены найдены фрагменты обмазки с утолщением слоя, характерным для стыка «платформы» со стеной.

Отпечатки колотых плах сохранились на нижней стороне фрагментов. Направление волокон древесины поперёк длинной оси здания является следствием укладки плах концами на продольные стены постройки. Этот вполне традиционный для построек разных регионов и хронологических периодов Триполья приём впервые был прослежен в Русановцах 1 именно на «площадке» № 3.

К нижнему ярусу постройки относились три участка с «плитчатой» обмазкой пола и скопление компактно уложенных камней.

Один из вымощенных участков, площадью 1,6 × 1,1 м, был расположен ближе к восточному краю постройки; второй, очень незначительных размеров (около 0,4 × 0,20 м), почти

Рис. 6. Русановцы 1. Наземная постройка №3, вид с северо-запада (фото автора).

Fig. 6. Rusanovtsy 1. Ground structure no. 3, view from the north-west (photo by the author).

вплотную (в 20 см) примыкал к скоплению камней, а третий, размерами 1,9×1,8 м, находился в центральной части «площадки».

Вымощенные глиной участки пола представляли собой обожжённый слой толщиной от 1,5—2,0 см до 4,0—5,0 см, который растрескался на «плитки» с выровненной верхней стороной, размерами от 7×5 см до более мелких. По толщине «плитки» расслаиваются на верхнюю прослойку (1,0—1,5 см) из ожелезненной «красножгущейся» глины и нижнюю (0,5—3,5 см) из светлой каолинитовой глины. Обжиг слоя неравномерный, оттенки цветов изменяются от красно-оранжевого до бурого и от беловато-бежевого до жёлто-серого.

Поверхность вымощенных участков была, видимо, окрашена — на верхней стороне «плиток» различимы остатки бурой краски, которая изначально была темно-красной.

Каких-либо оформленных закраин, бортиков или углублений на вымощенных участках не обнаружено. Помимо того, что поверхность слоя обожжена неравномерно и, возможно, изначально не сохранила такого рода следов, ситуацию усугубило то, что она так же, как и наслоения «платформы», была прорезана бороздами от плуга. Таким образом, с полной уверенностью говорить о существовании в жилище локальных вымосток или о том, что пол был полностью глинобитным, невозможно.

Между вымощенными участками пола располагалось скопление камней — кусков пережжённого гранита уплощённой формы, изначально, вероятно, округло выложенных на площади около 0,8—0,7 м. Очевидно, что, судя по размеру и форме отобранных камней, это скопление входило в конструкцию очага. Под скоплением были обнаружены фрагменты керамики с росписью хорошей сохранности — части, в т. ч. полные профили, кратера, кубка и биноклевидного сосуда. Такой специально отобранный комплект под вымосткой из камня нужно связывать, по-видимому, с принесением жертвы во время отправления какого-то ритуала, связанного с культом дома/очага.

Расположение отопительного сооружения на условной линии, отделяющей одну треть площади постройки с входом, ориентированным на берег реки, возможно, маркирует границу, разделяющую жилое и хозяйственное привходное помещения. Подобная планировка жилищ имеет широкие аналогии в трипольском домостроительстве, где одну треть постройки занимают т. н. «сени», а две трети — жилое помещение с печью и другими деталями интерьера. Близость очага к северо-

восточной стене жилого помещения постройки № 3 из Русановцев, т. е. справа от предполагаемого входа, также широко известно, в том числе и по трипольским моделям жилищ.

Таким образом, предположительно, постройка была одноэтажной, с чердачным перекрытием. Нижний ярус был разделён на две части — входную хозяйственную и жилую. Пол помещений нижнего яруса был, полностью или частично, глинобитным. В жилом помещении справа от входа — на традиционном для трипольских жилищ месте — располагался открытый очаг.

Какая-либо ещё дополнительная уточняющая информация о планировке или внутренней обстановке дома отсутствует. Отметим лишь фрагменты большого толстостенного сосуда, выявленные в непосредственной близости от предполагаемого входа в жилище. Это очень незначительная часть развала «пифоса», по-видимому, аналогичного найденному в жилище № 1. С противоположной от входа стороны было зафиксировано углубление со скоплением керамики. Здесь, за тыльной торцевой стеной дома, как и в выше описанных постройках, но уже в яме, был устроен мусоросборник.

Керамический комплекс из Русановцев 1 представлен тремя технологическими группами посуды: расписная, кухонная и серолощеная (рис. 7—11).

I группа (расписная посуда) преобладает во всех объектах и составляет от 87% до 98% в разных комплексах. Это керамика из ожелезненной «красножгущейся» глины с естественным содержанием пылевидного песка, иногда со слюдой. В гончарном тесте встречаются единичные зерна железистых стяжек («кровавик»), кварца, мелкие вкрапления кальцита, очень редко — бело- или красноглиняный шамот. Обжигались сосуды всегда в оксидационном режиме, в результате чего керамика приобретает оранжевый цвет. Обжиг равномерный, в большинстве случаев низкотемпературный — поверхность фрагментов растирается пальцами, на сломе черепка прослеживается зеленовато-серый естественный цвет глины. Изделия были облицованы тонким слоем отмученной глины, который часто отслаивается. На нескольких образцах сохранились следы лощения.

По форме выделяются несколько типов:

— миски полусферической и усечённоконической формы, последние могут быть на кольцевом поддоне (рис. 7);

— грушевидные сосуды с высоким, немного наклонённым внутрь венчиком (рис. 8: 2; 9: 1); один из них имеет характерное двухъярусное плечико (рис. 8: 1);

— сфероконические сосуды с воронковидными венчиками и низко опущенными плечиками (рис. 8: 4);

— биноклевидные сосуды в форме двух цилиндрических трубок с чашевидными раструбами на концах, соединенных перемычками (рис. 8: 5, 6; 9: 6);

— кратеры с широкооткрытыми венчиками, приземистой формы (рис. 9: 3; 10: 1, 2);

— кубки малые и большие с высоким тюльпановидным венчиком и шаровидным туловом (рис. 9: 4; 10: 3, 5, 6);

— крышки шлемовидные с вертикально проколотыми ручками-ушками (рис. 9: 2; 10: 4);

— миниатюрные сосудики, являющиеся копиями больших форм (рис. 10: 7—9).

Сосуды I группы орнаментированы монохромной и бихромной росписью, нанесённой на фоновую окраску-ангоб красновато-оранжевого цвета. Фоновая окраска в редких случаях может быть беловатого цвета. Для основного узора орнаментальной схемы использовалась тёмно-коричневая краска. Белая применялась в виде окантовки основного узора, либо, что встречается реже, заполняла зоны между основным рисунком узорами в виде мелких косых крестов, перекрещивающимися линиями. В единичных случаях белой краской могут быть выполнены отдельные дополнительные элементы в виде овала или широких линий. Только один фрагмент — почти полный профиль кубка из набора, который был найден под очагом, — был украшен, видимо, полихромным рисунком с применением, помимо коричневой и белой, ещё и красной краски (рис. 9: 4).

Орнаментальные схемы образованы узорами в виде лент, состоящих из тонких параллельных линий. Основные мотивы, которые применяются в росписях, — это прямо- или косонаправленные полосы, вертикально расположенные дуги, овалы, свисающие гирлянды-фестоны, спирали-меандры, иногда соединяющиеся дугами-тангентами. Иногда могут использоваться горизонтальные ряды закрашенных скошенных треугольников. В одном случае на горло грушевидного сосуда нанесена Т-образная фигура (рис. 9: 1). Для биноклевидных сосудов характерна т. н. «лицевая» схема (рис. 8: 6, 7).

Отметим также находку двух обломков стенок сосудов с углублённым орнаментом и технико-технологическими характеристиками, близкими расписной посуде. Их, видимо,

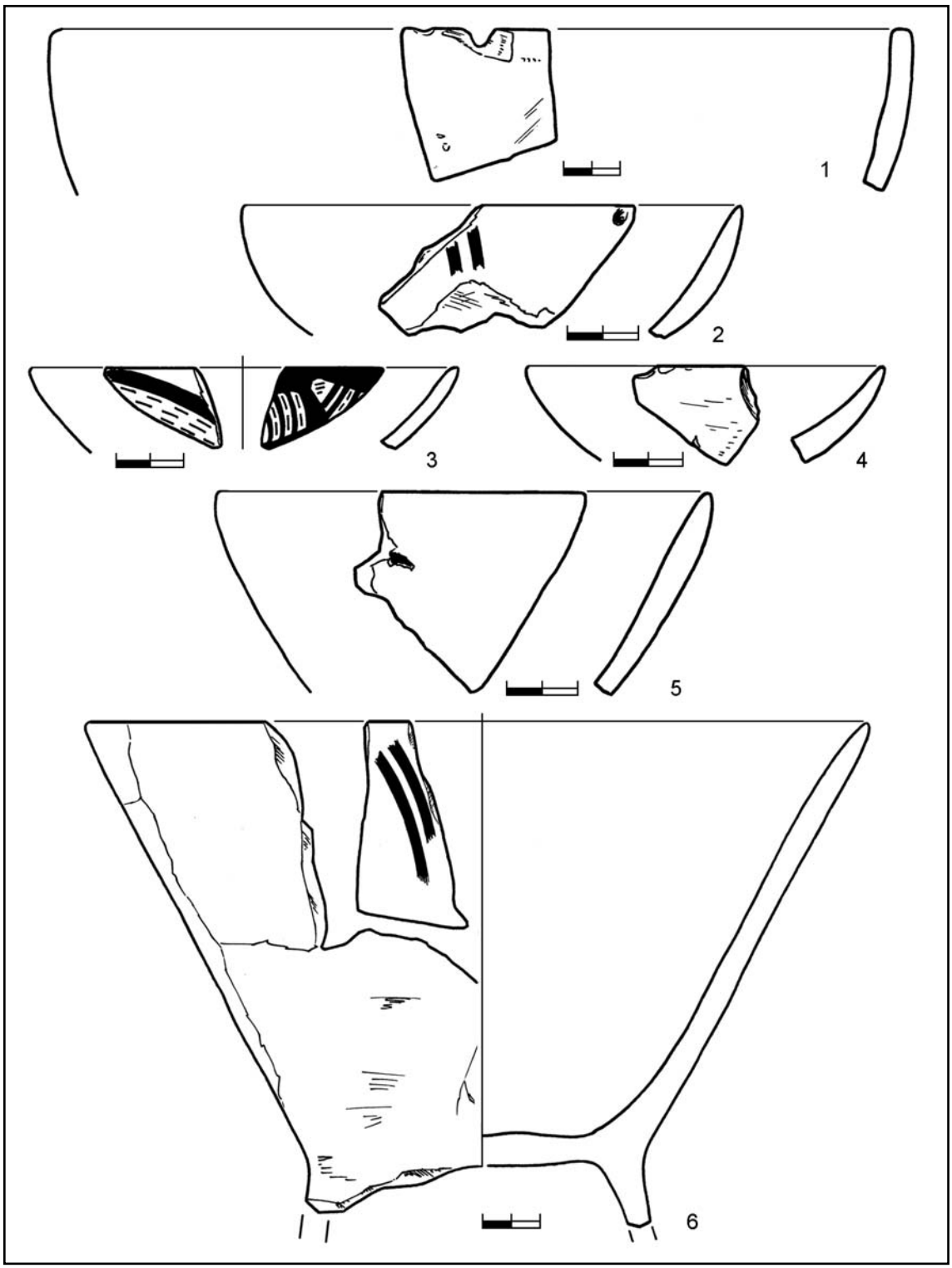

Рис. 7. Русановцы 1. Расписная керамика (рисунки автора).

Fig. 7. Rusanovtsy 1. Painted ceramics (drawings by the author).

нужно рассматривать в рамках I группы как отдельную подгруппу.

II группа (кухонная посуда) составляет от 1,5 до около 10%. Это грубая керамика с большим содержанием отощителя. Для кухонной посуды из Русановцев 1 более характерна крупнозернистая дресва, а традиционная дроблёная раковина речных моллюсков встречена лишь в двух случаях. Основой керамической массы обычно вы-

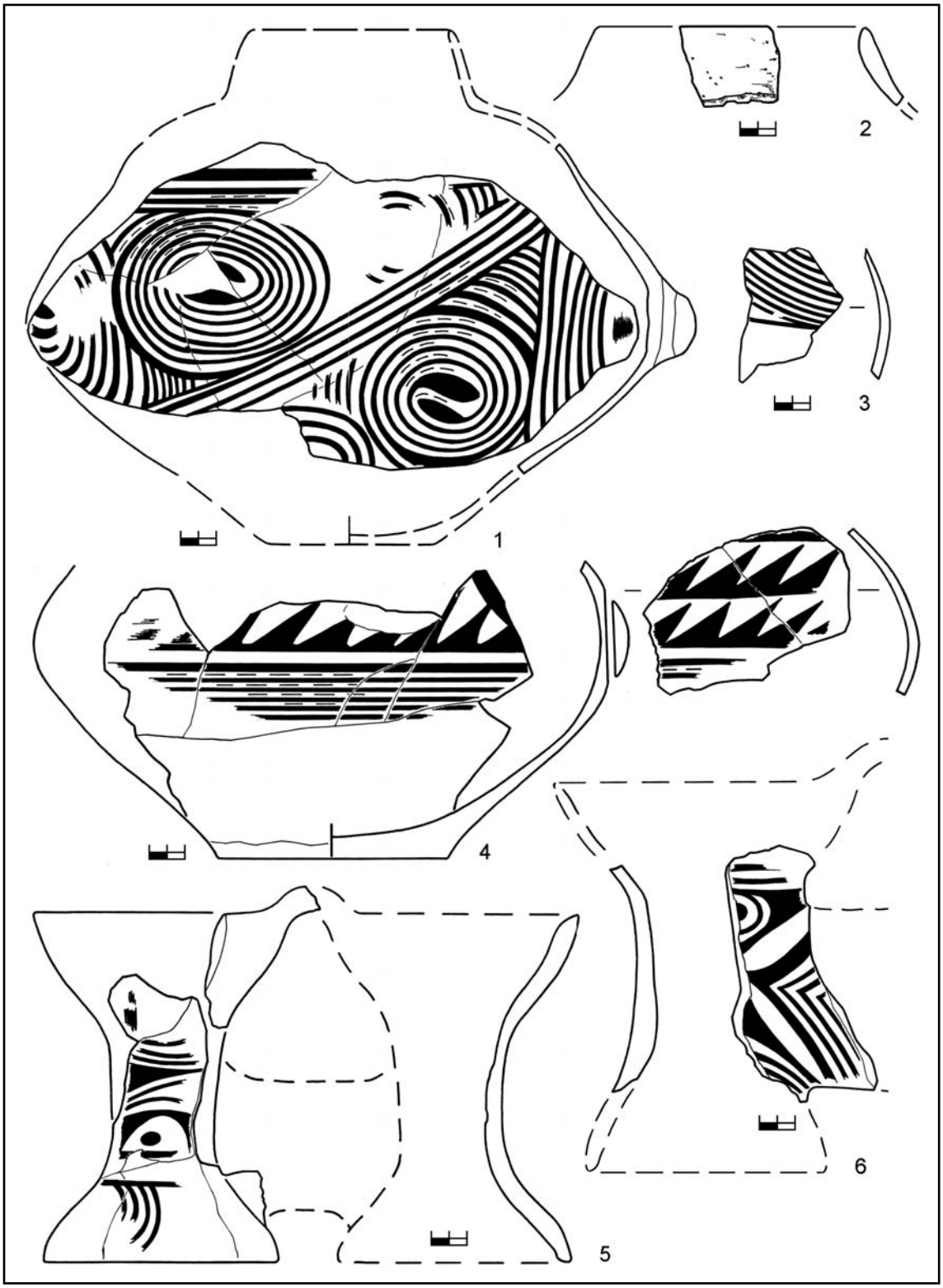

Рис. 8. Русановцы 1. Расписная керамика (рисунки автора).

Fig. 8. Rusanovtsy 1. Painted ceramics (drawings by the author).

ступает ожелезненная глина. Поверхность сосудов, как правило, заглажена и украшена ямками, насечками, парными округлыми уплощёнными выступами над плечиками или выдавленными изнутри «жемчужинами», нанесёнными под краем венчика. Обжиг изделий проходил преимущественно в восстановительном режиме. Форма для

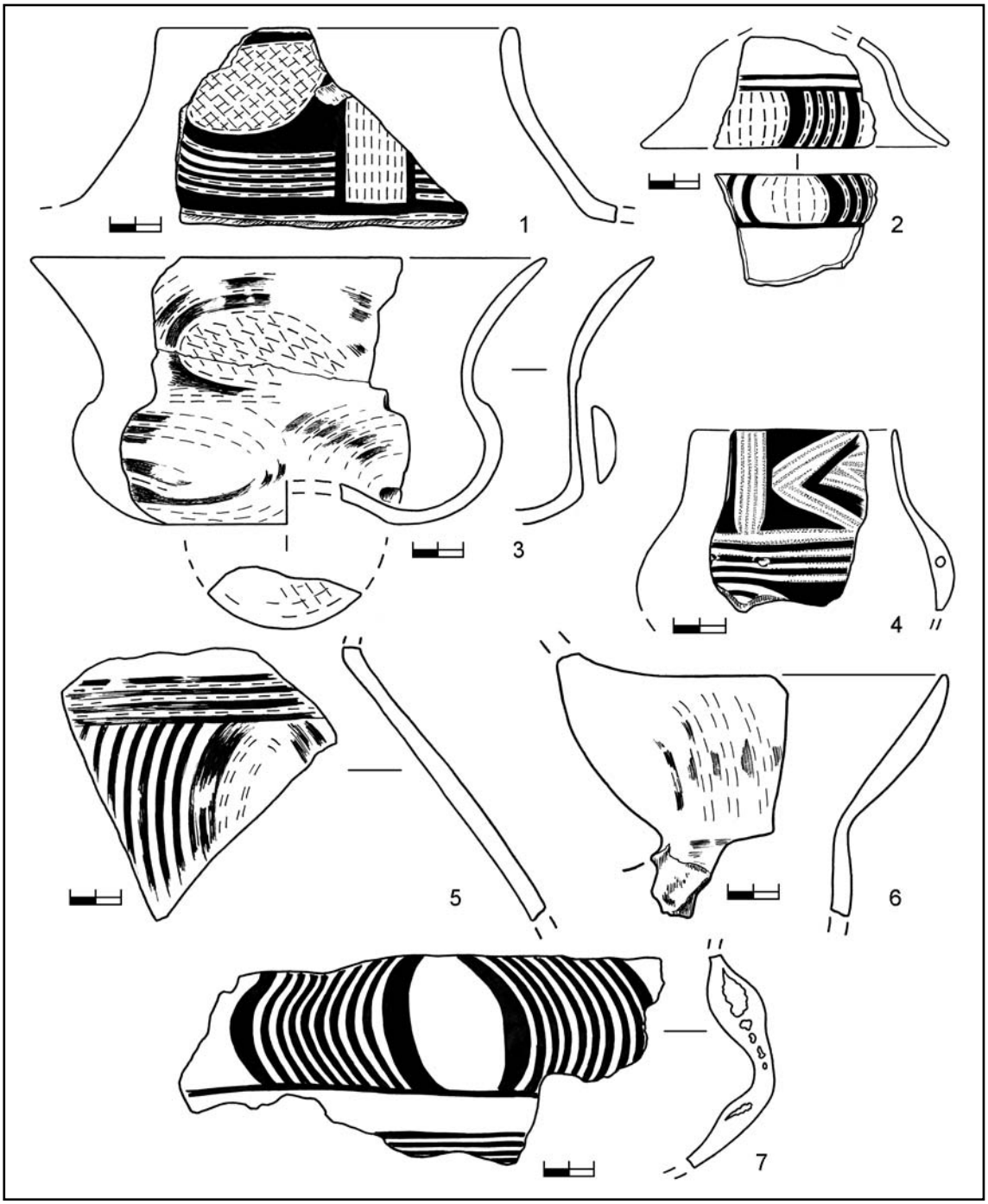

Рис. 9. Русановцы 1. Расписная керамика (рисунки автора).

Fig. 9. Rusanovtsy 1. Painted ceramics (drawings by the author).

этой группы известна только одна — горшки (рис. 11: 1)

III группа (серолощеная посуда) представлена единичными экземплярами, которые составляют не более 1—3% от общего количества керамики. В основе гончарной массы — ожелезненная глина с примесями дресвы, шамота, пылевидного песка с единичными зёрнами кальцита и «кровавика». По форме можно выделить кратеры и горшки. Декор очень сдержанный — под шейкой нанесён один ряд насечек (рис. 10: 10; 11: 2—4).

Нужно отметить, что среди керамических изделий пока не было найдено ни одного предмета, который можно было бы отнести к пластике.

Коллекция инвентаря из камня обработана Е. В. Пичкуром (2010). Находки проис-

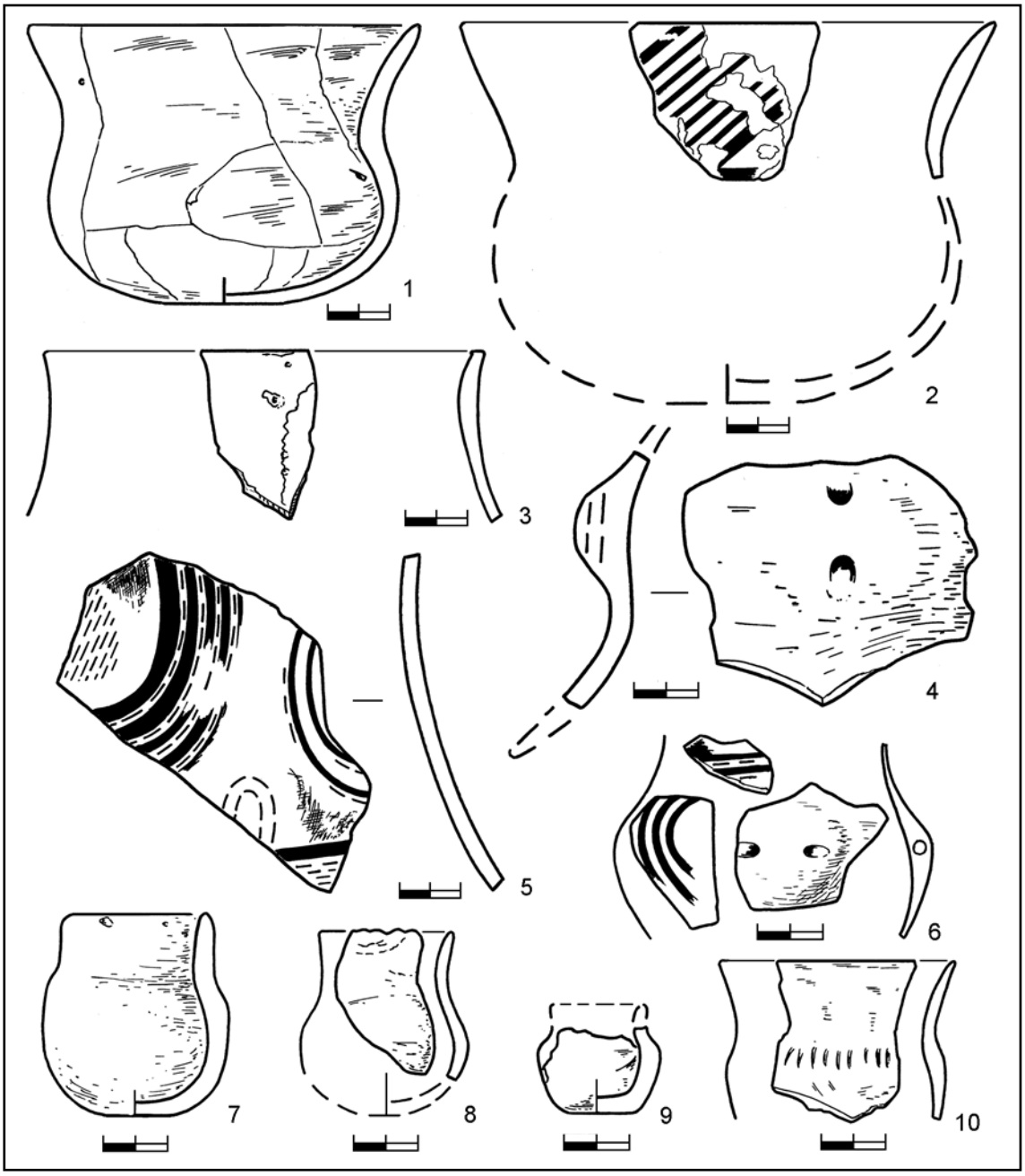

Рис. 10. Русановцы 1. 1—6 — расписная керамика; 7—9 — миниатюрные сосуды; 10 — серолощеная керамика (рисунки автора).

Fig. 10. Rusanovtsy 1. 1—6 — painted ceramics; 7—9 — miniature vessels; 10 — sulfurated ceramics (drawings by the author).

ходят из раскопанных объектов и подъёмного материала. Изделия из некремнёвого сырья представлены сланцевыми топорамитёслами (рис. 12: 2), шаровидным отбойником из кварцита (рис. 12: 4), шлифовальным камнем из песчаника, отщепом из кварца. Кремнёвые орудия и отходы их производства изготовлены как из привозного «волынского», так и из нескольких разновидностей местного «бугского» сырья. К отходам производства отнесены отщепы и пластины без следов использования. Орудия представлены ретушированными отщепами и пластинами, скребками, вкладышами серпов, скобелями, долотовидным изделием, наконечником стрелы подтреугольной формы, шлифованным трапециевидным топором, шаровидными отбойниками (рис. 12: 1, 3; 13). По мнению Е. В. Пичкура, целый ряд технологических признаков даёт возможность предполагать, что процесс

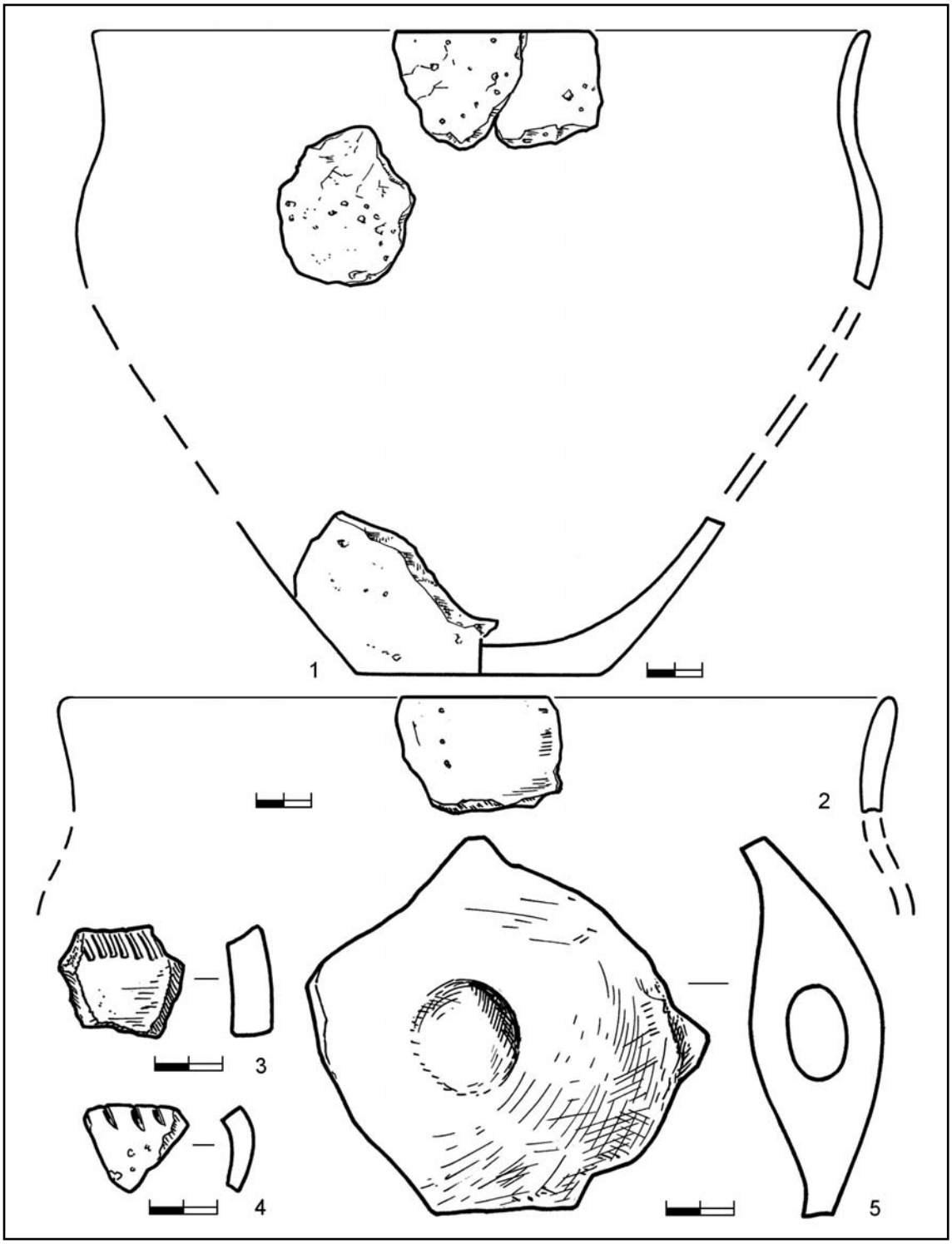

Рис. 11. Русановцы 1. 1 — кухонная керамика; 2—4 — серолощеная керамика; 5 — расписная керамика (рисунки автора).

Fig. 11. Rusanovtsy 1. 1 — kitchen ceramics; 2—4 — sulfurated ceramics; 5 — painted ceramics (drawings by the author).

кремнеобработки проходил непосредственно на поселении.

По имеющимся на сегодня материалам из Русановцев 1 безусловным является их отнесение к «западной» генетической ветви Кукутень-Триполья, характерным признаком которой является преобладание керамики с росписью («западнотрипольская культура»

Рис. 12. Русановцы 1. Орудия: 1, 3 — кремень; 2 — сланец; 4 — кварцит (фото Е.В. Пичкура).

Fig. 12. Rusanovtsy 1.Tools: 1, 3 — flint; 2 — slate; 4 — quartzite (photo by E.V. Pichkur).

по С.Н. Рыжову). Набор форм посуды и бихромные, в основном, росписи, в которых ведущую роль играет узор, выполненный темно-коричневой краской, заставляют искать аналогии в комплексах конца этапа BI—BII и этапа BII.

Территориально близки Русановцам залещицкие поселения, ближайшим из которых являются Крутобородинцы I. Аналогия русановскому «пифосу» известна из залещицкого поселения Бучач (Ситник, Ягодинська 2012: 189, 196, рис. 4: 12). Близкими по времени являются, видимо, и материалы из Брынзен IV, среди которых имеем почти идентичную форму «пифоса», а также расписные сосуды с двухъярусными плечиками (Палагута 2016: 291, 292, рис. 43: 7; 44: 5, 6). Многоярусные сосуды известны на поселениях Дрэгэнешть-Валя Унгурянулуй (Палагута 2016: 308, рис. 63: 4), Траян-Дялул Фынтынилор (верхний горизонт) (Niţu, 1984: fig. 15: 2; 19: 2; 20: 1) и других памятниках среднего Триполья.

В то же время, некоторые формы сосудов, такие как, например, миски на кольцевых поддонах, большее распространение имеют на солонченских памятниках (Виноградова 1983: 44, рис. 11: 1; 15: 12; 17: 1).

Традиция окантовки монохромного рисунка белыми тонкими линиями — именно этот стиль наиболее характерен для керамики из Русановцев 1 — идёт из поднестровских памятников залещицкой и солонченской групп и имеет продолжение в среднебугских комплексах типа Ворошиловки. Непосредственно в Верхнем Побужье известно пока что лишь одно поселение с близкими Русановцам материалами — Тершивцы в басейне Бужка, которое датируется началом этапа BII. Здесь также преобладает керамика с монохромным рисунком, обрамлённым белыми тонкими линиями, и полностью отсутствует углублённый орнамент. Формы сосудов из Русановцев и Терешивцев близки: они приземистые, округлобокие, некоторые имеют кольцевые поддоны (Гусев 1995: 146—148). Ещё одним пунктом с аналогичной керамикой является Меджибож-Пристань, расположенный также на Бужке ближе к его впадению в Южный Буг (Овчинников, Погорілець 2011: 10).

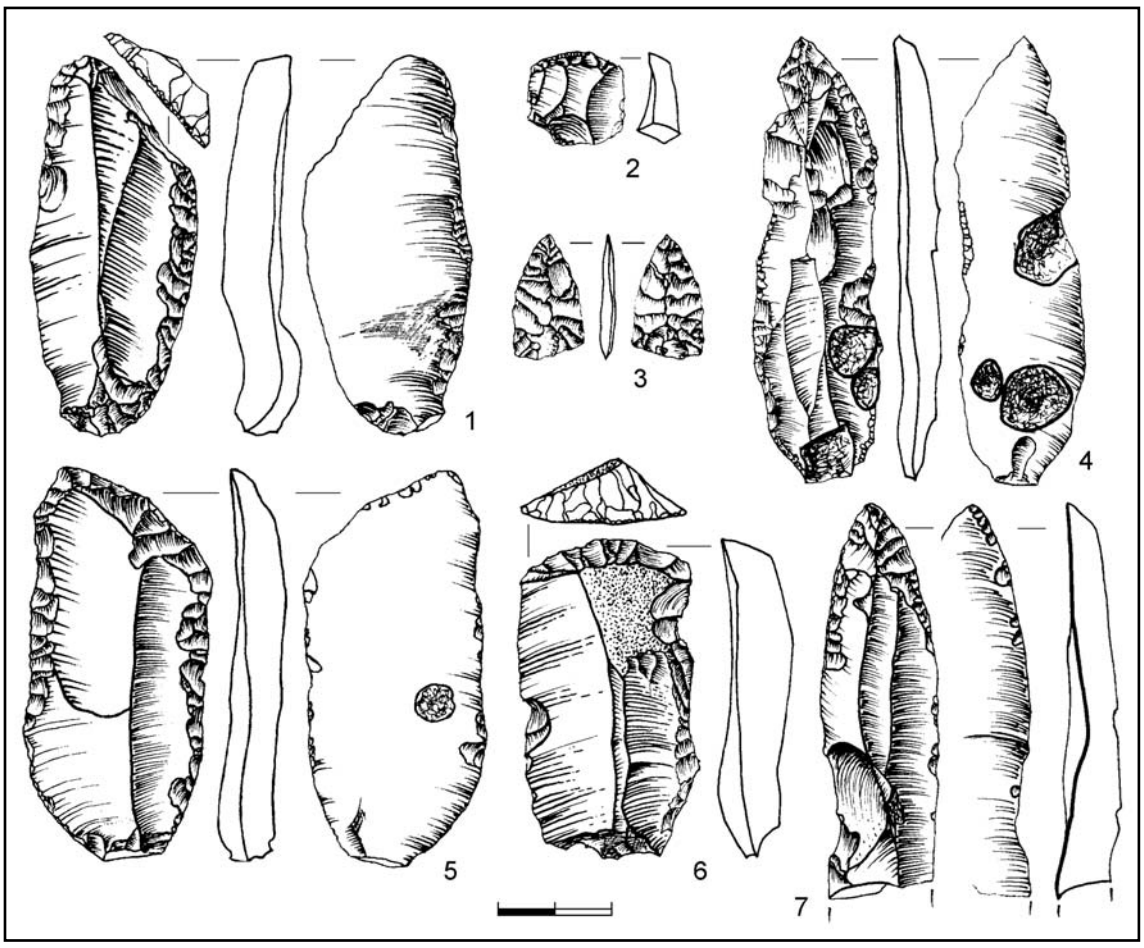

Рис. 13. Русановцы 1. Изделия из кремня: 1, 2, 5, 6 — скребки; 3 — наконечник стрелы; 4, 7 — ретушированные пластины (рисунок и определения Е.В. Пичкура).

Fig. 13. Rusanovtsy 1. Flint artifacts: 1, 2, 5, 6 — scrapers; 3 — arrowhead; 4, 7 — retouched plates (picture and definitions by E.V. Pichkur).

Таким образом, можно датировать поселение Русановцы 1 началом этапа BII и отнести его к памятникам постзалещицкого типа. В дальнейшем с получением большего количества данных можно будет более уверенно говорить о существовании в Верхнем Побужье отдельной группы поселений, которая имела продолжение в памятниках среднебужского локального варианта Триполья.

Литература

Виноградова Н.М. 1983. *Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты)*. Кишинёв: Штиинца.

Гусєв С.О. 1995. *Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV—III тис. до н.е.* Вінниця: Антекс-УЛТД.

Демидко С.Ю. 1995. *Отчёт об исследованиях Хмельницкой охранной археологической экспедиции в 1995 году.* НА ИА НАНУ. Фонд эксп., №1995/89.

Демидко С.Ю. 2007. Меджибізький археологічний мікрорегіон (звод пам'яток). В: Баженов Л.В., Брицька О.М., Баженова С.Е. (ред.). *Літопис Хмельниччини-2007: краєзнавчий збірник*. Хмельницький: ХОКМ, 62—73.

Овчинников Е.В., Погорілець О.Г. 2011а. Дослідження Меджибізької трипільської експедиції. В: Травінський В.С. (відп. ред.). *Археологія та фортифікація Середнього Подністров'я*. Всеукр. наук.-практ. конф. на честь 10-річчя створення відділу старожитностей Кам'янець-Подільського держ. іст. музею-заповід. Зб. мат. Кам'янець-Подільський: ПП «Медобори-2006», 6—11.

Овчинников Е.В., Погорілець О.Г. 2011б. Дослідження на трипільському поселенні Русанівці у Верхньому Побужжі. *АДУ 2010 р.*, 251—252.

Овчинников Е.В., Погорілець О.Г., Панікарський А.В. 2012. Дослідження Меджибізької трипільської експедиції. *АДУ 2011 р.*, 455—457.

Овчинников Е.В., Шиянова Г.В. 2012. «Піфос» із трипільського поселення Русанівці 1: від вияв-

лення до експонування. В: Погорілець О.Г. та ін. (ред.). *Стародавній Меджибіж в історико-культурній спадщині України*. Ч. 1. Меджибіж; Хмельницький: ПП Мельник А.А., 131—136.

Овчинников Е.В., Погорілець О.Г., Пічкур Є.В. 2013. Дослідження Меджибізької трипільської експедиції. *АДУ 2011 р.*, 353—354.

Палагута И.В. 2016. *Трипольская культура в начале развитого периода (В I): Относительная хронология и локальные варианты памятников.* Киев: Видавець Олег Філюк.

Пічкур Є.В. 2010. Додаток 1. Кам'яний інвентар з поселення Русанівці 1. В: Овчинников Е.В., Погорілець О.Г. *Звіт про дослідження на трипільських поселеннях в околицях Меджибожа 2010 року.* НА ИА НАНУ. Фонд эксп., №2010/78, 13—18.

Пясецкий В.К. 2007. Каталог древних поселений, стоянок и местонахождений. Хмельницкая область. В: Баженов Л.В., Брицька О.М., Баженова С.Е. (ред.). *Літопис Хмельниччини-2007: краєзнавчий збірник*. Хмельницький: ХОКМ, 101—110.

Ситник О.С., Ягодинська М.О. 2012. Охоронні розкопки трипільського та слов'янського поселень в Бучачі. В: Отрощенко В.В. и др. (ред.). *Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы.* Киев: ИА НАНУ; Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 187—201.

Ягодзінський М.Й. 1971. *Звіт про археологічні розвідки в межах Хмельницької обл., проведених протягом 1958—1971 рр.* НА ИА НАНУ. Фонд эксп., №1971/52.

Niţu A. 1984. *Formarea şi clasificarea grupelor de stil AB şi B ale ceramicii pictate Cucuteni-Tripolie.* Iaşi: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Ovchinnikov E.V. 2013. Vasele de provizii în clasificarea ceramicii Cucuteni-Tripolie. În: *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelo*r V. Chişinău: Profesional Service, 29.

References

Vinogradova, N.M. 1983. *Plemena Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v period rastsveta tripol'skoi kul'tury (periodizatsiia, khronologiia, lokal'nye varianty) (The Tribes in the Dniester-Prut Region at the Rise of the Tripolyan Culture: Periodisation, Chronology, Local Variants).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Husyev, S.O. 1995. *Trypil's'ka kul'tura Seredn'oho Pobuzhzhya rubezhu IV—III tys. do n.e. (Tripolyan Culture of the Middle Bug Region on the Turn of IV—III Millennia BC).* Vinnytsya: "Anteks-ULTD" Publ. (in Ukrainian).

Demidko, S. Yu. 1995. *Otchet ob issledovaniiakh Khmel'nitskoi okhrannoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1995 godu (Report on Studies of the Khmelnytsky Rescue Archaeological Expedition in 1995).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund of Expeditions, no. 1995/89 (in Russian).

Demydko, S. Yu. 2007. In Bazhenov, L.V., Bryts'ka, O.M., Bazhenova, S.E. (eds.). *Litopys Khmel'nychchyny-2007: krayeznavchyj zbirnyk (Khmelnytsky Chronicle for 2007: Collected Papers of Local Studies).* Khmelnytskyi: Khmelnytskyi Regional Museum of Local Studies, 62—73 (in Ukrainian).

Ovchinnikov, E.V., Pohorilets, O.H. 2011. In Travins'kyj, V.S. (ed.). *Arkheolohiya ta fortyfikatsiya Seredn'oho Podnistrov'ya (Archaeology and Fortification in the Middle Dniester Basin).* Kam'yanets'-Podil's'kyj: "Medobory-2006" Publ., 6—11 (in Ukrainian).

Ovchinnikov, E.V., Pohorilets, O.H. 2011. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2010 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2010)*, 251—252 (in Ukrainian).

Ovchinnikov, E.V., Pohorilets, O.H., Panikars'kyj, A.V. 2012. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2011 r. (Archaeological Investigations in Ukraine)*, 455—457 (in Ukrainian).

Ovchinnikov, E.V., Shyyanova, H.V. 2012. In Pohorilets, O.H., et al. (eds.). *Starodavnij Medzhybizh v istoryko-kul'turnij spadshchyni Ukraïny (Ancient Medzhybizh Town in the Historical and Cultural Heritage of Ukraine)* 1. Medzhybizh; Khmelnytskyi: "PP Mel'nyk A.A." Publ., 131—136 (in Ukrainian).

Ovchinnikov, E.V., Pohorilets, O.H., Pichkur, Ye.V. 2013. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2011 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2011)*, 353—354 (in Ukrainian).

Palaguta, I.V. 2016. *Tripol'skaia kul'tura v nachale razvitogo perioda (B I): Otnositel'naia khronologiia i lokal'nye varianty pamiatnikov (The Tripillia Culture in the Early Middle Period (B1): Relative Chronology and Local Variants of Sites).* Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).

Pichkur, Ye.V. 2010. In Ovchinnikov, E.V., Pohorilets, O.H. *Zvit pro doslidzhennya na trypil's'kykh poselennyakh v okolytsyakh Medzhybozha 2010 roku (Report on Studies on Trypillia Sites near the Medzhybizh Town in 2010).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund of Expeditions, no. 2010/78, 13—18. (in Ukrainian).

Piasetskii, V.K. 2007. In Bazhenov, L.V., Bryts'ka, O.M., Bazhenova, S.E. (eds.). *Litopys Khmel'nychchyny-2007: krayeznavchyj zbirnyk (Khmelnytsky Chronicle for 2007: Collected Papers of Local Studies).* Khmelnytskyi: Khmelnytskyi Regional Museum of Local Studies, 101—110 (in Russian).

Sytnyk, O.S., Yahodyns'ka, M.O. 2012. In Otroshchenko, V.V., et al. (eds.). *Zemledel'tsy i skotovody Drevnei Evropy. Problemy. Novye otkrytiia, gipotezy (The Farmers and Stockbreeders of Ancient Europe. Problems. Recent Discoveries. Hypotheses).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 187—201 (in Ukrainian).

Yahodzins'kyj, M.J. 1971. *Zvit pro arkheolohichni rozvidky v mezhakh Khmel'nyts'koï obl., provedenykh protyahom 1958—1971 rr. (Report on Archaeological Surveys on the Territory of the Khmelnytskyi Oblast in 1958—1971).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund of Expeditions, no. 1971/52 (in Ukrainian).

Niţu, A. 1984. *Formarea şi clasificarea grupelor de stil AB şi B ale ceramicii pictate Cucuteni-Tripolie.* Iaşi: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Ovchinnikov, E.V. 2013. Vasele de provizii în clasificarea ceramicii Cucuteni-Tripolie. În: *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelo*r V. Chişinău: Profesional Service, 29.

Статья поступила в сборник 22 июля 2017 г.

Eduard Ovchinnikov (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Овчинников Эдуард Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: ed.ovchin@gmail.com

Address: [1] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine.

И. В. Манзура

Расписная керамика позднего энеолита на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае

Keywords: Southeastern Europe, Lower Danube, Late Eneolithic, Cucuteni-Tripolye culture, Cernavodă I culture, Usatovo culture, painted pottery

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Нижний Дунай, поздний энеолит, культура Кукутень-Триполье, культура Чернавода I, усатовская культура, расписная керамика

I. V. Manzura

Late Eneolithic Painted Pottery at the Settlement of Orlovka-Kartal on the Lower Danube

Fragmented painted pottery is uncovered predominately in the layer and structures of the Cernavodă I culture (the 2nd quarter of the 4th mill. BC). Part of fragments derives from complexes of the Early Iron Age cut into the late Eneolithic layer or is represented by stray finds. According to technological traits the pottery corresponds to painted ceramics of the Cucuteni-Tripolye culture. Several morphological types can be distinguished: cylindrical-conical bowls, relatively large pots with conical or cylindrical neck, jugs with high cylindrical neck, small widely open pots with globular body and small amphora with vertical handles on shoulders. The painting consists of two main kinds. The first kind embraces geometric or curvilinear ornaments composed from broad crossing or complementary bands which find best parallels mainly in the ornamentation of the Cucuteni B2-Tripolye C1 pottery. The second kind of the painting includes net-like ornament or compositions made of narrow crossing diagonal bands ("sparse net"). This kind of painted design is related only to the small vessels with globular body and amphora. Such morphological and stylistic types can be considered as manifestations of particular ceramic tradition of the Cernavodă I culture probably emerged under influence of the Cucuteni B-Tripolye C1 culture. They are broadly distributed in late Eneolithic graves of the Northwest Pontic region and can be regarded as additional evidence for attributing this territory to the area of the late Eneolithic Cernavodă I culture.

И. В. Манзура

Расписная керамика позднего энеолита на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае

Фрагментированная расписная керамика обнаружена, главным образом, в слое и различных сооружениях культуры Чернавода I (вторая четверть IV тыс. до н. э.). Часть находок происходит из комплексов раннего железного века, нарушивших позднеэнеолитический слой, или представлена подъемным материалом. По технологическим признакам керамика соответствует расписной посуде культуры Кукутень-Триполье. Среди морфологических типов выделяются цилиндро-конические миски, относительно крупные горшки с конической или цилиндрической горловиной, кувшины с высокой цилиндрической горловиной, небольшие широко открытые сосуды с шаровидным туловом и амфорки с вертикальными ручками на плечиках. Расписной орнамент состоит из двух основных разновидностей. Первый вид включает геометризованные или криволинейные композиции, составленные из широких стыкующихся или пересекающихся диагональных лент, и обнаруживает самые близкие аналогии преимущественно в орнаментации керамики культуры Кукутень B2-Триполье C1. Вторая разновидность росписи состоит из сетчатого орнамента или частых узких пересекающихся лент (разреженная сетка) и соотносится исключительно с сосудами с шаровидным туловом или амфорками. Данный стиль росписи может рассматриваться как проявление особой керамической традиции культуры Чернавода I, сформировавшейся под влиянием культуры Кукутень B-Триполье C1. Широкое распространение такой керамики в контексте погребений позднего энеолита Северо-Западного Причерноморья, наряду с другими свидетельствами, является дополнительным аргументом для включения этого региона в ареал культуры Чернавода I.

Археологический комплекс «Картал» у с. Орловка на Нижнем Дунае (Ренийский р-н, Одесская обл.), безусловно, следует рассматривать как один из самых интересных и сложных памятников в Северном Причерноморье. По характеру и мощности культурных напластований, которые достигают нескольких метров, он во многом соответствует балканским теллям, вмещая в себя материалы от раннего энеолита до средневековья. Вместе с тем, данный комплекс отличается огромной площадью, на которой прослеживаются различные следы человеческой деятельности, и чрезвычайным разнообразием составляющих компонентов, включающих разновременные поселенческие структуры, места погребе-

© И. В. Манзура, 2018.

ний, производственные площадки, сложные фортификационные сооружения и т. п. Ядро археологического комплекса составляют многослойное поселение, расположенное на двух отдельных участках, и территория могильника, который локализуется в непосредственной близости к востоку от поселения. Главная часть поселения находится на вершине своеобразного холма с залежами сланца в основе, известного в местной топонимике как «Каменная гора». В археологической литературе данный участок часто обозначается как «Акрополь». С востока к акрополю примыкает другая часть поселения, обычно именуемая «Посадом». Культурные слои на обоих участках, в сущности, идентичны, хотя и отличаются по своей толщине и насыщенности. Материалы могильника в основном соответствуют культурной свите поселения либо содержат культурно-хронологические комплексы, которые на жилом участке до сих пор не выявлены, например, погребения ямной или бабинской культуры.

Исследование памятника проводится с некоторыми перерывами уже на протяжении нескольких десятилетий, в результате чего были изучены слои и сооружения самых разных эпох. Вместе с тем, материалы позднего энеолита были здесь идентифицированы относительно недавно как на территории поселения, так и в погребальном контексте (Бруяко и др. 2003; 2006). Эпизодически эти находки встречались и ранее, в конце XX века, при раскопках в границах «Каменной горы», однако их культурная и хронологическая принадлежность оставалась неясной, и никаких отчетливо различимых слоев этого времени тогда выявлено не было (Бондарь, Петренко 2004).

Интенсивное изучение памятника возобновилось в начале нынешнего столетия первоначально на посаде, а затем и на сохранившейся части акрополя. После того как был обнаружен и начал исследоваться обширный некрополь раннего железного века, на его площади были выявлены отдельные погребения позднего энеолита, составляющие, по-видимому, единый могильник. В результате исследований было установлено, что слой позднего энеолита относится к культуре Чернавода I, распространенной в Мунтении и Добрудже в первой половине IV тыс. до н. э. Материалы этой культуры, в общем-то, в равной мере присутствуют как на акрополе, так и на посаде, хотя во втором случае открыто значительное количество различных сооружений, которые на акрополе более однообразны и встречаются гораздо реже.

Общая характеристика позднеэнеолитических материалов приведена в ряде работ, которые позволяют составить вполне ясное представление о специфических чертах обнаруженных сооружений, различных категорий находок и памятника в целом (Bruyako et al. 2005; Манзура 2013: 132—138; Govedarica, Manzura 2015: 440—442, 445—453). Толщина слоя культуры Чернавода I на акрополе равнялась 0,6—0,7 м, а на посаде достигала 1 м. На многих участках слой сильно нарушен вторжениями в основном раннего железного века и римского периода. Сооружения позднего энеолита на акрополе представлены простыми хозяйственными ямами. На посаде, в свою очередь, была открыта целая серия разнообразных сооружений, куда входили остатки двух больших наземных глинобитных жилищ, очаги, печи, по-видимому, для обжига керамики, два оборонительных рва глубиной более трех метров и многочисленные хозяйственные ямы округлой или овальной в плане формы.

Время существования поселения культуры Чернавода I, вероятно, можно разделить на две фазы. Первая фаза должна соотноситься с периодом, в течение которого функционировал первый оборонительный ров. Основная часть поселения в тот момент, скорее всего, располагалась на акрополе, площадь которого могла достигать 4 га. Возможно, к этой же фазе относится комплекс из гончарных печей и некоторые хозяйственные ямы на территории посада. Ров, вероятно, достаточно долго содержался в порядке и периодически вычищался. На определенном этапе по каким-то причинам функциональное состояние рва перестало поддерживаться, вследствие чего в его придонной части образовались множественные тонкие затечные прослойки. Впоследствии ров был преднамеренно засыпан, похоже, одномоментно или, по крайней мере, на протяжении очень короткого времени, и на его месте были возведены два наземных жилища, которые могут датироваться уже второй фазой существования поселения. По всей видимости, в это же время был вырыт второй сходный по размерам оборонительный ров, который находился с напольной стороны, к востоку от первого рва[1]. Ко второй фазе существования поселения, помимо этого, могут относиться несколько хозяйственных ям, расположенных за пределами первого

[1] Искренне признателен И. В. Бруяко, любезно сообщившему об открытии второго оборонительного рва в ходе раскопок 2015 года.

рва. По нескольким радиоуглеродным датам возраст поселения культуры Чернавода I, в целом, определяется второй четвертью IV тыс. до н. э. Вследствие такой абсолютной датировки поселение Картал в Орловке должно, в целом, синхронизироваться с памятниками таких культурных подразделений, как Кукутень В-Триполье С1, Хотница (Певец), Нижняя Михайловка и т. п., которые имеют близкие даты.

Коллекцию материалов поселения составляют изделия из кремня и кристаллических пород камня, металла, кости, рога и глины. Керамический ансамбль состоит из нескольких технологических групп, среди которых количественно преобладает посуда из глины с примесью толченой ракушки.

В составе позднеэнеолитической керамики выделяется серия находок, которая резко отличается от остального материала, типичного для культуры Чернавода I. Речь идет о фрагментированном материале, который по своим качественным характеристикам соответствует столовой технологической категории посуды культуры Кукутень-Триполье. В количественном отношении эта группа керамики довольно непредставительна и насчитывает около 60 фрагментов. Материалы данного вида были выявлены на обоих участках поселения в различных археологических контекстах, а также на территории могильника. Незначительная часть находок относится к категории подъемного материала, собранного, главным образом, на осыпях с «Каменной горы». Наибольшее число фрагментов происходит из культурного слоя позднего энеолита. Кроме того, эти материалы содержались на площади наземных домов, на различных уровнях заполнения первого оборонительного рва и в заполнении нескольких хозяйственных ям вместе с различными находками культуры Чернавода I, то есть в закрытых археологических комплексах. В отдельных случаях подобные фрагменты встречались в заполнении ям раннего железного века, куда они, по всей видимости, попали в результате поздних перекопов культурного слоя Чернаводы I. В силу таких условий залегания материалов вполне уверенно можно говорить о том, что они являются неотъемлемой частью общего культурного контекста времени позднего энеолита.

Посуда рассматриваемой категории вылеплена из хорошо отмученной мелкоструктурной глины без видимых примесей, иногда с незначительным добавлением мелкозернистого песка. При обжиге сосудов использовался окислительный режим, вследствие чего керамика отличается светлыми тонами красноватого, оранжевого или желтоватого оттенков. В изломе черепок часто имеет однородную структуру, хотя встречаются экземпляры с темной сердцевиной. Внешняя поверхность посуды всегда тщательно заглажена, ровная, часто со следами лощения. На внутренней поверхности изредка встречаются следы заглаживания зубчатым шпателем, или «гребенкой», что является одним из самых характерных приемов обработки обеих поверхностей на сосудах из глины с примесью ракушки культуры Чернавода I. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 1,0 см, в среднем составляя 0,6—0,7 см. В целом, по своим технологическим признакам данная группа керамики полностью соответствует так называемой столовой посуде трипольских поселений.

Несмотря на фрагментированное состояние материала, в морфологическом отношении можно определить несколько достаточно выразительных типов. Один из них представлен фрагментом миски с резким перегибом корпуса, прямым венчиком, цилиндрической верхней и конической нижней частью (рис. 2: 3). К отдельному типу, по-видимому, должны относиться сосуды-кувшины средних размеров с высокой узкой цилиндрической горловиной, отогнутым венчиком и, скорее всего, округлым туловом (рис. 1: 1; 2: 1). Единичными экземплярами представлены фрагмент относительно крупного сосуда с широко открытым высоким цилиндрическим горлом (рис. 1: 4) и часть сосуда, по-видимому, с высоким цилиндрическим горлом и сливным носиком на плечиках (рис. 1: 5). Самостоятельный тип, скорее всего, должны представлять сосуды средних или более крупных размеров с зауженной высокой конической горловиной и резко отогнутым венчиком (рис. 1: 2; 2: 4). Наиболее устойчивый морфологический тип образуют небольшие широко открытые сосуды с пропорциональным округлым туловом, короткой шейкой и резко отогнутым венчиком (рис. 3: 1—8, 11). Близким по форме типом, по всей видимости, являются небольшие амфорки с вертикальными ручками на плечиках (рис. 2: 15). Уникальным типом, вероятно, выступает небольшой сосуд с вытянутым цилиндрическим корпусом, без отчетливо выделенной горловины и с отогнутым венчиком (рис. 2: 5). Помимо стенок и венчиков сосудов, в коллекции присутствует несколько плоских донцев. В целом, керамика характеризуется округлыми морфологическими типами сосудов.

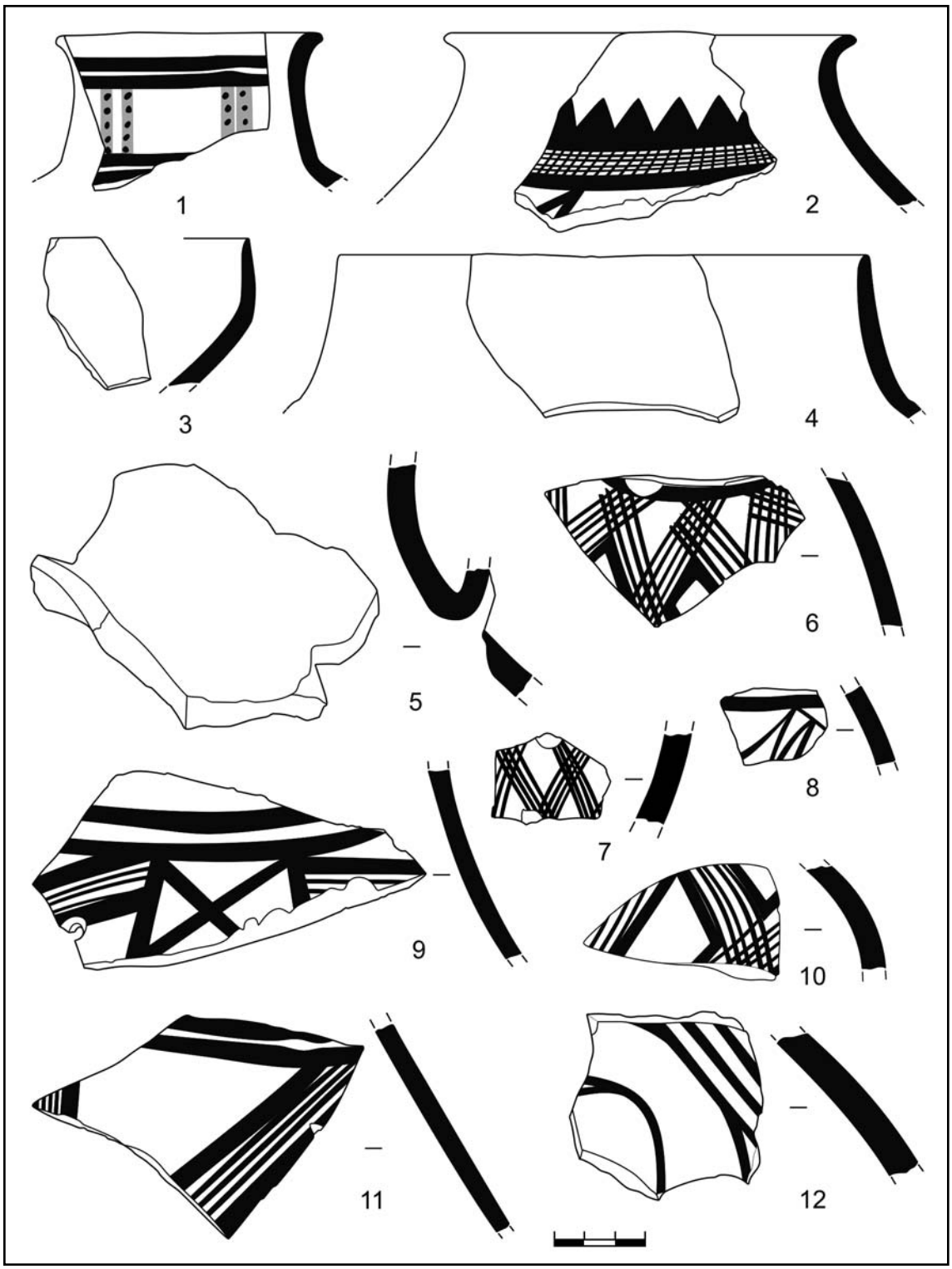

Рис. 1. Расписная керамика с поселения культуры Чернавода I в Орловке-Картале.

Fig. 1. Painted pottery from the settlement of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal.

Примерно две трети фрагментов украшены расписным узором. В основном роспись одноцветная и выполнена темно-коричневой краской. Лишь на трех фрагментах отмечен двухцветный узор, нанесенный темно-коричневой и красной краской и стилистически соответствующий криволинейным композициям (рис. 2: 1—3). Построение орнамента, по-видимому, в основном одноярусное, при котором расписано только тулово сосуда. Однако

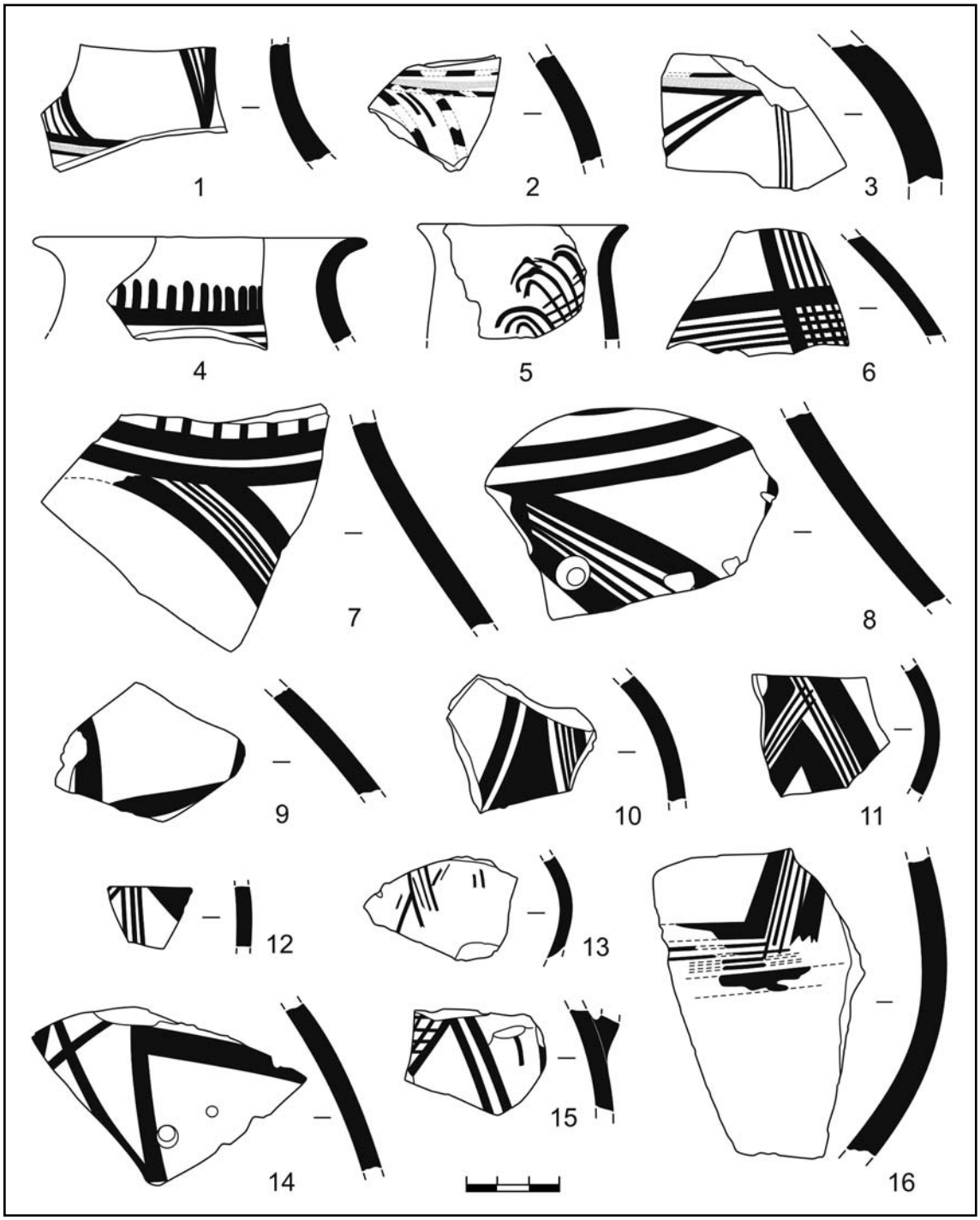

Рис. 2. Расписная керамика с поселения культуры Чернавода I в Орловке-Картале.

Fig. 2. Painted pottery from the settlement of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal.

изредка встречается двухъярусная роспись, покрывающая тулово и горловину изделий (рис. 1: 1; 2: 1). Это особенно характерно для высокогорлых сосудов. Согласно стилистическим признакам, можно различить две ведущих разновидности орнамента. Первая из них состоит из геометризованных композиций, основу которых составляют пересекающиеся или стыкующиеся широкие ленты, образованные широкими линиями по краям и тремя-четырьмя узкими линиями в середине (рис. 1: 6, 9—11; 2: 6, 8, 9, 11—14, 16). В отдельных случаях можно предполагать наличие криволинейных узоров, составленных из тех же элементов (рис. 2: 7, 10). Вся композиция, вероятно, может быть разграничена на отдельные ме-

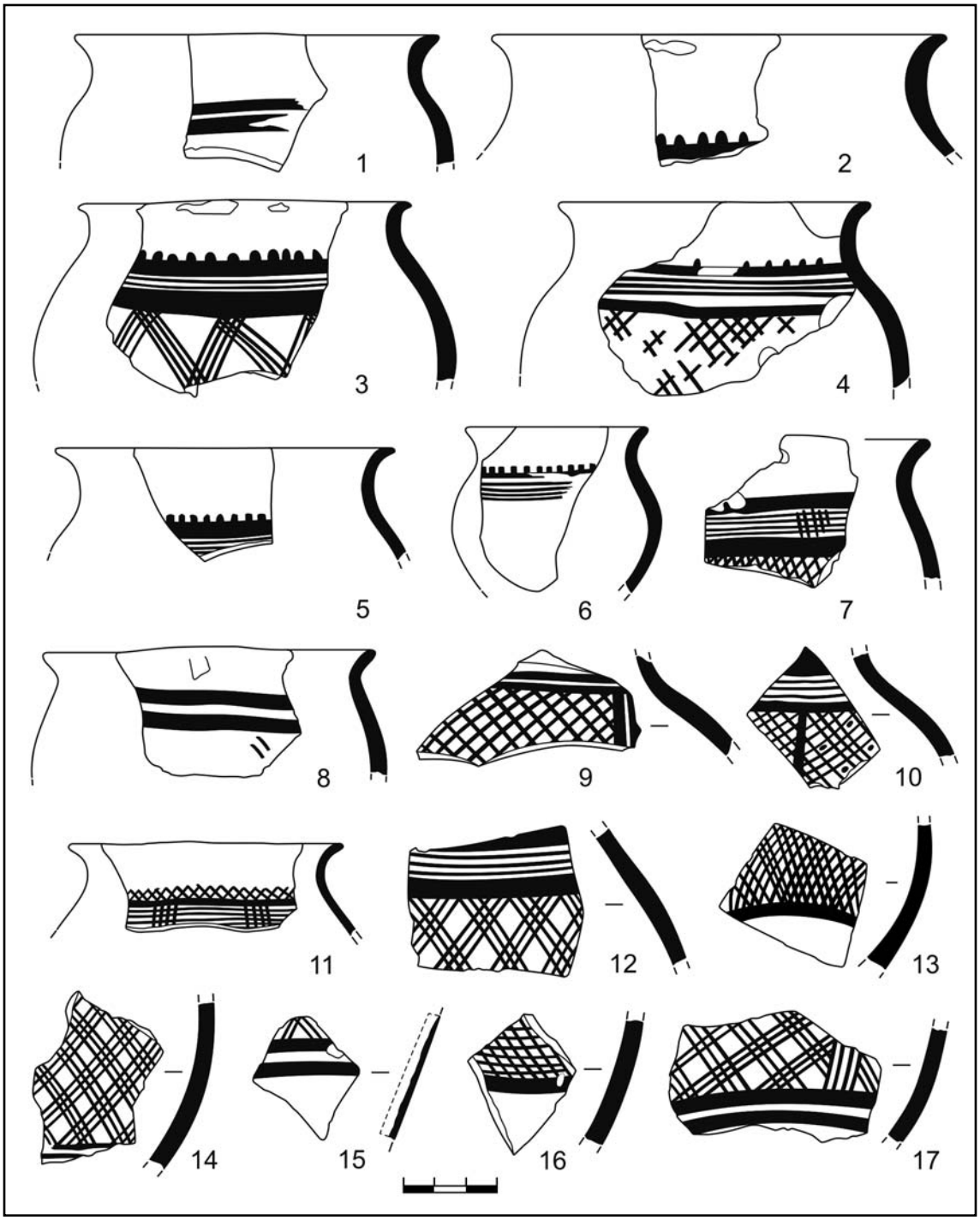

Рис. 3. Расписная керамика с поселения культуры Чернавода I в Орловке-Картале.

Fig. 3. Painted pottery from the settlement of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal.

топы, разделенные косыми крестами (рис. 1: 9; 2: 14). В верхней части орнамент на тулове чаще всего ограничен двумя горизонтальными линиями одинаковой толщины, изредка с вертикальными линиями, треугольниками или «ресничками» на горле (рис. 1: 2, 6, 9, 11; 2: 4, 7, 8). Иногда между широкими линиями проведено несколько тонких линий, перечеркнутых вертикальными штрихами (рис. 1: 2). На некоторых фрагментах геометрический орнамент состоит из лент с линиями одинаковой толщины и дополняется незначительными криволинейными элементами (рис. 1: 8, 12). Рассматриваемый вид узора встречается на обоих участках поселения в самых различных контекстах.

Вторая разновидность орнамента, как правило, соотносится с небольшими широко открытыми горшками и амфорками. Отчетливо выделяются два варианта. Первый представлен косым сетчатым узором, в некоторых случаях разделенным двойными или одиночными вертикальными линиями на две или, возможно, четыре метопы, хотя это точно не установлено (рис. 3: 4, 7, 9, 10, 13, 16). Второй вариант состоит из косых пересекающихся лент, составленных из трех узких линий, покрывающих тулово сосудов, представляющих собой своего рода разреженную сетку. Орнамент, по-видимому, может полностью, без разрывов, охватывать корпус горшка. В отдельных случаях роспись разделена на отдельные поля вертикальными лентами из таких же узких линий (рис. 3: 3, 12, 14, 17). В обоих вариантах росписи орнамент на тулове внизу ограничен одной или двумя широкими горизонтальными линиями (рис. 3: 13—17). Сверху орнаментальная композиция может быть оконтурена широкой полосой из двух широких и нескольких узких линий с рядом вертикальных «ресничек» или косых крестиков, заходящих на горловину (рис. 3: 2—7, 10—12). Реже горло отделено от тулова одной или двумя широкими горизонтальными линиями (рис. 3: 1, 8, 9). Этот вид росписи, так же, как и первый, присутствует в разных контекстах и нередко попадается в качестве подъемного материала. Определенным своеобразием отличается роспись на вытянутом цилиндрическом сосуде из сооружения №101 на акрополе, которая состоит из широкого ряда узких загнутых перекрещивающихся линий (рис. 2: 5).

Крайне важным является вопрос, насколько одновременными могут считаться обе рассматриваемые разновидности росписи. Ответ на него можно получить исходя из условий залегания материалов в пределах того или иного закрытого контекста. В первую очередь, это касается ненарушенных поздними вторжениями участков первого оборонительного рва и некоторых хозяйственных ям[2]. Как уже указывалось, основная часть находок расписной керамики происходит из культурного слоя, а также из более поздних нарушений, в силу чего этот материал вряд ли может использоваться для решения задачи. В ненарушенных слоях второго рва было обнаружено шесть фрагментов с орнаментом обеих разновидностей (рис. 1: 3, 12; 2: 1, 13, 15; 3: 11). Материалы с росписью первого вида находились на разных уровнях заполнения рва, от придонной части до верхних слоев. Керамика с орнаментацией второго вида встречалась исключительно в средней части заполнения. При этом фрагменты с обоими видами орнаментации залегали на одном уровне, хотя и на разных участках рва.

В хозяйственных сооружениях культуры Чернавода I на территории поселения были обнаружены восемь фрагментов расписной посуды с обоими видами орнаментации (рис. 1: 1, 7; 2: 2, 7, 9; 3: 12, 17). Еще четыре фрагмента с узором первого и второго вида происходят из ям раннего железного века на поселении и поздних сооружений на территории могильника (рис. 1: 6; 3: 2, 14, 15). Как правило, в ямах выявлено по одному фрагменту того или иного вида. В сооружении №90 на территории акрополя были обнаружены два фрагмента с росписью первого вида, причем один из них был украшен бихромным орнаментом (рис. 2: 2, 12). В то же время, в яме №53 содержались два фрагмента с росписью как первой, так и второй разновидности (рис. 2: 7; 3: 17). Это обстоятельство, как и характер залегания находок во рву, может свидетельствовать о том, что данные стилистические группы должны быть одновременны и относиться к единому керамическому комплексу. Принимая во внимание сопряженность этих находок с материалами культуры Чернавода I, их, по-видимому, можно датировать тем же временным интервалом, что и поселение в целом, то есть, скорее всего, в пределах второй четверти IV тыс. до н. э.

Особый характер расписной керамики, обнаруженной в Орловке-Картале, а также ее кардинальное отличие по всем ведущим элементам от керамического ансамбля культуры Чернавода I, позволяют предполагать ее, вроде бы, инокультурное происхождение. По совокупности признаков рассматриваемый материал обнаруживает наибольшее сходство только с расписной посудой культуры Кукутень-Триполье, поэтому поиски его истоков и возможные параллели, по всей видимости, следует искать именно в этом направлении. Конечно же, желательно выявить максимально точно ту конкретную культурную среду, в которой существовали перечисленные морфологические и стилистические черты, что, вероятно, позволило бы более надежно отследить пространственный вектор культурных связей и тот временной промежуток, в котором эти связи осуществлялись носителями традиций культуры Чернавода I.

[2] Детальная информация о стратиграфии второго оборонительного рва и контекстуальном распределении находок в его заполнении пока является недоступной.

Расписная керамика культуры Кукутень-Триполье обнаружена в той или иной мере на всех исследованных поселениях культуры Чернавода I. На большинстве памятников ее количество, по-видимому, не очень велико, хотя точные сведения об этом нигде не приводятся. Однако на поселениях Рымничелу, Пьетроаса Микэ, Сэрата-Монтеору в северо-восточной части Мунтении, то есть в непосредственной близости от кукутенско-трипольского ареала, такие находки составляют значительную часть керамических коллекций, достигая 50% от всего материала. Расписную керамику с указанных поселений относят к фазе Кукутень B2, что хорошо подтверждается стилистикой орнамента на сосудах (Vernescu 2013: 20, Pl. 3: 1—7). Принимая во внимание абсолютную датировку слоя Чернаводы I, приблизительно в этих же пределах, вероятно, необходимо искать истоки расписной керамики и на поселении Орловка-Картал. С другой стороны, отобранные для датировки образцы не обязательно должны отображать весь хронологический диапазон культурного слоя; здесь всегда сохраняется определенный элемент случайности, при которой на поселении могли депонироваться как более ранние, так и поздние находки. Вследствие этого обращение к памятникам иных культурных подразделений, особенно с такой хорошо разработанной периодизацией и дробной хронологической колонкой, как Кукутень-Триполье, позволяет более надежно вписать исследуемые материалы в соответствующий временной интервал.

Для определения происхождения рассматриваемых материалов, по-видимому, необходимо учитывать не только наличествующие признаки, но также и те черты, которые являются особенно характерными для того или иного этапа развития культуры Кукутень-Триполье, с одной стороны, но не представлены на поселении в Орловке — с другой. Прежде всего, следует отметить, что в подборке расписной керамики явно отсутствуют отчетливые морфологические и стилистические элементы, присущие периоду культуры Кукутень AB-Триполье B1/B2 (Виноградова 1983: рис. 20; Mantu 1998: fig. 43—46). Такая ситуация, в сущности, в это время прослеживается для всего Северного Причерноморья, где встречаются сосуды культуры Кукутень-Триполье, только более раннего или позднего периодов. В материалах Орловки также не наблюдаются наиболее типичные морфологические и орнаментальные признаки, передающие специфику культуры Триполье C2 как раннего, так и позднего этапа развития. В них не обнаруживается, к примеру, та стандартная серия форм, которая была широко распространена по всему позднетрипольскому ареалу, а также не заметны стилистические композиции брынзенского, выхватинского или гординештского облика, хотя какие-то отдельные элементы брынзенской орнаментации кое-где все-таки угадываются (Дергачев 1980). Единственным исключением можно считать сетчатый орнамент, засвидетельствованный в росписи керамики самых различных позднетрипольских локальных вариантов, однако этот тип узора изредка встречается и в более раннее время. Такое распределение признаков заставляет сузить поиски аналогий, прежде всего, до памятников периода Кукутень B-Триполье C1, граничащих на севере с ареалом культуры Чернавода I.

Каждый из этапов периода Кукутень B-Триполье C1, при значительном сходстве многих элементов, обладает собственной спецификой, выраженной как морфологией сосудов, так и стилистикой орнамента. Наличие этих специфических черт, в общем-то, позволяет очертить круг тех возможных аналогий, которые могут прослеживаться на расписной керамике в Орловке-Картале. Так, в первую очередь, среди морфологических типов столовой керамики на данном памятнике полностью отсутствуют остроребериые формы, которые, прежде всего, присущи посуде этапа Кукутень B1 или петренской и варваровской ступеням развития, по В.И. Маркевичу (Маркевич 1981: рис. 89). В свою очередь, керамические традиции этапа Кукутень B2, или бадражской ступени, скорее отличаются тенденцией к изготовлению мягко профилированных сосудов, хотя сосуды с резким перегибом корпуса также присутствуют. Это свидетельствует о том, что поиски самых надежных параллелей, действительно, следует ограничить, прежде всего, памятниками этапа Кукутень B2 или второй половины периода Триполье C1.

В силу значительной фрагментированности материала далеко не всегда можно надежно сопоставить морфологические типы сосудов из Орловки и кукутенско-трипольских поселений. Большинство фрагментов не настолько выразительно, чтобы подыскать им соответствующие аналогии в трипольской керамике, хотя, в то же время, выделяется группа изделий, которые обладают вполне характерными признаками. К примеру, цилиндроконические миски, наподобие той, что была обнаружена в первом оборонительном рву

(рис. 1: 3), широко распространены на поселениях обоих этапов культуры Кукутень В-Триполье С1 на территории нынешних Румынии и Молдовы (Ткачук 2003—2004: 210, 233; Маркевич 1981: рис. 89).

Сосуды с узкой цилиндрической горловиной (рис. 1: 1; 2: 1) во многом присущи именно бадражской группе этапа Кукутень В2, занимающей бассейн верхнего и среднего Днестра и Прута, но они также встречаются на памятниках группы Тротушул этого же времени в Прикарпатье (Ткачук 2003—2004: рис. 23: 14—24; 25: 19; 35: 1—9).

Округлобокие широко открытые горшки с пропорциональным строением тулова (рис. 3: 1—8, 12) для керамического ансамбля памятников периода Кукутень В-Триполье С1, в общем-то, не очень характерны. По крайней мере, в сериях устойчивых морфологических типов в керамике трипольских поселений этого времени они, вроде бы, не представлены (Маркевич 1981: рис. 89; Ткачук 2003—2004; Mantu 1998: fig. 48; Cucoş 1999: fig. 28). Однако иногда такие или, по крайней мере, близкие формы, вероятно, могут все-таки встречаться на том или ином поселении (Bodean 2016: 4: 2). В материалах памятников брынзенского или раннего выхватинского типов аналогичные формы, вроде бы, также или полностью отсутствуют, или, возможно, представлены в таком незначительном количестве, что не нашли отражения в соответствующих типологических построениях (Дергачев 1980: рис. 28; 30). Вместе с тем, они, казалось бы, обнаруживались в керамическом комплексе усатовской группы (Дергачев 1980: рис. 29: 11; Manzura 1994: fig. 5: 35). Однако хронология и состав признаков данного культурного подразделения в последнее время активно пересматривается, вследствие чего аналогичные сосуды были включены в материалы так называемой архаической ступени Усатово (Петренко 2013: 206—207, рис. 35: 8—12). Правда, данная керамика происходит только из одиночных курганных погребений Северо-Западного Причерноморья, тогда как на поселениях и в погребениях в Усатово-Большом Куяльнике и Маяках, если судить по публикациям, она, похоже, вовсе отсутствует. Именно отсутствие таких сосудов в материалах двух основных памятников усатовской культуры, казалось бы, позволяло относить эти погребения к позднейшему этапу ее развития (Manzura 1994: 111). В этом случае аналогичная керамика в Орловке-Картале соотносилась по времени с Усатово (Govedarica, Manzura 2015: 453). Это предположение сейчас можно признать ошибочным, и рассматриваемая керамика должна относиться к доусатовскому периоду, как и содержащие ее погребальные комплексы в Северо-Западном Причерноморье.

Каким образом выделенная В. Г. Петренко архаическая ступень соотносится с материалами из Орловки, является отдельной темой. В свою очередь, близкие по форме сосуды, но с вертикальными ручками на плечиках или горловине, достаточно хорошо известны на памятниках этапа Кукутень В2 в Прикарпатской зоне, например, в керамическом комплексе группы Тротушул, хотя здесь они отличаются немного более резко перегнутым туловом, чем экземпляры из Орловки (Cucoş 1999: fig. 28; Ткачук 2003—2004: рис. 27: 12, 13, 15). Они также встречаются на трипольских памятниках периода С1 к востоку от Днестра (Полищук 1989: 44, рис. 13, тип V).

Таким образом, определимые морфологические признаки расписной керамики с поселения культуры Чернавода I в Орловке-Картале, по-видимому, должны соответствовать, главным образом, традициям этапа Кукутень В2 или конца периода С1 в Карпато-Днестровском регионе, что вполне соотносится с абсолютной хронологией памятника. В этом случае интересно проследить, как этот вывод согласуется со стилистикой росписи на рассматриваемых изделиях.

Как уже указывалось, в орнаментации посуды из Орловки выделяются две главные разновидности: геометризованные и криволинейные композиции из широких лент, с одной стороны, и узор с густой и разреженной сеткой — с другой. Отдельные фрагменты с двухцветной росписью, по всей видимости, могут трактоваться как одно из стилистических проявлений первой разновидности орнамента. Сразу следует отметить, что по своим ведущим чертам роспись первого вида находит основные параллели в материалах, прежде всего, этапа Кукутень В2, хотя сохранность сосудов в Орловке не позволяет полностью реконструировать орнаментальные схемы. Именно в этих комплексах можно обнаружить в большом количестве композиции, выстроенные из широких лент, которые составлены из узких и широких линий. Так же, как и на сосудах из Орловки, такие ленты ограничивают орнаментальное поле сверху. Здесь, помимо этого, встречается сходный мотив косого креста, разделяющего метопы на тулове сосуда (Cucoş 1999: fig. 54: 4). Справедливости ради следует отметить, что такие же композиционные элементы в той или иной мере присут-

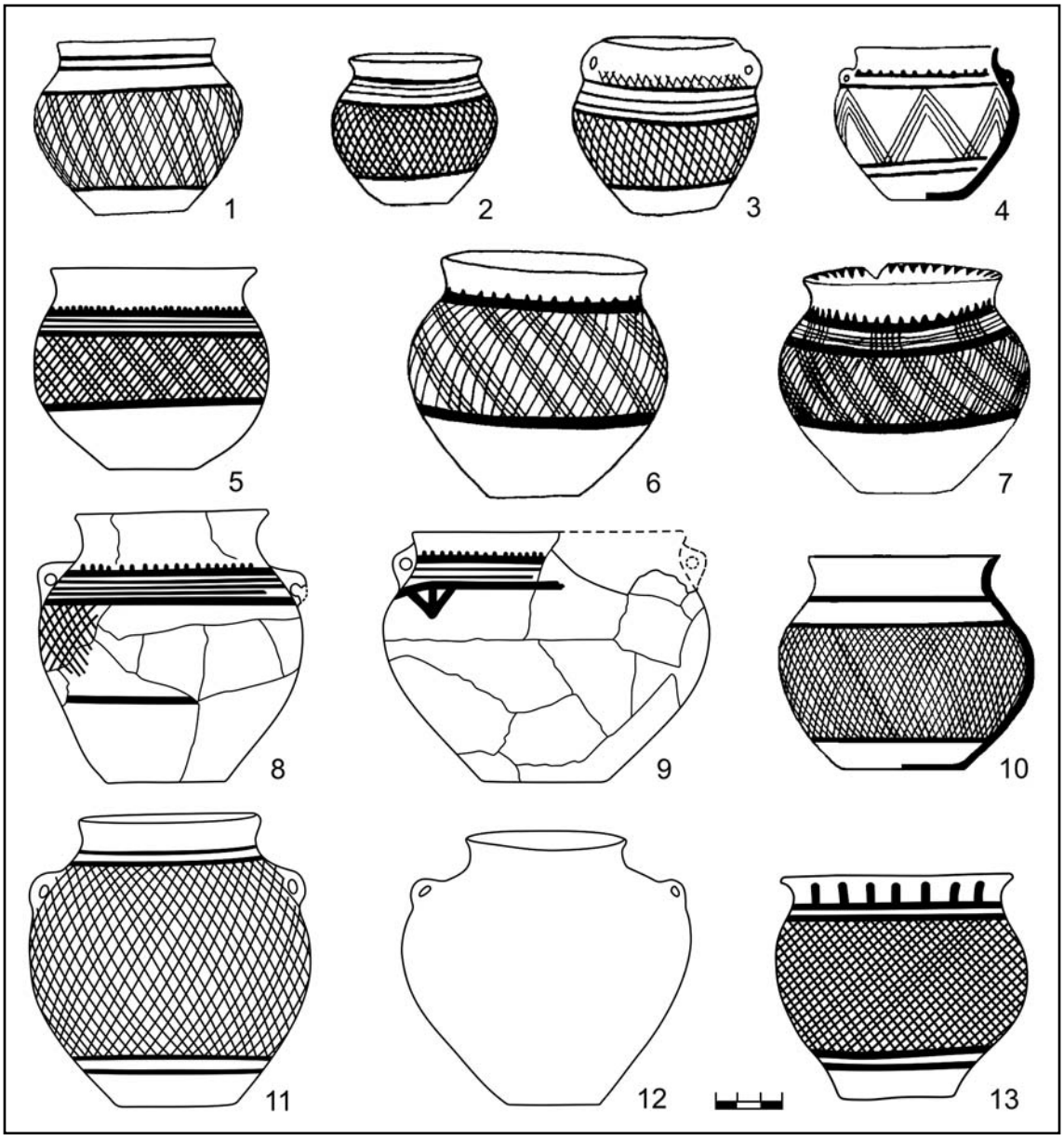

Рис. 4. Расписные сосуды из позднеэнеолитических погребений Северо-Западного Причерноморья, соответствующие керамике с поселения культуры Чернавода I в Орловке-Картале: 1 — Приморское, к. 1, насыпь; 2 — Терновка, к. 179, п. 5; 3 — Бычок, к. 263; 4 — Бутор III, к. 2, п. 7; 5, 8, 9 — Широкое-Алкалия, к. 3, п. 1 (9) и 4 (5, 8); 6 — Парканы, к. 90; 7, 12 — Беленькое (Шаболат), к. 1, п. 1; 10 — Дивизия, к. 1, п. 1; 11 — р-н Тирасполя; 13 — Маяки-Мирное, к. 8, п. 1 (1 — по Чеботаренко и др. 1993; 2—4, 6, 7, 11, 12 — по Дергачев, Манзура 1991; 5, 8—10, 13 — по Петренко 2013).

Fig. 4. Painted vessels from late Eneolithic graves of the Northwest Pontic region corresponding to the pottery from the settlement of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal: 1 — Primorskoe, k. 1, in mound; 2 — Ternovka, k. 179, gr. 5; 3 — Bychok, k. 263; 4 — Butor III, k. 2, gr. 7; 5, 8, 9 — Shirokoe-Alkalia, k. 3, gr. 1 (9) and 4 (5, 8); 6 — Parcani, k. 90; 7, 12 — Belenkoe (Shabolat), k. 1, gr. 1; 10 — Divizia, k. 1, gr. 1; 11 — region of Tiraspol; 13 — Mayaki-Mirnoe, k. 8, gr. 1 (1 — after Чеботаренко и др. 1993; 2—4, 6, 7, 11, 12 — after Дергачев, Манзура 1991; 5, 8—10, 13 — after Петренко 2013).

ствуют и на керамике памятников этапа Кукутень B1 и отчасти брынзенской группы. Вместе с тем, орнамент на горловине сосуда из аналогичных лент в сочетании с красной краской (рис. 2: 1) представляет собой черту, присущую именно расписной традиции этапа Кукутень B2 и встречающуюся в основном на керамике бадражской группы (Маркевич 1981: рис. 40: 3, 21; Ткачук 2003—2004: рис. 37: 2; Bodean 2016: fig. 4: 6). В целом,

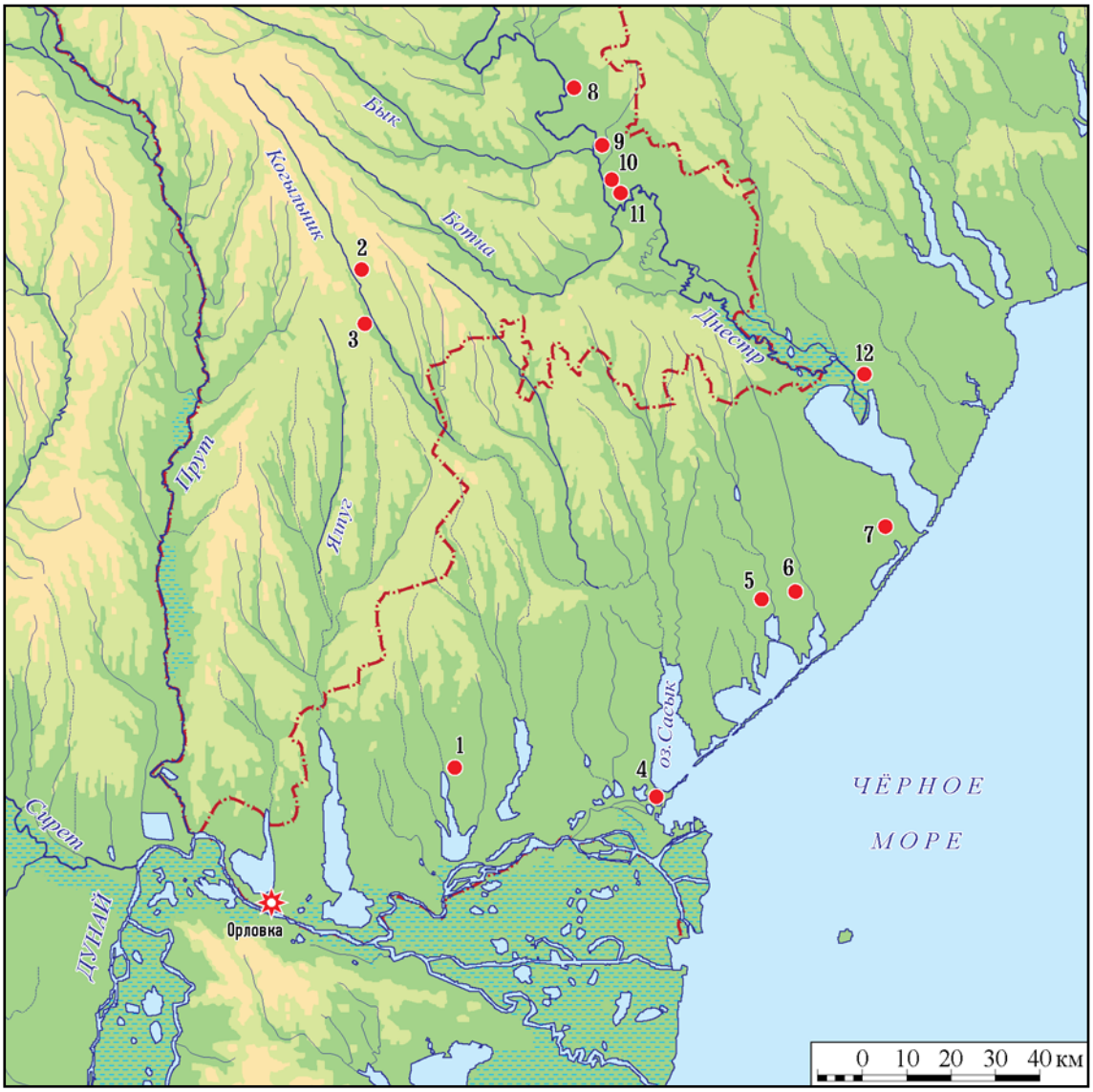

Рис. 5. Пространственное распределение в Северо-Западном Причерноморье позднеэнеолитических погребений с расписными сосудами, соответствующими керамике с поселения культуры Чернавода I в Орловке-Картал: 1 — Суворово; 2 — Гура-Галбеней; 3 — Чимишлия; 4 — Приморское; 5 — Дивизия; 6 — Широкое-Алкалия; 7 — Беленькое (Шаболат); 8 — Бутор III; 9 — Бычок; 10 — Паркань; 11 — Терновка; 12 — Маяки-Мирное.

Fig. 5. Spatial distribution of late Eneolithic graves with painted vessels in the Northwest Pontic region corresponding to the pottery from the settlement of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal: 1 — Suvorovo; 2 — Gura-Galbenei; 3 — Cimişlia; 4 — Primorskoe; 5 — Divizia; 6 — Shirokoe-Alkalia; 7 — Belenkoe (Shabolat); 8 — Butor III; 9 — Bychok; 10 — Parcani; 11 — Ternovka; 12 — Mayaki-Mirnoe.

можно вывести заключение, что по своему характеру роспись первого вида на керамике из Орловки в наибольшей степени соответствует орнаментальным традициям периода Кукутень В с самыми близкими аналогиями в керамике этапа В2[3]. В то же время, ситуация с росписью второй разновидности выглядит несколько иначе.

Как известно, сетчатый узор может считаться одной из самых распространенных композиций на расписной керамике периода Триполье С2. В Карпато-Днестровском реги-

[3] По мнению В. М. Бикбаева, высказанному в частной беседе, такой стиль росписи может соответствовать традициям брынзенской группы позднего Триполья. Определенное сходство, действительно, наблюдается, однако в материалах Орловки, как представляется, присутствуют и более ранние элементы. Автор искренне признателен В. М. Бикбаеву за обсуждение данной проблематики и ценные советы.

оне он часто встречается на посуде выхватинского, кириленского, усатовского, гординештского и, в меньшей степени, брынзенского типа. На керамике периода Кукутень В такой вид орнамента, в общем-то, мало известен, если судить по имеющимся публикациям. Крайне редким исключением является остроребериая амфорка с сетчатой росписью этого периода, обнаруженная в одном из погребений кургана у Ново-Котовска (Агульников 1992), то есть за пределами кукутенско-трипольского ареала, в степной зоне. Принимая во внимание, что поселение культуры Чернавода I в Орловке-Картале не содержит какие-либо признаки трипольской культуры периода С2 и, следовательно, в целом должно предшествовать этому периоду, по-видимому, можно допустить, что появление сетчатого орнамента на Нижнем Дунае представляет собой результат развития каких-то местных керамических традиций в рамках культуры Чернавода I, скорее всего, под сильным влиянием культуры периода Кукутень В-Триполье С1. По крайней мере, технологические признаки и отчасти морфология сосудов как будто указывают в данном направлении.

В контексте данного предположения привлекает внимание целая серия аналогичных керамических изделий, которые В. Г. Петренко причислил к архаической ступени развития усатовской культуры (Петренко 2013: 206—207, рис. 35: 8—12) (рис. 4). Они содержатся в подкурганных погребениях как во внутренних степных районах Северо-Западного Причерноморья, так и в бассейне Нижнего Днестра (рис. 5). Вместе с тем, данный тип керамики никак контекстуально не связан с собственно усатовскими комплексами, отсутствуя, например, в материалах поселений и могильников в Усатово-Большом Куяльнике и Маяках. В силу этого не совсем понятно, почему эти изделия должны быть соотнесены с памятниками усатовского типа, пусть даже на уровне архаической ступени, по В. Г. Петренко. По основным признакам погребального обряда указанные захоронения полностью соответствуют особой группе, которая была в свое время обозначена как памятники типа Хаджидер (Петренко 1989а: 19) или бессарабский вариант культуры Чернавода I (Манзура 1992: 90). В материалах этих погребений также присутствуют остроребериые сосуды, которые могут датироваться первой половиной периода Кукутень В1 или Трипольем В2-С1 и началом С1 (Агульников 1992: 38, рис. 3: 9; Петренко 1989б: 124, рис. 40: 2, 5).

После открытия могильника культуры Чернавода I в Орловке, находок в Дуранкулаке и исследования некоторых курганных комплексов в Добрудже и Мунтении стало вполне очевидным абсолютное сходство погребальных традиций этой нижнедунайской культуры и комплексов так называемого хаджидерского типа. Вследствие этого такое обозначение памятников, в общем-то, лишается всякого смысла, поскольку оно как бы противопоставляется понятию культура Чернавода I, присутствие которой в Северо-Западном Причерноморье можно считать доказанным фактом. В связи с этим следует также отметить, что в самых разных точках рассматриваемого региона в настоящее время идентифицировано несколько могильных памятников рассматриваемого типа, которые содержат сосуды из глины с примесью ракушки, практически идентичные чернаводовской керамике из Орловки. Более того, достаточно крупный курганный могильник Желтый Яр, ранее относимый к усатовской культуре (Суботін, Петренко 1994), сейчас, безусловно, может рассматриваться как погребальный памятник культуры Чернавода I. Сходство между этим могильником и материалами из Орловки прослеживаются, в сущности, по всем параметрам: по специфике погребального обряда, технологии, морфологии, стилистике и технике орнаментации посуды. Таким образом, в контексте этих параллелей мы сейчас можем довольно определенно говорить о едином культурном континууме от Мунтении и Добруджи, по крайней мере, до Тилигульского лимана. Как показывают последние исследования, вся эта степная территория может рассматриваться в качестве ареала культуры Чернавода I.

Литература

Агульников С. М. 1992. Курган эпохи энеолита-ранней бронзы у с. Ново-Котовск. *Древности степного Причерноморья и Крыма.* Запорожье, 33—39.

Бондарь Р. Д., Петренко В. Г. 2004. О позднем энеолите в культурно-хронологической колонке городища Орловка. В: *Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Карпатіка* 31. Ужгород: Ужгородський національний університет, Інститут карпатознавства, 30—37.

Бруяко и др. 2003: Бруяко И. В., Манзура И. В., Субботин Л. В. 2003. Энеолитический горизонт поселения Орловка-II на Нижнем Дунае. *АВУ 2001—2002 рр.* Київ: Шлях, 56—61.

Бруяко и др. 2006: Бруяко И.В., Манзура И.В., Субботин Л.В. 2006. Раскопки городища Картал в 2005 г., открытие могильника эпохи палеометалла. *АДУ 2004—2005 рр.* Київ; Запоріжжя: ІА НАН України; Дике Поле, 78—80.

Виноградова Н.М. 1983. *Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты)*. Кишинев: Штиинца.

Дергачев В.А. 1980. *Памятники позднего Триполья (опыт систематизации)*. Кишинев: Штиинца.

Дергачев В.А., Манзура И.В. 1991. *Погребальные комплексы позднего Триполья*. Кишинев: Штиинца.

Манзура И.В. 1992. Степные восточноевропейские общности энеолита — ранней бронзы в хронологической системе балкано-дунайских культур. В: Гросу В.И. (отв. ред). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы*. Кишинев: Штиинца, 87—101.

Манзура И.В. 2013. Культуры степного энеолита. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины)*. Одесса: ОАМ, 115—153.

Маркевич В.И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Петренко В.Г. 1989а. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье. В: Петренко В.Г. (ред.). *История и археология Нижнего Подунавья*. Тезисы докладов конференции. Рени: Ренийская городская типография, 18—20.

Петренко В.Г. 1989б. Усатовская локальная группа. В: Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 81—124.

Петренко В.Г. 2013. Усатовская культура. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины)*. Одесса: ОАМ, 163—210.

Полищук Л.Ю. 1989. Памятники развитого Триполья. В: Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 30—49.

Суботін Л.В., Петренко В.Г. 1994. Курганний могильник усатівського типу Жовтий Яр. *Археологія* (1), 93—104.

Ткачук Т.М. 2003—2004. Локально-хронологические группы культуры Кукутень этапов В1 и В2 в Румынской Молдове. *Stratum plus* (2), 204—255.

Чеботаренко и др. 1993: Чеботаренко Г.Ф., Черняков И.Т., Тощев Г.Н. 1993. Курганы у с. Приморское. *Древности степного Причерноморья и Крыма* IV, 46—62.

Bodean S. 2016. Aşezarea culturii Cucuteni-Tripolie de la Parcova (r-nul Edineţ). *Arheologia preventivă în Republica Moldova* III, 7—18.

Bruyako et al. 2005: Bruyako I., Manzura I., Subbotin L. 2005. Prehistoric Settlement "Kartal" (Orlovka): Preliminary Information on the Excavations in 2001—2002. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Theoretical Anthropology and Education*. Reports of Prehistoric Research Projects 6—7. Salt Lake Sity: International Institute of Anthropology, 13—33.

Cucoş Ş. 1999. *Faza Cucuteni B în zona subcarpatică a Moldovei*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis VI. Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra-Neamţ.

Govedarica B., Manzura I. 2015. The Cooper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In: Hansen S., Raczky P., Anders A., Reingruber A. (eds.). *Neolithic and Copper Age between the Carpathian Basin and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE*. International Workshop Budapest 2012. Archäologie in Eurasien 31. Bonn: Habelt, 437—456.

Mantu C.-M. 1998. *Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături*. Piatra-Neamţ: Nona.

Manzura I. 1994. Manifestări culturale în perioada de tranziţie. *Thraco-Dacica* 15, 103—119.

Vernescu M. 2013. Cultura Cernavoda I în Bărăgan. *Istros* XIX, 13—44.

References

Agulnikov, S.M. 1992. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)*. Zaporozh'e, 33—39 (in Russian).

Bondar, R.D., Petrenko, V.G. 2004. In *Davnya istoriya Karpato-Dunajs'koho arealu ta sumizhnykh rehioniv (Ancient History of the Carpathian-Danubian Region and Adjacent Territories)*. Series: Karpatika (Carpathica) 31. Uzhhorod: Uzhhorod National University, Institute for Carpathian Studies, 30—37 (in Russian).

Bruyako, I.V., Manzura, I.V., Subbotin, L.V. 2003. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 2001—2002 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2001—2002)*. Kiev: "Shlyakh" Publ., 56—61 (in Russian).

Bruyako, I.V., Manzura, I.V., Subbotin, L.V. 2006. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2004—2005 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2004—2005)*. Kiev; Zaporizhzhya: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Dikoe pole" Publ., 78—80 (in Russian).

Vinogradova, N.M. 1983. *Plemena Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v period rastsveta tripol'skoi kul'tury (periodizatsiia, khronologiia, lokal'nye varianty) (The Tribes in the Dniester-Prut Region at the Rise of the Tripolyan Culture: Periodisation, Chronology, Local Variants)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Dergachev, V.A. 1980. *Pamiatniki pozdnego Tripol'ia: opyt sistematizatsii (Late Tripolye Culture Sites: an Attempt of Systematization)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Dergachev, V.A., Manzura, I.V. 1991. *Pogrebal'nye kompleksy pozdnego Tripol'ia. Svod istochnikov (Late-Tripolyan Funerary Complexes. Corpus of Sources)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Manzura, I.V. 1992. In Grosu, V.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldovy (Materials and Research on the Archaeology and Ethnography of Moldova)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 87—101 (in Russian).

Manzura, I.V. 2013. In Bruyako, I.V., Samoilova, T.L. (ed.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region: to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. Odessa: "SMIL" Publ., 115—153 (in Russian).

Markevich, V.I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Late Tripolyan Tribes of the Northern Moldavia)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Petrenko, V.G. 1989. In Petrenko, V.G. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Nizhnego Podunav'ia (chteniia pamiati professora A. I. Dovatura). Tezisy dokladov nauchno-prakticheskogo seminara (History and Archaeology of Lower Danube Region (Readings in the Memory of the Professor A.I. Dova-*

tur). Abstracts of the Scientific-practical Seminar). Reni: Reni Town Typography, 18—20 (in Russian).

Petrenko, V.G. 1989. In Patokova, E.F., Petrenko, V.G., Burdo, N.B., Polishchuk, L. Yu. *Pamiatniki tripol'skoi kul'tury v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Tripolyan Sites in the North-Western Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 81—124 (in Russian).

Petrenko, V.G. 2013. In Bruyako, I.V., Samoilova, T.L. (eds.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region: to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine).* Odessa: "SMIL" Publ., 163—210 (in Russian).

Polishchuk, L. Yu. 1989. In Patokova, E.F., Petrenko, V.G., Burdo, N.B., Polishchuk, L. Yu. *Pamiatniki tripol'skoi kul'tury v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Tripolyan Sites in the North-Western Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 30—49 (in Russian).

Subotin, L.V., Petrenko, V.H. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 93—104 (in Ukrainian).

Tkachuk, T.M. 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 204—255 (in Russian).

Chebotarenko, G.F., Chernyakov, I.T., Toshchev, G.N. 1993. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* IV, 46—62 (in Russian).

Bodean, S. 2016. Aşezarea culturii Cucuteni-Tripolie de la Parcova (r-nul Edineţ). *Arheologia preventivă în Republica Moldova* III, 7—18.

Bruyako, I., Manzura, I., Subbotin, L. 2005. Prehistoric Settlement "Kartal" (Orlovka): Preliminary Information on the Excavations in 2001—2002. In Nikolova, L., Fritz, J., Higgins, J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Theoretical Anthropology and Education*. Reports of Prehistoric Research Projects 6—7. Salt Lake Sity: International Institute of Anthropology, 13—33.

Cucoş, Ş. 1999. *Faza Cucuteni B în zona subcarpatică a Moldovei*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis VI. Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra-Neamţ.

Govedarica, B., Manzura, I. 2015. The Cooper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In Hansen, S., Raczky, P., Anders, A., Reingruber, A. (eds.). *Neolithic and Copper Age between the Carpathian Basin and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE*. International Workshop Budapest 2012. Archäologie in Eurasien 31. Bonn: Habelt, 437—456.

Mantu, C.-M. 1998. *Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături*. Piatra-Neamţ: Nona.

Manzura, I. 1994. Manifestări culturale în perioada de tranziţie. *Thraco-Dacica* 15, 103—119.

Vernescu, M. 2013. Cultura Cernavoda I în Bărăgan. *Istros* XIX, 13—44.

Статья поступила в сборник 22 июля 2017 г.

Igor Manzura (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University[1].

Манзура Игорь Васильевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: igormanzura@mail.ru

Address: [1] N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

С. Н. Разумов, А. Н. Усачук

Комплекс раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного Приазовья

Keywords: North Black Sea region, the Early Bronze Age, Pit Graves cultural and historical community, barrow, funerary rite, sculpture, flint items

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ранний бронзовый век, ямная культурно-историческая общность, курган, погребальный обряд, скульптура, кремнёвые изделия

S. N. Razumov, A. N. Usachuk

The Early Bronze Age Complex with a Stone Figurine from the North-East Azov Sea Region

The grave goods contained in the main burial complex of Zintseva Balka 2/17 (North-Eastern Azov Sea Region), a Pit Grave Cultural and Historical Community site, were very expressive, including a damaged flint biface and a stylized sandstone figurine, which was morphologically similar to the stele from the Early Bronze Age barrows. Analysis of existing analogies showed that use of small stylized stone sculptures, often in combination with cutting tools, was a part of the funerary rite of the cattle-breeding population of the steppe zone of the Early and Middle Bronze Age, reflecting its ideological representations. Presence of such figurines in graves may indicate a special social and/or sacral status of the buried.

С. Н. Разумов, А. Н. Усачук

Комплекс раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного Приазовья

Публикуемый в данной работе основной погребальный комплекс ямной культурно-исторической общности Зинцева Балка 2/17 (Северо-Восточное Приазовье) содержал выразительный инвентарь. В его состав входили повреждённый кремнёвый бифас и стилизованная фигурка из песчаника, морфологически близкая стелам из курганов раннего бронзового века. Анализ имеющихся аналогий показал, что использование небольших стилизованных каменных скульптурных изображений, часто в сочетании с режущими орудиями, являлось частью погребального обряда скотоводческого населения степной зоны эпохи ранней и средней бронзы, отражая его идеологические представления. Наличие подобных фигурок в захоронениях может свидетельствовать об особом социальном и/или сакральном статусе погребённых.

В 2005—2006 гг. на юго-западной окраине г. Мариуполь (Донецкая область) экспедицией Донецкого областного краеведческого музея были проведены охранные раскопки курганной группы Зинцева Балка, состоявшей из четырёх насыпей (рис. 1). Курганы занимали водораздел верховьев балок Самарина и Зинцева (бассейн Азовского моря). Существует и иная версия названия — балка Зинцóва, например, на листе XXIX-16 трёхверстовой военно-топографической карты Ф. Ф. Шуберта. Здесь, между верховий балок Самарина и Зинцóва, обозначены две из четырёх насыпей интересующей нас группы (рис. 1: 1): вероятно, картографы отметили курганы 1 и 2, как самые большие в пределах могильника. Материалы раскопок частично опубликованы (Усачук та ін. 2007: 388—395; Подобед и др. 2010: 114; 2012: 214, 218—220, рис. 5: 3, 3А; 2013; Підобід та ін. 2014; Литвиненко 2014: 29—30, 36, рис. 1). В данной работе мы рассматриваем своеобразный комплекс эпохи ранней бронзы, исследованный в кургане 2 могильника Зинцева Балка.

Курган 2 — самый крупный в группе, был вытянут на 68—70 м почти по линии север-юг. Размеры кургана по оси запад-восток — 46—48 м в северной части, и 30 м — в южной. Современная высота насыпи составляла 1,3—1,4 м (в древности курган был значительно выше). Формирование кургана 2, как и всего могильника, началось в эпоху ранней бронзы, когда рядом друг с другом по линии север-юг были сооружены первоначальные насыпи курганов 2А и 2Б. Рост этих насыпей продолжался в катакомбное время, а в эпоху поздней бронзы оба кургана были насыщены погребениями бережновско-маёвской срубной культуры и объединены досыпкой. Таким образом, курган 2 имел сложную стратиграфию.

© С. Н. Разумов, А. Н. Усачук, 2018.

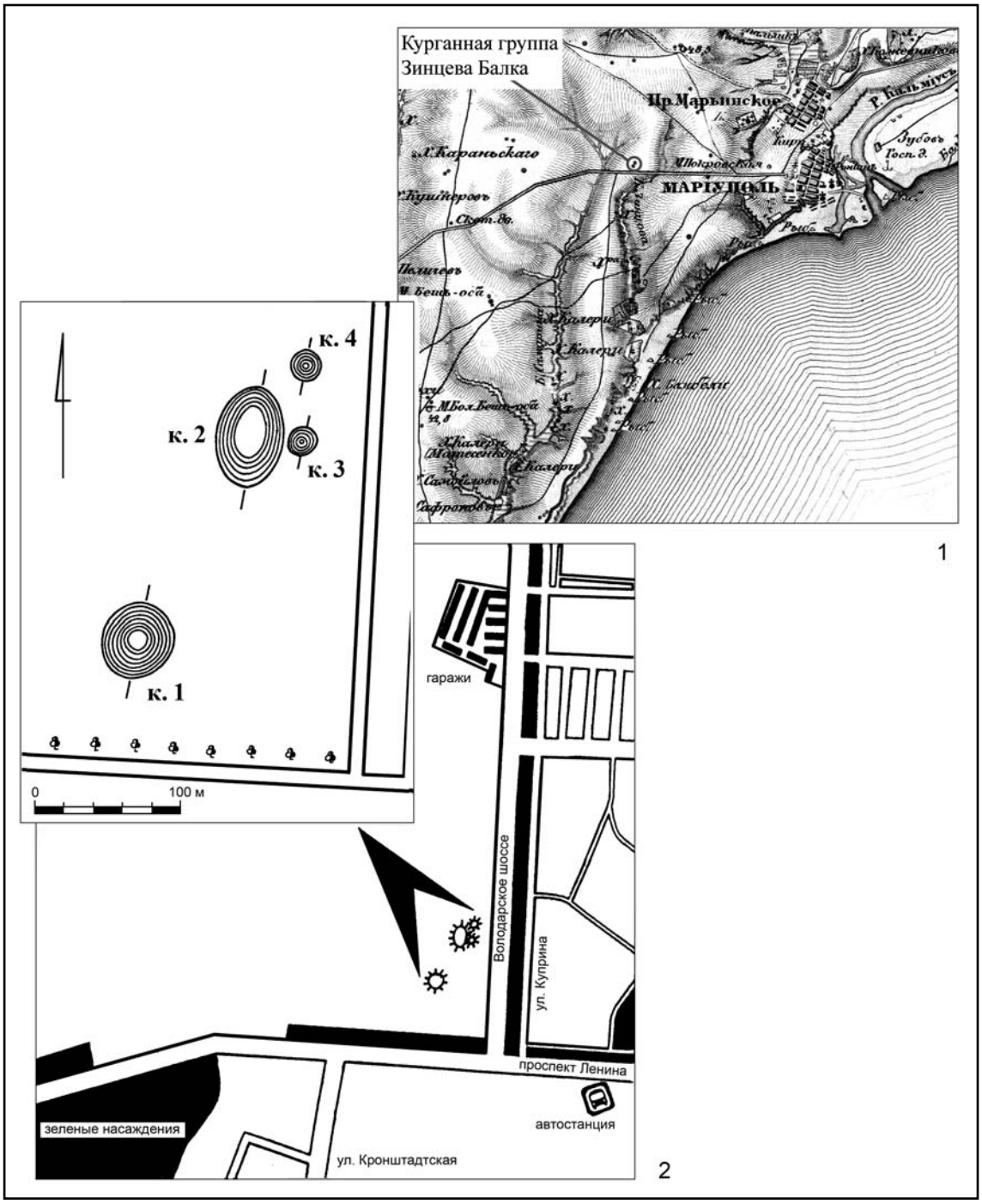

Рис. 1. Курганная группа Зинцева Балка. 1 — расположение курганной группы Зинцева Балка на трёхверстовой военно-топографической карте Ф.Ф. Шуберта 1826—1840 гг. (лист XXIX-16); 2 — общий план группы.

Fig. 1. Zintseva Balka barrow group. 1 — location of the Zintseva Balka barrow group F.Th. Schubert's military topographical map (scale: three versts to an inch), 1826—1840 (sheet XXIX-16); 2 — the general plan of the barrow group.

Насыпь кургана 2А в значительной мере разрушена устройством солидного немецкого блиндажа времен Великой Отечественной войны и постройкой 60—70-х гг. XX в. Курган 2Б по периферии насыпи затронут заплывшими окопами и ямами. Помимо разрушений 40-х и 60—70 гг. XX в., насыпь объединенного кургана 2 распахивалась, особенно интенсивно во второй половине прошлого столетия. Края кургана подрезаны, в центре насыпи и в восточной поле были выборки грунта, и в получившихся ямах устроена современная

мусорная свалка. Все эти многочисленные нарушения насыпи привели к тому, что часть погребений эпохи средней и поздней бронзы оказались разрушенными. Всего в кургане зафиксировано 26 погребений. Рассматриваемое в данной работе погребение 17 (рис. 2), отнесённое к ямной культурно-исторической общности, является одним из древнейших в целом и основным для кургана 2Б.

Материк в разных местах под курганной насыпью находился на глубине 1,90—2,20—2,45 м[1]. Над материком на значительной площади фиксировалась погребённая почва мощностью 0,4—0,55 м. В районе погребения 17 материк зафиксирован на глубине 2,35 м (на этом уровне и была обнаружена яма). Погребённая почва в этой части кургана не читалась.

Яма подпрямоугольной в плане формы с закруглёнными углами была вытянута по оси юго-запад — северо-восток. Размеры ямы на уровне фиксации составляли 1,65×0,84 м. Примерно в полуметре от дна яма незначительно расширялась, приобретая в разрезе колоколовидную форму с некоторым подъёмом дна по краям (рис. 2: 2). При этом узкие стенки в профиле были похожи друг на друга, в то время как длинная западная стенка имела расширение только в нижней части. Южная стенка отличалась от остальных тем, что яму в этой части начали расширять выше от дна, и стенка приобрела дугообразный профиль (рис. 2: 2). Размеры ямы по дну 1,84×1,17 м, глубина её 3,29—3,31 м. Глубина ямы в материке не менее 0,96 м. Учитывая мощность погребённой почвы (не менее 0,4 м), можно предполагать, что первоначальная глубина погребения 17 составляла около 1,4 м. В северо-восточной части край ямы был нарушен камерой впускного погребения 14 среднего бронзового века (донецкая катакомбная культура). В верхней части заполнения ямы прослежены мелкие фрагменты поперечного деревянного перекрытия. Использовались, вероятно, тонкие плахи (толщина не более 0,01 м) шириной не более 0,15 м.

На дне ямы был уложен на спине костяк мужчины 50—55 лет[2] головой на северо-восток (череп немного сместился вправо при обрушении перекрытия, но нижняя челюсть осталась в непотревоженном состоянии), с согнутыми в коленях ногами. Судя по положению стоп, ноги первоначально были направлены коленями вверх, а затем упали вправо. Руки умершего были вытянуты вдоль туловища. Левая рука сохранилась практически полностью, правая — частично разрушена, как и правое крыло таза, часть рёбер и позвонков. Разрушения связаны с деятельностью землеройных животных (рис. 2: 1). Под костяком были зафиксированы остатки подстилки в виде двух слоёв органического тлена: верхнего, коричневого цвета, и нижнего, белого. Общая толщина слоя тлена от подстилки составляла до 6 мм. В районе стоп на подстилке

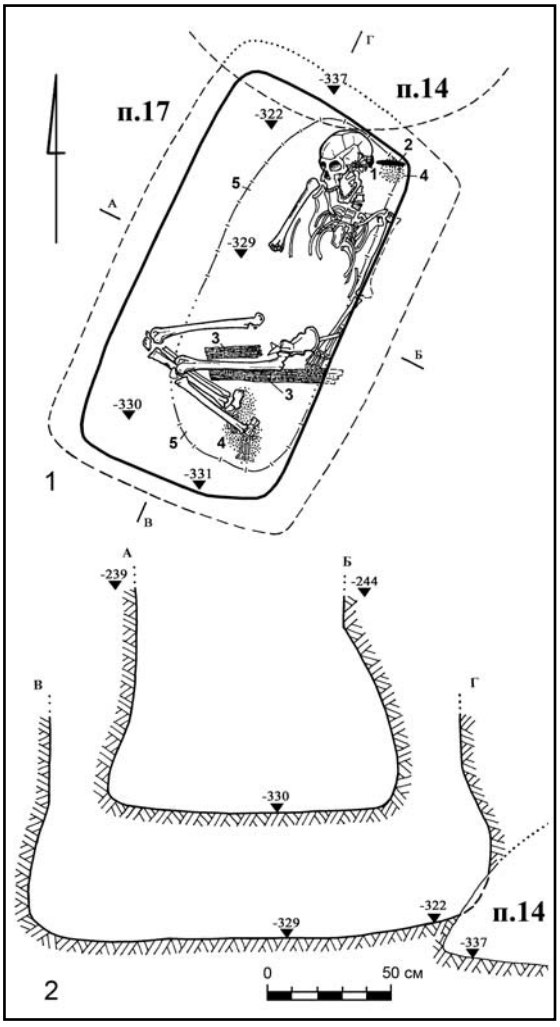

Рис. 2. Зинцева Балка, курган 2, погребение 17: 1 — общий план; 2 — профили могильной ямы. Цифрами на плане обозначены: 1 — каменная фигурка; 2 — кремневое изделие; 3 — деревянные плашки; 4 — пятна охры; 5 — контур подстилки.

Fig. 2. Zintseva Balka, barrow 2, burial 17: 1 — general plan; 2 — pit profiles. The numbers on the plan indicate: 1 — stone figurine; 2 — flint artifact; 3 — wooden dies; 4 — ochre spots; 5 — contour of the underlay.

[1] Здесь и далее глубины даются от центрального репера кургана 2.

[2] Определение профессора кафедры биологии, экологии и методики обучения СГПУ А. А. Хохлова.

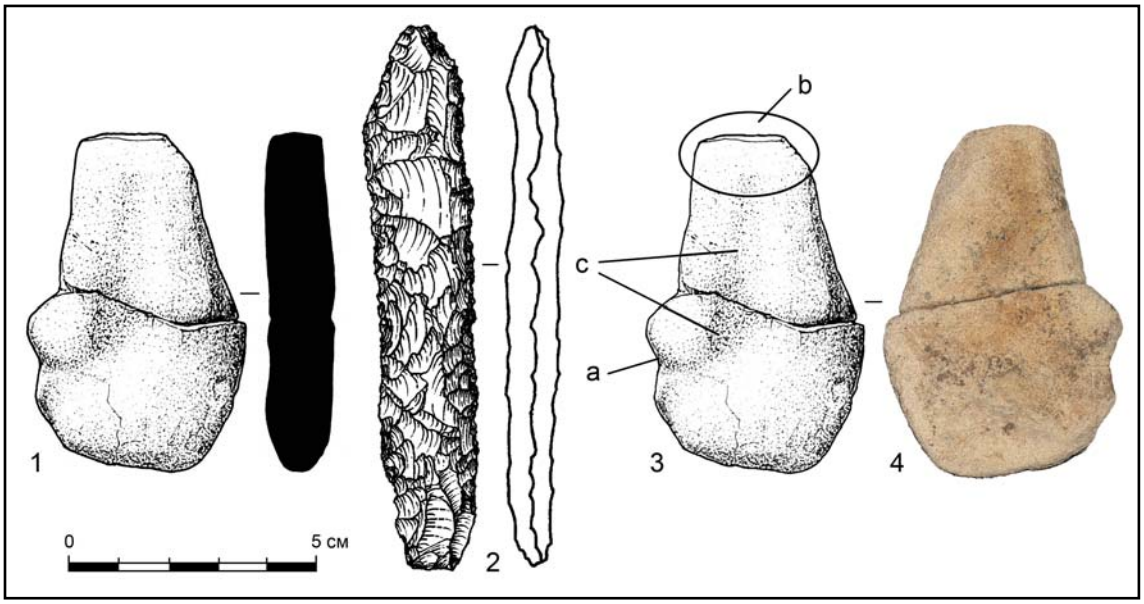

Рис. 3. Зинцева Балка, курган 2, инвентарь погребения 17: 1, 3, 4 — каменная фигурка (a, b, c — следы изготовления и использования фигурки); 2 — кремнёвое изделие.

Fig. 3. Zintseva Balka, barrow 2, grave goods from burial 17: 1, 3, 4 — stone figurine (a, b, c — traces of making and using the figurine); 2 — flint item.

зафиксировано пятно тёмно-красной охры овальной формы размерами 0,3×0,15 м. Интересная деталь: фаланги пальцев ног были окрашены охрой, а пяточные кости — нет. Второе пятно тёмно-красной охры — круглое, диаметром 0,09 м, находилось на подстилке левее черепа. В этом пятне было уложено кремнёвое изделие (рис. 3: 2), а чуть правее пятна (непосредственно под затылком погребённого) — каменная фигурка (рис. 3: 1, 3, 4). В районе левого бедра костяка были зафиксированы две тонкие деревянные плашки, лежавшие параллельно бедренной кости. Длина плашек 0,54 и 0,23 м (вторая плашка, возможно, была длиннее), ширина их — 0,05 м, сохранившаяся толщина — не более 4—5 мм. Судя по их расположению, а также по ширине и толщине, эти плашки не относятся к остаткам деревянного перекрытия ямы, а специально уложены на дно могилы.

Инвентарь:

1. Бифасиальное кремнёвое изделие (рис. 3: 2): изготовлено двусторонней оббивкой на массивном отщепе светло-серого непрозрачного кремня. Имеет следы неоднократной подправки острия и боковых сторон. Размеры 12×2,4×1,4 см.

2. Каменная фигурка (рис. 3: 1; 4: 1): изготовлена из песчаника желтовато-белого цвета, мелко- и среднезернистой структуры (преобладает мелкая фракция), кварцевого состава. Зёрна прозрачного желтоватого кварца сцементированы карбонатным материалом. Наблюдаются единичные точечные вкрапления чёрного (рудного?) минерала с металловидным блеском. Порода непрозрачная из-за мягкого цементирующего материала[3]. Высота — 6,8 см, наибольшая ширина — 4,4 см, ширина верхней части — 1,8—2,3 см, толщина — 1,2—1,3 см[4].

* * *

По погребальному обряду комплекс Зинцева Балка 2/17 можно отнести к ямной культурно-исторической общности, вероятно, к раннему периоду её существования на территории Северного Приазовья. Об этом свидетельствуют факт сооружения насыпи над данным погребением, прямоугольная яма, обилие охры, скорченное на спине положение уложенного головой в восточном секторе костяка. Данные особенности характерны для подавляющего большинства основных ямных захоронений Северо-Восточного Приазовья и соседних территорий (Константинеску 1984: 66; 1988: 104). Неоднократно в таких погребениях фиксировалась и двойная подстилка из бе-

[3] Определение ст. преподавателя кафедры географии ДИСО И. В. Исаевой.

[4] Находки из погребения 17 кургана 2 группы Зинцева Балка сданы на постоянное хранение в Мариупольский краеведческий музей.

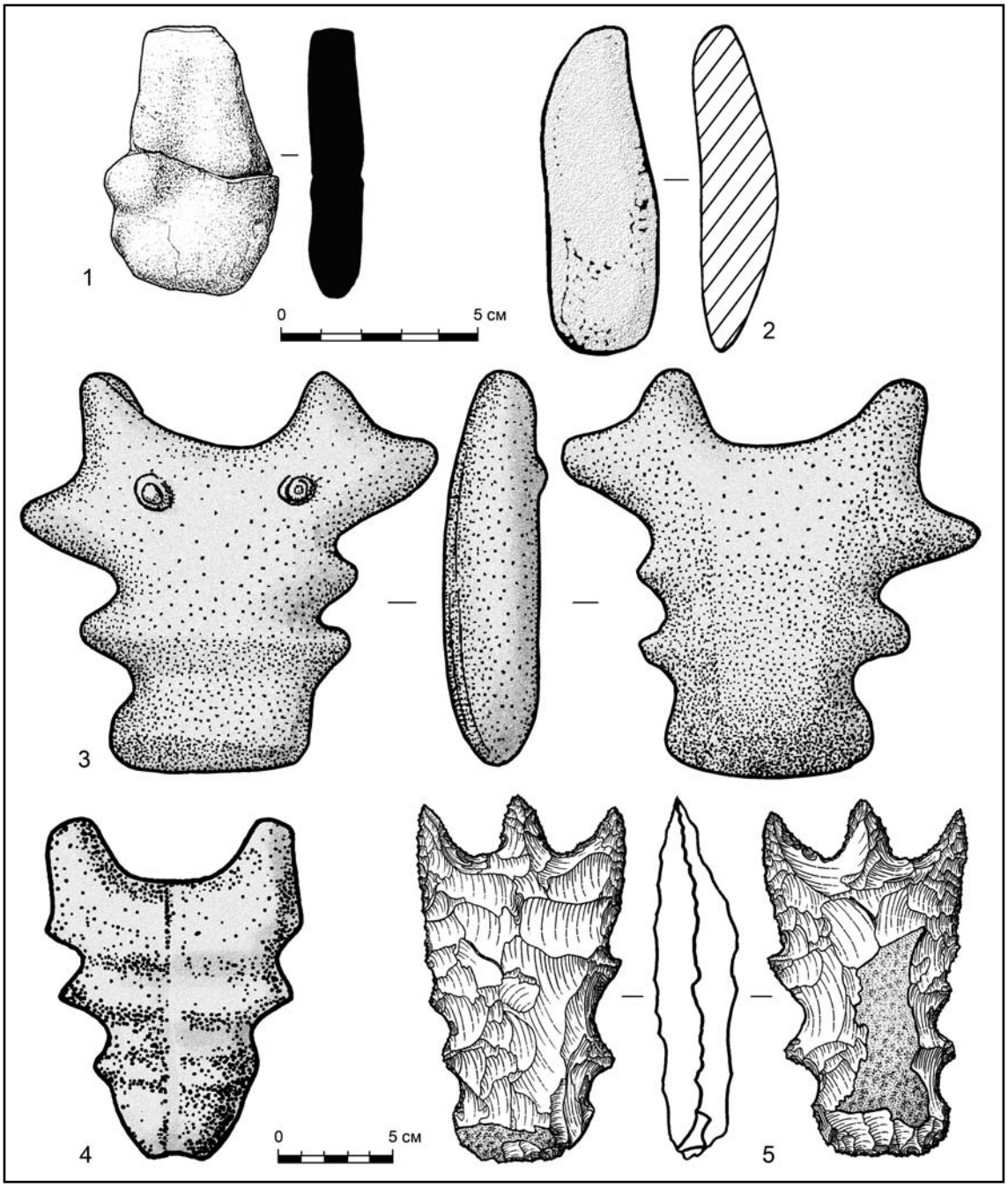

Рис. 4. Каменные фигурки из погребений ямной культурно-исторической общности Северного Причерноморья: 1 — Зинцева Балка 2/17; 2 — Кременёвка 3/4 (по Константинеску 1988: рис. 5: 5); 3 — Златополь 17/6; 4 — Симферополь (1954) 9/1 (3, 4 — по Телегін 1980: рис. 2: 1, 2); 5 — Васильевка 1/5 (по Razumov 2011: fig. 43: 1).

Fig. 4. Stone figurines from the burials of the Pit Graves cultural and historical community from the North Black Sea Region: 1 — Zintseva Balka 2/17; 2 — Kremenyovka 3/4 (after Константинеску 1988: рис. 5: 5); 3 — Zlatopol 17/6; 4 — Simferopol (1954) 9/1 (3, 4 —after Телегін 1980: рис. 2: 1, 2); 5 — Vasilyevka 1/5 (after Razumov 2011: fig. 43: 1).

лого и коричневого слоёв (Константинеску 1984: 61; 1988: 92, 97). В то же время наличие тонких деревянных плашек под костяком, вероятно, использовавшихся в качестве конструктивных элементов похоронных носилок либо ложа, является довольно редко встречающейся деталью погребального обряда ямной культурно-исторической общности Северного Причерноморья (Субботин и др. 2017: 115).

Немногочисленный инвентарь погребения 17 чрезвычайно интересен. Кремнёвое изделие (рис. 3: 2) изначально, вероятно, пред-

ставляло собой бифас листовидной либо подромбической в плане формы (наконечник дротика либо нож-кинжал) на коротком подпрямоугольном черешке, оформленном по боковым сторонам притупляющей ретушью. Подобные бифасы, использовавшиеся преимущественно в качестве наконечников дротиков, а также ножей-кинжалов, были зафиксированы, например, в ямных комплексах Октябрьское 1/3 и 3/3 (Славянский район Донецкой области), Новоалексеевка 1/6 (Волновахский район Донецкой области), Дидова Могила 1/16 (Никопольский район Днепропетровской области), Кривой Рог 13/2 (Днепропетровская область), Хащевое 6/13 (Новомосковский район Днепропетровской области) (Razumov 2011: fig. 26: 5, 6; 27: 2, 4—6). Изделие из комплекса Зинцева Балка 2/17 несёт на себе следы сильного износа, забитости, неоднократных переоформлений, из-за чего боковые стороны были «съедены» сколами подправки почти до уровня черешка. Соответственно, на момент попадания в могилу использование бифаса в качестве ножа-кинжала либо наконечника метательного оружия было практически невозможным. Тем не менее, его расположение в погребении — в пятне тёмно-красной охры правильной круглой формы, вплотную к черепу — свидетельствует об особом значении данного изделия в контексте погребального обряда.

Сильная забитость боковых сторон данного артефакта вызвала предположение о его вторичном использовании для высекания огня. Однако следует отметить, что для эпохи ранней и средней бронзы Северного Причерноморья у нас крайне мало данных о добывании огня именно путём высекания. Так, эксперименты С. А. Семёнова показали, что зажечь трут путём удара кремнём о кремень практически невозможно. Более удачными были результаты опытов по добыче огня ударами кремнём по рудным минералам — пириту, марказиту, халькопириту, сфалериту. Впрочем, данные минералы довольно редки в природе и являются слишком хрупкими для постоянного использования (Семёнов 1968: 176). К тому же, находки кусков этих минералов в погребениях эпохи бронзы авторам не известны. Очевидно, до внедрения железных изделий огонь могли добывать преимущественно другими способами, например, высверливанием (Елизаренкова, Топоров 1999: 507—508). Показательно, что высверливание огня активно применялось скотоводческим населением евразийских степей и позднее — в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э., о чём свидетельствуют находки в погребальных комплексах Алтая, Тувы и Монголии деревянных приборов, состоявших из лучкового сверла и дощечки с лунками и желобками для трута (Могильников 1981: 36, рис. 19: 68; Митько 2006: 113—115). В. А. Могильников отмечал, что у алтайских тюрок такие приборы заменяются железными кресалами только в VIII—IX вв. (Могильников 1981: 39). В целом же необходимо подчеркнуть, что только при условии широкого распространения железа в быту населения степей Северного Причерноморья стало возможным повсеместное использование кремня для добывания огня, о чём свидетельствуют довольно частые находки кресальных кремней в погребальных комплексах (Тельнов и др. 2016: 134—136).

Таким образом, наиболее вероятным, с нашей точки зрения, является отнесение бифаса из комплекса Зинцева Балка 2/17 к категории нефункционального инвентаря. Семантика данного изделия может быть связана с кругом представлений о постоянном воспроизведении первоначального жертвоприношения при сотворении упорядоченного мира, совершаемого, согласно мифологии многих индоевропейских народов, именно кремнёвым ножом (Razumov 2011: 137).

Очевидно, ритуальное предназначение имела и каменная фигурка (рис. 3: 1, 3, 4), зафиксированная под затылком погребённого и примыкающая с левой стороны к кремнёвому бифасу (рис. 2: 1). Отметим, что, в силу как небольших размеров изделия (6,8 × 4,4 × 1,3 см), так и хрупкости сырья, данный артефакт не мог использоваться в утилитарных целях — например, в качестве оселка либо растиральника.

В декабре 2007 г. одним из авторов было проведено трасологическое изучение фигурки. Использовался микроскоп МБС-2. Из-за непрочности породы возможные следы изготовления почти не сохранились. Впрочем, выбрав подходящий по очертаниям камень, «мастер» озаботился изготовлением фигурки в минимальной степени. Выступ, предположительно обозначающий, по аналогии с антропоморфными стелами эпохи ранней бронзы, «руку», слегка выделен в нижней части (рис. 3: 3, a) шлифовкой. Более на торцах следов обработки нет, но слегка завальцован верхний узкий торец (рис. 3: 3, b). Очевидно, это уже следы использования. Немного более, чем поверхность вокруг, залощена небольшая впадина на теле фигурки (рис. 3: 3, c). Возможно, эта впадина относится к этапу изготовления фигурки. Уже в погребении, вероят-

но, в результате обрушения перекрытия и давления грунта, изделие раскололось поперёк на две половинки.

Следует отметить, что, в отличие от монументальной скульптуры, представленной антропоморфными стелами, находки миниатюрных каменных фигурок из комплексов ямной культурно-исторической общности Северного Причерноморья не получили широкого освещения в научной литературе. Сведения о наиболее выразительных образцах таких артефактов, происходящих из ямных комплексов Жовтневое 12/1 (Токмакский район Запорожской области), Златополь 17/6 (Васильевский район Запорожской области) (рис. 4: 3), Симферополь (1954) 9/1 (Крым) (рис. 4: 4), Васильевка 1/5 (Новотроицкий район Херсонской области) (рис. 4: 5) были обобщены в двух статьях 1980-х гг. (Телегін 1980: 85—86; Кубышев, Нечитайло 1988: 107—118). Отметим, что в комплексе Симферополь 9/1 каменная фигурка также располагалась вплотную к черепу погребённого, в пятне охры (Кубышев, Нечитайло 1988: 114). Показательным является и тот факт, что все без исключения погребения с каменными фигурками являлись основными в кургане либо сопровождавшимися большими досыпками. Обушковые части фигурок из комплексов Златополь 17/6 и Васильевка 1/5, согласно проведённому Г.Ф. Коробковой трасологическому анализу, имели следы от трения на нижнем (обушковом) конце, вероятно, от рукояти либо ношения в руке, в то же время никаких следов использования в качестве орудий труда отмечено не было (Кубышев, Нечитайло 1988: 113—114). Здесь следует напомнить, что при трасологическом изучении находки из комплекса Зинцева Балка 2/17 также была выявлена завальцованность её узкого (условно верхнего) торца (рис. 3: 3, b).

Исследователи видели в таких фигурках стилизованные изображения, сочетавшие как зооморфные (бык, олень), так и антропоморфные черты (Телегін 1980: 85—86; Кубышев, Нечитайло 1988: 115—117), либо напрямую относили их к букраниям и связывали с культом быка (Ковалёва 1989: 41; Отрощенко 2000: 41). Малочисленность подобных находок объяснялась тем, что они «сопровождали в загробный мир представителей верхушки общества» (Кубышев, Нечитайло 1988: 116). Что касается публикуемой фигурки, то, в силу крайней стилизации, однозначно интерпретировать её в качестве зооморфного либо антропоморфного изображения мы не считаем возможным. При этом морфология рассматриваемого изделия, по нашему мнению, сближает его с некоторыми образцами каменных стел из степных курганов позднего энеолита — раннего бронзового века (Шапошникова и др. 1986: рис. 6—10; Новицкий 1990: рис. 4: 5; 9: 1, 2; 10—17; Разумов и др. 2015: рис. 13: 1). Здесь следует упомянуть, что в заполнении комплекса ямной культурно-исторической общности 2/15, основного для кургана 2А группы Зинцова Балка и, вероятно, очень близкого по времени рассматриваемому основному для кургана 2Б комплексу 2/17, была обнаружена стилизованная антропоморфная стела из песчаника с плоским основанием и подтреугольным закруглённым верхним торцом, которая первоначально была установлена на краю засыпки погребальной ямы. Размеры стелы: общая длина 0,87 м, ширина в центральной части 0,32 м, к основанию сужается до 0,27 м, толщина — 0,04—0,07 м.

Необходимо подчеркнуть, что, наряду с упомянутыми выше немногочисленными яркими образцами каменных фигурок (рис. 4: 3—5), в захоронениях раннего и среднего бронзового века Северного Причерноморья, несомненно, присутствовали и менее выразительные артефакты из горных пород, которые в контексте погребального обряда имели аналогичное предназначение. В отчётах и публикациях они фигурируют в качестве «отщепов кремня», «оселков», «растиральников», «пестов» и т.п. Трасологический и петрографический анализ подавляющего большинства данных изделий не проводился. Одним из авторов данной работы была изучена серия кремневых изделий ямной и катакомбной культурно-исторических общностей, морфология и технология изготовления которых, а также их размещение в могиле, свидетельствуют об их использовании в качестве зооморфных либо антропоморфных фигурок-амулетов (Razumov 2011: 98—101). Так, в ямном комплексе Перещепино (Пенькозавод) 4/13 (Новомосковский район Днепропетровской области) у левого плеча взрослого на кучке из более чем 230 мелких отщепов кремня располагались бифасиальный нож-кинжал, бронзовое шило и кремнёвая фигурка в форме «трезубца», с двумя симметрично расположенными на верхнем торце выемками без следов использования (Razumov 2011: fig. 32).

Схожее изображение происходит из ямного комплекса Малая Терновка 1/1 в Северо-Западном Приазовье (Акимовский район Запорожской области). Кремнёвое изделие, выполненное на фрагменте массивного отщепа, в дистальной части которого с помощью четы-

рёх выемок было сформировано пять симметричных полукруглых небольших выступов, было уложено у правого плеча в пятне охры рядом с костяной молоточковидной булавкой (Razumov 2011: fig. 16).

На территории Северо-Восточного Приазовья также известны комплексы ямной культурно-исторической общности, по набору инвентаря и погребальному обряду близкие рассматриваемому захоронению Зинцева Балка 2/17. В первую очередь упомянем основное погребение Кременёвка 3/4 (Володарский район Донецкой области), где под затылком погребённого, уложенного скорченно на спине головой на северо-восток, в пятне охры были зафиксированы кремнёвый нож на отщепе и изделие из песчаника размерами 8 × 2 см (рис. 4: 2), в публикации фигурирующее в качестве «тёрочника» (Константинеску 1988: 99, рис. 5: 4, 5). В основном погребении Новосёловка 6/7 (Тельмановский район Донецкой области) у правого плеча погребённого, уложенного скорченно на спине головой на северо-восток, на специальной подсыпке мощностью 10 см был найден кремнёвый ретушированный отщеп в форме пятиугольника, а в ногах на аналогичной подсыпке лежал кремнёвый нож на отщепе (Константинеску 1988: 97, рис. 3: 2—7). Кремнёвые изделия, уложенные рядом с черепами скорченных на спине и ориентированных в восточном секторе костяков, сочетались с каменными «растиральниками» и охрой в ямных комплексах Приморское 1/3, 1/5, 3/8 (Новоазовский район Донецкой области) (Razumov 2011: 159). Возможно, не все упомянутые выше каменные изделия являлись скульптурными изображениями. Для более конкретных выводов необходим, как минимум, их трасологический анализ. Однако прослеженное сходство в размещении данных артефактов в могиле (вплотную к черепу либо под ним, в пятне охры) и сочетание с режущими орудиями позволяют высказать предположение об их особой роли в погребальном обряде. Следует обратить внимание и на тот факт, что все упомянутые выше комплексы ямной культурно-исторической общности с каменными фигурками были исследованы на ограниченной территории степной зоны между Нижним Днепром и Северо-Восточным Приазовьем, тяготея к азовскому побережью.

Также отметим, что около десятка фигурок-амулетов из кремня и других горных пород было найдено в захоронениях катакомбных культур Северного Причерноморья (Ковалёва 1989: 50; Разумов 2010: 167—173; 2017: 262, рис. 2: 1; Razumov 2011: 100).

Таким образом, использование небольших сильно стилизованных каменных скульптурных изображений, морфологически близких образцам монументальной скульптуры, являлось частью погребального обряда скотоводческого населения степной зоны эпохи ранней и средней бронзы, отражая его идеологические представления. Наличие подобных фигурок в захоронениях, особенно в сочетании с режущими орудиями, может свидетельствовать об особом социальном и/или сакральном статусе погребённых.

Литература

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. 1999. Мир вещей по данным Ригведы. В: Елизаренкова Т. Я. (отв. ред.). *Ригведа. Мандалы V—VIII*. Москва: Наука, 487—525.

Ковалёва И. Ф. 1989. *Социальная и духовная культура племён бронзового века (по материалам Левобережной Украины)*. Днепропетровск: ДГУ.

Константинеску Л. Ф. 1984. Ранньоямні поховання Північно-Східного Приазов'я. *Археологія* 45, 61—68.

Константинеску Л. Ф. 1988. Новые материалы позднеямного времени Северо-Восточного Приазовья. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 92—107.

Кубышев А. И., Нечитайло А. Л. 1988. Кремнёвый скипетр Васильевского кургана. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 107—118.

Литвиненко Р. О. 2014. Східна периферія Дніпро-Прутської бабинської культури. В: Литвиненко Р. О. (відп. ред.). *Старожитності Північного Азов'я*. Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 60-й річниці від дня народження українського археолога, краєзнавця Володимира Костянтиновича Кульбаки (1954—2009). Маріуполь: МДУ, 28—41.

Митько О. А. 2006. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 5. Вып. 3: *Археология и этнография*. Новосибирск: НГУ, 110—127.

Могильников В. А. 1981. Тюрки. Сибирские древности VI—X вв. В: Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 29—43.

Новицкий Е. Ю. 1990. *Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Издательство Управления культуры.

Отрощенко В. В. 2000. Етнічні процеси в Україні в кам'яному віці та в палеометалічну епоху. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Етнічна історія дав-*

ньої України. Київ: ІА НАНУ, 7—44.

Підобід В., Усачук А., Цимідanов В. 2014. Поховання білозерського часу із Північно-Східного Приазов'я. *Археологічні студії* 5, 93—103.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. 2010. Погребение срубной культуры из Комсомольского (Астраханская область): некоторые аспекты осмысления. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия*. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 107—116.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. 2012. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века. *ДАЗ* 16, 194—245.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. 2013. Курган срубной культуры могильника Зинцева Балка (Северо-Восточное Приазовье). *ДАЗ* 17, 199—219.

Разумов С. Н. 2010. Катакомбное погребение с кремнёвой фигуркой. *ДАЗ* 13—14, 167—173.

Разумов С. Н. 2017. Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 3. Мемориальный сборник науч. работ в память лауреата Гос. премии Украины, акад. РАЕН, проф., д-ра ист. наук Владимира Никифоровича Станко. Одесса: Ирбис, 257—265.

Разумов и др. 2015: Разумов С. Н., Смирнов А. И., Смирнов Л. И., Карнаух Е. Г. 2015. Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана. *Stratum plus* (2), 329—357.

Семёнов С. А. 1968. *Развитие техники в каменном веке*. Ленинград: Наука.

Тельнов Н. П., Разумов С. Н., Синика В. С. 2016. Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре). *Stratum plus* (3), 129—141.

Субботин Л. В., Разумов С. Н., Синика В. С. 2017. *Семёновские курганы.* АПП IV. Тирасполь: Stratum plus.

Телегін Д. Я. 1980. Амулети епохи бронзи — раннього заліза з Подніпров'я. *Археологія* 34, 82—86.

Усачук та ін. 2007: Усачук А. М., Цимідanов В. В., Підобід В. А., Литвиненко Р. О. 2007. Розкопки кургану на околиці Маріуполя (Північно-Східне Приазов'я). *АДУ* 2005—2007 рр., 388—395.

Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. 1986. *Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант).* САИ В1—3. Киев: Наукова думка.

Razumov S. 2011. *Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC (based on burial materials).* BPS 16. Poznań: Adam Mickiewicz University.

References

Elizarenkova, T. Ya., Toporov, V. N. 1999. In Elizarenkova, T. Ya. (ed.). *Rigveda. Mandaly V—VIII (The Rigveda: Mandalas V—VIII).* Moscow: "Nauka" Publ., 487—525 (in Russian).

Kovaleva, I. F. 1989. *Sotsial'naia i dukhovnaia kul'tura plemen bronzovogo veka (po materialam Levoberezhnoi Ukrainy) (Social and Spiritual Culture of the Bronze Age Tribes (on the Materials from the Left Bank Ukraine)).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University (in Russian).

Constantinescu, L. F. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology)*, 45, 61—68 (in Ukrainian).

Constantinescu, L. F. 1988. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Novye pamiatniki iamnoi kul'tury stepnoi zony Ukrainy (New Sites of the Pit-grave Culture from the Steppe Zone of Ukraine).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 92—107 (in Russian).

Kubyshev, A. I., Nechitailo, A. L. 1988. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Novye pamiatniki iamnoi kul'tury stepnoi zony Ukrainy (New Sites of the Pit-grave Culture from the Steppe Zone of Ukraine).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 107—118 (in Russian).

Lytvynenko, R. O. 2014. In Lytvynenko, R. O. (ed.). *Starozhytnosti Pivnichnoho Azov'ya (Antiquities of the Northern Azov Sea Area).* Mariupol: Mariupol State University, 28—41 (in Ukrainian).

Mit'ko, O. A. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia, filologiia (Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology).* Vol. 5. Issue 3: *Arkheologiia i etnografiia (Archaeology and Ethnography).* Novosibirsk: Novosibirsk State University, 110—127 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 29—43 (in Russian).

Novitskii, E. Yu. 1990. *Monumental'naia skul'ptura drevneishikh zemledel'tsev i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monumental Sculpture of the Earliest Farmers and Cattle-breeders of the North-Western Pontic Region).* Odessa: "Upravlenie kul'tury" Publ. (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2000. In Tolochko, P. P., Kozak, D. N., Motsia, O. P., Murzin, V. Yu., Otroshchenko, V. V., Segeda, S. P. *Etnichna istoriya davn'oï Ukraïny (Ethnical History of Ancient Ukraine).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 7—44 (in Ukrainian).

Pidobid, V., Usachuk, A., Tsymidanov, V. 2014. In *Arkheolohichni studiï (Archaeological Studies)* 5, 93—103 (in Ukrainian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2010. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries).* Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House, 107—116 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2012. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk Archaeological Collected Papers)* 16, 194—245 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2013. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk Archaeological Collected Papers)* 17, 199—219 (in Russian).

Razumov, S. N. 2010. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk Archaeological Collected Papers)* 13—14, 167—173 (in Russian).

Razumov, S. N. 2017. In Prigarin, A. A. (ed.). *Chelovek v istorii i kul'ture (The Man in History and Culture)* 3. Odessa: "Irbis" Publ., 257—265 (in Russian).

Razumov, S. N., Smirnov, A. I., Smirnov, L. I., Karnaukh, E. G. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 329—357 (in Russian).

Semenov, S. A. 1968. *Razvitie tekhniki v kamennom veke (The Evolution of Technique in the Stone Age).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Telnov, N. P., Razumov, S. N., Sinika, V. S. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 129—141 (in Russian).

Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semenovskie kurgany (Semyonovka Barrows).* Series: Arhaeological Sites of the Dniester Region IV. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Telehin, D. Ya. 1980. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 34, 82—86 (in Ukrainian).

Usachuk, A.M., Tsymidanov, V.V., Pidobid, V.A., Lytvynenko, R.O. 2007. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2005—2007 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2005—2007)*, 388—395 (in Ukrainian).

Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N., Dovzhenko, N.D. 1986. *Iamnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (iuzhnobugskii variant) (Pit-grave Cultural-Historical Community (Southern Bug Variant)).* Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—3. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Razumov, S. 2011. *Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC (based on burial materials).* BPS 16. Poznań: Adam Mickiewicz University.

Статья поступила в сборник 20 ноября 2017 г.

Sergey Razumov (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko[1].

Разумов Сергей Николаевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: razum_22@rambler.ru

Anatoly Usachuk (Donetsk, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Donetsk Regional Museum of Local History[2].

Усачук Анатолий Николаевич (Донецк, Украина). Кандидат исторических наук. Донецкий областной краеведческий музей.

E-mail: doold@mail. ru

Addresses: [1] 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; [2] Chelyuskintsev St., 189A, Donetsk, 83048, Ukraine

Г. Л. Евдокимов, Н. М. Данилко, С. Ж. Пустовалов

Курганы бронзового века в низовьях Днепра
(раскопки Краснознаменской экспедиции в 1991 г.)

Keywords: Lower Dnieper region, Bronze Age, barrow, burial, Yamnaya culture, Catacomb culture, Babino culture, Srubnaya culture

Ключевые слова: Нижнее Поднепровье, эпоха бронзы, курган, погребение, ямная культура, катакомбная культура, бабинская культура, срубная культура

G. L. Evdokimov, N. M. Danilko, S. Zh. Pustovalov

Bronze Age Barrows in the Lower Dnieper Region (excavations of the Krasnoznamenskaya expedition in 1991)

The article deals with the results of studies of the Bronze Age barrows by the Krasnoznamenskaya expedition in the Lower Dnieper region in 1991. Data about 53 burials of Pit Graves cultural-historical community (36), Catacomb Graves cultures (10), Babino culture (2), and the Berezhnovka-Maiovka Srubnaya Graves culture (5) are published here. There are many children's graves among the burials of the Pit Grave culture. The Late Tripolye influences were noted in the funerary rite of the Pit Graves population. Complexes of the Ingul Catacomb culture are the most interesting. The praying pose, as well as the pose typical for the Pit Graves burials (as another evidence of the simultaneous existence of the Pit Graves and the Ingul population), a batch internment, a rare ritual bowl of rectangular shape, sling stones, and a stone ax-hammer were found. Ordinary graves predominate in all cultures.

Г. Л. Евдокимов, Н. М. Данилко, С. Ж. Пустовалов

Курганы бронзового века в низовьях Днепра (раскопки Краснознаменской экспедиции в 1991 г.)

Статья посвящена результатам исследований курганов эпохи бронзы Краснознаменской экспедицией в низовьях Днепра в 1991 г. Публикуются данные о 53 погребениях ямной культурно-исторической общности (36), катакомбных культур (10), бабинской культуры (2) и бережновско-маевской срубной культуры (5). В числе захоронений ямной культуры сравнительно много детских. В погребальном обряде ямного населения отмечены позднетрипольские влияния. Наиболее интересны комплексы ингульской катакомбной культуры. Встречены поза погребённого ничком, а также поза, характерная для ямных погребений (это ещё одно свидетельство одновременного существования ямного и ингульского населения), пакетное захоронение, найдены редкая ритуальная чаша прямоугольной формы, пращевые камни, заготовка каменного топора-молота. Во всех культурах преобладают рядовые захоронения.

В 1991 г. Краснознаменская постоянно действующая новостроечная экспедиция ИА АН УССР продолжала исследования курганов в зоне реконструкции оросительных систем в Херсонской области.

За полевой сезон исследованы 1 курган у пос. Солнечное Зеленовского поселкового совета Днепровского района г. Херсона на полях совхоза «Овощной», 1 курган у с. Александровка (совхоз им. XII лет Октября), 1 курган у пос. Днепровское Белозерского района, 13 курганов у с. Тягинка Бериславского района (совхоз им. Калинина), 1 курган у с. Высокое Бериславского района (совхоз «Украина») и 1 курган у пгт. Новая Маячка Цюрупинского района (совхоз «Латышские стрелки») (Евдокимов, Куприй 1991) (рис. 1).

Расположение курганов в зоне интенсивного землепользования очень сильно сказалось на их сохранности. Почти все они несут следы разрушений от хозяйственной деятельности человека, поэтому их исследования были сопряжены с большими трудностями соблюдения норм методики археологических раскопок. Для всех курганов глубины основных погребений приводятся от древнего горизонта, впускных — от условной нулевой точки на вершине кургана.

Курган 2 у с. Новая Маячка

Курган 2 у с. Новая Маячка Цюрупинского района Херсонской области находился на естественной возвышенности среди ровной степи, в 1,5 км от села (рис. 2). В 1984 г. сотрудниками Херсонского областного краеведческого музея здесь был исследован курган 1 (Абикулова, Черная 1984).

Курган 2 имел округлую в плане распаханную насыпь высотой 0,5 м и диаметром

© Г. Л. Евдокимов, Н. М. Данилко, С. Ж. Пустовалов, 2018.

Рис. 1. Расположение исследованных памятников: 1 — Новая Маячка; 2 — Солнечное; 3 — Александровка; 4 — Тягинка; 5 — Высокое; 6 — Днепровское.

Fig. 1. Location of excavated sites: 1 — Novaya Mayachka; 2 — Solnechnoye; 3 — Aleksandrovka; 4 — Tyaginka; 5 — Vysokoe; 6 — Dneprovskoe.

20 м. Под насыпью открыто семь погребений, из них два — позднеямных, четыре — срубных и одно — средневековое (рис. 3: 1).

Погребение 1 (бережновско-маевской срубной культуры, впускное) (рис. 3: 2). Впущено в западную полу кургана на глубину 0,7 м. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Согнутые в локтях руки сложены кистями к лицу. Ноги согнуты под острым углом к туловищу. Перед лицом стоял лепной сосуд.

Описание находки.

1. Баночный сосуд с прямыми, слегка расширяющимися к венчику стенками. На поверхности следы расчёсов. Н (высота) — 10,5 см, Дв (диаметр венчика) — 12,3 см, Дд (диаметр дна) — 8,6 см (рис. 3: 3).

Погребение 2 (бережновско-маевской срубной культуры, впускное) (рис. 3: 5) открыто в юго-западном секторе кургана. Прямоугольная в плане могильная яма 1,6×1,1 м была ориентирована по длине с северо-запада на юго-восток. Дно ямы находилось на глубине 0,5 м. Погребённый лежал сильно скорченно на правом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях и сложены кистями перед лицом. Ноги, согнутые под острым углом к туловищу, прижаты к груди. Перед лицом погребённого стоял лепной сосуд (1) (рис. 3: 8, 10).

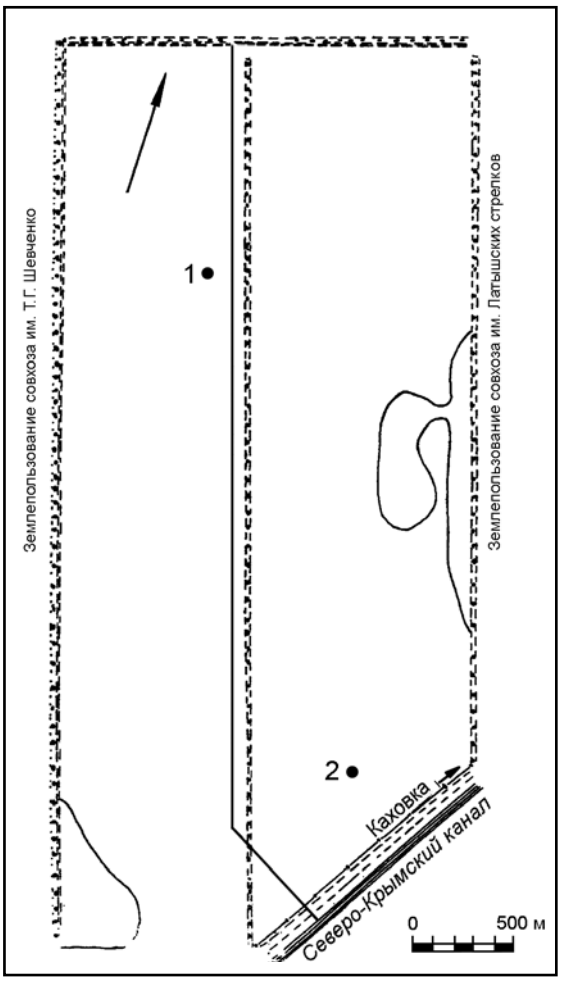

Рис. 2. Расположение курганов у с. Новая Маячка.

Fig. 2. Location of barrows near Novaya Mayachka village.

Описание находки.

1. Широкогорлый биконический горшок с коническим туловом на плоском дне. Венчик слегка отогнут наружу. На венчике геометрический орнамент из оттисков шнура. Н — 10,2 см, Дв — 12,3 см, Нб (высота бока) — 5,4 см, Дб (диаметр бока) — 14,5 см, Дд — 8 см (рис. 3: 10).

Погребение 3 (бережновско-маевской срубной культуры, впускное) (рис. 3: 4) выявлено рядом с погребением 2. Скелет подростка лежал на глубине 0,55 м, скорченно на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях и сложены кистями перед лицом. Ноги согнуты под острым углом к туловищу. Перед лицом погребённого стоял лепной сосуд (1).

Описание находки.

1. Биконический остроребёрный горшок. Дно плоское с небольшой закраиной, Н — 14 см, Нб — 9,5 см, Дв — 15,5 см, Дб — 10 см, Дд — 10,8 см (рис. 3: 6).

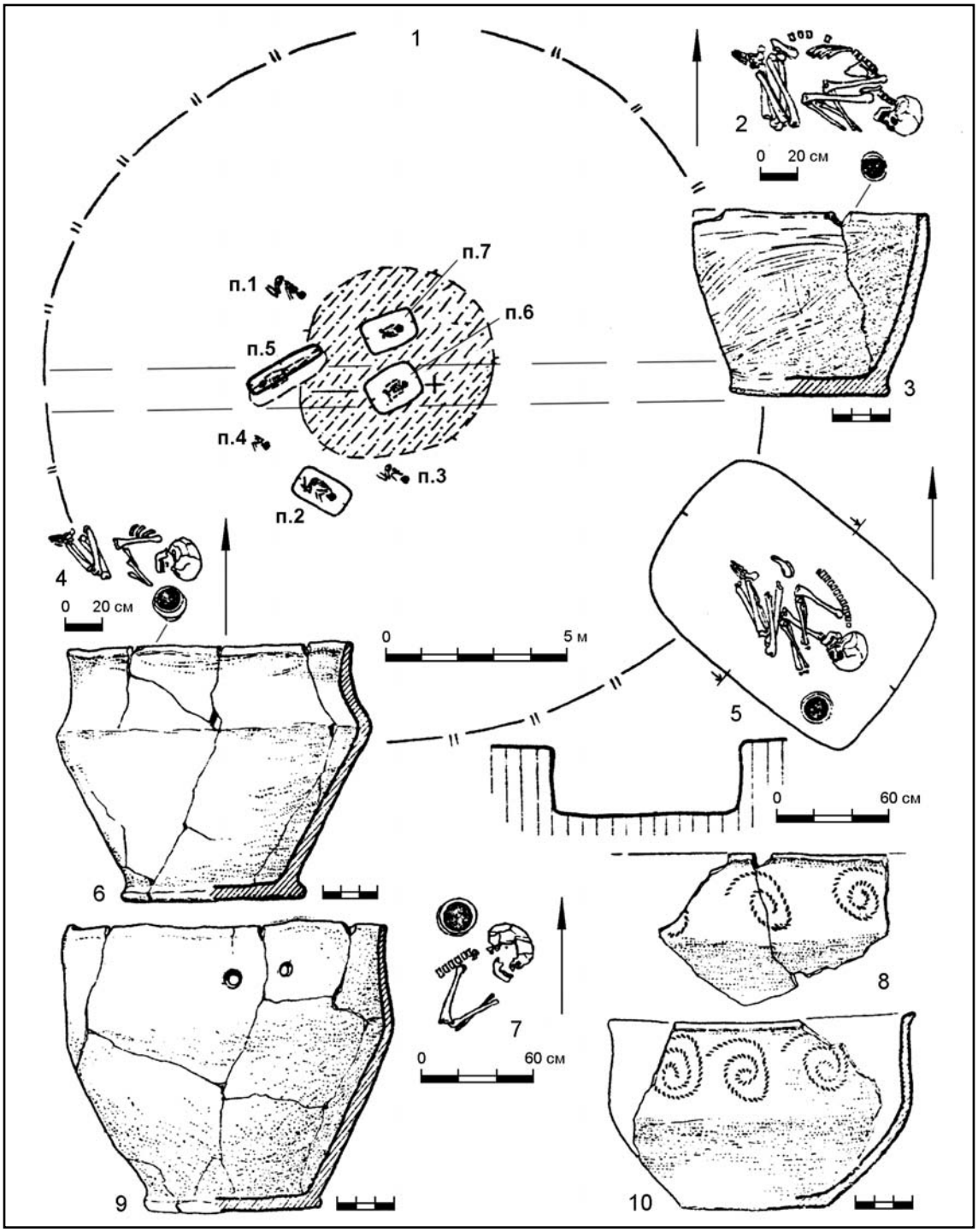

Рис. 3. План и материалы кургана 2 у с. Новая Маячка. 1 — план кургана; 2, 3 — погр. 1; 4, 6 — погр. 3; 5, 8, 10 — погр. 2; 7, 9 — погр. 4.

Fig. 3. The plan and materials from barrow 2 near Novaya Mayachka village.1 — plan of the barrow; 2, 3 — burial 1; 4, 6 — burial 3; 5, 8, 10 — burial 2; 7, 9 — burial 4.

Погребение 4 (бережновско-маевской срубной культуры, впускное) (рис. 3: 7) открыто в западной поле кургана на глубине 0,5 м. От костяка погребённого сохранилась верхняя часть. Судя по остаткам, он лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток. Руки сложены кистями перед лицом. За черепом стоял лепной сосуд (1).

Описание находки.

1. Широкогорлый сосуд со слегка выпуклым туловом. Дно плоское с небольшой закраиной. Под венчиком два отверстия — сле-

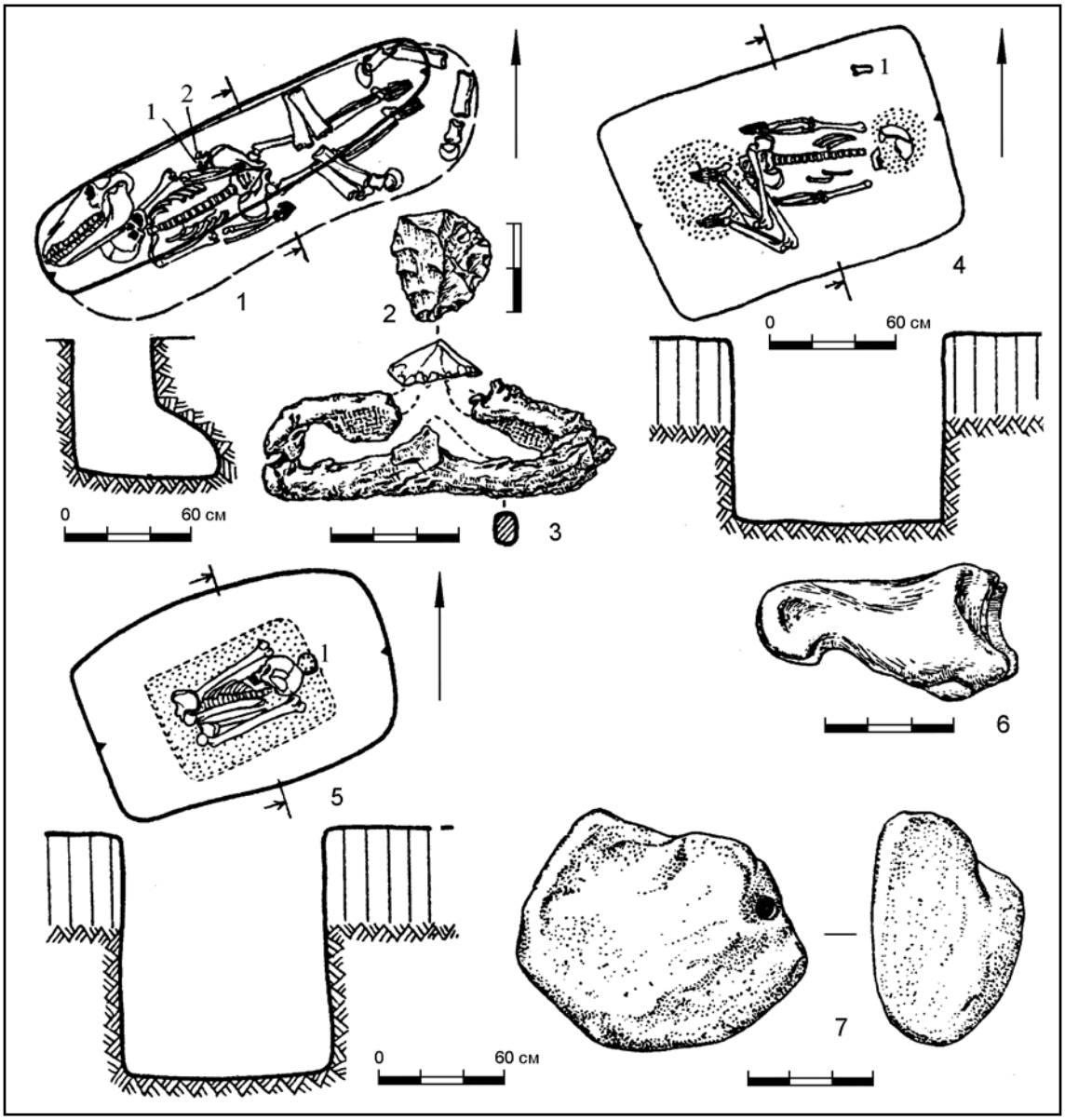

Рис. 4. Материалы кургана 2 у с. Новая Маячка. 1—3 — погр. 5; 4, 6 — погр. 6; 5, 7 — погр. 7.

Fig. 4. Materials from barrow 2 near Novaya Mayachka village. 1—3 — burial 5; 4, 6 — burial 6; 5, 7 — burial 7.

ды ремонта сосуда. Н — 15,5 см, Нб — 10 см, Дб — 14,5 см, Дв — 14 см, Дд — 10,5 см (рис. 3: 9).

Погребение 5 (средневекового кочевника, впускное) (рис. 4: 1) найдено в центральной части кургана. Узкая овальная входная яма размерами 2,1×0,4 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Дно ямы находилось на глубине 1,35 м. Подбой был вырыт вдоль южной стенки входной ямы. Его ширина 0,3 м, длина 2,2 м, высота 0,4 м. Дно подбоя ниже дна входной ямы на 0,05 м.

Погребённый лежал на дне входной ямы, частично занимая и подбой, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Возле кисти левой руки лежало кресало (1). Очевидно, погребённый был накрыт шкурой лошади с черепом и нижними частями конечностей.

1. Калачиковидное кресало из прямоугольного в сечении железного прута. В середине находился кремень (рис. 4: 2, 3).

Погребение 6 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 4: 4) находилось в центре кургана и было окружено материковым выкидом.

Прямоугольная в плане могильная яма размерами 1,6×1,1 м была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Дно ямы находилось на глубине 0,9 м. Погребённый лежал на спине с подогнутыми ногами, упав-

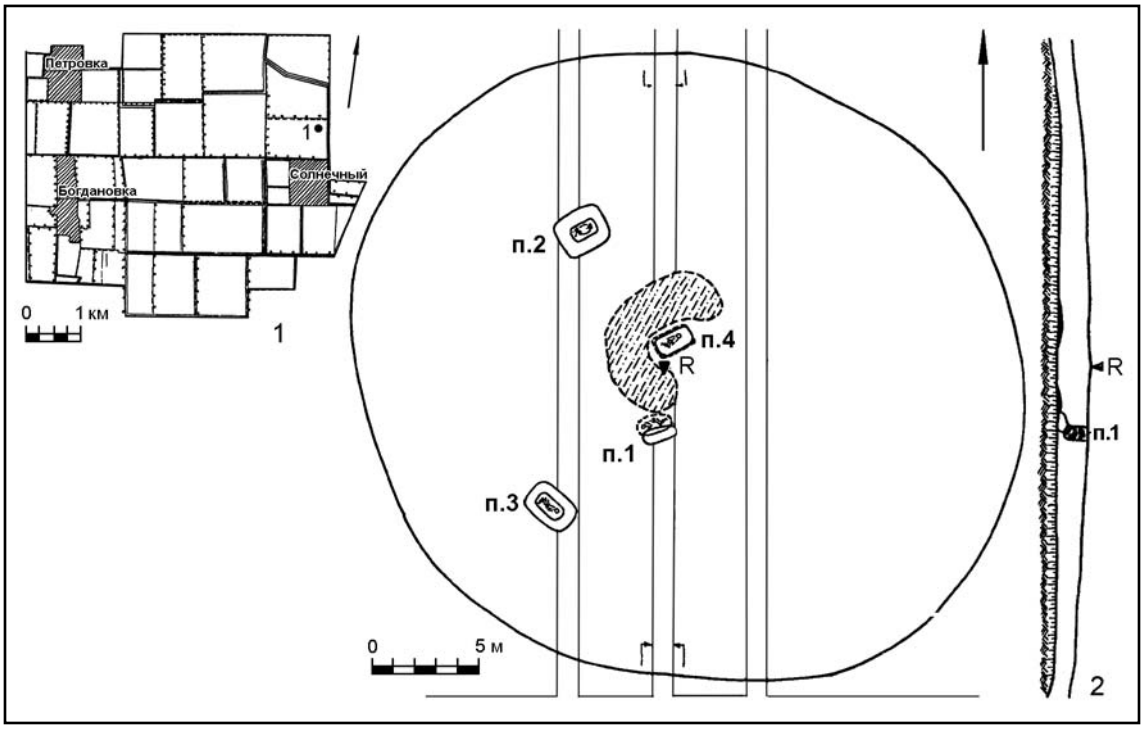

Рис. 5. Расположение (1) и план (2) кургана 1 у пос. Солнечное.

Fig. 5. Location (1) and plan (2) of barrow 1 near Solnechnoe village.

шими влево. Руки вытянуты вдоль тела. Череп и ступни ног посыпаны красной охрой. Возле правого плеча находился астрагал (рис. 4: 6).

Погребение 7 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 4: 5) расположено рядом с погребением 6. Прямоугольная в плане могильная яма размерами 1,6×1,0 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Дно ямы находилось на глубине 1,2 м. Скелет погребённого был расчленён и сложен «пакетом» в центральной части ямы, череп находился в северо-восточной части скопления костей. Кости обильно посыпаны красной охрой. Под черепом находилась дисковидная лепёшка охры с отверстием у края (рис. 4: 7).

Курган 1 у пос. Солнечное

Курган 1 у пос. Солнечное Днепровского района г. Херсон находился на ровном участке степи правого берега р. Ингулец, в 300 м к северу от села (рис. 5: 1). Он входил в состав большой курганной группы, расположенной на водоразделе балок правого берега Ингульца. В 1989 г. Краснознаменской новостроечной экспедицией здесь были исследованы курганы 1—3 у с. Федоровка.

Круглая в плане насыпь кургана 1 распахана. Высота её 1,5 м, диаметр — 33 м. В кургане открыто четыре погребения: три позднеямных и одно бабинской культуры (рис. 5: 2).

Погребение 1 (бабинской культуры, впускное) (рис. 6: 1) выявлено в центре кургана. Подпрямоугольная в плане входная яма размерами 1,5×0,7 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Яма полностью забутована плитами известняка. Дно находилось на глубине 1,0 м. Овальная в плане погребальная камера размерами 1,6×0,7 м была расположена вдоль северной стенки ямы. Высота свода 0,5 м. Дно подбоя находилось на глубине 1,4 м, на 0,4 м ниже дна входной ямы. Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте, кисть перед грудью. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу, пятки — у таза. Возле головы лежал позвонок крупного животного (крупного рогатого скота?).

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 6: 2) обнаружено в северо-западной части кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 3,0×2,2 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На глубине 1,4 м яма сужалась уступом шириной 0,6—0,8 м. На уступе находились необработанные известняковые плиты перекрытия, уложенные поперёк могилы. Ниже уступа яма имела размеры

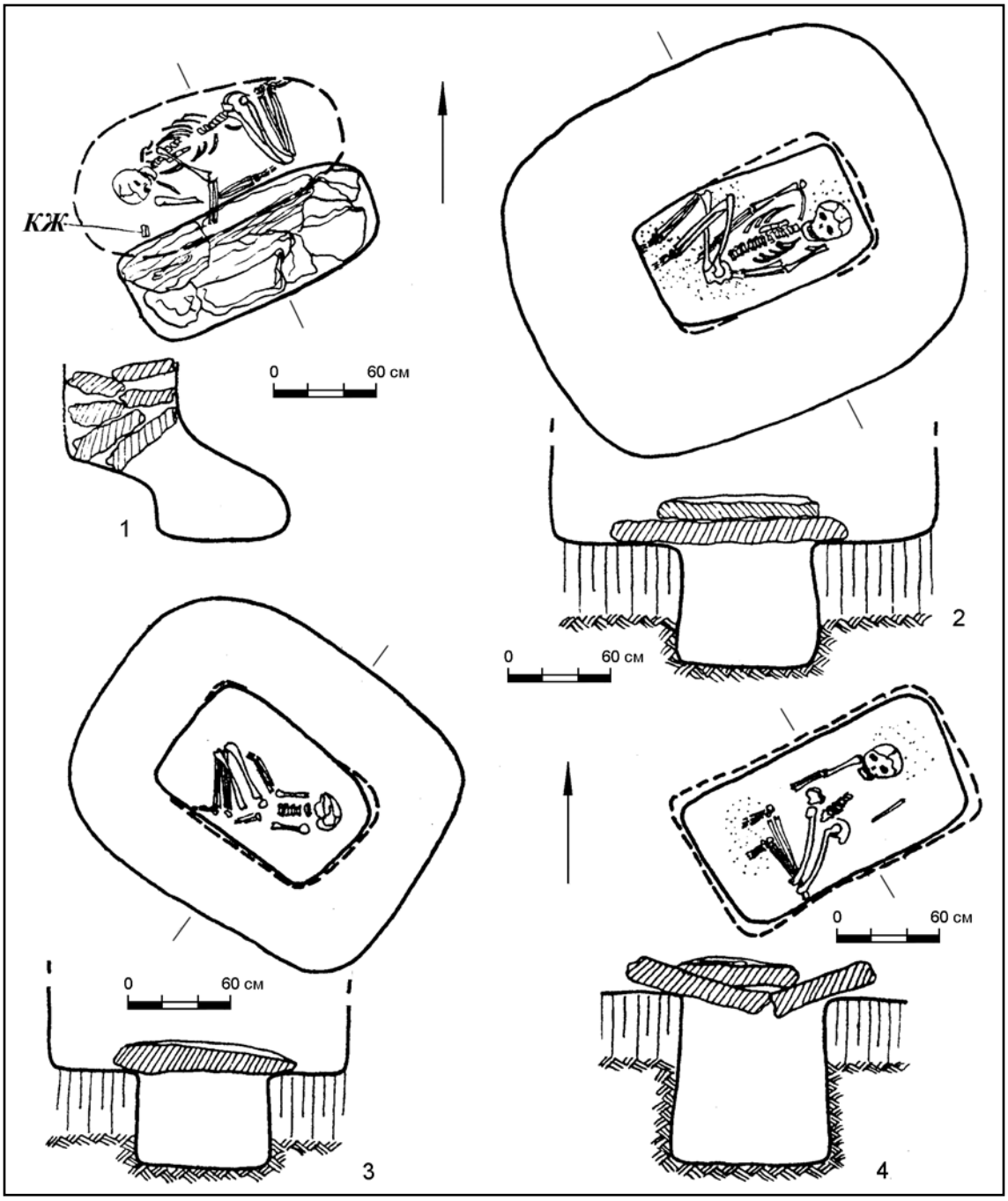

Рис. 6. Материалы кургана 1 у пос. Солнечное. 1 — погр. 1; 2 — погр. 2; 3 — погр. 3; 4 — погр. 4.

Fig. 6. Materials from barrow 1 near Solnechnoe village. 1 — burial 1; 2 — burial 2; 3 — burial 3; 4 — burial 4.

1,2×0,75 м. Слегка расширялась по стенкам ко дну. Дно ямы находилось на глубине 2,1 м, на 0,7 м ниже уступа.

Погребённый лежал на спине с подогнутыми ногами, упавшими вправо, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль тела. Череп и нижняя часть скелета окрашены охрой.

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 6: 3) впущено в юго-западный сектор кургана. Подпрямоугольная в плане яма 2,9×1,9 м, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток, на глубине 1,4 м сужалась уступом шириной 0,4—0,7 м. На уступе находились необработанные известняковые плиты перекрытия, уложенные поперёк могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,3×0,8 м. Дно её находилось на глубине 2,0 м, на 0,6 м ниже уступа.

Скелет подростка лежал скорченно на правом боку головой на восток. Руки, слегка согнутые в локтях, лежали вдоль тела. Ноги согнуты под тупым углом к туловищу, пятки у таза.

Погребение 4 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 6: 4) находилось в центре кургана. На уровне древнего горизонта яма была окружена полукольцом материкового выкида с разрывом на востоке. Могила была перекрыта тремя большими необработанными известняковыми плитами, уложенными поперёк ямы. Прямоугольная в плане могильная яма 1,7×0,9 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ко дну яма расширялась по стенкам на 5—10 см. Дно ямы находилось на глубине 1,05 м.

Погребённый лежал на спине, с подогнутыми ногами, упавшими влево, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Череп и ступни ног посыпаны охрой.

Курган 1 у с. Александровка

Курган 1 у с. Александровка Белозерского района Херсонской области входил в состав небольшой курганной группы, расположенной на правом берегу Днепровского лимана, вдоль древней балки, идущей к лиману с севера, в 5 км к северо-северо-западу от села (рис. 7: 1).

Насыпь кургана сильно повреждена каналом местной оросительной сети, особенно западная пола. Высота кургана 1,6 м, диаметр — 40 м. В кургане открыто десять погребений: шесть позднеямных, три позднекатакомбных и одно бабинской культуры (рис. 7: 4).

Погребение 1 (бабинской культуры, впускное) (рис. 7: 2) выявлено в юго-восточном секторе кургана. Подпрямоугольная в плане могильная яма размерами 1,3×0,8 м была ориентирована по линии запад — восток. Дно ямы находилось на глубине 2,3 м.

Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на запад. Правая рука согнута в локте кистью к лицу, левая — вытянута вдоль тела. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. За черепом лежала трубчатая кость мелкого рогатого скота, возле коленей — копытце мелкого рогатого скота (рис. 7: 3).

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 8: 5) впущено в северо-западный сектор первичной насыпи кургана. Выкид из ямы лежал на склоне первичной насыпи. Прямоугольная в плане могильная яма размерами 1,8×1,0 м с выделенными углами была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ко дну яма расширялась по стенкам на 5—10 см. Дно находилось на глубине 2,6 м.

Погребённый лежал на спине, головой на северо-восток, с поднятыми в коленях и распавшимися «ромбом» ногами. Руки вытянуты вдоль тела. Возле правого плеча лежал кремнёвый наконечник стрелы (1).

Описание находки.

1. Кремнёвый наконечник стрелы подтреугольной формы с выемкой в основании. Размеры наконечника 1,5×1,2 см (рис. 8: 6).

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 8: 13) обнаружено в юго-восточном секторе кургана. Подпрямоугольная в плане яма 2,8×2,1 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На глубине 1,6 м яма сужалась уступом шириной 0,5—0,7 м, на котором прослежены остатки деревянных плах перекрытия могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,2×0,8 м. Она расширялась ко дну по стенкам на 5—10 см. Дно ямы находилось на глубине 2,4 м, на 0,8 м ниже уступа.

Погребённый лежал скорченно на правом боку с разворотом на спину, головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте, кистью на тазе. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу, пятки — у таза. По дну ямы прослежена меловая подсыпка.

Погребение 4 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 8: 12) находилось в центре кургана. На уровне древнего горизонта яма была окружена полукольцом материкового выкида с разрывом в восточной части. Прямоугольная в плане яма 1,7×1,1 м, с выделенными углами, была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ко дну яма расширялась по стенкам на 5—10 см. Дно могилы находилось на глубине 1,05 м.

Костяк погребённого лежал на спине с подогнутыми ногами, упавшими влево, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела. На дне могилы прослежена меловая посыпка.

Погребение 5 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 8: 9) обнаружено в северо-западном секторе кургана. Яма погребения имела прямоугольную форму размерами 2,2×1,8 м. Она была ориентирована по линии север — юг. На глубине 1,6 м яма сужалась уступом шириной 0,5 м, на котором находились необработанные известняковые плиты перекрытия, просевшие в могилу. Ниже уступа яма имела размеры 1,4×0,7 м. Яма расширялась ко дну на 5—10 см. Северная часть

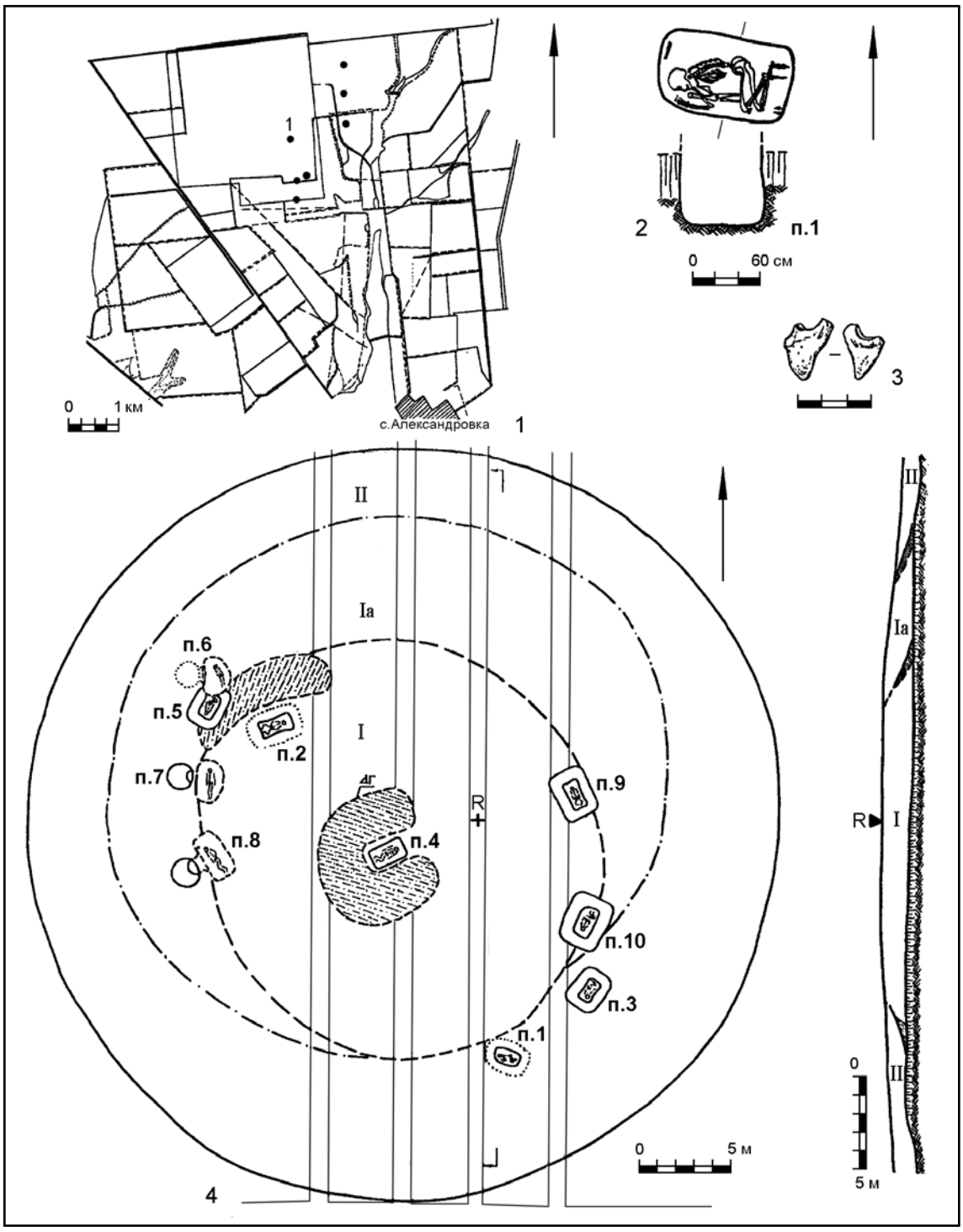

Рис. 7. Расположение курганов у с. Александровка (1), план (4) и материалы кургана 1: 2, 3 — погр. 1 .

Fig. 7. Location of barrows near Alexandrovka village (1), plan of barrow 1 (4) and materials from it: 2, 3 — burial 1.

ямы и скелета погребённого разрушены катакомбой погребения 6. Дно ямы находилось на глубине 2,65 м, на 1,1 м ниже уступа.

Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кистью на тазе. Ноги согнуты в коленях под тупым углом к туловищу, голени отсутствуют. Перед лицом погребённого стоял лепной сосуд (1). За черепом лежал кусок охры.

Описание находки.

1. Широкогорлый горшочек с прямым венчиком, высокими плечиками и коническим туловом на небольшом уплощённом дне.

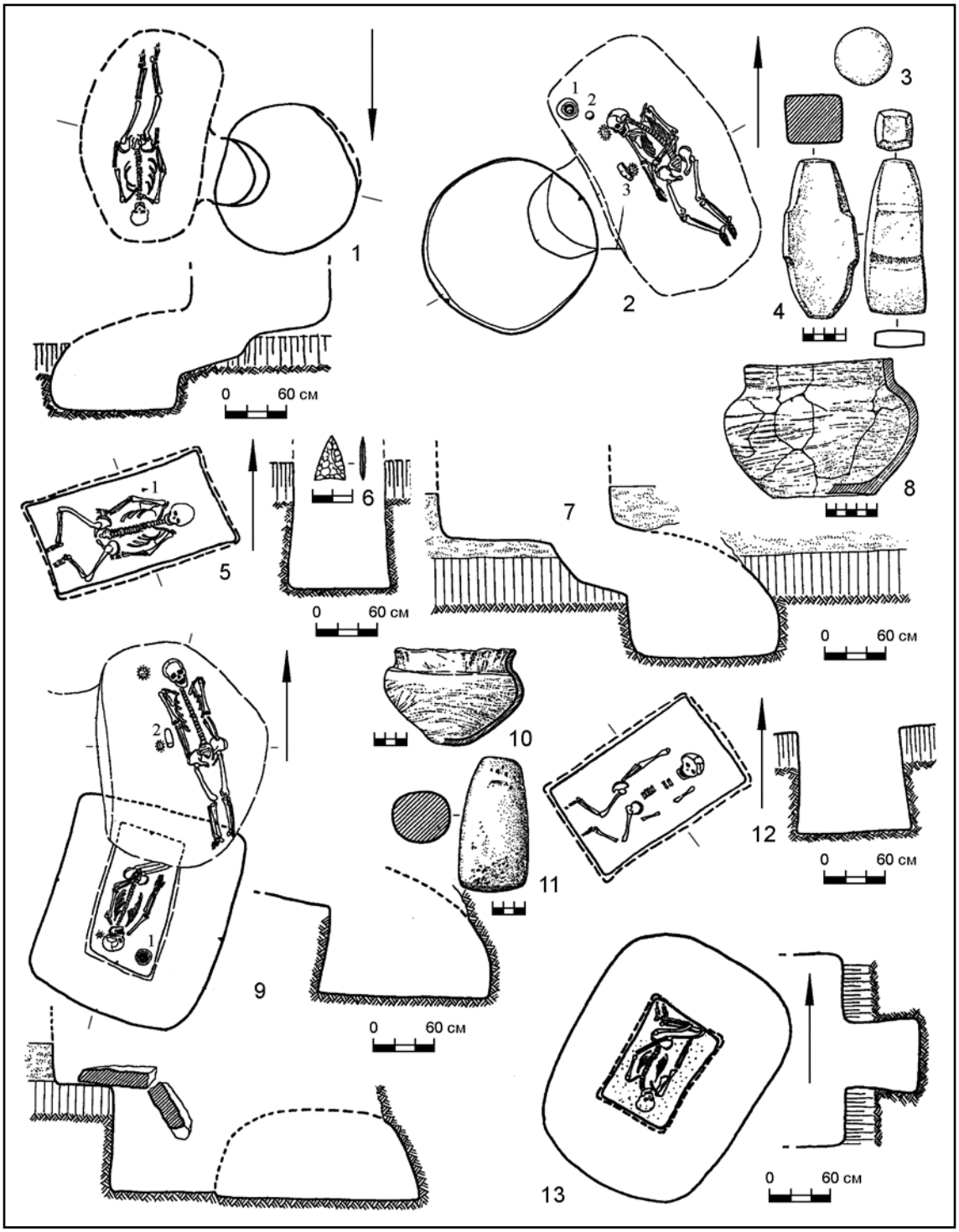

Рис. 8. Материалы кургана 1 у с. Александровка. 1 — погр. 7; 2—4, 7, 8 — погр. 8; 5, 6 — погр. 2; 9—11 — погр. 5 и 6; 12 — погр. 4; 13 — погр. 3.

Fig. 8. Materials from barrow 1 near Alexandrovka village. 1 — burial 7; 2—4, 7, 8 — burial 8; 5, 6 — burial 2; 9—11 — burial 5 and 6; 12 — burial 4; 13 — burial 3.

Поверхность покрыта расчёсами. Н — 9,3 см, Нб — 6,5 см, Дв — 12,0 см, Дб — 19,5 см, Дд — 4 см (рис. 8: 10).

Погребение 6 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 8: 9) обнаружено в северо-западном секторе кургана. Камера погребения 6, прорезавшая северную часть погребения 5, имела овальную в плане форму размерами 2,2×1,6 м и была ориентирована по линии север — юг. Высота свода — 0,9 м.

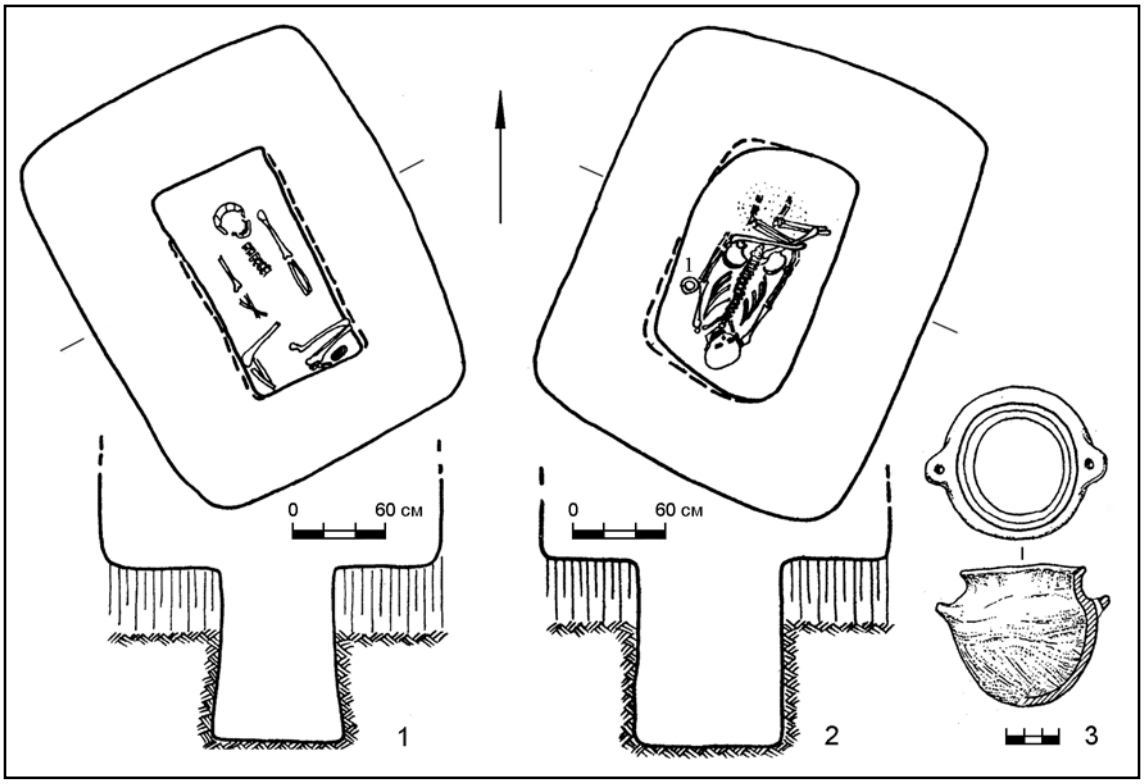

Рис. 9. Материалы кургана 1 у с. Александровка: 1 — погр. 9; 2, 3 — погр. 10.

Fig. 9. Materials from barrow 1 near Alexandrovka village: 1 — burial 9; 2, 3 — burial 10.

Дно камеры находилось на глубине 2,7 м. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на северо-северо-запад. Справа находился овальный кусок охры. Возле локтя правой руки — второй кусок охры и каменный пест (1).

Описание находки.

1. Гранитный пест в форме усечённого конуса. Длина 13 см, диаметр рабочей части 5 см (рис. 8: 11).

Погребение 7 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 8: 1) впущено в западный сектор кургана. Округлая в плане входная яма имела размеры 1,6×1,4 м. Дно ямы находилось на глубине 1,5 м, имело наклон на восток к входу в камеру. Перед входом было вырыто овальное углубление размерами 0,7×0,8 м, дно которого переходит в короткий дромос. Ширина входа 0,7 м, длина дромоса 0,15 м. Овальная в плане камера размерами 2,2×1,3 м, ориентированная по линии север — юг, была выведена к центру кургана. Дно камеры находилось на глубине 2,3 м, на 0,3 м ниже дна дромоса. Свод просел.

Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на север.

Погребение 8 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 8: 2) находилось рядом с погребением 7. Круглая в плане входная яма имела диаметр 1,7 м. Её дно находилось на глубине 1,4 м. Вход в камеру был расположен под восточной стенкой ямы. Перед входом находилось овальное углубление размерами 0,6×0,9 м, дно которого наклонно переходит в короткий дромос. Высота входа 0,6 м. Прямоугольная в плане камера размерами 2,6×1,4 м, ориентированная по линии юго-юго-восток — северо-северо-запад, была направлена к центру кургана. Свод не сохранился. Дно камеры находилось на глубине 2,6 м, на 0,6 м ниже дна дромоса.

Погребённый лежал на правом боку, с разворотом на спину, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута под прямым углом. Ноги слегка согнуты в коленях. За головой находился сосуд (1) и каменный шар (2). Перед лицом — пятно алой охры. Вдоль правой руки лежали заготовка каменного топора-молота (3) и кусок охры.

Описание находок.

1. Горшок с невысоким прямым венчиком, раздутым округлым туловом на плоском дне. Поверхность заглажена расчёсами. Н — 13,5 см, Нб — 9,7 см, Дв — 14 см, Дб — 18,9 см, Дд — 10 см (рис. 8: 8).

2. Каменный шар диаметром 5,5 см (рис. 8: 3).

3. Гранитная заготовка для топора-молота подтрапециевидной формы, слегка прогнутая в сечении. Использовалась в качестве песта. Размеры 15,2×5,5×5 см (рис. 8: 4).

Погребение 9 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 9: 1) обнаружено в восточном секторе кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 2,7×2,2 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад, на глубине 1,5 м сужалась уступом шириной 0,4—0,6 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,5×0,7 м. Расширялась ко дну по длинным стенкам на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 2,6 м, на 1,1 м ниже уступа.

Погребённый лежал на спине, головой на северо-запад, с подогнутыми в коленях ногами, распавшимися «ромбом». Руки вытянуты вдоль тела. Череп окрашен охрой, возле ступни левой ноги также зафиксирована охра.

Погребение 10 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 9: 2) открыто в восточном секторе кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 2,6×2,2 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, на глубине 1,5 м понижалась уступом шириной 0,6—0,7 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,6×0,9 м. Её дно находилось на глубине 2,7 м, на 1,2 м ниже уступа.

Погребённый лежал на спине головой на юго-запад с подогнутыми в коленях ногами, упавшими вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Возле локтя левой руки стоял лепной сосуд (1). Ступни ног были посыпаны красной охрой.

Описание находки.

1. Небольшой сосуд — «амфорка» с прямой шейкой, высокими плечиками и небольшим плоским дном. На плечиках два выступающих налепа со сквозным отверстием — «ушки». Поверхность сглажена расчёсами. Н — 8,2 см, Нб — 6 см, Дв — 6,8 см, Дд — 4,2 см (рис. 9: 3).

Курганы у с. Тягинка

Курганы у с. Тягинка Бериславского района Херсонской области находились на высоком мысовидном участке правого берега р. Днепр, в месте впадения в него р. Тягинка на землях совхоза им. М.И. Калинина (рис. 10).

Курган 2 (рис. 11: 1). Насыпь распахана. Высота её 0,5 м, диаметр 21 м. В кургане выявлено два ямных и одно срубное погребение.

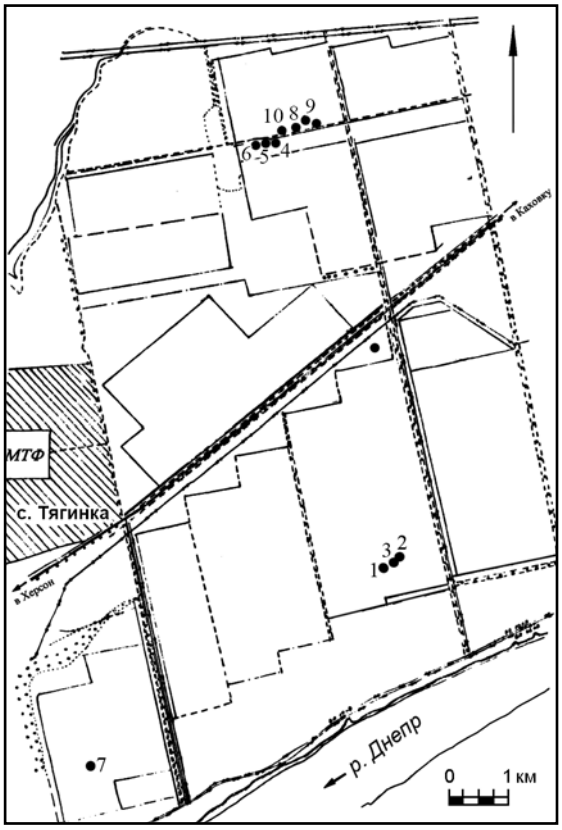

Рис. 10. Расположение курганов у с. Тягинка.

Fig. 10. Location of barrows near Tyaginka village.

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 11: 2) впущено в западную полу кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 0,8×0,4 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Дно ямы находилось на глубине 1,3 м. От скелета ребёнка сохранились только остатки черепа в северо-восточной части ямы и часть правой руки. Рядом с ним стоял лепной сосуд (1).

Описание находки.

1. Горшок с невысоким прямым венчиком, яйцевидным туловом и округлым дном. Поверхность покрыта расчёсами. Н — 8,1 см, Нб — 7,7 см, Дб — 10,5 см, Дв — 9,1 см (рис. 11: 3).

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 11: 4) находилось в центре кургана. «Щитовидная» в плане яма размерами 1,6×0,6×0,8 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, расширялась на юго-запад. Дно ямы находилось на глубине 0,95 см. Погребённый лежал на спине, головой на юго-запад, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими влево. Череп окрашен красной охрой.

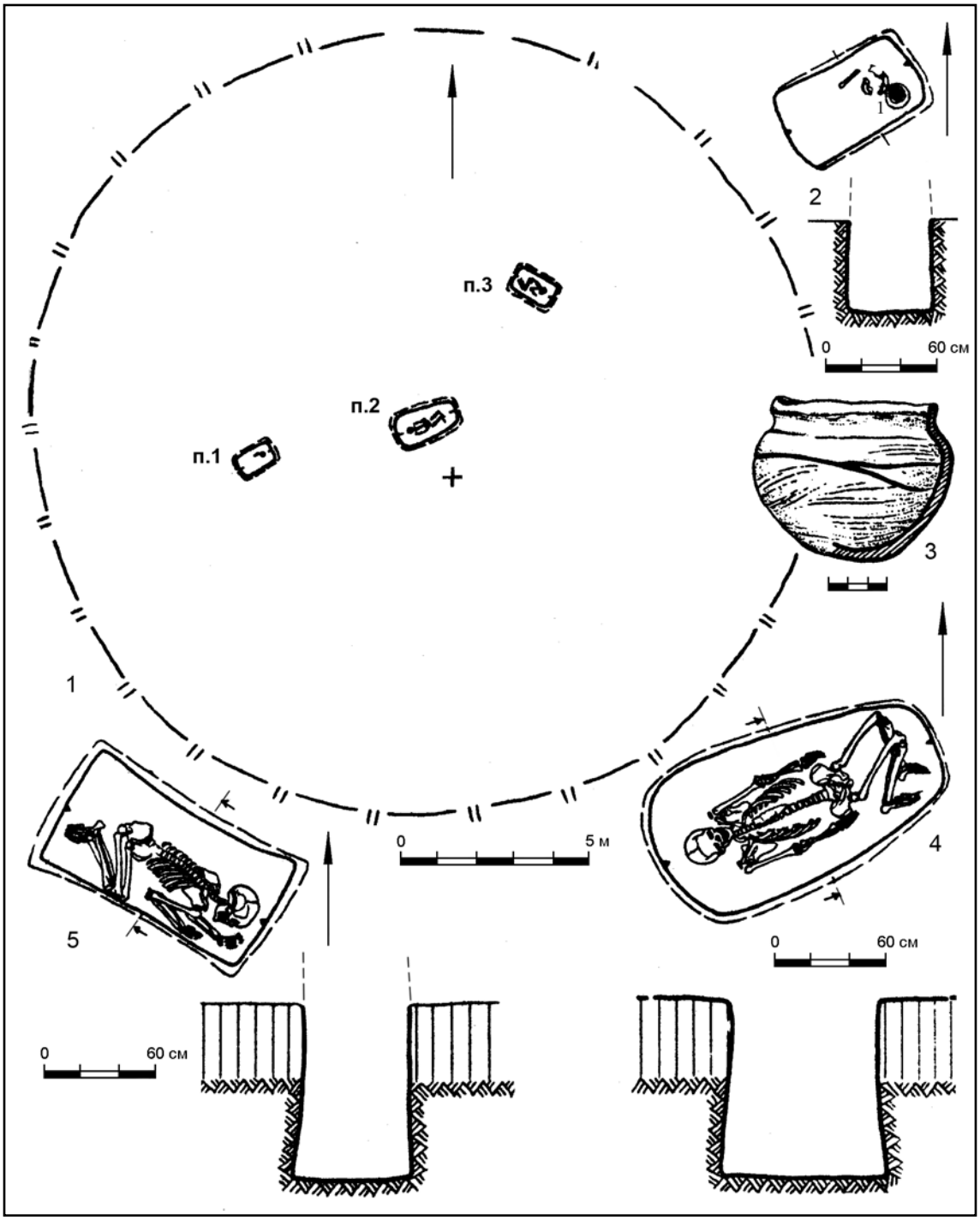

Рис. 11. План (1) и материалы кургана 2 у с. Тягинка: 2, 3 — погр. 1; 4 — погр. 3; 5 — погр. 4.

Fig. 11. Plan (1) and materials of barrow 2 near Tyaginka village: 2, 3 — burial 1; 4 — burial 3; 5 — burial 4.

Погребение 3 (бережновско-маевской срубной культуры, впускное) (рис. 11: 5) впущено в северо-западный сектор кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 1,2×0,6 м с выделенными углами была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Ко дну яма расширялась на 5—10 см. Дно находилось на глубине 1,45 м.

Погребённый лежал скорченно на левом боку головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях и сложены кистями перед лицом. Ноги согнуты под острым углом к туловищу.

Курган 3 (рис. 12). Самый высокий в курганной группе. Насыпь круглая в плане, распахивалась. Очень сильно поврежде-

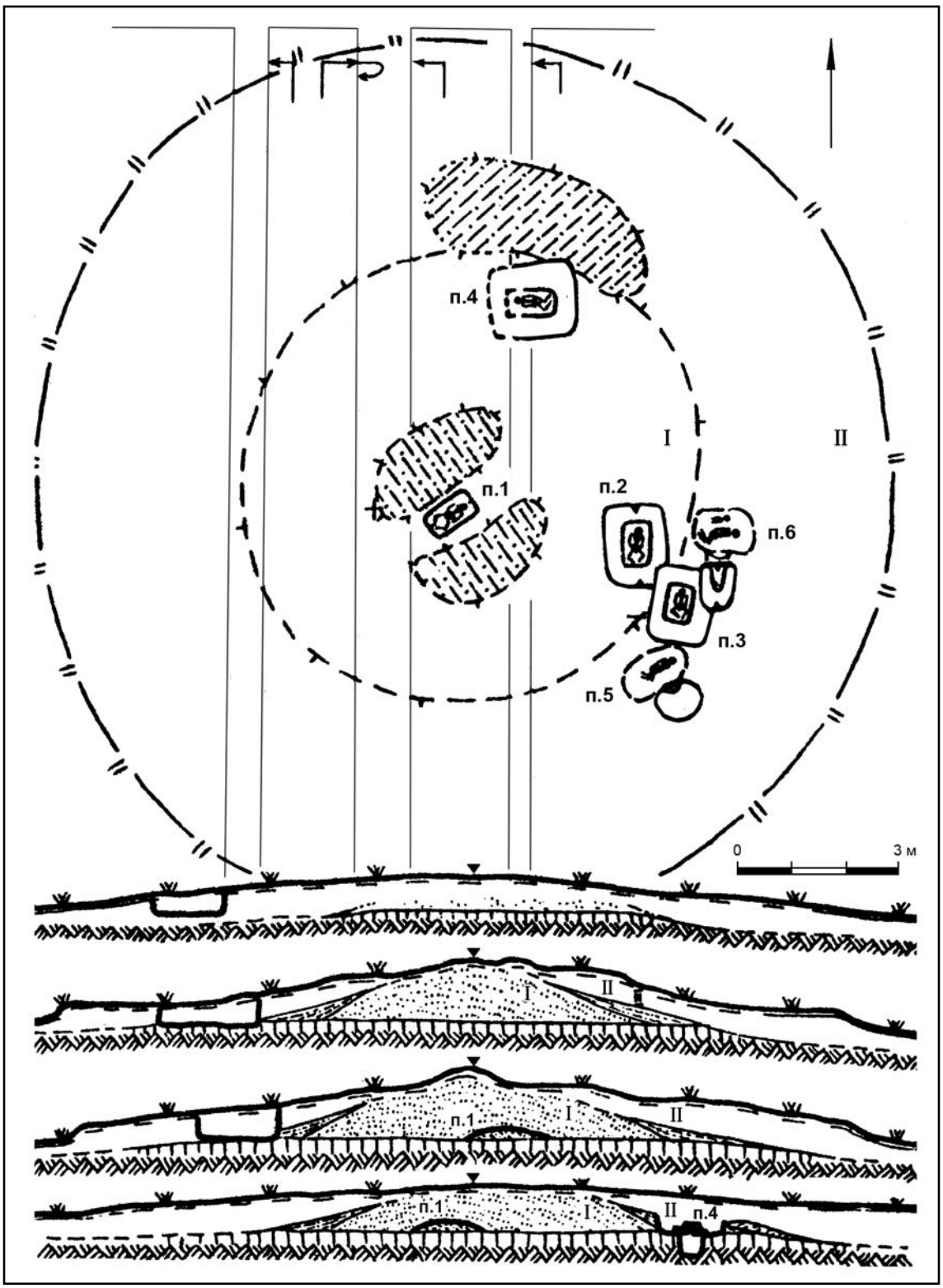

Рис. 12. План и профили кургана 3 у с. Тягинка.

Fig. 12. Plan and profiles of mound 3 near Tyaginka village.

на траншеями и землянками времён Великой Отечественной войны. Высота кургана составляла 2,5 м, диаметр — около 34 м. В кургане открыто шесть погребений: четыре поздних, одно восточнокатакомбное и одно ингульское.

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, основное для первой на-

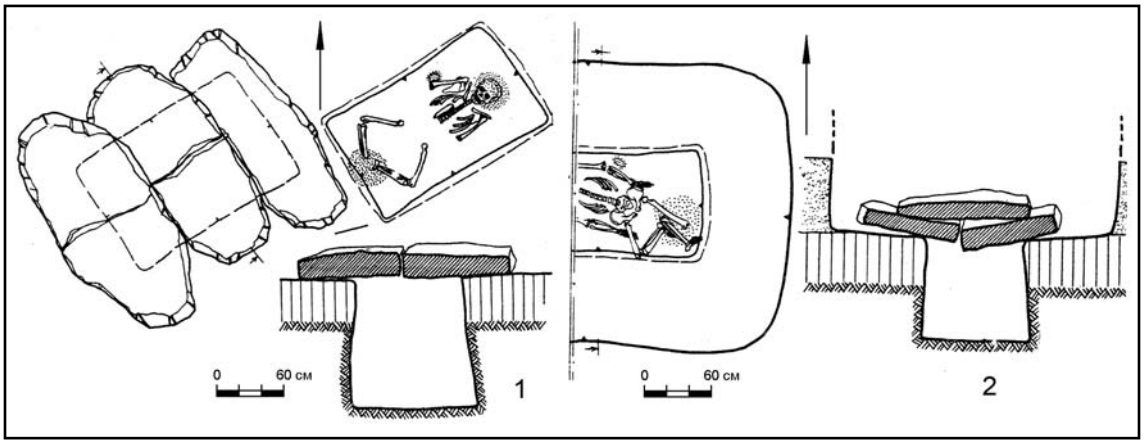

Рис. 13. Материалы кургана 3 у с. Тягинка: 1 — погр. 1; 2 — погр. 4.

Fig. 13. Materials from barrow 3 near Tyaginka village: 1 — burial 1; 2 — burial 4.

сыпи) (рис. 13: 1) находилось в центре кургана. Материковый выкид из ямы лежал вдоль длинных стенок ямы. На уровне древней поверхности яма была перекрыта необработанными известняковыми плитами, уложенными поперёк могилы. Прямоугольная в плане яма размерами 1,7×1,0 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ко дну яма расширялась по стенкам на 10—15 см. Дно находилось на глубине 1,2 м.

Погребённый лежал на спине, головой на северо-восток, с поднятыми в коленях и распавшимися «ромбом» ногами. Череп и ступни ног посыпаны охрой. Возле локтя правой руки лежал кусок охры красного цвета. Кости предплечий и кистей рук отсутствовали.

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 14: 1) открыто в восточном секторе кургана. Прямоугольная в плане могильная яма 3,0×2,7 м, ориентированная по длине с севера на юг, на глубине 2,5 м сужалась уступом шириной 0,65—0,80 м. На уступе лежали большие необработанные плиты известняка — перекрытие могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,6×1,0 м, ко дну расширялась по длинным стенкам на 10—15 см. Дно ямы находилось на глубине 3,9 м, на 1,4 м ниже уступа.

Погребенный лежал на спине, головой на север, с поднятыми в коленях и распавшимися «ромбом» ногами. Череп окрашен красной охрой.

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 14: 1) впущено рядом с погребением 2 и частично прорезает южный угол ямы. Прямоугольная в плане яма размерами 3,1×2,5 м, ориентированная по линии север — юг, на глубине 2,6 м сужалась уступом шириной до 0,9 м. На уступе прослежены большие необработанные плиты известняка, уложенные поперёк могилы. Ниже уступа яма имела трапециевидную форму и размеры 1,4×0,8 м. Ко дну расширялась по стенкам на 10 см. Дно ямы находилось на глубине 3,4 м, на 0,8 м ниже уступа.

Погребённый лежал на спине, головой на север, с подогнутыми в коленях ногами, распавшимися «ромбом». Череп и ступни ног скелета окрашены красной охрой.

Погребение 4 (ямной культурно-исторической общности, основное для второй насыпи) (рис. 13: 2), впущено в северную полу первичной насыпи кургана. Материковый выкид из ямы лежал на северном склоне первой насыпи. Западная часть могилы уничтожена траншеей времён Великой Отечественной войны.

Прямоугольная в плане яма размерами 3,0×2,5 м, ориентированная по линии запад — восток, на глубине 2,5 м снижалась уступом шириной 0,8 м. На уступе прослежены остатки перекрытия в виде известняковых плит, уложенных поперёк могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,8×0,9 м. Расширялась по дну на 10 см. Дно ямы находилось на глубине 3,4 м, на 0,9 м ниже уступа. Погребённый лежал на спине, головой на запад, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими вправо. Возле локтя левой руки найден кусок охры. Ступни ног посыпаны красной охрой.

Погребение 5 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 14: 6) открыто в юго-восточном секторе кургана. Круглая в плане входная яма имела диаметр 1,4 м. Дно ямы находилось на глубине 2,6 м. Вход в камеру был расположен под северо-восточной стенкой ямы и закрыт двумя известняковы-

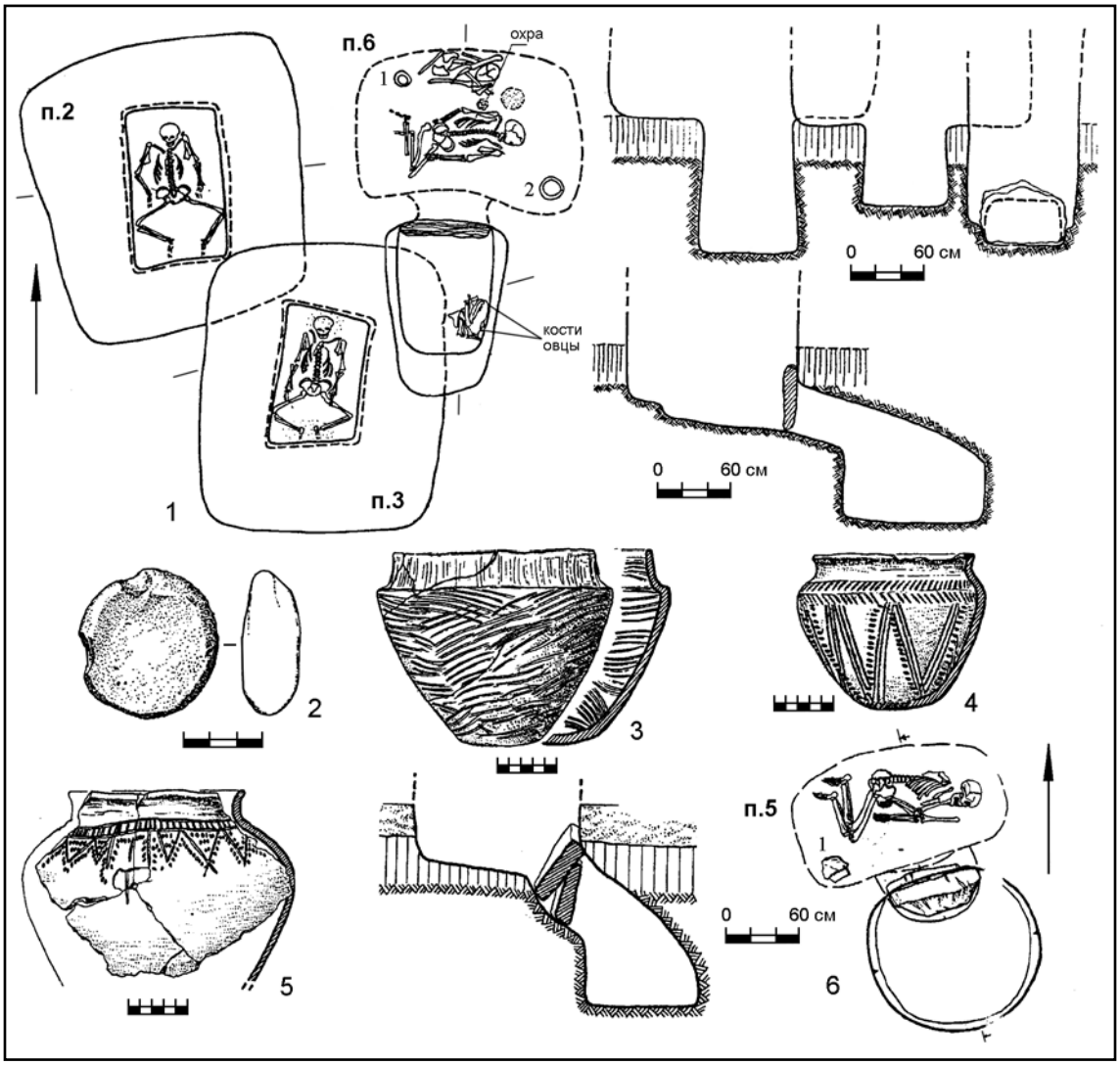

Рис. 14. Материалы кургана 3 у с. Тягинка: 1 — погр. 2, 3 и 6; 2—4 — погр. 6; 5, 6 — погр. 5.

Fig. 14. Materials from barrow 3 near Tyaginka village: 1 — burial 2, 3 and 6; 2—4 — burial 6; 5, 6 — burial 5.

ми плитами. Размеры входного отверстия 0,8×0,5 м. Овальная в плане камера 1,8×1,1 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, была выведена к центру кургана. Высота свода — 1,1 м. Дно находилось на глубине 3,9 м, на 0,6 м ниже входа. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги согнуты под тупым углом к туловищу. Возле входа находилась часть лепного сосуда — жаровня (1).

Описание находки.

1. Фрагмент венчика и стенки большого тонкостенного сосуда, украшенного врезным геометрическим орнаментом (рис. 14: 5).

Погребение 6 (восточнокатакомбное, впускное) (рис. 14: 1) впущено рядом с погребением 3 и частично прорезает его. Трапециевидная в плане входная яма размерами 1,8×0,8×1,3 м была ориентирована по линии север — юг. Расширялась на север ко входу в камеру. Дно ямы находилось на глубине 3,7 м, имело наклон на север ко входу в камеру. По периметру шёл небольшой уступ шириной 0,15 м и высотой 0,1—0,3 м. На дне входной ямы выявлено скопление костей овцы — череп и длинные кости. Вход в камеру был расположен под северной стенкой ямы. Входное отверстие размерами 0,8×0,5 м, щелевидное, подпрямоугольной формы, было закрыто известняковой плитой. Входная яма соединялась с камерой дромосом длиной 0,4 м, шириной 0,8 м и высотой 0,5 м. Подпрямоугольная в плане камера размерами 2,4×1,5 м была расположена перпендикулярно входной яме (по линии запад — восток), выведена к северу от центра кургана. Свод плоский, высота 1,1 м, стенки камеры вертикальные. Дно на-

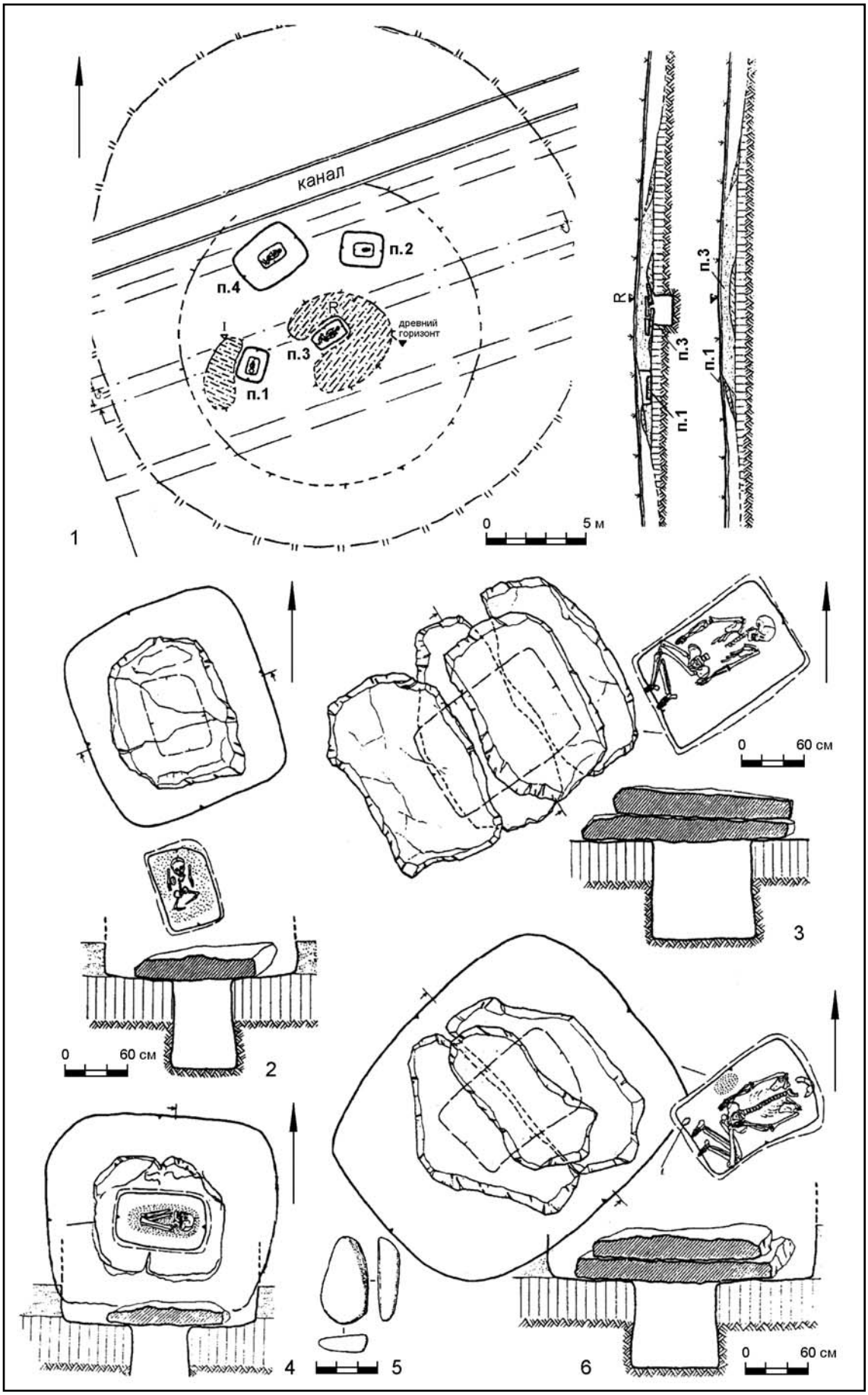

канал
п.1
п.2
п.3
п.4
древний горизонт
0 5 м
1
0 60 см
2
3
0 60 см
4
5
6
0 60 см

Рис. 15 . План (1) и материалы кургана 5 у с. Тягинка: 2 — погр. 1; 3 — погр. 3; 4 — погр. 2; 5, 6 — погр. 4.

Fig. 15. Plan (1) and materials of barrow 5 near Tyaginka village: 2 — burial 1; 3 — burial 3; 4 — burial 2; 5, 6 — burial 4.

ходилось на глубине 4,9 м, на 0,7 м ниже дна дромоса. В камере находились остатки двух костяков. Костяк 1 был сдвинут при подзахоронении под северную стенку камеры, там же находился сосуд (1). Подзахороненный (костяк 2) лежал в центральной части ямы скорченно на левом боку, головой на восток, с разворотом на спину. Левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка согнута в локте. Ноги согнуты под тупым углом к туловищу, пятки находились у таза. В юго-восточном углу камеры стоял лепной сосуд (2). За черепом — пятно порошка охры. Возле левого плеча лежал сформованный кусок охры в виде лепёшки (рис. 14: 2).

Описание находок.

1. Широкогорлый горшок с короткой прямой шейкой, слегка отогнутым венчиком. Тулово коническое, плавно сужается к плоскому дну. На плечиках косые насечки зубчатого штампа — «ёлочка», от которой ко дну опускаются треугольники из таких же насечек. Н — 13,4 см, Нб — 12 см, Дв — 13,8 см, Дб — 15,5 см, Дд — 7,5 см (рис. 14: 4).

2. Широкогорлый горшок с коротким слегка отогнутым венчиком, высокими ребристыми плечиками, коническим туловом на плоском дне. Поверхность сосуда покрыта расчёсами. Н — 17,3 см, Нб — 15,1 см, Дв — 16,4 см, Дб — 19 см, Дд — 7,3 см (рис. 14: 3).

Стратиграфия кургана. Насыпь была сооружена в два приёма. Первоначальный курган имел высоту 2,5 м, диаметр — 18 м, был сооружён над ямным погребением 1. Насыпь состояла из рыхлого комковатого чернозёма. Вторая насыпь кургана связана с ямным погребением 4. Она состояла из плотного темно-серого грунта. Диаметр кургана увеличился до современного при прежней высоте.

Курган 5 (рис. 15: 1). Округлая в плане насыпь высотой 1,0 м и диаметром 26 м была распахана. Северная часть насыпи повреждена каналом орошения. В кургане выявлено четыре ямных погребения.

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, основное для второй насыпи) (рис. 15: 2) впущено в западную полу кургана. Материковый выкид лежал на западном склоне первой насыпи. Яма, прямоугольная в плане, размерами 2,1 × 1,9 м, была ориентирована по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. На глубине 0,9 м яма сужалась уступом шириной до 0,8 м, на котором лежала большая известняковая плита перекрытия могилы. Ниже уступа яма имела размеры 0,8 × 0,5 м. Расширялась ко дну по стенкам на 5—15 см. Дно ямы находилось на глубине 1,8 м, на 0,9 м ниже уступа. Скелет ребёнка лежал на спине, головой на северо-северо-запад. Руки протянуты вдоль тела. Поднятые в коленях ноги распались «ромбом». Возле локтя правой руки — пятно охры. На дне ямы — меловая посыпка.

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 15: 4) впущено в северный сектор кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 2,4 × 1,9 м была ориентирована по линии запад — восток. На глубине 0,9 м яма сужалась уступом шириной до 0,7 м, на котором находилось две необработанные известняковые плиты перекрытия, уложенные поперёк могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,0 × 0,8 м. Расширялась ко дну по стенкам на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 1,7 м, на 0,1 м ниже уступа. Длинные кости скелета погребённого с отбитыми в древности эпифизами сложены «пакетом» с черепом в восточной части. Посыпаны охрой красного цвета. На дне ямы меловая посыпка.

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, основное для первой насыпи) (рис. 15: 3), обнаружено в центре кургана на уровне древнего горизонта. Было окружено кольцом материкового выкида с разрывом на западе. Могила была перекрыта четырьмя большими необработанными материковыми плитами из известняка, уложенными поперёк ямы. Прямоугольная в плане яма размерами 1,6 × 1,0 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, расширялась ко дну по стенкам на 5—10 см. Дно находилось на глубине 1,0 м. Погребённый лежал на спине головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела, согнутые в коленях ноги упали вправо.

Погребение 4 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 15: 6) открыто в северо-западном секторе кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 3,3 × 2,7 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На глубине 0,9 м яма сужалась уступом шириной до 1,1 м, на котором находились три большие известняковые плиты перекрытия, уложенные поперёк могилы. Ниже уступа яма имела разме-

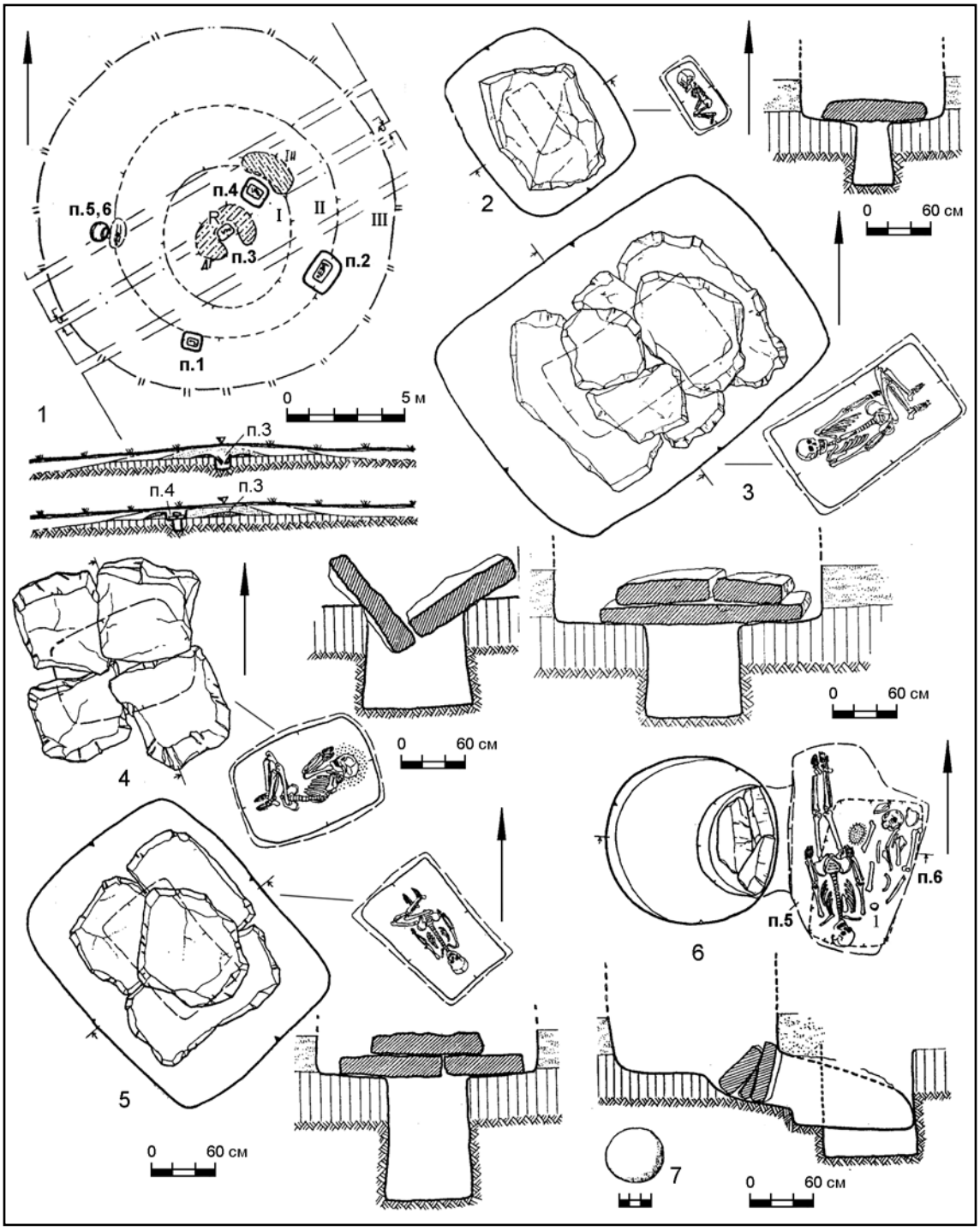

Рис. 16. План (1) и материалы кургана 6 у с. Тягинка: 2— погр. 1; 3 — погр. 2; 4 — погр. 3; 5 — погр. 4; 6 — погр. 5 и 6; 7 — погр. 6.

Fig. 16. Plan (1) and materials of barrow 6 near Tyaginka village: 2— burial 1; 3 — burial 2; 4 — burial 3; 5 — burial 4; 6 — burial 5 and 6; 7 — burial 6.

ры 1,3×0,8 м, расширялась по стенкам ко дну на 10 см. Дно ямы находилось на глубине 1,9 м, на 0,9 м ниже уступа. Погребённый лежал на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Согнутые в коленях ноги упали влево. Возле кисти правой руки находилось большое пятно охры. У ступни правой ноги лежала кварцитовая галька с заглаженной поверхностью (рис. 15: 5).

Стратиграфия кургана. Насыпь сооружена в два приёма. Первичный курган имел высоту 1,0 м при диаметре 16 м и был насы-

пан над ямным погребением 3. Первичная насыпь состояла из рыхлого комковатого чернозема. Вторая насыпь кургана связана с ямным погребением 1, впущенным в западную полу первоначального кургана. Насыпь состояла из плотного тёмно-серого грунта. Диаметр кургана увеличился на 10 м.

Курган 6 (рис. 16: 1). Насыпь, круглая в плане, распахана. Высота насыпи 1,0 м, диаметр 31 м. В кургане открыто шесть погребений: пять позднеямных и одно ингульское.

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 16: 2) обнаружено в северо-западном секторе кургана. Прямоугольная яма размерами 1,7×1,4 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад, на глубине 1,0 м сужалась уступом шириной до 0,5 м. На уступе находилась большая необработанная плита известняка, уложенная вдоль могилы. Ниже уступа яма имела размеры 0,7×0,3 м, расширялась ко дну по стенкам на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 1,6 м, на 0,6 м ниже уступа. Скелет ребёнка лежал скорченно на правом боку, головой на северо-запад. Слегка согнутые в локтях руки вытянуты к коленям. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. Череп посыпан красной охрой.

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 16: 3) выявлено в юго-восточном секторе кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 3,4×2,5 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, на глубине 1,0 м сужалась уступом шириной до 0,8 м. На уступе находились три большие плиты известняка, уложенные поперёк ямы. Промежутки закрыты небольшими плитами. Ниже уступа яма имела размеры 1,6×0,85 м, расширялась ко дну по стенкам на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 1,9 м, на 0,9 м ниже уступа. Погребённый лежал на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Подогнутые в коленях ноги упали влево.

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 16: 4), находилось в центре кургана. Могила была окружена кольцом материкового выкида с разрывом на юго-востоке. Прямоугольная в плане яма размерами 1,35×0,9 м была перекрыта на уровне древнего горизонта двумя известняковыми плитами, уложенными поперёк могилы. Ко дну яма расширялась по стенкам на 5—10 см. Дно находилось на глубине 1,0 м. Погребённый лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Согнутые в локтях руки уложены кистями к лицу. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу, пятки — у таза. Череп посыпан охрой.

Погребение 4 (ямной культурно-исторической общности, основное для второй насыпи (рис. 16: 5) впущено в северо-восточную полу первичной насыпи кургана. Материковый выкид лежал на северном склоне первой насыпи. Прямоугольная в плане могильная яма размерами 2,7×2,1 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад, на глубине 1,0 м сужалась уступом шириной до 0,7 м. На уступе находились три необработанные плиты известняка — перекрытие могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,2×0,75 м, расширялась ко дну по стенкам на 5—10 см. Скелет ребёнка лежал на спине, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Подогнутые в коленях ноги упали влево.

Погребение 5 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 16: 6) обнаружено в западном секторе кургана. Округлая в плане входная яма имела диаметр 1,6 м. Её дно находилось на глубине 1,3 м, имело наклон на восток, ко входу в камеру. Перед входом, вырытым под восточной стенкой, находилось полуовальное углубление, дно которого переходило в короткий дромос. Высота входа 0,5 м, ширина 1,0 м. Вход был закрыт тремя известняковыми плитами. Овальная в плане камера размерами 2,0×0,9 м, ориентированная по линии север — юг, была выведена к центру кургана. Свод просел. Дно камеры находилось на глубине 1,8 м, на 0,3 м ниже дна дромоса. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юг. Справа от черепа лежал каменный шар (1).

Описание находки.

1. Гранитный шар диаметром 6 см (рис. 16: 7).

Погребение 6 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 16: 6). Катакомба погребения 5 полностью уничтожила верхнюю часть ямного погребения 6. Ниже дна камеры катакомбы была прослежена придонная часть ямы погребения 6. Прямоугольная в плане яма размерами 1,4×0,9 м была ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Дно находилось на глубине 2,1 м, на 0,3 м ниже дна катакомбы. Скелет погребённого был разбросан по дну ямы. В северо-восточной части ямы прослежено пятно красной охры.

Стратиграфия кургана. Насыпь кургана была сооружена в три приёма. Первичный курган сооружён над ямным погребением 3 из рыхлого комковатого грунта. Насыпь

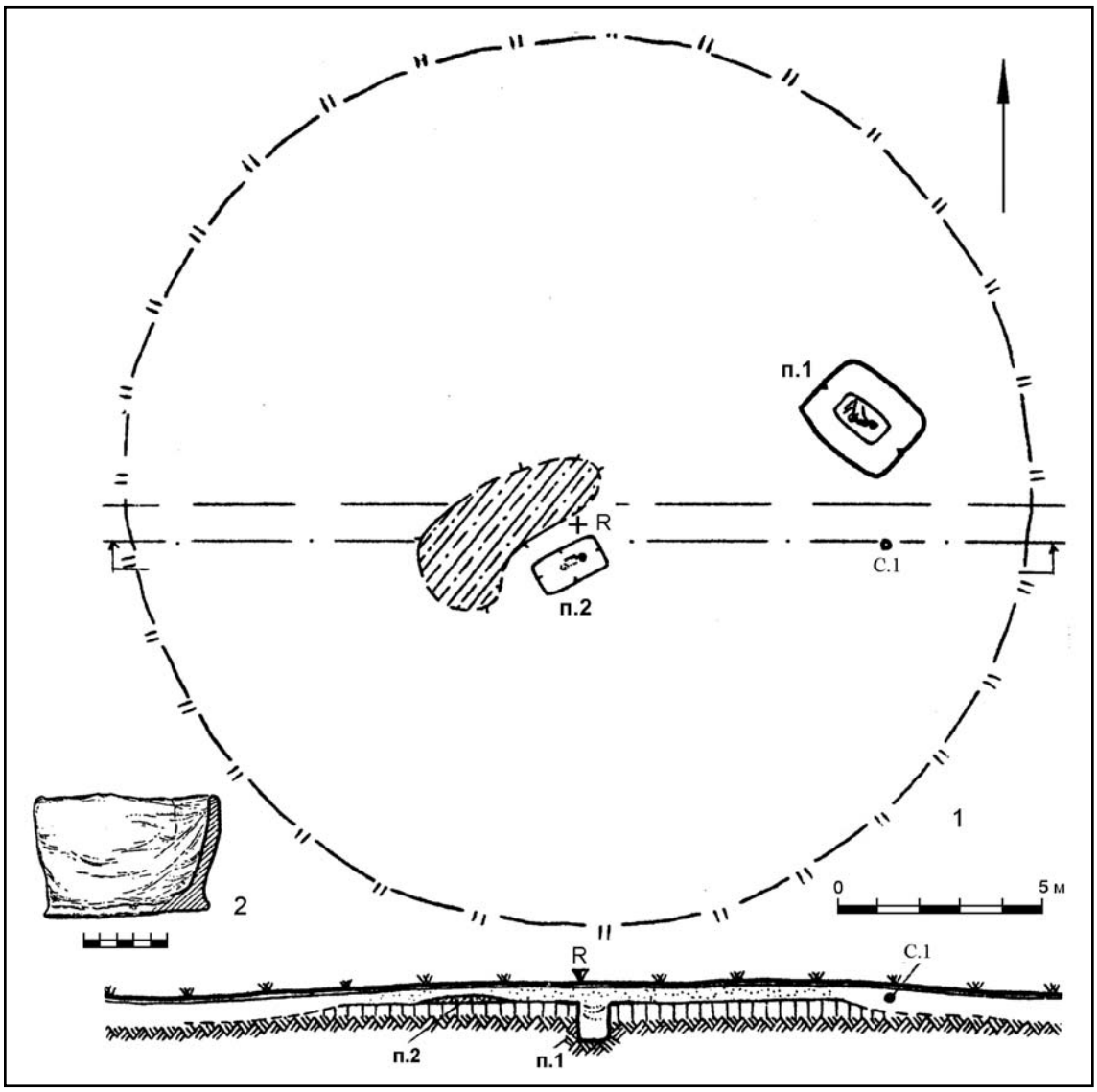

Рис. 17. План кургана 7 у с. Тягинка (1) и сосуд из его насыпи (2).

Fig. 17. Plan of barrow 7 near Tyaginka village (1) and a vessel from the burial mound (2).

овальная в плане, размерами 12,0 × 10,5 м, вытянута по линии север — юг. Высота кургана 0,8 м. Вторая насыпь кургана связана с ямным погребением 4, впущенным в северную полу первоначального кургана. Вторая насыпь состояла из грунта, идентичного по составу и цвету грунту первой насыпи. Диаметр второй насыпи 19,0 м, высота 1,0 м. Третья насыпь кургана, очевидно, связана с одним из ямных погребений №1, №2 или №6. Состояла из плотного тёмно-серого грунта. После этого диаметр кургана достиг современных размеров.

Курган 7 (рис. 17: 1). Округлая в плане насыпь распахана. Высота кургана 0,6 м, диаметр 23 м. В кургане открыто два ямных погребения. В восточной поле кургана на глубине 0,5 м обнаружен лепной сосуд срубной культуры (1).

Описание находки.

1. Баночный сосуд с прямыми стенками. Дно плоское, с небольшой закраиной. Н — 7,8 см, Дв — 11 см, Дд — 10,4 см (рис. 17: 2).

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 18: 1) впущено в северо-восточный сектор кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 3,0 × 2,4 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад, на глубине 0,5 м сужалась уступом шириной до 0,9 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,3 × 0,75 м. Расширялась по стенкам ко дну на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 1,5 м, на 1,0 м ниже уступа. Погребённый лежал скорченно на правом

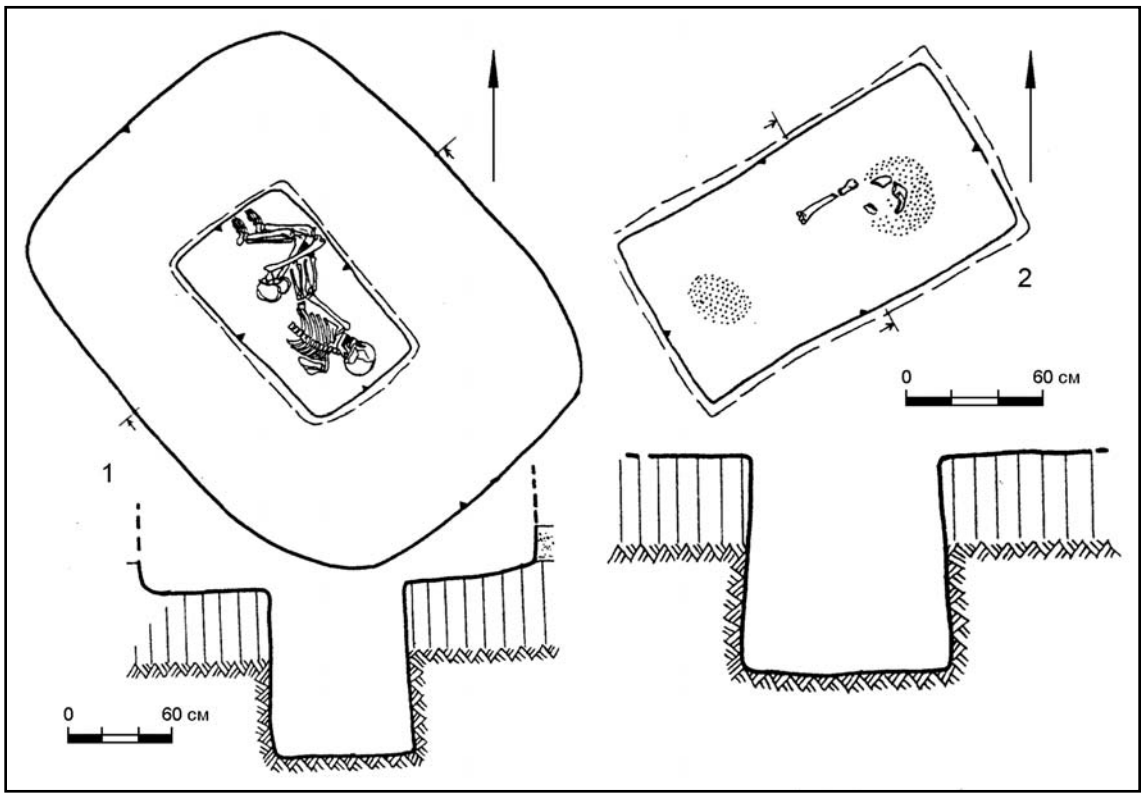

Рис. 18. Материалы кургана 7 у с. Тягинка: 1 — погр. 1; 2 — погр. 2.

Fig. 18. Materials from barrow 7 near Tyaginka village: 1 — burial 1; 2 — burial 2.

боку, головой на юго-восток. Слегка согнутые в локтях руки протянуты к коленям. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. Череп скелета посыпан красной охрой.

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 18: 2), находилось в центре кургана. Вдоль северо-западной стенки (на уровне древнего горизонта) лежал материковый выкид из могилы. Прямоугольная в плане яма размерами 1,8×0,9 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Дно находилось на глубине 1,05 м. От костяка погребённого в северо-восточной части ямы сохранились остатки черепа и правой руки. Судя по ним, погребённый лежал на спине, головой на северо-восток. Череп и место, где находились ступни ног, окрашены красной охрой.

Курган 1 у с. Высокое

Курган 1 у с. Высокое Бериславского района Херсонской области (рис. 19: 1) находился в верховьях глубокой балки, идущей с севера к Днепру и впадающей в него возле с. Львово, расположен на участке ровной степи Днепро-Ингулецкого междуречья в 9 км к северо-востоку от с. Высокое.

Насыпь высотой 1,7 м и диаметром 28 м была распахана. В кургане выявлено пять погребений: четыре позднеямных и одно средневековое (рис. 19: 2).

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, основное для первой насыпи) (рис. 21: 1), находилось в центре кургана. Материковый выкид окружал могилу полукольцом с разрывом на северо-западе. Прямоугольная в плане яма размерами 0,8×0,45 м была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Ко дну яма расширялась по стенкам на 5 см. Дно было на глубине 0,75 м. Скелет ребёнка лежал на спине, головой на юго-восток, с поднятыми ногами, упавшими влево. Руки вытянуты вдоль тела. Череп окрашен красной охрой.

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, основное для третьей насыпи) (рис. 21: 2) впущено в юго-восточный сектор кургана с поверхности второй насыпи. Материковый выкид лежал на юго-восточном склоне этой насыпи.

Прямоугольная в плане яма размерами 2,2×1,8 м была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, на глубине 1,4 м сужалась уступом шириной 0,7 м. Ниже уступа яма имела размеры 0,8×0,5 м. Ко дну рас-

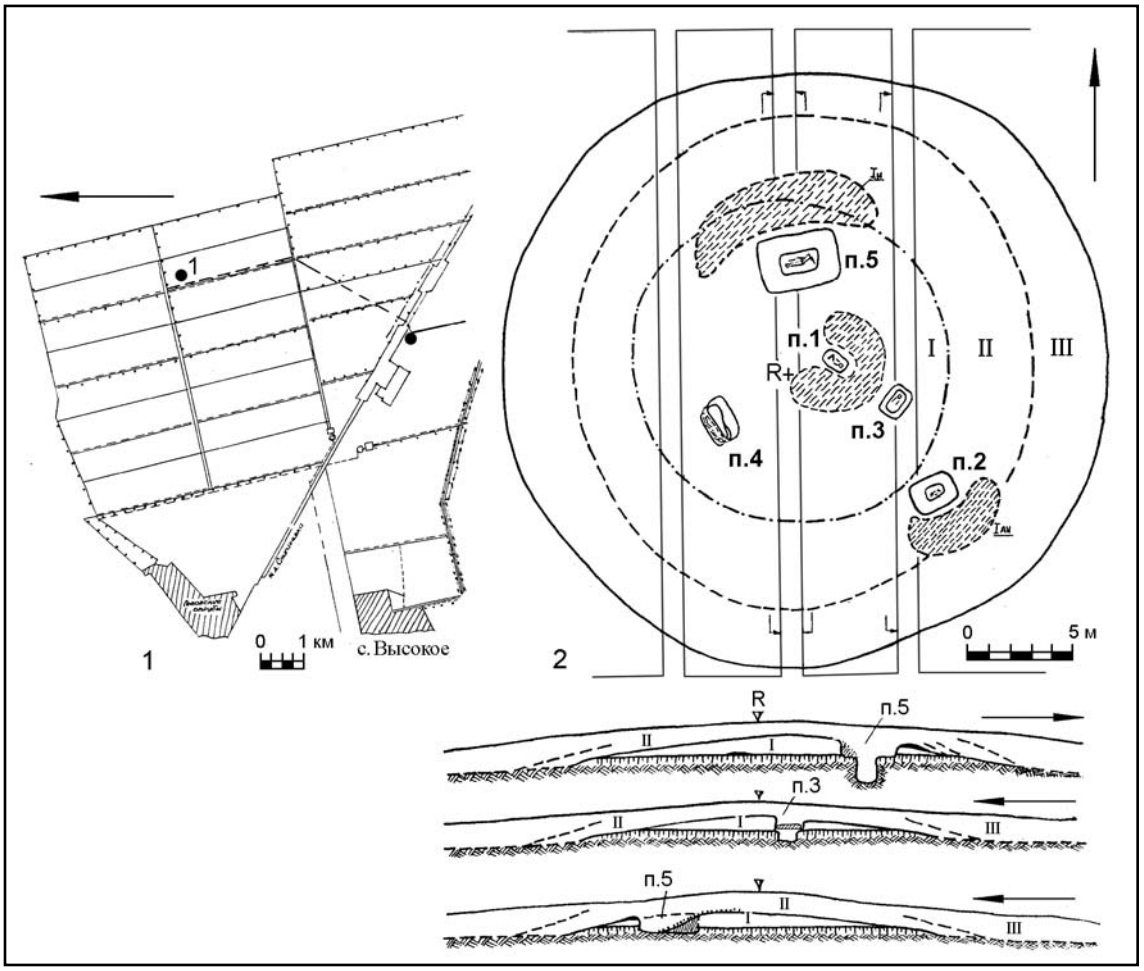

Рис. 19. Расположение курганов у с. Высокое (1) и план кургана 1 (2).

Fig. 19. Location of barrows near Vysokoe village (1) and plan of barrow 1 (2).

ширялась по стенкам на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 2,4 м, на 1,0 м ниже уступа. Скелет ребёнка лежал на спине, головой на юго-запад, с подогнутыми ногами, упавшими вправо. Руки вытянуты вдоль тела. За головой стоял лепной сосуд (1). Возле ступней лежал округлый кусок красной охры.

Описание находки.

1. Горшок с высоким цилиндрическим горлом и биконическим туловом на небольшом плоском дне. На ребре туловища два парных сквозных налепа. Шейка и верхняя часть сосуда украшена отпечатками верёвочки. Н — 16,9 см, Нб — 13 см, Дв — 11,3 см, Дб — 14,7 см, Дд — 5,5 см (рис. 21: 3).

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 21: 4) впущено в восточную полу первой насыпи кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 1,6×1,2 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, на глубине 1,6 м сужалась уступом шириной 0,3 м. На уступе находилась большая необработанная плита перекрытия, уложенная вдоль могилы. Ниже уступа яма имела размеры 1,0×0,6 м. Дно ямы находилось на глубине 2,1 м, на 0,5 м ниже уступа. Скелет ребёнка лежал на спине головой на северо-восток. Нижняя часть скелета не сохранилась. Слева от черепа стоял лепной сосуд (1).

Описание находки.

1. Маленький сосуд реповидной формы. Венчик обломан. Дно яйцевидное. Н — 5,5 см, Дб — 7 см (рис. 21: 5).

Погребение 4 (средневекового кочевника, впускное) (рис. 21: 6) впущено в центральную часть кургана. Прямоугольная в плане входная яма размерами 2,0×0,8 м была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. На глубине 2,0 м вдоль северо-восточной стенки ямы шла ступенька шириной до 0,5 м. Дно ямы находилось на глубине 2,35 м. Вход, расположенный под юго-западной стенкой ямы, был закрыт известняковыми плитами. Овальная

в плане камера размерами 1,5×0,5 м была расположена под юго-западной стенкой ямы, параллельно ей. Высота свода 0,4 м. Дно подбоя находилось на глубине 2,4 м, на 5 см ниже дна входной ямы.

Погребённый лежал вытянуто на левом боку, головой на юго-восток.

Погребение 5 (ямной культурно-исторической общности, основное для второй насыпи) (рис. 21: 7). Впущено в северную часть кургана. Выкид лежал на поверхности первой насыпи. Прямоугольная в плане яма размерами 3,75×2,60 м была ориентирована по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад. На глубине 1,6 м яма сужалась уступом шириной 0,9—1,0 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,6×0,85 м. Яма расширялась ко дну на 5—10 см. Дно находилось на глубине 2,8 м. Скелет взрослого человека лежал на спине, с подогнутыми в коленях ногами, головой на запад-юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Скелет был обильно посыпан охрой.

Стратиграфия кургана. Насыпь сооружена в три приёма. Первичный курган имел высоту 0,6 м и диаметр 14,5 м. Основное погребение 1 было несколько смещено к востоку от центра. Насыпь состояла из рыхлого комковатого чернозёма. Вторая насыпь кургана связана с ямным погребением 5, впущенным в северную полу первого кургана. Насыпь, округлая в плане, имела высоту 1,6 м, диаметр 24 м. Состояла из плотного темно-серого грунта. Третья досыпка кургана, связанная с ямным погребением 2, увеличила диаметр кургана до современного. Насыпь состояла из плотного тёмно-серого грунта.

Курган 1 у пос. Днепровское

Курган 1 у пос. Днепровское Белозёрского района Херсонской области (рис. 20: 1) находился на высоком правом берегу р. Кошевой, одного из русел Днепровской дельты, в 80 м от окраины посёлка. Насыпь сильно повреждена перекопами и ямами в результате современной хозяйственной деятельности. Края кургана подрезаны на высоту до 1,0 м. Насыпь представляла собой подпрямоугольный останец размерами 20×20 м и высотой 1,6 м.

В кургане выявлено девять погребений: четыре позднеямных, одно восточнокатакомбное, три ингульских, одно сарматское, а также раскоп А. А. Скадовского (рис. 20: 2).

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 21: 8) находилось в юго-западном секторе кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 3,0×1,9 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад, на глубине 1,6 м сужалась уступом шириной до 0,8 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,4×0,8—0,6 м, сужалась на юго-восток. Ко дну яма расширялась на 5 см. Дно находилось на глубине 2,2 м, на 0,6 м ниже уступа.

Погребённый лежал на спине, головой на северо-запад, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими влево. Руки вытянуты вдоль тела. Возле правого плеча лежал кусок красной охры.

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 21: 8) находилось рядом с погребением 1 и было частично разрушено. Прямоугольная в плане яма размерами 2,4×1,7 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад, на глубине 1,6 м сужалась уступом шириной до 0,6 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,2×0,6 м. Углы выделены. Ко дну яма расширялась на 5 см. Дно находилось на глубине 2,6 м, на 1,0 м ниже уступа.

Скелет ребёнка лежал на спине, головой на северо-запад, с подогнутыми ногами, упавшими влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Череп окрашен красной охрой. Возле правой руки лежали два астрагала (рис. 21: 11).

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, основное) (рис. 20: 2) и раскоп А. А. Скадовского.

Центральная часть кургана была исследована до революции А. А. Скадовским. Раскоп представлял собой прямоугольный котлован 9,0×9,8 м, ориентированный по сторонам света. Котлован был доведён до уровня древней поверхности. В северной части его находилась поисковая траншея дуговидной формы, глубиной 1,55 м от древнего горизонта. В засыпке раскопа встречены фрагменты средневековой амфоры.

В центре раскопа находилось погребение 3. Прямоугольная в плане яма размерами 2,0×1,4 м была ориентирована по линии запад — восток, с небольшим отклонением на север. Края ямы срыты лопатами. Дно на глубине 2,2 м перерыто лопатами исследователей.

Погребение 4 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 21: 9) находилось в восточном секторе кургана. Округлая в плане входная яма размерами 1,5×1,6 м имела глубину 1,9 м. Дно ямы полого опускалось на запад к входу в камеру. Входное отверстие было округлой формы, размерами 0,9×0,6 м. Овальная в плане камера размерами 2,3×1,2 м была ориентирована по линии север — юг, вы-

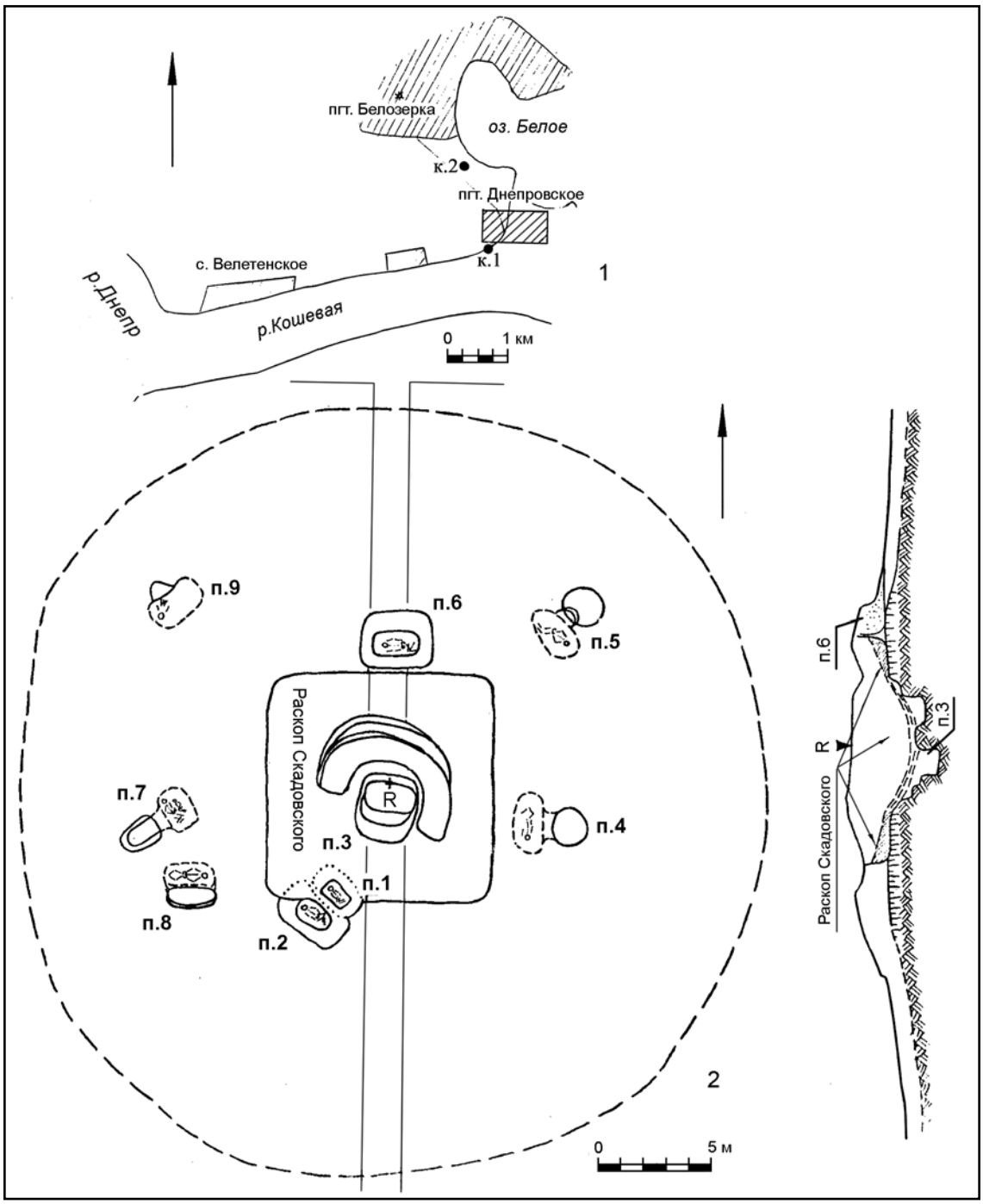

Рис. 20. Расположение (1) и план (2) кургана 1 у пос. Днепровское.

Fig. 20. Location (1) and plan (2) of barrow 1 near Dneprovskoe village.

ведена к центру кургана. Высота свода 0,9 м. Дно камеры находилось на глубине 2,5 м, на 0,4 м ниже дна входной ямы.

Судя по остаткам костей, погребённый лежал вытянуто на спине, головой на юг, с ногами, приподнятыми в коленях и распавшимися «ромбом». Возле правого плеча находилось овальное пятно красной охры, рядом, вверх дном, стоял сосуд (1).

Описание находки.

1. Лепной сосуд в виде корытца подпрямоугольной формы имел ручку со сквозным отверстием. Дно плоское. Размеры сосуда 17,7×14,6 см, Н — 6,6 см (рис. 21: 10).

Погребение 5 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 22: 13) выявлено в северо-восточном секторе кургана. Входная яма в плане имела круглую форму диаметром

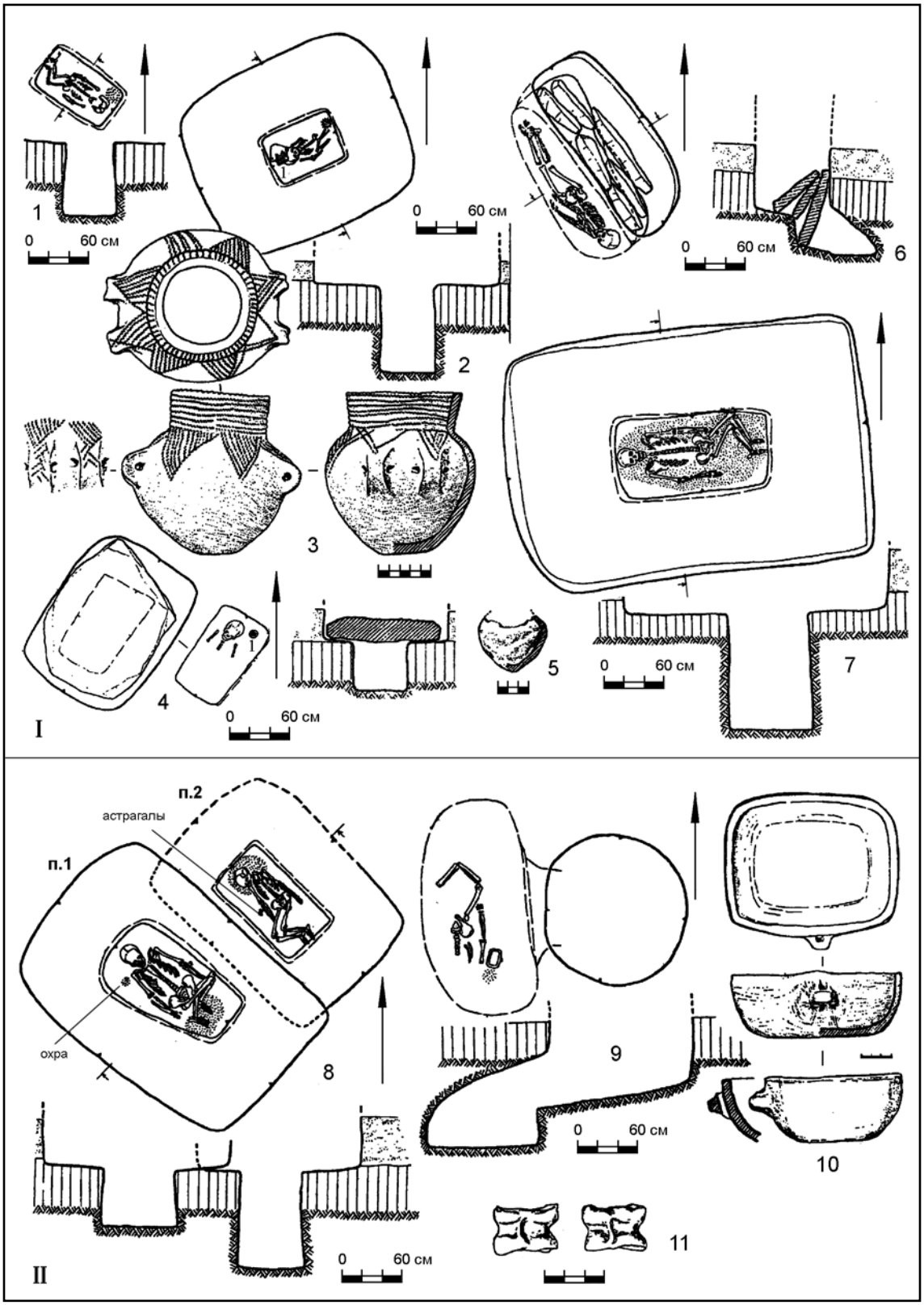

Рис. 21. Материалы кургана 1 у с. Высокое (I) и кургана 1 у пос. Днепровское (II). Высокое: 1 — погр. 1; 2, 3 — погр. 2; 4, 5 — погр. 3; 6 — погр. 4; 7 — погр. 5. Днепровское: 8 — погр. 1 и 2; 9, 10 — погр. 4; 11 — погр. 2.

Fig. 21. Materials from barrow 1 near Vysokoe village (I) and barrow 1 near Dneprovskoe village (II). Vysokoe: 1 — burial 1; 2, 3 — burial 2; 4, 5 — burial 3; 6 — burial 4; 7 — burial 5. Dneprovskoe: 8 — burial 1 and 2; 9, 10 — burial 4; 11 — burial 2.

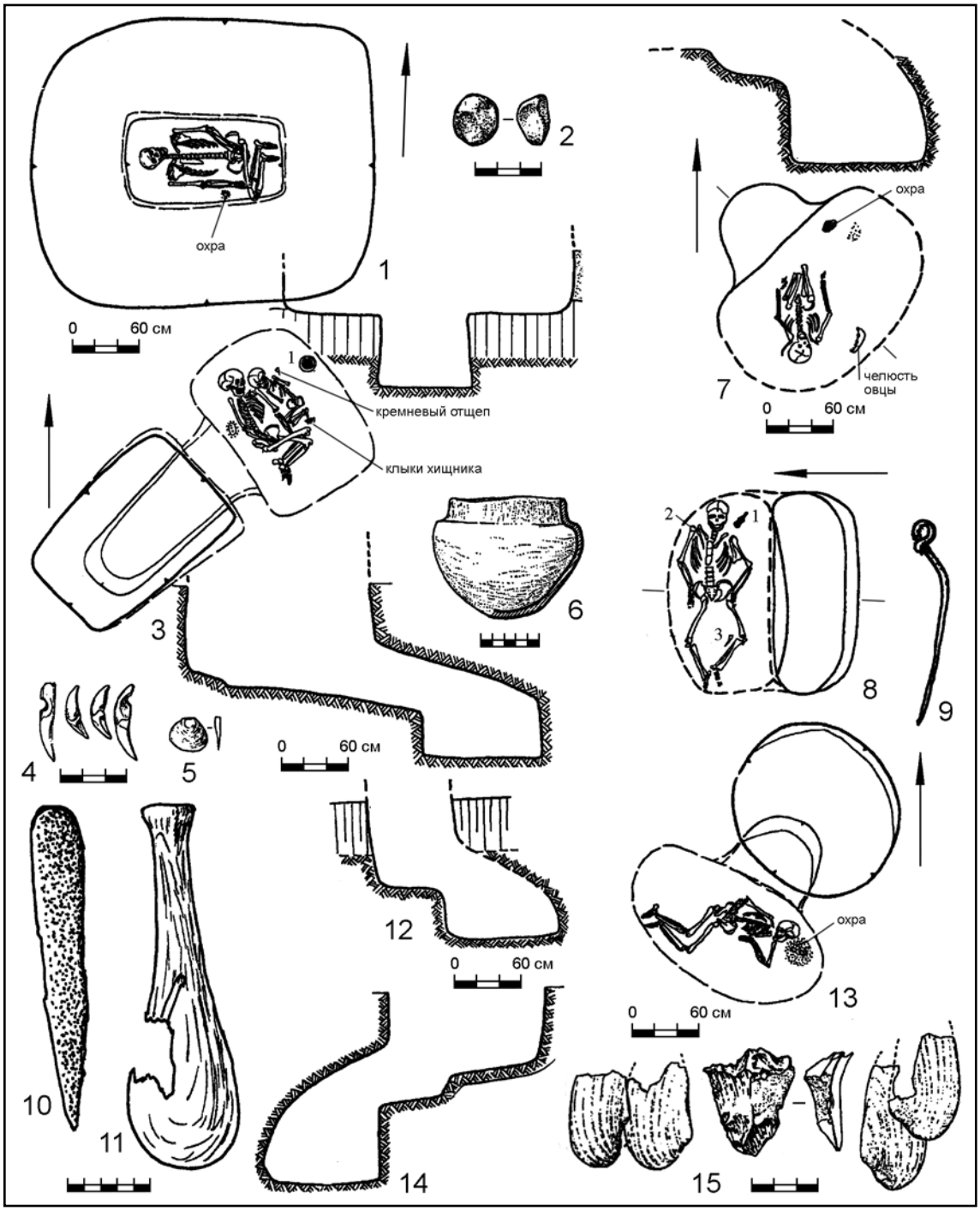

Рис. 22. Материалы кургана 1 у пос. Днепровское: 1, 2 — погр. 6; 3—6 — погр. 7; 7 — погр. 9; 8—12 — погр. 8; 13—15 — погр. 5.

Fig. 22. Materials from barrow 1 near Dneprovskoe village: 1, 2 — burial 6; 3—6 — burial 7; 7 — burial 9; 8—12 — burial 8; 13—15 — burial 5.

1,6 м. Дно ямы плавно понижалось на юго-запад, к входу в камеру. Глубина дна 2,4 м. Перед входом находилось полуовальное углубление размерами 0,8×0,6 м, переходящее в короткий дромос. Ширина дромоса 0,8 м, высота 0,6 м. Овальная в плане камера размерами 2,0×1,1 м была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад, выведена к центру кургана. Высота свода 1,2 м. Дно камеры находилось на глубине 3,4 м, на 0,7 м ниже дна дромоса.

Погребённый лежал ничком, головой на юго-восток. Руки, согнутые в локтях, лежат под грудью. Ноги слегка согнуты в коленях.

Перед черепом находилось округлое скопление охры, в котором лежали створки раковин и кремнёвый отщеп (рис. 22: 15).

Погребение 6 (ямной культурно-исторической общности, впускное) (рис. 22: 1) впущено в северный сектор кургана. Прямоугольная в плане яма размерами 3,2×2,6 м, ориентированная по линии запад — восток, на глубине 1,6 м сужалась уступом шириной до 1,0 м. Ниже уступа яма имела размеры 1,4×0,8 м. Расширялась по стенкам ко дну на 5 см. Дно ямы находилось на глубине 2,3 м, на 0,7 м ниже уступа.

Погребённый лежал на спине, головой на запад, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Возле кисти правой руки лежал округлый кусок красной охры (рис. 22: 2).

Погребение 7 (восточнокатакомбное, впускное) (рис. 22: 3) обнаружено в западном секторе кургана. Входная яма трапециевидная в плане, размерами 1,65×1,0—1,2 м. Вход в камеру находился в северо-восточной стенке входной ямы. К нему шёл вырытый в дне входной ямы наклонный пандус длиной 0,95 м, шириной 0,6 м. Ширина входа в камеру 0,6 м, высота 0,45 м. Длина дромоса 0,35 м. Камера подпрямоугольной формы, размерами 1,65×1,0 м, была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Высота свода камеры 0,9 м, стенки вертикальные. Дно камеры находилось на глубине 3,6 м, на 0,4 м ниже дромоса. Погребение парное. Скелет подростка лежал скорченно на левом боку, головой на северо-запад, лицом от входа. Левая рука вытянута, правая согнута в локте, кистью на тазе. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. Возле локтя правой руки находилось пятно красной охры. Скелет ребёнка лежал рядом, лицом к подростку, скорченно на правом боку. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. За спиной ребёнка стоял лепной сосуд (1), возле плеча находился кремнёвый отщеп (рис. 22: 5), а возле ступней — просверленные клыки хищника (рис. 22: 4).

Описание находки.

1. Широкогорлый горшок с невысоким, слегка отогнутым венчиком, яйцевидным туловом на маленьком уплощённом дне. Тулово покрыто расчёсами. Н — 8 см, Нб — 7,3 см, Дв — 10,3 см, Дд — 3,6 см (рис. 22: 6).

Погребение 8 (сарматское, впускное) (рис. 22: 8, 12) обнаружено в западном секторе кургана. Овальная в плане входная яма размерами 1,9×0,8 м была ориентирована по длине с востока на запад. Дно ямы находилось на глубине 2,4 м. Овальная в плане камера размерами 1,9×1,1 м расположена к северу от входной ямы и параллельно ей. Высота свода 0,9 м. Дно камеры находилось на глубине 2,9 м, на 0,5 м ниже дна входной ямы.

Погребённый лежал на спине, головой на восток. Слегка согнутые в локтях руки лежали вдоль тела. Ноги согнуты «ромбом». Слева от черепа лежал стеклянный флакон (1), на левой стороне груди — фибула (2), возле колена — нож (3).

Описание находок.

1. Стеклянный флакон с цилиндрическим длинным горлом. Край венчика отогнут горизонтально. Тулово цилиндрическое, выпуклое в центральной части. Дно плоское. Н — 9,8 см, Нг — 4 см, Дг — 1,5 см, Дб — 2,5 см, Дд — 1,5 см (рис. 22: 11).

2. Игла и часть пружины бронзовой смычковой фибулы. Длина иглы 5,5 см (рис. 22: 9).

3. Лезвие железного ножа с обушком. Длина 9 см, ширина 1,2 см (рис. 22: 10).

Погребение 9 (ингульской катакомбной культуры, впускное) (рис. 22: 7) открыто в северо-западном секторе кургана. Входная яма не прослежена. Подпрямоугольная в плане камера размерами 2,1×1,3 м, выведенная к центру кургана, была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Дно камеры находилось на глубине 2,95 м. Скелет погребённого лежал на спине, головой на юго-запад, с подогнутыми ногами, стопы которых находились под тазом. Возможно, погребённый был похоронен в сидячем положении. Справа от погребённого лежала нижняя челюсть овцы. На дне камеры выявлены два пятна красной охры.

* * *

Всего в 1991 г. Краснознаменской экспедицией было раскопано 53 погребения эпохи бронзы в Херсонской области. Из них 36 ямных, 10 катакомбных (восемь ингульских и два погребения восточного обряда), 2 бабинских и 5 погребений бережновско-маевской срубной культуры (табл. 1). Публикуемые материалы эпохи бронзы представлены рядовыми захоронениями. Камеры погребений не достигают, за одним исключением, даже 2 м в длину. Обращает на себя внимание значительное число ямных детских погребений в могильниках в низовьях Днепра (Тягинка, Высокое, Днепровское). Как этнографическая особенность может рассматриваться каменное перекрытие ямных погребений. Отсутствие просторных камер и мас-

Таблица 1.

Характеристика погребений эпохи бронзы

№ п/п	Комплекс	Входная яма	Погребальная камера	Глубина	Инвентарь, элементы конструкции и обряда
Погребения ямной культурно-исторической общности					
1.	2/7 Н. Маячка		1,6 × 1,0	1,2	Лепёшка охры
2.	2/6 Н. Маячка		1,6 × 1,1	0,9	Астрагал
3.	1/2 Солнечное	3,0 × 2,2	1,2 × 0,75	2,1	Каменное перекрытие.
4.	1/3 Солнечное.	2,9 × 1,9	1,3 × 0,8	2,0	Каменное перекрытие. Подросток
5.	1/4 Солнечное		1,8 × 1,0	1,05	Каменное перекрытие.
6.	1/2 Александровка		1,8 × 1,0	2,6	Кремнёвый наконечник стрелы
7.	1/3 Александровка	2,8 × 2,1	1,25 × 0,9	2,4	Деревянное перекрытие
8.	1/4 Александровка		1,75 × 1,15	1,05	Основное
9.	1/5 Александровка	2,2 × 1,8	1,5 × 0,75	2,65	Охра + горшок. Каменное перекрытие
10.	1/9 Александровка	2, × 2,2	1,5 × 0,8	2,6	
11.	1/10 Александровка	2,6 × 2,2	1,6 × 0,9	2,7	Горшок.
12.	2/1 Тягинка		0,8 × 0,4	1,3	Горшок. Основное. Ребёнок
13.	2/2 Тягинка		1,6 × 0,8	0,95	
14.	3/1 Тягинка		1,7 × 1,0	1,2	Основное. Каменное перекрытие
15.	3/2 Тягинка	3,0 × 2,7	1,7 × 1,15	3,9	Каменное перекрытие
16.	3/3 Тягинка	3,1 × 2,5	1,5 × 0,9	3,4	Каменное перекрытие
17.	3/4 Тягинка	3,0 × 2,5	1,8 × 1,0	3,4	Каменное перекрытие
18.	5/1 Тягинка	2,1 × 1,9	0,9 × 0,6	1,8	Каменное перекрытие. Ребёнок
19.	5/2 Тягинка	2,4 × 1,9	1,05 × 0,85	1,7	Каменное перекрытие
20.	5/3 Тягинка		1,6 × 1,0	1,0	Основное. Каменное перекрытие
21.	5/4 Тягинка	3,3 × 2,7	1,3 × 0,9	1,9	Галька. Каменное перекрытие
22.	6/1 Тягинка	1,7 × 1,4	0,75 × 0,35	1,6	Каменное перекрытие. Ребёнок
23.	6/2 Тягинка	3,4 × 2,5	1,65 × 0,9	1,9	Каменное перекрытие
24.	6/3 Тягинка		1,4 × 1,0	1,0	Основное. Каменное перекрытие.
25.	6/4 Тягинка	2,7 × 2,1	1,25 × 0,8	?	Каменное перекрытие. Ребёнок
26.	6/6 Тягинка		1,4 × 0,9	2,1	разрушено
27.	7/1 Тягинка	3,0 × 2,4	1,3 × 0,8	1,5	Взрослый
28.	7/2 Тягинка		1,8 × 0,9	1,05	Основное. Взрослый
29.	1/1 Высокое		0,8 × 0,45	0,75	Основное. Ребёнок
30.	1/2 Высокое	2,2 × 1,8	0,85 × 0,55	2,4	Горшок. Ребёнок
31.	1/3 Высокое	1,6 × 1,2	1,0 × 0,6	2,1	Горшок. Каменное перекрытие. Ребёнок
32.	1/5 Высокое	3,75 × 2,6	1,6 × 0,85	2,8	Взрослый.
33.	1/1 Днепровское	3,0 × 1,9	1,4 × 0,8	2,2	Взрослый
34.	1/2 Днепровское	2,4 × 1,7	1,2 × 0,6	2,6	2 астрагала. Ребёнок
35.	1/3 Днепровское		2,0 × 1,4	2,2	Раскопано в XIX в.
36.	1/6 Днепровское	3,2 × 2,6	1,4 × 0,8	2,3	охра
Погребения катакомбных культур					
1.	1/6 Александровка		2,2 × 1,6	2,7	Горшок + пест
2.	1/7 Александровка	1,6 × 1,4	2,2 × 1,3	2,3	
3.	1/8 Александровка	1,7 × 1,7	2,6 × 1,4	2,6	Горшок+ к. шар + гранит Заготовка топора
4.	3/6 Тягинка	1,8 × 1,3	2,4 × 1,5	4,9	2 горшка
5.	3/5 Тягинка	1,4 × 1,4	1,8 × 1,1	3,9	Фрагмент горшка
6.	6/5 Тягинка	1,6 × 1,6	2,0 × 0,9	1,8	Каменный шар
7.	1/4 Днепровское	1,6 × 1,5	2,3 × 1,2	2,5	На спине, ноги ромбом. Горшок.
8.	1/5 Днепровское	1,6 × 1,6	2,0 × 1,1	3,4	Кремневый отщеп. Раковины. На животе
9.	1/7 Днепровское	1,65 × 1,0	?	3,6	Кремневый отщеп. Клыки хищника. Подросток
10.	1/9 Днепровское		2,1 × 1,3	2,95	Сидя
Погребения бабинской культуры					
1.	1/1 Солнечное	1,5 × 0,7	1,6 × 0,7	1,4	КЖ.
2.	1/1 Александровка		? × 1,3	0,8	КЖ. Копытце
Погребения бережновско-маевской срубной культуры					
1.	2/1 Маячка			0,7	Горшок
2.	2/2 Маячка		1,6 × 1,1	0,5	Горшок
3.	2/3 Маячка			0,55	Горшок
4.	2/4 Маячка			0,5	Горшок
5.	2/3 Тягинка		1,2 × 0,6	1,45	

сивных досыпок свидетельствуют о том, что данный регион не являлся социальным центром для ямной культурно-исторической общности. Большая часть костяков в ямных захоронениях лежит на спине с подогнутыми в коленях ногами. Они либо остались в первоначальной позиции, либо распадались ромбом, либо падали в сторону. Значительно меньше погребённых лежит скорченно на боку. Весьма редкое положение (на боку, руки кистями перед лицом) у погребённого в захоронении 3 кургана 5 у с. Тягинка. Такое положение скорее характерно для погребений позднетрипольского времени (Дергачев, Манзура 1991: 277, рис. 56: 9). Также не характерны для ямной общности и сложенные пакетом кости умершего в погребении 2 кургана 5 у с. Тягинка. Такие пакеты встречаются в захоронениях катакомбных культур (Мельник 1991). Инвентарь минимальный. Это пять лепных сосудов и кремнёвый наконечник стрелы. Керамика в целом обычна для ямной культуры Северного Причерноморья (Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986). Обращает на себя внимание амфорка из погребения 2 кургана 1 у с. Высокое. В ней четыре ушка с горизонтальными отверстиями сдвоены: два ушка с одной стороны, два — с противоположной (рис. 21: 3). Полных аналогий ей нет. Ещё один горшок (из погребения 1 кургана 2 у с. Тягинка) идентичен горшку из катакомбного погребения (погребение 7 кургана 1 у пос. Днепровское). Наконечник стрелы с практически прямым основанием также типичен для ямных погребений (Klochko 2001: рис. 25).

Катакомбных погребений десять, т. е. в три с половиной раза меньше, чем ямных. Среди них преобладают захоронения ингульской культуры (8). Очень показательны отклонения от типичной ингульской позы (вытянуто на спине) в трёх могилах. В одной катакомбе погребённый лежал на спине с согнутыми в коленях ногами (погребение 4 кургана 1 у пос. Днепровское). В другой катакомбе погребённый, видимо, сидел (погребение 9 кургана 1 у пос. Днепровское). В третьей катакомбе умерший лежал ничком (погребение 5 кургана 1 у пос. Днепровское). Все нестандартные могилы обнаружены в одном кургане. Можно предположить, что сидящий и погребённый ничком — это люди, погребённые либо в летаргическом сне, либо в состоянии комы, очнувшиеся в камере. Аналогичная поза ничком зафиксирована в погребении 6 кургана 27 у с. Виноградное Токмакского района Запорожской области Украины (Отрощенко и др. 1984: 24, рис. 17). Специально погребения ничком были исследованы Н. Г. Салий (1997: 34—48). Поза на спине с подогнутыми ногами в захоронении 9 кургана 1 у пос. Днепровское подтверждает контакты между ямным и ингульским населением, что уже нашло отражение в научной литературе (Пустовалов 2005: 49—57).

Почти все катакомбные погребения содержали инвентарь. В двух из них найдены предметы вооружения. Это каменные шары (вероятно, снаряды для пращи) и заготовка каменного топора-молота. Трудно сказать, какова должна была быть окончательная форма изделия. Эта заготовка характеризует этап изготовления топора, когда чётко выделены центральная часть предмета и намечены будущие формы обушка и лезвия. Этот предмет может стать важным источником для реконструкции технологии изготовления каменных боевых и парадных топоров-молотов. Все катакомбы можно отнести к гробницам рядовых общинников или же к нижней группе знати (захоронения с оружием). Среди керамических изделий обращает на себя внимание редкая прямоугольная чаша с небольшим выступом-ручкой с вертикальным отверстием. Выборку подобных предметов из памятников эпохи бронзы опубликовал С. Н. Братченко (2001: 186, 190, рис. 112; 116). Всего, включая данную находку, известно семь подобных чаш. Они, вероятно, использовались для выдавливания сока растений при изготовлении напитка типа сомы и являлись деталью пресса. Подробная аргументация такого использования квадратных или прямоугольных чаш была приведена в отдельной публикации (Пустовалов 2011: 42—45).

Погребения бабинской культуры и березовско-маевской срубной культуры немногочисленны и являются стандартными. Их небольшое количество в приднепровских могильниках подтверждает тезис о том, что захоронения позднего бронзового века чаще были расположены в открытой степи, в отдалении от крупных рек (Отрощенко, Болтрик 1982: 38—46).

Публикуемые курганы впервые вводятся в научный оборот. Исследованные в них комплексы существенно дополняют наши представления об особенностях археологических культур эпохи бронзы в Нижнем Поднепровье.

Литература

Абикулова М. И., Черная Е. А. 1984. *Отчёт о раскопках кургана у с. Н. Маячка в 1984 г.* Киев. НА ИА НАНУ. №1984/32.

Братченко С. Н. 2001. *Донецька катакомбна культура раннього етапу.* Луганськ: Шлях.

Дергачев В. А., Манзура И. В. 1991. *Погребальные комплексы позднего Триполья.* Кишинёв: Штиинца.

Евдокимов Г. Л., Куприй Н. М. 1991. *Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства орошения земель Херсонской области Краснознаменской экспедицией ИА АН Украины в 1991 г.* Киев. НА ИА НАНУ. №1991/6.

Мельник В. И. 1991. *Особые виды погребений катакомбной общности.* Москва: Наука.

Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В. 1982. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины.* Киев: Наукова думка, 38—46.

Отрощенко и др. 1984: Отрощенко В. В., Рассамакин Ю. Я., Константинеску Л. Ф., Нор Е. В., Покляцкий О. В., Савовский И. П. 1984. *Отчёт Запорожской экспедиции за 1984 г.* Киев. НА ИА НАНУ. №1984/10.

Пустовалов С. Ж. 2005. *Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я.* Київ: Шлях.

Салий Н. Г. 1997. О культурном и социальном статусе погребённых ничком в эпоху бронзы. *ДСПК* VI, 34—48.

Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. 1986. *Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант).* САИ В1—3. Киев: Наукова думка.

Klochko V. I. 2001. *Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000—700 BC.* BPS 10.

References

Abikulova, M. I., Chernaia, E. A. 1984. *Otchet o raskopkakh kurgana u sela Novaia Maiachka v 1984 g. (Report on Archaeological Excavations of a Barrow near the Novaya Mayachka Village in 1984).* Kiev. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1984/32 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 2001. *Donets'ka katakombna kul'tura rann'oho etapu (Early Stage of the Donets Catacomb Culture).* Lugansk: "Shlyakh" Publ. (in Ukrainian).

Dergachev, V. A., Manzura, I. V. 1991. *Pogrebal'nye kompleksy pozdnego Tripol'ia. Svod istochnikov (Late-Tripolyan Funerary Complexes. Corpus of Sources).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Evdokimov, G. L., Kuprii, N. M. 1991. *Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orosheniia zemel' Khersonskoi obl. Krasnoznamenskoi ekspeditsiei IA AN USSSR v 1991 g. (Report on the Excavations of Barrows in the Zone of the Construction of the Irrigation Systems of the Lands of Kherson Region Conducted by the Krasnoznamenskaia Expedition of IA AN USSSR in 1991).* Kiev. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1991/6 (in Russian).

Melnik, V. I. 1991. *Osobye vidy pogrebenii katakombnoi obshchnosti (Special Types of the Catacomb Community Burials).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Otroshchenko, V. V., Boltrik, Yu. V. 1982. In Telegin, D. Ya. (ed.). *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy (Materials to the Chronology of the Archaeological Sites in Ukraine).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 38—46 (in Russian).

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya., Constantinescu, L. F., Nor, E. V., Pokliatskii, O. V., Savovskii, I. P. 1984. *Otchet Zaporozhskoi ekspeditsii za 1984 g. (Report of the Zaporozhye Expedition for 1984).* Kiev. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1984/10 (in Russian).

Pustovalov, S. Zh. 2005. *Sotsial'nyj lad katakombnoho suspil'stva Pivnichnoho Prychornomor'ya (Social System of the Catacomb Society of the Northern Black Sea Region).* Kiev: "Shlyakh" Publ. (in Ukrainian).

Salii, N. G. 1997. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* VI, 34—48 (in Russian).

Shaposhnikova, O. G., Fomenko, V. N., Dovzhenko, N. D. 1986. *Iamnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (iuzhnobugskii variant) (Pit-grave Cultural-Historical Community (Southern Bug Variant)).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—3. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000—700 BC.* BPS 10.

Статья поступила в сборник 25 июля 2017 г.

Gennadiy Evdokimov.

Евдокимов Геннадий Леонидович.

Natalia Danilko (Kiev, Ukraine). Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Данилко Наталья Михайловна (Киев, Украина). Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: natasha_danilko84@ukr.net

Serghei Pustovalov (Kiev, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine[2].

Пустовалов Сергей Жанович (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: pustovalovsergej@yahoo.com.ua

Address: [1, 2] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко

Курганная группа 3 Войцеховского могильника
(по результатам исследований 2011—2012 гг.)

Keywords: Ukraine, Volhynia, Late Bronze Age, Trzciniec cultural circle, Komarov culture, Voytsehovka cemetery

Ключевые слова: Украина, Волынь, период поздней бронзы, тшинецкий культурный круг, комаровская культура, Войцеховский могильник

S. D. Lysenko, S. S. Lysenko

Barrow Group 3 of the Voytsehovka Cemetery (excavations of 2011—2012)

In 2011, the Fastov archaeological expedition renewed the research on the barrow cemetery of the Komarov culture of the Trzciniec cultural circle. This cemetery is located on the border of the Zhitomir and Khmelnytsky regions of Ukraine, between the Miropol, Kolodyazhnaya and Kolosovka (the former Voytsehovka), on the left bank of the river Sluch. Earlier excavations on the site, included in archaeological literature under the name of the Voytsehovka cemetery, were conducted by S. S. Gamchenko (1924) and E. F. Lagodovskaya (1949), who studied 14 barrows in two barrowgroups. In 2011—2012 in the newly discovered barrow group no.3 four barrows were excavated, containing the remains of seven burials. Based on radiocarbon dating and analysis of the ceramic complex, the barrows can be dated by the midddle — the third quarter of 2nd millennium BC. All the mounds were erected on the natural hills of the dune ridge occupied earlier by the settlement of the late Tripolye culture. The publication provides a detailed description of all objects studied in 2011—2012.

С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко

Курганная группа 3 Войцеховского могильника (по результатам исследований 2011—2012 гг.)

В 2011 г. Фастовской археологической экспедицией были возобновлены исследования курганного могильника комаровской культуры тшинецкого культурного круга, расположенного на границе Житомирской и Хмельницкой областей Украины, между населёнными пунктами Мирополь, Колодяжное и Колосовка (бывшая Войцеховка), на левом берегу р. Случь. Ранее раскопки на памятнике, вошедшем в археологическую литературу под названием Войцеховский могильник, были проведены С. С. Гамченко (1924 г.) и Е. Ф. Лагодовской (1949 г.), исследовавших общей сложностью 14 курганов в двух курганных группах. В 2011—2012 гг. в нововыявленной курганной группе №3 было раскопано четыре кургана, содержавших остатки семи погребений. На основании радиоуглеродной датировки и анализа керамического комплекса, курганы могут быть датированы серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э. Все курганы были возведены на естественных возвышениях дюнной гряды, занятой ранее поселением поздней трипольской культуры. В публикации приведено развёрнутое описание всех исследованных в 2011—2012 гг. объектов.

Войцеховский могильник (Колодяжное-2) является одним из базовых памятников волынской группы комаровской культуры восточного ареала тшинецкого культурного круга (далее — ТКК). Памятник расположен на левом берегу р. Случь между пгт. Мирополь, с. Колодяжное Романовского (бывшего Дзержинского) района Житомирской области и с. Колосовка (бывшая Войцеховка) Полонского района Хмельницкой области Украины (рис. 1: 2). Среди памятников восточного ареала ТКК Войцеховский могильник занимает особое место. Это первый погребальный памятник комаровской культуры ТКК, исследования которого были проведены систематически на широкой площади, собственно, ещё до выделения тшинецкой культуры в Польше (1930 г.) и комаровской культуры в Галиции (1936 г.), оккупированной на тот момент панской Польшей.

Раскопки памятника были начаты в 1924 г. С. С. Гамченко. В курганной группе №1 было раскопано семь курганов, ещё один — в курганной группе №2. К сожалению, материалы раскопок тогда так и не были опубликованы. Но в научном архиве Института археологии НАН Украины сохранился подробный рукописный отчёт об исследованиях Войцеховского могильника, составленный С. С. Гамченко (Гамченко 1924: 66—94), положенный впоследствии в основу публикации Л. Ф. Лагодовской (Лагодовська 1948).

© С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко, 2018.

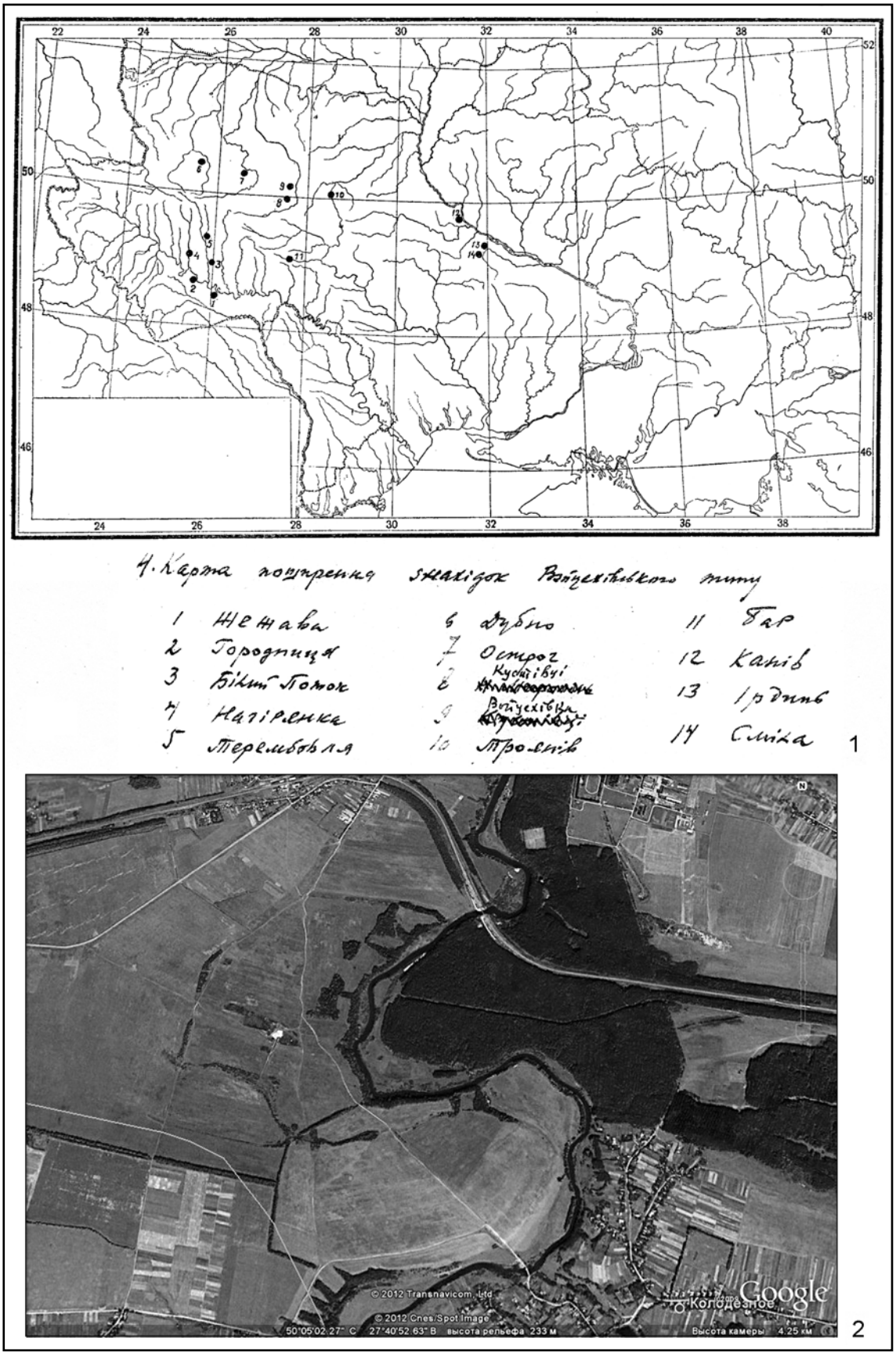

Рис. 1. 1 — Войцеховский могильник (пункт 9) среди памятников «войцеховского типа» (из архива Е. Ф. Лагодовской); 2 — поле между населёнными пунктами Мирополь, Колодяжное и Войцеховка, на котором расположен Войцеховский могильник.

Fig. 1. 1 — Voytsehovka cemetery (point 9) among the sites of "Voytsehovka type" (from the archive of E.F. Lagodovskaya); 2 — the field between settlements Miropol, Kolodyazhnoye and Voytsehovka, where the Voytsehovka cemetery is located.

В 1948 г. во время работы Волыно-Подольской археологической экспедиции Института археологии АН УССР, работавшей под руководством В.К. Гончарова, Л.Ф. Лагодовская провела обследование состояния Войцеховского могильника и установила, что в связи с распашкой памятнику угрожает полное уничтожение. В связи с этим в 1949 г. раскопки на могильнике были возобновлены. В курганной группе №1 отдельным отрядом в составе Е.Ф. Лагодовской, Ю.М. Захарука и П.И. Завады было раскопано ещё шесть курганов (Лагодовська, Захарук 1956).

В результате работ 1949 г. большая часть из 16 курганов группы №1, обозначенных на плане С.С. Гамченко (Гамченко 1924: план XI), была раскопана. Обобщение результатов раскопок позволило Е.Ф. Лагодовской ставить вопрос о выделении памятников «войцеховского типа», к которым она относила известные на тот момент памятники комаровской культуры Галиции, Волыни, Подолии и Среднего Поднепровья. В архиве Е.Ф. Лагодовской нами обнаружена «Карта поширення знахідок войцехівського типу» (рис. 1: 1) (Лагодовская, фонд 12), подчёркивающая приоритет российской и советской науки в изучении Правобережной лесостепи эпохи поздней бронзы перед исследованиями польских археологов[1]. Впоследствии С.С. Березанская отнесла Войцеховский могильник к выделенной ею «восточнотшинецкой культуре» (Березанская 1972: 56—58), а И.И. Артёменко рассматривал памятник в контексте сосницкой культуры (Артёменко 1987: 106—113). Однако анализ погребального обряда, керамического комплекса, комплекса металлических украшений, особенностей вмещающего ландшафта позволяют рассматривать могильник именно в контексте комаровской культуры ТКК (Лысенко 2017: рис. 1).

Ещё исследования С.С. Гамченко в середине 1920-х гг. однозначно показали, что Войцеховский могильник не ограничивается одной лишь первой группой. С.С. Гамченко пишет: «Группа эта, названная исследователем по ближайшему населённому пункту (Войцеховка), Войцеховской группой, удалена от Случи на 2 км в направлении на SSO, в удалении от нея на 0,5 км, группа из 3 курганов, на SO в расстоянии 0,25 км, группа из 4—5 курганов, на OON в удалении на 340 м, группа из 7 курганов и на NNW, в расстоянии 145 м, группа тоже из 7 курганов. Все курганы этих групп, как и других соседних групп побережий Случи, по внешности, идентичны с Войцеховской группой» (Гамченко 1924: 67—68). В архиве С.С. Гамченко среди черновиков сохранилась карта расположения курганных групп у с. Колодяжное, составленная И.Ф. Левицким (рис. 2: 1). Всего — только на левом берегу Случи — обозначено около сотни курганов. Группе №1 Войцеховского могильника по рукописи С.С. Гамченко на этой карте соответствует группа V, а группе №2 — группа VI (фонд Гамченко, №46—48; Лысенко, Лысенко 2011).

Работы на Войцеховском могильнике были возобновлены в 2011 г. Фастовской археологической экспедицией (ФАЭ) (С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Е.И. Шкляревский и др.). Расположение курганных групп, обозначенных на плане И.Ф. Левицкого, удалось идентифицировать на местности, однако большинство курганов оказались полностью распаханными. По состоянию на конец мая 2011 г. поле, на котором расположен могильник, не пахалось на протяжении около 20 лет (судя по выросшим в разных местах поля деревьям). В июле 2011 г. северная часть поля, относящаяся к пгт. Мирополь, была распахана голландской фирмой, взявшей поле в аренду. В случае возобновления распашки на всём поле могильнику грозит окончательное уничтожение.

В 2011 г. ФАЭ была зафиксирована курганная группа №3, не обозначенная на плане И.Ф. Левицкого[2]. Возможно, именно эта группа упомянута в отчёте Волынско-Подольской экспедиции ИА АН УССР за 1948 г.: «В 1,1 км на юго-запад от железнодорожного моста, на поле колхоза им. Шевченко, с. Каменка, расположена группа из 8-ми курганов. Они расположены по линии восток-запад, азимут 276°» (Гончаров 1948: 7—8).

[1] К сожалению, термин «памятники войцеховского типа» не прижился в научной литературе, и на данный момент их ареал совпадает с ареалом распространения северных групп комаровской культуры (комаровской, волынской и киево-черкасской).

[2] Принятая нами нумерация продолжает нумерацию групп в отчёте С.С. Гамченко за 1924 г., на которых проводились раскопки.

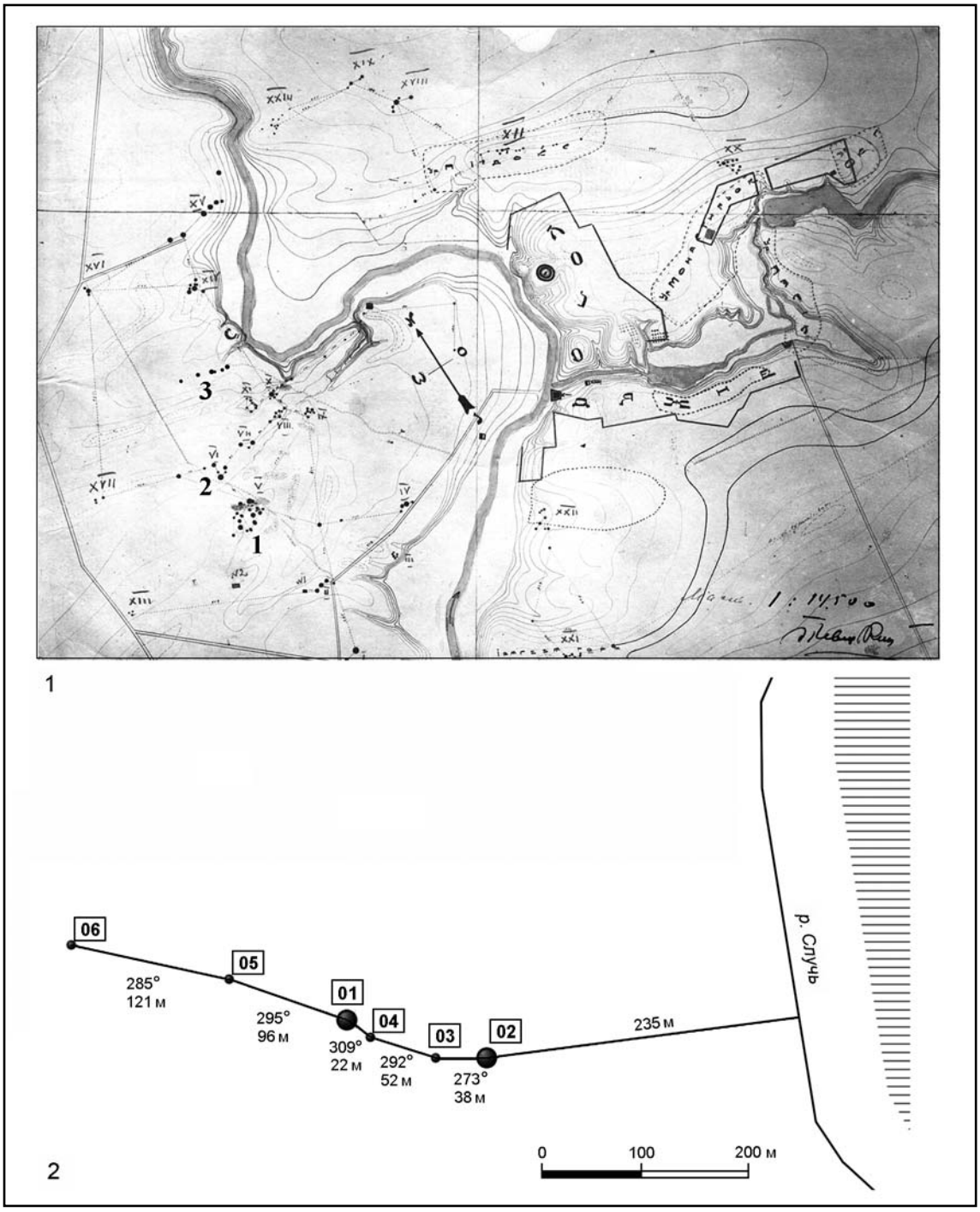

Рис. 2. 1 — схема расположения курганных групп между пгт. Мирополь, сс. Колодяжное и Войцеховка (из архива С.С. Гамченко; составлена И.Ф. Левицким, с дополнениями 2011 г.); 2 — курганная группа №3 (съёмка Д.П. Куштана 2011 г.).

Fig. 2. 1 — scheme of the location of the barrow groups between the Miropol, Kolodyazhnoye and Voytsehovka (from the archive of S.S. Gamchenko; compiled by I.F. Levitsky; with additions of 2011); 2 — barrow group no.3 (D.P. Kushtan's survey of 2011).

Группа №3 расположена в 1,8 км на ЮЮВ от ж/д станции Мирополь, на южной окраине земель левобережной части пгт. Мирополь (Каменка), на плато высокого левого берега Случи, на расстоянии около 0,5 км к северо-востоку от группы №1, в 235 м от изгиба р. Случь, резко выступающего к западу (рис. 2: 1). Группа занимает гребень песчаной гряды, идущей перпендикулярно берегу реки. Курганы были насыпаны на естественных

дюнных возвышениях, что визуально увеличивает их размеры. Курганному могильнику предшествовало трипольское поселение этапа CII (трояновская группа?).

На 2011 г. в группе зафиксированы шесть курганов, вытянутых на протяжении 330 м в направлении запад — восток. План курганной группы №3 был снят при помощи прибора Garmin GPS map76 CSx (съёмка Д. П. Куштана) (рис. 2: 2). В 2011 г. были раскопаны два кургана (№1 и №3), в 2012 г. исследованы курганы №2 и №4. Предварительные результаты этих работ были отражены в ряде публикаций (Лысенко 2011; Лысенко, Лысенко 2012; 2013; Литвинова, Лысенко 2012; Лисенко та ін. 2013а; 2013б). Настоящая статья посвящена полной публикации объектов, раскопанных в 2011—2012 гг.[3]

Курган №1 (2011) (рис. 3). Визуально — наибольший в группе. Расположен в центре группы, на расстоянии около 0,35 км на запад от Случи (N50°05,037′, E27°40,304′). Визуально диаметр кургана ~20 м, высота ~1 м. Курган возведён над естественным возвышением. Реальный диаметр насыпи около 13 м, высота над уровнем слоя трипольского поселения 0,7 м. Курган содержал одно погребение комаровской культуры ТКК.

Во время разведок в мае 2011 г. в кургане были обнаружены два свежих грабительских шурфа: №1 в центре кургана, размерами 1,5×1 м и глубиной до 1—1,2 м, и №2 в южной поле, размерами 1,3×0,8 м и глубиной до 0,7 м. В выбросе из шурфа №1 найдены фрагменты стенок сосуда тшинецкого типа и трипольской культуры.

Перед началом раскопок центр возвышения был очерчен по уровню 0,35 м от репера. Репер установлен в наивысшей части сохранившейся насыпи, к юго-востоку от грабительского шурфа, севшего в самый центр очерченного овоида, предположительно, на реальный центр комплекса. Таким образом, R_0 оказался смещён примерно на 2 м к юго-востоку от реального центра кургана.

Курган копался вручную с оставлением центральной бровки шириной 0,8 м, ориентированной по линии север — юг. Центр возвышения был накрыт раскопом площадью 84 м^2 (8,4×10 м). Для удобства фиксации материала раскоп был разбит на квадраты размером 2×2 м. Вскрытие производилось механическими слоями по 0,25 м с зачисткой площади после каждого штыка.

Насыпь кургана была возведена из слоя трипольского поселения и содержала множество фрагментов керамики и кремнёвых изделий трипольской культуры. Среди находок: фрагменты трёх зооморфных (барашки?) и трёх антропоморфных статуэток, 13 пряслиц (преимущественно целые), около десятка фрагментов ткацких грузил.

Северо-западной полой кургана была перекрыта яма трипольской культуры (объект №6). Ещё одна трипольская яма (объект №8) была обнаружена в 1,8 м на юго-восток от предыдущей. В разных частях насыпи к западу, северо-западу и юго-западу от погребения зафиксированы скопления керамики трипольской культуры («сфероиды» по терминологии С. С. Гамченко) — объекты №1, 2, 4, 5. В центре насыпи найдены три фрагмента кубков среднеднепровской культуры шнуровой керамики (квадрат Б/3) и кремнёвый топор этой культуры (квадрат Б/2).

В центре природного возвышения, на котором располагалось позднетрипольское поселение, зафиксирована большая неглубокая яма подпрямоугольной формы (рис. 3: 1), ориентированная по линии северо-запад — юго-восток, размерами около 6×5,5 м, глубиной до 0,3 м от древней поверхности, прорезавшая слой трипольского поселения. Предполагаемое назначение котлована — выравнивание площадки под погребение. В различных частях кургана обнаружены остатки трёх «очагов-жертвенников», предположительно связанных с проведением погребального ритуала — объекты №3, 7, 9.

Погребение №1 (рис. 4: 1). Впущено у северо-восточной стенки площадки, в 0,5 м к северу от R_0. Контуры ямы не прослежены, глубина залегания костей 1,3—1,35 м от R_0. Скелет (мужчина, 40—45 лет[4]) был расчленён; кости сложены в определённом, но не анатомическом порядке. Скопление ориентировано по линии северо-восток — юго-запад (α 58—238°). Череп находился в юго-западной части скопления вместе с крылом таза и трубчатыми костями рук, нижняя че-

[3] Из насыпей всех курганов происходит большое количество фрагментов трипольской керамики и керамики комаровской культуры ТКК, а также кремнёвые изделия различных периодов. Массовый материал брался поквадратно и послойно, координаты и глубины индивидуальных находок замерялись от R_0. Анализ этих материалов будет приведён в отдельных публикациях.

[4] Здесь и далее антропологические определения проведены Л. В. Литвиновой, за что авторы выражают ей искреннюю благодарность.

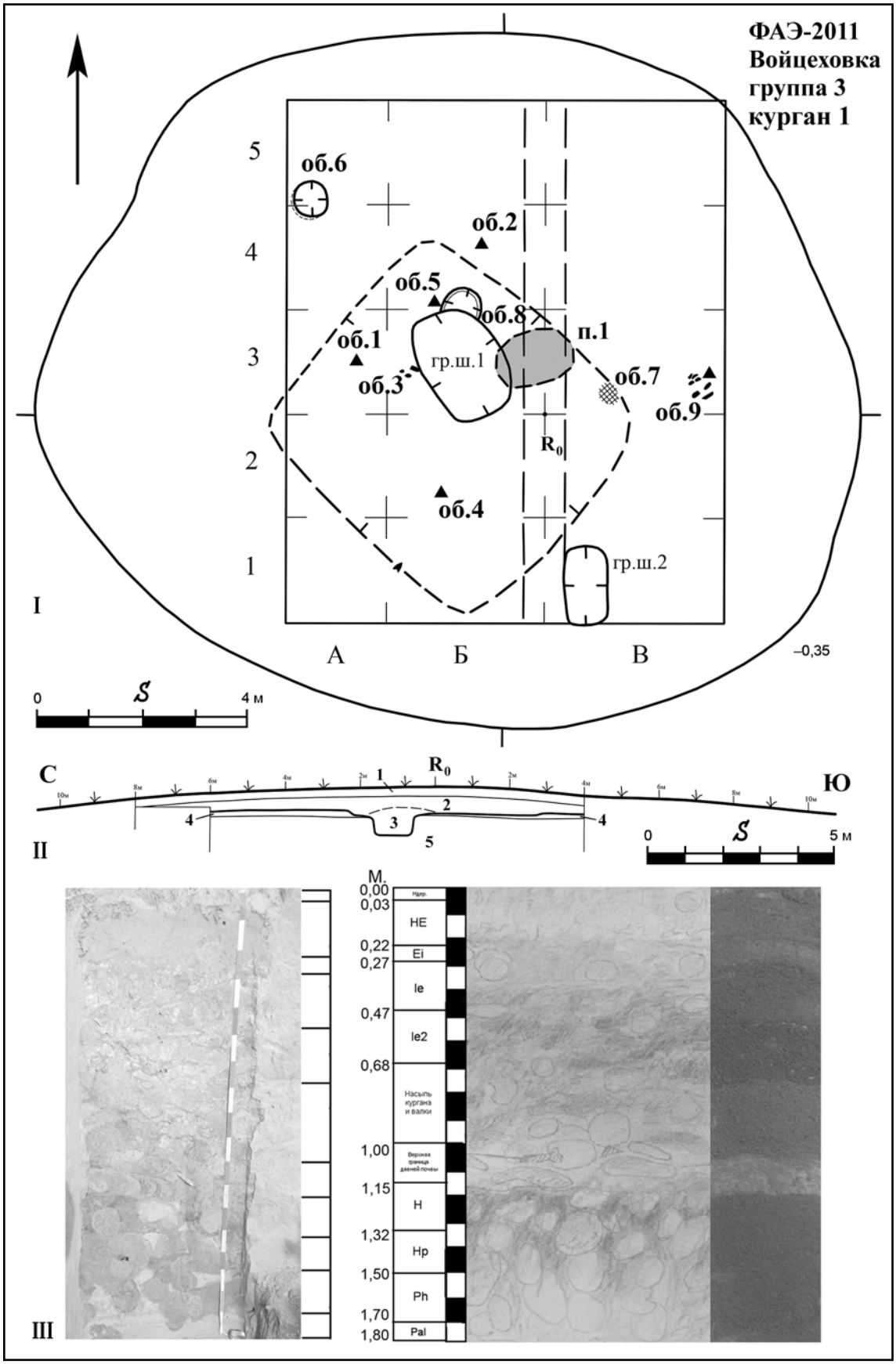

Рис. 3. Войцеховка, курганная группа 3, курган 1 (2011): I — план; II — бровка север-юг, западный профиль (1 — пахотный слой; 2 — насыпь из слоя трипольского поселения; 3 — заполнение ямы погребения 1; 4 — слой

трипольского поселения; 5 — материковый песок); III — расчистка 1 (фото и полевая зарисовка с примазками природного материала) (III — по Матвиишина, Кушнир 2011: рис. 1).

Fig. 3. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 1 (2011): 1 — plan; 2 — north-south baulk, western profile (1 — arable layer; 2 — filling from the Trypolye settlement layer; 3 — filling of the the burial 1; 4 — layer of Tripolye settlement; 5 — mainland sand); 3 — clearing 1 (photo and field sketch with addings of natural material) (III — after Матвиишина, Кушнир 2011: рис. 1).

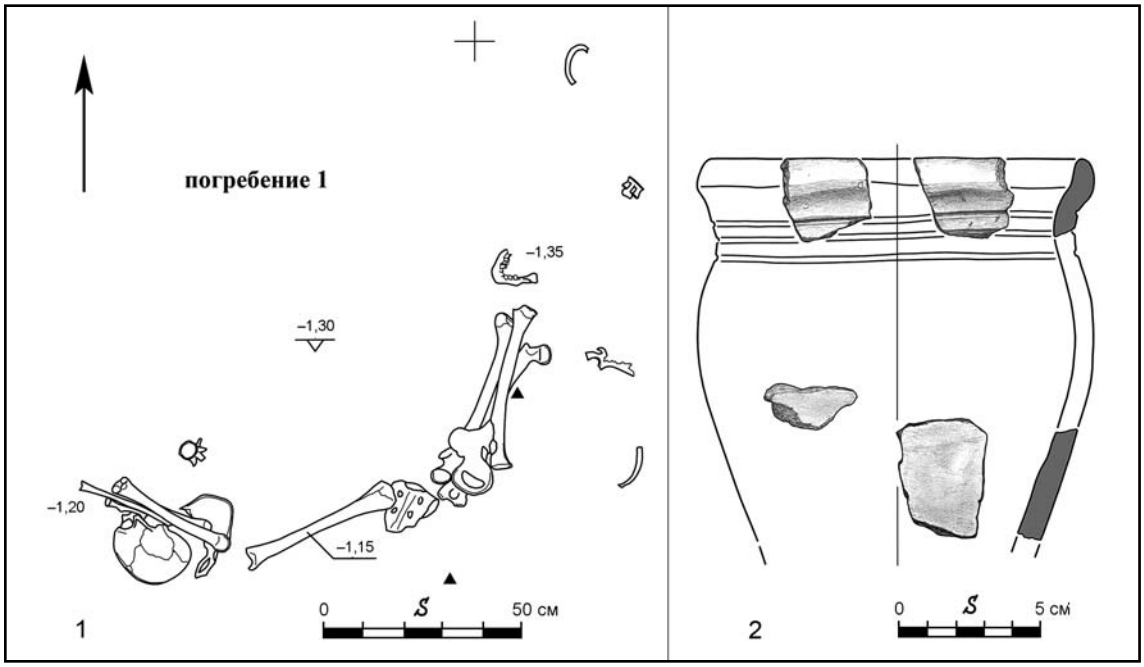

Рис. 4. Войцеховка, курганная группа 3, курган 1 (2011), погребение 1: 1 — план погребения; 2 — реконструкция тюльпановидного сосуда.

Fig. 4. Voytsehovka, barrow group 3, barrow1 (2011), burial 1: 1 — plan of the burial; 2 — reconstruction of tulip-shaped vessel.

люсть — в северо-восточной. В центре были положены крестец и ещё одно крыло таза. Между черепом и крестцом была вытянута большая берцовая кость, вторая большая берцовая и обе бедренные кости были положены между крестцом и нижней челюстью (при этом бедренные кости положены «валетом»). Из мелких костей в погребении найдены два позвонка, два ребра и фрагмент лопатки.

Особый интерес представляют зафиксированные следы обработки костей. На бедре сохранились следы срезания мяса кремнёвым (?) ножом по мокрой кости. Правая ветвь нижней челюсти удалена и челюсть пришлифована. На лучевой кости обнаружены неглубокие параллельные насечки, выполненные острым предметом. На левом виске черепа — большое отверстие с неровными краями. На костях черепа (лобной, теменной и височной) обнаружены следы зубов животного (Литвинова, Лысенко 2012: 94—95; Лысенко 2015: 81).

На расстоянии 1 м на юго-восток от кости таза, лежащей рядом с крестцом, на том же уровне (-1,3 м от R_0) горизонтально лежала плечевая кость свиньи (?), возможно, попавшая из слоя трипольского поселения. На расстоянии 0,45 м на северо-восток от нижней челюсти обнаружено пряслице трипольской культуры. Нельзя исключать, что грабительский шурф, примыкавший вплотную к погребению с запада, оказался на кургане не случайно и инвентарь, находившийся к западу от черепа, мог быть изъят грабителями.

Среди костей погребённого найдены два фрагмента венчика тюльпановидного горшка тшинецкого типа (*сосуд №1*), фрагмент стенки которого был в выкиде из грабительского шурфа. Видимо, горшок был разбит непосредственно при захоронении.

Сосуд №1 — тюльпановидный горшок (рис. 4: 2). Сосуд изготовлен из керамического теста с примесью крупных зёрен дресвы (гранит?) и включениями мелких блёсток слюдяного песка. Цвет чёрный; на стенке с внешней стороны — серый. Поверхность ангобирована, подлощена. Край венчика утолщён нару-

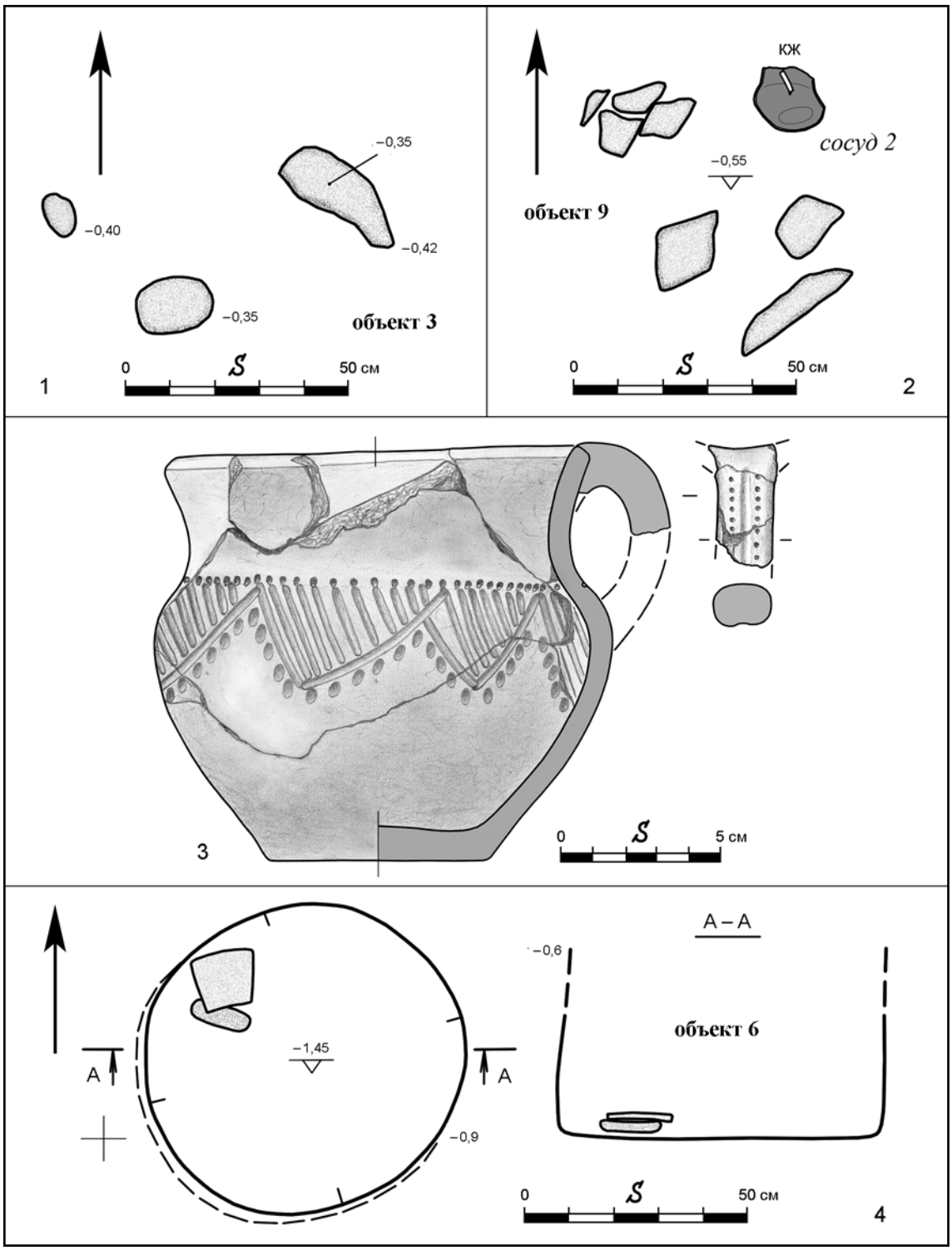

Рис. 5. Войцеховка, курганная группа 3, курган 1 (2011): 1 — объект 3; 2 — объект 9; 3 — сосуд из объекта 9; 4 — план и разрез объекта 6 (позднетрипольская культура).

Fig. 5. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 1 (2011): 1 — object 3; 2 — object 9; 3 — vessel from object 9; 4 — plan and section of object 6 (Late Tripolye culture).

жу и приострён к срезу. Диаметр венчика около 140 мм, высота — не менее 150 мм, толщина венчика 8 мм, толщина стенок — 6—7 мм. По шейке сосуд украшен горизонтальными желобками толщиной около 1,5 мм и глубиной около 1 мм.

Объект №1 (позднетрипольская культура). Расположен в квадрате А/3, на расстоянии

3,6 м на западо-северо-запад от R_0. Скопление фрагментов керамики трипольской культуры. Площадь скопления 0,8×0,4 м. Глубина залегания основного массива — 0,18—0,2 м от R_0.

Объект №2 (позднетрипольская культура). Расположен в квадрате Б/4, на расстоянии 3,5 м на северо-запад от R_0. Скопление фрагментов керамики трипольской культуры. Площадь скопления 1,25×0,7 м. Глубина залегания основного массива — 0,51—0,58 м от R_0.

Объект №3 (комаровская культура) (рис. 5: 1). Очаг-жертвенник. Расположен в квадрате Б/3, на расстоянии 2,5 м на западо-северо-запад от R_0. Представляет собой скопление из четырёх обожжённых камней. Площадь скопления 0,8×0,5 м. Глубина залегания 0,4 м от R_0. Восточная часть объекта разрушена грабительским шурфом №1. Размеры камней от 10×6×10 до 30×12×7 см.

Объект №4 (позднетрипольская культура). Расположен в квадрате Б/2, на расстоянии 2,3 м на юго-запад от R_0. Скопление фрагментов керамики трипольской культуры. Площадь скопления 0,5×0,25 м. Глубина залегания основного массива — 0,54 м от R_0.

Объект №5 (позднетрипольская культура). Расположен в квадрате Б/4, на расстоянии 2,8 м на северо-запад от R_0. Скопление фрагментов керамики трипольской культуры. Площадь скопления 0,2×0,2 м. Глубина залегания основного массива — 0,5 м от R_0.

Объект №6 (комаровская культура) (рис. 5: 4). Расположен на границе квадратов А/4—5, на расстоянии 5,6 м на северо-запад от R_0. Круглая в плане яма диаметром 1,4 м и глубиной 1,45 м от R_0 (0,85 м от уровня впуска). В юго-западную стенку уходит небольшой подбой — до 0,05 м по дну. Дно плоское. Из заполнения происходят керамика, печина, кости животных. Придонная часть заполнения ямы представляет собой чёрный углистый слой, содержащий мелкие угли, куски печины (в том числе с отпечатками прутьев), несколько костей животных. Под юго-восточной стенкой в этом слое обнаружен фрагмент кубка, изготовленного из хорошо отмученного теста. У северо-западной стенки, на дне, лежали сильно пережжённые плиточная зернотёрка и продолговатый тёрочный камень. Южный угол зернотёрки перекрывает тёрочник. Зернотёрка лежала выпуклой (рабочей?) стороной вверх; верхний уровень залегания — 1,35 м от R_0. Размеры — 30×30—25×4—3 см. Тёрочный камень лежал рабочей вогнутой поверхностью вниз. Размеры тёрочника — 28,5×10—13×9—10 см.

Объект №7 (комаровская культура). Кострище — прокал и скопление углей. Объект расположен в квадрате В/3, на расстоянии 1,2 м на ВСВ от R_0 и 1,2 м на востоко-юго-восток от тазовой кости погребения №1. Уровень залегания — 0,55 м от R_0. Диаметр около 0,3 м, толщина около 1,5 см.

Объект №8 (позднетрипольская культура). Расположен на границе квадратов Б/3—4, на расстоянии 2,2 м на СЗ от R_0. Яма подокруглой формы диаметром около 1,5 м и глубиной около 1,15 м от R_0 (уровень фиксации — 0,95 м). Южная часть разрушена грабительским шурфом №1. В заполнении — фрагменты трипольской керамики, мелкие угли и печина.

Объект №9 (комаровская культура) (рис. 5: 2). Очаг-жертвенник. Расположен в восточной поле кургана, в квадрате В/3, на расстоянии 2,8 м м на ВСВ от R_0. Представляет собой скопление обожжённых камней, площадью 0,45×0,7 м, ориентированное по линии северо-запад — юго-восток. Уровень залегания — 0,55 м от R_0 (0,45 м от современной поверхности). Рядом с очагом с северо-востока была поставлена небольшая глубокая чаша — *сосуд №2*. В чаше обнаружены остатки жертвенной пищи в виде кости животного (ребро).

Сосуд №2 — глубокая чаша тшинецко-комаровского типа (рис. 5: 3). Венчик плавно отогнут, край уплощён под 45°. Плечико высокое, выпуклое. Днище плоское, изнутри — слегка выпуклое. По плечику и бочку сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками вершинами вниз (линии наклонены влево; по 7, 8, 10 линий внутри контура). Тесто с примесью дресвы (гранит?). Цвет оранжевый. Поверхность ангобирована, заглажена. Диаметр венчика — около 135 мм, диаметр шейки — 120 мм, максимальный диаметр корпуса — 145 мм, диаметр днища — 70 мм, высота сосуда — 128—130 мм, высота нижней части — около 72 мм, высота венчика — 32—35 мм. Толщина стенок — 6—8 мм, в бочке — от 5 мм, ко дну утолщаются до 9 мм. Толщина днища — от 9 мм у стенок, до 10,5 мм в центре. Толщина края венчика — 6—6,5 мм. По бочку вдоль нижнего контура треугольников идёт «бахрома» в виде неглубоких овальных вдавлений. В основании шейки сосуда, образуя основание треугольников, идёт горизонтальный ряд круглых точечных наколов диаметром до 2 мм. Около 2/3 верхней части сосуда было снесено плугом. В пахотном слое к югу от объекта были найдены три фрагмента, принадлежавшие утраченной части сосуда (фрагмент шейки, фрагмент бочка, орнаментированного вдавленными овала-

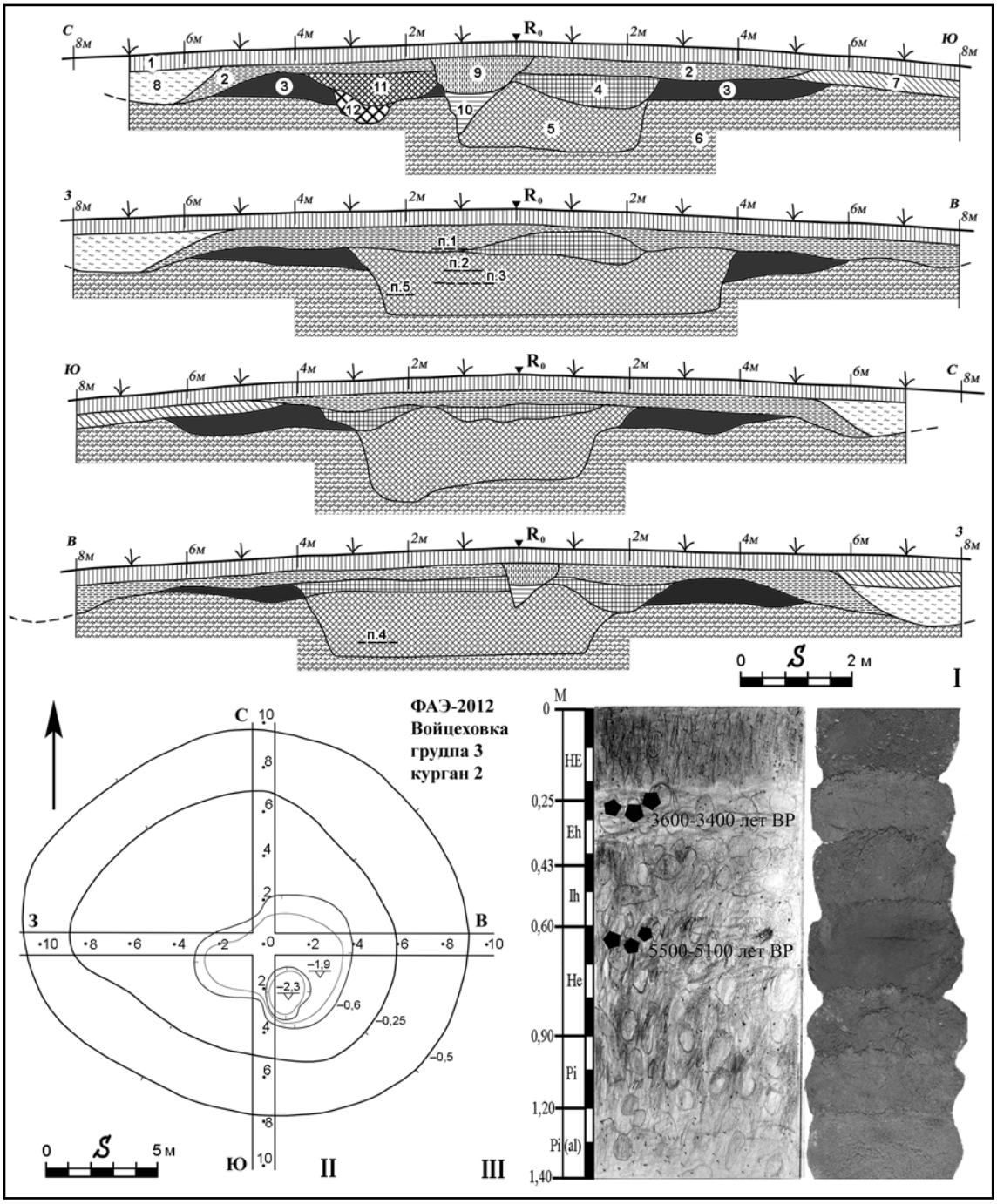

Рис. 6. Войцеховка, курганная группа 3, курган 2 (2012): I — профили бровок (1 — пахотный слой — серый смешанный песок; 2 — вальковая кладка насыпи из слоя трипольской культуры; 3 — гумусированный слой трипольской культуры; 4 — засыпка верхней части котлована из слоя трипольской культуры; 5 — гумусированное заполнение котлована с большим количеством кротовин; 6 — материк — жёлтый песок; 7 — слабогумусированная песчанистая подпочва; 8 — глееватый слой с переотложенным трипольским материалом; 9 — заполнение верхней части грабительской ямы; 10 — затёчное заполнение придонной части грабительской ямы; 11 — верхняя часть трипольского объекта 4; 12 — тёмное заполнение придонной части объекта 4); II — план кургана; III — расчистка №2 (III — по Матвиишина, Кушнир 2012: рис. 8).

Fig. 6. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 2 (2012): I — profiles of the baulks (1 — arable layer — gray mixed sand; 2 — paddle structure of the mound from the Tripolye culture layer; 3 — humified layer of Tripolye culture; 4 — backfilling of the upper part of the ditch from the layer of Tripolye culture; 5 — humified filling of the ditch with a large number of molehills; 6 — mainland — yellow sand; 7 — slightly humified sandy subsoil; 8 — glue layer with redeposited Tripolye material; 9 — filling of the upper part of the robber's pit; 10 — filling of the lower part of the robber's pit; 11 — the upper part of the Tripolye object 4; 12 — the dark filling of the lower part of the object 4); II — plan of the barrow; III — clearing no.2 (III — after Матвиишина, Кушнир 2012: рис. 8).

ми, оконтуривающими треугольники, и фрагмент ручки в месте её крепления к венчику). Ширина ручки — около 18 мм, толщина — около 12 мм. В сечении — подпрямоугольная со скруглёнными углами. По внешней поверхности ручка орнаментирована продольной каннелюрой, окаймлённой с двух сторон круглыми точечными вдавлениями.

Курган №2 (2011) (рис. 6). Расположен на расстоянии около 110 м на востоко-юго-восток от кургана №1, в 235 м от берега Случи (N50°05,018′, E27°40,390′). Визуально диаметр кургана ~15 м, высота ~0,7 м. В результате раскопок было выяснено, что курган возведён над естественным возвышением. Реальные размеры насыпи — около 15×13 м (З-В×С-Ю). Высота над уровнем трипольского слоя — до 0,7 м. С северной, западной и восточной стороны по бровкам прослеживается прикурганная выемка, заполненная глееватой почвой с переотложенным трипольским материалом. Насыпь кургана сложена из вальков, нарубленных из слоя позднетрипольского поселения.

Курган раскопан вручную с оставлением крестовидной бровки, ориентированной по сторонам света. Ширина бровок — 0,6 м. R_0 расположен в центре кургана, в визуально наивысшей точке насыпи, в центре крестовидной бровки. Насыпь снималась посекторно механическими горизонтальными слоями. Глубина слоя 1—0,4 м от R_0; остальные слои — примерно по 0,25 м, на высоту штыка лопаты. Для удобства фиксации массового материала, сектора разбиты на квадраты, маркированные буквами русского алфавита по линии запад-восток в направлении от R_0 и арабскими цифрами по линии север-юг в направлении от R_0. Общая вскрытая площадь на кургане составила около 101 м^2.

Под центром насыпи, со смещением в юго-восточный сектор, находился котлован неправильной формы, впущенный в вершину естественного возвышения. В заполнении котлована на разных уровнях выявлены пять погребений комаровской культуры ТКК (рис. 7: 1) — одна демембрация (погребение №4) и четыре скорченных трупоположения, два из которых лежали головой на восток (№3 и №5), а два — на юг (№1 и №2). При этом костяки погребений №1, 2 и 3 располагались непосредственно один над другим. Погребения №1 и №5 сопровождались тюльпановидными сосудами тшинецкого типа. Ниже погребений №1, 2, 3, 5, в квадратах А-Б/1—2 юго-западного сектора зафиксированы разрозненные человеческие кости и отдельные кости животных. Общая площадь скопления по линии запад-восток — 3,6×1,8 м. Глубина залегания костей — 1,56—1,6 м.

С комаровской культурой могут быть связаны скопления камней в юго-восточном секторе (объект №1), северо-восточном секторе (объект №2) и в прикурганной выемке в юго-западном секторе (объект №3), а также яма неправильной формы, врезанная в дно котлована (объект №6). К позднетрипольской культуре относится объект №4 — яма, профиль которой зафиксирован в западном профиле северной половины бровки север-юг. В северо-западном секторе обнаружен поздний перекоп (объект №5). Из насыпи происходит около 200 фрагментов керамики комаровской культуры и около 1000 фрагментов позднетрипольской керамики.

Котлован (рис. 7: 2) неправильной (антропоморфной?) формы в виде двух наложившихся овалов. Ориентирован по линии запад — восток. Общие размеры 7×6 м. Большая, восточная, часть котлована ориентирована по линии север — юг; её размеры — 4×6 м. Западная часть котлована примыкает к центру восточной, образуя подокруглый выступ; её размеры — 3×3—4 м. Уровень фиксации котлована — 0,6 м от репера. Глубина — 1,9 м.

Погребение №1. Трупоположение (рис. 8: 1; 9: 1). Расположено в юго-западном секторе, в квадрате А/1. Следы погребального сооружения не зафиксированы. Скелет (женщина, 30—35 лет) находился непосредственно в заполнении котлована. Глубина залегания костей — 0,64—0,67—0,68—0,7 м (по линии череп-таз-колени-пятки). Скелет лежит скорченно на правом боку головой на юг (α 168°). Степень скорченности III (слабая). Левая рука согнута в локте, кисть (не сохранилась) перед лицом. Правая рука смещена землероями, однако по расположению лучевой и локтевой костей можно предположить, что она располагалась аналогично правой. Нижняя челюсть смещена землероями. В 0,25 м на запад от пяток погребённого обнаружен тюльпановидный горшок (*сосуд №1*) — лежал на боку, венчиком на северо-запад на глубине 0,68 м.

Сосуд №1 — тюльпановидный горшок тшинецкого типа (рис. 9: 2). Край венчика плавно отогнут, утолщён наружу, закруглён, слегка уплощён под углом около 10°. Днище плоское, слегка обжатое. Тесто с примесью дресвы. Поверхность шероховато-заглаженная. Цвет оранжевый, бурый, с чёрными, серыми и жёлтыми пятнами. Диаметр венчика — 105×150 мм (деформирован

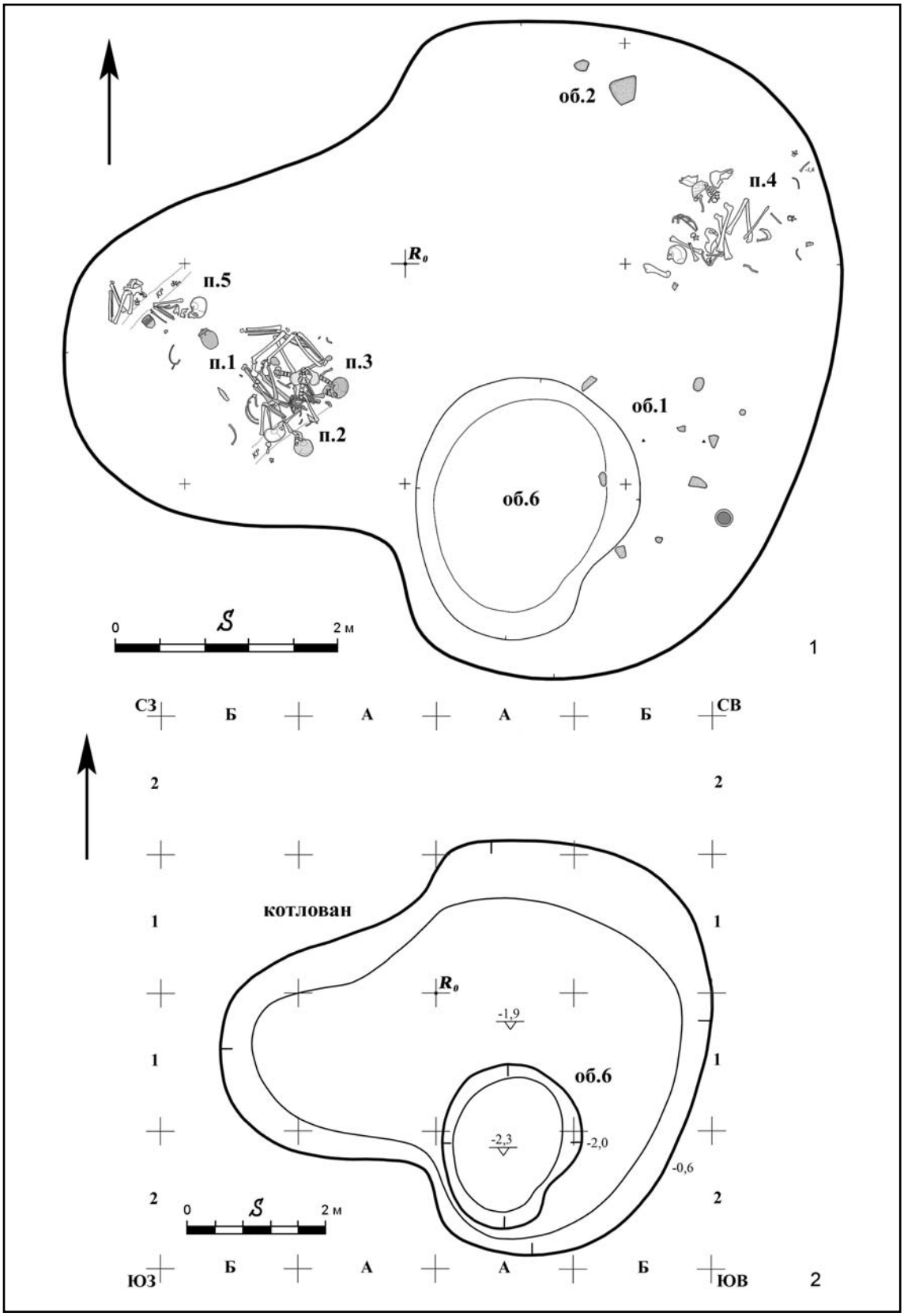

Рис. 7. Войцеховка, курганная группа 3, курган 2 (2012): 1 — размещение погребений и объектов в пределах котлована; 2 — план котлована и объекта 6.

Fig. 7. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 2 (2012): 1 — location of burials and objects within the ditch; 2 — plan of ditch and object 6.

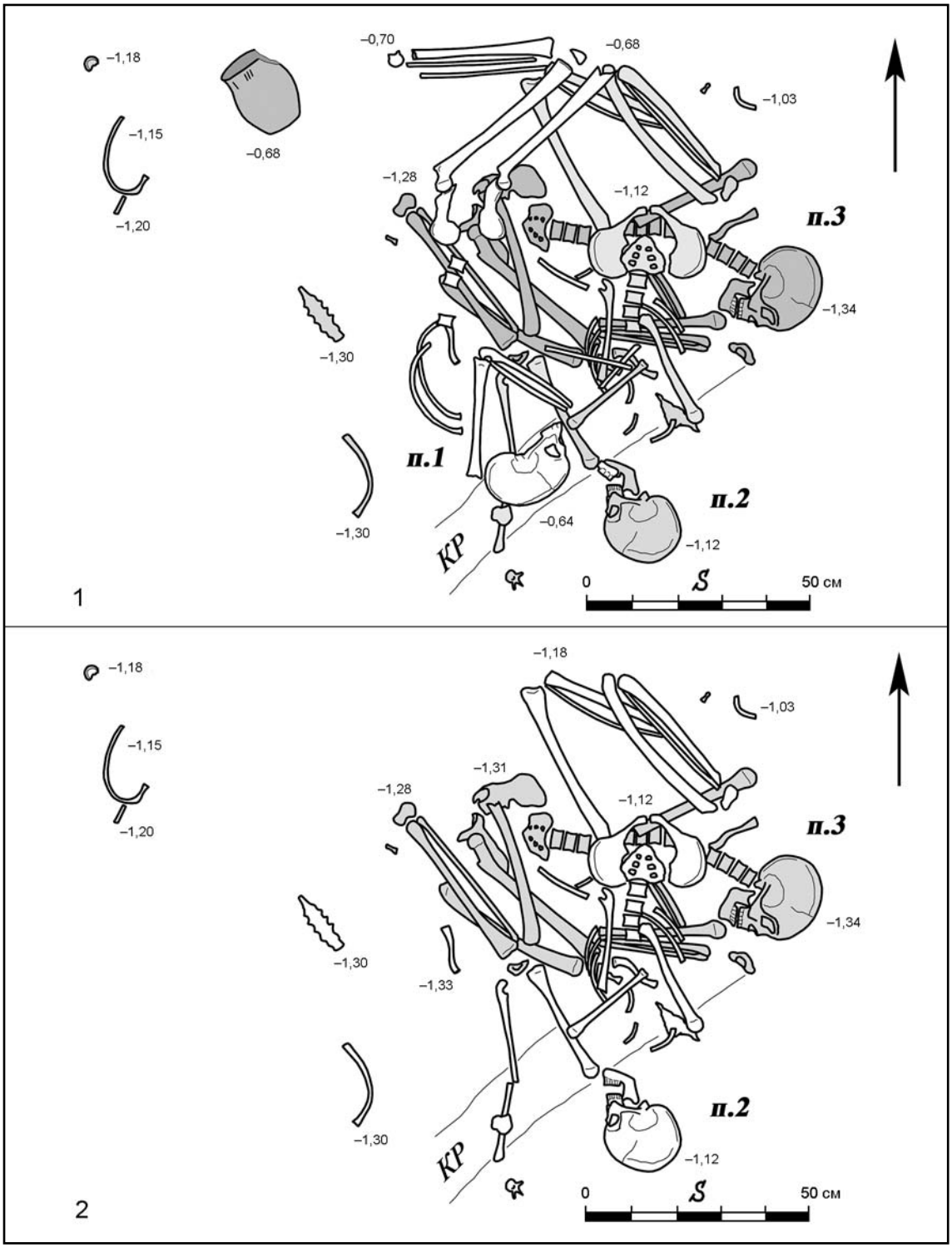

Рис. 8. Войцеховка, курганная группа 3, курган 2 (2012): 1 — погребения 1, 2, 3; 2 — погребения 2 и 3.

Fig. 8. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 2 (2012): 1 — burials 1, 2, 3; 2 — burials 2 and 3.

под тяжестью насыпи?), диаметр шейки — 100 × 143 мм, диаметр корпуса — 125 × 150 мм, диаметр днища 80 × 85 мм. Толщина венчика — 11 мм, толщина стенки — 7—9 мм. Толщина днища у стенки — 11 мм, в центре — 9 мм. По шейке сосуд орнаментирован вертикальными группами широких неглубоких бороздок, по 2—3 в группе. Ширина бороздок — 3—4 мм, длина — около 15 мм.

Погребение №2. Трупоположение (рис. 8; 9: 4). Расположено в юго-западном секторе, в квадрате А/1, под погребением №1. Следы

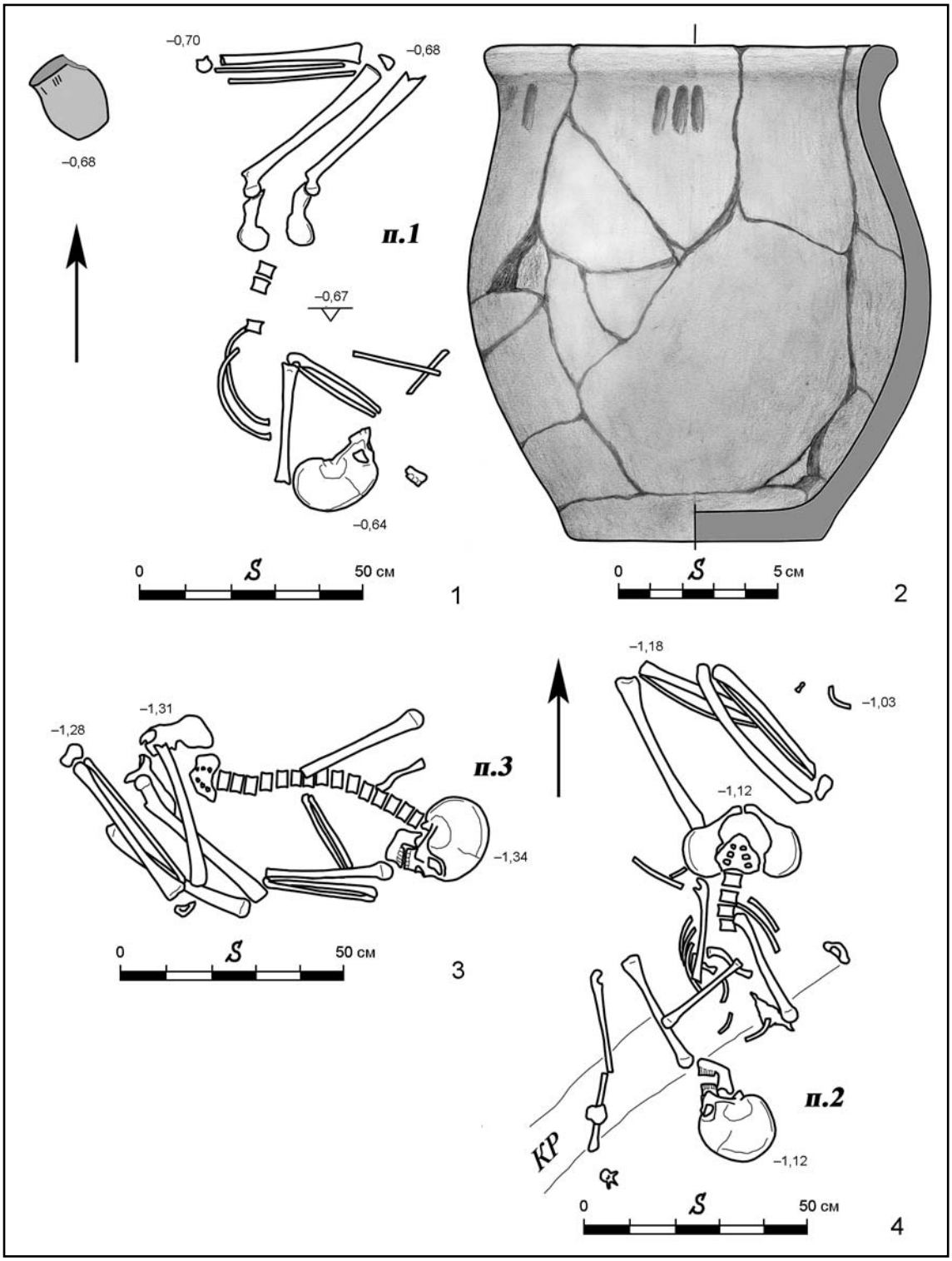

Рис. 9. Войцеховка, курганная группа 3, курган 2 (2012): 1 — погребение 1; 2 — сосуд из погребения 1; 3 — погребение 3; 4 — погребение 2.

Fig. 9. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 2 (2012): 1 — burial 1; 2 — vessel from burial 1; 3 — burial 3; 4 — burial 2.

погребального сооружения не зафиксированы. Скелет (женщина, 35—40 лет) находился непосредственно в заполнении котлована. Глубина залегания костей — 1,12—1,12—1,18—1,12 м (по линии череп-таз-колени-пятки). Скелет лежит скорченно на левом боку головой на юг (α 180°). Степень скорченности III (слабая), при этом пятка правой ноги подтянута к тазу.

Колени расположены под коленями скелета из погребения №1, лицевой отдел развёрнут в направлении лицевого отдела этого погребения. Лучевые и локтевые кости смещены землероями, однако, по их расположению можно предположить, что руки были сильно согнуты в локтях и кисти (не сохранились) располагались перед лицом. Нижняя челюсть смещена землероями. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение №3. Трупоположение (рис. 8; 9: 3). Расположено в юго-западном секторе, в квадрате А/1, непосредственно под погребением №2, перпендикулярно ему (образуя с ним своего рода «свастику»). Следы погребального сооружения не зафиксированы. Скелет (мужчина, 30—35 лет) находился непосредственно в заполнении котлована. Глубина залегания костей — 1,34—1,31—1,3—1,28 м (по линии череп-таз-колени-пятки). Скелет лежал скорченно на левом боку головой на восток (α 100°). Степень скорченности II (средняя). Руки сильно согнуты в локтях; кисти (не сохранились) располагались перед лицом. Инвентарь в погребении отсутствовал. Перед лицом обнаружена кость животного.

Погребение №4. Демембрация (рис. 10: 1). Расположено в северо-восточном секторе, в квадрате Б/1. Следы погребального сооружения не зафиксированы. Кости погребённого (мужчина, *adultus*) находились непосредственно в заполнении котлована. Глубина залегания костей — 1,48—1,55 м. Отдельные кости растянуты до глубины 1,6 м. Площадь скопления — 1,25 × 1,1 м, разнос костей до 1,8 × 1,3 м. Вытянуто по линии юго-запад — северо-восток. Череп стоял на основании в юго-западной части скопления, лицевой частью развёрнут на северо-запад. По направлению от черепа кости разложены по двум условным линиям. *Южная линия* по направлению от черепа представлена следующими костями: скрещённые плечевые кости — крыло таза и скрещённые локтевые кости — скрещённые бедренные кости головками на север — скрещённые большие берцовые кости — малые берцовые кости (одна разрушена землероями) — нижняя челюсть, стоящая на основании подбородком на восток. *Северо-западная линия*: скопление рёбер — скопление, состоящее из ключицы, лопаток, крестца, позвонка и крыла таза. Вторая ключица находилась в южной части погребения, по другую сторону бедренных костей. В разных частях погребения зафиксированы отдельные позвонки и фрагменты рёбер. Инвентарь в погребении отсутствует.

В 0,1 м на юго-запад от черепа, на глубине 1,46 м лежала трубчатая кость свиньи (?); в 0,06 м к юго-востоку от неё — фрагмент рога оленя (?). В 0,32 м на восток от нижней челюсти найден фрагмент нижней челюсти мелкого рогатого скота.

Погребение №5. Трупоположение (рис. 10: 2). Расположено в юго-западном секторе, на границе квадратов А-Б/1. Следы погребального сооружения не зафиксированы. Скелет (женщина, 45—50 лет) находился непосредственно в заполнении котлована, на уровне, соответствующем уровню залегания погребения №4. Глубина залегания костей — 1,52—1,48—1,5 м (по линии череп-таз-пятки). Скелет лежит скорченно на левом боку головой на восток (α 107°). Степень скорченности II (средняя). Руки сильно согнуты в локтях; кисти (не сохранились) располагались перед лицом. Перед животом погребённого обнаружен тюльпановидный горшочек (*сосуд №2*) — лежал на боку, венчиком на северо-запад на глубине 1,48 м.

Сосуд №2 — кубок в виде приземистого тюльпановидного горшочка (рис. 10: 3). Край венчика слабо отогнут, утолщён наружу, уплощён под углом около 15°. Днище плоское, изнутри плавно переходит в стенки. Тесто с примесью дресвы, мелкого песка. Цвет серовато-жёлтый, серый. Поверхности подлощены. Диаметр венчика — 104 × 114 мм (средний диаметр — около 109 мм), диаметр шейки — около 102 мм, диаметр корпуса — 108 × 113 мм, диаметр днища — 60 × 64 мм. Высота сосуда — 104 мм, высота венчика — около 18 мм, высота верхней части — около 54 мм. Толщина венчика — 6—7 мм; толщина стенок 4—5 мм, в придонной части — до 6 мм; толщина днища — до 8 мм. Сосуд орнаментирован по шейке поясом из восьми горизонтальных бороздок, выше и ниже которых, под венчиком и по плечику, расположено по ряду подтреугольных наколов.

Объект №1 (комаровская культура). Скопление обожжённых камней (рис. 11: 1). Расположено в юго-восточном секторе, в квадратах А-Б/1—2. На глубине 0,48—0,53 м расчищено девять камней размерами от 7 × 8 до 21 × 14 см. Площадь скопления — 1,65 × 1,5 м, вытянуто по линии север-юг. В юго-восточной части скопления, на глубине 0,67 м на днище стояла керамическая чаша — *сосуд №3*.

Сосуд №3 — приземистая чаша (рис. 11: 2). Край венчика плавно отогнут, закруглён. Днище уплощённо-подокруглое. Тесто с примесью песка, блёсток слюды. Поверхность тщательно заглажена. Цвет преимуществен-

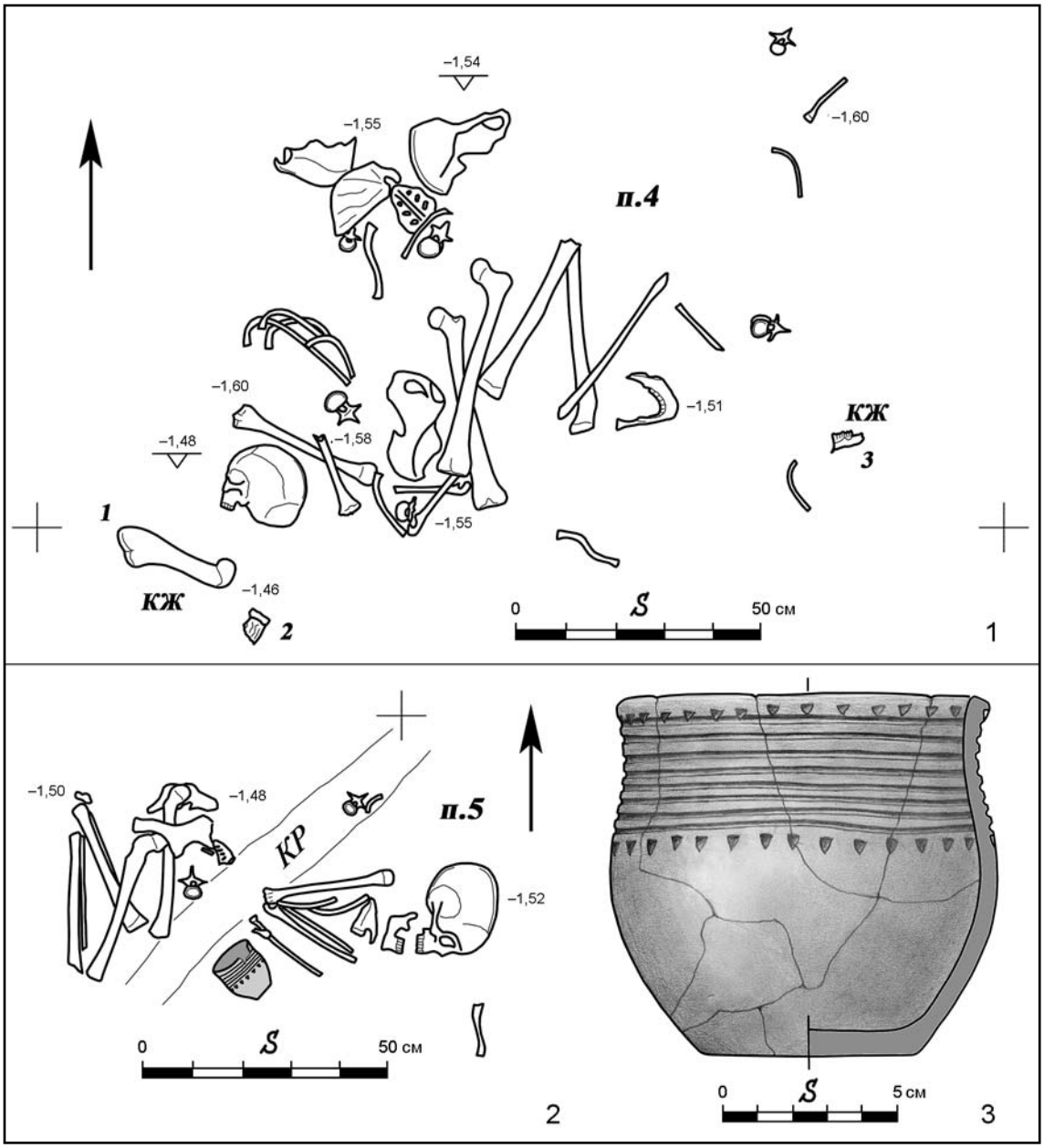

Рис. 10. Войцеховка, курганная группа 3, курган 2 (2012): 1 — погребение 4; 2 — погребение 5; 3 — сосуд из погребения 5.

Fig. 10. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 2 (2012): 1 — burial 4; 2 — burial 5; 3 — vessel from burial 5.

но оранжевый, с жёлтыми и серыми пятнами. Диаметр венчика — 143 мм, диаметр шейки — 140—142 мм, диаметр корпуса — 160 мм, диаметр днища — около 110 мм. Высота сосуда — 82 мм, высота венчика — 12—14,5 мм, высота верхней части — 38 мм. Толщина края венчика — 5 мм, толщина днища — 4 мм.

Объект №2 (комаровская культура). Скопление обожжённых камней (рис. 11: 1). Расположено в северо-восточном секторе, на границе квадратов А и Б/1. Состоит из двух камней. Больший, юго-восточный, камень представляет собой плиту размерами 25×23 см, толщиной 3—4 см, залегавшую на глубине 0,75—0,77 м. В 0,25 м на северо-запад от него, на глубине 0,68 м, находился второй камень, размерами 13×10 см и толщиной 6 см. В 1,9 м на север от второго камня, за пределами котлована, на глубине 0,76 м найден ещё один плоский камень, размерами 10×10 см и толщиной 1 см.

Объект №3. Небольшое скопление обожжённых камней. Расположено в прикурганной выемке в юго-западном секторе.

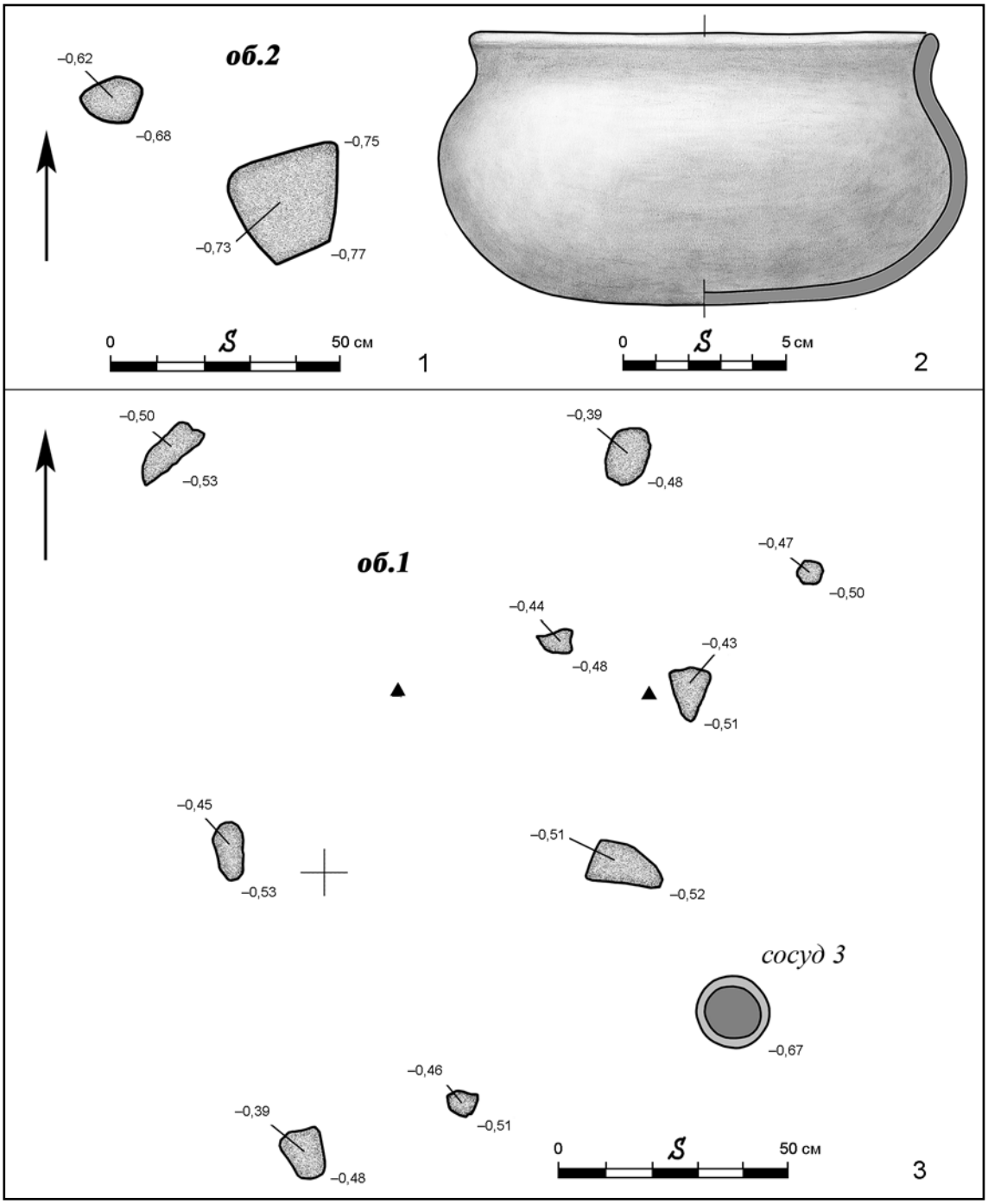

Рис. 11. Войцеховка, курганная группа 3, курган 2 (2012): 1 — объект 2; 2 — сосуд из объекта 1; 3 — объект 1.

Fig. 11. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 2 (2012): 1 — object 2; 2 — a vessel from object 1; 3 — object 1.

Объект №4 (позднетрипольская культура). Яма. Расположена в квадрате А/2 северо-западного сектора. Зафиксирована в западном профиле северной половины бровки север-юг. Верхняя часть заполнена кусками дерны, содержащей фрагменты трипольской керамики. Заполнение нижней части представляет собой сильно гумусированную почву с включением фрагментов трипольской керамики. Диаметр по бровке в верхней части — до 2,6 м (южный край перерезан поздним перекопом — объект №5). Диаметр по бровке в нижней части — до 1 м. Глубина — до 0,88 м от нижнего уровня вальковой кладки насыпи (1,48 м от R_0).

Объект №5 (XIX—XX вв.?). Яма (грабительский шурф?). Расположена практически в центре кургана, в юго-восточном углу ква-

драта А/1 северо-западного сектора. Зафиксирована в западном профиле северной половины бровки север-юг и северном профиле бровки запад-восток непосредственно под пахотным слоем. Перерезает южный край объекта №4 и северо-западный край котлована. Заполнение нижней части ямы слоистое, затёчное, что говорит о том, что какое-то время яма стояла открытой. Ширина в верхней части (по бровке север-юг) — 1,9 м. Ширина нижней части, на уровне 0,85 м от поверхности — 1 м. Книзу яма сужается на конус. Вещевые находки в заполнении отсутствуют.

Объект №6 (комаровская культура?). Яма (рис. 7). Расположена в юго-восточном секторе, в квадратах А/1—2. Впущена дно южной части котлована. В плане яма неправильно-подовальной формы, с вдавленной внутрь юго-восточной стенкой. Ориентирована по линии север — юг. Размеры — 2,36×2,0 м. Глубина от дна котлована — 0,4 м (2,3 м от R_0). Заполнение тёмное. Вещевые находки в заполнении отсутствуют.

Курган №3 (2011)[5] (рис. 12). Расположен в 38 м на запад от кургана №2 (N50°05,019′, E27°40,358′). Визуально диаметр кургана ~10 м, высота ~0,4 м. Курган возведён над естественным возвышением. В центре кургана выявлено одно погребение (кенотаф), предположительно относящееся к тшинецкому культурному кругу.

В центре возвышения был заложен раскоп площадью 8×6 м (48 м^2), ориентированный по линии север — юг. Курган копался вручную с оставлением центральной бровки.

Погребение №1 (рис. 13: 4) находилось в центре кургана, непосредственно под R_0. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, размерами 2,1×1,6 м. Глубина — 1,3 м от R_0. Высота насыпи над ямой — 0,35 м. В яме материал отсутствует (за исключением попавших в засыпку фрагментов трипольской керамики из слоя подстилавшего курган поселения). Заполнение ямы углистое. В южном углу обнаружены остатки сгоревшей доски, размерами 11×5 см и толщиной около 1,5 см — вероятно, остатки обгоревшего продольного перекрытия. Углистые прослойки были прослежены и вдоль контура ямы при зачистке пятна на уровне 0,45 м R_0.

Из насыпи происходит несколько фрагментов сосуда сосницкого типа, орнаментированного «колючей проволокой» (рис. 13: 3), фрагмент венчика полусферической миски (рис. 13: 1). К юго-востоку от ямы, примерно на уровне её фиксации, обнаружен фрагмент придонной части сосуда с многоваликовой орнаментацией и мелкой дресвой в тесте (рис. 13: 2), отражающий пережитки влияний культурного круга Бабино. Таким образом, по керамике курган может быть предположительно отнесён к раннетшинецкому времени, ко второй четверти II тыс. до н. э. Однако нельзя исключать, что разрозненные фрагменты из насыпи вообще не имеют отношения к погребению и связаны с кратковременными стоянками, предшествовавшими времени возведения кургана комаровской культуры.

Насыпь кургана была создана из слоя трипольского поселения и содержала фрагменты керамики и кремнёвые изделия трипольской культуры. В слое, подстилавшем курган, обнаружены несколько развалов кухонной и столовой посуды трипольской культуры. Скопления трипольской керамики преимущественно зафиксированы под юго-восточной полой кургана. В северо-восточной и юго-восточной частях раскопа находились остатки двух очагов трипольской культуры — объекты №1 и 2.

Объект №1 (позднетрипольская культура). Расположен в северо-восточном углу раскопа, в квадрате Б/4 (0,8 м на юг от СВ угла), на расстоянии 4 м на СВ от R_0. Остатки очага в виде прокала и скопления мелкой печины. Площадь скопления 0,4×0,4 м. Глубина залегания по верхней поверхности 0,22 м от СП (0,25 м от R_0). Мощность прокала 2 см.

Объект №2 (позднетрипольская культура). Расположен в юго-восточной части раскопа, в квадрате Б/1 (0,3 м на восток от юго-западного угла), на расстоянии 3,6 м на юго-юго-восток от R_0. Остатки очага в виде прокала площадью 0,9×0,55 м. Глубина залегания по верхней поверхности — 0,3 м от СП. Мощность прокала 5 см. В западной части объекта лежали два обожжённых камня, размерами 17×14×10 и 10×8×5 см, а с противоположной стороны, под бровкой — фрагмент обожжённой зернотёрки, размерами 27×15×14 см (сохранившийся участок рабочей поверхности — 13×6 см).

Курган №4 (2012). Расположен в 52 м на западо-северо-запад от кургана №3, в 22 м на юго-восток от кургана №1 (N50°05,030′, E27°40,318′). Визуально диаметр кургана ~8 м, высота ~0,2 м. В результате раскопок установлено, что насыпь полностью уничтожена распашкой, разрушившей также и слой позднетрипольского поселения.

[5] Полевые шифры на материалах из кургана 3 — «Войцеховка-2011, курган 2».

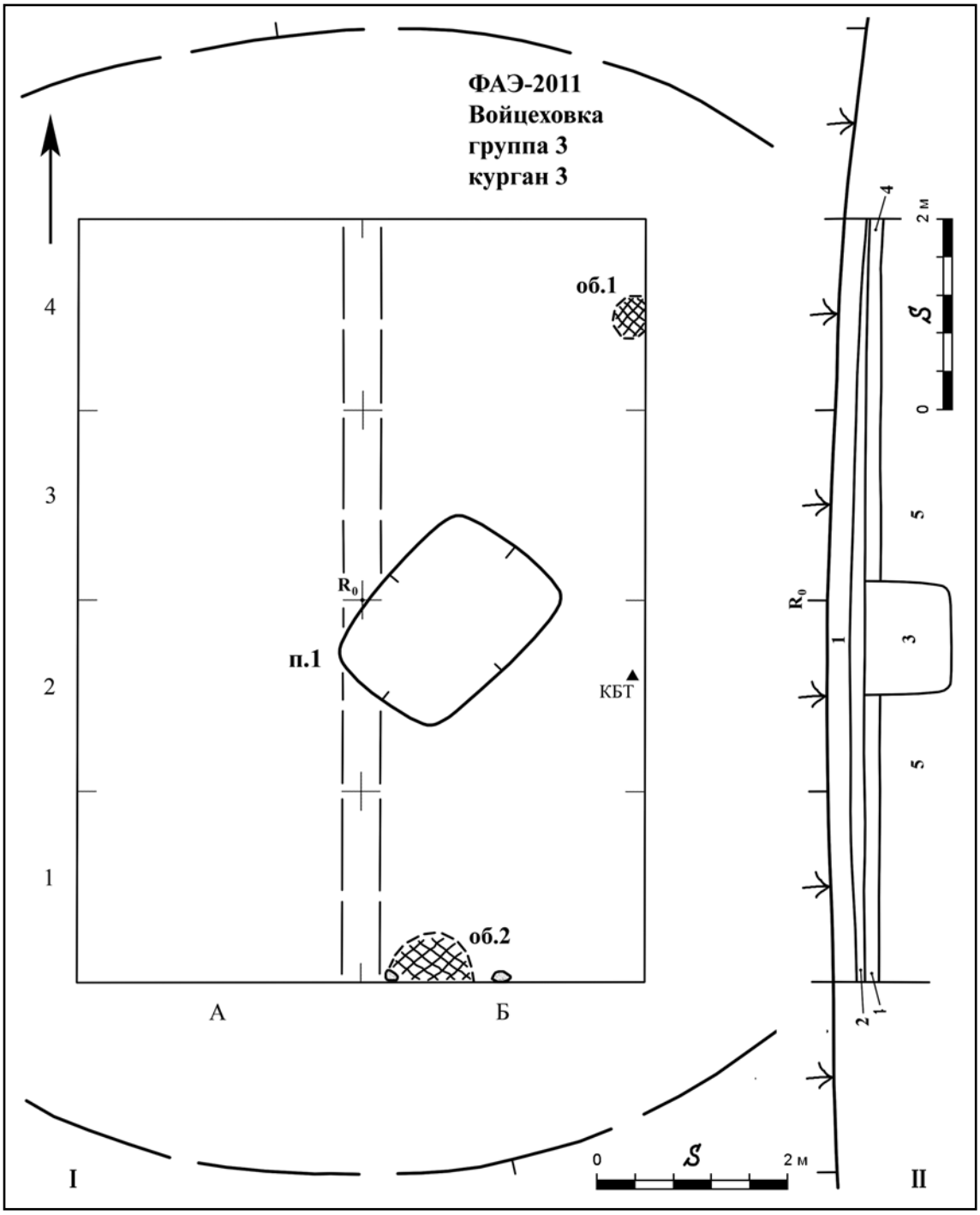

Рис. 12. Войцеховка, курганная группа 3 (2011), курган 3: I — план; II — бровка север-юг, восточный профиль (1 — пахотный слой; 2 — насыпь из слоя трипольского поселения; 3 — заполнение ямы погребения 1; 4 — слой трипольского поселения; 5 — материковый песок).

Fig. 12. Voytsehovka, barrow group 3 (2011), barrow 3: I — plan; II — north-south baulk, east profile (1 — arable layer; 2 — mound from the layer of Tripolye settlement; 3 — filling of burial 1; 4 — layer of Tripolye settlement; 5 — mainland sand).

Репер R_0 был установлен в визуально наивысшей части возвышения. В юго-западном углу северо-восточного сектора была заложена траншея №1; ориентирована по линии север — юг, размеры — 4×1 м. В юго-восточном углу северо-западного сектора была заложена траншея №2; ориентирована по линии запад-восток, размеры — 4×2 м. Обе траншеи вскрыты на глубину до 1 м. В обеих траншеях вещевые находки встречаются практически

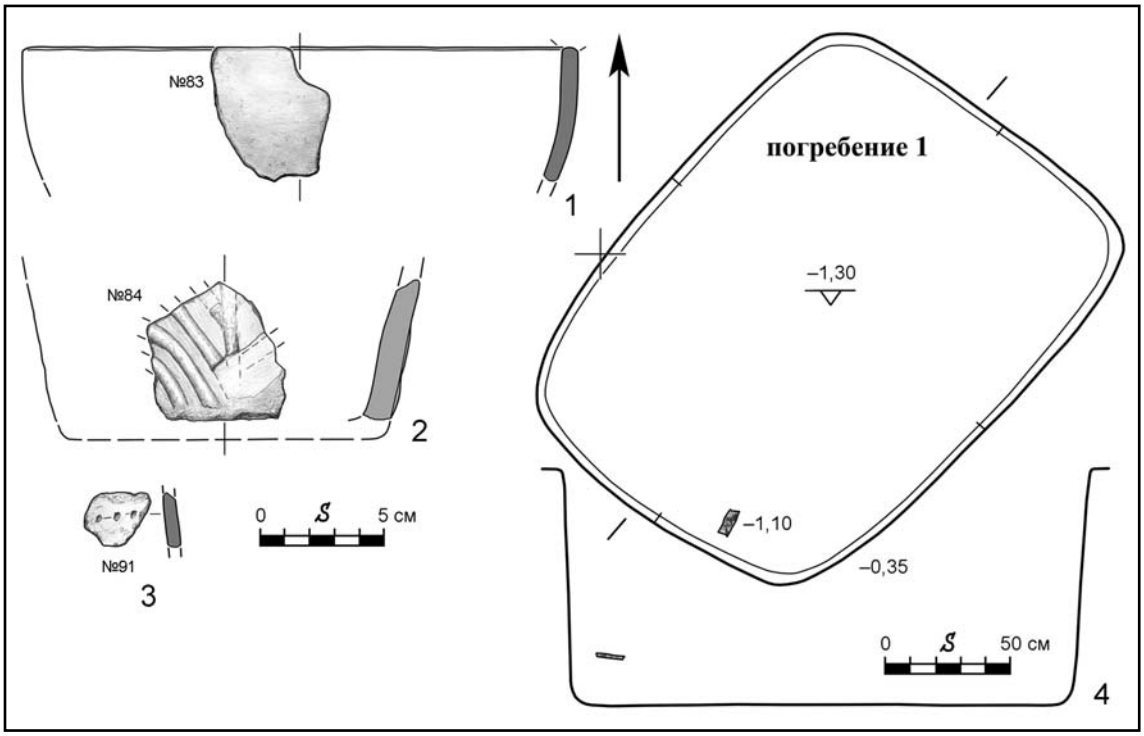

Рис. 13. Войцеховка, курганная группа 3, курган 3: 1—3 — керамика из насыпи; 4 — план и разрез ямы погребения 1.

Fig. 13. Voytsehovka, barrow group 3, barrow 3: 1—3 — ceramics from the mound; 4 — plan and section of the pit of burial 1.

исключительно в пахотном слое. Ниже пахотного слоя идёт природный слой с зандровыми прослойками.

Находки представлены столовой и кухонной керамикой позднетрипольской культуры. Остатки погребения ТКК не зафиксированы, однако в пахотном слое и на поверхности встречались разрозненные фрагменты керамики тшинецкого типа.

Курган №5. Расположен в 96 м на западо-северо-запад от кургана №1 (N50°05,059′, E27°40,230′). Визуально диаметр кургана ~15 м, высота ~0,6 м.

Курган №6. Расположен в 121 м на западо-северо-запад от кургана №5 (N50°05,077′, E27°40,133′). Визуально диаметр кургана ~10 м, высота ~0,3 м. Поверхности обоих всхолмлений сильно распаханы. Раскопки на них не проводились.

С целью изучения палеопочв сотрудниками отдела палеогеографии Института географии НАНУ были поставлены расчистки на различных участках бровок курганов №1 (две расчистки), №2 (три расчистки), №3 и №4 (по одной расчистке), а также расчистки фоновых почв в шурфах за пределами курганов. Наиболее информативные результаты дали материалы из курганов №1 и №2.

В кургане №1 прослежена серая лесная почва (рис. 3: 3), подобная тем, что в наше время формируются под широколиственными лесами. Климатические условия были значительно лучше современных. Зональность (зона смешанных лесов) была смещена на север. Большие территории занимали грабово-буковые леса, оставались участки открытых просторов с пышной травяной растительностью (Матвиишина, Кушнир 2011).

В кургане №2 современную почву можно определить как дерново-сильноподзолистую, однако иллювиальный горизонт с культурными остатками, возможно, характеризирует условия лесного почвообразования, близкого к режиму формирования почв более теплоумеренного режима — бурых оподзоленных лесных, развивавшихся в условиях менее континентальных, но более равномерно влажного климата (рис. 6: 3). Природные зоны представляли более западный вариант теплоумеренного климата (сходного с прикарпатским) и, вероятно, территория была покрыта широколиственными лесами с участками открытых пространств. Под курганом зафиксирован профиль и более древней почвы, близкой к чернозёмам оподзоленным или тёмно-серым лесным (Матвиишина, Кушнир 2012).

Элементы погребального обряда курганной группы 3 находят аналогии на различных памятниках комаровской культуры. Неглубокая подпрямоугольная площадка, подобная площадке в кургане №1, зафиксирована в кургане №1 (2010) в Буковне (Лысенко и др. 2015: рис. 2). Котлован из кургана №2 может быть сопоставлен с котлованами ритуально-погребальных комплексов 2, 4, 5 Малоповецкого могильника (Лысенко 1998; 2011). Пустые ямы (кенотафы?), наподобие погребения №1 в кургане №3, обнаружены в Буковне (курган 3, погребение 1) (Лысенко и др. 2015: рис. 15; 16), в центре комплексов 7, 7а, 8, 8а Малоповецкого могильника (Лысенко, Лысенко 2001: рис. 1).

Большой интерес представляет обряд демембрации, зафиксированный в ряде погребений (1/1, 2/4). Подобный обряд находит широкие аналогии в горизонтах МП-II—МП-IV (1600—1200 ВС) Малоповецкого могильника и на ряде других памятников Правобережной лесостепи (Лысенко 2015). Известны такие погребения и на Войцеховском могильнике (курганная группа 1, курган 11, погребение 3) (Лагодовська, Захарук 1956: 72, рис. 5). Происхождение обряда демембрации может быть связано с отголосками влияния культур катакомбной общности предшествующего периода (Лысенко, Разумов 2016).

В курганах №1 и №2 в теле насыпей зафиксированы скопления обожжённых камней, в двух случаях сопровождавшиеся керамикой комаровской культуры. Аналогичное скопление, также условно интерпретируемое как «очаг-жертвенник», было обнаружено на дне котлована комплекса 5 Малоповецкого могильника (Лысенко 1997). Погребение №158 Малоповецкого-3 представляло собой скопление обожжённых камней, среди которых найдены разрозненные человеческие кости (Лысенко 2008: рис. 15).

Открытым остаётся вопрос, единовременны ли погребения, происходящие из котлована кургана №2. Несомненно, единовременными, относящимися ко времени возведения кургана, являются мужское погребение №4 и женское погребение №5, обнаруженные на одном уровне, на 0,4 м выше дна котлована. Погребения №1, 2, 3, возможно, были впущены в насыпь несколько позднее, хоть явного перекопа в вальковой кладке насыпи зафиксировано не было. Расположение скелетов женщины (№2) и мужчины (№3) непосредственно один над другим строго под прямым углом, имитируя своего рода «свастику» (рис. 8: 2), также говорит об их единовременности — в противном случае анатомический порядок костей скелета погребения №3 был бы нарушен. Если предположить, что погребение №1 было совершено через определённый период времени, а не во время проведения единого ритуала, то место над погребением №2—3 должно было быть как-то обозначено на поверхности; иначе трудно объяснить расположение скелета погребения №1 практически непосредственно над скелетом погребения №2 (рис. 8: 1). Сосуды, найденные в погребениях №5 и №1, представляются несколько разновременными. Если первый может быть отнесён к раннеклассическому этапу комаровской культуры и синхронизирован с горизонтом МП-III Малоповецкого могильника, то второй по ряду признаков, видимо, относится к позднеклассическому этапу и синхронизируется с горизонтом МП-IV (Górski, Lysenko, Makarowicz 2003).

Керамический комплекс памятника достаточно характерен для комаровской культуры ТКК. Целые и реконструированные формы из объектов представлены исключительно сосудами плавного S-видного профиля (тюльпановидные сосуды и чаши). Характерными для ТКК являются прочерченные горизонтальные бороздки, группы вертикальных и наклонных отрезков, заштрихованные треугольники, «бахрома» в виде подтреугольных или подовальных вдавлений, ряды круглых ямок. Орнаментация ручки сосуда №2 из кургана №1 стилистически близка орнаментации ручек сосудов молдовско-буковинской группы ТКК (Магала (Смирнова 1976: рис. 5: 3, 4), Лунка (Cultura Costişa... 2001: pl. 50: 1, 2)). Однако сама ручка на сосуде из Войцеховки более массивная, в отличие от ленточных ручек из бассейна Прута. В форме тюльпановидного кубка из погребения №5 кургана №2 ощущаются отдалённые отголоски кубков среднеднепровской культуры шнуровой керамики.

По костям погребённого в кургане №1 (позвонок, ребро, сустав лопатки) в Киевской радиоуглеродной лаборатории получена радиоуглеродная дата: Ki-17441, BP 3050 ± 60; BC 1δ 1400—1250, 1240—1210 BC, 2δ 1440—1110 BC. Наиболее вероятная дата погребения попадает в интервал XIV — первой половины XIII в. до н. э. Полученная дата не противоречит датировке керамического комплекса памятника серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э.

Выявленные во время раскопок и разведок 2011—2012 гг. материалы трипольской культуры аналогичны обнаруженным здесь в 1924 г.

и 1949 г. (Лагодовская 1954). Как и курганные группы, позднетрипольские материалы локализуются на вершинах дюнных возвышенностей, разделённых заболоченными ранее низинами. Проведённые исследования наполняют реальным содержанием высказанное ранее предположение (Лысенко, Лысенко 2011), что Войцеховский могильник комаровской культуры ТКК не ограничивался лишь раскопанной ранее курганной группой 1, а занимал весь левый берег р. Случь напротив с. Колодяжное, между пгт. Мирополь и с. Войцеховка (Колосовка). Работы ФАЭ в 2013 г. на других курганных группах Войцеховского могильника расширяют хронологический диапазон памятника комаровской культуры на всю вторую половину II тыс. до н. э. (Лысенко, Лысенко, Абалмасов 2014).

Литература

Артеменко И. И. 1987. Сосницкая культура. В: Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф. (отв. ред.). *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. Археология СССР 8. Москва: Наука, 106—113.

Березанская С. С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев: Наукова думка.

Гамченко С. С. 1924. *Раскопки 1924 г. на Волыни Сергея Гамченка*. НА ИА НАНУ. Фонд Гамченко, №46—48.

Гончаров В. К. 1948. *Отчет о работах Волынско-Подольской археологической экспедиции 1948 года*. НА ИА НАНУ. Ф. эксп., 1948/5, №1178.

Лагодовская Е. Ф. Фонд 12. *Архив Е. Ф. Лагодовской. Материалы к исследованиям Войцеховских памятников*. НА ИА НАНУ. Фонд Лагодовской, №34—35.

Лагодовська О. Ф. 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. *Археологія* II, 62—77.

Лагодовская Е. Ф. 1954. Войцеховское позднетрипольское поселение. *КСИА АН УССР* 3, 86—89.

Лагодовська О. Ф., Захарук Ю. М. 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника. *АП УРСР* VI, 69—74.

Литвинова Л. В., Лысенко С. Д. 2012. Новый антропологический материал из Войцеховского могильника. В: Алёкшин В. А. и др. (ред. кол.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия, 94—97.

Лысенко С. Д. 1997. Ритуально-погребальный комплекс на могильнике Малополовецкое-3. В: Юдин А. И. (науч. ред.). *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей*. Мат-лы конф. к 100-летию П. Д. Рау. Саратов: СГПИ, 115—118.

Лысенко С. Д. 1998. Результаты исследования могильника Малополовецкое-3 на Киевщине в 1993—1997 годах. В: Kośko A., Czebreszuk J. (red.). *"Trzciniec" — system kulturowy czy interkulturowy proces*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 95—117.

Лысенко С. Д. 2008. Белогрудовский горизонт Малополовецкого археологического комплекса на Киевщине. *RA* SN IV (1), 100—134.

Лысенко С. Д. 2011. Реконструкция погребального обряда восточного ареала тшинецкого культурного круга (по материалам исследований последних лет). *АДІУ* 5, 66—71.

Лисенко та ін. 2013а: Лисенко С. Д., Лисенко С. С., Макарович П., Шкляревський Є. І., Кочкін І. Т., Фєдько В. Ф. 2013. Дослідження Фастівської археологічної експедиції у 2011 р. *АДУ 2012 р.* Київ; Луцьк, 204—205.

Лисенко та ін. 2013б: Лисенко С. Д., Лисенко С. С., Макарович П. К., Шкляревський Є. І., Кочкін І. Т., Дараган М. М., Слободян Т. І., Гаскевич Д. Л., Фєдько В. Ф. 2013. Дослідження Фастівської археологічної експедиції у 2012 р. *АДУ 2012 р.* Київ; Луцьк, 205—207.

Лысенко С. Д. 2015. Демембрация в погребальном обряде комаровской культуры. В: Токарева Е. П. (ред.). *Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики* I. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 74—100.

Лысенко С. Д. 2017. Юго-восточные и южные контакты культур тшинецкого культурного круга. В: Пригарин А. А. (ред.). *Человек в истории и культуре* 3. Мемориальный сб. науч. работ в память лауреата государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. Одесса: Ирбис, 290—301.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2001. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2000 г. *АВУ 1999—2000 рр.*, 147—159.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2011. Вклад С. С. Гамченко в изучение памятников тшинецкого культурного круга. В: Платонова Н. И. (отв. ред.). *История археологии: личности и школы*. Мат-лы Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рожд. В. В. Хвойки. Киев, 5—8 октября 2010 г. Санкт-Петербург: Нестор-История, 217—230.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2012. Войцеховский могильник в свете новых исследований. В: Алёкшин В. А. и др. (ред. кол.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями* 2. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия, 90—95.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2013. Новые исследования Войцеховского могильника. В: Гей А. Н. (отв. ред.). *Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия*. Тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н. Я. Мерперта. Москва: ИА РАН, 24—25.

Лисенко С. Д., Лисенко С. С., Абалмасов О. С. 2014. Дослідження Войцехівського могильника. *АДУ 2013 р.* Київ, 120—121.

Лысенко и др. 2015: Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Разумов С. Н., Лысенко С. С. 2015. Курганный могильник комаровской культуры у с. Буков-

на (результаты исследований 2010—2013 гг.). *МАИАСК* VII, 11—49.

Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2016. Дезембрация в погребальном обряде ингульской катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья. *Новое прошлое* (4), 49—66.

Матвиишина Ж.Н., Кушнир А.С. 2011. Заключение о результатах педологического исследования Войцеховского могильника эпохи поздней бронзы. В: Лысенко С.Д. *Отчёт о работах Фастовской археологической экспедиции в 2011 году*. НА ИА НАНУ. №2011/_, приложение 1.

Матвиишина Ж.Н., Кушнир А.С. 2012. Заключение о результатах педологического исследования Войцеховского могильника эпохи поздней бронзы в 2012 г. В: Лысенко С.Д., Лысенко С.С. *Отчёт о раскопках Войцеховского и Малоповецкого могильников в 2012 году. Исследования Фастовской археологической экспедиции в 2012 году.* Ч. I. НА ИА НАНУ. №2012/_, приложение I.1.

Смирнова Г.И. 1976. Магала-I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье. В: Березанская С.С., Отрощенко В.В., Телегин Д.Я. (ред.). *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 118—135.

Cultura Costişa... 2001: Cavruc V., Dumitroaia G. (coord.). 2001. *Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România*. Catalog de expoziţie. Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra-Neamţ; Editura „Constantin Matasă".

Górski J., Lysenko S., Makarowicz P. 2003. Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins. *BPS* 12, 253—306.

References

Artemenko, I.I. 1987. In Bader, O.N., Krainov, D.A., Kosarev, M.F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 106—113 (in Russian).

Berezanskaya, S.S. 1972. *Srednii period bronzovogo veka v Severnoi Ukraine (Middle Period of the Bronze Age in Northern Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Gamchenko, S.S. 1924. *Raskopki 1924 g. na Volyni Sergeia Gamchenka (Excavations of Sergei Gamchenko in Volhynia in 1924)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, fond Gamchenko, no.46—48 (in Russian).

Goncharov, V.K. 1948. *Otchet o rabotakh Volynsko-Podol'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1948 goda (Report on Fieldworks of the Volhynia-Podolia Archaeological Expedition for 1948)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund of expeditions, 1948/5, no. 1178 (in Russian).

Lagodovskaya, E.F. Fond 12 (Fund 12). *Arkhiv E.F. Lagodovskoi. Materialy k issledovaniiam Voitsekhovskikh pamiatnikov (Archive of E.F. Lagodovskaia: Materials for the Studying of Sites near Voitsekhovka)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund of E.F. Lagodovskaia, no. 34—35 (in Russian).

Lahodovs'ka, O.F. 1948. In *Arkheolohiya (Archaeology)* II, 62—77 (in Ukrainian).

Lagodovskaya, E.F. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Bulletin of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)* 3, 86—89 (in Russian).

Lahodovs'ka, O.F., Zakharuk, Yu.M. 1956. In *Arkheolohichni pam'yatky URSR (Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)* VI, 69—74 (in Ukrainian).

Litvinova, L.V., Lysenko, S.D. 2012. In Alekshin, V.A., et al. (ed. board). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 94—97 (in Russian).

Lysenko, S.D. 1997. In Iudin, A.I. (ed.). *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii drevnikh plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze Age and Early Iron Age in the History of Ancient Tribes in South Russian Steppes)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 115—118 (in Russian).

Lysenko, S.D. 1998. In Kośko, A., Czebreszuk, J. (red.). *"Trzciniec" — system kulturowy czy interkulturowy proces*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 95—117 (in Russian).

Lysenko, S.D. 2008. In *Revista Arheologică*. Serie nouă IV (1), 100—134 (in Russian).

Lysenko, S.D. 2011. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 5, 66—71 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Makarovych, P., Shklyarevs'kyj, Ye.I., Kochkin, I.T., Fyed'ko, V.F. 2013. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2012 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2012)*. Kiev; Luts'k, 204—205 (in Ukrainian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Makarovych, P.K., Shklyarevs'kyj, Ye.I., Kochkin, I.T., Darahan, M.M., Slobodyan, T.I., Haskevych, D.L., Fyed'ko, V.F. 2013. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2012 r (Archaeological Investigations in Ukraine in 2012)*. Kiev; Lutsk, 205—207 (in Ukrainian).

Lysenko, S.D. 2015. In Tokareva, E.P. (ed.). *Drevnie kul'ty, obriady, ritualy: pamiatniki i praktiki (Ancient Cults, Rites, Rituals: Sites and Practices)* I. Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Studies, 74—100 (in Russian).

Lysenko, S.D. 2017. In Prigarin, A.A. (ed.). *Chelovek v istorii i kul'ture (The Man in History and Culture)* 3. Odessa: "Irbis" Publ., 290—301 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2001. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 1999—2000 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1999—2000)*, 147—159 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2011. In Platonova, N.I. (ed.). *Istoriia arkheologii: lichnosti i shkoly (History of Archaeology: Personalities and Schools)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 217—230 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2012. In Alekshin, V.A., et al. (ed. board). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations)* 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 90—95 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2013. In Gaj, A.N. (ed.). *Tsivilizatsionnye tsentry i pervobytnaia periferiia v epokhu rannego metalla: modeli vzaimodeistviia (Civilization Centers and Primordial Periphery in the Early Metal Period: Models of Interaction)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 24—25 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Abalmasov, O.S. 2014. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2013 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2013)*. Kiev, 120—121 (in Ukrainian).

Lysenko, S.D., Shkliarevskii, E.I., Razumov, S.N., Lysenko, S.S. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea)* VII, 11—49 (in Russian).

Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2016. In *Novoe proshloe (New Past)* (4), 49—66 (in Russian).

Matviishina, Zh.N., Kushnir, A.S. 2011. In Lysenko, S.D. *Otchet o rabotakh Fastovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v*

2011 godu (Report on Fieldworks of the Fastiv Archaeological Expedition in 2011). Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 2011/_, Appendix 1 (in Russian).

Matviishina, Zh.N., Kushnir, A.S. 2012. In Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. *Otchet o raskopkakh Voitsekhovskogo i Malopolovetskogo mogil'nikov v 2012 godu. Issledovaniia Fastovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2012 godu (Report on Excavations of Voitsekhovka and Malopolovetskoe Burial Grounds in 2012. Studies of the Fastiv Archaeological Expedition in 2012)*. Part I. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 2012/_, Appendix I.1 (in Russian).

Smirnova, G.I. 1976. In Berezanskaya, S.S., Otroshchenko, V.V., Telegin, D.Ya. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy (Eneolithic and Bronze Age in Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 118—135 (in Russian).

Cavruc, V., Dumitroaia, G. (coord.). 2001. *Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România*. Catalog de expoziţie. Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra-Neamţ; Editura „Constantin Matasă".

Górski, J., Lysenko, S., Makarowicz, P. 2003. Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins. *BPS* 12, 253—306.

Статья поступила в сборник 19 июля 2017 г.

Sergey Lysenko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Лысенко Сергей Дмитриевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: suraganga@yandex.ru

Svetlana Lysenko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine [2].

Лысенко Светлана Станиславовна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: suraganga@yandex.ru

Address: [1, 2] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

А. С. Пробейголова

Поселение эпохи поздней бронзы Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец

Keywords: Seversky Donets Basin, Late Bronze Age, settlement of Mechetne-2, stone buildings, Berezhnovka-Maevka Srubnaya culture

Ключевые слова: бассейн Северского Донца, поздний бронзовый век, поселение Мечетное-2, каменные постройки, бережновско-маевская срубная культура

A. S. Probeygolova

The Settlement of Mechetne-2 of the Late Bronze Age in the Middle Donets Area

In 2013, the expedition of Luhansk National University conducted rescue archaeological research at the Late Bronze Age settlement Mechetne-2 near Kamenka village in the Lugansk region, Ukraine. The remains of two stone buildings exposed to the intensive devastation were studied. The house-building traditions and ceramic assemblages belong to the Srubnaya (Timber-grave) cultural and historical community. The material found in the filling and on the floor of the buildings belongs to the early stage of Berezhnovka-Maevka Srubnaya culture.

А. С. Пробейголова

Поселение эпохи поздней бронзы Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец

В 2013 г. экспедицией Луганского национального университета проводились спасательные раскопки поселения позднего бронзового века Мечетное-2 возле с. Каменка Луганской области Украины. Были исследованы остатки двух построек с каменными стенами. Строительные приёмы и керамический комплекс соответствуют традициям срубной культурно-исторической общности. Материал, собранный в заполнении и на дне жилищ, соответствует первому этапу бережновско-маевской срубной культуры.

Вступление. Археологический микрорайон в районе с. Каменка Лутугинского района Луганской области Украины состоит из трех поселений эпохи бронзы — раннего средневековья (рис. 1). Раскопки проводились только на двух из них: Мечетное-1 и Мечетное-2. Исследования поселения Мечетное-3 ограничились небольшой шурфовкой и сбором подъемного материала. Поселение Мечетное-1 датируется финальным периодом бронзового века. Публикации материалов этого памятника посвящена отдельная работа (Пробийголова, Красильніков 2015). Публикация поселения Мечетное-2 ограничилась тезисным описанием без иллюстративной подачи материала (Пробийголова, Красильніков 2014). Вместе с тем, полученная в ходе раскопок информация представляет интерес для изучения позднего бронзового века Донецкого кряжа и бассейна Северского Донца в целом. Сохранность построек с каменными стенами позволяет провести реконструкцию внешних объемов сооружений. Значимой представляется публикация предметов, связанных с металлопроизводством населения срубной культуры исследуемого микрорегиона.

Описание памятника. Поселение Мечетное-2 расположено на левом берегу ручья балки Мечетной (рис. 2). Памятник расположен на первой пологой надпойменной террасе, с западной стороны примыкает к высокой каменистой гряде. С южной, восточной и частично с северной сторон площадь поселения ограничена заросшей лесом поймой ручья. Поверхность задернована, площадка памятника имеет уклон в восточном направлении.

В 2013 г. значительная часть поселения общей площадью не менее 500 м^2 была уничтожена при несанкционированной прокладке траншеи для извлечения металлической трубы бывшего водопровода. Участок траншеи, проходившей через территорию памятника, в длину составлял порядка 150 м при ширине 3,5 м. В западном борту траншеи зафиксированы остатки пяти построек с каменными стенами. Подъемный материал

© А. С. Пробейголова, 2018.

Рис. 1. Поселение Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец.

Fig. 1. The settlement of Mechetne-2 in the Middle Donets area.

из траншеи состоит из обломков примерно от 31 сосуда, фрагмента керамического пряслица, 5 костяных орудий, каменного диска из плитки песчаника, абразива, каменного молота и обломка керамической литейной формы. Литейная форма была разбита на две половины ковшом экскаватора. Первая половина найдена на отвале из траншеи, вторая часть обнаружена в ее борту. Последующими исследованиями установлено, что форма находилась на полу постройки 1. В месте обнаружения литейной формы в 2013 было заложено два раскопа общей площадью 52,5 м^2.

Методика исследований. Поселение исследовалось методом сплошного вскрытия с помощью квадратов 3×3 м. Между квадратами оставлялись бровки шириной 0,2 м. Находки собирались отдельно из каждого квадрата. Характер грунта на поселении позволил достаточно четко проследить границу между отдельными слоями, благодаря чему находки извлекались отдельно из каждого слоя, а не на условную глубину штыка лопаты. Отдельно отбирались находки из заполнений жилищ, со дна объектов, а в случае многоуровневых полов в постройках отдельно с каждого уровня пола.

Раскоп 1 расположен вдоль западного борта траншеи. Всего вскрыто 36,5 м^2, исследовано две постройки позднего бронзового века. Прослежена следующая последовательность залегания культурных слоев (рис. 3):

0—0,2 м — современный суглинистый чернозем;

0,2—0,5 м — слой 1, состоит из суглинистого чернозема с небольшой концентрацией находок эпохи бронзы и раннего средневековья;

0,5—0,9 м — слой 2, состоит из золистого суглинистого чернозема, содержит находки эпохи бронзы;

0,9—1,6 м — золистое заполнение построек;

1,6 м — суглинок.

Слой 1 относится к эпохе раннего средневековья. Находки из этого слоя немногочисленны: фрагмент ручки красноглиняной амфоры салтово-маяцкой культуры, фрагмент кремневой пластины и кремневый отщеп. Кроме того, в 70 м к югу от раскопа 1 местными жителями в слое 1 обнаружены обломки бронзового котла эпохи раннего средневековья, предположительно гуннского времени. Там же найден и бронзовый нож рубежа средней и поздней бронзы[1]. В переотложенном виде попадаются отдельные находки эпохи бронзы. В частности, собраны обломки примерно от трех горшков и пяти сосудов баночной формы. Орнамент состоит из рядов овальных либо пальцево-ногтевых вдавлений, прочерченных ломаных линий.

Слой 2 содержит находки исключительно периода позднего бронзового века, его формирование связано с деятельностью носителей срубной культурно-исторической общности. В слое 2 обнаружено два фрагмента венчиков неорнаментированных горшков и орудие на ребре животного с тщательно обработанными торцами. Остальная часть находок залегала в заполнении и на дне жилищ.

Из пяти поврежденных современной траншеей жилищ удалось исследовать только два.

Постройка 1 исследована не полностью, поскольку восточный край сооружения уничтожен траншеей, а северная и западная стенки оказались за пределами раскопа. Отдельные камни от упавших стен сооружения фиксировались на разной глубине в заполнении постройки, ближе к ее дну. Раскопом исследовался участок южной стены постройки (рис. 4).

[1] Информация о находке ножа сообщена К. И. Красильниковым и П. П. Коваленко.

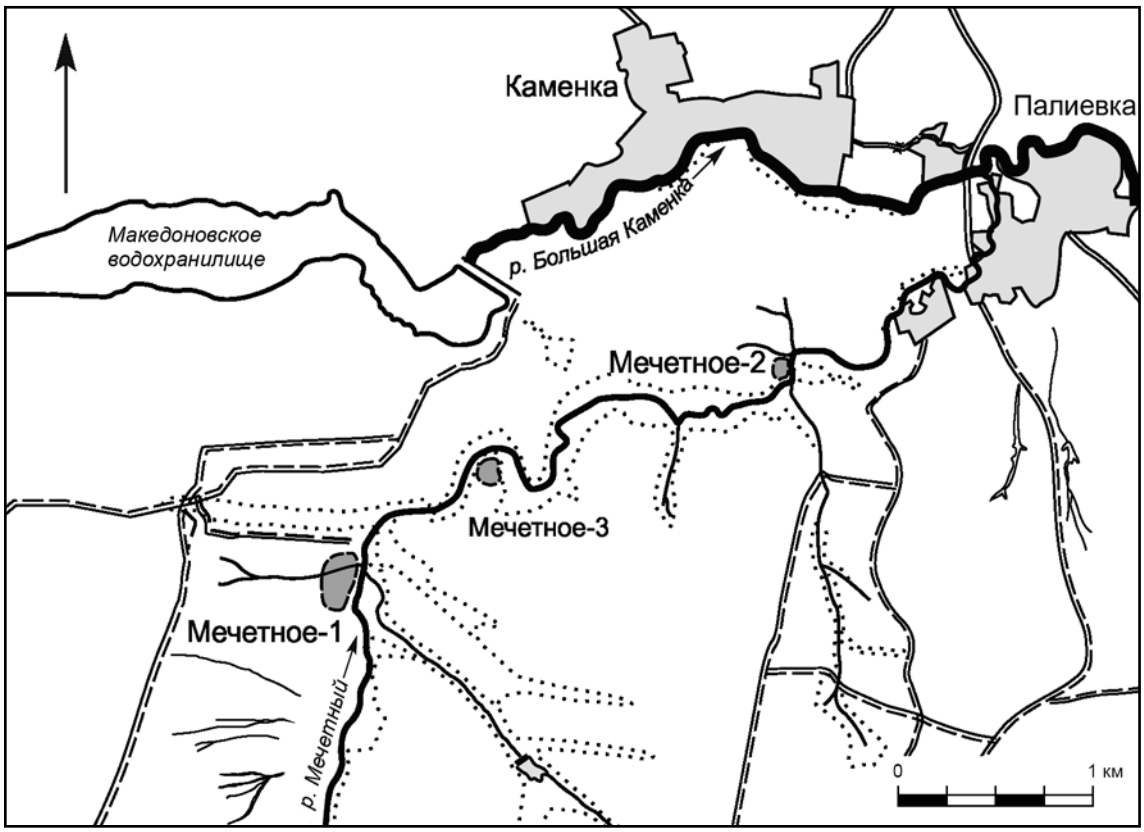

Рис. 2. Поселения позднего бронзового века возле с. Каменка.

Fig. 2. Settlements of the Late Bronze Age near Kamenka village.

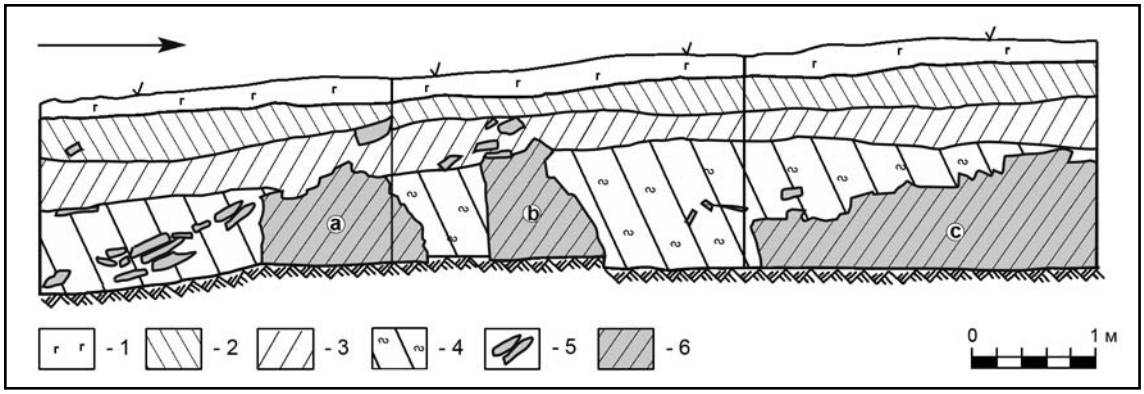

Рис. 3. Разрезы каменных построек на поселении Мечетное-2. Восточный профиль западной бровки раскопа 1. Условные обозначения: 1 — современный слой; 2 — слой 1; 3 — слой 2; 4 — заполнение построек; 5 — камни; 6 — остатки стен: a — стена постройки 2; b — стена между постройками 1 и 2; c — развал западной стены постройки 1.

Fig. 3. Section of the stone buildings at Mechetne-2 settlement. Eastern profile of the western edge of the dig 1. Legend: 1 — contemporary layer; 2 — layer 1; 3 — layer 2; 4 — filling of buildings; 5 — stones; 6 — remains of walls: a — wall of building 2; b — wall between buildings 1 and 2; c — breakdown of the western wall of building 1.

Стена 1 сохранилась на высоту 0,85 м от уровня пола постройки, сложена в технике орфостатного ряда с использованием однорядной постелистой кладки. Массивные орфостаты располагались в основании, в то время как постелистая кладка занимала верхнюю часть стены. Для строительства использовались плоские камни песчаника размером в пределах от 0,3×0,3 м до 0,3×0,8 м. Длина исследованного участка составляет 3,8 м при ши-

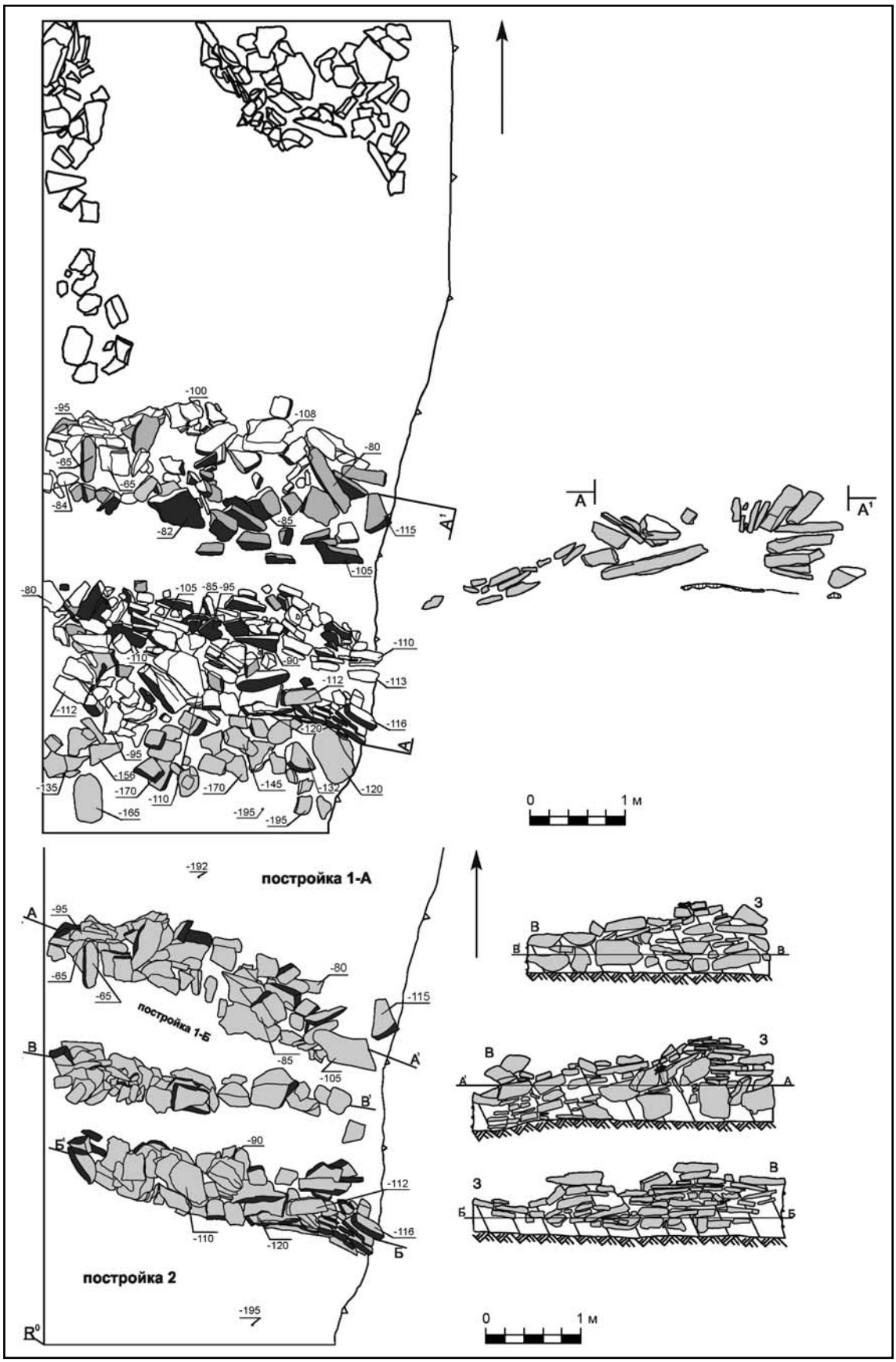

Рис. 4. Каменные постройки 1 и 2 на поселении позднего бронзового века Мечетное-2.

Fig. 4. Stone buildings 1 and 2 at the Late Bronze Age settlement Mechetne-2.

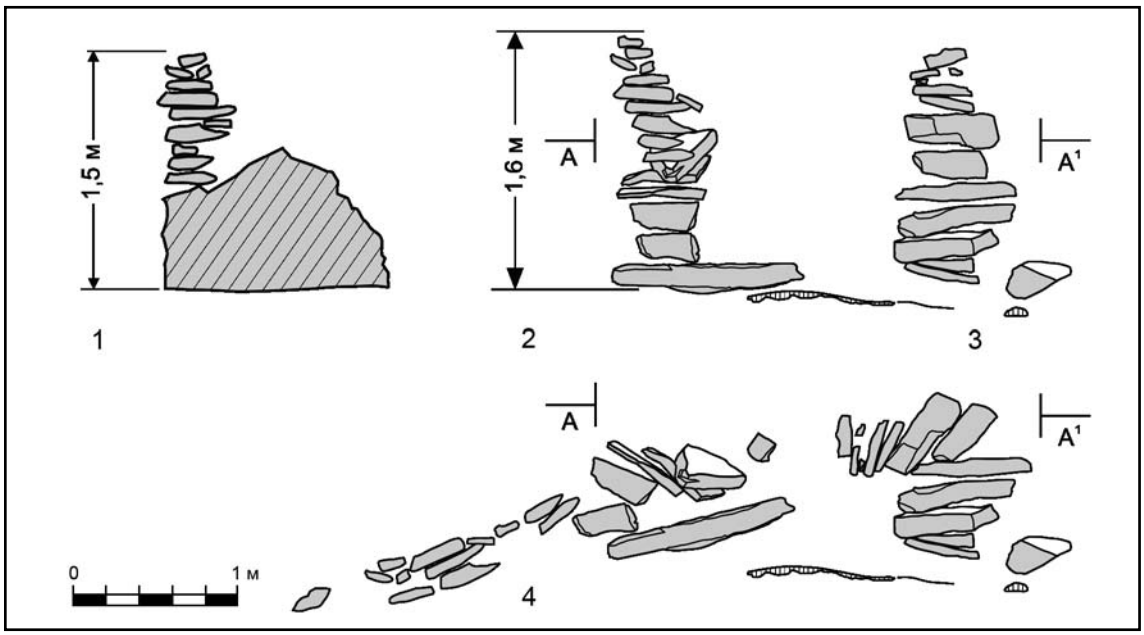

Рис. 5. Реконструкция высоты стен на поселении Мечетное-2: 1, 2 — реконструкция стены постройки 2; 3 — реконструкция стены постройки 1; 4 — профили стен построек 1 и 2 в обнажении траншеи.

Fig. 5. Reconstruction of the walls at Mechetne-2 settlement: 1, 2 — reconstruction of the wall of building 2; 3 — reconstruction of the wall of building 1; 4 — profiles of the walls of buildings 1 and 2 in the outcrop of the trench.

рине 0,7 м. Зафиксирован наклон стены в южном направлении.

Стена 2 расположена параллельно стене 1 к югу от нее, сохранилась на высоту 0,76 м от уровня пола. Использовалась техника орфостатного ряда в сочетании с однорядной постелистой кладкой. Подбирались камни со средними размерами от 0,3×0,4 м до 0,4×0,6 м. Длина исследованного участка составляет 3,34 м при ширине 0,4 м. Зафиксирован слабый наклон стены в южном направлении. Остается не вполне понятным соотношение стен 1 и 2. По предварительным данным можно предположить, что стена 2 является более ранней в постройке 1. Позднее внутри сооружения параллельно старой стене была сооружена стена 1.

В постройке 1 прослежено 2 уровня пола. Верхний горизонт пола фиксировался по плотной прослойке глины светло-коричневого цвета толщиной 0,05 м на глубине –1,5 м от современной поверхности. С верхним уровнем пола связано сооружение стены 1. Основание стены 2 находится ниже основания стены 1 и связано с нижним уровнем пола. Таким образом, в сооружении постройки 1 прослеживается два этапа. С первым этапом связано строительство стены 2 и нижний уровень пола жилища. На втором этапе происходит сооружение стены 1 и формируется новый уровень пола, четко фиксируемый по глинистой прослойке желтого цвета. Подобные примеры неоднократной эксплуатации жилищ известны на поселениях правобережья Северского Донца. На поселении Зимогорье в пределах жилища 1 прослежены два уровня пола, разделенных между собой стерильной прослойкой глины. С формированием верхнего уровня пола связано возведение новой стены внутри жилища параллельно старой (Пробейголова 2011: 81—84).

Керамическая посуда. Находки в заполнении и на дне ***верхнего горизонта постройки 1*** представлены фрагментами керамической посуды, изделиями из камня и кости. Всего найдены обломки примерно от 20 сосудов, среди которых 12 венчиков от сосудов баночной формы, четыре остроребер ных, три обломка горшков (рис. 8—10). Орнамент состоит из горизонтальных рядов вдавлений овальной, каплевидной формы, оттисков щепки и пальца. В единичных случаях на сосудах встречен орнамент в виде налепного валика на венчике сосуда, прочерченных заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх. Из нижней части заполнения верхнего горизонта постройки 1 происходит фрагмент сосуда катакомбной культуры, орнаментированный параллельными оттисками шнура.

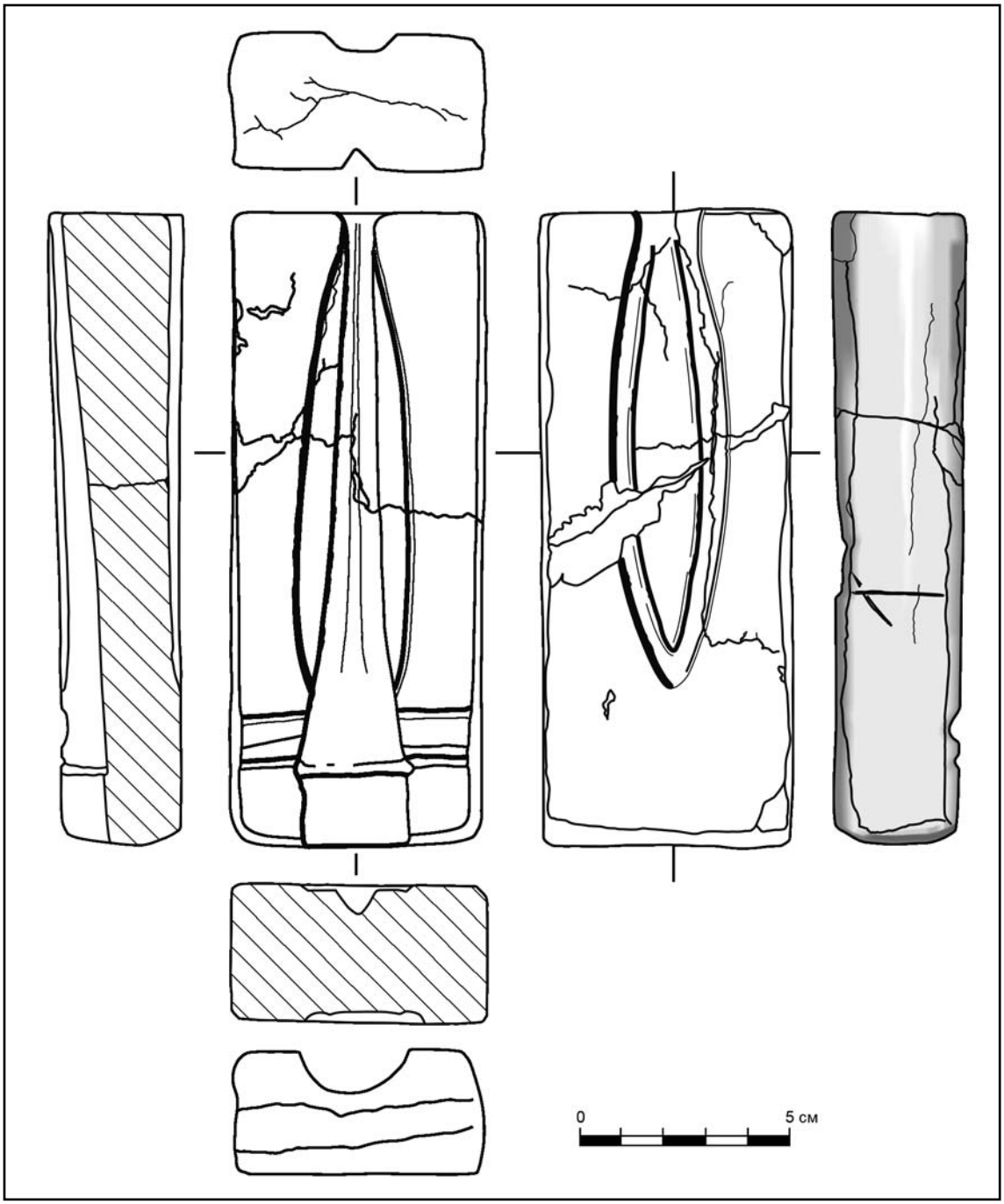

Рис. 6. Глиняная литейная форма со дна постройки 1 поселения Мечетное-2.

Fig. 6. A clay foundry from the floor of structure 1 the Mechetne-2 settlement.

Предметы, связанные с металлопроизводством. К орудиям металлопроизводства отнесены глиняная литейная форма (рис. 6) и каменная крышка со следами нагара (рис. 7).

Глиняная двусторонняя литейная форма имеет вид прямоугольного бруска размером 15,5×6,1×3,0—3,3 см. С одной стороны нанесен негатив копья с узким листовидным пером и короткой втулкой. Максимальное расширение пера приходится на нижнюю его часть. Сечение стержня ромбическое. В основании втулки расположен валик, там же находятся канавки для крепления штифтов. Рядом с отверстиями для штифтов расположены каналы для вывода газов. Литниковый канал, по-видимому, расположен со стороны острия. С другой стороны нанесен негатив лезвия листовидного ножа с двумя желобками вдоль краев клинка. На поверхности формы видны многочисленные трещины, на боковой сто-

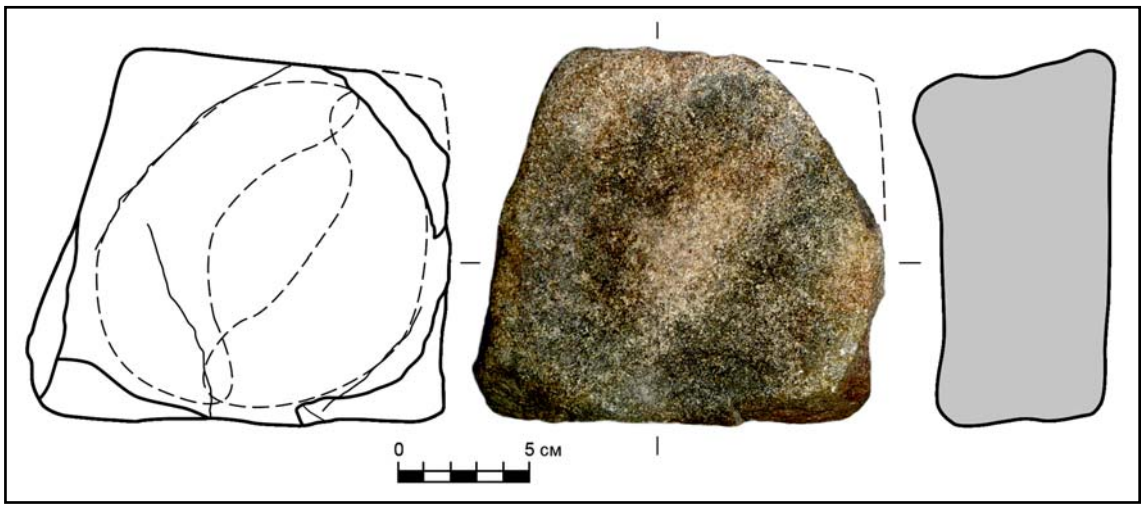

Рис. 7. Крышка от литейной формы со дна постройки 1 поселения Мечетное-2. Пунктирной линией на рисунке показаны отпечатки серпов в виде нагара.

Fig. 7. Lid of foundry from the floor of structure 1 at Mechetne-2 settlement. The dashed line in the drawing shows the prints of sickles in the form of kish.

роне прочерчена линия для совмещения двух половинок. Размеры негатива копья: длина 13,7 см, ширина пера 2,8 см, максимальный диаметр втулки 2,6 см. Размеры негатива ножа: длина 11,5 см, максимальная ширина лезвия по центру клинка составляет 2,8 см. В настоящее время форма находится в фондах археологического музея ЛНУ им. Т. Г. Шевченко (инв. № КП 5356 А4826).

Каменная крышка для одностворчатой литейной формы изготовлена из плоского бруска песчаника. Размер изделия составляет 12,8 × 14,5 × 7,3 см. Плита имеет трапециевидную форму с зашлифованными сторонами. На плоской стороне плитки хорошо заметны следы нагара. Судя по их контурам, камень использовали в качестве крышки литейной формы для отливки серпов. Крышку использовали как минимум дважды, о чем свидетельствуют перекрывающие друг друга отпечатки серпов. Из-за этого обстоятельства определить форму и размеры отливаемых изделий достаточно сложно. Можно предположить, что общая длина отливавшегося серпа не превышала 15 см, ширина лезвия не более 4,1 см. Вдоль краев отпечатавшихся контуров серпов прослеживаются неглубокие трещины. На месте одной из таких трещин произошел облом плиты.

Изделия из кости. Серия костяных изделий представлена костяной втулкой (рис. 11: 4), орудием на ребре (рис. 11: 1), астрагалом и обломком тупика из челюсти КРС. Заготовка втулки изготовлена из распиленной поперек трубчатой кости. Нижний край изделия обработан, верхний без следов обработки. На боковых поверхностях видны следы от работы абразивом. Размеры изделия составляют: длина 4,4 см, диаметр 2,2 см.

Орудие на ребре животного имеет тщательно обработанный торец, размеры изделия составляют 14,6 × 3,7 × 0,8 см.

Астрагал из кости мелкого животного с подточенными боковыми плоскостями (рис. 11: 3). Размеры изделия составляют 3,1 × 1,7 × 1,6 см.

На поверхности поселения в отвале траншеи найдена стригальная полочка — приспособление для стрижки шерсти с овцы[2]. Для полочки использовалась часть ребра КРС, порезы от ножа расположены на внутренней поверхности кости (Панковский, Антипина 2017: 213).

Изделия из камня представлены обломками песта и упомянутой выше крышкой для литейной формы. Пест изготовлен из мелкозернистого кварцитовидного песчаника продолговатой формы, округлого в сечении. Размер изделия составляет 5 × 4,2 см.

Нижний горизонт пола постройки 1 фиксировался менее отчетливо в суглинистом грунте на глубине –1,9 м от современной поверхности. Находки, собранные на полу нижнего горизонта, немногочисленны и представлены обломками шести баночных сосудов, преимущественно без орнамента (рис. 12: 2—3). Лишь на одном из фрагментов встречен орнамент из вертикально расположенных ка-

[2] Определение В. Б. Панковского.

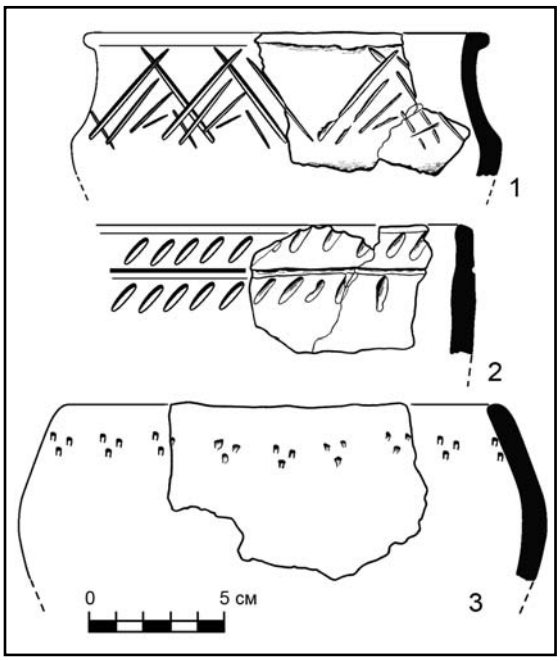

Рис. 8. Керамика со дна постройки 1 поселения Мечетное-2.

Fig. 8. The pottery found on the floor of structure 1 at Mechetne-2 settlement.

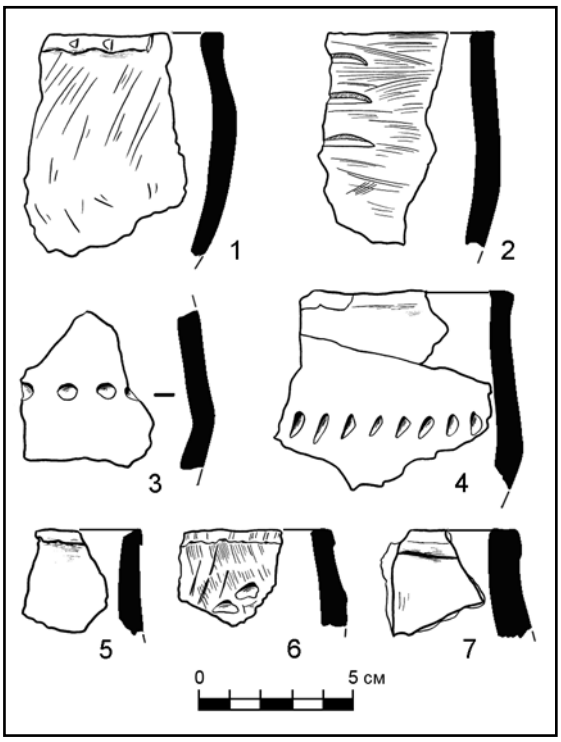

Рис. 9. Керамика со дна постройки 1 поселения Мечетное-2.

Fig. 9. The pottery found on the floor of structure 1 at Mechetne-2 settlement.

плевидных вдавлений (рис. 12: 1). На обломке стенки сосуда сохранился орнамент из двух прочерченных ломаных линий (рис. 12: 5). Из нижнего горизонта пола происходит каменный диск из плитки песчаника размером 5,9×5,2×0,7 см (рис. 12: 4).

Постройка 2 расположена к югу от постройки 1 и вплотную примыкает к ней. Исследована северная стена постройки и небольшой участок пола. Стена сложена из плоских плит песчаника прямоугольных очертаний со средними размерами от 0,2×0,4 м до 0,35×0,55 м. Длина исследованного участка северной стены составляет 3,6 м при ширине 0,4—0,6 м, сохранилась на высоту 0,78 м. Стена сложена в технике однорядной постелистой кладки. Орфостатные плиты не зафиксированы. Верхний объем стены упал за пределы постройки, причем в завале камней достаточно отчетливо прослеживались элементы кладки (рис. 4). Некоторая часть камней сползла во внутреннюю часть жилища. Камни упали под наклоном, ближе к стене они лежали практически на одном уровне с верхним ярусом камней кладки, в то время как ближе к центру постройки они находились практически на самом дне (рис. 3). Исходя из общего количества упавших камней, первоначальная высота стены составляла не менее 1,5—1,6 м (рис. 5). Вероятно, в реальности она была минимум на 0,3—0,4 м выше, поскольку какая-то часть камней упала раньше и не поддавалась идентификации при расчистке. Разница между глубиной постройки и уровнем залегания упавшей за пределы жилища стены составляет в среднем 0,95—1 м. По мнению В.Н. Горбова, глубина залегания камней за пределами жилища маркирует уровень, с которого жилище было впущено в существующий горизонт (Горбов 1997: 145—162). Исходя из разницы между глубиной залегания камней за пределами жилища и глубиной основания стен постройки, можно определить общую глубину котлована. В случае с постройкой 2 нижний объем жилища был углублен на 0,9—1,0 м. Реконструируемый верхний объем сооружения выступал над уровнем поверхности того времени на 0,5—0,8 м.

На полу постройки 2 найден развал горшка с тщательно обработанной, местами лощеной, внешней поверхностью. По плечику и венчику нанесены два ряда косых насечек. На шейке нанесены косые плохо заметные оттиски мелкозубчатого штампа. На тулове сосуда, ближе ко дну, прочерчен круг с перекрещенными в центре линиями (рис. 13). Реконструируемый диаметр сосуда составляет приблизительно 30 см.

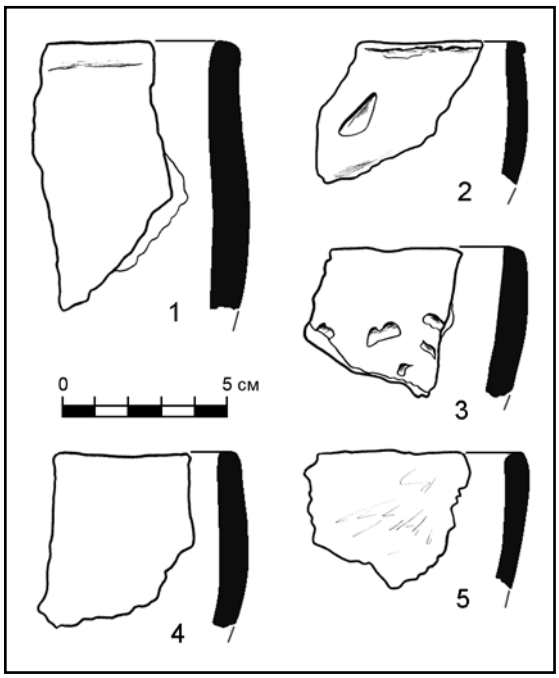

Рис. 10. Керамика со дна постройки 1 поселения Мечетное-2.

Fig. 10. The pottery found on the floor of structure 1 at Mechetne-2 settlement.

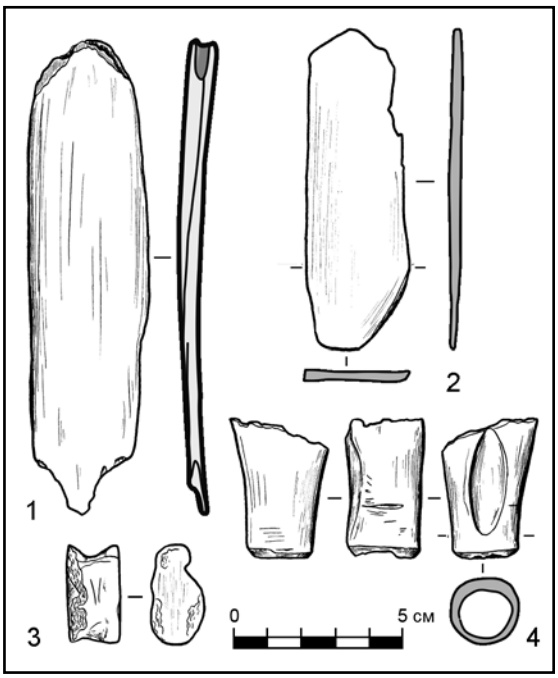

Рис. 11. Изделия из кости из постройки 1 поселения Мечетное-2.

Fig. 11. Bone artifacts from structure 1 at Mechetne-2 settlement.

Раскоп 2 расположен в 5,8 м к югу от раскопа 1 (рис. 14). Площадь раскопа составила 16 м^2, из которых почти половина попадает в зону разрушения траншеи. Исследована западная половина **постройки 3**. Восточная часть уничтожена при прокладке трубы водопровода. Форма постройки прямоугольная со скругленными углами. Длинная ось сооружения ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Ширина постройки составляет 3 м, длина сохранившейся части 2,5 м. В основании стен расположены орфостатные плиты, верхняя часть сложена в технике однорядной постелистой кладки. Стены постройки упали в середину жилища. Высота сохранившихся участков стен составляет 0,4 м от уровня пола. В заполнении жилища найдены немногочисленные фрагменты керамики лепных сосудов эпохи бронзы.

Интерпретация полученных данных. Особенности домостроения поселения Мечетное-2 соответствуют традиции каменного строительства срубной культурно-исторической общности Северо-Восточного Приазовья и Правобережья бассейна Северского Донца. К числу последних относятся углубленный до 0,5 м характер жилищ, каменная облицовка бортов котлованов, использование однорядной постелистой и орфостатной кладки (Горбов 2000: 55—59; Бровендер 2012). Каменные стены выполняли облицовочную функцию и не были рассчитаны на вес кровли (Горбов 1997: 145—162). Более раннее существование углубленных построек с каменной облицовкой стен однорядной постелистой кладкой с использованием орфостатов зафиксировано на стратифицированных поселениях Приазовья и Донецкого кряжа. На поселении Безыменное-2 подобная техника характерна для горизонтов II—IV, характеризующих срубный этап существования памятника. К концу V горизонта, относящегося к постсрубному времени, глубина котлованов существенно уменьшается, и основной объем жилищ находится выше уровня дневной поверхности (Горбов 2000: 55—59). На поселении Зимогорье орфостатный ряд в сочетании с однорядной постелистой кладкой зафиксирован в жилищах первого и второго горизонтов, соответствующих по времени бережновско-маевской срубной культуре. Для третьего, постсрубного горизонта поселения характерно уменьшение глубины котлованов, использование трехрядной двухлицевой постелистой кладки с забутовкой среднего слоя мелкими камнями и грунтом (Пробейголова 2013: 118—124).

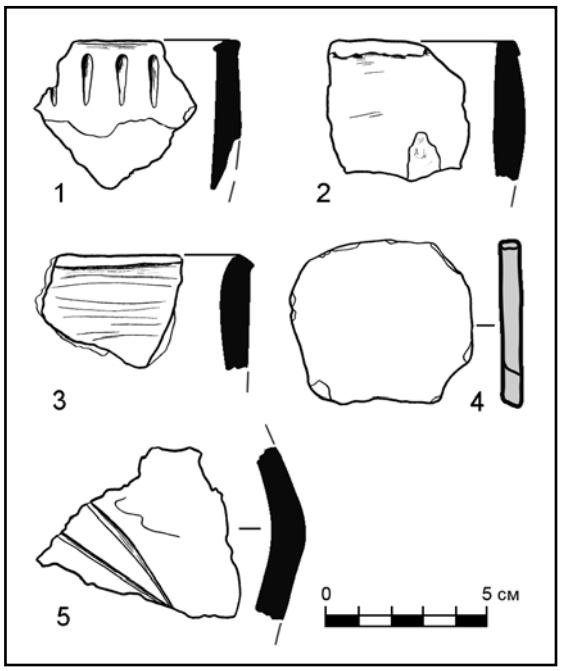

Рис. 12. Керамика со дна постройки 1 поселения Мечетное-2.

Fig. 12. The pottery found on the floor of structure 1 at Mechetne-2 settlement.

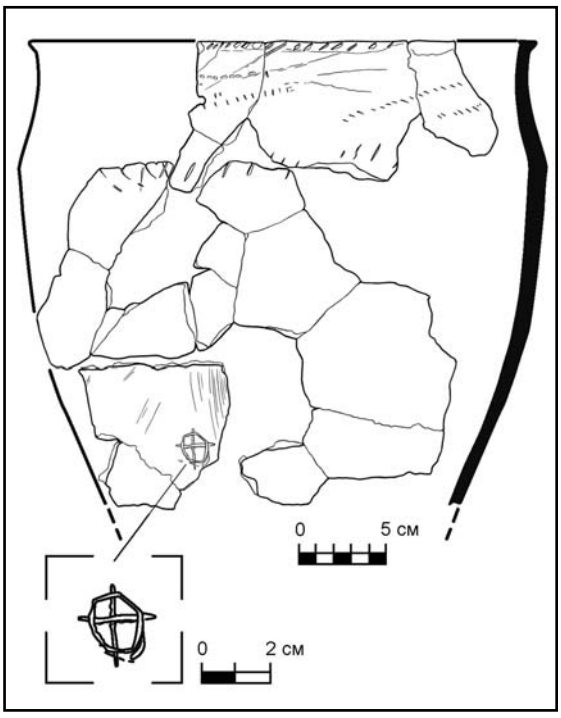

Рис. 13. Керамика со дна постройки 2 поселения Мечетное-2.

Fig. 13. The pottery found on the floor of structure 2 at Mechetne-2 settlement.

Керамический комплекс поселения Мечетное-2 немногочисленный, что затрудняет его культурно-хронологическую атрибуцию. Прослеживаются некоторые черты сходства с третьим и четвертым периодами поселения Капитаново-2 на Северском Донце, поздним периодом Мосоловского поселения на Дону. К числу диагностичных признаков относятся преобладание баночных форм, заглаживание внешней поверхности сосудов. Показательно отсутствие грубых расчесов на внешней стороне сосудов, являющихся характерным признаком для ранних этапов поселений покровско-мосоловской срубной культуры Капитаново-2 и Мосоловка (Бровендер 2000: 177—181, рис. 3; Беседин 1993: 94—103). Остроребериый сосуд с заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вверх, находит аналогии среди посуды раннего этапа поселения Зимогорье — горизонт Зимогорье 1. Относительный возраст горизонта Зимогорье 1 определяется временем первого этапа бережновско-маевской срубной культуры (Пробейголова 2013: 118—124).

На относительно ранний возраст поселения Мечетное-2 в системе древностей позднего бронзового века указывает находка двусторонней глиняной литейной формы для отливки копья и ножа на дне постройки 1. Близкий наконечник копья найден в окрестностях г. Волгоград и отнесен А. В. Кияшко и Н. В. Хабаровой к срубной культуре позднего бронзового века (Кияшко, Хабарова 2007: 45; 112: рис. 177). Оба наконечника сближают короткая втулка, лавролистное, слегка расширяющееся в нижней части перо, ромбический в сечении стержень. Вероятнее всего, возраст наконечника, вырезанного на литейной форме из постройки 1 поселения Мечетное-2, соответствует первому периоду бережновско-маевской срубной культуры.

Негатив лезвия ножа сложнее поддается идентификации, поскольку ножи без черенка с лавролистной формой лезвия встречаются в различных культурах эпохи поздней бронзы. Обращает на себя внимание сечение лезвия с двумя желобками по краю. В качестве возможной аналогии можно привести нож из условного клада Стецовка. От ножа из Мечетного-2 нож из Стецовки отличается наличием кольцевого упора (Куштан 2013: 152, рис. 91: 2). Таким образом, наиболее вероятной представляется датировка поселения в урочище Мечетное-2 первым периодом бережновско-маевской срубной культуры.

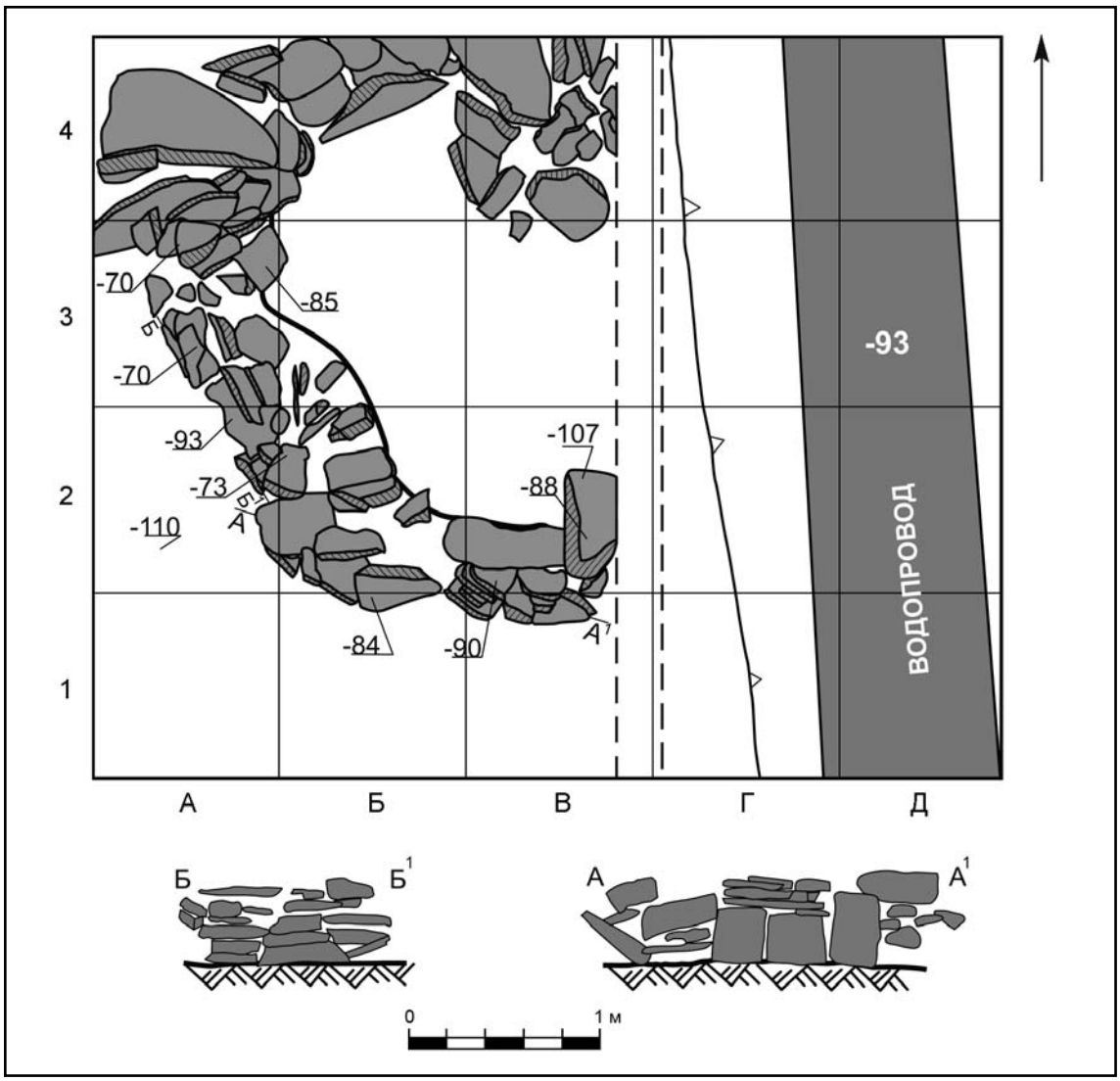

Рис. 14. Каменная постройка 3 на поселении позднего бронзового века Мечетное-2.

Fig. 14. Stone building 3 at the Late Bronze Age settlement Mechetne-2.

Литература

Беседин В.И. 1993. Относительная хронология построек Мосоловского поселения (по данным анализа керамики). В: Пряхин А.Д. *Мосоловский поселок эпохи бронзы*. Книга первая. Воронеж: ВГУ, 94—103.

Бровендер Ю.М. 2000. Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком Левобережье. *ССПiК* VIII, 170—186.

Бровендер Ю.М. 2012. *Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже*. Алчевск: ДонГТУ.

Горбов В.Н. 1997. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века. *Археологический альманах* 6, 145—162.

Горбов В.Н. 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны. В: Крыжицкий С.Д. (науч. ред.). *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк: Східний видавничий дім, 55—59.

Кияшко А.В., Хабарова Н.В. 2007. *Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог*. Волгоград: Панорама.

Куштан Д.П. 2013. *Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Археологічний альманах 29.

Панковский В.Б., Антипина Е.Е. 2017. Новая категория в костяных индустриях эпохи поздней бронзы. *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов* 4, 206—242.

Пробейголова А.С. 2013. Стратиграфия Зимогорского поселения на р. Лугань. В: Черленок Е.А. (отв. ред.). *Проблемы периодизации и хронологии*

в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Санкт-Петербург: Скифия принт, 118—124.

Пробейголова А.С. 2014. Поселение заключительного этапа бронзового века в урочище Мечетное-1 на Донецком кряже. В: Бессуднов А.Н. (отв. ред.). *Верхнедонской археологический сборник* 6. Липецк, 319—326.

Пробийголова О.С., Красильніков К.І. 2014. Дослідження поселень доби бронзи в урочищі Мечетному на Донецькому кряжі. *АДУ 2013 р.*, 169—170.

Пробийголова О.С. Красильніков К.І. 2015. Гончарні печі фіналу доби бронзи на Донецькому кряжі. *Археологія* (2), 34—45.

References

Besedin, V.I. 1993. In Pryakhin, A.D. *Mosolovskii poselok epokhi bronzy (Mosolovka Settlement of the Late Bronze Age)* I. Voronezh: Voronezh State University, 94—103 (in Russian).

Brovender, Yu.M. 2000. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* VIII, 170—186 (in Russian).

Brovender, Yu.M. 2012. *Stepanovskoe poselenie srubnoi obshchnosti na Donetskom kriazhe (Stepanovo Settlement of the Timber-Grave Cultural Unity on the Donets Ridge)*. Alchevsk: Donbas State Technical University (in Russian).

Gorbov, V.N. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 6, 145—162 (in Russian).

Gorbov, V.N. 2000. In Kryzhitskii, S.D. (ed.). *Arkheologiia i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii (Archaeology and Ancient Architecture of the Left Bank Ukraine and Adjacent Territories)*. Donetsk: "Skhidnyj vydavnychyj dim" Publ., 55—59 (in Russian).

Kiyashko, A.V., Khabarova, N.V. 2007. *Eneolit i kul'tury bronzovogo veka Volgo-Donskikh stepei. Po materialam arkheologicheskikh fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia. Katalog (Chalcolithic and the Bronze Age Cultures of the Steppes between Volga and Don. By Materials from Archaeological Funds of the Volgograd Oblast Museum of Local Studies: Catalogue)*. Volgograd: "Panorama" Publ. (in Russian).

Kushtan, D.P. 2013. *Pivden' Lisostepovoho Podniprov'ya za doby pizn'oï bronzy (Southern Part of the Forest-Steppe Dnieper Basin in the Late Bronze Age)*. Series: Arkheolohichnyj al'manakh (Archaeological Almanac) 29 (in Ukrainian).

Pankovski, V.B., Antipina, E.E. 2017. In *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 206—242 (in Russian).

Probeygolova, A.S. 2013. In Cherlenok, E.A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoi Evropy (Problems of Periodization and Chronology in Archaeology of Early Metal Epoch in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: "Skifiia print" Publ., 118—124. (in Russian).

Probeygolova, A.S. 2014. In Bessudnov, A.N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 6. Lipetsk, 319—326 (in Russian).

Probyjholova, O.S., Krasyl'nikov, K.I. 2014. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2013 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2013)*, 169—170. (in Ukrainian).

Probyjholova, O.S. Krasyl'nikov, K.I. 2015. In *Arkheolohiya (Archaeology) (*2), 34—45 (in Ukrainian).

Статья поступила в сборник 5 октября 2017 г.

Alexey Probeygolova (Kiev, Ukraine). Rescue archaeological service of Ukraine[1].

Пробейголова Алексей Сергеевич (Киев, Украина). Охранная археологическая служба Украины.

E-mail: alexprobeygolova@ukr.net

Address: [1] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

С. С. Лысенко

Булавки с пластинчатой головкой эпохи поздней бронзы с территории Украины

Keywords: Ukraine, late Bronze Age, the Trzciniec cultural circle, Komarov culture, Sabatinovka culture, adornments, pins with a plate head

Ключевые слова: Украина, период поздней бронзы, тшинецкий культурный круг, комаровская культура, сабатиновская культура, украшения, булавки с пластинчатой головкой

S. S. Lysenko

Pins with a Plate Head of the Late Bronze Age from the Territory of Ukraine

Eight pins with a plate-shaped rhombic head, one mould for making such pins and one pin with a head in the form of a triangular flap were found on the territory of modern Ukraine. The distribution area of these types of pins does not go beyond the steppe and forest-steppe zones of the Dnieper Right Bank and the North-Western Black Sea region. The earliest finds of such pins are connected with the funerary complexes of the early and early classical stages of the Komarov culture of the Trzciniec cultural circle (the second quarter — the middle of the 2nd millennium BC). Later they spread to the area of the Sabatinovka-Noua-Coslogeni cultural circle (Dnieper Right Bank steppe, Moldova, Romania), where they are known in settlements and hoards of the third quarter of the 2nd millennium BC. This publication provides a detailed description of all the pins of these types, originating from the territory of Ukraine.

С. С. Лысенко

Булавки с пластинчатой головкой эпохи поздней бронзы с территории Украины

На территории современной Украины найдено восемь булавок с пластинчатой подромбической головкой, одна литейная форма для изготовления таких булавок и одна булавка с головкой в виде треугольного щитка. Ареал распространения этих типов булавок не выходит за пределы степной и лесостепной зон Днепровского Правобережья и Северо-Западного Причерноморья. Наиболее ранние находки таких булавок связаны с погребальными комплексами раннего и раннеклассического этапов комаровской культуры тшинецкого культурного круга (вторая четверть — середина II тыс. до н. э.). Позднее они распространяются в ареал культурного круга Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень (степное Правобережье Днепра, Молдова, Румыния), где известны на поселениях и в кладах третьей четверти II тыс. до н. э. В публикации приведено подробное описание всех булавок упомянутых типов, происходящих с территории Украины.

Булавки являются одной из наиболее металлоёмких категорий комплекса украшений эпохи поздней бронзы. Среди разнообразных типов булавок этого периода особо выделяются булавки с пластинчатой головкой. На территории Украины они представлены двумя типами: с ромбическим или подромбическим и с треугольным щитком.

Булавки первого типа представлены восемью изделиями и литейной формой, происходящими с территории Галиции (комаровская группа комаровской культуры тшинецкого культурного круга), Среднего Поднепровья (киево-черкасская группа комаровской культуры) и Степного Причерноморья (сабатиновская культура). Единственная булавка с треугольным щитком происходит из ареала волынской группы комаровской культуры (рис. 1).

Бронзовые изделия в виде небольшого стержня с расклёпанной в ромбическую пластину головкой были найдены на заре становления современной археологической науки в Киевской губернии графом А. А. Бобринским. В 1880-е гг. А. А. Бобринский исследовал курганный могильник ***Гуляй-Город*** (ныне Черкасская область, Смелянский район, с. Гуляйгородок) (рис. 1: 5). В **кургане XLI** (41) этого могильника были обнаружены два разновременных погребения. Во **втором погребении** находились два сильно истлевших скелета, лежавшие рядом, головами к северо-востоку. При них, у грудных костей, найдены две бронзовые булавки с головками в виде ромбических щитков, украшенных «жемчужинами» и пуансоном. Возле каждой булавки лежало по три бронзовых подвески треугольной формы и по две небольших брон-

© С. С. Лысенко, 2018.

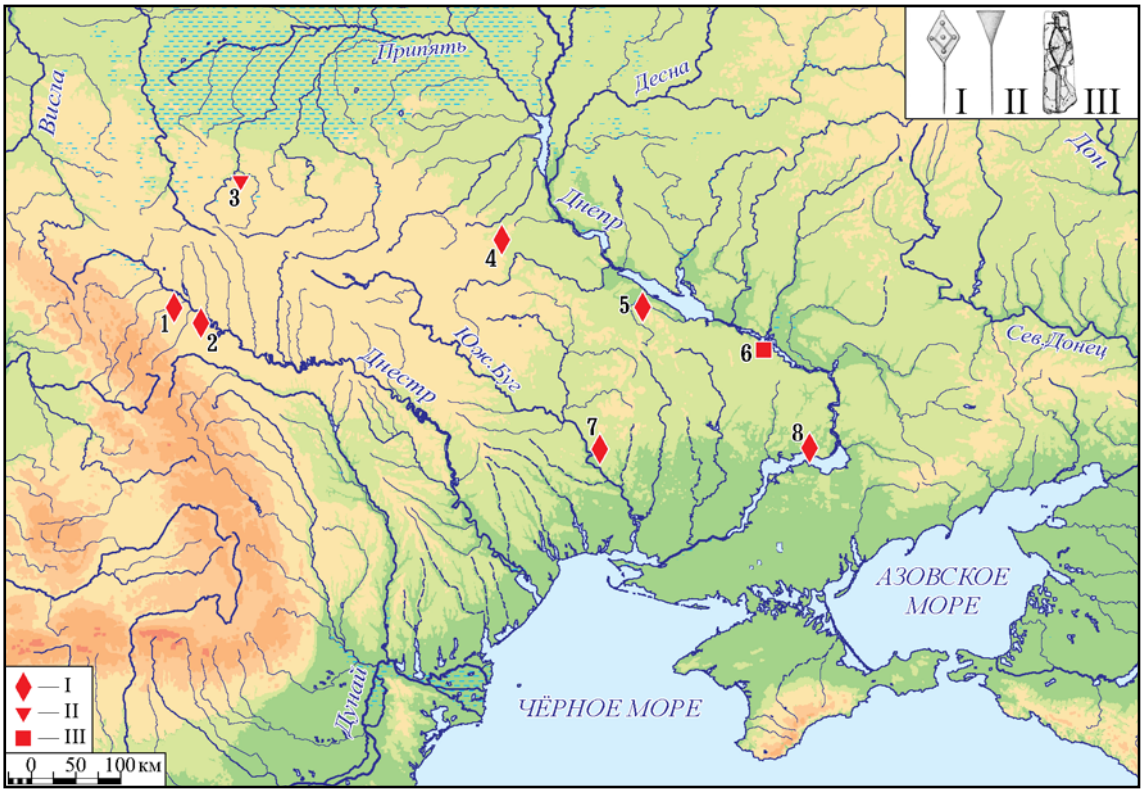

Рис. 1. Распространение булавок с пластинчатой головкой на территории Украины: I — булавки с ромбической головкой; II — булавки с треугольной головкой; III — литейные формы для отливки булавок с ромбической головкой; 1 — Комаров; 2 — Буковна; 3 — Иванье; 4 — Малополовецкое; 5 — Гуляй-Город; 6 — Днепрово-Каменка; 7 — Трикраты; 8 — Высшетарасовка.

Fig. 1. Distribution of pins with a plate head on the territory of Ukraine: I — pins with a rhombic head; II — pins with a triangular head; III — moulds for pins with a rhombic head; 1 — Komarov; 2 — Bukovna; 3 — Ivanie; 4 — Malopolovetskoye; 5 — Gulyai-Gorod; 6 — Dneprovo-Kamenka; 7 — Trikraty; 8 — Vysshetarasovka.

зовых трубочки-пронизи (Бобринский 1887: 102, табл. IX: 7, 8; VIII: 14, 16; IX: 15).

Булавка №1 (НМИУ, а15139) (рис. 2: 1). Верхняя часть щитка свёрнута внутрь в петельку в 1,25 оборота. Стержень круглый в сечении; верхняя часть стержня непосредственно под щитком завита вокруг своей оси в один оборот по часовой стрелке; нижняя часть стержня согнута вперёд в плоскости, перпендикулярной щитку. Длина булавки 22,4 см; размеры щитка 11×6,9 см; диаметр петельки 0,7 см; диаметр стержня 3,4 мм. Длина изогнутой нижней части стержня 2,8 см; угол сгиба 145°. С изнанки щитка выдавлен ромб размерами 4×5,2 см с жемчужиной по центру, выдавленной также изнутри. Ещё четыре подобные жемчужины расположены по углам щитка. Диаметры жемчужин 0,8—0,9 см. По периметру пластины с двух сторон, от иглы к петельке, проходит ряд пуансона в виде жемчужинок, выбитых изнутри. Вокруг всех жемчужин и ромба в центре с внешней стороны выбиты точки, образующие выпуклый пуансонный орнамент с внутренней стороны. В такой же технике в верхней и нижней частях щитка нанесены короткие линии, образующие угол.

Булавка №2 (НМИУ, а267/24) (рис. 2: 2). Верхняя часть щитка отломана. Стержень круглый в сечении, плавно сужается книзу. Длина сохранившейся части 15,9 см; размеры щитка 9,8×6,4 см; диаметр стержня от 3,3 мм (в верхней части) до 2,7 мм (в изломе); толщина пластины около 1 мм. В центре и по углам пластины изнутри выдавлены жемчужины. Диаметр центральной жемчужины 1 см, угловых 0,75—0,8 см. По периметру пластины проходит 2 ряда пуансона, выбитого с внутренней стороны. Вокруг центральной жемчужины, с внешней стороны, радиально нанесены насечки (21 шт.); вокруг угловых жемчужин с внешней стороны нанесён пуансонный орнамент: нижняя — 16 точек, верхняя — 13, правая — 11, левая — 14. Щиток булавки надтреснут вследствие функционального износа (?); трещина проходит от правого верхне-

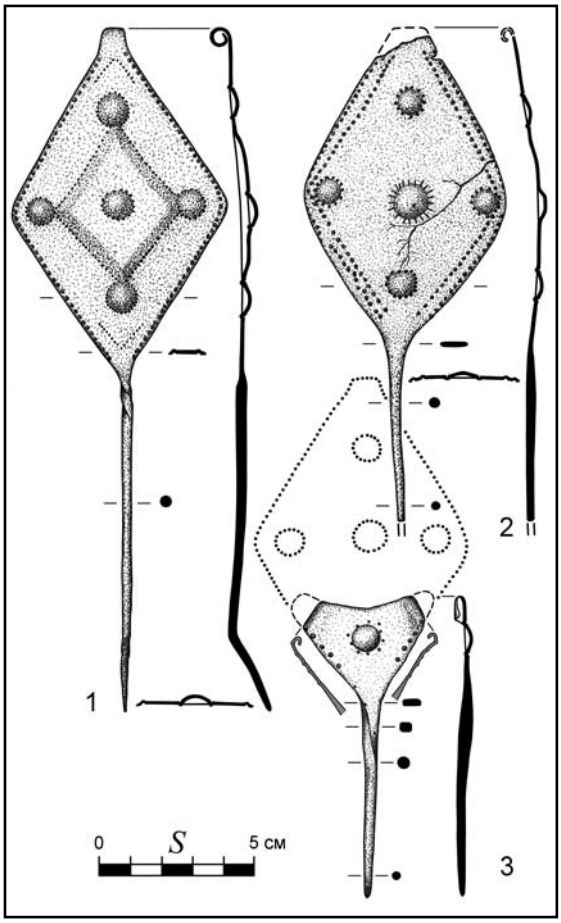

Рис. 2. Булавки с подромбической головкой: 1, 2 — Гуляй-Город, курган 41; 3 — Малополовецкое-3, погребение 72 (1, 2 — по Лысенко и др. 2005: рис.1; 2: 1; 3 — по Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2001: рис. 6: 3).

Fig. 2. Pins with a rhombic head: 1, 2 — Gulyai-Gorod, barrow 41; 3 — Malopolovetskoye-3, burial 72 (1, 2 — after Лысенко и др. 2005: рис.1; 2: 1; 3 — after Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2001: рис. 6: 3).

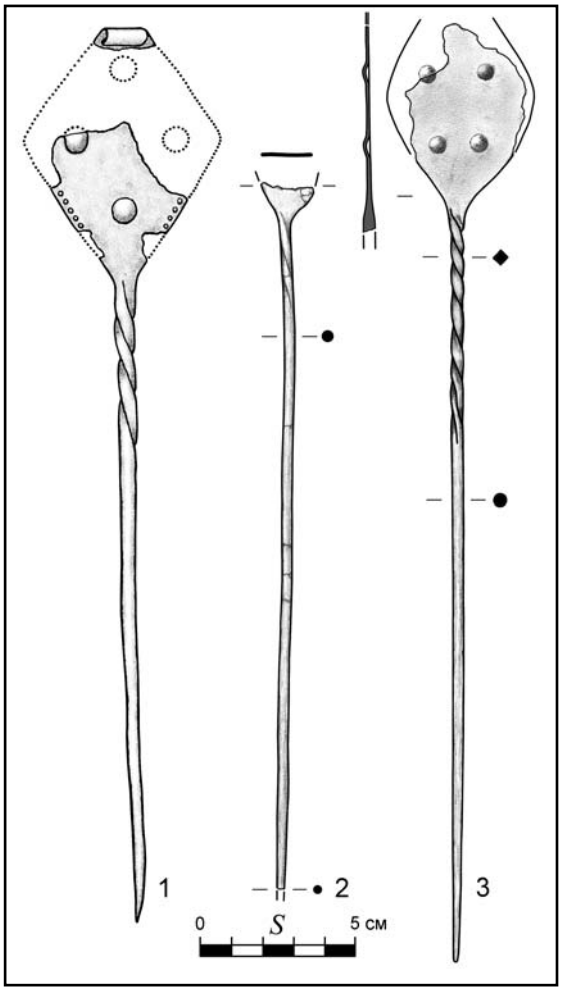

Рис. 3. Булавки с подромбической головкой: 1 — Комаров, курган 6; 2 — Буковна, курган 3 (2012); 3 — Буковна, курган 1 (2010) (1 — по Kozlowski 1939: tabl. XIII: 18; 2, 3 — по Лысенко и др. 2015: рис. 9: 3, 6).

Fig. 3. Pins with a rhombic head: 1 — Komarov, barrow 6; 2 — Bukovna, barrow 3 (2012); 3 — Bukovna, barrow 1 (2010) (1 — after Kozlowski 1939: tabl. XIII: 18; 2, 3 — after Лысенко и др. 2015: рис. 9: 3, 6).

го края выше правой жемчужины, ниже центральной, в направлении нижней (Лысенко и др. 2005: 152—153, рис. 1; 2: 1).

Эти булавки поступили в Императорский музей города Киева (совр. НМИУ) в 1910 г. от графа А. А. Бобринского, который опубликовал их с небольшими искажениями (у первой булавки изгиб иглы нарисован вбок; показано большее количество витков на игле; вторая булавка опубликована в зеркальном изображении, в публикации отсутствуют насечки и пуансон вокруг жемчужин) (Бобринский 1887: 102, табл. IX: 7, 8). Эти же искажения повторены и в последующих публикациях (Березанская 1972: 60, рис. 18: 1, 3).

Ещё одна булавка с ромбической головкой найдена в курганном могильнике ***Комаров*** (Ивано-Франковская область, Галицкий район) (рис. 1: 1). Исследование могильника началось ещё в 1886 г. Т. Земским. Продолжили раскопки в 1934—1936 гг. Т. Сулимирский и Й. Грабовский (Sulimirski 1936: 1—2). **Курган 6** содержал одно погребение. На дне погребальной ямы головой на восток лежал костяк, от которого были различимы только лёгкие следы, главным образом черепа. В юго-восточном углу, около головы, стояли кубок и чаша. Там, где могла бы быть грудная клетка погребённого, лежала бронзовая *булавка* с пластинчатой фрагментированной головкой (Sulimirski 1968: 107, Fig. 26: 7; Kozlowski 1939: 45, tabl. XIII: 18) (рис. 3: 1 — по Т. Сулимирскому). Вдоль восточной стороны могилы, за её пределами, стояли три сосу-

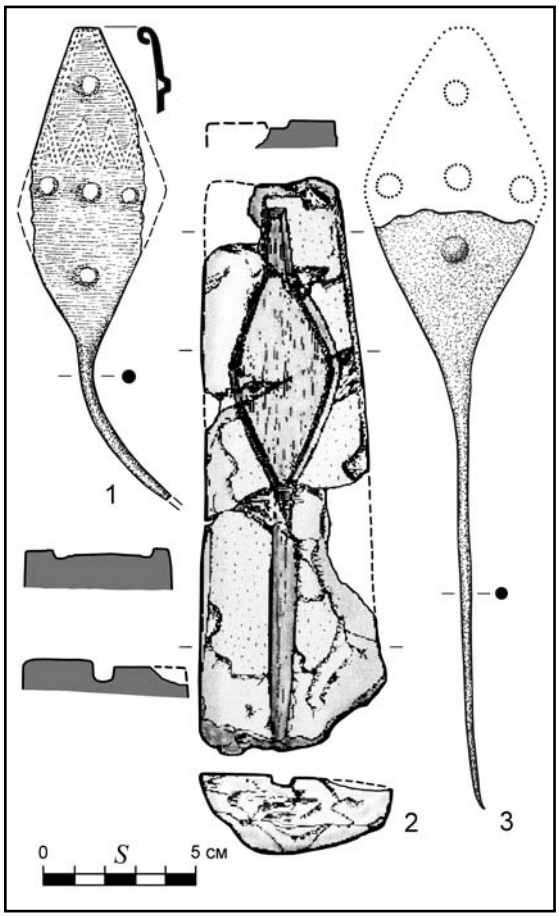

Рис. 4. Булавки с подромбической головкой: 1 — Высшетарасовка; 2 — Днепрово-Каменка; 3 — Трикраты (1, 3 — по Шарафутдинова 1987: рис. 2: 1, 17; 2 — по Гершкович 2009: рис. 7: 1).

Fig. 4. Pins with a rhombic head: 1 — Vysshetarasovka; 2 — Dneprovo-Kamenka; 3 — Trikraty (1, 3 — after Шарафутдинова 1987: рис. 2: 1, 17; 2 — after Гершкович 2009: рис. 7: 1).

да. Вдоль западной стороны могилы положены почти полностью разрушенные деревянные брёвна, покрывающие площадь в 2 м длиной, 50 см шириной — возможно, платформа другого погребения (мужского?). В южном конце брёвен обнаружен небольшой бронзовый кинжал в деревянных ножнах, и в 2 м восточнее лежало небольшое золотое кольцо-подвеска из сдвоенной проволоки (Sulimirski 1968: 107, Fig. 26: 8; Kozlowski 1939: 43, tabl. XIII: 20). И. К. Свешников отнёс курган 6 Комаровского могильника к первой фазе комаровской культуры (Swiesznikow 1967: 73).

В 1950-х гг. А. В. Бодянским на поселении Верхняя Тарасовка на Нижнем Днепре (***Высшетарасовка*** или Верхнетарасовка, Днепропетровская область, Никопольский район) (рис. 1: 8), характеризующимся смешанным сабатиновско-белозёрским материалом, собран ряд металлических предметов, среди которых была и булавка с ромбическим щитком-головкой (рис. 4: 1). Боковые углы её повреждены и в настоящее время щиток скорее овальной формы. Верхний конец его свернут в трубочку. На щитке вытеснено пять жемчужин. На верхней половине щитка в пуансонной технике выбит орнамент в виде четырёх направленных вверх углов, образованных тремя рядами точек. Два подобных ряда точек окаймляют и край верхней половины щитка. Размер щитка 10×4 см (первоначально, вероятно, около 5 см) (Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2; Вангородская 1987: 39, 44, рис. 1).

Во время разведок Николаевской экспедиции (начальник — О. Г. Шапошникова) у с. ***Трикраты*** (Николаевская область, Вознесенский район) (рис. 1: 7) была найдена *булавка* с обломанной пластинчатой головкой, от которой уцелела нижняя часть, вероятно, ромбического щитка, украшенного жемчужиной (рис. 4: 3) (Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2).

С 1992 г. Фастовской археологической экспедицией (начальник — С. Д. Лысенко) исследовался полностью распаханный курганный могильник ***Малополовецкое-3*** (Киевская область, Фастовский район) (рис. 1: 4). **Погребение 72** (2000 г.) этого могильника содержало останки трёх человек, сложенные тремя скоплениями на глубине 0,76—0,84 м. *Скелет 1* принадлежал мужчине 30—35 лет, кости которого составляли скопление 1 (возможно, этот скелет не имеет отношения к остальным погребённым). *Скелет 2* принадлежал ребёнку возрастом infantilis-II. Череп лежал на левом виске темечком на северо-восток, на юг от скопления 1. Нижняя челюсть находилась в скоплении 1. На юго-запад от черепа, у его основания, лежала гривна со спиральными щитками, на которой лежала *булавка* головкой на юго-запад. Конец иглы булавки уходил под череп. Внутри гривны находились плечевые кости, фрагмент таза, ключица, шейный позвонок, ребра. Далее на юго-запад лежали кости ног. *Скелет 3* принадлежал подростку возрастом infantilis-II. В пахотном слое над погребением найден фрагмент бронзовой пластины. Для погребения 72 имеется радиоуглеродная дата: Ki 9549, 3180±70 BP, 1δ 1521—1393, 1331—1325 (65,9%), 2δ 1617—1295, 1275—1265 cal BC. Погребение отнесено к горизонту МП-III киево-черкасской группы ТКК (1550/1500—1400/1350 BC) (Górski, Lysenko, Makarowicz 2003: tabl. 6: 38).

Булавка (рис. 2: 3), видимо, изначально имела ромбическую головку, аналогичную булавкам из Гуляй-Города и Комарова. После поломки (?) головка была переделана. Отломилась большая часть ромбического щитка вместе с верхней и боковыми жемчужинами. Остался только нижний угол ромба с жемчужиной и части пластины, идущие к боковым углам ромба в виде «рожек». Концы «рожек» завиты в трубочки в направлении тыльной стороны щитка. Единственная уцелевшая «жемчужина» оказалась в центре обновлённой головки. Вокруг «жемчужины» с внешней стороны нанесён пуансонный орнамент в виде десяти точек. Вдоль нижних граней щитка слева и справа изнутри пуансоном нанесено по пять точечных «жемчужинок». Игла, круглая в сечении, сужается к концу. Верхняя часть иглы прокована, квадратная в сечении, завита вдоль оси по часовой стрелке (один виток). Длина изделия 9,8 см, длина иглы 6,4 см, диаметр иглы 0,4 см, размеры щитка 4×3,4 см, толщина щитка 1 мм (Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2001: рис. 6: 3). За подобной модификацией булавок было предложено закрепить название «яхнянский вариант булавок комаровского типа» (Лысенко С. С., Лысенко С. Д. 2001; 2002).

Две булавки с пластинчатыми головками были обнаружены в курганах у с. ***Буковна*** (Ивано-Франковская область, Тлумачский район) (рис. 1: 2). Раскопки могильника были начаты в 1931 г. Я. Бриком и продолжены в 1936 г. М. Смишко и И. Сивкувной. В 2010—2013 гг. исследования могильника были возобновлены Фастовской археологической экспедицией (начальник — С. Д. Лысенко).

В **кургане 1** (2010), содержавшем кенотаф (объект 3), были найдены пластинчатая пронизь и бронзовая *булавка* с пластинчатой головкой очень плохой сохранности (рис. 3: 3). Булавка лежала горизонтально на расстоянии 0,5 м на восток от края ямы объекта 3, головкой на северо-восток, остриём в направлении ямы. Сохранившаяся длина булавки 30 см. Размеры сохранившейся части щитка 6×4 см. Щиток украшен четырьмя жемчужинами, расположенными квадратом. Одна из верхних жемчужин имеет отверстие диаметром около 1 мм, образовавшееся вследствие функционального износа. Края щитка и его верхняя часть выкрошились при расчистке. Первоначально щиток, вероятно, был вытянуто-подромбическим со скруглёнными углами. Сверху он, видимо, заворачивался в горизонтальную трубочку (?). Верхние 7 см стержня завиты вдоль оси по часовой стрелке. Изделие сильно патинировано; металл представлен сплошными окислами. Чтобы извлечь изделие из раскопа, реставратору пришлось применить гипсовую заливку с последующим извлечением земли с противоположной стороны гипсовой формы. В связи с этим прорисовка изделия произведена с внутренней стороны, и щиток представляет своего рода зеркальное изображение (Лысенко и др. 2015: рис. 9: 6)

Курган № 3 (2012) также содержал кенотаф (объект 1). Рядом с ямой объекта была найдена золотая калачиковидная желобчатая подвеска сибенирского типа и бронзовая *булавка* (рис. 3: 2). Булавка лежала горизонтально, в 0,6 м на юг от ямы объекта 1, головкой на юго-запад, остриём в направлении ямы. Большая часть пластинчатой головки отломана (в древности?); остриё также снесено ходом корня или землероями. Длина сохранившейся части 23 см, длина стержня 22 см. Ширина пластины в изломе 1,8 см, диаметр стержня до 0,4 см (Лысенко и др. 2015: рис. 9: 3). Вокруг стержня булавки сохранился бурый органический тлен, вероятно, от деревянного футляра (?). Ширина «футляра» — до 2,7 см.

Литейная форма для отливки булавок с ромбовидной головкой была обнаружена в 2003 г. возле с. ***Днепрово-Каменка*** (Днепропетровская область, Верхнеднепровский район) (рис. 1: 6) (Теліженко, Богун 2005). В Днепродзержинском водохранилище, на глубине 0,5 м, в 10 м от края подмытого берега найдено 11 литейных форм, лежавших в радиусе 2 м друг от друга. Изготовлены из местного талькового сланца. Одна из них — одностворчатая односторонняя форма для отливки булавок со щитком (рис. 4: 2) (Гершкович 2009: 578, 583, рис. 7: 1; 8: 4). Брусок подпрямоугольный, длиной 18 см, шириной от 3,5 до 5,7 см, в сечении сегментовидный, толщиной 2,6 см. Поверхность негатива гладкая, на стержне следы слабого нагара. Я. П. Гершкович датирует комплекс литейных форм из Днепрово-Каменки в широких пределах BD-HaA1 (XIII—XI вв. до н. э.) (Гершкович 2009: 587).

Таким образом, рассматриваемый нами тип булавок — это изделия с головкой, расклёпанной в тонкую пластину ромбической формы. В верхнем углу ромб переходит в выступ, свёрнутый в трубочку. Иногда такие изделия называют булавками комаровского типа (Лисенко 2002: 104). Основная часть ромба орнаментирована «жемчужинами» и/или пуансоном. Стержень обычно небольшой, иногда перевит в верхней части. На литейной

форме чётко виден выступ над верхним углом ромбической головки, который у всех булавок с сохранившейся верхней частью головки был расклёпан и заворачивался в горизонтальную трубочку (Высшетарасовка; Гуляй-Город — 1 экз.; Комаров). По-видимому, остальные такие булавки тоже имели эту деталь. Более того, булавка из Малополовецкого, очевидно, обломанная в процессе эксплуатации, была «модернизирована» путём закручивания обломанных уголков щитка в такие же трубочки. Для получившейся в результате починки уникальной формы булавки предложено название «яхнянский вариант» (Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2001: 152), по названию села, на землях которого расположен могильник Малополовецкое-3. Однако вряд ли можно ожидать, что этот вариант будет встречен где-нибудь ещё. Представляется, что эта форма была экспромтом, связанным только с необходимостью как-то подправить поломанную вещь.

Также обязательным украшением булавок с пластинчатой подромбической головкой были «жемчужины», расположенные чаще всего ромбом вокруг центральной жемчужины. В одном случае зафиксировано расположение жемчужин не ромбом, а квадратом — без центральной жемчужины (Буковна, курган 1).

На большей части экземпляров присутствует пуансонный орнамент, хотя рисунок орнамента варьируется. Чаще всего это одна или две линии точек по периметру ромба и вдавленные точечки вокруг жемчужин (у одной из гуляй-городских булавок — это чёрточки, расходящиеся от жемчужины). На высшетарасовской булавке орнамент присутствует только на верхней части головки и состоит из двух рядов точек по периметру и четырёх треугольников. Только обе булавки из Буковны и булавка из Трикрат не имеют пуансонного орнамента.

У пяти из восьми изделий (Комаров, Гуляй-Город — 1 экз., Малополовецкое, Буковна — курган 1 и курган 3) стержень в верхней части перевит. Причём у булавок из Среднего Поднепровья количество витков меньшее, чем у булавок с Западной Украины. Лишь одна булавка из Гуляй-Города имеет украшение на щитке в виде выпуклого ромба. Следует отметить близкий характер излома булавок из Трикрат, Комарова и Малополовецкого. Возможно, такой характер поломки связан с практическим использованием булавок. Технологическое исследование малополовецкой булавки показало, что заготовка для неё отлита в односторонней литейной форме, после этого ковкой была сформирована головка ромбической формы. Пуансонный орнамент нанесён методом штамповки, а перекручивание стержня произведено с помощью ковки (Гошко 2001; 2002; 2004; 2011).

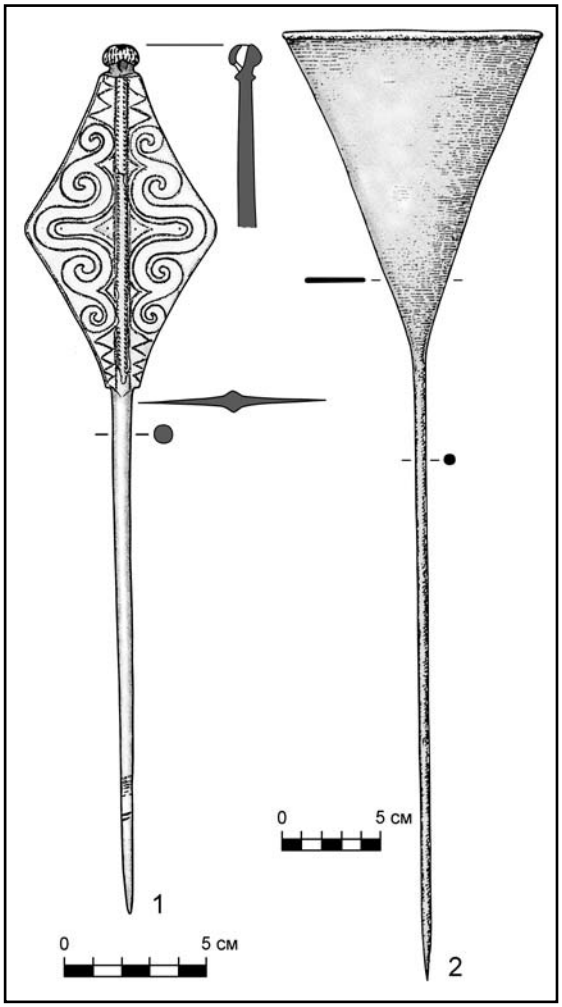

Рис. 5. Булавки: 1 — Бородино; 2 — Иванье, курган 3 (1938) (1 — по Кривцова-Гракова 1949: табл. VI: 1; 2 — по Свешников 1968: рис. 1: 11).

Fig. 5. Pins: 1 — Borodino; 2 — Ivanie, barrow 3 (1938) (1 — after Кривцова-Гракова 1949: табл. VI: 1; 2 — after Свешников 1968: рис. 1: 11).

Булавки с пластинчатыми ромбовидными или подромбическими головками известны также в культурах Ноуа и Кослоджень (Сафронов 1968: приложение 1, рис. 5: 1, 3, 8; Petrescu-Dîmboviţa 1977: pl. 20: 8; 74: 51, 52; 75: 1; Шарафутдинова 1987: рис. 2: 4—7; Дергачёв 2011: рис. 147). На территории Молдавии и Румынии подобные булавки найдены на памятниках Балашешть (Дергачёв 2011: рис. 147: 17), Ульму (Morintz 1978: fig. 74; Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2: 7), в составе кладов Меджидия, Бэлень (Petrescu-Dîmboviţa

1977: pl. 20: 8; 74: 51, 52; 75: 1; Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2: 4—6). Литейные формы для отливки заготовок подобных булавок, кроме Днепрово-Каменки, происходят с памятников Побит-Камык, Есеницы, Фрэцешть (Дергачёв 2011: рис. 147: 23—25). Три отливки найдены в Рэдень (Дергачёв 2011: рис. 147: 18—20).

Булавки культурного круга Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень зачастую дополнительно орнаментированы гравировкой (клады Меджидия, Бэлень); булавка из поселения Ульму культуры Кослоджень имела девять жемчужин. С другой стороны, ряд булавок этого культурного круга вообще не имеет орнаментации.

Часто булавки с пластинчатой подромбической головкой комаровского типа сопоставляют с серебряной булавкой из Бородинского клада (Сафронов 1968: прил. 1; Гершкович 2009: 587). Однако бородинская булавка отличается формой, материалом, техникой изготовления и системой орнаментации, что не позволяет рассматривать её в качестве прямого аналога булавкам данного типа (Шарафутдинова 1987: 73). Щиток бородинской булавки отлит так, что расположен не над стержнем, а по обе стороны от него; стержень бородинской булавки выше «щитка» заканчивается приплюснуто-сферической головкой с косым отверстием (рис. 5: 1).

Булавка с пластинчатой треугольной головкой на территории Украины представлена единственным экземпляром, обнаруженным у с. ***Иванье*** (Ровенская область, Дубновский район) (рис. 1: 3). В 1938 г. во время постройки дороги в кургане было открыто погребение с трупоположением. С левой стороны грудной клетки лежала бронзовая булавка длиной 47 см с головкой, расклёпанной в треугольную пластину, верхний край которой завёрнут в поперечную трубку (рис. 5: 2). Булавка была передана в Дубенский музей, но утеряна в годы Великой Отечественной войны (Свешников 1968: 159, рис. 1: 11).

И. К. Свешников отнёс булавку к комаровской культуре (Свешников 1968: 159, рис. 1: 11; 1990: 89) и нашёл ей аналоги в культуре Ноуа на территории Румынии (Петреску-Дымбовица 1960). При этом он отмечал, что булавки культуры Ноуа значительно меньших размеров. М. Петреску-Дымбовица относит клад с такой булавкой из Молдова Веке II (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 100, pl. 166: 8) к периоду HaA_1 (1200—1100 ВС). Однако гипертрофированные размеры булавки, а также комплекс находок из соседних курганов Иваньевского могильника, позволяют предполагать более раннюю датировку булавки 1938 г. и синхронизировать её с горизонтом МП-III Малополовецкого могильника.

Ареал булавок с пластинчатой ромбовидной головкой на Украине не выходит за пределы лесостепной и степной зон Днепровского Правобережья. Представляется вероятным, что первоначально подобные булавки появляются в ареале комаровской группы комаровской культуры тшинецкого культурного круга (конец XVII—XVI вв. до н. э.), находящейся в тесной взаимосвязи с культурами Карпатского бассейна. Позднее, в XV в. до н. э. они распространяются на восток до Днепра (волынская и киево-черкасская группы комаровской культуры). Все булавки из ареала комаровской культуры, найденные на сегодняшний день, связаны с погребальными комплексами. Впоследствии такие украшения распространяются на юг и юго-запад, в ареал культурного круга Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, где они найдены как на поселениях, так и в составе кладов третьей — начала четвёртой четверти II тыс. до н. э. (Лысенко С. С., Лысенко С. Д. 2001: 23—24; Лысенко 2017: 300).

В Центральной Европе булавки с пластинчатой головкой и свернутым в трубочку верхом имеют дисковидную форму головки (Сафронов 1968: 19, приложение 1, рис. 5: 6, 7; Laux 1976). Данный тип булавок может рассматриваться как параллельная линия развития булавок с пластинчатой головкой. Истоки формирования различных типов булавок с пластинчатой головкой в Центральной и Восточной Европе можно предполагать в ареале унетицкого культурного круга рубежа средней-поздней бронзы (ранняя бронза по центрально-европейской шкале) (Лысенко С. С., Лысенко С. Д. 2001: 23—24).

Литература

Березанская С. С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев: Наукова думка.

Бобринский А. А. 1887. *Курганы и случайные археологические находки близ Смелы* I. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева.

Вангородская О. Г. 1987. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений. В: Артёменко И. И. (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 38—48.

Гершкович Я. П. 2009. Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. *Stratum plus* (2), 578—590.

Гошко Т.Ю. 2001. Про металообробку на Київщині за доби пізньої бронзи. В: Лисенко С.Д. (ред.). *Етнокультурні процеси у Середньому Подніпров'ї за матеріалами археологічних досліджень*. Матеріали наук. конф., присвяч. 10-річчю відкриття комплексу археол. пам'яток між селами Малополовецьке та Яхни Фастів. р-ну Київ. обл. (груд. 2001 р., м. Фастів). Київ: Товариство «Знання» України, 13—14.

Гошко Т.Ю. 2002. Технологічне дослідження бронзових виробів із Малополовецького-3. В: Крижицький С.Д. (відп. ред.). *Сучасні проблеми археології*. Київ: ІА НАНУ, 64—65.

Гошко Т.Ю. 2004. Металообробка на Київщині за доби пізньої бронзи. *Археологія* (2), 103—110.

Гошко Т.Ю. 2011. *Металообробка у населення Правобережної Лісостепової України за доби пізньої бронзи*. Київ: ІА НАНУ.

Дергачев В.А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья* 2. *Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинёв: Центральная типография.

Кривцова-Гракова О.А. 1949. *Бессарабский клад*. Москва: ГИМ.

Лысенко С.Д. 2002. К вопросу о локализации коммуникаций эпохи поздней бронзы в Правобережной лесостепи. В: Литвиненко В.Ф. та ін. (ред. кол.). *Історична наука: проблеми розвитку*. Матеріали міжнарод. наук. конф. Секція «Археологія» (17—18 травня 2002, Луганськ). Луганськ: СНУ, 104—111.

Лысенко С.Д. 2017. Юго-восточные и южные контакты культур тшинецкого культурного круга. В: Пригарин А.А. (ред.). *Человек в истории и культуре* 3. Мемориальный сб. науч. работ в память лауреата государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. Одесса: Ирбис, 290—301.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2001. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2000 г. *АВУ 1999—2000 рр.*, 147—159.

Лысенко и др. 2005: Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Диденко С.В., Якубенко Е.А. 2005. Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века из фондов Национального музея истории Украины. В: Лисенко С.Д. (ред.). *Проблеми археології Середнього Подніпров'я*. До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ; Фастів: ФДКМ, 152—200.

Лысенко и др. 2015: Лысенко С.Д., Шкляревский Е.И., Разумов С.Н., Лысенко С.С. 2015. Курганный могильник комаровской культуры у с. Буковна (результаты исследований 2010—2013 гг.). *МАИАСК* VII, 11—49.

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. 2001. Новая находка булавки комаровского типа. В: Мещеряков В.Ф. (отв. ред.). *Проблемы истории и археологии Украины*. Мат-лы междунар. науч. конф. (Харьков, 16—18 мая 2001 г.). Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 23—24.

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. 2002. Бронзовые украшения комаровского типа с могильника Малополовецкое-3 на Киевщине. В: Захарова Н. (ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников 11-го коллоквиума, 8—13 апреля 2002 г. Санкт-Петербург: ГЭ, 41—43.

Петреску-Дымбовица М. 1960. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове. *Dacia* IV, 139—159.

Сафронов В.А. 1968. Датировка Бородинского клада. *Проблемы археологии* (1), 75—128.

Свешников И.К. 1968. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области. *СА* (2), 159—168.

Теліженко С.А., Богун О.В. 2005. Нові знахідки ливарних форм пізньої бронзи у Середньому Подніпров'ї (попередня публікація). *МДАСУ* 4, 243—257.

Шарафутдинова И.Н. 1987. Бронзовые украшения сабатиновской культуры (к вопросу о контактах). В: Артёменко И.И. (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 69—86.

Górski J., Lysenko S., Makarowicz P. 2003. Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins. *BPS* 12, 253—306.

Kozłowski L. 1939. *Zaris pradziejów Polski, Południowo-Wschodniej*. Lwów: Związek Polskich Towarzystw Naukowych we Lwowie.

Laux F. 1976. *Die Nadeln in Niedersachsen*. Prähistorische Bronzefunde XIII (4). München: Verlag C.H. Beck.

Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Sulimirski T. 1936. Cmentarzysko kurhanowe w Komarowie kolo Halicza i kultura komarowska. *Sprawozdanie z czynnosci i pociedzen PAU* XLI (9), 273—277.

Sulimirski T. 1968. *Corded ware and Globular Amphorae North-East of the Carpathians*. London: Athlone Press.

Swiesznikow I.K. 1967. Kultura komarowska. *Archeologia Polski* XII (1), 39—107.

References

Berezanskaya, S.S. 1972. *Srednii period bronzovogo veka v Severnoi Ukraine (Middle Period of the Bronze Age in Northern Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A.A. 1887. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely (Barrows and Stray Archaeological Finds near Smela Town)* I. Saint Petersburg: Typography of V.S. Balashev (in Russian).

Vangorodskaya, O.G. 1987. In Artemenko, I.I. (ed.). *Mezhplemennye sviazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age Intertribal Connections on the Territory of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 38—48 (in Russian).

Gershkovich, Ya.P. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 578—590 (in Russian).

Hoshko, T. Yu. 2001. In Lysenko, S.D. (ed.). *Etnokul'turni protsesy u Seredn'omu Podniprov'i za materialamy arkheolohichnykh doslidzhen' (Ethnic and Cultural Processes in the Middle Dnieper Basin by Materials of Archaeological Research)*. Kiev: "Znannya" Society of Ukraine, 13—14 (in Ukrainian).

Hoshko, T. Yu. 2002. In Kryzhyts'kyj, S.D. (ed.). *Suchasni problemy arkheolohiï (Actual Problems in Archaeology)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 64—65 (in Ukrainian).

Hoshko, T. Yu. 2004. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 103—110 (in Ukrainian).

Hoshko, T. Yu. 2011. *Metaloobrobka u naselennia Pravoberezh-*

noi Lisostepovoi Ukrainy za doby piznyoï bronzy (Metal Processing Activities of the Right Bank Forest-Steppe Ukraine's Population in the Late Bronze Age). Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Dergachev, V.A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia (Socketed Axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian Region) 2. Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ia (Socketed Axes and Sickles of Lower Danube Region)*. Kishinev: Tipografia Centrală (in Russian).

Krivtsova-Grakova, O.A. 1949. *Bessarabskii klad (The Bessarabia (Borodino) Hoard)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Lysenko, S.D. 2002. In Lytvynenko, V.F., et al. (ed. board). *Istorychna nauka: problemy rozvytku (Historical Science: Problems of Development)*. Lugansk: East Ukrainian National University named after Vladimir Dahl, 104—111 (in Russian).

Lysenko, S.D. 2017. In Prigarin, A.A. (ed.). *Chelovek v istorii i kul'ture (The Man in History and Culture)* 3. Odessa: "Irbis" Publ., 290—301 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2001. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 1999—2000 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1999—2000)*, 147—159 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Didenko, S.V., Iakubenko, E.A. 2005. In Lisenko, S.D. (ed.). *Problemy arkheolohii Serednioho Podniprovia (Issues of the Archeology of the Middle Transdnepria)*. Kiev; Fastiv: Fastiv State Museum of Local Studies, 152—200 (in Russian).

Lysenko, S.D., Shkliarevskii, E.I., Razumov, S.N., Lysenko, S.S. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea)* VII, 11—49 (in Russian).

Lysenko, S.S., Lysenko, S.D. 2001. In Meshcheryakov, V.F. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkov: Kharkiv Historical and Archaeological Society, 23—24 (in Russian).

Lysenko, S.S., Lysenko, S.D. 2002. In Zakharova, N. (ed.). *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)* 11. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 41—43 (in Russian).

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1960. In *Dacia* IV, 139—159 (in Russian).

Safronov, V.A. 1968. In *Problemy arkheologii (Issues of Archaeology)* (1), 75—128 (in Russian).

Sveshnikov, I.K. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 159—168 (in Russian).

Telizhenko, S.A., Bohun, O.V. 2005. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Proceedings and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 4, 243—257 (in Ukrainian).

Sharafutdinova, I.N. 1987. In Artemenko, I.I. (ed.). *Mezhplemennye sviazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age Intertribal Connections on the Territory of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 69—86 (in Russian).

Górski, J., Lysenko, S., Makarowicz, P. 2003. Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins. *BPS* 12, 253—306.

Kozłowski, L. 1939. *Zaris pradziejów Polski, Południowo-Wschodniej*. Lwów: Związek Polskich Towarzystw Naukowych we Lwowie.

Laux, F. 1976. *Die Nadeln in Niedersachsen*. Prähistorische Bronzefunde XIII (4). München: Verlag C.H. Beck.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Sulimirski, T. 1936. Cmentarzysko kurhanowe w Komarowie kolo Halicza i kultura komarowska. *Sprawozdanie z czynnosci i pociedzen PAU* XLI (9), 273—277.

Sulimirski, T. 1968. *Corded ware and Globular Amphorae North-East of the Carpathians*. London: Athlone Press.

Swiesznikow, I.K. 1967. Kultura komarowska. *Archeologia Polski* XII (1), 39—107.

Статья поступила в сборник 19 июля 2017 г.

Svetlana Lysenko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Лысенко Светлана Станиславовна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: suraganga@yandex.ru

Address: [1] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

Ранний железный век

Early Iron Age

С. Б. Вальчак

Новочеркасский клад 1939 г. — эпонимный памятник предскифского периода

Keywords: south of Eastern Europe, pre-Scythian period, Novocherkassk hoard, horse harness, weaponry

Ключевые слова: юг Восточной Европы, предскифский период, Новочеркасский клад, конская упряжь, вооружение

S. B. Valchak

Novocherkassk Hoard of 1939 — an Eponymous Site of the Pre-Scythian Period

The article publishes a set of bronze items from the Novocherkassk hoard found in 1939 in the basin of the Lower Don. This hoard is one of the main archaeological complexes, which served as the basis for chronology of the pre-Scythian period. The finds are examined against a broad background of analogies related to the characteristic articles of the North Caucasus production centers in the second half of the 8th — the first half of the 7th cc. BC.

С. Б. Вальчак

Новочеркасский клад 1939 г. — эпонимный памятник предскифского периода

В статье публикуется набор бронзовых предметов из Новочеркасского клада, найденного в 1939 году в бассейне Нижнего Дона. Клад является одним из основных археологических комплексов, которые послужили основой для создания хронологии предскифского периода. Находки рассматриваются на широком фоне аналогий, относящихся к характерным изделиям производственных центров Северного Кавказа второй половины VIII — первой половины VII вв. до н. э.

Находка нескольких бронзовых предметов в г. Новочеркасске Ростовской области, получившая в археологической литературе наименование «Новочеркасский клад 1939 г.», является отправным пунктом в выделении и осмыслении памятников предскифского времени на территории юга Восточной Европы. Этот комплекс можно считать одним из ключевых памятников, ставших эпонимными (наряду с погребениями из курганов Малая Цимбалка, Камышеваха и Черногоровка), вокруг которых и формировалась концепция предскифского периода. Основы этой концепции были сформулированы А. А. Иессеном, впервые опубликовавшим и находки из клада (Иессен 1953: 50, рис. 1). Большинство находок из упомянутых эпонимных предскифских памятников были вновь исследованы в фондах музеев России и Украины, выявлено их ранее неизвестное своеобразие, что нашло отражение в нескольких публикациях (Вальчак 1992; 1994; 2006; 2007; 2009; Бабенко, Вальчак 2014). Подробная же публикация предметов из Новочеркасского клада отсутствовала.

Находки из Новочеркасского клада 1939 г. стали известны исследователям по кратким описаниям, менее чем удовлетворительной фотографии вещей и прорисовке литейной формы в двух первых публикациях (Иессен 1953: рис. 1: 29; 1954: рис. 9). Крайне схематичными оказались и все дальнейшие описания, как и иллюстрации находок из клада (Шрамко 1962: 138—139, рис. 57: 1; Тереножкин 1976: 53, № 55, рис. 26: 1—6; Каталог 1979: табл. 17: 5, 6, 9—12). Как результат этого — многие детали предметов из клада, ставшие впоследствии важными для классификации и хронологии, остались «за кадром». В данной работе хотелось бы предложить вниманию исследователей выполненные автором в 1991 г. описания и рисунки находок из клада, рассмотреть подробнее каждый артефакт, упомянуть наиболее близкие из известных на сегодняшний день аналогий. Упрощённые варианты некоторых из этих рисунков уже нашли отражение в публикациях (Вальчак, Скаков 2002: рис. 2: 1; Козенкова 2004а: рис. 1: 1—5; Вальчак 2009: рис. 32: 1—5).

А. А. Иессен сообщал, что «клад этот найден при земляных работах на огороде под городом рабочим П. А. Лодкиным и тогда же передан в местный музей» (Иессен 1953: 50). В каталоге коллекций Новочеркасского музея имеются некоторые разночтения и уточ-

© С. Б. Вальчак, 2018.

нения связанных с находкой обстоятельств: «клад литейщика, обнаруженный в 1939 г. П. А. Лодейкиным[1] при обработке огорода на берегу р. Тузлов в г. Новочеркасске. Клад передан в музей в 1940 г.» (Каталог 1979: 51, №II-161/1—8). Сведений о локализации в месте находки какого-либо археологического памятника — могильника или поселения (последнее было бы логичным при имеющихся обстоятельствах), нет. Впрочем, насколько мне известно из археологической литературы, такой вопрос никогда и никем из исследователей не рассматривался.

По сведениям А. А. Иессена, «В составе клада имелись топор кобанского типа, две пары удил, два отдельных звена от двух других пар удил, пара псалиев и обломок стержня. Кроме этих изделий из бронзы, вместе с ними была найдена ещё половина бронзовой же литейной формы для отливки бронзовых втульчатых наконечников стрел или, возможно, их восковых моделей» (Иессен 1953: 50). На момент изучения мною коллекций Новочеркасского музея, в витрине экспозиции с находками из клада находился лишь один псалий, соответствующий изображённому у А. А. Иессена (Иессен 1953: рис. 1: 5)[2]. Аналогичную ситуацию отражает и каталог 1979 г. (Каталог 1979: 51, №II-161/7, табл. 17: 10). В коллекции музея есть ещё один псалий такого же типа и неизвестного происхождения (Каталог 1979: 50, №II-143, табл. 16: 17), но он не соответствует второму псалию из клада (Иессен 1953: рис. 1: 4), который, вероятно, уже был утрачен к моменту составления каталога. Сведений о вероятных других находках из клада нет, как и о полноте переданных в музей.

Состав клада. 1. Удила стержневидные, двучастные, бронзовые, литые (II-161/3, 3762)[3]. Внешние окончания звеньев — двукольчатые, в которых диаметр внутреннего кольца меньше наружного. На наружных кольцах имеются остатки литников. Внутренние окончания каждого из звеньев кольчатые, расположены взаимоперпендикулярно. Сечение стержней округло-прямоугольное с нечётко выраженными гранями, рельеф на них отсутствует. В наружные кольца внешних окончаний удил вставлены кольчато-стержневидные дополнительные звенья для соединения с поводом. Их внутренние окончания кольчатые, отходящий от них стержень неправильного округлого сечения дугообразно изгибается на конце под прямым углом к продольной оси и завершается дисковидной шляпкой (рис. 1: 1).

Длина звеньев (L) — 8,8 см; длина внешних двукольчатых окончаний (Lв) — 3,2 и 3,3 см; размеры внешних колец — 1,8 × 2,0 см, внутренних — 1,3 × 1,6 см; размеры внутренних окончаний — 2,2—2,3 × 2,5 см; сечение стержней — 0,8 × 0,9 см. Длина стержней дополнительных звеньев вместе с кольчатым окончанием — 5,6 см, размеры шляпок — 3,6 × 3,8 см.

По классификации В. Р. Эрлиха — это тип 1 (Эрлих 2007: 115—117, рис. 167—169). По классификации С. Б. Вальчака, подобные двукольчатые удила относятся к типу 1 стержневидных двухчастных удил с отверстиями на внешних окончаниях (отдел 1, подотдотдел 2, группа 1, подгруппа 2). Дополнительные звенья отнесены к типу 1 группы 2 (Вальчак 2009: 34—36, 44—46, рис. 32; 33; 37: 2, 3).

2. Удила стержневидные, двучастные, бронзовые, литые (II-161/2, 1199). Внешние окончания звеньев двукольчатые, диаметр внутреннего кольца меньше наружного. На наружных кольцах имеются остатки литников. Внутренние окончания каждого из звеньев кольчатые, расположены взаимоперпендикулярно, на одном из них отчётливо выражена замыкающая кольцо доливка. Сечение стержней округлое, на одной из сторон каждого звена имеется двурядно-прямоугольный рельеф (рис. 1: 2). L звеньев — 9,2 см; Lв — 3,5 см; размеры внешних колец — 1,7 × 1,9 см, внутренних — 1,5 × 1,6—1,7 см; размеры внутренних окончаний — 2,3—2,4 × 2,4 см; диаметр стержней — 0,9 см. Удила относятся к тому же типу, что и предыдущие. Рельеф на стержнях двурядно-прямоугольный — вид 4, разновидность б (Вальчак 2009: 40—42, рис. 36).

3. Звено двучастных удил стержневидное, бронзовое, литое (II-161/5). Внешнее окончание — двукольчатое, диаметр внутреннего кольца его намного меньше наружного. Внутреннее окончание кольчатое (недолито), расположено перпендикулярно внешнему. Сечение стержня подпрямоугольное, на одной из сторон звена, но только у внешнего окончания имеется двурядно-прямоугольный рельеф, остальная поверхность стержней глад-

[1] Речь явно идёт об одном и том же человеке.

[2] Пользуясь случаем, благодарю Б. А. Раева, сотрудника Новочеркасского музея в начале 1990-х гг., за содействие в изучении коллекций.

[3] Номера хранения даны по каталогу Новочеркасского музея истории донского казачества (Каталог 1979) и сохранившимся на некоторых изделиях шифрам прежней нумерации.

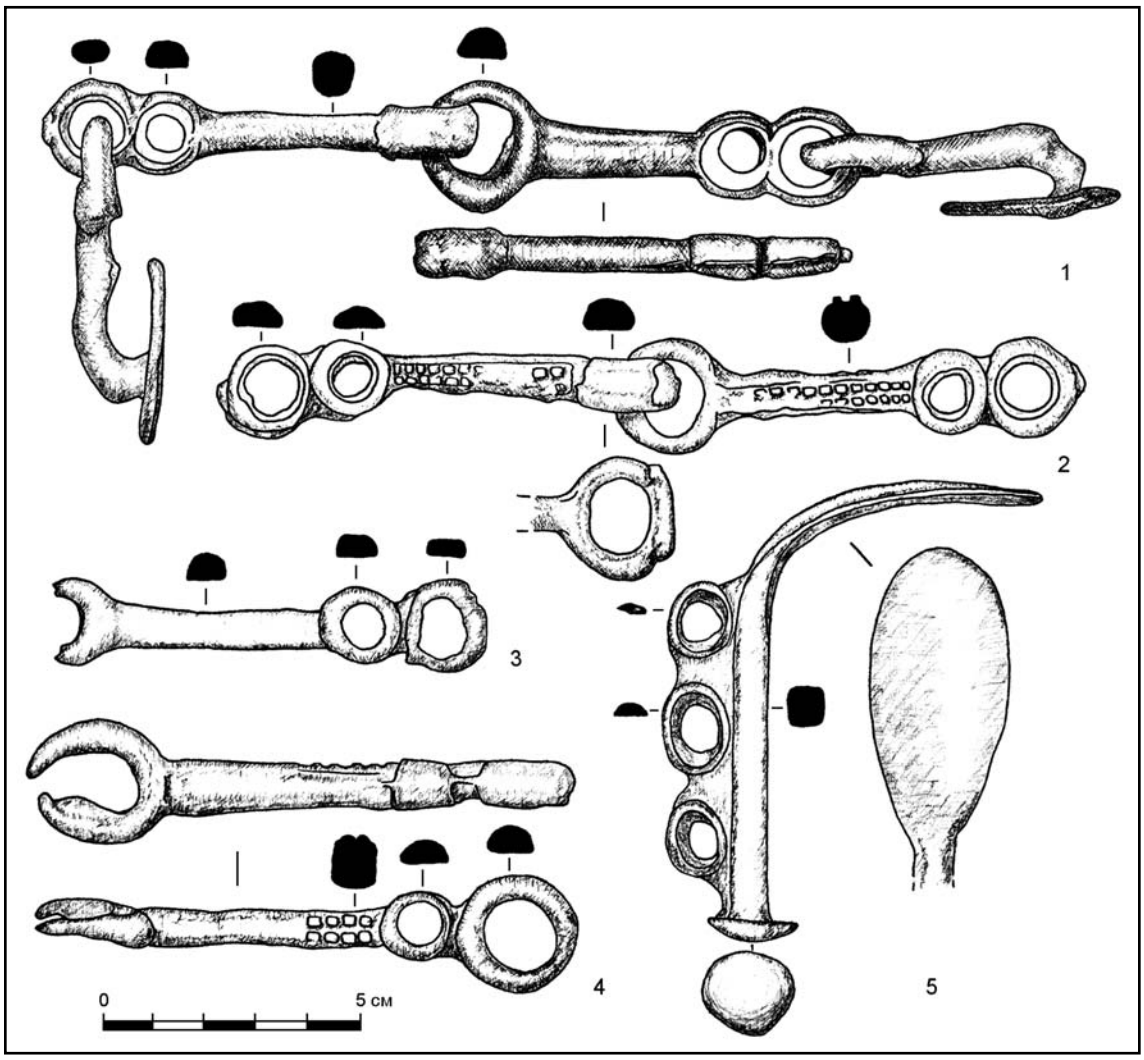

Рис. 1. Бронзовые предметы из Новочеркасского клада 1939 г.: 1, 2 — удила; 3, 4 — звенья удил; 5 — псалий (рис. С.Б. Вальчака).

Fig. 1. Bronze items from the Novocherkassk hoard of 1939: 1, 2 — bits; 3, 4 — bit's elements; 5 — cheek-pieces (drawing of S.B. Valchak).

кая (рис. 1: 4). L звена — 10,9 см; Lв — 3,9 см: размеры внешнего кольца — 2,2×2,3 см, внутреннего — 1,3×1,5 см; размер внутреннего окончания — 2,5×2,4 см; сечение стержня — 1,1×0,9 см. Звено удил относится к тому же типу, что и предыдущие.

4. Звено двучастных удил стержневидное, бронзовое, литое (II-161/6). Внешнее окончание — двукольчатое, диаметр внутреннего кольца меньше наружного. Внутреннее окончание кольчатое (обломано), расположено в одной плоскости с внешним окончанием. Сечение стержня полукруглое — одна из его сторон плоская, рельеф отсутствует (рис. 1: 3). L звена — около 9,0 см; Lв — 3,1 см: размеры внешнего кольца — 1,7×1,8 см, внутреннего — 1,4×1,35 см; размер внутреннего окончания — около 1,7×1,7 см; сечение стержня — 0,5×0,7 см. Звено удил относятся к тому же типу, что и предыдущее.

5. Псалий стержневидный, трёхпетельчатый, бронзовый, литой (II-161/7). Стержень-основа псалия прямой, подпрямоугольного сечения. Нижний конец короткий и завершается грибовидной шляпкой. Длинный верхний конец дугообразно изогнут и моделирован в виде подовальной лопасти. Элементы крепления выполнены в виде трёх кольцевидных петель на внутренней стороне основы. В результате брака при отливке изделия (затёк металла в щель между двумя створками литейной формы) между петлями образовались перемычки (рис. 1: 5). Высота псалия — 9,2 см; сечение стержня — 0,8×0,8 см; длина лопасти верхнего завершения — 6,0 см, макс. ширина — 2,8 см; размеры шляпки нижнего за-

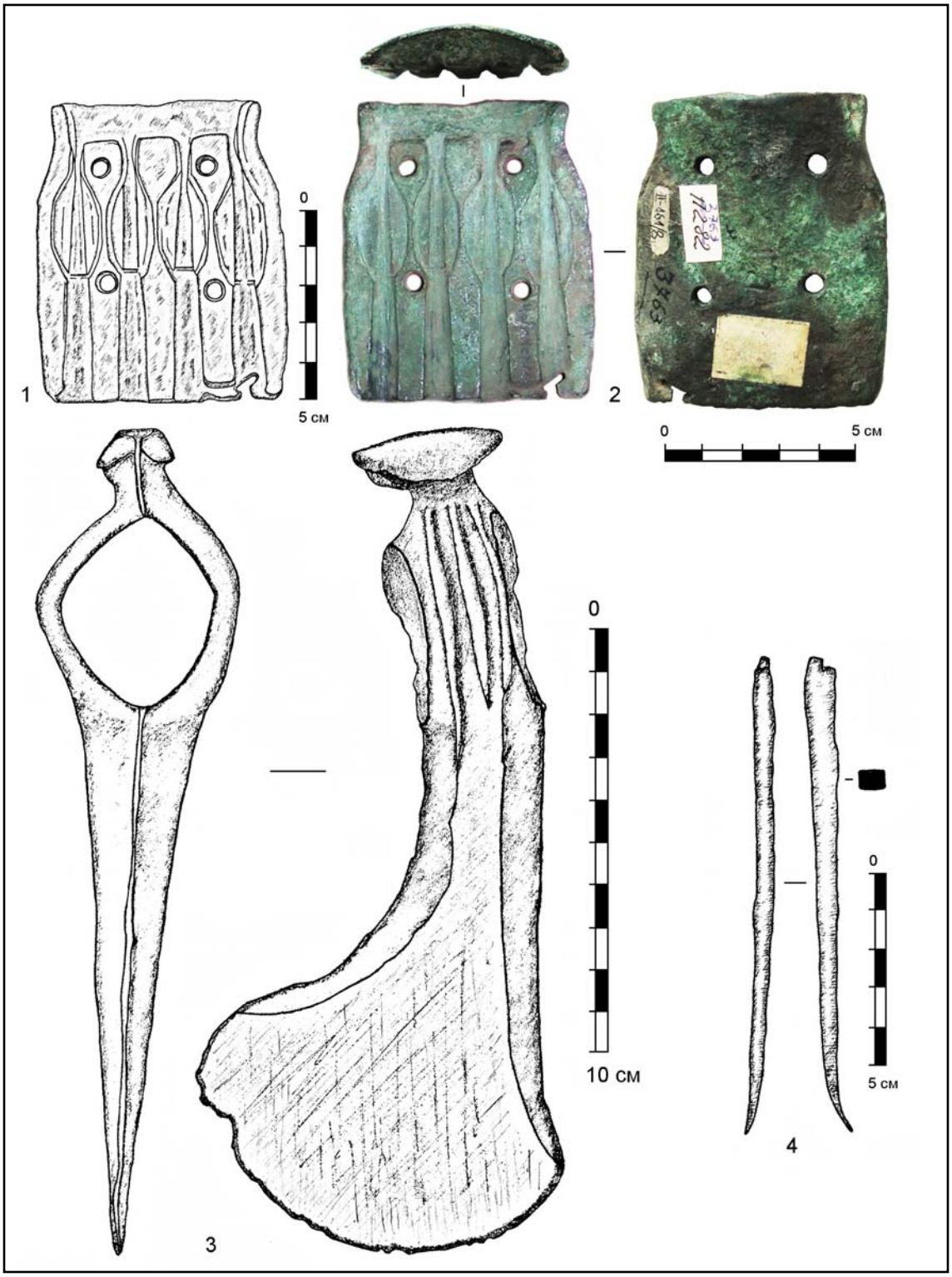

Рис. 2. Бронзовые предметы из Новочеркасского клада 1939 г.: 1, 2 — литейная форма; 3 — топор; 4 — предмет-стержень (1, 3, 4 — рис. С.Б. Вальчака; 2 — фото А.В. Дедюлькина).

Fig. 2. Bronze items from Novocherkassk hoard of 1939: 1, 2 — mould; 3 — ax; 4 — kernel (1, 3, 4 — drawings by S.B. Valchak, 2 — photo by A.V. Dedyulkin).

вершения — 0,7×0,8 см. Размеры петель — 1,5—1,8×1,3—1,4 см. Псалий относится к типу I В (Эрлих 2007: 125, рис. 187) или классическому варианту типа Новочеркасск (отд. 2, подотд. 2, гр. 4, подгр. 1, тип 6) (Вальчак 2009: 72, 73, рис. 92, 93).

6. Топор бронзовый, литой (II-161/1), проушной с отверстием подромбической формы и тремя рельефными рёбрами на боковых сторонах проуха. Клинок шестигранный, сужающийся к лезвию, расположен под небольшим углом к проуху, имеет сильный изгиб в нижней части и расширяющееся округлое лезвие. На лезвии имеются повреждения в виде зазубрин, которые, возможно, появились при эксплуатации изделия. Обух молоточковидный, с уплощённой ударной площадкой и скошенными краями, от проуха он отделён небольшой и достаточно тонкой шейкой-перехватом (рис. 2: 3). Длина топора 20 см; макс. ширина клинка — 9 см, макс. сечение основания клинка — 2,8×1,2×2,6 см; размеры проуха — 6,0×2,0×5,8 см, размеры отверстия — 4,2×3,7 см; сечение шейки обуха — 1,5×1,2 см, размеры молоточковидного обуха — 3,6×2,0 см. Топор отлит в двустворчатой форме, хорошо выражен продольный литейный шов. Форма топора является характерной для западного варианта кобанской культуры Северного Кавказа и соответствует варианту 4 типа II отдела 1 (Козенкова 1995: 67—71, табл. XVIII: 4, 5).

7. Створка трёхчастной литейной формы (кокиля), бронзовая, литая (II-161/8; 3763)[4]. Форма представляет собой негатив для отливки полуфабрикатов четырёх двухлопастных наконечников стрел с длинными втулками. На створке имеется четыре круглых сквозных отверстия, которые использовались для соединения штифтами или подобными креплениями со второй створкой. Высота створки — 7,9 см, ширина основания — 6,0 см, верхней части — 5,7 см, максимальная ширина — 6,7 см, наиболее узкой части — 5,4 см. Нижняя часть формы неровная, имеет дефекты, которые возникли при её отливке (рис. 2: 1, 2).

8. Стержень четырёхгранный, бронзовый, литой (II-161/4). Сужается по всей длине, один конец приострён и изогнут, широкий конец обломан. Длина — 12,4 см, максимальное сечение стержня — 0,8×0,5 см. Назначение изделия неясно (рис. 2: 4).

Характеристика находок

Бронзовые удила и псалии из Новочеркасского клада являются характерными формами для предскифских памятников Северного Кавказа, наиболее часто они встречаются в ареалах протомеотской и западного варианта кобанской культур, где на сегодняшний день известно, по моим подсчётам, не менее 200—250 экземпляров аналогичных удил и раза в полтора больше псалиев. Широко распространены они и в лесостепных предскифских памятниках юга Восточной Европы, намного реже встречаются в степных комплексах. Всего за пределами Северного Кавказа на сегодняшний день известно около 100 экземпляров удил и более 100 псалиев подобных форм (Вальчак 2009: 34—36, 40, 72, 73, 86—89, карты 5, 6, 13, 14). Двурядно-прямоугольный рельеф на стержнях удил и одного звена из клада является очень характерной и наиболее распространённой разновидностью прямоугольного рельефа на двукольчатых удилах, гладкие стержни звеньев двукольчатых удил находятся на второй позиции по частоте встречаемости (Вальчак 2009: 42, прил. 1: табл. 32). Следует отметить, что на удилах Восточной Европы любой рельеф обычно располагается по всей длине стержней, а его расположение только у внешнего окончания или со смещением к нему, как на одном звене из клада, находит некоторые аналогии в памятниках Приаралья (Вишневская 1973: табл. I: 12; III: 5, 13; VII: 12; X: 15; XI: 12; XII: 19; XIV: 18; Итина, Яблонский 1997: рис. 17: 9; 25: 7; 30: 2; Вальчак 2004: 36, рис. 1; 2). Кольчатостержневидные дополнительные звенья 1-го типа группы 2 из клада — одна из самых распространённых форм у двукольчатых удил (Вальчак 2009: 45, прил. 1: табл. 19, 21, 23, 27).

Исследователи неоднократно обращали внимание на характерность формы топора из Новочеркасского клада для памятников кобанской культуры. Это довольно массивные изделия, длиной около 19—21 см и шириной округлого лезвия около 9—10 см. Подромбическое отверстие в проухе, как у топора из рассматриваемого клада, встречается редко, обычно отверстия у таких топоров овальные (Вальчак, Скаков 2002: 133, 134). Подобные топоры В. И. Козенковой были отнесены к варианту 4 типа II, но в этот вариант не вполне оправданно были включены довольно разные в деталях оформления экземпляры, что затрудняет их синхронизацию. Такие отличия заметны, в частности, в форме обуха и его перехода к проуху, форме и параметрах клинков. Наиболее близкими топору из Новочеркасского клада 1939 г. являются два топора из погребения 4 могильника Индустрия 1 в Кисловодске и топор из гробни-

[4] Пользуюсь случаем выразить благодарность с. н. с. НМИДК А. В. Дедюлькину за предоставленные фотографии литейной формы.

цы 3 могильника Терезе в Карачаево-Черкесии (Рунич 1969: 12, рис. 24: 1, 2; Козенкова 1995: 69—71, табл. XVIII: 4, 5; 2004б: 99, табл. 18: 2). Близость этих двух погребальных комплексов Новочеркасскому кладу на коротком временном интервале, как и некоторых других северокавказских погребений, подтверждается наличием в них абсолютно аналогичных бронзовых топоров-тёсел, которые В.И. Козенкова отнесла к III типу своей классификации (Рунич 1969: 12, рис. 24: 3; Козенкова 1998: 12—14, табл. II, 6—9; 2004б: 112, табл. 2: 8). Позднейший же характер всех этих комплексов для предскифского периода (не ранее конца VIII в. до н.э.), непосредственно предшествующих скифской экспансии в Восточную Европу, маркируется находкой в погребении 4 могильника Индустрия 1 бронзового панциря из чешуек и рельефно орнаментированных пластин (Рунич 1969: рис. 23: 1, 13—16)[5]. Данная категория находок, наряду с некоторыми другими (бронзовыми шлемами «ассирийского типа», «пектораля-ми», деталями тягловой упряжи, цельнолитыми уздечными комплектами и др.), считается многими исследователями заимствованием из Закавказья в период киммерийских походов конца VIII — начала VII в. до н.э. (Белинский 1990: 190—195; Дударев 1999: 159—169; Вальчак, Скаков 2002: 136, 140; 2003: 114—122; Эрлих 2005: 167—182; Вальчак, Демиденко 2006: 173—186; Вальчак 2016: 38—39).

В литейной форме из рассматриваемого клада отливались заготовки для широко распространённых на позднейшем этапе предскифского периода по всему югу Восточной Европы наконечников стрел новочеркасского типа, крайние точки ареала которых расположены в Болгарии (Белоградец) и Приуралье (Гумарово). Не подлежит сомнению, что форма для их отливки (кокиль) была трёхчастной. Имеющейся створке литейной формы должна была соответствовать её зеркальная составляющая. Эта вторая часть соединялась посредством имевшихся на ней четырёх круглых в сечении стержней, вероятно, металлических, которые вставлялись в соответствующие отверстия найденной в кладе створки. Обе они снизу объединялись поддоном-основанием с заострёнными вертикальными конусовидными выступами, которые формировали полости втулок отливаемых наконечников стрел. Этот поддон — третья часть формы, скорее всего, изготовлялся из глины и охватывал нижние края двух верхних створок, но мог быть и металлическим.

Здесь стоит уделить внимание предположению А.А. Иессена о вероятной отливке в ней восковых моделей для наконечников стрел (Иессен 1953: 50). Ранее исследователь считал, на основании разницы в температуре плавления металлов, что изготовление именно медных литейных форм было предназначено для производства бронзовых предметов (Иессен 1935: 172). Насколько мне известно, металлографический или спектральный анализ предметов из клада не производился. Р.С. Минасян в подобном вопросе, похоже, допускает обе вероятные версии использования формы (Минасян 2014: 88—90, 188, 189, 214, 215, 225).

Подобные многочастные конструкции бронзовых или медных литейных форм, количество частей которых зависело от формы отливаемых заготовок, хорошо известны среди археологических находок раннескифского времени (Граков 1930: 77, 78, рис. 9; Underwood 1958: 1—6, Fig. 1, Pl. C; Шрамко 1999: 321—324, рис. 1; 2002: 163—166, рис. 1: 2; 2006: 10—11, рис. 3). После проковки и последующей заточки острия заготовки, каждая из лопастей наконечника стрелы приобретала подтрапециевидные или, что встречается намного реже, подтреугольные очертания (Іллінська 1973: 22—26; Дворниченко 1990: 50—53; Дударев 1999: 167; Петренко 2006: 62, табл. 55: 13). Исходя из негативов наконечников стрел на форме из клада, можно заключить, что подобная конфигурация лопастей была заложена изначально (рис. 2: 1, 2). На негативах всех наконечников стрел в модели формы прорезаны и горизонтальные пояски у основания пера, хорошо известные по находкам наконечников стрел в различных памятниках предскифского периода (Вальчак 2006: 269; 2011: 33—35). Существует мнение В.И. Клочко, что «на форме (из Новочеркасского клада — *С.В.*) по краю негатива пера стрелы вырезана канавка, дающая в отливке валик по краям лопастей» и дальнейшее его наблюдение о на-

[5] Судя по чертежу в отчёте А.П. Рунича, панцирь был целым, сложенным отдельно от погребённого, что является уникальным случаем для погребений предскифского периода. К сожалению, шурф первого случайного «исследователя» погребения располагался именно в месте залегания панциря, и он был разрушен. Место хранения деталей этого доспеха неизвестно. Мои попытки найти панцирь в фондах Кисловодского, Ессентукского и Пятигорского музеев в 1990—2000-х гг. не увенчались успехом. По сегодняшний день исследователи лишь тиражируют рисунки нескольких пластин и чешуек из отчёта А.П. Рунича (см., напр.: Козенкова 1995: табл. XXIV: 1, 2; Дударев 1999: рис. 148: 5, 7).

личии следов «откованного валика» на наконечниках стрел новочеркасского типа из погребения у Зольного в Крыму (Клочко 1979: 45). Некоторая рельефность на негативе лопастей на форме есть, но утверждать, что это преднамеренно сделанные «канавки», а не результат работы орудия, которым изготовлялась модель для отливки самой формы, я не берусь. Вполне вероятно, что мастеру при изготовлении восковой модели и формировании внешнего контура лопастей было удобно держать инструмент (нож или имеющийся в составе клада гранёный стержень? — рис. 2: 4) под острым углом к плоскости модели. В общем-то, «валики» для последующей проковки столь малых изделий, как полуфабрикаты наконечников стрел, технологически вообще не были нужны. Рельефные же уступы вдоль края лопастей наконечников стрел, образовавшиеся в результате уплотнения металла при ковке самого этого края, часто едва заметные на уже готовых изделиях, наблюдаются неоднократно. Они встречены на наконечниках новочеркасского типа из многих памятников, и даже на наконечниках стрел «цимбальской» серии (Вальчак, Дворниченко 2005: 82—86, рис. 2: 1—3; Вальчак 2006: 264—267, 270, рис. 1).

Таким образом, состав предметов из Новочеркасского клада 1939 г. включает характерные формы для северокавказских археологических культур предскифского времени: протомеотской и кобанской, распространившиеся по всей территории Восточной Европы и за её пределы. Этот набор изделий, связанный своим происхождением с производственными центрами Северного Кавказа, стал основным и эпонимным для выделения новочеркасского хронологического этапа предскифского периода конца VIII — начала VII или середины VIII — середины VII в. до н. э. (Иессен 1953: 108, 109; Тереножкин 1976: 21—23).

Сам же Новочеркасский клад, найденный в нижнем течении р. Дон, судя по состоянию находившихся в нём вещей, вполне обоснованно может считаться собранием предназначенного для переплавки металлического лома и бракованных изделий, принадлежавшим местному мастеру-литейщику. Сам факт находки клада рассматриваемого времени уникален и никак не может быть связан с совершенно иными по характеру комплексами в курганах степи и лесостепи (см. гипотезы: Махортых 1991: 71—73; 1992: 37—43; Вальчак 1997: 51, 52). Место находки клада соседствует с ареалом оседлой кобяковской культуры, металлообработка которой была традиционно связана с прикубанским металлургическим очагом, и располагается в ареале оседлой же отрадненской культуры, относящихся некоторыми исследователями только к периоду финальной бронзы, до IX — начала VIII вв. до н. э. (Шарафутдинова 1973: 17—20; Потапов 2010: 190—201, рис. 77), что мне представляется ошибочным. На позднем этапе предскифского периода здесь, как и прежде, при общем переходе к кочевому хозяйствованию в степной зоне, по берегам рек могло сохраниться оседлое население, которое в традициях этих культур изготовляло хорошо сделанные и украшенные столовые сосуды, встречающиеся в погребениях предскифских номадов. Пойменная лесная флора Дона и его притоков, как и бассейнов других крупных рек Восточной Европы, могла вполне удовлетворять потребности в топливе для местного бронзолитейного и керамического производства, чего не могла обеспечить степная растительность. По сути и образно говоря, слезший с коня на выпасе кочевник эпохи финальной бронзы или начала раннего железного века среди степи не имел возможности технологически обеспечить процесс изготовления подобных изделий (сырьё, топливо, стационарные обжигательные печи, инструмент из камня, кости или металла), да и не желал этого. Сам тип его (кочевника) экстенсивного хозяйства был принципиально ориентирован иначе. Симбиоз же оседлых и кочевых культур был обоюдно выгоден и необходим для их существования в разных ландшафтных нишах.

Даже при учёте того обстоятельства, что в состав кладов изделий из бронзы могут входить очень разновременные вещи, находки в Новочеркасске демонстрируют хронологическое единство и были собраны в клад в относительно небольшой промежуток времени, что подтверждается многочисленными аналогичными находками в закрытых погребальных археологических комплексах предскифского периода. В широких хронологических рамках время производства вещей из Новочеркасского клада можно отнести ко второй половине VIII — первой половине VII в. до н. э. Факт сокрытия клада можно датировать не ранее последней четверти VIII в. до н. э., когда характерные для оседлых северокавказских культур вещи привносятся в культуры степной и лесостепной зоны юга Восточной Европы экспансировавшим населением Северного Кавказа, что может быть связано с походами исторических киммерийцев (Скорый 1999: 54—65; Эрлих 2007: 181—187; Вальчак 2009: 92—97).

Одним из свидетельств этой экспансии могут служить находки наконечников стрел (аналогичных отливавшимся в форме из клада) среди костей скелетов в степных комплексах курганных могильников Колпаковка III 1/1 (Марина, Ковалёва, Ромашко 1982: 7, рис. 2: 1, 2; Махортых 2005: 338, рис. 100: 1, 2), Первомайский VIII 5/1 (Мамонтов 2001: 182, рис. 2: 12, 13) и Столетовский 2/2 (Лукьяшко 1999: 88, рис. 77), которые и считаются вероятной причиной смерти погребённых кочевников.

Литература

Бабенко Л. И., Вальчак С. Б. 2014. Удивительное «хронопутешествие» одной известной находки. *РА* (1), 137—142.

Белинский А. Б. 1990. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе. *СА* (4), 190—195.

Вальчак С. Б. 1992. К вопросу о дате погребения Черногоровского кургана. В: Кадеев В. И. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины*. Тез докл. и сообщений Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археологического съезда. Харьков: ХГУ, 93—94.

Вальчак С. Б. 1994. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана. *РА* (2), 131—133.

Вальчак С. Б. 1997. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме). *МИАР* 1, 40—56.

Вальчак С. Б. 2004. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия. *МИАР* 6, 32—56.

Вальчак С. Б. 2006. Комплекс впускного погребения «А», колчанный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода. *МИАР* 7, 262—276.

Вальчак С. Б. 2007. Особенности уздечного комплекта из предскифского погребения кургана 256 у с. Камышеваха. В: Скорий С. А. (відп. ред.). *Ранній залізний вік Євразії*. До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції (16—19 травня 2007 р.). Київ; Чигирин: ІА НАНУ; Друк; Формат, 44—45.

Вальчак С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.

Вальчак С. Б. 2011. Уникальный «переднеазиатский» наконечник стрелы из Восточной Европы. *ИАА* 10, 31—37.

Вальчак С. Б. 2016. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья. В: Балахванцев А. С., Кулланда С. В. (отв. ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. памяти М. Н. Погребовой. Москва: Институт востоковедения РАН, 28—42.

Вальчак С. Б. Дворниченко В. В. 2005. Некоторые находки эпохи раннего железного века из Астраханского Заволжья. *Вопросы археологии Западного Казахстана* 2, 82—86.

Вальчак С. Б., Демиденко С. В. 2006. Комплекс 1951 года с горы Бештау: вопросы хронологии. *НАВ* 8, 173—186.

Вальчак С. Б., Скаков А. Ю. 2002. Клад из Мехчис-Цихе в контексте хронологии некоторых археологических памятников Юго-Западного Закавказья. *РА* (2), 132—141.

Вальчак С. Б., Скаков А. Ю. 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода. *РА* (3), 114—122.

Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. *Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции* VIII. Москва: Наука.

Граков Б. Н. 1930. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. *Техника обработки камня и металла*. Труды секции археологии РАНИОН V. Москва, 70—90.

Дворниченко В. В. 1990. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П. С. Дубягина из Волго-Уральской пустыни). В: Мелюкова А. И. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва: ИА АН СССР, 48—59.

Дударев С. Л. 1999. *Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н. э.)*. Армавир: Армавир.

Иессен А. А. 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. *ИГАИМК* 120, 7—137.

Иессен А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). *СА* XVIII, 49—110.

Иессен А. А. 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В: Шелов Д. Б. (отв. ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)*. Москва: АН СССР, 112—131.

Іллінська В. А. 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія* 12, 13—26.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997. *Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен)*. Москва: РОССПЭН.

Каталог 1979: Раев Б. А. (сост.). *Музей истории донского казачества. Каталог археологических коллекций*. Новочеркасск: НМИДК.

Клочко В. И. 1979. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 40—46.

Козенкова В. И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. САИ В2—5. Москва: ИА РАН.

Козенкова В. И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант*. САИ В2—5. Москва: ИА РАН.

Козенкова В. И. 2004а. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. *МИАР* 6, 66—92.

Козенкова В. И. 2004б. *Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII—VIII в. до н. э.* Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кав-

каза V. Ставрополь: Наследие.
Лукьяшко С.И. 1999. *Предскифский период на Нижнем Дону*. Донские древности 7. Азов: АКМ.
Мамонтов В.И. 2001. Курганный могильник Первомайский VIII. *НАВ* 4, 179—195.
Марина З.П., Ковалёва И.Ф., Ромашко В.А. 1982. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка — Бузовка. В: Марина З.П. (отв. ред.). *Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н.э.)*. Днепропетровск: ДГУ, 4—18.
Махортых С.В. 1991. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. В: Марченко И.И., Хачатурова Е.А. (ред.). *Древности Кубани*. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 71—73.
Махортых С.В. 1992. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир*. Материалы III-го археологического семинара. Ч. I. Новочеркасск: НМИДК, 37—43.
Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.
Минасян Р.С. 2014. *Металлообработка в древности и средневековье*. Санкт-Петербург: ГЭ.
Петренко В.Г. 2006. *Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе*. Степные народы Евразии III. Corpus Tumulorum Scythicorum et Sarmaticorum 1. Москва; Бордо; Берлин: Палеограф.
Потапов В.В. 2010. *Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья*. Рукопись дисс. … канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. №2770, 2771.
Рунич А.П. 1969. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кисловодска в 1969 году*. Архив ИА РАН. Р-1. №5244.
Скорый С.А. 1999. *Киммерийцы в Украинской лесостепи*. Киев; Полтава: Археология.
Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
Шарафутдинова Э.С. 1973. Предскифский период на Нижнем Дону. В: *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 17—20.
Шрамко Б.А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.
Шрамко Б.А. 1999. К вопросу о бронзолитейном производстве в Скифии. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Башилов В.А. (отв. ред.). *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. Москва: ИА РАН, 318—324.
Шрамко Б.А. 2002. Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племён Скифии. *РА* (1), 163—166.
Шрамко Б.А. 2006. Деякі підсумки досліджень Більського городища. В: Черненко Є. (відп. ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, 5—18.
Эрлих В.Р. 2005. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц. В: Гуляев В.И. (гл. ред.). *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья*. Памяти В.С. Ольховского. Москва: ИА РАН, 167—182.
Эрлих В.Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.
Underwood L. 1958. Bronze Age Technology in Western Asia and Northern Europe: Part I. *MAN* 13. London, 1—6.

References

Babenko, L.I., Valchak, S.B. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 137—142 (in Russian).
Belinskii, A.B. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 190—195 (in Russian).
Valchak, S.B. 1992. In Kadeev, V.I. (ed.-in-chief). *Istoriia i arkheologiia Slobodskoi Ukrainy (History and Archaeology of Slobodskaia Ukraine)*. Kharkov: Kharkov State University, 93—94 (in Russian).
Valchak, S.B. 1994. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 131—133 (in Russian).
Valchak, S.B. 1997. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology)* 1, 40—56 (in Russian).
Valchak, S.B. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology)* 6, 32—56 (in Russian).
Valchak, S.B. 2006. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology)* 7, 262—276 (in Russian).
Valchak, S.B. 2007. In Skorii, S.A. (ed.). *Rannij zaliznyj vik Yevraziï: do 100-richchya vid narodzhennya Oleksiya Ivanovycha Terenozhkina (Early Iron Age of Eurasia: to the 100th Anniversary of Alexei Terenozhkin)*. Kiev; Chyhyryn: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Druk" Publ.; "Format" Publ., 44—45 (in Russian).
Valchak, S.B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I tys. do n.e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Harness in the First Third of the I Millennium BC in the South of Eastern Europe)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
Valchak, S.B. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-Archaeological Almanac)* 10, 31—37 (in Russian).
Valchak, S.B. 2016. In Balakhvantsev, A.S., Kullanda, S.V. (eds.). *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza (The Caucasus and the Steppe on the Turn of Late Bronze and Early Iron Ages)*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 28—42 (in Russian).
Valchak, S.B., Dvornichenko, V.V. 2005. In *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of Archaeology of Western Kazakhstan)* 2, 82—86 (in Russian).
Valchak, S.B., Demidenko, S.V. 2006. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 8, 173—186 (in Russian).
Valchak, S.B., Skakov, A. Yu. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 132—141 (in Russian).
Valchak, S.B., Skakov, A. Yu. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 114—122 (in Russian).
Vishnevskaia, O.A. 1973. In *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* VIII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Grakov, B.N. 1930. In *Tekhnika obrabotki kamnia i metalla (Technology of Stone and Metal Processing)*. Series: Trudy sektsii arkheologii RANION (Proceedings of the Department for Archaeology of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences) V. Moscow, 70—90 (in Russian).
Dvornichenko, V.V. 1990. In Melyukova, A.I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii (Issues of Scythian and Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR" Publ., 48—59 (in Russian).
Dudarev, S.L. 1999. *Vzaimootnosheniia plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Iugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuiu epokhu (IX — pervaia polovina VII v. do n.e.) (Relations of the Tribes of Northern Caucasus with the Nomads of South-Eastern Europe in the Pre-Scythian Time (9th — first half of 7th c. BC)*. Armavir: International Informatization Academy, Krasnodar Regional Department (in Russian).
Iessen, A.A. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 120, 7—137 (in Russian).
Iessen, A.A. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)*

XVIII, 49—110 (in Russian).
Iessen, A.A. 1954. In Shelov, D.B. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (po materialam konferentsii IIMK AN SSSR 1952 g.) (Issues on Scythian-Sarmatian Archaeology: by Proceedings of the Conference in the Institute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR, 1952)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 112—131 (in Russian).
Illins'ka, V.A. 1973. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 12, 13—26 (in Ukrainian).
Itina, M.A., Yablonsky, L.T. 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Sakas of the Lower Syrdarya Region, Based on the Materials of the Southern Tagisken Necropolis) (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
Raev, B.A. (comp.). 1979. *Muzei istorii donskogo kazachestva. Katalog arkheologicheskikh kollektsii (Museum of the History of the Don Cossacks: Catalogue of Archaeological Collections)*. Novocherkassk: Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks (in Russian).
Klochko, V.I. 1979. In Baran, V.D. (ed.). *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia (Monuments of Ancient Cultures of Northern Pontic Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 40—46 (in Russian).
Kozenkova, V.I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistematizatsiia i khronologiia). Zapadnyi variant (Military Munitions and Trappings of the Koban Culture Tribes (Systematization and Chronology). the Western Variant)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Kozenkova, V.I. 1998. *Material'naia osnova byta kobanskikh plemen (orudiia truda, ukrasheniia, predmety kul'ta, posuda: sistematizatsiia i khronologiia). Zapadnyi variant (Material Basis of Everyday Life of the Koban Tribes (tools, decorations, cult items, utensil: systematisation and chronology). Western Variant)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Kozenkova, V.I. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology)* 6, 66—92 (in Russian).
Kozenkova, V.I. 2004. *Biritualizm v pogrebal'nom obriade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik Tereze kontsa XII—VIII v. do n.e. (Biritualism in the Burial Rate of the Ancient "Kobans" Tereze Cemetery, the End of the 12th — 8th Centuries B.C.)*. Series: Materials for Study of Historical and Cultural Legacy of the Northern Caucasus 5. Stavropol: "Nasledie" Publ. (in Russian).
Lukyashko, S.I. 1999. *Predskifskii period na Nizhnem Donu (Pre-Scythian Period in the Lower Don Basin)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 7. Azov: Azov Museum of Local Studies (in Russian).
Mamontov, V.I. 2001. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4, 179—195 (in Russian).
Marina, Z.P., Kovaleva, I.F., Romashko, V.A. 1982. In Marina, Z.P. (ed.). *Drevnosti Stepnogo Podneprov'ia (III — I tys. do n.e.) (Antiquities of the Middle Dnieper Area: III—I Millennia BC)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 4—18 (in Russian).
Makhortykh, S.V. 1991. In Marchenko, I.I., Khachaturova, E.A. (eds.). *Drevnosti Kubani (Kuban Antiquities)*. Krasnodar, 71—73 (in Russian).
Makhortykh, S.V. 1992. In Raev, B.A. (ed.). *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarskii mir. Materialy III arkheologicheskogo seminara (Antique Civilization and the Barbarian World: Proceedings of 3rd Archaeological Seminar)* I. Novocherkassk: Museum of the History of the Don Cossacks, 37—43 (in Russian).
Makhortykh, S.V. 2005. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (Cimmerians of the North Black Sea Region)*. Kiev: "Shlyakh" Publ. (in Russian).
Minasyan, R.S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e (Metal Processing in Antiquity and Middle Ages)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
Petrenko, V.G. 2006. *Krasnoznamenskii mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoi epokhi na Severnom Kavkaze (Krasnoznamenskiy Cemetery: Elite Kurgans of the Early Scythian Period in the Northern Caucasus)*. Series: Steppe Peoples of Eurasia III. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 1. Moscow; Bordeaux; Berlin: "Paleograf" Publ. (in Russian).
Potapov, V.V. 2010. *Pamiatniki final'noi bronzy Nizhnego Podon'ia (Final Bronze Age Sites in the Lower Don Basin)*. PhD Thesis (manuscript). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-2, no. 2770, 2771 (in Russian).
Runich, A.P. 1969. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kislovodska v 1969 godu (Report on Field Research in the Kislovodsk Area in 1969)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 5244 (in Russian).
Skoryi, S.A. 1999. *Kimmeriitsy v Ukrainskoi Lesostepi (Cimmerians in the Ukrainian Forest-Steppe)*. Kiev; Poltava: "Arkheologia" Publishing Center (in Russian).
Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriitsy (Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Sharafutdinova, E.S. 1973. In *Arkheologicheskie raskopki na Donu (Archaeological Excavations on the Don River)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 17—20 (in Russian).
Shramko, B.A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa (Antiquities of the Seversky Donets River Area)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
Shramko, B.A. 1999. In Melyukova, A.I., Moshkova, M.G., Bashilov, V.A. (eds.). *Evraziiskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu (Eurasian Antiquities. 100 Years from the Birth of B.N. Grakov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 318—324 (in Russian).
Shramko, B.A. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 163—166 (in Russian).
Shramko, B.A. 2006. In Chernenko, Ye. (ed.). *Bil's'ke horodyshche ta joho okruha (do 100-richchya pochatku pol'ovykh doslidzhen') (Belsk Fortified Settlement and Its Surroundings: to the Anniversary of 100 Years from the Beginning of Field Studies)*. Kiev: "Shlyakh" Publ., 5—18 (in Ukrainian).
Erlikh, V.R. 2005. In Guliaev, V.I. (ed.-in-chief). *Drevnosti Evrazii: Ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia: Pamiati V.S. Ol'khovskogo (Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Ages: in Memory of V.S. Ol'khovsky)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 167—182 (in Russian).
Erlikh, V.R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka: Protomeotskaia gruppa pamiatnikov (Northwestern Caucasus at the Beginning of the Iron Age: Proto-Meotic Group of Sites)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Underwood, L. 1958. Bronze Age Technology in Western Asia and Northern Europe: Part I. *MAN* 13. London, 1—6.

Статья поступила в сборник 17 августа 2017 г.

Sergey Valchak (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Вальчак Сергей Борисович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: valchaks@yandex.ru

Address: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

В. Б. Панковский, С. А. Фидельский

Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи)

Keywords: Dniester Region, Chobruchi, Iron Age, bone and antler industry, classification, traceology

Ключевые слова: Поднестровье, Чобручи, ранний железный век, костно-роговая индустрия, классификация, трасология

V. B. Pankowski, S. A. Fidelski

A Systematic Outline of Bone and Antler Industry in the Dniester Region Iron Age: some principles from Chobruchi settlement site

The paper aims to survey current systematizing developments for the osseous industries dated back to the 6th—2nd centuries BC in the Northwest Pontic area. These trends, however, appear to be applicable to any of the many worked-bone-containing parts in the whole archaeological oecumene. The readers are introduced to the classificatory concepts which only have been explicated in parts elsewhere. Basically, the North Pontic archaeologists definitely used to seek their worked bone archaeological record to be completely imposed into classification. Yet any kind of such classifications normally contains impermeable inherent limits set up by the researchers themselves, who usually face a scarcity of comprehensive expert data. Here, some special solutions to the problem are put forward based on systemic classificatory approach. The approach refers to the osseous raw material structures and the ways they have been transformed during manufacture. The technoclasses concept of adapting, modifying, and converting bone and antler during utilization goes back, in particular, to Andrei Borodovskiy's technological systematics. The traceological studies, in turn, tend to embed all identifiable objects into a system, since many more different means of functional analysis would work as verifying methods. At the same time, the artefacts' technical functions and the manners they were used are the issues of special research concern. Further, the ways past equipment including instruments, implements, and accessories might have affected on or interacted with objects and substances, resulted in rational shapes and use-wear patterns in artefacts. The entities of tools, devices, joints, furniture, andparaphernalia seem to be quite perceptive to the variability in worked bone and antler record. This kind of arrangement may have been flexibly changed in terms of its units and even sections hierarchy, whereas its principal ideas are here to stay with no need them to be rearranged.

В. Б. Панковский, С. А. Фидельский

Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи)

В статье рассматривается новый подход к систематизации костно-роговой индустрии VI—II вв. до н. э. из Нижнего Поднестровья. Принципы этого подхода подробно излагаются впервые. Они применимы к любой части археологической ойкумены, где имеются кость и рог, преобразованные и использованные человеком. Специалисты обычно стараются поместить обработанный костно-роговой материал в создаваемые ими классификации целиком и без остатка. При этом классификации содержат обязательное требование, устанавливаемое самими исследователями — необходимость аргументированных представлений о назначении и сферах применения изделий. Однако из-за нехватки следоведческих данных и незавершенности функциональных исследований такие представления нередко являются лишь видимостью знаний. Поэтому для упорядочения фрагментарного, неполного и неравномерно изученного материала требуются системные средства и адекватный понятийно-терминологический аппарат. Костно-роговое сырье предпочтительнее рассматривать как определенные естественные структуры, видоизменяемые в ходе обработки. В этом смысле функционально-технологическая концепция, согласно которой кость и рог адаптируются, модифицируются или конвертируются в изделия, восходит к построениям А. П. Бородовского. Трасология, наряду с другими методами функционального анализа, помогает внедрить в классификацию все так или иначе идентифицированные артефакты. Их технические функции и способы применения являются особой исследовательской проблемой. Классы древнего оснащения включают подклассы инструментов, приспособлений и принадлежностей. Таковые по-разному воздействовали на внешние объекты и вещества или взаимодействовали с ними, что выражается в рациональной форме и характере изнашивания изделий. Группы орудий, устройств, узлов, фурнитуры и атрибутов внутри подклассов сполна отражают разнообразие материала. Предлагаемый метод упорядочения позволяет, по мере накопления новых знаний, свободно перемещать группируемые единицы или менять позиции в иерархии подразделений, однако ключевая идея метода остается при этом действенной.

© В. Б. Панковский, С. А. Фидельский, 2018.

Введение

Искусственные и естественные видоизменения костных и роговых образцов, относящихся к раннему железному веку Нижнего Поднестровья, полнее всего распознаются средствами археологической трасологии (Панковский 2016; Панковский, Синика 2017). Рукотворные объекты объединяются при этом в особую фракцию археологической культуры — костно-роговую индустрию, т. е. в «систему взаимосвязанных типов артефактов, выполненных в одном материале, в одном веществе» (Клейн 1991: 393). Сводя артефакты в сырьевую общность, мы, однако, видим их повреждения и неполноту, понимая, что функции и отношения этих объектов в былой культуре нам зачастую неизвестны. Зато хорошо известно, насколько причудливыми бывают сочетания натуральных и антропогенных примет в формах и следовом покрове костяных и роговых изделий. Мы знаем также, что культурную деятельность, наряду с артефактами, характеризуют костные и роговые натурфакты с едва заметными орудийными изменениями, а также некоторые образцы, всецело препарированные природой (Панковский 2015: 269—271; 2016: 1003, 1034; Панковский, Гиря, Саблин 2015; Панковский, Яниш 2017). Следовательно, обособление артефактов и индустрий — это лишь часть систематизации, направленной на получение знаний о прошлом.

Цель данного исследования состояла, таким образом, в улучшении набора классификаций, способных охватить разнообразие функциональных признаков, структурно-сырьевых и технологических свойств артефактного костно-рогового материала. Занимаясь сырьем, технологией и функциологией индустрии поселения Чобручи[1], мы стремились осмыслить и упорядочить присущую ей сложность формо- и следообразования, а потому решили начать публикацию результатов исследования с классификационной части; представление следоведческих и структурно-сырьевых данных по категориям или отдельным образцам здесь ограничено. Вместе с тем, статья снабжена сопроводительной информацией, достаточной для оценки выборки и оснований классификации. Учитывая новизну материала и методики, а также состояние прежних знаний о костно-роговом инвентаре раннего железного века Поднестровья, полагаем, что данное группирование материала обладает действенной новизной. Обсуждению его несомненных для нас познавательных преимуществ с необходимостью предшествуют синопсис исследований поселения Чобручи, а также очерк проблематики нижнеднестровских костно-роговых индустрий раннего железного века.

[1] Общие сведения о коллекции см.: Никулицэ, Фидельский 2004: 52, рис. 3: 6, 8—11; Fidelschi 2006: 27—28, pl. 1, 2.

Поселение Чобручи

Памятник расположен на левом берегу Днестра, на обширном пологом возвышении между населенными пунктами Слободзея и Чобручи, занимая значительное пространство Терновской и Парканской террас и примыкая к самой пойме реки (Кишлярук 2000: 56—60, рис. 1).

Археологические исследования поселения включают два этапа. Первый связан с работами Чобручской археологической экспедиции, которая в течение четырех полевых сезонов 1993—1996 гг. накопила значительный материал, позволивший определить стратиграфические горизонты этого многослойного памятника. В результате было выделено три хронологических горизонта, датированных, соответственно, VI—V вв. до н. э., III—II вв. до н. э. и III—IV вв. н. э. (Щербакова 1994: 231—232; 1997: 19).

Второй этап составляют исследования Днестровской археологической экспедиции. За девять лет раскопок (2001, 2002, 2004—2006, 2010, 2012—2014 гг.) изучен участок поселения общей площадью 1197 м², зафиксировано 174 объекта (12 сооружений, 160 хозяйственных ям и два погребения). Полученные результаты существенно пополнили коллекцию находок и не только подтвердили присутствие материалов указанных хронологических периодов, но и дали возможность пересмотреть и расширить хронологию памятника в сторону удревнения (Фидельский 2012: 16). Основанием для этого послужили находки фрагментов лепных мисок типа Фериджиле, а также гончарной сероглиняной керамики северофракийского производства, которые в совокупности относятся ко второй половине VII или к рубежу VII—VI вв. до н. э. (Никулицэ, Фидельский 2004: 55, рис. 7). Кроме того, были обнаружены фрагменты лепных раннегальштатских сосудов, суммарно датирующихся X—VIII вв. до н. э. (Никулицэ, Фидельский 2004: 53). Однако эта дата пока является

условной и требует более надёжной аргументации.

Таким образом, за 11 лет исследований раскопано 1785 м² площади памятника, изучено 197 объектов (16 сооружений, 178 хозяйственных ям и три погребения). Весьма разнообразны предметы бытового и производственного инвентаря, а также, разумеется, керамика. Последняя представлена, в основном, посудой — лепной и изготовленной на гончарном круге. Преобладание лепной посуды (63,8%) над гончарной (36,2%) указывает на варварскую основу культуры поселения с доминирующим фракийским компонентом и скифскими элементами, а наличие в гончарной керамике преимущественно древнегреческих форм наглядно демонстрирует хозяйственные и торговые связи с античным миром.

Состояние систематизации костно-роговых индустрий раннего железного века Нижнего Поднестровья

Костяные и роговые артефакты раннего железного века Нижнего Поднестровья изучаются, прежде всего, как оснащение хозяйственных занятий, производств и транспорта; применительно к косторезному производству, изделия, естественно, характеризуют его продукцию (Мелюкова 1975: 61, 62; Бруяко 1999: 7, 42, 113—119; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 25, 138; Панковский 2016). Все скелетные материалы нередко называются обобщенно костью (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 120—125), и только в случае остеологической экспертизы в конгломерате «обработанной кости» выделяются собственно скелетная кость, цельный и полый рог, клыки, слоновая кость (бивень) (Секерская 1993; Бруяко 1999: 63, 67, 105, 115—116; Панковский 2016). Нехватка следоведческих данных для функционального анализа в некоторой мере компенсируется определениями Г. Ф. Коробковой (Секерская 1993: 92; Бруяко 1999: 7, 9, 54 и др.), наглядная документация которых, впрочем, не опубликована. Изделия из костного сырья группируются по родству установленного или предполагаемого назначения вместе с объектами из железа, цветных металлов и сплавов, горных пород, керамики (Бруяко 1999: 63—68, 111 и др.; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 25, 120—125). При этом в группе орудий, т. е. оснащения, у которого есть рабочие участки, оказываются емкостные приспособления вроде тиглей и литейных форм (Бруяко 1999: 121, 124) или рукояти серпов (Бруяко 1999: 68, 116, рис. 23: 7, 8).

Рубрикация объектов по сферам применения, увы, не в состоянии охватить весь ассортимент. В какую группу зачислить, к примеру, рукоятки ножей (Бруяко 1999: 113—114, рис. 45; 46)? Иными словами — как определить специализацию или многоцелевое назначение их утраченных лезвий? И всегда ли эти рукоятки применялись с ножами? Может быть, ими иногда снабжали и серпы (см., напр., Бруяко 1999: 68, 116)? Наконец, не все удается записать в оснащение. Почти во всякой индустрии имеются заготовки неизвестного предназначения, а также технологические отходы членения сырья и отходы изготовления изделий, которые, за редким исключением, нигде больше не использовались (Секерская 1993: 92; Бруяко 1999: 115—116, рис. 23: 4—8).

Таким образом, в охарактеризованном подходе объекты систематизируются в целях показа типологического и сырьевого разнообразия средств инструментализации хозяйства, производства, быта и военного дела. Данный подход не является классификацией костно-роговых индустрий как таковых — в их целостности, во взаимосвязи структурно-сырьевых, технологических и функциональных особенностей объектов. Кроме того, рассмотренное группирование лишь отчасти учитывает экспертные структурно-сырьевые и технологические данные, которыми обеспечивается недостаточно и неравномерно. Если же функция и назначение (сфера применения) артефакта дискуссионны или вовсе неясны из-за отсутствия трасологической информации, такой артефакт в заданных правилах группирования не получает сколько-нибудь определенного места в классификации. В таком случае невозможно адекватно отразить неполноту имеющихся знаний и, вместе с тем, не упустить малоизученные реалии из поля зрения.

Цель, программа и методы систематизации костно-роговых индустрий

Существенные данные о культурных функциях, способах реализации функций, особенностях сырья и технике изготовления артефактов археология получает путем экспертиз и наблюдений. Системное же знание оперирует соотношениями свойств объектов, а также контекстными связями объектов между собой и объектов с их окружением. Действенным

приемом выявления связей является классификация.

В исследованиях индустрии поселения Чобручи *сравнительно-типологический анализ* объединяет *классификацию*, в частности — функциональное, технологическое и структурно-сырьевое группирование — и *типологию*, т. е. выявление сочетаний культурно значимых признаков, обусловленных технологической целесообразностью и функциями.

Во всякой костно-роговой индустрии, строго говоря, нет ничего, что было бы лишено некой функции в структуре древней обработки кости и рога. Согласно А. П. Бородовскому, индустрия является основным археологическим источником для реконструкции эпохального исторического развития элементов этого производства; в процессе производства сырьевые источники (предмет труда) осваиваются приложением специализированных навыков (процесс труда) и инструментов (средства труда) для получения изделий (продукт труда). Это происходит посредством определенной социально-экономической системы и в рамках определенной общественной формы, в конкретной этнической и экологической обстановке. Исходя из единства структурно-сырьевых, технологических и функциональных признаков, продукция обработки кости и рога включает:

— технологические отходы;

— полуфабрикаты;

— заготовки;

— отходы изготовления;

— готовые изделия (Бородовский 1997: 3—6, 26—28, 31, 36, 41, 44, 112).

Здесь, на самом общем уровне функциональной классификации, индустрия делится на две субфракции. Первая — это технологически и морфологически целесообразное *оснащение* (иначе — *инвентарь*, *изделия*) — вещественные вспомогательные внетелесные средства, служившие удовлетворению приспособительных нужд человека. В коллекции из поселения Чобручи эта субфракция насчитывает 56 экземпляров [2]. Оснащение распознается, прежде всего, по готовым изделиям, полуфабрикатам и нередко по заготовкам (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 122, 124). Все эти общности материала, как уже говорилось, являются продуктами производства. Нас же интересуют технические функции и способы применения изделий. Отношение артефактов к той или иной *категории* определяется по устойчивому сходству их изнашивания и конструкции.

Таблица 1.

Общая классификационная матрица, основанная на принципах технических функций и способов употребления артефактов субфракции «Оснащение»

Классы	Подклассы	Группы
Оснащение производительных действий	инструменты	орудия устройства узлы
	приспособления	
	принадлежности	фурнитура
Оснащение непроизводительных действий	инструменты	орудия устройства узлы
	приспособления	
	принадлежности	фурнитура атрибуты

Не все артефакты в индустрии поселения Чобручи, как, впрочем, и многих других памятников, относятся к оснащению, к изделиям: вторую субфракцию индустрии, таким образом, составляют *технологические отходы и отходы изготовления изделий*, не имевшие технических функций и, судя по всему, никак не применявшиеся (29 экз.). Однако и в этой субфракции возможно распознавание примет изготовления ранее неизвестных объектов оснащения.

Граница между основными субфракциями и прочими костными остатками выглядит подчас условной и размытой. Это касается, например, скелетных элементов и их фрагментов, чьи естественные формы целиком или частично могли составлять конструкции артефактов, или подходящих для переработки в изделия участков компакты расколотых при пищевой обработке костей. Это, конечно, не означает, что все без исключения остатки фауны составляли сырьевую базу косте- и рогообработки и поэтому должны включаться в индустрию; подобные артефактно-сырьевые взаимоотношения выявляются иными средствами, и эти средства действуют за пределами рассматриваемой здесь классификации.

Далее, в целях наглядности, следуем схеме (табл. 1).

Дефиниции классов, подклассов и групп оснащения учитывают и вмещают понятия предмета, средства, процесса и продукта труда.

[2] В т. ч. крошечный фрагмент артефакта из диафиза трубчатой кости, который, в силу такой сохранности, пока не идентифицирован.

Классы (их два) сгруппированы по принадлежности технической функции той или иной категории артефактов к *действиям ручного производительного труда* или к *приспособительным манипуляциям непроизводительного труда (иначе — деятельности, поведения)*. В этой части классификации нет общностей по *сферам применения* (хозяйственный инвентарь, бытовая утварь, снаряжение определенного производства и т. п.). Так, непроизводительные действия, выполняемые костяным или роговым изделием, могли быть вовлечены в обслуживание производительного труда (например, езда на повозке за дровами или на сенокос, когда в уздечках лошадей применяются роговые псалии). А где только не использовались железные ножи, от которых уцелели только рукоятки! Поэтому в данном случае обсуждается оснащение действий, а не оснащение какой-то сферы деятельности.

Внутри классов категории соединяются в подклассы и, часто, в группы в зависимости от характера воздействия на внешние объекты и взаимодействия с ними, что выражается в устройстве и изнашивании изделий.

Инструменты — оснащение, воздействие которого устанавливает или изменяет желаемым образом формы, свойства и состояния природных и рукотворных объектов.

Группами инструментов являются ***орудия***, ***устройства*** и ***узлы***.

Орудие воздействует на объект особым рабочим участком, положение которого контролируется или устанавливается посредством участка для удержания и/или крепления.

Устройство воздействует на объект, передавая ему усиленные и направленные произвольные движения человека или другого существа.

Узел взаимодействует с частями составного орудия или устройства, обеспечивая их реализацию как целостного снаряжения.

Приспособления — оснащение, выполняющее посредническую вспомогательную роль в намеренном установлении или изменении форм, свойств и состояний природных и рукотворных объектов.

Принадлежности — оснащение, само по себе являющееся объектом, установление или изменение состояний которого составляет содержание деятельности или сопутствует ей.

Принадлежности в индустриях представлены ***атрибутами*** и ***фурнитурой***.

Атрибуты — это движимое снаряжение, часто наделенное изобразительно-символическим значением.

Фурнитура представляет собой малоподвижные детали в составе других предметов оснащения.

Особо подчеркнем, что, в силу характера артефактного костно-рогового материала, здесь классифицируются объекты индустрии, а не целостные предметы оснащения, когда-то целиком или частично состоявшие из костно-рогового сырья. Мы осознаем, что технические функции некоторых изделий зачастую не проявлялись вне составных предметов. Пряслице с этой точки зрения бесполезно без веретена, псалии действуют в уздечке, рукоять обширным участком для удержания дополняет шило или нож. Поэтому рукоять ножа считается здесь не орудием, а устройством, хотя таковое, несомненно, было частью составного орудия из разных материалов. Такого рода отношения находятся уже за пределами данной классификации и должны группироваться особо. Кроме того, классификация по характеру технических функций не принимает во внимание типологические признаки; она работает, к примеру, с категорией всех рукояток ножей — одночастных и двучастных, цельных и составных, и т. п. (Мелюкова 1975: 169, 170; Гаврилюк, Усачук 1999: 109; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 121).

Особенность рассмотренного подхода состоит в том, что он позволяет включать в систему и группировать даже те объекты, назначение которых остается неизвестным или дискуссионным. Достаточно, например, установить наличие рабочей поверхности, чтобы утверждать, что перед нами *орудие*. С отнесением его к одному из двух классов придется повременить вплоть до выяснения происхождения следов изнашивания на рабочей поверхности. Хотя, разумеется, суждения в каждом конкретном случае делаются на основании самой разнообразной структурно-сырьевой и следоведческой информации.

Систематический обзор костяных и роговых артефактов поселения Чобручи

Следуя изложенным выше правилам, артефакты из кости и рога поселения Чобручи группируются так, как показано в таблице 2. В некоторые пустовавшие ячейки в иллюстративных целях помещены подходящие категории инвентаря, отсутствующие в Чобручах, но имеющиеся в скифском некрополе у села Глиное (Панковский 2016), а также на поселе-

Таблица 2.

Классификационная матрица костно-рогового оснащения раннего железного века Нижнего Приднестровья

Классы		Оснащение производительных действий (обработка, видоизменение)	Оснащение непроизводительных действий (приспособление, упорядочение)
Подклассы	**Группы**		
Инструменты	*Орудия и рабочие части орудий*	*гребень-вилка* *иглы* *мялки* *рыбочистки* *свайки* *скребки от пота* *струги* *шильце*	*булавка* *коньки*
	Узлы	*рукояти ножей* *трубчатый узел (рукоять?)*	*навершие кибити* *насадка-держатель* *псалий*
	Устройства и части устройств	веретено веретенный блок (пряслице)	*трубчатое устройство (сунак?)* флейта
Приспособления		*подставка для насечки серпов*	*трубчатое приспособление (футляр?)* игольник
Принадлежности	*Фурнитура*		накладки подвески
	Атрибуты		*игральные кости*

Примечание: курсивом выделены категории инвентаря, представленные в коллекции поселения Чобручи.

ниях Нижнего Поднестровья (Секерская 1993; Бруяко 1999; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012).

Ниже приводим сведения о каждой категории внутри групп.

Группа ***Орудия и рабочие части орудий***

Булавка, судя по малому фрагменту навершия, представляла собой прямоугольно-овальный в сечении стержень из компакты кости крупного животного, декорированный поперечными опоясывающими нарезками.

Категория ***гребни*** вмещает единственный экземпляр цельного изделия из рога оленя (Fidelschi 2006: Pl. 1: I, 2).

Учитывая хорошо выраженный износ всего изделия, следует, при этом, исключить чесание этим гребнем шерсти, растительных волокон, волос и т. п., поскольку на прямоугольных в сечении зубцах нет характерных опутывающих бороздок. Зато сработаны верхушки зубцов: погружаясь в какую-то истирающую эластичную среду на глубину 2—5 мм, они стали почти коническими. Такое изнашивание не представляется нормальным для ткацкого гребня-бёрдышка, которым подбивают нити утка; для бёрда, к тому же, нужны множественные частые зубцы. Возможно, перед нами довольно крупная обиходная вилка; данное допущение, разумеется, требует исследования, однако отнесение гребешкового изделия к орудиям остается в силе.

В категории ***иглы*** — два предмета. Одна игла представляет собой подработанную малую берцовую кость крупной собаки или волка; другая, более массивная, сделана из компакты длинной трубчатой кости крупного животного (Fidelschi 2006: Pl. 1: I, 1).

Категория ***коньки*** заключает в себе изделия и полуфабрикаты из:

— третьих плюсневых костей лошади (2 экз.) (Fidelschi 2006: Pl. 1: II, 1);

— третьей пястной кости лошади;

— 3-й и 4-й плюсневых костей КРС (Fidelschi 2006: Pl. 1: III, 1).

С очерком коньковой проблематики можно ознакомиться в работе одного из авторов этой статьи (Панковский 2013: 462—469). В отрасли античной археологии принят восходящий к С. А. Семенову подход, не различающий коньки для перемещения по льду и снегу (правильнее называть их «нарты» (Панковский 2013: 463)) и орудия для подготовительных операций или отделки в кожевенном производстве. Соответственно, находки из Нижнего Поднестровья считаются гладилками (Секерская 1993: 92, 94; Бруяко 1999: 102, 112—113, рис. 33: 2; 44: 2, 3; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 120, 124, табл. 48: 2). Поверхности скольжения чобручских коньков представляют собой полированные зоны глу-

бокой пришлифовки с преимущественно продольными линейными следами своеобразного облика, что в совокупности соответствует изнашиванию древних и экспериментальных костяных коньков и, вместе с тем, отличается от характерных следов на кожевенных орудиях из трубчатых костей (Barthel 1968—1969; Becker 1990: 23—24, Abb. 4; MacGregor 1975: 387, fig. 2; 3).

Категория ***мялки-беляки*** в типологическом отношении характеризуется тремя разновидностями изделий из:

— нижнечелюстных костей лошади (3 экз.);

— нижнечелюстных костей КРС (3 экз.);

— ребер лошади (2 экз.).

Ветви и тела лошадиных нижнечелюстных костей из Нижнего Поднестровья фигурируют в литературе как подвижные орудия — тупики для сгонки шерсти и струги для удаления мездры со шкур (Секерская 1993: 92, 94; рис. 1: 6; Бруяко 1999: 112, рис. 43: 3, 4). Ранее подобные «серповидные орудия» ассоциировались со сгонкой волос и разминанием шкур (Шрамко 1984: 145—146, 148—149, рис. 1: 5, 7, 20—22; 1987: 91, рис. 15: 3, 4). В них усматривали также ножи виноградарей или стригили для ухода за телом человека или домашних животных (Петерс 1986: 46—47, рис. 10—12, табл. V: 10—14, 17).

Следуя С. А. Семенову (1968: 160—161), сработанные ребра и участки ребер животных обычно наделяются функциями мездрильных ножей или скребков, но иногда и мялок (Шрамко 1984: 144, 148, рис. 1: 1—3; 1987: 91, рис. 21: 19, 28, 25; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 123, табл. 48: 1). Предполагается также, что разнообразные фрагменты ребер лошадей и КРС применялись для снятия шкур, обработки кож, расчленения мягких пищевых продуктов и пластичных масс, для очистки каких-то ровных поверхностей, срезания растений, обработки сосудов (Петерс 1986: 45—47, рис. 3—9; табл. IV: 1—25; V: 1, 2, 4, 8, 9, 15, 16, 18—21).

Особым образом подработанные нижнечелюстные кости КРС, характерные преимущественно для эпохи поздней бронзы, долгое время считались орудиями для удаления волоса и разминания сырых шкур или выделанных кож, что было продемонстрировано средствами трасологии (Семенов 1968: 161—162, рис. 53). На поселениях раннего железного века Северного Причерноморья такие «тупики» встречаются редко и связываются с волососгонкой (Гаврилюк, Усачук 1999: 118, рис. 5: 14, 16). Пересмотр следоведческой части и эксперименты выявили иное назначение орудий бронзового века наряду с мятьем ремней — мездрение шкур (Килейников 1989: 122—124; 2009: 101—107; Усачук 1996). Однако недавнее трасологическое исследование показало, что хотя бы некоторые тупики (т. е., собственно, «тупые ножи») эпохи поздней бронзы из нижнечелюстных костей КРС являются рабочими частями простых станковых орудий для отделки сыромяти, а не ручными мездрильными скребками (Панковський 2012: 4; Колода и др. 2017: 77—78). По характерным следам от обработки сыромяти мы относим к мялкам и все три вышеупомянутые разновидности из поселения Чобручи; в кустарном производстве станковое орудие для мятья и растягивания называется «беляк» (Пыльцина 2000: рис. 29).

Категорию ***рыбочистки*** составляют:

— фрагменты нижних эпифизов бедренных костей лошади (2 экз.) и КРС (1 экз.);

— участки ребер лошади (3 экз.) и КРС (6 экз.);

— крыло подвздошной кости лошади;

— фрагмент диафиза длинной кости крупного копытного.

О специализированных костяных ножах для чистки рыбы в античную эпоху Северного Причерноморья наука узнала опять-таки благодаря С. А. Семенову (Гайдукевич 1952: 114—116, 119, рис. 143; Петерс 1986: 46, табл. V: 5). Рыбочистки разных эпох и культур часто, хотя и не обязательно, изготовлены на основе костяных пластин из трубчатых костей (Бородовский 1997: 65, табл. 32), пластинчатых участков ребер (Скочина 2010: 27) и участков тел лопаток (Еньшин, Скочина 2017: 16, рис. 4: 1, 2). Особенность этой категории на поселении Чобручи состоит в применении малообработанных, приспособленных фрагментов костей.

Фрагменты нижних эпифизов бедренных костей крупных копытных (рис. 1) имеют следы сработанности, требующие в будущем отдельного представления и обсуждения. Подобный образец из Никония считается абразивом (полировальником) по металлу (Секерская 1993: 92, 94; Бруяко 1999: 115, рис. 47: 4). Внешне этим орудиям подобны т. н. шкурочистки (hide grainers) из эпифизов костей бизонов, находимые на поселениях преисторического периода племени уичита в Канзасе и Оклахоме и публиковавшиеся Уальдо Веделем еще в 1930-х и 1950-х годах (Blakeslee, Hawley 2006: 178). Однако по данным наших недавних модельных экспериментов, орудия с обширными участками губчатого вещества весьма продуктивны в чистке жесткой

Рис. 1. Чобручи. Рыбочистка из участка латеральной стороны нижнего эпифиза правой бедренной кости лошади (2014 г., раскоп Ie, яма 70, контекст III—II вв. до н. э.) (фото В. Б. Панковского).

Fig. 1. Chobruchi-2014. Section Ie. The horse femur fish scaler from the pit feature no. 70 dated back to the 3rd—2nd centuries BC (photo by V. Pankowski).

мелкой чешуи судаков и щук. Эти рыбы входили в диету обитателей поселения Чобручи (Кишлярук 1997; 2011). Для чистки тушек судаков и сазанов, опять-таки согласно нашим опытам, хорошо годятся также передние и задние края ребер животных. Экспериментальная сработанность во всех случаях и во всех деталях совпала со следами на археологических образцах.

Категория ***свайки*** (флотский термин для обозначения массивных шильев) содержит две разновидности:

— из левой локтевой кости домашней собаки средних размеров [3],

— из коронного участка рога косули (Fidelschi 2006: Pl. 1: II, 2).

Пока нет оснований связывать тупые изогнутые свайки с поселения Чобручи исключительно с наладкой и починкой такелажа; наверняка им находилось и иное применение в быту и производстве. Какое именно — пока не известно. Что касается сырьевой заготовки на основе локтевой кости собаки, то на фоне многочисленных костей этих животных в кухонных остатках поселения Чобручи и свидетельств поедания собак на других поселениях региона (Бруяко 1999: 42; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 137; Секерская 2012: 184) такой выбор сырья представляется неслучайным.

Дискуссионная категория ***скребки от пота*** включает обработанные подвздошные кости лошадей (4 экз.) (Fidelschi 2006: Pl. 1: VI).

Изделия, в основе которых крыло и часть ветви подвздошной кости крупного копытного, по не всегда оговоренным причинам называют разминателями (разминальниками) для кож (Шрамко 1984: 145—146, 148—149, рис. 1: 4, 8, 17—19; 1987: 91, рис. 15: 1, 2; Моруженко 1988: 44; Секерская 1993: 92, 94; Бруяко 1999: 113, рис. 43: 1, 2; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 123, 138; рис. 71: 6; табл. 48: 1) [4]. С некоторых пор орудия из подвздошных

[3] За определение этого образца, а также иглы из кости собаки, мы весьма признательны с. н. с. Лаборатории естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН, канд. биол. наук Е. Е. Антипиной.

[4] Предполагают, впрочем, что таковые служили для выглаживания древков (Петерс 1986: 48, табл. VI:

костей рассматриваются как тупики для мездрения и мягчения (разглаживания) шкур, для чего, похоже, есть и трасологические основания (Бородовский 1997: 71—72, табл. 37: 1, 2; Усачук 1997: 175). Поэтому мы ожидали увидеть на образцах из поселения Чобручи приметы изнашивания стругов и мялок, но таковых не оказалось. Разумеется, проблема назначения и способов применения этих своеобразных орудий потребует специальных следоведческих изысканий. Дело в том, что рабочие кромки на чобручских костях сильно заглажены, но лишены специфических пришлифовок, заполировок и, в особенности, линейных образований, свойственных мездрильным и разминающим инструментам. Вместе с тем, своими дуговидными косыми фасками на продолговатых рукоятях они весьма напоминают скребки от пота (т. н. потные ножи), применяемые для сушки вспотевших, вымокших под дождем или выкупанных лошадей (Врангель 1898: 90—91, рис. 15—17). Вопрос о костяных стригилях для тела человека и скребках для домашних животных уже ставился в литературе (Петерс 1986: 47, рис. 12, табл. V: 17). А чистка и мытье упряжных и верховых лошадей были, очевидно, распространены в древности: как важная процедура военно-полевого быта и церемоний, чистка отражена, например, в сценах ассирийского царского ритуала IX в. до н. э. (May 2010: 460, fig. 2). Теперь тематика груминга и его оснащения актуальна для эпохи палеометалла Северной Евразии [5].

Все четыре экземпляра в категории ***струги*** (Семенов 1968: 160—161) представляют собой верхние (проксимально-срединные) участки левых ребер лошадей. Их характерной особенностью являются хорошо заостренные продольным строганием вогнутые краниальные края. В таком оформлении эти части левых ребер удобны для удержания правой рукой и рабочих движений вперед, от себя. Ребра-мялки и ребра-рыбочистки (см. выше) заостряющей обработке не подвергались, а их рабочие кромки помещались в срединных и нижних частях ребер [6].

Шильце изготовлено из компакты диафиза кости небольшого животного, скорее всего — МРС.

Группа ***Узлы***

В данной группе примечательны роговые объекты: крюкастое ***навершие кибити*** сложного лука (см.: Берсенёв, Епимахов, Зданович 2010), втульчатая ***насадка-держатель*** (плети, лесы и т. п.) (Fidelschi 2006: Pl. 2: III, 1) и полуфабрикат плоского зооморфного ***псалия***.

Категория ***рукояти ножей*** выделяется на основании трех пластин от трех индивидуальных и типологически различных сборных предметов (Fidelschi 2006: Pl. 2: V, 2—4). Типологии и технологии рукояточной оснастки ножей Поднестровья специалисты неоднократно уделяли внимание (Секерская 1993: 92, 94; Бруяко 1999: 113—114, рис. 45: 1—6; 46: 1—6; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 120, 121—122, 138; рис. 72: 1, 2, 4—10; табл. 48: 2, 4). Мы не можем последовать их примеру в рамках данной статьи, оставляя детальное рассмотрение рукоятей поселения Чобручи до более подходящего случая.

Категорий, несомненно представляющих группу ***Устройства и части устройств***, в коллекции поселения Чобручи нет, однако такие категории (веретенные блоки, звуковые инструменты) известны в раннем железном веке Поднестровья (напр., Бруяко 1999: 107, 108, 117—118; рис. 39: 3, 7, 8; 48: 6; 50: 2, 3).

Подкласс ***Приспособления***

Категория ***подставки для насекания серпов*** представлена одним экземпляром лучевой кости лошади (Fidelschi 2006: 27, Pl. 2: IV; Arnăut 2009: 175, 180, fig. 5: 2).

Вывод о применении костей со множественными насечками для обточки и шлифовки строительных деталей из горных пород с подсыпкой песка постулирован С. А. Семеновым (1957: 220—222, рис. 101, 103; 1958)

2) или для полировки изделий из горных пород (Демиденко 1993: 144—145, 151, табл. VIII).

[5] В этой связи интерес для трасологического исследования представляют массовые находки обработанных подвздошных костей на поселении Токсанбай (Самашев, Ермолаева, Лошакова 2002: табл. I: 6, 7), где три таких «трепала» обнаружены, в частности, рядом с псалиями от уздечки на полу постройки (Самашев, Ермолаева, Лошакова 2007: 90, рис. 3; фото 9). Мы, конечно, далеки от мысли объявлять эти изделия «потными ножами» до выполнения следоведческой экспертизы; однако их использование для обработки шкур добытых на охоте куланов тоже нуждается в следоведческом подтверждении.

[6] К орудиям относится также средняя часть левого ребра КРС, но его рабочая поверхность разрушена, а следы изнашивания нераспознаваемы. Кроме того, в субфракции отходов имеются проксимальные участки двух ребер (лошади и КРС) со следами поперечного перерезания ножом. Вполне возможно, что это делалось с целью отделения заготовок для орудий.

Рис. 2. Чобручи. Левая таранная кость лошади с пришлифованными фасетками (2005, раскоп IIа, яма 59; контекст, вероятнее всего относящийся к III—II вв. до н. э.) (фото В.Б. Панковского).

Fig. 2. Chobruchi-2005. Section IIa. The horse talus with abraded facets from the pit feature no. 59 probably dated back to the 3rd—2nd centuries BC (photo by V. Pankowski).

и впоследствии неоднократно повторялся в обзорах костяных индустрий античного, эллинистического и римского времени (Петерс 1986: 42—43, рис. 1, табл. II; III: 1—11; Секерская 1993: 92, 94; рис. 1: 5; Бруяко 1999: 101—102, 115, рис. 23: 1; 33: 1—4; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 120, 123—124,138, табл. 48: 1). Некоторые исследователи (Петерс 1986: 43; Arnăut 2009: 184) склонны рассматривать такие «рашпили» как многоцелевые орудия, назначение и способы употребления которых варьировали в зависимости от локальных хозяйственно-производственных особенностей; такой подход к проблеме доминировал и в 1930—50-х годах, т. е. до исследований С. А. Семенова. Известно ведь, что «рашпили» обнаруживаются и в таких местах, где совершенно отсутствуют свидетельства строительного применения горных пород, сколько-нибудь сопоставимого по масштабам и мастерству с античными городами Черноморского побережья. Кроме того, на многих изделиях, в т. ч. на чобручском, вовсе нет шлифованных поверхностей, а неглубокие насечки сделаны на таких покатых участках (помимо сравнительно плоской середины диафиза), что совершенно не годятся для удержания и перемещения абразивных песчинок. Недаром лошадиная лучевая кость с нанесенными безо всякого порядка насечками была воспринята в свое время как подставка или наковаленка (Моруженко 1988: 44, рис. 8: 22). Таким образом, археология оказалась подготовлена к ревизии назначения «рашпилей». После выхода серии публикаций и сводов, снабженных следоведческими и экспериментальными данными, стало ясно, что большинство известных «рашпилей» (за исключением некоторых экземпляров с нерукотворными псевдонасечками и т. п.) являются подставками или наковальнями для разгонки и насекания лезвий серпов. Они широко распространились в Средиземноморье и припонтийских областях примерно в середине I тыс. до н. э. и местами активно применялись до XVIII в. н. э. (Rodet-Belarbi et al. 2002; Esteban Nadal, Carbonell Roure 2004;

Rodet-Belarbi et al. 2007; Beldiman et al. 2011; Antipina 2013; Антипина 2013).

К группе ***Атрибуты*** относится, прежде всего, левая таранная кость овцы с пришлифованными латеральной и медиальной поверхностями. Обработанные указанным способом кости МРС без следов дополнительного изнашивания на шлифованных сторонах относятся к игрально-ворожильным принадлежностям (обзор см.: Панковский 2013: 454).

Проблематична идентификация одной правой и двух левых таранных костей лошади с пришлифовками на разных участках (рис. 2). Следуя заключениям исследователей, таранные кости КРС и МРС с фасетками на передних и задних сторонах служили абразивами (полировальниками), в частности — для работы по металлу (Секерская 1993: 92, 94; рис. 1: 4; Бруяко 1999: 114—115, рис. 34: 2, 4—7; 47: 1—3)[7]. Согласно нашим наблюдениям, данные выводы нельзя распространить на лошадиные таранные кости поселения Чобручи, поскольку на их шлифованных поверхностях нет следов изнашивания. Известно, во всяком случае, что таранные кости лошади (правда, необработанные) вместе с костями КРС, МРС и свиньи составляли набор в инвентаре погребения эпохи поздней бронзы (Юдин 2009: 150, рис. 7).

Особо, хотя и кратко, прокомментируем две *трубочки без дополнительных отверстий*, каждая из которых представляет собой сросшиеся диафизы 3-х и 4-х плюсневых костей МРС (Fidelschi 2006: Pl. 2: III, 2). Показательно, что в списках предполагаемых назначений трубочек (Петерс 1986: 76—77; Демиденко 1993: 146—147) их относят преимущественно к устройствам (сунаки, доильные трубки), а также к узлам (рукояти) и приспособлениям (игольники). К этому списку можно было бы добавить трубочки для питья, духовые трубки (метательное оружие, нередко — потешное), сопла для раздувания огня в очаге и т. п. На трубочках поселения Чобручи отсутствуют рабочие поверхности, т. е. они не являются орудиями. Обе трубочки обработаны продольным скоблением до устранения естественной фактуры диафизов, а одна, вдобавок, декорирована спиральной нарезкой.

[7] Иногда сточенные в дорсальном и плантарном направлениях таранные кости МРС считаются все же аксессуарами игр (Петерс 1986: 81—84; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 121, 125, табл. 48: 4). Таранные кости КРС при этом фигурируют как «бабки» в группе производственных орудий (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 121).

Функционально-технологическая классификация

По А. П. Бородовскому (1997: 37, 44), к выявленному на структурно-сырьевом уровне исследования конгломерату — скелетной кости (трубчатой, плоской и т. д.), цельному и полому рогу, зубам, бивню, роговице и пр. — приложимы технологические системы, в которых «сырье постепенно видоизменяется, теряя... естественную форму». Постепенность изменений и усложнение обработки выявляются на технологическом уровне анализа, на материале базовых заготовок, в виде следующих технологических систем:

— полное использование естественной формы (утилизация начинается на фазе разделки туши);

— частичное использование естественной формы;

— использование сырьевых осколков;

— раскрой и расщепление сырья.

Перевоплощение базовых заготовок в изделия и их последующие видоизменения изучаются на функциональном уровне.

Развивая данные построения, нынешняя систематизация учитывает усложнение обработки и место природных сочетаний в конструкции изделий. Так, *структурно-сырьевой анализ* основывается на наблюдении элементов сырья и устанавливает его изменения. *Технологический анализ* выявляет продукты обработки, операционные цепочки, а *функциональный анализ* раскрывает взаимоотношения формы и назначения изделий, их пригодности и готовности к выполнению тех или иных операций на данном уровне технологического освоения сырья. На указанных основаниях выделяются следующие техноклассы объектов:

аккомодаты — необработанные объекты, использованные в природной форме (натуральные а.) или частями (парциальные а.);

модификаты — артефакты, в которых сырье изменено с сохранением природных очертаний (натуральные м.) или элементов в природной связи (парциальные м.);

конвертаты — артефакты с остаточно уцелевшими элементами и очертаниями исходного сырья (Панковський 2012: 4; Панковский 2015: 277, 279).

Эта классификация, таким образом, является не просто технологической, а функционально-технологической (табл. 3). Использованы сведения из публикаций: Секерская 1993; Бруяко 1999; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012; Панковский 2016; Панковский,

Таблица 3.

Классификационная матрица костно-рогового оснащения из местонахождений раннего железного века Нижнего Поднестровья, дополненная распределением по техноклассам

ТК	Инструменты			Приспособления	Принадлежности	
	орудия и рабочие части орудий	узлы	устройства и части устройств		фурнитура	атрибуты
НА	• мялка					
ПА	• мялка • рыбочистки					
НМ	• игла • коньки • свайка *абразивы*	*пуговица*		• подставка для насечки серпов *подшипники*	*амулет* *подвески*	• игральные кости
ПМ	• мялки • свайка • скребки от пота • струги *лощила* *мотыги* *развертка* *скобель* *трепало* *тупик*	• навершие кибити • насадка-держатель • трубчатый узел (?) *ручки серпов* *рукоятка*	• трубчатое устройство (?) *пряслице* *флейты*	• трубчатое приспособление (?) *игольники*	*подвески*	
К	• булавка • гребень-вилка • игла • шильце *гребешки* *колышки* *кочедык* *ложка* *лощила* *након. стрел* *стилос* *челнок* *шпатели*	• псалий • рукояти ножей *кольца* *пряжки* *рукоятка* *рук. зеркала*	*веретена*		*бляшка* *бусины* *ворворки* *инкрустации* *пронизка*	*статуэтки*

Примечания: ТК — техноклассы; НА — натуральные аккомодаты; ПА — парциальные аккомодаты; НМ — натуральные модификаты; ПМ — парциальные модификаты; К — конвертаты. Оснащение из Чобручей отмечено знаком bullet (•); оснащение из других местонахождений показано *курсивом*.

Синика 2017. При этом для категорий, недоступных к верификации *de visu*, оставлена номенклатура, предложенная исследователями (Секерская 1993; Бруяко 1999; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012).

Орудия представлены во всех техноклассах; это и удобные целые кости, и обломки костей, и тщательно отделанные части намеренно извлеченной компакты. При этом самый бесхитростный приспособительный подход к сырью, получаемому при разделке туш животных, реализовывался исключительно в отношении орудий (ребра-мялки, все рыбочистки в классе аккомодатов). Продолжением этой практики является модификация (подправка, улучшение) естественных форм (строка «натуральные модификаты»). Показательно, что здесь в разных классах оснащения употреблены одинаковые или функционально однородные элементы скелета (см.: абразивы, подшипники и игральные кости; коньки и наковальня для серпов). В фурнитуре и узлах достаточно было перфорировать привлекательные маленькие кости, а в орудиях — усилить и без того заостренные участки кости и рога. Парциальные модификаты создавались по несколько иным принципам. В них, в частности, ценилось трубчатое полостное (кость) и клиновидное частично полостное (рог, клыки) строение заготовок, от которых отделялось все лишнее. В иных случаях (навершие кибити, веретен-

ный блок) интерес представляли сравнительно небольшие, замкнутые части крупных сырьевых объектов. Для орудий же, как и в натуральных модификатах, отбирали участки крупных костей с естественными заостренными и изогнутыми кромками и окончаниями. Совершенно естественно, что все мелкие предметы с изящной проработкой корпусов и деталей, к какому бы классу оснащения они ни принадлежали, являются конвертатами. Достаточно глубоких видоизменений (конвертации) требовало также получение пластинчатых заготовок и переоформление их в плоские и стержневидные изделия.

Заключение

Прежние классификации костяного и рогового инвентаря раннего железного века Нижнего Поднестровья демонстрировали ассортимент продукции косторезного дела и рогообработки, приложимость этой продукции к хозяйственным, производственным и бытовым потребностям, а также уровень инструментального обеспечения указанных сфер и занятий в его сырьевом разнообразии.

Такие классификации необходимы и целесообразны, однако возможны и другие, предназначенные для разработки иных проблем костно-роговых индустрий.

Так, представленные нами принципы группирования служат раскрытию взаимосвязей форм сырья и глубины их технологического освоения с функциями изделий. Данный подход, в отличие от известных прежде, служит выявлению, всестороннему сопоставлению и статистической оценке структуры индустрий археологических культур и, следовательно, дает новые знания об общих и частных *нормах обращения с костно-роговым сырьем* в живых культурах прошлого. Поскольку такие нормы, кроме четко фиксируемых статичных состояний, обладают пространственно-временной изменчивостью, они являются важными показателями содержания и путей культурогенеза (Бородовский 1997: 3—6, 26—28, 31, 36, 41, 44, 112; Панковський 2012: 6, 7, 9—10, 11).

В заключение анонсируем не вполне реализованные направления исследования.

Прежде всего, мы собираемся ввести в оборот наблюдения структурно-сырьевой вариабельности и трасологическую часть по каждой категории, представленной в этой статье.

Во-вторых, предстоит интерпретировать объекты из субфракции костных и роговых производственных отбросов, а также некоторые объекты, по нынешнему предварительному допущению являющиеся заготовками и полуфабрикатами нераспознанных пока изделий. Если, например, обрезки позвоночных частей ребер имеют отношение к получению заготовок для рыбочисток или мялок, то мотивы обработки ряда других скелетных элементов нам пока не известны. Таким образом, субфракция оснащения может пополниться новыми категориями; очевидно, впрочем, что необходимые выводы могут быть сделаны только на основе изучения более обширной выборки, чем коллекция одного поселения. На данном этапе изучения достаточно того, что мы представили основы классификации материала, которой впредь намерены следовать.

Наконец, необходимо изучить распределение классификационных единиц по комплексам трех горизонтов поселения с учетом стратиграфии, планиграфии и контекстных связей.

Литература

Антипина Е.Е. 2013. По следам костяных «рашпилей» из античных памятников Северного Причерноморья. В: Коваленко А.Н. (отв. ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: НМЦА ЮФУ, 382—388.

Берсенёв А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. 2010. Синташтинский лук: археологические материалы и варианты реконструкции. В: Зданович Д.Г. (отв. ред.). *Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала*. К 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 1. Челябинск: ЧелГУ, 82—95.

Бородовский А.П. 1997. *Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Бруяко И.В. 1999. *Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7—3 вв. до Р.Х.* Волжск: ОАМ НАНУ; Волжская городская типография.

Врангель К.Г. 1898. *Книга о лошади*. Вып. I. Санкт-Петербург: Издание Ф.В. Щепанского.

Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. 1999. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища). *РА* (3), 108—123.

Гайдукевич В.Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. В: Гайдукевич В.Ф., Максимова М.И. (ред.). *Боспорские города*. I. *Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг.* МИА 25. Москва; Ленинград: АН СССР, 15—134.

Демиденко Л.А. 1993. Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса. В: Казакова Л.М. (ред.).

Вестник Танаиса 1. Ростов-на-Дону: Гефест, 140—175.

Дзис-Райко Г. А., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 2012. *Надлиманское городище IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье*. МАСП. Монографическая серия 3. Одесса: СМИЛ.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. 2017. Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергень 6. *ВААЭ* 37 (2), 15—29.

Килейников В. В. 1989. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы. В: Синюк А. Т. (отв. ред.). *Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи*. Воронеж: ВГПИ, 119—126.

Килейников В. В. 2009. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье. В: Сафонов И. Е. (отв. ред.). *Археология восточноевропейской лесостепи*. Воронеж: ВГУ, 96—113.

Кишлярук В. М. 1997. Значение остатков ихтиофауны для реконструкции хозяйственной деятельности античного поселения Чобручи. В: Охотников С. Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: ОАМ НАНУ, 170—173.

Кишлярук В. М. 2000. Определение границ распространения поселения Чобручи по содержанию фосфора в почве. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья*. Материалы полевого семинара. Тирасполь: ПГУ, 56—60.

Кишлярук В. М. 2011. Рыбный промысел как стратегия жизнеобеспечения древних поселений Нижнего Приднестровья. В: Матвеева Н. П., Багашев А. Н. (отв. ред.). *Экология древних и традиционных обществ* 4. Сборник докладов конференции. Тюмень: ИПОС СО РАН, 173—176.

Клейн Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР.

Колода и др. 2017. Колода В. В., Панковський В. Б., Разумов С. М., Корохіна А. В. 2017. Вироби з кістки та гірських порід енеоліту та бронзової доби на поселенні Фащівка. *Археологія* (2), 76—89.

Мелюкова А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка*. Москва: Наука.

Моруженко А. А. 1988. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы. *СА* (1), 33—52.

Никулицэ И. Т., Фидельский С. А. 2004. Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи. In: Chetraru N. (red. coord.). *Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000—2003)*. Chişinău: Tyragetia, 50—63.

Панковский В. Б. 2013. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки. В: Котова Н. С. *Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа*. Киев; Харьков: Майдан, 449—483.

Панковский В. Б. 2015. Слободзейские псалии. *Stratum plus* (3), 265—296.

Панковский В. Б. 2016. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное. В: Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Археологические памятники Приднестровья III. Кишинев: Stratum plus, 1003—1038.

Панковский В. Б., Гиря Е. Ю., Саблин М. В. 2015. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями. *Stratum plus* (1), 169—184.

Панковский В. Б., Синика В. С. 2017. Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное. *Stratum plus* (3), 343—359.

Панковский В. Б., Яниш Е. Ю. 2017. О происхождении отверстий и углублений на костях животных из Александропольского кургана (в печати).

Панковський В. Б. 2012. *Кістяна і рогова індустрії доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.

Петерс Б. Г. 1986. *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: Наука.

Пыльцина М. 2000. *Краткая энциклопедия скорняка*. Ростов-на-Дону: Проф-пресс.

Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н. 2002. Новое в археологии бронзового века Западной Азии. В: Литвиненко В. Ф. и др. (ред.). *Історична наука: проблеми розвитку*. Матеріали Міжнародної конференції. Секція «Археологія». Луганськ, 166—179.

Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н. 2007. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 6 (1), 87—102.

Секерская Е. П. 1993. К вопросу о производстве костяных орудий в античном Никонии. В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Древности причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 91—94.

Секерская Е. П. 2012. Фауна Надлиманского городища. В: Дзис-Райко Г. А., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 2012. *Надлиманское городище IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье*. МАСП. Монографическая серия 3. Одесса: СМИЛ, 180—185.

Семенов С. А. 1957. *Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы)*. МИА 54. Москва: АН СССР.

Семенов С. А. 1958. Шліфувальні кістяні знаряддя з Ольвії. *АП УРСР* VII, 92—97.

Семенов С. А. 1968. *Развитие техники в каменном веке*. Ленинград: Наука.

Скочина С. Н. 2010. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень-6. *АЭАЕ* 42 (2), 25—36.

Усачук А. Н. 1996. К вопросу о тупиках — орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века. В: Кияшко А. В. (ред.). *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Волгоград: Перемена, 66—71.

Усачук А. Н. 1997. Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на Дону. *Археологический альманах* 6, 173—180.

Фидельский С. А. 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III—II вв. до н. э. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Материалы Международной научной конференции. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: ПГУ, 16—20.

Шрамко Б. А. 1984. Обработка кожи в Скифии. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э.* Днепропетровск: ДГУ, 142—156.

Шрамко Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи*

(город Гелон). Киев: Наукова думка.

Щербакова Т.А. 1994. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.).* Тирасполь: Типар, 231—232.

Щербакова Т.А. 1997. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III — первой четверти II в. до н.э. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. — IV в.н.э.).* Тирасполь: ПГУ, 19—22.

Юдин А.И. 2009. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? В: Лопатин В.А. (ред.). *Археология Восточно-Европейской степи* 7. Саратов: Научная книга, 146—170.

Antipina E.E. 2013. Serrated Iron Sickles and Ancient Bone "Rasps" from the North Black Sea Region. Destiny of the Innovation. In: Lang F. (ed.). *The Sound of Bones. Proceedings of the 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Salzburg 2011.* Schriften zur Archäologie und Archäometrie der Paris Lodron-Universität Salzburg 5. Salzburg: Universität Salzburg, 25—31.

Arnăut T. 2009. Raşpele — noi contribuţii la industria oaselui dur de animale. In: Zanoci A., Arnăut T., Băţ M. (eds.). *Studia archeologiae et historiae antiquae.* Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiţă, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur. Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 175—186.

Barthel H.-J. 1968—1969. Schlittknochen oder Knochengeräte? *Alt-Thüringen* X, 205—227.

Becker C. 1990. Bemerkungen über Schlittknochen, Knochenkufen und ähnliche Artefakte, unter besonderer Berücksichtigung der Funde aus Berlin-Spandau. In: Schibler J., Sedlmeier J., Spycher H. (Hrsg.). *Festschrift für Hans R. Stampfli: Beiträge zur Archäozoologie, Archäologie, Anthropologie, Geologie und Paläontologie.* Basel: Helbing u. Lichtenhahn, 19—30.

Beldiman et al. 2011: Beldiman C., Sztancs D.-M., Rusu-Bolindeţ V., Achim I.A. 2011. Skeletal technologies, metal-working and wheat harvesting: ancient bone and antler anvils for manufacturing saw-toothed iron sickles discovered in Romania. In: Baron J., Kufel-Diakowska B. (eds.). *Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains.* Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 173—186.

Blakeslee D.J., Hawley M.F. 2006. The Great Bend Aspect. In: Hoard R.J., Banks W.E. (eds.). *Kansas Archaeology* 12. Lawrence: University Press of Kansas, 165—179.

Esteban Nadal M., Carbonell Roure E. 2004. Sawtoothed sickles and bone anvils: a medieval technique from Spain. *Antiquity* 301 (78), 637—646.

Fidelschi S. 2006. Dezvoltarea meşteşugului la populaţia sedentară din regiunea Nistrului Inferior. *Tyragetia* XV, 24—33.

MacGregor A. 1975. Problems in the Interpretation of Microscopic Wear Patterns: the Evidence from Bone Skates. *JAS* (2), 385—390.

May N.N. 2010. The Qersu in Neo-Assyrian Cultic Setting. Its Origin, Identification, Depiction and Evolution. In: Kogan L., Koslova N., Loesov S. et al. (eds). *Language in the ancient Near East.* Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 441—489.

Rodet-Belarbi et al. 2007: Rodet-Belarbi I., Esteban Nadal M., Forest V., Moreno-Garcia M.E., Pimenta C. 2007. Des aiguisoirs/polissoirs aux enclumes en os: historiographie des os piquetés. *Archéologie Médiévale* 37, 157—167.

Rodet-Belarbi et al. 2002: Rodet-Belarbi I., Forest V., Gardel M.-E., Ginouvez O., Rochetea M. 2002. Aiguisoirs-polissoirs médiévaux en os (VIIe—XIVe siècles): nouvelles données. *Archéologie du Midi médiéval* 20 (1), 149—153.

References

Antipina, E.E. 2013. In Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia (Black Sea Coast in Classical Antiquity and Early Middle Ages).* Rostov-on-Don: Scientific-Methodological Center for Archaeology, Southern Federal University, 382—388 (in Russian).

Bersenev, A.G., Epimakhov, A.V., Zdanovich, D.G. 2010. In Zdanovich, D.G. (ed.). *Arkaim — Sintashta: Drevnee nasledie Iuzhnogo Urala (Arkaim — Sintashta: Ancient Heritage of Southern Ural)* 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 182—95 (in Russian).

Borodovskii, A.P. 1997. *Drevnee kostoreznoe delo iuga Zapadnoi Sibiri (vtoraia polovina II tys. do n.e. — pervaia polovina II tys.n.e.) (Ancient Bone Carving in the South of the Western Siberia (second half of II Millennium BC — first half of II Millennium AD)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Bruyako, I.V. 1999. *Ocherki ekonomicheskoi istorii naseleniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v 7—3 vv. do R.Kh. (Essays on the Economic History of the Population of North-Western Pontic Area in 7th — 3rd centuries BC).* Volzhsk: Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine; "Volzhskaia gorodskaia tipografia" Publ. (in Russian).

Wrangel, K.G. 1898. *Kniga o loshadi (A Book on the Horse)* I. Saint Petersburg: "F.V. Shchepansky" Publ. (in Russian).

Gavrilyuk, N.A., Usachuk, A.N. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 108—123 (in Russian).

Gaidukevich, V.F. 1952. In Gaidukevich, V.F., Maksimova, M.I. (eds.). *Bosporskie goroda.* I. *Itogi arkheologicheskikh issledovanii Tiritaki i Mirmekiia v 1935—1940 gg. (Bosporan Towns I: Results of Archaeological Investigations in Tiritaca and Myrmekium in 1935—1940).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 25. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 15—134 (in Russian).

Demidenko, L.A. 1993. In Kazakova, L.M. (ed.). *Vestnik Tanaisa (Tanais Bulletin)* 1. Rostov-on-Don: "Gefest" Publ., 140—175 (in Russian).

Dzis-Raiko, G.A., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 2012. *Nadlimanskoe gorodishche v IV—III vv. do n.e. v Nizhnem Podnestrov'e (Nadlimanskoye Fortified Site of the 4th—3rd Centuries BC in the Lower Dniester Area).* Series: Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region), monographic series 3. Odessa: "SMIL" Publ. (in Russian).

Enshin, D.N., Skochina, S.N. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 37 (2), 15—29 (in Russian).

Kileinikov, V.V. 1989. In Siniuk, A.T. (ed.). *Problemy arkheologicheskogo izucheniia Dono-Volzhskoi lesostepi (Issues of Archaeological Studying of the Forest-Steppe between the*

Don and Volga Rivers). Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 119—126 (in Russian).

Kileinikov, V.V. 2009. In Safonov, I.E. (ed.). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone).* Voronezh: Voronezh State University, 96—113 (in Russian).

Kishliaruk, V.M. 1997. In Okhotnikov, S.B. (ed.). *Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia (Nikonium and the Ancient World of Northern Pontic Region).* Odessa: Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine; "Vetakom" Publ., 170—173 (in Russian).

Kishliaruk, V.M. 2000. In Yarovoy, E.V. (ed.). *Chobruchskii arkheologicheskii kompleks i drevnie kul'tury Podnestrov'ia: materialy polevogo seminara (Ciobruci Archaeological Complex and the Ancient Cultures of the Dniester Region: Materials of the Field Seminar).* Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 56—60 (in Russian).

Kishliaruk, V.M. 2011. In Matveeva, N.P., Bagashev, A.N. (eds.). *Ekologiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of Ancient and Modern Societies)* 4. *Metodika issledovaniia arkheologicheskogo tekstilia (Methods of Archaeological Textile Research).* Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 173—176 (in Russian).

Klejn, L.S. 1991. *Arkheologicheskaia tipologiia (Archaeological Typology).* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Koloda, V.V., Pankovs'kyj, V.B., Razumov, S.M., Korokhina, A.V. 2017. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 76—89 (in Ukrainian).

Melyukova, A.I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u sela Nikolaevka (The Scythian Time Settlement and Burial Ground near the Nikolaevka Village).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Moruzhenko, A.A. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 33—52 (in Russian).

Niculiță, I.T., Fidelschi, S.A. 2004. In Chetraru, N. (red. coord.). *Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000—2003).* Chişinău: Tyragetia, 50—63 (in Russian).

Pankovski, V.B. 2013. In Kotova, N.S. *Dereivskaia kul'tura i pamiatniki Nizhnemikhailovskogo tipa (Dereivka Culture and the Sites of the Nizhnemikhailovsky Type).* Kiev; Kharkov: "Maidan" Publ., 449—483 (in Russian).

Pankovski, V.B. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 265—296 (in Russian).

Pankovski, V.B. 2016. In Tel'nov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n.e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BC near Glinoe Village).* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Sites of Pridnestrovie) III. Kishinev: Stratum plus, 1003—1038 (in Russian).

Pankovski, V.B., Girya, E. Yu., Sablin, M.V. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 169—184 (in Russian).

Pankovski, V.B., Sinika, V.S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 343—359 (in Russian).

Pankovski, V.B., Ianish, E. Yu. 2017. O proiskhozhdenii otverstii i uglublenii na kostiakh zhivotnykh iz Aleksandropol'skogo kurgana (On the Origin of Holes and Depressions on the Animal Bones from the Alexandropol Barrow) (in print) (in Russian).

Pankovski, V.B. 2012. *Kistyana i rohova industriï doby pizn'oï bronzy v Pivnichnomu Prychornomor'ï (Bone and Antler Industries of the Late Bronze Age in the Northern Pontic Region).* PhD Thesis. Kiev (in Ukrainian).

Peters, B.G. 1986. *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia (Bone Carving in Classical States of the Northern Black Sea Region).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pyltsina, M. 2000. *Kratkaia entsiklopediia skorniaka (Brief Encyclopaedia of a Furrier).* Rostov-on-Don: "Prof-press" Publ. (in Russian).

Samashev, Z.S., Ermolaeva, A.S., Loshakova, T.N. 2002. In Litvinenko, V.F., Shchedrova, G.P., Bodrukhin, V.M., Dovzhuk, I.V. (eds.). *Istorychna nauka: problemy rozvytku (Historical Science: Problems of Development).* Lugansk: East Ukrainian National University named after Vladimir Dahl, 166—179 (in Russian).

Samashev, Z.S., Ermolaeva, A.S., Loshakova, T.N. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Problems of History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* 6 (1), 87—102 (in Russian).

Sekerskaya, E.P. 1993. In Vanchugov, V.P. (ed.). *Drevnosti prichernomorskikh stepei (Antiquities of the Pontic Steppes).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 91—94 (in Russian).

Sekerskaya, E.P. 2012. In Dzis-Raiko, G.A., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 2012. *Nadlimanskoe gorodishche v IV—III vv. do n.e. v Nizhnem Podnestrov'e (Nadlimanskoye Fortified Site of the 4th—3rd Centuries BC in the Lower Dniester Area).* Series: Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region), monographic series 3. Odessa: "SMIL" Publ., 180—185 (in Russian).

Semenov, S.A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika. Opyt izucheniia drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty (Prehistoric Technology (an Experimental Study of the Oldest Tools and Artifacts from Traces of Manufacture and Wear)).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 54. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Semenov, S.A. 1958. In *Arkheolohichni pam'yatky URSR (Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)* VII, 92—97 (in Ukrainian).

Semenov, S.A. 1968. *Razvitie tekhniki v kamennom veke (The Evolution of Technique in the Stone Age).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Skochina, S.N. 2010. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 42 (2), 25—36 (in Russian).

Usachuk, A.N. 1996. In Kiiashko, A.V. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei v sisteme vostochno-evropeiskogo bronzovogo veka (Antiquities of the Volga and Don Steppes in the System of the East European Bronze Age).* Volgograd: "Peremena" Publ., 66—71 (in Russian).

Usachuk, A.N. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 6, 173—180 (in Russian).

Fidelschi, S.A. 2012. In Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n.e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC).* Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 16—20 (in Russian).

Shramko, B.A. 1984. In Kovaleva, I.F. (manag. ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia III—I tys. do n.e. (Problems of Archaeology of the Dnieper Region in the 3rd—1st Millennia BC).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 142—156 (in Russian).

Shramko, B.A. 1987. *Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Belsk Fortified Settlement of the Scythian Epoch (the Town of Gelon)).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Shcherbakova, T.A. 1994. In Yarovoi, E.V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The Most Ancient Communities of Farmers and Stock-breeders of the Northern Pontic Region (V Millennium BC — 5th Century AD)).* Tiraspol: "Tipar" Publ., 231—232 (in Russian).

Shcherbakova, T.A. 1997. In Yarovoy, E.V. (ed.). *Chobruchskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimovliianiia antichnoi i varvarskikh kul'tur (IV v. do n. e. — IV v. n. e.) (Ciobruci Archaeological Complex and the Problem of Interaction Between the Ancient and Barbarian Cultures (4th Century BC — 4th Century AD). Abstracts of the Field Seminar).* Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 19—22 (in Russian).

Iudin, A.I. 2009. In Lopatin, V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 7. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 146—170 (in Russian).

Antipina, E.E. 2013. Serrated Iron Sickles and Ancient Bone "Rasps" from the North Black Sea Region. Destiny of the Innovation. In Lang, F. (ed.). *The Sound of Bones. Pro-*

ceedings of the 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Salzburg 2011. Schriften zur Archäologie und Archäometrie der Paris Lodron-Universität Salzburg 5. Salzburg: Universität Salzburg, 25—31.

Arnăut, T. 2009. Raşpele — noi contribuţii la industria osului dur de animale. In Zanoci, A., Arnăut, T., Băţ, M. (eds.). *Studia archeologiae et historiae antiquae*. Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiţă, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur. Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 175—186.

Barthel, H.-J. 1968—1969. Schlittknochen oder Knochengeräte? *Alt-Thüringen* X, 205—227.

Becker, C. 1990. Bemerkungen über Schlittknochen, Knochenkufen und ähnliche Artefakte, unter besonderer Berücksichtigung der Funde aus Berlin-Spandau. In Schibler, J., Sedlmeier, J., Spycher, H. (Hrsg.). *Festschrift für Hans R. Stampfli: Beiträge zur Archäozoologie, Archäologie, Anthropologie, Geologie und Paläontologie*. Basel: Helbing u. Lichtenhahn, 19—30.

Beldiman, C., Sztancs, D.-M., Rusu-Bolindeţ, V., Achim, I.A. 2011. Skeletal technologies, metal-working and wheat harvesting: ancient bone and antler anvils for manufacturing sawtoothed iron sickles discovered in Romania. In Baron, J., Kufel-Diakowska, B. (eds.). *Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains*. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 173—186.

Blakeslee, D.J., Hawley, M.F. 2006. The Great Bend Aspect. In Hoard, R.J., Banks, W.E. (eds.). *Kansas Archaeology* 12. Lawrence: University Press of Kansas, 165—179.

Esteban Nadal, M., Carbonell Roure, E. 2004. Sawtoothed sickles and bone anvils: a medieval technique from Spain. *Antiquity* 301 (78), 637—646.

Fidelschi, S. 2006. Dezvoltarea meşteşugului la populaţia sedentară din regiunea Nistrului Inferior. *Tyragetia* XV, 24—33.

MacGregor, A. 1975. Problems in the Interpretation of Microscopic Wear Patterns: the Evidence from Bone Skates. *JAS* (2), 385—390.

May, N.N. 2010. The Qersu in Neo-Assyrian Cultic Setting. Its Origin, Identification, Depiction and Evolution. In Kogan, L., Koslova, N., Loesov, S., et al. (eds). *Language in the ancient Near East*. Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 441—489.

Rodet-Belarbi, I., Esteban Nadal, M., Forest, V., Moreno-Garcia, M.E., Pimenta, C. 2007. Des aiguisoirs/polissoirs aux enclumes en os: historiographie des os piquetés. *Archéologie Médiévale* 37, 157—167.

Rodet-Belarbi, I., Forest, V., Gardel, M.-E., Ginouvez, O., Rochetea, M. 2002. Aiguisoirs-polissoirs médiévaux en os (VIIe — XIVe siècles): nouvelles données. *Archéologie du Midi médiéval* 20 (1), 149—153.

Статья поступила в сборник 3 октября 2017 г.

Valentin Pankowski (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Панковский Валентин Борисович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: vpns@ukr.net

Sergei Fidelski (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko[2].

Фидельский Сергей Анатольевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: fidel1975@mail.ru

Addresses: [1] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine; [2] 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova

Д. А. Топал

Состав вооружения и возможности культурной группировки
(на материалах скифского времени Карпато-Подунавья)

Keywords: Carpathian-Danube region, Scythian culture, akinakes, axe, spear, panoply, cultural grouping

Ключевые слова: Карпато-Дунайский регион, скифская культура, акинак, топор, копьё, состав вооружения, культурные блоки

D. A. Topal

The Panoply and Cultural Grouping of Scyhian Period in Carpathian-Danube Region

The division between the dimensional groups of blade weapons is conditional and, probably, the boundary between them can vary from one epoch to another. The analysis of variation series of such features as "total length" and "blade length" showed the heterogeneity of the sample (more than 800 ex.) and the existence of several functional standards. Five groups were distinguished: daggers (with a blade length of up to 21 cm), short swords (21—37 cm), medium swords (38—53 cm), long swords (54—75 cm) and extra-long swords (with a blade length in excess of 75 cm). Mapping of spearheads and axes also made it possible to reveal some regularities. It became obvious that it is possible to build a typological grouping of regions on the basis of the contents of weaponry and move from small cultural groups to cultural blocks, enclaves, communities of people who preferred similar types of weapons. The counting of the degree of similarity by the method of classification by unequal features demonstrated several such enclaves: "Carpathian" one, where the greatest degree of similarity was manifested between Western Podolian, Transylvanian and Moldavian groups. The main types for this enclave are a dagger or a short sword and an axe. The next, "Steppe" block includes the Lower Danube, Lower Dniester, South Carpathian and South Danubian groups, in which the spearheads and medium or long swords are widely distributed. The third, "Western" block united the Hungarian and Polish groups, for which the axes and spearheads are more characteristic.

Д. А. Топал

Состав вооружения и возможности культурной группировки (на материалах скифского времени Карпато-Подунавья)

Деление между размерными группами клинкового оружия условно и, вероятно, граница между ними может варьировать от эпохи к эпохе. Проведенный анализ вариационных рядов таких признаков, как «общая длина» и «длина клинка» показал неоднородность выборки (более 800 экземпляров целых и реконструируемых клинков) и наличие нескольких функциональных стандартов. Было выделено пять групп: кинжалы (с длиной клинка до 21 см), короткие мечи (21—37 см), средние мечи (38—53 см), длинные мечи (54—75 см) и сверхдлинные мечи (с длиной клинка свыше 75 см). Картографирование наконечников копий и топоров также позволило выявить некоторые закономерности. Стало очевидным, что на основе состава вооружения можно сформировать некую типологическую группировку регионов и перейти от небольших культурных групп к культурным блокам, анклавам, сообществам людей, предпочитавших схожие виды вооружения. Подсчет степени сходства методом классификации по неравнозначным признакам продемонстрировал несколько таких анклавов: «карпатский», где наибольшая степень сходства проявилась между западноподольской и трансильванской группами, к которым примыкает молдавская. Для них основными видами являются кинжал или короткий меч и топор. В следующий, «степной» блок вошли нижнедунайская, нижнеднестровская, южнокарпатская и южнодунайская группы, в которых широко распространены наконечники копий и средние или длинные мечи. Третий, «западный» блок объединил потисскую и северо-западную группы, для которых более характерны топоры и наконечники копий.

Деление между размерными группами клинкового оружия условно, и, вероятно, граница между ними может меняться от эпохи к эпохе. Что касается скифского вооружения, такие определения, как «короткий меч», «кинжал», «акинак» в литературе часто являются взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми понятиями. Термин «акинак», вне зависимости от его этнокультурного наполнения (персидского, скифского или общеиранского) авторами энциклопедических словарей изначально определялся как «короткий меч», «кинжал», «короткая сабля» (Yates 1859: 6; Вейсман 1893: 40; Droysen 1894: 1168). А. С. Лаппо-Данилевский, одним из первых обобщивший данные о скифском оружии, оха-

© Д. А. Топал, 2018.

рактеризовал скифские мечи как «не слишком длинные» (Лаппо-Данилевский 1887: 427). При этом петербургский учёный находил акинак скорее длинным кинжалом, чем «действительным мечом» (Лаппо-Данилевский 1887: 511). В. Гинтерс также считал все акинаки «короткими мечами», т. к. общая длина большинства известных ему изделий не выходила за пределы 50—60 см (Ginters 1928: 20). Более того, немецкий исследователь рассматривал «акинак» в качестве персидского синонима «короткому мечу», в то время как по отношению к сарматскому клинковому оружию он употреблял термин «меч»[1]. Мнения, что скифы пользовались исключительно короткими мечами, придерживались и Э. Миннз (Minns 1913: 72), М. И. Ростовцев (Ростовцев 1918: 47, 55), Б. Н. Граков (Граков 1947: 11;1971: 92) и Н. Я. Мерперт (Мерперт 1948: 78).

Методические предпосылки для функционального деления клинкового вооружения

Позднее в историографии был накоплен обширный опыт в выделении различных функциональных групп скифского клинкового вооружения (рис. 1). А. И. Мелюкова, на основе выборки из 100 экземпляров, в качестве границы между кинжалами и мечами предложила диапазон между 40 см и 50 см. Так, кинжалами ею считались изделия с общей длиной 17—40 см, мечами — свыше 50 см (причём общая длина большинства из них 50—70 см)[2], а скифских мечей свыше 70 см на тот момент известно было немного[3] (Мелюкова 1964: 46). А. Вулпе, отметив сложность проблемы поиска границы между кинжалами и короткими мечами, считал изделия с общей длиной до 30 см (и длиной клинка до 20 см) кинжалами, от 30 см до 50 см — короткими мечами, свыше 50 см — мечами (Vulpe 1990: 7). М. В. Горелик, на основе многочисленных наблюдений над разными видами клинкового оружия, отличал кинжалы по длине клинка, мечи — по общей длине. Кинжалами, по его мнению, следует считать изделия с клинком длиной 25—30 см и 50 см, мечами — изделия длиной более 60 см (при этом длина 60—70 см — признак коротких мечей, свыше 90 см — всадниче ских) (Горелик 1993: 15, 27—28). На основе анализа материалов западного варианта кобанской культуры В. И. Козенкова кинжалами называет экземпляры общей длиной 24—35 см, мечами — предметы длиной 35—55 см (Козенкова 1995: 61). Е. И. Савченко предложил считать оружие скифских погребений Среднего Подонья с клинком менее 30 см кинжалами, а более длинные клинки — мечами (Савченко 2004: 154). Ранее, изучая скифское оружие могильников на Среднем Дону, А. П. Медведев к мечам средних размеров отнёс изделия длиной 55—70 см, к длинным — от 80 см и длиннее (Медведев 1999: 102).

Отдельного внимания заслуживают эксперименты по выявлению размерных групп скифского клинкового оружия при помощи статистических методов — анализа вариационных рядов различных признаков[4], описывающих морфологию предметов. В 2004 г. автором настоящей работы подобным образом были проанализированы данные о морфологии 556 экземпляров (Топал 2005: 22). Определён интервальный шаг для признаков «общая длина» и «длина клинка», на основании которого построены гистограммы, в статье, правда, не опубликованные. Тем не менее, выявились предпосылки для объективного разделения акинаков на мечи и кинжалы (Топал 2005: 24). Выяснилось, что вариационные ряды признаков «общая длина» и «длина клинка» далеки от нормального (гауссового) распределения, а это может означать, что выборка неоднородна. Такая «неоднородность» объяснима наличием разнообразных стандартов, традиций, технологических приёмов или функциональных групп. Тогда была

[1] Так, в частности, необычно большую длину скифского меча из Альдобой (совр. Доболий-де-Жос, Румыния) В. Гинтерс объяснил возможной связью с сарматскими мечами (Ginters 1928: 42).

[2] Аналогичное деление сарматских мечей на кинжалы (менее 50 см), короткие мечи (50—70 см) и длинные мечи (свыше 70 см) было предложено А. М. Хазановым (Хазанов 1975: 15).

[3] Отдельному рассмотрению скифских длинных мечей (свыше 70 см в длину) посвятил специальную работу С. А. Скорый, доказавший, что, вопреки традиционному мнению, у скифов данный вид клинкового оружия был распространён шире, чем у савроматов (Скорий 1981: 24).

[4] Для савроматского и сарматского клинкового вооружения подобные эксперименты проводились А. С. Скрипкиным (Скрипкин 1990: 60—61), В. М. Клепиковым (Клепиков 2002: 21) и О. И. Куринских (Куринских 2012: 83). В результате, по А. С. Скрипкину, общая длина кинжалов (коротких мечей) ограничивается 40 см, по В. М. Клепикову — 50 см. Общую длину (средних) мечей В. М. Клепиков определяет в 50—70 см, длинных — свыше 70 см. О. И. Куринских на основе материалов могильника Покровка (38 экз.) выделяет группу кинжалов с длиной клинка 16—36 см и мечей с длиной клинка 60—100 см.

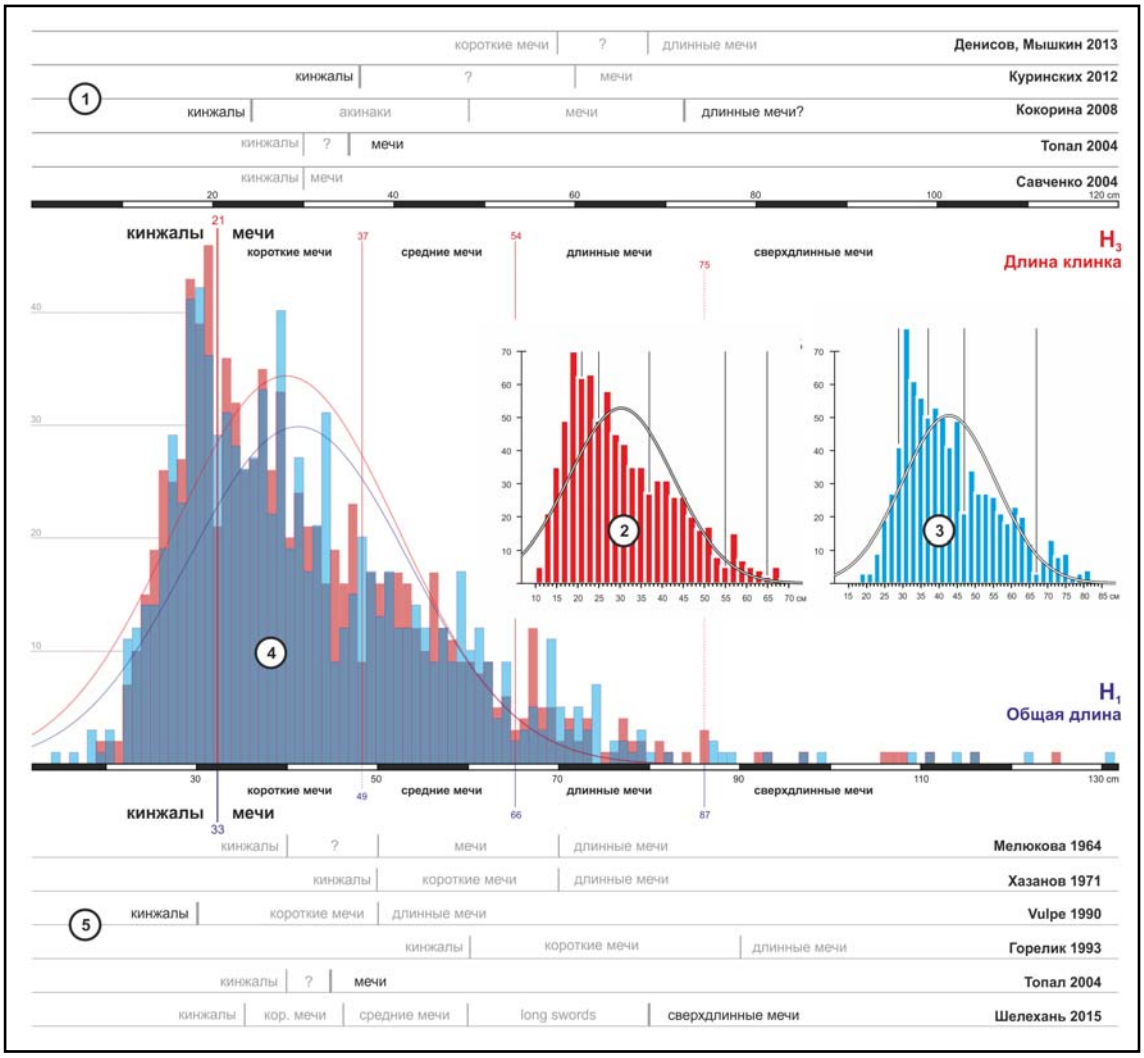

Рис. 1. Выделение функциональных групп скифских акинаков и историографический опыт. 1 — историографические представления о размерных группах исходя из длины клинка; 2 — вариационный ряд признака «длина клинка»; 3 — вариационный ряд признака «общая длина»; 4 — совмещенная гистограмма признаков «длина клинка» «общая длина»; 5 — историографические представления о размерных группах исходя из общей длины.

Fig. 1. Allocation of functional groups of Scythian akinakai and experience of historiography. 1 — historiographical representations based on the length of the blade; 2 — variation series by "blade length"; 3 — variation series by "total length"; 4 — combined histogram by "length of the blade" and "total length"; 5 — historiographical representations based on the total length.

принята гипотеза о наличии двух размерных групп — мечей и кинжалов, граница между которыми была проведена в месте «излома» гистограммы: 40—45 см для общей длины и 30—35 см для длины клинка (Топал 2005: 26). Отчасти подобное деление было проиллюстрировано картографией: так, экземпляры с длиной клинка свыше 35 см (мечи) оказались наиболее распространёнными в степной части, другие (кинжалы с длиной клинка менее 30 см) — в лесостепной части ареала, причём наибольшая концентрация пришлась на Трансильванию (Топал 2005: 26, рис. 2).

Особый интерес представляет попытка Ю. Г. Кокориной наполнить новым содержанием термины «меч», «акинак» и «кинжал» при помощи математических методов. На основе данных о 99 скифских мечах и кинжалах она проанализировала интервалы распределений таких признаков, как длина и ширина клинка. Исходя из наблюдений за разрывами в интервальных значениях, Ю. Г. Кокорина выделила три класса скифского клинкового оружия: кинжалы (длина клинка до 24 см, ширина 3—4 см), акинаки (длина клинка 24—48 см, ширина 4—5 см) и мечи

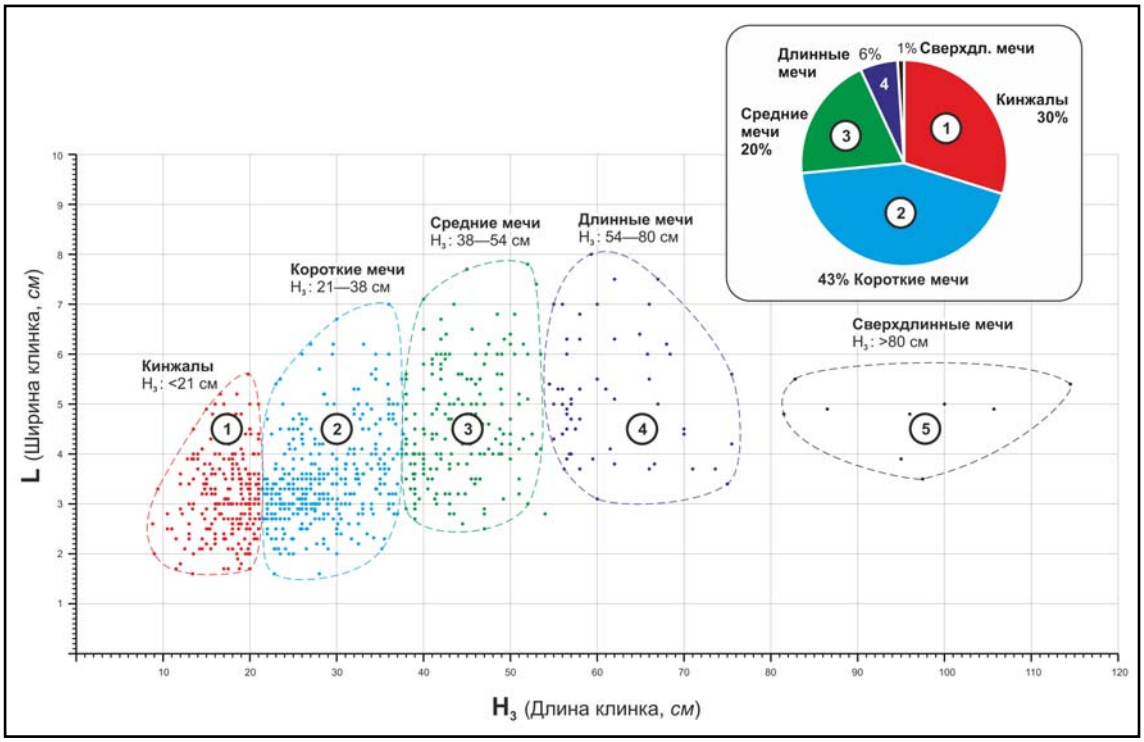

Рис. 2. Выделение функциональных групп скифских акинаков. Точечная диаграмма. 1 — кинжалы (с длиной клинка до 21 см); 2 — короткие мечи (21—37 см); 3 — средние мечи (38—53 см); 4 — длинные мечи (54—75 см); 5 — сверхдлинные мечи (с длиной клинка свыше 80 см).

Fig. 2. Allocation of functional groups of Scythian akinakai. Scatter plot.1 — daggers (blade length up to 21 cm); 2 — short swords (21—37 cm); 3 — medium swords (38—53 cm); 4 — long swords (54—75 cm); 5 — extra-long swords (blade length more than 80 cm).

(длина клинка 48—72 см, ширина 5—6 см)[5], а также предположила наличие незначительной группы «длинных мечей» с длиной клинка свыше 72 см. Оригинальной выглядит интерпретация такого явления, как «кратность восьми» полученных интервалов — существованием в иранском мире меры длины «ладонь», равной 8 см (Кокорина 2008: 75—76).

Схожий эксперимент по выявлению размерных групп акинаков Самарского Поволжья и Южного Приуралья (151 экз.) провели А. В. Денисов и В. Н. Мышкин. Применив специальную формулу, учитывающую вариационный размах и размер выборки, исследователи получили интервальный шаг (9,5 см) для такого признака, как длина клинка, и выделили 11 интервалов (Денисов, Мышкин 2013: 226). Исходя из особенностей вариационного ряда, самарские археологи разделили массив акинаков региона на две размерные группы — короткие мечи (с длиной клинка до 58 см) и длинные (с длиной клинка свыше 68 см). При этом часть из предметов попала в «промежуточный» интервал 58—68 см (Денисов, Мышкин 2013: 227—228).

А. В. Шелехань, обработав материал скифской Лесостепи (213 экз.), также выделил функциональные группы мечей и кинжалов. При этом украинский исследователь оперировал общей длиной изделий, а в качестве доверительного интервала был принят шаг в 1 см (Шелехань 2015: 78). Таким образом он построил вариационный ряд, на основе которого и было проведено разграничение пяти групп. Первую, и наибольшую по численности (44%), составили кинжалы (общей длиной до 36 см), затем следуют короткие мечи (37—47 см), средние мечи (48—60 см), длинные мечи (60—80 см) и сверхдлинные мечи (свыше 80 см).

В данный момент на территории Европейской Скифии и прилегающих регионов[6] из-

[5] Схожие размерные группы получил В. В. Белоусов для сарматских мечей с кольцевым навершием Подонья (98 экз.): кинжалы с длиной клинка 18—24 см и короткие мечи с длиной клинка 27—45 см (Белоусов 2010: 16; 2012: 75).

[6] Представляется, что эта культурная область включает в себя Северное Причерноморье, Кавказ,

вестно не менее 1150 акинаков. На основе данных выборки целых и археологически целых изделий были составлены вариационные ряды для двух признаков: общая длина и длина клинка. В выборку вошло более 800 экземпляров с общей длиной от 15,5 см до 132 см и длиной клинка от 9 см до 115 см. В целом поведение вариационных рядов этих двух признаков сходно — визуально они далеки от нормального распределения: среднее значение для общей длины 42,8 см, в то время как пик смещён влево к 31 см; для длины клинка среднее значение 30,3 см, а пик приходится на 21 см. Это значит, что выборка неоднородна и в ней представлено как минимум несколько стандартов. Точечная диаграмма позволила уточнить границы этих стандартов (рис. 2). В итоге выделяется пять групп: *кинжалы* (с длиной клинка до 21 см), *короткие мечи* (21—37 см), *средние мечи* (38—53 см), *длинные мечи* (54—75 см) и *сверхдлинные мечи* (с длиной клинка свыше 80 см). Основную массу акинаков (почти три четверти) составляют кинжалы и короткие мечи, т. е. изделия с длиной клинка до 37 см, причём максимум предметов приходится именно на группу «короткие мечи» (43%).

Типология культурных групп на основе состава вооружения

Попробуем экстраполировать полученные наблюдения на западную часть ареала скифской культуры. По моим представлениям, её составляют территории Карпато-Днестровского региона, Трансильвании, Альфёльда, Силезии, Южного Прикарпатья и Южного Подунавья. Западный ареал включает 17% всех известных находок с территории Европейской Скифии. Исходя из наблюдений за концентрацией мечей и кинжалов скифского облика к западу от основного скифского ареала, можно выделить семь основных территориальных групп: I — *северо-западную* (польскую), связанную с памятниками лужицкой культуры и перемещениями скифов в Центральной Европе; II — *потисскую* (венгерскую) — с памятниками культуры Векерзуг; III — *трансильванскую* — с группой Чумбруд; IV — *южнокарпатскую* (валашскую) — с памятниками типа Фериджиле-Бырсешть; V — *южнодунайскую* (болгарскую), VI — *карпато-днестровскую* и VII — *степную причерноморскую*. Для степной части Причерноморья Дунай-Днестровского региона подразумевается деление на *нижнедунайскую* и *нижнеднестровскую* подгруппы. В свою очередь, Карпато-Поднестровье с точки зрения распространения клинкового оружия скифского типа также не выглядит однородным. Поэтому для него предлагается следующее деление на подгруппы по географическому принципу: *среднеднестровскую* (буковинскую), *восточно-карпатскую* (нямецкую), *сиретоднестровскую* (молдавскую). К ней примыкает условно выделенная *западно-украинская подгруппа*, представленная всего несколькими случайными находками (рис. 3).

Хронологическое распределение акинаков западной части ареала демонстрирует те же тенденции, что и основной массив, поэтому можно воспользоваться периодизацией А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964: 80). С некоторыми корректировками для рассматриваемого региона (Бруяко 2005: 149) эта периодизация представляется следующей: *раннескифский период* (VII — начало VI вв. до н. э.), *среднескифский* (середина VI — первая половина V вв. до н. э.) и *классический*[7] (конец V — IV вв. до н. э.) (рис. 4). В западном регионе скифского мира к раннескифскому периоду относится 22% изделий. Бóльшая же часть акинаков (почти две трети) относится к среднескифскому периоду, поэтому есть все основания для дальнейшего дробления среднескифского периода — как минимум на две фазы. Начальная (до последней четверти VI в. до н. э.) «отбивается» по акинакам типа *Шумейко*, *Феттерсфельде* (Топал 2016) и *Ноград*, финальная (последняя четверть VI в. до н. э. — последняя четверть V в. до н. э.) — по акинакам типа *Козия*, зооморфным антенным навершиям типа *Гэйчана* и *Грищенцы*. Кроме этого, первая фаза соответствует «переходному периоду от РСК к ССК» по А. Д. Могилову (Могилов 2008: 111—113) и Д. С. Гречко (Гречко 2012: 84). Менее всего (14%) мечей и кинжалов приходится на классическую скифскую культуру. Распространение раннескифских акинаков связано главным образом с Трансильванией, Южным Прикарпатьем и Среднеднестровским регионом. Самое широкое распространение скифское клинковое оружие приобретает к среднескифскому перио-

Карпато-Балканский регион; с запада ограничивается Альфёльдом и Силезией, с востока — Уральским хребтом, с юга — Закавказьем и Подунавьем.

[7] Здесь впору согласиться с И. В. Бруяко в том, что термин «классическая скифская культура» куда более уместен, чем «позднескифская» (Бруяко 2005: 149).

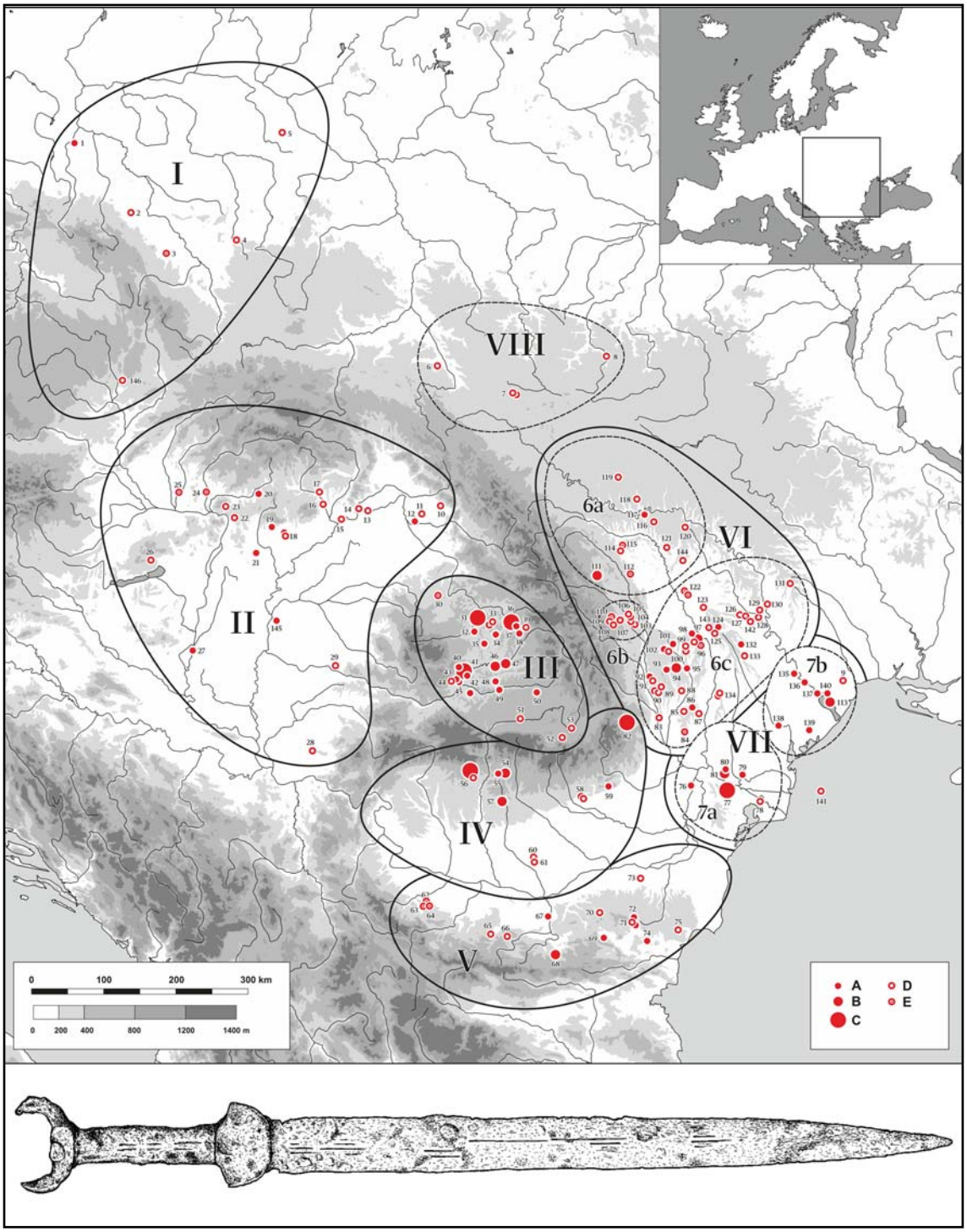

Рис. 3. Распространение находок клинкового оружия в Карпато-Подунавье. Локальные группы: I — северо-западная (польская); II — потисская (венгерская); III — трансильванская; IV — южнокарпатская (валашская); V — южнодунайская (болгарская); VI — карпато-днестровская (6a — среднеднестровская (буковинская); 6b — восточно-карпатская (нямецкая); 6c — сирето-днестровская (молдавская)); VII — степная причерноморская (7a — нижнеднестровская; 7b — нижнедунайская); VIII — западно-украинская. Комплексы: A — 1 экз.; B — 2—3 экз.; C — больше 3 экз.; D — случайные находки; E — разрушенное погребение.

Fig. 3. Distribution of blade weaponry in the Carpathian-Danube region. Local groups: I — North-Western (Polish); II — Hungarian; III — Transylvanian; IV — South Carpathian (Wallachian); V — South Danubian (Bulgarian); VI—Carpathian-Dniester (6a — Middle Dniester (Bukovina); 6b — East Carpathian (Neamț); 6c — Siret-Dniester (Moldavian)); VII — Steppe Pontic (7a — Lower Dniester; 7b — Lower Danube); VIII — Western Ukrainian. Complexes: A — 1 ex.; B — 2—3 ex.; C — more than 3 ex.; D — stray finds; E — destroyed burial.

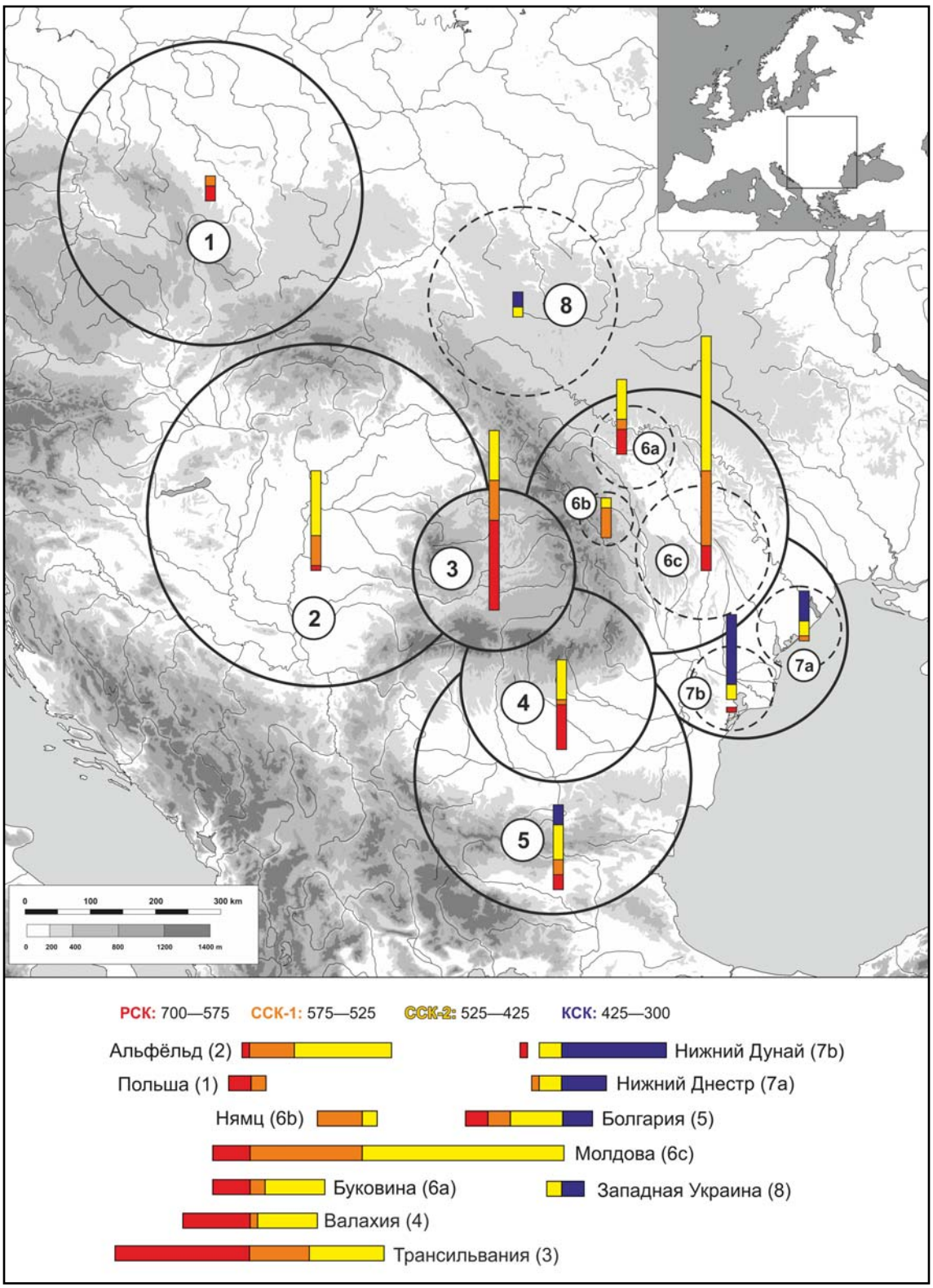

Рис. 4. Хронология локальных групп: 1 — северо-западная (польская); 2 — потисская (венгерская); 3 — трансильванская; 4 — южнокарпатская (валашская); 5 — южнодунайская (болгарская); 6a — среднеднестровская (буковинская); 6b — восточно-карпатская (нямецкая); 6c — сирето-днестровская (молдавская); 7a — нижнеднестровская; 7b — нижнедунайская); 8 — западно-украинская..

Fig. 4. Chronology of local groups: 1 — North-Western (Polish); 2 — Hungarian; 3 — Transylvanian; 4 — South Carpathian (Wallachian); 5 — South Danubian (Bulgarian); 6a — Middle Dniester (Bukovina); 6b — East Carpathian (Neamț); 6c — Siret-Dniester (Moldavian); 7a — Lower Dniester; 7b — Lower Danube.

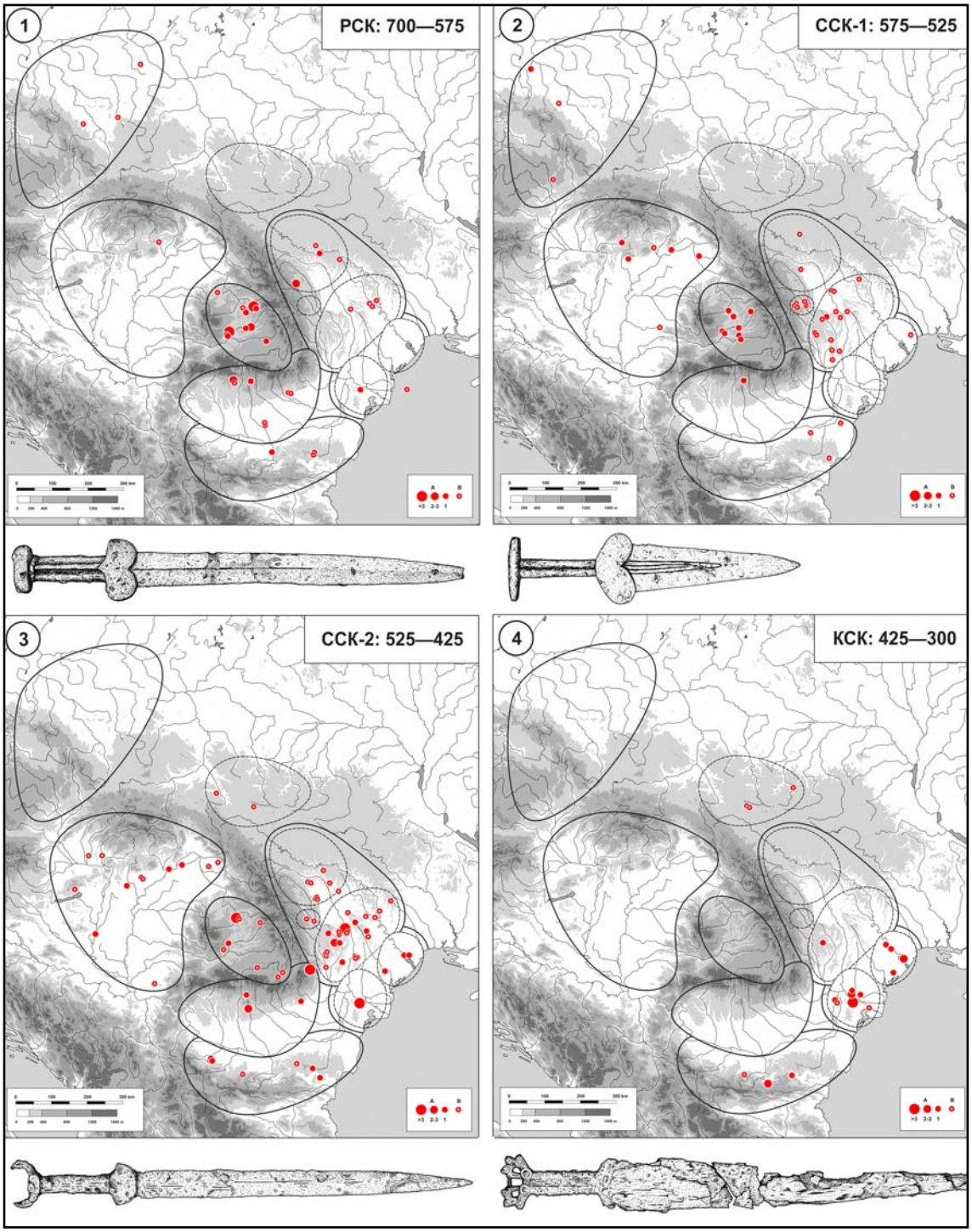

Рис. 5. Хронология распространения скифского клинкового оружия в Карпато-Подунавье. 1 — раннескифский период; 2 — начало среднескифского периода; 3 — финал среднескифского периода; 4 — классический скифский период (А — комплексы; В — случайные находки).

Fig. 5. Chronology of distribution of Scythian blade weaponry in the Carpathian-Danube region. 1 — Early Scythian period; 2 — Middle Scythian period I; 3 — Middle Scythian period II; 4 — Classical Scythian period (A — complexes, B — stray finds).

ду, особенно к финальной его части. Это время, по мнению исследователей, и есть время «Великой Скифии» — культурного комплекса воинского характера от Силезии до Поволжья. Основная масса среднескифских находок связывается с молдавской, трансильванской и венгерской группами. «Золотая осень» скифской культуры в её классический период

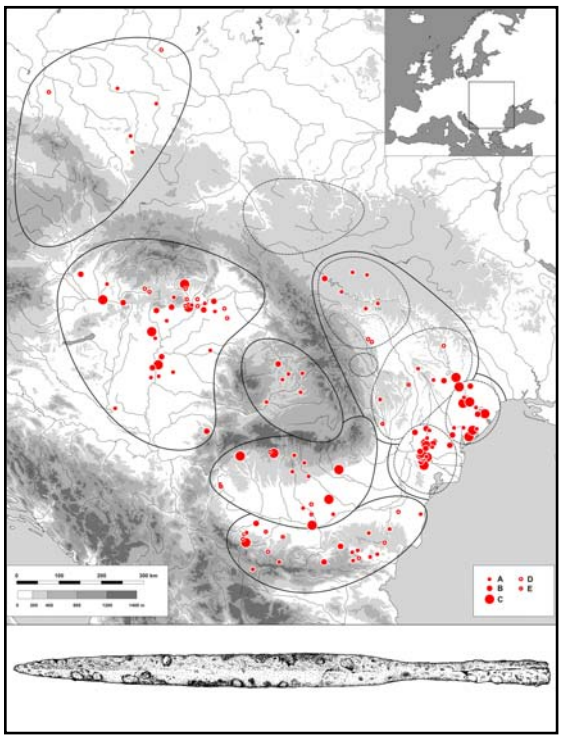

Рис. 6. Распространение наконечников копий в Карпато-Подунавье. Комплексы: A — 1 экз.; B — 2—3 экз.; C — больше 3 экз.; D — случайные находки; E — разрушенное погребение.

Fig. 6. Distribution of spearheads in the Carpathian-Danube region. Complexes: A –1 ex.; B — 2—3 ex.; C — more than 3 ex.; D — stray finds; E — destroyed burial.

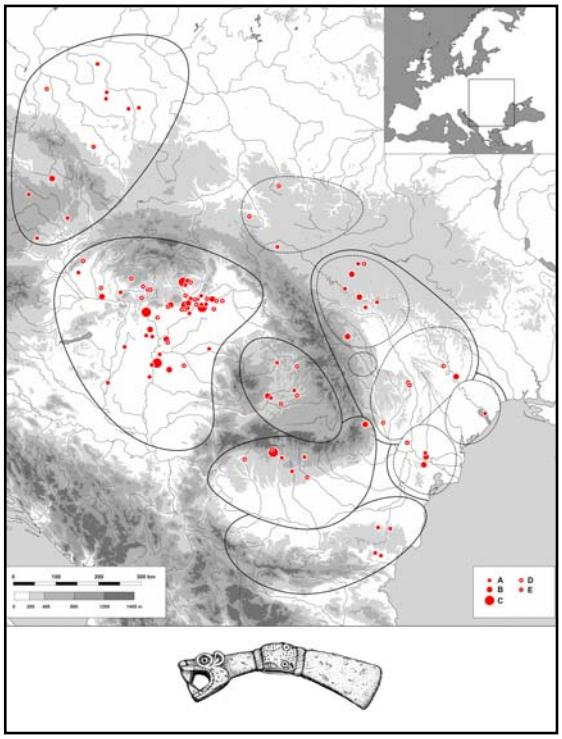

Рис. 7. Распространение топоров в Карпато-Подунавье. Комплексы: A — 1 экз.; B — 2—3 экз.; C — больше 3 экз.; D — случайные находки; E — разрушенное погребение.

Fig. 7. Distribution of axes in the Carpathian-Danube region. Complexes: A — 1 ex.; B — 2—3 ex.; C — more than 3 ex.; D — stray finds; E — destroyed burial.

также нашла своё отражение в особенностях распространения мечей и кинжалов — их ареал неизбежно сокращается, акинаки концентрируются к югу от Дуная и в степной части между Дунаем и Днестром (рис. 5).

Состав вооружения также изменчив от региона к региону. Так, наконечники копий характерны преимущественно для степей между Днестром и Дунаем, Южного Прикарпатья, Альфельда (рис. 6). С территорией Венгрии также связана основная масса находок топоров, при том, что акинаки в ареале культуры Векерзуг — редкость даже для крупных могильников (рис. 7). Интересную картину даёт картографирование акинаков различных функциональных групп: кинжалы и короткие мечи тяготеют к Трансильвании и лесостепному Карпато-Поднестровью, в то время как длинные и особенно сверхдлинные мечи характерны для степного ареала (рис. 8; 9). Эту важную особенность подчёркивает расчёт связей между различными видами вооружения по методу «классификации по неравнозначным признакам». Если представить значение каждого признака у одной из пар сравниваемых объектов равным P, а у второй Q, то меру сходства между парой объектов можно рассматривать как функцию $2n$ переменных (1):

$$f = \begin{pmatrix} P_1 P_2 P_3 P_4, \ldots, P_n \\ Q_1 Q_2 Q_3 Q_4, \ldots, Q \end{pmatrix} \quad (1)$$

А мера сходства между парами объектов (в данном случае — культурных групп или видами оружия) рассчитывается по следующей формуле (2) (Мартынов, Шер 1989: 127):

$$r = \left(\sum_{i=1}^{n} \sqrt{p_i q_i} \right)^2 \quad (2)$$

В качестве веса признака была принята относительная частота каждого типа вооружения (для чего произведено «нормирование» выборки). В результате расчёта показателя сходства выяснилось, например, что связь «акинак-копьё» и «акинак-топор» оказалась сильнее, чем связь между топором и копьём (рис. 10: B). Если рассчитать силу связи между разными функциональными группа-

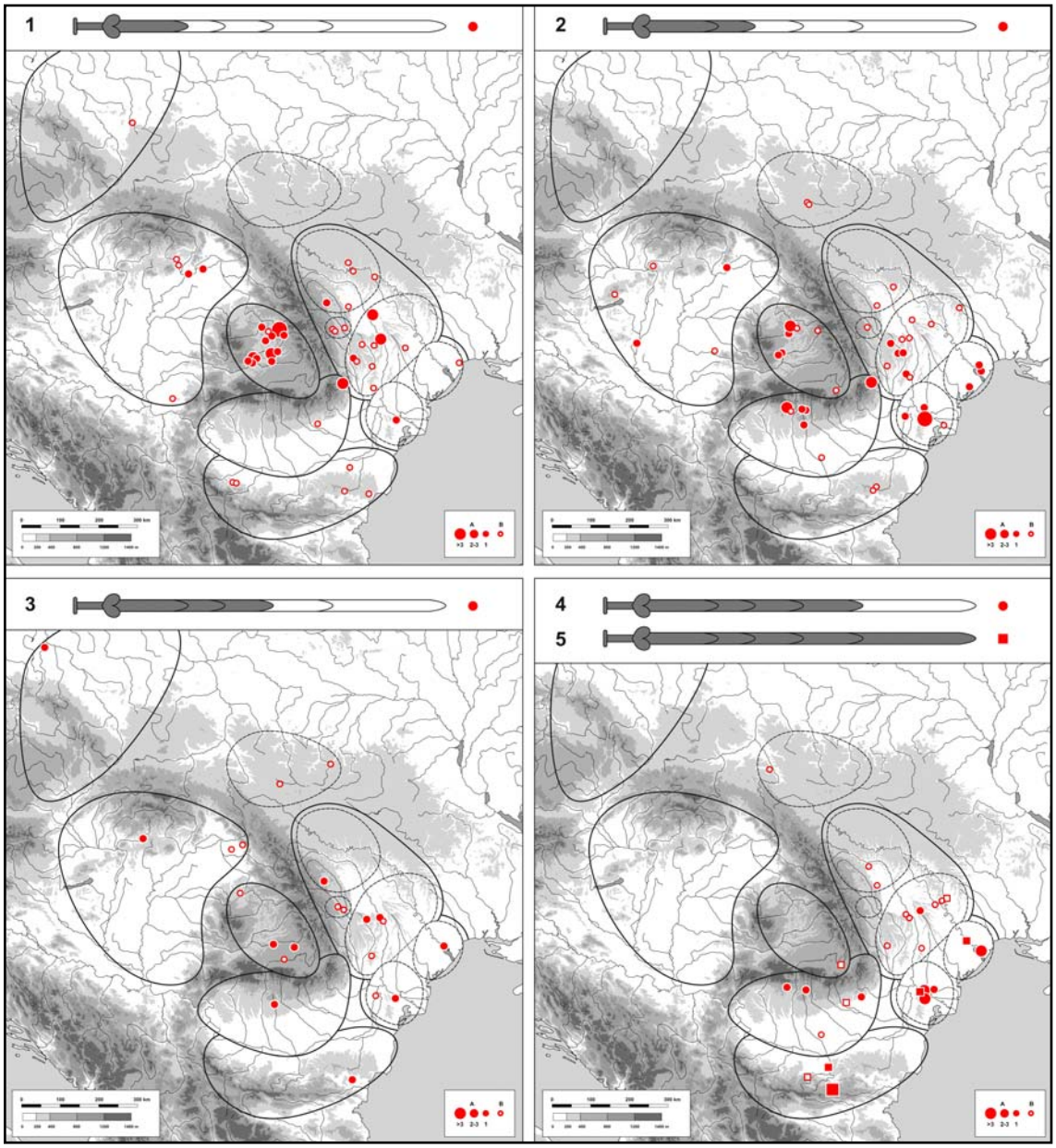

Рис. 8. Распространение кинжалов (1), коротких (2), средних (3), длинных (4) и сверхдлинных (5) мечей скифского времени в Карпато-Подунавье (A — комплексы; B — случайные находки).

Fig. 8. Distribution of daggers (1), short (2), medium (3), long (4) and extra-long (5) swords of Scythian time in the Carpathian-Danube region (A — complexes; B — stray finds).

ми акинаков, картина обретает новые детали. По-прежнему между топором и копьём слабая связь, однако топоры оказываются сильнее связаны с короткими мечами, в то время как копья — со средними и длинными (рис. 10: C). Объяснения этому факту, вероятно, кроются в сходстве функций топора и длинного меча: оба вида вооружения предназначены для рубящих ударов. Скорее всего, наличие в паноплии двух рубящих орудий было избыточным, поэтому топор дополнялся кинжалом с колющей функцией, а колющее копьё — рубящим длинным мечом. Исходя из того, что распространение функционально разных видов вооружения неоднородно, можно попытаться рассчитать силу связи между различными культурными группами. И, на основе состава вооружения, вывести некую типологическую группировку регионов. Таким образом, можно перейти от небольших культурных групп к культурным блокам, анклавам, сообществам людей, предпочитавших сходные виды вооружения. Подсчёт степени сходства методом классификации по неравнознач-

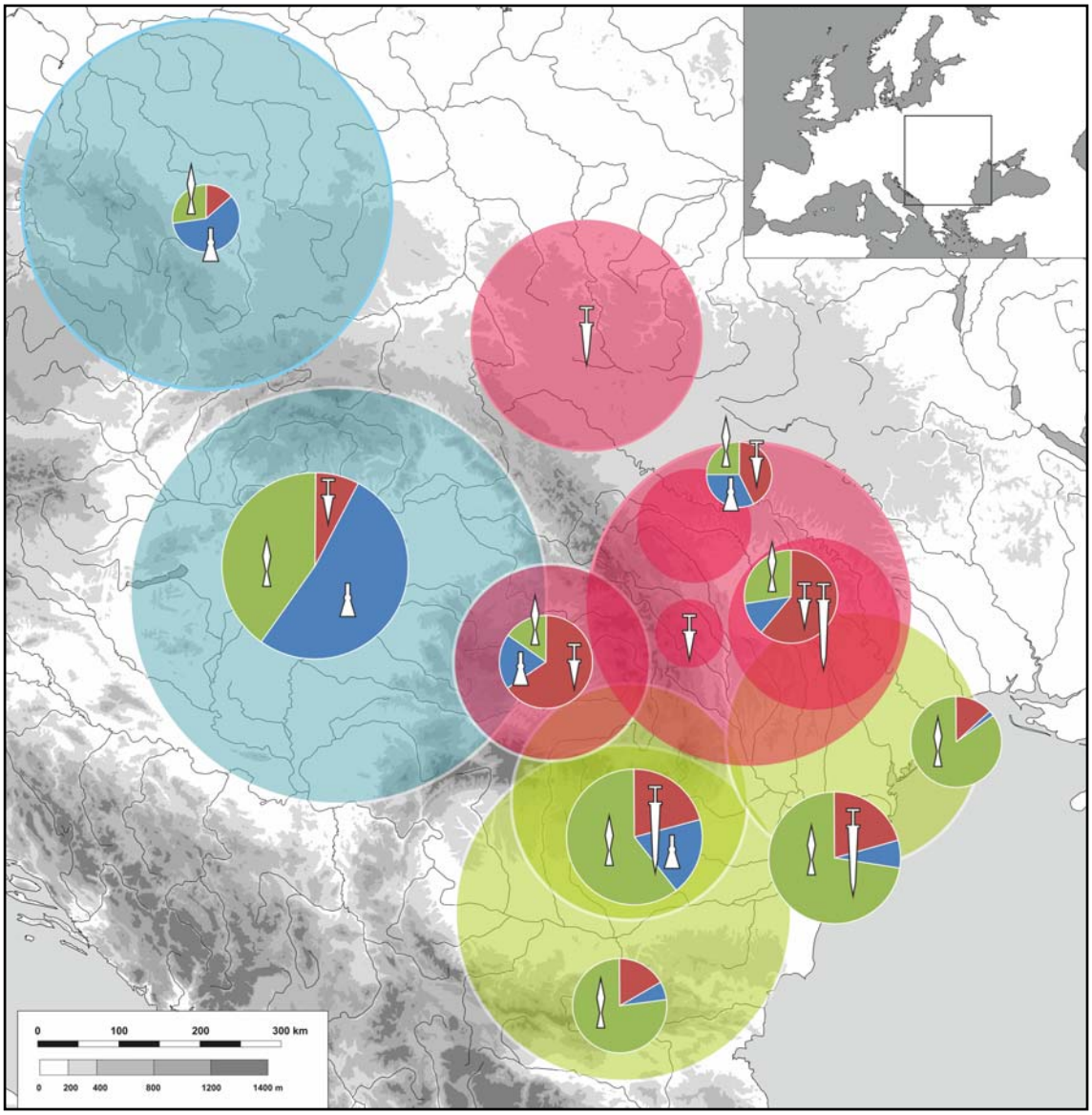

Рис. 9. Состав вооружения в различных локальных группах Карпато-Дунайского региона.

Fig. 9. The composition of weaponry in local groups of the Carpathian-Danube region.

ным признакам продемонстрировал несколько таких анклавов. Первый можно условно назвать *«карпатским»*: наибольшая степень сходства проявилась между западноподольской и трансильванской группами, к которым примыкает молдавская. Для них основными видами являются кинжал или короткий меч и топор. В следующий, *«степной»* блок вошли южнокарпатская, южнодунайская, нижнедунайская и нижнеднестровская группы[8], в которых широко распространены наконечники копий и средние или длинные мечи. Третий, *«западный»* блок объединил северо-западную и потисскую группы, для которых более характерны топоры и наконечники копий (рис. 9; 10: A, D). Не будет лишним отметить, что интерпретацию полученных блоков и их причудливой конфигурации ещё только предстоит осуществить. Тем не менее, по другим, косвенным данным, становится ясно, что на предпочтения в оружейной сфере оказывал влияние целый комплекс факторов: осо-

[8] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить канд. ист. наук, сотрудника НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко Виталия Синику за информацию об архивных (неопубликованных) находках наконечников копий и топоров Нижнего Дуная, во многом благодаря которой и смогло состояться полноценное сравнение локальных групп.

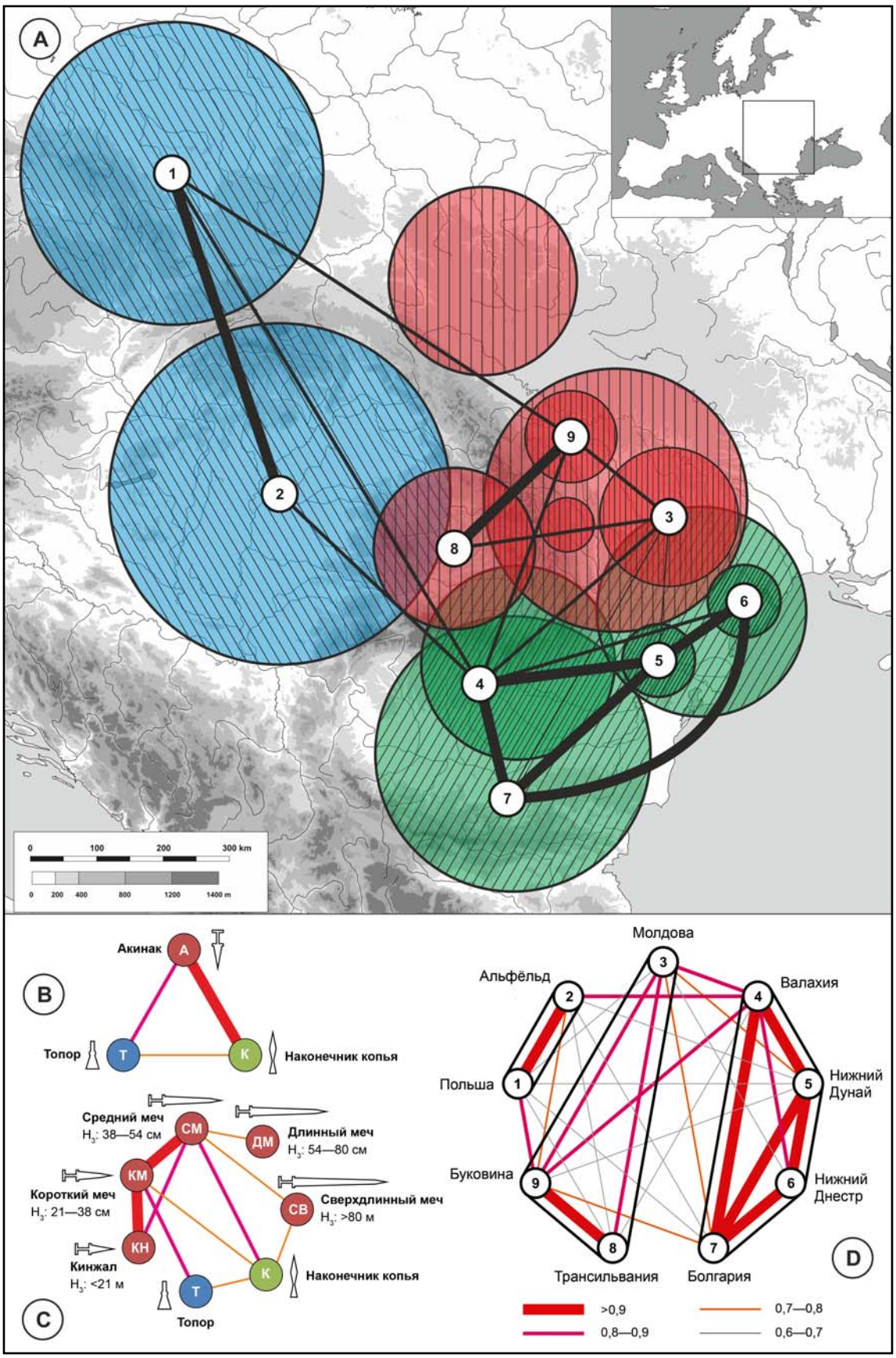

Рис. 10. Связи между локальными группами (A, D), и различными видами вооружения (B, C).

Fig. 10. Correlation between local groups (A, D), and various types of weapons (B, C).

бенности рельефа, хронологические изменения, культурная близость. Рассмотрим их хронологию.

Западный блок

Северо-западная (польская) группа

На территории Польши известно пять экземпляров скифских акинаков, но к северо-западной группе можно отнести четыре[9]. Наиболее ранним следует считать биметаллический акинак, случайно обнаруженный у с. Лубнице (Gedl 1980: 31, Taf. 7: 49). Характерная бронзовая рукоять и грибовидное навершие, почковидное перекрестье позволяют его отнести к *гудермесскому типу* VII в. до н. э. При этом отказ от «рамочной техники» в конструкции рукояти, возможно, указывает на более позднее время изготовления, по сравнению с кавказскими образцами. Раннескифскому периоду принадлежит и рукоять *келермесского типа* из Пло (Bukowski 1977: Tab. XIV: 4). Среднескифским временем датируется случайная находка из Легницы (Baron, Miazga 2013: 335, fig. 1) и «парадный» акинак из Феттерсфельде (Furtwaengler 1883: Taf. III). Кинжал из Легницы относится к *типу Шумейко*, основной период бытования которого определяется в рамках второй-третьей четверти VI в. до н. э. *Тип Феттерсфельде*, к которому принадлежит эпонимный меч, генетически связан с типом Шумейко и датируется несколько позднее — второй половиной VI в. до н. э. Клад из Феттерсфельде, в котором был найден меч в золотой обкладке, относится, по всей видимости, к финалу бытования данного типа, при этом отмечается, что меч занимает древнейшую часть хронологического диапазона (Алексеев 2003: 197). В 2016 г. стало известно о трёх скифских кинжалах с территории Моравии, на северо-западной окраине культуры Векерзуг. Они были обнаружены при помощи металлодетекторов в окрестностях г. Брно, на территории городища Гораковский град (Topal, Golec 2017: fig. 1). Один из них можно отнести к типу Феттерсфельде, два других — к группе изделий с так называемым сегментовидным перекрестьем или в форме «фракийского щита» по А. Вулпе (Vulpe 1990: 58). Внушительную серию мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем недавно детально рассмотрели украинские авторы, уточнив её датировку до «второй половины VI — первой половины V в. до н. э.» (Бабенко, Шелехань 2015: 83, 88). Акинаки с сегментовидным перекрестьем из погребений характерны для степного Причерноморья и Крыма (Бабенко, Шелехань 2015: 79—83), в то время как случайные находки подобных изделий происходят главным образом из Восточных Карпат и лесостепи Бугo-Донецкого междуречья (Бабенко, Шелехань 2015: 84—86).

Меч, найденный на юго-востоке Польши у г. Розбож (Czopek 1995: 110, ryc. 2), тяготеет к западно-украинской подгруппе, которую составляют беспаспортные экземпляры из Львовского музея[10] и случайная находка из Дубенского района Ровенской области (коллекция Ханенко). Возможно, скифскому акинаку принадлежал фрагмент клинка с продольными насечками из Слипче (Хрубешувский повят, Люблинское воеводство) (Kłosińska 2007: 124, ryc. 18). Меч из Розбожа определён в рамках *типа Козия* и принадлежит уже к финальной части среднескифского периода. К этому времени относится и кинжал с сегментовидным перекрестьем из Львовского музея (Косиков, Павлик 1992: рис. 1: 1). Другие два экземпляра из этой коллекции — классического времени, *типа Солоха* конца V — начала IV в. до н. э. и *типа Чертомлык* третьей четверти IV в. до н. э. (Косиков, Павлик 1992: рис. 1: 2, 3). К типу Чертомлык также относится и случайная находка из Дубновского района (Древности Приднепровья 1900: табл. XXXVIII: 167).

[9] Не совсем понятно происхождение находки из Бодзаново (Zielonka 1952: 111, ryc. 1), традиционно идентифицируемой как навершие скифского кинжала из Западной Сибири (Gedl 1980: 32; Chochorowski 2014: 22, 33). В 2011 г. аналогичное изделие было обнаружено в Плончинеке (Липновский повят, Куявско-Поморское воеводство) (Sobczyk 2016: 185—186, ryc. 2a, 2b). Оно было найдено в паре с бронзовой втулкой с ответвлениями по бокам (Sobczyk 2016: 186, ryc. 3a, 3b), что позволило автору публикации интерпретировать и предмет из Бодзаново, и находку из Плончинека как перекрестья составного кинжала (Sobczyk 2016: 190). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить сотрудника Института археологии в Университете Николая Коперника в Торуни Лукаша Ковальски за эту неожиданную информацию.

[10] Точное происхождение акинаков из коллекции Львовского музея не совсем ясно, однако, принимая во внимание факт, что австро-венгерские исследователи планомерно изучали территорию Подолья, можно предположить, что эти предметы были обнаружены в Поднестровье или Побужье (Бабенко, Шелехань 2015: 84).

Потисская (венгерская) группа

В ареале культуры Векерзуг комплексы с раннескифскими акинаками неизвестны. Единственный экземпляр, который можно отнести к раннему периоду, был обнаружен в медье Боршод — бронзовый кинжал сибирского (тагарского) облика первой половины VII в. до н. э. (Kemenczei 1991: 74). Основная масса мечей и кинжалов Потисья принадлежит среднескифскому времени. Началом периода датируются случайные находки акинаков *типа Шумейко* из Пилинь (Kemenczei 1984: Abb. 1: 2), Тимара (Kemenczei 1984: 36, Abb. 1: 1) и жудеца Арад (Buzdugan 1976: 240, fig. 4: 5), и акинак *типа Феттерсфельде* из Сирмабешеньё (Reinecke 1897: áb. 10). Возможно, к самому началу среднескифского периода (или концу раннескифского) следует отнести меч из трупосожжения в Тарпе, датированного на основе бронзовых фалер VII—VI вв. до н. э. (Párducz 1968: 82; Kemenczei 1991: 75). Сложнее ситуация с комплексом из Дьендьеша, т. к. часть вещей из него была найдена на вспашке (предметы звериного стиля), другая — в поисковых траншеях (в частности, меч), третья — причислена к случайным находкам. По совокупности инвентаря, комплекс из Дьендьеша относят к раннему этапу культуры Векерзуг рубежа VII—VI вв. до н. э. (Бруяко 2005: 283). Среднескифский период представлен большой серией однолезвийных акинаков *типа Ноград* — случайными находками из Тисадоба, Нограда, окрестностей Тарнабода в Венгрии (Kemenczei 1984: Abb. 1: 3; 3: 2, 5, 6), Берегового в Закарпатской Украине (Ginters 1928: Taf. 15: b) и разрушенного погребения из Жельезовце в Словакии (Kemenczei 2009: Taf. 184: 6). Богатый комплекс[11] с однолезвийным мечом типа Ноград был относительно недавно раскопан на юге Венгрии у Батмоноштора и, по совокупности инвентаря, датирован второй половиной VI в. до н. э. (Gyucha et al. 2015: 189). Судя по включённой в состав инвентаря крестовидной бляхе и опорновтульчатым наконечникам стрел (Kemenczei 2009: 177, Taf. 184: 1—6), погребение из Жельезовце также было совершено во второй половине VI в. до н. э.

Остальные акинаки с территории культуры Векерзуг, по всей видимости, следует отнести к финалу среднескифского периода. Так, кинжалы из Вршаца, Арданово и Тисаберцаля отличает узкое вытянутое навершие и небольшое перекрестье, сегментовидной или усеченно-бабочковидной формы, что может указывать на вторую половину VI — первую половину V в. до н. э. (Бабенко, Шелехань 2015: 83, 88). Не совсем ясна хронологическая позиция экземпляра из Нове Замки (Chochorowski 1985: Abb. 33: 5), однако, судя по характерному двухваликовому сечению рукояти и небольшим окружностям, которыми украшено перекрестье, его также можно отнести к финалу среднескифского этапа. Двулезвийный кинжал из Веспрема (Kemenczei 1984: Abb. 2: 2) и однолезвийный меч из Пенца (Kemenczei 1984: Abb. 3: 1) декорированы в реалистичной манере, характерной для звериного стиля среднескифского периода. Навершие «махайры из Пенца» оформлено в виде загнутого в полтора оборота клюва хищной птицы, а перекрестье повторяет изображение головы «грифона» на навершии также с загнутым клювом и длинным ухом. Таким же образом построен декор навершия и перекрестья экземпляра из Веспрема, т. е. в любом положении меча одно из изображений оказывается перевёрнутым, что характерно, например, для «грифовых кинжалов» второй половины VI в. до н. э. Манера, в которой исполнены эти два акинака, также сближает их с акинаками типа Гэйчана второй половины VI — первой половины V вв. до н. э.

Карпатский блок

Трансильванская группа

Большая часть мечей и кинжалов группы Чумбруд из Трансильвании относится к раннескифскому времени. Наиболее древними из них являются экземпляры, полностью или частично изготовленные из бронзы, например, рукоять *гудермесского типа* из разрушенного погребения у с. Стремц (Vulpe 1990: 36, Taf. 5: 26). Другие типы раннескифского клинкового оружия представлены местными трансильванскими вариациями, такими как тип Посмуш, тип Делений или тип Фрата. Комплексы с кинжалами *типа Посмуш* датируются по шипастым наконечникам стрел, кольцам с проушинами, бронзовым бляхам в рамках второй половины VII в. до н. э. Среди них погребения 4, 6, 7 могильника Мэришелу (Marinescu 1984: Abb. 9: 6; 11: 1; 13: 7), погребение 6 могильни-

[11] В состав другого погребения, найденного в 1904 г. у с. Надьката (Эгрешката), судя по описанию, кроме меча типа Ноград, была включена миска «кельтского облика» периода LaB, что пока не находит объяснения (Kemenczei 2009: 37).

ка Будешть-Фынаце (Marinescu 1984: 49, Abb. 5: 6), погребение Аюд-«Парк» (Vulpe 1990: 24, Taf. 1: 4) и разрушенное погребение у с. Посмуш (Vulpe 1990: Taf. 1: 2). Меч типа Посмуш из возможного погребения у с. Фирминиш (Vulpe 1990: Taf. 3: 11) изготовлен целиком из бронзы, включая ножны с орнитоморфным окончанием. Окончание ножен фирминишского меча находит многочисленные кавказские аналогии второй половины VII в. до н. э. К *типу Делений*, трансильванской вариации келермесского типа относятся находки из погребений у с. Делень (Crişan 1956: pl. I: 24), № 6 (1955 г.) в Чипэу-«Гара» (Vlassa 1961: fig. 8: 1), № 2 (1911 г.) из Аюда-«Гымбаш» (Roska 1937: Abb. 2), погребения 1912 г. из Аюда (Roska 1942, kép. 228: 3) и захоронения № 9 у Кристешть-«Лутэрие» (Vasiliev 1980: pl. 10: 5). В двух из этих комплексов — Делень и Кристешть, обнаружены шипастые стрелы архаического облика конца VII в. до н. э. А в погребении 9 у Кристешть-«Лутэрие» найдены ещё и железные трехдырчатые псалии типа Фюгед, которые также можно отнести ко второй половине VII в. до н. э. (Бруяко 2005: 249). К типу Делений принадлежит случайная находка у с. Нэсал-«Господар» (Marinescu, Zăgreanu 2011: pl. III). Второй кинжал из погребения 9 у Кристешть, экземпляры из захоронений у с. Теюш, с. Фрата 1944 г., с. Батош 1964 г., с. Чипэу 1913 г. и, возможно, кинжал из погребения у Аркиты 1871 г. (Vulpe 1990: 12: 59—60; Taf. 13: 61—64) представляют древнейший тип акинака с антенным навершием — *тип Фрата* второй половины VII в. до н. э. По келермесским наконечникам стрел погребение 2 у с. Теюш, вероятнее всего, датируется серединой VII в. до н. э. (Бруяко 2005: 248).

Трансильванскую группу памятников характеризует представительная серия однолезвийных мечей *типа Нуград*. Самый ранний комплекс с мечом, предположительно, данного типа (Vulpe 1990: Taf. 30: 203), судя по колчанному набору из двух- и трехлопастных шипастых стрел — погребение 1 (1886 г.) у г. Аюд («Парк»). Это захоронение, скорее всего, синхронно погребениям 9 у Кристешть, 3 могильника Будешть-Фынаце, 1, 4 и 5 могильника Мэришелу, и относится ко второй половине VII в. до н. э. Меч из погребения 1913 г. в г. Аюд («Хеллос») (Vulpe 1990: Taf. 29: 195), несмотря на трехчастную рукоять (близкую келермесским), датируется, как и большинство подобных изделий, более поздним временем — второй половиной VI в. до н. э., и относится уже к среднескифскому этапу. Погребение с мечом типа Нуград (Vulpe 1990: Taf. 29: 192) могильника Чумбруд относится к архаической фазе — хотя и к поздним комплексам, синхронным погребениям из Кристешть, Делений, Фрата и др. (Vasiliev 1980: 131). Концом VI — началом V в. до н. э. датируется погребение 10 с однолезвийным мечом типа Нуград (Vulpe 1990: Taf. 30: 197) у с. Бэица. Трупосожжение из Бэицы содержало деформированную крестовидную бляху, декорированную резным орнаментом. Подобные находки, хотя и считаются более поздними (по отношению к зооморфным), могут датироваться концом VI в. до н. э. К этому же времени относятся и случайные находки изделий данного типа у с. Беник (Ginters 1928: Taf. 13: c), с. Думбрава (Rezi, Cioată 2013: 33, 34, pl. 2: 1; 3: 1—5), предположительного погребения у с. Мирэслэу (Herepey 1897: 66, áb. 6). Два других однолезвийных акинака — из Мунчелу-де-Сус (Buzdugan 1976: 247) и Чинкшора (Isac 1994: 179, fig. 2), характерны уже для финала среднескифской культуры.

Для начала среднескифского периода в Трансильвании известен один комплекс с акинаком *типа Шумейко* — у с. Братею (Nestor, Zaharia 1961: 176). Несмотря на то, что корчага, обнаруженная в этом погребении, близка найденной в захоронении 6 из могильника VII в. у Будешть-Фынаце, для комплекса из Братею не исключается датировка первой половиной VI в. до н. э. (Vulpe 1990: 41). Меч типа Шумейко из Гэдэлина (Wollman 1970: fig. 1), возможно, принадлежал разрушенному погребению, совершённому в это время.

К поздней фазе среднескифского периода следует отнести акинак *типа Козия*, найденный, предположительно, на территории Брашова (Crişan 1960: 118, fig. 1). К серии акинаков с сегментовидным перекрестьем второй половины VI — первой половины V вв. до н. э. принадлежит случайная находка у с. Нэсал (Roska 1942: kép. 245). Погребение 7 у с. Бэица содержало меч с антенным навершием и перекрестьем, близким по форме к шумейковским (Vulpe 1990: Taf. 14: 72). Кроме меча, в захоронении найдены: лепная корчага, опорновтульчатые наконечники стрел и украшенная прочерченным орнаментом крестовидная бляха, указывающие на конец VI — первую половину V в. до н. э. (Vulpe 1990: 56—57). Судя по колчанному набору, состоящему из опорновтульчатых наконечников стрел, бронзовым бляхам с циркульным орнаментом, погребение 1 могильника Бэица (Vulpe 1990: Taf. 47: e) также можно отнести к первой половине V в. до н. э. Сложнее подда-

ётся определению плохо сохранившийся акинак из этого комплекса (Vulpe 1990: Taf. 17: 82). Впрочем, овальное навершие и плоская рукоять изделия наводят на мысли о сходстве с мечами типа Козия. Одним из самых поздних трансильванских акинаков можно считать случайную находку из Доболий-де-Жос (Orbán 1869: 36). Этот экземпляр уникален во всех отношениях — начиная от беспрецедентной длины более одного метра[12] и заканчивая декором в зверином стиле. Тем не менее, оформление навершия в виде загнутых когтей хищной птицы с «глазками» в основании сближает этот меч с акинаками *типа Грищенцы* середины — третьей четверти V в. до н. э.

Подобно Кавказу и Приднепровью, этот регион можно считать одним из центров типообразования скифского клинкового оружия. Именно здесь в раннескифское время происходит творческая переработка гудермесских и келермесских традиций, что обусловило появление в Трансильвании акинаков типа *Посмуш* и *Делений* второй половины VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. Характер распространения раннескифского клинкового оружия позволяет заключить, что проникновение акинаков (вместе с их носителями) в Карпато-Подунавье проходило двумя основными маршрутами: на начальном этапе — по северной границе лесостепи в Трансильванию, и чуть позднее — по южной границе, через Бэрэганскую степь в Южное Прикарпатье. На территории Трансильвании зафиксирована и одна из самых ранних находок акинака с антенным навершием *типа Фрата* второй половины VII в. до н. э. Карпато-Дунайский регион также характеризует компактная серия однолезвийных мечей типа *Ноград*, ареал которых не выходит за пределы Среднего Подунавья, Трансильвании и Южного Прикарпатья. Основой для акинаков типа Ноград, судя по всему, послужили акинаки типа *Шумейко*, распространившиеся на рубеже раннего и среднескифского периода, и какие-то иллирийские традиции. В финале Средней Скифии скифские мечи и кинжалы характерны исключительно для периферии региона, что может свидетельствовать о постепенном выходе Трансильвании из-под скифского влияния. А отсутствие акинаков в регионе для классического периода позволяет отнести завершающую фазу этого процесса ко времени не позднее последней четверти V в. до н. э.

Карпато-днестровская группа

Мечи и кинжалы карпато-днестровской группы памятников относятся к раннему и, главным образом, к среднему этапу скифской культуры. Несмотря на рекордную многочисленность комплексов и случайных находок на данной территории, ни одного акинака, который можно было бы достоверно отнести к классическому периоду (концу V — IV вв. до н. э.), пока неизвестно. Раннескифским временем датируются комплексы из Буковины: могильник Кажвана (курганы 3 и 7), курган у с. Ленковцы, и серия случайных находок из Молдовы второй половины VII — начала VI вв. до н. э. Курган у с. Ленковцы, по всей видимости, является наиболее ранним из них и маркирует время появления скифов на Среднем Днестре около середины VII в. до н. э. (Смирнова 1993: 105; Бруяко 2005: 149). Помимо железных однокольчатых удил, аналогичных келермесским, он содержал также фрагментированный кинжал (Мелюкова 1953: 64, рис. 29: 1). Второй половиной VII — началом VI вв. до н. э. датированы курганы могильника у с. Кажвана на основании предметов вооружения, среди которых двухлопастные наконечники стрел с шипом и топоры (Ignat 2006: 80—81, pl. XI; XV). Одной из самых ранних случайных находок можно считать бронзовый кинжал из Русских Фольварок (район г. Каменец-Подольского), происхождение которого связывается с тагарской культурой (Гавлик 2004: 166, рис. 1: 1), а датировка вряд ли выходит за пределы VII в. до н. э. Кроме этого, второй половиной VII в. до н. э. датируются случайные находки из Центральной и Северной Бессарабии из Ватича, Суслен, Иванчи (не опубликована) и Липника (Топал 2014а: рис. 2: 2, 5, 6), которые относятся к *келермесскому типу*. К раннескифскому периоду принадлежат и находки бронзовых бутеролей из Ниспоренского района Республики Молдова (Топал 2014а: 23, рис. 2: 4) и с о. Змеиный (Левке) (Островерхов, Охотников 1989: 55, рис. 3: 6) рубежа VII—VI вв. до н. э.

К среднескифскому периоду можно причислить подавляющее большинство погребальных комплексов с клинковым оружием сирето-днестровской (молдавской) и восточно-карпатской (нямецкой) подгрупп. С началом среднескифской культуры в регионе связаны находки *типа Шумейко* (второй-

[12] Особенно для Трансильвании, где основным видом клинкового оружия был кинжал длиной 20—30 см.

третьей четверти VI в. до н. э.) и его дериватом — *типом Феттерсфельде* (второй половины — конца VI в. до н. э.). При этом акинаки типа Шумейко занимают Бырладское плато, в то время как кинжалы типа Феттерсфельде концентрируются в нямецкой подгруппе (на Сучавском плато). Небольшая группа случайных и плохо задокументированных находок типа Шумейко известна в западной части молдавской подгруппы — у с. Быку, предположительно, из погребения второй половины VI — начала V вв. до н. э. (Niţu 1953: 6—7, fig. 2), у с. Гэнешть (Buzdugan 1976: 245), с. Бэлэбэнешть и с. Думешть (Buzdugan, Coman 1977: fig. 2, 3), и, возможно, экземпляр без навершия, найденный у с. Мошна (Vulpe 1990: 41, Taf. 8: 40). К типу Шумейко также относится экземпляр с антенным навершием, найденный «на востоке Румынии» (Vulpe 1990: 54, Taf. 14: 68a). Первой половиной VI в. до н. э. и позже, скорее всего, датируется погребение с кинжалом типа Феттерсфельде из Агапии на территории нямецкой подгруппы (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971: 441, fig. 1; 2). Также для этой подгруппы известна целая серия случайных находок кинжалов типа Феттерсфельде: из окрестностей с. Боурень (Brătianu 1925: fig. 1), с. Гиндэоань (Mitrea 1969: fig. 2), с. Моцка (Iconomu 2001: 303, 304, fig. 3, 4), с. Вэратек (Mihăilescu-Bîrliba 1964: fig. 2, 3), и, возможно, с. Мирословешть (Chirica, Tanasachi 1984: fig. 10: 5). Вероятно, из погребения V в. до н. э. происходит кинжал, найденный на территории могильника с. Комарна (Niţu 1953: 8—9, fig. 3) молдавской подгруппы. В окрестностях с. Мэчишень кроме акинака (Palade 1964: fig. 1: 2) были обнаружены различные железные предметы, разрушенные ржавчиной (Palade 1964: 487), возможно, составлявшие инвентарь погребения (Vulpe 1990: 40). Для молдавской подгруппы известны случайные находки из с. Сусень (Buzdugan 1976: fig. 7: 7), с. Нэнешть (Vulpe 1990: Taf. 14: 68), с. Кухурештий-де-Сус и с. Болдурешть (Топал 2016: рис. 1: 1, 2). Возможно, к рассматриваемому типу также относятся кинжалы из разрушенного кургана у с. Нэвырнец (Donici 1928: 323, fig. 2). На Буковине акинаки типа Феттерсфельде были найдены у с. Сокиринцы (Гуцал 2004: рис. 1) и с. Ибэнешть (Vulpe 1990: Taf. 7: 34).

Акинаки из других комплексов сложнее поддаются идентификации, однако об их хронологической позиции можно судить на основе сопутствующего погребального инвентаря. Так, погребение 2 у с. Милештий-де-Сус, помимо акинака с антенным навершием, содержало пропеллеровидные пронизи-подвески, раковины каури, колчанный набор (Mitrea 1983: fig. 1: 2; 2: 1), на основании которого его можно отнести ко второй половине VI — началу V в. до н. э. (Бруяко 2005: 158; Măndescu 2010: 110, cat. 421). К этому же времени относится и погребение из Мынзэтешть, содержавшее акинак с фрагментированным антенным навершием и трехлопастные базисные наконечники стрел (Palade, Ciucă 1972: 285—290).

Финалом среднескифской культуры датируются акинаки *типа Козия*. К этому типу относятся случайные находки в западной части молдавской подгруппы — собственно из Козии и Бучумень (Vulpe 1990: Taf. 9: 42, 43), Ликитишень (Antonescu-Ioviţă 1982: fig. 1) и Гэйчань (Căpitanu 1984: fig. 1). В погребальных комплексах румынской Молдовы они представлены в погребениях у с. Поенешть, у г. Васлуй (1973 г.) и у с. Козия (1969 г.). Хотя у кинжала из «погребения-печи» могильника Поенешть (Vulpe 1953: fig. 98) отсутствует навершие и перекрестье, найденные вместе с ним опорновтульчатые наконечники стрел (аналогичные обнаруженным в погребении 1973 г. у г. Васлуй-«Капул Редюлуй») датируются временем «немногим ранее 500 г. до н. э.» (Vulpe 1990: 48). Из предполагаемого погребения из окрестностей с. Зэйчешть происходит, по меньшей мере, один кинжал типа Козия (Păunescu, Şadurschi 1989: fig. 15: 1—3), что позволяет перенести дату на остальные экземпляры комплекса. Два других акинака типа Козия плохой сохранности из с. Кристинешть также являются элементами погребального инвентаря (Vulpe 1990: 45, Taf. 10: 49, 50). Акинак данного типа также был обнаружен в грунтовом погребении у с. Суручень (Топал 2014a: 15, рис. 1: 4) и, судя по бронзовым наконечникам стрел из этого погребения (Сергеев 1961: 137, рис. 1), его наиболее вероятный хронологический диапазон: вторая половина VI — начало V вв. до н. э. (Бруяко 2005: 160). На территории Республики Молдова, в составе сирето-днестровской (молдавской) подгруппы акинаки рассматриваемого типа известны по случайным находкам у с. Требужены и Лукашовка (Лапушнян 1979: рис. 42: 2; 43), с. Михайловка (Махортых, Иевлев 2001: рис. 3: 2), с. Тешкурень (Haheu, Bikbaev 1998: 160, fig. 1) и с. Ларгуца (Топал 2014a: 23, рис. 2: 3). В среднеднестровской (буковинской) подгруппе изделия такого типа были найдены у с. Нелиповцы (Могилов 2010: 120, рис. 12: 1) и с. Володень (Топал 2014a: 23, рис. 2: 7).

Началом — первой половиной V в. до н. э. датируются находки кинжалов с зооморфным навершием в реалистичной манере *типа Гэйчана*, выделенного А. Вулпе на основе эпонимного образца из румынской Молдовы (Vulpe 1990: 58—59, Taf. 15: 74). Возможно, к данному типу следует отнести экземпляр из Капаклии (не опубликован), для которого характерно сегментовидное перекрестье и массивное (зооморфное?) навершие. Такой тип перекрестья отличает случайные находки из Мирчешть и Дэнешть (Vulpe 1990: Taf. 2: 9, 10), что, согласно недавним исследованиям, позволяет их отнести ко «второй половине VI — первой половине V в. до н. э.» (Бабенко, Шелехань 2015: 83, 88). Один из двух акинаков, связанных с разрушенными погребениями второй половины VI — первой половины V в. до н. э. у с. Козия «Волоакэ-Микэ» (Iconomu 2010: 115—116, fig. 2), также оснащён сегментовидным перекрестьем. Подобная форма перекрестья известна на оригинальном кинжале из с. Петрикань, при этом навершие кинжала — вытянутое, прямое и украшено в зверином стиле (Vulpe 1990: Taf. 15: 76). Возможно, к этой серии изделий относится и случайная находка у с. Козия (Vulpe 1990: Taf. 14: 71). К первой половине V в. до н. э. относится погребение из Пыржолтен (Gawlik 1998: 66; Arnăut 2003: 245; Бруяко 2005: 163) с акинаком, навершие которого аналогично изделиям *типа Грищенцы*. К этому типу относятся случайные находки у г. Котовск (Охотников 1984: 112) и в Рышканском районе (не опубликована).

Степной блок

Южнокарпатская (валашская) группа

Половина всех известных акинаков валашской группы датируется раннескифским временем и связана с южными предгорьями Карпат — погребениями типа Фериджиле. Однако древнейшим из мечей, обнаруженных к югу от Карпат, является случайная находка у городища Орбяска-де-Сус (Vulpe 1990: 36, Taf. 5: 25) на Нижнедунайской равнине. Биметаллический меч из Орбяски принадлежит *типу Гудермес*, верхняя граница которого охватывает середину VII в. до н. э. Четыре акинака из Фериджиле были обнаружены компактно в северной части некрополя, в курганах 1, 41, 44, и один экземпляр вне контекста. Погребения с акинаками могильника Фериджиле относятся к т. н. четвёртому типу погребального инвентаря и фазе Ferigile-Nord, для которой характерно наличие оружия, удил типа Сентеш-Векерзуг и каннелированной керамики. Эта фаза, по мнению А. Вулпе, занимает весь VI в. до н. э., при этом нижнюю границу исследователь относит к концу VII в. (Vulpe 1990: 125—126). Мечи из могильника Фериджиле, Куртя-де-Арджеш, Плоешть и Лэчень А. Вулпе объединил в *тип Фериджиле-Лэчень* первой половины VI в. до н. э. (Vulpe 1990: 33). Данный тип морфологически близок келермесскому типу, и, по всей видимости, генетически с ним связан, на что указывают характерное трехчастное сечение рукояти, массивное бабочковидное (или усечённо-бабочковидное) перекрестье, вытянутое навершие. Дату комплекса из Куртя-де-Арджеш уточняет наличие трензеля типа Векерзуг, которые в Карпатском бассейне появляются на рубеже VII—VI вв. до н. э. (Бруяко 2005: 273).

К среднескифскому периоду следует отнести захоронения на востоке группы Фериджиле-Бырсешть, которые датируются концом VI — началом V в. до н. э., в частности, погребение 2 кургана 7 (Моринтц 1957: рис. 4: 1) и погребение кургана 13 (Morintz 1959: fig. 3) могильника Бырсешть (Vulpe 1990: 48) с акинаками *типа Козия*. В погребении 2 кургана 7, кроме акинака, были обнаружены фрагменты сосуда с проколами под венчиком, верхняя дата которых ограничивается началом V в. до н. э. (Бруяко 2005: 152). К финальной (III) фазе группы Фериджиле-Бырсешть можно отнести и погребение у с. Нэень-«Коларя» (Vulpe, Drâmbocianu 1981: fig. 12). В состав этого комплекса, кроме лепной посуды архаичного облика и акинака, входят сероглиняные гончарные сосуды — черпак и лекана с вертикальными ручками, хорошо известные по материалам Истрии второй половины VI — начала V в. до н. э. (Alexandrescu 1977: 121, fig. 7: 2; 1978: 108, cat. 701, fig. 25: 701) и финалу собственно группы Фериджиле — например, в погребении Чепарь-«Бисерика» (Popescu, Vulpe 1982: 77, fig. 12: B). Трупосожжение в кургане 5 у с. Чепарь, кроме однолезвийного меча *типа Ноград*, содержало кинжал с зооморфным навершием *типа Гэйчана*, наконечник копья, двулезвийный топор и каннелированную керамику 4-го типа инвентаря фазы Фериджиле-Норд, что, по мнению А. Вулпе, указывает на конец VI в. до н. э. или даже на начало V в. до н. э. (Vulpe 1984: 54; 1990: 60). Погребение 5 кургана 9 у с. Тигвень жудеца Арджеш (Vulpe, Popescu 1972: fig. 13: 2; Vulpe 1990: 49, Taf. 12: 58), в кото-

ром были найдены акинак *типа Козия* и удила типа Сентеш-Векерзуг, также датируется первой половиной V в. до н. э. (Vulpe 1990: 50).

Южнодунайская (болгарская) группа

Погребение с биметаллическим мечом *типа Гудермес* у с. Полско Косово является древнейшим не только в регионе, но и во всём ареале распространения подобных изделий. По совокупности аналогий и погребальному обряду погребение датировано концом VIII — началом VII в. до н. э. (Stanchev 2000: 37) и считается «смешанным» комплексом периода РСК-I, которые характерны для Северного Кавказа, а на Балканах считаются синхронными с памятниками типа Енджа и Белоградец (Бруяко 2005: 113). Два других ранних акинака связаны уже с келермесской традицией, причём один из них — *типа Келермес* (из с. Правенцы), обладает петлей под навершием, а другой, из погребения у Лиси-Врых, относится к *типу Фериджиле-Лэчень* (Атанасов 1995: 38, кат. 10, 11). По всей видимости, уже в среднескифский период была изготовлена бронзовая «эмблема» из Меджидии (Берчу 1958: 94—102, рис. 1; 2; Berciu 1959: 9—18, pl. I; II), но при этом, исходя из некоторых особенностей, она изображает акинак, выполненный в келермесских традициях. На это указывает ряд признаков: фигуры сидящих козлов на перекрестье, орнаментация навершия горизонтальными полосами, нервюра в верхней части клинка.

Среднескифский период открывают случайные находки кинжалов *типа Феттерсфельде* на поселении Професор-Иширково Селистренской (Георгиева, Бъчваров 1994: 59, табл. LIII: 1) и у с. Дебрене Добричской областей (Des Thraces 2006: 100, cat. 145). Среднескифским периодом датируется кинжал из Лесуры (Николов 1990: обр. 1, в) с изображением свернувшегося хищника на перекрестье, которое может быть связано с восточными влияниями на скифский звериный стиль второй половины VI в. до н. э. (Полидович 2014: 158). К финалу среднескифского периода относятся комплексы с мечами, навершия которых украшены в реалистичной манере звериного стиля *типа Гэйчана* — погребение 1 у с. Правенцы (Атанасов 1988: 21—22, табл. III: 3) и погребение 37 могильника Равна (Мирчев 1962: 118, табл. XXX: 1). Могильник периода Равна-II, к которому относится погребение 37, существовал недолго, в конце VI — V вв. до н. э. (Vulpe 1970: 142), а данный комплекс, судя по кратеровидному сероглиняному сосуду, датируется первой половиной V в. до н. э. (Vulpe 1990: 60). Найденный в погребении 1 у с. Правенцы опорновтульчатый наконечник стрелы позволяет также отнести его к V в. до н. э. Ещё один акинак *типа Гэйчана* был найден у с. Девене, в разрушенном погребении под небольшой курганной насыпью (Николов 1965: 171, обр. 11). Акинак, обнаруженный в грабительском ходе купольной гробницы Михалкова могила у с. Галатин, уникален — в частности, не находит аналогий оригинальное антенновидное навершие в виде правильной полуокружности с заострёнными концами (Николов 1990: обр. 1а). К сожалению, датировка кургана слишком широко определена в рамках VI—IV вв. до н. э. (Николов 1990: 14), однако широкие полукруглые навершия характерны для акинаков *типа Гэйчана* первой половины V в. до н. э. Возможно, к *типу Козия* финала среднескифского периода относится случайная находка у г. Разград (Berciu 1963: Abb. 2b).

К классическому скифскому периоду можно причислить два экстраординарных комплекса с территории Болгарии. Погребение из Големаните, помимо двух длинных мечей с антенным навершием, содержало богатейший инвентарь: золотые украшения (нагрудник, гривну, перстень и пр.) и набор импортной греческой посуды (краснофигурную пелику, кратер, гидрию, лекиф, чернолаковые килики и пр.). По совокупности инвентаря, важнейшие хронологические элементы которого приходятся на вторую — третью четверть V в. до н. э., автор открытия датировал комплекс концом столетия (Църов 1994: 102; 2008: 12). В гробнице из Руеца (ранее — Юруклер) вместе с фрагментированным акинаком (Велков 1929: 47, обр. 67) был найден бронзовый панцирь, бронзовый халкидский шлем, ситула. Несмотря на датировку ситулы второй половиной V в. до н. э. (Venedicov 1977: 98) и наличие одного из самых древних халкидских шлемов на Балканах (Lazăr 2009: 25), удила IV типа по В. Вернеру из руецкой гробницы характерны для первой — второй четверти IV в. до н. э. (Werner 1988: 36). По всей видимости, наиболее предпочтительная датировка данного комплекса — конец V — начало IV в. до н. э. Обломанный меч с «глазками» в основании навершия из с. Гозница (Попов 1929: 280, обр. 138: 6; 143), вероятно, связан с дальнейшей эволюцией зооморфных наверший в рамках *типа Грищенцы* середины — третьей четверти V в. до н. э. К концу V в. до н. э. следует отнести акинак *типа Солоха*, случайно обнаружен-

ный у с. Агатово (Милчев, Ковачев 1962: 40, рис. 2).

Этот регион демонстрирует тенденции, характерные и для ядра скифской классической культуры — сокращения ареала распространения скифских акинаков начиная со второй четверти IV в. до н. э. С другой стороны, даже в аристократических курганах Скифии двулезвийные клинки сменяются однолезвийными, в Приднепровье и Крыму — мечами типа Шульговка. На территории Болгарии с конца V в. в курганах высшей знати под мощным македонским влиянием надолго закрепляются греческие махайры, которые известны по гробницам из Дуванлии конца V — начала IV в. до н. э. (Teleaga 2008: 295), Маломирово середины IV в. (355—345 гг.) до н. э. (Агре 2011: 210), Кабиле последней трети IV в. (330—320 гг.) до н. э. (Стоянов, Миков, Джанфезова 2013: 267—268, 298, фиг. 23) и Казанлыка («Голяма Косматка») начала III в. до н. э. (Stoyanov, Stoyanova 2016: 319).

Южнодунайская или болгарская группа скифских акинаков представлена как ранним (VII — начало VI в. до н. э.), так и средним (середина VI — первая половина V в. до н. э.) и даже самым началом классического периода (конец V—IV в. до н. э.), что характерно исключительно для степных локальных групп на западе скифского мира (нижнедунайской и нижнеднестровской). Закономерно также, что большая часть экземпляров относится к финалу среднескифского периода, распространяясь при этом на всей территории Северной Болгарии, в то время как раннескифские и классические клинки группируются в центральной части, тяготея к предгорьям Стара-Планины.

Степная причерноморская группа (Нижний Дунай и Днестр)

В отличие от лесостепной зоны Поднестровья, подавляющее большинство находок акинаков в степной части относится к классической среднескифской культуре. Раннескифским временем датируется всего один комплекс с акинаком — погребение 2 сектора II могильника Челик-дере (Simion 1992: fig. 1), которое А. И. Мелюкова считает одновременным погребению из Сабанджии и относит ко второй половине — концу VII в. до н. э. (Мелюкова 2001: 22). Кинжал типа Феттерсфельде среднескифского периода был случайно обнаружен у с. Гниляково-Дачное (Диамант, Черненко 1971: 159, 160). Также к среднескифскому периоду, правда, к его финалу, принадлежат, по меньшей мере, несколько нижнеднестровских комплексов. К примеру, сравнительно недавно опубликованное погребение Г2 у с. Маяки датируется по колчанному набору с базисными опорновтульчатыми наконечниками началом — первой половиной V в. до н. э. (Носова 2011: 159). К первой половине V в. можно отнести два экземпляра с сегментовидным перекрестьем из могильника Челик-Дере. Рукоять одного из них украшена гравировкой в зверином стиле, аналогичной той, что декорирует изделия из Петрикань и Тудорово-Паланки. К позднейшей («всаднической») группе среднескифских погребений принадлежит погребение 13 в кургане у г. Арциз с акинаком *типа Козия*, датированное «серединой V в. до н. э.» (Бруяко 2005: 160—161) или «второй — третьей четвертью V в. до н. э.» (Алексеев 1991: 50; 2003: 201). К первой половине V в. до н. э. относится и погребение из Олонештского района, между сёлами Тудорово и Паланка (Бруяко 2005: 163—164).

Погребальные комплексы с акинаками, которые можно отнести к классической скифской культуре, на западных границах Скифии немногочисленны, и связаны они, в основном, со степной зоной, т. е. с территорией нижнеднестровской и нижнедунайской групп. По данным В. С. Синики, мечи и кинжалы входили в состав погребального инвентаря всего 30 комплексов — 5,7% погребений скифской эпохи днестровско-прутско-дунайских степей (Синика 2007а: 18). Из них в данной работе учтено около десятка, остальные — либо представлены невыразительными фрагментами, либо опубликованы недостаточно информативно. Наиболее ранние погребальные комплексы с клинковым вооружением располагаются в Добрудже — курганы 10а, 11 (Simion 1992, fig. 3: 5), а также недавно раскопанный курган 44 (Sîrbu et al. 2013: 356) могильника Челик-Дере у с. Телица. Погребение в кургане 10а Г. Симион датировал третьей четвертью V в. до н. э. по «фасосской» амфоре (Simion 1992: 104). Позже эта амфора была определена как «самосская» и датирована концом V в. до н. э. (Teleagă 2008: 49, fig. 192, 10—11; Sîrbu et al. 2013: 350), однако есть все основания считать, что и эта датировка должна быть повышена до второй-третьей четверти IV в. до н. э. (Кац 2007: 201). Третьей четвертью V в. до н. э. Г. Симион датировал и погребение 11 на основании трёх амфор и бронзового топора-скипетра, уложенных рядом с погребённым, однако, ввиду отсутствия иллюстраций и описания амфоры,

эта датировка вызывает сомнения. Пока очевидно, что комплекс относится к заключительной фазе могильника конца V — начала III в. до н. э. (Simion 1992: 104). Курган 44 датирован, по мнению авторов раскопок, второй половиной (или даже самым концом) V в. до н. э. (Sîrbu et al. 2013: 356), хотя колчанный набориз базисных опорновтульчатых наконечников (Sîrbu et al. 2013: fig. 10d) указывает на более раннюю дату, верхняя граница которой, вероятно, может заходить и в середину V в. до н. э. Меч, аналогичный экземпляру из кургана 44, был случайно обнаружен[13] на территории могильника Муригиол. Его традиционно датируют концом IV — началом III в. до н. э. (Бужор 1958: рис. 8: 1; Vulpe 1990: 67, Taf. 17: 80), однако, благодаря комплексу из Челик-дере, появились основания для его удревнения (и датировки поздним среднескифским временем).

Концом V — самым началом IV в. до н. э. датируются два нижнеднестровских комплекса — погребение 1 кургана 9 у с. Талмаза (Синика 2007: 178) и погребение 3 кургана 7 у с. Пуркары (Агульников и др. 2013: 279). Мечи из этих погребений являются на сегодняшний момент самыми западными экземплярами акинаков типа Солоха (Топал 2014: 202, 206—207), обнаруженными в погребениях. В грунтовом могильнике Николаевка II акинаки были найдены в двух комплексах — погребениях 7 и 8 (Мелюкова 1975: рис. 56: 7, 8). Погребение 7 датировано А. И. Мелюковой по чернолаковому килику серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Мелюкова 1971: 50, рис. 6: 1, 2; 1975: 162, рис. 44: 1), однако аналогии с Афинской агоры свидетельствуют скорее о начале IV в. до н. э., вплоть до 80-х гг. столетия (Sparkes, Talcott 1970: 111—112, 280, pl. 27, fig. 6, cat. 621—623). Кроме килика, в погребение была помещена гераклейская амфора с клеймом фабриканта НРІΣ и именем магистрата ΚΕΡΚΙΝΟΣ (с предлогом ΕΠΙ), который относится ко второй магистратской группе (МГ) 80—70-х гг. IV в. до н. э. (Монахов 2003: 125; Кац 2007: 429). Вероятно, в рамках второй четверти IV в. до н. э. и следует датировать это погребение. Меч из погребения 8 также можно отнести к этому времени, т. к. комплекс, в котором он был найден, содержал амфору с аналогичным клеймом. В этой связи не совсем ясна ситуация с чернолаковым аттическим канфаром из погребения 8. А. И. Мелюкова датировала его второй половиной IV в. до н. э. (Мелюкова 1975: 160), а на основе аналогий с Афинской агоры этот тип возможно отнести даже к последней четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 122, 287, pl. 29, fig. 6, cat. 712—714). Ко второй половине IV в. до н. э. можно отнести и погребение с однолезвийным акинаком грунтового могильника Николаевка I, обнаруженного в 1964 г. (Дзис-Райко 1965: 63—64, рис. 4: 4). Ров кургана 20 у с. Дивизия, в погребении 6 которого был найден клинок меча с брусковидным перекрестьем (Субботин и др. 1992: 19—20, рис. 17: 1), содержал богатый амфорный материал, в том числе, клейма Гераклеи Понтийской. Несмотря на то, что в публикациях С. И. Андрух этот меч был отнесен к однолезвийным (Андрух, Оанча 1992: 89; Андрух 1995: 38—40, рис. 4: 24), в другой публикации он назван «обоюдоострым» (Субботин и др. 1992: 20, рис. 17: 1). К тому же, в свою сводку однолезвийных мечей Днестровско-Дунайского региона Е. Ф. Редина его не включила (Редина 1999). Первоначально авторы одной из публикаций о памятнике датировали этот курган второй четвертью IV в. до н. э. (Андрух, Оанча 1992: 91), однако, по мнению Н. Матеевич, амфорный материал принадлежит двум хронологическим периодам: пять клейм РФГ с именем ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ с символом «палица» относятся к концу V — началу IV в. до н. э. Два других, магистратских, с именем ΣΑΤΥΡΟΣ и эпонимным предлогом ΕΠΙ (в одномслучае — в сочетании с именем фабриканта ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ и символом «копьё», в другом — с именем ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ и символом «посох») исследовательница датировала серединой 50-х гг. IV в. до н. э. (Mateevici 2007: 75). В своей работе 2003 г. В. И. Кац датировал III МГ концом 70-х — серединой 50-х гг. IV в. до н. э. (Кас 2003: 267), в более поздней — 60—50-ми гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429). С. Ю. Монахов отнёс магистрата Сатира к IV МГ, объединяющей чиновников, исполнявших свои обязанности с середины 50-х до середины 30-х гг. IV в. до н. э. (Монахов 2003: 125, 134).

В разрушенном кургане в Измаиле был обнаружен меч с прорезями и имитацией обмотки на рукояти, овальным орнаментированным навершием. По клейму гераклейской амфоры курган датирован началом 60-х гг. IV в. до н. э. (Паламарчук, Синика 2014: 296). Такие мечи с прорезными рукоятями, в основном, относятся к более ранним комплексам первой половины IV в. до н. э., тяготея к началу столетия. На это указывают и другие архаичные призна-

[13] Этот меч был ошибочно причислен И. Т. Никулицэ к закрытому комплексу с трехлопастными стрелами, чернофигурной керамикой, амфорами и даже монетой Филиппа II (Никулицэ 1977: 97).

ки, такие как имитация проволочной или веревочной обмотки на рукояти и орнаментация верхней части клинка продольными желобками. Погребение 2 кургана 7 у с. Крихана-Веке, в котором была обнаружена рукоять однолезвийного меча (Ceban et al. 2015: 52, fig. 11), относится к середине IV в. до н. э. Все амфоры (не менее 25), найденные во рву и различных скоплениях, можно отнести к продукции Фасоса. Амфоры представлены коническо-биконическим типом II-B-2 (развитому биконическому) по С. Ю. Монахову, который появляется с конца 370-х гг. до н. э. (Монахов 2003: 60, 67). На пяти ручках — двустрочные клейма, четыре из которых указывают на производство фабриканта Пилада (Πυλάδης). Три оттиска выполнены одним клеймом (Bon, Bon 1957: №1504; Garlan 1999: №597), относятся к пятому этапу клеймения и датируются серединой 50-х гг. по И. Гарлану, или концом 60-х гг. IV в. до н. э. по В. И. Кацу (Кац 2007: 415, прил. II). Другое клеймо Пилада содержит, кроме имени фабриканта, знак эпонима в виде звезды (Bon, Bon 1957: №1505; Garlan 1999: №633) и относится к тому же времени. Пятое клеймо принадлежит фабриканту Лисиклу (Λυσικλ□ς) 60—50-х гг. IV в. до н. э. (середины 350-х гг. до н. э., по И. Гарлану) (Bon, Bon 1957: №1107; Avram 1996: №60; Garlan 1999: №593). Таким образом, амфорный комплекс, а следовательно, и время сооружения кургана можно отнести к концу 360-х — середине 350-х гг. до н. э. (Ceban et al. 2015: 56). Из скифских могильников Нижнего Дуная происходит серия оригинальных однолезвийных мечей. Семь экземпляров из курганов могильника Чауш, из которых поддаются реконструкции лишь три — из курганов 12, 15 и 22, были датированы Е. Ф. Рединой третьей четвертью IV в. до н. э. (Суничук 1985: 44, рис. 2: 16, 17; Редина 1999: 223—226, рис. 1: 2, 3; 2: 1—3). В кургане 24 могильника Плавни I был обнаружен аналогичный меч. В целом, могильник считается одновременным чаушскому и датирован серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Суничук, Фокеев 1984: 117; Редина 1999: 223). Погребение с мечом[14], обнаруженное в 1958 г. на разрушенном могильнике у с. Кискань (Harţuche, Anastasiu 1976: 197—198, 209, cat. 400—405, 422), содержало амфору, датированную В. Сырбу временем после 340-х гг. до н. э. (Sîrbu 1982: 101).

Стоит отметить, что в Днестровско-Карпатском регионе пока не известны погребения с мечами или кинжалами, которые бы достоверно датировались III в. до н. э. Кроме того, красноречиво выглядит факт полного отсутствия мечей и кинжалов в скифском могильнике конца IV — II вв. до н. э. у с. Глиное (хотя другие категории широко представлены) (Синика, Тельнов 2015: 188). По всей видимости, данный вид вооружения исчезает на рубеже IV—III вв. до н. э. не только в Поднестровье, но и в Подунавье, где ещё в третьей четверти IV в. до н. э. традиционный скифский акинак сменяется однолезвийными мечами типа Чауш.

* * *

Таким образом, проведенное исследование позволяет обосновать размерные группы скифских мечей и кинжалов. Анализ вариационных рядов таких признаков, как «общая длина» и «длина клинка» показал неоднородность выборки и наличие нескольких функциональных стандартов. Точечная гистограмма позволила уточнить их границы, в результате чего выделяется пять групп: *кинжалы* (с длиной клинка до 21 см), *короткие мечи* (21—37 см), *средние мечи* (38—53 см), *длинные мечи* (54—75 см) и *сверхдлинные мечи* (с длиной клинка свыше 75 см). Основную массу акинаков составляют кинжалы и короткие мечи, т. е. изделия с длиной клинка до 37 см, причём максимум предметов приходится именно на группу «короткие мечи». Картографирование групп выявило особенности такого деления на примере Карпато-Дунайского региона. Так, кинжалы и короткие мечи характерны для лесостепной зоны (ранне- и среднескифского периода), в то время как средние и длинные мечи связаны со степными памятниками, которые относятся главным образом к классическому периоду.

Не вызывает сомнений, что особенности распространения функционально различного клинкового оружия диктовались определенными воинскими традициями и предпочтениями, которые могли меняться с течением времени. Состав вооружения также изменчив от региона к региону. Поэтому стало очевидным, что на основе состава вооружения можно выйти на некую типологическую группировку регионов и перейти от небольших культурных групп к сообществам людей, предпочитавших схожие виды вооружения.

[14] Довольно странно, что рисунок меча из Кискань, приведённый в монографии А. Вулпе (Vulpe 1990: Taf. 17: 85), столь сильно отличается от иллюстраций других авторов (см. Андрух 1995: рис. 4: 25; Măndescu 2010: pl. 85: 22).

Подсчет степени сходства методом классификации по неравнозначным признакам продемонстрировал несколько таких культурных блоков: *«карпатский»*, где наибольшая степень сходства проявилась между западноподольской и трансильванской группами, к которым примыкает молдавская. Для них основными видами оружия являются кинжал (или короткий меч) и топор. В следующий, *«степной»* блок вошли дунайская, днестровская, южнокарпатская и южнодунайская группы, в которых главным образом распространены наконечники копий и средние (или длинные) мечи. Население третьего, *«западного»* блока, в который вошли потисская и северо-западная группы, предпочитало другим видам индивидуального наступательного вооружения топоры и копья. При этом интерпретация полученных блоков и их причудливой конфигурации — дело ближайшего будущего.

Литература

Агре Д. 2011. *Голямата могила край Маломирово и Златиница.* София: Авалон Пъблишинг.

Агульников и др. 2013: Агульников С. М., Попович С. С., Черна С. В., Топал Д. А. 2013. Скифский курган №7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (3), 257—284.

Алексеев А. Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. *АСГЭ* 31, 43—56.

Алексеев А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: ГЭ.

Андрух С. І., Оанча О. С. 1992. Скіфський могильник IV—III ст. до н. е. поблизу с. Дивізія. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Археологія південного заходу України.* Київ, 89—92.

Андрух С. И. 1995. *Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. (Этно-политический аспект).* Запорожье: ЗГУ.

Атанасов Г. 1988. Късен халщатски некропол при село Правенци, Шуменско. *Годишник на музеите от Северна България* 14, 21—35.

Атанасов Г. 1995. Тракийско въоръжение от фонда на Исторически музей — Шумен. В: Атанасов Г. (съст.). *Въоръжение от Древна Тракия. Каталог на изложба.* Шумен: Регионален исторически музей Шумен, 29—91.

Берчу Д. 1958. Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидии (Добруджа). *Dacia* 2, 93—124.

Бабенко Л. І., Шелехань О. В. 2015. Кинджали з сегментоподібним перехрестям у зібранні Харківського історичного музею. *Археологія* (4), 77—91.

Белоусов В. В. 2010. *Вооружение и военное дело сарматов Подонья I—IV вв. н. э.* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Бруяко И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р. Х.* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Бужор Э. 1958. О гето-дакийской культуре в Муригиоле. *Dacia* 2, 125—142.

Вейсман А. Д. 1893. Ἀκινάκης. В: *Греческо-русский словарь.* 5-е изд. Санкт-Петербург, 40.

Велков И. 1929. Нови могилни находки. *ИБАИ* 5, 13—55.

Гавлик А. 2004. Бронзовый кинжал из Русских Фольварков, р-н Каменец-Подольский. In: Chochorowski J. (ed.). *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci.* Kraków: Księgarnia Akademicka, 161—168.

Георгиева Р., Бъчваров И. 1994. *Тракийски некропол при село Професор Иширково, Силистренско.* Силистра: Славчо Николов.

Горелик М. В. 1993. *Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.).* Москва: Восточная литература.

Граков Б. М. 1947. *Скіфи.* Київ: АН УРСР.

Граков Б. Н. 1971. *Скифы. Научно-популярный очерк.* Москва: МГУ.

Гречко Д. С. 2012. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории. *Stratum plus* (3), 75—106.

Гуцал А. Ф. 2004. Скіфські кинджали з Поділля. *Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету* 12, 43—47.

Денисов А. В., Мышкин В. Н. 2013. Размерные группы клинкового оружия кочевников Самарского Поволжья и Южного Приуралья в VI—IV вв. до н. э. *Известия СНЦ РАН* 15 (1), 226—228.

Дзис-Райко Д. А. 1965. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. *КСОГАМ за 1963 г.*, 62—66.

Диамант Э. И., Черненко Е. В., 1971. Скифский кинжал из Одесского музея. *АИУ в 1968* (3), 159—160.

Древности Приднепровья 1900: Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. 1900. *Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко.* Вып. 3. *Эпоха предшествующая Великому переселению народов.* Ч. 2. Киев: Фото-лито-типография С. В. Кульженко.

Кац В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения).* БИ 13. Симферополь; Керчь: Деметра.

Клепиков В. М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э.* Волгоград: ВГУ.

Козенкова В. И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант.* САИР В2—5. Москва: ИА РАН.

Кокорина Ю. Г. 2008. Меч, акинак, кинжал — какой термин выбрать? (к постановке проблемы). *АВ* 15. Москва: Наука, 75—83.

Косиков В. А., Павлик А. А. 1992. Скифские мечи из коллекции Львовского исторического музея. *ДАС* 2, 113—118.

Куринских О. И. 2012. Клинковое оружие ранних кочевников VI—I вв. до н. э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека). *РА* (2), 82—90.

Лаппо-Данилевский А. С. 1887. Скифские древности. *ЗОРСА* 4, 352—543.

Лапушнян В. Л. 1979. *Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии.* Кишинев: Штиинца.

Мартынов А. И., Шер Я. А. 1989. *Методы археологического исследования.* Москва: Высшая школа.

Махортых С. В., Иевлев С. М. 2001. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины. В: Манько В. О. (ред.). *Древности Северского Донца* 5. Луганск: Шлях, 100—107.

Медведев А. П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Мелюкова А. И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *КСИИМК* 51, 60—73.

Мелюкова А. И. 1964. *Вооружение скифов.* САИ Д1—4. Москва: Наука.

Мелюкова А. И. 1971. Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э. В: Либеров П. Д., Гуляев В. И. (отв. ред.). *Проблемы скифской археологии.* МИА 177. Москва: Наука, 39—54.

Мелюкова А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка.* Москва: Наука.

Мелюкова А. И. 2001. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота). *РА* (4), 20—32.

Мерперт Н. Я. 1948. Акинак с когтевидным навершием. *КСИА* 22, 74—79.

Милчев А., Ковачев Н. 1967. Необнародвани паметници от Севлиевско. *Археология* 2, 39—46.

Мирчев М. 1962. Раннотракийският могилен некропол при с. Равна. *ИАИ* 25, 97—164.

Могилов А. 2010. К археологической карте Северной Буковины раннего железного века. *RA* V (1), 98—129.

Могилов О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи.* Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Монахов С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре.* Каталог-определитель. Москва: Киммерида; Саратов: СГУ.

Моринтц С. 1957. Новая гальштатская группа в Молдове. *Dacia* 1, 117—132.

Николов Б. 1965. Тракийски паметници във Врачанско. *ИАИ* 28, 163—202.

Николов Б. 1990. Тракийски находки от Северозападна България. *Археология* (4), 14—26.

Никулицэ И. Т. 1977. *Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях.* Кишинев: Штиинца.

Носова Л. В. 2010. «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI — первой половины V в. до н. э. у с. Маяки). *МАСП* 12, 150—191.

Островерхов А. С., Охотников С. Б. 1989. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. *ВДИ* (2), 50—67.

Охотников С. Б. 1984. Скифский меч из г. Котовска Одесской области. В: Дзис-Райко Д. А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье (материалы по археологии).* Киев: Наукова думка, 112—113.

Паламарчук С. В., Синика В. С. 2014. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. *Stratum plus* (3), 291—302.

Полидович Ю. Б. 2014. Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 153—161.

Попов Р. 1929. Новооткрити паметници от желязната епоха. *ИБАИ* 5, 273—290.

Редина Е. Ф. 1999. К вопросу о фракo-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие). В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова).* Запорожье: ЗГУ, 222—227.

Ростовцев М. И. 1918. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.* МАР 37. Петроград: Девятая Государственная типография.

Савченко Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.* Москва: РАН, 151—277.

Сергеев Г. П. 1961. Погребение скифского воина. *Труды ГИКМ за 1960 г.*, 137—140.

Синика В. С. 2007. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правобережье нижнего Днестра. *РА* (4), 170—179.

Синика В. С. 2007а. *Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей.* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Синика В. С., Тельнов Н. П. 2015. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV—II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 180—190.

Скорий С. А. 1981. Скіфські довгі мечі. *Археологія* 36, 19—25.

Скрипкин А. С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект.* Саратов: СГУ.

Смирнова Г. И. 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *РА* (2), 101—118.

Стоянов Т., Миков Р., Джанфезова Т. 2013. Надгробна могила от ранната елинистическа епоха край с. Кабиле. *Бе-СА* 3, 245—314.

Субботин и др. 1992: Субботин Л. В., Островерхов А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья.* Киев: Препринт.

Суничук Е. Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В: Ванчугов В. П., Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 38—45.

Суничук Е. Ф., Фокеев М. М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В: Черняков И. Т. (отв. ред.). *Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье.* Киев: Наукова думка, 103—120.

Топал Д. А. 2005. Скифские акинаки: функциональное разделение и контекст обнаружения. В: Зверев Е. Ю. (ред.). *Антропологические исследования в Молдове*. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 19—32.

Топал Д. А. 2014. Акинаки классической Скифии: тип Солоха. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 380—406.

Топал Д. А. 2014а. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова. *Tyragetia SN* VIII (1), 7—43.

Топал Д. А. 2016. Два среднескифских акинака из Бессарабской лесостепи. În: Sîrbu L., Telnov N., Ciobanu L., Sîrbu G., Kaşuba M. (red.). *Culturi, procese şi contexte în arheologie*. Chişinău: Garamont-Studio, 278—285.

Хазанов А. М. 1975. *Очерки военного дела сарматов.*

Москва: Наука.
Църов И. 1994. Въоръжение от късножелязната епоха от региона на Велико Търново. *Известия на Исторически музей Велико Търново* 9, 97—123.
Църов И. 2008. *Траките край Атрюс. Тракийското погребение от с. Големаните, Великотърновско.* София: Св. Климент Охридски.
Шелехань О.В. 2015. Метричні групи клинкової зброї скіфського лісостепу. *Mariстеріум* 60. Археологічні студії, 76—81.
Alexandrescu P. 1977. Les modèles grecs de la céramique thrace tournée. *Dacia NS* 21, 113—137.
Alexandrescu P. 1978. *La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.).* Histria 4. Bucureşti, Paris: Editura Academiei RSR.
Antonescu-Ioviţă S. 1982. Un akinakes descoperit la Lichitişeni, com. Vultureni, jud. Bacău. *SCIVA* 33 (1), 134—135.
Arnăut T. 2003. *Vestigii ale sec. VII—III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi.* Chişinău: USM.
Avram A. 1996. *Les timbres amphoriques. Thasos.* Histria VIII. Bucarest; Paris: Editura Enciclopedia.
Baron J., Miazga B. 2013. Scythian akinakes or medieval kidney-dagger? Archaeometric study of a recent find from Legnica (South-Western Poland). *AK* 43 (3), 335—343.
Berciu D. 1959. O descoperire traco-scitică din Dobrogea şi problema scitică la Dunărea de Jos. *SCIV* 10 (1), 7—48.
Berciu D. 1963. Neue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien. *PZ* 41, 190—199.
Bon A.M., Bon A. 1957. *Les timbres amphoriques de Thasos.* Études Thasiennes 4. Paris: École française d'Athènes.
Brătianu Gh.I. 1925. Le poignard scythe de Boureni (Moldavie). *Dacia* 1924—1925, 417—419.
Bukowski Z. 1977. *The Scythian influence in the area of Lusatian culture.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
Buzdugan C. 1976. Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României. *CA* 2, 239—273.
Buzdugan C., Coman G. 1977. Pumnale hallstattiene târzii descoperite în Moldova. *SCIVA* 28 (2), 239—245.
Căpitanu V. 1984. O spadă de fier de tip akinakes descoperită la Găiceana, jud. Bacău. *Carpica* 16, 51—54.
Ceban et al. 2015: Ceban I., Topal D., Agulnikov A., Popovici S. 2015. Tumulul scitic nr. 7 de la Crihana veche La Pietricei (r-nul Cahul). *Arheologia Preventivă în Republica Moldova* 2 (1—2), 43—58.
Chirica V., Tanasachi M. 1984. *Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi.* Vol. 1. Iaşi: Institutul de Istorie si Arheologie A.D. Xenopol.
Chochorowski J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde.* Prace Archeologiczne 36. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnyctwo Naukowe.
Chochorowski J. 2014. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości. *MSROA* 35, 9—58.
Crişan I.H. 1956. Noi cercetări arheologice la Mediaş. In: *Din activitatea ştiinţifică a Muzeului Raional Mediaş* 3, 27—52.
Crişan l.H. 1960. Un akinakes inedit din Muzeul Făgăraş (consideraţiuni asupra grupului scilic din Transilvania). In: Condurachi E. (ed.). *Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împlinirii a 60 de ani.* Bucureşti: Academia Republicii Populare Române, 117—129.
Czopek S. 1995. Żelazny akinakes z Rozborza woj. przemyskie w kontekście innych znalezisk tak zwanych scytyjskich z południowo-wschodniej Polski. *AP* 40 (1—2), 107—123.
Des Thraces 2006: *Des Thraces aux Ottomans. La Bulgarie à travers les collections des musées de Varna.* 2006. Montpellier: Agglomération; Institut national l'histoire de l'art.
Donici A. 1928. Contribution á l'étude antropologique des Scythes. *Archives suisses d'Anthropologie générale* 5 (1), 321—327.
Droysen H. 1894. Ἀκινάκης. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (RE). Band I, 1. Stuttgart : J.B. Metzler Verlag, 1168.
Furtwaengler A. 1883. *Der Goldfund von Vettersfelde.* Winkelmannsfeste der archæologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43. Berlin: G. Reimer.
Garlan Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos.* Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens.* Études Thasiennes XVIII. Athènes: École française d'Athènes.
Gawlik A. 1998. Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej. *MSROA* 19, 53—77.
Gedl M. 1980. *Die Dolche und Stabdolche in Polen.* PBF. Ab. 4. Bd. 4. München: Beck.
Ginters W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.
Haheu V., Bikbaev V. 1998. Akinakesul din r-nul Ungheni. *RA* 2, 160—162.
Harţuche N., Anastasiu F. 1976. *Catalogul selectiv al colecţiei de arheologie a Muzeului Brăilei.* Brăila: Muzeul Brăilei.
Herepey K. 1897. A Nagy-enyedi Múzeum némely régiségeiről. *AÉ* 17, 63—68.
Iconomu C. 2001. Descoperiri arheologice întâmplătoare în comuna Moţca, jud. Iaşi. *AM* 23—24, 303—308.
Iconomu C. 2010. Două akinakai descoperite la Cozia, judeţul Iaşi. *AM* 33, 115—123.
Ignat M. 2006. *Necropolele tumulare din zona Rădăuţi în cadrul lumii traco-getice (sec. VII—V a Ch.).* Târgovişte: Cetatea de Scaun.
Kac V.I. 2003. A new chronology for the ceramic stamps of Herakleia Pontike. In: Bilde P., Højte R., Stolba V. (eds.). *The Cauldron of Ariantas.* BSS 1. Aarhus, 261—278.
Kemenczei T. 1984. Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums. *FA* 35, 33—49.
Kemenczei T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter).* PBF. Ab. 4. Bd. 9. Stuttgart: Franz Steiner.
Kemenczei T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe.* Inventaria Praehistorica Hungariae 12. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
Kłosińska E. 2007. Południowo-wschodnie rubieże Lubelszczyzny w czasach kultury łużyckiej i pomorskiej. In: Banasiewicz-Szykuła E. (ed.). *Pradzieje południowo-wschodniej Lubelszczyzny.* Lublin: Lubelski Wojewódzki Konserwator Zabytków w Lublinie, 107—131.
Lazăr S. 2009. Helmets of the Chalcidian Shape Found in the Lower Danube Area. *Dacia* 53, 13—26.
Mândescu D. 2010. *Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua Epoci a Fierului (sec. V—III a. Chr.). Între Carpaţi, Nistru şi Balcani.* Brăila: Istros.
Marinescu G. 1984. Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen. *Dacia* 28 (1—2), 47—83.
Marinescu G.G., Zăgreanu R. 2011. Un nou akinakes descoperit la Năsal (com. Ţaga, jud. Cluj). *RB* 25, 139—147.

Mateevici N. 2007. *Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI — începutul sec. II a. Chr.* Chişinău: Bons Offices.

Mihăilescu-Bîrliba V. 1964. Un "akinakes" descoperit la Văratic (com. Agapia, jud. Neamţ). *SCIV* 20 (2), 329—336.

Mihăilescu-Bîrliba V., Untaru I. 1971. Notă despre un nou „akinakes" găsit la Agapia. *MA* 3, 441—454.

Minns E. H. 1913. *Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus.* Cambridge: University Press.

Mitrea I. 1969. Un pumnal scitic descoperit la Ghindăoani (corn. Bălţăteşti, jud. Neamţ). *SCIV* 20 (3), 453—456.

Mitrea I. 1983. Deux tombes des VIe — Ve siècles de a. n.è. découvertes à Mileştii de Sus, department de Bacău. *Carpica* 15, 117—124.

Morintz S. 1959. Săpăturile de la Bîrseşti (r. Vrancea, reg. Galaţi). *MCA* 6, 231—236.

Nestor I., Zaharia E. 1961. Săpăturile de la Mediaş. *MCA* VII, 171—178.

Niţu A. 1953. Despre unele urme scitice în Moldova. *MCA* I, 1—11.

Orbán B. 1869. *A Székelyföld leírása.* III. Pest: Ráth Mór bizománya.

Palade V. 1964. Un pumnal scitic descoperit la Măcişeni (r. Târgu Bujor, R. Galaţi). *AM* 2—3, 487—489.

Palade V., Ciucă N. 1972. Noi descoperiri scitice în judeţul Vaslui. *SCIV* 23 (2), 285—293.

Párducz M. 1968. Szkítakori sír Tarpán. Ein Grab aus der Skythenzeit in Tarpa. *Évkönyv Nyíregyháza* 11, 81—88.

Păunescu A., Şadurschi P. 1989. Repertoriul arheologic al României. Botoşani. III. Comuna Băluşeni. *Hierasus* 7—8, 337—369.

Popescu E., Vulpe A. 1982. Nouvelles découvertes du type Ferigile. *Dacia* 26, 77—114.

Reinecke P. 1897. Magyarországi skytha régiségek. *AÉ* 17, 1—27.

Rezi B., Cioată D. 2013. A newly discovered dagger-knife from Dumbrava (Vătava parish, Mureş County). *Marisia* 33, 33—43.

Roska M. 1942. *Erdély régészeti repertóriuma* I. *Öskor Thesaurus antiquitatum Transilvanicarum* I. *Praehistorica*. Kolozsvár: Nagy Jenő.

Simion G. 1992. Geţii şi sciţii dinspre gurile Dunării. *Carpica* 23 (1), 92—105.

Sîrbu et al. 2013: Sîrbu V., Ştefan M.-M., Ştefan D., Jugănaru G., Bochnak T. 2013. The necropolis from Telița-Celic Dere (6th—3rd c. BC), Tulcea county, Romania. The study case of tumulus T44. In: Sîrbu V. , Ştefănescu R. (eds.). *The Thracians and their neighbours in the Bronze and Iron ages.* Braşov: Istros, 347—372.

Sîrbu V. 1982. Importuri greceşti în Câmpia Brăilei (sec. V—I î. e. n.). *Pontica* 15, 99—124.

Sobczyk P. 2016. Nowe znalezisko scytyjskie z ziemi dobrzyńskiej. *Muzeum Ziemi Kujawskiej i Dobrzyńskiej we Włocławku, Rocznik muzealny* 16, 183—192.

Sparkes B. A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C.* The Athenian Agora XII. Princeton; New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens.

Stanchev D. 2000. Warrior burial in the lower course of the Yantra. In: Simion G., Lungu V. (eds.). *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe.* Tulcea: Institut de recherches éco-muséologiques, 35—44.

Stoyanov T., Stoyanova D. 2016. Early Tombs of Thrace. Questions of the Chronology and the Cultural Context. In: Kelp U., Henry O. (eds.). *Tumulus as Sema: Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC* (Berliner Studien Der Alten Welt 27). Berlin; Boston: De Gruyter, 313—338.

Teleagă E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* Rahden, Westf.: Verlag Marie Leidorf.

Topal D., Golec M. 2017. Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia. *Tyragetia SN* XI (1), in press.

Vasiliev V. 1980. *Sciţii agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Venedikov I. 1977. Les situles de bronze en Thrace. *Thracia* 4, 59—103.

Vlassa N. 1961. O contribuţie la problema epocii scitice în Transilvania: cimitirul de la Cipău-Gară. *Apulum* 4, 19—47.

Vulpe A. 1970. Archäologische Forschungen und historishe Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. in Donau-Karpatenraum. *MA* II, 115—215.

Vulpe A. 1984. Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului. *Thraco-Dacica* 5, 26—63.

Vulpe A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien.* PBF. Ab. 4. Bd. 9. München: Beck.

Vulpe A., Popescu E. 1972. Contribution à la connaissance des débuts de la culture géto-dacique dans la zone Subcarpatique Vîlcea-Argeş (La nécropole tumulaire de Tigveni). *Dacia* XVI (1—2), 75—111.

Vulpe A., Drâmbocianu V. 1981. Cercetări arheologice în raza comunei Năeni (Buzău). *SCIVA* 32 (2), 171—194.

Vulpe R. 1953. Săpaturile de la Poieneşti din 1949. *MCA* I, 213—506.

Werner W. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau.* PBF. Ab. 16. Bd. 4. München: Beck.

Wollmann V. 1970. O descoperire scitică în judeţul Cluj. *SCIV* 21 (2), 245—251.

Yates J. 1859. Acinaces. In: Smith W. (ed.). *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities.* Boston: Little, Brown, and Co, 6.

Zielonka B. 1952. Miscellanea Kujawskie. *Z otchłani wieków* 21 (2), 111—112.

References

Agre, D. 2011. *Golyamata mogila kraj Malomirovo i Zlatinitsa (Golyama Mogila between Malomirovo and Zlatinitsa Villages).* Sofia: Avalon Publishing (in Bulgarian).

Agulnikov, S. M., Popovici, S. S., Ţerna, S. V., Topal, D. A. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 257—284 (in Russian).

Alekseev, A. Yu. 1991. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 31, 43—56 (in Russian).

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The Chronography of European Scythia in 7th—4th Centuries BC).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Andrukh, S. I., Oancea, O. S. 1992. In Stanko, V. N. (ed.). *Arkheologiya pivdennoho zakhodu Ukraïny (Archaeology of Southwestern Ukraine).* Kiev, 89—92 (in Ukrainian).

Andrukh, S.I. 1995. *Nizhnedunaiskaia Skifiia v VI — nachale I v. do n. e. (etno-politicheskii aspekt) (The Lower Danube Scythia in 6th — Beginning of 1st Century BC (Ethno-Political Aspect)).* Zaporozh'e: Zaporozh'e State University (in Russian).

Atanasov, G. 1988. In *Godishnik na muzeite ot Severna Bălgariya (North Bulgarian Museums Yearbook)* 14, 21—35 (in Bulgarian).

Atanasov, G. 1995. In Atanasov, G. (comp.). *Văorăzhenie ot Drevna Trakiya. Katalog na izlozhba (Armament of Ancient Thracia: Exhibition Catalogue).* Shumen: Regional Historical Museum of Shumen, 29—91 (in Bulgarian).

Berciu, D. 1958. In *Dacia* 2, 93—124 (in Russian).

Babenko, L.I., Shelekhan', O.V. 2015. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 77—91 (in Ukrainian).

Belousov, V.V. 2010. *Vooruzhenie i voennoe delo sarmatov Podon'ia I—IV vv. n. e. (Armament and Warfare of the Sarmatians in the Don River Basin in 1st — 4th Centuries AD).* PhD Thesis. Voronezh (in Russian).

Bruyako, I.V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope. X—V vv. do R. Kh. (Early Nomads in Europe (10th — 5th Centuries BC)).* Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).

Bujor, E. 1958. In *Dacia* 2, 125—142 (in Russian).

Weisman, A.D. 1893. Ἀκινάκης. In *Grechesko-Russkii Slovar' (Greek-Russian Dictionary).* 5th ed. Saint Petersburg, 40 (in Russian).

Velkov, I. 1929. In *Izvestiya na Bălgarskiya arkheologicheski institut (Reports of Bulgarian Archaeological Institute)* 5, 13—55 (in Bulgarian).

Gavlik, A. 2004. In Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 161—168.

Georgieva, R., Băchvarov, I. 1994. *Trakijski nekropol pri selo Profesor Ishirkovo, Silistrensko (Thracian Necropolis near the Professor Ishirkovo Village, Silistra Region).* Silistra: "Slavcho Nikolov" Publ. (in Bulgarian).

Gorelik, M.V. 1993. *Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tysiacheletie — IV v. do n.e.) (Armaments of the Ancient Orient: IV Millennium BC — 4th Century BC).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Grakov, B.M. 1947. *Skify (Scythians)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Ukrainian).

Grakov, B.N. 1971. *Skify. Nauchno-populiarnyi ocherk (Scythians: a Popular Science Essay).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

Grechko, D.S. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 75—106 (in Russian).

Hutsal, A.F. 2004. In *Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'koho derzhavnoho universytetu (Transactions of the Kamenets-Podolsky State University)* 12, 43—47 (in Ukrainian).

Denisov, A.V., Myshkin, V.N. 2013. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 15 (1), 226—228 (in Russian).

Dzis-Raiko, D.A. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo Gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia za 1963 g. (Concise Bulletins of the Odessa State Archaeological Museum for 1963)*, 62—66 (in Russian).

Diamant, E.I., Chernenko, E.V., 1971. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine (Archaeological Research in Ukraine) v 1968* (3), 159—160 (in Russian).

Khanenko, B.N., Khanenko, V.I. 1900. *Drevnosti Pridneprov'ia. Sobranie B.N. i V.I. Khanenko (Antiquities of the Dnieper Basin from the Collection of B.N. Khanenko and V.I. Khanenko)* III. *Epokha predshestvuiushchaia Velikomu pereseleniiu narodov (The Epoch Before the Great Migrations).* Part 2. Kiev: S.V. Kulzhenko Publ. House (in Russian).

Kac, V.I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (a Complex Study))*. Series: Bosporan Studies XVIII. Simferopol; Kerch: "Demetra" Publ. (in Russian).

Klepikov, V.M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV—III vv. do n. e. (Sarmatians of Lower Volga Region in 4th—3rd Centuries BC).* Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Kozenkova, V.I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistematizatsiia i khronologiia). Zapadnyi variant (Military Munitions and Trappings of the Koban Culture Tribes (Systematization and Chronology). the Western Variant).* Series: Corpus of Archaeological Records of Russia V2—5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kokorina, Yu.G. 2008. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 15. Moscow: "Nauka" Publ., 75—83 (in Russian).

Kosikov, V.A., Pavlik, A.A. 1992. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected Works)* 2, 113—118 (in Russian).

Kurinskikh, O.I. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 82—90 (in Russian).

Lappo-Danilevskii, A.S. 1887. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* 4, 352—543 (in Russian).

Lapuşnean, V.L. 1979. *Rannie frakiitsy X — nachala IV v. do n.e. lesostepnoi Moldavii (Early Thracians of the Kh–early IV cc. BC in the Forest-Steppe Part of Moldavia).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Martynov, A.I., Sher, Ya.A. 1989. *Metody arkheologicheskogo issledovaniia (Methods of Archaeological Research).* Moscow: "Vysshaia shkola" Publ. (in Russian).

Makhortykh, S.V., Ievlev, S.M. 2001. In Man'ko, V.O. (ed.). *Drevnosti Severskogo Dontsa (Antiquities of the Seversky Donets River Area)* 5. Lugansk: "Shlyakh" Publ., 100—107 (in Russian).

Medvedev, A.P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiia i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletiia do n.e. (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Melyukova, A.I. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 51, 60—73 (in Russian).

Melyukova, A.I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian Armament).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Melyukova, A.I. 1971. In Liberov, P.D., Guliaev, V.I. (ed.). *Problemy skifskoi arkheologii (Issues of the Scythian Archaeology).* Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 177. Moscow: "Nauka" Publ., 39—54 (in Russian).

Melyukova, A.I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u sela Nikolaevka (The Scythian Time Settlement and Burial Ground near the Nikolaevka Village).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Melyukova, A.I. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 20—32 (in Russian).

Merpert, N.Ya. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 22, 74—79 (in Russian).

Milchev, A., Kovachev, N. 1967. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 39—46 (in Bulgarian).

Mirchev, M. 1962. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* 25, 97—164 (in Bulgarian).

Mogilov, A. 2010. In *Revista arheologică* V (1), 98—129 (in Russian).

Mohylov, O.D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifs'koï doby u lisostepu Skhidnoï Yevropy (Harness of Scythian Time in the Forest-Steppes of Eastern Europe).* Kiev; Kam'yanets'-Podil's'kyj: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Monachov, S. Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' (Greek Amphorae in the Pontic Region. Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers. Catalogue and Guide).* Moscow: "Kimmerida" Publ.; Saratov: Saratov

State University (in Russian).
Morintz, S. 1957. In *Dacia* 1, 117—132 (in Russian).
Nikolov, B. 1965. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* 28, 163—202 (in Bulgarian).
Nikolov, B. 1990. In *Arkheologiya (Archaeology)* (4), 14—26 (in Bulgarian).
Niculiță, I.T. 1977. *Gety IV—III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh (The Getians in 4th — 3rd centuries BC in the Dniester-Carpathian Region).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Nosova, L.V. 2010. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 12, 150—191 (in Russian).
Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 50—67 (in Russian).
Okhotnikov, S.B. 1984. In Dzis-Raiko, D.A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e (materialy po arkheologii) (Northern Pontic Region (Materials on Archaeology)).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 112—113 (in Russian).
Palamarchuk, S.V., Sinika, V.S. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 291—302 (in Russian).
Polidovich, Yu.B. 2014. In Luk'iashko, S.I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World).* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 153—161 (in Russian).
Popov, R. 1929. In *Izvestiya na Bălgarskiya arkheologicheski institut (Reports of Bulgarian Archaeological Institute)* 5, 273—290 (in Bulgarian).
Redina, E.F. 1999. In Tolochko, P.P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of Scythian and Sarmatian Archeology of the Northern Pontic Region).* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 222—227 (in Russian).
Rostovtzeff, M.I. 1918. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoi oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma (Tumular Finds of the Orenburg Region from Early and Late Hellenistic Period).* Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 37. Petrograd: "Ogni" Publ. (in Russian).
Savchenko, E.I. 2004. In Guliaev, V.I. (ed.). *Arkheologiia Srednego Dona v skifskuiu epokhu: trudy Donskoi (b. Potudanskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk ((Archaeology of Middle Don in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (former Potudan') Archaeological Expedition, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)).* Moscow: Russian Academy of Sciences, 151—277 (in Russian).
Sergeev, G.P. 1961. In *Trudy Gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia za 1960 g. (Proceedings of the State Museum of Local History for 1960),* 137—140. (in Russian).
Sinika, V.S. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 170—179 (in Russian).
Sinika, V.S. 2007. *Pogrebal'nye pamiatniki skifskoi kul'tury VII — nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunaiskikh stepei (Burial Sites of the Scythian Culture, 7th — Early 3rd Centuries BC, in the Steppes between Dniester, Prut and Danube).* PhD Thesis. Moscow (in Russian).
Sinika, V.S., Tel'nov, N.P. 2015. In Luk'iashko, S.I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World).* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 180—190 (in Russian).
Skoryj, S.A. 1981. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 36, 19—25 (in Ukrainian).
Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Problems of Chronology and Its Historical Aspect).* Saratov: Saratov State University (in Russian).
Smirnova, G.I. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 101—118 (in Russian).
Stoyanov, T., Mikov, R., Dzhanfezova, T. 2013. In *Bălgarskoto espisanie za arkheologiya (Bulgarian Electronic Journal for Archaeology)* 3, 245—314 (in Bulgarian).
Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve).* Kiev: "Preprint" Publ. (in Russian).
Sunichuk, E.F. 1985. In Vanchugov, V.P., Dzis-Raiko, G.A. (eds.). *Pamiatniki drevnei istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monuments of Ancient History of North-Western Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 38—45 (in Russian).
Sunichuk, E.F., Fokeev, M.M. 1984. In Cherniakov, I.T. (ed.). *Rannii zheleznyi vek v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Early Iron Age in the North-Western Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 103—120 (in Russian).
Topal, D.A. 2005. In Zverev, E. Yu. (ed.). *Antropologicheskie issledovaniia v Moldove (Anthropological Research in Moldova).* Kishinev: High Anthropological School University, 19—32 (in Russian).
Topal, D.A. 2014. In Luk'iashko, S.I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World).* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 380—406 (in Russian).
Topal, D.A. 2014. In *Tyragetia SN* VIII (1), 7—43 (in Russian).
Topal, D.A. 2016. In Sîrbu L., Telnov N., Ciobanu L., Sîrbu G., Kaşuba M. (red.). *Culturi, procese şi contexte în arheologie*. Chişinău: Garamont-Studio, 278—285.
Khazanov, A.M. 1975. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Tsărov, I. 1994. In *Izvestiya na Istoricheski muzej Veliko Tărnovo (Reports of the Historical Museum in Veliko Tarnovo* 9, 97—123 (in Bulgarian).
Tsărov, I. 2008. *Trakite kraj Atryus. Trakijskoto pogrebenie ot s. Golemanite, Velikotărnovsko (Thracians near Atrus: a Thracian Burial near the Golemanite Village, Veliko Tarnovo District).* Sofia: "Sv. Kliment Okhridski" Publ. (in Bulgarian).
Shelekhan', O.V. 2015. In *Magisterium. Arkheolohichni studii (Magisterium. Archaeological Studies)* 60, 76—81 (in Ukrainian).
Alexandrescu, P. 1977. Les modèles grecs de la céramique thrace tournée. *Dacia NS* 21, 113—137.
Alexandrescu, P. 1978. *La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.).* Histria 4. Bucureşti, Paris: Editura Academiei RSR.
Antonescu-Ioviță, S. 1982. Un akinakes descoperit la Lichitişeni, com. Vultureni, jud. Bacău. *SCIVA* 33 (1), 134—135.
Arnăut, T. 2003. *Vestigii ale sec. VII—III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi*. Chişinău: USM.
Avram, A. 1996. *Les timbres amphoriques. Thasos.* Histria VIII. Bucarest; Paris: Editura Enciclopedia.
Baron, J., Miazga, B. 2013. Scythian akinakes or medieval kidney-dagger? Archaeometric study of a recent find from Legnica (South-Western Poland). *AK* 43 (3), 335—343.
Berciu, D. 1959. O descoperire traco-scitică din Dobrogea şi problema scitică la Dunărea de Jos. *SCIV* 10 (1), 7—48.
Berciu, D. 1963. Neue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien. *PZ* 41, 190—199.
Bon, A.M., Bon, A. 1957. *Les timbres amphoriques de Thasos.* Études Thasiennes 4. Paris: École française d'Athènes.
Brătianu, Gh.I. 1925. Le poignard scythe de Boureni (Moldavie). *Dacia* 1924—1925, 417—419.
Bukowski, Z. 1977. *The Scythian influence in the area of Lusatian culture*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
Buzdugan, C. 1976. Pumnale hallstattiene târzii pe teritoriul României. *CA* 2, 239—273.
Buzdugan, C., Coman, G. 1977. Pumnale hallstattiene târzii descoperite în Moldova. *SCIVA* 28 (2), 239—245.
Căpitanu, V. 1984. O spadă de fier de tip akinakes descoperită la Găiceana, jud. Bacău. *Carpica* 16, 51—54.
Ceban, I., Topal, D., Agulnikov, A., Popovici, S. 2015. Tumulul scitic nr. 7 de la Srihana veche La Pietricei (r-nul Cahul). *Arheologia Preventivă în Republica Moldova* 2 (1—2), 43—58.
Chirica, V., Tanasachi, M. 1984. *Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi.* Vol. 1. Iaşi: Institutul de Istorie si Arheologie „A.D. Xenopol".

Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Prace Archeologiczne 36. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnyctwo Naukowe.

Chochorowski, J. 2014. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości. *MSROA* 35, 9—58.

Crişan, I.H. 1956. Noi cercetări arheologice la Mediaş. In *Din activitatea ştiinţifică a Muzeului Raional Mediaş* 3, 27—52.

Crişan, l.H. 1960. Un akinakes inedit din Muzeul Făgăraş (consideraţiuni asupra grupului scilic din Transilvania). In Condurachi, E. (ed.). *Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împlinirii a 60 de ani.* Bucureşti: Academia Republicii Populare Române, 117—129.

Czopek, S. 1995. Żelazny akinakes z Rozborza woj. przemyskie w kontekście innych znalezisk tak zwanych scytyjskich z południowo-wschodniej Polski. *AP* 40 (1—2), 107—123.

Des Thraces 2006: *Des Thraces aux Ottomans. La Bulgarie à travers les collections des musées de Varna*. 2006. Montpellier: Agglomération; Institut national l'histoire de l'art.

Donici, A. 1928. Contribution á l'étude antropologique des Scythes. *Archives suisses d'Anthropologie générale* 5 (1), 321—327.

Droysen, H. 1894. Ἀκινάκης. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (RE). Band I, 1. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 1168.

Furtwaengler, A. 1883. *Der Goldfund von Vettersfelde*. Winckelmannsfeste der archæologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43. Berlin: G. Reimer.

Garlan, Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol.I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Études Thasiennes XVIII. Athènes: École française d'Athènes.

Gawlik, A. 1998. Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej. *MSROA* 19, 53—77.

Gedl, M. 1980. *Die Dolche und Stabdolche in Polen*. PBF. Ab. 4. Bd. 4. München: Beck.

Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Haheu, V., Bikbaev, V. 1998. Akinakesul din r-nul Ungheni. *RA* 2, 160—162.

Harţuche N., Anastasiu F. 1976. *Catalogul selectiv al colecţiei de arheologie a Muzeului Brăilei*. Brăila: Museul Brăilei.

Herepey, K. 1897. A Nagy-enyedi Múzeum némely régiségeiről. *AÉ* 17, 63—68.

Iconomu, C. 2001. Descoperiri arheologice întâmplătoare în comuna Moţca, jud. Iaşi. *AM* 23—24, 303—308.

Iconomu, S. 2010. Două akinakai descoperite la Cozia, judeţul Iaşi. *AM* 33, 115—123.

Ignat, M. 2006. *Necropolele tumulare din zona Rădăuţi în cadrul lumii traco-getice (sec. VII—V a Ch.)*. Târgovişte: Cetatea de Scaun.

Kac, V.I. 2003. A new chronology for the ceramic stamps of Herakleia Pontike. In Bilde, P., Højte, R., Stolba, V. (eds.). *The Cauldron of Ariantas*. BSS 1. Aarhus, 261—278.

Kemenczei, T. 1984. Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums. *FA* 35, 33—49.

Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter)*. PBF. Ab. 4. Bd. 9. Stuttgart: Franz Steiner.

Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe*. Inventaria Praehistorica Hungariae 12. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Kłosińska, E. 2007. Południowo-wschodnie rubieże Lubelszczyzny w czasach kultury łużyckiej i pomorskiej. In Banasiewicz-Szykuła, E. (ed.). *Pradzieje południowo-wschodniej Lubelszczyzny*. Lublin: Lubelski Wojewódzki Konserwator Zabytków w Lublinie, 107—131.

Lazăr, S. 2009. Helmets of the Chalcidian Shape Found in the Lower Danube Area. *Dacia* 53, 13—26.

Măndescu, D. 2010. *Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua Epoci a Fierului (sec. V—III a. Chr.). Între Carpaţi, Nistru şi Balcani*. Brăila: Istros.

Marinescu, G. 1984. Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen. *Dacia* 28 (1—2), 47—83.

Marinescu, G.G., Zăgreanu, R. 2011. Un nou akinakes descoperit la Năsal (com. Ţaga, jud. Cluj). *RB* 25, 139—147.

Mateevici, N. 2007. *Amforele greceşti în mediul barbar din nordvestul Pontului Euxin în sec. VI — începutul sec. II a. Chr.* Chişinău: Bons Offices.

Mihăilescu-Bîrliba, V. 1964. Un "akinakes" descoperit la Văratic (com. Agapia, jud. Neamţ). *SCIV* 20 (2), 329—336.

Mihăilescu-Bîrliba, V., Untaru, I. 1971. Notă despre un nou „akinakes" găsit la Agapia. *MA* 3, 441—454.

Minns, E.H. 1913. *Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: University Press.

Mitrea, I. 1969. Un pumnal scitic descoperit la Ghindăoani (corn. Bălţăteşti, jud. Neamţ). *SCIV* 20 (3), 453—456.

Mitrea, I. 1983. Deux tombes des VIe — Ve siècles de, a.n.è. découvertes à Mileştii de Sus, department de Bacău. *Carpica* 15, 117—124.

Morintz, S. 1959. Săpăturile de la Bîrseşti (r. Vrancea, reg. Galaţi). *MCA* 6, 231—236.

Nestor, I., Zaharia, E. 1961. Săpăturile de la Mediaş. *MCA* VII, 171—178.

Niţu, A. 1953. Despre unele urme scitice în Moldova. *MCA* I, 1—11.

Orbán, B. 1869. *A Székelyföld leírása*. III. Pest: Ráth Mór bizománya.

Palade, V. 1964. Un pumnal scitic descoperit la Măcişeni (r. Târgu Bujor, R. Galaţi). *AM* 2—3, 487—489.

Palade, V., Ciucă, N. 1972. Noi descoperiri scitice în judeţul Vaslui. *SCIV* 23 (2), 285—293.

Párducz, M. 1968. Szkítakori sír Tarpán. Ein Grab aus der Skythenzeit in Tarpa. *Évkönyv Nyíregyháza* 11, 81—88.

Păunescu, A., Şadurschi, P. 1989. Repertoriul arheologic al României. Botoşani. III. Comuna Băluşeni. *Hierasus* 7—8, 337—369.

Popescu, E., Vulpe, A. 1982. Nouvelles découvertes du type Ferigile. *Dacia* 26, 77—114.

Reinecke, P. 1897. Magyarországi skytha régiségek. *AÉ* 17, 1—27.

Rezi, B., Cioată, D. 2013. A newly discovered dagger-knife from Dumbrava (Vătava parish, Mureş County). *Marisia* 33, 33—43.

Roska, M. 1942. *Erdély régészeti repertóriuma* I. *Öskor Thesaurus antiquitatum Transilvanicarum* I. *Praehistorica*. Kolozsvár: Nagy Jenő.

Simion, G. 1992. Geţii şi sciţii dinspre gurile Dunării. *Carpica* 23 (1), 92—105.

Sîrbu, V., Ştefan, M.-M., Ştefan, D., Jugănaru, G., Bochnak, T. 2013. The necropolis from Teliţa-Celic Dere (6th—3rd c. BC), Tulcea county, Romania. The study case of tumulus T44. In Sîrbu, V., Ştefănescu, R. (eds.). *The Thracians and their neighbours in the Bronze and Iron ages*. Braşov: Istros, 347—372.

Sîrbu, V. 1982. Importuri greceşti în Câmpia Brăilei (sec. V—I, î.e.n.). *Pontica* 15, 99—124.

Sobczyk, P. 2016. Nowe znalezisko scytyjskie z ziemi dobrzyńskiej. *Muzeum Ziemi Kujawskiej i Dobrzyńskiej we Włocławku, Rocznik muzealny* 16, 183—192.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C.* The Athenian Agora XII. Princeton; New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens.

Stanchev, D. 2000. Warrior burial in the lower course of the Yantra. In Simion, G., Lungu, V. (eds.). *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe*. Tulcea: Institut de recherches éco-muséologiques, 35—44.

Stoyanov, T., Stoyanova, D. 2016. Early Tombs of Thrace. Questions of the Chronology and the Cultural Context. In Kelp, U., Henry, O. (eds.). *Tumulus as Sema: Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC* (Berliner Studien Der Alten Welt 27). Berlin; Boston: De Gruyter, 313—338.

Teleagă, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. — Anfang des 3.Jhs.v. Chr.* Rahden, Westf.: Verlag Marie Leidorf.

Topal, D., Golec, M. 2017. Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia. *Tyragetia SN* XI (1), in press.

Vasiliev, V. 1980. *Sciţii agatîrşi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Venedikov, I. 1977. Les situles de bronze en Thrace. *Thracia* 4, 59—103.

Vlassa, N. 1961. O contribuţie la problema epocii scitice în Transilvania: cimitirul de la Cipău-Gară. *Apulum* 4, 19—47.
Vulpe, A. 1970. Archäologische Forschungen und historishe Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. in Donau-Karpatenraum. *MA* II, 115—215.
Vulpe, A. 1984. Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului. *Thraco-Dacica* 5, 26—63.
Vulpe, A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien.* PBF. Abb. 4. Bd. 9. München: Beck.
Vulpe, A., Popescu, E. 1972. Contribution à la connaissance des débuts de la culture géto-dacique dans la zone Subcarpatique Vîlcea-Argeş (La nécropole tumulaire de Tigveni). *Dacia* XVI (1—2), 75—111.
Vulpe, A., Drâmbocianu, V. 1981. Cercetări arheologice în raza comunei Năeni (Buzău). *SCIVA* 32 (2), 171—194.
Vulpe, R. 1953. Săpaturile de la Poieneşti din 1949. *MCA* I, 213—506.
Werner, W. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau.* PBF. Ab. 16. Bd. 4. München: Beck.
Wollmann, V. 1970. O descoperire scitică în judeţul Cluj. *SCIV* 21 (2), 245—251.
Yates, J. 1859. Acinaces. In Smith, W. (ed.). *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities.* Boston: Little, Brown, and Co, 6.
Zielonka, B. 1952. Miscellanea Kujawskie. *Z otchłani wieków* 21 (2), 111—112.

Статья поступила в сборник 13 октября 2017 г.

Denis Topal (Kishinev, Moldova). High Anthropological School University[1].
Топал Денис Афанасьевич (Кишинёв, Молдова). Университет «Высшая антропологическая школа».
E-mail: denis.topal@gmail.com

Address: [1] N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

А. Р. Канторович

Образно-сюжетный репертуар восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты классифицирования и кодирования

Keywords: Eastern Europe, Scythian animal style, images, repertoire, classification, taxonomy, coding

Ключевые слова: Восточная Европа, скифский звериный стиль, образы, репертуар, классификация, таксономия, кодирование

A. R. Kantorovich

Imagery Repertoire of the Eastern European Scythian Animal Style: the principles and results of classification and coding

In the context of steady growth of the archaeological material, the systematization and classification of the array of images of the Scythian-Siberian animal style becomes very important in order to create the uniform language for its description. The article presents an algorithm for classifying this source and substantiates the taxonomy and hierarchy of classification levels. The article presents main results of the classification of 2207 full-figured and reduced images of the Eastern European Scythian animal style (within the Scythian archaeological culture), identifying 345 morphological types. It is demonstrated by what way a set of images of the Scythian animal style can be formalized with the help of alphanumeric code. It is proposed to apply these principles of classification and coding to other local variants of the Scythian-Siberian animal style, which will provide a consolidated basis enabling their comparison.

А. Р. Канторович

Образно-сюжетный репертуар восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты классифицирования и кодирования

В условиях постоянного прироста археологического материала актуальной становится задача систематизации и классификации массива изображений скифо-сибирского звериного стиля, создания единого языка для его описания. В статье представлен алгоритм классифицирования данного источника и обоснована таксономия и иерархия классификационных уровней. Представлены основные результаты классифицирования 2207 полнофигурных и редуцированных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (в пределах скифской археологической культуры), позволившего выявить 345 морфологических типов. Показано, каким образом совокупность изображений скифского звериного стиля может быть формализована с помощью буквенно-цифрового кода. Предлагается применить данные принципы классифицирования и кодирования к остальным локальным вариантам скифо-сибирского звериного стиля, что позволит вести сравнение между ними на единой основе.

Труды Николая Петровича Тельнова преимущественно связаны с проблемами средневековой, в частности, славянской археологии, однако в его творчестве существенное место заняла и скифская тематика, что наглядно отразилось в его участии в недавней фундаментальной публикации замечательного могильника Глиное на территории Приднестровья. Таким образом, предлагаемая статья в определенном смысле корреспондирует с научными интересами уважаемого юбиляра[1].

Предпринятый нами ранее статистический анализ массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, отражающий современное состояние этого археологического источника (Канторович 2016: 91, табл. 1), подтвердил сложившееся в науке представление об абсолютном господстве в изобразительной системе скифо-сибирского звериного стиля четырех мегаобразов, своего рода идеограмм, а именно: хищников (рис. 1), копытных (рис. 2; 3), птиц (рис. 4) и синкретических животных (рис. 5); их совокупная

[1] Данная статья является расширенным вариантом недавней публикации принципов кодирования изображений скифского звериного стиля по итогам конференции «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.» (ИА РАН, 13—14 декабря 2016 г.) (Канторович 2017).

© А. Р. Канторович, 2018.

доля в общем массиве восточноевропейского скифского звериного стиля, по нашим последним данным, составляет 97,3% (см. табл. 1)[2]. Остальная часть корпуса изображений составлена в основном отображениями зайцев (рис. 6: 1) и рыб (рис. 6: 4), а также единичными образами верблюдов[3] (рис. 6: 2) и дельфинов (рис. 6: 3).

В данной работе будет показано, на какие именно классификационные таксоны (конкретные образы, мотивы и сюжеты) разделяются массивы изображений, относящиеся к вышеперечисленным идеограммам восточноевропейского скифского звериного стиля, и каким образом эта совокупность изображений может быть систематизирована с помощью буквенно-цифрового кода.

Источниковой базой на данный момент для нас являются 2207 оригинальных зооморфных изображений (здесь и далее будет указываться только количество оригинальных изображений, без учета зеркальных отображений и копий, рассматриваемых нами как вариации одного и того же изображения). Эти изображения происходят из памятников скифской археологической культуры VII — начала III вв. до н. э. (ареал: Северное Причерноморье и Приазовье, включая Крым, Среднее Поднепровье, Среднее Подонье, Северный Кавказ) и соответствуют обоснованным нами ранее диагностическим признакам принадлежности конкретного зооморфного изображения к скифо-сибирскому звериному стилю как к особому художественному направлению[4]. Классификация осуществлялась по иерархическому принципу. Изначально весь массив изображений распределялся по мегаобразам и образам. На следующем уровне дифференцировались полнофигурные и редуцированные изображения (как известно, одной из важнейших особенностей скифо-сибирского звериного стиля является большая доля изображений обособленных частей тела). В сжатом виде это дифференцирование представлено в табл. 2.

Далее полнофигурные и редуцированные изображения классифицировались раздельно.

Классифицирование **полнофигурных** изображений осуществлялось по трем обязательным (универсальным для разных образов) таксономических уровням.

По позиции ног (для птиц — крыльев) относительно оси туловища полнофигурные изображения разделялись на ***сюжетные группы***.

При этом с учетом значительного композиционного разнообразия в трактовках животных определенные сюжетные группы до разделения по сюжетным отделам могли дополнительно дифференцироваться по индивидуальным классификационным уровням — подгруппам, и далее по классам и подклассам.

По позиции головы относительно туловища каждая сюжетная группа (или — при наличии — подгруппа/класс/подкласс) разделялась на 2 ***сюжетных отдела***:

отдел I — изображения животных с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

отдел II — изображения животных с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков каждый сюжетный отдел разделялся на *изобразительные (морфологические) типы*; при необходимости типы могли дробиться на *варианты*.

---

[2] Приводимая в табл. 1 статистика изображений, в силу необходимости учета постоянного прироста материала (в том числе и результатов наших раскопок сезона 2017 г. — см. ниже), несколько отличается от статистических выкладок, представленных в наших предшествующих публикациях, либо в работах, подготовленных нами ранее этой статьи, но выходящих из печати в близкие по времени сроки. Однако процентные соотношения остаются практически неизменными.

[3] В данном случае мы основываемся на той версии современной биологической классификации, по которой семейство верблюдовые не принадлежит ни к отряду парнокопытных, ни к отряду непарнокопытных, а относится к отряду мозоленогих.

[4] Это три группы признаков: 1) специфические пропорции — преувеличенность определенных частей тела (в ущерб остальным): в первую очередь глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра — во всех образных группах, рогов и копыт — у копытных, зубов и когтей — у хищников, клюва и крыльев — у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) — у синкретических животных; 2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких, как глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и/или «зооморфного превращения» этой детали, т. е. её трансформации в другой зооморфный мотив; 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов. При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного — достаточно первых двух.

Таблица 1.

Статистика репертуара и морфологических типов изображений восточноевропейского скифского звериного стиля*

Образно-видовая принадлежность	Количество оригинальных изображений	%	Количество типов
Хищники	**590 (полнофигурных — 245, редуцированных — 345)**	**26,7**	**108**
Копытные, в том числе:	**794**	**35,9**	**127**
Олени	263 (полнофигурных — 129, редуцированных — 134)		42
Лоси	88 (полнофигурных — 19, редуцированных — 69)		17
Горные козлы	52 (полнофигурных — 37, редуцированных — 15)		12
Бараны	78 (полнофигурных — 1, редуцированных — 77)		10
Лошади	109 (полнофигурных — 5, редуцированных — 104)		13
Быки	4		2
Кабаны	38 (полнофигурных — 10, редуцированных — 28)		14
«Оленелоси»	12 (все — редуцированные)		3
«Лосекозлы»	21 (все — полнофигурные)		1
«Оленекозлы»	19 (все — редуцированные)		1
Обособленное ухо копытного	24		2
Обособленная нога копытного / копыто	86		10
Птицы	**556 (полнофигурных — 83, редуцированных — 473)**	**25,2**	**55**
Синкретические животные, в том числе:	**209**	**9,5**	**46**
Грифоны и крылатые львы	100 (полнофигурных — 61, редуцированных — 39)		33
Бараноптицы	50		2
Гибрид грифона и бараноптицы	1		1
Гибрид грифона и кошачьего хищника — тупорылый зверь	10		1
Гиппокампы, грифоногиппокампы и «петушки»	24		4
«Лосептица»	13		1
«Оленептица»	2		1
Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного	8		2
Рогатая рыба	1		1
Зайцы	**21**	**0,95**	**3**
Верблюды	**6**	**0,27**	**1**
Дельфины	**4**	**0,18**	**2**
Рыбы	**27**	**1,23**	**3**
Итого	**2207 изображений**	**100 %**	**345 типов**

* Примечание: указано количество оригинальных изображений, без учета копий и зеркальных отображений.

Классифицирование указанного массива (2207 изображений) в конечном счете привело к его разделению на 345 морфологических типов (см. табл. 1)[5]. Каждый выделенный тип полнофигурных изображений обозначался кодом, содержащим информацию о сюжетной группе и сюжетном отделе, к которому этот тип относится (таксоны группы и отдела — универсальные для полнофигурных изображений — обозначались римскими цифрами), а также (при наличии таковых) — о подгруппе, классе и подотделе (таксоны подгруппы, класса и подотдела обозначались арабскими цифрами и кириллическими буквами) и, наконец, о порядковом номере самого типа в рамках его таксона (арабской цифрой). Данный код типа дополнялся его словесным обозначением по названиям тех изображений (соответственно памятникам, из которых они происходят), которые были наиболее характерны для данного типа (составляли его «иконографическое ядро») или же являлись предельными для данного типа в хронологическом или пространственном отношении.

В качестве примера можно привести следующее обозначение одного из типов изображений хищника, включающее все вышеуказанные позиции: тип I-1-A-a-I-1 Краснознаменско-новозаведенский (см. рис. 1: 1). В случае отсутствия дифференцирования на уровнях подгруппы, класса и подотдела кодовые обозначения этих уровней, естественно, не присутствуют в общей номенклатуре конкретного типа.

Такими кодами были обозначены все выявленные нами 345 морфологических типов (см. Канторович 2015б).

Редуцированные изображения до распределения по морфологическим типам дифференцировались исходя из модулей, в рамках которых они реализовывались, таких как: обособленная голова, обособленная конечность (нога, лапа, копыто, коготь), их сочетания в едином изображении, протома (передняя часть тела), обособленные рога и др. Также в ряде случаев в качестве критериев дифференцирования учитывались ракурсы отображения головы (профиль, фас, объемный ракурс). Для конечностей хищников нам удалось до распределения по типам выявить сюжетные группы и подгруппы.

Соответственно, для редуцированных изображений кодирование состояло в присвоении порядкового номера морфологического типа в рамках соответствующих таксонов — голов, протом, конечностей и т. д., однако при возникающей возможности их предварительного классифицирования по ракурсам или сюжетам перед номером типа (арабская цифра) указывался цифровой индекс соответствующей группы или отдела (римская цифра).

Мегаобраз хищника

К таксону мегаобраза хищника мы относим изображения, наделенные вышеуказанными характерными признаками скифского звериного стиля и природными особенностями отряда хищные (*Carnivora*), семейств кошачьи (*Felidae*), волчьи или псовые (*Canidae*) и медвежьи (*Ursidae*), т. е. прежде всего наличием: лап хищника (у медведя — пятипалых); круглой (или подквадратной) головы кошачьего хищника с короткой мордой (как правило, с отображением зубов) с коротким, относительно широким овальным (или овально-треугольным) ухом, либо более длинной широколобой головы волка (род *Canis*) или медведя (род *Ursus*) с зауженной мордой (как правило, с отображением зубов) с длинным, относительно узким подтреугольным ухом у волка и более коротким овальным у медведя, — при непременном отсутствии копыт, клюва и крыльев, т. е. важнейших признаков других мегаобразов скифского звериного стиля.

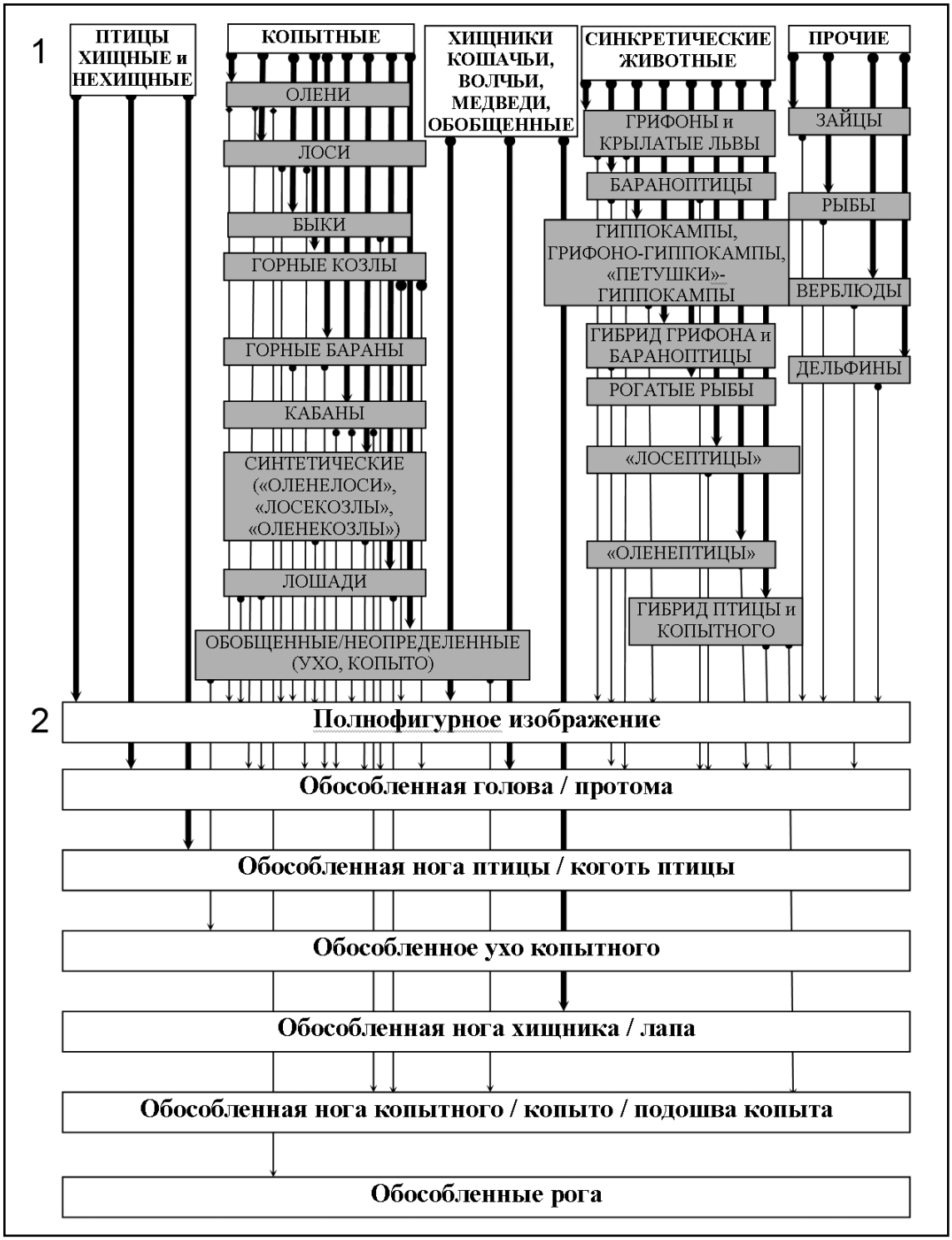
В восточноевропейском скифском зверином стиле мегаобраз хищника реализует-

[5] В данный корпус нами пока не включаются изображения из недавней высококачественной публикации С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом обширной серии («коллекции») изделий, предположительно являющихся, по указанию авторов, случайными находками из определенного и достаточного компактного района Внутренней гряды Крымских гор: с территории горных массивов Кубалач и Агармыш, а также у с. Межгорье у предгорий Караби-Яйлы (Скорый, Зимовец 2014: 165—167). Данная коллекция насчитывает более 400 предметов, в том числе 193 выполненных в канонах скифского звериного стиля (Скорый, Зимовец 2014: 15, табл. на с. 152).

Происхождение этой коллекции (ныне полностью переданной её публикаторами С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом в Археологический музей Института археологии НАН Украины) уже оказалось объектом интенсивной дискуссии, не подвергающей сомнению компетентность самой публикации, но порой ставящей под вопрос изначальное местонахождение этих изделий, очевидно, происходящих из грабительских раскопок (Медведев 2015: 136—137; Гуляев 2016: 205—208; Колтухов, Сенаторов 2016: 179—180). В силу этой дискуссионности, и прежде всего в силу сомнения в непременно и исключительно крымском происхождении этих предметов, мы пока выводим изображения данной коллекции за пределы нашего источника, хотя в будущем предполагаем учитывать ее в нашей классификации и статистике.

Таблица 2.

Результаты классифицирования изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Уровни образно-видового дифференцирования (1) и степени воплощения образа (2)

ся как полнофигурно (рис. 1: 1—3), так и редуцированно — в виде обособленных голов (в т. ч. с шеями), протом и конечностей (рис. 1: 4—6).

Известна сложность изначального дифференцирования хищников в изображениях скифского звериного стиля по семействам, родам и видам. Это обусловлено частым стрем-

лением мастера, по мнению Е. В. Переводчиковой (основанному на изучении изображений из различных регионов скифо-сибирского мира), отобразить некоего «хищника вообще», воплотить идею хищника как такового (Переводчикова 1986: 8—11). Это заставляет нас, в противовес классификации мегаобраза копытного, классифицировать изображения хищников изначально в едином массиве, невзирая на семейственно-родовую атрибуцию. Соответствующую идентификацию, в большинстве случаев, хотя и не всегда, нам удается осуществить в основном на уровне дифференцирования типов, прибегая к вышеупомянутым природным критериям, определяющим кошачьих (рис. 1: 1), волчьих (рис. 1: 2) и медвежьих (рис. 1: 3). Для полнофигурных изображений дополнительным индикатором такой атрибуции в некоторых случаях служат специфические позы изображаемых животных, соответствующие их этологии, например: «припадание на лапы» перед прыжком — для кошачьих (рис. 1: 1), стойка на прямых ногах с низко опущенной головой — для медведей (рис. 1: 3). В тех случаях, когда нам удавалось осуществить зоологическую идентификацию изображений хищников на уровне семейства, мы чаще встречали отображение кошачьих, несколько реже — волчьих, гораздо реже (и почти всегда в связи с локальными, преимущественно среднедонскими типами) — медведей. Но некоторые полнофигурные изображения и, еще чаще, редуцированные, остаются в семейственно-родовом отношении неопределимыми, причем далеко не всегда этому причиной недоработки мастера, встречаются и вполне качественные образцы, что говорит либо в пользу предложенной Е. В. Переводчиковой концепции «обобщенного хищника», либо же отсылает нас к неизвестной нам «народной классификации», отождествляющей хищников разных видов, родов и даже семейств.

Полнофигурные отображения хищников

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции ног относительно оси туловища — полнофигурные изображения хищника разделяются на 3 сюжетных группы:

группа I — лежащие и летящие в прыжке;

группа II — стоящие, идущие, присевшие;

группа III — полулежащие-полустоящие (это, как правило, хищники с низко опущенной грудной частью, опирающейся на передние ноги, направленные вперед. Задняя часть зверей, напротив, приподнята, показаны обе задние ноги в шаге).

В силу значительного композиционного разнообразия в рамках I группы изображения хищника дополнительно дифференцируются по взаимоположению передних и задних ног на 4 сюжетные подгруппы:

подгруппа 1 — передняя и задняя ноги вперед;

подгруппа 2 — передняя нога назад, задняя вперед;

подгруппа 3 — передняя нога вперед, задняя назад;

подгруппа 4 — передняя и задняя ноги назад.

В рамках II и III групп такое разделение на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

По взаимоположению передней и задней части туловища изображения I сюжетной группы (после их дифференцирования на 1-ю и 3-ю подгруппы) и II сюжетной группы (непосредственно) разделяются на 2 сюжетных класса:

класс **А** — передняя и задняя части туловища даны в едином ракурсе;

класс **Б** — задняя часть туловища вывернута относительно передней на 180 градусов.

В рамках III группы, а также 2-й и 4-й подгрупп I группы такое деление нецелесообразно, т. к. все ныне известные изображения данных таксонов соответствуют классу **А**.

По степени изогнутости туловища изображения класса **А** дополнительно разделяются на 2 сюжетных подкласса:

подкласс **а** — туловище прямое или слабоизогнутое;

подкласс **б** — туловище согнуто в кольцо или полукольцо (свернувшиеся хищники[6]).

Такое деление на данный момент актуально только для изображений 1-й подгруппы I группы, т. к. все ныне известные изображения 2—4 подгрупп I группы, равно как и II и III групп, соответствуют подклассу **а**.

Далее изображения хищника в рамках соответствующих таксонов разделяются по вышеприведенному критерию — вариативности позиции головы относительно туловища — на 2 сюжетных отдела:

---

[6] Еще А. И. Шкурко обосновывал правомерность рассмотрения свернувшихся хищников в едином массиве вместе с лежащими, указав, что «любую из келермесских свернувшихся пантер можно «разогнуть» и получить обычное изображение припавшего к земле хищника» (Шкурко 1969: 34; ср. Членова 1967: 127; Королькова 2006: 73).

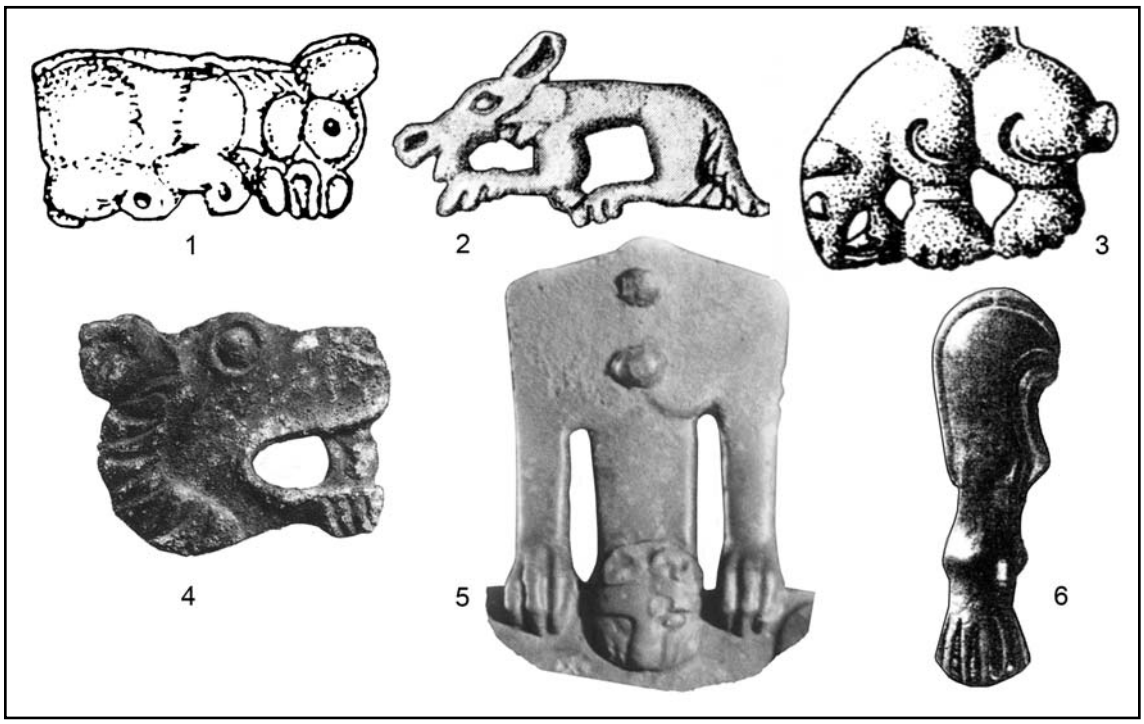

Рис. 1. Примеры изображений хищников. 1 — Новозаведенное-II, курган 7 (по Петренко, Маслов, Канторович 2004: рис. 9: 12); 2 — Частые курганы, курган 11/11, раскопки 1954 г. (по Шкурко 1976: рис. 5: 2); 3 — Русская Тростянка, курган 1 (по Либеров 1965: табл. 32: 14); 4 — Нимфейский некрополь (у с. Эльтеген), курган 32 (по Силантьева 1959: рис. 48: 1); 5 — Семибратние курганы, курган 4 (по Артамонов 1966: табл. 126); 6 — Ак-Бурун, погребение 5 (по Яковенко 1970: 57, рис. 24: 2).

Fig. 1. Examples of images of predators. 1 — Novozavedennoye-II, barrow 7 (after Петренко, Маслов, Канторович 2004: рис. 9: 12); 2 — Chastiye barrows, barrow 11/11, excavations of 1954 (after Шкурко 1976: рис. 5: 2); 3 — Russkaya Trostyanka, barrow 1 (after Либеров 1965: табл. 32: 14); 4 — necropolis of Nimpheum (at v. Eltigen), barrow 32 (after Силантьева 1959: рис. 48: 1); 5 — Semibratnie barrows, barrow 4 (after Артамонов 1966: табл. 126); 6 — Ak-Burun, burial 5 (after Яковенко 1970: 57, рис. 24: 2).

отдел I — хищники с головой, однонаправленной с туловищем;

отдел II — хищники с повернутой головой.

Наконец, в рамках отделов изображения хищника дифференцируются на изобразительные (морфологические) типы (в отдельных случаях в рамках типов выделяются варианты).

Всего нами выявлено 62 типа, объединяющих 245 полнофигурных изображений хищников.

Редуцированные отображения хищников

Головы хищников (рис. 1: 4) в зависимости от ракурса изображения до разделения на типы дифференцируются по трем группам:

группа I — головы в профиль;

группа II — головы анфас;

группа III — головы, рассчитанные на объемное восприятие.

Всего нами выявлено 29 типов, объединяющих 182 изображения обособленной головы хищника.

Протомы хищников (рис. 1: 5), как правило, реализуются в объёмном ракурсе, поэтому дополнительное деление на группы в данном случае нецелесообразно. Следовательно, классифицирование протом производится непосредственно по типам.

Всего нами выявлено 6 типов, объединяющих 30 протом хищников.

Конечности хищников (рис. 1: 6). Весь массив изображений обособленных конечностей хищников может быть разделен по степени редуцированности на две сюжетных группы — отображение пары ног или одной ноги.

Критерием принадлежности к группе I является наличие в изображении двух голеней/предплечий (в соответствии с тем, какие именно ноги отображаются — задние или передние, что не всегда однозначно определимо) и/или двух лап — даже если изображе-

но единственное бедро/плечо (второе в этом случае остается как бы закрытым от зрителя).

Критерием принадлежности к группе II следует считать наличие в изображении единственной лапы[7].

В пределах каждой из этих групп можно дифференцировать два сюжетных отдела по композиционному критерию — взаиморасположению пальцев (т. е. собственно лапы) и остальной части ноги, т. е. по наличию/отсутствию изогнутости лапы по отношению к ноге в целом. Это во многом определяет сюжетное содержание изображения, характер действия подразумеваемого персонажа. Если воспринимать обособленные конечности как ориентированные вертикально, то изогнутость лапы по отношению к остальной части ноги будет означать опору на землю, типичную для пальцеходящих хищников (к которым относятся семейства кошачьих и собачьих, и соответствующий признак резко отличает их от стопоходящих, в частности, от семейства медвежьих), — т. е. опору той частью стопы, которую образуют фаланги пальцев. Это может быть опора полностью (с пальцами, перпендикулярными остальной части ноги) или частично (с пальцами, отходящими наискось вниз, что вполне нормально для пальцеходящих в природе — именно так они опираются окончаниями лап при быстром движении). Соответственно, отсутствие изогнутости верхней (пястной/плюсневой) части лапы по отношению к остальной части ноги (даже при некоторой изогнутости самих пальцев или когтей) означает свисание конечностей вниз при статичном положении передних ног — с прямыми или изогнутыми пальцами, отходящими вниз и продолжающими линию ноги (в природе это возможно при опоре на задние ноги). Иначе говоря, дифференцируются изображения обособленных стоящих/идущих ног (отдел I) и «свисающих» ног (отдел II). Если же трактовать обособленную конечность (в качестве элемента подразумеваемого полнофигурного изображения) как ориентированную горизонтально и лежащую на земле, следует дифференцировать: изображения горизонтально направленных ног с изогнутыми лапами — отдел I, и изображения горизонтально направленных ног с выпрямленными лапами — отдел II.

Итак, нами выявлено 11 типов, объединяющих 133 изображения конечностей хищников[8].

В целом выявлено 46 типов, объединяющих 345 редуцированных изображений хищников.

В общем итоге нами выявлено 108 морфологических типов, в совокупности объединяющих 590 полнофигурных и редуцированных изображений хищников.

Мегаобраз Копытные

Мегаобраз Копытные (рис. 2; 3) в восточноевропейском скифском зверином стиле соответствует природному надотряду копытные (*Ungulata*). Как таксон он успешно классифицируется по таксонам конкретных образов, исходя из зоологических признаков отрядов, семейств, родов и видов.

В рамках мегаобраза Копытные дифференцируются следующие образы скифского звериного стиля: Олени, Лоси, Горные козлы, Бараны, Лошади, Быки, Кабаны, синтетические копытные («Оленелоси», «Лосекозлы», «Оленекозлы»). Также выявляются мотивы обособленных частей тела, не связываемых однозначно с тем или иным копытным: ухо некоего копытного, нога/копыто.

Образ Оленя

Образ оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные (*Ungulata*), отряда парнокопытные (*Artiodactyla*), семейства оленевые (*Cervidae*), и вида благородный олень (*Cervus elaphus*), которому, в частности, присущи относительно узкая морда и специфические рога (стержень с отходящими вверх отростками, которыми он может «поглощаться», либо ветвь с отростками, отходящими от нее вверх и вниз и иногда образующими пучок на ее конце).

[7] Изображения обособленных преувеличенных загнутых когтей (один из которых, как правило, противопоставлен остальным) на уздечных бляхах типа бляхи из Берестняг (курган 4) (Петренко 1967: табл. 30: 12) и на окончаниях или щитках S-видных и Г-образных псалиев (см., например: Могилов 2008: рис. 72: 1—6; 73: 1—4; Канторович 2010: 302, рис. 52) из-за отсутствия отображения каких-либо голеней/предплечий и бедер/плеч трактовались нами как птичьи и рассматривались в рамках соответствующего образа (см. ниже).

[8] См. относительно полную (на момент публикации) сводку классифицированных изображений обособленных конечностей хищников в восточноевропейском скифском зверином стиле: Канторович 2012а: 17—71.

С небольшим отличием в трактовке завершающего пучка рогов в скифском искусстве гораздо реже воспроизводится относящийся к тому же семейству оленевые самец другого вида — лани (*Cervus dama*), конечные отростки рогов которого в природе слиты в лопатовидный конгломерат, что вполне могло быть передано в скифском искусстве с помощью пучка дуговидных отростков.

Поскольку мы имеем дело не с зоологической, а с искусствоведческой классификацией, целесообразно не выделять тему лани в скифском искусстве в отдельный образ; соответственно можно относить единичные изображения оленеподобных копытных с рогами лани к образу оленя, прибегая к учету особенностей морфологии лани уже на уровне выделения типов.

В восточноевропейском скифском зверином стиле образ оленя реализуется как полнофигурно (рис. 2: 1), так и редуцированно — в виде протом, обособленных голов (в т. ч. с шеями, с рогами и без рогов) и обособленных рогов (рис. 2: 2—4).

Полнофигурные отображения оленей

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции ног относительно оси туловища — полнофигурные изображения оленя разделяются на 3 сюжетных группы:

группа I — лежащие;

группа II — стоящие/идущие (в скифском искусстве не всегда возможно четко дифференцировать положение статичное (однозначно диагностируемое лишь при строго профильном ракурсе) и положение в шаге, в движении);

группа III — полулежащие-полустоящие.

По взаимоположению передних и задних ног изображения оленя в рамках I группы дополнительно дифференцируются на 2 сюжетные подгруппы:

подгруппа 1 — олени с подогнутыми под туловище передними и задними ногами;

подгруппа 2 — олени с подогнутыми под туловище задними ногами и направленной вперед одной или двумя передними ногами.

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

Далее изображения оленя в рамках соответствующих таксонов разделяются по вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции головы относительно туловища — на 2 сюжетных отдела:

отдел I — олени с головой, однонаправленной с туловищем;

отдел II — олени с повернутой головой.

Далее в рамках отделов изображения оленя дифференцируются по изобразительным (морфологическим) типам.

Всего нами выявлен 21 тип, объединяющий 129 полнофигурных изображений оленя.

Редуцированные отображения оленей

Протомы оленей (рис. 2: 2) в зависимости от ракурса до разделения на типы дифференцируются по двум группам:

группа I — протомы в профиль;

группа II — протомы, рассчитанные на круговое восприятие.

Всего нами выявлено 6 типов, объединяющих 6 протом оленей.

Головы оленей (рис. 2: 3) в зависимости от ракурса до разделения на типы дифференцируются по двум группам:

группа I — головы в профиль;

группа II — головы, рассчитанные на круговое восприятие.

Всего нами выявлено 14 типов, объединяющих 93 изображения обособленной головы оленя.

Обособленные рога оленей (рис. 2: 4), как правило, реализуются в одном ракурсе — в развертке на зрителя, поэтому их дополнительное деление на группы нецелесообразно.

Всего нами выявлен 1 тип, объединяющий 35 изображений обособленных рогов оленя.

Итого нами выявлен 21 тип, объединяющий 134 редуцированных изображения оленя.

В итоге нами выявлено 42 типа, объединяющих 263 полнофигурных и редуцированных изображения оленя.

Образ Лося

Образ лося в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные, отряда парнокопытные, семейства оленевые (*Cervidae*), подсемейства *Alcinae*, к которому относится единственный род лоси (*Alces*) единственный вид лось (*Alces alces*). В природе важнейшими отличительными чертами лося на фоне остальных оленьих, помимо размера, пропорций, формы туловища и ног, являются, в первую очередь, мощная горбоносая морда, вздутая верхняя губа, сильно нависающая над нижней, кожно-шерстный

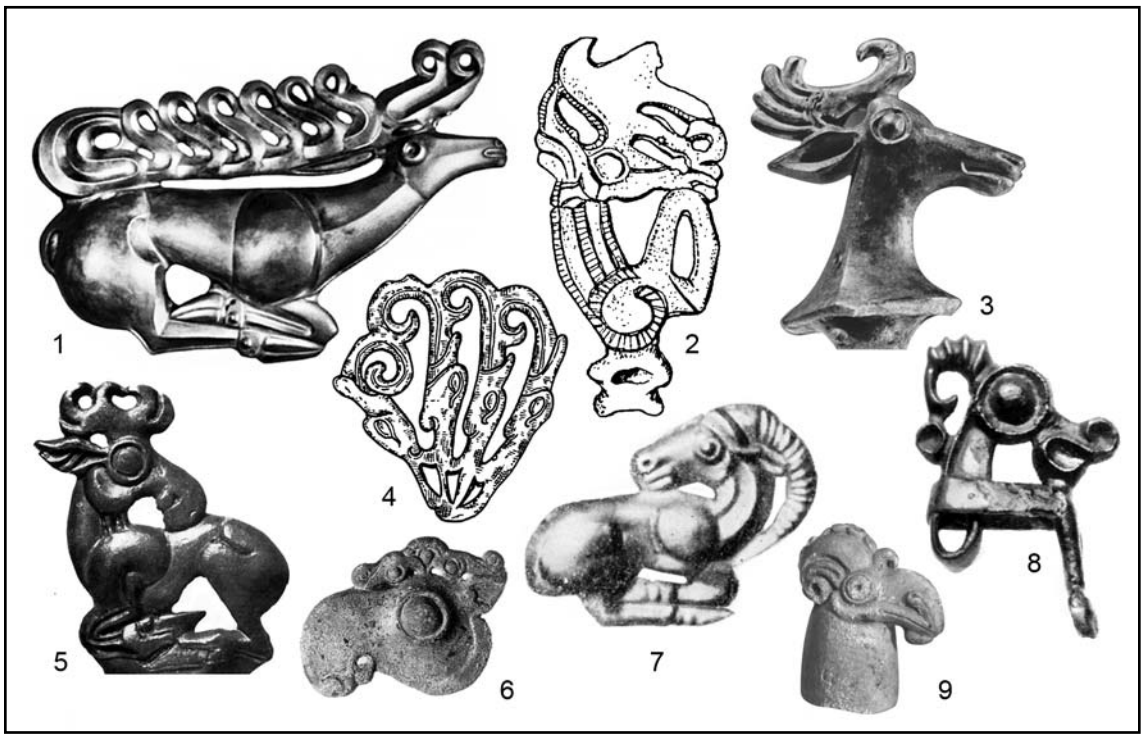

Рис. 2. Примеры изображений копытных (начало). 1 — Костромская станица, 1-й Разменный курган (по Scythian art 1986: fig. 16); 2 — Елизаветинские курганы, курган 7, раскопки 1917 г. (по Королькова 2006: табл. 6: 5); 3 — Журовка, курган 401 (по Артамонов 1966: табл. 80); 4 — Семибратние курганы, курган 3 (по Коровина 1957: рис. 8: 2); 5 — Журовка, курганы Г (по Borovka 1928: pl. 4B); 6 — «Майкопский клад» (близ Тилигула?) (по Leskov 2008: cat. №284); 7 — Витова могила (по Граков 1971: табл. XX: 4); 8 — Елизаветинские курганы, курган 7, раскопки 1917 г. (по Галанина 2010: табл. 7: 1); 9 — Келермесские курганы, курган 2/B, набор коня 10 (по Scythian art 1986: fig. 9).

Fig. 2. Examples of images of ungulates (the beginning). 1 — Kostromskaya stanitsa, the 1st Razmenniy burial barrow (after Scythian art, 1986: fig. 16); 2 — Elizavethinskiye barrows, barrow 7, excavations of 1917 (after Королькова 2006: табл. 6: 5); 3 — Zhurovka, barrow 401 (after Артамонов 1966: табл. 80); 4 — Semibratnie barrows, barrow 3 (after Коровина 1957: рис. 8: 2); 5 — Zhurovka, barrows G (after Borovka 1928: pl. 4B); 6 — "Maikop treasure" (near the Tiligul?) (after Leskov 2008: cat. No. 284); 7 — Vitova grave (after Граков 1971: табл. XX: 4); 8 — Elizavethinskiye barrows, barrow 7, excavations of 1917 (after Галанина 2010: табл. 7: 1); 9 — Kelermes barrows, barrow 2, harness of horse 10 (after Scythian art, 1986: fig. 9);

вырост под горлом («серьга»), достигающий 40 см, а также специфической формы рога (у самцов от четырех лет и старше), состоящие из короткого ствола и широкой уплощенной, несколько вогнутой «лопаты», от которой вперед, вбок и назад отходят отростки; вместе с тем, у лосей бывают и рога оленьего типа, т. е. с отростками, прямо отходящими от ствола, без «лопаты» (Жизнь животных 1971: 473, 476), и такую трактовку рогов мы также встречаем в зверином стиле[9].

В восточноевропейском скифском зверином стиле тема лося реализуется как полнофигурно (рис. 2: 5), так и редуцированно — в виде обособленных голов (в т. ч. с шеями, с рогами или без рогов — в последнем случае диагностирующим признаком является характерная форма морды) (рис. 2: 6).

Полнофигурные отображения лосей

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции ног относительно оси туловища — полнофигурные изображения хищника разделяются на 2 сюжетных группы:

группа I — лежащие;

группа II — стоящие/идущие.

Классификационная ячейка группы III — полулежащих-полустоящих животных — в применении к образу лося остается незаполненной.

Далее изображения лося в рамках соответствующих таксонов разделяются по выше-

[9] См. полную сводку классифицированных изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: Канторович 2013: 423—480.

приведенному универсальному критерию — вариативности позиции головы относительно туловища — на 2 сюжетных отдела:

отдел I — лоси с головой, однонаправленной с туловищем;

отдел II — лоси с повернутой головой.

Далее в рамках отделов изображения лося дифференцируются на изобразительные (морфологические) типы.

Всего нами выявлено 6 типов, объединяющих 19 полнофигурных изображений лося.

Редуцированные отображения лосей

Головы лосей (рис. 2: 6) реализуются в одном ракурсе — в профиль, поэтому их дополнительное деление на группы нецелесообразно.

Всего нами выявлено 11 типов, объединяющих 69 изображений обособленной головы лося.

Итого нами выявлено 17 типов, объединяющих 88 полнофигурных и редуцированных изображений лося.

Образ Горного козла

Образ горного козла в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные, отряда парнокопытные, семейства полорогие (*Bovidae*), подсемейства козлы и бараны (*Caprinae*), видов козёл безоаровый (*Capra aegagrus*) и тур кавказский (*Capra caucasica*). Основным диагностирующим признаком видовой атрибуции изображения является наличие рога, исходящего из точки на темени животного и саблевидно или дуговидно загнутого, не заходя на скулу или щеку копытного (в противовес анатомии близкородственного козлу горного барана).

Также важным, хотя и не абсолютным признаком служит наличие бороды, что опять-таки соответствует анатомии козла, наделенного в природе либо густой и длинной бородой (безоаровый козел), либо короткой и широкой (тур кавказский), в отличие от барана, который в природе лишен какой-либо бороды. Таким образом, для отнесения изображения копытного животного с характерной для копытных мордой к образу горного козла требуется наличие у него козлиного рога и, как правило, бороды.

Тема горного козла в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном (рис. 2: 7), так и в редуцированном отображении — в модулях протомы (рис. 2: 8) и обособленной головы (в т. ч. с шеей) (рис. 2: 9).

Полнофигурные отображения горных козлов

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции ног относительно оси туловища — полнофигурные изображения хищника разделяются на 3 сюжетных группы:

группа I — лежащие;

группа II — стоящие/идущие;

группа III — полулежащие-полустоящие.

Далее изображения горного козла в рамках соответствующих таксонов разделяются по вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции головы относительно туловища — на 2 сюжетных отдела:

отдел I — козлы с головой, однонаправленной с туловищем;

отдел II — козлы с повернутой головой.

При этом в рамках II сюжетной группы классификационная ячейка II сюжетного отдела остается пока незаполненной, все ныне известные изображения данной группы относятся к отделу I.

Далее в рамках отделов изображения горного козла дифференцируются по изобразительным (морфологическим) типам.

Всего нами выявлено 8 типов, объединяющих 37 полнофигурных изображений горного козла.

Редуцированные отображения горных козлов

Протомы горных козлов немногочисленны и реализуются в одном ракурсе — в профиль, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлен 1 тип, объединяющий 7 протом горного козла.

Головы горных козлов также немногочисленны и, в основном, рассчитаны на осмотр в профиль, поэтому их дополнительное деление на группы также нецелесообразно.

Всего нами выявлены 3 типа, объединяющие 8 изображений обособленных голов горного козла.

Итого нами выявлено 4 типа, объединяющих 15 редуцированных изображений горного козла.

Итого 12 типов, объединяющих 52 полнофигурных и редуцированных изображения горного козла.

Рис. 3. Примеры изображений копытных (окончание). 10 — Ульские курганы, курган 2, раскопки 1908 г. (по ОАК 1913: рис. 213); 11 — курган у с. Омельник (по Могилов 2008: рис. 165: 11); 12 — Келермесские курганы, курган 2/В, набор коня 1 (по Галанина 1997: табл. 21: 170); 13 — Аксютинцы, курган 468 (по Галанина 1977: табл. 19: 2); 14 — Келермесские курганы, курган 4/Ш (по Галанина 1997: табл. 26: 55); 15 — покупка в Майкопе, хранится в ГЭ (по Переводчикова 1980: рис. 1: 5); 16 — Семибратние курганы, курган 2 (по Артамонов 1966: табл. 125); 17 — из Золотоношского уезда Полтавской губернии, собрание Ханенко (по Грибкова, Полидович 2013: рис. 1); 18 — Ульские курганы, курган 2, раскопки 1909 г. (фото А.Р. Канторовича в ГЭ); 19 — с. Александровка, курган 6, погребение 1 у (по Ковалева, Мухопад 1982: рис. 5: 3; 6); 20 — Семибратние курганы, курган 4 (по Borovka 1928: pl. 17D); 21 — «Майкопский клад», Филадельфия (по Leskov 2008: cat. №57); 22 — Акташский могильник, курган 7 (по Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: фото 1: 2); 23 — Новозаведенное-III, курган 4 (раскопки А.Р. Канторовича и В.Е. Маслова в 2015 г.); 24 — Тенгинский могильник, курган 1 (по Эрлих 2001: рис. 14); 25 — Нимфейский некрополь (у с. Эльтеген), курган 24 раскопок 1876 г. (по Силантьева 1959: рис. 37: 7); 26 — Пастырское, урочище Галущино, курган 3 (по Петренко 1967: табл. 30: 20).

Fig. 3. Examples of images of ungulates (the end). 10 — Ulyap barrows, barrow 2, the excavations of 1908 (after ОАК 1913: рис. 213); 11 — barrow near v. Omelnyk (after: Могилов 2008: рис. 165: 11); 12 — Kelermes barrows, barrow 2/V, harness of horse 1 (after Галанина 1997: табл. 21: 170); 13 — Aksyutintsy, barrow 468 (after Галанина 1977: табл. 19: 2); 14 — Kelermes barrows, barrow 4/Sh (after Галанина 1997: табл. 26: 55); 15 — purchase in Maykop, stored in State Hermitage museum (after Переводчикова 1980: рис. 1: 5); 16 — Semibratniye barrows, barrow 2 (in: Артамонов 1966: табл. 125); 17 — from Zolotonosha uyezd, Poltava province, Khanenko collection

(after Грибкова, Полидович 2013: рис. 1); 18 — Ulyap barrows, barrow 2, the excavations of 1909 (State Hermitage Museum, photo by the author); 19 — v. Aleksandrovka, barrow 6, burial 1 (after Ковалева, Мухопад 1982: рис. 5: 3; 6); 20 — Semibratniye barrows, barrow 4 (after Borovka 1928: pl. 17D); 21 — «the Maikop treasure», Philadelphia (after Leskov 2008: cat. No. 57); 22 — Aktash cemetery, barrow 7 (after Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: фото 1: 2); 23 — Novozavedennoye-III, barrow 4 (excavations by A.R. Kantorovich and V.E. Maslov in 2015); 24 — Tenginskiy cemetery, barrow 1 (after Эрлих 2001: рис. 14); 25 — necropolis of Nimpheum (at v. Eltigen), barrow 24, excavations of 1876 (after Силантьева 1959: рис. 37: 7); 26 — Pastirskoye, the Galushino place, barrow 3 (after Петренко 1967: табл. 30: 20).

Образ Горного барана

Образ горного барана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные, отряда парнокопытные, семейства полорогие, подсемейства козлы и бараны, вида горного барана (он же архар или аргали, *Ovis ammon*). Основным диагностирующим признаком видовой атрибуции изображения является наличие рога (часто рифленого), исходящего из точки на темени животного и кольцевидно огибающего зону уха и глаза, проецируясь окончанием на скулу или щеку копытного, что соответствует анатомии горного барана.

Тема горного барана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном (рис. 3: 10), так и в редуцированном отображении — в модулях протомы (рис. 3: 11), обособленной головы (в т. ч. с шеей) (рис. 3: 12) и в виде сочетания головы с задней ногой (рис. 3: 13).

Полнофигурные отображения горного барана

В таком качестве горный баран представлен в единственном изображении, составляющем единственный тип (рис. 3: 10). Это фигура на лопасти серебряного псалия из Ульского кургана №2 раскопок 1908 г. (Ульские курганы 2015: табл. 10, кат. 126). С точки зрения разработанной нами универсальной таксономии данное изображение и сам тип относятся к группе I, отделу I — лежащий баран с головой, однонаправленной с туловищем. Остальные классификационные ячейки на соответствующих уровнях остаются пустыми и могут заполняться в ходе поступления нового материала.

Редуцированные отображения горных баранов

Протома горного барана (рис. 3: 11) также известна в единственном изображении (по сути, это сокращенная протома, погрудное изображение без конечностей), составляющем единственный тип. Это оформление бронзового конского наносника/налобника из кургана у с. Омельник (Бокий 1971: рис. 11; Могилов 2008: рис. 165: 11).

Головы горных баранов (рис. 3: 12), за редким исключением, рассчитаны на восприятие в профильном ракурсе, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлено 5 типов, объединяющих 32 изображения обособленной головы горного барана.

Головы горных баранов в сочетании с задними ногами/копытами (рис. 3: 13) рассчитаны на восприятие исключительно в профильном ракурсе (все они оформляют псалии), поэтому их дополнительное деление на группы нецелесообразно. Здесь дифференцируются 2 отдела, в соответствии с универсальной таксономией:

отдел I — обособленная голова барана однонаправлена с подошвой копыта;

отдел II — обособленная голова барана противонаправлена подошве копыта.

Далее дифференцируются изобразительные (морфологические) типы.

Всего нами выявлено 3 типа, объединяющих 44 изображения обособленной головы барана в сочетании с задними ногами/копытами.

Итого нами выявлено 9 типов, объединяющих 77 редуцированных изображений горного барана.

Итого 10 типов, объединяющих 78 полнофигурных и редуцированных изображений горного барана.

Образ Лошади

Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные, отряда непарнокопытные (*Perissodactyla*), семейства лошадиные (*Equidae*), род лошади (*Equus*). Основным диагностирующим признаком родовой атрибуции конкретного изображения является вы-

тянутая относительно широкая на конце морда — прямая или с небольшой горбинкой, при отсутствии рога, при наличии длинных подтреугольных ушей. Также важными, хотя и не абсолютными признаками служат наличие длинного хвоста, гривы или выступа перед ухом, имитирующего хохолок гривы [10].

Тема лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном (рис. 3: 14), так и в редуцированном отображении — в модулях голов (в т. ч. с шеями) (рис. 3: 15) и голов в сочетании с задними ногами/копытами (рис. 3: 16).

Полнофигурные отображения лошадей

В данной версии лошади представлены всего лишь 5 изображениями, образующими 3 морфологических типа. Все они, с точки зрения разработанной нами универсальной таксономии, относятся к группе I, отделу I — лежащие лошади с головой, однонаправленной с туловищем (рис. 3: 14).

Редуцированные отображения лошадей

Головы лошадей (рис. 3: 15), за редким исключением, рассчитаны на восприятие в объемном ракурсе, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлено 6 типов, объединяющих 24 изображения обособленных голов лошадей.

Головы лошадей (и единичные протомы) в сочетании с задними ногами/копытами (рис. 3: 16) рассчитаны на восприятие в подавляющем большинстве в профильном ракурсе (все они, за единственным исключением, оформляют псалии), поэтому их дополнительное деление на группы нецелесообразно. Здесь дифференцируются 2 отдела, в соответствии с универсальной таксономией:

отдел I — голова лошади продолжает линию шеи;

отдел II — голова лошади перпендикулярна шее.

Далее дифференцируются изобразительные (морфологические) типы.

Всего нами выявлено 4 типа, объединяющих 80 изображений головы лошади в сочетании с задними ногами/копытами.

Итого нами выявлено 10 типов, объединяющих 104 редуцированных изображения лошади.

Итого 13 типов, объединяющих 109 полнофигурных и редуцированных изображений лошади.

Образ Быка

Образ быка в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные, отряда парнокопытные, семейства полорогие (*Bovidae*), подсемейства Бычьи (*Bovinae*), рода настоящие быки (*Bos*). Изображения быка четко идентифицируются по характерным чертам подсемейства Бычьи — мощной голове и коротким рогам, расходящимся в стороны и вверх.

Тема быка реализуется как в полнофигурном (рис. 3: 17), так и в редуцированном отображении — в виде голов (с шеями и грудной частью) (рис. 3: 18).

Полнофигурные отображения быков

В данной версии быки представлены в единственном изображении, составляющем единственный тип (рис. 3: 17). Это бронзовая плакированная золотой фольгой фигура — накладка на колчан (?) из Золотоношского уезда Полтавской губернии (Грибкова, Полидович 2013: 259—277, рис. 1). С точки зрения разработанной нами универсальной таксономии данное изображение и сам тип относятся к группе I, отделу II — лежащий бык с головой, повернутой относительно туловища.

Редуцированные отображения быков

Головы быков реализуются исключительно в объемном ракурсе. Нами выявлен 1 морфологический тип, объединяющий 3 изображения обособленных голов быка (рис. 3: 18).

Итого 2 типа, объединяющих 4 полнофигурных и редуцированных изображения быка.

Образ Кабана

Образ кабана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные, отряда парнокопытные, семейства свиньи (*Suidae*), рода кабаны (*Sus*), вида кабан

[10] См. полную сводку классифицированных изображений лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле: Канторович 2016: 89—114.

(*Sus scrofa*). Изображения кабана четко идентифицируются по характерным чертам вида *Sus scrofa*: большая голова, тупое окончание морды и наличие одного или двух (верхнего и нижнего) клыков, хорошо заметных, пересекающих морду посередине. Для полнофигурных изображений, кроме того, индикатором служат такие природные признаки, как веретенообразное туловище в сочетании с копытами, а также короткий тонкий хвост [11].

Тема кабана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном (рис. 3: 19), так и в редуцированном отображении — в модулях голов (в т. ч. с шеями) (рис. 3: 20) и задних конечностей (узнаваемых по характерному короткому хвосту, закинутому на бедро) (рис. 3: 21).

Полнофигурные отображения кабанов

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции ног относительно оси туловища — полнофигурные изображения кабана разделяются на 3 сюжетных группы:

группа I — лежащие;

группа II — стоящие (в т. ч. в состоянии внезапной остановки — так называемый «тормозящий кабан») и идущие;

группа III — полулежащие-полустоящие.

Далее изображения кабана в рамках соответствующих таксонов в соответствии с универсальной таксономией должны разделяться на 2 сюжетных отдела. Однако кабаны в восточноевропейском скифском зверином стиле, как и во всем скифо-сибирском зверином стиле (за одним исключением) [12], представлены только с головой, направленной вперед, т. е. все они относятся исключительно к отделу I.

Далее дифференцируются изобразительные (морфологические) типы.

Всего нами выявлено 7 типов, объединяющих 10 полнофигурных изображений кабана.

Редуцированные отображения кабанов

Головы кабанов (рис. 3: 20) рассчитаны на восприятие в основном в профильном ракурсе, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлено 6 типов, объединяющих 27 изображений обособленных голов кабанов.

Задние конечности кабанов представлены в профильном ракурсе в единственном изображении, формирующем единственный тип (с характерным хвостиком) (рис. 3: 21).

Итого нами выявлено 7 типов, объединяющих 28 редуцированных изображений кабана.

Итого 14 типов, объединяющих 38 полнофигурных и редуцированных изображений кабана.

Образ «Оленелося»

Данный пограничный или синтетический образ восточноевропейского скифского звериного стиля представляет собой изображения обособленной головы животного с лосиными рогами (стандартная «корона» рогов с превращениями отростков в птичьи головы), но с узкой оленьей мордой (рис. 3: 22). Это либо стилизация и контаминация образов оленя и лося, либо плод «народной классификации», не вполне различавшей два этих природных прототипа.

В рамках данного образа нами выявлены 3 морфологических типа, объединяющих 12 редуцированных изображений.

Образ «Лосекозла»

Данный синтетический образ восточноевропейского скифского звериного стиля представляет собой полнофигурное изображение копытного животного, имеющего лосиную или оленью морду, но при этом наделенного рогом, который по форме аналогичен рогу горного козла в природе, хотя композиционно соответствует позиции рога в изображениях однорогого лося (рис. 3: 23) [13].

Как уже сказано, все трактовки «лосекозла» — полнофигурные. Это 21 изображение, образующее единый морфологический тип. Все они с точки зрения разработанной нами универсальной таксономии относятся к группе I, отделу II — лежащие копытные с головой, обращенной назад.

---

[11] См. относительно полную сводку классифицированных изображений кабана в восточноевропейском скифском зверином стиле: Канторович 2011: 34—42.

[12] Это анатомически нереальное изображение кабана с головой, повернутой назад, на деревянной основе горита из кургана 1 группы Ак-Алаха-1 (Полосьмак 2001: фото на с. 179).

[13] См. полную сводку изображений «лосекозла», анализ истоков и эволюции данного образа: Канторович 2016: 89—102. Эту сводку мы дополняем в данной работе еще одним (21-м) оригинальным изображением, обнаруженным нами при раскопках (совместно с В. Е. Масловым) могильника Новозаведенное-III в минувшем сезоне 2017 г.

Образ «Оленекозла»

Данный пограничный или синтетический образ восточноевропейского скифского звериного стиля представляет собой изображения обособленной головы некоего обобщенного копытного (судя по удлиненной и зауженной морде) с единственным рогом. Данный рог композиционно соответствует рогам рассмотренных выше «лосекозлов» и однорогих лосей, а стилизованная тонкая морда, завершающаяся мощной ноздрей и пастью, чаще слитыми воедино в S-видную фигуру, представляет собой нечто среднее между оленьей и лосиной. Важнейшей чертой иконографии является то, что рог этого существа морфологически сходен с рогом горного козла, — он дуговидный и, как правило, имеет редкие выступы, вероятно, имитирующие природное рифление рога горного козла. В большинстве случаев этот рог трансформирован в шею и голову птицеголового грифона, причем в этих случаях упомянутые выступы козлиного рога одновременно играют роль гребня на шее этого грифона (рис. 3: 24); в отдельных случаях сам этот рог опять-таки превращен в протому орлиноголового грифона, голову волкоподобного существа с высунутым языком. В рамках данного образа выявляется 1 морфологический тип, объединяющий 19 редуцированных изображений.

Мотив обособленных ушей копытных

Самостоятельный мотив восточноевропейского скифского звериного стиля составляют изображения обособленных ушей копытных животных (в основном они оформляют конские нащечники) (рис. 3: 25)**.** Многие исследователи считают эти изображения обособленными крыльями птиц, тогда как А. Ю. Алексеев исходит из того, что это уши копытных (Алексеев 1991: 53, рис. 5: 9, 10; здесь же см. обзор дискуссии по данному вопросу). Думается, что прав А. Ю. Алексеев, поскольку внутренний рисунок этих изображений, за редкими исключениями, не соответствует трактовке крыльев птицы в ее полнофигурных изображениях, предусматривающих разграничение плечевой и маховой части (в той или иной мере). Вместе с тем, учитывая общий абрис изучаемых изображений, следует допускать их амбивалентность, т. е. одновременное обозначение уха копытного и крыла птицы (за одним исключением, в котором ухо одновременно является не крылом, а копытом).

В рамках данного мотива нами дифференцируются 2 морфологических типа, объединяющих 24 изображения.

Мотив обособленных конечностей копытных

Самостоятельный мотив восточноевропейского скифского звериного стиля составляют изображения обособленных конечностей копытных, которые трудно соотнести с определенными образами копытных (рис. 3: 26). Весь массив изображений обособленных конечностей копытных, как и хищников (см. выше), может быть разделен по степени редуцированности на две группы — отображение пары ног (группа I) или одной ноги (группа II), в том числе метаподий и обособленных копыт.

Далее в рамках этих групп выявляются морфологические типы — всего 10 типов, объединяющих 86 изображений.

В общем итоге нами выявлено 127 морфологических типов, в совокупности объединяющих 794 полнофигурных и редуцированных изображения копытных.

Мегаобраз птицы и «скифского грифона»

Образ птицы в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками биологического класса птиц (*Aves*) — наличие крыльев и клюва, отсутствие передних ног. При этом, как мы увидим, большинство птичьих изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле можно связывать с отрядом соколообразных, или дневных хищных птиц (*Falconiformes*), семейством соколиных (*Falconidae*). Об этом свидетельствует характерная форма загнутого клюва. Возможно, впрочем, что некоторые изображения представляют особей другого таксона из того же отряда соколообразных — птиц семейства ястребиных (*Accipitridae*), из рода орлов (*Aquila*) или из рода орланов (*Haliaeetus*)[14].

[14] В частности, Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновская-Грищенко предположили, что птица, клюющая и когтящая рыбу, не может быть орлом (который охотится на суше и обычно не питается рыбой), а является орланом-белохвостом, каковой относится именно к семейству ястребиных (Гаврилюк, Грищенко, Яблоновская-Грищенко 1999: 59, 63, рис. 2: 14).

Более детальная идентификация изображений птицы в скифском зверином стиле с дальнейшими таксономическими уровнями биологической классификации затруднена; в силу обобщенности признаков, эта идентификация иногда осуществима лишь на уровне типов изображений. При этом в исключительных случаях изображения представляют не соколообразных, а иные отряды, в частности, отряд гусеобразные (*Anzeriformes*), семейство утиные (*Anatidae*) — с прямым или чуть изогнутым клювом. В силу этого биологическая принадлежность птиц к тому или иному отряду специально оговаривается только при невозможности атрибутировать их как соколообразных, в остальных случаях по умолчанию предполагается идентификация персонажей как дневных хищных птиц.

Мы не отделяем от темы птицы образ «скифского грифона» и рассматриваем данные темы в рамках единого мегаобраза птицы. Такой подход объясняется тем, что «скифский грифон», как признавала выделившая этот канон Н. Н. Погребова[15], «в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы», порой, однако, имеющей ухо, которое появилось в структуре этого образа, как полагает исследовательница, прежде всего как подражание иконографии грифона (Погребова 1948: 66—67). Однако такого рода головы могли быть денотатами не хищников с птичьими крыльями и птичьей головой, а именно птиц, но наделенных ушами, что нереально с точки зрения биологии, но встречается в искусстве скифосибирского звериного стиля[16]. Поэтому, при всей своей фантастичности, данные изображения примыкают к теме птицы, а не собственно грифона в его изначальном мифологическом понимании (см. ниже).

Тема птицы в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном (рис. 4: 1, 2), так и в редуцированном отображении — в модулях сокращённых протом (погрудные изображения) (рис. 4: 3), обособленных голов (в т. ч. с шеями) (рис. 4: 4) и конечностей (рис. 4: 5).

Полнофигурные отображения птиц

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции конечностей (т. е. в данном случае крыльев) относительно оси туловища — полнофигурные изображения птиц разделяются на 2 сюжетных группы:

группа I (крылья не прижаты к туловищу — они расправлены (раскрыты полностью) или полураскрыты) — движущаяся птица, т. е. парящая/готовящаяся взлететь/усаживающаяся — в зависимости от степени раскрытости крыльев и позиции ног (рис. 4: 1);

группа II (крылья полностью прижаты) — статичная, сидящая птица (рис. 4: 2).

Классификационная ячейка группы III — полулежащих-полустоящих животных — в применении к мегаобразу птицы остается незаполненной.

Далее изображения птицы в рамках соответствующих таксонов разделяются по вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции головы относительно туловища (в данном случае нужно учитывать и позицию крыльев как индикатор положения туловища) — на 2 сюжетных отдела:

отдел I — птицы с головой, показанной в едином ракурсе с крыльями;

отдел II — птицы с головой, показанной в ином ракурсе, нежели крылья.

Далее в рамках отделов изображения птицы дифференцируются по морфологическим типам.

Всего нами выявлен 21 тип, объединяющий 83 полнофигурных изображения птиц.

Редуцированные отображения птиц

Протомы птиц (рис. 4: 3) рассчитаны на восприятие в основном в профильном ракурсе, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлено 4 типа, объединяющих 80 протом птиц.

Головы птиц (рис. 4: 4) также рассчитаны на восприятие в основном в профильном ракурсе, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлено 27 типов, объединяющих 370 изображений обособленных голов птиц (включая многочисленные элементы зооморфных превращений иных животных).

Конечности птиц (рис. 4: 5) рассчитаны на восприятие в основном в профильном ра-

---

[15] Как известно, в научной литературе выделяются несколько иконографических типов, или канонов грифонов, задействованных в скифском культурном контексте: раннегреческий, ориентализирующий (переднеазиатский), «скифский грифон» (эти три канона были выделены Н. Н. Погребовой) (Погребова 1948), а также грифон ахеменидского типа и позднегреческий грифон.

[16] См. примеры: Канторович 2012б: 121—122, рис. 12.

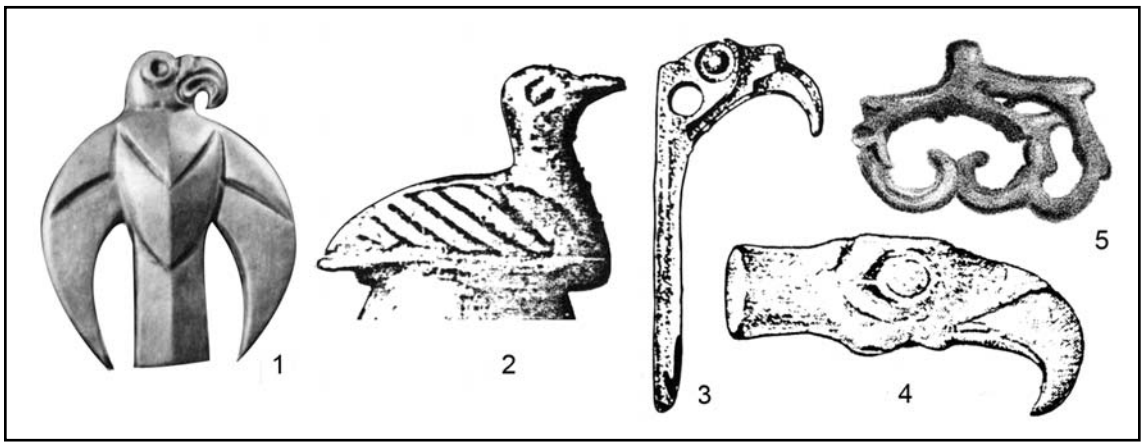

Рис. 4. Примеры изображений птиц. 1 — Мельгуновский курган (по Scythian art 1986: fig. 19); 2 — Малая Лепетиха, «большой курган №2» (по Лесков 1974: рис. 30); 3 — Малая Цимбалка, впускное погребение (по Алексеев 1995: рис. 2: 1); 4 — из находок П.О. Бурачкова (по Яценко 1959: табл. III: 3); 5 — Берестняги, курган 4 (по Бобринский 1901: табл. XIX: 1).

Fig. 4. Examples of images of birds. 1 — Melgunowsky barrow (after Scythian art, 1986: fig. 19); 2 — Malaya Lepetykha, "Big barrow no.2" (after Лесков 1974: рис. 30); 3 — Malaya Tsimbalka, secondary grave (after Алексеев 1995: рис. 2: 1); 4 — findings by P.O. Burachkov (after Яценко 1959: табл. III: 3); 5 — Berestnyagi, barrow 4 (after Бобринский 1901: табл. XIX: 1).

курсе, поэтому их дополнительное деление на группы пока нецелесообразно.

Всего нами выявлено 3 типа, объединяющих 17 изображений обособленных конечностей птиц.

Итого выявлено 34 типа, объединяющих 473 редуцированных изображения птиц.

В общем итоге выявлено 55 морфологических типов, в совокупности объединяющих 556 полнофигурных и редуцированных изображений птиц.

Мегаобраз синкретического существа

Значительный массив изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле представляет фантастических (синкретических) животных, наделенных вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и изначально задуманных создателями этих изображений как образы, сочетающие отличительные признаки остальных мегаобразов — хищников, копытных и птиц, — как попарно, так и в сумме [17].

Образ грифона и крылатого льва

Нами к образу грифона отнесены изображения синкретического существа, необходимыми компонентами которого являются анатомические элементы птицы (голова, крылья, иногда ноги) и хищного зверя, чаще семейства кошачьих (туловище, ноги, уши, хвост), а для определенного периода — и элементы рептилии (чешуя, перепончатый гребень). Именно этим признакам соответствует понятие «грифон» в современной исторической науке, в филологии и в искусствоведении, с опорой на длительную античную письменную традицию [18].

Тема грифона и крылатого льва в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном отображении (рис. 5: 1, 2), так и редуцированно — в модулях протом и погрудных изображений (рис. 5: 3) и голов (в т. ч. с шеями) (рис. 5: 4).

Полнофигурные отображения грифонов

По вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции ног относительно оси туловища — полнофигурные

[17] См. полную сводку классифицированных изображений синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: Канторович 2015а.

[18] См. подробнее об истории терминов «гриф» и «грифон», о проблеме идентификации грифона и об иконографии грифона в раннескифском зверином стиле: Канторович 2012б: 106—133; 2015а: 118—166.

изображения грифона и крылатого льва разделяются на 3 сюжетных группы:

группа I — лежащие и летящие в прыжке;

группа II — стоящие, идущие;

группа III — полулежащие-полустоящие.

В силу композиционного разнообразия в рамках I группы изображения грифона дополнительно дифференцируются по взаимоположению передних и задних ног на 3 сюжетные подгруппы:

подгруппа 1 — передние и задние ноги — вперед;

подгруппа 2 — передние ноги назад, задние вперед;

подгруппа 3 — передние ноги вперед, задние назад.

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

Далее изображения грифона в рамках соответствующих таксонов разделяются по вышеприведенному универсальному критерию — вариативности позиции головы относительно туловища — на 2 сюжетных отдела:

отдел I — с головой, однонаправленной с туловищем;

отдел II — с повернутой головой.

При этом в рамках I группы 2-й подгруппы классификационная ячейка отдела II остается пока незаполненной, все изображения данной подгруппы относятся к отделу I.

Далее в рамках отделов изображения дифференцируются на изобразительные (морфологические) типы.

Всего нами выявлено 23 типа, объединяющих 61 полнофигурное изображение грифона.

Редуцированные отображения грифонов

Протомы и погрудные изображения грифонов (рис. 5: 3) рассчитаны на восприятие как в объемном, так и в профильном ракурсе, однако в силу их ограниченного количества[19] пока нет необходимости их дифференцировать по соответствующим группам.

Всего выявлено 6 типов, объединяющих 25 изображений протом грифонов.

Головы грифонов (рис. 5: 4) рассчитаны на восприятие в профильном ракурсе.

Всего нами выявлено 4 типа, объединяющих 14 изображений голов грифонов[20].

Итого нами выявлено 10 типов, объединяющих 39 редуцированных изображений грифонов.

Всего нами выявлено 33 типа, объединяющих 100 полнофигурных и редуцированных изображений грифона.

Образ Бараноптицы

Необходимыми иконографическими признаками бараноптицы (менее точное, но более популярное название — грифобаран) традиционно в научной литературе считаются загнутый или закрученный птичий клюв и U-образные бараньи рога, исходящие из двух близко расположенных точек на темени, затем расходящиеся в стороны вниз по поверхности головы, обрамляющие глаза снизу и проходящие перед глазами, почти смыкаясь на лбу. В некоторых случаях рога и иные детали бараноптицы могут быть зооморфно трансформированы, что делает их как таковые малозаметными и ведет к трактовке рядом исследователей такого рода изображений как птичьих голов.

Тема бараноптицы в скифском искусстве представлена в редуцированном отображении — в виде обособленной головы в сочетании с обособленной конечностью копытного (нами выявлен 1 тип, объединяющий 16 изображений) (рис. 5: 5), либо просто в модуле головы (в т. ч. с шеей) (нами выявлен 1 тип, объединяющий 34 изображения) (рис. 5: 6)[21].

Всего нами выявлено 2 типа, объединяющих 50 редуцированных изображений бараноптицы.

Гибрид образов грифона и бараноптицы

К данному мотиву относится единственное изображение обособленной головы с шеей (по сути, погрудное), оформляющее бронзовое навершие из Прикубанья — из Ульского кургана №1 (раскопки 1908 г.) (L'or des Scythes 1991: 66, fig. 29; рис. по: ГЭ Ку 1908 3/10). Здесь представлена обособленная голова с шеей — своего рода гибрид обра-

[19] Следует оговориться, что многие обособленные головы, протомы и погрудные изображения, традиционно трактуемые в литературе как грифоньи, были отнесены нами к мегаобразу птицы и «скифского грифона» по вышеприведенным основаниям.

[20] См. предыдущее примечание.

[21] См. относительно полную сводку классифицированных изображений бараноптицы, а также анализ истоков, эволюции и семантики образа: Канторович 2007: 235—257; 2012в: 362—370.

Рис. 5. Примеры изображений синкретических животных. 1 — Тузлинский могильник (по Кашаев 2013: рис. 5: 2); 2 — Кужорская, курган 1, конская могила, набор №2 (по Канторович, Эрлих 2006: кат. 101); 3 — Носаки, курган 4, центр. погребение, конская могила (по Бидзиля и др. 1977: рис. 15: 2); 4 — Грищенцы, погребение 7 (по Петренко 1967: табл. 31: 10); 5 — Новозаведенное-II, курган 16 (по Петренко, Маслов, Канторович 2000: рис. 4: 8); 6 — Келермесские курганы, курган 1/В (по Галанина 1997: табл. 21: 168); 7 — Ульские курганы, курган 1, раскопки 1908 г. (по L' or des Scythes 1991: fig.29); 8 — с. Будки (по Ильинская 1968: рис. 42: 1); 9 — Уляпские курганы, курган 5 (по Канторович, Эрлих 2006: кат. 63); 10 — Краснокутский курган (по Мелюкова 1981: рис. 9: 1, 2); 11 — 2-й Мордвиновский курган (по Лесков 1974: рис. 44); 12 — Петровка, курган 2, погребение 3

(по Братченко, Швецов, Дубовская 1989: рис. 3: 11); 13 — Семибратние курганы, курган 4 (по Артамонов 1966: табл. 129); 14 — аул Тауйхабль (подъемный материал) (по Канторович, Эрлих 2006: кат. 55); 15 — Гайманова могила, центр. гробница №2, конская могила, конь 2 (по Бидзиля, Полин 2012: кат. 266).

Fig. 5. Examples of syncretic images of animals. 1 — Tuzla cemetery (after Кашаев 2013: рис. 5: 2); 2 — Kuzhorskaya, barrow 1, horse grave, harness No. 2 (after Канторович, Эрлих 2006: кат. 101); 3 — Nosaki, barrow 4, central tomb, horse grave (after Бидзиля и др. 1977: рис. 15: 2); 4 — Grishentsi, burial 7 (after Петренко 1967: табл. 31: 10); 5 — Novozavedennoye-II, barrow 16 (after Петренко, Маслов, Канторович 2000: рис. 4: 8); 6 — Kelermes barrows, barrow 1/V (after Галанина 1997: табл. 21: 168); 7 — Ulskiye barrows, barrow 1, excavated in 1908 (after L' or des Scythes 1991: fig. 29); 8 — v. Budki (after Ильинская 1968: рис. 42: 1); 9 — Ulyap barrows, barrow 5 (after Канторович, Эрлих 2006: кат. 63); 10 — Krasnokutskiy barrow (after Мелюкова 1981: рис. 9: 1, 2); 11 — 2nd Mordvinovsky barrow (after Лесков 1974: рис. 44); 12 — Petrovka, barrow 2, burial 3 (after Братченко, Швецов, Дубовская 1989: рис. 3: 11); 13 — Semibratniye barrows, barrow 4 (after Артамонов 1966: табл. 129); 14 — aul Tauykhabl (lifting material) (after Канторович, Эрлих 2006: кат. 55); 15 — Gaymanova Grave, tomb No. 2, horse grave, horse 2 (after Бидзиля, Полин 2012: кат. 266).

зов грифона раннегреческого типа и бараноптицы (рис. 5: 7)[22].

Образ тупорылого зверя

В скифском искусстве выявляется особый образ неопределенного животного, охарактеризованный А.И. Шкурко как «странные смешанные изображения» (Шкурко 1982: 3). Данное существо наделено мордой с тупым завершением, четко выраженными ноздрями, высунутым языком и остроконечными вертикальными ушами (иногда еще и гребнем) (рис. 5: 8). Нами данный образ расценивается как гибрид грифона и кошачьего хищника (подробнее о его истоках см.: Канторович 2015а: 201—202).

Образ представлен только редуцированно (голова с шеей) и в рамках 1 изобразительного типа, к которому относятся 10 изображений.

Образы гиппокампа-лошади, грифоно-гиппокампа и «петушка-гиппокампа»

Выявляется серия из трех образов, объединяемых наличием в своей основе природной темы рыбы рода *Hippocampus* — морского конька (гиппокампа), контаминированной с иными образами, поэтому они рассматриваются в едином разделе (рис. 5: 9—11). Эти образы формируются на границе с образом орлиноголового грифона и под очевидным влиянием греческого (а также, в ряде случаев, греко-фракийского) искусства, в котором тема гиппокампа, связанная в первую очередь с Посейдоном, была хорошо разработана.

Комбинация гиппокампа и лошади

Образ гиппокампа-лошади представлен 1 морфологическим типом, включающим 1 изображение из Прикубанья, оформляющее парные S-овидные бронзовые двудырчатые псалии из кургана 5 Уляпского могильника (рис. 5: 9) (Канторович, Эрлих 2006: кат. 63). Здесь представлена лошадиная голова и шея с гривой в сочетании с загнутым хвостом гиппокампа.

Грифоно-гиппокампы

Данный образ, являющийся комбинацией грифона позднегреческого канона и гиппокампа (рис. 5: 10), представлен 2 типами полнофигурных изображений, объединяющими 7 изображений.

«Петушки-гиппокампы»

Данный образ (рис. 5: 11) представляет собой, очевидно, искаженное отображение гиппокампа (морского конька). Это существа с опущенной конеподобной головой, туловищем в виде двух и, реже, четырех параллельных S-видных полос с одним или двумя выступами по сторонам, вероятно, имитирующими конечности (преобразованные плавники — см. Бессонова 2004: 27). Термин «петушки» был предложен В.А. Ильинской (Ильинская 1973: 55). Нами более двадцати лет назад была написана статья, специально посвященная идентификации и характеристике вероятных истоков и особенностей данного образа (Канторович 1992). Позднее к этому образу в контексте темы фантастических коней и гиппокампов обращалась С.С. Бессонова (Бессонова 2004: 25—30). Данный образ представлен 1 морфо-

[22] Второе изображение того же типа на аналогичном навершии недавно опубликовано С.А. Скорым и Р.В. Зимовцом в контексте вышеупомянутой «крымской коллекции» изделий; навершие, о котором идет речь, по сведениям авторов, обнаружено в Белогорском районе Крыма (Скорый, Зимовец 2014: 149—150, фото на с. 150). Однако пока мы не учитываем в нашей статистике данное изображение по вышеуказанным причинам (см. прим. 5).

логическим типом, объединяющим 16 изображений.

Образ Лосептицы

К данному синкретическому образу нами отнесены изображения существа, сочетающего черты птицы и лося: оно наделено птичьим клювом, ухом и лосиными рогами (рис. 5: 12). Данное существо представлено только в редуцированном воплощении — в виде головы и шеи (иногда, возможно, это протома с рудиментарной лапой), так что невозможно понять, как именно древние мастера представляли себе его туловище и конечности.

Данный образ представлен 1 морфологическим типом, объединяющим 13 изображений.

Образ Оленептицы

К данному синкретическому образу нами отнесены изображения синкретического существа, сочетающего черты птицы и оленя: оно наделено птичьим клювом, ухом и оленьими рогами (рис. 5: 13). Это существо представлено только в редуцированном воплощении — в виде головы, шеи и грудной части (усеченная протома).

Данный образ представлен 1 морфологическим типом, объединяющим 2 изображения.

Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного

К данному мотиву отнесены редуцированные изображения, в которых равноценно сочетаются голова и шея хищной птицы и нога неопределенного копытного (рис. 5: 14).

Данный образ представлен 2 морфологическими типами, объединяющими 8 изображений.

Образ рогатой рыбы

К данному образу относятся полнофигурные изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля, природными признаками надкласса рыбы (*Pisces*) и, вместе с тем, природными признаками хищника и оленя (рис. 5: 15).

Данный образ представлен 1 типом, образуемым 1 изображением (в двух зеркальных вариантах).

В общем итоге нами выявлено 46 морфологических типов, в совокупности объединяющих 209 полнофигурных и редуцированных изображений синкретических животных.

Образ Зайца

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и природными признаками семейства зайцы (*Leporidae)*, такими как заостренные уши, короткий хвост и относительно тонкие ноги с короткими пальцами, производящими впечатление когтевидных (во всяком случае, не копытовидных) завершений (рис. 6: 1).

Тема зайца в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется только в полнофигурном отображении. Все эти изображения в универсальной таксономической системе относятся к группе I — лежащие зайцы.

В рамках этой группы выделяются две сюжетные подгруппы:

подгруппа 1 — передняя и задняя ноги вперед;

подгруппа 2 — передняя нога назад, задняя вперед.

В рамках обеих подгрупп выделяется только один сюжетный отдел по позиции головы относительно туловища: отдел I — зайцы с головой, однонаправленной с туловищем.

Далее в рамках соответствующих таксонов выявляются 3 типа, объединяющие 21 изображение.

Образ Верблюда

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и природными признаками верблюда — животного отряда мозоленогих, семейства верблюдовых, — хохолком на темени (т. е. «шапкой» густой шерсти), овальным ухом, горбоносой мордой с нависающей верхней губой (рис. 6: 2). Скорее всего, это двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus*). Данный образ представлен в восточноевропейском зверином стиле только обособленной головой, идентификация данного мотива именно с отрядом двугорбого верблюда определяется реконструированным нами ранее генетическим рядом, который позволяет объяснить появление изображений верблюда на территории скифской археологической культуры, где в данную эпоху им не было природного прототипа[23].

[23] См. полную сводку изображений верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле и реконструкцию истоков и эволюции образа: Канторович 2014: 105—112.

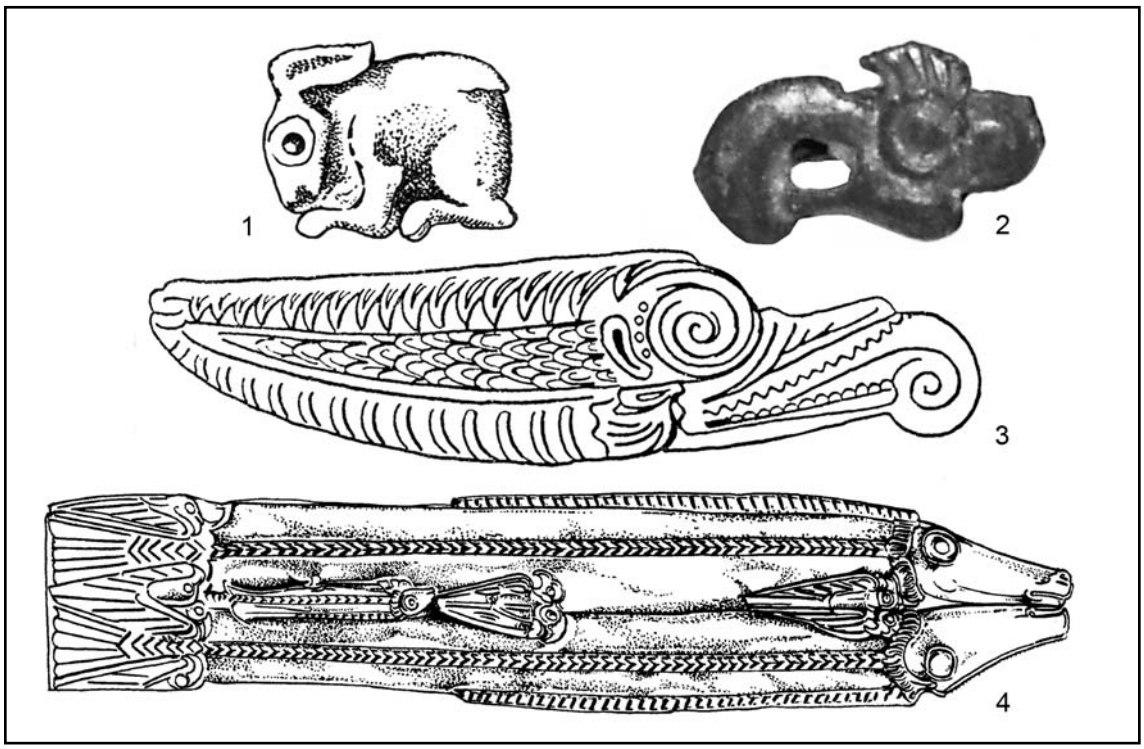

Рис. 6. Примеры изображений зайца (1), верблюда (2), дельфина (3) и рыбы (4). 1 — Владимировка (по Яценко 1956: рис. 8); 2 — могильник Уллу, погребение 2 (по Канторович 2014: рис. 1: 1); 3 — Большая Цимбалка, конские захоронения при центральной гробнице (по Borovka 1928: tabl. 35A); 4 — Солоха, центральное погребение, конская могила (по Манцевич 1987: кат. 13, 16).

Fig. 6. Examples of images of hare (1), camel (2), dolphin (3) and fish (4). 1 — Vladimirovka (after Яценко 1956: рис. 8); 2 — Ullu cemetery, burial 2 (after Канторович 2014: рис. 1: 1); 3 — Big Tsimbalka, horse burials near the central tomb (after Borovka 1928: tabl. 35A); 4 — Solokha, central burial, horse grave (after Манцевич 1987: кат. 13, 16).

Нами выявлен 1 тип, объединяющий 6 изображений обособленной головы верблюда.

Образ Дельфина

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и природными признаками семейства дельфиновые (*Delphinidae*), а конкретнее, характерными чертами видов, наиболее распространённых в Черном море — афалин (*Tursiops truncatus*) и белобочек (*Delphinus delphis*): отграничение «клюва» уступом от выпуклой лобно-носовой (жировой) подушки — «крутолобость»[24], а также четкий спинной плавник (рис. 6: 3).

Образ дельфина представлен только полнофигурными отображениями, среди которых можно дифференцировать 2 типа, объединяющих 4 изображения.

Образ Рыбы

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и безошибочно идентифицируемыми природными признаками надкласса рыбы (*Pisces*) (рис. 6: 4). Характерные черты менее крупных таксонов надкласса рыбы (в частности, семейства осетровые (*Acipenseridae*)) учитываются уже на уровне типа.

Образ рыбы представлен только полнофигурными отображениями, среди которых мож-

[24] В греческом искусстве, из которого, несомненно, образ дельфина пришел в скифский звериный стиль, крутолобость — это основной признак данного животного, отличающий его от рыбы — см. изображения дельфинов, плывущих рядом с оседланным Фетидой гиппокампом на знаменитых подвесках из Большой Близницы (Scythian Art... 1986: fig. 251), равно как и терзаемых птицей на ритоне из Елизаветовского могильника (курган 9, раскопки 1909 г.) (Артамонов 1966: табл. 32), и на бляшке из Куль-Обы (ДБК 1854: 144, табл. XX: 12).

но дифференцировать 3 типа, объединяющих 27 изображений.

Выводы

Осуществленное классифицирование и кодирование по единому алгоритму позволило учесть в единой системе 2207 полнофигурных и редуцированных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, распределяемых, в конечном итоге, по 345 морфологическим типам (см. табл. 1).

В этом контексте дальнейшими задачами исследования скифского звериного стиля, как представляется, могли бы стать:

1) универсальная систематизация массива изображений всего скифо-сибирского звериного стиля с учетом предложенной классификационной основы и разработанного кода обозначения типов изображений в соответствии с принятой таксономией (допускающей определенные модификации в зависимости от конкретного материала);

2) создание на этой основе единой базы данных по изображениям скифо-сибирского звериного стиля.

Это даст возможность осуществлять сравнение изображений в зверином стиле скифо-сибирского мира на единой основе, что особенно актуально в силу высоких темпов прироста материала, а также непреходящих дискуссий о хронологии археологических культур данной общности и о направлении миграций и взаимодействий образующих ее народов.

Литература

Алексеев А. Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. *АСГЭ* 31, 43—56.

Алексеев А. Ю. 1995. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И. Е. Забелина в 1868 г.). *АСГЭ* 32, 53—59.

Артамонов М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник.

Бессонова С. С. 2004. Крылатый конь — гиппокамп — морской конек и скифский Посейдон. *ССПiК* XI, 25—30.

Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. 1988. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев: Наукова думка.

Бидзиля и др. 1977: Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки. В: Бидзиля В. И. (отв. ред.). *Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (предварительная публикация)*. Киев: Наукова думка, 61—158.

Бидзиля В. И., Полин С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Бобринский А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Т. 3. *Дневники раскопок 1889—1897 гг.* Санкт-Петербург: Типография Главного Управления уделов.

Бокий Н. М. 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году. *АИУ 1968 г.*, 154—159.

Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубовская О. Р. 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. *СА* (1), 170—177.

Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д. 1999. Авифауна скифской торевтики. В: Арустамян Ш. Г. (отв. ред.). *Музейні читання*. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». 16 лютого 1999 р. Київ: Музей історичних коштовностей України, 56—64.

Галанина Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)*. САИ Д1—33. Москва: Наука.

Галанина Л. К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи*. Степные народы Евразии 1. Москва: Палеограф.

Галанина Л. К. 2010. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.). *АСГЭ* 38, 107—122.

Граков Б. Н. 1971. *Скифы*. Москва: МГУ.

Грибкова А. А., Полидович Ю. Б. 2013. Фигурка быка скифского времени из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко. В: Усачук А. Н., Полидович Ю. Б. (отв. ред.). *Археологический альманах* 30. Донецк: Донбасс, 259—277.

Гуляев В. И. 2016. Рец.: С. Скорый, Р. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев. 2014. 180 с. *Восток = Oriens* (5), 205—208.

ДБК 1854: *Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа = Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au Musée Impérial de l'Ermitage*. 1854. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Жизнь животных 1971: Наумова С. П., Кузякина А. П. (ред.). 1971. *Жизнь животных* 6. *Млекопитающие, или звери*. Москва: Просвещение.

Ильинская В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.

Ильинская В. А. 1973. Скифская узда IV в. до н. э. В: Ильинская В. А., Тереножкин А. И. (отв. ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 42—64.

Канторович А. Р. 1992. «Петушки» — один из образов звериного стиля степной Скифии. В: Щапова Ю. Л., Яценко И. В. (отв. ред.). *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг.* Москва: МГУ, 30—39.

Канторович А. Р. 2007. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле. В: Козенкова В. И., Малашев В. Ю. (отв. ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*. Памяти М. П. Абрамовой (1931—2003). МИАР 8. Москва: ИА РАН, 235—257.

Канторович А.Р. 2010. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII — начало III в. до н.э.). В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (отв. ред.). *Античное наследие Кубани* 1. Москва: Наука, 286—314.

Канторович А.Р. 2011. Кабан в восточноевропейском скифском зверином стиле: типы изображений и истоки образа. В: Васильев Д.В., Зеленеев Ю.А., Ситдиков А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур.* Материалы V международной научной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (2—6 октября 2011 г.). Астрахань: Астраханский университет; Казань: ИИ АН РТ, 34—42.

Канторович А.Р. 2012а. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции. *Stratum plus* (3), 17—71.

Канторович А.Р. 2012б. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н.э. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (отв. ред.). *Евразия в скифо-сарматское время.* Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ 191. Москва: ГИМ, 106—133.

Канторович А.Р. 2012в. Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле. В: Алёкшин В.А. (отв. ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями* 2. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия, 362—370.

Канторович А.Р. 2013. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 3. К 70-летию Э.В. Ртveладзе. Москва: Собрание, 423—480.

Канторович А.Р. 2014. Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле. *Археологические вести* 20, 105—112.

Канторович А.Р. 2015а. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика. *Исторические исследования* (3), 113—218.

Канторович А.Р. 2015б. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция.* Дисс. … докт. ист. наук. Москва. Архив ИА РАН, фонд Р-2.

Канторович А.Р. 2016. Образ лошади в искусстве восточноевропейского скифского звериного стиля. В: Балахванцев А.С., Кулланда С.В. (отв. ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа.* Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25—27 апреля 2016 г. Москва: Институт востоковедения РАН, 89—114.

Канторович А.Р. 2017. О принципах классифицирования и кодирования изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (на примере мегаобраза хищника). *КСИА* 248 (в печати).

Канторович А.Р., Эрлих В.Р. 2006. *Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII—III века до н.э.).* Москва: Государственный музей Востока.

Кашаев С.В. 2013. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов). *РАЕ* 3, 362—373.

Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. 1982. Скифское погребение к. VI — V вв. до н.э. у с. Александровка. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Древности степной Скифии.* Киев: Наукова думка, 91—101.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2016. *Скифы Предгорного Крыма VII—IV вв. до н.э. Курганы 1890—1892 и 1895 гг. По материалам Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского.* Материалы к археологической карте Крыма XVII. Симферополь: ИАК РАН; ГЭ; КФУ.

Коровина А.А. 1957. К вопросу об изучении Семибратних курганов. *СА* (2), 174—187.

Королькова Е.Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.).* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Лесков О.М. 1974. *Скарби курганів Херсонщини.* Київ: Мистецтво.

Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции.* Ленинград: Искусство.

Медведев А.П. 2015. Новая книга о скифских древностях. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология* (4), 136—137.

Мелюкова А.И. 1981. *Краснокутский курган.* Москва: Наука.

Могилов О.Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи.* Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

ОАК 1913: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1909—1910 гг.* 1913. Санкт-Петербург.

Переводчикова Е.В. 1980. Типология и эволюция скифских наверший. *СА* (2), 23—44.

Переводчикова Е.В. 1986. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле. *КСИА* 186, 8—13.

Петренко В.Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э.* САИ Д1—4. Москва: Наука.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. В: Гуляев В.И., Ольховский В.С. (отв. ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология.* Москва: ИА РАН, 238—248.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация). В: Мунчаев Р.М., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Археологические памятники раннего железного века юга России.* МИАР 6. Москва: ИА РАН, 179—210.

Погребова Н.Н. 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. *КСИИМК* XXII, 62—65.

Полосьмак Н.В. 2001. *Всадники Укока.* Новосибирск: Инфолио-пресс.

Силантьева Л.Ф. 1959. *Некрополь Нимфея.* МИА 69. Москва; Ленинград: АН СССР, 5—107.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции.* Киев: Видавець Олег Філюк.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное.* Тирасполь: Stratum plus.

Ульские курганы 2015: Иванчик А.И., Лесков А.М. (отв.

ред.). 2015. *Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе*. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф.

Членова Н.Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. Москва: Наука.

Шкурко А.И. 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии. *СА* (1), 31—39.

Шкурко А.И. 1982. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии. *Труды ГИМ* 54, 3—8.

Эрлих В.Р. 2001. Святилище IV в. до н.э. некрополя II Тенгинского городища. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Третья Кубанская археологическая конференция*. Тезисы докладов. Краснодар; Анапа, 218—223.

Яковенко Э.В. 1970. Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма. *КСИА* 124, 54—60.

Яценко И.В. 1956. Скифские погребения близ Ногайска. *ВДИ* (1), 157—165.

Яценко И.В. 1959. *Скифия VII—V веков до н.э.* Труды ГИМ 36. Москва: ГИМ.

Borovka G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn.

Leskov A.M. 2008. *The Maykop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

L'or des Scythes 1991: Cahen-Delhaye A. (ed.). *L'or dés Scythes. Trésors de l'Ermitage*. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire.

Scythian Art 1986: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora; Oxford: Phaidon.

References

Alekseev, A. Yu. 1991. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 31, 43—56 (in Russian).

Alekseev, A. Yu. 1995. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 32, 53—59 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures of the Scythian Barrows in the Collection of the State Hermitage)*. Praga: "Artiia" Publ.; Leningrad: "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).

Bessonova, S.S. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 25—30 (in Russian).

Bessonova, S.S., Buniatian, E.P., Gavriliuk, N.A. 1988. *Aktashskii mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu (Aktash Burial Ground of the Scythian Time in Eastern Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Bidzilya, V.I., Boltrik, Yu.V., Mozolevskii, B.N., Savovskii, I.P. 1977. In Bidzilya, V.I. (ed.). *Kurgannye mogil'niki Riasnye Mogily i Nosaki. (Predvaritel'naia publikatsiia) (Barrow Necropolises Riasnye Moghily and Nosaki (Preliminary Publication))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 61—158 (in Russian).

Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian Royal Barrow Gaimanova Mogila)*. Kiev: "Skif" Publ. (in Russian).

Bobrinskii, A.A. 1901. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely (Barrows and Stray Archaeological Finds near Smela Town)* 3. *Dnevniki raskopok 1889—1897 gg. (Excavation Journals of 1889—1897)*. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).

Bokii, N.M. 1971. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine (Archaeological Research in Ukraine) 1968 g.*, 154—159 (in Russian).

Bratchenko, S.N., Shvetsov, M.L., Dubovskaia, O.R. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 170—177 (in Russian).

Gavrilyuk, N.A., Grishchenko, V.N., Iablonovskaia-Grishchenko, E.D. 1999. In Arustamian, Sh.G. (ed.). *Muzejni chytannya (Museum Readings)*. Kiev: Museum of Historical Treasures of Ukraine, 56—64 (in Russian).

Galanina, L.K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprov'ia (Ermitazhnaia kollektsiia N.E. Brandenburga) (Scythian Antiquities of the Dnieper Region (Hermitage Collection of N.E. Brandenburg))*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—33. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Galanina, L.K. 1997. *Kelermesskie kurgany: «tsarskie» pogrebeniia ranneskifskoi epokhi (Kelermes Barrows: "Royal" Burials from the Early Scythian Epoch)*. Series: Steppe Peoples of Eurasia I. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Galanina, L.K. 2010. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 38, 107—122 (in Russian).

Grakov, B.N. 1971. *Skify*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Gribkova, A.A., Polidovich, Yu.B. 2013. In Usachuk, A.N., Polidovich, Yu.B. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk: "Donbass" Publ., 259—277 (in Russian).

Guliaev, V.I. 2016. In *Vostok = Oriens* (5), 205—208 (in Russian).

Drevnosti Bosfora Kimmeriiskogo, khraniashchiesia v Imperatorskom Muzee Ermitazha = Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au Musée Impérial de l'Ermitage. 1854. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Naumova, S.P., Kuziakina, A.P. (ed.). 1971. *Zhizn' zhivotnykh (Life of Animals)* 6. *Mlekopitaiushchie, ili zveri (Mammals)*. Moscow: "Prosveshchenie" Publ. (in Russian).

Ilyinskaya, V.A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ia (Scythians of the Forest-Steppe Zone of the Left Bank of Dnieper)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Ilyinskaya, V.A. 1973. In Ilyinskaya, V.A., Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 42—64 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 1992. In Shchapova, Yu.L., Yatsenko, I.V. (eds.). *Grakovskie chteniia na kafedre arkheologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 1989—1990 gg. (Grakov's Readings at the Chair of Archaeology, M.V. Lomonosov Moscow State University, 1989—1990)*. Moscow: Moscow State University, 30—39 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2007. In Kozenkova, V.I., Malashev, V. Yu. (eds.). *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: Sbornik pamiati M.P. Abramovoi (The Northern Caucasus and the Nomad World in the Early Iron Age: Collection of Articles in Memory of M.P. Abramova)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 235—257 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2010. In Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 286—314 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2011. In Vasilev, D.V., Zeleneev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)* V. Astrakhan: Astrakhan State University; Kazan: Institute of History named after

Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 34—42 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 17—71 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2012. In Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia (Eurasia in Scythian-Sarmatian Time). Series:* Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 191. Moscow: State Historical Museum, 106—133 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2012. In Alekshin, V.A. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations)* 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 362—370 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2013. In *Scripta Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury (Scripta Antiqua: Issues of Antique History, Philology, Art and Material Culture)* 3. Moscow: "Sobranie" Publ., 423—480 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2014. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 20, 105—112 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2015. In *Istoricheskie issledovaniia (Historical Studies) (*3), 113—218 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia (Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution).* Doct. Diss. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-2 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2016. In Balakhvantsev, A.S., Kullanda, S.V. (ed.). *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza (The Caucasus and the Steppe on the Turn of Late Bronze and Early Iron Ages)*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 89—114 (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 248 (in print) (in Russian).

Kantorovich, A.R., Erlikh, V.R. 2006. *Bronzoliteinoe iskusstvo iz kurganov Adygei (VIII—III veka do n.e.) (Bronze-Casting Art from Adygean Barrows of 8th—3rd Centuries BC).* Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

Kashaev, S.V. 2013. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual)* 3, 362—373 (in Russian).

Kovaleva, I.F., Mukhopad, S.E. 1982. In Terenozhkin, A.I. (ed.). *Drevnosti stepnoi Skifii (Antiquities of Steppe Scythia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 91—101 (in Russian).

Koltukhov, S.G., Senatorov, S.N. 2016. *Skify Predgornogo Kryma VII—IV vv. do n.e. Kurgany 1890—1892 i 1895 gg. Po materialam N.I. Veselovskogo i Yu.A. Kulakovskogo (Scythians of the Piedmont Crimea in 7th—4th Centuries BC: by the materials of N.I. Veselovsky and Yu.A. Kulakovsky).* Series: Materials for the Archaeological Map of Crimea XVII. Simferopol: Institute of Crimean Archaeology RAS; State Hermitage Museum; Crimean Federal University (in Russian).

Korovina, A.A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 174—187 (in Russian).

Korolkova, E.F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII—IV vv. do n.e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinadlezhnosti (Animal Style of Eurasia. the Art of the Tribes of Lower Volga and Southern Ural Regions in the Scythian Epoch (7th—4th Centuries BC). Problems of Style and Ethnocultural Belonging).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Leskov, O.M. 1974. *Skarby kurhaniv Khersonshchyny (Treasures of the Barrows in Kherson Region)*. Kiev: "Mystetstvo" Publ. (in Ukrainian).

Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kollektsii (The Solokha Barrow. Publication of a Collection).* Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Medvedev, A.P. 2015. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiia (Bulletin of the Voronezh State University: History, Political and Social Sciences Series)* (4), 136—137 (in Russian).

Meliukova, A.I. 1981. *Krasnokutskii kurgan (Krasnokutskaya Barrow)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mohylov, O.D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifs'koï doby u lisostepu Skhidnoï Yevropy (Harness of Scythian Time in the Forest-Steppes of Eastern Europe)*. Kiev; Kam'yanets'-Podil's'kyj: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1909—1910 gg. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909—1910). 1913. Saint Petersburg (in Russian).

Perevodchikova, E.V. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 23—44 (in Russian).

Perevodchikova, E.V. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 186, 8—13 (in Russian).

Petrenko, V.G. 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ia v V—III vv. do n. e. (The Right Bank of the Middle Dnieper Region in the 5th—3rd Centuries BC).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Petrenko, V.G., Maslov, V.E., Kantorovich, A.R. 2000. In Guliaev, V.I., Ol'khovskii, V.S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n.e.: paleoekologiia, antropologiia i arkheologiia (Scythians and Sarmatians in 7th—3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 238—248 (in Russian).

Petrenko, V.G., Maslov, V.E., Kantorovich, A.R. 2004. In Munchaev, R.M., Iablonskii, L.T. (eds.). *Arkheologicheskie pamiatniki rannego zheleznogo veka iuga Rossii (Early Iron Age Archaeological Sites in the South of Russia)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 179—210 (in Russian).

Pogrebova, N.N. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXII, 62—65 (in Russian).

Polosmak, N.V. 2001. *Vsadniki Ukoka (Ukok Riders).* Novosibirsk: "Infolio-press" Publ. (in Russian).

Silantieva, L.F. 1959. *Nekropol' Nimfeia (Necropolis of Nymphaeum).* Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 69. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 5—107 (in Russian).

Skoryi, S.A., Zimovets, R.V. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii (Scythian Antiquities of the Crimea: Materials from a Collection).* Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n.e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BC near Glinoe Village).* Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Ivanchik, A.I., Leskov, A.M. (eds.). 2015. *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze (Ulyap Barrows: Scythian Time Cult and Funerary Complex in the Northern Caucasus)*. Series: Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2. Moscow; Berlin; Bordeaux: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Chlenova, N.L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury (Provenance and Early History of the Tribes of Tagar Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shkurko, A.I. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeol-*

ogy) (1), 31—39 (in Russian).
Shkurko, A.I. 1982. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 54, 3—8 (in Russian).
Erlikh, V.R. 2001. In Marchenko, I.I. (ed.). *Tret'ia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Third Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar; Anapa, 218—223 (in Russian).
Iakovenko, E.V. 1970. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 124, 54—60 (in Russian).
Yatsenko, I.V. 1956. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 157—165 (in Russian).
Yatsenko, I.V. 1959. *Skifiia VII—V vekov do n.e. (Scythia in the 7th—5th Centuries BC)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 36. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
Borovka, G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn.
Leskov, A.M. 2008. *The Maykop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.
Cahen-Delhaye, A. (ed.). *L'or dés Scythes. Trésors de l'Ermitage*. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire.
Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora; Oxford: Phaidon.

Статья поступила в сборник 16 ноября 2017 г.

Anatoliy Kantorovich (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Lomonosov Moscow State University [1].
Канторович Анатолий Робертович (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
E-mail: kantorovich@mail.ru

Address: [1] Lomonosov Ave., 27/4, Moscow, 119991, Russian Federation

В. С. Синика, Н. П. Тельнов

Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное

Keywords: left bank of the Lower Dniester Region, 3rd century BC, Scythians, barrow, burial, catacomb, torque, bracelet, mirror, fibulae

Ключевые слова: левобережье Нижнего Днестра, III в. до н. э., скифы, курган, погребение, катакомба, гривна, браслет, зеркало, фибулы

V. S. Sinika, N. P. Telnov

Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3rd Century BC Near Glinoe Village

In 2017, barrow 116 of the Scythian cemetery of the 3rd—2nd centuries BC near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester Region was investigated. Two burials in the catacombs were studied under the mound, surrounded by a ring ditch with two ruptures. A paired children's burial was made in the northern burial chamber of the main grave 116/1, accompanied by an unusual inventory — a three-tiered torque, a pair of gold earrings, a silver multi-turned bracelet, two belt buckles with images of men's faces, a bronze mirror with an iron handle in a sheath, two conical and two flat trapezoidal pendants, as well as a bunch of composite adornments from beads. Wooden coffin was built to bury a man — a noble warrior in the eastern burial chamber of this catacomb. Three fibulae were found on the skeleton in addition to a representative set of weapons, adornments and a hand-made bowl. Also a warrior was buried in the secondary grave 116/2, a pair of long fighting knives lay near the body. Barrow 116 dates back to the third quarter of the 3rd century BC on the basis of the fibulae of the Early La-Tene construction and fragments of Heraclean amphora from the ditch.

В. С. Синика, Н. П. Тельнов

Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное

В 2017 г. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра был исследован курган 116 скифского могильника III—II вв. до н. э. Под насыпью, окружённой кольцевым рвом с двумя разрывами, изучены два захоронения в катакомбах. В северной погребальной камере основного погребения 116/1 было совершено парное детское погребение, которое сопровождалось неординарным инвентарём — трёхъярусной гривной, парой золотых серёг, серебряным многовитковым браслетом, двумя поясными бляхами с изображениями мужских лиц, бронзовым зеркалом с железной ручкой в футляре, двумя конусовидными и двумя плоскими трапециевидными подвесками, а также множеством составных украшений из бусин. В восточной погребальной камере этой катакомбы было устроено деревянное гробовище для захоронения мужчины — знатного воина. Помимо представительного набора вооружения, украшений и лепной миски, на костяке были найдены три фибулы. Во впускном погребении 116/2 также был погребён воин, возле которого лежала пара длинных боевых ножей. Курган 116 на основании фибул раннелатенской конструкции и фрагментов гераклейской амфоры изо рва датируется третьей четвертью III в. до н. э.

Среди скифских памятников Северо-Западного Причерноморья особое место занимает могильник у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, датируемый III—II вв. до н. э. Его исследования проводились Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т. Г. Шевченко на протяжении 1995—2012 гг. Было изучено 113 скифских курганов, содержавших 181 погребение. Основным итогом раскопок могильника стало получение уникального объёма информации, позволяющего, во-первых, констатировать скифскую принадлежность погребальных комплексов, а во-вторых, получить достоверную информацию о материальной культуре, быте, хозяйстве, военном деле и идеологических представлениях скифов III—II вв. до н. э. в Поднестровье (Синика 2002: 86—87; 2006а: 59; 2006б: 220; Четвериков, Синика 2002; Кривенко и др. 2011: 44, рис. 1: 2; Тельнов, Синика 2014а; Синика и др. 2016: 75—76; Матвиишина и др. 2016: Тельнов, Разумов, Синика 2016; Тельнов и др. 2016; и др.).

В 2017 г., спустя пять лет после завершения работ на скифском могильнике у с. Глиное, сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко провели спасательные раскопки кургана, располагавшегося на северной окраине этого памятника. Насыпь, отмеченная на кар-

© В. С. Синика, Н. П. Тельнов, 2018.

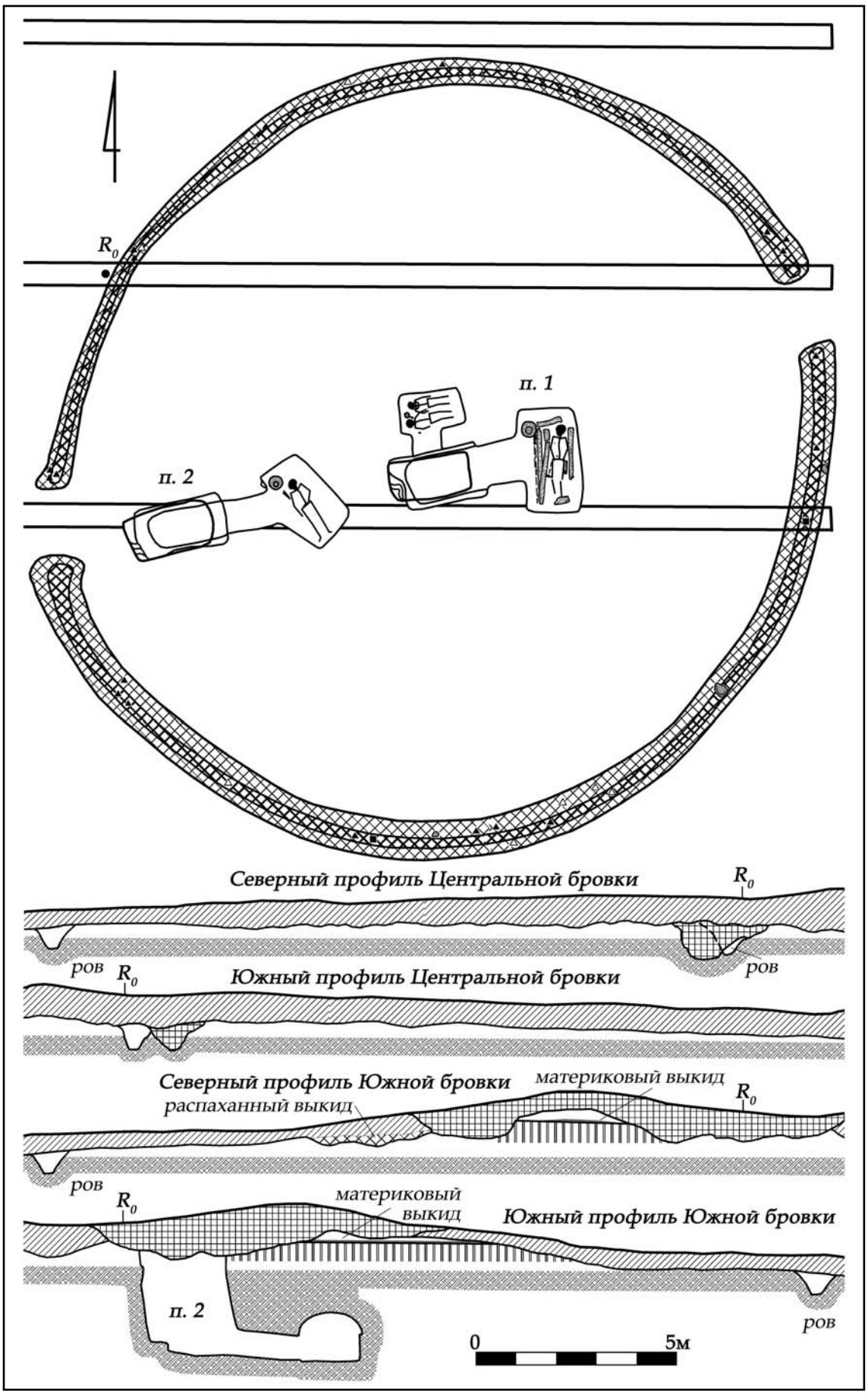

R_0
п. 1
п. 2
Северный профиль Центральной бровки
R_0
ров
ров
R_0
Южный профиль Центральной бровки
Северный профиль Южной бровки
материковый выкид
распаханный выкид
R_0
ров
R_0
материковый выкид
Южный профиль Южной бровки
п. 2
ров
0
5м

Рис. 1. План и профили кургана 116 у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 1. Plan and profiles of barrow 116 near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester Region.

те Генерального штаба (съёмка 1982 г.) высотой 1 м, на момент исследования была полностью уничтожена. Ещё в советское время (1960—1980-е гг.) она пострадала при прокладке траншей для труб орошения, а также во время плантажной распашки сливового сада, под которым оказался курган. В начале 2000-х гг. разрушение насыпи было продолжено: на этот раз, несмотря на расположение кургана в непосредственной близости от просёлочной дороги, при хищении труб вскрывались оросительные траншеи, причём канавы от них не засыпались. Позже эти канавы стали активно использоваться местными жителями для выбрасывания строительного и бытового мусора. В итоге, к началу 2017 г. найти некогда заметную на поверхности насыпь было достаточно сложно. Это стало возможным благодаря О. В. Манигде, канд. ист. наук, младшему научному сотруднику Отдела археологии Киева Института археологии Национальной Академии наук Украины, которая привязала в реальных географических координатах соответствующий лист топографической карты и отформатировала его для программы Androzic, установленной на планшет со встроенным модулем JPS, работающим без поддержки Internet. Несмотря на погрешность (при разбивке R_0 был установлен в 9 м к северо-западу от реального центра насыпи), курган удалось локализовать. Во-первых, он оказался не ограбленным в древности. Во-вторых, полученный при его исследовании материал является, без сомнения, неординарным, даже с учётом весьма многочисленного инвентаря, который на протяжении 1995—2012 гг. был зафиксирован во всех скифских погребениях могильника III—II вв. у с. Глиное.

Ниже приводится описание кургана, обнаруженных захоронений, погребального инвентаря, а также анализ полученных материалов[1].

Курган 116 копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад — восток, ширина всех бровок по 0,6 м, длина Центральной бровки — 30 м, Северной и Южной бровок — по 26 м, расстояние между бровками по 5,5 м (рис. 1).

В кургане обнаружены ров и два скифских захоронения.

Кольцевой ров диаметром 20 м, шириной до 1,2 м и глубиной до –1,66 м от R_0 был сооружён одновременно с основным захоронением. Ров в сечении трапециевидный, его глубина от уровня древнего горизонта не превышала –1,2 м. В юго-западной и северо-восточной частях рва были оставлены два прохода шириной 1,7 м, находящиеся на линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. В заполнении рва, на разных уровнях (на дне и в придонной части) обнаружены фрагменты амфор (1—5), фрагменты доньев лепной курильницы (6) и лепной миски (7), кости животных (фрагмент нижней челюсти крупного копытного, суставы ног крупного рогатого скота и лошади), а также три камня — два дикарных, один из которых крупный, и один абразив (8).

Описание находок.

1. Фрагмент нижней части ручки родосской светлоглиняной амфоры. Длина фрагмента около 60 мм, размеры сечения 33 × 29 мм (рис. 2: 1).

2. Фрагменты нижней части горловины и верхней части тулова синопской светлоглиняной амфоры. Размеры фрагмента горловины 120 × 107 мм; размеры фрагмента плеча — 130 × 92 мм. Реконструируемый диаметр горловины около 125 мм, максимальный диаметр тулова — около 330 мм (рис. 2: 2).

3. Фрагменты стенок нижней части тулова гераклейской светлоглиняной амфоры. Размер фрагмента, по которому проводились замеры, 163 × 144 мм. Диаметр верхней части фрагмента около 165 мм. Толщина стенок 7—14 мм, в нижней части — до 17 мм (рис. 2: 3).

4. Два фрагмента стенок херсонесской светлоглиняной амфоры размерами 120 × 95 мм и 60 × 48 мм. Толщина стенок от 6 мм до 13 мм.

5. Фрагменты оранжевоглиняной амфоры неустановленного производственного центра (возможно, Книд). Ручка овальная (?) в се-

[1] Выражаем благодарность канд. ист. наук С. Н. Разумову — автору чертежей плана кургана и профилей бровок, планов погребений и их разрезов, зарисовки знака над входом в восточный дромос погребения 1, реконструкций орнаментации северной камеры погребения 1 и камеры погребения 2, рисунка кремнёвого орудия из восточного дромоса погребения 1; канд. ист. наук. С. Д. Лысенко — автору всех остальных рисунков находок из кургана.

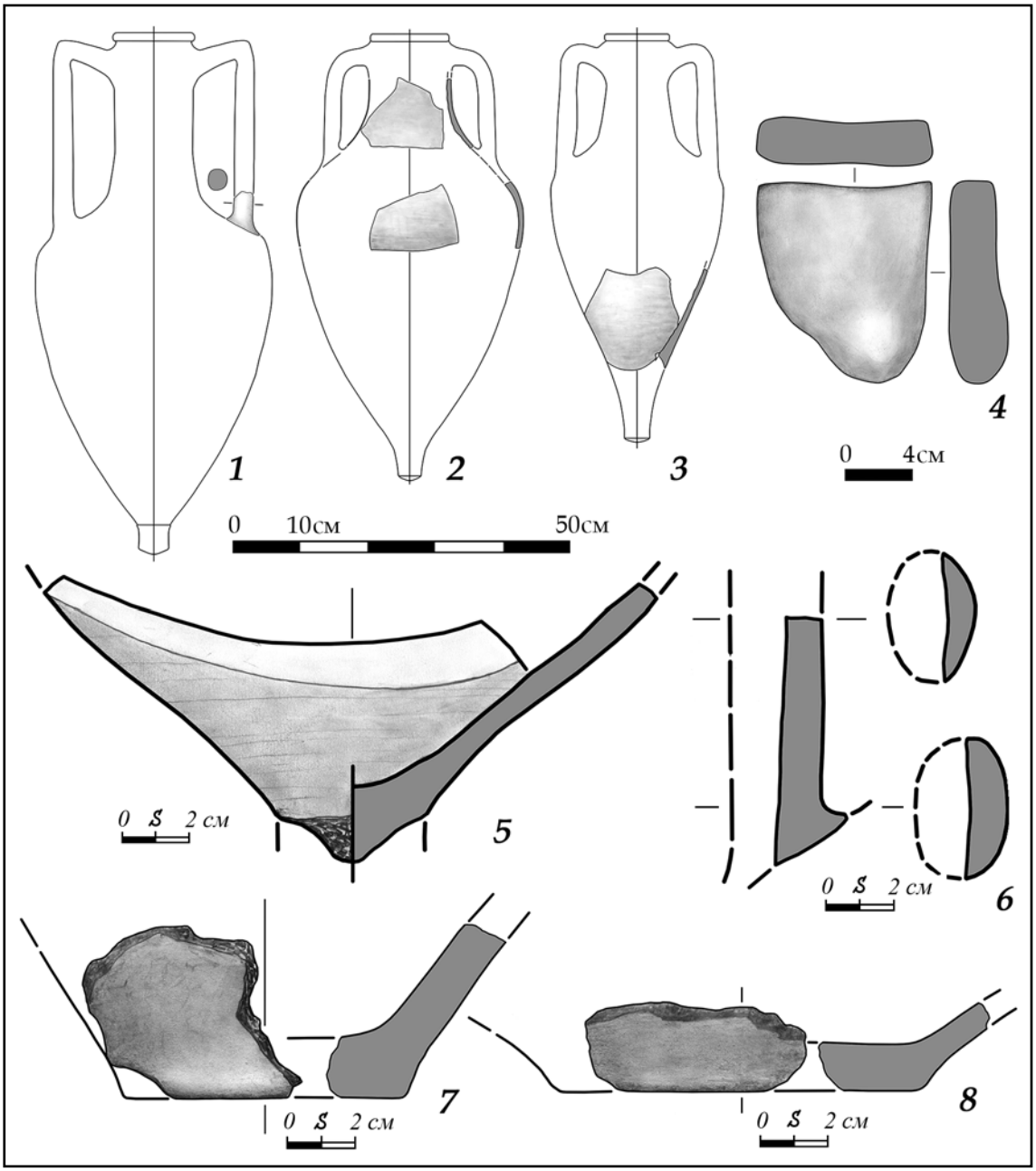

Рис. 2. Находки из рва кургана 116 у с. Глиное.

Fig. 2. Finds from the ditch of barrow 116 near Glinoe village.

чении. Реконструируемый размер сечения около 38×26 мм. Диаметр основания ножки около 45 мм. Толщина стенок 7—19 мм (рис. 2: 5, 6).

6. Фрагмент дна сероглиняной курильницы. Диаметр слегка зауженного дна около 80—85 мм, толщина дна у стенки 17,5 мм. Толщина стенки — до 13,5 мм (рис. 2: 7). Тесто с примесью шамота. Цвет внешней поверхности желтовато-серый; изнутри — чёрный. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные, бугристые.

7. Фрагмент дна сероглиняной миски. Диаметр слегка зауженного дна около 105 мм, толщина — до 14,2 мм. Толщина стенки до 8,5 мм (рис. 2: 8). Тесто с примесью шамота. Поверхности шероховато-заглаженные.

8. Абразив из мелкозернистого песчаника размерами 121×105×36 мм (рис. 2: 4). Цвет изделия варьируется от желтоватого до насыщенно розового.

Погребение 1 (скифское, основное) обнаружено в I Южной траншее, в 7 м на восток

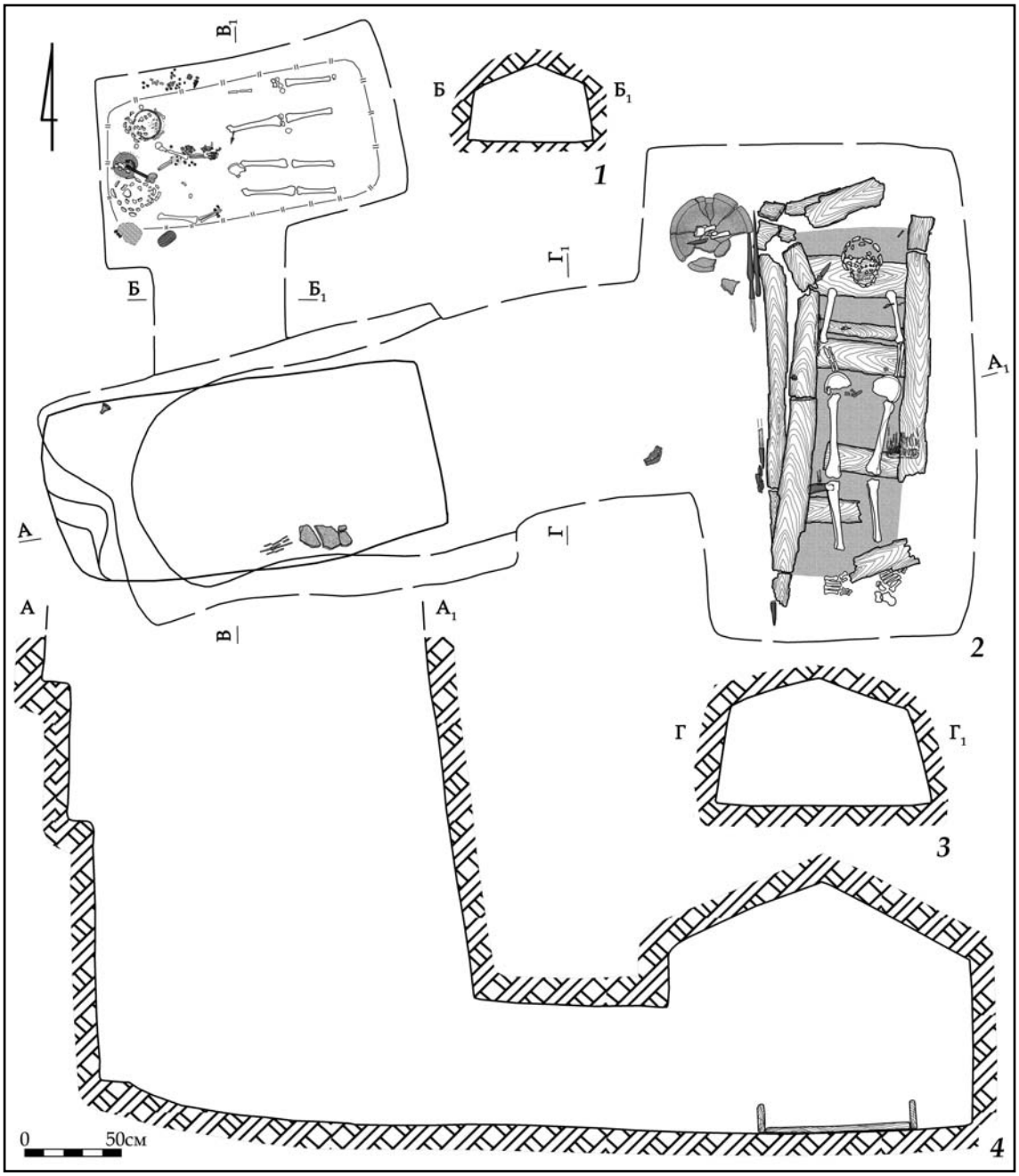

Рис. 3. План и разрезы погребения 116/1.

Fig. 3. Plan and sections of burial 116/1.

и 4,5 м на юг от R_0. Совершено в двухкамерной катакомбе (рис. 3: 2). Контур входной ямы был зафиксирован в центре кургана, немного южнее линии, на которой находились западный и восточный проходы рва.

Прямоугольная в плане *входная яма* размерами 2×1 м и глубиной –3,37 м от древнего горизонта (–3,67 м от R_0) была ориентирована по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. Материковый выкид зафиксирован только в северном и южном профилях Южной бровки, в плане не читался. Ко дну, за счёт наклона стен, длина ямы увеличилась до 2,2 м, а ширина у восточной стенки — до 1,4 м. На стенах зафиксированы следы орудий шириной 5—6 см. Спуск в яму осуществлялся при помощи двух угловых (юго-запад) ступеней, устроенных на глубинах –1,08 м и –1,81 м от уровня древнего горизонта (–1,38 м и –2,11 м от R_0). На глубине –3,15 м от уровня древнего горизонта (–3,45 м от R_0) в дне была вырыта выемка дли-

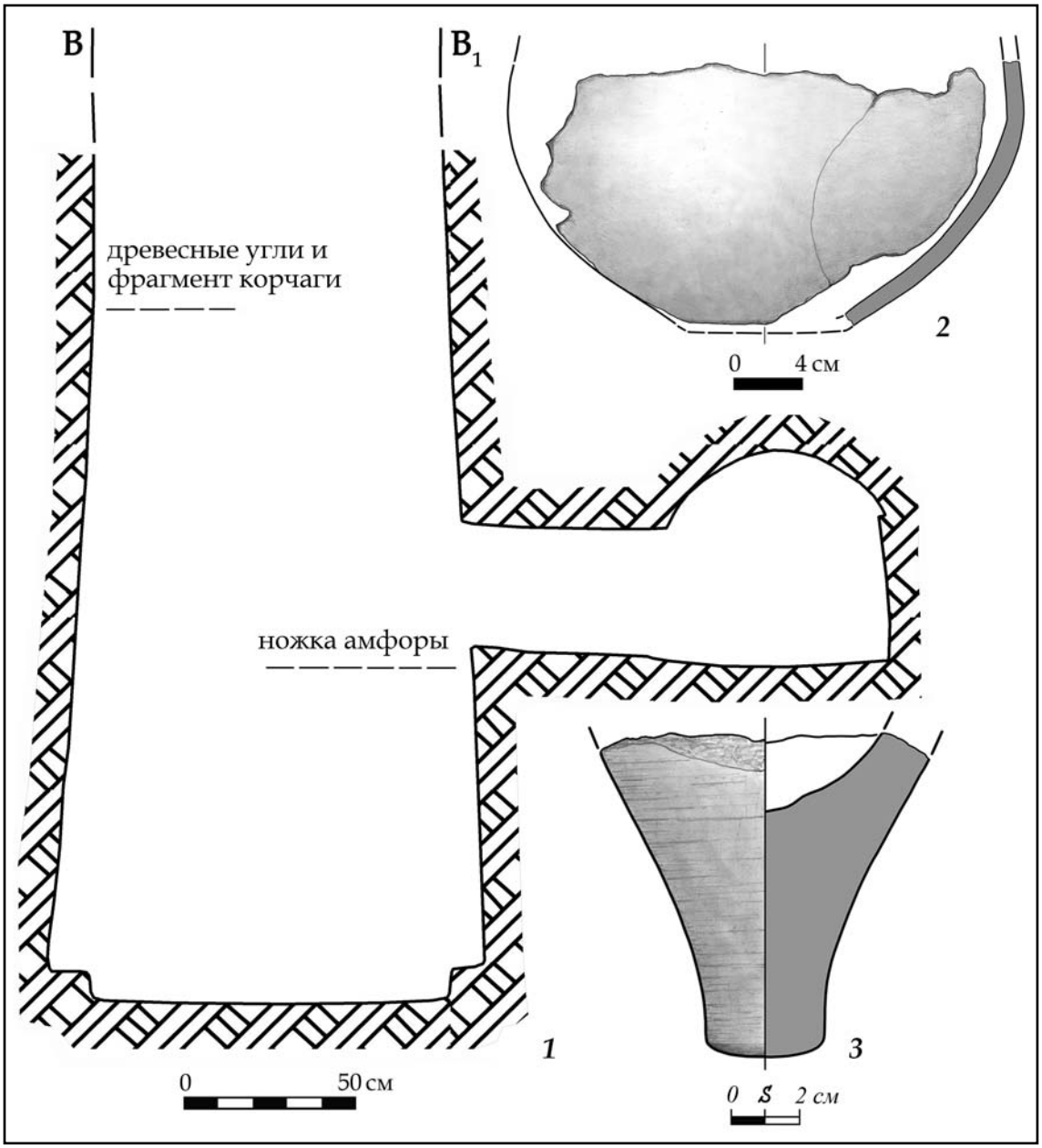

Рис. 4. Разрез входной ямы катакомбы 116/1 (1) и находки из неё (2, 3).

Fig. 4. The section of the entrance well of catacomb 116/1 (1) and the finds from it (2, 3).

ной 1,8 м и глубиной 0,22 м, основанием которой служило устье дромоса №2. Дно выемки плавно понижалось к дромосу №2, участки материка вдоль длинных сторон имели вид уступов шириной 0,16 м (у северной стенки) и 0,2 м (у южной стенки) (рис. 3: 2, 4). Заполнение ямы состояло из рыхлой материковой глины.

На глубине –1,29 м от уровня древнего горизонта (–1,59 м от R_0) у южной стенки входной ямы, в 0,5 м от её юго-восточного угла, были найдены древесные угли и фрагмент лепного сосуда (1). Ниже, на глубине –2,64 м от R_0, у северной стенки входной ямы, в 0,3 м от её северо-западного угла, лежала ножка амфоры (2) (рис. 4: 1).

Описание находок.

1. Фрагмент лепной сероглиняной корчаги размерами 253×185 мм. Реконструируемый диаметр тулова около 300—305 мм, диаметр дна 100—102 мм. Сосуд реконструируется до высоты около 180 мм. Высота нижней части около 120 мм. Толщина стенок в верхней части до 8 мм, в нижней — до 10—12 мм (рис. 4: 2). Тесто с примесью шамота. Поверхности подлощены.

2. Ножка красноглиняной синопской амфоры на закруглённой подошве. Использовалась вторично в качестве светильника, о чём свидетельствует чёрный нагар на обеих поверхностях. Высота «светильника» 93 мм, диаметр ножки у подошвы 33 мм, толщина стенок 17—18 мм (рис. 4: 3).

Устье дромоса №1 шириной 0,7 м (по дну) и высотой 0,4 м располагалось в северной стенке входной ямы. Дно дромоса находилось на глубине –2,27 м от уровня древнего горизонта (–2,57 м от R_0, на 0,91 м выше верхнего края северного «уступа»). Подпрямоугольный в плане *дромос №1* длиной 0,6 м, шириной 0,7 м и высотой 0,4 м был ориентирован по линии север — юг. Свод дромоса двускатный, стенки расширяются от пяты свода ко дну. В совокупности свод, стенки и дно образовывают симметричную фигуру с хорошо выделенными углами (рис. 3: 1; 4: 1).

Подпрямоугольная в плане *северная погребальная камера* размерами 1,45—1,6×0,9—1 м и высотой 0,65 м была ориентирована по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. В сечении камера имела форму арки, свод и стены были грубо заглажены. Свод был отделён от длинных стен камеры карнизом шириной 0,02—0,03 м, расположенным на высоте 0,38 м от дна. В центре камеры дно находилось на глубине –2,34 м от уровня древнего горизонта (–2,64 м от R_0), при этом оно плавно понижалось к северной стенке (–2,62 м от R_0) (рис. 3: 2; 4: 1).

На заглаженном своде и длинных стенках камеры сохранился прочерченный орнамент, воспроизводивший каркасную конструкцию. Свод и длинные стенки камеры были покрыты горизонтальными и вертикальными взаимно-перпендикулярными линиями. Расстояние между горизонтальными и между вертикальными линиями варьировалось в пределах 0,10—0,15 м. Торцевые стены не были орнаментированы (рис. 5: 1).

При расчистке северной камеры обнаружены останки двух детей, лежавших в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки обоих погребённых, слегка расставленные в локтях, лежали вдоль тела, ноги прямые. На полу камеры зафиксирован слабый органический тлен от подстилки светло-серого цвета.

Состав и расположение инвентаря. Справа в изголовье первого костяка, лежавшего ближе к дромосу, зафиксированы следы мешочка, сплетённого из растительных волокон, размерами 12×9 см, у западного края которого лежали три бусины (13). Южнее правого плеча находился плоский деревянный предмет подпрямоугольной формы размерами 10×6 см, поверхность которой была покрыта толстым слоем минеральной красной краски. Вероятно, это был миниатюрный деревянный сосуд с охрой. На правом запястье обнаружен браслет из бусин (15).

В области шеи и верхней части грудной клетки второго костяка найдены предметы ожерелья (16) и гривна (1), у обоих висков — по золотой серьге (2). Справа в изголовье лежало зеркало (4) в футляре, обшитом бисером (5). На диск зеркала был положен браслет из бусин (17). Слева в изголовье, у северной стенки, найдены три бусины (14). В области нижней части правой плечевой кости и локтевого сустава зафиксировано скопление бусин (18), на правом запястье — серебряный браслет (3). К северу от браслета находились бронзовая поясная бляха (7), две бронзовые плоские накладки (9), лежавшие одна поверх другой, и одна серебряная подвеска (10). В области левого плеча и левого локтя зафиксировано скопление стеклянных бусин (19), амулет из клыка кабана (20), бронзовая концевая поясная накладка (8), железная подвеска (11), к основанию которой прикипело бронзовое кольцо (12). Поперёк бедренных костей второго костяка лежала стрела, от которой сохранились часть древка и бронзовый наконечник (6), направленный остриём на юго-запад, в сторону дромоса (рис. 5: 5).

Описание находок.

1. Гривна состоит из соединённых между собой трёх звеньев разной длины. Все звенья изготовлены из бронзовой пластины, свёрнутой в трубочку, поверх которой плакировкой нанесена золотая фольга. Шов трубочки расположен во внутренней части окружности. Внутри трубочек прослежены волокна деревянной основы — прутика. Диаметр гривны соответствует диаметру большего (нижнего) звена — 127×111 мм. Диаметр трубочек до 5,6×4,3 мм. Отверстия для крепления звеньев между собой расположены на расстоянии 95—102 мм одно от другого; диаметр отверстий — 1,7 мм. Толщина золотой фольги около 0,1 мм. Следов металлических заклёпок в отверстиях не зафиксировано. Очевидно, звенья крепились между собой шнурком из органического материала (рис. 6: 1). Ниже приводится описание каждого звена:

— верхнее звено. Торцы выделены незначительным уступом и запечатаны золотой фольгой. Поверхность звена украшена выпуклыми поперечными «волнами» (по три «вол-

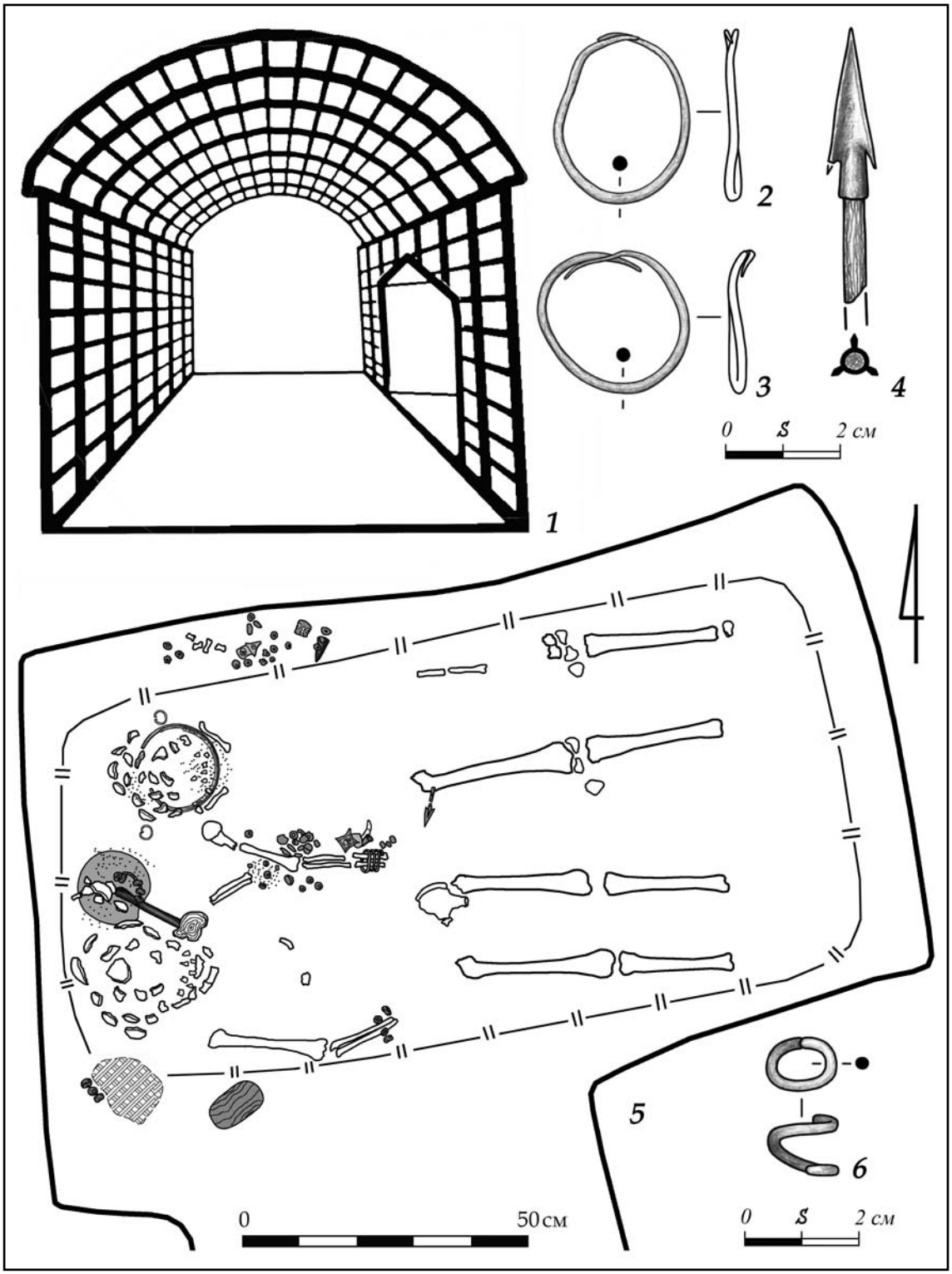

Рис. 5. Реконструкция орнаментации северной погребальной камеры катакомбы 116/1 (1), план северной камеры (5) и находки из неё (2—4, 6).

Fig. 5. Reconstruction of the ornamentation of the northern burial chamber of catacomb 116/1 (1), the plan of the northern chamber (5) and finds from it (2—4, 6).

ны» ближе к окончаниям, и по две «волны» — ближе к центру), разделёнными выпуклыми поперечными линиями. Расстояние между торцами по внешнему краю 115 мм; расстояние между отверстиями 95 мм. Высота сегмента 44 мм (рис. 6: 2);

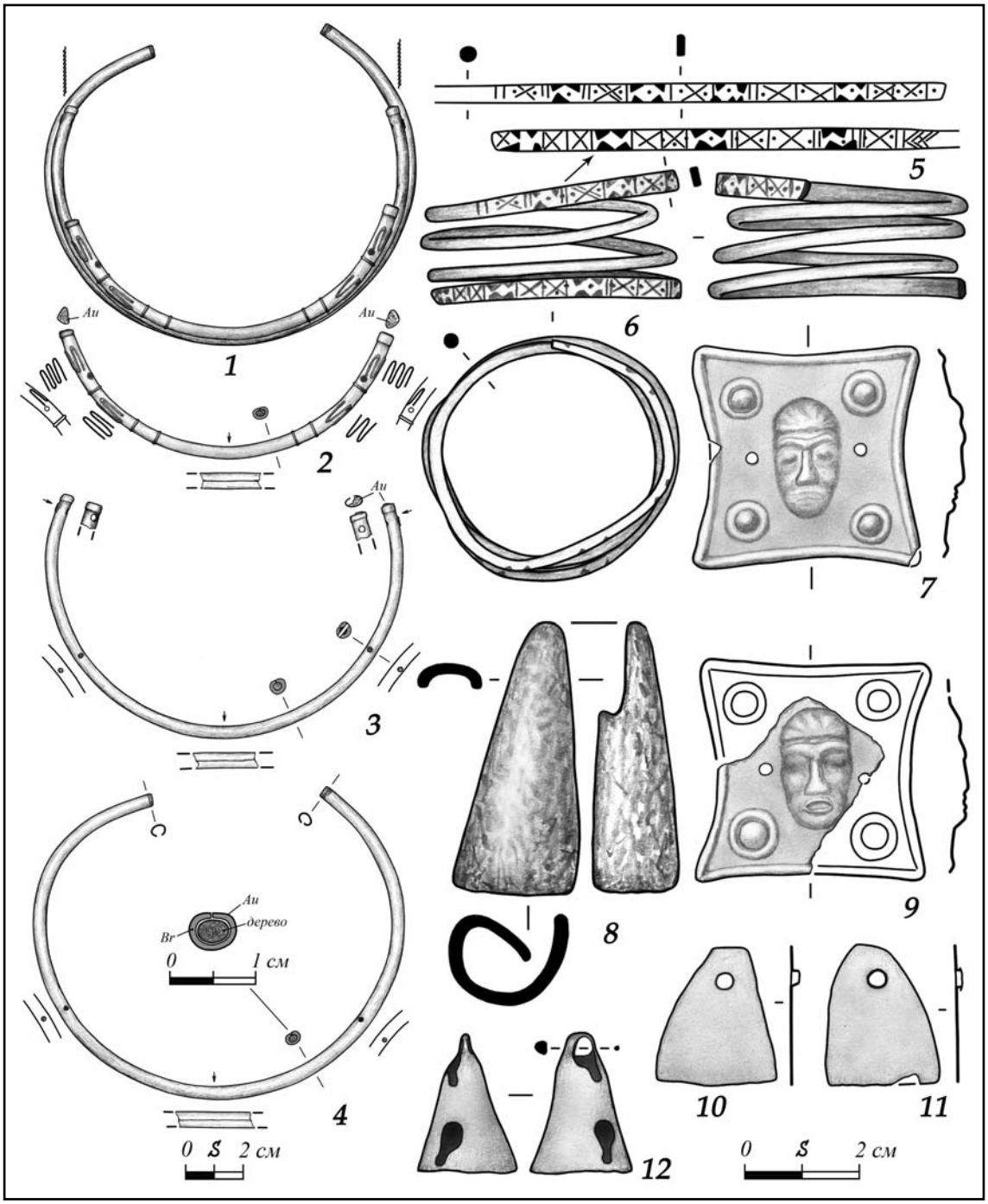

Рис. 6. Находки из северной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 6. Finds from the northern burial chamber of catacomb 116/1.

— среднее звено. Торцы выделены незначительным уступом и запечатаны золотой плакировкой. В 3—4 мм от края торцов расположены поперечные отверстия диаметром 2 мм, предназначенные, видимо, для дополнительного крепления гривны на шее при помощи шнурка. Максимальный диаметр звена 123 мм. Расстояние между торцами по внешнему краю 114 мм; расстояние между отверстиями для крепления звеньев между собой 100 мм. Высота сегмента 82 мм (рис. 6: 3);

— нижнее звено. Края трубочки на торцах не смыкаются и плакировка на них не заходит. Диаметр звена 127 × 111 мм. Расстояние между отверстиями для крепления звеньев между собой 102 мм (рис. 6: 4).

2. Пара золотых проволочных кольцевых серёг с заходящими друг за друга окончани-

ями. Диаметр проволоки обеих серёг до 2 мм, к концам сужается. Диаметр первой серьги 25×26 мм (рис. 5: 2), диаметр второй — 29,7×23,3 мм (рис. 5: 3).

3. Серебряный проволочный спиральный браслет в 3,7 оборота. На окончаниях проволока раскована в подпрямоугольные пластины, орнаментированные линиями (гравировка), точками (чеканка) и углами (резка). Внешний диаметр браслета 42,2×45,5 мм, ширина — 16—22,3 мм. Диаметр проволоки от 2,2 мм до 3 мм. Длина орнаментированных участков 77 мм; размеры сечения — до 3,8×2 мм (рис. 6: 5, 6).

4. Составное зеркало в виде бронзового диска с боковой железной ручкой. Нижняя сторона диска обломана в древности, с правой стороны расположен выступ длиной около 12 мм. Прямоугольная в сечении ручка крепилась двумя железными заклёпками диаметром около 3 мм. Верхняя часть ручки, к которой крепился диск, подпрямоугольная, сегментовидная в сечении. У нижней части ручки зафиксированы фрагмент кожи (чехол ручки?) белого цвета размерами 55×45×22 мм. На фрагменте заметен отпечаток полосы шириной около 16 мм, частично прикипевшей к ручке зеркала (рис. 7: 3). Длина зеркала с ручкой 207 мм, длина ручки 129 мм; диаметр диска 124 мм, толщина — до 1 мм. Верхняя часть ручки прямоугольной формы размерами 33×24 мм и толщиной до 9 мм. Размеры сечения в верхней половине ручки 14×10 мм; в месте максимального расширения — 18×9 мм; у окончания ручки — 13×4 мм (рис. 7: 2).

5. Футляр зеркала из ткани типа мешковины (рис. 7: 1) был обшит рубленым бисером (всего 890 экз.) синего (771 экз.) (рис. 7: 4а), белого (53 экз.) (рис. 7: 4б), жёлтого (29 экз.) (рис. 7: 4в), зелёного (20 экз.) (рис. 7: 4г) и голубого цвета (17 экз.) (рис. 7: 4д). Диаметр бисерин от 2 мм до 4,5 мм, высота от 1 мм до 3 мм, диаметр отверстий от 0,5 мм до 1,5 мм. Прорисована выборка из 369 экз. (рис. 7: 4).

6. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой. Длина наконечника 31 мм, длина втулки 10 мм. Древко диаметром 5 мм сохранилось на длину 18 мм (рис. 5: 4).

7. Бронзовая поясная бляха. Представляет собой подквадратную штампованную пластину с вогнутыми сторонами. По углам выдавлены круги, вписанные в окружности, в центральной части — изображение мужской головы. Хорошо выделены волосы, отделённые ото лба горизонтальным валиком, а также надбровные дуги и нос. Глаза миндалевидные, рот открытый, подбородок едва заметен. Вдоль края пластины выдавлен рельефный кант. По обе стороны мужского лица расположены два круглых отверстия для крепления. Размеры бляхи 38,5×39,2 мм, толщина — около 0,6 мм. Диаметр отверстий около 2 мм (рис. 6: 7).

8. Бронзовая поясная бляха, аналогичная описанной выше. Обломана в древности; использовалась вторично как концевая поясная накладка. Размеры фрагмента 31×28 мм; реконструируемые размеры бляхи 39×39 мм, толщина — около 0,6 мм. Диаметр отверстий — около 2 мм (рис. 6: 9).

9. Две бронзовые плоские накладки подтрапециевидной формы. В верхней части обеих накладок пробито круглое отверстие диаметром до 2,7 мм. Толщина пластин до 0,5 мм. Размеры первой накладки 24×21 мм (рис. 6: 10), второй — 24,5×20 мм (рис. 6: 11).

10. Серебряная литая конусовидная подвеска. Высота подвески 24,5 мм, диаметр основания 16,7×17,4 мм, толщина стенок до 1,5 мм. Сверху расположено ушко размерами 4×5 мм; диаметр отверстия в ушке 3 мм; диаметр дужки — 0,5—2 мм. В нижней части корпуса расположено отверстие неправильной формы (литейный брак?) размерами 7×3 мм (рис. 6: 12).

11. Железная конусовидная подвеска, свёрнута из пластины толщиной до 2 мм. Высота подвески 48 мм, диаметр основания 21×16 мм (рис. 6: 8).

12. Бронзовое проволочное кольцо в полтора оборота. Диаметр кольца 5,5×6 мм, высота — 5,5 мм. Толщина проволоки до 1,3 мм (рис. 5: 6).

13. Три стеклянные бусины, лежавшие справа в изголовье костяка 1:

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с тремя жёлтыми глазками с синим зрачком. Высота бусины 9,4 мм, диаметр 13,4 мм, диаметр отверстия 5,5 мм (рис. 7: 5а);

— две округло-ребристые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла. Высот бусин 9,2 мм и 6,4 мм, диаметр 13,2 мм и 13 мм, диаметр отверстий 5 мм и 5,7 мм (рис. 7: 5б).

14. Три стеклянные бусины, лежавшие слева в изголовье костяка 2:

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с двумя белыми поперечными полосами. Высота бусины 7 мм, диаметр 12,5 мм, диаметр отверстия 5,2 мм (рис. 7: 6а);

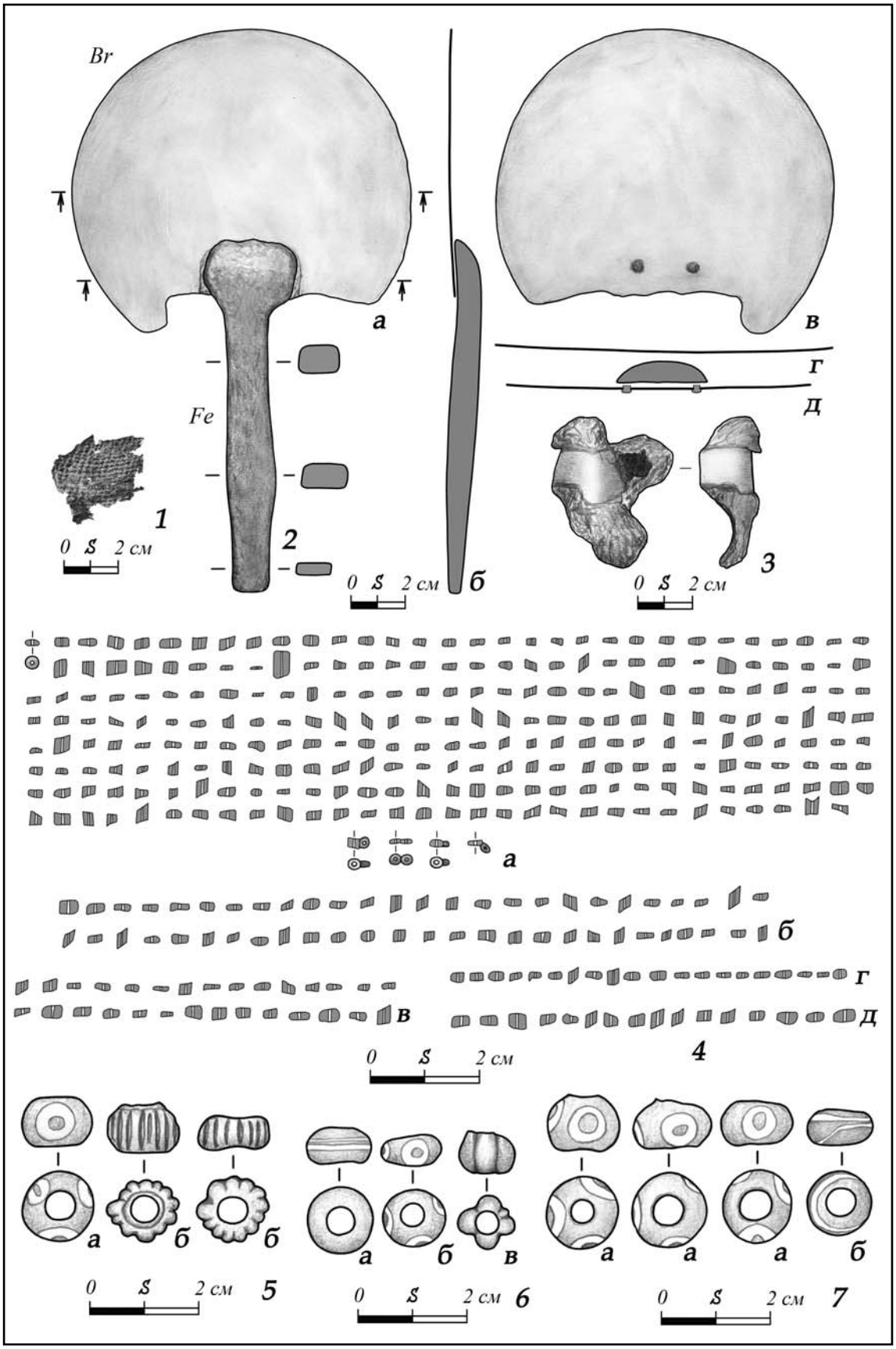

Рис. 7. Находки из северной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 7. Finds from the northern burial chamber of catacomb 116/1.

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синим зрачком. Высота бусины 6 мм, диаметр 11,4 мм, диаметр отверстия 4,3 мм (рис. 7: 6б);

— округло-ребристая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла. Высота бусины 8,3 мм, диаметр 10,3 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 7: 6в).

15. Браслет из четырёх бусин на правом запястье костяка 1:

— три округлые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синим зрачком. Высота бусин 10,7 мм, 9,5 мм и 8,8 мм, диаметр 14 мм, 14,5 мм и 14 мм, диаметр отверстий 4,5 мм, 6,1 мм и 5,7 мм (рис. 7: 7а);

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с белой поперечной линией. Высота бусины 7,1 мм, диаметр 12,3 мм, диаметр отверстия 6,7 мм (рис. 7: 7б).

16. Ожерелье состояло из 32 стеклянных бусин, одной деревянной бусины и стеклянного бисера:

— подпризматическая пронизь из прозрачного белого стекла, квадратная в сечении. Длина пронизи 16,4 мм, размеры сечения 5×5,6 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 9: а);

— подпризматическая пронизь из прозрачного синего стекла с тремя поперечными белыми линиями, квадратная в сечении. Длина пронизи 8,5 мм, размеры сечения 4,6×6,5 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 9: б);

— пять трубчатых пронизей из прозрачного синего стекла с тремя поперечными белыми линиями. Длина пронизей 15,4 мм, 16 мм, 14 мм, 14 мм и 13,5 мм, диаметр 5,5 мм, 5,8 мм, 6,3 мм, 5,1 мм и 4,5 мм, диаметр отверстий 2 мм (рис. 9: в);

— каплевидная бусина из прозрачного синего стекла. Высота бусины 10 мм, диаметр 10,3 мм, диаметр отверстия 1—2 мм (рис. 9: г);

— биконическая бусина из прозрачного синего стекла. Высота бусины 8,5 мм, диаметр 8,3 мм, диаметр отверстия 1,5—2 мм (рис. 9: д);

— восемь биконических бусин из прозрачного оранжевого стекла. Высота бусин 8,5 мм, 8,2 мм, 7,5 мм, 6 мм, 5,5 мм, 6 мм, 5,3 мм и 5 мм; диаметр 7,5 мм, 8,2 мм, 8 мм, 8 мм, 7,5 мм, 8 мм, 7,7 мм, 7 мм и 5,2 мм; диаметр отверстий от 1 мм до 3 мм (рис. 9: е);

— две округло-ребристые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла. Высота бусин 8,4 мм и 7,5 мм, диаметр 11,5 мм и 12 мм, диаметр отверстий 4,5 мм и 5 мм (рис. 9: ж);

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с белой поперечной линией. Высота бусины 6 мм, диаметр 9,4 мм, диаметр отверстия 3,8 мм (рис. 9/з);

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синими зрачками с синей точкой с белой каёмкой в центре. Высота бусины 7 мм, диаметр 7,5 мм, диаметр отверстия 2—2,5 мм (рис. 9: и);

— 11 округлых поперечно-сжатых бусин из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синим зрачком. Высота бусин 7 мм, 10 мм, 5,5 мм, 6,4 мм, 6 мм, 5,5 мм, 6,5 мм, 5 мм, 4 мм, 5 мм и 5,7 мм; диаметр 11,4 мм, 10,2 мм, 9,6 мм, 9 мм, 8,8 мм, 8,6 мм, 8,3 мм, 8,2 мм, 8 мм, 8,5 мм и 7,5 мм; диаметр отверстий 3,5 мм, 3,2 мм, 3 мм, 3 мм, 3,3 мм, 3,1 мм, 2,5 мм, 3 мм, 3 мм, 3,5 мм и 2,7 мм (рис. 9: к);

— усечённо-биконическая деревянная пронизь с плавным изгибом стенок. Изготовлена из дерева твёрдой породы. Длина пронизи 19,3 мм, диаметр до 8,6 мм, диаметр отверстия 1,5 мм (рис. 9: л);

— рубленый бисер (всего 1773 экз.) синего (838 экз.) (рис. 9: м), жёлтого (821 экз.) (рис. 9: н), голубого (78 экз.) (рис. 9: о) и белого (36 экз.) (рис. 9: п) цвета. Диаметр бисерин от 2 мм до 4,5 мм, высота от 1 мм до 3 мм, диаметр отверстий от 0,5 мм до 1,5 мм. Прорисована выборка из 618 экз. (рис. 9: м-п).

17. Браслет из пяти стеклянных бусин на диске зеркала был надет на плетёный шнурок длиной не менее 18,5 см и диаметром около 3,5 мм (рис. 8: 1а):

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с четырьмя белыми глазками с синим зрачком. Высота бусины 9,3 мм, диаметр 14,7 мм, диаметр отверстия 6 мм (рис. 8: 1б);

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного оранжевого стекла с двумя синими глазками с белым колечком внутри. Высота бусины 10 мм, диаметр 15 мм, диаметр отверстия 5,3 мм (рис. 8: 1в);

— две округлые поперечно-сжатые бусины из прозрачного голубого стекла с тремя синими глазками с белым колечком внутри. Высота бусин 8 мм и 7,5 мм, диаметр 13,2 мм и 11,7 мм, диаметр отверстий 5 мм (рис. 8: 1г);

— округло-ребристая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла. Высота бусины 7,5 мм, диаметр 11,5 мм, диаметр отверстия 5,2 мм (рис. 8: 1д).

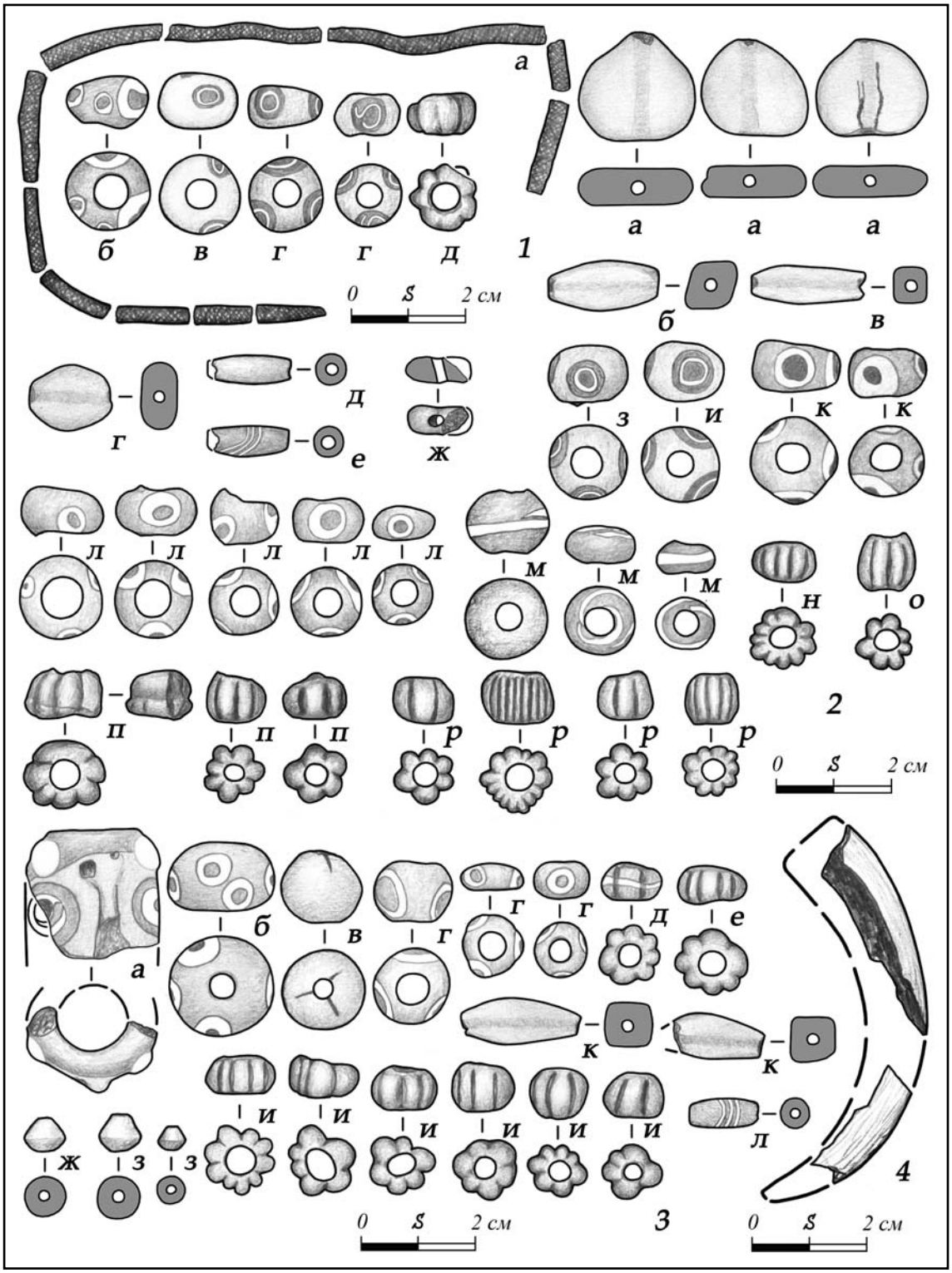

Рис. 8. Находки из северной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 8. Finds from the northern burial chamber of catacomb 116/1.

18. Тридцать стеклянных бусин, лежавших у правого плеча и локтя костяка 2:

— три уплощённые сердцевидные пронизи из прозрачного белого стекла. Размеры пронизей 19,1×20,5×6,2 мм, 17×18,6×5,7 мм и 17,5×20×5,5 мм, диаметр отверстий 3 мм, 2,2 мм и 2 мм (рис. 8: 2а);

— бипирамидальная пронизь из прозрачного белого стекла, квадратная в сечении. Длина пронизи 19,5 мм, размеры сече-

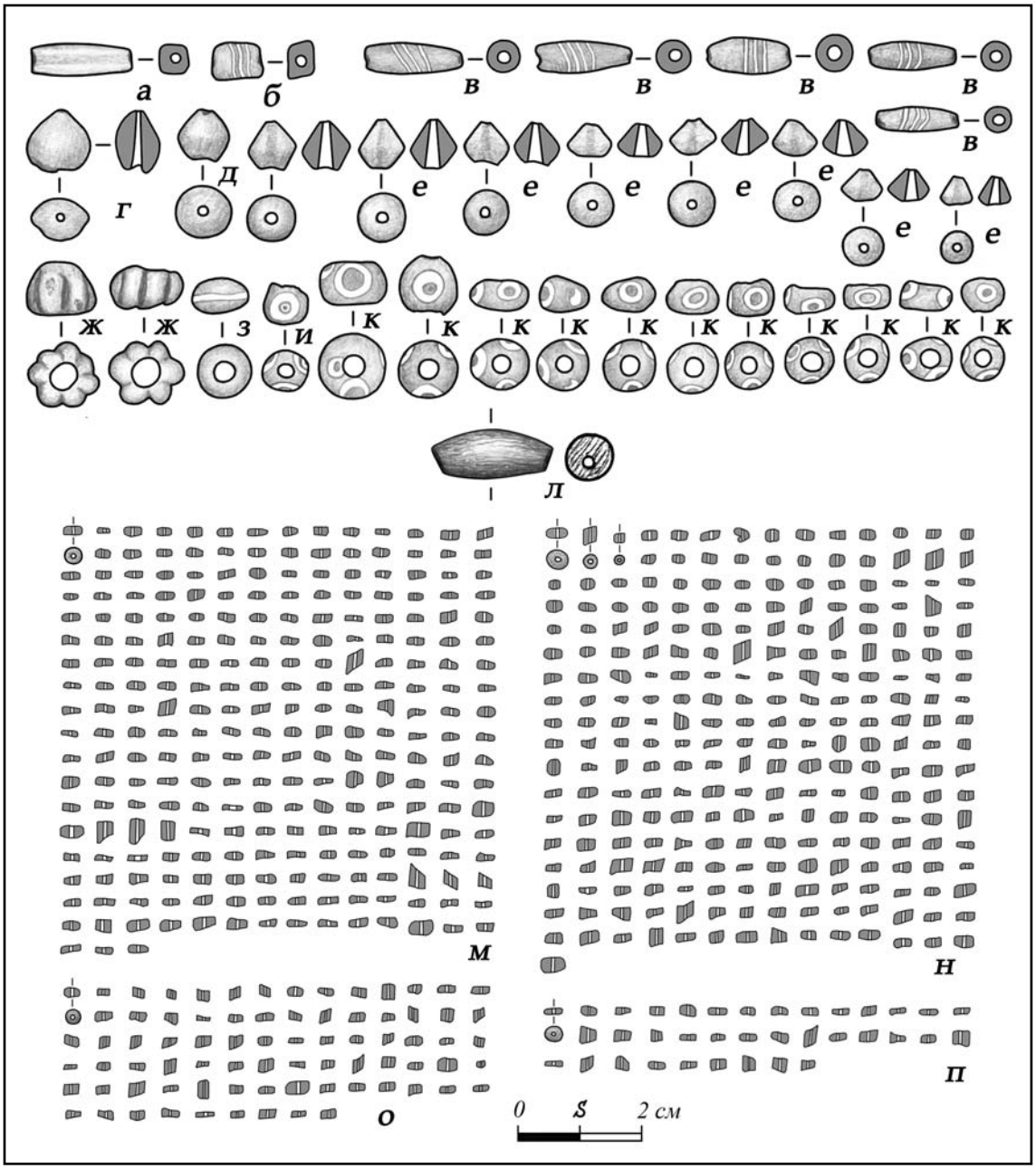

Рис. 9. Находки из северной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 9. Finds from the northern funerary chamber of catacomb 116/1.

ния 9×8,5 мм, диаметр отверстия 1,5—3 мм (рис. 8: 2б);

— подпризматическая пронизь из прозрачного белого стекла, квадратная в сечении. Длина пронизи 20 мм, размеры сечения 6,5×5,5 мм, диаметр отверстия 1,5—2 мм (рис. 8: 2в);

— уплощённая ромбовидная пронизь из прозрачного белого стекла, подпрямоугольная в сечении, с закруглёнными торцами. Длина пронизи 15 мм, размеры сечения 12×6,1 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 8: 2г);

— трубчатая пронизь из прозрачного синего стекла. Длина пронизи 14,5 мм, диаметр 5,6—6 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 8: 2д);

— трубчатая пронизь из прозрачного синего стекла с тремя белыми линиями. Длина пронизи 14 мм, диаметр 5,7 мм, диаметр отверстия 3 мм (рис. 8: 2е);

— молоточковидная бусина из прозрачного синего стекла. Высота бусины 4,5 мм, размеры 11,1×5 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 8: 2ж);

— округлая поперечно-сжатая бусина из жёлтого стекла с тремя светло-синими глазками с белыми колечками внутри. Высота бусины 10,5 мм, диаметр 13,5 мм, диаметр отверстия 5,4 мм (рис. 8: 2з);

— округлая поперечно-сжатая бусина из голубого стекла с тремя светло-синими глазками с белыми колечками внутри. Высота бусины 10,5 мм, диаметр 15 мм, диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 8: 2и);

— две округлые поперечно-сжатые бусины из синего стекла с тремя жёлтыми глазками с синими зрачками. Высота бусин 9 мм и 7,8 мм, диаметр 15,3 мм и 13 мм, диаметр отверстий 5,6 мм и 5 мм (рис. 8: 2к);

— пять округлых поперечно-сжатых бусин из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синими зрачками. Высота бусин 9 мм, 9 мм, 9,3 мм, 7,7 мм и 6 мм, диаметр 14,5 мм, 14,5 мм, 12,2 мм, 12,3 мм и 11 мм, диаметр отверстий 7,4 мм, 6,5 мм, 5,5 мм, 4,5 мм и 5 мм (рис. 8: 2л);

— три округлые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла с белыми линиями. Высота бусин 11 мм, 6,2 мм и 6 мм, диаметр 14,5 мм, 13,5 мм и 10,2 мм, диаметр отверстий 4,5 мм, 5 мм и 5 мм (рис. 8: 2м);

— округло-ребристая поперечно-сжатая бусина из прозрачного голубого стекла. Высота бусины 7,5 мм, диаметр 11,5 мм, диаметр отверстия 4,7 мм (рис. 8: 2н);

— округло-ребристая бусина из прозрачного зелёного стекла. Высота бусины 10,5 мм, диаметр 10,5 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 8: 2о);

— три округло-ребристые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла. Высота бусин 8,5 мм, 9,2 мм и 8 мм, диаметр 13,5 мм, 10 мм и 11,7 мм, диаметр отверстий 5,3 мм, 3,4 мм и 4 мм (рис. 8: 2п);

— четыре округло-ребристые поперечно-сжатые бусины из непрозрачного синего стекла. Высота бусин 8,7 мм, 9,2 мм, 9,3 мм и 9 мм, диаметр 10,5 мм, 12,5 мм, 10 и 9,3 мм, диаметр отверстий 4,3 мм, 5 мм, 3 мм и 4,6 мм (рис. 8: 2р).

19. Двадцать стеклянных бусин, лежавших у левого плеча и локтя костяка 2:

— фрагмент цилиндрической бусины из жёлтого стекла с двумя носатыми лицами (сохранилось одно) с синими глазами с белым зрачком с синей точкой в центре. Над лицом сохранились две симметрично расположенные накладные шишечки из глухого белого стекла. Высота сохранившейся части бусины 23 мм, диаметр 22 см, диаметр отверстия 12 мм (рис. 8: 3а);

— округлая поперечно-сжатая бусина из прозрачного синего стекла с пятью белыми глазками с синим зрачком. Высота бусины 12 мм, диаметр 18,7 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 8: 3б);

— округлая сферическая бусина из прозрачного белого стекла. Высота бусины 13 мм, диаметр 14,5 мм, диаметр отверстия 3,3 мм (рис. 8: 3в);

— три округлые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синим зрачком. Высота бусин 11,5 мм, 5,4 мм и 7 мм, диаметр 14 мм, 11 мм и 10 мм, диаметр отверстий 6 мм, 3,5 мм и 4 мм (рис. 8: 3г);

— округло-ребристая поперечно-сжатая бусина из синего стекла с белой поперечной линией. Высота бусины 7,5 мм, диаметр 11,5 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 8: 3д);

— округло-ребристая поперечно-сжатая бусина из прозрачного голубого стекла. Высота бусины 7,1 мм, диаметр 12,7 мм, диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 8: 3е);

— биконическая бусина из непрозрачного жёлтого стекла. Высота бусины 6 мм, диаметр 7,7 мм, диаметр отверстия 1,5—2,5 мм (рис. 8: 3ж);

— две биконические бусины из прозрачного оранжевого стекла. Высота бусин 7 мм и 4,4 мм, диаметр 8 мм и 5,2 мм, диаметр отверстий 2—3 мм и 1—2 мм (рис. 8: 3з);

— шесть округло-ребристых поперечно-сжатых бусин из прозрачного синего стекла. Высота бусин 7 мм, 8 мм, 8,2 мм, 9,2 мм, 9 мм и 8,3 мм, диаметр 12,5 мм, 12,6 мм, 12 мм, 12,5 мм, 10,8 мм и 10,7 мм, диаметр отверстии 6,2 мм, 6 мм, 5,2 мм, 3,7 мм, 3,3 мм и 3,8 мм (рис. 8: 3и);

— две бипирамидальные пронизи из прозрачного белого стекла, квадратные в сечении. Длина пронизей 21 мм и 19 мм, размеры сечений 9×8,5 мм и 8×8,6 мм, диаметр отверстий 2—2,5 мм и 1,8—2 мм (рис. 8: 3к);

— трубчатая пронизь из прозрачного синего стекла с тремя поперечными белыми линиями. Длина пронизи 12 мм, диаметр 6 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 8: 3л).

20. Амулет (подвеска?) из клыка кабана длиной около 68 мм. Зафиксирован в 12 фрагментах (рис. 8: 4).

Устье дромоса №2 шириной 1,1 м (по дну) и высотой 0,65 м располагалось в восточной стенке входной ямы. Над устьем зафиксирован рельефный знак в виде буквы V, выступающий на 0,03 м над плоскостью стенки. Длина обеих гаст «буквы» достигала 1,2 м, ширина — 0,08 м. Расстояние между гастами в верхней

части составляло 1,75 м. Знак рельефный, был вырезан путём длительного стёсывания окружающей его поверхности на восточной стенке входной ямы. Нижнее основание буквы V находилось в 0,08 м точно над верхней точкой дромоса №2 (рис. 10: 1).

Подпрямоугольный в плане *дромос №2* длиной 1 м, шириной 1,1 м и высотой 0,65 м был ориентирован по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. Свод дромоса двускатный, стенки расширяются от пяты свода ко дну. В совокупности свод, стенки и дно образуют симметричную фигуру с хорошо выделенными углами (рис. 3: 3).

На переходе из дромоса в восточную погребальную камеру обнаружено кремнёвое орудие (1), по всей видимости, использовавшееся для вырезания рельефного знака над входом в дромос, а также для заглаживания и орнаментации стенок и сводов входной ямы, дромосов и камер.

Описание находки.

1. Орудие на массивном отщепе подтреугольной формы размерами 117×54×15 мм. Кремень днестровский, светло-серый непрозрачный, на спинке остатки окатанной желвачной корки. По продольным краям ретушь утилизации, залощенность от работы (рис. 10: 5).

Подпрямоугольная в плане *восточная погребальная камера* длиной 2,55 м, шириной 1,60 м (по северной стенке) и 1,40 м (по южной стенке), высотой 1,30 м была ориентирована по линии север — юг. Свод камеры полностью обрушился, однако, судя по сохранившейся западной части северной торцевой стенки, он был двускатный. Ровное дно находилось на глубине –3,32 м от уровня древнего горизонта (–3,62 м от R_0).

При расчистке камеры обнаружены останки взрослого человека, находившиеся внутри прямоугольного деревянного гробовища в виде ящика размерами 2×0,85 м и высотой ок. 0,25 м. На дно камеры по линии запад — восток параллельно друг другу, но на различном расстоянии одна от другой, были положены пять досок длиной 0,75 м, толщиной 0,05 м и шириной 0,08 м, 0,14 м, 0,16 м, 0,18 м и 0,22 м. Вдоль торцов этого настила по линии север — юг были установлены вертикально две доски длиной 2 м, шириной 0,25 м (западная) и 0,15 м (восточная), и толщиной 0,05 м. Также вертикально были установлены две параллельные настилу плахи длиной 0,85 м, шириной 0,20 м (северная) и 0,15 м (южная), и толщиной 0,05 м, которые с севера и с юга замыкали раму из вертикально стоящих плах. Все вертикально стоящие доски были окрашены снаружи в красный цвет. Их соединение (длинных и коротких досок) осуществлялось при помощи шипов и пазов. На одном из фрагментов вертикально установленной короткой доски (за головой погребённого) паз сохранился (1). Дно ящика было застелено тканью (3). Предположительно, она фиксировалась при помощи четырёх деревянных колышков, один из которых был найден слева в изголовье погребённого (2) (рис. 3: 2).

Описание находок.

1. От гробовища удалось снять и законсервировать фрагмент правого борта и фрагмент его верхнего (северного) торца:

— фрагмент правого борта гробовища, окрашенный красной краской. Длина фрагмента 560 мм, размеры сечения 85×30 мм (рис. 10: 2);

— фрагмент верхнего торца гробовища, окрашенный красной краской. Длина фрагмента 190 мм, реконструируемые размеры сечения около 70×50 мм. На окончании плахи пропилен паз шириной 15 мм и глубиной около 25 мм (рис. 10: 3).

2. Колышек, изготовленный из дерева твёрдой породы. Длина сохранившейся части колышка 48,5 мм, размеры сечения 8×4 мм (рис. 10: 6).

3. Фрагмент ткани типа мешковины продольно-поперечного плетения (рис. 10: 4).

Погребённый лежал в центре ящика в вытянутом положении на спине, головой на север. Голова находилась на самой северной и самой широкой (0,22 м) доске настила. Руки, слегка согнутые в локтях, были уложены кистями на таз, ноги прямые.

Состав и расположение инвентаря. За пределами гробовища, у его северо-западного угла, стояла миска (1) с костями от жертвенной пищи и с ножом (6). У западной стенки гробовища находились два копья (13, 14). У северо-восточного угла гробовища найдено серебряное кольцо (2).

Выше правого плеча погребённого, остриём в сторону виска, лежал нож (7). Справа и слева от левой плечевой кости найдены две железные фибулы (4, 5), справа, в области груди — бронзовая фибула (3). С внешней стороны нижней части правой плечевой кости зафиксирован кожаный футляр от ножа (9), сам нож (8) находился под футляром. В 0,17 м к западу от правого крыла таза найден составной браслет (15). По центру тазовых костей лежал железный крючок-застёжка (10), у левого бедра — наконечники стрел (11) в кожаном колчане подпрямоугольной формы шириной

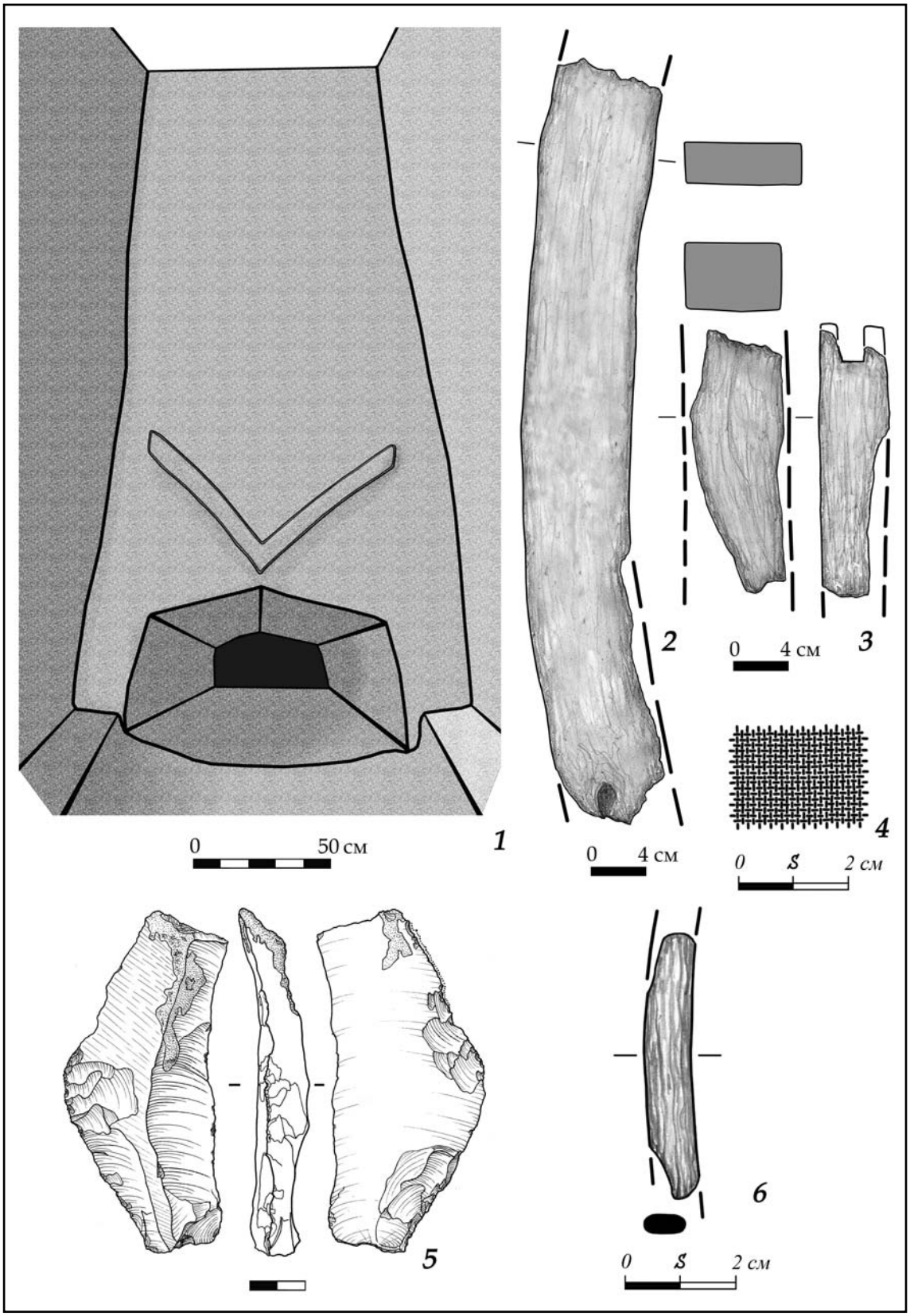

Рис. 10. Рельефный знак над входом в дромос восточной погребальной камеры (1), фрагменты деревянного гробовища (2, 3), фрагмент ткани со дна гробовища (4), орудие для орнаментации (5), деревянный колышек (6).

Fig. 10. A relief sign above the entrance to the dromos of the eastern burial chamber (1), fragments of a wooden coffin (2, 3), a piece of cloth from the bottom of the coffin (4), a tool for ornamentation (5), a wooden stick (6).

0,2 м и отмеченной длиной 0,22 м. Ниже правого коленного сустава находился железный топор (12), тлен от деревянной рукояти которого зафиксирован на длину 0,1 м (рис. 11).

Описание находок.

1. Лепная сероглиняная миска со слегка отогнутым венчиком (край уплощён под углом около 30°), выделенным с внутренней стороны уступом-утолщением, с вогнуто-коническим туловом и слегка вогнутым дном. Тесто с примесью шамота. Поверхности подлощены. Высота миски 150 мм; диаметр венчика 282 мм, высота венчика около 15 мм; диаметр тулова в месте изгиба около 240 мм; диаметр дна 102 мм. Толщина венчика 7—10 мм, толщина стенок 9—11 мм; толщина дна 11 мм, вогнуто на 1 мм (рис. 12: 1).

2. Серебряное кольцо с заходящими друг за друга окончаниями. Диаметр кольца 16,7 мм, диаметр проволоки до 2,5 мм (рис. 12: 5).

3. Бронзовая проволочная раннелатенская фибула. Пружина шестивитковая, с нижней тетивой. Высокая выгнутая спинка раскована в овальную пластину размерами 17,5×8 мм. Длина фибулы 34,5 мм, высота 13 мм, размеры сечения спинки 8×1,5 мм, ширина пружины 14 мм, диаметр пружины 5 см, диаметр иглы 1,5 мм (рис. 12: 2).

4. Железная проволочная раннелатенская фибула. Пружина шестивитковая, с нижней тетивой. На треугольно изогнутой спинке, ближе к пружине, находится шарик. Аналогичный шарик расположен на окончании ножки, которая не скреплена со спинкой. Ниже шарика на ножке находится конусовидная манжета, соединённая в древности своим большим основанием с нижней частью шарика. Длина фибулы 45 мм, высота 18 мм, ширина пружины 16 мм, диаметр пружины около 8 мм, диаметр проволоки на спинке до 4,5 мм, диаметр сечения иглы 1,5 мм, диаметр шариков около 9 мм (рис. 12: 3).

5. Железная проволочная раннелатенская фибула. Основная пружина шестивитковая, с нижней тетивой. На низкой плавно изогнутой спинке ближе к пружине находится шарик. Ножка заканчивается фальшивой четырёхвитковой пружиной с нижней тетивой. Длина фибулы 50 мм, высота 15 мм, ширина основной пружины 19 мм, ширина фальшивой пружины 11 мм, диаметр основной пружины 9 мм, диаметр фальшивой пружины 8 мм, диаметр сечения проволоки на спинке до 4 мм, диаметр сечения иглы 1,5 мм (рис. 12: 6).

6. Железный нож (из миски) с дуговидной спинкой и прямым лезвием. Черенок выделен слабо, деревянная рукоять истлела. Длина сохранившейся части ножа 146 мм, реконструируемая длина ножа 156 мм. Длина сохранившейся части лезвия 102 мм, реконструируемая длина лезвия 112 мм. Размеры сечения клинка 26×5 мм (рис. 12: 4).

7. Железный боевой нож (у правого плеча погребённого) сильно фрагментирован. Спинка почти прямая, лезвие дуговидное. Черенок выделен, деревянная рукоять истлела. Длина сохранившейся части ножа 135 мм. Размеры сечения клинка 21×11 мм (рис. 12: 7).

8. Железный нож (у правого локтя погребённого) с дуговидной спинкой и прямым лезвием. Черенок выделен слабо, деревянная рукоять истлела. Длина лезвия 125 мм, длина клинка около 90 мм. Размеры сечения клинка 15×3 мм. С одной стороны к лезвию прикипела кожа от ножен, с другой — ткань подстилки (рис. 12: 8).

9. От кожаного футляра ножа, лежавшего у правого локтя погребённого, сохранился фрагмент чёрного цвета размерами 46×32 мм и толщиной до 12 мм (рис. 12: 9).

10. Железный стержневой крючок-застёжка, верхняя треть которого клювовидно согнута, а остальная часть — раскована в узкую подпрямоугольную пластину, сегментовидную в сечении. Стержень округлый в сечении. В нижней части пластины, ближе к середине, находится массивный Т-образный крепёжный выступ с горизонтальной перекладиной. Длина крючка 111 мм; ширина раскованной пластины до 18 мм, толщина — до 11 мм. Диаметр сечения верхней части до 9 мм. Длина выступа 4 мм, сечение квадратное, размерами 8×8 мм. Длина перекладины 27 мм, сечение прямоугольное, размерами 8×4 мм (рис. 12: 10).

11. Наконечники стрел из колчана (44 экз.):

— бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с лавролистной головкой и выступающей втулкой. У основания одной из лопастей находится шип, окончание которого обломано в древности. Длина наконечника 36,5 мм, длина втулки 18 мм, диаметр втулки 6 мм (рис. 12: 12);

— бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой и короткой выступающей втулкой. Окончания двух лопастей разрушились: уцелевшее окончание срезано ко втулке под острым углом и оформлено как шип. Длина наконечника 34 мм, длина втулки 13 мм, диаметр втулки 5,3 мм. С одной стороны между лопастями расположено отверстие размерами 4,3×1,8 мм, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 12: 13);

Рис. 11. План восточной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 11. Plan of the eastern burial chamber of catacomb 116/1.

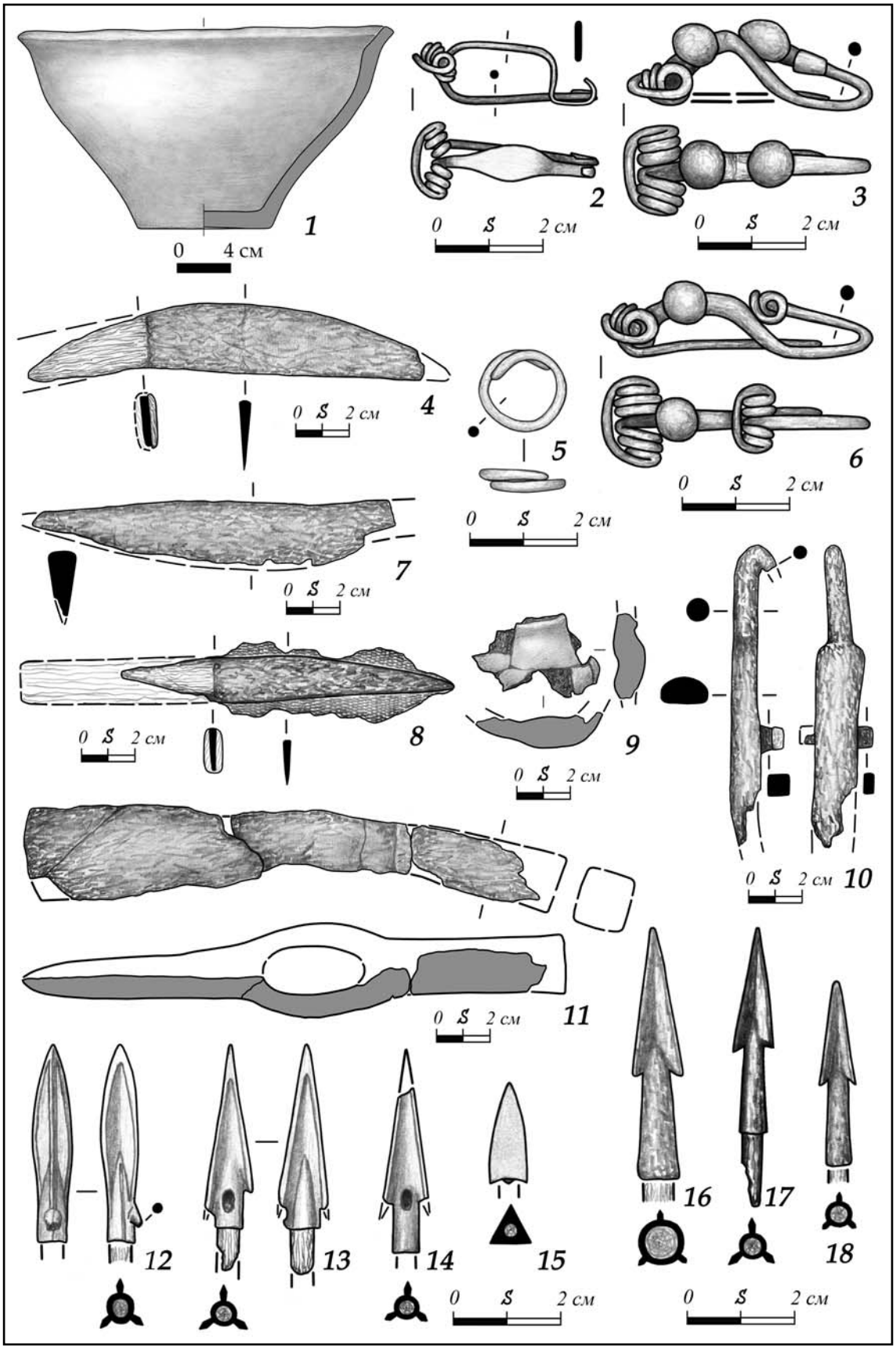

Рис. 12. Находки из восточной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 12. Finds from the eastern burial chamber of catacomb 116/1.

— бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой и выступающей втулкой. Окончания лопастей разрушились. Длина наконечника до 38 мм, длина втулки 12 мм, диаметр втулки 5 мм. С одной стороны между лопастями расположено отверстие размерами 4×2 мм, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 12: 14);

— бронзовый трёхгранный наконечник стрелы со сводчатой головкой и скрытой втулкой. Длина наконечника 19 мм, диаметр втулки 3 мм (рис. 12: 15);

— железные наконечники стрел (40 экз.) с треугольными головками и длинными выступающими втулками скипелись в обойму. Окончания лопастей срезаны ко втулкам под острым углом. Длина наконечников от 34 мм до 48 мм, длина втулок от 16 мм до 24 мм, диаметр втулок от 6 мм до 9 мм (рис. 12: 16—18).

12. Железный однолезвийный топор дуговидной формы, сильно фрагментирован. Длинный и узкий клинок плавно расширяется от овального проуха к лезвию. Обух длинный, подквадратный в сечении. Длина топора около 200 мм, длина лезвийной части около 80 мм, длина обуха около 65 мм. Ширина лезвия 35 мм, размеры сечения обуха 21×20 мм, размеры проуха 37×17 мм (рис. 12: 11).

13. От копья №1 (находилось дальше от тела погребённого) сохранились наконечник и вток, лежавшие *in situ*. Общая длина копья составляла 1,35 м. Железный наконечник копья, подтреугольный, с кольцевидным утолщением основания втулки. Перо овальное в сечении, резко переходит во втулку под прямым углом. Длина наконечника 375 мм, длина пера 235 мм, длина втулки 140 мм. Максимальные размеры сечения пера около 38×15 мм. Диаметр утолщения основания втулки 26 мм; высота утолщения 9 мм. Диаметр втулки выше утолщения до 21 мм. Внутренний диаметр втулки до 18 мм; постепенно сужается в направлении пера (рис. 13: 1). Во втулке сохранились остатки древка диаметром 17 мм (рис. 13: 2). Вток копья железный, пиковидный, с несомкнутой втулкой, свёрнутой из плоской пластины. Остриё круглое в сечении, слегка расширяется в центральной части. Длина втока 186 мм, длина втулки 65 мм. Диаметр основания втулки до 20 мм, внутренний диаметр — 15,5 мм, диаметр втока ниже втулки 12 мм, максимальный диаметр острия втока 16 мм. Во втоке сохранились остатки древка (рис. 13: 3).

14. От копья №2 (находилось ближе к телу погребённого) сохранились наконечник и вток, лежавшие *in situ*. Общая длина копья составляла 2,1 м. Железный наконечник копья, остролистый, с кольцевидным утолщением основания втулки. Перо ромбическое в сечении, с чётко выраженными гранями. Длина наконечника 412 мм, длина пера 272 мм, длина втулки 140 мм. Максимальные размеры сечения пера около 44×22 мм. Диаметр утолщения основания втулки 30 мм; высота утолщения 10 мм. Диаметр втулки выше утолщения до 22 мм. Внутренний диаметр втулки до 21 мм; постепенно сужается в направлении пера. Во втулке сохранились остатки древка диаметром 20 мм (рис. 13: 4). Вток копья железный, конический, с несомкнутой втулкой, свёрнутой из плоской пластины. Длина втока 97 мм, диаметр до 21 мм. Внутренний диаметр основания втулки до 15 мм, диаметр торца втулки около 10 мм. Толщина пластины у края втулки 3 мм. Во втоке сохранились остатки древка (рис. 13: 5).

15. Браслет из семи чередовавшихся голубых и синих стеклянных бусин и бронзовой пронизи, лежавший справа у таза погребённого, был надет на кожаный шнурок (рис. 13: 6):

— три округлые поперечно-сжатые бусины из прозрачного синего стекла с тремя белыми глазками с синим зрачком. Высота бусин 12,6 мм, 10,7 мм и 11 мм, диаметр 14,6 мм, 13,9 мм и 14,7 мм, диаметр отверстий 4,5 мм, 4,5 мм и 6 мм (рис. 13: 7а);

— четыре округлые поперечно-сжатые бусины из прозрачного голубого стекла с тремя синими глазками с белым колечком внутри. Высота бусин 11,7 мм, 10,8 мм, 10,5 мм и 10 мм, диаметр 14,1 мм, 14 мм, 12,5 мм и 13,7 мм, диаметр отверстий 5 мм, 4,5 мм, 4,4 мм и 5,5 мм (рис. 13: 7б);

— бронзовая пронизь цилиндрической формы, свёрнутая из пластины толщиной 0,7 мм, служила зажимом для кожаного шнурка. Длина пронизи 10 мм, диаметр 9 мм. По диаметру пронизь обжата бронзовым кольцом диаметром 12—12,5 мм. Диаметр проволоки около 2 мм (рис. 13: 7в).

Погребение 2 (скифское, впускное) обнаружено в Южной бровке, в 0,5 м на восток и в 6,5 м на юг от R_0. Совершено в катакомбе (рис. 14: 3). Входная яма располагалась между западным разрывом рва и входной ямой основного погребения, на одной линии с ними.

Прямоугольная в плане *входная яма* размерами 2,25×1,25 м и глубиной –3,16 м от R_0 была ориентирована по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. Ко дну, за счёт наклона стен, длина ямы увеличилась до 2,5 м, а ширина у восточной стенки — до 1,4 м. На стенах зафиксированы следы ору-

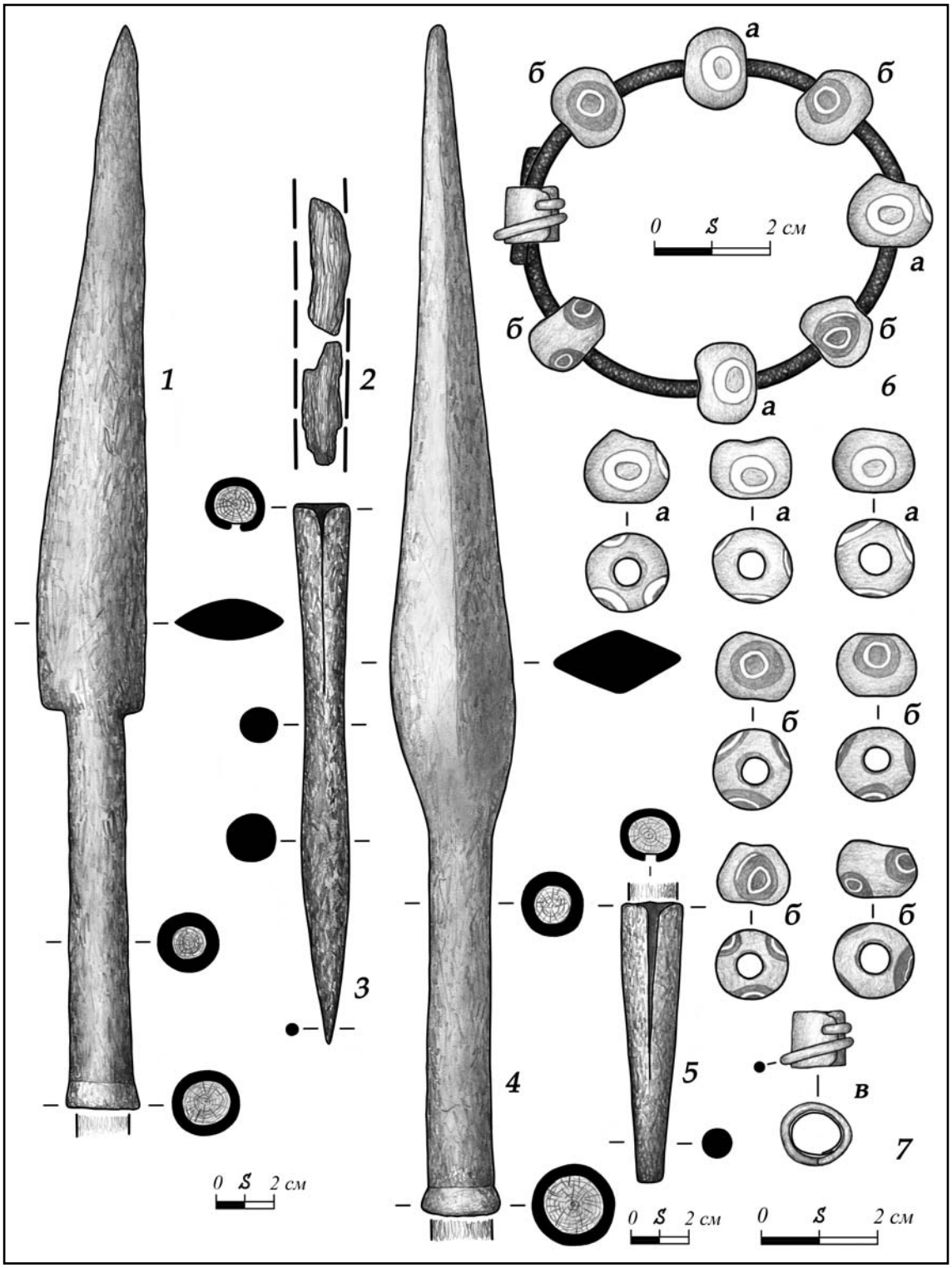

Рис. 13. Находки из восточной погребальной камеры катакомбы 116/1.

Fig. 13. Finds from the eastern burial chamber of catacomb 116/1.

дий шириной 5—6 см. Спуск в яму осуществлялся при помощи трёх угловых (юго-запад) и одной сплошной (у западной стенки) ступеней, устроенных на глубинах –1 м, –1,44 м, –1,77 м и –2,50 м от R_0. На глубине –2,85 м от R_0 в дне была вырыта выемка длиной 1,9 м и глубиной 0,31 м, основанием которой служило устье дромоса. Дно выемки плавно понижалось к дромосу, участки материка вдоль длинных сторон имели вид уступов шириной

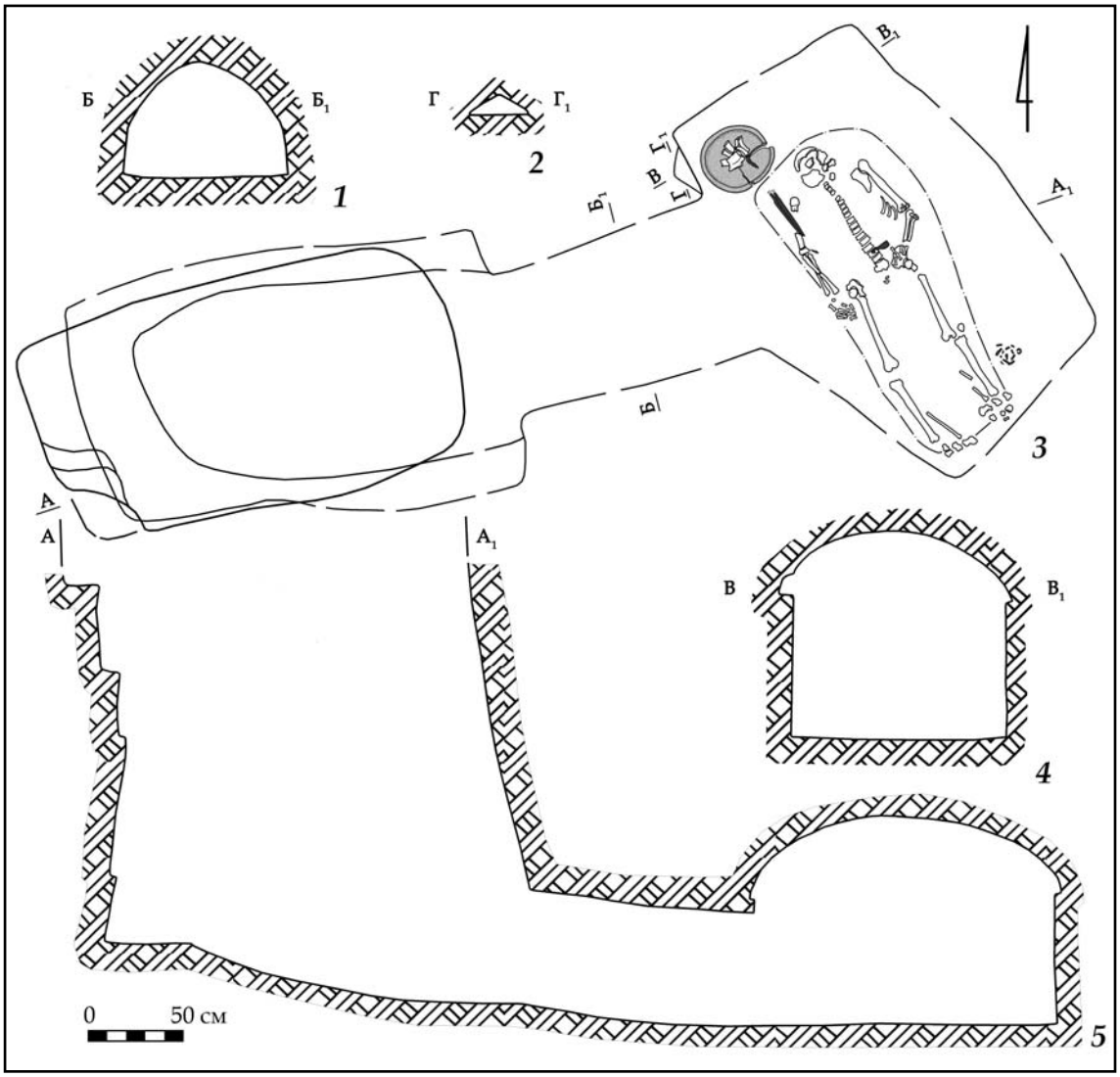

Рис. 14. План и разрезы погребения 116/2.

Fig. 14. Plan and sections of burial 116/2.

0,10 м (рис. 14: 5). Заполнение ямы состояло из рыхлой материковой глины со значительной примесью чернозёма.

Устье дромоса шириной 0,9 м (по дну) и высотой 0,65 м располагалось в восточной стенке входной ямы. Подпрямоугольный в плане *дромос* длиной 1,2 м, шириной 0,8—0,9 м и высотой 0,6 м был ориентирован по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. Свод дромоса арочный (рис. 14: 1).

Подпрямоугольная в плане *погребальная камер*а длиной 2,1 м, шириной и высотой 1,1 м, была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В сечении камера имела форму арки, свод и стены были грубо заглажены. Свод был отделён от длинных стен камеры карнизом шириной 0,02—0,03 м, расположенным на высоте 0,66 м от дна. Ровное дно находилось на глубине –3,26 м от R_0 (рис. 14: 3—5).

На заглаженном своде и длинных стенках камеры сохранился прочерченный орнамент, воспроизводивший каркасную конструкцию. Свод и длинные стенки камеры были покрыты горизонтальными и вертикальными взаимноперпендикулярными линиями. Расстояние и между горизонтальными линиями, и между вертикальными варьировалось в пределах 0,15—0,20 м. На торцевых стенах зафиксированы линии, дублирующие сечение камеры на расстоянии 0,06 м от их стыков со сводом и длинными стенками (рис. 15: 1).

В северо-западном углу камеры, на высоте 0,73 м от дна, была устроена ниша шириной 0,30 м, высотой 0,12 м и глубиной 0,10 м (рис. 14: 2, 4). Находок в нише не обнаружено.

Вероятно, она предназначалась для светильника, вынесенного из камеры после совершения погребения.

При расчистке камеры обнаружены останки взрослого человека, лежавшего в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и кистью уложена на таз, ноги прямые. Под костяком отмечен светло-серый тлен от растительной подстилки, под которым залегал чёрный ворсистый тлен от войлочной подстилки.

Состав и расположение инвентаря. Справа в изголовье погребённого, под нишей, в северо-западном углу камеры стояла миска (1) с костями от жертвенной пищи и ножом (3). С юга к миске примыкала пара боевых ножей (4, 5), положенных параллельно телу погребённого и поверх его правого плеча. У правого локтя с внутренней стороны локтевого сустава находился бронзовый наконечник стрелы (2) остриём на северо-запад. У основания таза, со смещением влево, лежал железный крючок-застёжка (6). К востоку от левой голени обнаружено скопление железных предметов конской упряжи — удила (7), пара псалиев (8), пара трензельных колец (9) (рис. 15: 2).

Описание находок.

1. Лепная сероглиняная миска с горизонтально-уплощённым Т-образным венчиком с закруглёнными краями, с вогнутым туловом и плоским дном. Тесто с примесью шамота. Поверхности подлощены. Высота миски 155—167 мм; диаметр венчика 370 мм, высота венчика до 10 мм; диаметр тулова в месте изгиба около 330 мм; диаметр дна 135 мм. Толщина венчика 18—20,5 мм, толщина стенок 10—13 мм; толщина дна 20 мм (рис. 16: 1).

2. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой и выделенной втулкой. Длина наконечника до 32 мм, длина втулки 12 мм, диаметр втулки 5,5 мм (рис. 16: 3).

3. Железный нож с дуговидной спинкой и изогнутым лезвием. Черенок не выделен, роговая рукоять фрагментирована. Роговые пластины рукояти крепились к черенку при помощи железной заклёпки. Длина сохранившейся части ножа 80 мм, длина сохранившейся части лезвия 41 мм. Размеры сечения клинка 22×4 мм. Ширина ручки до 21 мм, толщина — до 8 мм. Длина заклёпки около 6 мм, диаметр — около 1,5 мм (рис. 16: 2).

4. Железный боевой нож (лежал сверху) с прямыми спинкой и лезвием. Остриё обломано, черенок не выделен, деревянная рукоять истлела. Длина сохранившейся части ножа 255 мм, длина черенка 33 мм. Размеры сечения клинка 19×4 мм (рис. 16: 5а, б).

5. Железный боевой нож (лежал снизу) с прямыми спинкой и лезвием. Остриё обломано, черенок не выделен, деревянная рукоять истлела. Длина сохранившейся части ножа 241 мм, длина черенка 22 мм. Размеры сечения клинка 18×4 мм (рис. 16: 5а, в).

6. Железный стержневой крючок-застёжка, одно из окончаний которого клювовидно согнуто, а второе — расковано в асимметрично-ромбическую узкую пластину, линзовидную в сечении. Пластина слегка изогнута по центру, на противоположной «клюву» части изнутри расположена подпрямоугольная П-образная в сечении выемка. Длина крючка 82 мм. Ширина спинки до 26 мм, толщина — до 6 мм. Диаметр сечения «клюва» 5 мм, размеры выемки 13×9 мм (рис. 16: 4).

7. Железные двухчастные (во фрагментах сохранилось одно звено) удила с прямыми округлыми в сечении грызлами. Реконструируемая длина грызла около 100 мм, диаметр окончания (петли) 19 мм, диаметр сечения грызел до 11 мм (рис. 16: 7).

8. Пара железных С-видных двудырчатых псалиев (частично сохранился один) с 8-образной уплощённой средней частью. Стержни на сохранившемся участке подквадратные в сечении. Реконструируемая длина псалиев около 160 мм, диаметр отверстий около 4 мм, размеры сечения стержня 14×14 мм (рис. 16: 8).

9. Пара круглых железных трензельных колец с сомкнутыми окончаниями. Стержень округлый в сечении. Диаметр колец 23 мм и 24 мм, диаметр сечения колец около 3 мм (рис. 16: 6).

* * *

При анализе материалов из кургана 116 у с. Глиное необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Кольцевой ров с двумя разрывами является наиболее распространённым внекурганным сооружением скифских насыпей Северо-Западного Причерноморья (Синика 2007а: 22; 2007б: 128). Тризны в виде амфорного боя, костей животных и фрагментов лепных сосудов часто фиксируются в заполнении рвов скифских курганов. В частности, фрагменты амфор найдены в заполнении всех рвов на могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 933, табл. 28). В то же время, находки каменных плит/плиток/абразивов во рвах, как в кургане 116, достаточно редки. В Северо-Западном Причер-

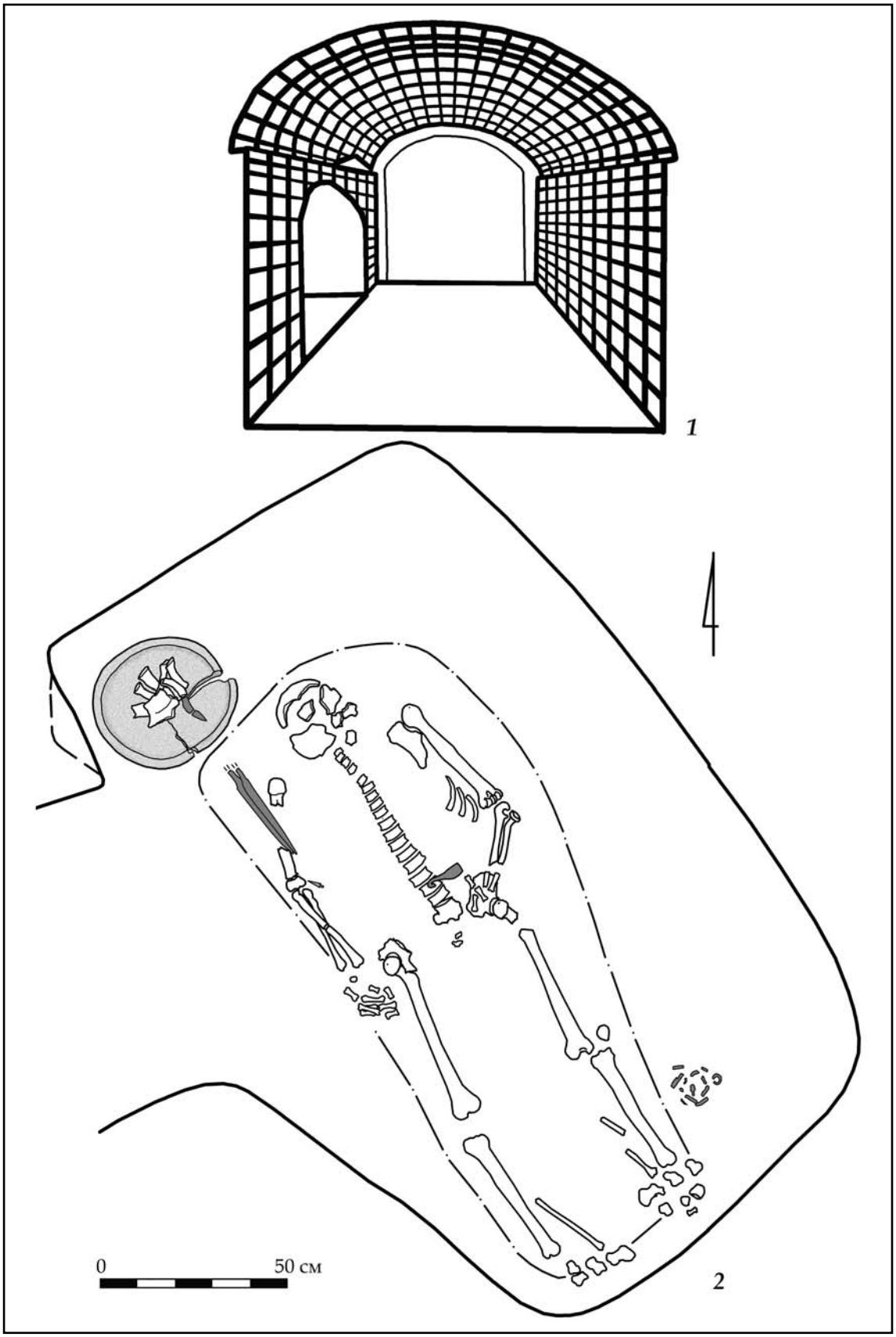

Рис. 15. Реконструкция орнаментации погребальной камеры катакомбы 116/2 (1) и план камеры (2).

Fig. 15. Reconstruction of the ornamentation of the burial chamber of catacomb 116/2 (1), and the plan of the chamber (2).

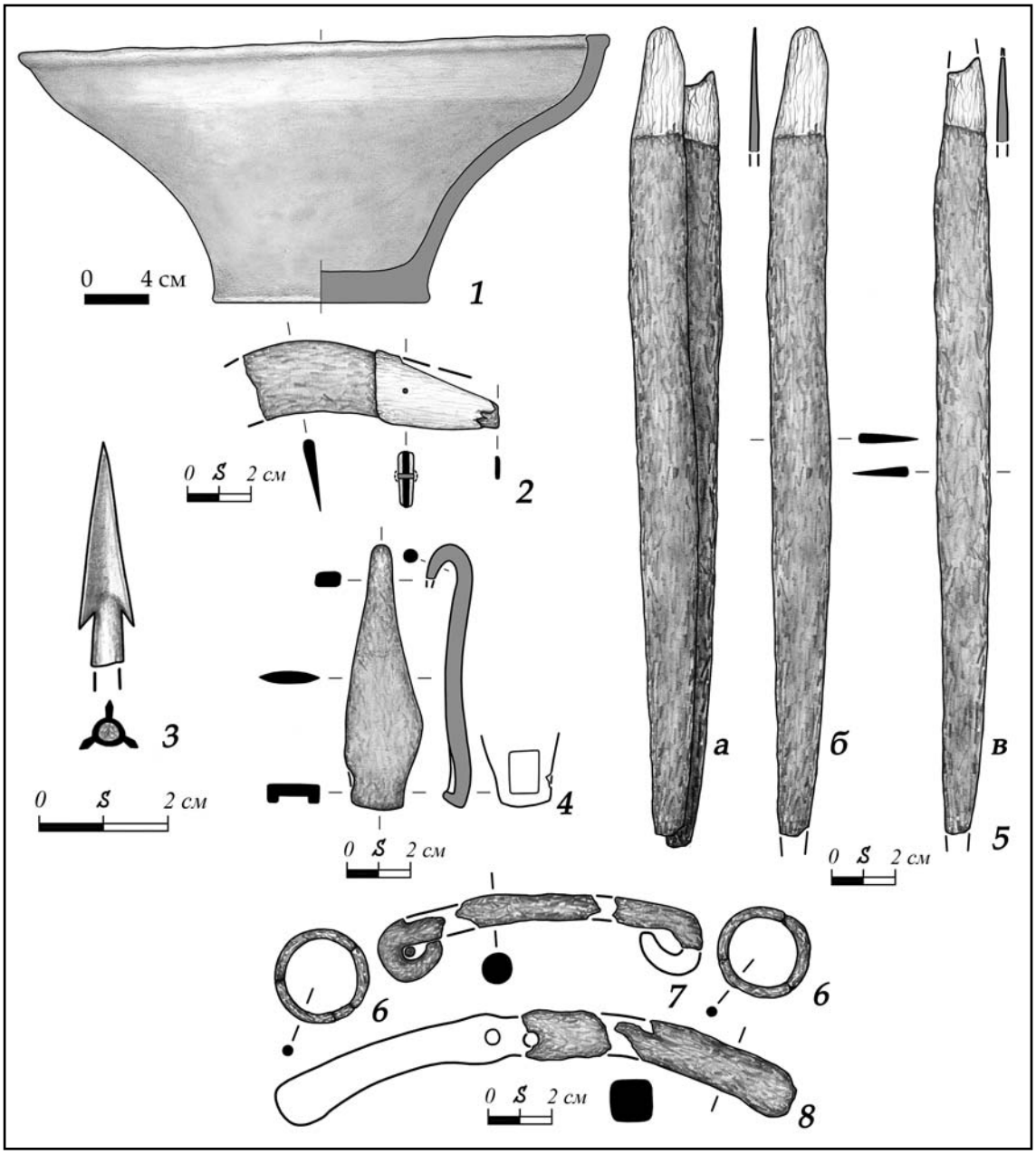

Рис. 16. Находки из катакомбы 116/2.

Fig. 16. Finds from catacomb 116/2.

номорье подобные случаи отмечены в кургане 1 могильника Плавни I (два плоских камня у западного окончания южной дуги рва) (Суничук, Фокеев 1984: 104), в курганах 27 (большая необработанная плита у западного окончания южной дуги рва) и 28 (по одному крупному камню у восточного окончания северной дуги рва и западного окончания южной дуги рва) у с. Нагорное на левобережье Нижнего Дуная (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 66, 69, рис. 26: 1; 27: 1), а также в курганах 1 (каменная плита в западной части южной дуги рва), 14 (небольшой камень в западной части южной дуги рва) и 15 (обработанный камень у западного окончания северной дуги рва) могильника у с. Дивизия (Субботин и др. 1992: 15—17, рис. 11: 1, 19; 12: 2) в Дунай-Днестровском междуречье. На левобережье Нижнего Днестра плита (абразив?) из ракушечника была обнаружена во рву кургана 9 группы «Сад» у с. Глиное, исследованного в 2017 г.[2].

[2] Раскопки авторов, материалы в печати.

Крайне интересна планиграфия публикуемого кургана. Разрывы рва, а также входные ямы погребений 1 и 2 находятся на одной линии. С учётом подтверждённой данными стратиграфии разновременности совершения основного и впускного погребений, погребальные камеры которых (восточная камера основного захоронения 1 и единственная камера впускного погребения 2) расположены к востоку от входных ям, необходимо отметить, что размещение всех элементов курганного комплекса (рва, основной и впускной катакомб) было спланировано заранее.

Впускное погребение 2 было совершено в катакомбе V типа[3], которая дополняет число подобных погребальных сооружений, во-первых, на могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное (где ранее были выявлены 24 такие катакомбы), во-вторых, на левобережье Нижнего Днестра, и в-третьих, в Северо-Западном Причерноморье (Тельнов и др. 2016: 683).

Значительно более интересна конструкция основного погребения 1, совершённого в комбинированной катакомбе типа III + I. До исследования кургана 116 на могильнике у с. Глиное было выявлено всего восемь подобных комбинированных катакомб — 3/1, 22/2, 47/1, 65/1, 68/1, 75/1, 94/2, 106/1. Как и все изученные ранее, комбинированная катакомба 116/1 была сооружена единовременно, а не стала результатом вторичного перекопа входной ямы с последующим устройством второй камеры (Тельнов и др. 2016: 687). Ранее отмечалось, что основные (восточные) камеры подобных катакомб предназначались для захоронения хозяина/хозяйки, дополнительные (семь северных и одна южная) камеры — для погребения «зависимого лица» (22/2, 47/1, 65/1, 68/1, 106/1) или лошади (3/1). Основанием для подобного заключения стал анализ инвентаря, как правило, достаточно невыразительного, из дополнительных камер «зависимых лиц» (22/2, 65/1, 68/1). В то же время для северных камер катакомб 47/1 и 106/1 было отмечено наличие инвентаря (соответственно, золотых бусин и двух фибул), которого не было в восточных (основных) камерах. Особо была рассмотрена пустая северная (дополнительная) камера погребения 75/1, предназначавшаяся, по всей видимости, для ребёнка, а также катакомба 94/2, обе камеры которой были сделаны для погребения детей (Тельнов и др. 2016: 689—690). В случае с погребением 116/1 совершенно очевидно, что северная камера была сооружена не для «зависимых лиц», а для детей очень высокого социального статуса. Инвентарь на костяке маленькой девочки из этой камеры (пара золотых серёг, бронзовая гривна, плакированная золотой фольгой, серебряный многовитковый браслет, зеркало в футляре, обшитом бисером, поясные бляхи и др.) не только не имеет аналогий ни в одном из детских погребений, но и сравним с находками из самых богатых захоронений взрослых женщин могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное. Исходя из этого, нет сомнений, что социальный статус детей, погребённых в северной камере катакомбы 116/1, был намного выше социального статуса взрослого мужчины из восточной камеры.

Принадлежность к высшей аристократии детей из северной камеры катакомбы 116/1 подчёркивает и орнаментация этой камеры. Ранее на скифском могильнике у с. Глиное орнаментированные дромосы и камеры были отмечены в 30 погребениях, но ни одно из них не было детским (Тельнов и др. 2016: 712, табл. 14). Примечательно, что и северная камера захоронения 1, и камера погребения 2 кургана 116 были орнаментированы взаимноперпендикулярными линиями. Подобная орнаментация отмечена в трёх погребальных камерах катакомб в курганах, исследованных И. Я. и Л. С. Стемпковскими в 1896—1911 гг.: 279 и 378 у с. Глиное, 121 у с. Парканы. Эти камеры имели свод с сечением в виде треугольной арки (Мелюкова 1962: 136, табл. 8: 5, 7; 9: 6). И если ранее высказывалось предположение, что таким же образом могла быть орнаментирована погребальная камера катакомбы 93/1 со сводом в виде круглой арки на могильнике у с. Глиное (Синика, Тельнов 2014: 26, рис. 5: 1—3; 9: 1; Тельнов и др. 2016: 723—724, рис. 395: 1—3; 399: 1), то в настоящее время оно получило подтверждение. Обе орнаментированные камеры катакомб из кургана 116 имели свод в виде круглой арки. Кроме того, на торцевых стенах камеры катакомбы 116/2 были зафиксированы линии, дублирующие сечение этой камеры. Подобный элемент орнаментации камер отмечен впервые. Весьма вероятно, что и восточная камера погребения 116/1 (свод которой обрушился полностью) была орнаментирована, о чём свидетельствуют находка кремнёвого орудия, использовавшегося для вырезания линий, а также орнамент над устьем восточного дромоса.

Знак в виде буквы «V» на восточной стенке входной ямы погребения 116/1, над устьем

[3] Длинные оси входных ям и погребальных камер этих катакомб находятся под углом друг к другу, входная яма короткой стеной или отходящим от этой стены дромосом примыкает к длинной стенке камеры.

входа в дромос, дополняет серию подобных орнаментов на могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное. Ранее подобные орнаменты были зафиксированы в 33 захоронениях. Только один из них находился над устьем входа в восточную камеру катакомбы 65/1 комбинированного типа III+I (Тельнов и др. 2016: 705—712, табл. 13). В сочетании с контуром устья дромоса знак из катакомбы 116/1 изображает выступающие над двускатной кровлей жерди наземного жилища. Ближайшими ему аналогиями являются орнаменты из захоронений 96/1 (вид с торца на жилище с выступающими жердями кровли) и 112/1 (две линии в виде косого креста с центром над верхней точкой устья дромоса — реплика изображения из погребения 96/1, но без обозначающих стенки жилища вертикальных линий) могильника у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 711, рис. 391: 9; 392: 1). Очевидно, что изображение из катакомбы 116/1, в свою очередь, является репликой знака из захоронения 112/1: от косого креста остались только верхние перекладины, образующие букву «V»; роль нижних перекладин играет треугольный контур свода дромоса. Однако, в отличие от всех ранее выявленных на могильнике у с. Глиное знаков, которые представляли собой прочерченные линии, фигуры или их сочетания (Тельнов и др. 2016: 705), изображение из кургана 116 было объёмным. Его рельефность, как уже отмечалось при описании, была достигнута стёсыванием окружающей его поверхности на восточной стенке входной ямы.

Неординарной является находка кремнёвого орудия в восточном дромосе погребения 116/1. Очевидно, именно с его помощью орнаментировали северную камеру (возможно, и восточную), а также вырезали знак над устьем восточного дромоса. Отметим, что при изучении основного массива скифских погребений могильника III—II вв. до н. э. была выделена целая группа предметов (22 экз. из 14 захоронений), получившая название «затиральников» — костяные и каменные орудия, которые, предположительно, использовались при орнаментации камер и заглаживании стен сооружений (Тельнов и др. 2016: 806—807, рис. 418: 27—30). Однако ни одна из этих находок не выглядит настолько явно орудием для орнаментации, как изделие из восточного дромоса погребения 116/1 — с ретушью утилизации по продольным краям и залощенностью от работы.

Зафиксированное в восточной камере погребения 116/1 гробовище представляло собой деревянный ящик длиной 2 м, шириной 0,85 м и высотой 0,25 м. Дно гробовища составляли пять параллельных друг другу досок, лежавших на полу погребальной камеры. Бортами гробовища являлись установленные на ребро четыре доски (две длинных и две коротких), соединённые при помощи шипов и пазов и образующие вертикально стоящую раму. Она была окрашена красной краской. Дно гробовища было застелено тканью, фиксировавшейся, предположительно, четырьмя деревянными колышками. Крышки у гробовища не было.

На скифском могильнике III—II вв. у с. Глиное до раскопок кургана 116 было исследовано всего два деревянных гробовища в виде прямоугольных ящиков, причём оба с крышками: в погребении 88/1 — длиной 1,75 м, шириной 0,85 м и высотой до 0,4 м; в катакомбе 112/1 — длиной 2,15 м, шириной 0,95 м и высотой не менее 0,10 м (Тельнов и др. 2016: 517, 651, 765—766, рис. 291: 2; 367: 2). На левобережье Нижнего Днестра известно ещё одно гробовище в скифском захоронении III—II вв. до н. э. В камере катакомбы, исследованной М. Шкадышеком в 1909 г. у с. Суклея, были отмечены «следы досок или гроба, которыми был обложен покойник» (Мелюкова 1962: 132). В предшествующее время (в IV в. до н. э.) в скифских катакомбах на левобережье Нижнего Днестра также изредка устанавливались деревянные гробовища. Они изучены в трёх погребениях в катакомбах: 2/3 могильника Буторы I — гробовище длиной 2,1 м, шириной 1,07 м и высотой 0,8 м, осталось невыясненным, была ли у гробовища крышка; 12/1 могильника Буторы I — гробовище без крышки длиной 1,5 м, шириной 0,6 м и высотой 0,4 м (Синика и др. 2013, 35, 70, 107—108, рис. 15: 1; 47/1); 21/1 у г. Дубоссары, совершённом в катакомбе IV типа, — гробовище с крышкой длиной 2,25 м, шириной 1,35 м и высотой 0,3 м, при этом достоверно установлено, что стенки гробовища соединялись между собой при помощи шипов и пазов (Кетрару и др. 2014: 94, 194, рис. 79: 1), как в кургане 116 могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное.

Предметы узды (удила, С-видные псалии, трензельные кольца) из погребения 116/2, орудия труда (абразивный инструмент изо рва кургана, а также железные ножи с деревянными рукоятями из мисок в восточной камере погребения 116/1 и из захоронения 116/2) и посуда (фрагмент лепной миски изо рва, лепные миски из основного и впускного захоронений) представляют собой совершенно обычный погребальный инвентарь на скифском могильнике III—II вв. до н. э.

(Тельнов и др. 2016: 791, 800, 805—806, 832—834).

Комплекс предметов вооружения из кургана 116 (наконечники стрел и крючки-застёжки, топор, копья, ножи) и их размещение назвать ординарными нельзя.

В частности, стрела (от которой сохранились наконечник и часть древка) остриём вправо была положена поперёк бёдер девочки (костяк 2) в северной камере катакомбы 116/1 так же, как это было зафиксировано в погребении 12/2 (ребёнок 4 лет) могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное. Кроме того, в захоронении 12/2 ещё одну стрелу остриём влево положили поперёк грудной клетки таким образом, что её наконечник был зафиксирован у левого плеча ребёнка (Тельнов и др. 2016: 121). В 2017 г. аналогичный обряд был зафиксирован в погребении 7/5 группы «Водовод» у с. Глиное. На тело подростка были положены две стрелы, обе остриями вправо: одна поперёк таза, вторая — поперёк коленей[4]. Дата последнего комплекса не выходит за пределы первой половины III в. до н. э., что, как мы покажем ниже, соответствует времени возведения публикуемого кургана.

Кожаный колчан шириной 20 см из восточной камеры катакомбы 116/1 дополняет серию подобных находок (ранее было зафиксировано 22 кожаных колчана) на скифском могильнике у с. Глиное. Набор стрел из этого колчана примечателен сочетанием наконечников. Совокупность двух бронзовых трёхлопастных наконечников и бронзового трёхгранного наконечника, а также 40 железных трёхлопастных наконечников является вполне типичной для колчанных наборов скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное — один или несколько бронзовых наконечников стрел (если они вообще присутствуют в колчанном наборе) при абсолютном преобладании железных (Тельнов и др. 2016: 772—773). Более интересна находка бронзового трёхлопастного наконечника стрелы с лавролистной головкой. Такие наконечники, по классификации А. И. Мелюковой, относятся к отделу II (трёхлопастные), типу 1 (с лавролистной головкой), варианту 2 (с выступающей втулкой с шипом). Они были причислены исследователем к первой хронологической группе и датированы суммарно VII—VI вв. до н. э. (Мелюкова 1964: 18—19, рис. 1). Таким образом, между изготовлением бронзового трёхлопастного наконечника стрелы с лавролистной головкой из погребения 116/1 у с. Глиное и его попаданием в погребальный комплекс прошло не менее 200 лет. Это противоречит недавно высказанному (применительно к базисным наконечникам стрел) мнению М. Н. Дараган о том, что «промежуток времени между изготовлением наконечников и их попаданием в могилу был незначительным» (Дараган 2017: 76), которое опровергается самим исследователем ниже в той же работе: «В погребениях с колчанными наборами с преобладанием базисных стрел иногда, чаще в единичных экземплярах, встречаются отдельные двухлопастные или трёхлопастные наконечники раннескифского времени, по-видимому, во вторичном использовании» (Дараган 2017: 85). Кроме того, на скифском могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное известно 18 бронзовых базисных наконечников стрел (Тельнов и др. 2016: 773—774, рис. 405: л-у), изготовленных не позднее рубежа VI—V вв. до н. э. и, безусловно, попавших в погребение в качестве «реликтов» прошлого.

Колчан из погребения 116/1 лежал у левого бедра мужчины в восточной камере, при этом крючок-застёжка был зафиксирован по центру тазовых костей. Нет сомнения, что этот крючок, а также крючок из захоронения 116/2, где колчанного набора вообще не было, были поясными, как и 16 подобных изделий из других погребальных комплексов могильника у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 779). Находка из захоронения 116/1 относится к 1-му типу крючков (с одним загнутым окончанием, раскованной пластиной внизу и выступом для крепления к колчану или к поясному ремню), получившему наибольшее распространение (ранее было найдено 24 экз.) на памятнике (Тельнов и др. 2016: 777, рис. 408: 1, 2). Вместе с тем, данное изделие отличается от большинства крючков 1 типа — его крепёжный выступ визуально пересекается с раскованным стержнем, что создаёт видимость «крестовидности», напоминая, как и находка из погребения 96/1, крестовидные крючки 3-го типа (Синика, Тельнов 2016а: 305—307, рис. 1: 1—3; Тельнов и др. 2016: 777, рис. 408: 4, 5). Крючок из погребения 116/2 относится ко 2-му типу (пластина или стержень с загнутыми навстречу окончаниями в виде скобы) и является 14-й подобной находкой на могильнике у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 777, рис. 408: 3).

Железный однолезвийный топор из погребения 116/1 не только увеличивает коллекцию таких предметов вооружения на могильнике у с. Глиное (до 15 экз.), на левобережье

[4] Раскопки авторов, материалы готовятся к печати.

Нижнего Днестра (до 16 экз.), но и, в целом, в Северном Причерноморье (Тельнов и др. 2016: 781—782). Размещение топора из кургана 116 под верхней частью левой голени, как и в девяти ранее исследованных погребениях (31/1, 34/1, 37/1, 52/1, 54/2, 54/3, 63/1, 91/1, 112/1), свидетельствует о том, что его рукоять привешивалась к поясу погребённого.

Одно из копий из захоронения 116/1, длиной 2,1 м, с остролистным наконечником и коническим втоком, находит аналогии на могильнике у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 784—785). Второе копьё не совсем обычное. Оно значительно короче (1,35 м) другого, короче всех копий из могильника у с. Глиное, за исключением копья длиной 1,2 м из одиночного женского погребения 86/1. Во-вторых, подобная форма наконечника копья крайне редка в скифских погребениях Северного Причерноморья. На могильнике у с. Глиное такой наконечник копья был найден только в погребении 81/1 (Синика, Тельнов 2015а: 184, 186, рис. 2: 10). Помимо находок из курганов XV у с. Новосёлки и 40 Петуховского могильника в Побужье, курганов 2 группы Рядовых могил в Нижнем Поднепровье и 20 у ст. Елизаветовской в Нижнем Подонье, указанных А. И. Мелюковой (1964: 42, прим. 25), нам известны ещё два аналогичных наконечника копий — из погребения в г. Измаил на левобережье Нижнего Дуная (Паламарчук, Синика 2014: 294, 296, рис. 2: 5) и из захоронения 8/1 курганной группы Волчанск-1 в Северо-Западном Приазовье (Полин, Кубышев 1997: 8, 40, рис. 6: 6). Особенно интересен вток этого копья. Его пиковидная форма не имеет аналогий в скифских памятниках Северного Причерноморья, либо последние не известны авторам настоящей работы. Вток с заострённым окончанием (но далеко не такой формы, как в погребении 116/1 могильника у с. Глиное) известен только в кургане Старшая Могила в Днепровском Левобережье (Іллінська 1951: табл. I: 8; Мелюкова 1964: 45), сооружённом минимум за два столетия до кургана 116 у с. Глиное.

К предметам вооружения мы относим и пару длинных ножей из погребения 2 кургана 116. Длина их сохранившихся частей (255 мм и 241 мм), как и наличие простого ножа в миске (длина сохранившейся части 80 мм), не оставляют сомнений в том, что парные ножи из погребения 116/2 были боевыми. На могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное был найден только один нож, размеры которого сравнимы с находками из впускного погребения кургана 116. Он был вбит в дно камеры за головой погребённого в катакомбе 13/3, сооружённой в первой четверти II в. до н. э. Длина его железной части (клинка и черенка) составила 253 мм (Тельнов и др. 2016: 127, 129, 800, 950, рис. 53: 18; 418: 2). В скифских погребениях более раннего времени в Северо-Западном Причерноморье найдены ещё два подобных ножа: длиной около 270 мм (вместе с роговой рукоятью) в погребении 2/12 (рубежа третьей — последней четверти IV в. до н. э.) группы «Водовод» у с. Глиное, т. е. в непосредственной близости от скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное; длиной до 250 мм (вместе с роговой рукоятью) в погребении 4 (второй половины V в. до н. э.) кургана 4/1 могильника Градешка на левобережье Нижнего Дуная (Субботин и др. 1992: 3, рис. 2: 1, 16; Синика, Тельнов 2017б: 135, 145—146, рис. 3: 9). Самые же длинные боевые ножи были зафиксированы в двух погребениях IV в. до н. э. могильника Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье: длиной 370 мм в захоронении 23/1 (Андрух, Тощев 1999: 134, 136, рис. 39: 1, 2); длиной 340 мм в катакомбе 137/8 (Андрух, Тощев 2009: 59, 61—62, рис. 28: 1, 2).

Боевым был также нож, обнаруженный у правого плеча погребённого в восточной камере катакомбы 116/1. При ширине спинки 11 мм (!) длина сохранившегося далеко не полностью лезвия составила 135 мм (рис. 12: 7), а полная длина ножа, по всей видимости, была не менее 250 мм. Длина ещё одного ножа, обнаруженного в восточной камере у правого локтя мужчины, составляла не менее 162 мм (рис. 12: 8). Возможно, он также был боевым, поэтому и был положен в погребение в кожаном футляре (рис. 12: 9), что впервые зафиксировано на могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное.

Из предметов быта в публикуемом кургане был обнаружен только светильник, изготовленный из ножки синопской амфоры. Находка из кургана 116 происходит из входной ямы погребения 1, где она была зафиксирована на уровне дна дромоса, ведущего в северную погребальную камеру. Это очень важное обстоятельство, поскольку светильники, получившие широчайшее распространение на могильнике у с. Глиное, ранее были найдены только в погребениях взрослых индивидуумов (Тельнов и др. 2016: 182). Таким образом, «светильник» из катакомбы 116/1, связанный с парным детским захоронением в северной камере, как и орнаментация последней, ещё раз подчёркивает высокий социальный статус погребённых в ней детей. Кроме того, вторичное использование ножки амфоры в ка-

честве светильника отмечено на могильнике у с. Глиное только во второй раз. Ранее в катакомбе 41/2, сооружённой в последней четверти III — первой четверти II в. до н. э., была найдена ножка амфоры слева у таза погребённого (Тельнов и др. 2016: 810, 812—818, 961). Уже отмечалось, что в качестве светильника была использована придонная часть амфоры, найденная в Восточном лазе кургана Кара-Тюбе (второй четверти IV в. до н. э.) в Северо-Западном Приазовье (Болтрик 1993: 190—191, 194, рис. 9: 4).

Нет сомнения, что ниша, устроенная в стенке катакомбы 116/2, предназначалась для светильника, который был вынесен из камеры после завершения обряда погребения. Подобные ситуации — пустые ниши для светильников — были отмечены в пяти захоронениях (11/1, 12/1, 67/4, 77/1, 101/2) могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 703, табл. 12). Уже отмечалось, что использование скифами светильников в погребальном обряде и устройство специальных ниш для них является свидетельством греческого влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов (Синика 2012: 266, 268—269; Синика, Тельнов 2015; Тельнов и др. 2016: 968—970).

Достаточно нерядовым является комплекс украшений, которые были найдены только в основном погребении кургана.

На высокий социальный статус девочки из северной погребальной камеры, в первую очередь, указывает находка гривны (рис. 6: 1—4). Это первое подобное украшение из скифского погребения III в. до н. э., и пятое — найденное за всю историю изучения скифских погребальных комплексов Северо-Западного Причерноморья. На левобережье Нижнего Днестра золотая гривна была найдена в погребении второй четверти IV в. до н. э. кургана 5 у г. Дубоссары (Кетрару и др. 2014: 58, 60, 202—203, 212, рис. 47), серебряная — в захоронении конца 20-х — начала 10-х гг. IV в. до н. э. 4/2 могильника Буторы I (Синика и др. 2013: 46, 117, рис. 22: 8), бронзовая — в катакомбе 7/5 группы «Сад» у с. Глиное[5]. Последний комплекс на основании фибулы, аналогичной найденной в погребении 2/12 группы «Водовод» у с. Глиное (Синика, Тельнов 2017б: 135, 149, рис. 2: 4), датируется последней четвертью IV в. до н. э. На левобережье Нижнего Дуная была найдена только одна, серебряная, гривна (Редина 2000: 250, рис. 1: 6) в захоронении конца IV — первой половины III в. до н. э. 13/1 могильника Дербент (Синика, Тельнов 2016а: 309). Кроме того, известны ещё две золотые гривны из клада, обнаруженного у с. Ларгуца на левобережье Нижнего Прута (Нудельман, Рикман 1957: 250—252, рис. 2; 3; Рикман 1961: рис. 12; Нудельман 1969: 129—130, рис. 1; Никулицэ 1987: 127—128, рис. 41: 4). Однако если гривна из Дубоссар была сделана греческими мастерами (головки львов на окончаниях и соединительная планка с уточками), гривны из могильников Буторы I (окончания в виде рельефных головок змей), Дербент (плоские окончания с насечками, имитирующими змеиные головки) и группы «Сад» у с. Глиное (лопаточковидные окончания с насечками, имитирующими змеиные головки) — выполнены по фракийской традиции, гривны из Ларгуцы — сочетают в себе греческие (головки львов на окончаниях) и фракийские (геометрический орнамент — кольца, косые линии, точки на стержнях гривен) элементы, то гривна из кургана 116 могильника у с. Глиное не связана ни с греческой, ни с фракийской традицией изготовления подобных украшений.

В скифских погребениях Северного Причерноморья многоярусных и многовитковых гривен нет (см. Петренко 1978: 41—46). Самые близкие находке из кургана 116 могильника у с. Глиное гривны известны на Тамани и в Прикубанье: в Буеровой Могиле II в. до н. э., в кургане у хут. Карстовый первой половины II в. до н. э., в кургане у хут. Элитный последней четверти II — первой половины I в. до н. э. и из разрушенной гробницы у ст. Ахтанизовской конца II — первой половины I в. до н. э. Все эти многоярусные и многовитковые гривны состоят из согнутых по спирали полых трубок, окончания которых оформлены в виде головок животных. Части гривен соединяются при помощи шарниров или другим способом (Королькова 2001: 74, рис. 9: 1—5; Мордвинцева, Трейстер 2007: кат. В1: 3—5; А26: 4, В48: 1; А103 а: 2; Власова 2009: 70—72, 78, табл. II: 1—5). Гривна из кургана 116 у с. Глиное существенно отличается от них. Она состоит из трёх трубок, каждая из которых изготовлена из бронзовой пластины, свёрнутой поверх деревянного прутика, т. е. ни одна из трубок не является полой. Ни один из ярусов не представляет собой сомкнутое кольцо, и все вместе они не образуют многовитковую или псевдомноговитковую спиральную гривну. Каждое звено плакировано золотой фольгой, и их соединение

[5] Раскопки авторов, материалы в печати.

осуществлялось при помощи нити, продеваемой сквозь находящиеся на одной оси вертикальные отверстия. Примитивный орнамент на окончаниях верхнего звена, а также его деление на зоны при помощи выпуклых поперечных линий, равно как и трёхъярусная конструкция всего изделия, позволяют считать, что в кургане 116 у с. Глиное была обнаружена гривна, являющаяся упрощённой репликой широко известных в кладах поморской/померанской культуры бронзовых многоярусных нагрудников (Kneisel 2007: Abb. 6: 1, 4, 5), размеры которых к началу IV в. до н. э. становятся меньше по сравнению с предшествующим временем (Kamińska 1992: 44, ryc. 1—9). Таким образом, гривна из публикуемого комплекса является ещё одним свидетельством контактов скифов Северо-Западного Причерноморья с носителями центральноевропейских культур.

Пара золотых серёг из северной камеры погребения 116/1 необычна, во-первых, редкостью подобных украшений из золота. В 181 погребении, исследованном в 113 скифских курганах могильника у с. Глиное в 1995—2012 гг., золотые серьги (всего 8 экз. из 77 экз. найденных) были обнаружены только в шести комплексах: 31/1, 33/1 — по паре серёг; 11/1, 59/1 (погребение ограблено) и 99/1 — по одной серьге; 38/3 — золотая и серебряная серьги в паре. Во-вторых, находки всех золотых, а также бронзовых и серебряных серёг, были связаны исключительно с захоронениями взрослых людей (Тельнов и др. 2016: 879, 882). Таким образом, и золотые серьги из северной камеры катакомбы 116/1, найденные у висков девочки, указывают на её высокий социальный статус.

Серебряный многовитковый браслет свидетельствует о том же. Всего три подобных украшения были найдены на могильнике у с. Глиное: пара серебряных браслетов на запястьях девочки 8—9 лет из погребения 35/2 и один серебряный браслет на правом запястье женщины из захоронения 107/3. Окончания этих браслетов, как и находки из северной камеры катакомбы 116/1, орнаментированы в виде кружочков, линий и крестов, которые, безусловно, имитируют глаза, раскраску и чешую змеи, свидетельствуя о фракийском влиянии на скифскую материальную культуру (Тельнов и др. 2016: 246, 635, 866, 974, рис. 128: 5—8; 358: 16, 19, 20).

Конусовидные подвески (серебряная и железная) являются крайне редкими находками в Северо-Западном Причерноморье. На левобережье Нижнего Днестра одно подобное бронзовое изделие — «колокольчик» — было найдено в составе ожерелья девочки 9—10 лет в погребении 9 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана (Мелюкова 1975: 73—74, рис. 57: 5). На основании чернолакового лекифа с сетчатым/«чешуйчатым» орнаментом (Sparkes, Talcott 1970: pl. 38, cat. 1140) комплекс датируется третьей четвертью IV в. до н. э. Ещё 28 бронзовых конусовидных/колоколовидных изделий были обнаружены на трёх скифских могильниках на левобережье Нижнего Дуная — Градешка, Дербент и Кугурлуй (Островерхов, Редина 2013: рис. 102: 7). В погребении 7а/1 могильника Градешка были обнаружены пять «колокольчиков»: на первом костяке — один на грудной клетке, второй — справа у колена; на втором костяке — один у левого плеча (вместе с подвеской из мела, бронзовым браслетом и фибулой), второй — на тазе; размещение ещё одной подвески в отчёте не указано (Гудкова, Суничук 1985: 71—72, табл. 132: 11, 12). На основании фибул фракийского типа, бусин с личинами, бронзового зеркала комплекс датируется первой половиной III в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 899, 987). Две подвески были найдены возле грабительского хода, который вёл в захоронение 10/1 могильника Градешка (Гудкова, Суничук 1985: 83—84, табл. 150: 9, 10). Один «колокольчик» найден в ограбленной катакомбе 6/1 могильника Дербент (Гудкова, Суничук 1985: 9, табл. 25: 9). Четыре подвески найдены «у пояса» ребёнка из захоронения 13/1 могильника Дербент (Гудкова, Суничук 1985: 15—16, табл. 41: 9—11); комплекс датирован концом IV — первой половиной III в. до н. э. (Синика, Тельнов 2016а: 309). У правого и левого локтя женщины в погребении 13/2 могильника Дербент зафиксировано 11 конусовидных подвесок, причём на вершины двух из них были одеты синие глазчатые бусины (Гудкова, Суничук 1985: 18, табл. 45: 4—6); комплекс датирован последней четвертью IV — первой четвертью III в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 865). Ещё один «колокольчик» из могильника Дербент происходит из ограбленного захоронения 14/1 (Гудкова, Суничук 1985: 20, табл. 49: 5, 6). На могильнике Кугурлуй конусовидные/колоколовидные подвески обнаружены в двух погребениях: одна находка в камере ограбленной катакомбы 15/1 (Гудкова, Суничук 1985: 43, табл. 91: 5), сооружённой в конце IV — первой половине III вв. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 902); три подвески в камере ограбленной катакомбы 28/1 (Гудкова, Суничук 1985: 62, табл. 120: 5, 6).

Таким образом, судя по размещению конусовидных/колоколовидных подвесок, зафиксированных *in situ* в перечисленных комплексах, они входили в состав ожерелий (Градешка 7а/1 — первый костяк, и Николаевка 9) и нашивались (или подвешивались на шнурах) на одежду: у правого и левого локтя (Дербент 13/2) и в области колена (Градешка 7а/1 — первый костяк), а также на пояс (Градешка 7а/1 — второй костяк, и Дербент 13/1). Подвеска, обнаруженная вместе с подвеской из мела, бронзовым браслетом и фибулой у левого плеча второго костяка в захоронении 7а/1 могильника Градешка, очевидно, входила в комплект «запасных» предметов (подвеска из мела — амулет, браслет — украшение, фибула — аксессуар костюма), не надетых на тело погребённого.

Заметим, что в скифских погребальных комплексах более раннего времени находки, подобные (но не аналогичные!) указанным выше, известны. В частности, в кургане Гайманова Могила, дата всех гробниц которой укладывается в первую половину IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012: 508—510; Полин 2014: 289—292), найдены 33 бронзовых цельнолитых «псевдоколокольчиков» или бутылковидных подвесок. Их происхождение С. В. Полин связывает с «дальними южными контактами подгорцевского населения» (Бидзиля, Полин 2012: 220—222, 224, рис. 321; 330). В этом же кургане были найдены девять бронзовых «настоящих» колокольчиков с выпуклыми стенками и выделенной круглой вертикальной петлёй для подвешивания; в верхней части тулова находятся два противолежащих отверстия для вставки стержня, на который подвешивался язычок (Бидзиля, Полин 2012: 243—244, рис. 360; 361). Ещё три бронзовых «настоящих» колокольчика из Гаймановой Могилы имеют конусовидную форму, петля образована вырезами стенок тулова вверху, под петлёй также находятся противолежащие отверстия для вставки перекладины, к которой подвешивался язычок (Бидзиля, Полин 2012: 244—246, рис. 362). Важно подчеркнуть, что указанные предметы из тризны Гаймановой Могилы, являвшиеся элементами конского снаряжения, как и аналогичные им находки из скифских памятников Северного Причерноморья (см. Бидзиля, Полин 2012: 221, 243—245), не являются сколь-нибудь близкими аналогиями находке из скифского кургана 116 у с. Глиное. В нашем случае были найдены не бутылковидные подвески, не колокольчики, а именно конусовидные подвески, в тулове которых нет противолежащих отверстий для крепления стержня, на котором мог находиться язычок колокольчика[6]. Это в полной мере относится и к находкам из погребения 9 грунтового могильника у с. Николаевка на Нижнем Днестре, а также из курганов 7а и 10 могильника Градешка, 6, 13 и 14 могильника Дербент, и 15 и 28 могильника Кугурлуй на левобережье Нижнего Дуная.

Размещение подвесок (серебряной — под бронзовой поясной бляхой, железной — ниже аналогичной бляхи, использованной вторично в качестве концевой поясной накладки) в северной погребальной камере катакомбы 116/1 позволяет предположить, что обе они подвешивались на шнурок к поясу ребёнка. Один конец этого шнурка крепился жёстко к поясу, а второй мог фиксироваться на петле серебряной подвески. Подобной петли на железной подвеске не было: очевидно, нижнее окончание шнурка продевалось сквозь вершину этой подвески и с бронзовым кольцом, найденным у её основания. Подобная фиксация шнурка могла быть использована и в погребении 28/1 могильника Кугурлуй, где внутри одной из бронзовых конусовидных подвесок найден зуб волка или собаки (Гудкова, Суничук 1985: 62, табл. 120: 6).

В настоящее время есть все основания считать серебряную литую конусовидную подвеску из погребения 116/1 свидетельством фракийского влияния на скифскую материальную культуру (Мелюкова 1995: 31), а свёрнутую из пластины железную подвеску — скифской репликой подобных изделий.

Из прочих украшений обращает на себя внимание находка фрагмента бусины с носатым лицом на сохранившейся части в составе скопления бусин, лежавших в области левого плеча и левого локтя второго костяка в северной погребальной камере катакомбы 116/1. Ранее на могильнике у с. Глиное были найдены только четыре такие бусины: в составе ожерелья девочки 4—5 лет в погребении 81/3 по-

[6] Единственный бронзовый предмет из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья, который, скорее всего, был колокольчиком, найден в заполнении входной ямы ограбленной катакомбы 4/1 могильника Мреснота Могила на левобережье Нижнего Дуная. В узкой верхней части этого изделия, у которого петля отсутствует, сделаны противолежащие отверстия для крепления несохранившегося стержня; к нему, очевидно, нитью была привязана стеклянная бусина, найденная внутри корпуса предмета (Гудкова и др. 1985: 78, рис. 47: 1; Островерхов, Редина 2013: рис. 102: 6) и игравшая роль ударной части язычка. Комплекс датируется второй половиной IV — первой половиной III вв. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 887).

следней четверти III — первой четверти II в. до н. э.; у правого плеча женщины 20—35 лет в захоронении 91/1 первой половины III в. до н. э.; в составе скопления предметов, лежавших между левым локтём и грудной клеткой женщины 15—20 лет в катакомбе 103/1 последней четверти III — третьей четверти II в. до н. э.; в составе скопления предметов, лежавших слева у таза женщины в погребении 107/3 третьей четверти III в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 484, 487—488, 532, 535, 610, 612, 634—635, 638, 876, 965—966, рис. 273: 7; 302: 11; 345: 14; 359: 7а). За исключением находки из катакомбы 91/1, бусины с носатыми лицами (81/3, 103/1, 107/3 и 116/1), были фрагментированы в большей или меньшей степени.

Деревянная пронизь, входившая в состав ожерелья девочки из северной погребальной камеры катакомбы 116/1, является первой подобной находкой, зафиксированной на могильнике у с. Глиное. Эта бусина указывает на достаточно высокий уровень развития деревообработки у скифов, населявших Нижнее Поднестровье в III—II вв. до н. э. Помимо бусины из кургана 116, об этом свидетельствуют: деревянные заклады входа в дромос; деревянная плаха, разделявшая камеру на две зоны; деревянные настилы и гробовища в камерах; древки стрел и берестяные колчаны, деревянная ручка бронзового крючка для натягивания тетивы лука и деревянные ручки всех колчанных шильев; деревянные ручки всех топоров, древки копий и дротиков, и деревянные щиты; подавляющее большинство ножей, имевших деревянные рукояти; деревянные стержни веретён, все бытовые шилья с деревянными ручками; уникальное орудие — деревянный «растиральник»; средняя часть — деревянный перехват — железного канделябра; 31 деревянная миска и четыре деревянных чашки; два деревянных обруча, которые скрепляли головные уборы погребённых; две деревянные ворворки (Тельнов и др. 2016: 701, 704, 765, 775—776, 779—786, 800, 804—806, 818—819, 830, 840, 885, 892). Если не считать деревянные плахи и брёвна от закладов входа в дромос, деревянные настилы и гробовища, остальные изделия зафиксированы в виде древесного тлена или небольших фрагментов, за исключением практически полностью сохранившихся ручки шила и одной деревянной ворворки из погребения 91/1, обручей от головных уборов из захоронений 60/2 и 91/1 и деревянного растиральника из катакомбы 104/1. Бусина из северной камеры погребения 116/1 сохранилась полностью не только из-за непотревоженности погребального сооружения, что характерно для большинства катакомб могильника у с. Глиное, но и потому, что была изготовлена из дерева твёрдой породы, обработка которого, очевидно, была нелёгкой. Тем более, при вырезании, а затем просверливании отверстия в таком миниатюрном предмете, как бусина.

Особого внимания заслуживают находки украшений, лежавших не на костяках погребённых, а отдельно. В захоронении 116/1 зафиксировано пять подобных случаев: в северной погребальной камере — 1) три бусины справа в изголовье первого костяка, лежавшие у западного края мешочка, сплетённого из растительных волокон (очевидно, браслет из бусин); 2) браслет из пяти бусин, одетых на плетёный шнурок, на диске зеркала справа в изголовье второго костяка; 3) три бусины слева в изголовье второго костяка (очевидно, браслет из бусин); в восточной погребальной камере — 4) браслет из семи надетых на кожаный шнурок бусин и обжатой бронзовым кольцом бронзовой пронизи, лежавший справа у таза погребённого; 5) серебряное кольцо слева в изголовье погребённого, у северо-восточного угла гробовища. Обычай помещения в могилу украшений, не надетых на погребённых, ранее неоднократно отмечался на могильнике у с. Глиное. В частности, отдельно лежавшие браслеты из бусин найдены в погребениях 86/1 и 95/1 (Тельнов и др. 2016: 508, 510, 563, 868). В катакомбе 103/1 были найдены два скопления украшений: одно из них, лежавшее между левым локтём и грудной клеткой погребённой, представляло собой браслет, второе (слева у таза) — ожерелье. В захоронении 107/3 слева у таза женщины были зафиксированы один или два браслета. Эти украшения являлись «запасными», поскольку и ожерелья, и браслеты были найдены в области шеи и на запястьях погребённых в указанных комплексах (Тельнов и др. 2016: 875—876). Подобная интерпретация соответствует данным, полученным при исследовании северной погребальной камеры катакомбы 116/1: браслет из четырёх бусин зафиксирован на правом запястье первого костяка, при том, что справа в изголовье погребённому положили ещё один браслет из трёх бусин в мешочке; браслеты из бусин справа в изголовье (на зеркале) и слева в изголовье второго костяка также были «запасными», поскольку на правом запястье погребённой был серебряный многовитковый браслет, а на обоих запястьях, возможно, и браслеты из бусин, от-

делить которые от скопления бусин в области правого/левого плеча/локтя не удалось.

Кроме того, три скопления предметов, представлявших собой «запасные» украшения и аксессуары костюма, зафиксированы в захоронении Градешка 7а/1 на левобережье Нижнего Дуная возле двух костяков. Одно из скоплений (бронзовый браслет, бронзовая подвеска в виде ведёрка, мелкие бронзовые колечки и три клыка собаки) обнаружено справа в ногах первого костяка. Важно, что другой бронзовый браслет был зафиксирован на правом запястье погребённого, шесть стеклянных бусин находились в области шеи, а бронзовая конусовидная подвеска, крупная стеклянная бусина и бронзовое кольцо — в области груди (Гудкова, Суничук 1985: 71). У левого плеча второго костяка было найдено уже упомянутое нами скопление, состоявшее из амулета-подвески из мела, бронзового браслета, бронзовой фибулы и бронзовой конусовидной подвески, не надетых на тело погребённого. Также в ногах второго костяка были найдены раковина рода *Cypraea*, четыре бусины и бронзовое кольцо. При этом на шее этого погребённого были найдены 13 бусин, а ещё один бронзовый браслет украшал одно из запястий (Гудкова, Суничук 1985: 71—72). Ещё одно скопление предметов было найдено в захоронении 21/2 могильника Мреснота Могила на левобережье Нижнего Дуная — справа от костяка женщины под чашкой и возле неё был найден браслет, состоявший из бронзовой подвески, изготовленной из монеты, трёх кабаньих клыков и одной бусины, сдавленной железным и бронзовым кольцами. При этом на обоих запястьях были найдены бронзовые браслеты (Гудкова и др. 1985: 98—99, рис. 58: 9, 15, 17; 59: 5, 10, 11). Комплекс датируется первой половиной III в. до н. э. (Синика, Тельнов 2017б: 149).

Однако браслет из семи бусин и бронзовой пронизи, обжатой бронзовым кольцом, а также серебряное кольцо в восточной камере катакомбы 116/1 нельзя рассматривать как «запасные» украшения, поскольку никаких других украшений на костяке не было. Вероятно, речь следует вести о своеобразных «подарках» живых родственников, которые должны были использоваться умершими по своему усмотрению.

Аналогичная ситуация зафиксирована в исследованном в 2017 г. погребении 8/2 группы «Сад» у с. Глиное. Слева в изголовье маленького ребёнка находилось скопление украшений (бронзовое кольцо, железный браслет, две стеклянные бусины, коралловая подвеска, раковина моллюска рода *Nassa*, а также железный фиксатор для мешочка, в котором эти украшения были положены в захоронение), а у южного угла ямы — ещё один железный браслет. Никаких украшений на костяке ребёнка не было[7]. На основании фибулы фракийского типа из погребения 8/5, аналогичной найденной в погребении 2/12 группы «Водовод» у с. Глиное (Синика, Тельнов 2017б: 135, 149, рис. 2: 4), курган 8 группы «Сад» датируется последней четвертью IV в. до н. э.

В связи с этим представляет интерес ещё один комплекс, исследованный на грунтовом могильнике Никония на левобережье Днестровского лимана. В погребении 5/2 было найдено ожерелье или браслет, в состав которого входили четыре раковины роды *Cyprea* и пять бусин. Судя по публикации (Бруяко и др. 2016: 304—305, табл. 1), дата захоронения не выходит за пределы IV в. до н. э. Погребальное сооружение описано как подбой; длина погребальной камеры составила 1,45 м (Бруяко и др. 2016: 298, рис. 12: 1; 13: 9). Очевидно, что, при такой длине, она предназначалась для захоронения ребёнка. Вне зависимости от того, был ли данный комплекс кенотафом (Бруяко и др. 2016: 298), или кости ребёнка не сохранились, здесь также зафиксирован обычай помещения украшений, не надетых на тело умершего. Однако в настоящее время делать выводы об истоках данного обряда (греческих или скифских) преждевременно.

В завершение анализа украшений из публикуемого кургана обратим внимание на ещё одно немаловажное обстоятельство. В скоплениях бусин в области правого и левого плеча/локтя на втором костяке в северной погребальной камере катакомбы 116/1, наряду с возможными «включениями» в виде браслетов из бусин, надетых на запястья, без сомнения, входили и т. н. «локтевые браслеты». Двадцать таких «браслетов» были зафиксированы в 13 женских, пяти мужских и двух детских захоронениях скифского могильника III—II вв. у с. Глиное. Бусины и составлявшие «браслеты» украшения либо нашивались на рукава одежд в области локтя и предплечья, либо на рукава нашивались нити с надетыми на них украшениями (Тельнов и др. 2016: 868—871, табл. 24). До недавнего времени в скифских погребальных комплексах Северо-Западного Причерноморья, предшествующих функционированию могиль-

[7] Раскопки авторов, материалы готовятся к печати.

ника III—II в. до н. э. у с. Глиное, «локтевых браслетов» не было известно. Однако в 2017 г. они были обнаружены в детских погребениях 7/1 (15 бусин на левом локте) и 7/4 (шесть костяных трубчатых пронизей на правом локте) группы «Сад».

Среди аксессуаров костюма особый интерес вызывают штампованные бронзовые бляхи с изображением мужских голов из северной погребальной камеры захоронения 116/1. Такие изображения известны в скифских памятниках Северного Причерноморья, но все они находятся на предметах конского снаряжения — на круглых бляхах и нащёчных пластинах. Так, пять круглых блях обнаружены в погребении 31/1 могильника у с. Глиное. Захоронение датируется серединой 10-х гг. III — 90-ми гг. II в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 216, 798, 948, рис. 107: 6, 7; Тельнов, Синика 2016: 301, рис. 4: 4). Аналогичные круглые бляхи происходят из кладов у с. Бубуечь (2 экз.) на правобережье Нижнего Днестра[8] и у с. Великоплоское (1 экз.) на левобережье Нижнего Днестра (Дзис-Райко, Суничук 1984: 152—153, рис. 1: 11; Полин 1992: 51, 54, рис. 9: 3, 4; 10: 8), а также из коллекции «Платар» из «комплекса из-под Овидиополя» (1 экз.) (Симоненко 2009: 170, 172—173, рис. 140: 13; 143; 144). Нащёчные пластины конской узды с изображениями, аналогичными тем, что находятся на поясных бляхах из катакомбы 116/1 могильника у с. Глиное, известны в кладе из Бубуечь (Дзис-Райко Суничук 1984: 152—153, рис. 1: 11) на правобережье Нижнего Днестра и в скифском погребении у с. Чистенькое в Предгорном Крыму (Зайцев, Колтухов 2004: 244—245, рис. 6: 3). Последний комплекс датируется последней четвертью III — первой четвертью II в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 993).

Появление всех перечисленных изделий в скифских кладах (Карнаух и др. 2016: 232—234) и в скифских погребениях (Глиное 31/1 и 116/1, Чистенькое), несомненно, связано с латенским влиянием на скифскую материальную культуру (Мордвинцева 2001: 112—113; Синика 2011: 184—185; Тельнов и др. 2012: 13; 2016: 799, 979; Тельнов, Синика 2016: 303). Уникальность находок из кургана 116 могильника у с. Глиное заключается в том, что изображения мужских голов впервые зафиксированы на аксессуарах костюма — на поясных накладках. Совершенно точно, они не являлись предметами конского снаряжения. Наши бляхи нашивались на ремень, о чём свидетельствуют отверстия на пластинах, справа и слева от изображения, а также тот факт, что одна из пластин была переделана в концевую стреловидную накладку.

Этот же ремень, справа на тазе девочки, возле целой бляхи с изображением мужской головы, с двух сторон обжимали плоские подтрапециевидные накладки размерами 24 × 21 мм и 24,5 × 20 мм. Нам известно только одно подобное изделие в скифском погребении Северо-Западного Причерноморья. «Треугольная пластина-подвеска» (длина основания 45 мм, стороны — 40 мм) была найдена в захоронении 7а/1 могильника Градешка на левобережье Нижнего Дуная (Островерхов, Редина 2013: рис. 102: 12), и, что примечательно, она лежала (вместе с двумя раковинами рода *Cypraea*) возле бронзового браслета и бронзовой конусовидной подвески на тазе второго костяка (Гудкова, Суничук 1985: 72—73, табл. 135: 4, 5). В кургане 116 могильника у с. Глиное две подтрапециевидные накладки лежали у правой кисти погребённой, на которую был надет серебряный браслет, между серебряной конусовидной подвеской и бронзовой поясной бляхой. Кроме того, у с. Токмазея на левобережье Нижнего Днестра А. В. Носачем в 2015 г. была найдена подтреугольная пластина размерами 28 × 23 мм с отверстием диаметром 4 мм (аналогичная по форме находке из Градешки), а в 2016 г. — одна подтрапециевидная пластина размерами 28,5 × 15 мм с отверстием диаметром 2 мм (близкая по форме находке из кургана 116 у с. Глиное), украшенная по периметру пунсонным орнаментом, и одна подтреугольная размерами 35 × 24 мм с отверстием диаметром 3 мм[9]. В настоящее время очевидно, что пластинки из Токмазеи, наряду с бронзовой проволочной среднелатенской фибулой (Синика 2017), увеличивают число артефактов III—II вв. до н. э. на данном памятнике.

Три раннелатенские фибулы из восточной камеры погребения 116/1, как и поясные бляхи и подтрапециевидные накладки, также неординарны. Во-первых, они были найдены на одном костяке, что ранее не было отмечено ни в одном погребении могиль-

[8] На самом деле этот клад был найден у с. Броаска, которое в настоящее называется Флорены (Карнаух и др. 2016: 226).

[9] Все три находки из Токмазеи не опубликованы. Хранятся в Музее археологии Поднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко.

ника у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 887). Во-вторых, что значительно более важно, конструктивно ни одна из этих фибул не имеет аналогий на могильнике у с. Глиное. Бронзовая однопружинная фибула из публикуемого комплекса с высокой выгнутой спинкой (рис. 12: 2) более всего, по форме овальной в плане спинки, похожа на бронзовые фибулы из погребений 48/1, 60/1, 105/2 и 106/1 (Тельнов и др. 2016: 305, 370, 622, 626, 887, 889, рис. 166: 5: 208: 10; 351: 8; 353: 8), однако, в отличие от последних, с фальшивыми пружинами на окончании ножек, у фибулы из кургана 116 ножка как таковая отсутствует. Ранее мы датировали фибулы с плоскими спинками (ромбовидными, подпрямоугольной и подовальными в плане) с двумя шести- или четырёхвитковыми функциональной и фальшивой пружинами второй половиной III в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 955). Очевидно, что отсутствие фальшивой пружины позволяет относить время появления бронзовой фибулы из погребения 116/1 к более раннему времени — первой половине III в. до н. э., когда бытуют фибулы с фальшивыми пружинами на ножках с округлой в сечении спинкой (Тельнов и др. 2016: 954—955). На это указывает и одна из железных фибул (с округлой в сечении спинкой и с фальшивой пружиной) из катакомбы 116/1 (рис. 12: 6). Однако шарик на спинке этой фибулы отличает её от четырёх найденных ранее на могильнике у с. Глиное в погребениях 38/1, 51/1, 63/1 и 69/2 бронзовых фибул с округлой в сечении спинкой и с фальшивой пружиной (Тельнов и др. 2016: 887). Наиболее ранняя находка фибулы среднелатенской конструкции с двумя шариками на спинке, один из которых соединял с ней ножку, на могильнике у с. Глиное происходит из вторичного (женского) захоронения в катакомбе 97/1, датированного на основании гончарной чашки второй четвертью III в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 583, 957, рис. 328: 16). Таким образом, шарик на спинке фибулы раннелатенской конструкции из погребения 116/1 (с округлой в сечении спинкой и фальшивой пружиной) выглядит хотя и оригинально, но неудивительно. В полной мере это относится и к другой железной раннелатенской фибуле из погребения 116/1. Она однопружинная, на треугольно изогнутой, округлой в сечении спинке, ближе к пружине, находится шарик, аналогичный шарик с конусовидной манжетой расположен на окончании не скреплённой со спинкой ножки (рис. 12: 3). Нет сомнения, что все три фибулы бытовали в первой половине III в. до н. э.

Из предметов туалета в кургане 116 было обнаружено только бронзовое зеркало с железной ручкой. Оно лежало в северной погребальной камере катакомбы 116/1 и, безусловно, принадлежало девочке. На могильнике у с. Глиное, до раскопок кургана 116, зеркала были найдены в 14 захоронениях, и во всех случаях (в одиночных, парных и асинхронных погребениях) были связаны с женскими костяками (Тельнов и др. 2016: 894—895). Зеркала из 11 катакомб (14/2, 23/1, 44/1, 53/1, 55/1, 57/1, 61/1, 69/2, 88/1, 91/1, 107/3) сопровождали женщин возрастом от 20 до 50 лет. В захоронении 31/1 была погребена женщина возрастом менее 20 лет, в погребении 103/1 — возрастом 15—20 лет, в катакомбе 74/2 — подросток 11—13 лет (Тельнов и др. 2016: 136, 183, 211, 285, 331, 343, 358, 378, 419, 444, 517, 532, 610, 634). Однако ни одному маленькому ребёнку, как в северной камере катакомбы 116/1, зеркало положено не было. Также ни разу не была зафиксирована обшивка футляра зеркала бисером и наличие кожаного чехла для его ручки. Это ещё одно свидетельство высокого социального статуса детей, погребённых в кургане 116.

Предметы культа, обнаруженные в публикуемом комплексе, представлены несколькими находками. Находки фрагмента дна курильницы во рву кургана 116 и фрагмента корчаги (вместе с углями), игравшей роль курильницы, во входной яме погребения 116/1, объясняют отсутствие курильниц, получивших широчайшее распространение на могильнике у с. Глиное (Синика и др. 2014: 66—74, рис. 3—9; Тельнов и др. 2016: 902), в камерах катакомб 116/1 и 116/2. Заметим, что фрагменты курильниц за пределами погребальных сооружений были дважды выявлены при раскопках могильника у с. Глиное — в тризне кургана 47 и во рву кургана 106 (Тельнов и др. 2016: 299, 623). Использование частей лепных сосудов в качестве курильниц (как во входной яме погребения 116/1) отмечено в погребениях 29/1 и 78/3 (Тельнов и др. 2016: 908).

Довольно редкими находками в скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья являются амулеты из кабаньих клыков. В кургане 116 могильника у с. Глиное такая находка была обнаружена в скоплении бусин на левом плече/локте второго костяка в северной погребальной камере катакомбы 116/1. Ранее на могильнике у с. Глиное было найдено ещё шесть кабаньих клыков: в захоронениях 36/1 (на шее женщины 20—35 лет, в составе ожерелья), 69/2 (три клыка слева у таза женщины 20—35 лет), 91/2 (в составе браслета

на левом запястье взрослой женщины), а также в тризне кургана 113 (Тельнов и др. 2016: 252, 419, 422, 428—429, 537, 539, 656, 919, рис. 132: 2; 238: 10; 304: 3; 370: 3). Аналогичные амулеты известны в захоронениях первой половины III в. до н. э. 21/2 (три кабаньих клыка справа от костяка взрослой женщины, вместе с подвеской из монеты и одной бусиной, сдавленной железным и бронзовым кольцами) и 22/1 (один клык в заполнении ограбленной погребальной камеры) могильника Мреснота Могила на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова и др. 1985: 98, 102, рис. 60: 17; Тельнов и др. 2016: 987—988; Синика, Тельнов 2017б: 149). До недавнего времени только один кабаний клык был известен в погребении более раннего времени — 9/1 у с. Неделково в Днестро-Бугском междуречье (Редина 1999: 80, рис. 3: 5). Захоронение было совершено в середине IV в. до н. э. (Тельнов и др. 2016: 739). Однако в 2017 г. кабаний клык с отверстием для подвешивания был найден в составе ожерелья ребёнка в погребении 7/4 группы «Сад» у с. Глиное, совершённом, как уже отмечено выше, в последней четверти IV в. до н. э. В настоящее время только этот комплекс, как и северная погребальная камера катакомбы 116/1 могильника у с. Глиное, являются детскими захоронениями, где были обнаружены кабаньи клыки.

Миниатюрный деревянный сосуд с охрой, лежавший южнее правого плеча первого костяка в северной погребальной камере катакомбы 116/1, уникален. Отметим, что следы охры, с учётом окрашенного гробовища восточной камеры катакомбы 116/1, отмечены в девяти захоронениях могильника у с. Глиное; изредка они фиксируются и на других скифских памятниках региона (Тельнов и др. 2016: 924). Однако до настоящего времени среди всех скифских погребальных памятников Северо-Западного Причерноморья ни одного сосуда, в том числе и деревянного, куда была положена охра, известно не было.

Анализ находок из кургана 116 могильника у с. Глиное показывает, что его датировка определяется на основании трёх фибул из восточной камеры катакомбы 116/1, а также гераклейской амфоры из рва. Как мы уже отметили выше, сочетание фибул раннелатенской конструкции (бронзовой однопружинной с овальной в плане спинкой, железной двухпружинной с шариком на округлой в сечении спинке и железной однопружинной с шариком на спинке и с шариком с манжетой на окончании ножки) позволяет датировать их первой половиной III в. до н. э. В то же время придонная часть гераклейской амфоры (рис. 2: 3) принадлежит сосуду, который едва ли не идентичен целой амфоре из погребения 71/1 могильника у с. Глиное[10]. Дата последней на основании энглифического клейма фабриканта Ἡρα(-) на горле определяется концом IV — первой четвертью III в. до н. э. (Кац 2007: 244, прил. V: 7; Тельнов и др. 2016: 436, 826, 945—946, 988, табл. 21: 10; рис. 244: 5, 6)[11]. Таким образом, время сооружения кургана 116 могильника и датировку основного погребения 116/1 у с. Глиное следует определять концом второй — началом третьей четверти III в. до н. э. Очевидно, что захоронение 116/2 было впущено в насыпь в третьей четверти III в. до н. э.

В завершение необходимо констатировать, что настоящая работа вводит в научный оборот ещё один скифский курган могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Таким образом, количество археологических памятников III—II вв. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье увеличивается. В настоящее время они представлены не только сотнями скифских погребений (Тельнов, Синика 2014б: 38; Тельнов и др. 2016; Разумов, Синика 2017; Субботин и др. 2017: 97—102, рис. 58—60) и немногочисленными кладами (Зайцев 2008), но и функционировавшими в это время поселениями: Токмазея (Синика 2017а), Парканы-II (Синика 2017б), Слободзея-VI (Синика, Иващенко 2017), Чобручи (Иващенко 2012; Фидельский и др. 2017) и Красное (Синика и др. 2012) на левобережье Днестра, и Паланка (Ткачук, Топал, Зверев 2016) — на правобережье.

Значительно более важно, что при раскопках кургана 116 у с. Глиное были получены новые материалы, которые позволили качественно пополнить источниковую базу скиф-

[10] И целая амфора из погребения 71/1, и фрагменты амфоры изо рва кургана 116 хранятся в музее археологии Поднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Только натурное сравнение целого и фрагментированного сосудов позволило сделать графическую реконструкцию амфоры из кургана 116 (рис. 2: 3) и высказать данное утверждение.

[11] Графические реконструкции родосской (рис. 2: 1) и синопской (рис. 2: 2) амфор изо рва являются достаточно условными. Датировка этих амфор, при отсутствии профильных частей, может определяться только очень широким периодом производства сосудов. Амфора неустановленного центра (рис. 2: 5, 6) графически не реконструировалась. Фрагменты стенок херсонесской амфоры небольшие и невыразительные, поэтому не проиллюстрированы в настоящей работе.

ских погребальных памятников региона. Даже на фоне всех 113 скифских насыпей, исследованных в 1995—2012 гг., содержавших весьма многочисленный и разнообразный инвентарь, публикуемый курган является неординарным.

Речь идёт не о прекрасной степени сохранности погребальных сооружений (характерной для большинства курганов могильника), не об уникальных находках (гривне, двух поясных бляхах с изображением мужских лиц, трёх фибулах, паре боевых ножей), не о возможности в очередной раз констатировать греческое (светильник из ножки амфоры и ниша для светильника), фракийское (бронзовый браслет, серебряная конусовидная подвеска, две лепные миски) и латенское/центральноевропейское (гривна, две поясные бляхи, три фибулы, два крючка-застёжки) влияние, а обо всех этих факторах в совокупности.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что в 2015—2017 гг. к северу от скифского могильника у с. Глиное были исследованы скифские погребения в курганных группах «Водовод» (Синика, Тельнов 2016а; 2016 б; 2016в; 2017б; 2017 в; Панковский, Синика 2017; Синика и др. 2017) и «Сад» (Синика, Тельнов 2016г; Синика, Тельнов 2017а). Суммарная датировка данных комплексов, в том числе и неопубликованных в настоящее время, охватывает период от третьей четверти IV в. до н. э. (курган 1 группы «Водовод») до первой четверти/трети III в. до н. э. (погребение 7/5 группы Водовод). Позднейшие из них, как и наиболее ранние насыпи на могильнике III—II вв. у с. Глиное (в том числе и публикуемый курган 116), демонстрируют трансформацию скифской культуры на протяжении IV—III вв. до н. э. Это является прямым подтверждением обозначенной ранее позиции (Тельнов и др. 2016: 1001), что скифская степная культура на Нижнем Днестре существовала непрерывно, как минимум, вплоть до конца II в. до н. э.

Литература

Андрух С. И., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н. 1985. *Курганы у села Плавни в низовьях Дуная.* Монография депонирована в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., № 21110. Одесса.

Андрух С. И., Тощев Г. Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора.* Кн. I. Запорожье: ИА НАНУ; ЗГУ.

Андрух С. И., Тощев Г. Н. 2009. *Могильник Мамай-Гора.* Кн. IV. Запорожье: ЗНУ.

Бидзиля В. И., Полин С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Болтрик Ю. В. 1993. Курган Кара-Тюбе. *ДСПК* IV, 183—197.

Бруяко и др. 2016: Бруяко И. В., Загинайло А. Г., Колесниченко А. Н. 2016. Некрополь древнегреческого Никония (материалы к изучению). *Stratum plus* (3), 277—307.

Власова Е. В. 2009. Ахтанизовский клад. *ВДИ* (3), 63—78.

Гудкова А. В., Суничук Е. Ф. 1985. *Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г.* Киев. Архив ИА НАНУ. № 1984/3а.

Гудкова и др. 1985: Гудкова А. В., Тощев Г. М., Фокеев М. М., Андрух С. И. 1985. *Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г.* Киев. Архив ИА НАНУ. № 1984/158.

Дараган М. Н. 2017. О формировании скифских колчанных наборов второй половины VI в. до н. э. *Stratum plus* (3), 51—111.

Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф. 1984. Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское. В: Черняков И. Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 148—161.

Зайцев Ю. П. 2008. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III—I вв. до н. э. Хронология и культурная принадлежность. В: Немченко И. В. (глав. ред.) *Древнее Причерноморье* VIII. Одесса: Фридман А. С., 146—152.

Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. 2004. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму. *БИ* VII, 242—259.

Иващенко М. В. 2012. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 81—86.

Іллінська В. А. 1951. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. *Археологія* V, 196—212.

Карнаух и др. 2016: Карнаух Е. Г., Сердюк М. И., Синика В. С. 2016. Скифский клад из Дебальцево. *Stratum plus* (3), 217—238.

Кетрару и др. 2014: Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2014. *Дубоссарские курганы.* АПП II. Тирасполь: Stratum Plus.

Королькова Е. Ф. 2001. Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи. В: Захарова Н. А. (отв. ред.) *Ювелирное искусство и материальная культура.* Санкт-Петербург: ГЭ, 68—95.

Кривенко и др. 2011: Кривенко А. В., Синика В. С., Тельнов Н. П. 2011. Случайные находки III—II вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра. *Stratum plus* (6), 41—45.

Матвиишина и др. 2016: Матвиишина Ж. Н., Пархоменко А. Г., Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Синика В. С. 2016. Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. *МАИАСК* 8, 11—45.

Мелюкова А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских). *МИА* 115, 114—166.

Мелюкова А. И. 1964. *Вооружение скифов.* САИ Д1—4. Москва: Наука.

Мелюкова А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка.* Москва: Наука.

Мелюкова А. И. 1995. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV—III вв. до н. э. *РА* (1), 28—36.

Мордвинцева В. И. 2001. Декоративные пластины из Бубуеча. *РА* (2), 108—114.

Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. — 2 в. н. э.* Т. 2. Симферополь; Бонн: Тарпан.

Никулицэ И. Т. 1987. *Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э.* Кишинёв: Штиинца.

Нудельман А. А. 1969. Античный клад из с. Лэргуца. В: Лазарев Н. С., Нудельман А. А., Пугачевский Г. К., Рикман Э. А., Хынку И. Г. (ред.). *Труды ГИКМ* II. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 129—134.

Нудельман А. А., Рикман Э. А. 1957. Новые археологические находки в Молдавии. *СА* (3), 248—252.

Островерхов А. С., Редина Е. Ф. 2013. Скифские древности. В: Бруяко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины)*. Одесса: Смил, 374—418.

Паламарчук С. В., Синика В. С. 2014. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. *Stratum plus* (3), 291—302.

Панковский В. Б., Синика В. С. 2017. Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное. *Stratum plus* (3), 343—359.

Петренко В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* САИ Д4—5. Москва: Наука.

Полин С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ИА НАНУ.

Полин С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Полин С. В., Кубышев А. И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье)*. Киев: ИА НАНУ.

Разумов С. Н., Синика В. С. 2017. «Новый» скифский комплекс III в. до н. э. на правобережье Нижнего Днестра. *Вестник ВолГУ. Серия* 4. *История. Регионоведение. Международные отношения* 22 (3), 6—19.

Редина Е. Ф. 1999. Скифский могильник Неделково на севере Одесской области. *Stratum plus* (3), 75—80.

Редина Е. Ф. 2000. Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В: Прігарін О. А., Сминтина О. В. (відп. ред.). *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та дослідження*. Одеса: АстроПринт, 243—252.

Рикман Э. А. 1961. *Памятники древнего искусства Молдавии (по археологическим данным)*. Кишинёв: Картя молдовеняскэ.

Симоненко А. В. 2009. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Синика В. С. 2002. Ритуальная плита как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья). В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в Средние века*. Мат-лы X междунар. науч. конф. 29 мая — 3 июня 2001 г. Ростов-на-Дону: РГПУ, 85—87.

Синика В. С. 2006а. О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI—II вв. до н. э. В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время*. Сб. статей по матлам XI Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: РГПУ, 58—60.

Синика В. С. 2006б. Собака в погребальном обряде варварского населения Северного Причерноморья в скифо-сарматское время. В: Бессуднов А. Н. (отв. ред.). *Археологическое изучение Центральной России*. Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. В. П. Левенка (13—16 ноября 2006 г.). Липецк: ЛГПИ, 219—222.

Синика В. С. 2007а. *Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Синика В. С. 2007б. *Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Синика В. С. 2011. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В: Балахванцев А. С., Колганова Г. Ю. (отв. ред.). *Древность: историческое знание и специфика источника* V. Материалы международной научной конференции, посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского (Москва, 12—14 декабря 2011 г.). Москва: ИВ РАН, 184—187.

Синика В. С. 2012. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко. Одесса: Смил, 264—272.

Синика В. С. 2017а. Латенская фибула из Токмазеи. *Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология* (2), 111—115.

Синика В. С. 2017б. Новый памятник III—II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник НВГУ* (2), 122—129.

Синика и др. 2012: Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А. 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (3), 187—215.

Синика и др. 2013: Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2013. *Курганы у села Буторы*. АПП I. Тирасполь: Полиграфист.

Синика В. С., Тельнов Н. П. 2014. Скифские жилища IV—II вв. до н. э. в Северном Причерноморье. В: Скорий С. А. (гол. ред.). *АДПУ* 13 (2), 18—36.

Синика и др. 2014: Синика В. С., Меньшикова В. А., Тельнов Н. П. 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э. *Stratum plus* (3), 65—101.

Синика В. С., Тельнов Н. П. 2015а. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV—II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Мат-лы Междунар. науч. конф., по-

священ. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 180—190.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2015б. Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья. *Tyragetia SN* IX (1), 183—208.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016а. Крестовидные крючки-застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья. В: Маріна З.П. (відп. ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, 304—316.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016б. Скифский курган №1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Емінак* (4), 45—53.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016в. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV—III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра. *Новое прошлое* (4), 258—272.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016г. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. В: Нємченко І.В. (гол. ред.). *Стародавнє Причорномор'я* XI. Одеса: ОНУ, 488—499.

Синика и др. 2016: Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья*. Тирасполь: Полиграфист.

Синика В.С., Иващенко М.В. 2017. Комплекс находок III в. до н.э. с поселения Слободзея-VI. *Известия СНЦ РАН* 19 (3), 223—228.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017а. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Новое прошлое* (4), в печати.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017б. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра. *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология* 42 (8), 5—12.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017в. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (3), 131—152.

Синика и др. 2017: Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А. 2017. Скифский курган №4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник* 6 (2), 108—113.

Субботин и др. 1992: Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Препринт.

Субботин и др. 2017. Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. *Семёновские курганы*. АПП IV. Тирасполь: Stratum plus.

Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В: Черняков И.Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 103—120.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября. Тирасполь: ПГУ, 5—15.

Тельнов Н.П., Синика В.С. 2014а. Зеркала из позднескифского могильника конца IV—II в. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В: Павленко Т.А., Схатум Р.Б., Улитин В.В. (ред. кол.). *IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье*. Мат-лы междунар. археологич. конф. (г. Краснодар, 28—30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция, 239—249.

Тельнов Н.П., Синика В.С. 2014б. Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы. *Русин* (2), 29—54.

Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Синика В.С. 2016. Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре). *Stratum plus* (3), 129—141.

Тельнов Н.П., Синика В.С. 2016. Конское снаряжение из скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В: Sîrbu L., Telnov N., Ciobanu L., Sîrbu Gh., Kaşuba M. (ed.). *Culturi, Procese şi Contexte in Arheologie*. Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani. Chişinău: IPC AŞM, 294—309.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. АПП III. Тирасполь: Stratum Plus.

Ткачук М.Е., Топал Д.А., Зверев Е.Ю. 2016. Археологические разведки у с. Паланка: новое античное поселение на Нижнем Днестре. В: Церна С., Говедарица Б. (отв. ред.). *Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы*. Кишинёв: Stratum Plus, 367—377.

Фидельский С.А., Иващенко М.В., Синика В.С. 2017. Амфорные клейма причерноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (6), 329—346.

Четвериков И.А., Синика В.С. 2002. Катакомбы II типа в Тираспольской группе. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.)*. Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь, 5—8 ноября 2002 г. Тирасполь: Типар, 299—305.

Kamińska M. 1992. Napierśniki kultury pomorskiej i ich wyobrażenia na popielnicach twarzowych. *Wiadomości Archeologiczne* LII (1), 17—44.

Kneisel Ju. 2007. Die gegürtete Frau. Versuch einer Trachtrekonstruktion. *Situla* 44. Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, 583—596.

Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C.* The Athenian Agora XII. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens.

References

Andrukh, S.I., Dobroliubskii, A.O., Toshchev, G.N. 1985. *Kurgany u sela Plavni v nizov'iakh Dunaia (Barrows near the Plavni Village in the Lower Danube Region)*. Monograph submitted to the Russian Academy's Institute for Scientific Information on Social Sciences, 13.06.1985, no. 21110. Odessa (in Russian).

Andrukh, S.I., Toshchev, G.N. 1999. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)* I. Zaporizhzhya: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Zaporizhzhya State University (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2009. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)* IV. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian Royal Barrow Gaimanova Mogila).* Kiev: "Skif" Publ. (in Russian).

Boltrik, Yu. V. 1993. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* IV, 183—197 (in Russian).

Bruiako, I. V., Zaginailo, A. G., Kolesnichenko, A. N. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 277—307 (in Russian).

Vlasova, E. V. 2009. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 63—78 (in Russian).

Gudkova, A. V., Sunichuk, E. F. 1985. *Polevoi otchet Orlovskogo kurgannogo otriada Budzhakskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1984 g. (Field Report of the Orlovka Barrow Team, Budzhak Archaeological Expedition, for 1984).* Kiev. Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1984/3a (in Russian).

Gudkova, A. V., Toshchev, G. M., Fokeev, M. M., Andrukh, S. I. 1985. *Otchet o rabote Izmail'skoi novostroechnoi ekspeditsii v 1984 g. (Report on the Fieldwork of the Izmail Rescue Expedition in 1984).* Kiev. Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1984/158 (in Russian).

Daragan, M. N. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 51—111 (in Russian).

Dzis-Raiko, G. A., Sunichuk, E. F. 1984. In Cherniakov, I. T. (ed.). *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Early Iron Age of the Northeastern Black Sea Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 148—161 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2008. In Nemchenko, I. V. (ed.-in-chief). *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)* VIII. Odessa: "Fridman A. S." Publ., 146—152 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Koltukhov, S. G. 2004. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* VII, 242—259 (in Russian).

Ivashchenko, M. V. 2012. In Telnov, N. P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC).* Tiraspol: T. G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 81—86 (in Russian).

Illins'ka, V. A. 1951. In *Arkheolohiya (Archaeology)* V, 196—212 (in Ukrainian).

Karnaukh, E. G., Serdiuk, M. I., Sinika, V. S. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 217—238 (in Russian).

Chetraru, N. A., Sinika, V. S., Razumov, S. N., Telnov, N. P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossary Barrows).* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Sites of Pridnestrovie) II. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Korol'kova, E. F. 2001. In Zakharova, N. A. (ed.). *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 68—95 (in Russian).

Krivenko, A. V., Sinika, V. S., Telnov, N. P. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 41—45 (in Russian).

Matviishina, Zh. N., Parkhomenko, A. G., Razumov, S. N., Lysenko, S. D., Telnov, N. P., Sinika, V. S. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea)* 8, 11—45 (in Russian).

Meliukova, A. I. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 115, 114—166 (in Russian).

Meliukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian Armament).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Meliukova, A. I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Settlement and Necropolis of Scythian Age near the Village of Nikolaevka).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Meliukova, A. I. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 28—36 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 108—114 (in Russian).

Mordvintseva, V. I., Treister, M. Yu. 2007. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e 2 v. do n. e. — 2 v. n. e. (Pieces of Thoreutics and Jewellery in Northern Black Sea Region in 2nd Century BC — 2nd Century AD)* 2. Simferopol; Bonn: "Tarpan" Publ. (in Russian).

Niculiță, I. T. 1987. *Severnye frakiitsy v VI — I vv. do n. e. (Northern Thracians in 6th — 1st centuries BC).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Nudel'man, A. A. 1969. In Lazarev, N. S., Nudel'man, A. A., Pugachevskii, G. K., Rikman, E. A., Hîncu, I. G. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia (Proceedings of the State Museum of Local History)* II. Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ., 129—134 (in Russian).

Nudel'man, A. A., Rikman, E. A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 248—252 (in Russian).

Ostroverkhov, A. S., Redina, E. F. 2013. In Bruiako, I. V., Samoilova, T. L. (eds.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region: to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine).* Odessa: "Smil" Publ., 374—418 (in Russian).

Palamarchuk, S. V., Sinika, V. S. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 291—302 (in Russian).

Pankovskii, V. B., Sinika, V. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 343—359 (in Russian).

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniia Skifii VII—III vv. do n. e. (Decorations of Scythia: 5th—3rd Centuries BC).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D4—5. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii (From Scythia to Sarmatia).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Polin, S. V. 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine (Scythian Barrow Necropolis Zolotaya Balka of 5th—4th Centuries BC in the Kherson Region).* Series: Kurgany Ukrainy (Barrows in Ukraine) 3. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1997. *Skifskie kurgany Utliukskogo mezhdurech'ia (v severo-zapadnom Priazov'e) (Scythian Barrows of the Utlyuk Interfluve (in North-Western Azov Region)).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Razumov, S. N., Sinika, V. S. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, and International Relations)* 22 (3), 6—19 (in Russian).

Redina, E. F. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 75—80 (in Russian).

Redina, E. F. 2000. In Prigarin, O. A., Smintina, O. V. (ed.). *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoï Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Research).* Odessa: "AstroPrint" Publ., 243—252 (in Russian).

Rikman, E. A. 1961. *Pamiatniki drevnego iskusstva Moldavii (po arkheologicheskim dannym) (Early Art Monuments in Moldova: by Archaeological Data).* Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ. (in Russian).

Simonenko, A.V. 2009. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Pontic Region).* Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Sinika, V.S. 2002. In Kopylov, V.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in Ancient and Medieval Times).* Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State Pedagogical University, 85—87 (in Russian).

Sinika, V.S. 2006. In Kopylov, V.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in Ancient and Medieval Times).* Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State Pedagogical University, 58—60 (in Russian).

Sinika, V.S. 2006. In Bessudnov, A.N. (ed.). *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noi Rossii (Archaeological Studies in Central Russia).* Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical Institute, 219—222 (in Russian).

Sinika, V.S. 2007. *Pogrebal'nye pamiatniki skifskoi kul'tury VII — nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunaiskikh stepei (Burial Sites of the Scythian Culture, 7th — Early 3rd Centuries BC, in the Steppes between Dniester, Prut and Danube).* PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Sinika, V.S. 2007. *Pogrebal'nye pamiatniki skifskoi kul'tury VII — nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunaiskikh stepei (Burial Sites of the Scythian Culture, 7th — Early 3rd Centuries BC, in the Steppes between Dniester, Prut and Danube).* PhD Diss. Moscow (in Russian).

Sinika, V.S. 2011. In Balakhvantsev, A.S., Kolganova, G. Yu. (eds.). *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika (Antiquity: Historical Knowledge and Source Specfics)* V. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 184—187 (in Russian).

Sinika, V.S. 2012. In Prigarin, A.A. (ed.). *Chelovek v istorii i kul'ture (The Man in History and Culture)* 2. Odessa: "Smil" Publ., 264—272 (in Russian).

Sinika, V.S. 2017. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiia (Bulletin of the Voronezh State University: History, Political and Social Sciences Series)* (2), 111—115 (in Russian).

Sinika, V.S. 2017. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Nizhnevartovsk State University)* (2), 122—129 (in Russian).

Sinika, V.S., Tashchi, E.F., Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 187—215 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near Butory Village).* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Prindestrov'ia (Archaeological Sites of Prindestrovie) I. Tiraspol: "Poligrafist" Publ. (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2014. In Skorii, S.A. (ed.-in-chief). *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 13 (2), 18—36 (in Russian).

Sinika, V.S., Men'shikova, V.A., Telnov, N.P. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 65—101 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2015. In Luk'yashko, S.I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World).* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 180—190 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2015. In *Tyragetia SN* IX (1), 183—208 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In Marina, Z.P. (ed.). *Arkheolohiya ta etnolohiya pivdnya Skhidnoï Yevropy (Archaeology and Ethnology of the Southern Part of Eastern Europe).* Dnipro: "Lira" Publ., 304—316 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In *Eminak (Eminak)* (4), 45—53 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In *Novoe proshloe (New Past)* (4), 258—272 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In Nyemchenko, I.V. (ed.-in-chief). *Starodavnye Prychornomor'ya (The Black Sea Region in Antiquity)* XI. Odessa: Odessa National University, 488—499 (in Russian).

Sinika et al. 2016: Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2016. *Arkheologicheskoe nasledie Prindestrov'ia (Archaeological Heritage of Transdniestria).* Tiraspol: "Poligrafist" Publ. (in Russian).

Sinika, V.S., Ivashchenko, M.V. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 19 (3), 223—228 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Novoe proshloe (New Past)* (4), in print (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriia: istoriia, politologiia, ekonomika, informatika (Scientific Bulletin of the Belgorod State University. History, Political Sciences, Economics, Informatics Series)* 42 (8), 5—12 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 131—152 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Zakordonets, O.A. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 6 (2), 108—113 (in Russian).

Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve).* Kiev: "Preprint" Publ. (in Russian).

Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semenovskie kurgany (Semyonovka Barrows).* Series: Arhaeological Sites of the Dniester Region IV. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Sunichuk, E.F., Fokeev, M.M. 1984. In Cherniakov, I.T. (ed.). *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Early Iron Age of the Northeastern Black Sea Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 103—120 (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2012. In Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC).* Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 5—15 (in Russian).

Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2014. In Pavlenko, T.A., Skhatum, R.B., Ulitin, V.V. (ed. board). *IV «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyi Kavkaz v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii v drevnosti i srednevekov'e (4th Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. Western Caucasus in the Context of International Relations in the Antiquity and Middle Ages).* Krasnodar: "Traditsiia" Publ., 239—249 (in Russian).

Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2014. In *Rusin (Rusin)* (2), 29—54 (in Russian).

Telnov, N.P., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 129—141 (in Russian).

Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2016. In Sîrbu, L., Telnov, N., Ciobanu, L., Sîrbu, Gh., Kaşuba, M. (eds.). *Culturi, Procese şi Contexte in Arheologie.* Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani. Chişinău: IPC AŞM, 294—309 (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n.e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BC near Glinoe Village).* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Prindestrov'ia (Archaeological Sites of Prindestrovie) III. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Tkachuk, M.E., Topal, D.A., Zverev, E. Yu. 2016. In Ţerna, S., Govedarica, B. (eds.). *Kul'turnye vzaimodeistviia. Dinamika i smysly. Sbornik statei v chest' 60-letiia I.V. Man-*

zury (Interactions, Changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday). Kishinev: "Stratum plus" Publ., 367—377 (in Russian).

Fidel'skii, S.A., Ivashchenko, M.V., Sinika, V.S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 329—346 (in Russian).

Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2002. In Yarovoy, E.V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The Most Ancient Communities of Farmers and Stock-breeders of the Northern Pontic Region (V Millennium BC — 5th Century (Interactions, Changes and Meanings))*. Tiraspol: State Corporative University of Pridniestrovie. Laboratory of Archaeology; "Tipar" Publ., 299—305 (in Russian).

Kamińska, M. 1992. Napierśniki kultury pomorskiej i ich wyobrażenia na popielnicach twarzowych. *Wiadomości Archeologiczne* LII (1), 17—44.

Kneisel, Ju. 2007. Die gegürtete Frau. Versuch einer Trachtrekonstruktion. *Situla* 44. Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, 583—596.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. *Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C.* The Athenian Agora XII. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens.

Статья поступила в сборник 21 ноября 2017 г.

Vitalij Sinica (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko[1]; Nizhnevartovsk State University[2].

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Нижневартовский государственный университет.

E-mail: sinica80@mail.ru

Nicolai Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova[3].

Тельнов Николай Петрович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Addresses: [1] 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; [2] Lenin St., 56, Nizhnevartovsk, 628605, Khanty-Mansi Autonomous District — Yugra, Russian Federation; [3] Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

С. В. Полин

Сарматское завоевание Северного Причерноморья
(современное состояние проблемы)

Keywords: Great Scythia, Scythians, Sarmatians, Prokhorovka culture, barrow, burial, amphora, amphora's stamps, hillfort, settlement, fortifications

Ключевые слова: Великая Скифия, скифы, сарматы, прохоровская культура, курган, погребение, амфора, амфорные клейма, городище, поселение, укрепления

S. V. Polin

Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (current studies)

The author addresses the problem of decline of the Great Scythia and the Sarmatian conquest of the Northern Black Sea region. The archaeological data suggest that there is no link between these events, because there is more than one hundred years between them. This idea, advanced twenty-five years ago, has been supported by new arguments over the past years. Nevertheless, new publications appear from time to time with different speculations on this issue based on obsolete arguments. These publications disregard modern condition of sources in the Northern Black Sea region. And they are relentless: the disintegration and disappearance of the Great Scythia and appearance of the Sarmatians in the Northern Black Sea region are not related and are separated by time.

С. В. Полин

Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы)

Рассматриваются проблемы упадка Великой Скифии и сарматского завоевания Северного Причерноморья. По археологическим данным сделан вывод об отсутствии связи между этими событиями, поскольку они разделены во времени более чем столетним промежутком. Эта идея, высказанная четверть века тому назад, за прошедшие годы только усилилась новыми аргументами. Несмотря на это, в литературе продолжают появляться различные спекуляции на эту тему, основанные на устаревшей аргументации. Они совершенно не учитывают современное состояние источников в Северном Причерноморье. А они неумолимы — распад и исчезновение Великой Скифии и появление сарматов в Северном Причерноморье разделены во времени и не связаны между собой.

Четверть века тому назад по состоянию археологических источников на тот период я предложил следующую интерпретацию заключительного этапа истории Великой Скифии Северного Причерноморья, а также времени и характера появления сарматов в причерноморском регионе.

Причерноморская Скифия в пределах от Дона до Дуная в конце первой четверти — первой трети III в. до н. э. завершила своё существование, о чем свидетельствует прекращение строительства курганов и жизни на поселениях, возникших в предшествующий период. Степные просторы опустели, и крайне немногочисленные остатки населения сконцентрировались на позднескифских поселениях вокруг долины Нижнего Днепра, в Предгорном Крыму и на Нижнем Дунае в Добрудже, где на протяжении последующих нескольких столетий существовали скифские очаги обитания, известные в истории под названием Малых Скифий. Наряду со многими другими факторами, в качестве основной причины упадка Причерноморской Скифии я предполагал природно-климатические изменения, в результате которых степные просторы стали непригодными для продуктивной жизни, и скифское население, предельно сократившись численно, сосредоточилось у речных долин, где перешло к полной оседлости и земледелию как основному источнику существования. Те же процессы происходили и в украинской лесостепи, с тем отличием, что здесь в начале III в. до н. э. вообще наступило полное запустение и жизнь возобновилась не ранее конца III в., или даже во II в. до н. э., в виде крайне маломощных культур зарубинецкой и Поенешти-Лукашевка в лесо-

© С. В. Полин, 2018.

степных Поднепровье и Поднестровье. Сарматы, с нашествием которых в Северное Причерноморье традиционно связывался разгром и завоевание Причерноморской Скифии, появились в Днепро-Донском междуречье не ранее середины II в. до н. э., и лишь в конце II — I вв. до н. э. в достаточно ощутимых количествах, где заняли пустые степные территории, не затрагивая позднескифские очаги обитания. Дальнейшее продвижение сарматов на запад осуществлялось крайне медленно, и лишь к рубежу эры сарматы вышли на Дунай. Таким образом, между прекращением существования Скифии и появлением сарматов в Северном Причерноморье фиксируется временной разрыв протяженностью около столетия. Известная по ольвийскому декрету в честь Протогена угроза нашествия кельтов с запада, согласно тому же декрету, не осуществилась, поскольку кельты прошли стороной и, как известно, ушли на Балканы и в Малую Азию, и поэтому совершенно «неповинны» в прекращении существования западной окраины Скифии. Таким образом, все факты указывали на то, что финал Причерноморской Скифии и появление сарматов в Причерноморском регионе были событиями разновременными и абсолютно не связанными между собой (Полін 1984; Полин 1986; 1989; 1992; Полин, Симоненко 1990; 1997; 2004).

Что же изменилось с тех пор?

За прошедшую четверть века в Северном Причерноморье-Приазовье не появилось ни одного сарматского комплекса III—II вв. до н. э. ни в старых материалах, ни в новых раскопках, которые могли бы засвидетельствовать хотя бы эпизодическое, в виде следов кратковременных набегов, присутствие сарматов на территории к западу от Дона. В междуречье Дона и Днепра имеется 62 сарматских комплекса и случайных находок не ранее II—I вв. до н. э. и ещё 6 конца II — I вв. до н. э. между Днепром и Прутом (Симоненко 2000: 158).

В Нижнем Подонье, на восточной окраине Скифии за прошедшие десятилетия была значительно уточнена хронология памятников скифского периода, а также проанализированы разнообразные кочевнические комплексы IV—II вв. до н. э. этой территории. Строительство и разрушение укреплений Елизаветовского городища в середине — третьей четверти IV в. до н. э. сейчас рассматривается как следствие внутрирегиональных процессов. Установлено, что в конце или даже перед концом IV в. до н. э. население покинуло Елизаветовское городище и все поселения Донской дельты, как считается, вследствие междоусобной войны Сатира и Евмела на Боспоре (Марченко, Житников, Копылов 1999: 77—78; Копылов 2002: 232). Предполагается, что кочевое скифское население оставалось в этом регионе и после ухода населения городища и поселений дельты, поскольку диапазон датировок скифских курганов левобережья и правобережья Дона захватывает и начало III в. до н. э. (Глебов 2002: 189—190; 2007: 62—63; Коваленко 2006: 55). Однако датировки этой группы нижнедонских курганов подвергаются дальнейшей коррекции. Так, предложенная мной в своё время датировка Новочеркасского погребения концом IV — началом III вв. до н. э. по херсонесской амфоре (Полин 1992: 68), после уточнения датировки Александропольского кургана в пределах третьей четверти IV в. до н. э., где в околокурганной тризне найдены такие же амфоры (Полин, Дараган 2010: 193—194, 208), требует соответствующего удревнения и для Новочеркасского погребения, что и предлагает А. В. Дедюлькин (2015: 72). То же касается и кургана №1 у Ново-Александровки. Предложенная для него датировка по херсонесским клеймам первой группы концом IV — началом III вв. до н. э. (Лукьяшко 2000: 67—168), после находки таких клейм в тризне Александропольского кургана в контексте третьей четверти IV в. до н. э. (Полин 2010: 278—279, 286—288), требует соответствующего удревнения до третьей четверти IV в. до н. э., как и курган №12 в группе Высочино-V (Полин 2014: 516—517, 520—521). Поэтому вывод о существовании на Нижнем Дону кочевого скифского населения и после ухода жителей Елизаветовского городища и поселений его округи, вплоть до начала III в. до н. э., вероятно, придётся согласовывать с датировкой по Елизаветовскому городищу и удревнять датировки проблемных курганов также до последних годов IV в. до н. э.

В результате появления новых данных, для Нижнего Подонья сделан ряд обоснованных, весьма существенных, выводов по появлению здесь сарматов: 1) нижнедонской регион в IV — начале III в. до н. э. не был сарматским, и его населяли различные группы кочевников и западного, и восточного происхождения; 2) военная активность сарматов на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье в IV—III вв. до н. э., вопреки сложившемуся мнению, не находит достоверных подтверждений; 3) приблизительно в конце первой трети III в. до н. э. происходит если не полное исчезновение, то резкое сокраще-

ние кочевого населения Нижнего Дона и, соответственно, на протяжении большей части III в. до н. э. в Нижнем Подонье не было сколько-нибудь значительного постоянного кочевого населения; 4) на археологическом материале подтверждается вывод, сделанный ещё в 1990-х гг. С. В. Полиным и Н. Е. Берлизовым, об отсутствии датированных раннесарматских памятников развитого III в. до н. э. к западу от Поволжья; — вплоть до конца III в. до н. э. не существовало сколько-нибудь серьёзной сарматской угрозы с востока, поскольку возникший в начале III в. до н. э. Танаис обзаводится оборонительными стенами не ранее рубежа III—II вв. или даже в начале II в. до н. э.; 5) наиболее ранняя группа раннесарматских памятников в Нижнем Подонье относится к началу II—I вв. до н. э. (Глебов 2002: 188—194; 2003: 80—86; 2004: 127—128; 2007: 63—66; 2009; 2012: 28—32; Полин 1992: 67—71; Берлизов 1996: 31).

Сходная ситуация фиксируется и в Прикубанье. Концепция военно-политического преобладания в кубанских степях сарматов (сираков) уже в IV в. до н. э. и последующего непрерывного развития сарматской культуры в кубанском регионе (Марченко 1996), согласно последним исследованиям, интерпретируется несколько иначе. По данным Н. Ф. Шевченко, кочевнические комплексы восточного происхождения IV — начала III в. до н. э. в Прикубанье весьма малочисленны и являются лишь частью разнородной массы кочевнических памятников, как и на Дону. Они не играли сколько-нибудь значимой роли в жизни региона при их абсолютной несопоставимости по численности с массой меотского населения и при том, что в этом регионе абсолютно доминировало Боспорское царство, по крайней мере, до начала III в. до н. э. активно расширявшее свои пределы на восток. В III в. до н. э. в кубанском регионе также фиксируется сокращение численности кочевнических памятников. Массовое продвижение и переселение сарматов в этот регион, надёжно фиксируемое археологически, происходит не ранее II в. до н. э. (Шевченко 2011: 47—55).

В конце 1990-х гг. В. Ю. Зуев решительно пересмотрел хронологию и периодизацию раннесарматской культуры и пришёл к выводу об отсутствии памятников III — первой половины II в. до н. э. в Волго-Уральском регионе (Зуев 1998: 45—50; 1999: 306; 2000: 306—308, 327; 2000а: 85—101), чему решительно воспротивились сарматологи. В. М. Клепиков и А. С. Скрипкин выделили в Поволжье горизонт сарматских комплексов, не содержащих импортов-хроноиндикаторов, но занимающих, по их мнению, промежуточное положение в хронологической шкале между хорошо датированными памятниками IV в. до н. э. и II—I вв. до н. э. Таким образом, было выделено 38 комплексов III в. до н. э. Такой странный способ датирования, когда памятники уже не такие, как более ранние, но ещё не совсем такие, как более поздние, а посему должны располагаться между ними, получил название «метода зажатых датировок» (Клепиков 2000: 117; 2002: 96—124; Клепиков, Скрипкин 2002: 66—68; Скрипкин, Клепиков 2004: 97—98). Следует сразу отметить, что логика, являющаяся единственным основанием упомянутого метода (Клепиков 2000: 117), в хронологии не работает, и поэтому вряд ли предлагаемый способ может решить проблему, что и было неоднократно отмечено коллегами (Зуев 1999: 322—323; 2004: 217—218; Симоненко 2003: 301—302; Демиденко 2007: 48—54; 2010: 365—368).

На мой взгляд, проблема выделения раннесарматских памятников III в. до н. э. так и остаётся нерешённой, хотя существование памятников этого времени сомнения не вызывает. Вероятно, в очень небольшом количестве, поскольку III в. до н. э. был временем глубокого упадка не только для Северного Причерноморья, но и для всего степного и лесостепного пояса Евразии. Пока же реальных сдвигов в этом направлении не чувствуется. С. Ю. Гуцалов в монографии по кочевникам Южного Приуралья VII—I вв. до н. э. выделил группы памятников конца V—IV в. до н. э. и III—I вв. до н. э. Из хронологического анализа немногих категорий вещей очевидно, что памятники III в. должны существовать, но для решительного отделения их от более ранних памятников IV в. до н. э. и более поздних II в. до н. э. надёжные хроноиндикаторы отсутствуют, и, соответственно, критериев для их выделения нет. Поэтому автор коррелировал комплексы со стрелами с таковыми же, где присутствуют и мечи, а в случае отсутствия последних оперировал процентными соотношениями типов стрел в колчане (Гуцалов 2004: 72—78). Такое процентование может быть рабочим решением для определения принадлежности к хронологической группе, как говорится, за неимением лучшего способа, но все равно без надёжных хроноиндикаторов-импортов проблема выделения памятников III в. до н. э. представляется неразрешимой. Автор совершенно справедливо обратил внимание на сложности соотнесения приуральских ком-

плексов с северопричерноморскими, поскольку существует немало уральских комплексов, в которых сочетаются в равной мере бронзовые втульчатые и железные черешковые наконечники — в Северном Причерноморье сочетание абсолютно немыслимое.

В публикации могильника VI—II вв. до н. э. у Лебедевки та же проблема решается несколько иначе. Здесь выделены хронологические группы конца VI — V вв. до н. э. (савроматская), конца V — IV вв. до н. э. (раннепрохоровская) и конца IV — II вв. до н. э. (классическая раннесарматская). Распределение комплексов между последними двумя группами решается просто. Все комплексы с мечами переходных типов, в том числе и с серповидным навершием и дуговидным перекрестьем, большими колчанными наборами из бронзовых и единичных железных черешковых наконечников стрел, каменными алтариками поздних форм, бляхами и пряжками с зооморфным рельефом и др., отнесены к концу V — IV вв. до н. э. Комплексы с мечами с серповидным навершием и прямым перекрестьем, с единичными мечами с кольцевым навершием, колчанными наборами из железных черешковых наконечников с единичными бронзовыми втульчатыми и др. отнесены к IV—II вв. до н. э. С помощью метода, который здесь именуется «косвенным датированием», предлагается выделение комплексов III в. до н. э. по маленьким колчанным наборам (8—22 наконечника), в которых сочетаются и бронзовые втульчатые, и железные черешковые наконечники с преобладанием последних и единичности первых. Такие комплексы в равной степени могут относиться и к IV в. до н. э., и к III в. до н. э., но по находкам в лебедевских курганах таких колчанов в сочетании с мечами с серповидным навершием и прямым перекрестьем (Лебедевка-V, кург. 27, погр. 1; Лебедевка-VII, кург. 16, погр. 4), предлагается их датировка III — началом II в. до н. э. (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 37—39). Замечу, что такие комплексы с равным успехом можно датировать и IV в. до н. э., поскольку появление мечей с серповидным навершием в это время надёжно зафиксировано в погр. 3 Линевского кургана (Скрипкин, Клепиков, Мошкова 2002: 109), и II—I вв. до н. э., к которым относится множество мечей с серповидным навершием и прямым перекрестьем.

В то же время, по утверждению Н. Е. Берлизова, в Заволжье и Приуралье имеется до 30 комплексов, узко датируемых III в. до н. э. (Берлизов 2003: 93—105; 2011: 60). Однако, по литературе незаметно, чтобы кто-нибудь из сарматологов привлекал их для хронологических построений. Н. Е. Берлизов выделил сарматские комплексы III в. до н. э. преимущественно на основании датировок бус по сводам Е. М. Алексеевой (Алексеева 1975; 1978; 1982). Титаническая работа Е. М. Алексеевой основана лишь на находках в некрополях и культурных слоях греческих городов Северного Причерноморья. В ней не учтены находки из варварских памятников юга Восточной Европы. К сожалению, предложенные Е. М. Алексеевой даты основаны на датировках 1960-х — начала 1970-х гг., которые зачастую определялись весьма приблизительно, по дате слоя, и нередко очень широко, в пределах двух столетий. Многие типы не имеют даты. Собственно, и в скифоведении в то время широко использовались датировки IV—III вв. или IV—II вв. до н. э., которые, как выясняется в наше время, практически все ограничены IV в. до н. э., началом IV в. до н. э., а то и концом V — началом IV в. до н. э., и лишь некоторые — концом IV — началом III в. до н. э. Свод Е. М. Алексеевой охватывает далеко не весь ассортимент бусин, встречаемый в скифских курганах Северного Причерноморья, и нередко её датировки разительно не соответствуют определяемым по скифским курганам (Бидзиля, Полин 2012: 380—386, 465—471), на что давно обратил внимание А. С. Островерхов. По его наблюдениям, для многих типов бусин из свода Е. М. Алексеевой, не имеющих датировки, такие даты дают находки в курганах Скифии V—IV вв. до н. э., которые также позволяют существенно расширить хронологический диапазон для целого ряда типов бусин. Так, например, по данным Е. М. Алексеевой, фаянсовые бусины и подвески известны в VI в. до н. э., а затем после длительного перерыва вновь появляются в III в. до н. э. и существуют позднее, в то время как в скифских курганах V—IV в. до н. э. такие бусы встречаются нередко, и в действительности они существовали непрерывно с VI в. до н. э. вплоть до первых веков новой эры. Целый ряд подобных примеров автор приводит и для стеклянных бус и подвесок (Островерхов 1985: 93, 97—107). В большинстве датировки бус Е. М. Алексеевой носят ориентировочный характер, и на их основании утверждать, что данный комплекс датируется не ранее III в. до н. э., датируется именно III в. до н. э., или датируется не позднее этого времени, просто нельзя. Отчасти для выделения комплексов III в. до н. э. Н. Е. Берлизов также использовал импортную керамику среднеазиатского производства, которая имеет очень широкие

датировки в пределах IV—II вв. до н. э. Поэтому «зажимание» датировок комплексов с помощью датировок бусин и среднеазиатской керамики не даст желаемый результат, поскольку ни те, ни другие не имеют необходимой точности[1].

В 2003—2005 гг. был доисследован эпонимный могильник прохоровской (раннесарматской) культуры у с. Прохоровка в Оренбургской обл. Кроме того, что могильник в своё время дал название раннесарматской культуре и по составу вещей из него был охарактеризован её материальный комплекс, значительный интерес представляет его хронология. В своё время М. И. Ростовцев столкнулся с трудностями в датировании курганов у Прохоровки. Серебряные блюда из кургана №1 он определил как ахеменидские и, руководствуясь датировкой надписи на них, датировал эти находки IV—III вв. до н. э. С другой стороны, принималась во внимание датировка памятников каневской и поздней полтавской групп Приднепровской лесостепи, которые он считал родственными прохоровским и в целом выделенной им группе «переходного периода» на юге России III—II вв. до н. э. или даже II—I вв. до н. э. (Ростовцев 1918: 79; 1925: 611—612). Б. Н. Граков датировал курганы у Прохоровки III—II вв. до н. э. (Граков 1928: 152—154). Позднее М. Г. Мошкова по серебряным блюдам датировала Прохоровский могильник рубежом IV—III вв. до н. э., началом III в. до н. э., ограничив в целом существование прохоровской культуры концом IV — II в. до н. э. (Мошкова 1963: 8; 1974: 11). В связи с наметившимися в 1980-х гг. общими тенденциями в хронологии материальной культуры скифов Северного Причерноморья к её некоторому удревнению, такому же удревнению должна была подвергнуться и хронология культуры сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, установленная П. Рау на основе существовавших в его время весьма поздних датировок скифских памятников (Rau 1929). Руководствуясь этими соображениями, я рассмотрел комплексы Прохоровского могильника и отнёс их к двум отдельным могильникам. Первый — курганы №3 и №4, и по обряду, и по составу вещей являющиеся савроматскими, я датировал V—IV вв. до н. э. и отнес к савроматскому периоду, что лишало прохоровскую культуру архаического налёта в виде каменных блюд, изделий звериного стиля, бронзовых наконечников стрел и ряда черт погребального обряда. Во втором могильнике курган №2 я датировал не позднее IV в. до н. э. Определить датировку кургана №1 мне не удалось, поскольку круг аналогий найденным здесь вещам охватывал очень широкий период от IV в. до н. э. до I в. н. э. Рассматривая далее основы хронологии прохоровской культуры, я пришёл к выводу о ее более широких рамках, начиная с IV в. до н. э., а возможно, и с V в. до н. э., и её доживании до I в. до н. э. включительно. О последнем писали ранее Б. Н. Граков и К. Ф. Смирнов (Граков 1928: 152—154; Смирнов 1959: 318), и это уверенно продемонстрировал А. С. Скрипкин на основе надёжно датированных комплексов (Скрипкин 1987: 231; 1990: 170; 2000: 146; Клепиков, Скрипкин, Сергацков 2008: 57). И. В. Сергацков предположил даже I в. н. э. в качестве конечной даты (Сергацков 2000: 152). Я также настаивал на не меньшей, если не большей проблематичности выделения прохоровских памятников III—II вв. до н. э., как и скифских, и на невозможности отнесения к этому периоду основной массы известных прохоровских памятников. Также нельзя предполагать и расцвет прохоровской культуры в этот период в результате демографического взрыва. По-видимому, памятники прохоровской культуры этого периода были весьма немногочисленны (Полин 1987: 132; 1992: 74—80).

Мои выводы принял и развил В. Ю. Зуев, который безоговорочно принял разделение Прохоровского могильника на две части, из которых северную, куда вошли курганы №3 и №4, он датировал второй половиной V — рубежом V—IV вв. до н. э. и соотнёс с савроматской культурой Южного Приуралья, которую предложил называть филипповской по названию знаменитых Филипповских курганов в Южном Приуралье, исследованных А. Х. Пшеничнюком в 1986—1990 гг. (Пшеничнюк 1989; 2001: 26—37), и южную, в составе курганов №1 и №2, которую датировал рубежом II—I вв., возможно, началом I в. до н. э. Также он констатировал полное от-

[1] По мнению Н. Е. Берлизова, я считаю, что позднепрохоровский комплекс II—I вв. до н. э. генетически не связан с раннепрохоровским IV в. до н. э. (Берлизов 2003: 94). Подтвердить этого не могу, поскольку меня всегда интересовали исключительно вопросы хронологии прохоровской культуры с единственным выходом на историческую интерпретацию в том плане, что памятники прохоровской культуры III в. до н. э. практически неуловимы археологически, при этом в принципе не отрицая их существования в этот период. Я также утверждал, что памятники прохоровской культуры III в. до н. э. не могут быть многочисленными и что к III—II вв. до н. э. не может быть отнесен расцвет этой культуры, который в действительности происходил позднее, во II—I вв. до н. э.

сутствие памятников прохоровской культуры III — первой половины II вв. до н. э. и предложил свою периодизацию для памятников Южного Приуралья, согласно которой памятники V—IV вв. до н. э. относятся к филипповской культуре, прекратившей своё существование на рубеже IV—III вв. до н. э. Памятники прохоровской культуры В. Ю. Зуев предложил датировать последней третью II — I вв. до н. э. (Зуев 1998а: 16—19; 1999: 306—307; 2000: 310—327). Если мои предложения по уточнению датировки Прохоровских курганов в целом были приняты, то все основанные на них датировки Прохоровских курганов и новая периодизация сарматской культуры В. Ю. Зуева были встречены буквально «в штыки» и категорически отвергнуты. Основной тезис оппонентов — прохоровская культура существовала непрерывно, никакого хиатуса в III — первой половине II вв. до н. э. не было, существует 62 комплекса III в. до н. э. в Нижнем Поволжье, выделенных «вполне логичным приёмом» (Скрипкин, Клепиков, Мошкова 2002: 101—111).

Что же дали новые раскопки Прохоровских курганов? В 2003—2005 гг. здесь были доисследованы курганы №1—4, частично раскопанные С. И. Руденко в 1916 г., в которых был обнаружен целый ряд новых впускных захоронений, а также раскопаны курганы, которые С. И. Руденко обозначил на схеме, но не копал — курганы «Б» («городище»), «а» (оказался пустым), «б» и «в». Что касается хронологии старых и новых объектов, которую Л. Т. Яблонский в целом определил в пределах второй половины IV в., возможно, рубежа IV—III вв. — первой половины II в. до н. э., то создаётся впечатление, что писалась она исключительно как отповедь на хронологические построения В. Ю. Зуева, о чём свидетельствует адресованный непосредственно ему назидательно-поучающий вывод, дважды повторенный почти дословно на страницах 82 и 359: «Попытки ревизии традиционной для отечественной археологии концепции хронологии и периодизации сарматской культуры, прежде всего, с использованием материалов из Прохоровки, являются непродуманными, абсолютно необоснованными, авантюристическими и не выдерживающими никакой критики с точки зрения всей совокупности данных археологической науки» (Яблонский 2010: 62, 359—360). Однако далеко не все настолько благополучно в королевстве Датском, то бишь в сарматоведении (впрочем, как и в любой другой отрасли археологии), как представляется уважаемому автору, и даже если В. Ю. Зуев в чём-то неправ (но далеко не во всём, в его построениях содержится достаточно рационального, что стоило бы взять на вооружение — Зуев 2004), из этого отнюдь не следует, что уточнения и пересмотр хронологии савроматской и раннесарматской культуры невозможны. Эти культуры, в силу удалённости Поволжско-Уральского региона от древних центров цивилизации, имеют крайне мало хроноиндикаторов в виде узко датированных импортов, и потому их датировки не отличаются надёжностью.

По-видимому, стараясь полностью отсечь датировки Прохоровских курганов В. Ю. Зуева, как ранние, для курганов №3 и 4 второй половиной V — рубежом V—IV вв. до н. э., так и поздние, для курганов №1 и №2, которые он датировал рубежом II—I вв., возможно, первой половиной I в. до н. э., и показать непрерывность развития прохоровской культуры и отсутствие какого-либо хиатуса в III — начале II вв. до н. э., Л. Т. Яблонский определил весьма усечённые хронологические рамки Прохоровского могильника в пределах конца IV — первой половины II вв. до н. э.

Дату знаменитого прохоровского погребения №1 в кургане №1 с железной кирасой, парадным мечом, золотой гривной и другими вещами ограничивает датировка вновь открытого впускного погребения №4, где найдены длинный меч со слабо изогнутым серповидным навершием и массивным прямым перекрестьем, а также два кинжала с прямым и слабо изогнутым навершиями, прямыми перекрестьями, и 60 бронзовых наконечников стрел (Яблонский 2010: 58—59, 72—75, рис. 41: 9—11; 45; Кат. 12—72а, 73—78). По совокупности признаков датировка впускного погребения №4 не выходит за пределы IV в. до н. э., которым ограничивается и датировка первичного погребения №1. Остальные пять впускных погребений имеют не столь ярко выраженный в хронологическом плане инвентарь, имеющий очень широкие рамки в пределах IV—I вв. до н. э. Предлагаемая датировка кургана №1 «временем от конца IV и не позже III в. до н. э.» представляется слишком узкой и неполной, поскольку здесь присутствует полноценный IV в. до н. э. с одной стороны, и отсутствуют ограничения позднего рубежа в датировках вплоть до II—I вв. до н. э., с другой. В отношении датировки погребения №1 есть ещё один момент, который нельзя упускать из виду. В. И. Мордвинцева обратила внимание на наличие трёх пар отверстий по краям серебряных фиал, служивших некогда для крепления петель, что указы-

вает на их использование в качестве фаларов, украшавших конскую сбрую. В.И. Мордвинцева датирует погребение №1 в Прохоровском кургане №1 III в. до н.э., и, таким образом, прохоровские фалары оказываются наиболее ранними из всех известных, в то время как все прочие находки фаларов датируются не раньше конца III — II в. до н.э. (Федуловский клад, ст. Успенская, хут. Верхний, Васюрина гора), а основной массив находок, начиная с II—I вв. до н.э. — и позднее (Мордвинцева 1996: 155—159; Mordvinceva 2001: 63, 68, 71—73). После открытия Л.Т. Яблонским в кургане №1 впускного погребения №4, надёжно датируемого IV в. до н.э., дата центрального погребения №1 с фаларами прочно занимает место в IV в. до н.э., и разрыв в датировках прохоровских фаларов с ранней группой находок фаларов в сарматском мире составляет уже не менее столетия. Все это наводит на мысль: а не существовало ли более позднее погребение II—I вв. до н.э., впущенное в центр кургана, и разрушившее первичное в кургане №1 погребение IV в. до н.э., в результате чего возник столь смешанный набор вещей, аналогии которым охватывают период от IV в. до н.э. до I в.н.э.? Возможно, В.Ю. Зуев не так уж и неправ? Во всяком случае, такую вероятность исключать нельзя.

В кургане №2 из погребения №1 из грабительских раскопок 1911 г. происходит кинжал с прямыми навершием и перекрестьем, с двутавровой в сечении рукоятью бесспорно IV в. до н.э., и наконечник копья, также наиболее характерный для VI—IV вв. до н.э. Эту дату подтверждает датировка бесспорным IV в. до н.э. впускного погребения №2, в котором найден длинный меч с прямым навершием и массивным прямым перекрестьем, также с двутавровой рукоятью, в сопровождении колчанного набора из 40 бронзовых втульчатых наконечников и одного железного черешкового. Ещё четыре впускных погребения этого кургана содержали инвентарь, широко датируемый в пределах IV—I вв. до н.э. Исследователь предлагает датировку кургана №2 в пределах IV—III вв., при этом подчёркивает, что «никаких признаков II—I вв. до н.э. погребения кургана 2 не имеют» (Яблонский 2010: 42—46, 75—77, Кат. 83—84, 87—130), с чем согласиться нельзя.

В кургане №3 погребение №1, которое по находкам из старых раскопок и характерному для савроматского времени погребальному сооружению я предлагал датировать V—IV вв. до н.э., открыты два впускных погребения, из которых погребение №2 прекрасно подтверждает предложенную дату, поскольку в нем найден меч с массивным прямым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем V—IV вв. до н.э. в сопровождении массивных бронзовых наконечников стрел, характерных для того же времени. В предлагаемой для кургана №3 дате — рубеж V—IV — III вв. до н.э. (Яблонский 2010: 31—34, 77—78, Кат. 185—294) — поздний диапазон неоправданно расширен. Видимо, правильнее было бы ограничиться IV в. до н.э.

Из кургана №4 погребения №1 из раскопок грабителей и С.И. Руденко происходят обломок каменного блюда с орнаментированным бортиком и большое зеркало с плоской рукоятью, которые я с учётом характерной большой ямы со ступенькой с одной стороны, датировал V—IV вв. до н.э. Здесь также открыты два впускных погребения, инвентарь которых может датироваться в пределах IV—I вв. до н.э. Поэтому вряд ли стоит ограничиваться в датировке всего кургана IV—III вв. до н.э. (Яблонский 2010: 25—28, 79, Кат. 279—346).

Не менее интересные данные были получены в новых курганах Прохоровского могильника, впервые исследованных в 2003—2005 гг.

Курган «Б» («городище») содержал три погребения, из которых наибольший интерес представляет погребение №3, где найдена серебряная чаша македонского производства, наконечник копья, золотые обкладки чаши и ряд других золотых украшений, колчанный набор из 111 железных черешковых наконечников и одного бронзового втульчатого, большое бронзовое зеркало, железный зооморфный колчанный крюк, плакированный золотом, ониксовый алабастр, бусины и др. Предлагаемая дата погребения — третья четверть IV — первая половина III в. до н.э. Подавляющее большинство вещей находит аналогии в пределах IV в. до н.э. Ограничивающими дату здесь являются серебряная чаша, датировка которой определяется третьей четвертью IV в. до н.э., золотые накладки на чашу и наконечник копья. Последние, как уже отмечалось, практически отсутствуют в комплексах позднее IV в. до н.э. Для датировки чаш с золотыми накладками в Южном Приуралье определяющим является набор чаш из Филипповского кургана №1 (Королькова 2001: Кат. 29—90), датирующийся не позднее конца V — первой половины IV в. до н.э. По материалам Скифии позднейшие чаши с золотыми обкладками содержатся в надёжно датированных комплексах не позднее третьей четверти IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 409—413), в том чис-

ле и из погребения в Новочеркасске в Нижнем Подонье, связываемом с «номадами восточного облика» (Глебов 2012: 28; Дедюлькин 2015: 72). Соответственно, и накладки из прохоровского кургана «Б» датируются не позднее этого времени, каковым и ограничивается дата погребения №3 кургана «Б», максимум, с запасом, второй половиной IV в. до н. э. Погребение №1 синхронизируется с погребением №3 по находке мелких золотых украшений, погребение №2 безынвентарное (Яблонский 2010: 15—24, 68—72, Кат. 347—1283).

Курган «б» содержал от 11 до 14 погребений[2], расположенных плотным скоплением, возможно, в три ряда. Автор считает все погребения тесно сопряжёнными во времени и датирует курган концом III — первой половиной II в. до н. э. (Яблонский 2010: 46—54, 80—81, Кат. 1296—1552), что, однако, не подтверждается топографией погребений и их датировками. В кургане «б» неоднократно зафиксированы случаи прорезания предыдущих погребений последующими, вплоть до полного разрушения (погребение №11). Это свидетельствует о значительной разновременности погребений, что также подтверждается их датировками. По-видимому, относительно ранним в кургане является погребение №2-б, в котором найден архаичного облика орнаментированный круглодонный сосуд с примесью талька в тесте IV в. до н. э., а возможно, и V—IV вв. до н. э. Кинжал из погребения №4 со слабо изогнутым серповидным навершием и дуговидным перекрестьем явно относится к IV в. до н. э., чему не противоречит колчанный набор из 4 бронзовых втульчатых и 12 железных черешковых наконечников стрел. В двух погребениях №2-в и №9 найдены кинжалы с кольцевыми навершиями, наиболее ранние образцы которых достоверно датируются не ранее II—I вв. до н. э. Встречаемость мечей с кольцевым навершием с мечами с серповидным навершием в сопровождении исключительно железных черешковых наконечников стрел твёрдо указывает на невозможность их датировки ранее II в. до н. э., а в основной своей массе с I в. до н. э. и позднее (Скрипкин 2005: 171—185). Остальные погребения кургана «б» имеют невыразительный инвентарь, широко датирующийся в пределах IV—I вв. до н. э., а возможно, и шире. Таким образом, в целом диапазон кургана «б» охватывает IV—I вв. до н. э.

Курган «в» содержал три погребения, которые, по справедливому определению Л. Т. Яблонского, точной датировке не поддаются. И потому попытку синхронизировать на основании единства примеси толчёной кости в тесте керамики из погребения 3 кургана «в» с погребением 7 из кургана «б» и датировать оба III—II вв. до н. э., трудно признать успешной, поскольку оба погребения относятся к числу недатируемых (Яблонский 2010: 28—31, 81, Кат. 1553—1555).

Подводя итог рассмотрению хронологии старых и новых курганов Прохоровского могильника, следует отметить, что в действительности его диапазон весьма широкий и охватывает период от IV в. до н. э., или даже конца V в. до н. э., вплоть до I в. до н. э. — практически весь период, ныне отводимый для раннесарматской прохоровской культуры (Клепиков, Скрипкин, Сергацков 2008: 50—61). Такое длительное использование курганов вновь приходящими группами кочевников на протяжении длительного периода, по наблюдениям К. Ф. Смирнова, характерно для Южного Приуралья (Смирнов 1975: 156—157). Однако наполнение интервала III — начала II в. до н. э. остаётся слабым звеном и для Прохоровского могильника, впрочем, как и везде. Скорее всего, здесь имеются погребения этого отрезка времени, однако показать их наличие проблематично. Конечно, можно «зажать» даты и «логическим приёмом» назначить нужные датировки для погребений, однако, такие аргументы, как «скорее всего, III в. до н. э.», «может быть, III в. до н. э.», «не может датироваться позднее III в. до н. э.», «не исключает и III в. до н. э.» вряд ли могут убедить в желаемом. Безуспешность метода «зажатых датировок» прекрасно показал С. В. Демиденко, согласно анализу которого, не менее 60 % погребений Нижнего Поволжья, «зажатых» в III в. до н. э., в действительности датируется не ранее II—I вв. до н. э. (Демиденко 2007: 51—53). Так что пресловутая «проблема III в. до н. э.» по-прежнему остаётся злободневной и для Прохоровского могильника, и для Поволжско-Приуральского региона в целом.

Значительные сдвиги в направлении решения проблемы III в. до н. э. произошли в Северо-Западном Причерноморье. Здесь в 1995—2012 гг. тираспольские археологи провели раскопки большого курганного могильника у с. Глиное в Нижнем Поднестровье, отчасти известного по слабо документированным старым раскопкам И. Я. и Л. П. Стемпков-

[2] На стр. 47 в кургане «б» указано 13 захоронений, на стр. 80 таковых значится 11, в отчётной части на с. 47—54 приводится описание 14 погребений (Яблонский 2010).

ских 1896—1910 гг. (Мелюкова 1962). В наше время здесь было раскопано 113 скифских курганов III—II вв. до н. э., возможно, вплоть до начала I в. до н. э., т. е., именно того хронологического диапазона, который нигде более в Скифии не представлен. Эти курганы продолжают скифские традиции V—IV вв. до н. э. как в погребальном обряде, в основных чертах материальной культуры, имеющей здесь региональный гетский налёт в виде керамики, так и в образе жизни. В основных чертах это те же скифы-скотоводы, полукочевники, имевшие довольно крупные поселения на Днестре (Чобручи — Фидельский 2012: 16—20; Иващенко 2012). Они резко отличаются от сугубо оседлого земледельческого позднескифского населения Нижнего Днепра и предгорного Крыма. Таким образом, на территории Нижнего Поднестровья, возможно, и вплоть до низовья Дуная, в III—II вв. до н. э. сохранялся очаг прежней скифской культуры (Тельнов, Четвериков, Синика 2012: 5—15).

Многочисленные находки характерных конских бронзовых пластинчатых налобников с крючком в курганах Глиного позволили Ю. П. Зайцеву окончательно решить вопрос о принадлежности т. н. «странных комплексов» с такими налобниками, надёжно связать их с поздними скифами III—I вв. до н. э., уточнить хронологию, как он их предпочитает называть, вотивно-ритуальных комплексов, определить их ареал и на основе античного керамического импорта выделить группы III—II и II—I вв. до н. э. На основе картографирования этих находок Ю. П. Зайцев пришёл к выводу о существовании в III—II вв. до н. э. в степном Северном Причерноморье огромных незаселённых территорий, номинально принадлежавших поздним скифам и контролируемых ими, окаймленных с юга синхронными погребальными комплексами. По его мысли, такие ритуально-вотивные комплексы на незаселённой территории степи и лесостепи в Волго-Днестровском междуречье фиксируют основные пути сообщения (Зайцев 2012а; 2012б).

В результате многолетних полевых работ Н. А. Гаврилюк и В. П. Былковой за эти годы была уточнена хронология скифских нижнеднепровских поселений и городищ, находящихся в пределах нынешних Запорожской и Херсонской областей. Скифские поселения времени существования Причерноморской Скифии полностью укладываются в хронологические рамки IV в. до н. э., и только Каменское городище доживает до начала III в. до н. э. Таким образом, по мнению авторов, нет ни малейших оснований говорить о концентрации скифского населения вокруг Нижнеднепровской долины в III—II вв. до н. э. Здесь найдены фрагменты биконических амфор Фасоса, гераклейских, в том числе клейменых[3], боспорских, типа Солоха-I и Солоха-II, херсонесских, в том числе ручка с клеймом астинома Ксенона, хиосских прямогорлых амфор с колпачковой ножкой, ранних синопских амфор, в том числе клеймо астинома Филократа, косских с двуствольными ручками, Менды мелитопольского типа (Гаврилюк, Былкова, Кравченко 1992а: 29—31, 34—35; 1992б: 7, 14, 22—23, 26; Гаврилюк 2013: 132, 161—184).

Все перечисленные в публикации Н. А. Гаврилюк, В. П. Былковой и С. Н. Кравченко типы амфор, найденные на скифских поселениях Нижнего Днепра времени существования Причерноморской Скифии, твёрдо датируются в пределах IV в. до н. э. На сегодняшний день фасосские биконические амфоры датируются в пределах конца V — третьей четверти IV в. до н. э., гераклейские — концом V — началом III в. до н. э., Солоха I и II (Пепарет) — первой — третьей четвертью IV в. до н. э., хиосские с колпачковой ножкой — концом V — третьей четвертью IV в. до н. э. Синопские амфоры ранних типов датируются начиная со второй четверти IV в. до н. э. Астином Филократ в составе синопских астиномов не числится. По-видимому, клеймо прочтено неверно[4] (Монахов 2003: 20—22; 28—29, 56—76, 96—99, 101—110, 123—144, 146—151; Бидзиля, Полин 2012: 571). Боспорские амфоры сейчас определяются как продукция Икоса конца первой — третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, Федосеев 2013; Монахов, Кузнецова 2009). Херсонесский астином Ксенон входит в группу I-Г по В. И. Кацу, который датирует её первым десятилетием III в. до н. э. (Кац 2007: 442). Учитывая находку херсонесских клейм I и II групп по В. И. Кацу в тризне Александропольского кургана в контексте третьей четверти IV в. до н. э., начало херсонесского клеймения должно быть сдвинуто к 350 г. (Полин 2010: 278—279, 286—288), и, таким образом, датировка Ксанфа находится в пределах второй половины IV в. до н. э. Косские и псевдокосские амфоры I и II типов по С. Ю. Монахову, как с одно-, так и с двуствольными руч-

[3] К сожалению, комплекс амфорных клейм поселения Лысая Гора остался неопубликованным. Обещанная специальная публикация так и не появилась.

[4] Ссылка на определение Н. Ф. Федосеева неверна — он не определял это клеймо (личное сообщение), и такой астином в его классификации отсутствует.

ками, выпускались на протяжении всего IV в. до н. э. и самого начала III в. до н. э. (Монахов 2014: 202—211).

По данным Н. А. Онайко, на нижнеднепровских городищах и поселениях примерно в 20 пунктах была найдена античная керамика III—II вв. до н. э. (Онайко 1970: №29—34, 38, 40—45, 71—74, 77—88, 95—105, 132—134, 215—232, 239—240, 266—267, 359—375). Как установила В. П. Былкова, специально изучавшая эти материалы, все эти датировки нуждаются в корректировке на современном уровне. В результате выяснилось, что из всех амфорных материалов, предложенных Н. А. Онайко к датировке III—II вв. до н. э., остаётся лишь одно синопское клеймо (Онайко 1970: №87) группы V-Е начала II в. до н. э. по Н. Коновичи или VII-А 215—190 гг. до н. э. по В. И. Кацу (Кац 2007: 441, №166), найденное в районе с. Ушкалка вне связи с конкретным памятником. В дополнение к нему следует упомянуть единичные находки фрагментов родосских амфор с клеймами эпонима Айносидамуса-II в позднескифском святилище в группе Рядовых могил возле Кривого Рога и ручки с клеймом у пос. Кушугум возле Запорожья конца III — начала II в. до н. э. (Полин 2014: 635). Клеймо эпонима Архилаида первой четверти II в. до н. э. происходит из Капуловки из сборов А. В. Бодянского, ещё одно — эргастериарха Агатобула второй половины II в. до н. э., поднято из Днепра в районе Каменского городища (Плешивенко 1991: 165, табл. 3: II; 2000: 229, табл. 6: 12). По данным В. П. Былковой, скифские поселения предшествующего периода завершают существование не позднее конца первой трети III в. до н. э., и долгое время эта территория оставалась пустой. На всех без исключения нижнеднепровских скифских и позднескифских поселениях и городищах отсутствует слой или какие-либо объекты III в. до н. э. Лишь во второй половине II в. до н. э. возникает позднескифское Знаменское городище, в конце II—I в. до н. э. — Гавриловское городище, на рубеже II—I вв. до н. э. — Анновское и Великолепетихское городища, в I в. до н. э. — поселения в Золотой Балке и во Львово, а также городища Любимовское, Каирское, Красномаяцкое и Николаевка (Козацкое), в I в. до н. э. — I в. н. э. — Горностаевское, Консуловское, Саблуковское, Понятовское и Старошведское городища (Былкова 2007: 17—18, 109—114; 2007а: 91—97).

На этом фоне очень странно звучит утверждение Н. А. Гаврилюк, которая сама отметила отсутствие на 106 скифских поселениях IV в. до н. э. каких бы то ни было материалов позднее этой даты, и лишь Каменское городище доживает до первой четверти III в. до н. э., что «в III в. до н. э. продолжалась жизнь на правобережных поселениях», в подтверждение чему приводятся материалы «эллинистического времени», в числе которых амфоры типа Пепарет-I, хиосские колпачковые, фасосские биконические, гераклейские и синопские, найденные на Золотобалковском поселении, и синопские, типа Солоха I и II и фасосские биконические, обнаруженные на Анновском городище. Т. е., именно те самые типы амфор, перечисленные выше, которые служили ей для датировки скифских поселений IV в. до н. э. предшествующего периода (Гаврилюк 2013: 535—538; Гаврилюк, Былкова, Кравченко 1992а: 29—31, 34—35; 1992б: 7, 14, 22—23, 26). Единственный тип амфор, ошибочно названный в числе ранних эллинистических, — поздние косские, найденные на Анновском городище и Золотобалковском поселении, — М. И. Вязьмитина датировала II—I вв. до н. э. (Вязьмітіна 1962: 154, рис. 71: 11, 12), И. Б. Зеест — I в. до н. э. — I в. н. э. (Зеест 1960: 109, табл. XXVII: 61, 62). По С. Ю. Монахову, это V тип косских амфор III—I вв. до н. э. (Монахов 2014: 214, рис. 12). Эти амфоры не имеют никакого отношения к эллинистическим и относятся к периоду существования позднескифского городища. Также неверно использование херсонесского клейма из Анновского городища для подтверждения его датировки III—II вв. до н. э. Частично оттиснутое херсонесское желобчатое клеймо отнесено к астиному Аполлу и со ссылкой на В. В. Борисову датировано концом III—II в. до н. э. (Гаврилюк, Абикулова 1991а: 22, рис. 19: 1). Но здесь двойная ошибка. В каталоге В. В. Борисовой для Аполла обозначена дата конец IV — начало III в. до н. э. (Борисова 1974: 112, №11, табл. II: 2). Кроме того, что перепутана дата, неверно восстановлено и само клеймо. Благодаря альбому В. И. Каца с прорисовками штампов херсонесских клейм, нетрудно восстановить клеймо астинома Батилла (Кац 1994а: табл. XIII: 1—32,1—1—32,4)[5], входящего в группу I-Б последней четверти IV в. до н. э. по В. И. Кацу (Кац 2007: 442), дату которого, как уже отмечалось выше, в связи с находкой в Александропольской тризне, необходимо удревнять до третьей четверти IV в. до н. э. Таким обра-

[5] Очень приятно увидеть, что мое восстановление клейма, сделанное в процессе написания статьи, полностью подтверждает восстановление В. П. Былковой, сделанное намного раньше (Былкова 2007а: 95).

зом, херсонесское клеймо Анновского городища не имеет отношения к его позднескифскому периоду, а принадлежит к скифскому поселению предшествующего периода IV в. до н. э.

Ещё более удивительно слышать огульное утверждение без какой бы то ни было аргументации, что все предложенные В. П. Былковой датировки для позднескифских городищ Нижнего Днепра неверны. Должен категорически возразить, что прекрасное знание античного материала отнюдь не понаслышке и высочайшая квалификация В. П. Былковой, подтверждённая многолетними успешными полевыми работами и многочисленными печатными трудами, не вызывают ни малейших сомнений. Предложенные ею датировки позднескифских городищ обоснованы полным анализом имеющихся материалов [6], которыми она великолепно владеет, в отличие от предлагаемых Н. А. Гаврилюк, основанных на механическом суммировании достоверных и ошибочных датировок находок. Также вдруг Н. А. Гаврилюк утверждает, что В. П. Былкова построила свои рассуждения на отсутствии находок родосских клейм (что абсолютно не соответствует действительности, поскольку в работах В. П. Былковой проанализированы абсолютно все датирующие находки), которые, по уверению Н. А. Гаврилюк, имеются на Капуловском городище и поселении Лысая Гора со ссылкой на фонды Запорожского музея (Гаврилюк 2013: 537, сноска 123), но о которых в собственных публикациях она не упоминает (Гаврилюк 2013: 154, 158—184; Гаврилюк, Былкова, Кравченко 1992а: 29). Упомянутые выше родосские клейма из Капуловки первой четверти II в. до н. э. и второй половины II в. до н. э. из Днепра у Каменского городища только подкрепляют датировки и выводы В. П. Былковой (Плешивенко 1991: 165, табл. 3: II; 2000: 229, табл. 6: 12).

Таким образом, на Нижнем Днепре фиксируется длительный перерыв между скифскими поселениями времени Великой Скифии, завершившими существование не позднее первой четверти III в. до н. э., и позднескифскими периода Малой Скифии, начавшими создаваться во второй половине II в. до н. э.

За прошедшие годы грандиозные работы по исследованию городищ позднескифского периода были также проделаны в Крыму. К сожалению, ранний период скифской оседлости остаётся слабо изученным. Немногочисленные скифские поселения, очень мало изученные, предварительно датируются IV—III вв. до н. э. Следы таких поселений зафиксированы на всех основных позднескифских городищах Крыма (Булганакское, Кермен-Кыр и др.). Несколько поселений открыто на степной равнине в Центральном Крыму (Гаврилов, Шонов 2004: 89; Колтухов 2004: 218—219). Намного больше информации по Юго-Восточному и Восточному Крыму. В окрестностях Феодосии вплоть до восточного Присивашья зафиксировано более 60 скифских поселений конца V — первой трети III в. до н. э. (Гаврилов 2004: 137; 2004: 339—340). В Восточном Крыму известно около 300 варварских поселений конца V — первой трети III в. до н. э. (Кругликова 1975: 256—277; Масленников 1998: 72—88; Колтухов 2004: 220—230). Фиксируется хронологический разрыв между ними, завершившими существование в начале III в. до н. э., и позднескифскими городищами, возникающими в конце III — начале II или на рубеже III—II вв. до н. э. в Предгорном Крыму (Пуздровский 1999: 212; 2007: 78, 87), где к этому времени относится более десятка позднескифских городищ — Кермен-Кыр, Пионерское, Брусилово (Беки-Эли), Мазанское, Борут-Хане, Меловое, Бурундукское, Сары-Кая, Бор-Кая-1, Куру-Баш, Развилка, Булганакское. Всего в Предгорном Крыму известно более 50 городищ и убежищ, датирующихся III—II вв. до н. э. — III в. н. э. При многих из них зафиксированы синхронные неукреплённые поселения (Колтухов 1999: 18—21; Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 8, 99, 105—108, 131—134, 146, 151, 154, 162—164, 177—180, 201—205, 218, 223, 228, 234). Окончательно решён вопрос о времени возникновения Неаполя Скифского. Была установлена связь слоя IV в. до н. э. с поселением кизилкобинской культуры или скифским предшествующего периода (Храпунов 2004: 82—83) и его непричастность к городу-крепости Неаполю. Основание самого Неаполя по многочисленным датированным находкам относится ко второй четверти — середине II в. до н. э. (Зайцев 2003: 21, 41—42).

Отдельного внимания заслуживает подлинное открытие на уже известном позднескифском городище-крепости Ак-Кая — Вишенное возле Белогорска в 2005—2014 гг., когда было установлено его возникновение в конце IV в. до н. э. и непрерывное существование вплоть до III в. н. э. Возле него открыты и подкурганные захоронения III—II вв. до н. э.

[6] Не только из Фондов ИА НАНУ и Херсонского краеведческого музея, но и из коллекции МГУ им. М. В. Ломоносова.

Предполагается столичная роль этого городища на начальном этапе позднескифской истории в III — начале II в. до н. э. не только для Крыма, но и для всего позднескифского Северного Причерноморья, которая в середине II в. до н. э. перешла к Неаполю (Зайцев 2013: 500—501; 2015: 53; 2015а: 168—170; Зайцев, Колтухов, 2016: 124—125). Это единственный памятник в Крыму, перекрывающий лакуну III в. до н. э.

Сарматы в Крыму. Как и раньше, традиционно предполагается участие сарматов в крымских событиях в III в. до н. э. — в разгроме поселений хоры Херсонеса и европейской части Боспора дальними набегами из-за Дона и наличие сарматов в северном Крыму в первой половине II в. до н. э., откуда они, как предполагается, будучи союзниками Херсонеса, время от времени контролировали поздних скифов карательными набегами с территорий вне Крыма (Пуздровский 1994: 397; 1999: 209—210; 2001: 87, 90; Колтухов 1999: 81; Храпунов 2004: 125). Основаниями для этого являются херсонесский декрет «О несении Диониса» конца первой четверти III в. до н. э., восстановление в котором этнонима «сарматы» более чем проблематично; легенда об Амаге, имеющая совершенно фантастический контекст, при отсутствии каких-либо хронологических привязок; а также мирный договор Понтийского царя Фарнака I 180/179 гг. до н. э., в котором в числе многих упоминаются Херсонес Таврический и сарматский царь Гатал. Между последними никакая связь из контекста договора не следует. Деятельность Гатала более доказательно связывается с территорией Прикубанья и Северного Кавказа в целом (Полин 1992: 90—94; Марченко 1996: 124—127). Первым достоверным историческим свидетельством пребывания сарматов в Крыму является декрет в честь Диофанта 110/109 гг. до н. э., упоминающий ревксиналов-роксоланов в числе союзников позднескифского царя Палака. По-видимому, неудачный первый заход сарматов в Крым, завершившийся сокрушительным разгромом, на какое-то время отбил у сарматов тягу к крымскому региону и они здесь не задержались. Сарматских погребений этого времени в Крыму нет (Симоненко 1993: 116; Храпунов 2004: 126, 141). Тем не менее, А. Е. Пуздровский считает возможным говорить о первом этапе проникновения сарматов в Крым в конце II — I вв. до н. э. (Пуздровский 1999: 216). Но по археологическим данным проникновение сарматов в степной Крым фиксируется только с I в. до н. э. — II в. н. э. (около десятка погребений с небогатым инвентарём), и в предгорный, где также отмечено несколько сарматских погребений этого же времени (Симоненко 1993: 67—75; Храпунов 1995: 71; 2004: 126—129; Пуздровский 2007: 40—43). В их числе и знаменитое богатейшее погребение сарматки в Ногайчинском кургане I в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева, Хеллстрём 2013: 51). Начиная с середины I в. н. э. и позднее отмечается значительная, возрастающая во времени, доля сарматских погребений в подбоях в составе ряда позднескифских могильников Предгорного Крыма (Храпунов 2004: 129—142; Пуздровский 2007: 87, 165).

В Северном Причерноморье для скифоведения последняя четверть века ознаменовалась колоссальным спадом полевых исследований. Раскопки скифских курганов стали эпизодическими. Только Г. Н. Тощев, уже почти 30 лет ведущий раскопки гигантского могильника Мамай-гора в Запорожской области, с успехом их продолжает. За эти годы на Мамай-горе исследовано около 300 скифских курганов, содержавших более 400 погребений V—IV вв. до н. э. (Андрух, Тощев 2012: 485—490). Тем не менее, и в эти годы было исследовано несколько курганов высшей скифской знати, таких как Соболева Могила и курган №13 близ города Орджоникидзе в Днепропетровской обл., Братолюбовский курган в Херсонской обл., проведены небольшие повторные раскопки Чмыревой Могилы в Запорожской обл. (Болтрик, Фіалко 2012), раскопки кургана Беш-оба-IV в Крыму (Колтухов 2006; 2007), доисследование Рыжановского кургана и раскопки Скифской Могилы в Черкасской обл. (Скорый 1999; Скорый, Хохоровски 2009), раскопки кургана Близнец-2 в городе Днепропетровске (Ромашко, Скорый 2009). Особое значение имело доисследование одного из ведущих скифских памятников — царского Александропольского кургана в Днепропетровской обл. (Полин, Дараган 2010; Polin, Daragan 2011). За эти годы также был опубликован ряд ключевых курганов высшей скифской знати, такие как Бабина, Водяна и Соболева могилы (Мозолевский, Полин 2005), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012), Рыжановский и Братолюбовский курганы (Скорый 2005; Скорий та ін. 1999; Chochorowski Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996; Chochorowski, Skoryj 1997; 1999; 2001; Chochorowski et al. 1997; 1999; Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009), Золотобалковские курганы (Полин 2014).

Важнейшее значение для дальнейшего успешного развития скифоведения имело по-

явление в эти годы фундаментальных разработок В. И. Каца, Н. Ф. Федосеева, А. Аврама, Н. Коновичи, И. Гарлана, Г. Финкельштейна по амфорным клеймам Херсонеса Таврического, Гераклеи Понтийской, Фасоса, Синопы, Родоса и других центров (Кац 1994; 2007; Avram 1996; Conovici 1998; Fedoseev 1999; Garlan 1999; 2004; 2004—2005; Finkielsztejn 2001). Особо следует отметить монографии и ряд важнейших статей С. Ю. Монахова по типологии амфор, локализации центров их производства и хронологии отдельных типов амфор и серий, публикацию множества амфорных комплексов из скифских курганов Северного Причерноморья, благодаря которым были точно продатированы многие скифские курганы, в том числе и царские (Монахов 1989; 1999; 2003; 2013; 2014[7]; Монахов, Кузнецова 2009; Монахов, Федосеев 2013). На этой основе удалось точно продатировать ряд новых курганов (Бабина, Водяна и Соболева могилы, Золотобалковские курганы). В результате была получена новая серия надёжно датированных курганов скифской элиты.

В полной публикации Гайматовой Могилы все погребения этого кургана были продатированы в пределах первой половины IV в. до н. э., в отличие от существовавшей прежде в скифоведении датировки кургана третьей четвертью IV в. до н. э. По материалам Гайматовой Могилы была выделена хронологическая группа скифских царских курганов второй четверти — середины IV в. до н. э., что позволило выстроить хронологическую цепочку, демонстрирующую непрерывную скифскую традицию сооружения царских курганов от времён Геродотовой Скифии середины — третьей четверти V в. до н. э. до третьей четверти IV в. до н. э. включительно. Также были выделены хронологические группы скифских курганов второй четверти — второй половины V в. до н. э., первой половины IV в. до н. э., третьей четверти IV в. до н. э., конца третьей четверти IV — начала III в. до н. э. После открытия тираспольскими археологами могильника в Глином впервые стало возможным выделение хронологической группы скифских курганов III—II вв. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012: 508—584).

На основе уточнения датировок отдельных типов амфор, а также выделения хронологических горизонтов клеймёных и неклеймёных амфор, разработанных С. Ю. Монаховым, по материалам околокурганной тризны, добытым при доисследовании в 2004—2009 гг., была определена точная датировка одного из ведущих памятников Скифии — царского Александропольского кургана, в пределах 340—330 гг. до н. э. Находки в колоссальной александропольской тризне кургана клейм I и II групп Херсонеса Таврического, гераклейских клейм позднефабрикантской группы, фасосских клейм позднего типа в контексте третьей четверти IV в. до н. э. позволяют отнести начало херсонесского клеймения к середине IV в. до н. э., а также датировать упомянутые клейма других центров в пределах 340—330 гг. до н. э. (Полин 2010; Полин, Дараган 2010; Polin, Daragan 2011). Накопление материалов по тризнам скифских курганов позволяет удревнить датировку заключительных групп фасосских клейм раннего типа, и ограничить её пределами второй четверти IV в. до н. э., а также датировать начало фасосского позднего клеймения около 350 г. до н. э. и выделить наиболее раннюю группу поздних фасосских магистратов третьей четверти IV в. до н. э. (Полин 2015).

На той же основе с учётом вероятных поправок в датировках клейм Гераклеи, Фасоса и Херсонеса, с использованием разработок Е. Я. Рогова и И. В. Тункиной по взаимовстречаемости различных типов чернолаковой керамики с группами клеймёных и неклеймёных амфор по материалам греческих некрополей Северного Причерноморья (Рогов, Тункина 1998), также был проанализирован керамический импорт из всех курганов степной Скифии от Дона до Дуная, как курганов скифской знати, так и рядовых. В результате выделились группы V в. до н. э., преимущественно середины — второй половины столетия (168 курганов и погребений), первой половины IV в. (374), середины — третьей четверти IV в. до н. э. (286), второй половины IV — начала III в. до н. э. (57) и 19 погребений и так называемых «странных комплексов» III—II вв. до н. э. Эти данные демонстрируют пик курганного строительства в степной Скифии Северного Причерноморья в первой половине — третьей четверти IV в. до н. э., прекращение строительства царских курганов в третьей четверти IV в. до н. э. и резкий спад и полное прекращение строительства всех курганов в конце третьей — последней четверти IV в. до н. э. Вероятно, затухание жизни в Нижнеднепровской Скифии происходило синхронно с оставлением Елизаветовского городища и завершилось ещё перед концом IV в. до н. э. При полном запустении

[7] Здесь указаны лишь некоторые статьи С. Ю. Монахова. В действительности их намного больше.

большей части степной и лесостепной Скифии, в Нижнем Поднестровье существовала крупная группа скифских курганов III—II вв. до н. э., не имеющая аналогов на всей остальной территории (Полин 2014).

Что же мы получаем на основе новых фактов по проблеме сарматского завоевания Северного Причерноморья «в сухом остатке»?

Запустение всей лесостепной и большей части степной Скифии в конце IV в. до н. э., местонахождение сарматских памятников, которые могли бы датироваться III — началом II в. до н. э., не ближе Заволжья, появление сарматов на Нижнем Дону не ранее II в. до н. э., все больше расширяют во времени и пространстве дистанцию между прекращением существования Причерноморской Скифии в конце IV в. и появлением сарматов в Северном Причерноморье во II—I вв. до н. э. Все это красноречиво свидетельствует об отсутствии причинно-временной обусловленности этих событий. В связи с основательной удалённостью причерноморского театра боевых действий от локализации сарматов III—II вв. до н. э. не ближе Заволжья, также отходят в область фантастики идеи сарматских набегов для разгрома хоры Херсонеса и Европейского Боспора, а также участие сарматов в событиях вокруг Ольвии в III в. до н. э., запечатлённых в декрете в честь Протогена.

Обозначились очаги скифского обитания в III в. до н. э. в Нижнем Поднестровье (Глиное) и в Крыму (городище Ак-Кая/Вишенное), предшествовавшие позднескифским городищам Нижнего Поднепровья и Предгорного Крыма. Благополучное существование крупной скифской группы к западу от Ольвии в Нижнем Поднестровье на протяжении III—II вв. до н. э. (Глиное) свидетельствует о том, что предполагавшаяся угроза нашествия скиров и галатов, упоминаемая в декрете в честь Протогена, не состоялась, и движение этих народов обошло стороной этот регион.

По имеющимся данным, продвижение сарматов на восток было медленно-поступательным и достаточно осторожным, и отнюдь не носило характера сокрушительного нашествия или молниеносного завоевания. В Танаисе оборонительные стены сооружены не ранее рубежа III—II или даже в начале II в. до н. э. Появившись в Нижнем Подонье во II в. до н. э., сарматы только во второй половине столетия, а скорее, во II—I вв. до н. э. продвигаются в Днепро-Донское междуречье, занимая свободные степные территории, не затрагивая территориальные сферы интересов позднескифских городищ Нижнего Поднепровья. Укрепления наиболее раннего нижнеднепровского левобережного Знаменского городища строятся не ранее рубежа II—I вв., а возможно, и в начале I в. до н. э. (Полин 1992: 108), что фиксирует время возникновения сарматской угрозы на Нижнем Днепре. Лишь единичные сарматские погребения II—I вв. до н. э. обнаружены на правом берегу Днепра и несколько далее к западу. Только после прекращения существования скифской группы на Нижнем Днестре и Малой Скифии в Добрудже в конце II — начале I в. до н. э., сарматы к рубежу эры вышли на Нижний Дунай и двинулись дальше. Появившись в конце II в. до н. э. в Крыму в роли союзника позднескифского царя Палака, сарматы, после сокрушительного поражения, отошли обратно в причерноморские степи и проникли в Крым только в I в. до н. э. — I в. н. э., и лишь в I—II вв. н. э. фиксируется их массовое присутствие в Предгорном Крыму.

Что касается причин упадка Причерноморской Скифии и позднего появления сарматов в этом регионе, то я и сейчас склонен видеть главнейшую в неблагоприятных природно-климатических факторах[8]. Конечно, с этих позиций трудно объяснить, почему плодороднейшие территории Нижнего Поднепровья и Подонья в III — начале II вв. до н. э. оставались пустыми, и скифы в это время предпочли Нижнее Поднестровье, значительно уступающее этим районам в природном отношении. Вероятно, дело не только в климатическом факторе. По-видимому, помимо климатических, происходили и какие-то другие катастрофические экологические изменения глобального характера, в том числе и такие, которые на сегодняшний день даже и представить трудно (пандемии, эпизоотии, возможно, что-то ещё), тем не менее, вызвав-

[8] Н. А. Гаврилюк предпочитает видеть причину упадка Скифии во всеобщей пастбищной дигрессии (Гаврилюк 2013: 528). Думается, что скотосбой пастбищ в результате перевыпаса возможен лишь на отдельных небольших участках массового скопления скота, например, в местах подхода к водопоям. Но для огромных пастбищных территорий Северного Причерноморья с его многообразием рельефа, позволяющим рационально использовать разнохарактерные пастбища в различные времена года, такая ситуация просто нереальна. Ни один скотовод-кочевник никогда не допустит перевыпаса на отдельном пастбище. Из этнографии хорошо известно, как оберегались пастбища от преждевременной потравы, особенно в местах будущих зимовок. Да и воспроизводство скота никогда не бывало чрезмерным, будучи регулируемым эпизоотиями (с 12-летним постоянством), а также неблагоприятными зимовками, что тоже случалось нередко.

шие исчезновение подавляющего большинства скифского населения не только в степи, но и в лесостепи Северного Причерноморья. И такие катастрофические изменения охватили весь степной и лесостепной пояс Евразии, где в III в. до н. э. во всех без исключения регионах произошёл слом развития практически всех культур скифоидного облика предшествующего периода, их исчезновение и появление новых культур в последующий период или прослеживается существование старых культур в качественно новом виде. За пределами Северного Причерноморья в остальной части Евразийского степного и лесостепного пояса это прослеживается гораздо менее очевидно и отчётливо, поскольку чем дальше к востоку, тем все более расплывчатой становится хронология материальной культуры, и все эти процессы при существующих весьма широких и приблизительных датировках выглядят растянутыми во времени, плавными и постепенными, на уровне нормального эволюционного развития. Тем не менее, такой резкий перелом в III в. до н. э. имел место на всей этой столь огромной территории. Он мог быть вызван только глобальными экологическими изменениями самого разнопланового характера.

Литература

Алексеева Е. М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ Г1—12. Москва: Наука.

Алексеева Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ Г1—12. Москва: Наука.

Алексеева Е. М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ Г1—12. Москва: Наука.

Андрух С. И., Тощев Г. Н. 2012. Могильник скифского времени Мамай-гора In: Blajer W. (ed.). *Peregrinationes archaeologiae in Asia et Europa. Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Profil-Arheo, 485—490.

Берлизов Н. Е. 1996. Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования. В: Афанасьев Г. Е. (отв. ред.). *Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа.* XIX «Крупновские чтения». Москва: ИА РАН, 29—31.

Берлизов Н. Е. 2003. «Темный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н. э. в прохоровской культуре). *МИАК* 3, 93—105.

Берлизов Н. Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савроматосарматские племена Южной России в VII в. до н. э. — V в. н. э.* Краснодар: КГУКИ; Парабеллум.

Бидзиля В. И., Полин С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. 2012. Останні дослідження кургану Чмирева Могила. *АДІУ* 8, 50—57.

Борисова В. В. 1974. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. *НЭ* XI, 99—124.

Былкова В. П. 2007. *Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений)*. Херсон: ХГУ.

Былкова В. П. 2007. Позднескифские городища Нижнего Днепра: проблемы хронологии и атрибуции. *Tyragetia SN* I (1), 89—114.

Вязьмітіна М. І. 1962. *Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі*. Київ: АН УРСР.

Гаврилов А. В. 2004. *Округа античной Феодосии*. Симферополь: Азбука.

Гаврилов А. В., Шонов И. В. 2004. Скифские селища V—III вв. до н. э. в степной зоне Центрального Крыма. *ДБ* 7, 89—99.

Гаврилов А. В. 2004. *Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников)*. Донецк: Донбасс.

Гаврилюк Н. А. 2013. *Экономика степной Скифии VI—III вв. до н. э.* 2-е изд. Киев: Видавець Олег Філюк.

Гаврилюк Н. А., Абикулова М. И. 1991. *Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (Новые материалы)* I. Препринт. Киев: ИА НАНУ.

Гаврилюк Н. А., Былкова В. П., Кравченко С. Н. 1992а. *Скифские поселения IV в. до н. э. в степном Поднепровье* I. Препринт. Киев: ИА НАНУ.

Гаврилюк Н. А., Былкова В. П., Кравченко С. Н. 1992б. *Скифские поселения IV в. до н. э. в степном Поднепровье* II. Препринт. Киев: ИА НАНУ.

Глебов В. П. 2002. Еще раз о проблеме III в. до н. э. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища*. Ч. 2. Санкт-Петербург: ГЭ, 186—197.

Глебов В. П. 2003. О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н. э. в Северном Причерноморье. В: Зинько В. И. (отв. ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь: Деметра, 80—88.

Глебов В. П. 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Поволжья. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Доклады к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Фирма НСС, 127—133.

Глебов В. П. 2007. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону. В: Сергацков И. В. (отв. ред.). *Региональные особенности раннесарматской культуры* II. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград: ВолГУ, 59—82.

Глебов В. П. 2009. *Раннесарматская культура Нижнего Подонья II—I вв. до н. э.* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Глебов В. П. 2012. Кочевники Нижнего Подонья IV—II вв. до н. э. Некоторые проблемы изучения В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 28—33.

Граков Б. Н. 1928. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. *ТСАРАНИОН* 4, 145—155.

Гуцалов С. Ю. 2004. *Древние кочевники Южного Приуралья VII—I вв. до н. э.* Уральск: Полиграфсервис.

Дедюлькин А. В. 2015. Материалы из погребения, исследованного в 1973 г. в г. Новочеркасске, из Фондов Музея истории донского казачества. В: Кореняко В. А., Бойко А. Л. (отв. ред.). *За рекой Танаи-*

сом. Сб. памяти В. Е. Максименко (1939—2014). Ростов-на-Дону: ЮФУ, 71—72.

Демиденко С. В. 2007. Об одном из аспектов «проблемы III в. до н. э.» в сарматской археологии. *РА* (2), 48—54.

Демиденко С. В. 2010. Раннесарматское погребение из могильника Верхний Еруслан — никаких «оксюморонов». *НАВ* 11, 365—373.

Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н. э.)*. Москва: Восточная литература РАН.

Зайцев Ю. П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.

Зайцев Ю. П. 2012а. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 55—66.

Зайцев Ю. П. 2012б. Северное Причерноморье в III—II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы). В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 67—72.

Зайцев Ю. П. 2013. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III—I вв. до н. э. В: Вахтина М. Ю. и др. (ред. колл.). *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 499—506.

Зайцев Ю. П. 2015. Фортификация крепости Ак-Кая/Вишенное в Центральном Крыму. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 53—54.

Зайцев Ю. П. 2015а. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период). В: Журавлев Д. В. (отв. ред.). *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античную эпоху*. К 70-летию В. П. Толстикова. Москва: Наука, 164—173.

Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. 2016. Курган с коллективными погребениями III—I вв. до н. э. из некрополя Ак-Кая/Беш-Оба в Крыму. *Stratum plus* 3, 99—127.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Хеллстрём К. 2013. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте. В: Храпунов И. Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)* I. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 44—59.

Зеест И. Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. МИА 83. Москва: АН СССР.

Зуев Ю. В. 1998. Периодизация археологических памятников центральной части Евразийского пояса степей I тыс. до н. э. (по материалам Южного Приуралья). В: Вилинбахов Г. В., Столяр А. Д. (отв. ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь*. Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М. И. Артамонова. 9—12 декабря 1998 г. Санкт-Петербург: ГЭ, 45—50.

Зуев В. Ю. 1998а. *Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Зуев В. Ю. 1999. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи. *Stratum plus* (3), 305—324.

Зуев В. Ю. 2000. Проблемы хронологии «раннесарматской» культуры и курганы у деревни Прохоровка. В: Шадричева Л. В. (отв. ред.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева*. Санкт-Петербург: Алетейя, 304—330.

Зуев В. Ю. 2000а. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры. В: Мышкин В. Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология* 1. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СНЦ РАН, 85—104.

Зуев В. Ю. 2004. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Доклады к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Фирма НСС, 205—219.

Иващенко М. В. 2012. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 81—86.

Кац В. И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов: СГУ.

Кац В. И. 1994а. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Ч. III. *Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. Таблицы определителя*. Саратов: СГУ.

Кац В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. БИ XVIII. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ; Деметра.

Клепиков В. М. 2000. Памятники III в. до н. э. в Нижнем Поволжье. В: Мышкин В. Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология* 1. Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СНЦ РАН, 116—124.

Клепиков В. М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья IV—III вв. до н. э.* Волгоград: ВолГУ.

Клепиков В. М., Скрипкин А. С. 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *НАВ* 5, 47—81.

Клепиков В. М., Скрипкин А. С., Сергацков И. В. 2008. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация. В: Яблонский Л. Т. (отв. ред.). *Ранние кочевники Волго-Уральского региона*. Материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». 21—25 апреля 2008 г. Оренбург: ОГПУ, 50—63.

Коваленко А. Н. 2006. Население Нижнего Дона второй половины IV — первой трети III вв. до н. э. В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Сб. статей по материалам XI междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: РГПУ, 51—57.

Колтухов С. Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь: Сонат.

Колтухов С. Г. 2004. Варварские поселения классического и раннеэллинистического времени в Восточном и Юго-Восточном Крыму. *ДБ* 7, 217—237.

Колтухов С. Г. 2006. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника. *ДБ* 9, 228—259.

Колтухов С. Г. 2007. Основное погребение кургана Беш-

Оба IV/2. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (отв. ред.). *Древняя Таврика*. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской. Симферополь: Универсум, 193—206.

Копылов В.П. 2002. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII — первой трети III вв. до н.э. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища* I. Санкт-Петербург: ГЭ, 229—235.

Королькова Е.Ф. 2001. Филипповские курганы и звериный стиль. В: Пиотровский М.Б., Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Золотые олени Евразии*. Санкт-Петербург: Славия, 64—163.

Кругликова И.Т. 1975. *Сельское хозяйство Боспора*. Москва: Наука.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: Корвин-пресс.

Лукьяшко С.И. 2000. К реконструкции событий конца IV — начала III в. до н.э. на Нижнем Дону. В: Гуляев В.И., Ольховский В.С. (отв. ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. Москва: Старый сад, 167—180.

Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: КубГУ.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону*. Москва: Paleograph.

Масленников А.А. 1998. *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху*. Москва: Индрик.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.

Монахов С.Ю. 1989. *Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н.э.* Саратов: СГУ.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: СГУ.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммерида; СГУ.

Монахов С.Ю. 2013. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе. В: Марченко И.И. (отв. ред). *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 294—300.

Монахов С.Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum plus* (3), 195—222.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2009. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские»). В: Ключников В.В., Коваленко А.В. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 148—161.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2013. Заметки по локализации керамической тары. III: Амфоры Икоса. *AMA* 16, 255—266.

Мордвинцева В.И. 1996. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана. *РА* (2), 155—159.

Мошкова М.Г. 1963. *Памятники прохоровской культуры*. САИ Д1—10. Москва: АН СССР.

Мошкова М.Г. 1974. *Происхождение раннесарматской прохоровской культуры*. Москва: Наука.

Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э.* САИ Д1—27. Москва: Наука.

Островерхов А.С. 1985. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии. *ВДИ* (3), 92—108.

Плешивенко А.Г. 1991. Торговые связи Каменского городища (по амфорным клеймам). *ДСПК* III, 162—172.

Плешивенко А.Г. 2000. Капуловский комплекс скифского времени (по материалам коллекции А.В. Бодянского). *ДСПК* VIII, 222—236.

Полін С.В. 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я. *Археологія* 45, 24—34.

Полин С.В. 1986. Появление сарматов в Северном Причерноморье по археологическим данным. В: Ольховский В.С. (отв. ред.). *Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ*. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. Москва: Институт истории АН СССР, 116—118.

Полин С.В. 1987. Хронология раннесарматской прохоровской культуры. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Актуальные проблемы историко-археологических исследований*. Тез. докл. VI Республиканской конф. молодых ученых. Киев, октябрь 1987 г. Киев: Наукова думка, 132—133.

Полин С.В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ИА НАНУ.

Полин С.В. 2010. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). *AMA* XIV, 262—307.

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Курганы Украины 3. Киев: Видавець Олег Філюк.

Полин С.В. 2015. О хронологии фасосского клеймения IV в. до н.э. *ТГЭ* LXXVII, 334—358.

Полин С.В., Симоненко А.В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 76—96.

Полин С.В., Симоненко А.В. 1997. Скифия и сарматы. В: Горбенко А.А. (отв. ред.). *Сарматы и Скифия*. Сб. науч. докл. III междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности 5. Азов: Азовский краеведческий музей, 87—98.

Полин С.В., Симоненко А.В. 2004. Сарматы и гибель Великой Скифии. In: Chochorowski J. (ed.). *Cimmerians. Scythians. Sarmatians. In memory of professor T. Sulimirski*. Kraków: Księgarnia akademicka, 367—374.

Полин С.В., Дараган М.Н. 2010. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. В: Масленников А.А. и др. (ред. колл.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия* 1. Москва; Киев: Триумф принт, 191—209.

Пуздровский А.Е. 1994. О сарматах в Крыму. *МАИЭТ* IV, 397—405.

Пуздровский А.Е. 1999. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. — III в.н.э.). *ХС* X, 208—225.

Пуздровский А.Е. 2001. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. — III в.н.э. *ВДИ* (3), 86—118.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в.н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Пшеничнюк А.Х. 1989. *Раскопки «царского» кургана на Южном Урале*. Препринт доклада. Уфа.

Пшеничнюк А. Х. 2001. Филипповские курганы в центре скифского мира. В: Пиотровский М. Б., Кузеев Р. Г. (отв. ред.). *Золотые олени Евразии*. Санкт-Петербург: Славия, 26—37.

Рогов Е. Я., Тункина И. В. 1998. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I. *AB* 5, 159—175.

Ромашко В. А., Скорый С. А. 2009. *Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.

Ростовцев М. И. 1918. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*. МАР 37.

Ростовцев М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград: Типография Ленинградской трудовой артели печатников.

Сергацков И. В. 2000а. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр. В: Мышкин В. Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология* 1. Мат-лы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СНЦ РАН, 150—157.

Симоненко А. В. 2000б. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья. В: Мышкин В. Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология* 1. Матлы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СНЦ РАН, 158—166.

Симоненко А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка; Киевская Академия Евробизнеса.

Симоненко А. В. 2003. «Проблема III в. до н. э.» — вариант решения? *HAB* 6, 297—303.

Скорый С. А. 1999. Дата большого Рыжановского кургана (по археологическим данным). В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. К* 100-летию Б. Н. Гракова. Запорожье: ЗГУ, 240—241.

Скорий та ін. 1999: Скорий С. А., Хохоровські Я., Григор'єв В. П., Ридзевські Я. 1999. Центральна могила Великого Рижанівського кургану. *Археологія* (1), 94—105.

Скорый С. А., Хохоровски Я. 2005—2009. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища. *Stratum plus* (3), 234—276.

Скрипкин А. С. 1987. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект. В: Шилов В. П. (отв. ред.). *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Суздаль, 1987. Москва: Наука, 231.

Скрипкин А. С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов: СГУ.

Скрипкин А. С. 2000. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II—I вв. до н. э. В: Мышкин В. Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология* 1. Мат-лы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СНЦ РАН, 137—149.

Скрипкин А. С. 2005. Сарматские мечи с кольцевым навершием. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *II Городцовские чтения*. Мат-лы научной конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. Тр. ГИМ 145. Москва: ГИМ, 171—185.

Скрипкин А. С., Клепиков В. М. 2004. К хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Доклады к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Фирма НСС, 95—106.

Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Мошкова М. Г. 2002. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации. *РА* (1), 101—112.

Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. 2015. *Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма*. Археологические атласы Северного Причерноморья. Материалы к археологической карте Крыма XV. Санкт-Петербург: Алетейя.

Смирнов К. Ф. 1959. *Курганы у сел Иловатка и Политотдельское*. МИА 60, 206—322.

Смирнов К. Ф. 1975. *Сарматы на Илеке*. Москва: Наука.

Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 5—15.

Фидельский С. А. 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III—II вв. до н. э. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, 16—20.

Храпунов И. Н. 1995. *Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы*. Симферополь: Таврия.

Храпунов И. Н. 2004. *Этническая история Крыма в раннем железном веке*. БИ VI.

Шевченко Н. Ф. 2011. Степи Прикубанья и сираки в IV—III вв. до н. э. *ИАА* 10. 44—57.

Avram A. 1996. *Les timbres amphoriques* 1. *Thasos*. Histria VIII. Bucarest: Editura Enciclopedică; Paris: De Boccard.

Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S. 1996. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego w Ryzhanowce na Ukrainie. *MSROA* XVII, 239—261.

Chochorowski J., Skoryj S. 1997. The "collateral" (female) Burial at the Greate Ryzhanowka Barrow. *Studies in ancient art and civilization* 8, 71—92.

Chochorowski et al. 1997: Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. 1997. Centralny pochywek Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego. *MSROA* XVIII, 77—92.

Chochorowski J., Skoryj S. 1999. Kobiece nakrycie glowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego. *MSROA* XX, 301—311.

Chochorowski et al. 1999: Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. 1999. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego — etap koncowy (sezon 1998). *MSROA* XX, 279—291.

Chochorowski J., Skoryj S. 2001. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe wielkiego kurhanu Ryzanowskiego w Ryzanowce na Ukraine. In: Lech J., Patyka J. (red.). *Z archeologii Ukrainy i Jury Ojcowskiej*. Ojcow: Ojcowski Park Narodowy, 463—486.

Conovici N. 1998. *Les timbres amphoriques* 2. *Sinope (tuiles timbres comprises)*. Histria VIII (2). Bucarest; Paris: Empereur.

Fedoseev N. F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 27—40.

Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie detailée et revisée des éeponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 180 av. J.-C. Premier bilan*. BAR International Se-

ries 990. Oxford: Archaeopress Publischers.
Garlan Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos* I. *Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens*. Études Thasiennes XVIII. Corpus International des Timbres Amphoriques 6. Athènes; Paris: Ecole Française d'Athènes.
Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue*. Paris: De Boccard Edition-Diffusion.
Garlan Y. 2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos. *BCH* 128—129, 269—329.
Mordvinceva V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien 11.
Polin S., Daragan M. 2011. Das Prunkgrab Alexandropolkurgan. Verbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004—2009. *Eurasia Antiqua* 17, 189—214.
Rau P. 1929. *Die Gräber der Frühen Eisen Zeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze*. Pokrovsk: Volkskommissariat für Bildungswessen der Wolgadeutschen Republik (Zentralmuseum).

References

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Alekseeva, E.M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Andrukh, S.I., Toshchev, G.N. 2012. In Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologiae in Asia et Europa. Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Profil-Arheo, 485—490 (in Russian).
Berlizov, N.E. 1996. In Afanas'ev, G.E. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskie chteniia (Actual Problems of the Northern Caucasus Archaeology. 19th Krupnov Readings)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29—31 (in Russian).
Berlizov, N.E. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 3, 93—105 (in Russian).
Berlizov, N.E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Iuzhnoi Rossii v VII v. do n. e. — V v. n. e. (Rhythms of Sarmatia. The Sarmatian and Sauromatian Tribes of Southern Russia in the 7th Century BC — 5th Century AD)*. Krasnodar: Krasnodar State University for Culture and Arts; "Parabellum" Publ. (in Russian).
Bidzilya, V.I., Polin S.V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian Royal Barrow Gaimanova Mogila)*. Kiev: "Skif" Publ. (in Russian).
Boltryk, Yu.V., Fialko, O. Ye. 2012. *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 8, 50—57 (in Ukrainian).
Borisova, V.V. 1974. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XI, 99—124 (in Russian).
Bylkova, V.P. 2007. *Nizhnee Podneprov'e v antichnuiu epokhu (po materialam raskopok poselenii) (Lower Dnieper Region in Antiquity (According to the Materials of Excavations on Settlements))*. Kherson: Kherson State University (in Russian).
Bylkova, V.P. 2007. In *Tyragetia SN* I (1), 89—114 (in Russian).
Vyazmitina, M.I. 1962. *Zolota Balka. Poselennya sarmats'koho chasu na nyzhn'omu Dnipri (Zolotaya Balka. Settlements of Sarmatian Time in the Lower Dnieper Region)*. Moscow; Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic (in Ukrainian).
Gavrilov, A.V. 2004. *Okruga antichnoi Feodosii (The Neighborhood of Classical Theodosia)*. Simferopol: "Azbuka" Publ. (in Russian).
Gavrilov, A.V., Shonov, I.V. 2004. In *Drevnosti Bospora: Mezhdunarodnyi ezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriiskogo (Antiquities of the Bosporus: International Yearly on the History, Archaeology, Epigraphy, Numismatics, and Philology of the Cimmerian Bosporus)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 89—99 (in Russian).
Gavrilov, A.V. 2004. *Amfornye kleima okrugi antichnoi Feodosii (materialy k khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov) (Amphora Stamps in Outskirts of Ancient Theodosia: materials for chronology of archaeological sites)*. Donetsk: "Donbass" Publ. (in Russian).
Gavrilyuk, N.A. 2013. *Ekonomika Stepnoi Skifii VI—III vv. do n.e. (Economy of the Steppe Scythia in 6th—3rd Centuries BC)*. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).
Gavrilyuk, N.A., Abikulova, M.I. 1991. *Pozdneskifskie pamiatniki Nizhnego Podneprov'ia (Late Scythian Sites of Lower Dnieper Region) I. Novye materialy (New Materials))*. Preprint. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
Gavrilyuk, N.A., Bylkova, V.P., Kravchenko, S.N. 1992. *Skifskie poseleniia IV v. do n.e. v stepnom Podneprov'e (Scythian Settlements of 4th Century BC in the Steppe Part of the Dnieper Basin)* I. Preprint. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
Gavrilyuk, N.A., Bylkova, V.P., Kravchenko, S.N. 1992. *Skifskie poseleniia IV v. do n.e. v stepnom Podneprov'e (Scythian Settlements of 4th Century BC in the Steppe Part of the Dnieper Basin)* II. Preprint. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
Glebov, V.P. 2002. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: pogrebal'nye pamiatniki i sviatilishcha (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Burial Sites and Sanctuaries)* 2. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 186—197 (in Russian).
Glebov, V.P. 2003. In Zin'ko, V.I. (ed.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia (Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages). 4th Bosporan Readings.* Kerch: "Demetra" Publ., 80—88 (in Russian).
Glebov, V.P. 2004. In Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 127—133 (in Russian).
Glebov, V.P. 2007. In Sergatskov, I.V. (ed.). *Regional'nye osobennosti rannesarmatskoi kul'tury (Regional Particularities of the Early Sarmatian Culture)* II. Volgograd: Volgograd State University, 59—82 (in Russian).
Glebov, V.P. 2009. *Rannesarmatskaia kul'tura Nizhnego Podon'ia II—I vv. do n.e. (Early Sarmatian Culture in the Lower Don Area, 2nd—1st Centuries BC)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
Glebov, V.P. 2012. In Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n.e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 28—33 (in Russian).
Grakov, B.N. 1928. In *Trudy sektsii arkheologii RANION (Proceedings of the Department for Archaeology of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences)* 4, 145—155 (in Russian).
Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Iuzhnogo Priural'ia VII—I vv. do n.e. (Ancient Nomads of Southern Cis-Urals: 7th—1st Centuries BC)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).
Dedjulkin, A.V. 2015. In Koreniako, V.A., Boiko, A.L. (eds.). *Za rekoi Tanaisom (Beyond the Tanais River)*. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 71—72 (in Russian).
Demidenko, S.V. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 48—54 (in Russian).
Demidenko, S.V. 2010. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11, 365—373 (in Russian).

Zhelezchikov, B.F., Klepikov, V.M., Sergatskov, I.V.; Moshkova, M.G. (eds.). 2006. Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka Site (the 6th–2nd Centuries B.C.). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. — III v.n. e.) (Scythian Neapolis (2nd Century BC — 3rd Century AD))*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2012. In Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 55—66 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2012. In Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 67—72 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2013. In Vakhtina, M. Yu., et al. (ed. board). *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke (The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 499—506 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2015. In Luk'iashko, S.I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World)*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 53—54 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2015. In Zhuravlev, D.V. (ed.). *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti (The Wind Blows from the Mithridat Mount: Bosporus and Pontic Area in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ., 164—173 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Koltukhov, S.G. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 3, 99—127 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I., Hellström, K. 2013. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) II. 20 let issledovanii mogil'nika Neizats (Crimea in Satmatian Time (2nd Century BC — 4th Century AD) II. 20 Years of Studies on the Neusatz Burial Ground)* I. Simferopol; Bakhchisaray: "Dolya" Publ., 44—59 (in Russian).

Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaia tara Bospora (Bosporan Ceramic Ware)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 83. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zuev, Yu.V. 1998. In Vilinbakhov, G.V., Stoliar, A.D. (eds.). *Skify. Khazary. Slaviane. Drevniaia Rus' (Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 45—50 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 1998. *Prokhorovskie kurgany v Iuzhnom Priural'e i problema khronologii rannesarmatskoi kul'tury (Prokhorovka Barrows in Southern Cis-Urals and the Issue of Chronology of the Early Sarmatian Culture)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

Zuev, V. Yu. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 305—324 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 2000. In Shadricheva, L.V. (ed.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Pamiati Iu. V. Andreeva (ΣΥΣΣΙΤΙΑ. To the Memory of Yu.V. Andreev)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 304—330 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 2000. In Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Forming, Development, Chrnology)* 1. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 85—104 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 2004. In Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 205—219 (in Russian).

Ivashchenko, M.V. 2012. In Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 81—86 (in Russian).

Kac, V.I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel' (Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue and Guide)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Kac, V.I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel' (Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue and Guide)* III. *Tablitsy keramicheskikh kleim Khersonesa Tavricheskogo. Tablitsy opredelitelia (Tables of Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos: Identification Tables)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Kac, V.I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (a Complex Study))*. Series: Bosporan Studies XVIII. Simferopol; Kerch: National Academy of Sciences of Ukraine, Instutute of Oriental Studies, Crimean Branch; "Demetra" Publ. (in Russian).

Klepikov, V.M. 2000. In Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Forming, Development, Chrnology)* 1. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 116—124 (in Russian).

Klepikov, V.M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia IV—III vv. do n.e. (Sarmatians of the Lower Volga Basin in 4th—3rd Centuries BC)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Klepikov, V.M., Skripkin, A.S. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5, 47—81 (in Russian).

Klepikov, V.M., Skripkin, A.S., Sergatskov, I.V. 2008. In Yablonsky, L.T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early Nomads of the Volga-Ural Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 50—63 (in Russian).

Kovalenko, A.N. 2006. In Kopylov, V.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in Ancient and Medieval Times)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State Pedagogical University, 51—57 (in Russian).

Koltukhov, S.G. 1999. *Ukrepleniia Krymskoi Skifii (Fortifications of the Crimean Scythia)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Koltukhov, S.G. 2004. In *Drevnosti Bospora: Mezhdunarodnyi ezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriiskogo (Antiquities of the Bosporus: International Yearly on the History, Archaeology, Epigraphy, Numismatics, and Philology of the Cimmerian Bosporus)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 217—237 (in Russian).

Koltukhov, S.G. 2006. In *Drevnosti Bospora: Mezhdunarodnyi ezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriiskogo (Antiquities of the Bosporus: International Yearly on the History, Archaeology, Epigraphy, Numismatics, and Philology of the Cimmerian Bosporus)* 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228—259 (in Russian).

Koltukhov, S.G. 2007. In Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (ed.). *Drevniaia Tavrika (Ancient Taurica)*. Series: Archaeological Studies. Simferopol: "Universum" Publ., 193—206 (in Russian).

Kopylov, V.P. 2002. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: pogrebal'nye pamiatniki i sviatilishcha (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Burial Sites and Sanctuaries)* I. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 229—235 (in Russian).

Korolkova, E.F. 2001. In Piotrovskii, M.B., Kuzeev, R.G. (eds.). *Zolotye oleni Evrazii (Golden Deer of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 64—163 (in Russian).

Kruglikova, I.T. 1975. *Sel'skoe khoziaistvo Bospora (Agriculture of the Bosporus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubyshev, A.I., Bessonova, S.S., Kovalev, N.V. 2009. *Bratolubovskii kurgan (Bratolyubovsky Barrow)*. Kiev: "Korvin Press" Publ. (in Russian).

Lukiashko, S.I. 2000. In Gulyaev, V.I., Olkhovskii, V.S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n.e.: paleoekologiia, antropologiia i arkheologiia (Scythians and Sarmatians in 7th—3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology)*. Moscow: "Staryi sad" Publ., 167—180 (in Russian).

Marchenko, I.I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebenii Nizhnei Kubani) (Kuban Siraces (Basing on the Materials from the Barrow Burials from Lower Kuban Region))*. Krasnodar: Kuban State University (in Russian).

Marchenko, K.K., Zhitnikov, V.G., Kopylov, V.P. 2000. *Elizavetovskoe gorodishche na Donu (Elizavetovskoe Fortified Site on the Don River)*. Moscow: "Paleograph" Publ. (in

Russian).
Maslennikov, A.A. 1998. *Ellinskaia khora na kraiu Oikumeny. Sel'skaia territoriia evropeiskogo Bospora v antichnuiu epokhu (Hellenic Chora on the Edge of Oecumene: Rural Territory of European Bosporus in the Classical Epoch)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
Mozolevskii, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. Babina, Vodiana i Soboleva Mogily (Barrows of the Scythian Gerros from the 4th Century BC. Babina, Vodiana and Soboleva Mogila)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
Monachov, S.Yu. 1989. *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV—II vv. do n.e. Opyt sistemnogo analiza (Amphorae of Tauric Chersonesos from 4th—2nd Centuries BC. A Systemic Analysis)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
Monachov, S. Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII—II vekov do n. e. (Greek Amphorae in the Pontic Region. Complexes of Ceramic Ware from the 7th—2nd Centuries BC)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
Monachov, S. Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' (Greek Amphorae in the Pontic Region. Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers. Catalogue and Guide)*. Moscow: "Kimmerida" Publ.; Saratov: Saratov State University (in Russian).
Monachov, S. Yu. 2013. In Marchenko, I.I. (ed.). *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Materials of the Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 294—300 (in Russian).
Monachov, S. Yu. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 195—222 (in Russian).
Monachov, S. Yu., Kuznetsova, E.V. 2009. In Kliuchnikov, V.V., Kovalenko, A.V. (eds.). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia (International Relations in the Black Sea Basin in the Scythian and Khazar Time)*. Rostov-on-Don: "Media-Polis" Publ., 148—161 (in Russian).
Monachov, S. Yu., Fedoseev, N.F. 2013. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* 16, 255—266 (in Russian).
Mordvintseva, V.I. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 155—159 (in Russian).
Moshkova, M.G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Sites of Prokhorovka Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Moshkova, M.G. 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoi prokhorovskoi kul'tury (Origin of the Early Sarmatian Prokhorovka Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Onaiko, N.A. 1970. *Antichnyi import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV—II vv. do n. e. (Ancient Import in Dnieper and Bug Regions in 4th—2nd Centuries BC)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—27. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Ostroverkhov, A.S. 1985. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 92—108 (in Russian).
Pleshivenko, A.G. 1991. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* III, 162—172 (in Russian).
Pleshivenko, A.G. 2000. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* VIII, 222—236 (in Russian).
Polin, S.V. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 45, 24—34 (in Ukrainian).
Polin, S.V. 1986. In Ol'khovskii, V.S. (ed.). *Khoziaistvo i kul'tura doklassovykh i ranneklassovykh obshchestv (Economy and Culture of the Pre-Class and Early Class Societies)*. Moscow: Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, 116—118 (in Russian).
Polin, S.V. 1987. In Gening, V.F. (ed.). *Aktual'nye problemy istoriko-arkheologicheskikh issledovanii (Current Issues of Historical and Archaeological Research)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 132—133 (in Russian).
Polin, S.V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii (From Scythia to Sarmatia)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
Polin, S.V. 2010. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* XIV, 262—307 (in Russian).
Polin, S.V. 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Barrow Necropolis Zolotaya Balka of 5th—4th Centuries BC in the Kherson Region)*. Series: Kurgany Ukrainy (Barrows in Ukraine) 3. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).
Polin, S.V. 2015. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* LXXVII, 334—358 (in Russian).
Polin, S.V., Simonenko, A.V. 1990. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Podneprov'ia (Research Into the Archaeology of Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 76—96 (in Russian).
Polin, S.V., Simonenko, A.V. 1997. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Sarmaty i Skifiia (Sarmatians and Scythia)*.. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 5. Azov: Azov Museum of Local Lore, 87—98 (in Russian).
Polin, S.V., Simonenko, A.V. 2004. In Chochorowski, J. (ed.). *Cimmerians. Scythians. Sarmatians. In memory of professor T. Sulimirski*. Kraków: Księgarnia akademicka, 367—374 (in Russian).
Polin, S.V., Daragan, M.N. 2010. In Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, N.A., Zavoikin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia. Noveishie nakhodki i otkrytiia (ΣΥΜΒΟΛΑ. Antique World of Northern Pontic Region. Most Recent Findings and Discoveries)* 1. Moscow; Kiev: "Triumf print" Publ., 191—209 (in Russian).
Puzdrovsky, A.E. 1994. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV, 397—405 (in Russian).
Puzdrovsky, A.E. 1999. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* X, 208—225 (in Russian).
Puzdrovsky, A.E. 2001. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 86—118 (in Russian).
Puzdrovsky, A.E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. — III v.n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia into the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
Pshenichniuk, A. Kh. 1989. *Raskopki «tsarskogo» kurgana na Iuzhnom Urale (Excavations of a 'Royal' Barrow in Southern Ural)*. Preprint. Ufa (in Russian).
Pshenichniuk, A. Kh. 2001. In Piotrovskii, M.B., Kuzeev, R.G. (eds.). *Zolotye oleni Evrazii (Golden Deer of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 26—37 (in Russian).
Rogov, E.Ya., Tunkina, I.V. 1998. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 5, 159—175 (in Russian).
Romashko, V.A., Skoryj, S.A. 2009. *Bliznets-2: skifskii aristokraticheskii kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom Nadporozh'e (Bliznets-2: A Scythian Aristocratic Barrow on the Right Bank of the Dnieper River Higher up the Rapids)*. Dnepropetrovsk: "Porogi" Publ. (in Russian).
Rostovtzeff, M.I. 1918. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoi oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma (Tumular Finds of the Orenburg Region from Early and Late Hellenistic Period)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 37. Petrograd: "Ogni" Publ. (in Russian).
Rostovtzeff, M.I. 1925. *Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and Bosphorus: a Critical Review of the Written and Archaeological Evidences)*. Leningrad: Russian Academy for the History of Material Culture; "Tipografiia I Lenigradskoi Trudovoi Arteli Pechatnikov" Publ. (in Russian).
Sergatskov, I.V. 2000. In Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Forming, Development, Chrnology)* 1. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 150—157 (in Russian).
Simonenko, A.V. 2000. In Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Forming, Development, Chrnology)* 1. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 158—166 (in Russian).
Simonenko, A.V. 1993. *Sarmaty Tavrii (The Sarmatians in Tauria)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ.; "Kievskaia Akademiia Evrobiznesa" Publ. (in Russian).
Simonenko, A.V. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6, 297—303 (in Russian).

Skoryj, S.A. 1999. In Tolochko, P.P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of Scythian and Sarmatian Archeology of the Northern Pontic Region)*. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 240—241 (in Russian).

Skoryj, S.A., Chochorowski, J., Hryhor'yev, V.P., Rydzewski, J. 1999. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 94—105 (in Ukrainian).

Skoryi, S.A., Chochorowski, J. 2005—2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 234—276 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1987. In Shilov, V.P. (ed.). *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s"ezda KPSS (Objectives of Soviet Archaeology in the Light of Decisions of 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union)*. Moscow: "Nauka" Publ., 231 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt (Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Skripkin, A.S. 2000. In Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Forming, Development, Chrnology)* 1. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 137—149 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2005. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia (2nd Gorodtsov's Readings)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 145. Moscow: State Historical Museum, 171—185 (in Russian).

Skripkin, A.S., Klepikov, V.M. 2004. In Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 95—106 (in Russian).

Skripkin, A.S., Klepikov, V.M., Moshkova, M.G. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 101—112 (in Russian).

Smekalova, T.N., Koltukhov, S.G., Zaytsev, Yu.P. 2015. *Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma (Atlas of the Late Scythian Fortified Sites in the Piedmont Crimea)*. Series: Materials for the Archaeological Map of Crimea XV. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Smirnov, K.F. 1959. *Kurgany u sel Ilovatka i Politotdel'skoe (Barrows near the Ilovatka and Politotdelskoe Villages)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 60, 206—322 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on the Ilek River)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2012. In Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 5—15 (in Russian).

Fidelschi, S.A. 2012. In Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd—2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 16—20 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 1995. *Ocherki etnicheskoi istorii Kryma v rannem zheleznom veke. Tavry. Skify. Sarmaty (Essays on the Ethnic History of Crimea in the Early Iron Age: Taurians, Scythians, Sarmatians)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2004. *Etnicheskaia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke (Ethnical History of Crimea in Early Iron Age)*. Series: Bosporan Studies 6. Simferopol; Kerch: Kerch City Publ. (in Russian).

Shevchenko, N.F. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-Archaeological Almanac)* 10, 44—57 (in Russian).

Avram, A. 1996. *Les timbres amphoriques* 1. *Thasos*. Histria VIII. Bucarest: Editura Enciclopedică; Paris: De Boccard.

Chochorowski, J., Grigor'ev, V., Skoryj, S. 1996. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego w Ryzhanowce na Ukrainie. *MSROA* XVII, 239—261.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 1997. The "collateral" (female) Burial at the Greate Ryzhanowka Barrow. *Studies in ancient art and civilization* 8, 71—92.

Chochorowski, J., Skoryj, S., Grigor'ev, V., Rydzewski, J. 1997. Centralny pochywek Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego. *MSROA* XVIII, 77—92.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 1999. Kobiece nakrycie glowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego. *MSROA* XX, 301—311.

Chochorowski, J., Skoryj, S., Grigor'ev, V., Rydzewski, J. 1999. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego — etap koncowy (sezon 1998). *MSROA* XX, 279—291.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 2001. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe wielkiego kurhanu Ryzanowskiego w Ryzanowce na Ukraine. In Lech, J., Patyka, J. (red.). *Z archeologii Ukrainy i Jury Ojcowskiej*. Ojcow: Ojcowski Park Narodowy, 463—486.

Conovici, N. 1998. *Les timbres amphoriques* 2. *Sinope (tuiles timbres comprises)*. Histria VIII (2). Bucarest; Paris: Empereur.

Fedoseev, N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 27—40.

Finkielsztejn, G. 2001. *Chronologie detailée et revisée des éeponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 180 av. J.-C. Premier bilan*. BAR International Series 990. Oxford: Archaeopress Publischers.

Garlan, Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos* I. *Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens*. Études Thasiennes XVIII. Corpus International des Timbres Amphoriques 6. Athènes; Paris: Ecole Française d'Athènes.

Garlan, Y. 2004. *Les timbres céramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue*. Paris: De Boccard Edition-Diffusion.

Garlan, Y. 2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos. *BCH* 128—129, 269—329.

Mordvinceva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien 11.

Polin, S., Daragan, M. 2011. Das Prunkgrab Alexandropol-kurgan. Verbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004—2009. *Eurasia Antiqua* 17, 189—214.

Rau, P. 1929. *Die Gräber der Frühen Eisen Zeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze*. Pokrovsk: Volkskommissariat für Bildungswessen der Wolgadeutschen Republik (Zentralmuseum).

Статья поступила в сборник 22 августа 2017 г.

Sergey Polin (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Полин Сергей Васильевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: polin-arheo@ukr.net

Address: [1] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

Ю. П. Зайцев

Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму

Keywords: Northern Black Sea region, Crimea, Hellenistic period, Celts, late Scythians, vault-catacomb, shield

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, эллинистический период, кельты, поздние скифы, склеп-катакомба, щит

Yu. P. Zaytsev

Complex with a Celtic Type Shield from Ak-Kaya Necropolis in Crimea

The article is dedicated to the publication of Hellenistic burial complex investigated on the territory of Ak-Kaya necropolis in 2015. There were 4 burials and 2nd—1st cc. BC diverse implements investigated in underground catacomb. Most interesting was a big oval Celtic type schield with numerous iron components — the first such find in Nortern Black sea region. There its detailed description and reconstruction, analogies and similar finds from the territory of Bosporan Kingdom and Chersonesos in the article.

Ю. П. Зайцев

Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму

Статья посвящена публикации погребального комплекса эллинистического времени, раскопанного на некрополе городища Ак-Кая в 2015 г. В подземной катакомбе было обнаружено четыре захоронения и разнообразный инвентарь конца II — I вв. до н. э. Самым интересным артефактом оказался большой овальный щит кельтского типа с многочисленными железными деталями — первая находка такого рода в Северном Причерноморье. Представлено его подробное описание и реконструкция, рассмотрены аналогии и изображения подобных щитов в Боспоре и Херсонесе.

Общая информация о городище и некрополе

Городище Ак-Кая/Вишенное расположено в центральной части Крыма, на правом берегу реки Биюк-Карасу, в 6 км севернее г. Белогорск, на юго-восточной окраине с. Вишенное. Городище представляет собой многослойный археологический памятник, существование которого относится к трём периодам — эллинистическому (конец IV — I вв. до н. э.), римскому (I—III вв. н. э.) и раннесредневековому (VIII—IX вв. н. э.). Первоначальная крепость достигала площади ок. 10 га. Время активного строительства и функционирования фортификационных сооружений первой крепости относится к концу IV — первой половине II вв. до н. э. С середины II в. до н. э. оборонительные сооружения городища Ак-Кая/Вишенное постепенно приходят в негодность. Вторая по счету крепость локализована в южной части плато и достигала площади 1,1 га. Период ее функционирования охватывает время от рубежа эр до III в. н. э. (Зайцев 2015: 164—165).

Первое упоминание городища Ак-Кая/Вишенное относится к первой половине XIX в.; на протяжении XX в. оно было обследовано П. Н. Шульцем, И. А. Барановым, А. В. Белым и прошурфовано С. Г. Колтуховым. Последний определил наличие здесь культурного слоя III—II вв. до н. э. — III в. н. э., перекрытого средневековыми отложениями, и составил первый план городища (см. Смекалова и др. 2015: 201—202).

В 2001 г. на городище провела небольшие по объёму работы Горно-Крымская экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством В. Л. Мыца, а с 2005 г. по 2017 г. памятник с небольшими перерывами (2010—2011 гг. и 2016—2017 гг.) исследовался Крымской предгорной экспедицией Крымского филиала ИА НАН Украины и Историко-археологического заповедника «Неаполь Скифский» под руководством автора. К настоящему времени здесь исследовано восемь раскопов и семь шурфов, расположенных в различных частях крепости и за ее пределами. Общая исследованная площадь составляет более 2000 м^2.

© Ю. П. Зайцев, 2018.

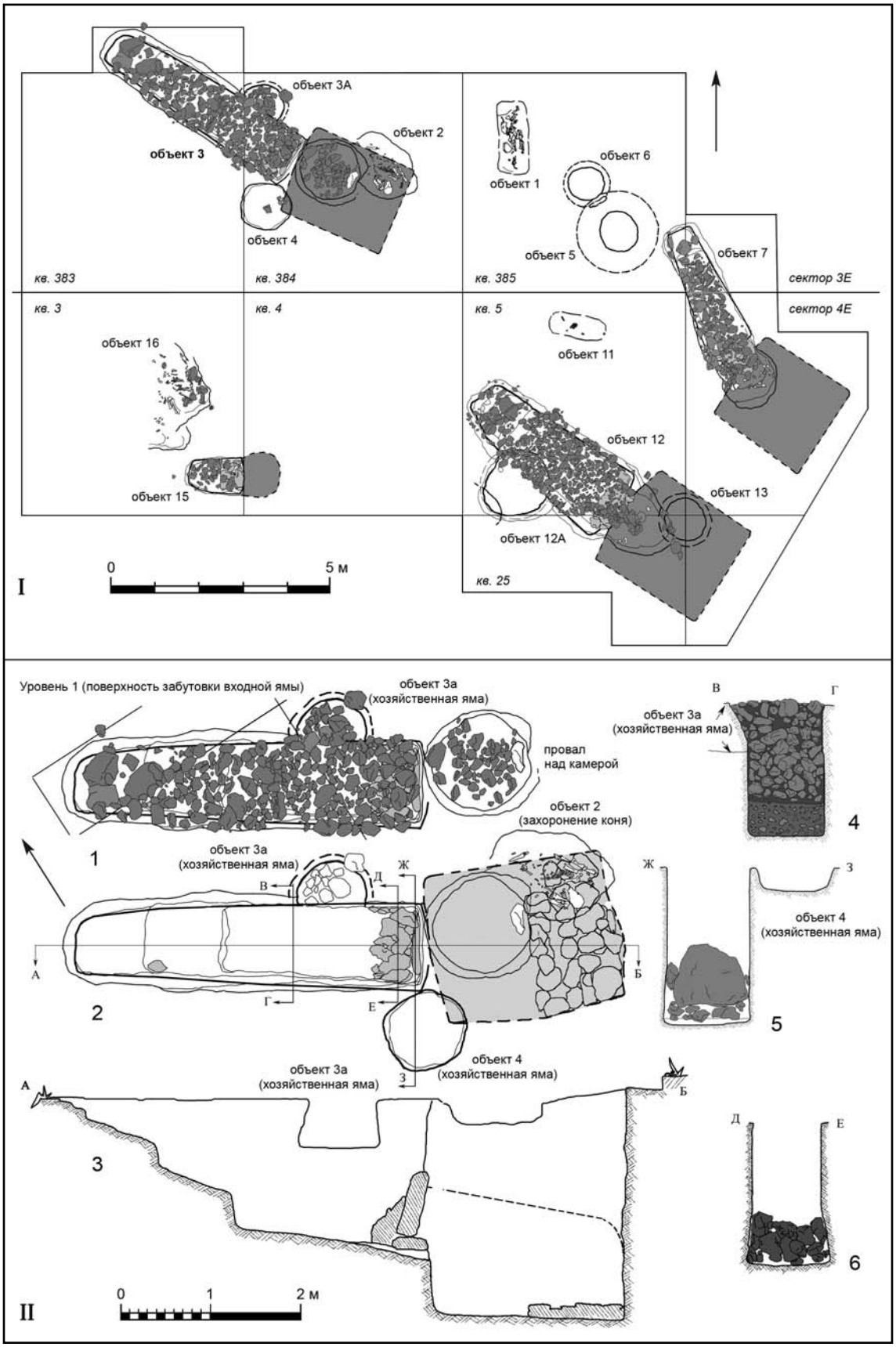

Рис. 1. Ак-Кая/Вишенное. I — план раскопа с обозначением исследованных объектов; II — планы и разрезы грунтового склепа-катакомбы (объект 3): 1 — план каменной забутовки входной ямы; 2 — план склепа-катакомбы и прилегающих объектов после окончательной расчистки; 3 — продольный разрез; 4 — поперечная

стратиграфия заполнения входной ямы; 5 — фасировка закладной плиты; 6 — фасировка каменного заклада перед закладной плитой.

Fig. 1. Ak-Kaya/Vishennoe. I — excavated area plan with a designation of investigated objects; II — plans and sections of ground vault-catacomb (object 3): 1 — plan of stone filling in entrance pit; 2 — vault-catacomb and bordering objects plan after final cleanup; 3 — lengthwise section; 4 — transverse section of entrance pit filling; 5 — front of the inset stone; 6 — front of the stone gage before inset stone.

Рис. 2. Ак-Кая/Вишенное. Объект 3: 1 — забутовка входной ямы, общий вид с северо-востока; 2 — каменный заклад и закладная плита, вид с северо-запада; 3 — входная яма после окончательной расчистки, вид с юго-востока (фото автора).

Fig. 2. Ak-Kaya/Vishennoe. Object 3: 1 — filling of the entrance pit, view from the north-east; 2 — stone gage and inset stone, view from the north-west; 3 — entrance pit after final cleanup, view from the south-east (photo by the author).

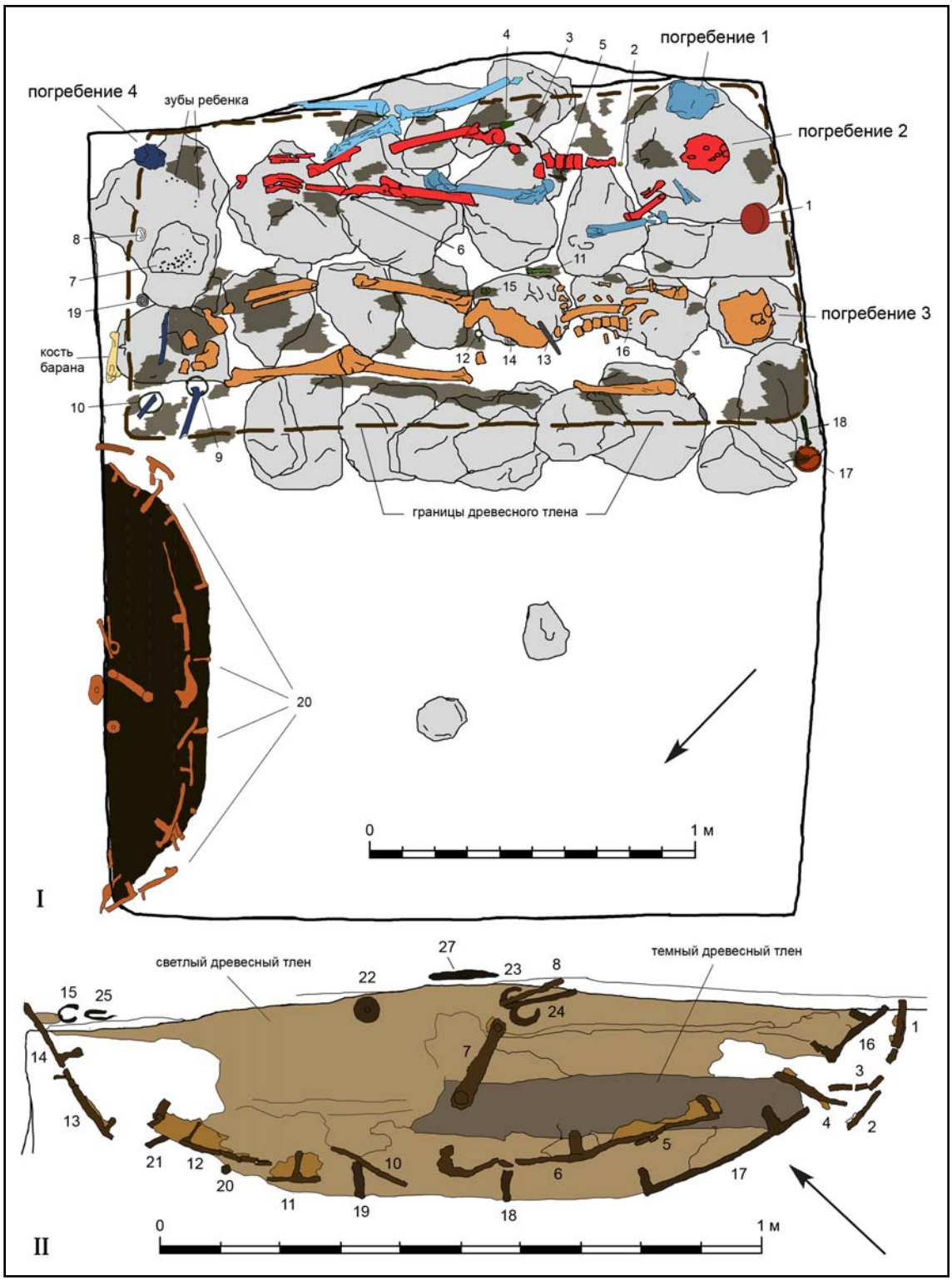

Рис. 3. Объект 3. А — план погребений в камере. Цифрами обозначены: 1 — чашка с лаковым покрытием; 2 — золотая бляшка; 3 — железный нож; 4 — бронзовый наконечник ножен; 5 — железный портупейный крюк; 6, 16 — фрагменты железных предметов; 7 — бусы (фаянс, сердолик); 8 — створка раковины; 9, 10 — бронзовые браслеты; 11 — бронзовое навершие; 12 — бронзовая пряжка; 13 — каменный оселок; 14 — кремневое орудие; 15 — бронзовый наконечник ножен; 17 — гончарная чашка; 18 — бронзовая фибула; 19 — лепное пряслице; 20 — древесный тлен и железные детали щита. В — план расположения остатков щита в северо-западном углу камеры. Номера соответствуют обозначениям на рис. 11—18.

Fig. 3. Object 3. A — plan of burials in the chamber. Numbers are indicated: 1 — bowl with a lacquered coating; 2 — golden plaque; 3 — iron knife; 4 — bronze scabbard tip; 5 — iron belt hook; 6, 16 — fragments of iron objects;

7 — faience and cornelian beads; 8 — shell valve; 9, 10 — bronze bracelets; 11 — bronze pommel; 12 — bronze buckle; 13 — stone hone; 14 — flinty tool; 15 — bronze scabbard tip; 17 — ceramic bowl; 18 — bronze fibula; 19 — moulded spindle whorl; 20 — woody putrefaction (dust) and iron shield details. B — disposition plan of schield remains in north-west chamber corner. Numbers correspond to designations on fig. 11—18.

На основании результатов раскопок было высказано предположение, что в III — начале II вв. до н. э. городище Ак-Кая являлось столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья (Зайцев 2013: 499—501; 2015: 164, 168—170; Смекалова и др. 2015: 201—209).

В 2015 г. непосредственно к юго-востоку от городища, у восточной окраины действующего фермерского комплекса, на поверхности были выявлены полуразрушенные конские захоронения и каменные заклады древних погребений.

Тогда же здесь был заложен раскоп общей площадью 195 м^2, в пределах которого открыто 15 объектов (рис. 1: I). Из них 6 оказались хозяйственными ямами поселения, предшествовавшего некрополю (№3А, 4, 5, 6, 12А, 13), 4 — отдельными конскими захоронениями (№1, 2, 11, 16), еще 4 — грунтовыми склепами-катакомбами (№3, 7, 12, 15). Три из них содержали коллективные захоронения, один (№15), вероятно, являлся кенотафом.

Наибольший интерес из раскопанных объектов представляет объект №3 — грунтовый склеп-катакомба, в котором были обнаружены органические остатки и многочисленные металлические детали большого щита.

Объект 3

Объект представлял собой грунтовый склеп-катакомбу с камерой прямоугольной формы, длинная ось которой совпадает с осью входной ямы (рис. 1: II, 2). Он был обнаружен по выступающему на поверхности скоплению мелкого и среднего камня, которое оказалось верхней частью заполнения входной ямы. Размер пятна забутовки достигал 4,5×1,3 м (рис. 1: II, 1; 2: 1).

Входная яма вытянутой трапециевидной формы ориентирована по оси северо-запад — юго-восток. Длина входной ямы 4,6 м, ширина 0,75—1, 15 м. Глубина варьируется в пределах 1,17—2,15 м от современной дневной поверхности. Северо-западная часть входной ямы оформлена в виде двух ступенек высотой 0,35 м и 0,39 см (рис. 1: II, 3; 2: 3). Дно входной ямы наклонное, плоское, плавно понижается в сторону камеры. Продольные стенки относительно вертикальные (рис. 1: II, 4, 5). Заполнение от современной поверхности и на глубину до 1,35 м представляло собой сплошной разнокалиберный известняковый камень, ниже до дна — плотный суглинок с мелким камнем (рис. 1: II, 4). В этом нижнем слое, перед закладной плитой, были обнаружены несколько фрагментов длинных костей лошади.

Вход был закрыт массивной известняковой закладной плитой, заложенной дополнительно снаружи крупными известняковыми камнями (рис. 2: 2). Щели по сторонам от основной плиты заклинены мелкими известняковыми камнями. Размеры закладной плиты 1,0×0,85 м (рис. 1: II, 5). После удаления закладной плиты выяснилось, что она была поставлена на три плоских камня, уложенных на самое дно спуска в камеру.

Камера была устроена с юго-восточной стороны от входной ямы. Свод оказался обрушен в древности. Провал неправильной круглой формы локализован над закладной плитой и чётко прослеживался на поверхности материка в виде пятна плотного золистого суглинка с мелкими камнями. В процессе его выборки выяснилось, что ниже он переходил в разрушенный свод камеры, что выразилось в чередовании слоев материковой глины и линз плотного золистого суглинка с камнями. В нижней линзе были обнаружены несколько длинных лошадиных костей, провалившихся из конской могилы над сводом (объект 2).

В верхней части заполнения провала (золистый суглинок) были обнаружены невыразительные фрагменты амфоры эллинистического времени, а также фрагменты гончарных, лепных лощеных и нелощёных сосудов, костей животных.

Нижняя часть камеры была заполнена очень плотной однородной рушенной глиной, которая непосредственно перекрывала слой захоронений на дне камеры.

Конфигурация камеры почти правильной прямоугольной формы, размером 2,55×2,03 м. Высота дальней стенки 1,3 м, реконструируемая максимальная высота камеры у входа (исходя из высоты закладной плиты) 1,7 м. Дно (пол) камеры находилось на глубине 3,2 м от современной поверхности (рис. 1: II, 3).

Рис. 4. Объект 3. Фотоплан погребений в юго-восточной части камеры (фото автора).

Fig. 4. Object 3. Photomap of burials in south-east chamber part (photo by the author).

Погребения в камере

На полу камеры зафиксированы останки четырёх погребенных и сопровождающий их погребальный инвентарь (рис. 3: I; 4). Сохранность костей очень плохая, прежде всего, по причине влажного заполнения камеры и его плотности. Значительная часть костей находилась в состоянии тлена, оставшиеся кости растрескались под давлением упавшей глины. От черепов сохранился в основном тлен, небольшие фрагменты сводов и зубы.

Все захоронения располагались на своеобразной каменной платформе шириной 1,2 м, устроенной в юго-восточной части камеры, сложенной из крупных и средних известняковых камней в два слоя и достигавшей высоты 0,3 м.

Самым поздним, очевидно, было погребение 1, залегавшее несколько выше остальных. Перед ним было совершено погребение №4. Первоначальными в камере были погребения №2 и 3, для которых и был сооружен каменный помост-платформа.

Погребение 1

Положение: у юго-восточной стенки камеры, частично перекрывало погребение 2, вытянуто на спине, головой на юго-запад, кости грудной клетки и рук не сохранились, кости ног ниже колен смещены. Под костями прослежен органический тлен, однако, скорее, он относится к более ранним захоронениям. Принадлежало мужчине 35—40 лет[1].

Находки: краснолаковая полусферическая чашка у юго-западной стенки камеры (рис. 1: I, 1).

Описание находки:

1. Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне из хорошо отмученной глины. Лаковое покрытие красно-оранжевого цвета, пятнистое, покрывает весь сосуд. Диаметр венчика 9 см, диаметр дна 4,5 см, высота 5 см (рис. 5: 1).

Погребение 4

Положение: в южном углу камеры, вытянуто на спине, головой на юго-восток, кости грудной клетки и рук не сохранились, кости ног смещены. Под костями прослежен органический тлен, однако он связан с более ранними захоронениями. Принадлежало подростку 8—12 лет.

Находки: набор бус в области живота и грудной клетки (2) (рис. 3: I, 7); створка раковины речного моллюска (3) (рис. 3: I, 8); бронзовые проволочные браслеты на правой (4) (рис. 3: I, 10) и левой (5) (рис. 3: I, 9) голенях; лепное лощеное пряслице справа у таза (6) (рис. 3: I, 19).

У правого колена обнаружена кость барана.

Описание находок:

2. Бусы из сердолика бочковидной формы 6 экз. (рис. 5: 3), и цилиндрические из голубого фаянса — 58 экз. (рис. 5: 4).

3. Створка раковины речного моллюска с остатками румян, размерами 5×3 см, один край поврежден (рис. 5: 2).

4. Браслет бронзовый проволочный раздвижной конструкции с завязанными концами, размеры 8×7 см (рис. 5: 7).

5. Аналогичный браслет диаметром 7 см (рис. 5: 8).

6. Пряслице лепное лощеное округлой формы, размерами 2,4×1,6 см (рис. 5: 6).

[1] Антропологические определения В. Безбородых.

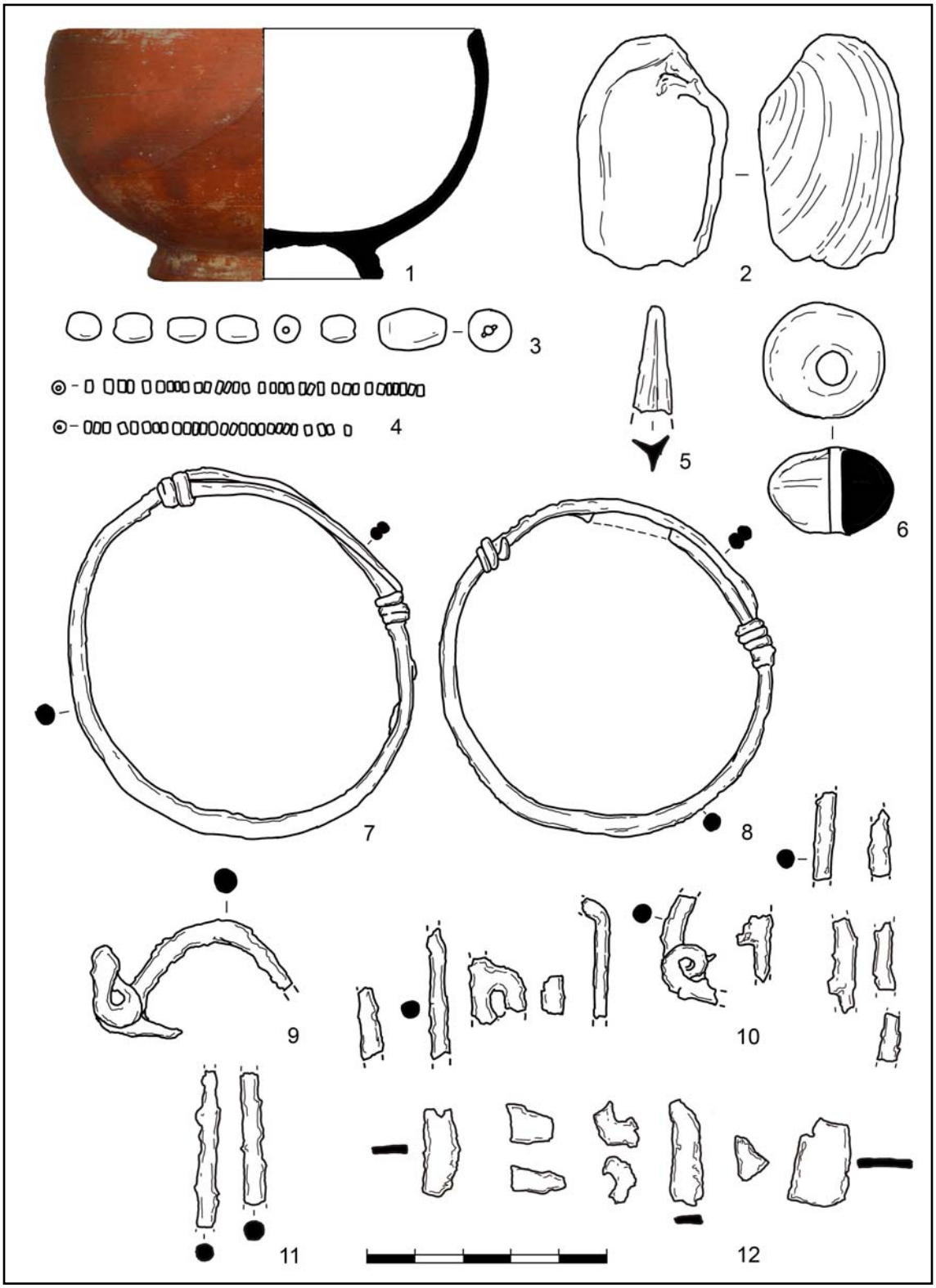

Рис. 5. Объект 3. Инвентарь погребений: 1 — краснолаковая чашка; 2 — створка раковины с остатками румян; 3 — бусы сердоликовые; 4 — бисер фаянсовый; 5 — железный наконечник стрелы; 6 — лепное пряслице; 7, 8 — бронзовые браслеты; 9 — железная фибула; 10 — фрагменты железных предметов; 11 — фрагменты железного шила; 12 — фрагменты бронзового наконечника ножен.

Fig. 5. Object 3. Burial implements. 1 — red-glazed bowl; 2 — shell valve with remains of rouge; 3 — cornelian beads; 4 — faience beads; 5 — iron arrow head; 6 — moulded spindle whorl; 7, 8 — bronze bracelets; 9 — iron fibula, 10 — fragments of iron objects; 11 — fragments of iron awl; 12 — fragments of bronze scabbard tip.

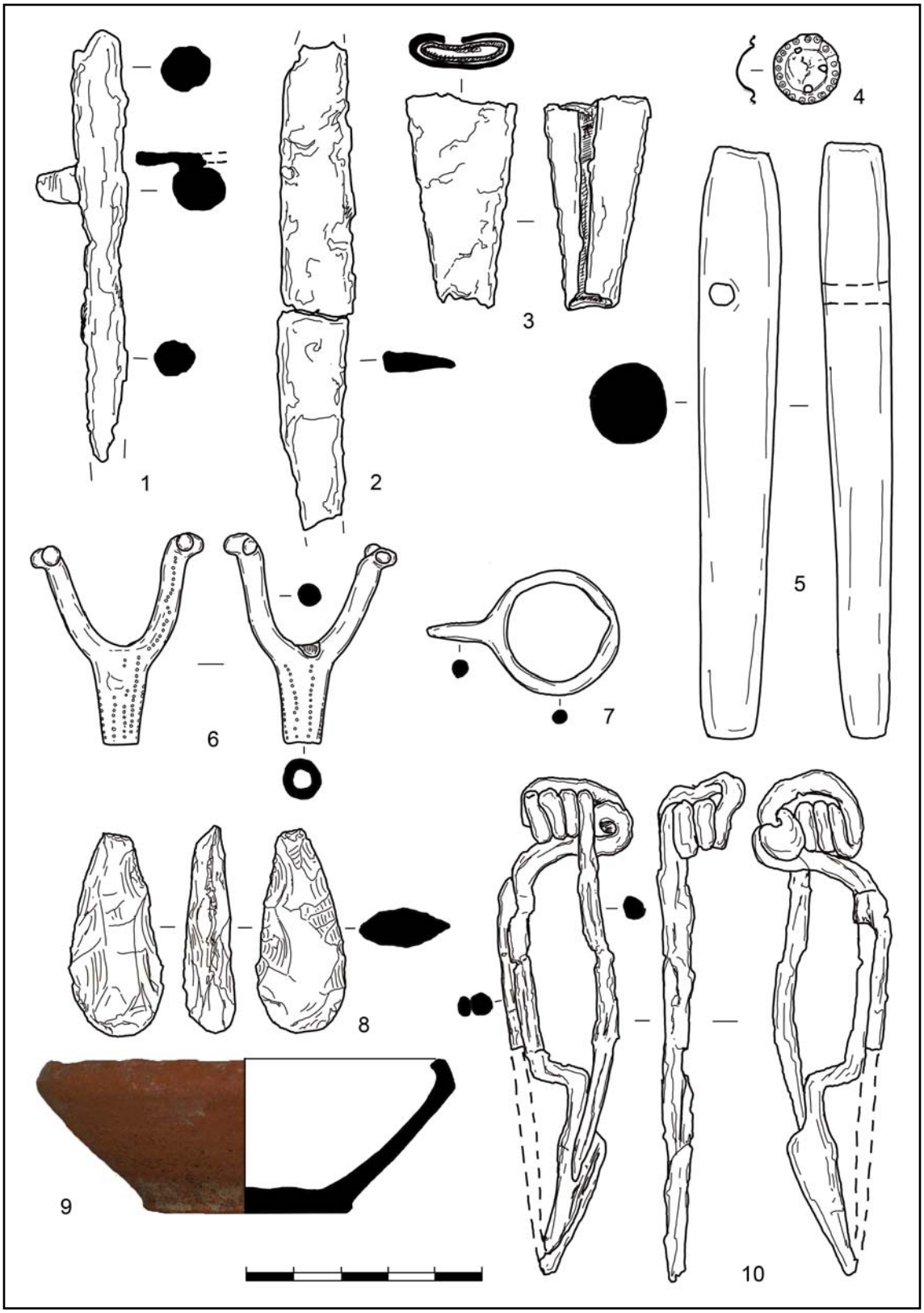

Рис. 6. Объект 3. Инвентарь погребений. 1 — железный портупейный крюк; 2 — железный нож; 3 — бронзовый наконечник ножен; 4 — золотая бляшка; 5 — каменный оселок; 6 — бронзовое навершие; 7 — бронзовая пряжка; 8 — кремневое орудие; 9 — гончарная чашка; 10 — бронзовая фибула.

Fig. 6. Object 3. Burial implements. 1 — iron belt hook; 2 — iron knife; 3 — bronze scabbard tip; 4 — golden plaque; 5 — stone hone; 6 — bronze pommel; 7 — bronze buckle; 8 — flint tool; 9 — ceramic bowl; 10 — bronze fibula.

Погребение 2

Находилось на каменной платформе у юго-западной стенки склепа.

Было совершено на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад. Положение рук не прослеживается, ноги сближены у щиколоток. Под и над костями прослежен органический тлен темного цвета (очевидно, остатки дубовой колоды). Принадлежало взрослому человеку возрастом 20—25 лет.

Находки: в области грудной клетки — золотая бляшка (7) (рис. 3: I, 2), в области живота и таза — железный портупейный крюк (8) (рис. 3: I, 5), бронзовый наконечник ножен (9) (рис. 3: I, 4), железный нож (10) (рис. 3: I, 3). Слева у голени найдена фрагментированная железная фибула (11) (рис. 3: I, 6), которая могла относиться и к погребению 1.

Описание находок:

7. Бляшка умбоновидная золотая, по краю пуансонный орнамент с тремя сквозными отверстиями, диаметр 1,4 см (рис. 6: 4).

8. Крюк портупейный железный, размеры сохранившейся части 9,5×2 см. Состоит из массивного стержня с Т-образным креплением, нижняя часть которого (зацеп) утрачена (рис. 6: 1).

9. Наконечник ножен бронзовый пластинчатый, трапециевидной формы, размером 4,5×2,5 см. Сильно коррозирован и частично фрагментирован. Внутри — остатки многослойной кожи (рис. 6: 3).

10. Нож железный, с прямой спинкой. Фрагментирован, размеры сохранившейся части 9×1,5 см (рис. 6: 2).

11. Фибула железная с четырёхвитковой пружиной и плавно изогнутой высокой спинкой, приёмник и большая часть иглы утрачены. Размер сохранившейся части 3×2 см (рис. 5: 9).

Погребение 3

Положение: вытянуто на спине, головой на юго-запад, кости рук не сохранились. Ноги незначительно согнуты в коленях и расположены параллельно. Под и над костями прослежен обильный органический тлен темного цвета (очевидно, дубовая колода).

Находилось на каменной платформе к северо-западу от погребения 2. Принадлежало мужчине возрастом 40—45 лет.

Находки: справа у таза — бронзовое навершие (12) (рис. 3: I, 11); на тазу — бронзовая пряжка (рис. 3: I, 12), оселок (14) (рис. 3: I, 13), кремневое орудие (15) (рис. 3: I, 14), фрагменты бронзового наконечника ножен (16) (рис. 3: I, 15); на груди — фрагмент железного наконечника стрелы (17) и два фрагмента железного шила (18) (рис. 3: I, 16).

Отдельно под крайним западным камнем платформы, на полу камеры, были найдены гончарная чаша (19) (рис. 3: I, 17) и бронзовая фибула (20) (рис. 3: I, 18).

При просеивании грунта из зачистки погребений также были обнаружены невыразительные фрагменты неопределенных железных предметов (рис. 5: 10).

Описание находок:

12. Навершие бронзовое в виде вилочки со сквозной втулкой и парными окончаниями в виде сильно стилизованных головок животных. С обеих сторон поверхность предмета орнаментирована рядами точечных наколов. Размеры 4,5×3,8 см (рис. 6: 6).

13. Пряжка бронзовая кольцевидная с неподвижным выступом-язычком, размер 4×2,5 см (рис. 6: 7).

14. Оселок сланцевый вытянутой цилиндрической формы со сквозным отверстием, размером 12,5×1,5 см (рис. 6: 5).

15. Орудие кремневое, каплевидной формы, линзовидное в сечении, с тщательной двусторонней обработкой, размеры 4,5×2 см (рис. 6: 8).

16. Наконечник ножен бронзовый пластинчатый, сильно фрагментирован. Размеры достоверно установить невозможно (рис. 5: 12).

17. Наконечник стрелы трехлопастный железный, фрагментирован. Размеры сохранившейся части 2,5×0,8 см (рис. 5: 5).

18. Стержень железный (шило?), фрагментирован (рис. 5: 11).

19. Чаша гончарная усеченно-конической формы, с загнутым внутрь венчиком, на сплошном поддоне. Диаметр венчика 8,5 см, диаметр дна 4,5 см, высота 3 см (рис. 6: 9).

20. Бронзовая проволочная фибула среднелатенской схемы с шестивитковой пружиной и скрепленной спинкой. Половина пружины согнута под прямым углом. Часть спинки разрушена коррозией, размеры предмета 11×3 см (рис. 6: 10).

Остатки щита

Отдельно от костяков, в северо-восточной части камеры было обнаружено двухслойное пятно органического тлена размером 1,48×0,35 м с многочисленными железными элементами (рис. 3: I, 20; II). Тщательная его расчистка и поэтапная фиксация (рис. 7—9) позволила интерпретировать эту находку в ка-

Рис. 7. Объект 3. Остатки щита в северо-западном углу камеры. 1 — 2-й этап зачистки; 2 — 3-й этап зачистки. Вид с юго-запада (фото автора).

Fig. 7. Object 3. Remains of the schield in north-west chamber corner. 1 — second cleanup stage; 2 — third cleanup stage. View from south-west (photo by the author).

честве остатков крупного овального щита кельтского типа. Как удалось установить в процессе расчистки и последующей обработки, набор железных деталей состоял из фрагментов оковки с фиксаторами (рис. 3: II, 1—6, 9—14, 16—21), пластинчатой ручки (рис. 3: II, 7; 8: 1), круглой шляпки с бронзовой инкрустацией по центру (рис. 3: II, 22) и нескольких декоративных элементов (рис. 3: II, 8, 15, 23—25). Также на ровном глинистом полу камеры склепа хорошо сохранился отпечаток и древесный тлен сегмента щита, в котором прослежены признаки продольной доски из более темной древесины шириной ок. 12 см (рис. 9: 2; 10).

Рис. 8. Объект 3. Остатки щита в северо-западном углу камеры, 2-й этап зачистки. 1 — железная ручка; 2 — железная окантовка края с креплениями и железная шляпка (фото автора).

Fig. 8. Object 3. Remains of the shield in north-west chamber corner, second cleanup stage. 1 — iron handle; 2 — iron framing edge with mounts and iron head (photo by the author).

Любопытно отметить, что в пределах упомянутого органического отпечатка (непосредственно над ним) в процессе расчистки было зафиксировано чрезвычайно большое количество мелких костей мышей и землероек.

Детали №1—14 были зафиксированы в глинистом комковатом грунте обвала, на высоте 0,15—0,05 м от дна, №16—21 — непосредственно на дне (рис. 3: II). Элементы №15 и 25 были зафиксированы в вертикаль-

Рис. 9. Объект 3. Остатки щита в северо-западном углу камеры, 3-й этап зачистки. 1 — вертикальный отпечаток железного предмета в стенке камеры; 2 — железная окантовка края с креплениями и отпечатки истлевшей древесины (фото автора).

Fig. 9. Object 3. Remains of the shield in north-west chamber corner, third cleanup stage. 1 — vertical imprint of iron object in the chamber wall; 2 — iron framing edge with mounts and imprints of smoldered wood (photo by the author).

ном положении, впечатанными в стенку камеры склепа. Также на вертикальной плоскости стенки, напротив железной ручки, был зафиксирован четкий круглый отпечаток диаметром примерно 10 см, обильно окрашенный окислами железа (рис. 3: II, 27; 9: 1). Среди обнаруженных железных предметов соответствия ему не нашлось.

После извлечения из грунта в лабораторных условиях все железные детали щита были

Рис. 10. Объект 3. Остатки щита в северо-западном углу камеры, 3-й этап зачистки, общий вид с юго-востока (фото автора).

Fig. 10. Object 3. Remains of the shield in north-west chamber corner, third cleanup stage, general view from the south-east (photo by the author).

очищены от поверхностных продуктов коррозии, склеены и закреплены.

Отнести щит к конкретному захоронению затруднительно. Наиболее вероятно, что он сопровождал одно из двух мужских захоронений №2 и 3, совершенных в дубовых колодах на каменной платформе, для которых и был сооружен склеп-катакомба.

Описание железных деталей щита:

1. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины фрагмент размерами 6×1 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 11: 1).

2. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины два фрагмента, один — с фрагментом крепежного элемента. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины. Общие размеры 15×2,5 см (рис. 11: 2).

3. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины фрагмент. Общие размеры 7,5×1 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 11: 3).

4. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины два фрагмента, один — с фрагментом крепежного элемента, общие размеры 13×1,5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 11: 4).

5. Окантовки в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с двумя целыми крепежными элементами два фрагмента, общие размеры 24,5×5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 12: 5).

6. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины три фрагмента с целым крепежным элементом. Общие размеры 23,5×4,5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 13: 6).

7. Ручка железная пластинчатая, сложной формы, с двумя фрагментированными крепёжными стержнями (на стержнях следы дерева). Размеры 14×2 см, толщина 0,3 см (рис. 14: 7).

8. Декоративный элемент, фигурный в виде узкой U-образной в сечении пластины с двумя закругленными окончаниями. Концы окончаний оформлены дисковидными утолщениями, в которых сохранились полусферические шляпки заклепок. Нижняя часть предмета утрачена в древности. Элемент найден в разломанном состоянии, три фрагмента зафиксированы под самостоятельными номерами и склеены по сломам во время расчистки и консервации. Общие размеры 23×7 см (рис. 15: 8, 23, 24).

9. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с одним крепежным элементом фрагмент размерами 22×5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 16: 9).

10. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины фрагмент размерами 3,5×1 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 11: 10).

11. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с крепежным элементом фрагмент размерами 8×4,5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 13: 11).

12. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с крепежным элементом фрагмент размерами 16,5×4 см.

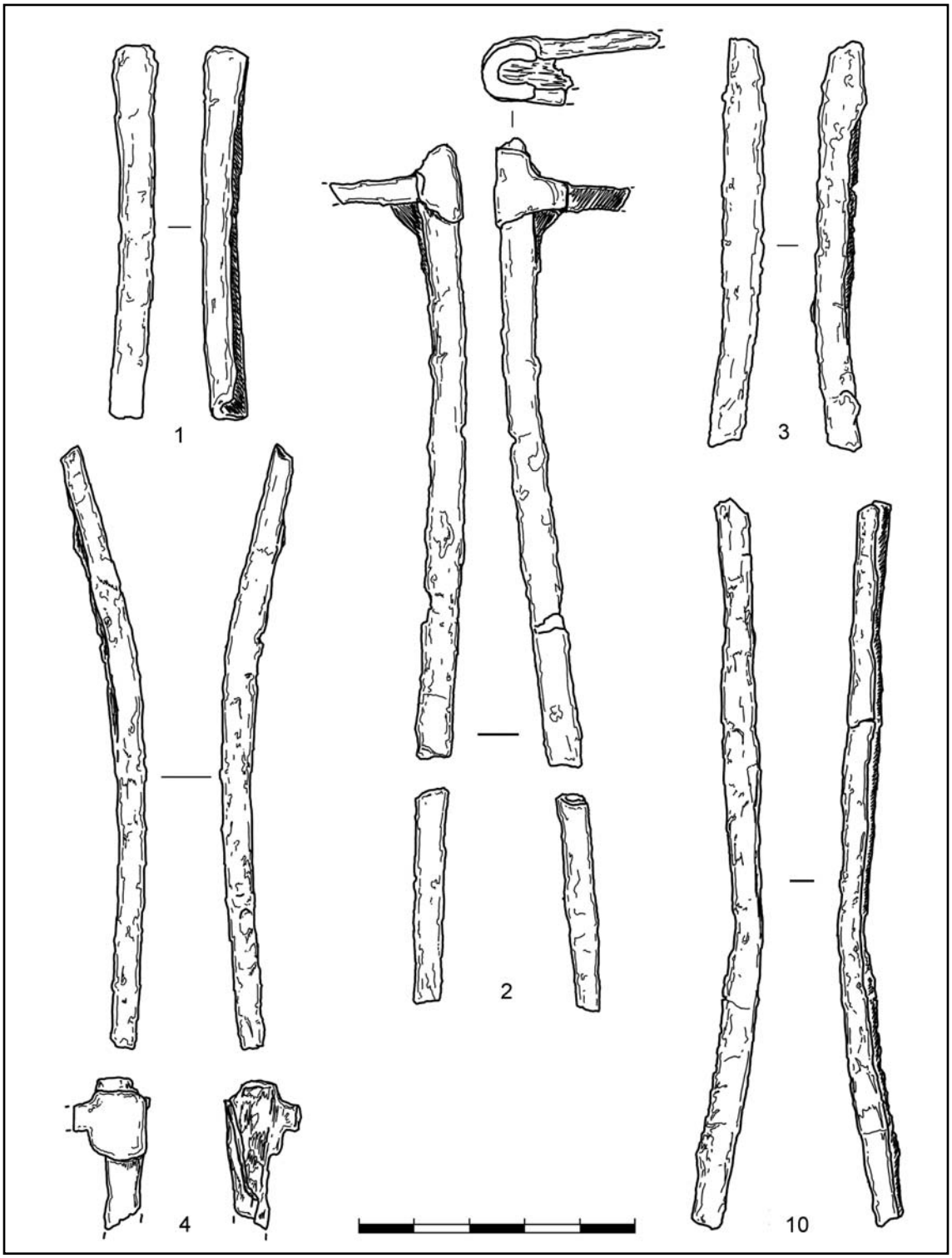

Рис. 11. Фрагменты железной окантовки и креплений щита. Номера соответствуют обозначениям на рис. 3: II.

Fig. 11. Fragments of iron framing edge and shield mounts. Numbers correspond to designations on the fig. 3: II.

На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 13: 2).

13. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с крепежным элементом фрагмент размерами 12×3,5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 16: 13).

14. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с крепежным элементом фрагмент размерами 12×1 см. На

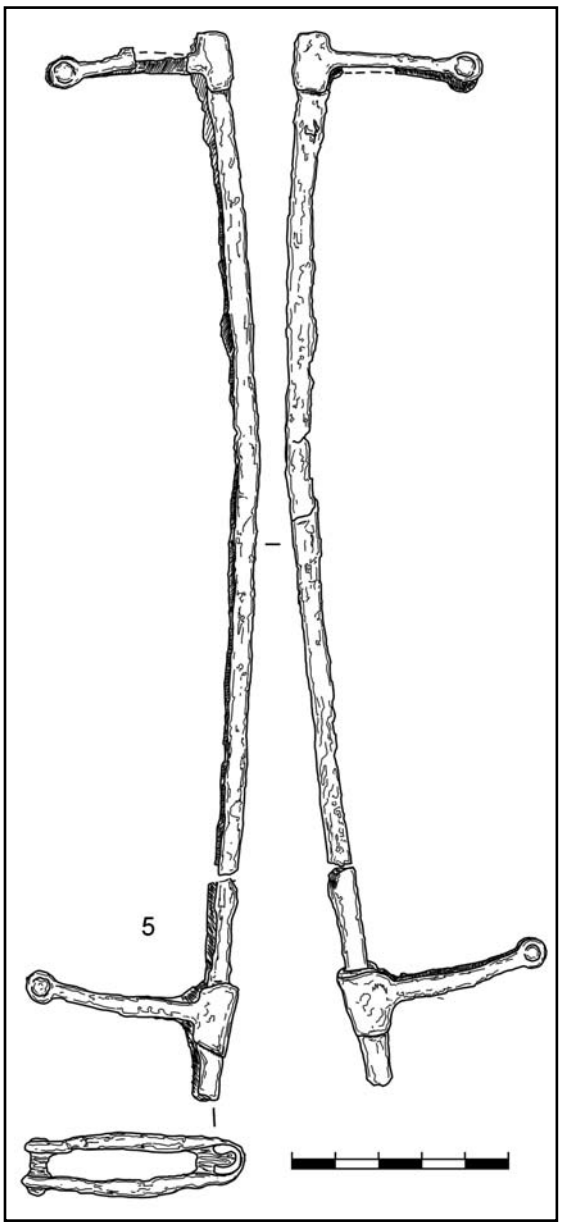

Рис. 12. Фрагмент железной окантовки и креплений щита. Номер соответствуют обозначению на рис. 3: II.

Fig. 12. Fragment of iron framing and shield mounts. Number correspond to designation on fig. 3: II.

внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 16: 14).

15. Декоративный элемент в виде пластинчатой лунницы с тремя крепежными загнутыми стержнями (один утрачен в древности). С лицевой стороны стержни снабжены полусферическими шляпками. На стержнях и оборотной стороне пластины остатки дерева. Размеры 6×5,5 см (рис. 14: 15).

16. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с двумя крепежными элементами два фрагмента. Общие размеры 16×5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 17: 16).

17. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с двумя крепежными элементами три фрагмента. Общие размеры 30×4,5 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 18: 17, 17а).

18. Крепежный элемент сложной формы, состоящий из изогнутого пластинчатого основания и двух стержней с дисковидными окончаниями, соединёнными штифтом с полусферическими шляпками. Размеры 5×2 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 17: 18).

19. Крепежный элемент аналогичной конструкции размерами 4,5×1,8 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 17: 19).

20. Крепежного элемента аналогичной конструкции фрагмент (соединительный штифт с остатками двух стержней) размерами 2×1 см (рис. 17: 20).

21. Окантовки края в виде слабоизогнутой U-образной в сечении пластины с крепежным элементом три фрагмента, общие размеры 17×2 см. На внутренних поверхностях — остатки истлевшей древесины (рис. 17: 21).

22. Декоративная пластинчатая накладка круглой формы с бронзовой шляпкой в центре лицевой стороны и основанием отломанного в древности стержня с обратной. Диаметр 4,2 см, толщина 0,3 см (рис. 14: 22).

23. Декоративный фрагментированный элемент в виде пластинчатой двойной волюты (?) с одним крепежным стержнем в центре. С лицевой стороны стержень снабжен полусферической шляпкой, с обратной — загнут под прямым углом. На стержне и оборотной стороне пластины остатки дерева. Размеры 4,5×4 см (рис. 14: 25).

24. Декоративного элемента фрагмент в виде изогнутого пластинчатого стержня с дисковидным окончанием и остатками заклепки. Размеры 4,2×1 см. На внутренней поверхности — остатки истлевшей древесины (рис. 14: 26).

Реконструкция щита

Исходя из расположения железных деталей и истлевших органических остатков, можно сделать заключение о том, что первоначально щит был приставлен к стенке камеры на боковом ребре, в наклонно-вертикальном положении, лицевой стороной внутрь. Спустя опре-

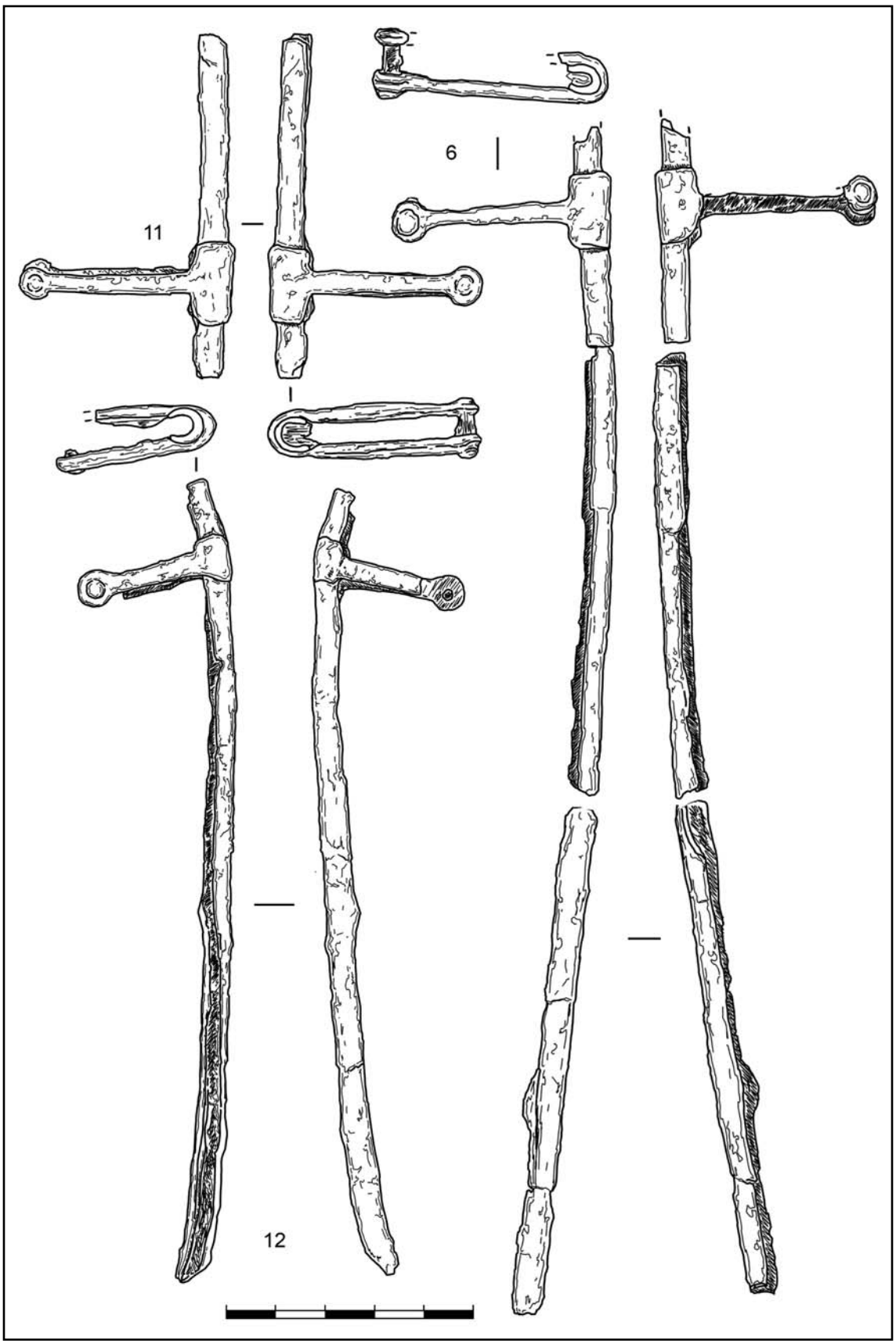

Рис. 13. Фрагменты железной окантовки и креплений щита. Номера соответствуют обозначениям на рис. 3: II.

Fig. 13. Fragments of iron framing and shield mounts. Numbers correspond to designations on fig. 3: II.

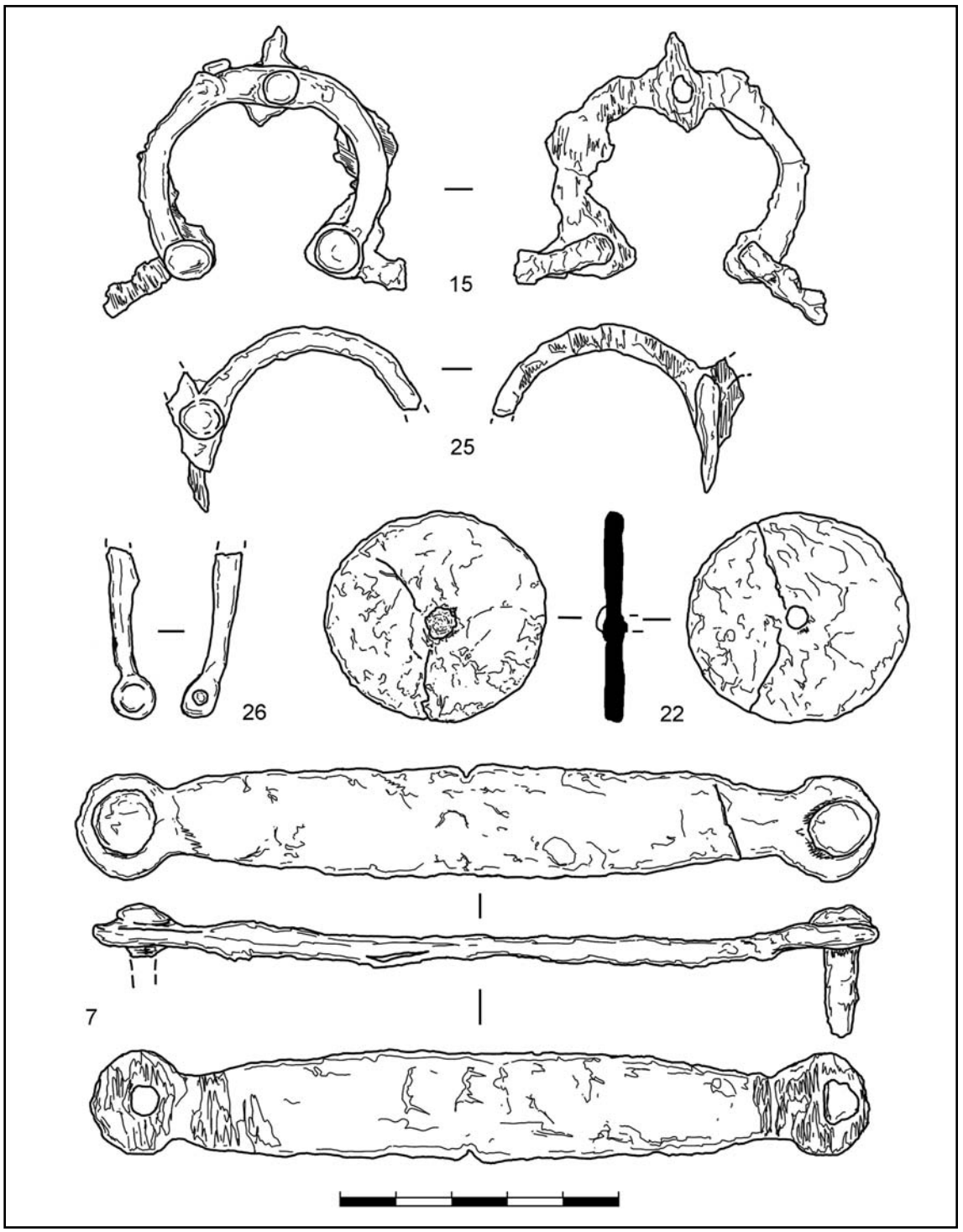

Рис. 14. Железная ручка (7) и железные элементы декора щита. Номера соответствуют обозначениям на рис. 3: II.

Fig. 14. Iron handle (7) and iron elements of schield decor. Numbers correspond to designations on fig. 3: II.

деленный промежуток времени, под неким физическим воздействием (частичный обвал камеры, преднамеренная, возможно, ритуальная поломка, другие варианты) предмет был разломан на две неравные части. Меньшая из них плотно прижалась к полу, большая же в перевернутом состоянии как бы накрыла меньшую. Исходя из этого и учитывая положение деталей *in situ*, в качестве основы щита уверенно восстанавливается вытянутый деревянный овал размером 147×87 см, окантованный по краю железной U-образной в се-

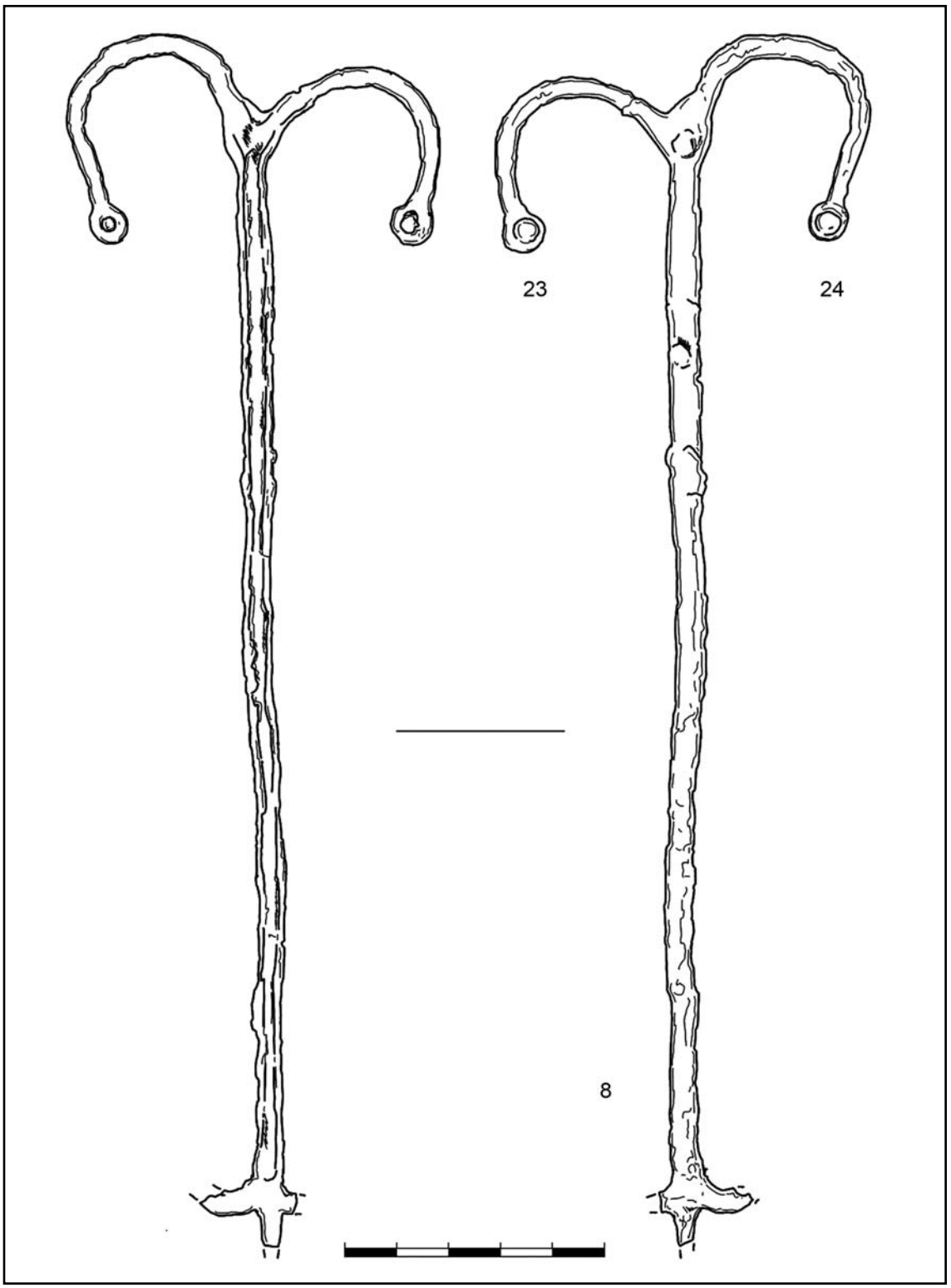

Рис. 15. Железный элемент декора щита. Номер соответствуют обозначению на рис. 3: II.

Fig. 15. Iron element of shield decor. Number corresponds to designation on fig. 3: II.

чении полосой, которая была зафиксирована на деревянной основе при помощи накладных крепежных элементов сложной формы (рис. 19). За условный верх принята «северо-западная» часть щита, которой соответствует элемент №21.

Четко зафиксированная полоса тёмного древесного тлена даёт основание реконстру-

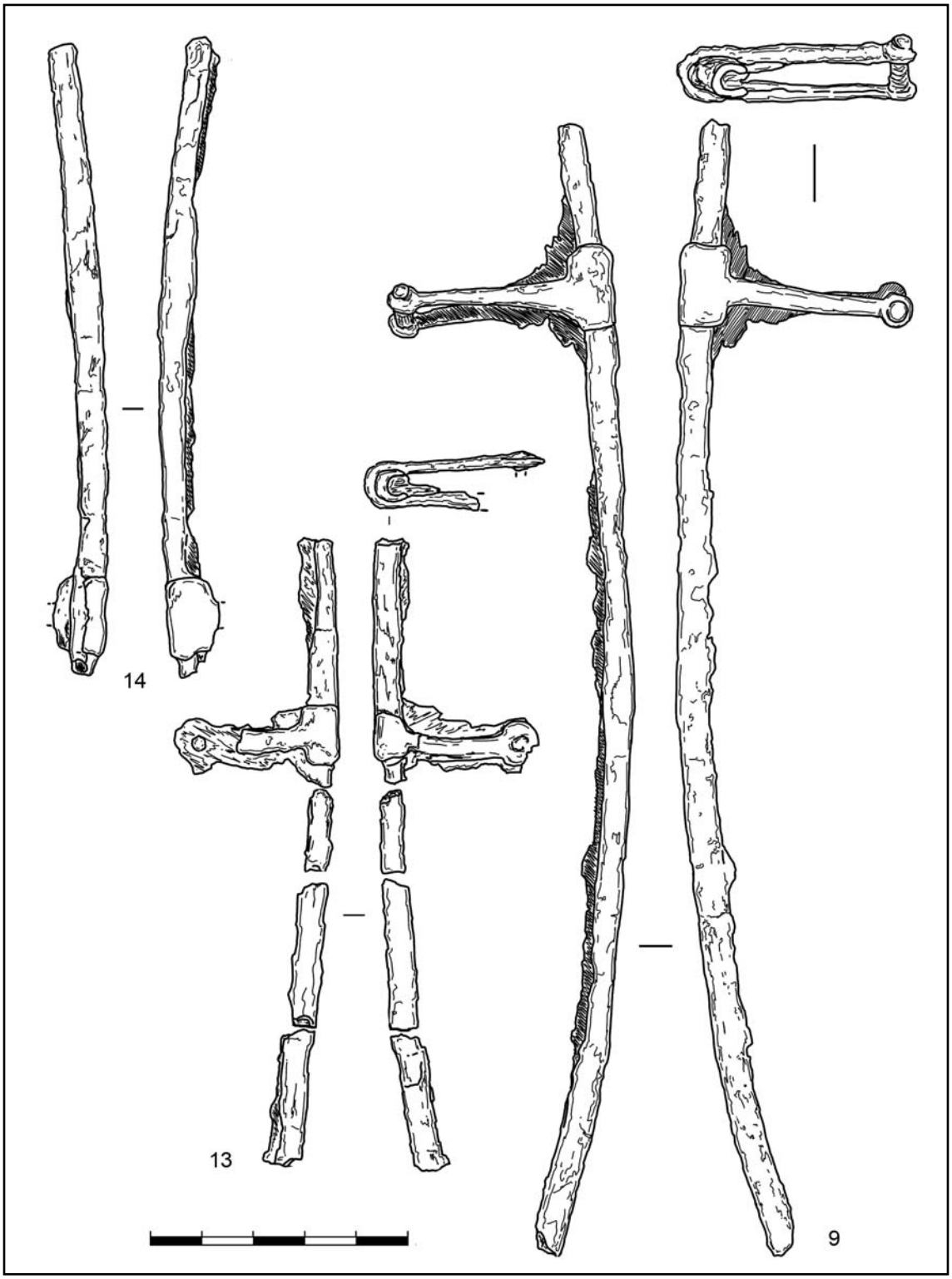

Рис. 16. Фрагменты железной окантовки и креплений щита. Номера соответствуют обозначениям на рис. 3: II.

Fig. 16. Fragments of iron framing and shield mounts. Numbers correspond to designations on fig. 3: II.

ировать сложносоставную деревянную основу щита, состоявшую из пяти досок двух различных пород. Такая конструкция могла придавать дополнительную прочность щиту (за счет твердой темной древесины), который при этом оставался относительно легким (светлая древесина)[2].

[2] Фрагменты древесины отобраны для анализа.

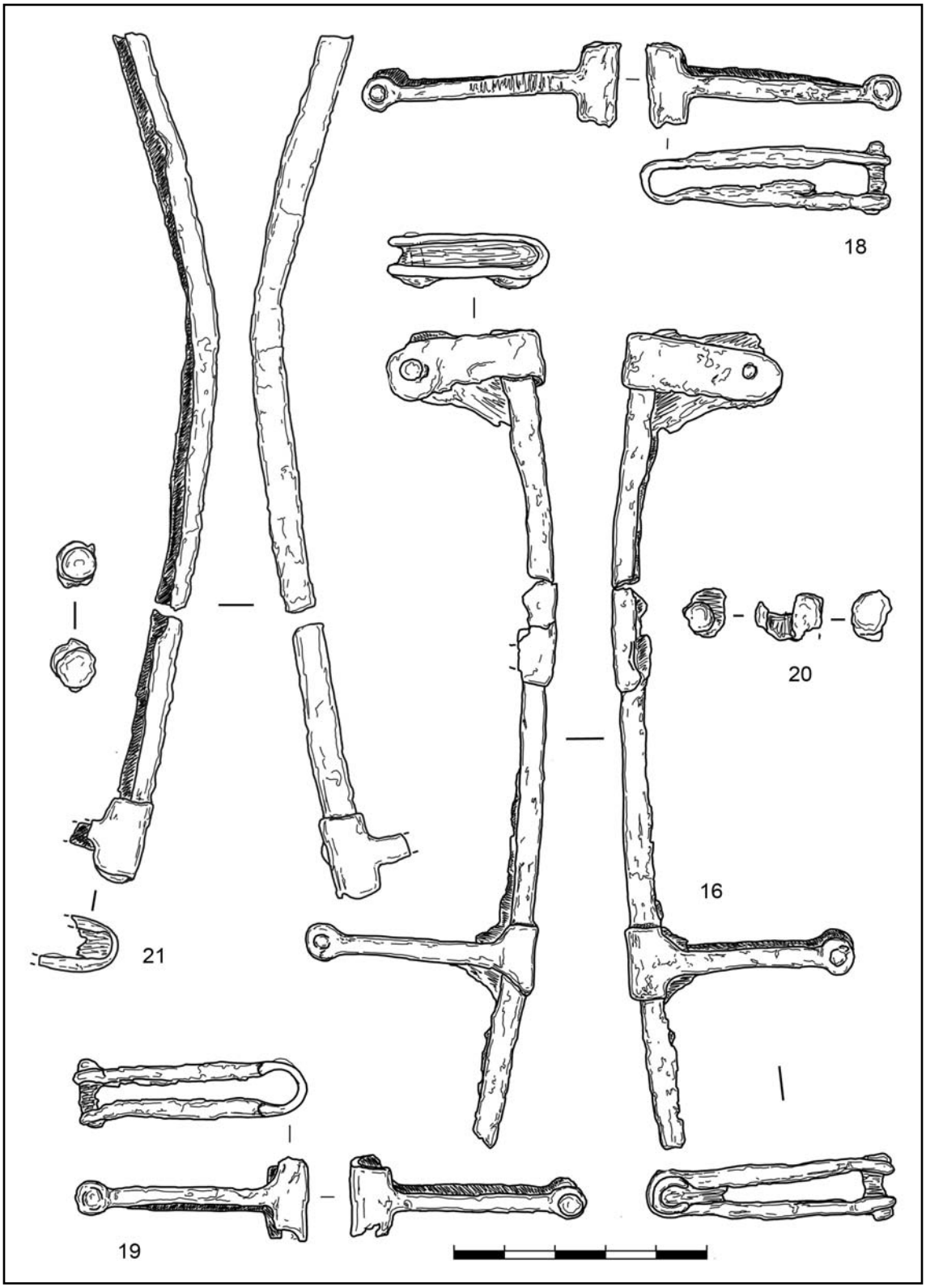

Рис. 17. Фрагменты железной окантовки и креплений щита. Номера соответствуют обозначениям на рис. 3: II.

Fig. 17. Fragments of iron framing and shield mounts. Numbers correspond to designations on fig. 3: II.

Обращает на себя внимание отсутствие окантовки на правом краю предмета, между элементами 17 и 21, при наличии двух целых (№18 и 19) и одного фрагментированного (№20) крепежных элементов. Вероятно, металлическая полоса в этом месте была утра-

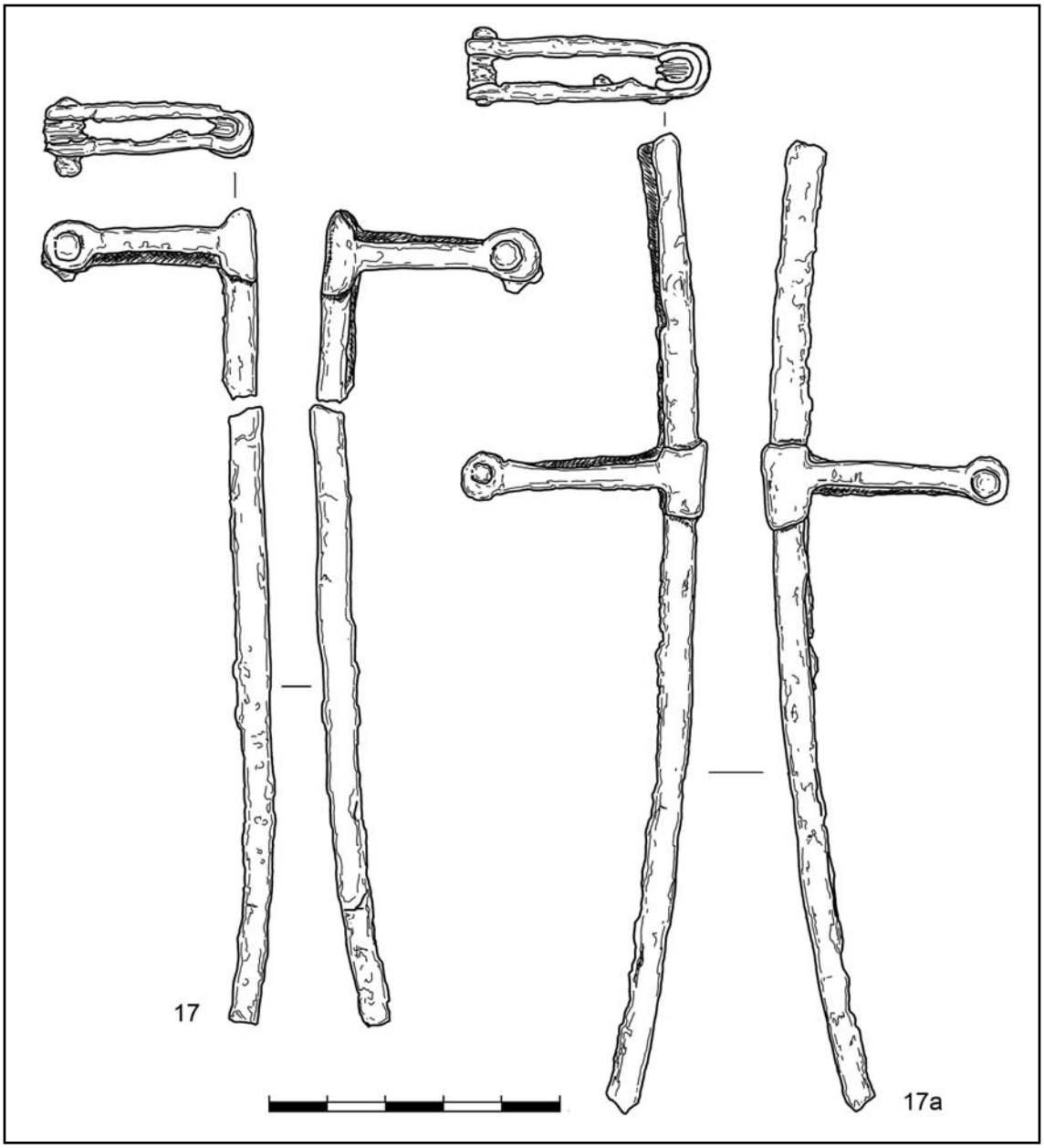

Рис. 18. Фрагменты железной окантовки и креплений щита. Номера соответствуют обозначениям на рис. 3: II.

Fig. 18. Fragments of iron framing and shield mounts. Numbers correspond to designations on fig. 3: II.

чена в древности, до помещения щита в захоронение. При этом два упомянутых крепежных элемента удержались на своих местах, еще от одного уцелела только заклепка, а два следующих были утрачены вместе с окантовкой. В этой связи показателен один из крепежных элементов на фрагменте №16. В отличие от всех остальных, он выполнен в виде простой широкой согнутой пополам пластинки (рис. 17: 16). Очевидно, это признак вторичного ремонта, целью которого было зафиксировать отломанный край окантовки на стыке двух досок.

Важный вопрос, требующий своего объяснения — отсутствие металлического умбона, обязательного для щитов этого типа. В связи с этим необходимо обратить повторное внимание на уже упомянутый «ржавый» отпечаток круглого предмета слабо выраженной конической формы диаметром ок. 10 см, который был зафиксирован в глинистой стенке камеры напротив железной ручки (рис. 3: II, 27; 9: 1). Весьма вероятно, что это и есть свидетельство наличия круглого железного умбона, который, по всей видимости, был удален из склепа при последующих захоронениях (украден или вы-

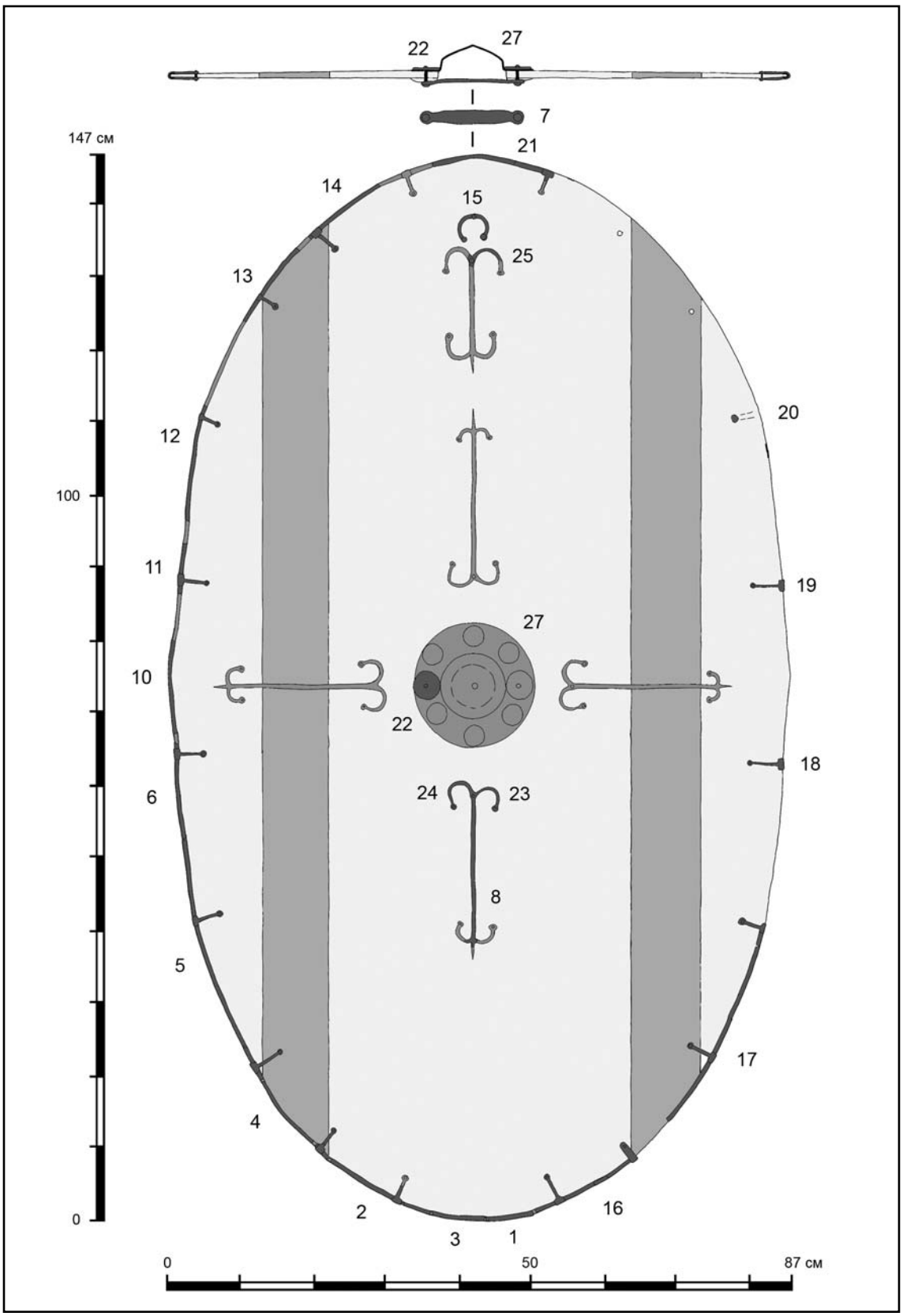

Рис. 19. Вариант реконструкции щита из некрополя Ак-Кая/Вишенное (объект 3). Номера деталей и элементов соответствуют обозначениям на рис. 3: II и 11—18.

Fig. 19. Reconstruction version of the shield from Ak-Kaya/Vishennoe necropolis (object 3). Numbers of details and elements correspond to designation on fig. 3: II and 11—18.

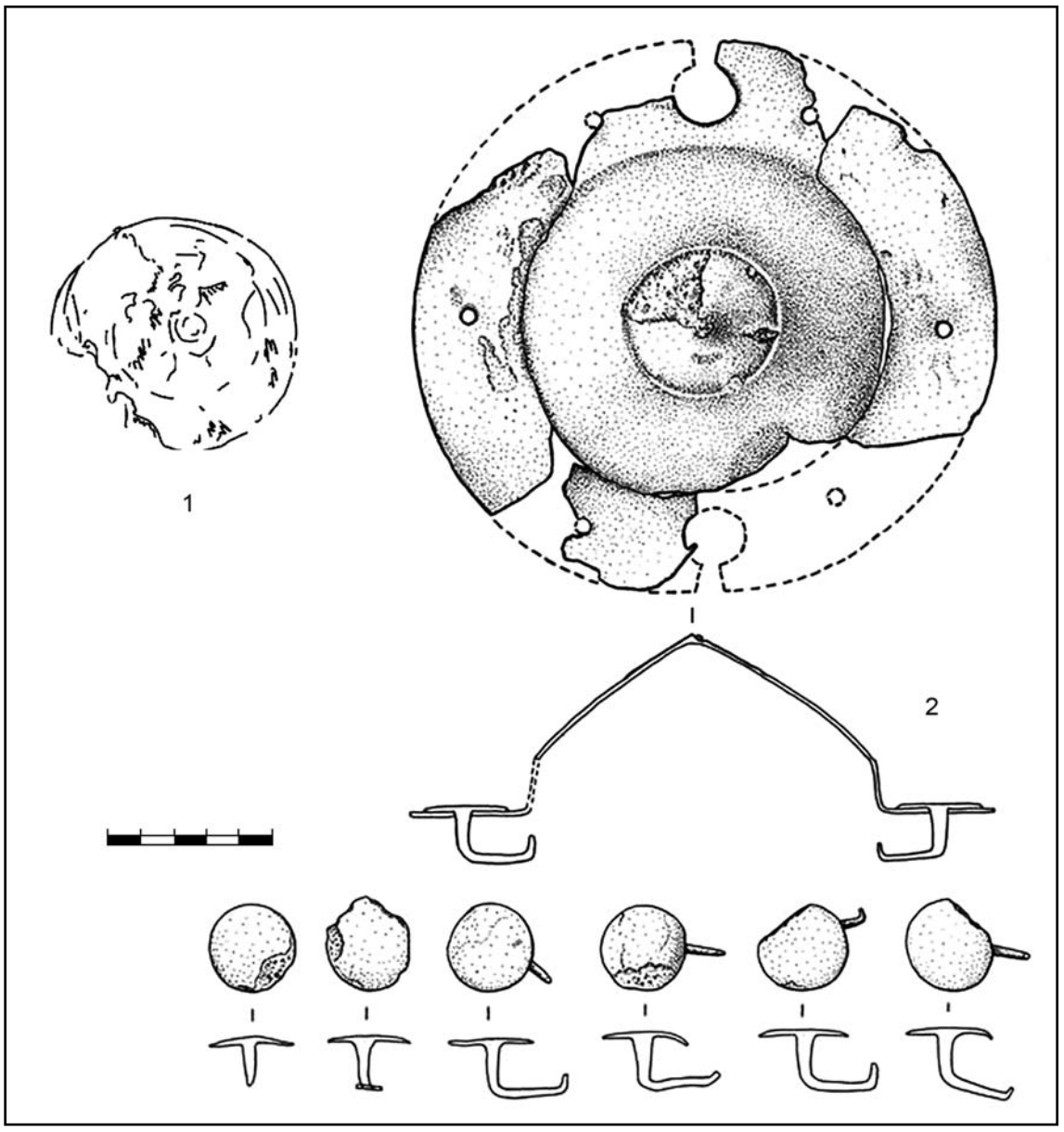

Рис. 20. 1 — прорисовка вертикального отпечатка железного предмета в стенке склепа-катакомбы (объект 3) некрополя Ак-Кая/Вишенное; 2 — железный умбон и крепежные элементы щита из кремации в Мана III, Молдова (по Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015: fig. 8).

Fig. 20. 1 — Rendering of vertical imprint of the iron object in the vault wall (object 3) from Ak-Kaya/Vishennoe necropolis; 2 — iron umbo and shield mounts from cremation in Mana III, Moldova (after Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015: fig. 8).

несен в ритуальных целях). Правомерность такого предположения видна при сопоставлении прорисовки отпечатка (рис. 20: 1) с хронологически и конструктивно близким умбоном из Мана III (Молдова) (рис. 20: 2). В этом случае круглый элемент №22 (рис. 14: 22) был навершием (шляпкой) сохранившегося крепежного стержня ручки (рис. 19: 22).

Отдельная важная тема — расположение декоративных пластинчатых элементов №8/23/24, 15 и 25, закрепленных на деревянной основе при помощи тонких заостренных гвоздей, загнутых с обратной стороны.

И если точная фиксация «лунницы» №15 и расположенного рядом фрагмента №25 не оставляют других вариантов их размещения (рис. 19), то с другим украшением ситуация не столь однозначна. Как уже упоминалось, этот предмет был обнаружен в виде трех (№8, 23, 24) фрагментов в смещённом состоянии и как бы переломанный пополам (рис. 3: II). Такая ситуация допускает и вертикальное,

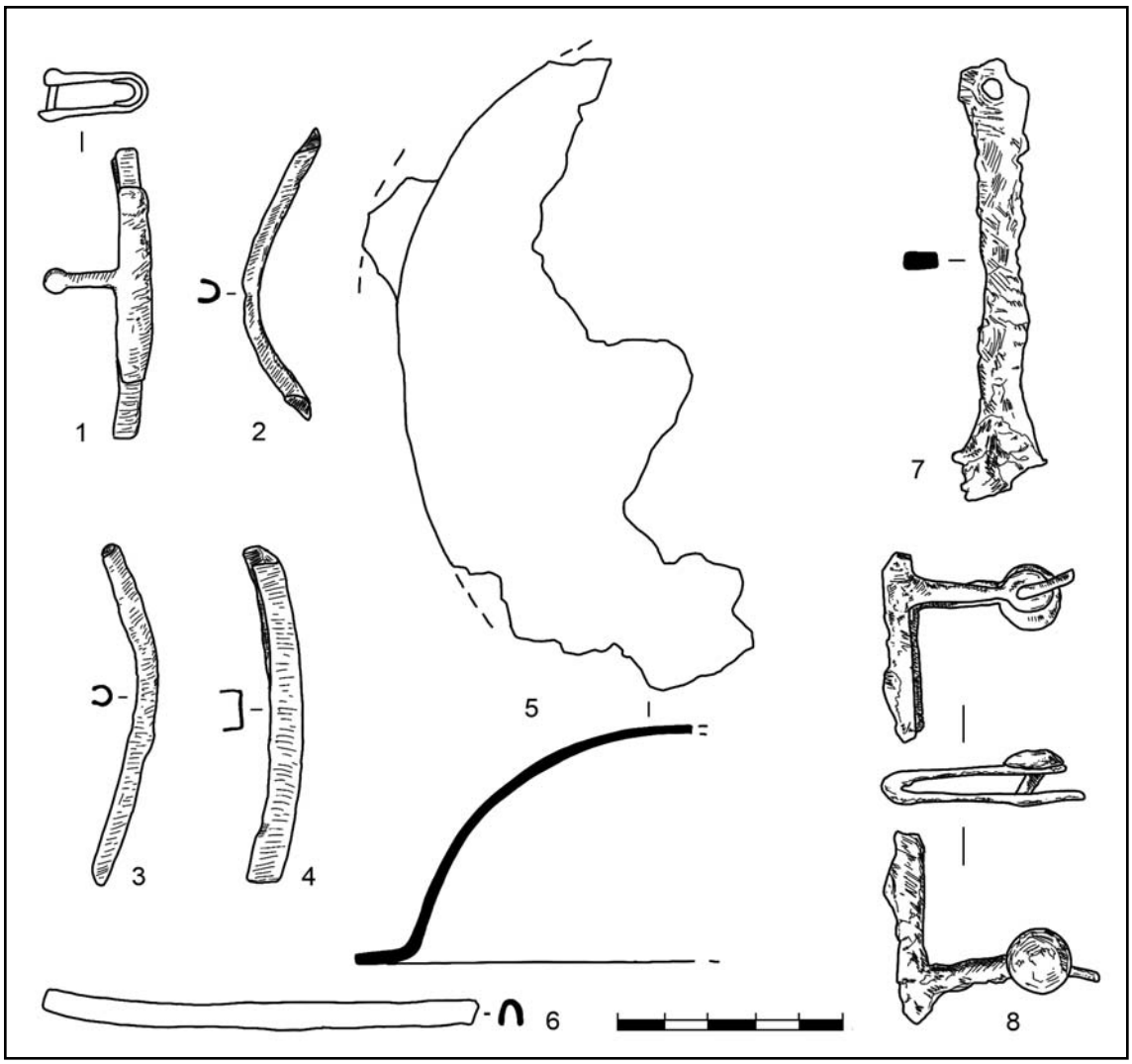

Рис. 21. 1—6 — железные детали щита из кремации в Рэкэтэу, Румыния (по Vulpe, Căpitanu 1971: fig. 3: 3—5, 7; Babeș 1993: taf. 44: 10, 12); 7, 8 — железные детали щита из кремации в некрополе Попешть, Румыния (по Vulpe, 1976: fig. 5: 1, 2).

Fig. 21. 1—6 — iron details of the shield from cremation in Răcătău, Romania (after Vulpe, Căpitanu 1971: fig. 3: 3—5, 7; Babeș 1993: taf. 44: 10, 12); 7, 8 — iron details of the shield from cremation in necropolis Popeşti, Romania (after Vulpe, 1976: fig. 5: 1, 2).

и горизонтальное расположение этого элемента на щите. Во втором варианте данный декоративный элемент мог служить и дополнительным креплением для доски темного цвета (рис. 19).

Еще одно обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание. Декоративные элементы №8/23/24 и 25 после склейки и очистки оказались фрагментированными, однако это не связано с полным разрушением металла. Тщательное просеивание грунта не привело к находке других фрагментов декоративных пластин, что может свидетельствовать о явной утрате большей части первоначальных украшений щита к моменту его помещения в камеру склепа. Это наблюдение и позволило допустить некоторую «вольность» при реконструкции внешнего убранства предмета (рис. 19).

Аналогии и хронологические позиции щита из Ак-Кая

Находка остатков большого овального щита с почти полным комплектом железных деталей — первая такого рода в Северном Причерноморье.

До сих пор несколько пластинчатых окантовок края, два деформированных умбона и отдельные декоративные элементы были

найдены только при раскопках святилища Гурзуфское Седло, которые Н.Г. Новиченкова определила как детали римских щитов «скутум» (Новиченкова 2002: 82, рис. 36: 7).

С другой стороны, щит такого типа — один из ярких признаков культур Западной и Центральной Европы эпохи латена. Их находки на территории Франции, Швейцарии, Германии, Чехии, Польши и т.д. исчисляются десятками и сотнями (Stary 1981; Brunaux, Lambo 1987: 130—131). Ближайшие к Крыму находки элементов подобных щитов известны на территории Румынии и Молдовы. Так, в первую очередь следует назвать недавно опубликованный кремационный воинский комплекс из Мана III (Молдова), содержавший железный умбон (рис. 20: 2), шпоры, меч в ножнах, наконечники копий и другие предметы, датированный периодом латен DI (Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015).

Не менее показательные комплексы — хронологически близкие воинские кремации из Рэкэтэу (Vulpe, Căpitanu 1971; Babeş 1993: Taf. 44: 1—15) и Попешть (Vulpe 1976: fig. 5—7) в Румынии. Помимо прочего инвентаря, в них также были найдены фрагменты железной окантовки края щита с фигурными крепежными элементами, конструктивно наиболее близкими экземплярам из некрополя Ак-Кая (рис. 21: 1, 8).

Сложившееся мнение о датировке комплексов с круглыми умбонами преимущественно I в. до н.э. (Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015: 233) может быть дополнено и несколько откорректировано находкой такого умбона в богатом воинском погребении Сашова Могила, которое сопровождалось двумя родосскими амфорами. Клейма на ручках одной из амфор — эпонима Архократа 2 (210—175 гг. до н.э., по Г. Финкельштейну — ок. 185 г. до н.э.) и фабриканта Антигона — позволяют датировать гробницу первой половиной или серединой II в. до н.э. (Китов 1996: 15).

Находки и изображения хронологически и типологически близких щитов в Северном Причерноморье

В отличие от реальных находок овальных щитов типа Фиреос (Тюреос, Фирей), их изображения в Северном Причерноморье разнообразны и довольно многочисленны. Ко второй — третьей четвертям III в. до н.э. относится известное граффити с изображением корабля Изиды из Нимфейского святилища (рис. 22: 1, 2) (Vinogradov 1999: Abb. 1). Представленные на нем рисунки овальных щитов «галатского» типа связываются с галатскими наемниками на службе у Птолеемеев, прибывшими на Боспор в качестве корабельной стражи (Трейстер 1992: 37—38). Также следует упомянуть хронологически близкие бронзовые боспорские монеты Левкона II, на аверсе которых также представлено изображение аналогичного щита (рис. 22: 3—6). С рубежа III—II вв. до н.э. крупные овальные щиты появляются на боспорских надгробиях (Толстиков 1976; Трейстер 1992: 38). Несколько позднее, очевидно, с рубежа II—I вв. до н.э., в мастерских боспорских коропластов начинается изготовление целой серии статуэток различных персонажей (Эрот, ребенок, взрослый мужчина в коническом головном уборе) с большим овальным щитом типа Фиреос (рис. 22: 7—12) (Кобылина 1961: 118—119, табл. XXI; XXII). Это явление в свое время объяснялось популярностью воинов-галатов и их присутствием в составе армии Митридата VI Евпатора (Денисова 1981: 91—92) или кельто-фракийским влиянием (Трейстер 1992: 38; Щукин 1994: 100).

Наконец, подобный щит изображен на мраморном надгробии Газурия сына Метродора из Херсонеса, которое датировано I в.н.э. (рис. 22: 13) (Соколов 1972: 146, №157).

Таким образом, очевидно, что большие овальные щиты типа Фиреос хорошо были известны в Северном Причерноморье с III в. до н.э. и повсеместно употреблялись в военном деле Боспора и, вероятно, Херсонеса. Отсутствие археологических остатков таких щитов можно объяснить особенностями погребального обряда и относительной (практической) ценностью этих вещей.

Хронологические позиции комплекса

Учитывая уникальность для Северного Причерноморья находки щита позднеэллинистического времени (или фазы LtD европейской хронологии) в погребальном комплексе, важно определить его хронологические позиции по сопровождающим находкам, типичным для позднескифской культуры Крыма.

Как уже отмечалось, щит был связан с одним из двух первых погребений в камере склепа, при которых, помимо прочего, были найдены гончарная чашка, бронзовая фибула, бронзовое втульчатое навершие с головками животных, бронзовая пряжка, железный портупейный крюк и два бронзовых пластинчатых наконечника ножен.

Рис. 22. Изображения щитов типа Фиреос в Северном Причерноморье. 1, 2 — фреска и граффити из святилища в Нимфее, Боспорское царство, III в. до н.э. (по Vinigradov 1999: Abb. 1); 3—6 — аверс бронзовых монет Левкона II, Боспорское царство, III в. до н.э. (3 — www. bosporan-kingdom.com №136-3016-1; 4 — www. bosporan-kingdom.com №136-3016-14; 5 — www. bosporan-kingdom.com №136-3016-9; 6 — www. bosporan-kingdom.com №136-3016-7); 7—10 — терракотовые статуэтки, II—I вв. до н.э. (по Кобылина 1961: табл. XXI; XXII); 11, 12 — терракотовые статуэтки, Европейский Боспор, II—I вв. до н.э. (по Денисова 1981: табл. XXVIII); 13 — деталь мраморного надгробия Газурия сына Метродора, Херсонес, I в.н.э. (по Соколов 1972: 146).

Fig. 22. Images of Thyreos type shield in Northern Black Sea region. 1, 2 — fresco and graffiti from sanctuary in Nymphaion, Bosporan Kingdom, 3rd c. BC (after Vinigradov 1999: Abb. 1); 3—6 — obverse of Leukon II bronze coins,

Bosporan Kingdom, 3rd c. BC (3 — www. bosporan-kingdom.com no.136-3016-1; 4 — www. bosporan-kingdom.com no.136-3016-14; 5 — www. bosporan-kingdom.com no.136-3016-9; 6 — www. bosporan-kingdom.com no.136-3016-7); 7—10 — terracotta figurines, 2nd—1st cc. BC (after Кобылина 1961: табл. XXI; XXII); 11, 12 — terracotta figurines, European Bosporus, 2nd—1st cc. BC (after Денисова 1981: табл. XXVIII); 13 — detail of Gazurios son of Metrodoros marble gravestone, 1st c. AD (after Соколов 1972: 146).

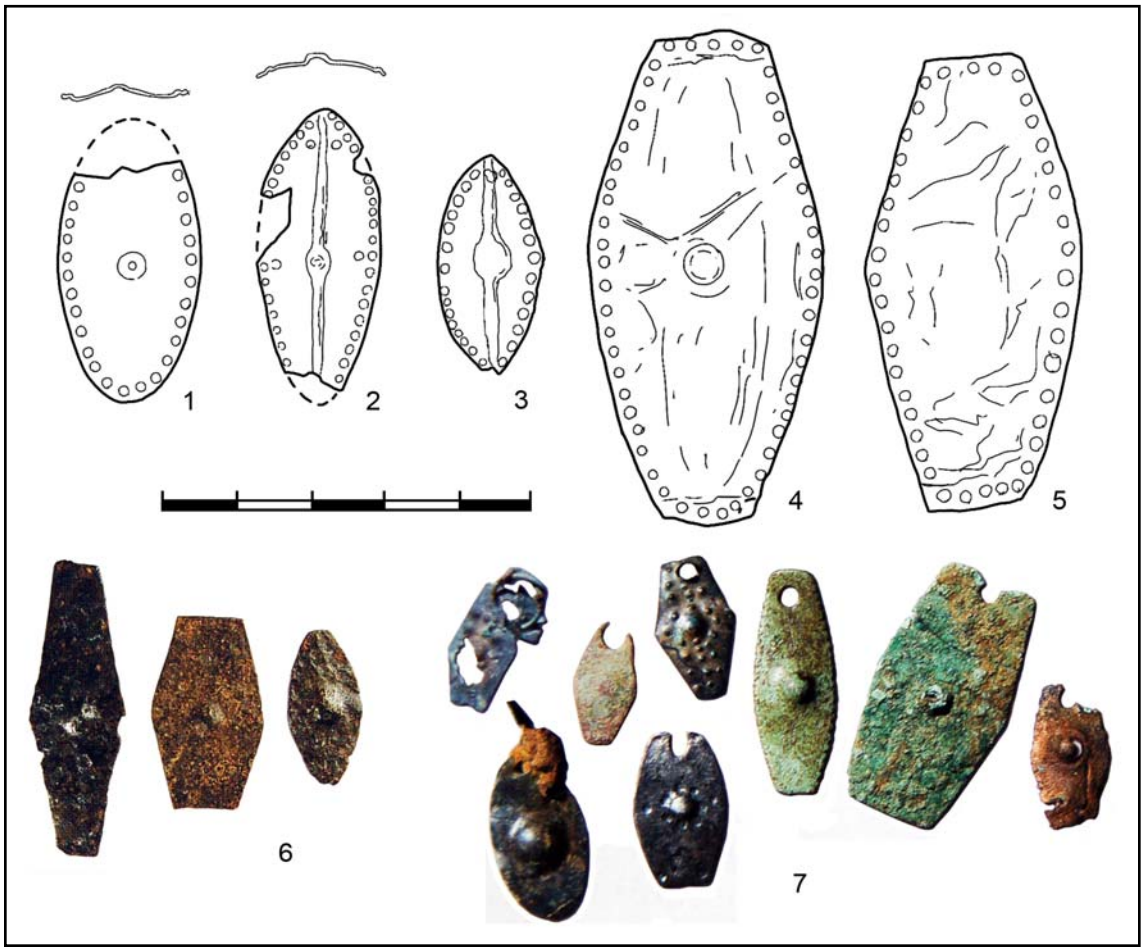

Рис. 23. Миниатюрные изображения щитов из позднескифских памятников Крыма (1—5) и их аналогии (6, 7). 1 — склеп 166, некрополь Беляуса, серебро (по Дашевская 2014: табл. 135); 2 — склеп 34, северная камера, некрополь Беляуса, бронза (по Дашевская 2014: табл. 20: 1); 3 — склеп 1, северная камера, некрополь Беляуса, бронза (по Дашевская 2014: табл. 11: 1); 4, 5 — мавзолей Неаполя Скифского (прорисовки автора); 6 — Музон (Арденны) (по Lambot 2006: 185); 7 — Тительберг (по Metzler 2006: 195).

Fig. 23. Miniature images of shields from Crimean late Scythian sites (1—5) and its analogies (6, 7). 1 — vault 166, Beljaus necropolis, silver (after Дашевская 2014: pl. 135); 2 — vault 23, north chamber, Beljaus necropolis, bronze (after Дашевская 2014: pl. 20: 1); 3 — vault 1, north chamber, Beljaus necropolis, bronze (after Дашевская 2014: pl. 11: 1); 4, 5 — mausoleum of Scythian Neapolis (drawings by the author); 6 — Mouzon (Ardennes) (after Lambot 2006: 185); 7 — Titelberg (after Metzler 2006: 195).

Гончарный сосуд (рис. 6: 9) из данных погребений, к сожалению, нельзя отнести к хронологически значимым находкам по причине редкости его формы. Сколько-нибудь близких аналогий ему подобрать не удалось.

Бронзовая фибула (рис. 6: 10) со скрепой относится к серии I среднелатенской схемы, вариант 2 — с гладкой лапкой по В.В. Кропотову (Кропотов 2010: 42—43), для которого предложена датировка в рамках I в. до н.э. или даже ограничена второй половиной I в. до н.э. (Кропотов 2010: 44—45). Не преследуя цели разворачивать неуместную в данном случае дискуссию, считаю необходимым отметить традиционное для упомянутого исследователя «перетягивание» вверх ранних хроноиндикаторов (в данном случае рельефных чаш и веретенообразных унгвентариев) и, как следствие — неубедительное обоснование предлагаемых датировок (Кропотов 2010:

44—45). Учитывая сказанное, есть достаточные основания пока отдать предпочтение более широким хронологическим границам фибул среднелатенской конструкции варианта 2 серии I в рамках конца II—I в. до н. э. (Амброз 1966: 13, 21; Михлин 1980: 199; Дашевская, Михлин 1983: 141).

Бронзовое навершие с зооморфными окончаниями (рис. 6: 6) находит аналогии в позднескифских древностях конца II — I в. до н. э. (Мавзолей и Восточный некрополь Неаполя Скифского, некрополь Керкинитиды, Битакский некрополь) и прототипы — в скифских погребениях IV в. до н. э. (Пуздровский 2007: 75).

Портупейный крюк (рис. 6: 1), бронзовая кольцевидная пряжка с неподвижным язычком-выступом (рис. 6: 7) и пластинчатые треугольные наконечники ножен (рис. 5: 12; 6: 3) являются диагностирующими предметами ранней группы позднескифских погребений Крыма середины II — первой половины I в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2004: 182; Зайцев 2011).

Таким образом, основные хроноиндикаторы из погребений склепа-катакомбы, типичные для позднескифской культуры Крыма, определяют датировку погребений в рамках конца II — первой половины I в. до н. э., что соответствует предложенным выше хронологическим позициям щита типа Фиреос.

Вотивные миниатюрные пластины-щиты в позднескифской культуре Крыма

В позднескифских древностях Крыма, в которых практически отсутствуют находки защитного доспеха и вооружения, кажется, удалось выявить изображения овальных щитов кельтского типа, но в совершенно неожиданном ракурсе. Речь идет о серебряной (рис. 23: 1) и двух бронзовых (рис. 23: 2, 3) пластинах из Беляусского некрополя (Дашевская 2014: 13—14, 16—17, 54—55) и двух золотых «наглазниках» из Мавзолея Неаполя Скифского (рис. 23: 4, 5).

Вслед за Н. Н. Погребовой и по аналогии с пластинами из мавзолея (Погребова 1961: 108—110) О. Д. Дашевская интерпретировала беляусские находки в качестве «наглазников» — заменителей погребальных масок (Дашевская 2014: 89).

Однако именно пластины из Беляуса, с одной стороны, заметно отличаются от «лицевых» пластин из Неаполя Скифского (другой материал, значительно меньшие размеры), а с другой, оказываются поразительно похожи на вотивные миниатюрные изображения щитов из Галлии (рис. 24: 6) (Lambot 2006: 185), Люксембурга (рис. 24: 7) (Metzler 2006: 195) и других областей Западной и Центральной Европы. Две золотые пластины из Мавзолея Неаполя Скифского также типологически близки упомянутым европейским находкам, что, впрочем, не исключает их использования в качестве ритуальных «лицевых» пластин в погребальном обряде.

Вывод

Таким образом, опубликованный крупный овальный щит типа Фиреос из некрополя городища Ак-Кая/Вишенное является уникальной находкой для Северного Причерноморья и связан своим происхождением с кельтскими и гето-дакийскими территориями. Вместе с тем, данный тип защитного вооружения был хорошо известен в Северном Причерноморье на протяжении всей эллинистической эпохи. В позднескифской культуре Крыма овальный щит, вероятно, стал еще и элементом ритуальной практики (миниатюрные вотивные изображения), что находит близкие параллели в культурах латенского круга Центральной и Западной Европы.

Литература

Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* САИ Д1—30. Москва: Наука.

Дашевская О. Д. 2014. *Некрополь Беляуса.* Симферополь: Феникс.

Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника. *СА* (3), 129—147.

Денисова В. И. 1981. *Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы).* Ленинград: Наука.

Зайцев Ю. П. 2011. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III—I вв. до н. э.). В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Население, языки, контакты.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 584—591.

Зайцев Ю. П. 2013. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III—I вв. до н. э. В: Вахтина М. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке.* Мат-лы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Нестор-История, 499—506.

Зайцев Ю. П. 2015. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период). В: Журавлев Д. В.

(отв. ред.). *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности.* К 70-летию В.П. Толстикова. Москва: Наука, 164—173.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. — 1 в.н.э. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии.* Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: КубГУ, 174—204.

Китов Г. 1996. Сашова могила (Монументална неограблена тракийска гробница между Шипка и Ясенево). *Археология* (2—3), 9—22.

Кобылина М.М. 1961. *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. Москва: АН СССР.

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи.* Киев: АДЕФ-Украина.

Михлин Б.Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника. *СА* (3), 194—213.

Новиченкова Н.Г. 2002. *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта: КГГИ.

Погребова Н.Н. 1961. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. *МИА* 96, 103—213.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. III в.н.э.: погребальные памятники.* Симферополь: Бизнес-Информ.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. 2015. *Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма*. Археологические атласы Северного Причерноморья. Материалы к археологической карте Крыма XV. Санкт-Петербург: Алетейя.

Соколов Г.И. 1972. *Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства*. Ленинград: Аврора.

Толстиков В.П. 1976. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана. *ВДИ* (1), 80—90.

Трейстер М.Ю. 1992. Кельти у Північному Причорномор'ї. *Археологія* (2), 37—50.

Щукин М.Б. 1994. *На рубеже эр.* Санкт-Петербург: Фарн.

Babeş M. 1993. *Die Poieneşti-Lukasevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt*. Saarbrücker Beiträge zur Altertumkunde 30. Bonn: Rudolf Habelt Verlag.

Brunaux J.-L., Lambot B. 1987. *Guerre et armament chez les gaous. 450—52 av. J.-C.* Paris: Éditions Errance.

Căpitanu V. 1976. Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice în aşezarea geto-dacică de la Răcătău. *Carpica* 8, 49—120.

Căpitanu V. 1985. Unelte şi arme de fier descoperite în aşezarea geto-dacică de la Răcătău, com. Horgeşti, jud. Bacău. *Carpica* 17, 41—74.

Lambot B. 2006. Religion et habitat. Les fouilles d'Acy-Romance. In: Goudineau Ch., Bruneaux J.-L. et al. (eds.). *Religion et Société en Gaule*. Paris: Editions Errance, 177—190.

Metzler J. 2006. L'oppidum trévire du Titelberg (Luxembourg). In: Goudineau Ch., Bruneaux J.-L. (eds.). *Religion et Société en Gaule*. Paris: Éditions Errance, 191—202.

Stary P. 1981. Ursprung und Ausbreitung der eisenzeitlichen Ovalschilde mit spindelförmigen Schildbuckel. *Germania* 59, 288—306.

Tentiuc I., Bubulici V., Simalcsik A. 2015. Cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district). *Tyragetia SN* IX [XXIV] (1), 221—248.

Vinogradov Ju.G. 1999. Der Staatsbesuch der "Isis" im Bosporus. *Ancient civilizations from Scythia to Siberia* 5 (4), 271—302.

Vulpe A. 1976. La nécropole tumulaire gète de Popeşti. *Thraco-Dacica* I, 193—215.

Vulpe A., Căpitanu V. 1971. Une tombe isolée de l'époque de Latène à Răcătău. *Apulum* IX, 155—164.

References

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dashevskaia, O.D. 2014. *Nekropol' Beliausa (Belyaus Necropolis)*. Simferopol: "Feniks" Publ. (in Russian).

Dashevskaia, O.D., Mikhlin, B.Yu. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 129—147 (in Russian).

Denisova, V.I. 1981. *Koroplastika Bospora (po materialam Tiritaki, Mirmekiia, Ilurata i sel'skoi usad'by) (Bosporan Coroplastics (Basing on the Materials from Tiritaki, Mirmekiia, Ilurata and the Agricultural Outskirt))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2011. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: naselenie, iazyki, kontakty (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Population, Languages, Contacts)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 584—591 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2013. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke (The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 499—506 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2015. In Zhuravlev, D.V. (ed.). *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti (The Wind Blows from the Mithridat Mount: Bosporus and Pontic Area in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ., 164—173 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2004. In Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 174—204 (in Russian).

Kitov, G. 1996. In *Arkheologiya (Archaeology)* (2—3), 9—22 (in Bulgarian).

Kobylina, M.M. 1961. *Terrakotovye statuetki Pantikapeia i Fanagorii (Terracotta Statuettes from Pantipacaeum and Phanagoria)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Mikhlin, B. Yu. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 194—213 (in Russian).

Novichenkova, N.G. 2002. *Ustroistvo i obriadnost' sviatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo (Structure and Ritualism of the Sanctuary near the Gurzufskoe Sedlo Mountain Pass)*. Yalta: Krimean State University for Humanities (in Russian).

Pogrebova, N.N. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 96, 103—213.

Puzdrovskii, A.E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. — III v.n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia into the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Smekalova, T.N., Koltukhov, S.G., Zaytsev, Yu.P. 2015. *Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma (Atlas of the Late Scythian Fortified Sites in the Piedmont Crimea). Series: Materials for the Archaeological Map of Crimea XV.* Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Sokolov, G.I. 1972. *Antichnoe Prichernomor'e: Pamiatniki arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi i prikladnogo iskusstva (Antique Pontic Region: Monuments of Architecture, Sculpture, Painting and Ornamental Art)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Tolstikov, V.P. 1976. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 80—90.

Trejster, M. Yu. 1992. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 37—50 (in Ukrainian).

Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).

Babeş, M. 1993. *Die Poieneşti-Lukasevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt*. Saarbrükker Beiträge zur Altertumkunde 30. Bonn: Rudolf Habelt Verlag.

Brunaux, J.-L., Lambot, B. 1987. *Guerre et armament chez les gaous. 450—52 av.J.-C.* Paris: Éditions Errance.

Căpitanu, V. 1976. Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice în aşezarea geto-dacică de la Răcătău. *Carpica* 8, 49—120.

Căpitanu, V. 1985. Unelte şi arme de fier descoperite în aşezarea geto-dacică de la Răcătău, com. Horgeşti, jud. Bacău. *Carpica* 17, 41—74.

Lambot, B. 2006. Religion et habitat. Les fouilles d'Acy-Romance. In Goudineau, Ch., Bruneaux, J.-L., et al. (eds.). *Religion et Société en Gaule*. Paris: Editions Errance, 177—190.

Metzler, J. 2006. L'oppidum trévire du Titelberg (Luxembourg). In Goudineau, Ch., Bruneaux, J.-L. (eds.). *Religion et Société en Gaule*. Paris: Éditions Errance, 191—202.

Stary, P. 1981. Ursprung und Ausbreitung der eisenzeitlichen Ovalschilde mit spindelförmigen Schildbuckel. *Germania* 59, 288—306.

Tentiuc, I., Bubulici, V., Simalcsik, A. 2015. Cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district). *Tyragetia SN* IX [XXIV] (1), 221—248.

Vinogradov, Ju.G. 1999. Der Staatsbesuch der "Isis" im Bosporus. *Ancient civilizations from Scythia to Siberia* 5 (4), 271—302.

Vulpe, A. 1976. La nécropole tumulaire gète de Popeşti. *Thraco-Dacica* I, 193—215.

Vulpe, A., Căpitanu, V. 1971. Une tombe isolée de l'époque de Latène à Răcătău. *Apulum* IX, 155—164.

Статья поступила в сборник 5 декабря 2017 г.

Yuriy Zaytsev (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Historical and archaeological memorial estate "Scythian Neapolis"[1].

Зайцев Юрий Павлович (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский».

E-mail: skilur46@mail.ru

Address: [1] Arkheologicheskaya St., 1, Simferopol, 295029, Crimea

М. М. Чореф

Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации

Keywords: Olbia, Roman period, Sarmatians, Pharzoius, numismatics

Ключевые слова: Ольвия, римский период, сарматы, Фарзой, нумизматика

M. M. Choref

Countermarks on Staters of King Pharzoius as Sources of Historical Information

The study addresses such rare coins as King Pharzoius's staters, whose emissions are diverse and long-lasting. Countermarks on them stir special interest: two types of monograms and the image of dolphin. While the countermarks have not been studied and the abbreviations still not decoded, the author makes an attempt to shed light into these issues. As a result, he managed to identify Nero's and Galba's names' abbreviations. Countermarks with their names were struck on light-weight Pharzoius's staters, while dolphin could be struck on his full-weight gold coins, as ordered by the Olbian authorities.

М. М. Чореф

Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации

Предметом исследования стали редкие монеты — статеры царя Фарзоя. Они отличаются своим разнообразием и длительностью эмиссии. Особый интерес вызывали присутствующие на них надчеканки: два вида монограмм и изображение дельфина. Эти контрамарки на них до сих пор не изучены, а их аббревиатуры не расшифрованы. В статье предпринята попытка их разобрать. В результате удалось выявить аббревиатуры имен Нерона и Гальбы. Контрамарки с ними оттискивали на легковесных статерах Фарзоя. Надчеканку с изображением дельфина, по-видимому, выбивали по приказу властей Ольвии на полновесных золотых этого государя.

Объектом нашего исследования являются золотые монеты[1] с легендой «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ»[2] — «*царя Фарзоя*» (рис. 1). Несмотря на небольшое количество известных экземпляров[3], к настоящему времени выявлено и описано уже 14 их разновидностей (Рузанова 1956: 197—202, табл. I, II; Анохин 1989: 63—70; 2011: 96—97, №592—594; Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—112). На этих монетах выбиты бюсты молодого или престарелого мужчины, по-видимому — правителя[4] (Рузанова 1956: 197—202, табл. I, II; Анохин 2011: 96—97, №592—594), а его имя и титул размещены в одних случаях на реверсе (рис. 1: 1—8), в других — на аверсе (рис. 1: 9), в третьих — легенду разносили на обе стороны монеты (Анохин 2011: 96—97, №594). Кроме того, на изучаемых золотых оттиснуты изображения орла с приподнятыми крыльями, развернутого вправо, кадуцей (рис. 1: 1—7), тамга[5] ↄ⊢ (рис. 1: 1), а также грекоязычные аббревиатуры: монограмма ΟΛ, в которой есть все основания видеть сокращение от этникона Ὀλβιοπολιτῶν, лигату-

[1] Они хранятся в частных коллекциях: Ю. Л. Покрасса (рис. 1: 1, 3, 4, 6, 7), победителя аукциона Triton XIX (рис. 1: 2) и посетителя сайта staraya-moneta.ru (рис. 1: 5), а также в собраниях ГИМ (рис. 1: 8) и в Национальной библиотеке Франции (рис. 1: 9).

[2] Известны также вариации ΒΑΣΙΛΕΩΣΦΑΡΖ, ΒΑΣΙΛΕΟΣΦΑΡΖΟΙΟΥ и ΒΑΣΙΛΕΟΣΦΑΡΖΟΙΟΙ (Анохин 2011: 94, 96, №585, 588; Рузанова 1956: 198, 200, 202).

[3] Так, Н. П. Рузановой было известно всего 12 их экземпляров (Рузанова 1956: 197—202, табл. I, II), причем четыре — только по рисункам (Рузанова 1956: табл. I: 4, 6, II: 2, 5). Шесть статеров Фарзоя издал В. П. Алексеев (Алексеев 2000: 174—177). В. А. Анохин в своем каталоге «Античные монеты Северного Причерноморья» привел описания и фотографии десяти таких монет (Анохин 2011: 94—97, №585—594).

[4] Этот факт был установлен еще в XIX в. (Латышев 1887: 116; Орешников 1890: 10, №9). Вопрос о реалистичности этих изображений и, следовательно, о перспективности отслеживания их эволюции будет рассмотрен ниже, по мере изложения материала.

[5] Сведения о ее вариациях приведены в работе П. О. Карышковского (Карышковский 1982: рис. 3: 1—9).

© М. М. Чореф, 2018.

Рис. 1. Статеры Фарзоя: 1 — Фарзоя Старшего без надчеканки; 2—5 — с надчеканкой времен Нерона; 6, 7 — с надчеканкой времен Гальбы; 8 — с надчеканкой ; 9 — статер Фарзоя Младшего (по acsearch.info: 1; catalogue.bnf.fr: 1; tauriscoins.ru: 1; tauriscoins.ru: 2; tauriscoins.ru: 3; tauriscoins.ru: 4; tauriscoins.ru: 5; tauriscoins.ru: 6; tauriscoins.ru: 7).

Fig. 1. Staters of Pharzoius: 1 — Pharzoius the Elder without countermarks; 2—5 — with Nero's countermark; 6, 7 — with Galba's countermark; 8 — with countermark: ; 9 — stater of Pharzoius the Younger (after acsearch.info: 1; catalogue.bnf.fr: 1; tauriscoins.ru: 1; tauriscoins.ru: 2; tauriscoins.ru: 3; tauriscoins.ru: 4; tauriscoins.ru: 5; tauriscoins.ru: 6; tauriscoins.ru: 7).

ры букв имён первых архонтов города и указания на занимаемую ими должность, а также символьные обозначения даты выпуска. Крайне примечательно, что выявлены общие элементы[6] оформления статеров Фарзоя и датированной разменной монеты ольвийского чекана (Зограф 1951: 138; Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—112; Анохин 1989: 63—70). Так что золотые монеты этого государя определённо интересны как нумизматические памятники.

В настоящее время принято считать, что их чеканили долгое время — 27 лет (Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—112; Анохин 1989: 63—70). Следовательно, монеты Фарзоя являются ценным историческим источником, изучение которого позволяет уточнить наши представления о ситуации в Северном Причерноморье в период их эмиссии.

Это обстоятельство было очевидно ещё в период становления нумизматики как науки. Не случайно золотые Фарзоя издавна привлекают специалистов[7]. Уже В. В. Латышев, основываясь на выводах А. С. Уварова, Б. В. Кёне и П. О. Бурачкова[8], попытался составить их каталог[9] (Латышев 1887: 115—118). Изучив известный на то время нумизматический материал, ученый заключил, что заинтересовавшие его монеты выпустил северопричерноморский скифский царь Фарзой — предок Скилура (ок. 130—114/113 гг. до н. э.). Исследователь полагал, что династия этих государей во II в. до н. э. подчинила себе Ольвию и использовала её монетный двор для выпуска

[6] Речь идет о монограммах городских магистратов и обозначениях даты выпуска. Основываемся на результатах исследования, проведенного П. О. Карышковским (Карышковский 1982: 66—82; Карышковский 1988: 108—112).

[7] История их изучения на раннем этапе приведена в «Исследовании об истории и государственном строе города Ольвия» В. В. Латышева (Латышев 1887: 115—116, прим. 1).

[8] Важно то, что он описал статер с надчеканкой (Латышев 1887: 116, №1). Однако ученый не только не истолковал эту контрамарку, но и не объяснил ее появление на монете.

[9] Впоследствии каталоги и описания золотых Фарзоя, не потерявшие своей актуальности до сих пор, были составлены Н. П. Рузановой, П. О. Карышковским и В. А. Анохиным (Рузанова 1956: 197—202, табл. I, II; Карышковский 1988: 108—112; 2003: 283—285, табл. CCXXXI; Анохин 1989: 58—68; 2011: 94—97, №585—594).

своего золота и разменной бронзы[10] (Латышев 1887: 137).

Согласимся, что гипотеза В.В. Латышева достаточно интересна и перспективна. Она позволяет объяснить наличие на монетах Фарзоя сочетания его имени и титула с эмиссионными символами, принятыми в Ольвии. Однако выводы В.В. Латышева не стали общепринятыми. Ученые поставили под сомнение предложенную им датировку статеров Фарзоя. Так, уже А.В. Орешников обратил внимание на примитивность оформления этих монет и в результате счел необходимым уточнить их датировку. Изначально он полагал, что эмиссия статеров Фарзоя произошла после гибели Митридата VI Евпатора (121—63 гг. до н.э.) (Орешников 1887: 29). Нумизмат допускал, что их появление в обращении было обусловлено стремлением Рима поддержать северопричерноморских скифских династов, освобождённых от власти понтийского царя (Орешников 1887: 28—29). Однако вскоре А.В. Орешников изменил свою точку зрения. Ученый пришел к выводу, что монеты Фарзоя могли быть выпущены после гетского разгрома, как он сам уточнил, «после Р.Х.» (Орешников 1890: 6—7).

Однако А.В. Орешников основывался исключительно на иконографическом анализе, так что его выводы весьма умозрительны. В свою очередь, А.Л. Бертье-Делагард, изучив физические параметры золотых Фарзоя, смог уточнить их датировку. Ученый пришел к выводу, что эти монеты могли отчеканить в римский период, а точнее, в 40—60 гг. н.э. (Бертье-Делагард 2009: 157, табл. I). Действительно, вес ряда статеров этого государя соответствует стопам ауреусов Клавдия (41—54 гг. н.э.) и Нерона (54—68 гг. н.э.) (Карышковский 1999: 56, табл. 33). Снижение веса золота Фарзоя от стопы аттического статера до легкого ауреуса вполне может быть объяснено стремлением к унификации полноценных платёжных средств.

Подход А.Л. Бертье-Делагарда к изучению монет Фарзоя был поддержан учёными XX в. Так, А.Н. Зограф считал, что статеры этого царя были выпущены в начале римского периода истории Северного Причерноморья, а точнее, во второй половине I в. н.э. (Зограф 1951: 138, 242). К этому же выводу пришли П.О. Карышковский и В.А. Анохин (Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—112; Анохин 1989: 63—70, 112—113, №344, 348, 350, 355, 356, 358, 361, 363, 365, 367, табл. XXI: 344, 355, 358; XXII: 361, 363, 365, 367; Анохин 2011: 94—97, №585—594), а также М.Г. Абрамзон и Н.А. Фролова (Фролова, Абрамзон 2005: 32, 182—183, №2298).

Важный вклад в изучение золота Фарзоя сделал П.О. Карышковский. Основываясь на выводах А.С. Уварова, Б.В. Кёне, А.В. Орешникова и А.Н. Зографа (Уваров 1851: 88; Кене 1857: 27; Орешников 1890: 19; Зограф 1951: 138) о единстве стиля оформления этих статеров с бронзой Ольвии, ученый разработал методику их датировки (Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—109, 112—116). Он предположил, что при Фарзое на монетном дворе Ольвии было выпущено четыре серии золотых[11], отличающихся как стилистикой оформления, так и физическими параметрами (Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—109).

Однако о правлении Фарзоя мы и сейчас практически ничего не знаем. При этом учёные признают, что единственным доступным источником информации по этому вопросу остаются его монеты (Карышковский 1988: 108—109). Так что уточнить наши представления мы можем только в результате изучения нумизматического материала.

Тем более что дискуссионные вопросы всё ещё остаются. Так, учёные расходятся во мнениях о точной датировке монет Фарзоя. Да, их легенды содержат символьные обозначения и монограммы первых архонтов, которые можно считать указаниями на дату выпуска. Подобного рода метки присутствуют и на ольвийской бронзе. Однако не ясно, идет ли речь о городской эре или же о датировке по годам правления этого государя[12].

Мы находим эту проблему крайне интересной. Сама возможность уточнения биографии Фарзоя крайне важна для понимания ситуации в Северном Причерноморье. Безусловно, требует объяснения тот факт, что некий варварский государь при молчаливом согласии

[10] В Северном Причерноморье до Митридата VI Евпатора медные монеты не чеканили. Разменные деньги изготавливали из бронзы. Из меди же в понтийский период выпускали только оболы — монеты с условной стоимостью (Смекалова, Дюков 2001: 80). Не удивительно, что в Ольвии и в римский период бронза оставалась основным материалом для изготовления разменных денег (Смекалова, Дюков 2001: 135—137).

[11] П.О. Карышковский полагал, что Фарзой электровых монет не чеканил (Карышковский 1999: 21). Вслед за А.Н. Зографом (Зограф 1951: 24), он считал, что этот сплав золота и серебра не является особым видом монетного метала (Карышковский 1999: 21).

[12] Речь идет о неразрешенном до сих пор споре П.О. Карышковского и В.А. Анохина.

Рима[13] 27 лет контролировал такой значительный центр, как Ольвия[14].

Сразу же заметим, что в настоящий момент дать исчерпывающий ответ на этот вопрос нельзя. Тем более что ещё не все обозначения на золотых Фарзоя изучены в полной мере. Так, до сих пор нет единой точки зрения на атрибуцию надчеканок, встречающихся на его статерах[15]. Полагаем, что на данный момент будет достаточно атрибутировать эти элементы монетного оформления.

Итак, к настоящему времени на золоте Фарзоя выявлено три разновидности контрамарок: аббревиатуры N (рис. 1: 2—5) и Δ (рис. 1: 6, 7), а также изображение дельфина (рис. 1: 8). Эти контрамарки накладывали на свободном месте монетного поля, не занятом изображениями или надписями. Как правило, их помещали под левое крыло орла (рис. 1: 2—8). Так что надчеканки оттискивали отнюдь не с целью удалить нежелательный элемент оформления. По-видимому, они всего лишь легализовали обращение монеты в новых условиях. Попытаемся объяснить это явление. А для этого дешифруем монограммы и выясним значение изображения дельфина.

Монограмма N

Начнём с того, что штамп с этой аббревиатурой крайне примитивен. Судя по оттискам, а они известны только на реверсе статеров Фарзоя, его рабочая поверхность была подпрямоугольной формы. При этом стороны чекана заметно скруглены. Какого-либо обрамления монограммы предусмотрено не было. Похоже, что для создания штемпеля воспользовались нешироким стержнем прямоугольного поперечного сечения.

Операцию проводили в большой спешке, поскольку на рабочей поверхности чекана прорезали только линии, причём весьма небрежно. Они и составляют изучаемую монограмму. Ее символы вполне различимы. Так, хорошо читается первый из них — «N», что уже было отмечено В. А. Анохиным, а также Н. А. Фроловой и М. Г. Абрамзоном (Анохин 2011: 96, №598; Фролова, Абрамзон 2005: 182—183, №2298).

Эта буква занимает левую половину поля штемпеля контрамарки. Правее ее видны три параллельные черты, пересекающиеся с правой вертикальной составляющей «N» (рис. 1: 2—5). Причём они появились на штампе одновременно с ней и явно составляют одну композицию. Судим по тому, что линии их разметки пересекают вертикальные составляющие этого символа. А гасты «N», в свою очередь, были прорезаны поверх них. Следовательно, прочерчивание линий монограммы проходило одномоментно.

Особенности начертания символов аббревиатуры позволяют определить количество штемпелей, использованных для надчеканки. В данном случае хорошо видно, что разметка средней черты второго символа монограммы пересекает не только правую, но и левую вертикальную линию «N». Остальные ее составляющие значительно короче. Так, первая черта лишь ненамного выступает за правую линию «N», а третья лишь соприкасается с точкой ее пересечения с наклонной гастой. Поэтому очевидно, что для контрамаркирования использовали только один штамп. А операцию надчеканивания с помощью наложения изучаемой монограммы вряд ли можно считать масштабной[16].

---

[13] Отсутствие упоминаний о нем в письменных источниках крайне красноречиво. Ведь если бы он был союзником Рима, то официальная пропаганда не преминула бы это отметить.

[14] Размеры сферы влияния Фарзоя должны соответствовать ареалу использования его тамги. Этот вопрос разобран в трудах А. Н. Дзиговского (Дзиговский 2003: 87—103; 2016: 180—188). Также рекомендуем обратить внимание на статью Б. А. Раева и А. В. Симоненко (Раев, Симоненко 2009: 65—79).

[15] Единственное исследование, посвященное данному вопросу, принадлежит В. П. Алексееву (Алексеев 2000: 174—177). В нем автор ввел в научный оборот шесть монет Фарзоя, найденных в Тире. Важно то, что на всех них различимы надчеканки. В. П. Алексеев разобрал в этих контрамарках имена Азиэя или Азиага, а также Никия, Никерата, Нила или Никодрома (Алексеев 2000: 175—176). Однако его прочтения не кажутся нам убедительными. У нас есть все основания отвергнуть прочтения текстов надчеканок, предложенные В. П. Алексеевым, учитывая недопустимый для серьезного исследователя уровень его ошибок в греческом языке. Так, он полагает, что имя Никий пишется как «Νεικιαζ», Никерат как «Νεικρατοζ», а Нил как «Νειλοζ» (Алексеев 2000: 176). Как видим далее из текста (Алексеев 2000: 176), исследователю остались неизвестными правила использования букв «ζ» и «ς». В действительности Никий принято писать как Νικίας, Никерат как Νικήρατος, Никодром как Νικόδρομος, а Нил как Νείλος. Причем появление имени последнего на монетах Фарзоя вряд ли возможно, т. к. одноименный магистрат руководил городом в первой половине II в. н. э. (Алексеев 2000: 176), т. е. когда монеты Фарзоя уже наверняка были вытеснены ординарной римской монетой. Основываясь на этом, заключаем, что надчеканки на статерах Фарзоя все еще не изучены и, таким образом, могут стать объектом исследования.

[16] Нас убеждает в этом небрежность изготовления штампа изучаемой контрамарки.

Попытаемся дешифровать лигатуру . Три горизонтальные черты ее второго символа образуют очевидную «E»[17]. Получаем буквосочетание «NE». Его же, в свою очередь, дешифровать довольно просто. Оно представляет собой строчную монограмму, читаемую в порядке написания ее символов (Чореф 2010: 326—331). Собственно, это правило хорошо известно эпиграфистам (Латышев 1884: 35—77; 1889: 56—71; 1896; Толстой 1953; Соломоник 1959; 1964; 1973; 1978; 1983; 1984; КБН 1965; Виноградов 1989; 2010; Кац 1994; 2007; 2015; Сапрыкин, Масленников 2007; Яйленко 2010; Гаврилов 2011; Емец 2012; Федосеев 2012; 2016; Ильяшенко 2013; IOSPE I[1]; IOSPE I[2]; IOSPE II[1]; IOSPE IV[1]; IOSPE V; и др.). Следовательно, в монограмме могло быть зашифровано слово, начинающееся со слога «NE». Заметим, что в римский период легализация обращения монеты обеспечивалась размещением на ней контрамарки, содержащей имя правителя или магистрата, указание на его должность, название города, обозначение номинала или номера и названия легиона, изображения божества, государя, а также священного животного, птицы или предмета (Чореф 2013: 208, рис. 3; Paunov 2013: 117—123). Однако на изучаемой контрамарке латинские цифры отсутствуют. Следовательно, речь не может идти об обозначении номинала или о названии воинского подразделения. Нет на ней и изображений. Нам не известен полис в Северном Причерноморье, название которого начиналось бы с «NE». Не знаем мы и о созвучной должности. Следовательно, в изучаемой аббревиатуре могло быть зашифровано только имя. Причем вряд ли этот политический деятель был ольвийским магистратом. Ведь надчеканки с их именами на ольвийской бронзе неизвестны (Фролова, Абрамзон 2005: 90, 105, 112, 114—119, 128—130, 140—142, 148, 163, 184, 187, 189). Нет оснований ожидать их появление на золоте. Остается только полагать, что он был римлянином. Прочтение «Νέρων» — «*Нерон*» напрашивается само собой.

Допускаем, что надчеканку накладывали на статеры Фарзоя при Нероне. Сам же факт проведения такой операции свидетельствует о том, что ситуация в Северном Причерноморье при этом императоре коренным образом изменилась. Судим по тому, что прежде обращавшиеся, довольно сильно изношенные и, следовательно, привычные для населения статеры Фарзоя (рис. 1: 2—5) были спешно надчеканены. Получается, что они остались в обращении с санкции римских властей. Сами же выявленные особенности проведения операции — небрежность и очевидные поспешность и неподготовленность, как нельзя лучше свидетельствуют о непреклонном стремлении римлян как можно скорее зафиксировать сложившийся порядок вещей.

К сожалению, пока трудно установить, когда было проведено это контрамаркирование. И, следовательно, ничего не известно о вызвавшем его событии. Пытаясь дать ответ на поднятые вопросы, перейдем к изучению остальных надчеканок.

Монограмма

Контрамарка с этой лигатурой также оттиснута на реверсе статеров Фарзоя (рис. 1: 6, 7). Она также представляет собой подпрямоугольный в сечении штамп с монограммой, вырезанной на его рабочей поверхности.

Штемпель с выполнен еще небрежнее, чем чекан с . Хорошо видно, что составляющие его символы отражены горизонтально. Но они вполне различимы. Правая буква — наклонённая вправо, непропорционально узкая, но хорошо читаемая «Г»[18]. Большую же часть поля контрамарки занимает широкая «А» с ломаной средней гастой[19]. И, что крайне примечательно, надчеканку накладывали на монету, развернув на 180° (рис. 1: 6—7).

Это не может быть случайным. Складывается впечатление, что штемпель этой контрамарки резали по аналогии с ранее созданным, привычным чеканом с лигатурой . Причём, судя по почерку, изучаемые аббревиатуры разработал один и тот же мастер.

Перейдём к прочтению монограммы . Как мы уже установили, она состоит из символов «Г» и «А». По аналогии с , допускаем, что они являются первыми буквами слова. Основываясь на нашем прочтении монограммы Нерона, заключаем, что в также зашифровано имя римского императора. Речь может

[17] Отметим, что первым пришел к этому выводу В.П. Алексеев (Алексеев 2000: 175—176, прим. 7).

[18] Заметим, что В.П. Алексеев разобрал в ней «Z» (Алексеев 2000: 175). При этом его не смутило отсутствие у разбираемой буквы нижней поперечной гасты (рис. 1: 6, 7).

[19] Немаловажно то, что в легендах монет эта буква дана с прямой соединительной линией (рис. 1). Делаем вывод, что штемпели для золотых Фарзоя и штампы контрамарок создавали разные мастера.

идти только о Гальбе (68—69 гг. н. э.). Т. е. мы разбираем в Λ7 «Γάλβας» — «Гальба».

Попытаемся сформулировать предварительные выводы. Практически одновременно прошло контрамаркирование монограммами NE и Λ7, в которых есть основания читать имена императоров Нерона и Гальбы. Это обстоятельство позволяет датировать проведение операции. Считаем, она прошла в последний год правления первого и во время нахождения у власти второго. Скорее всего, контрамаркирование прошло в 68—69 гг.

Безусловно, его организовали в Ольвии. Ведь в городе наверняка были профессиональные резчики штемпелей. Да и на монетах этого полиса римского периода (Фролова, Абрамзон 2005: табл. 94—113) известны схожие по конфигурации контрамарки.

Попытаемся истолковать выявленные факты. Как известно, Нерон в последний период своего правления, а точнее, в 63—68 гг. н. э., готовил поход в Кавказскую Албанию (Suet. Nero., 19, 2). Вследствие этого ситуация в Северном Причерноморье должна была кардинально измениться. В регионе установился необходимый империи для проведения этой широкомасштабной операции *Pax Romana* (Jos. Flav. Bell. Jud., II. 16, 4). Есть все основания считать, что император тогда учредил новую провинцию, образовав её из таврических и большей части приазовских владений боспорских государей (Чореф 2015: 114, 124, 125). Допускаем, что он также изменил и систему управления Херсонеса, подчинив его своему представителю (Чореф 2017). Дешифровав монограммы NE и Λ7, приходим к выводу, что и Ольвия тогда оказалась под контролем имперских властей. Не удивительно, что римляне обратили внимание на денежное обращение региона.

Переход Ольвии под прямой контроль Рима следует увязывать с изменением статуса Фарзоя[20] (Сапрыкин 1997: 54). Раньше имперские власти мирились с его существованием. Но, организовав надчеканивание золотых этого государя, они, тем самым, узаконили их обращение. Получается, что при отсутствии контрамарки статер Фарзоя не мог выступать в качестве средства платежа. У нас есть все основания считать, что выявленное обстоятельство свидетельствует об утрате этим государем контроля над Ольвией. И, возможно, престола. Не случайно на монетах четвертой эмиссии золотых монет Фарзоя, по П. О. Карышковскому, выбито изображение молодого правителя[21]. Да и сам факт разнесения легенды на аверс и на реверс (Анохин 2011: 96—97, №591—594) не может быть проигнорирован. Полагаем, что эти монеты были выпущены при тёзке Фарзоя Старшего, правившем при Клавдии и Нероне, скорее всего, при его сыне и наследнике. Не удивительно, что штемпели для статеров с легендой «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ» резали разные мастера[22].

Надчеканка

Рассмотрим теперь надчеканку . Она известна на реверсе ранних, выбитых по стопе эллинистических статеров (Карышковский 1982: 71—72; 1988: 109), золотых Фарзоя (рис. 1: 8).

Судя по известному нам экземпляру (tauriscoins.ru: 7), она была вырезана на овальном в сечении стержне. Эта контрамарка довольно изящна. Складывается впечатление, что её создал мастер, хорошо знакомый с приёмами глиптики. Так, в передаче фигуры дельфина просматривается стилизованность изображения, а также нарочитая рельефность округлых элементов, характерная для севе-

[20] Как верно заметил С. Ю. Сапрыкин, целью римской политики в регионе было «связать местных царей с греческими городами путем союза-симмахии, но под своей опекой, а после превратить клиентальное или вассальное государство в римскую провинцию» (Сапрыкин 1997: 54).

[21] Дж. Хилл полагал, что изображения на сериях золотых Фарзоя столь отличны по стилистике, что, безусловно, их должны были выпустить при разных государях (Hill 1928: 5). На это обратила внимание также Н. П. Розанова. Действительно, на ранних, тяжеловесных золотых Фарзоя выбито изображение молодого правителя (Розанова 1956: 197, 198, №2, 4, 6, табл. I: 2, 4). На следующей серии статеров пониженного веса — с кадуцеем на аверсе, появился профиль пожилого государя (Розанова 1956: 198, №8). Примечательно и изменение прически правителя. Молодым его изображали с волосами, выровненными низко надо лбом, закрывающими уши, тщательно расчесанными и подвитыми валиком (рис. 1: 8). Эта прическа была характерна для сарматов всех времен (Яценко 2006: 239, тип 4). Престарелого же Фарзоя изображали с косой, исходящей от его затылка (рис. 1: 1—7). Эта прическа также была типична для сарматов, хотя и не столь широко распространена (Яценко 2006: 239, тип 6). А на позднейших монетах Фарзоя вновь появился бюст молодого государя (рис. 1: 9). У него отсутствуют или слабо заметны усы, а также нет косы (Розанова 1956: 200, 202, №8—10, табл. II: 1—4). Очевидно, что на монетах с легендой «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ» изображали двух разных людей. Будем называть их Фарзой Старший и Фарзой Младший.

[22] Аналогичную ситуацию мы проследили в процессе изучения статеров боспорского царя Фофорса (285/286—309/310 гг. н. э.) (Чореф 2014: 329—371).

ропричерноморских инталий I в. н. э. (Index thesauri... 1993: 7, 8, 10, 11, 13, 20). Датируем контрамарку этим же временем.

Причём она не могла быть создана до появления надчеканок с монограммами. Иначе как объяснить тот факт, что монограммы и оттискивали только на монетах престарелого Фарзоя Старшего? Наоборот, у нас есть все основания полагать, что надчеканка появилась на монетах после завершения операции контрамаркирования с использованием штемпелей с и . Полагаем, что наложение этой контрамарки произошло после гибели Гальбы. Сам же факт надчеканивания штампом с изображением дельфина свидетельствует о том, что Ольвия вернула статус самоуправляемого полиса. Вернее всего, это случилось во время борьбы Веспасиана (69—79 гг. н. э.) с Вителлием (69 г. н. э.).

Настаиваем на том, что штамп с изображением дельфина использовали власти Ольвии. Этот символ был знаковым для многих её эмиссий (Фролова, Абрамзон 2005: 38, 40—42, 44, 45, 50—55, 57—68, 70—74, 78—83, 110, 114, 116—119, 126, 141, 162, 169, 171, 174, 202, 207). Клеймили же по их приказу только полновесные статеры Фарзоя Старшего. Операция могла быть произведена с целью подтверждения их достоинства.

Считаем необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. Уже А. Н. Зограф заметил, что статеры Фарзоя чеканились «случайно, эпизодически и предназначались для донативных целей» (Зограф 1951: 138). Действительно, их метрическая неоднородность необычна для античного мира. Но она вполне объяснима. Дело в том, что заготовки для статеров Фарзоев Старшего и Младшего изготавливались по технологии, не свойственной денежному делу античных государств. Хорошо видно (рис. 1), что их не отливали в формах, не плющили из шариков металла[23], а вырезали или, что вероятнее — вырубали из листа. Вполне возможно, что для этого использовали полые трубки. В таком случае объяснимо сходство их форм. В то же время заготовки для бронзовых ольвийских монет, судя по их фактуре, как правило, отливали (Фролова, Абрамзон 2005).

Это обстоятельство является крайне важным, поскольку только использованием столь нехарактерной для античного денежного дела технологии можно объяснить угловатость монет Фарзоя (рис. 1: 1—8). И ясно, почему его монеты столь метрически неоднородны. Похоже, что мастера следили только за тем, сколько заготовок изготавливается из листа металла определённого веса[24].

У нас нет оснований полагать, что статеры младшего Фарзоя должны были соответствовать по покупательной способности римским ауреусам. Напомним, что для их чекана ольвийские монетчики использовали низкопробный сплав (Карышковский 1999: 21). Но вряд ли этим было вызвано контрамаркирование прежних выпусков. Полагаем, что эмиссии статеров Фарзоев Старшего и Младшего отделяет значительный промежуток времени. Ведь не случайно штемпели для этих монет резали разные мастера — судя по технологии передачи бюстов царей, особенностям почерка и, что самое главное, по дизайну надписи. Само вынесение её на аверс свидетельствует об отказе от эллинистической традиции оформления золота.

Полагаем, что статеры Фарзоя Младшего могли быть отчеканены при первых Флавиях, вынужденных вернуться в Северном Причерноморье к *status quo* до Нерона. В результате Фарзой Младший вернул Ольвию под свою власть[25]. По мнению В. А. Анохина, он правил до 76/77 г. н. э. (Анохин 1989: 69).

Причём он не стремился выпускать подобия римских ауреусов. Настаиваем на том, что Фарзой Младший, как и его предшественник, чеканил статеры.

Учитывая результаты изучения монетного дела Херсонеса и Боспора (Чореф 2010: 88—89, 93, рис. 2: 2; 4: 4, 5; 2013: 194—198), исследовав выпуски их золота, заключаем, что в этих центрах и в Ольвии в римский период сохранились собственные денежные системы, ориентированные на удовлетворение потребностей местных рынков[26]. Ведь нель-

[23] Судим по отсутствию трещин на гурте.

[24] Считаем важным заметить, что при Нероне, в 63 г. н. э., на Боспоре были выпущены статеры весом в 7,03—7,04 г. (Анохин 1989: 67). Однако вряд ли есть основания полагать, как считает В. А. Анохин, что тогда разрабатывалась новая монетная стопа (Анохин 1989: 67). Дело в том, что от имени Нерона на Боспоре тогда же чеканили статеры весом в 7,86 г. и 7,95 г. (Анохин 1986: 152, №343; 2011: 206, №1454, 1455).

[25] О снижении степени римского влияния в регионе говорит то, что монеты Флавиев в Ольвии встречаются так же нерегулярно, как и Юлиев-Клавдиев (Карышковский 1988: 118).

[26] Этим обстоятельством следует объяснять появление кадуцея на монетах Фарзоя Старшего и сохранение изображения этого культового символа на золоте Фарзоя Младшего. Очевидно, что упомянутые государи выпускали ходячую монету, ориентированную на активное использование в торговой сфере.

зя игнорировать тот факт, что в этих центрах выпускалось золото разного веса. Так, в конце правления Нерона чеканили статеры весом от 7,86 г до 7,95 г (Анохин 1986: 152, №343; 2011: 206, №1454, 1455). В то же время херсонесские монеты наибольшего номинала, выпущенные при Клавдии, содержали 7,75 г и 7,84 г драгоценного металла (Анохин 1977: 149, №215, 216; 2011: 126, №844, 845). А выпуски Фарзоя с надчеканками Ν и Δ весили от 6,97 до 7,02 г. (Анохин 1989: 113, 356; 2011: 96, №589; Алексеев 2000: 174, №1—6).

Очевидно, что римляне не ставили перед собой цель унифицировать денежное обращение Причерноморского региона. Наоборот, они получали ощутимый доход от того, что только их монеты могли беспрепятственно обращаться по всему Средиземноморью и сопредельным территориям, т. е. являлись мировой валютой. Соответственно, спрос на римские монеты определялся не только их металлическим содержанием.

Итак, мы попытались разобрать, атрибутировать и объяснить появление надчеканок Ν, Δ и на статерах Фарзоя Старшего. Полагаем, что их накладывали в разное время, но по одной и той же причине. Первые две контрамарки появились на легковесных статерах этого государя по распоряжению римских властей, стремившихся тем самым легализовать их обращение. Контрамарка была выбита на тяжеловесных статерах Фарзоя Старшего по решению магистратов Ольвии. Целью операции была фиксация высокой стоимости этих монет. Факты надчеканивания свидетельствуют об изменениях в статусе Ольвии в 60-х гг. н. э. Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Литература

Алексеев В. П. 2000. Монеты царя Фарзоя из Тиры. *Stratum plus* (6), 174—177.

Анохин В. А. 1977. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Анохин В. А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В. А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Анохин В. А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Бертье-Делагард А. Л. 2009. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. В: Бертье-Делагард А. Л. *Избранные труды*. Т. I. *Автобиография. Избранные труды по нумизматике*. Симферополь: Доля.

Виноградов А. Ю. 2010. *«Миновала уже зима языческого безумия…»: церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Виноградов Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва: Наука.

Гаврилов А. В. 2011. *Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников)*. АА 24. Донецк: Донбасс.

Дзиговский А. Н. 2003. *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*. Одесса: Гермес.

Дзиговский А. Н. 2016. Царство Фарзоя: полвека спустя. В: Нємченко І. В. (гол. ред.). *Стародавнє Причорномор'я* XI. Одеса: ОНУ, 180—188.

Емец И. А. 2012. *Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу)*. Москва: Спутник+.

Зограф А. Н. 1951. *Античные монеты*. МИА 16. Москва; Ленинград: АН СССР.

Ильяшенко С. М. 2013. *Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III—IV вв. н. э.* БИ XXIX. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ; Деметра.

Карышковский П. О. 1982. О монетах царя Фарзоя. В: Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 66—82.

Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Карышковский П. О. 1999. Ольвийские монеты: производство и метрология. *Stratum plus* (6), 20—67.

Карышковский П. О. 2003. *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (IV в. до н. э. — IV в. н. э.)*. Одесса: ЧП «Фридман А. С.».

Кац В. И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов: СГУ.

Кац В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. БИ XVIII. Симферополь; Керчь: Деметра.

Кац В. И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Каталог*. Саратов: СГУ.

КБН 1965: Струве В. В. (отв. ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

Кене Б. В. 1857. *Описание Музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского*. Т. 1. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг.

Латышев В. В. 1884. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического. *ЖМНП* CCXXXIII. Отд. отт. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 35—77.

Латышев В. В. 1887. Исследование об истории и государственном устройстве города Ольвии. *ЖМНП* CCXLIX. Отд. классической филологии. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1—306.

Латышев В. В. 1889. О календарях Тиры, Ольвии и Херсонеса Таврического. В: *Труды VI Археологиче-*

ского съезда (1884 г.). Т. II. Одесса: Типография А. Шульце, 56—71.

Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из южной России*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Орешников А.В. 1887. Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России. В: Уваров А.С., Уварова П.С. *Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова* VII. Москва: Типография и словолитня О.О. Гербека.

Орешников А.В. 1890. *О монетах скифских царей с именем города Ольвия*. ЗРАО IV. Отд. отт. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Раев Б.А., Симоненко А.В. 2009. «Фалар» из «Давыдовского клада». В: Фурасьев А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сборник научных статей*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 65—79.

Рузанова Н.П. 1956. Монеты царя Фардзоя. *МИА* 50. Москва; Ленинград: АН СССР, 197—208.

Сапрыкин С.Ю. 1997. Тира и фракийские цари. *Археологія* (4), 46—58.

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007. *Граффити и дипинти хоры античного Боспора*. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001. *Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.

Соломоник Э.И. 1964. *Новые эпиграфические памятники Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Соломоник Э.И. 1973. *Новые эпиграфические памятники Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Соломоник Э.И. 1978. *Граффити античного Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Соломоник Э.И. 1983. *Латинские надписи Херсонеса Таврического: тексты, перевод, комментарии*. Москва: Наука.

Соломоник Э.И. 1984. *Граффити с хоры Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Толстой И.И. 1953. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Уваров А.С. 1851. *Исследование о древностях Юга России и берегов Черного моря* 1. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг.

Федосеев Н.Ф. 2012. *Керамические клейма* 1. *Боспор*. Київ: Мистецтво.

Федосеев Н.Ф. 2016. *Керамические клейма* 2. *Гераклея Понтийская*. Керчь: Соло-Рич.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. 2005. *Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог*. Москва: РОССПЭН.

Чореф М.М. 2010. Изображения императоров династии Юлиев-Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. *МАИАСК* 2, 76—120.

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* (4), 191—215.

Чореф М.М. 2014. Боспорское царство при Фоформе: по данным нумизматики. *PAE* 4, 329—371.

Чореф М.М. 2015. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана. *Stratum plus* (6), 111—130.

Чореф М.М. 2017. Вновь найденная античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* (4), 99—114.

Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н. э.* Москва: Гриф и К.

Яценко С.А. 2006. *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. Москва: Восточная литература.

acsearch.info: 1: Classical Numismatic Group, Inc. Triton XIX. Lot 2033. URL: https://www.acsearch.info/search.html?id=2836560 (дата обращения 30.04.2017).

catalogue.bnf.fr: 1: Monnaie: Statère?, Or, Olbia, Sarmatie, Pharzoius. URL: http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb41828570w (дата обращения 30.04.2017).

Hill G.F. 1928. Greek coins acquired by the British museum in 1927. *NC* 8, 1—18.

Index thesauri... 1993: Финогенова С.И. (ред.). 1993. *Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина = Index thesauri gemmarum antiquarum in Museo Publico Artium Liberalium Pushkiniano Servatarum*. Москва: Индрик.

IOSPE I[1]: Latyschev B. 1885. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Типография Императорской академии наук.

IOSPE I[2]: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici.

IOSPE II[1]: Latyschev B. 1890. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. II. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici..

IOSPE IV[1]: Latyschev B. 1901. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. IV. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici..

IOSPE V: Виноградов А. 2015. *Византийские надписи*. URL: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html (дата обращения 15.04.2015).

Jos. Flav.: Josephus. 1961. *The Jewish War, books IV—VII*. Vol. II. Thackeray M.A. (transl.). The Loeb Classical Library 203. London; Cambridge: William Heinemann Ltd.; Harvard University Press.

Paunov E.I. 2013. A Roman Countermark on a Bronze Coin of Rhoemetalces I, King of Trace. *AJN* Second Series 25, 117—123.

Suet.: Suetonius. 1969. Vol. II. Rolfe J.C. (transl.). The Loeb Classical Library 38. Cambridge: Harvard University Press.

tauriscoins.ru: 1: Паспорт монеты: 1022-10221-1. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1022-10222-detail (дата обращения 30.04.2017).

tauriscoins.ru: 2: Паспорт монеты: 1021-10211-1. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10212-detail (дата обращения 30.04.2017).

tauriscoins.ru: 3: Паспорт монеты: 1021-10211-2. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10213-detail (дата обращения 30.04.2017).

tauriscoins.ru: 4: Паспорт монеты: 1021-10211-5. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10216-detail (дата обращения 30.04.2017).

tauriscoins.ru: 5: Паспорт монеты: 1021-10211-3. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10214-detail (дата обращения 30.04.2017).
tauriscoins.ru: 6: Паспорт монеты: 1021-10211-4. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10215-detail (дата обращения 30.04.2017).
tauriscoins.ru: 7: Паспорт монеты: 1020-10201-1. URL: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1020-10202-detail (дата обращения 30.04.2017).

References

Alekseev, V.P. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 174—177 (in Russian).
Anokhin, V.A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. — XII v. n. e.) (Chersonessos Coinage (4th Century BC — 12th Century AD))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Anokhin, V.A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Coins of Ancient Cities of the Northwestern Black Sea Coast)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region. Catalogue)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
Bertier de la Garde, A.L. 2009. In Bertier de la Garde, A.L. *Izbrannye trudy (Selected Works)* I. *Avtobiografiia. Izbrannye trudy po numizmatike (Autobiography; Selected Works on Numismatics)*. Simferopol: "Dolya" Publ. (in Russian).
Vinogradov, A. Yu. 2010. *«Minovala uzhe zima iazycheskogo bezumiia »: tserkov' i tserkvi Khersona v IV veke po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki (The Winter of Pagan Insanity Being Over: the Church and Churches of Kherson in 4th Century by Literary Sources and Epigraphics)*. Moscow: The Russian Support Fund to Education and Science (in Russian).
Vinogradov, Yu.G. 1989. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII—I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie (Political History of the Olbian Polis in 7th—1st cc. BC: a Historical-Epigraphical Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Gavrilov, A.V. 2011. *Amfornye kleima okrugi antichnoi Feodosii (materialy k khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov) (Amphora Stamps in Outskirts of Ancient Theodosia: materials for chronology of archaeological sites)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 24. Donetsk: "Donbass" Publ. (in Russian).
Dzigovsky, A.N. 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel' (Essays on the History of Sarmatian Tribes in the Carpathian-Dniester Region)*. Odessa: "Germes" Publ. (in Russian).
Dzigovsky, A.N. 2016. In Nyemchenko, I.V. (ed.-in-chief). *Starodavnye Prychornomor'ya (The Black Sea Region in Antiquity)* XI. Odessa: Odessa National University, 180—188 (in Russian).
Emets, I.A. 2012. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Severnogo Prichernomor'ia (podgotovitel'nye materialy k Korpusu) (Graffiti and Dipinti from Classical Towns and Settlements of the Northern Black Sea Region: Materials for the Corpus)*. Moscow: "Sputnik+" Publ. (in Russian).
Zograf, A.N. 1951. *Antichnye monety (Ancient Coins)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 16. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Ilyashenko, S.M. 2013. *Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetloglinianykh amforakh Tanaisa i ego okrugi III—IV vv.n.e. (Glass Dipinti on the Narrow-Neck Light-Clay Amphoras of Tanais and Its Neighbourhood in 3rd—4th Centuries AD)*. Series: Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) XXIX. Simferopol; Kerch: National Academy of Sciences of Ukraine, Instutute of Oriental Studies, Crimean Branch; "Demetra" Publ. (in Russian).
Karyshkovskii, P.O. 1982. In Dzis-Raiko, G.A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological Sites of the North-Western Pontic Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 66—82 (in Russian).
Karyshkovskii, P.O. 1988. *Monety Ol'vii. Ocherk denezhnogo obrashcheniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu (Coins of Olbia. Overview of Monetary Circulation in the North-Western Pontic Region in Antiquity)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Karyshkovskii, P.O. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 20—67 (in Russian).
Karyshkovskii, P.O. 2003. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii (VI v. do n. e. — IV v. n.e.) (Coinage and Currency in Olbia (6th Century BC — 4th Century AD))*. Odessa: "A.S. Fridman" Publ. (in Russian).
Kac, V.I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel' (Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue and Guide)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
Kac, V.I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (a Complex Study))*. Series: Bosporan Studies XVIII. Simferopol; Kerch: National Academy of Sciences of Ukraine, Instutute of Oriental Studies, Crimean Branch; "Demetra" Publ. (in Russian).
Kac, V.I. 2015. *Keramicheskie kleima Aziatskogo Bospora. Gorgippiia i ee khora, Semibratnee gorodishche: katalog (Ceramic Stamps of Asian Bosporus. Gorgippia and its Chora; Semibratnee Hillfort: Catalogue)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei* (Corpus of Bosporan Inscriptions). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
Koehne, B. 1857. *Opisanie muzeuma pokoinogo kniazia Vasiliia Viktorovicha Kochubeia (sostavleno po ego rukopisnomu katalogu) i issledovaniia ob istorii i numizmatike grecheskikh poselenii v Rossii, ravno kak tsarstv: Pontiiskogo i Bosfora Kimmeriiskogo (Description of the Museum of Late Prince Vasily Kochubei (after its handwritten catalogue) and Studies on History and Numismatics of Greek Settlements in Russia as well as Kingdoms of Pontus and Cimmerian Bosphorus)* 1. Saint Petersburg: Expedition of Storing State Papers (in Russian).
Latyshev, V.V. 1884. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Journal of the Ministry of Popular Education) CCXXXIII*. Offprint. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 35—77 (in Russian).
Latyshev, V.V. 1887. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Journal of the Ministry of Popular Education)* CCXLIX. Otdelenie klassicheskoi filologii (Department of Classical Philology). Saint Petersburg: Typography of V.S. Balashev, 1—306 (in Russian).
Latyshev, V.V. 1889. In *Trudy VI arkheologicheskogo s"ezda v Odesse v 1884 g. (Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odesa in 1884)* II. Odessa: Typography of A. Schulze, 56—71 (in Russian).
Latyshev, V.V. 1896. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristian-*

skikh vremen iz iuzhnoi Rossii (A Collection of Greek Inscriptions from Christian Times Found in Southern Russia). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Oreshnikov, A.V. 1887. In Uvarov, A.S., Uvarova, P.S. *Katalog sobraniia drevnostei grafa Alekseia Sergeevicha Uvarova (Catalogue of the Collection of Antiquities of Count Aleksei Sergeevich Uvarov)* VII. Moscow: "Tipografiia i slovolitnia O.O. Gerbeka" Publ. (in Russian).

Oreshnikov, A.V. 1890. *O monetakh skifskikh tsarei s imenem goroda Ol'viia (On the Coins of Scythian Kings with the Name of the Olbia Town). Series: Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* IV. Offprint. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Raev, B.A., Simonenko, A.V. 2009. In Furasiev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoi i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians Between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty for Philology and Arts, 65—79 (in Russian).

Ruzanova, N.P. 1956. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 50. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 197—208 (in Russian).

Saprykin, S. Yu. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 46—58 (in Russian).

Saprykin, S. Yu., Maslennikov, A.A. 2007. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora (Graffiti and Dipinti from the Chora of Ancient Bosporus)*. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 2001. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ia: Bospor, Ol'viia. Tira (Monetary Alloys Used in the States of the Black Sea Region: Bosporus, Olbia, Tyras)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Signs of Northern Pontic Region)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).

Solomonik, E.I. 1964. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa (New Epigraphical Findings from Chersonesos)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Solomonik, E.I. 1973. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa: lapidarnye nadpisi (New Epigraphical Findings from Chersonesos: Lapidary Inscriptions)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Solomonik, E.I. 1978. *Graffiti antichnogo Khersonesa (Graffiti of the Antique Chersonesos)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Solomonik, E.I. 1983. *Latinskie nadpisi Khersonesa Tavricheskogo: teksty, perevod, kommentarii (Latin Inscriptions from the Tauric Chersonesos: Texts, Translation, Comments)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Solomonik, E.I. 1984. *Graffiti s khory Khersonesa (Graffiti from the Chersonese Chora)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Tolstoi, I.I. 1953. *Grecheskie graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (Greek Graffiti in the Ancient Towns of the Northern Black Sea Region)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Uvarov, A.S. 1851. *Issledovanie o drevnostiakh Iuga Rossii i beregov Chernogo moria (Study on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Shores)* 1. Saint Petersburg: Expedition of Storing State Papers (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2012. *Keramicheskie kleima (Ceramic Stamps) 1. Bospor (Cimmerian Bosphorus)*. Kiev: "Mystetstvo" Publ. (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2016. *Keramicheskie kleima (Ceramic Stamps) II. Gerakleia Pontiiskaia (Heraclea Pontica)*. Kerch: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).

Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2005. *Monety Ol'vii v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Katalog (Olbian Coins in the Collection of the State Historical Museum: Catalogue)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Choref, M.M. 2010. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea)* 2, 76—120 (in Russian).

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 191—215 (in Russian).

Choref, M.M. 2014. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual)* 4, 329—371 (in Russian).

Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 111—130 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 99—114 (in Russian).

Yailenko, V.P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. — V v. n. e. (Millenar Bosporan State. History and Epigraphycs of Bosporus in 6th Century BC — 5th Century AD)*. Moscow: "Grif i K" Publ. (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

acsearch.info: 1: Classical Numismatic Group, Inc. Triton XIX. Lot 2033. Available at: https://www.acsearch.info/search.html? id=2836560 (accessed 30.04.2017) (in Russian).

catalogue.bnf.fr: 1: Monnaie: Statère?, Or, Olbia, Sarmatie, Pharzoius. Available at: http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb41828570w (accessed 30.04.2017) (in Russian).

Hill, G.F. 1928. Greek coins acquired by the British museum in 1927. *NC* 8, 1—18 (in Russian).

Finogenova, S.I. (ed.). 1993. *Katalog sobraniia antichnykh gemm Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina = Index thesauri gemmarum antiquarum in Museo Publico Artium Liberalium Pushkiniano Servatarum*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

IOSPE I[1]: Latyschev B. 1885. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol.I. Petropoli: "Typography of the Imperial Academy of Sciences.

IOSPE I[2]: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol.I. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici.

IOSPE II[1]: Latyschev B. 1890. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. II. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici..

IOSPE IV[1]: Latyschev B. 1901. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. IV. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici..

IOSPE V: Vinogradov, A. 2015. *Vizantiiskie nadpisi (Byzantine Inscriptions)*. Available at: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html (accessed 15.04.2015) (in Russian).

Jos. Flav.: Josephus. 1961. *The Jewish War, books IV—VII*. Vol. II. Thackeray, M.A. (transl.). *The Loeb Classical Library* 203. London; Cambridge: William Heinemann Ltd.; Harvard University Press..

Paunov, E.I. 2013. A Roman Countermark on a Bronze Coin of Rhoemetalces I, King of Trace. *AJN* Second Series 25, 117—123.

Suet.: Suetonius. 1969. Vol. II. Rolfe, J.C. (transl.). *The Loeb Classical Library* 38. Cambridge: Harvard University Press.

tauriscoins.ru: 1: Pasport monety (Passport of Coin): 1022-10221-1. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1022-10222-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).

tauriscoins.ru: 2: Pasport monety (Passport of Coin): 1021-10211-1. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10212-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).

tauriscoins.ru: 3: Pasport monety (Passport of Coin): 1021-10211-2. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10213-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).
tauriscoins.ru: 4: Pasport monety (Passport of Coin): 1021-10211-5. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10216-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).
tauriscoins.ru: 5: Pasport monety (Passport of Coin): 1021-10211-3. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10214-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).
tauriscoins.ru: 6: Pasport monety (Passport of Coin): 1021-10211-4. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1021-10215-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).
tauriscoins.ru: 7: Pasport monety (Passport of Coin): 1020-10201-1. Available at: http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/tsari-skifov-i-sarmatov/1020-10202-detail (accessed 30.04.2017) (in Russian).

Статья поступила в сборник 19 июля 2017 г.

Michael Choref (Nizhnevartovsk, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Nizhnevartovsk State University [1].
Чореф Михаил Михайлович (Нижневартовск, Россия). Кандидат исторических наук. Нижневартовский государственный университет.
E-mail: choref@yandex.ru

Address: [1] Lenin St., 56, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous District — Yugra, 628605, Russian Federation

Средние века

Middle Ages

И. О. Гавритухин, М. М. Казанский

О времени появления славян на территории Молдовы

Keywords: Moldova, Great Migration period, Slavs, fibulae, mirrors

Ключевые слова: Молдова, эпоха Великого переселения народов, славяне, фибулы, зеркала

I. O. Gavritukhin, M. M. Kazanski

About the Time of the Appearance of the Slavs in the Territory of Moldova

A fibula of the Bratei (Bratei-Brigetio) type was found in the Slavic settlement of Selişte. The brooches of this type are common from Gallia to Don in the Great Migration period, most finds originate from the Middle Danube basin. This clasp belongs to the female costume of the East German tradition and dates back to the middle of the 5th century. Mirror from Hansca is of the Chmi-Brigetio type, spread from the Rhine to the Caucasus to Volga-Ural region. In this case, apparently, it dates back to the 5th century (like most mirrors of this type) and is associated with the early Slavic horizon. Perhaps, its presence in the Slavic settlement marks the time of the appearance of the Slavs in the territory of Moldova.

И. О. Гавритухин, М. М. Казанский

О времени появления славян на территории Молдовы

На славянском поселении Селиште найдена фибула типа Братей (Братей — Бригецио). Фибулы этого типа распространены от Галлии до Дона, большинство находок происходит из бассейна Среднего Дуная. Эта застежка принадлежит женскому костюму восточногерманской традиции и датируется около середины V в. Зеркало из Ханска относится к типу Чми — Бригецио, распространенному от Рейна до Кавказа и Волго-Уральского региона. В данном случае, судя по всему, оно датируется V в. (как большинство зеркал этот типа) и связано с раннеславянским горизонтом. Скорее всего, присутствие рассматриваемых вещей на славянских поселениях маркирует время появления славян на территории Молдовы.

В настоящее время к западу от Днестра, в Северной Буковине хорошо известны раннеславянские памятники V в., принадлежащие пражской культуре и соотносимые со склавинами раннесредневековых письменных источников. Это, в первую очередь, селища в урочище Кодын (между сёлами Чагор и Острица Глыбокского р-на Черновицкой обл. Украины) на р. Прут, датированные фибулами, и близкие им памятники в этом регионе (Тимощук 1976: 38, 39; Русанова, Тимощук 1984; Гавритухин 2000: 298—303; 2005а: 406, 443; 2009: 11, 13). Сложнее обстоит дело с самыми ранними славянскими памятниками на территории Республики Молдова. Здесь представлены поселения и отдельные погребения с керамикой, характерной для пеньковской и пражской культур, однако вопрос о времени их появления проанализирован явно недостаточно.

Исак Александрович Рафалович, крупнейший специалист в изучении древностей 2-й половины I тыс. н. э. на территории Молдовы, пришел к выводу, что нижнюю хронологическую границу появления славян в регионе определяет финал черняховской культуры (около конца IV — начала V вв.), однако памятники нового населения, по его мнению, носителей пеньковской культуры (антов)[1], он датировал VI—VII вв. (Рафалович 1972а). Основной исследователь пеньковской культуры Олег Михайлович Приходнюк включал этот регион в зону первых миграций антов — носителей пеньковской культуры (ее второй фазы — V в.), опираясь на датировку зеркала с поселения Ханска (Hansca) II (Приходнюк 1998: 45, рис. 1: б). Для ряда молдавских и румынских исследователей интересующий нас вопрос остро не стоит, поскольку они настаивают на континуитете населения Восточного Прикарпатья (до Днестра), хотя и отмечают инновации эпохи Великого переселения народов (из недавних обобщений и обзоров см.: Postică 1994; 2007; Corman 1998; там же

[1] Сопоставление пеньковской культуры с антами неоднократно подтверждалось и в более поздних исследованиях. При определенной условности соотнесения групп археологических памятников и данных письменных источников, совершено очевидно, что территория, где авторы-современники размещают антов, в целом соответствует распространению именно пеньковских памятников (см. также прим. 7).

© И. О. Гавритухин, М. М. Казанский, 2018.

библиография). Прочие авторы, писавшие об этих древностях, опирались на указанные разработки.

Для ответа на вопрос о памятниках V в. на территории Молдовы, кроме упомянутого зеркала из Ханска, исследователи уделили незаслуженно мало внимания находке ножки фибулы из полуземлянки 5 в Селище (Selişte) I. В данной работе мы попробуем подробнее рассмотреть два этих важнейших хронологических репера.

Полуземлянки 5 и 6 в Селище I

Раскопками 1969—1973 гг. поселение[2] Селище I было исследовано почти полностью (основные публикации интересующих нас материалов V—VII вв. н. э. см.: Рафалович, Лапушнян 1974; Приходнюк 1998: 159, №300—303; Corman 1998: 150). Судя по всему, в 3-й четверти I тыс. н. э. оно функционировало продолжительное время (отмечены неоднократные случаи перекрытия одних построек другими), включая, как минимум, VII в., учитывая погребение с малой пальчатой фибулой, типичной для этого времени (Рафалович, Лапушнян 1974: рис. 9), и комплекс полуземлянки 2 с язычком пряжки (возможно, полуфабрикатом), характерной для ременных гарнитур т. н. геральдического круга середины VI — 3-й четверти VII вв. (Гавритухин 2005a: 423, рис. 15: 1; Рафалович 1972a: рис. 3: 7; 33: 13; 1972b: рис. 10: 13). Ряд специалистов относит основной слой этого памятника к пеньковской культуре, однако в этих же работах отмечается присутствие пражской керамики и форм, соотносимых с группами («культурой») Ипотешть — Кындешть — Чурел (Ipoteşti-Cândeşti-Ciurel) (о сложности культурной атрибуции этого и других памятников 3-й четверти I тыс. н. э. в рассматриваемом регионе см. ниже, а также: Тельнов 2001—2002: 146, 147, 153—155, 225, 226; Гавритухин 2005a: 447, 452, 453).

Интересующая нас ножка фибулы найдена в заполнении полуземлянки 5, перерезавшей, по словам автора раскопок, полуземлянку 6 (Рафалович 1972b: 135—139). Однако разрезы этих построек и ме́ста их стыка (перерезания друг друга) не опубликованы. Важно, что в верхней части полуземлянки 5 или над ней находилась еще одна (помимо той, что на полу) печь-каменка, а контур этого объекта — пятиугольный (рис. 1: 1; Рафалович 1972b: рис. 11), что очень необычно для полуземлянок этого культурного круга. Возможно, в данном случае мы имеем дело с более сложной стратиграфической ситуацией: здесь была еще одна постройка, с которой, вероятно, связана «верхняя» печь-каменка; эта постройка, судя по контуру «полуземлянки 5», нарушила и нижнюю часть рассматриваемого объекта, и угол вполне обычной полуземлянки 6.

К сожалению, как это обычно делалось в то время, кроме двух сосудов (рис. 1: 9, 18), в печатном отчете о раскопках опубликованы лишь очень краткая характеристика и статистика керамики из этих (Рафалович 1972b: 137—139) и других объектов. В сохранившейся (явно малой) части коллекции[3] отметим фрагмент венчика с пальцевыми вдавлениями из полуземлянки 5 (рис. 1: 4), что свидетельствует о наличии здесь материалов райковецкой культуры[4], представленной на памятнике и другими немногочисленными находками (Рафалович 1972b: 124, 126, рис. 3: 1—3). Скорее всего, этот керамический фрагмент связан с упомянутой «верхней» печью-каменкой. Вероятно, наличием материалов этого горизонта обусловлены некоторые «поздние» черты керамики из полуземлянки 5, о которых пишет автор раскопок (Рафалович 1972b: 138—140, 142). Однако точную привязку сосудов из сохранившейся части коллекции (кроме фрагмента из печи полуземлянки 6 — рис. 1: 14) к стратиграфии сделать нельзя, т. к. в шифрах эта информация не отражена.

Один сосуд из полуземлянки 5 и два из полуземлянки 6 (рис. 1: 9, 14, 18) имеют расширение тулова в верхней части, что показательно для керамики пражской культуры, хотя такие горшки в небольшом количестве встречаются и в пеньковских наборах. Для остальных сосудов этот важный для культурной атрибуции признак не ясен. Наличие печей-каменок также свидетельствует о пражских традици-

[2] Вопрос о том, было ли оно укрепленным, для нашей темы не важен.

[3] Спасением для науки этой части коллекции находок из раскопок И. А. Рафаловича мы обязаны юбиляру — Николаю Петровичу Тельнову. Остальное было выброшено на свалку до того, как он об этом узнал. Мы благодарим Н. П. Тельнова за возможность, предоставленную И. О. Гавритухину, работать со спасенными находками во время пребывания в Требуженах в 1996 г. в составе отряда Н. П. Тельнова (часть экспедиции Павла Петровича Бырни), ведшего раскопки раннеславянского поселения Скок.

[4] Это название, ныне широко употребляемое украинскими коллегами, представляется более удачным, чем традиционное — культура Луки-Райковецкой.

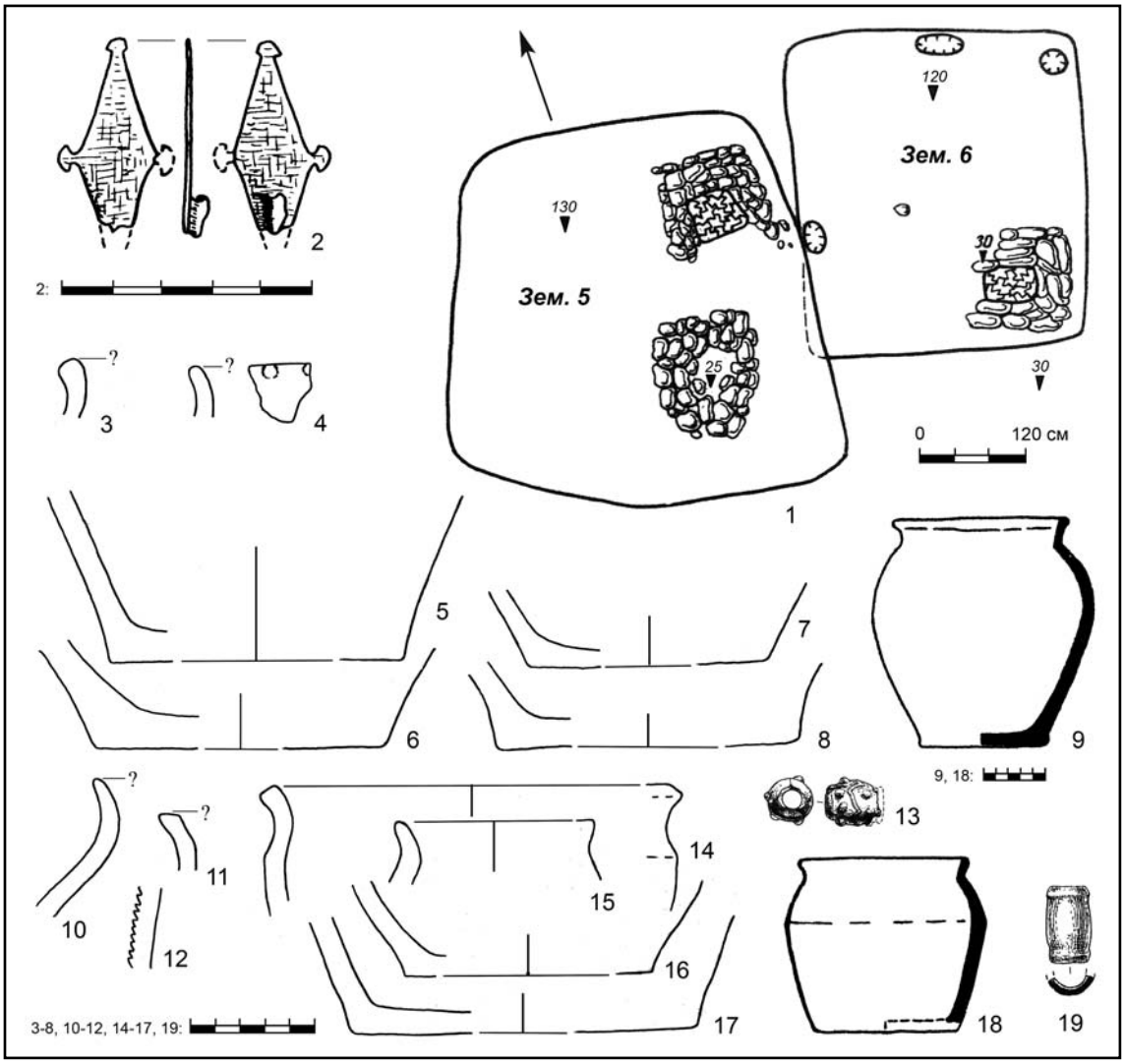

Рис. 1. Селиште I. 1 — план полуземлянок 5 и 6; 2—9 — находки из полуземлянки 5; 10—19 — находки из полуземлянки 6 (14 — из печи). 2 — бронза; 3—12, 14—18 — керамика (12 — амфора из розово-красной глины, остальная — лепная); 13 — стекло (без масштаба); 19 — кость (1, 2, 9, 13, 18, 19 — по Рафалович 1972b: рис. 11; 10: 14; 12; 13: 2; 3—8, 10—12, 14—17 — рисунки И.О. Гавритухина с оригиналов).

Fig. 1. Selişte I. 1 — plan of dwellings 5 and 6; 2—9 — finds from dwelling 5; 10—19 — finds from dwelling 6 (14 — from the furnace). 2 — bronze; 3—12, 14—18 — ceramics (12 — amphora from pink-red clay, the rest — handmade); 13 — glass (without scale); 19 — bone (1, 2, 9, 13, 18, 19 — after Рафалович 1972b: рис. 11; 10: 14; 12; 13: 2; 3—8, 10—12, 14—17 — drawings by I.O. Gavritukhin from the originals).

ях[5]. Однако нет оснований сомневаться в наличии в Селиште, в т.ч. на участке, где расположены полуземлянки 5 и 6 (раскоп V) и керамики, характерной для пеньковской культуры (Рафалович 1972b: 124, 128—129, рис. 2: 2; 8: 2; 15). Была ли она представлена в интересующих нас объектах — можно только гадать, но однозначных свидетельств в пользу этого нам неизвестно.

Фрагмент (почти вся ножка) бронзовой фибулы из полуземлянки 5 (рис. 1: 2; 7: 3; Приложение, №35) имеет длину 3,8 см[6], ширину —

[5] Печи-каменки имеются и на памятниках пеньковской культуры (напр., Приходнюк 1998: рис. 13: 4; 14: 1—4; 16: 1, 2, 6; вероятно, рис. 16: 5). Однако на ее ранних этапах они отмечены им лишь в Пруто-Днестровском междуречье и бассейне Южного Буга (Приходнюк 1998: рис. 10), т.е. в зонах контакта с пражской культурой (о памятниках на Южном Буге см.: Гавритухин 2017).

[6] В другой публикации И.А. Рафаловича (1972a: 200) указано 4 см. К сожалению, эту вещь мы не видели.

Рис. 2. Распространение фибул типа Братей — Бригецио. Нумерация находок соответствует их номерам в приложении. Условные обозначения: a — атрибуция условна; b — локализация по словам продавца/находчика, приблизительная; c—g — подгруппа I (c — серия Вранья; d — среднедунайская серия; e — серия Бригецио; f — близкие им вариации; g — экземпляр из Рогачево); h-l — подгруппа II (h — серия Штайнмандль — Ботево; i — серия Лалич — Бригецио; j, k, l — другие серии).

Fig. 2. Distribution of fibulae of the Bratei-Brigetio type. The numbering of the finds corresponds to their numbers in the Appendix. Legend: a — attribution is conditional; b — localization according to the seller/inventor, approximate; c-g — subgroup I (c — Vranja series; d — Middle Danubian series; e — Brigetio series; f — closely related variations; g — specimen from Rogachevo); h-l — subgroup II (h — Steinmandl-Botevo series; i — Lalich-Brigetio series; j, k, l — other series).

2,3, толщину — 0,2 см (Рафалович 1972b: 137). Ножка имеет ромбическую форму, два полукруглых выступа по боковым углам (один обломан) и один на конце, короткий пластинчатый иглоприемник.

И. А. Рафалович справедливо указал аналогию этому экземпляру среди находок на Григоровском городище в Среднем Поднестровье (рис. 2: 10; 3: 8; Приложение, № 10), определив этот тип застежек как «как бы переходную ступень между двупластинчатыми фибулами IV—V вв. и лучевыми фибулами VI—VII вв.», но воздержавшись от его датировки. О. М. Приходнюк, хотя и привел изображение ножки из Селиште, но не стал привлекать ее в качестве хронологического индикатора пеньковской культуры, которым, в т. ч. фибулам, уделил много внимания (Приходнюк 1998: 45—46, 54—60; рис. 76: 2). При этом, керамику из полуземлянки 6 в Селиште он отнес ко второй, а из полуземлянки 5 — к третьей фазе пеньковской культуры (Приходнюк 1998: 49, 53). К сожалению, на основе чего сделаны подсчеты по типам, исходя из которых получены эти выводы, по упомянутым страницам таблиц и по тексту непонятно.

Интересующая нас находка была оценена и правильно определена, насколько нам известно, лишь к концу 1990-х гг. Игорь Корман отнес ее к группе фибул с «боковыми бутонами» (*cu "butoni laterali"*), типу Братей (по Ф. Бирбрауеру), датировал эту группу V в., рассматривая ее в связи с «присутствием гунно-аланских[7] или германских племен» (Corman 1998: 39—41, 115, 121, 128). И. О. Гавритухин тоже атрибутировал это экземпляр как принадлежащий типу Братей по Ф. Бирбрауеру. По уточненной типологии, тогда ножка из Селиште была отнесена к карпатской серии типа Братей — Бригецио, датированной, как и другие фибулы этого круга, серединой — 2-й половиной V в. (Гавритухин 2000: 281, 283—285, 290, 294, 310—311)[8]. Было также отмечено, что в Восточном Прикарпатье такие застежки характерны для ряда памятников, сложившихся на восточногерманской (восходящей к черняховской) основе, в частности, для могильников типа Ботошань–Дялул-Кэрэмидэрией (Botoşani-Dealul Cărămidăriei) и др., а также для памятников славян, контактировавших с этой группировкой (Гавритухин 2000: 279—281, 297, 301—305).

За прошедшие почти 20 лет появились новые находки и аналитические разработки, что и заставляет вновь обратиться к рассмотрению фибул типа Братей.

Фибулы типа Братей — Бригецио

Как было сказано, интересующая нас фибула из Селиште, судя по всему, относится к типу Братей (Bratei), который выделил Фолькер Бирбрауер (Bierbrauer 1989b: 141—143; Bierbrauer 2008: 126, Abb. 16), опираясь главным образом на наблюдения Аттилы Киша над подборкой фибул из Бригецио (Brigetio) (Kiss 1981: 196—198). Типу Братей очень близок тип Вышков (Vyškov), тоже выделенный Ф. Бирбрауером (Bierbrauer 1989b: 149), и исследователи нередко рассматривают их вместе или в едином более широком контексте, например, небольших пластинчатых бронзовых фибул восточногерманской традиции, имитирующих более дорогие образцы (Bierbrauer 1989b: 141). Границы между этими типами, если четко следовать набору признаков по Ф. Бирбрауеру, не всегда отчетливы, что по мере накопления материала и более детальной работы с ним становилось все более очевидным[9]. В итоге многие исследователи

[7] Элиту антов он считает тоже аланами, что восходит к весьма спорным (хоть и распространенным) реконструкциям происхождения этнонима, но, по нашему мнению, явно противоречит данным письменных источников об антах конца IV — VI вв. Следует иметь в виду, что в VI в. анты служили в византийской армии и были хорошо известны писателям-современникам, особенно штабному офицеру Прокопию Кесарийскому — одному из основных источников наших сведений об этом и ряде других народов Восточной Европы. Поэтому можно смело утверждать, что в данном случае византийские авторы знали, о чём пишут, говоря об антах в славянском контексте и ни словом не обмолвившись в этой связи об аланах, которые также были им хорошо известны.

[8] Эта статья была написана на основе доклада, прочитанного И. О. Гавритухиным в Лодзи в 1996 г., т. е. до знакомства с книгой И. Кормана.

[9] По Ф. Бирбрауеру, фибулы типа Братей имеют треугольную головную пластину и расширенную ближе к середине ромбическую ножку с тремя выступами, в отличие от фибул типа Вышков, которые часто имеют головную пластину в виде т. н. жандармской треуголки (термин, хорошо известный преисторикам) и, главное, ножку с пятью выступами по углам, расширенную ближе к окончанию. Однако признак «пропорции ножки» оказался не показательным для разделения типов: некоторые фибулы имеют на ножке пять выступов, но расширение посередине (например, находка из Каневского уезда (Kazanski 1996: fig. 2: 14; Казанский 2011: рис. 2: 6); другие — ножку, расширенную ближе к концу, но только три выступа на ней (напр., рис. 3: 6). И. О. Гавритухин, опираясь на наблюдения А. К. Амброза о типологическом значении пропорций ножек у двупластинчатых фибул (Амброз 1966: 77—91), предложил для фибул подгруппы

стали трактовать типы, выделенные Ф. Бирбрауером, произвольно, а нередко и расширительно, включая в них схожие фибулы без боковых выступов на ножке, а иногда и гибридные формы, богато украшенные экземпляры и т. д. (например, Haralambieva 2002; Dobos, Lăzărescu 2009; Станев 2012; Tejral 2015).

И. О. Гавритухин предложил разделять эти типы по числу выступов на ножке, сохраняя в номенклатуре «узнаваемое» наименование: фибулы с тремя выступами на ножке получили название «тип Братей — Бригецио», с пятью — «тип Вышков — Херсонес» (Гавритухин 2000: 281—288)[10]. Они образуют «подгруппу Братей — Вышков», включающую экземпляры, изготовленные главным образом из бронзы, имеющие относительно небольшие размеры (известные образцы имеют длину до 11 см, как правило, — менее 10 см)[11], ромбическую или пятиугольную ножку с 3—5 выступами, головку треугольной, треугольно-полукруглой, пятиугольной или близкой формы с выступами, гладкую поверхность, иногда орнаментированную зигзагами (т. н. тримольерно-штрихованный декор), полосами из коротких черточек, циркульным орнаментом (мотив «птичий глаз»). Иногда выступы могут быть удвоены (напр., рис. 3: 2; 7: 4). Этой типологии и терминологии мы придерживаемся и в данной работе[12].

Фибулы типа Братей — Бригецио характерны в первую очередь для среднедунайского региона, хотя распространены шире, от Галлии до Верхнего Дона (рис. 2) и, по мнению практически всех специалистов, входили в состав женского убора восточногерманской традиции. Как полагает Ф. Бирбрауер, фибулы типов Братей, Вышков и близкие им являются отличительным признаком костюма «среднего класса» восточных германцев первой половины и середины V в. (Bierbrauer 1989b: 152—155), в то время как большинство погребений этого культурного круга вообще не содержит предметов убора (Bierbrauer 1989a, 76). Судя по находкам в погребениях, например, на могильнике Братей (рис. 7: 1, 2; приложение, № 29), эти фибулы, как и другие, принадлежащие восточногерманскому культурному кругу, носились на плечах, образуя пару (Bierbrauer 1989b: 141—143).

Фибулы подгруппы Братей — Вышков, что неоднократно отмечалось исследователями, восходят к фибулам позднечерняховского круга: двупластинчататым с треугольной головной пластиной (например, Bierbrauer 1989b: Abb. 1: 14, 15) и Т-образным пружинным с расширенной ножкой и небольшой пятиугольной пластиной на головке (Гавритухин 2005b: 238, рис. 5: 8—11; там же обзор литературы; см. также: Tejral 2015: 302—304). Схожие фибулы известны и в других регионах, например, в Юго-Восточной Польше (Kokowski 2000: Abb. 1), Средней Германии (Bemmann 2008: 33, 34, Abb. 10).

В период D2 хронологической шкалы Европейского Барбарикума (400/410—440/450 гг.)[13] на этой основе складываются фибулы, по всем признакам близкие подгруппе Братей — Вышков, но изготовленные из серебра (нередко позолоченные), богато украшенные, в т. ч. в стиле Сёсдала, как находки из Тапе-Лебё (Tapé-Lebö), Вайюги и близкие им (Гавритухин 2000: 311, рис. 7: 8, 11, 14; Tejral 2015: Abb. 8: 3; 9: 1—3). Схожую форму имеют и некоторые крупные полихромные (с красными драгоценными камнями на золотом фоне) двупластинчатые фибулы (Гавритухин 2000: 311, рис. 7: 15, 16). Судя по всему, именно в это время начали делать и дешевые подражания, воспроизводящие форму этих образцов, в т. ч. и фибулы типа Братей — Бригецио.

К сожалению, комплексов для датировки фибул типа Братей — Бригецио немного. Однако с учетом контекста находок, линий развития, аналогов практически все исследова-

Братей — Вышков выделять варианты 1, 2, 3 (по расширению ножки ближе к ее концу, около середины, ближе к дужке) вне зависимости от числа выступов на ножке (Гавритухин 2000: 281) и отметил, что все эти варианты могут быть представлены не только в рамках одного типа, но даже в рамках одной серии (см. об их выделении ниже) фибул (напр., рис. 3: 1—7). На то, что число выступов на ножке и форма головной пластины нередко жестко не взаимосвязаны, недавно еще раз обратил внимание Я. Тейрал, предложив выделять вариант Микэлака, относящийся к типу Братей по Ф. Бирбрауеру, но более близкий типу Вышков (Tejral 2015: 301—302, Abb. 7: 1, 4, 7, 8, Karte 3).

[10] В этой статье, особенно в упомянутой ее части, допущен ряд существенных опечаток, возникших, судя по всему, во время конвертации исходного текста и усугубленных при невнимательном редактировании.

[11] На важность рубежа «10 см» для типологии двупластинчатых фибул обратил внимание А. К. Амброз (1966: 86, 87).

[12] Нами использованы материалы из работы И. О. Гавритухина по плановой теме в ИА РАН в 2013—2017 гг., посвященной фибулам подгруппы Братей — Вышков и близких им. Ее результаты, в т. ч. более обширная историография, анализ фибул типа Вышков — Херсонес и др., готовятся к печати.

[13] Здесь и далее эти периоды и их даты даны по Ярославу Тейралу. Ниже они упоминаются без указания шкалы.

тели, начиная с Ф. Бирбрауера, согласны, что такие фибулы получили распространение в середине V в. (Bierbrauer 1989b: 143—144, 146—147). По Я. Тейралу, они типичны для периода D2/D3 (440—460/470 гг.) (Tejral 2005: 117, 120, Abb. 2: 6—9; 2015: 304—307), появившись уже на начальной стадии данного периода (Tejral 2007: 78). Среди опорных для датировки находок следует назвать клад ювелира из Штайнмандля (Szameit 1997), где фибулы типа Братей (рис. 2: 19, 34; 5: 2, 3; 7: 10; Приложение, № 19, 34), в т. ч. полуфабрикаты, были найдены вместе с элементами больших двупластинчатых фибул типа Смолин[14] и других вещей, диагностических для периода D2/D3 (Tejral 2015).

Для более детального рассмотрения отдельных экземпляров (в нашем случае — из Селиште) в рамках типа необходима максимально детальная классификация. Выделение внутри типа Братей — Бригецио серий и вариантов было предложено И. О. Гавритухиным (2000: 181—184), но недавно (см. прим. 12), с учетом новых находок и аналитических разработок по этим фибулам и их аналогам, было модифицировано.

Тип Братей — Бригецио делится на два подтипа: I, с ножкой, имеющей четко выраженные «плечики» при переходе ножки к дужке (т. е. пятиугольную ножку), и II, с ножкой, по очертанию близкой ромбу (одна из его вершин как бы скрыта под дужкой), в т. ч. со сдвинутым по вертикали местом наибольшего расширения и/или слабо намеченными «плечиками» при переходе ножки к дужке. В рамках подтипов по особенностям головной пластины и другим признакам, если материала достаточно, выделяются серии. Для выделения устойчивых вариантов находок слишком мало. Если у фибулы выступы утрачены или чуть намечены (напр., рис. 3: 3; 6: 1; 7: 1), а также для экземпляров, представленных фрагментами, атрибуция основана на ближайших аналогиях по сумме других признаков.

Подтип I

Среднедунайская серия осталась неизменной с момента выделения (Гавритухин 2000: 283, 284), лишь увеличилось число находок (Приложение, I.1). Она характеризуется подтреугольной головной пластиной с двумя округлыми выступами по краям и одним завершающим, округлым (рис. 3: 1, 3—7) или (единично) двучастным (рис. 3: 2). Головная пластина может быть немного вытянута по вертикали (рис. 3: 1) или горизонтали (рис. 3: 5—7). У находки с периферии основного ареала этой серии (рис. 3: 4; 2: 7) бока головной пластины выгнуты, что напоминает основной массив двупластинчатых фибул. Отличают эту застежку от остальных рассматриваемой серии также сравнительно небольшие размеры при массивности пластин, окончание ножки.

Одна из фибул этой серии (рис. 3: 5) происходит из могильника Смолин, где известны комплексы, опорные для выделения периода D2/D3, в т. ч. большие двупластинчатые фибулы типа Смолин, о которых упоминалось выше.

Серия Бригецио (Приложение, I.2) выделялась по наличию на головной пластине лишь одного выступа и пятиугольной ножке (Гавритухин 2000: 284). Это вполне соответствует характеристикам экземпляра с эпонимного памятника, римской крепости *Brigetio* на Среднем Дунае (рис. 3: 10), однако вторую находку, ранее относимую к этой серии (рис. 6: 2), по результатам работы с оригиналом правильнее рассматривать в рамках подтипа II. Из новых находок серии Бригецио принадлежит экземпляр из Ксизово-19 (рис. 3: 11).

Ксизово-19 относится к памятникам типа Чертовицкое — Замятино, на которых, несмотря на обширные раскопки (только фибул известно более 50), не найдено хронологических индикаторов конца V в. и более позднего времени (Гавритухин 2015; Обломский 2015). Нет оснований относить к ним и интересующую нас находку.

Близкие вариации (Приложение, I.3) представлены двумя находками. Ножка с Григоровского городища (рис. 3: 8) имеет близкие аналогии как среди находок среднедунайской серии (рис. 3: 7), так и серии Бригецио (рис. 3: 11), при этом ее боковые выступы имеют аналогии у экземпляров подтипа II (рис. 7: 2, 3) и напоминают выступы у фибул серии Вранья (рис. 4: 1—4) (см. о них ниже).

Головная пластина из Нови-Бановцев (рис. 3: 9), вероятно, связанная с римской крепостью *Burgenae*, на территории провинции Паннония II, наиболее близка образцам среднедунайской серии (особенно рис. 3: 5—7), хотя выступы у нее, судя по рисунку, как бы «замыты» (ср. ниже, о серии Лалич — Бригецио). Конечно же, отсутствие большей части ножки делает атрибуцию этой вещи весьма условной даже на уровне подгруппы. Обе находки сделаны вне комплексов.

[14] Или т. н. группы фибул Левице — Сабадбатьян (Kiss 1980: 110; Tejral 2007: 86).

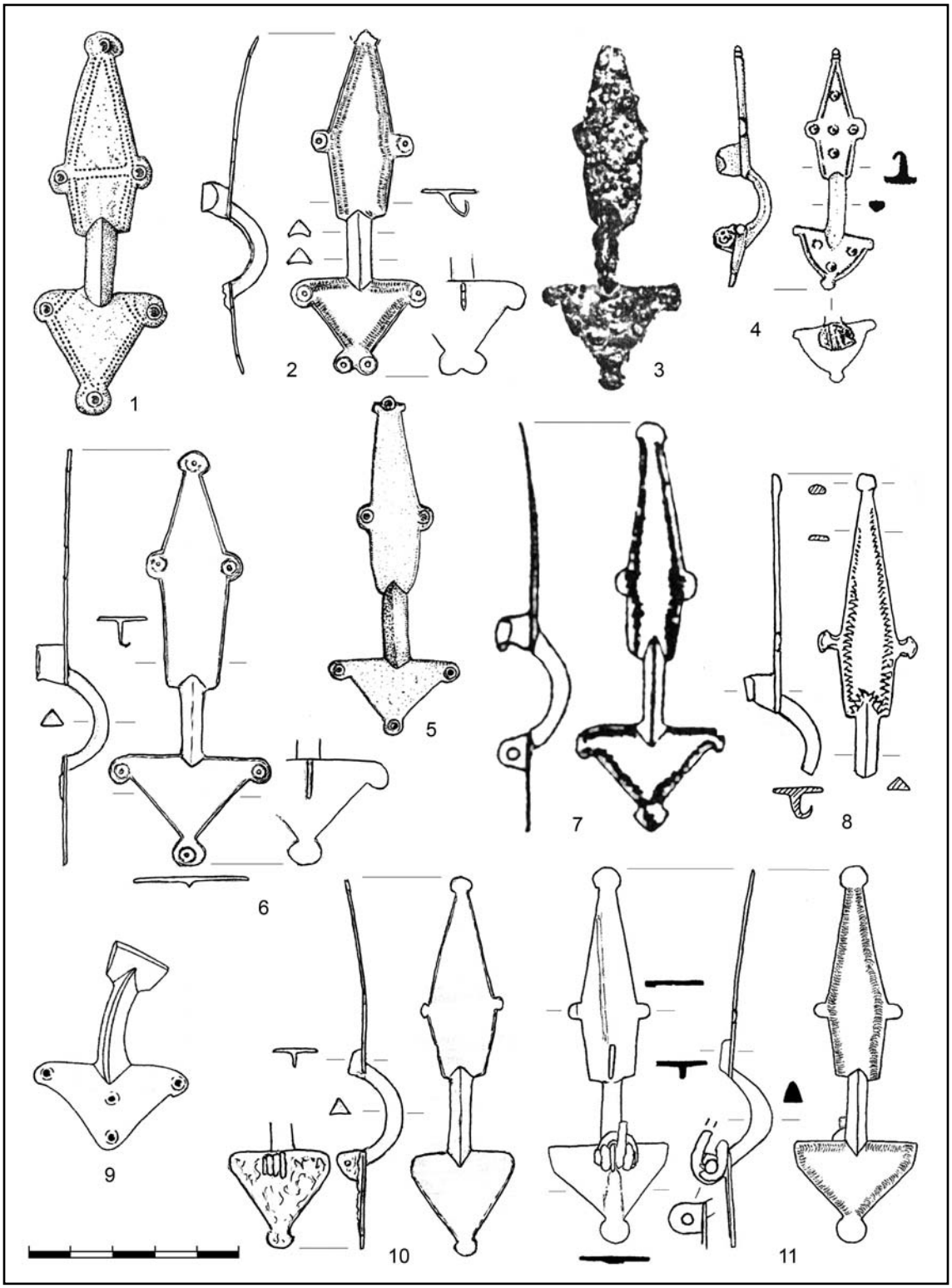

Рис. 3. Фибулы типа Братей — Бригецио подгруппы I среднедунайской серии (1—7), серии Бригецио (10, 11) и фрагменты, вероятно, относящиеся к ним (8, 9). 1 — Карнунтум (по Tejral 2015: Abb. 5: 3); 2 — Велемсентвид; 3 — комитат Тольна (по Kühn 1974: Taf. 228: 51.147); 4 — Тонцов-град (по Modrijan, Milavec 2011: t. 3: 16); 5 — Смолин (по Tejral 2015: Abb. 5: 1); 6 — Мартей; 7 — Бечей–Ботра (по Станојев 1996: 26); 8 — Григоровцы; 9 — Нови-Бановци (по Vinski 1957: tabl. 16: 41); 10 — Бригецио; 11 — Ксизово 19 (2, 6, 8, 10, 11 — рис. И.О. Гавритухина с оригиналов). Описание см. в приложении, списки I.1—3.

Fig. 3. Fibulae of the Bratei-Brigetio type, subgroup I, Middle Danubian series (1—7), Brigetio series (10, 11) and fragments probably related to them (8, 9). 1 — Carnuntum (after Tejral 2015: Abb. 5: 3); 2 — Velemszentvid; 3 —

Tolna district (after Kühn 1974: Taf. 228: 51.147); 4 — Tontcov grad (after Modrijan, Milavec 2011: t. 3: 16); 5 — Smolin (after Tejral 2015: Abb. 5: 1); 6 — Mártély; 7 — Bechej-Botra (after Станојев 1996: 26); 8 — Grigorovtsy; 9 — Novi Banovci (after Vinski 1957: tabl. 16: 41); 10 — Brigetio; 11 — Ksizovo-19 (2, 6, 8, 10, 11 — drawings by I.O. Gavritukhin from the originals). Description see in the Appendix, lists I.1—3.

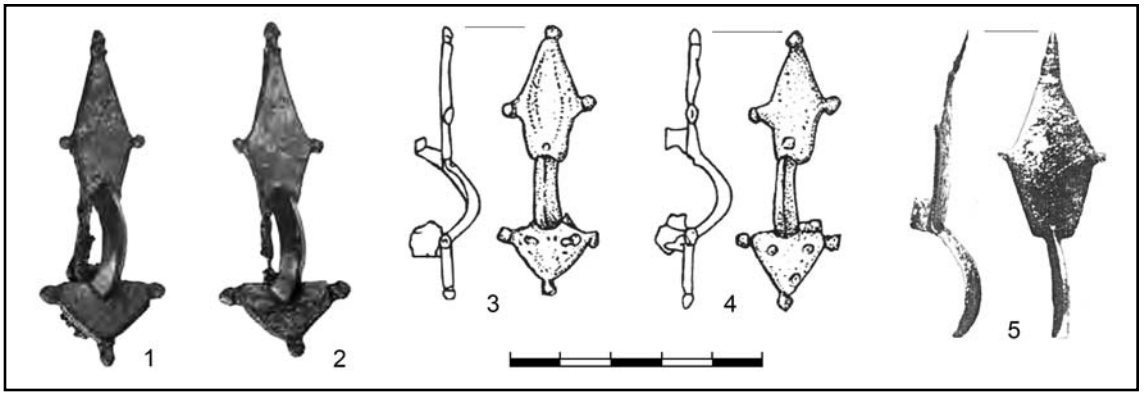

Рис. 4. Фибулы типа Братей — Бригецио подгруппы I серии Вранья (1—4) и ножка из Рогачево (5; по Haralambieva 1991: obr. 6). 1, 2 — Хан-Крум, погребение 3 (по Станев 2012: обр. 7: 1, 2; масштаб — по Чакъров 2014: обр. 2: 4); 3, 4 — Вранья, погребение 1 (по Dautova-Ruševljan 1981: Abb. 3). Описание см. в приложении, списки I.4—5.

Fig. 4. Fibulae of the Bratei-Brigetio type, subgroup I, Vranja series (1—4) and the fragment from Rogachevo (5; after Haralambieva 1991: obr. 6). 1, 2 — Khan-Krum, burial 3 (after Станев 2012: обр. 7: 1, 2); 3, 4 — Vranja, burial 1 (after Dautova-Ruševljan 1981: Abb. 3). Description see in the Appendix, lists I.4—5.

Серия Вранья (Приложение, I.4) ранее не выделялась, да и сейчас относится к типу Братей — Бригецио условно, однако она важна для его рассмотрения. Эта серия представлена двумя парами фибул (рис. 4: 1—4), у которых выступы небольшие и рельефные, что напоминает прототипы фибул подгруппы Братей — Вышков, такие, как находки из Тапе-Лебё и схожие с ней, о которых шла речь выше. В пользу этого сопоставления свидетельствует и то, что рассматриваемые фибулы изготовлены из серебра, а экземпляры из Враньи и позолочены, что характерно именно для прототипов/образцов фибул подгруппы Братей — Вышков. К сожалению, многие детали фибул серии Вранья по публикациям неясны. Стоит отметить массивность пластин этих застежек.

Судя по наибольшему расширению ножки, расположенному в её средней части, пара из погребения 1 на могильнике Вранья выглядит более архаичной. В комплексе с ней найдена пряжка, характерная для периода D2 (т. е. 380/400—440/450 гг.), не исключая периода D2/D3. Согласно Я. Тейралу, это захоронение типично для поздней стадии периода D2, т. е. 420/430—450 гг., и соответствует гуннскому «горизонту» (Tejral 2007: 78—81; 2011: 367, 368).

Ножка из Рогачево (рис. 4: 5; Приложение, I.5) имеет выступы на ножке, необычные для фибул типа Братей — Бригецио. Впрочем, нельзя сказать, что схожая стилистика концевого выступа на ножке совсем чужда фибулам рассматриваемого типа (напр., рис. 3: 4). Несомненно, что интересующая нас фибула из Рогачево относится к особой серии подтипа I типа Братей — Бригецио или гибридным с этим типом формам. Для более точной атрибуции необходимы новые находки.

Подтип II

Ранее такие фибулы выделялись И. О. Гавритухиным в карпатскую серию, с подразделением на варианты (Гавритухин 2000: 284). Новые находки свидетельствуют, что круг схожих фибул существенно разнообразнее. Я. Тейрал отметил, что они явно различаются пропорциями головной пластины (Tejral 2015: 298—299). Это наблюдение представляется важным для типологии, учитывая, что для фибул подгруппы Левице — Токари, близких рассматриваемым типологически и по культурно-историческому контексту, учет пропорций головной пластины позволил выделить выразительные серии (Gavritukhin 2013).

Серия Штайнмандль — Ботево (Приложение, II.1) выделяется по треугольной головной пластине, вытянутой по вертикали, имеющей по углам округлые выступы (рис. 5: 1—4,

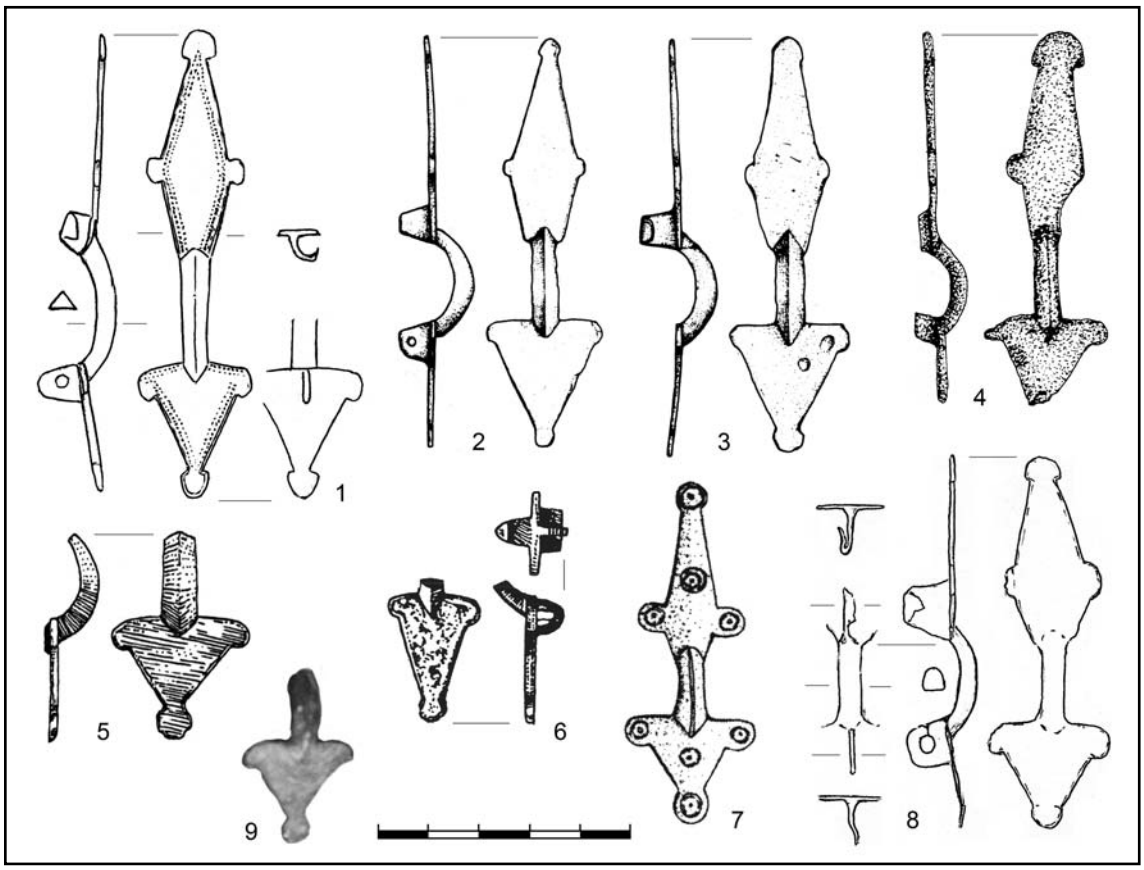

Рис. 5. Фибулы типа Братей — Бригецио подгруппы II серии Штайнмандль — Ботево (1—4, 7, 8) и фрагменты, вероятно, относящиеся к ней (5, 6, 9). 1 — Бригецио; 2, 3 — Штайнмандль — Бушберг (по Szameit 1997: Taf. 5: 2, 3); 4 — Ботево (по Haralambieva 1990: Abb. 2: 3); 5, 6 — Рингельсдорф (по Stuppner 1984: Abb. 902; 1988: Abb. 997); 7 — Лион или его округа (по Kazanski 1997: fig. 1: 5); 8 — Северо-Восточная Болгария; 9 — Дрёзинг (фото М.М. Казанского) (1, 8 — рис. И.О. Гавритухина с оригиналов). Описание см. в приложении, список II.1.

Fig. 5. Fibulae of Bratei-Brigetio type, subgroup II, series Steinmandl-Botevo (1—4, 7, 8) and fragments, probably related to it (5, 6, 9). 1 — Brigetio; 2, 3 — Steinmandl-Buschberg (по Szameit 1997: Taf. 5: 2, 3); 4 — Botevo (по Haralambieva 1990: Abb. 2: 3); 5, 6 — Ringelsdorf (по Stuppner 1984: Abb. 902; 1988: Abb. 997); 7 — Lyon or its districts (по Kazanski 1997: fig. 1: 5); 8 — North-Eastern Bulgaria; 9 — Drösing (1, 8 — drawings by I.O. Gavritukhin from the originals). Description see in the Appendix, list II.1.

7, 8). Условно к этой серии отнесены три фрагмента фибул, у которых не сохранилась ножка (рис. 5: 5, 6, 9). Пара фибул из Штайнмандля (рис. 5: 2, 3) — полуфабрикаты, найденные в кладе ювелира, причем один из этих экземпляров бракован. Как уже было отмечено выше, комплекс из Штайнмандля является одним из опорных для исследования древностей периода D2/D3 (Tejral 2015).

Серия Лалич — Бригецио (Приложение, II.2) выделяется по головной пластине, вытянутой по горизонтали (рис. 6: 1, 2, 5, 6). В ряде случаев очевидно, что такая форма образовалась из-за того, что боковые выступы как бы слились с основой головной пластины (рис. 6: 1, 5). Бока этой пластины могут быть выгнутыми (рис. 5: 6), что в свое время послужило причиной выделения особой прутской серии (Гавритухин 2000: 284). Однако она выделялась по одному целому и одному фрагментированному экземпляру. Для того, чтобы решить, объединять ли все перечисленные экземпляры в одну серию или более правильно выделять из нее прутскую, нужны новые находки.

К рассматриваемой серии условно отнесены две фибулы с утраченной ножкой, исходя из наибольшей типологической и географической близости аналогов. Пластина из Девинска-Нова-Веси (рис. 6: 4) более всего близка фибуле из Бригецио (рис. 6: 2), а из Романа (рис. 6: 3) — экземпляру из Никитень (рис. 6: 6).

В узко датированных комплексах такие застежки не встречены. Две схожие находки из Восточного Прикарпатья (рис. 6:

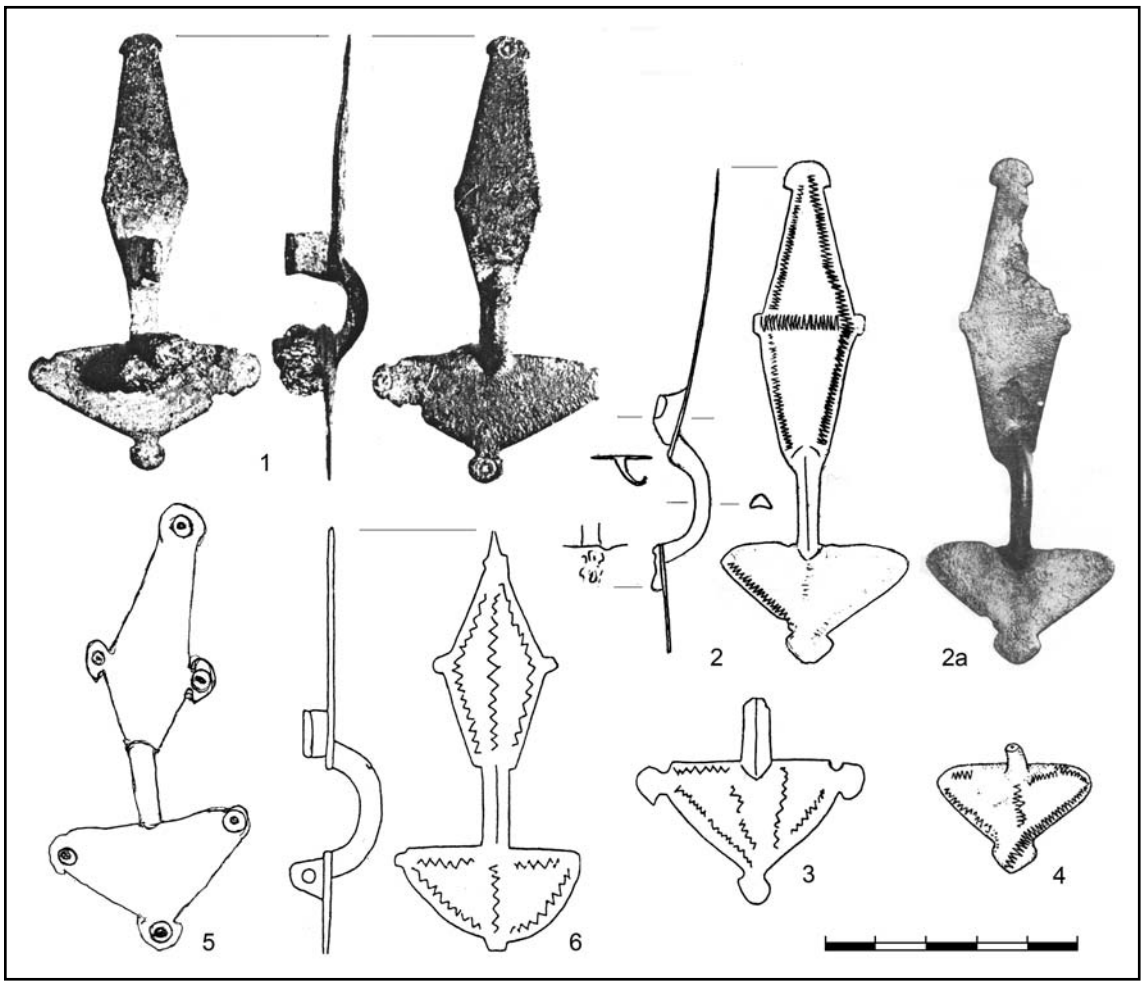

Рис. 6. Фибулы типа Братей — Бригецио подгруппы II серии Лалич — Бригецио (1, 2, 5, 6) и фрагменты, вероятно, относящиеся к ней (3, 4). 1 — Лалич (по Трбуховић 1992); 2 — Бригецио (рис. И.О. Гавритухина с оригинала; 2а — по Kiss 1981: Abb. 1: 4); 3 — Роман (Кароль I) (по Гавритухин 2000: рис. 5: 22); 4 — Братислава–Девинска-Нова-Весь (по Tejral 2015: Abb. 5: 5); 5 — Пожаревац или его окрестности (по предварительной описи коллекции Дмитриевича в Народном музее г. Пожаревац); 6 — Никитень (по Гавритухин 2000: рис. 5: 23). Описание см. в приложении, список II.2.

Fig. 6. Fibulae of the Bratei-Brigetio type, subgroup II, series of Lalich-Brigetio (1, 2, 5, 6) and fragments probably related to it (3, 4). 1 — Lalich (after Трбуховић 1992); 2 — Brigetio (drawing by I.O. Gavritukhin from the original; 2a — after Kiss 1981: Abb. 1: 4); 3 — Roman (Karol I) (after Гавритухин 2000: рис. 5: 22); 4 — Bratislava — Devínska Nová Ves (after Tejral 2015: Abb. 5: 5); 5 — Požarevac or its surroundings (after preliminary inventory of Dmitrievich's collection in Požarevac National Museum); 6 — Nichiteni (after Гавритухин 2000: рис. 5: 23). Description see in the Appendix, list II.2.

3, 6) происходят из могильников круга Ботошань–Дялул-Кэрэмидэрией, датированных в рамках V в., исключая начало этого столетия (Гавритухин 2000: 279—281, 289—294, 296—298, 300—306), при этом немногочисленные индикаторы для узкой датировки этих памятников показательны для периодов D2/D3 (430/440—460/470 гг.) и D3 (450—470/480 гг.).

Другие серии (Приложение, II.3) представлены единичными экземплярами, которые отличаются от рассмотренных, но группировка которых пока затруднительна.

Четыре фибулы (рис. 7: 1, 2, 4, 5), включая пару, имеют головную пластину в виде треугольника, близкого равностороннему, с выступами по углам. Формально их можно объединить в серию (по аналогии с двумя описанными выше). Однако они очень уж различны по ряду деталей и, скорее всего, относятся к нескольким линиям развития. Условно к этому кругу отнесена и ножка из Селиште (рис. 7: 3), типологически и географически близкая находке из Братея (рис. 7: 2).

Еще две фибулы (рис. 7: 9, 10) имеют головную пластину без боковых выступов. Про-

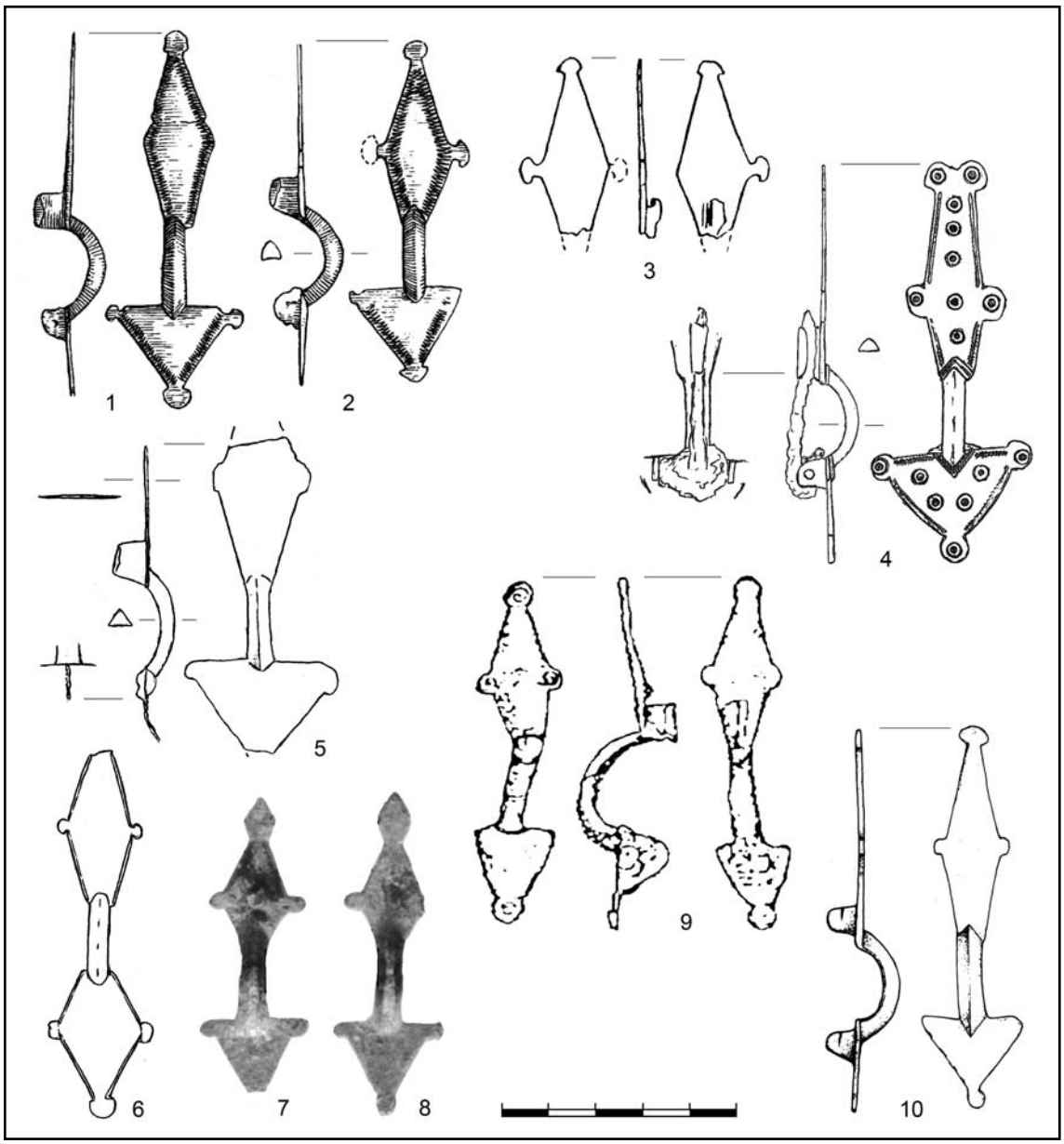

Рис. 7. Фибулы типа Братей — Бригецио подгруппы II разных серий. 1, 2 — Братей, погребение 3/1968 (по Bârzu 1986: fig. 6: 2, 3); 3 — Селиште I, полуземлянка 5 (по Рафалович 1972а: рис. 3: 9); 4 — Ароктё, погребение 162; 5 — Сингидунум, каструм; 6 — Васильковский или Каневский уезд Киевской губернии (по Гавритухин 2000: рис. 6: 41); 7, 8 — «Южной России» (коллекция Дигрардта) (по Werner 1961: Taf. 22: 97); 9 — Братей, поселение 1 (по Bârzu 1995: fig. 16: 14); 10 — Штайнмандль — Бушберг (по Szameit 1997: Taf. 5: 1) (4, 5 — рис. И.О. Гавритухина с оригиналов). Описание см. в приложении, список II.3.

Fig. 7. Fibulae of Bratei-Brigetio type, subgroup II, different series. 1, 2 — Bratei, burial 3/1968 (по Bârzu 1986: fig. 6: 2, 3); 3 — Seliştе I (по Рафалович 1972а: рис. 3: 9); 4 — Aroktő, burial 162; 5 — Singidunum, castrum; 6 — district of Vasilkov or Kanev, Kiev province (по Гавритухин 2000: рис. 6: 41); 7, 8 — "South of Russia" (Diergardt's collection) (по Werner 1961: Taf. 22: 97); 9 — Bratei, settlement 1 (по Bârzu 1995: fig. 16: 14); 10 — Steinmandl-Buschberg (по Szameit 1997: Taf. 5: 1) (4, 5 — drawings by I.O. Gavritukhin from the originals). Description see in the Appendix, list II.3.

порции у этих пластин различаются, и вопрос об отнесении рассматриваемых фибул к разным сериям (ср. выше о сериях подтипа II) или вариантам одной (ср. выше о фибулах подтипа I, где удлиненные по вертикали головные пластины пока являются лишь единичными вариациями) остается открытым.

Пара фибул из «Южной России» (коллекция Дигрардта) (рис. 7: 7, 8) особенно выделяется заостренным окончанием ножки,

не характерным для фибул рассматриваемого типа. С Восточной Европой связана и еще одна своеобразная фибула (рис. 7: 6), имеющая ромбическую головную пластину. К сожалению, окончание ножки у этой застежки утрачено.

Фибула из Селиште в контексте типа Братей — Бригецио выглядит так. Селиштенской фибуле (рис. 1: 2; 2: 35; 7: 3) типологически очень близка находка из погребения восточногерманского круга в Братее (рис. 7: 2), находящегося сравнительно недалеко от интересующего нас региона (рис. 2: 29). Территориально ближайшие им находки (рис. 2: 25, 27; 6: 3, 6) связаны с могильниками восточногерманской традиции круга Ботошань–Дялул-Кэрэмидэрией (Kazanski 1992: 202, 203; Гавритухин 2000), во многом близкими синхронному могильнику в Братее и подобным ему. Все эти фибулы относятся к сериям подтипа II, тяготеющим к восточной части Среднего Подунавья (рис. 2: i, j).

Один из признаков ножки из Селиште — полукруглые боковые выступы, соединенные с пластиной узкой перемычкой (грибовидные), как бы особенно выделенные. Такая же деталь прослеживается и на ряде упомянутых фибул (рис. 6: 3; 7: 1, 2) и типологически близкой им находке на юго-востоке Среднего Подунавья (рис. 2: 24; 6: 5). Единственная известная нам фибула подтипа I с таким выступом (рис. 3: 8) происходит из Григоровки на Днестре (рис. 2: 10), т. е. в особенно интересующей нас зоне и далеко от концентрации находок подтипа I (рис. 2: c-f). Вероятно, этот экземпляр — показатель переплетения нескольких традиций изготовления фибул типа Братей — Бригецио, в т. ч. характерных для регионов, связанных с Карпатами. Как гибридная может рассматриваться и находка из Среднего Поднепровья (рис. 2: 31; 7: 6), у которой также есть рассматриваемый признак, хотя и не ярко выраженный, более близкий рельефным выступам у фибул серии Вранья (рис. 4: 1—4), отражающих круг ближайших образцов для фибул типа Братей — Бригецио.

Как и тип в целом, фибула из Селиште датируется периодом D2/D3 (430/440—460/470 гг.). Как мы видим, она вполне вписывается в контекст, объединяющий территории Восточного Прикарпатья и Трансильвании, при этом, несомненно, связанный с близкими традициями на Дунае. Не исключено, конечно, что ножка фибулы из Селиште является предметом, найденным случайно и находившемся во «вторичном» использовании у обитателей полуземлянки 5. Однако и в этом случае она явно принесена не издалека и, скорее всего, отражает контакты жителей поселка в Селиште с западными соседями в то время, когда эти фибулы были еще «в моде»[15].

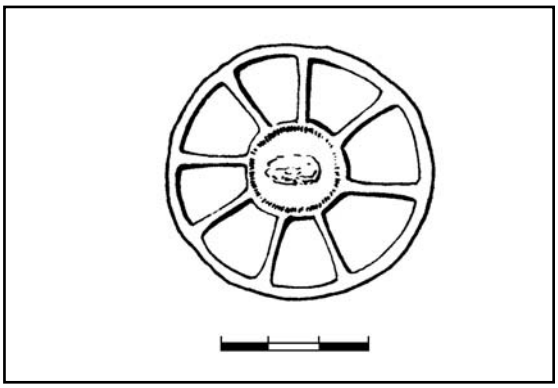

Рис. 8. Зеркало из Ханска II, медный сплав (по Рафалович 1972а: рис. 3: 8).

Fig. 8. Mirror from Hansca II, copper alloy (after Рафалович 1972а: рис. 3: 8).

Зеркало типа Чми — Бригецио из Ханска II

Археологический комплекс у села Ханска очень сложен и исследовался длительное время (с 1959 по 1991 гг., с перерывами) многими археологами, что еще более затрудняет его понимание (Постикэ 2017; о материалах 3-й четверти I тыс. н. э. см. обзор и литературу: Postică 1994; Приходнюк 1998: 159—160, №314—316; Corman 1998: 139; Тельнов 2001—2002: 146, 147, 151, 152, 154). Интересующее нас зеркало было найдено в культурном слое многослойного и, несомненно, долго существовавшего в V—VII вв. поселения Ханска II. Там и на ряде соседних памятников исследователи выделяют материалы, сопоставимые с пеньковской и пражской культурами, и/или с рядом памятников, расположенных

[15] Кроме фибул из Селиште и Григоровки (рис. 3: 8), в этом же контексте следует иметь в виду находку в Неполоковцах, на Северной Буковине. Там известно пражское поселение, хотя связь фибулы с ним не ясна (Тимощук 1976: 159, №134, рис. 18: 21). Она имеет гладкую ножку с пятью выступами, из которых один (концевой) рельефный, т. е. может относиться к одной из серий типа Вышков — Херсонес или представлять собой гибрид фибул этого типа и ранних пальчатых (Гавритухин 2000: 283). В любом случае, фибула из Неполоковцев принадлежит тому же времени (в пределах середины — 2-й половины V в.) и кругу контактов, что и фибула из Селиште.

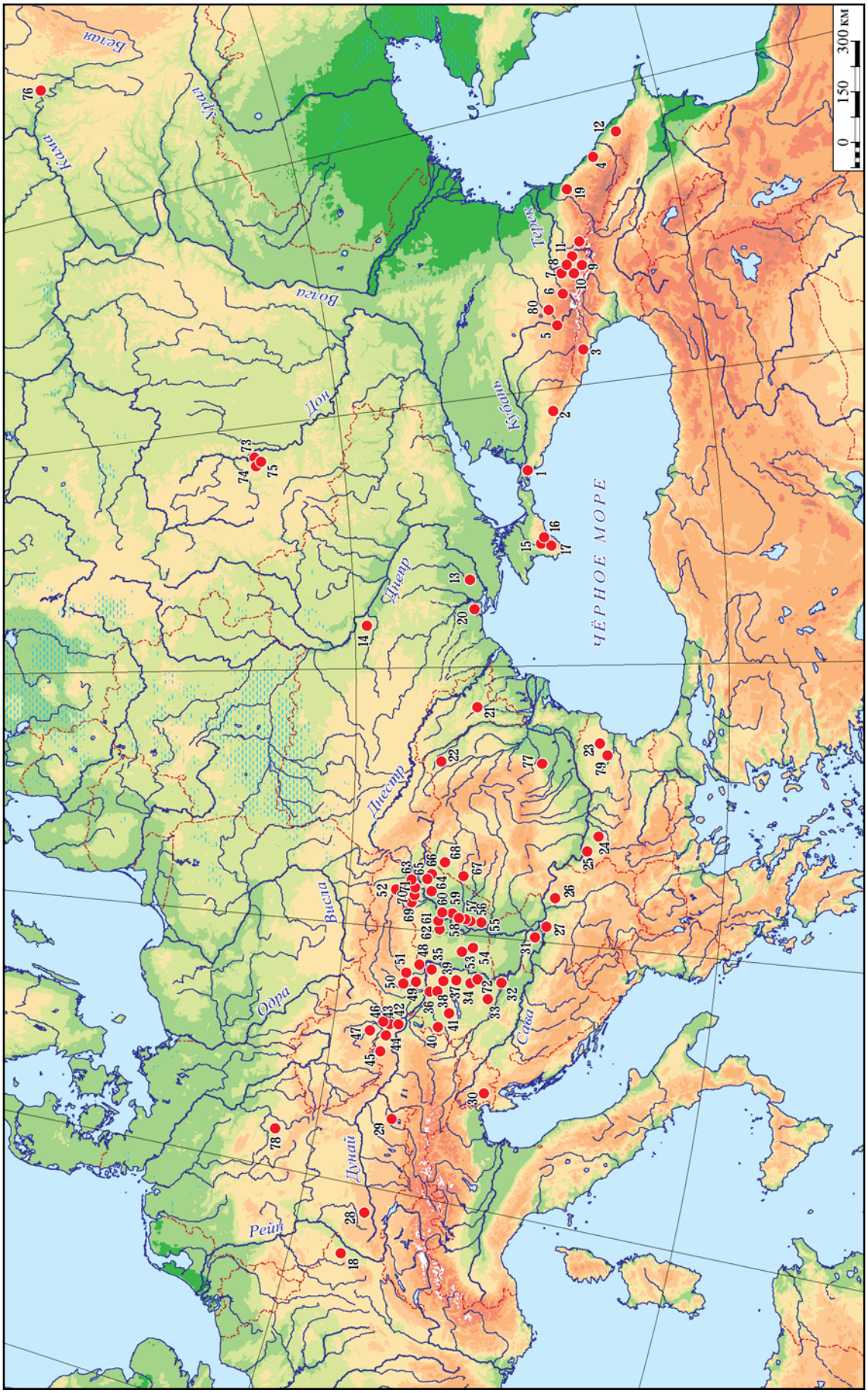

ЧЁРНОЕ МОРЕ
Волга
Дон
Кубань
Терек
Днепр
Днестр
Висла
Одра
Эльба
Дунай
Рейн
0 150 300 км

Рис. 9. Распространение зеркал типа Чми — Бригецио гуннского и постгуннского времени (по Werner1956: Karte 10; Anke 1998: Karte 1; Мастыкова 2009: 86; с дополнениями). Ввиду масштаба карты, локализация памятников приблизительна. 1 — Фанагория; 2 — Бжид; 3 — Цебельда; 4 — Дербент; 5 — Мирный; 6 — Чегем; 7 — Галиат; 8 — Задалиск; 9 — Лизгор; 10 — Кобань; 11 — Чми; 12 — Паласа-Сырт; 13 — Бизюков монастырь; 14 — Борохтянская Ольшанка; 15 — Алмалык-Дере; 16 — Лучистое; 17 — Скалистое; 18 — Хохфельден; 19 — Темир-Хан-Шура (Буйнакск); 20 — «Ольвия»; 21 — Ханска; 22 — Ботошань–Дялул-Кэрэмидэрией; 23 — Дебрене; 24 — Комарево; 25 — Лом (*Almus*); 26 — Пожаревац (*Viminacium*); 27 — Белград (*Singidunum*); 28 — Месстеттен; 29 — Штёффинг (*Bedaium*); 30 — Поточе; 31 — Нови-Бановци (*Burgenae*); 32 — Батина–Кошкёсег; 33 — Ковагосёоллош; 34 — Мисла; 35 — Пилишмарот; 36 — Бригецио (*Brigetio*); 37 — Сабадбатьян–Мариателеп; 38 — Кёрнье; 39 — Искасендьердь; 40 — Сомбатхей; 41 — Каполч; 42 — Унтерзибенбрунн; 43 — Рингельсдорф; 44 — Гросс-Харрас; 45 — Лаа; 46 — Дрёзинг; 47 — Ракшице; 48 — Соб; 49 — Нове-Замкы; 50 — Шаровце; 51 — Левице; 52 — Кошице; 53 — Кечкемет; 54 — Кишкунфеледьхаза; 55 — Ходьмезовашархей–Горжа; 56 — Чонград–Кендерфёльдек; 57 — Бокеньминдсент–Мадьяртеш; 58 — Кунсентмартон–Бахоцка; 59 — Тисафольдвар–Эрхалом; 60 — Тисароф; 61 — Тисапалконья; 62 — Зольдхаломпуста; 63 — Балша; 64 — Тисаллок; 65 — Секей; 66 — Ниредьхаза–Стадион; 67 — Орадя-Маре; 68 — Диндешть; 69 — Мад; 70 — Залкод; 71 — Косино; 72 — Сексард–Бодьслой; 73 — Ксизово-19; 74 — Замятино-5; 75 — Замятино-8; 76 — Бирск; 77 — Герэшень; 78 — Оссманштедт; 79 — Хан-Крум; 80 — Клин-Яр.

Fig. 9. Distribution of mirrors of the Chmi-Brigetio type of the Hunnic and post-Hunnic Periods (according to Werner1956: Karte 10; Anke 1998: Karte 1; Mastykova 2009: 86; with additions). Due to the scale of the map, the localization of sites is approximate. 1 — Phanagoria; 2 — Bzhid; 3 — Tsebelda; 4 — Derbent; 5 — Mirny; 6 — Chegem; 7 — Galiat; 8 — Zadalisk; 9 — Lizgor; 10 — Koban; 11 — Chmi; 12 — Palasa-Syrt; 13 — Bizyukov Monastyr; 14 — Borohtyanskaya Olshanka; 15 — Almalyk-Dere; 16 — Luchistoe; 17 — Skalistoe; 18 — Hohfelden; 19 — Temir-Khan-Shura (Buinaksk); 20 — "Olbia"; 21 — Hansca; 22 — Botoşăni-Dealul Caramidariei; 23 — Debrene; 24 — Komarevo; 25 — Lom (*Almus*); 26 — Požarevac (*Viminacium*); 27 — Belgrade (*Singidunum*); 28 — Messtetten; 29 — Stöffing (*Bedaium*); 30 — Potoče; 31 — Novi Banovci (*Burgenae*); 32 — Batina-Koskőszeg; 33 — Kővágószöllős; 34 — Miszla; 35 — Pilismarót; 36 — Szőny (*Brigetio*); 37 — Szabadbattyán-Máriatelep; 38 — Kőrnye; 39 — Iszkaszengyőrgy; 40 — Szombathely; 41 — Kapolcs; 42 — Untersiebenbrunn; 43 — Ringelsdorf; 44 — Gross-Harras; 45 — Laa; 46 — Drösing; 47 — Rakšice; 48 — Szob; 49 — Nové Zámky; 50 — Šarovce; 51 — Levice; 52 — Košice; 53 — Kecskemét; 54 — Kiskunfélegyháza; 55 — Hódmezővásárhely-Gorzsa; 56 — Csongrád-Kenderföldek; 57 — Bókénymindszent-Magyartés; 58 — Kunszentmárton — Báhoczka; 59 — Tiszafőldvár-Erhalom; 60 — Tiszaroff; 61 — Tiszapalkonya; 62 — Zoldhalompuszta; 63 — Balsa; 64 — Tiszalők; 65 — Székely; 66 — Nyíregyháza-Stadion; 67 — Oradea Mare; 68 — Dindeşti; 69 — Mád; 70 — Zalkod; 71 — Kosino; 72 — Szekszárd-Bogyszlói; 73 — Ksizovo-19; 74 — Zamyatino-5; 75 — Zamyatino-8; 76 — Birsk; 77 — Gherăşeni; 78 — Ossmanstedt; 79 — Han Krum; 80 — Klin-Yar.

между Карпатами и Днестром, выделяемых в группу/тип Костиша — Ботошана — Ханска (Costişa-Botoşana-Hansca), по ряду черт близких культуре/группам Ипотешть — Кындешть — Чурел. Публикация материалов 3-й четверти I тыс. н. э. из Ханска (памятника, ставшего эпонимом не только упомянутой культурной группы), соответствующая современным требованиям, нам не известна. Поэтому анализ планиграфического контекста рассматриваемой здесь находки остается делом будущего.

Интересующее нас зеркало (рис. 8) «бронзовое» (специальный анализ металла нам неизвестен), круглое, диаметром 5,3 см. С одной стороны оно гладкое, отполированное, с обратной — имело центральное ушко и рельефный декор в виде двух концентрических линий, между которыми находятся радиальные линии. Оно было справедливо определено автором раскопок как принадлежащее типу Чми — Бригецио (Рафалович 1972а: 202, 203, рис. 3: 8). Такие зеркала подробно изучались Иоахимом Вернером, который и дал название типу (Werner 1956: 20—22), затем Бодо Анке, выделившему их в тип I своей классификации (Anke 1998: 18—24, 203).

Зеркала с петлей в центре обратной стороны появились в Китае, а очень широкое распространение получили их близкие реплики и более грубые подражания. Не позднее 2-й половины II в. н. э. они становятся известны в Восточной Европе, где складываются их местные весьма разнообразные варианты (см. обзор в: Гавритухин, Малашев 2018), к которым относится и интересующий нас тип. В позднесарматское время зеркал этого типа немного, и почти все известные нам находки происходят из донских степей и более восточных или южных регионов (обсуждение этих комплексов — предмет особой работы, для нашей темы не столь уж важной)[16].

Однако есть аргументы против того, чтобы относить зеркало из Ханска к столь ранне-

[16] Особого рассмотрения заслуживает находка из кургана 26 сарматского могильника Градешка в Буджакской степи (Гудкова, Редина 1999: рис. 3: 19), датированного 2-й половиной III в. (Дзиговский 2003: 185, 186; дополнительные аргументы в пользу этой даты — о сочетаниях подвесок-лунниц с двучленными лучковыми фибулами — см.: Гавритухин, Малашев 2018) или, как предложено авторами публикации, чуть шире, включая 1-ю четверть IV в.

му времени. Во-первых, как только что было сказано, зеркала с центальной петлей в позднеримское время характерны для более восточных территорий. Во-вторых, несмотря на длительное изучение, в Ханска не отмечено собственно сарматских материалов, зато хорошо представлена черняховская культура (Постикэ 2017; Рикман 1975: 137—138, № 581—583), в том числе могильник Ханска–Лутэрия[17]. Черняховская культура хорошо изучена, и несомненно, что зеркала ей чужды. Лишь единичные их находки известны в ее зоне, и относятся они уже к гуннскому времени (например, Бизюков монастырь, Борохтянская Ольшанка; рис. 9: 13, 14).

Именно на волне «гуннской моды», как показал И. Вернер, зеркала типа Чми — Бригецио получают широкое распространение от Кавказа до Галлии (рис. 9). Большинство находок таких зеркал связано с памятниками оседлого населения, в первую очередь Среднего Подунавья (Istvanovits, Kulcsar 1993) и понто-кавказского региона (Мастыкова 2009: 86, 87), где встречены в могилах исключительно женщин. Некоторое количество обломков зеркал типа Чми — Бригецио и их дериватов происходит с памятников типа Чертовицкое — Замятино в лесостепи Верхнего Дона (Ксизово-19, Замятино-5, Замятино-8), т. е. с долговременных поселений и расположенных на их территории могильников (Обломский 2004: рис. 43: 13; 112: 8; 2015: рис. 9: 4, 6; 243: 10, 11; 316: 12, возможно, рис. 243: 8, 12). Известны такие зеркала и жителям позднеантичных городов Северного Причерноморья (например, Фанагория, погребение 30/1950: Марченко 1956: рис. 5: 12), а также населению крепостей и городов дунайского пограничья Римской империи *Almus*, *Brigetio*, *Burgenae*, *Singidunum*, *Viminacium* (Anke 1998: 81, 95, 131; Ivanišević, Kazanski 2002: pl. VII: 1; Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006: fig. 42: 4—6)[18]. К степным кочевникам такие зеркала, как правило, не попадали.

Интересующие нас зеркала бытовали как в гуннскую эпоху, в 1-й половине и середине V в., так и в начале постгуннского времени, во второй половине V в. (многочисленные примеры хорошо датированных комплексов см.: Anke 1998). Среди поздних следует назвать погребение из Гросс-Харрас (Gross-Harras) в Австрии, которое, по Я. Тейралу, относится к периоду E, т. е. приблизительно к 470/480—510 гг. (Tejral 2005: 124, fig. 5: C.1, 2).

Единичные экземпляры зеркал типа Чми — Бригецио, а также их дериваты и гибриды с другими типами встречаются и позднее, но уже как раритеты, например, в виде обломков-амулетов (Anke 1998: 18—23; Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006: 33, 34; Мастыкова 2009: 86, 87). Развитие этого типа в Средневековье прослеживается лишь у алан Северного Кавказа и в зоне их контактов — не западнее Дона. К исключению принадлежит находка в погребении 746 могильника Сексард–Бодьслой (Szekszárd-Bogyszlói) в Среднем Подунавье, относящегося к памятникам Аварского каганата (Rosner 1999: Pl. 49: 746.5). Однако могил этого круга ныне известны десятки тысяч, и можно утверждать, что в погребальные уборы населения Каганата, несмотря на его полиэтничность (включая и выходцев из Восточной Европы), зеркала не входили. Зато в этих могилах нередки «антики» — в основном металлические предметы римского времени, но встречаются вещи и других эпох. К таковым следует отнести и сексардское зеркало.

Итак, судя по всему, в Ханска зеркало связано с населением V в. Никаких индикаторов черняховской культуры гуннского времени здесь неизвестно. Скорее всего, эту находку следует соотносить с постчерняховским (раннеславянским) горизонтом, одним из наиболее хорошо представленных на памятнике.

Заключение

Как было неоднократно отмечено выше, для четких суждений о памятниках V—VII вв. на территории Молдовы материала немного. Это связано с неполнотой старых публикаций (что обычно для того времени), которую зачастую трудно компенсировать из-за гибели существенной части коллекций из раскопок ряда опорных памятников. Остается пожелать коллегам из Республики Молдова получить возможность для новых раскопок памятников интересующего нас времени и публикации того, что возможно.

Опубликованные материалы и коллекции, с которыми нам удалось поработать (включая некоторые из Селиште и Ханска), дают основания для того, чтобы рассматривать памятники 3-й четверти I тыс. на террито-

[17] Современные исследователи рассматривают его в контексте формирования и ранних памятников черняховской культуры, т. е. по времени близкому Градешке, но иного культурного круга.

[18] В некоторых случаях (покупки, находки вне контекста) связь этих вещей с позднеримским населением предположительна.

рии Молдовы в контексте раннеславянских культур Восточной Европы, хотя вопросы об атрибуции ряда конкретных комплексов с точки зрения соотношения традиций пражской и пеньковской культур мы оставляем пока открытыми. Индикаторов для детальной хронологии пражской (см. Гавритухин 2005а) и пеньковской (см. Приходнюк 1998) культур немного, особенно для их ранних фаз. Это, с учетом сказанного про информацию о памятниках Молдовы, придает рассмотренным находкам, датированным V в., особое значение.

В Восточном Прикарпатье в постчерняховское время известны и явно неславянские памятники, соотносимые, прежде всего, с восточногерманскими традициями. Это единичные погребения и небольшие могильники круга Ботошань–Дялул-Кэрэмидэрией, с которыми, судя по всему, связан и ряд комплексов на поселениях круга Костиша — Мэноя (Costişa-Mănoaia). Кроме одиночной могилы (см. ниже), все они находятся к западу от Прута (Kazanski 1992: 202, 203; Гавритухин 2000: 302—303: значки 3—5; 309: каталог; Kazanski 2009: 146, 147). Находки отдельных вещей (в данном случае — фибул), имеющие аналогии на этих памятниках, но связанные с иной культурной средой, как бы окаймляют указанную зону (Гавритухин 2000: 302—303: №33, 35, 36). Все они (включая Селиште) связаны с контекстом раннеславянских памятников. Этому не противоречит одиночная могила в Глинжень (Glinjeni) (Гавритухин 2000: 302—303: №10; 309), ведь отдельные погребения по обряду ингумации вполне вписываются в контекст, например, пеньковской культуры, отражая ее субстрат (Гавритухин 2004; Мастыкова 2008: 373). Как и упомянутые фибулы, зеркало из Ханска имеет аналог на могильнике круга Ботошань–Дялул-Кэрэмидэрией — в погребении №8 эпонимного памятника (рис. 9: 22; Harhoiu 1998: Taf. LXXV: 8.c; Гавритухин 2000: рис. 5: 12).

Конечно, нельзя исключить, что и ножка фибулы из Селиште, и зеркало из Ханска использовались вторично. Однако и в этом случае считать, что они были принесены издалека, станет явной натяжкой. Сумма фактов свидетельствует, что эти вещи вполне могут рассматриваться как индикаторы присутствия в интересующем нас регионе славян, по крайней мере, с середины V в., а также их контактов, в т.ч. с носителями восточногерманских традиций, особенно с соседями, жившими между Карпатами и Прутом.

Приложение. Список находок фибул типа Братей — Бригецио [19]

Подтип I

I.1. Среднедунайская серия

1. Бечей–Ботра (Bečej-Botra), постройка 3/4 (рис. 3: 7). Лит.: Станојев 1996: 26.

2. Велемсентвид (Velemszentvid), вне контекста (рис. 3: 2). Новый рис. И.О. Гавритухина с оригинала: Венгерский Национальный музей (Будапешт)[20]: 19/1952.1. Лит.: Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 3, Abb. 1: 3; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 48; Tejral 2015: Karte 2: 17, Abb. 5: 3.

3. Карнунтум (*Carnuntum*; совр. Deutsch-Altenburg), вне контекста (рис. 3: 1). Лит.: Kühn 1974: Taf. 228: 51.157; Germanen... 1987: 330, VII.1, e; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 11, Abb. 1: 4; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 49; Tejral 2015: Karte 2: 4, Abb. 5: 2.

4. Мартей (Mártély), вне контекста (рис. 3: 6). Новый рис. И.О. Гавритухина с оригинала: Венгерский Национальный музей (Будапешт): 119/1961.1. Лит.: Csálany 1961: Taf. 218: 11; Kühn 1974: Taf. 227: 51.141; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 8; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 60; Tejral 2015: Karte 2: 8, Abb. 5: 4.

5. Смолин (Smolin), разрушенное погребение (рис. 3: 5). Лит.: Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 10, Abb. 1: 5; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 38; Tejral 2015: Karte 1: 11, Abb. 5: 1.

6. Тольна (Tolna), на территории этой области/комитата (рис. 3: 3). Лит.: Kühn 1974: 51, 147, Taf. 228: 51.147; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 7, Abb. 1: 7; Гавритухин 2000: 310; Tejral 2015: Karte 1: 6, Abb. 6: 1.

7. Тоновцов-град (Tonovcov grad), постройка 1 (рис. 3: 4). Лит.: Modrijan, Milavec 2011: 29, 408, t. 3: 16; Tejral 2015: Karte 2: 15, Abb. 6: 2.

I.2. Серия Бригецио

8. Бригецио (*Brigetio*; совр. Szőny), вне контекста (рис. 3: 10). Новый рис. И.О. Гавритухина с оригинала: Венгерский Национальный музей (Будапешт): 63.7.3c. Лит.: Kiss 1981, 194, Abb. 1.6; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 5; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 47; Tejral 2015: Karte 2: 3, Abb. 4: 5.

9. Ксизово-19, в зоне разрушенных погребений (рис. 3: 11). Рис. И.О. Гавритухина с оригинала: при обработке коллекции из раскопок А.М. Обломского в ИА РАН. Лит.: Обломский 2011: рис. 11: 1; Гавритухин 2015: 229, рис. 231: 6.

---

[19] Сквозная нумерация соответствует номерам на карте (рис. 2).

[20] Говоря о работе с находками, хранящимися в этом музее, с благодарностью вспоминаем Аттилу Киша (1939—1999), тогда — хранителя коллекций с интересующими нас фибулами.

I.3. Вариации, вероятно связанные с этими сериями

10. Григоровка, вне контекста (рис. 3: 8). Рис. И. О. Гавритухина с оригинала. Лит.: Bierbrauer 2008: 374, No 15; Kazanski 1996: fig. 2: 16; Гавритухин 2000: 310, рис. 5: 7; 6: 36; Казанский 2011: рис. 2:8.

11. Нови-Бановци (*Burgenae*; совр. Novi Banovci), вне контекста (рис. 3: 9). Лит.: Vinski 1957: tabl. 16: 41; Mrkobrad 1980: pl. 35: 3; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 18; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 37; Tejral 2015: Karte 2: 9, Abb. 5: 6.

I.4. Серия Вранья

12. Вранья (Врањ), погребение 1 (рис. 4: 3, 4). Лит.: Dautova-Ruševljan 1981: 147, Abb. 3; Tejral 2015: Abb. 8: 1, 2.

13. Хан-Крум, погребение 3 (рис. 4: 1, 2). Лит.: Станев 2012: обр. 7: 1—2; Чакъров 2014: обр. 2: 4.

I.5. Другие серии или гибридные формы

14. Рогачево, вне контекста (рис. 4: 5). Лит.: Haralambieva 1991: obr. 6; Гавритухин 2000: 311, рис. 6: 52.

Подтип II

II.1. Серия Штайнмандль — Ботево

15. Ботево, вне контекста (рис. 5: 4). Лит.: Haralambieva 1990: Abb. 2:3; Хараламбиева 1991: обр. 4; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 51; Bierbrauer 2008: Anm. 374, No 19; Tejral 2015: Abb. 4: 6.

16. Бригецио (*Brigetio*; совр. Szőny), вне контекста (рис. 5: 1). Новый рис. И. О. Гавритухина с оригинала: Венгерский Национальный музей (Будапешт): 63.7.3b. Лит.: Kiss 1981: 191, Abb. 1: 5; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 4, Abb. 1: 6 (в каталоге опечатка — «2: 6»); Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 50; Tejral 2015: Karte 2: 3, Abb. 4: 4.

17. Лион (Lyon), в пределах региона. Коллекция Галло-римского музея в Лионе (рис. 5: 7). Лит.: Kazanski 1997: 293, 294, fig. 1:5.

18. Северо-Восточная Болгария, точнее неизвестно (рис. 5: 8). Рис. И. О. Гавритухина с оригинала: Археологический музей (Варна): поступление августа 2000 г. Публикуется впервые[21].

19. Штайнмандль–Бушберг (Steinmandl-Buschberg), клад ювелира (рис. 5: 2, 3). Лит.: Szameit 1997: 236, No 6, 7, Taf. 5: 2, 3; Bierbrauer 2008: Anm. 374, No 20; Tejral 2015: Karte 2: 13, Abb. 4: 2, 3.

Вероятнее всего, к этой серии относятся:

20. Дрёзинг (Drösing), вне контекста (рис. 5: 9). Музей ранней истории земель Нижней Австрии (Трайсмауэр, Замок), фото М. М. Казанского[22].

21. Рингельсдорф (Ringelsdorf), две находки вне контекста (рис. 5: 5, 6). Лит.: Stuppner 1984: 318, Abb. 902; Stuppner 1988: 333, Abb. 997; Tejral 2015: Karte 2: 10.

II.2. Серия Лалич — Бригецио

22. Бригецио (*Brigetio*; совр. Szőny), вне контекста (рис. 6: 2). Новый рис. И. О. Гавритухина с оригинала: Венгерский Национальный музей (Будапешт): 63.7.3a. Лит.: Kiss 1981, 194, Abb. 1: 4; Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 6; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 46 (в каталоге опечатка — «6: 48»); Tejral 2015: Karte 2: 3, Abb. 4: 7.

23. Лалич (Лалић), вне контекста (рис. 6: 1). Лит.: Трбуховић 1992; Tejral 2015: Karte 2: 7, Abb. 5: 7.

24. Пожаревац, окрестности города (рис. 6: 5). Коллекция Дмитриевича, планировавшаяся к передаче в Народный музей г. Пожаревац. Информация Драгана Яцановича[23].

25. Роман (Roman; старое назв. Кароль I (Carol I)), погребение (рис. 6: 3). Лит.: Kühn 1974: Taf. 224: 51.109; Harhoiu 1998: 186, Taf. LXXVI: A.6; Гавритухин 2000: 309, рис. 5: 22; 6: 61.

Вероятнее всего, к этой серии относятся:

26. Братислава–Девинска-Нова-Весь (Bratislava–Devínska Nová Ves), вне контекста (рис. 6: 4). Лит.: Tejral 2015: Karte 2: 2, Abb. 5: 5.

27. Никитень (Nichiteni), погребение 8 (?) (рис. 6: 6). Лит.: Harhoiu 1998: 180, 181, Taf. LXXVI: B.2; Гавритухин 2000: 309, рис. 5: 23; 6: 53.

II.3. Другие серии

28. Ароктё (Aroktő), погребение 162 (рис. 7: 4). Раскопки Эмеше Ловас, которой мы благодарны за возможность опубликовать эту находку. Рис. И. О. Гавритухина с оригинала.

29. Братей (Bratei), погребение 3/1968 (рис. 7: 1, 2). Лит.: Bierbrauer 1989: Fundliste 1: 1—2, Abb. 1: 1, 2; Harhoiu 1998: 167, Taf. LXXXIX: A.16, 17; Гавритухин 2000: 310, рис. 6: 62, 63; Tejral 2015: Karte 2: 1, Abb. 6: 3, 4.

30. Братей (Bratei), поселение 1, слой (рис. 7: 9). Лит.: Bârzu 1995: fig. 16: 14.

31. Киевская губерния, Черкасский или Чигиринский уезд (рис. 7: 6). Лит.: Kazanski 1996: fig. 2: 15; Гавритухин 2000: 309, рис. 6: 41; Казанский 2011: рис. 2: 6.

32. «Южная Россия», коллекция И. Диргардта (рис. 7: 7, 8). Лит.: Werner 1961, Taf. 22: 97; Гавритухин 2000: 309, рис. 6: 39.

33. Сингидунум (*Singidunum*; совр. Белград (Београд)), каструм (рис. 7: 5). Рис. И. О. Гавритухина с оригинала: Музей града Белграда: AS-I/135. Благодарим за помощь в работе Милицу Янкович. Лит.: Bijelajac, Ivanišević 1993: fig. 2: 11; Tejral 2015: Karte 2: 5, Abb. 5: 8.

34. Штайнмандль–Бушберг (Steinmandl–Buschberg), клад ювелира (рис. 7: 10). Лит.: Szameit 1997: 236, No 5, Taf. 5: 1; Tejral 2015: Karte 2: 13, Abb. 4: 1.

Вероятнее всего, к ним относится:

35. Селиште (Selişte), полуземлянка 5 (рис. 1: 2; 7: 3). Лит.: Рафалович 1972b: 135, 137, рис. 10: 14; Рафалович 1972a: 200, рис. 3: 9, 33: 14; Гавритухин 2000: 310, рис. 5: 20.

---

[21] Мы благодарны сотрудникам Музея за возможность публикации находки и помощь в работе.

[22] Пользуемся случаем поблагодарить Фалько Дайма, Хельмута Виндла и Ярослава Тейрала, познакомивших нас с этой коллекцией.

[23] Мы приносим благодарность Драгану Яцановичу за информацию и возможность опубликовать рисунок из предварительной описи.

Литература

Амброз А.К. 1966 *Фибулы юга европейской части СССР.* САИ Д1—30. Москва: Наука.

Гавритухин И.О. 2000. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье. В: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 261—324.

Гавритухин И.О. 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V — VI вв. В: Горюнова В.М., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 208—220.

Гавритухин И.О. 2005a. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами. В: Kaczanowski P., Parczewski M. (red.). *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagellońskiego, 403—461.

Гавритухин И.О. 2005b. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры. В: Белоцерковская И.В. (ред.). *II Городцовские чтения.* Труды ГИМ 145. Москва: ГИМ, 231—240.

Гавритухин И.О. 2009. Понятие пражской культуры. В: Короткевич Б.С., Мачинский Д.А., Сениченкова Т.Б. (ред.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света.* Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 7—25.

Гавритухин И.О. 2015. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово. В: Обломский А.М. (сост.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.).* РСМ 16. Москва: ИА РАН, 212—240.

Гавритухин И.О. 2017. К атрибуции славянских памятников V—VII веков на Южном Буге. В: Родинкова В.Е., Румянцева О.С. (отв. ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур.* РСМ 19. Москва: ИА РАН, 51—62.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 2018. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Брянский клад с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в.н.э.).* РСМ 18. Москва: ИА РАН, 100—109, рис. 87—90.

Гудкова А.В., Редина Е.Ф. 1999. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. *СПП*i*К* VII, 177—193.

Дзиговский А.Н. 2003. *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*. Одесса: Гермес.

Казанский М.М. 2011. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры. *Scripta Antiqua* 1, 27—49.

Марченко И.Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Фанагория*. МИА 57. Москва: АН СССР, 102—127.

Мастыкова А.В. 2008. О костюме с пальчатыми фибулами в Восточной Европе. В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов.* Тула: Музей-заповедник «Куликово поле», 367—382.

Мастыкова А.В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI вв*. Москва: ИА РАН.

Обломский А.М. (сост.). 2004. *Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени*. РСМ 6. Москва: ИА РАН.

Обломский А.М. 2011. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тысячелетия н.э. В: Шаров О.В. (отв. ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Санкт-Петербург; Кишинев: Stratum plus, 443—462.

Обломский А.М. (отв. ред.). 2015. *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.).* РСМ 16. Москва: ИА РАН.

Постикэ Г.И. 2017. Ханска. В: *Большая Российская энциклопедия* 33. Москва: БРЭ, 747.

Приходнюк О.М. 1998. *Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования*. Воронеж: ВГУ.

Рафалович И.А. 1972a. *Славяне VI—IX веков в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Рафалович 1972b. Раскопки раннеславянского поселения VI—VII вв.н.э. у села Селиште. В: Рафалович И.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг.* Кишинев: Штиинца, 122—143.

Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. 1974. Работы Реутской археологической экспедиции. В: Лапушнян В.Л. (отв. ред.). *Археологические исследования в Молдавии в 1972 г.* Кишинев: Штиинца, 127—142.

Рикман Э.А. 1975. *Памятники сарматов и племен черняховской культуры.* Археологическая карта Молдавской ССР 5. Кишинев: Штиинца.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1984. *Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут.* Москва: Наука.

Тельнов Н.П. 2001—2002. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв. *Stratum plus* (5), 142—263.

Тимощук Б.О. 1976. *Слов'яни Північної Буковини V—IX ст*. Київ: Наукова думка.

Хараламбиева А. 1991. Фибули от V в. от Североизточна България. *Археология* (1), 33—38.

Чакъров К. 2014. Германски фибули от некрополите на късноантичните провинции крайбрежна Дакия и Втора Мезия. *Известия на Регионален исторически музей — Велико Търново* XXVIII—XXIX, 123—143.

Anke B. 1998. *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts*. Wessbach: Beier & Beran.

Bârzu L. 1986. Monumente germanica descoperite la Bratei, jud. Sibiu. *SCIVA* 37 (1), 89—104.

Bârzu L. 1995. La station n°1 de Bratei, dép. de Sibiu (IVe—VIIe siècles). *Dacia N.S.* XXXVIII—XXXIX, 239—295.

Bemmann J. 2008. Anmerkungen zu einigen Kleinfunden der jüngeren Kiaserzeit und Völkerwanderungszeit aus Mitterldeutschland. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Łuckiewicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period* II. Lublin: Instytut Archeologii, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 21—38.

Bierbrauer V. 1989a. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters. In: Kmieciński J. (red.). *Peregrinaio Gothica*. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 39—106.

Bierbrauer V. 1989b. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa. *Jahrsschrift für Mitteldeutche Vorgeschichte* 72, 141—160.

Bierbrauer V. 2008. *Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäoloigscher Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich*. München: Bayerische Akademie der Wisseschaften.

Bijelajac L., Ivanišević V. 1993. Les témoignages archéologiques des Grandes Invasions à Singidunum. *Старинар* 42, 123—139.

Corman I. 1998. *Contribuţii la istoria spaţiului pruto-nistrian in epoca Evului Mediu timpuriu (sec. V—VII d. Chr.)*. Chişinău: Cartdidact.

Dautova-Ruševljan V. 1981. Ein germanische Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrmien. *Archaeologia Iugoslavica* 20—21, 146—153.

Germanen... 1987: Menghin W. (Hrsg.). 1987. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwaznderungszeit*. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums.

Dobos V., Lăzărescu V. 2009. An unpublished fibula in the area of Sic, County Cluj. *Marmatia* 9 (1), 171—182.

Gavritukhin I. 2013. Brooches of the Levice-Tokari Subgroup. In: Khrapunov I., Stylegar F.A. (eds.). *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Bleak Sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 107—127.

Haralambieva A. 1990. Archäologische Spuren der Goten südlich derunteren Donau aus dem 5. Jh. n. Chr. *Archaeologia Austriaca* 74, 79—84.

Harhoiu R. 1998. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest: Editura Enciclopedică.

Istvanovits E., Kulcsar V. 1993. Türkrök a csaszarkori és a kora népvandorlaskori barbar népeknél à karpat-medencében. *A Herman Otto Museum Evkonyve* 30—31 (2), 9—58.

Ivanišević V., Kazanski M. 2002. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum. *Singidunum* 3, 101—157.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations*. Paris: ACHCByz.

Kazanski M. 1996. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. *МАИЭТ* V, 324—337, 567—581.

Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades. *Archéologie Médiévale* XXII, 191—229.

Kazanski M., 1997. La Gaule et le Danube à l'époque des Grandes Migrations. *In*: Tejral J., Friesnger H., Kazanski M. (Hrsg.). *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 285—320.

Kazanski M. 2009. L'époque hunnique au Nord de la mer Noire. *In*: Kazanski M., *Archéologie des peuples barbares*. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros, 65—404.

Kiss A. 1980. Germanische Funde von Szabadbattyán aus dem 5. Jahrhundert. *Alba Regia* 18, 105—132.

Kiss A. 1981. Funde aus dem 5.—6. Jh. im Gebiet von Brigetio. *Folia Archaeologica* 32, 191—210.

Kokowski A. 2000. Zu der Fibel aus Teptiuków-Kolonia — die jüngste Besiedlungsstufe in Hrubieszów-Becken in der Völkerwanderungszeit. In: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 334—344.

Kühn H. 1974. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt.

Modrijan Z., Milavec T. 2011. *Poznoantična utrjena Tonovcov grad pri Kobaridu. Najdbe*. Ljubljana: Inštitut za arheologijo ZRC SAZU.

Mrkobrad D. 1980. *Arheološki nalazi seobe naroda u Jugoslaviji*. Beograd: Savez areholoških društava Jugoslavije; Muzej grada Beograda.

Postică Gh. 1994. *Românii din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii de la Hansca)*. Chişinău: Universitas.

Postică Gh. 2007. Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V—XIII). Bucureşti: Editura Academiei Române.

Rosner G. 1999. *Das awarenzeitliche Gräberfeld in Szekszárd-Bogyiszlói Strasse*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Szameit E. 1997. Ein völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorbericht. In: Tejral J., Friesnger H., Kazanski M. (Hrsg.). *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 233—258.

Tejral J. 2005. Zur Unterschicherung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. In: Pohl W., Erhart P. (Hrsg). *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschanften, 103—200.

Tejral J. 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes" im mitteldonauraum aus der sicht der Archâologie. In: Tejral J. (Hrsg.). *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 55—120.

Tejral J. 2011. *Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebien zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno.

Tejral J. 2015. Zum Problem der Feinschmiederprodukton im Mitteldonauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. *Památky archeologické* CVI, 291—362.

Vinski Z. 1957. Arheološki spomenici Velike seobe naroda u Srijemu. *Situla* 2, 23—77.

Werner J. 1956. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München: Bayerische Akademie der Wisseschaften.

Werner J. 1961. *Die Fibeln der Sammlung Diergardt*. Berlin: Verlag Gebr. Mann.

Referenses

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2000. In Mączyńska, M., Grabarczyk, T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 261—324 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2004. In Goriunova, V.M., Shcheglova, O.A. (eds.). *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Era and in the Early Middle Age)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 208—220 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2005. In Kaczanowski, P., Parczewski, M. (red.).

Archeologia o początkach Slowian. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagellońskiego, 403—461 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2005. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia (2nd Gorodtsov's Readings).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 145. Moscow: State Historical Museum, 231—240 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2009. In Korotkevich, B.S., Machinskii, D.A., Senichenkova, T.B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World).* Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 7—25 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2015. In Oblomskii, A.M. (comp.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 212—240 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 51—62 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Malashev, V. Yu. 2017. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Brianskii klad s vyemchatoi emal'iu vostochnoevropeiskogo stilia (III v.n. e.) (Bryansk Hoard with Sinuate Enamels of the East European Style of the 3rd Century AD).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 18. Vols. 1, 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 100—109, fig. 87—90 (in Russian).

Gudkova, A.V., Redina, E.F. 1999. In *Starozhytnosti Pivnichnoho Prychernomoriya i Krymu (Antiquities of the Northern Pontic and Crimea)* VII, 177—193 (in Russian).

Dzigovsky, A.N. 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel' (Essays on the History of Sarmatian Tribes in the Carpathian-Dniester Region).* Odessa: "Germes" Publ. (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2011. In *Scripta Antiqua* 1, 27—49 (in Russian).

Marchenko, I.D. 1956. In Smirnov, A.P. (ed.). *Fanagoriia (Phanagoria).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 57. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 102—127 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2008. In Naumov, A.N. (ed.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Time of Roman Influences and Great Migration).* Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 367—382 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV — seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th — Middle 6th Century AD).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Oblomskii, A.M. (comp.). 2004. *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Zamyatino Archaeological Complex of the Hun Period).* Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Oblomskii, A.M. 2011. In Sharov, O.V. (ed.). *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark).* Saint Petersburg; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 443—462 (in Russian).

Oblomskii, A.M. (ed.). 2015. *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Postică, G.I. 2017. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 33. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 747 (in Russian).

Prikhodniuk, O.M. 1998. *Pen'kovskaia kul'tura. Kul'turno-khronologicheskii aspekt issledovaniia (Penkovka Culture. Cultural and Chronological Aspect of Research).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Rafalovich, I.A. 1972. *Slaviane VI—IX vekov v Moldavii (The Slavs in 6th—9th Centuries in Moldavia).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Rafalovich 1972. In Rafalovich, I.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1968—1969 gg. (Archaeological Investigations in Moldova in 1968—1969).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 122—143 (in Russian).

Rafalovich, I.A., Lapushnian, V.L. 1974. In Lapushnian, V.L. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1972 g. (Archaeological Investigations in Moldova in 1972).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 127—142 (in Russian).

Rikman, E.A. 1975. *Pamiatniki sarmatov i plemen cherniakhovskoi kul'tury (Sites of Sarmatians and of Chernyakhov Tribes).* Series: Archaeological Map of the Moldavian SSR 5. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 1984. *Kodyn — slavianskie poseleniia V—VIII vv. na r. Prut (Kodyn, Slavic Settlements of the 5th — 8th Centuries on the Prut River).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Telnov, N.P. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 142—263 (in Russian).

Timoshchuk, B.O. 1976. *Slov'yany Pivnichnoï Bukovyny V—IX st. (Slavs of Northern Bukovina in 5th—9th Centuries).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Kharalambieva, A. 1991. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 33—38 (in Bulgarian).

Chakărov, K. 2014. In *Izvestiya na Regionalen istoricheski muzej — Veliko Tărnovo (Bulletin of the Regional Historical Museum in Veliko Tarnovo)* XXVIII—XXIX, 123—143 (in Bulgarian).

Anke, B. 1998. *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts*. Wessbach: Beier & Beran.

Bârzu, L. 1986. Monumente germanica descoperite la Bratei, jud. Sibiu. *SCIVA* 37 (1), 89—104.

Bârzu, L. 1995. La station n°1 de *Bratei*, dép. de Sibiu (IVe — VIIe siècles). *Dacia, N.S.* XXXVIII—XXXIX, 239—295.

Bemmann, J. 2008. Anmerkungen zu einigen Kleinfunden der jüngeren Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Mitteldeutschland. In Niezabitowska-Wiśniewska, B., Juściński, M., Łuckiewicz, P., Sadowski, S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period* II. Lublin: Instytut Archeologii; Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 21—38.

Bierbrauer, V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters. In Kmieciński, J. (red.). *Peregrinaio Gothica*. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 39—106.

Bierbrauer, V. 1989. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte* 72, 141—160.

Bierbrauer, V. 2008. *Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäoloigscher Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wisseschaften.

Bijelajac, L., Ivaniљević, V. 1993. Les témoignages archéologiques des Grandes Invasions à Singidunum. *Starinar* 42, 123—139.

Corman, I. 1998. *Contribuţii la istoria spaţiului pruto-nistrian in epoca Evului Mediu timpuriu (sec. V—VII d. Chr.)*. Chişinău: Cartdidact.

Dautova-Ruševljan, V. 1981. Ein germanische Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrmien. *Archaeologia Iugoslavica* 20—21, 146—153.

Menghin, W. (Hrsg.). 1987. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwaznderungszeit*. Nürnberg: Germanische Nationalmuseums.

Dobos, V., Lăzărescu, V. 2009. An unpublished fibula in the area of Sic, County Cluj. *Marmatia* 9 (1), 171—182.

Gavritukhin, I. 2013. Brooches of the Levice-Tokari Sub-group. In Khrapunov, I., Stylegar, F.A. (eds.). *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Bleak Sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 107—127.

Haralambieva, A. 1990. Archäologische Spuren der Goten südlich derunteren Donau aus dem 5. Jh. n. Chr. *Archaeologia Austriaca* 74, 79—84.

Harhoiu, R. 1998. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest: Editura Enciclopedică.

Istvanovits, E., Kulcsar, V. 1993. Türkrök a csaszarkori és a kora népvandorlaskori barbar népeknél à karpat-medencében. *A Herman Otto Museum Evkonyve* 30—31 (2), 9—58.

Ivanišević, V., Kazanski, M. 2002. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum. *Singidunum* 3, 101—157.

Ivanišević, V., Kazanski, M., Mastykova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations.* Paris: ACHCByz.

Kazanski, M. 1996. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* V, 324—337, 567—581.

Kazanski, M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades. *Archéologie Médiévale* XXII, 191—229.

Kazanski, M., 1997. La Gaule et le Danube à l'époque des Grandes Migrations. In Tejral, J., Friesnger, H., Kazanski, M. (Hrsg.). *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 285—320.

Kazanski, M. 2009. L'époque hunnique au Nord de la mer Noire. In Kazanski M., *Archéologie des peuples barbares*. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros, 65—404.

Kiss, A. 1980. Germanische Funde von Szabadbattyán aus dem 5. Jahrhundert. *Alba Regia* 18, 105—132.

Kiss, A. 1981. Funde aus dem 5.—6. Jh. im Gebiet von Brigetio. *Folia Archaeologica* 32, 191—210.

Kokowski, A. 2000. Zu der Fibel aus Teptiuków-Kolonia — die jüngste Besiedlungsstufe in Hrubieszów-Becken in der Völkerwanderungszeit. In Mączyńska, M., Grabarczyk, T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 334—344.

Kühn, H. 1974. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: *Akademische Druck- und Verlagsanstalt*.

Modrijan, Z., Milavec, T. 2011. *Poznoantična utrjena Tonovcov grad pri Kobaridu. Najdbe*. Ljubljana: Inštitut za arheologijo ZRC SAZU.

Mrkobrad, D. 1980. *Arheološki nalazi seobe naroda u Jugoslaviji*. Beograd: Savez arheoloških društava Jugoslavije; Muzej grada Beograda.

Postică, Gh. 1994. *Românii din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii de la Hansca).* Chişinău: Universitas.

Postică, Gh. 2007. Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V—XIII). Bucureşti: Editura Academiei Române.

Rosner, G. 1999. *Das awarenzeitliche Gräberfeld in Szekszárd-Bogyiszlói Strasse*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Szameit, E. 1997. Ein völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorbericht. In Tejral, J., Friesnger, H., Kazanski, M. (Hrsg.). *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 233—258.

Tejral, J. 2005. Zur Unterschicherung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. In Pohl W., Erhart P. (dir.). *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschanften, 103—200.

Tejral, J. 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes" im mitteldonauraum aus der sicht der Archâologie. In Tejral, J. (Hrsg.). *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 55—120.

Tejral, J. 2011. *Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebien zur Zeit der Völkerwanderung.* Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno.

Tejral, J. 2015. Zum Problem der Feinschmiederprodukton im Mitteldonauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. *Památky archeologické* CVI, 291—362.

Vinski, Z. 1957. Arheoloъki spomenici Velike seobe naroda u Srijemu. *Situla* 2, 23—77.

Werner, J. 1956. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München: Bayerische Akademie der Wisseschaften.

Werner, J. 1961. *Die Fibeln der Sammlung Diergardt*. Berlin: Verlag Gebr. Mann.

Статья поступила в сборник 15 ноября 2017 г.

Igor Gavritukhin (Moscow, Russian Federation). Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Гавритухин Игорь Олегович (Москва, Россия). Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: gavritukhin@gmail.com

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat on Archaeology. National Center for Scientific Research (CNRS)[2].

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат археологии. Национальный центр научных исследований.

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Addresses: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; [2] Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France

А. М. Обломский

Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье

Keywords: The Upper Don region, Early Middle Ages, iron metallurgy, slag, chemical composition

Ключевые слова: Верхнее Подонье, раннее средневековье, черная металлургия, шлак, химический состав

A. M. Oblomskii

Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region

The author publishes the results of studies on Stayevo-4 settlement (Michurinsk district, Tambov region). Ferrous metallurgy and black smithery were main occupations of the local population. The site yielded numerous iron artifacts and blacksmith tools. None of the unearthed structures used to serve as a dwelling. Most likely, the territory used to be metallurgists' and blacksmiths' production area. A series of decorations and elements of belt sets found here date this site by the second half of the 5th—7th centuries. The settlement is the latest of the sites of Chertovitskoe-Zamiatino type in the Upper Don region.

The study revealed differences in chemical composition of slag samples from Istia-2 and Stayevo-4. The findings can be used to infer wether the slags and slag inclusions originated from Istia-2 or Stayevo-4.

А. М. Обломский

Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье

В статье опубликованы результаты исследований поселения Стаево-4 Мичуринского района Тамбовской области. Обитатели поселения занимались получением черного металла и его кузнечной обработкой. На памятнике обнаружены многочисленные бытовые предметы из железа и кузнечные инструменты. Из раскопанных объектов ни один не был жилищем. Территория памятника, скорее всего, представляла собой производственную зону металлургов и кузнецов. По серии украшений и деталей поясных наборов памятник датируется второй половиной V — VII вв. Поселение является самым поздним из памятников типа Чертовицкое-Замятино Верхнего Подонья.

В результате проведённого исследования установлены различия в химическом составе образцов шлаков из Истья-2 и Стаево-4. Полученные данные могут быть использованы для заключения о том, происходили ли проанализированные шлаки или шлаковые включения из поселения Истье-2 или Стаево-4.

В 2011 г. в журнале «Stratum plus» мною была опубликована статья, в которой был поставлен вопрос о выделении в верхнем течении р. Воронеж и на прилегающих территориях особой группы памятников со смешанным в этнокультурном отношении населением. Эту группу было предложено именовать верхневоронежской (Обломский 2011). Ее памятники заполняют лакуну, которая до недавнего времени в Верхнем Подонье охватывала VI—VII вв. После выхода этой статьи работы по изучению раннесредневековых древностей бассейна р. Воронеж продолжались.

В 2011—2013 гг. мною проводились разведки в долине р. Воронеж в пределах Добровского р-на Липецкой обл. и Мичуринского р-на Тамбовской. Раннесредневековые материалы обнаружены на 14 поселениях, составляющих 2 области концентрации. В 2011—2012 г. стационарно исследовалось поселение Кривец-4 Добровского р-на Липецкой обл. Раннесредневековый этап этого поселения датируется VII в. по серии украшений днепровского круга: пальчатым фибулам, накладкам геральдического стиля, обломкам браслетов и височному кольцу, коническому колокольчику, нескольким пряжкам. Керамический комплекс поселения специфичен. Наряду с горшками колочинской культуры обнаружена керамика окского круга (Обломский 2012a; 2012b).

The program of fundamental researches of Presidium of the Russian Academy of Sciences “Historical memory and Russian identity”, project no. 0176-2015-0001 ■ Статья написана в рамках программы фундаментальных исследований Президиума Росийской Академии наук «Историческая память и российская идентичность», проект № 0176-2015-0001.

© А. М. Обломский, 2018.

В 2012 г. были проведены небольшие раскопки поселения Ярок-5, где была исследована яма с лепной керамикой, близкой к пеньковской, комбинированное финно-угорское бронзовое украшение с бутыльчатыми подвесками, обломок зеркала. Поселение датируется V—VI вв. (Обломский 2012b: 197, 198).

В 2013—2014 гг. мною проводились раскопки поселения Ярок-9 Мичуринского р-на Тамбовской обл. К раннему средневековью относятся три слабо углубленных в грунт постройки, серия хозяйственных ям и очагов. В культурном слое встречена груболепная керамика V—VI вв., а также найдены две бронзовые фибулы, бронзовая серьга с полиэдрическим окончанием, железная пряжка, обложенная бронзовым листом, и антропоморфный бронзовый амулет с изображением человеческого лица, близкого к маскам на украшениях мартыновского стиля. Археологический комплекс поселения Ярок-9 резко отличается от представленного на селище Кривец-4 и в целом подобен исследованному на поселении Ярок-5 (Обломский 2016a).

Похожая на материалы поселений у с. Ярок лепная керамика была обнаружена во время раскопок И. Е. Бирюкова на селищах Большая Кузьминка-4А (2013 г.) и Красный Городок-4 (2015 г.) (Бирюков 2013; Бирюков и др. 2016).

Если не считать материалы разведок, которые не всегда однозначны, то с определенностью к раннему средневековью в Верхнем Подонье в настоящее время можно отнести 13 памятников и серию случайных находок (рис. 1).

Поселение Стаево-4, результаты раскопок которого публикуются ниже, на фоне прочих раннесредневековых древностей лесостепного Подонья отличается своеобразием как по характеру памятника, так и по набору находок.

Общее описание памятника

Поселение расположено в 1,2 км к северу от западной окраины с. Новоникольское, в 2,5 км к северо-западу от железнодорожного моста через р. Воронеж, в 0,1 км к северо-западу от поселения Стаево-3, которое занимает часть хутора, расположенного к западу от с. Стаево, в 0,1 км к юго-востоку от селища Стаево-5 (через овраг) (рис. 2). Памятник занимает край правого коренного берега р. Воронеж высотой до 8 м от низкой поймы. Поверхность частично задернована, северо-восточная часть памятника распахана. Граница распашки проходит параллельно линии берега на уровне северного края раскопа 1. По территории поселения проложена магистральная линия электропередач, от которой сделан отвод в сторону хутора. Размеры поселения 220 × 110 м. Край коренного берега сильно изрезан оврагами, протяженность некоторых из них вглубь плато достигала 60 м (рис. 3).

Поселение было открыто С. И. Андреевым в 1999 г. В 2012 г. и 2013 г. оно было осмотрено Раннеславянской экспедицией ИА РАН, проведена шурфовка, уточнены границы памятника, сделан вывод, что на поселении преобладает раннесредневековый материал.

Исследование памятника было начато с металлопоиска. По единой схеме были обследованы задернованные участки поселения к западу от магистральной ЛЭП. Находки обозначены на плане (рис. 3). Все они (и из сборов на поверхности, и из раскопов) имеют единую нумерацию (табл. 1). В этой же таблице даются ссылки на номера рисунков, где приведены находки.

На поселении заложены 5 раскопов общей площадью 644 кв. м и сделаны 4 зачистки краев оврагов. Раскопы ориентированы не по линии север-юг, а параллельно краю коренного берега и границы пашни, т. е. с отклонением на 12° к востоку, для того, чтобы максимально изучить доступное пространство.

Культурный слой представлял собой серую супесь (местами суглинок) толщиной 0,14—0,57 м, в средней части памятника на глубину до 0,3 м нарушенную распашкой. Наблюдения за распределением массового материала показали, что культурный слой сильно перемешан, какой-либо логики в распределении керамики разных эпох по глубинам не прослеживается.

Ниже приводится описание объектов раннего средневековья. Все они имели общую нумерацию.

На раскопе 2 зафиксировано скопление керамики — ***развал 1*** (рис. 6: 3—5). Оно занимало пространство 0,46 × 0,5 м, залегало на глубине 9—18 см от дерна, причем нижняя часть находилась практически на материке. В его состав входили 35 фрагментов лепных сосудов, преимущественно со средним шамотом и органикой в тесте, в т. ч. выразительные фрагменты верхних частей двух горшков и нижняя часть еще одного.

В культурном слое раскопа 1 обнаружено локальное скопление керамики ***развал 2***. Он представлял собой скопление лепных черепков общими размерами 0,4—0,6 × 1,8 м. В его состав входили 35 фрагментов груболепных

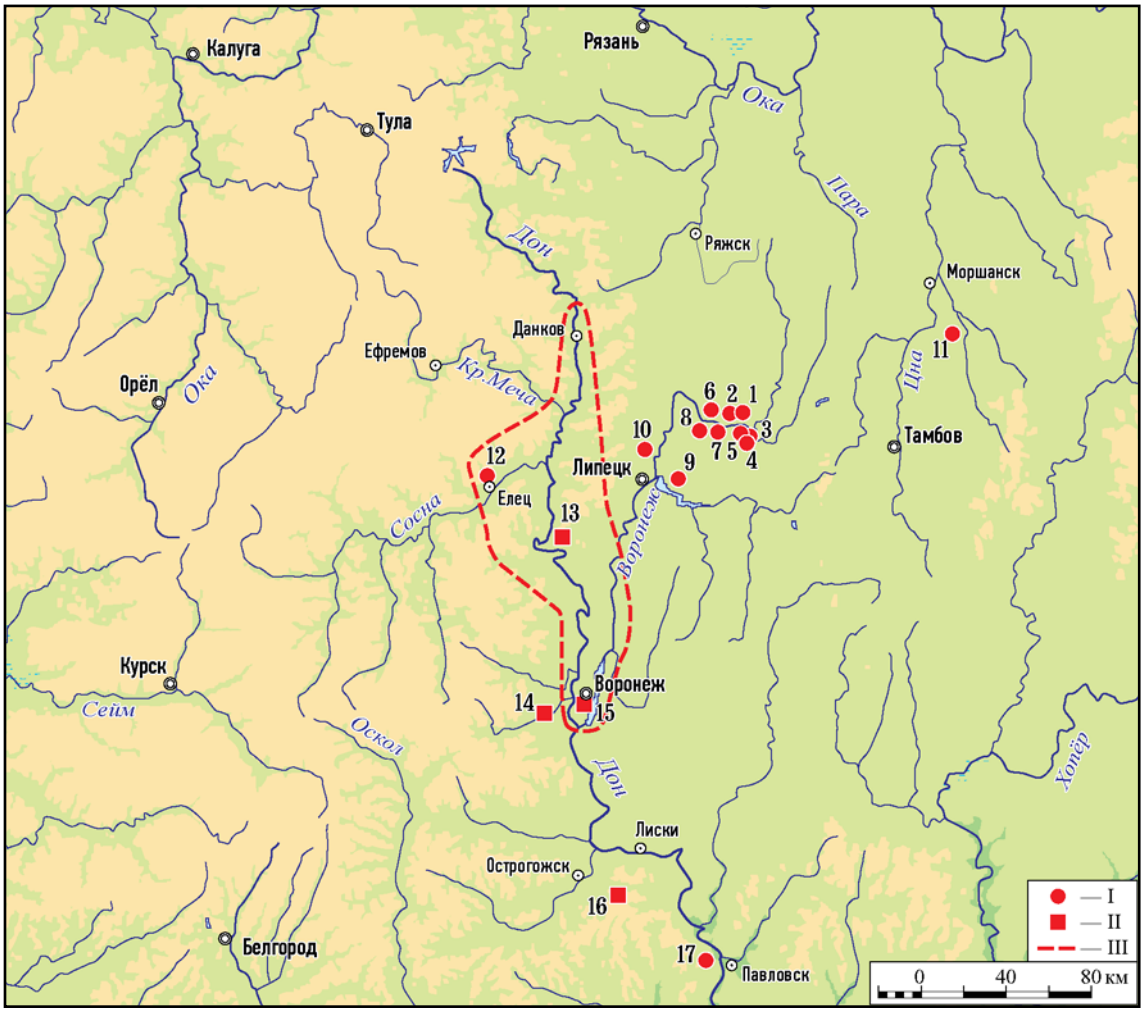

Рис. 1. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. 1 — Стаево-4; 2 — Стаево-5; 3 — Красный Городок-2; 4 — Красный Городок-4; 5 — Новоникольское-8; 6 — Ярок-5; 7 — Ярок-9; 8 — Кривец-4; 9 — Ярлуково; 10 — Большая Кузьминка-4А; 11 — Коровий Брод; 12 — Елец, Лавский комплекс; 13 — устье р. Репец; 14 — р. Ведуга; 15 — г. Воронеж; 16 — Острогожский клад; 17 — Терешковский Вал. Условные обозначения: I — археологические памятники; II — случайные находки; III — ареал верхнедонских памятников типа Чертовицкое-Замятино конца IV — V вв.

Fig. 1. Early medieval archaeological sites in the Upper Don region. 1 — Stayevo-4; 2 — Stayevo-5; 3 — Krasnyj Gorodok-2; 4 — Krasnyj Gorodok-4; 5 — Novonikolskoye-8; 6 — Yarok-5; 7 — Yarok-9; 8 — Krivets-4; 9 — Yarlukovo; 10 — Bolshaja Kuzminka-4A; 11 — Korovij Brod; 12 — Yelets, Lavsky complex; 13 — mouth of the Repets river; 14 — the Veduga river; 15 — Voronezh; 16 — Ostrogozhsk hoard; 17 — Tereshkovsky Val. Legend: I — archaeological site; II — stray finds; III — the area of the Upper Don Chertovitskoye-Zamyatino sites (the end of the 4th — 5th centuries).

сосудов от разных горшков, преимущественно со средним шамотом в тесте (рис. 6: 6—9).

Объект 1, раскоп 1 (рис. 4). Представлял собой овальную в плане яму. Размеры исследованной части по верхнему краю — 0,6×0,7 м, по дну — 0,5×0,44 м. Общая глубина ямы — 0,22—0,24 м.

В верхней части заполнения залегал очень темный гумус с включениями обожженной глиняной обмазки толщиной до 14 см, ниже до дна ямы — серая супесь. В заполнении обнаружены единичные черепки лепных сосудов, в т. ч. фрагмент днища горшка со средним шамотом в тесте.

Объект 3, раскоп 1 (рис. 4). Представлял собой часть овальной в плане ямы. Размеры исследованной части по верхнему краю — 1×1,2 м, по дну — 0,65×1 м. Общая глубина ямы — 0,11—0,13 м.

На уровне верхнего края ямы в западной ее части обнаружено скопление из 5 кусочков обожженной глиняной обмазки, занимавшее пространство 0,2×0,3 м. Ниже заполнение представляло собой однородную серую

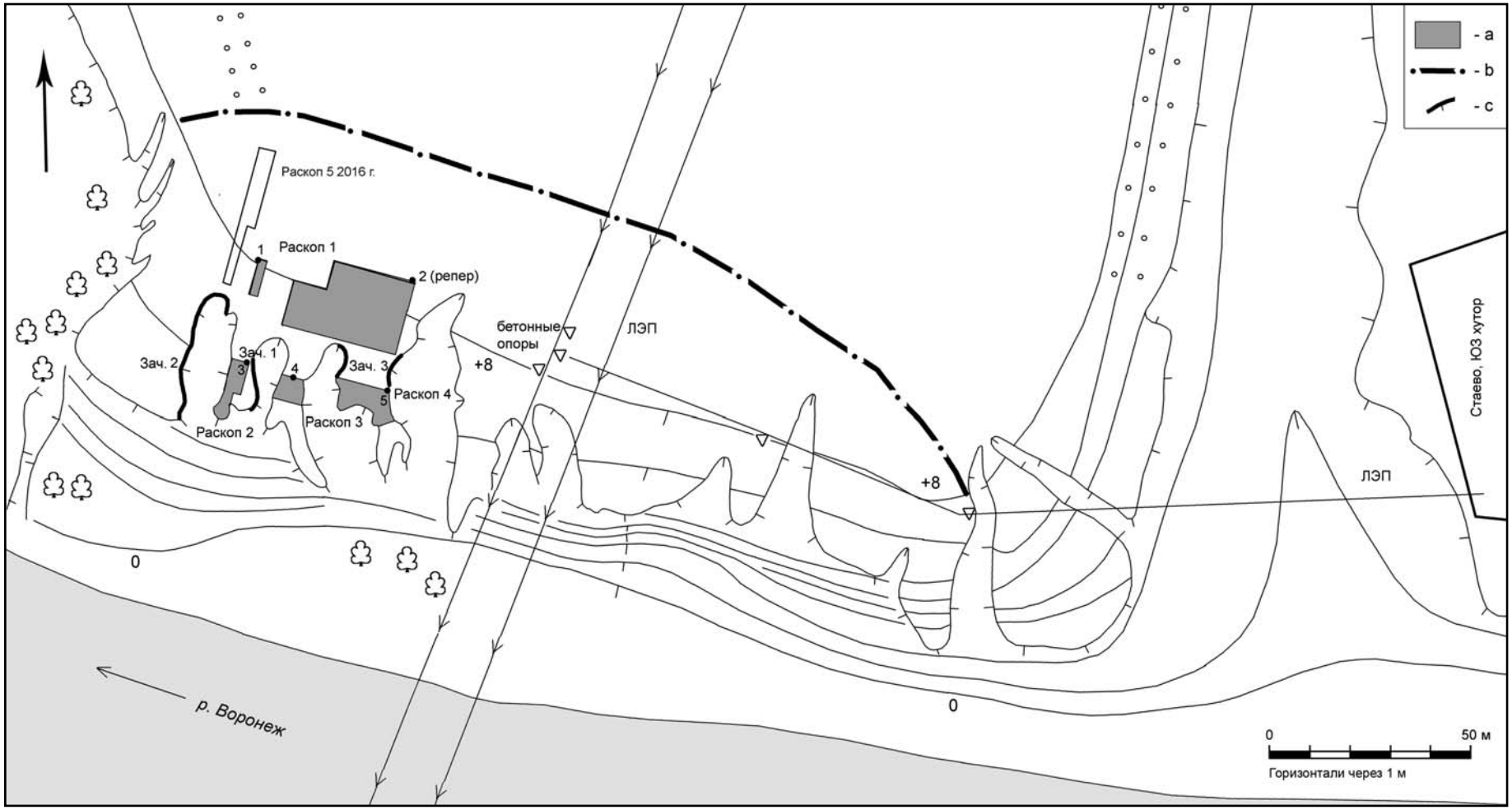

Рис. 2. Стаево-4. План памятника (инструментальная съемка А.М. Обломского, 2015 г.). Условные обозначения: a — раскопы; b — приблизительная граница культурного слоя с напольной стороны; c — зачистки краев оврагов (по Обломский 2016b: рис. 5).

Fig. 2. Stayevo-4. Plan of the archaeological site (instrumental shooting by A.M. Oblomskii, 2015). Legend: a — digs; b — approximate boundary of the cultural layer from the field side; c — clearing of the edges of ravines (after Обломский 2016b: рис. 5).

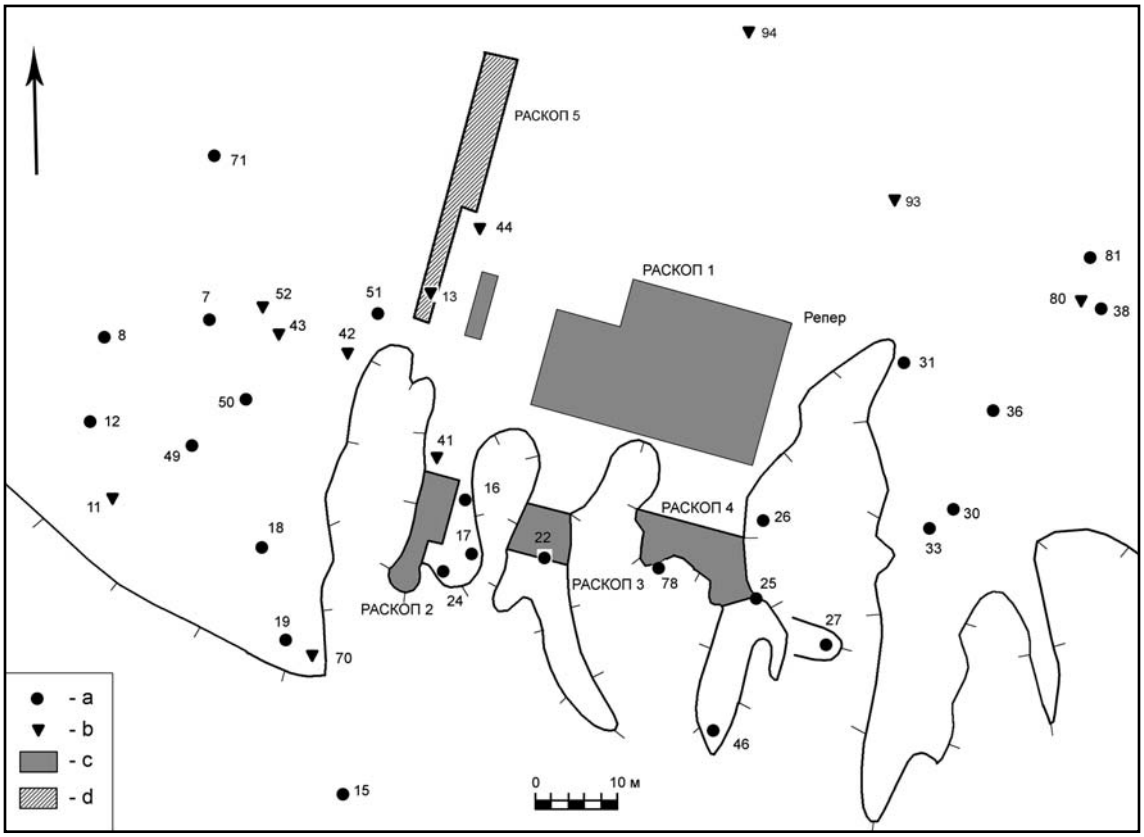

Рис. 3. Стаево-4. Индивидуальные находки из подъемного материала (план). Условные обозначения: a — изделия из железа; b — изделия из цветных металлов; c — раскопы 2015 г.; d — раскоп 2016 г. (по Обломский 2016b: рис. 6).

Fig. 3. Stayevo-4. Individual finds from gathered material (plan). Legend: a — iron artifacts; b — artifacts of non-ferrous metals; c — digs of 2015; d — dig of 2016 (after Обломский 2016b: рис. 6).

супесь. Из него происходит несколько невыразительных груболепных черепков, обломок днища лепного сосуда с примесью крупного шамота в тесте, 2 кусочка обмазки.

Объект 5, раскоп 1 (рис. 4). Представлял собой овальную в плане хозяйственную яму. Контуры прослежены на поверхности материка. Общая глубина ямы — 0,69—0,77 м. Размеры по верхнему краю составляли 1,8×1,55, у дна — 1,1×0,85 м.

В верхней части заполнения залегал слой гумусированного суглинка толщиной до 0,7 м, его подстилала линза гумуса с пятнами материкового суглинка.

Из верхнего слоя заполнения происходила груболепная керамика (2 фрагмента сосудов раннего железного века с дресвой в тесте, остальная керамика — раннесредневековая, преимущественно, со средним шамотом в керамической массе), 5 кусков железного шлака. Выразительны крупный фрагмент верхней части горшка с крупным шамотом (рис. 6: 1), фрагмент днища со средним шамотом и рудой в керамическом тесте.

Объект 6, раскоп 1 (рис. 4). Хозяйственная яма, в пределы раскопа попавшая частично. Размеры сохранившегося участка по верхнему краю — 0,9×1,58 м, в придонной части — 0,84×1,1 м. В дне ямы зафиксировано дополнительное углубление размерами по верхнему краю 1×0,33 м, в нижней части — 0,2×0,44 м. Контуры сооружения прослежены на поверхности материка, максимальная глубина ямы — 0,42 м.

Заполнение представляло собой однородный темно-коричневый гумусированный суглинок. Из него происходит лепная керамика (два фрагмента стенок раннего железного века или первых веков нашей эры с мелким шамотом и дресвой; 13 черепков со средним шамотом и рудой; 2 с рудой в тесте), 5 кусков железного шлака и 1 — руды.

Объект 7, раскоп 1 (рис. 6: I). Верхняя часть заполнения была прослежена в предматериковом слое в виде линзы материковой глины, перемешанной с гумусом, размерами 1,9×2,7 м. На поверхности материка объект представлял собой небольшую подпрямо-

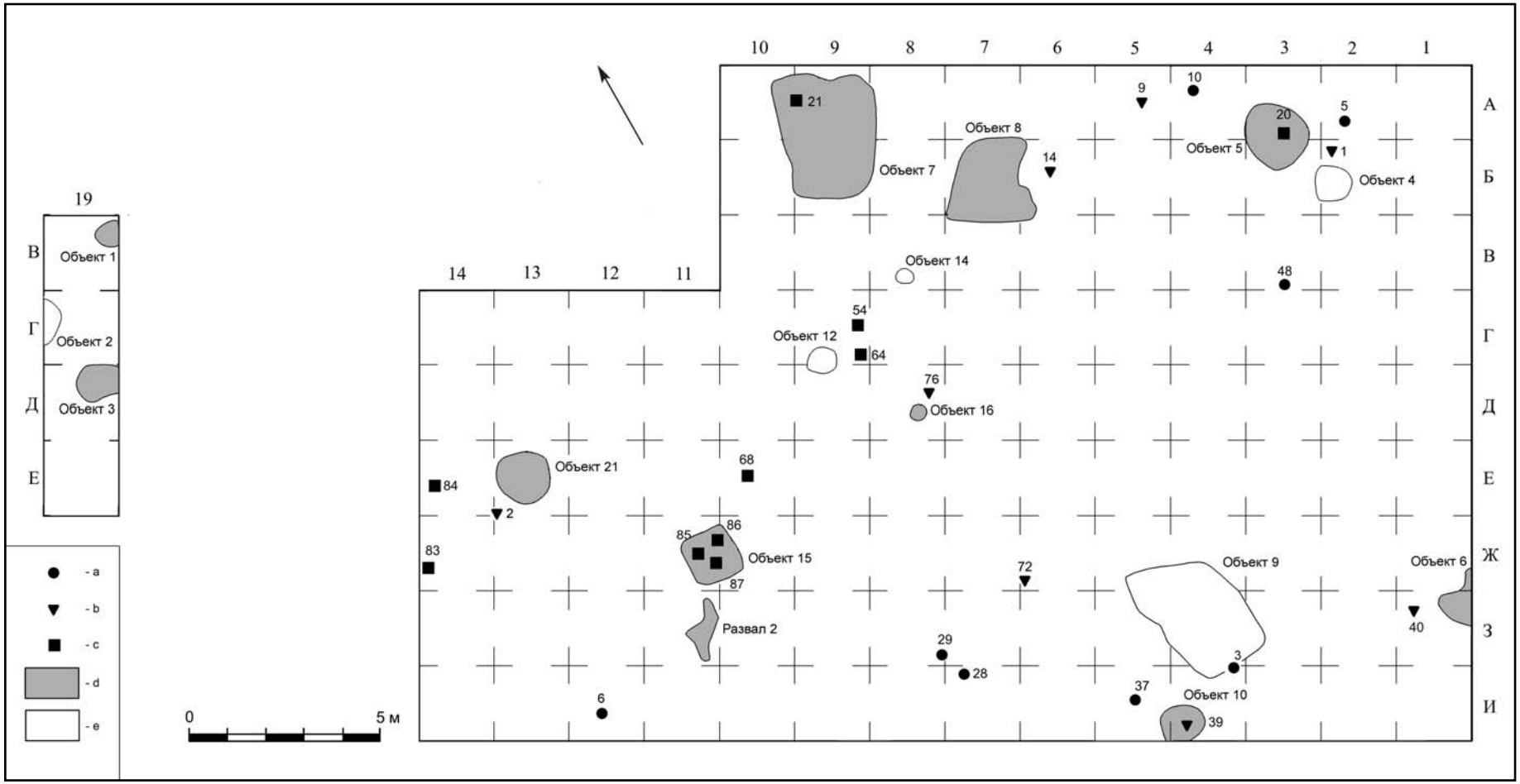

Рис. 4. Стаево-4. Ситуационный план раскопа 1 2015 г. Условные обозначения: a — изделия из железа; b — изделия из цветных металлов; c — изделия из глины и камня; d — объекты раннего средневековья; e — недатированные объекты (по Обломский 2015b: рис. 42).

Fig. 4. Stayevo-4. Situational plan of the excavation 1, 2015 year. Legend: a — iron artifacts; b — artifacts of non-ferrous metals; c — clay and stone artifacts; d — objects of the early Middle Ages; e — undated objects (after Обломский 2015b: рис. 42).

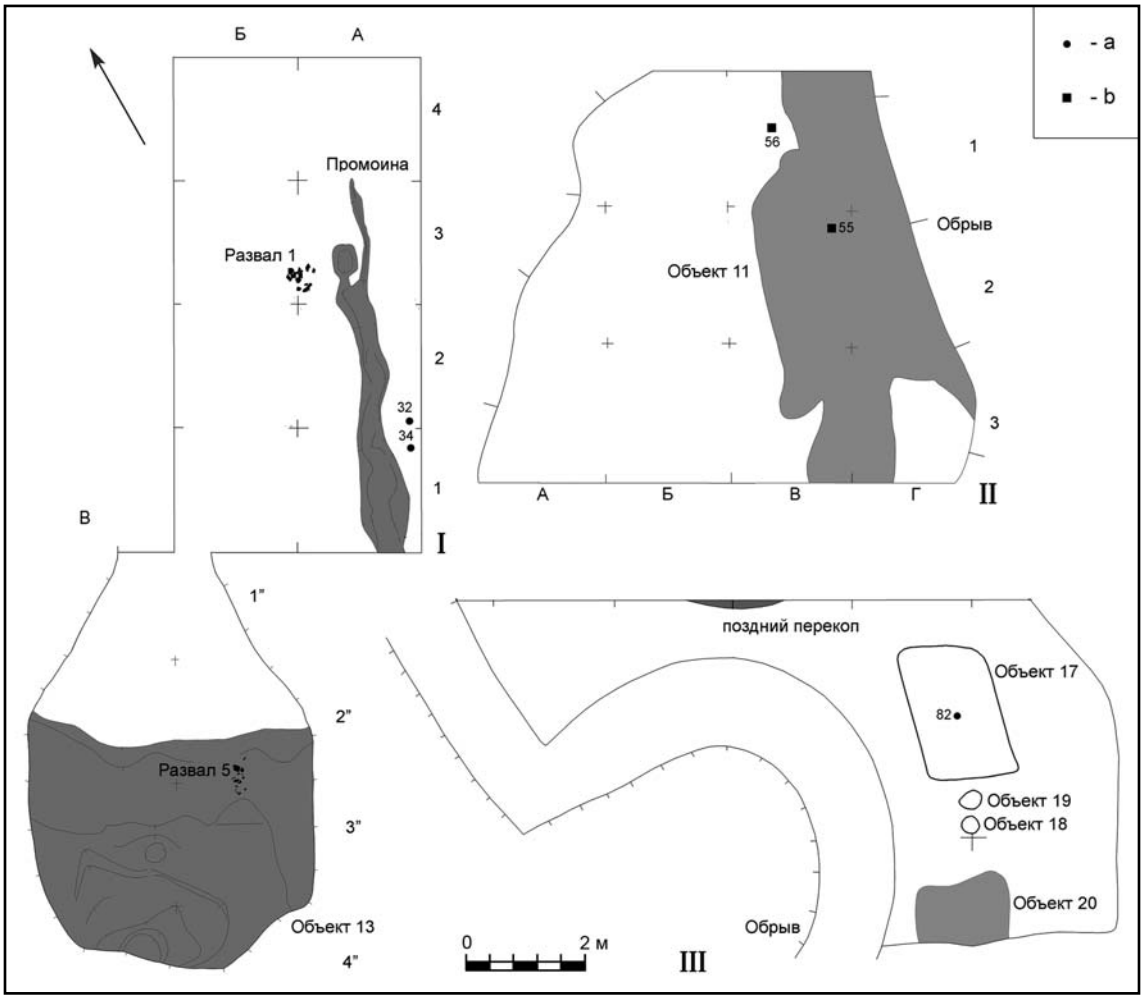

Рис. 5. Стаево-4, ситуационные планы раскопов 2 (I), 3 (II) и 4 (III). Условные обозначения: a — изделия из железа; b — изделия из глины (по Обломский 2015b: рис. 98; 119; 134).

Fig. 5. Stayevo-4, situational plans of excavations 2 (I), 3 (II) and 4 (III). Legend: a — iron artifacts; b — clay artifacts (after Обломский 2015b: рис. 98; 119; 134).

угольную углубленную в материк постройку размерами 3,2×3 м по верхнему краю, 2,8×2,4—2,5 м по плоскому дну. Глубина объекта — 0,2—0,24 м. Следов очага не было.

Заполнение представляло собой такую же перемешанную с гумусом глину, как и верхняя линза. Из нее происходит сравнительно крупный обломок венчика груболепного раннесредневекового горшка со средним шамотом и дресвой в тесте (рис. 6: 2). Прочая керамика из заполнения невыразительна.

Над объектом найден точильный камень.

Объект 8, раскоп 1 (рис. 11: I). Сооружение неправильной прямоугольной в плане формы, слегка углубленное в материк. Размеры составляли 2,4×1,8—2,6 м. Контуры прослежены на поверхности материка, общая глубина объекта составляла 0,06—0,13 м. Из заполнения, которое представляло собой темно-серый гумус, происходят немногочисленные обломки груболепных сосудов раннего средневековья со средним шамотом и рудой в тесте и 4 куска шлака.

Объект 10, раскоп 1 (рис. 4). Округлая слабо углубленная в материк (не более 0,11 м) яма диаметром 1,05—1,17 м. Стенки — практически отвесные. Из заполнения (серый гумусированный суглинок) происходит один кусок железного шлака. Над объектом в культурном слое обнаружена свинцовая биконическая бусина (рис. 16: 8).

Объект 11, раскоп 3 (рис. 7). Представлял собой подпрямоугольную полуземлянку, разрушенную с востока оврагом. Длина западной стенки котлована по верхнему краю — 3,35 м, в нижней части — 2,8 м, ширина исследованной части — до 2,1—2,4 м. Общая глубина объекта — 0,2—0,44 м. У северо-западного угла котлована на его полу находилось овальное в плане углубление размерами

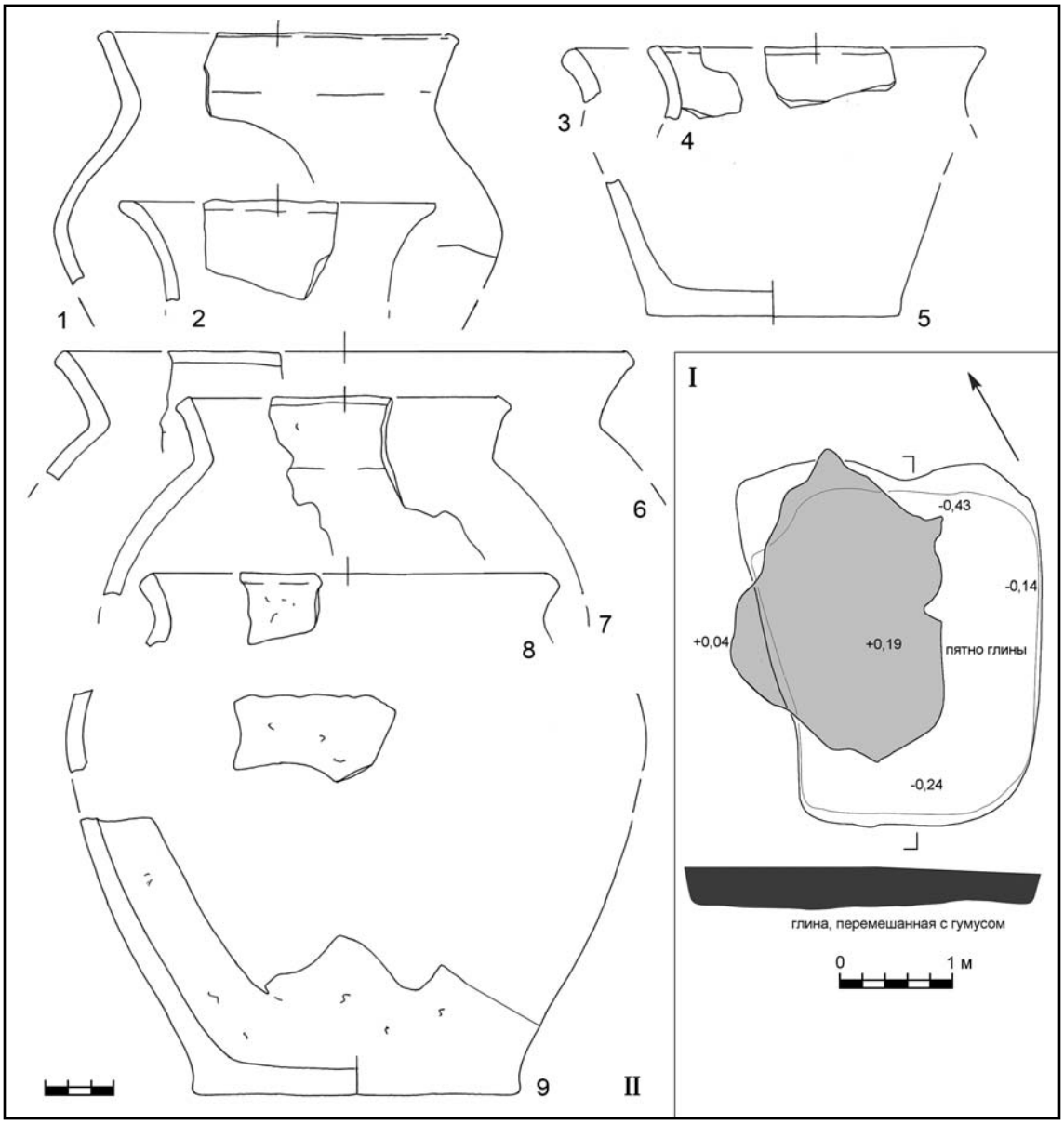

Рис. 6. Стаево-4. I — план объекта 7 (по Обломский 2015b: рис. 63); II — груболепная керамика из раскопов 1 и 2: 1, 6—9 — керамика с крупным шамотом в тесте; 2 — фрагмент горшка со средним шамотом и дресвой в тесте; 3—5 — керамика со средним шамотом и рудой в тесте. 1 — объект 5; 2 — объект 7; 3—5 — развал 1; 6—9 — развал 2 (по Обломский 2015b: рис. 57; 102; 103; 151: 1—3).

Fig. 6. Stayevo-4. I — plan of object 7 (after Обломский 2015b: рис. 63); II — hand-made ceramics from excavations 1 and 2: 1, 6—9 — ceramics with big chamotte in clay paste; 2 — a fragment of the pot with middle chamotte and slack in clay paste; 3—5 — ceramics with middle chamotte and ore in clay paste. 1 — object 5; 2 — object 7; 3—5 — accumulation of sherds 1; 6—9 — accumulation of sherds 2 (after Обломский 2015b: рис. 57; 102; 103; 151: 1—3).

0,5×0,8 м и глубиной 0,02—0,06 м. У его южного борта прослежена столбовая яма размерами 0,24×0,3 м и глубиной 0,11 м.

Еще одна столбовая яма размерами 0,26×0,34 м в нижней части находилась за бортом котлована у его юго-западного угла. Ее глубина составляла 0,22 м.

Пол постройки был плоским. В ее восточной части у обрыва находились *остатки печи*, корпус которой был сооружен из гумусированной глины. *In situ* сохранились стенки юго-западной части. Их толщина — 0,1—0,22 м, высота, на которую они сохранились — 0,3 м. На всю высоту они были прокалены на глубину до 1 см. Устье, по всей вероятности, было расположено на северо-востоке. Под печи фиксировался по прокалу ее глинистого основания (также до 1 см). Раз-

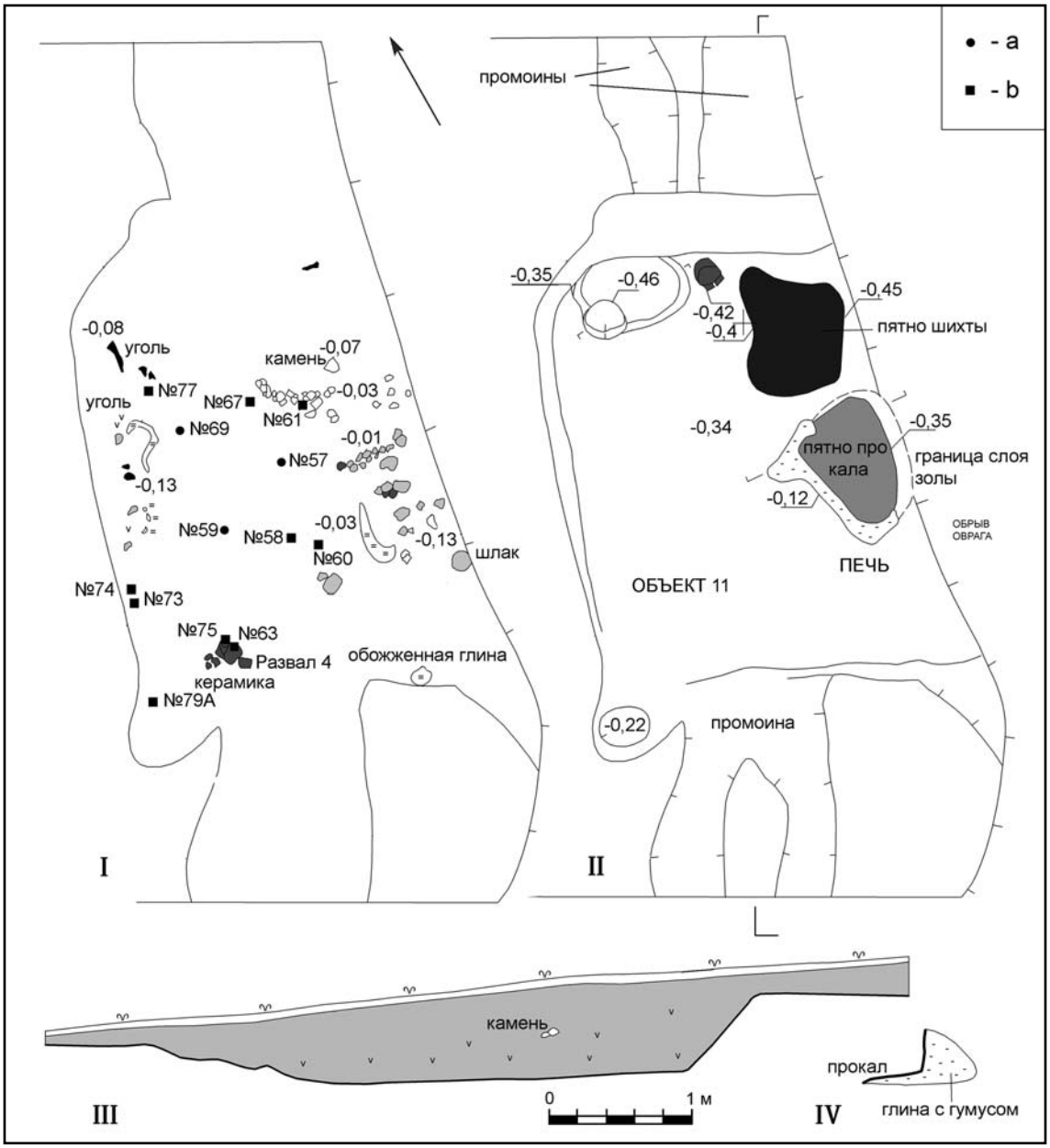

Рис. 7. Стаево-4, объект 11. I — заполнение; II — план на уровне пола; III — профиль объекта 11; IV — разрез печи. Условные обозначения: a — изделия из железа; b — изделия из глины (по Обломский 2015b: рис. 121; 122).

Fig. 7. Stayevo-4, object 11. I — filling of the object; II — plan on the level of the floor; III — profile of object 11; IV — profile of the furnace. Legend: a — iron artifacts; b — clay artifacts (after Обломский 2015b: рис. 121; 122).

меры пода — 0,7×0,9 м. Над пятном прокала залегала тонкая прослойка золы (до 1 см). Ее размеры в плане — 0,6×0,8 м.

В заполнении печи были обнаружены отдельные фрагменты лепных сосудов, включая венчик горшка эпохи бронзы. Отсюда же происходят 9 кусков металлургических шлаков, в т. ч. и довольно больших, размером около 10×10 см, 46 кусков железной руды (рыхлой, измельченной), 5 кусков обмазки, отдельные обожженные камни.

На полу около печи, в основном, к северо-западу от нее, было встречено 75 кусков шлака и 10 — обожженной глиняной обмазки.

К северо-западу от печи, почти примыкая к ней, на полу постройки была зафиксирована линза измельченной рыхлой железной руды (25 фрагментов), перемешанной с древесным углем и костным тленом. «Содержимое линзы», по всей видимости, представляло собой сырье, предназначенное для загрузки в металлургический горн. Размеры линзы —

0,7—0,74 × 1 м, толщина — 5 см. Пол постройки под ней обожжен не был.

К северо-западу от линзы у стенки котлована на полу на боку лежал целый раннесредневековый горшок с примесью шамота среднего размера и обильными включениями органики в керамическом тесте (***развал 3***, рис. 8: 1).

Заполнение котлована постройки представляло собой темно-серую супесь, насыщенную древесным углем. В центральной его части прослежено скопление мелких камней размерами от 4 × 4 до 5 × 10 см, которое занимало пространство 0,1 × 0,6 м.

Вдоль западной стенки в нижней части котлована обнаружены остатки горения в виде угольков, обугленных кусков дерева, небольших пятен прокала. У южной стенки постройки в нижней части ее заполнения зафиксировано скопление 9 черепков лепных сосудов (***развал 4***), преимущественно со средним и крупным шамотом в тесте (иногда с дополнительными включениями железной руды).

Заполнение разбиралось по условным уровням 0—0,1 м и 0,1 м до пола. Отдельно брались материалы с пола сооружения. Несмотря на наличие отдельных фрагментов сосудов эпохи бронзы и раннего железного века, резко преобладала керамика раннего средневековья (рис. 8: 1—4). Из заполнения вне печи происходит 4 куска шлака, 39 кусков руды, обожженная глиняная обмазка. Обнаружено также довольно много индивидуальных находок: железные рыболовные крючки, обломок ножа, пробойник, глиняные пряслица, фрагменты глиняных грузил (рис. 8: 5—17).

Можно высказать предположение, что постройка представляла собой производственное сооружение для обогащения руды (измельчение, разрыхление путем обжига, смешивание с углем и кальцием в виде костей). Обжиг руды производился в печи, где зафиксирована повышенная концентрация кусков измельченной руды. Обнаруженные в заполнении крупные куски шлаков, обмазка и камни, вероятно, использовались как материал для возведения свода печи над глинистыми стенками.

Около печи было сложено уже подготовленное для помещения в металлургический горн сырье. Судя по углю и следам обожженности грунта у западной стенки котлована, постройка сгорела. Пожар, вероятно, был внезапным, поскольку часть руды осталась в печи: ее просто не успели достать. Позже в котловане уже заброшенной постройки была устроена свалка мусора, к которой относятся обломки сосудов, бытовые предметы. Непосредственно с самой постройкой периода ее функционирования связан лишь один горшок (развал 3).

Объект 13, раскоп 2 (рис. 5, 9). Точные его размеры и форма в плане не известны, поскольку с трех сторон он был обрезан обрывами. Общие размеры сохранившейся части составляли 4,2 × 4,6 м. Северный борт котлована был относительно прямым. Южнее находилась пологая ступенька с неровной поверхностью. Ширина ступеньки 4,6 м, длина в восточной части объекта — до 2,6 м. В средней части ступеньки прослежена *столбовая яма Б*, овальная в плане. Ее размеры составляли 0,3 × 0,34 м, глубина от поверхности ступеньки — 0,19 м.

Южную оконечность объекта занимала обширная ***яма А***, неправильно овальная в плане. Размеры ее сохранившейся части по верхнему краю составляли 2,6 × 1,4 м. Дно ямы было подпрямоугольным, ориентированным по ее диагонали. Его ширина 0,94 м, длина — не менее 1,5 м. В дне имелось дополнительное углубление шириной в верхней части 0,7 м, в нижней — 0,55 м, длиной не менее 0,4—0,5 м. Максимальная глубина ямы А — 1,29 м.

Южная часть объекта 13 была перекрыта серым рыхлым слоем оползня толщиной до 0,4 м (рис. 9), материал из которого брался отдельно. Ниже заполнение сооружения представляло собой серую, относительно темную супесь. Его толщина составляла 0,3—0,4 м. На полу прослеживались пятна серой золистой супеси толщиной до 0,1 м.

Заполнение разбиралось по стратиграфическим слоям. Отдельно брались материалы из ям А и Б. Тем не менее, керамика из объекта достаточно однородна. В незначительном количестве встречены обломки сосудов первых вв. н. э., но резко преобладают черепки эпохи раннего средневековья, из которых удалось реконструировать несколько выразительных форм (рис. 10).

В объекте 13 наблюдалась повышенная концентрация железных шлаков (96 шт.). Не исключено, что он как-то связан с металлургическим производством.

В северной части заполнения объекта обнаружено скопление керамики (***развал 5***). Оно имело размеры 0,5 × 0,22 м, состояло из 8 фрагментов горшков, преимущественно со средним шамотом в тесте.

Материал из заполнения объекта 13 датируется по миниатюрной пряжке геральдического стиля (рис. 10: 19), которая была найдена при разборке заполнения ямы А.

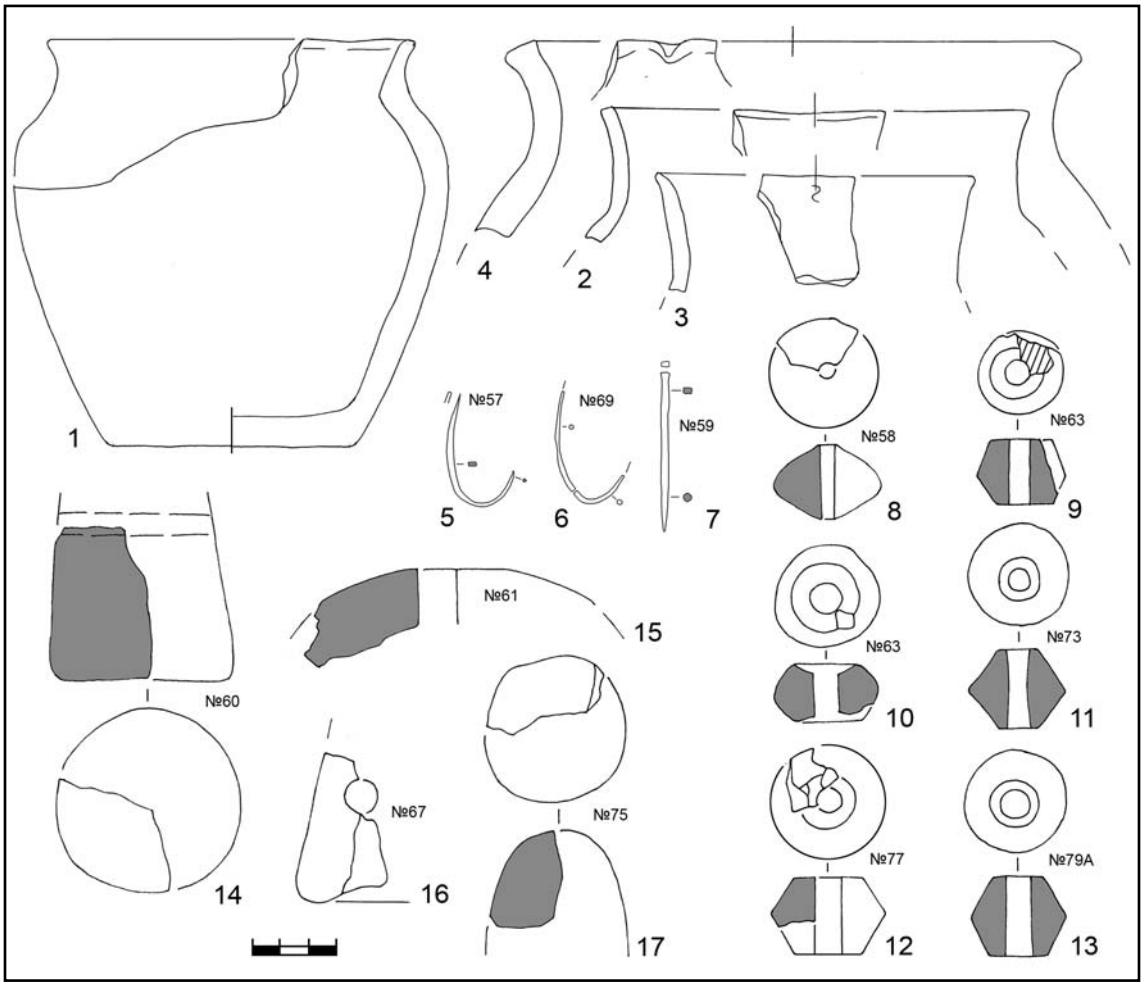

Рис. 8. Стаево-4, объект 11, материалы. 1 — груболепной сосуд с крупным шамотом и органикой в тесте; 2,4 — фрагменты лепных сосудов со средним шамотом в тесте; 3 — фрагмент лепного сосуда с крупным шамотом в тесте; 5—7 — изделия из железа; 8—13 — глиняные пряслица (12 — с лощеной поверхностью); 14—17 — фрагменты глиняных грузил. 1, 4 — пол; остальное — заполнение (по Обломский 2015b: рис. 10; 13—16; 129; 132; 133).

Fig. 8. Stayevo-4, object 11, materials. 1 — a hand-made pot with big chamotte and organics in clay paste; 2,4 — fragments of hand-made pots with middle chamotte in clay paste; 3 — a fragment of hand-made pot with big chamotte in clay paste; 5—7 — iron artifacts; 8—13 — clay spindle whorls (12 — with polished surface); 14—17 — fragments of clay sinkers. 1, 4 — floor; the rest — filling (after Обломский 2015b: рис. 10; 13—16; 129; 132; 133).

Объект 15, раскоп 1 (рис. 11: II). Представлял собой подпрямоугольную слегка углубленную в материк постройку. Размеры — 1,3×1,4 м, стенки практически отвесные. Глубина объекта составляла 0,04—0,1 м. Заполнение представляло собой однородный темный гумусированный суглинок. Из него происходят фрагменты груболепных сосудов, преимущественно раннесредневековых, в т. ч. выразительные обломки венчика и днища горшков (рис. 11: 1, 2), 11 кусков металлургических шлаков.

Над объектом в культурном слое обнаружены два глиняных грузила и обломок еще одного (рис. 11: 3—5).

Объект 20, раскоп 4 (рис. 11: III). Небольшая подпрямоугольная постройка, с юга обрезанная обрывом. Ширина — 1,6 м, длина — не менее 1,2 м. Контуры зафиксированы на поверхности материка. В южной части сооружения имелось дополнительное углубление (до 5 см). Размеры его исследованной части в плане — 0,3×0,7 м. Максимальная глубина объекта 0,14 м. В заполнении обнаружено 5 лепных черепков с примесью крупного и среднего шамота в тесте (иногда с включением руды).

Объект 21, раскоп 1 (рис. 4). Представляет собой круглую в плане яму глубиной 0,61—0,63 м с практически отвесными стен-

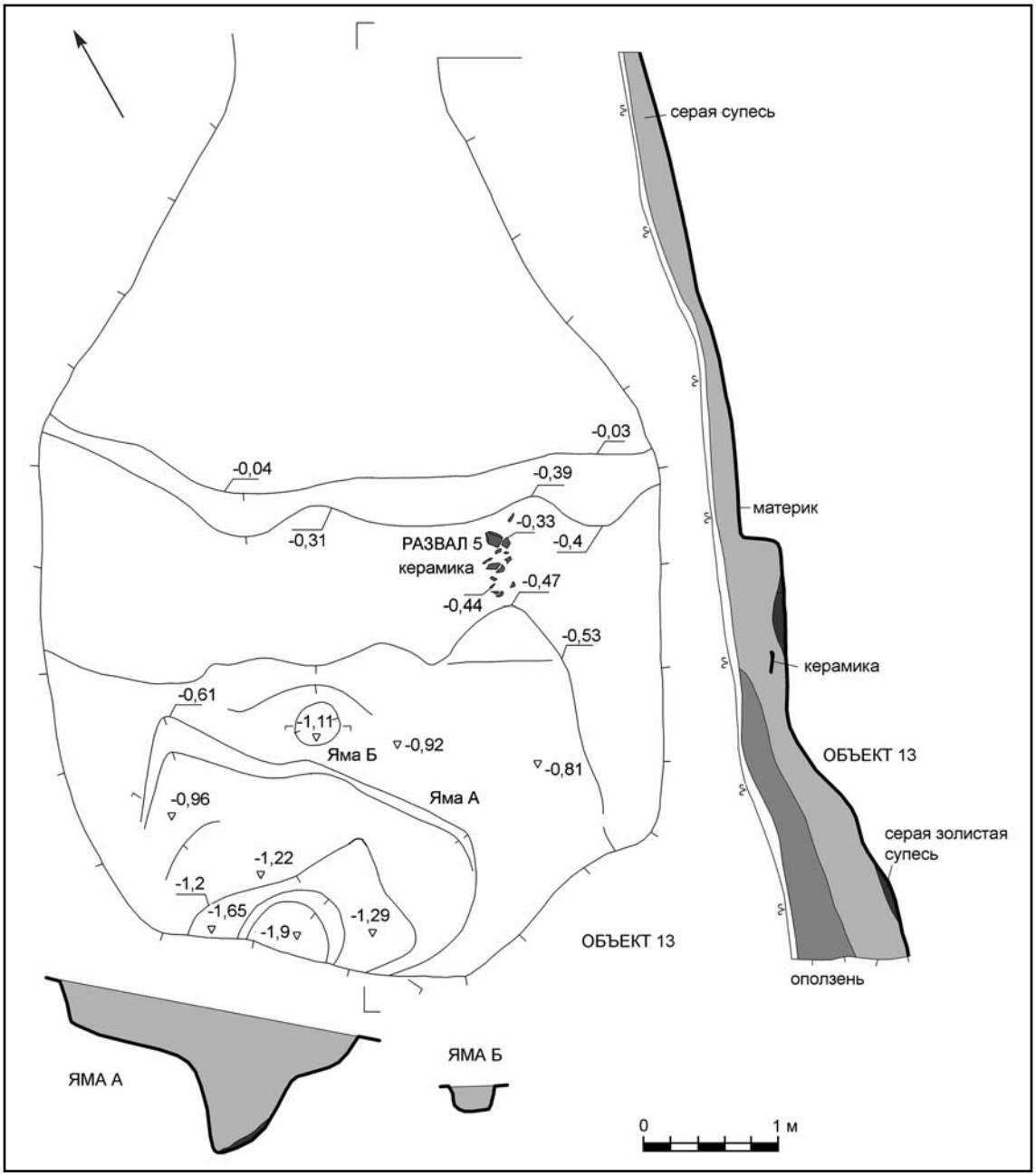

Рис. 9. Стаево-4, объект 13, план, профили (по Обломский 2015b: рис. 99; 105).

Fig. 9. Stayevo-4, object 13, plan, profiles (after Обломский 2015b: рис. 99; 105).

ками. Диаметр составлял около 1,4 м. В верхней части заполнения заметна линза темного гумуса толщиной около 0,4 м и шириной 0,78 м. Вокруг нее и ниже залегала светло-серая супесь толщиной до 0,5 м. Ее подстилала прослойка коричневого суглинка с пятнами светлого песка общей мощностью до 0,2 м.

В яме обнаружены 2 фрагмента лепных сосудов раннего железного века или раннеримского времени с мелким шамотом и дресвой в тесте. Преобладала керамика раннего средневековья (рис. 11: 6—8). Найдены также 7 кусков шлака и 2 — обожженной глиняной обмазки, обломок глиняного грузила.

В северо-восточной части раскопа 2 на поверхности материка прослежена **промоина** естественного происхождения, заполненная серой супесью (рис. 5: I). Из нее происходят обломки груболепных сосудов, преимущественно с крупным шамотом в тесте, 6 кусков железной руды, 3 куска плотной глиняной обмазки, железный пробойник (рис. 14: 22). Не исключено, что в южной части промоины

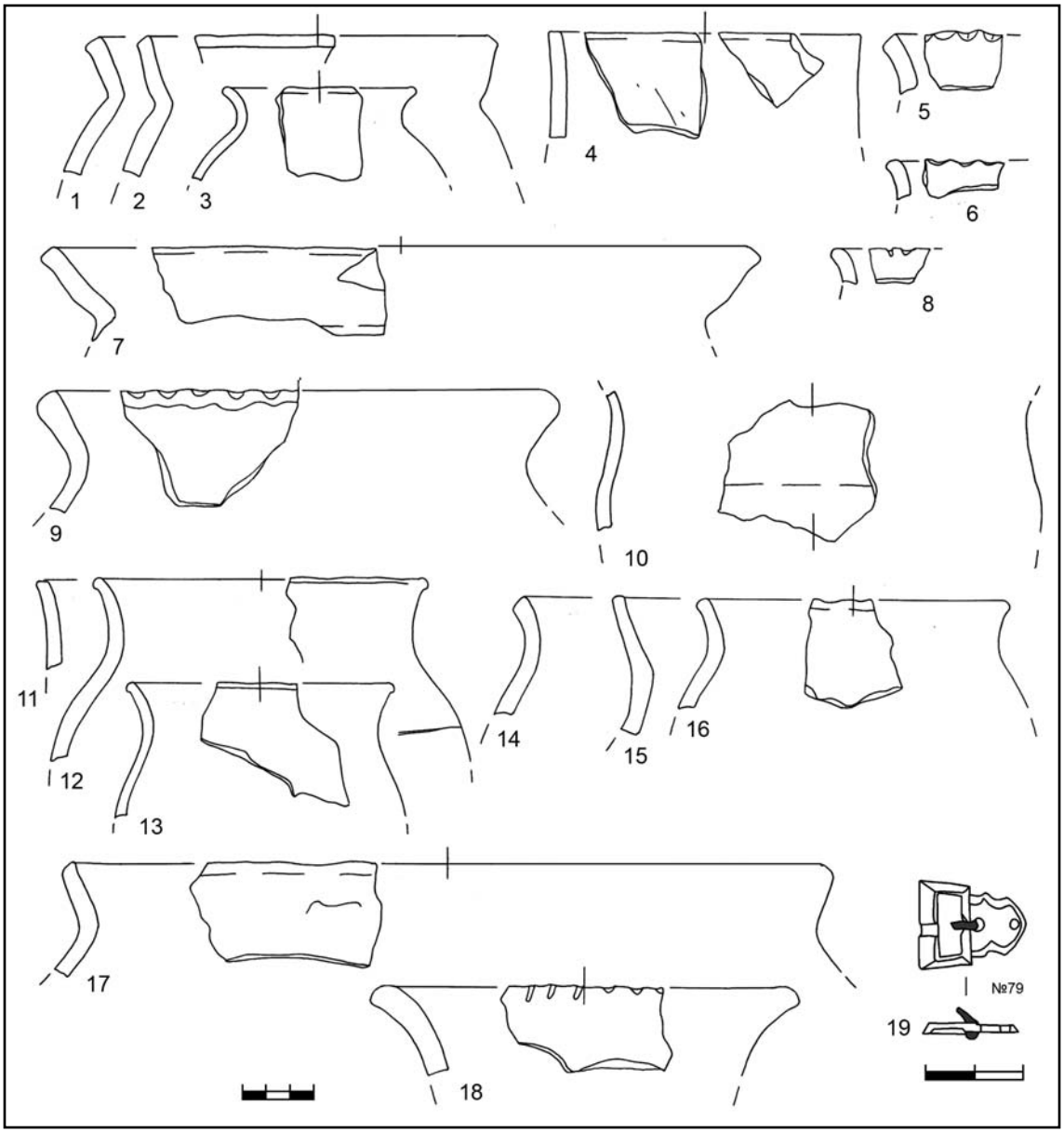

Рис. 10. Стаево-4, объект 13, материалы. 1—18 — груболепная керамика (1—4, 6, 7, 8 — со средним шамотом; 5, 11—13, 18 — со средним шамотом и дресвой; 9 — с дресвой и рудой; 10 — с дресвой; 14, 17 — с крупным шамотом; 15, 16 — со средним шамотом и органикой); 19 — бронзовая пряжка с остатками железного язычка. 1—10 — серый слой заполнения; 11—19 — яма А, заполнение (по Обломский 2015b: рис. 12; 110—114).

Fig. 10. Stayevo-4, object 13, materials. 1—18 — hand-made ceramics (1—4, 6, 7, 8 — with middle chamotte; 5, 11—13, 18 — with middle chamotte and slack; 9 — with slack and ore; 10 — with slack; 14, 17 — with big chamotte; 15, 16 — with middle chamotte and organics); 19 — a bronze buckle with remains of an iron tongue. 1—10 — gray layer of the filling; 11—19 — pit A, filling (after Обломский 2015b: рис. 12; 110—114).

в раннем средневековье была устроена свалка бытового мусора.

На раскопе 5 2016 г. раннесредневековых объектов не было.

* * *

Характеристику раннесредневековых материалов начнем с керамики.

Она делится на груболепную, лепную лощеную и подлощенную.

Груболепная керамика. При визуальном осмотре было сделано заключение, что она изготовлена при помощи нескольких основных рецептур: с примесью шамота в тесте с зернами средней величины (1355 фр.), такого же шамота и кусочков руды или шлака (851 фр.), с таким же набором примесей и дополнитель-

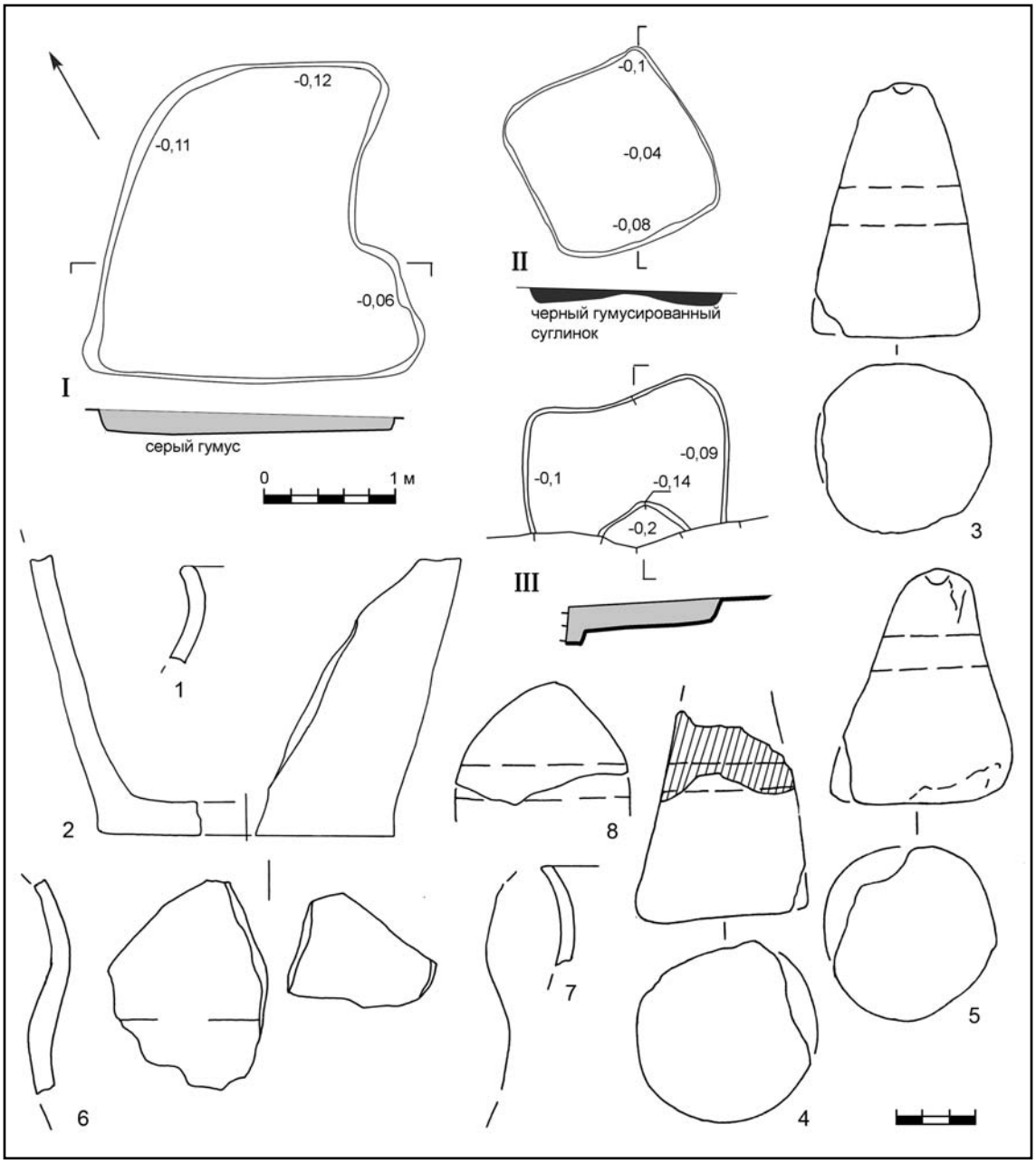

Рис. 11. Стаево-4. Планы и профили объектов: I — объект 8; II — объект 15; III — объект 20 (по Обломский 2015b: рис. 67; 79; 136). Материалы из объектов: 1 — фрагмент груболепного сосуда со средним шамотом в тесте; 2 — фрагмент груболепного сосуда с крупным шамотом в тесте; 3—5, 8 — глиняные грузила; 6 — фрагменты лепной лощеной миски; 7 — фрагмент лепного подлощенного сосуда. 1, 2 — объект 15, заполнение; 3—5 — над объектом 15; 6—8 — объект 21, заполнение (по Обломский 2015b: рис. 13; 14; 69; 88).

Fig. 11. Stayevo-4. Plans and profiles of the objects: I — object 8; II — object 15; III — object 20 (after Обломский 2015b: рис. 67; 79; 136). Materials from objects: 1 — fragment of a hand-made pot with middle chamotte in clay paste; 2 — fragment of a hand-made pot with big chamotte in clay paste; 3—5, 8 — clay sinkers; 6 — fragments of a hand-made polished bowl; 7 — fragment of a hand-made vessel with slightly polished surface. 1, 2 — object 15, filling; 3—5 — above object 15; 6—8 — object 21, filling (after Обломский 2015b: рис. 13; 14; 69; 88).

ными включениями дресвы (51 фр.), со средней величины шамотом и дресвой в керамической массе (420 фр.), с включениями руды (324 фр.), руды и дресвы (36 фр.), с зернами шамота больше мелких (141 фр.), с такими же зернами и добавлением дресвы (87 фр.), с крупным шамотом (152 фр.), с крупным шамотом и рудой (13 фр.), с крупным шамотом и дресвой (15 фр.). В керамической массе многих сосудов заметна примесь органики, при

выгорании которой образовались характерные пустоты.

Формы груболепных сосудов следующие: округлобокие сильно- и слабопрофилированные горшки с отогнутыми наружу изогнутыми венчиками (рис. 8: 4; 10: 3, 12—14, 16; 12: 1—3, 5, 6, 8); округлобокие горшки с раструбообразыми венчиками (рис. 6: 1, 6, 7; 8: 1; 10: 1, 2, 7, 17;); тюльпановидные сосуды (рис. 12: 4; 13: 1). Редкими являются слабопрофилированные горшки с отогнутыми наружу венчиками (рис. 12: 9). Кроме округлобоких, были и ребристые сосуды, о чем свидетельствуют обломки «ребер», находившихся в месте перелома линии корпуса (рис. 12: 7; 13: 6). Слабо выраженные ребра-уступы несколько ниже шейки заметны и на некоторых округлобоких горшках (рис. 8: 2; 10: 10; 12: 1). Найден обломок сосуда с ребром, сведенным практически в уступ (рис. 13: 5). Встречались диски-сковороды с низкими бортиками (рис. 12: 11—13; 13: 8, 9), миниатюрные сосуды (рис. 13: 7).

Груболепная посуда, как правило, не орнаментирована. Лишь на некоторых горшках заметны насечки или вертикальные вдавления по венчику, нанесенные пальцем. Поверхность обычно гладкая. Встречаются сосуды, заглаженные пальцами, щепкой. На внешней поверхности двух обломков сосудов до обжига нанесены расчесы, вероятно, гребнем (рис. 13: 3, 4).

Лепная столовая посуда делится на собственно лощеную с хорошо заполированными снаружи и изнутри поверхностями черного, коричневого или желтоватого цвета (61 фр.) и подлощенную со слабым лощением с одной наружной стороны (33 фр.). Некоторые сосуды, судя по обломкам, были пятнистыми. Примеси в тесте различные (шамот, дресва, известняк, песок), но все они — мелкозернистые. Основные формы сосудов — закрытые округлобокие горшки, горшки со слабо выраженными ребрами, высокие округлобокие миски, зачастую с выделенной шейкой (рис. 11: 6, 7; 13: 10—15). Лощеная и подлощенная керамика, как правило, не орнаментирована.

Доля столовой посуды составляет 3% от общего количества керамики раннего средневековья.

Сооружений с представительным керамическим набором на памятнике немного, но судя по материалам из объекта 13, где найдена пряжка геральдического стиля (рис. 10: 19), охарактеризованный выше комплекс посуды использовался на поселении вплоть до его финала, т. е. по VII в. включительно.

По набору форм как кухонной, так и столовой посуды, их фактуре, орнаментации и обработке поверхности керамика из Стаево находит наибольшие соответствия среди материалов верхнедонской культурной группы Чертовицкое-Замятино[1]. Тем не менее, заметны и отличия. Посуда из Стаево менее разнообразна по формам. В ее наборе отсутствуют такие широко распространенные на классических памятниках типа Чертовицкое-Замятино сосуды, как груболепные миски-плошки, лощеные ребристые миски, в т. ч. и т. н. мощинские (с прямой линией профиля выше ребра), баночные горшки, нет гончарной керамики, единичны ребристые сосуды. В какой степени эти наблюдения отражают некую закономерность, покажут будущие раскопки, но не исключено, что отличия в керамике Стаево от древностей круга Чертовицкое-Замятино обусловлены хронологией. Стаево, как будет показано ниже, датируется серединой V — VII вв., а памятники типа Чертовицкое — концом IV — V вв.

Обычно при анализе керамики памятников круга Чертовицкое-Замятино выделяется несколько этнокультурных компонентов. В материалах Стаево к «пост-киевскому компоненту» относятся округлобокие горшки с изогнутыми, отогнутыми наружу венчиками (рис. 8: 4; 10: 3, 12—14, 16; 12: 2, 3, 6, 8), тюльпановидные сосуды (рис. 12: 4; 13: 1), слабопрофилированные округлобокие горшки (рис. 12: 9), вероятно, ребристые сосуды, форма которых пока не ясна, диски (рис. 12: 11—13; 13: 8, 9). Окский набор составляют округлобокие горшки с ребром в верхней части профиля (рис. 8: 2; 10: 10; 12: 1), обломок горшка с плечиком, сведенным почти в уступ (рис. 13: 5), вся лощеная посуда; «пост-черняховский» — горшки с высокими раструбообразными венчиками, возможно, сосуды с выделенной шейкой и гранью под ней (рис. 6: 1, 6, 7; 10: 1, 2, 7; 12: 5; 13: 2). Разумеется, для эпохи раннего средневековья эти компоненты нужно воспринимать с известной долей условности. Керамический набор един, а они показывают, какими были его истоки.

Кроме посуды, из глины изготовлены пряслица и грузила для ткацких станков.

На поселении обнаружено 17 *пряслиц* (целых и фрагментированных). Поверхность одного из них была лощеной (рис. 8: 12), другого — подлощенной (рис. 14: 10), прочих —

[1] Описание см. в изданиях: Обломский (отв. ред.) 2007; 2015а.

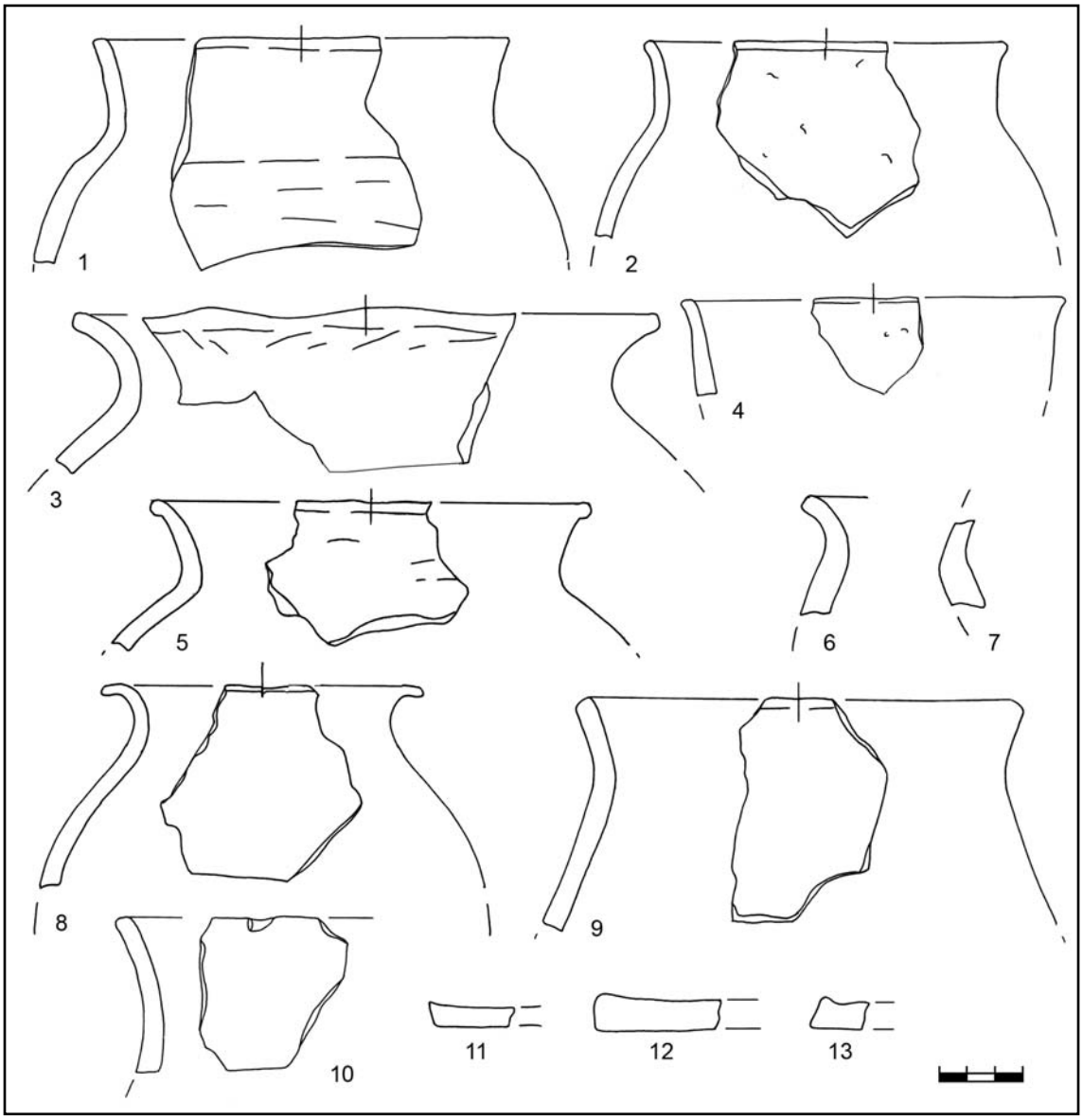

Рис. 12. Стаево-4. Груболепная керамика из культурного слоя. 1, 4, 6, 12 — со средним шамотом в керамическом тесте; 2,8 — со средним шамотом и рудой; 3, 7, 9, 13 — с крупным шамотом; 5, 11 — со средним шамотом и дресвой; 10 — с рудой в тесте (по Обломский 2015b: рис. 151—159).

Fig. 12. Stayevo-4. Hand-made ceramics from the cultural layer. 1, 4, 6, 12 — with middle chamotte in clay paste; 2,8 — with big chamotte and ore; 3, 7, 9, 13 — with big chamotte; 5, 11 — with middle chamotte and slack; 10 — with ore in clay paste (after Обломский 2015b: рис. 151—159).

шероховатой. Из них к типу высоких биконических (диаметр наибольшего расширения меньше высоты) относятся 3 экз. (рис. 14: 6,7, 11), низких биконических — 1 экз. (рис. 14: 5), биконических средней высоты (диаметр наибольшего расширения больше высоты, но не более, чем в 2 раза) — 13 экз. (рис. 8: 8, 9, 11—13; 14: 1—4, 8—10, 12), причем у одного из них были воронковидные основания. Набор пряслиц в целом соответствует «стандарту» группы Чертовицкое-Замятино, но в Стаево пока не найдено ни одного экземпляра с рельефной орнаментацией, которые на Верхнем Дону появились под черняховским влиянием.

Целых *грузил* найдено 2 экз., еще 7 дошли до нас в обломках (рис. 8: 14—17; 11: 3—5, 8; 14: 13). Все они изготовлены из рыхлой глины, слабо обожжены, имеют отверстие диаметром около 1,5 см. На верхней части трех изделий заметны вмятины, нанесенные пальцем (рис. 11: 3, 5; 14: 13). Оба целых грузила были коническими. Обломки принадлежали, скорее всего, изделиям такой же формы. Ис-

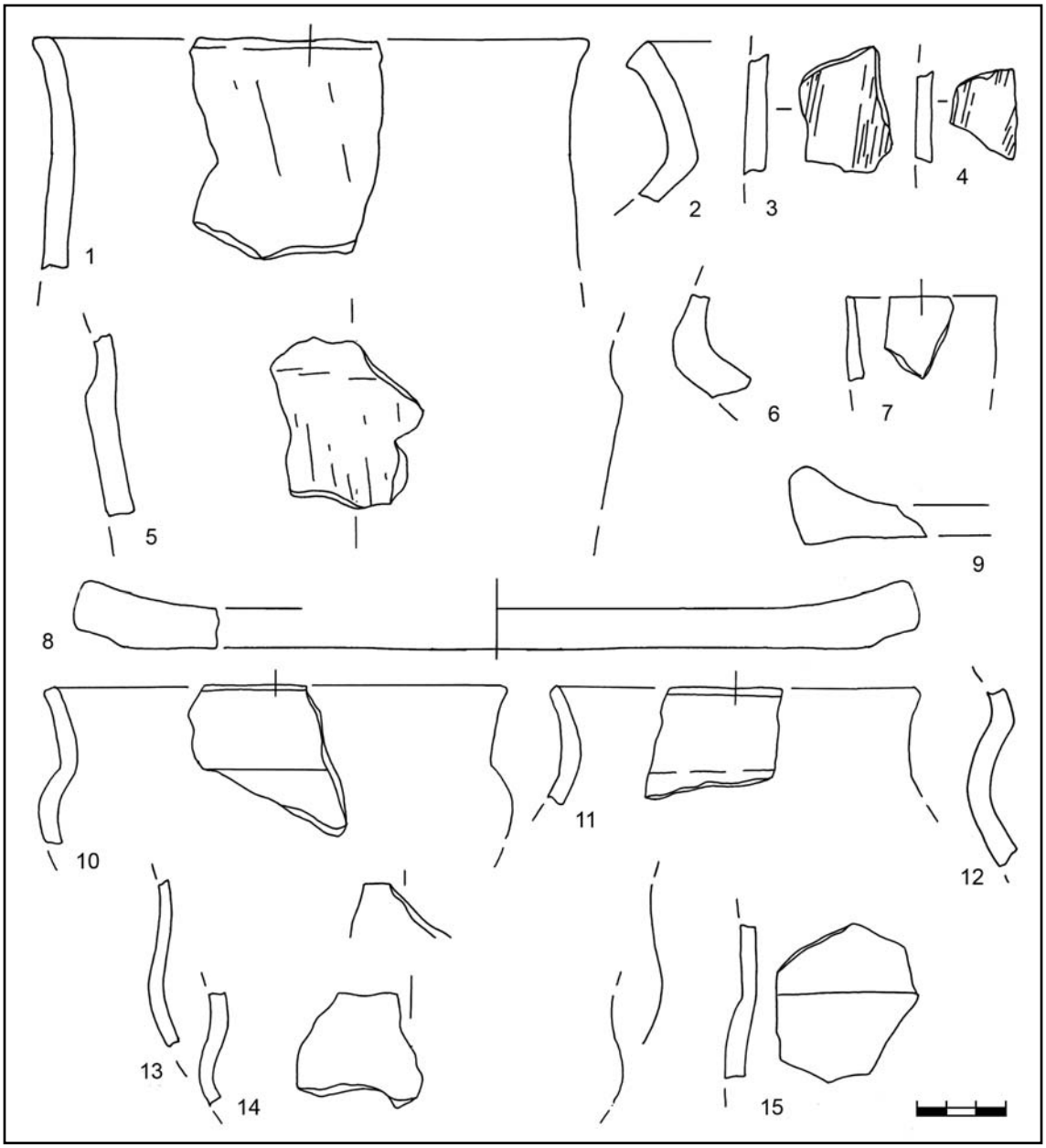

Рис. 13. Стаево-4, лепная керамика из культурного слоя. 1—4, 6 — груболепная керамика со средним шамотом в тесте; 5 — фрагмент груболепного сосуда с крупным шамотом в тесте; 7 — фрагмент лепного миниатюрного сосуда с песком в тесте; 8 — фрагмент диска со средним шамотом и рудой в тесте; 9 — фрагмент диска с рудой в тесте; 10—14 — лепная лощеная керамика; 15 — фрагмент лепного сосуда с подлощенной поверхностью (по Обломский 2015b: рис. 88; 151—161).

Fig. 13. Stayevo-4, ceramics from the cultural layer. 1—4, 6 — hand-made ceramics with middle chamotte in clay paste; 5 — a fragment of a hand-made vessel with big chamotte in clay paste; 7 — a fragment of a miniature vessel with sand in clay paste; 8 — a fragment of a disk with middle chamotte and ore in clay paste; 9 — a fragment of a disk with ore in clay paste; 10—14 — hand-made polished ceramics; 15 — a fragment of a vessel with slightly polished surface (after Обломский 2015b: рис. 88; 151—161).

ключением является один фрагмент лепешковидного грузила с вертикально ориентированным каналом отверстия (рис. 8: 15). Преобладание конических грузил над изделиями других форм характерно для древностей типа Чертовицкое-Замятино.

На памятнике обнаружено множество *изделий из железа*. К ним относятся целые и фрагментированные 13 ножей (рис. 15: 1—14), 9 пробойников и зубилец (рис. 8: 7; 14: 14—22, 25), 6 серповидных ножей (рис. 15: 15—19, 21), 1 серп (рис. 15: 20),

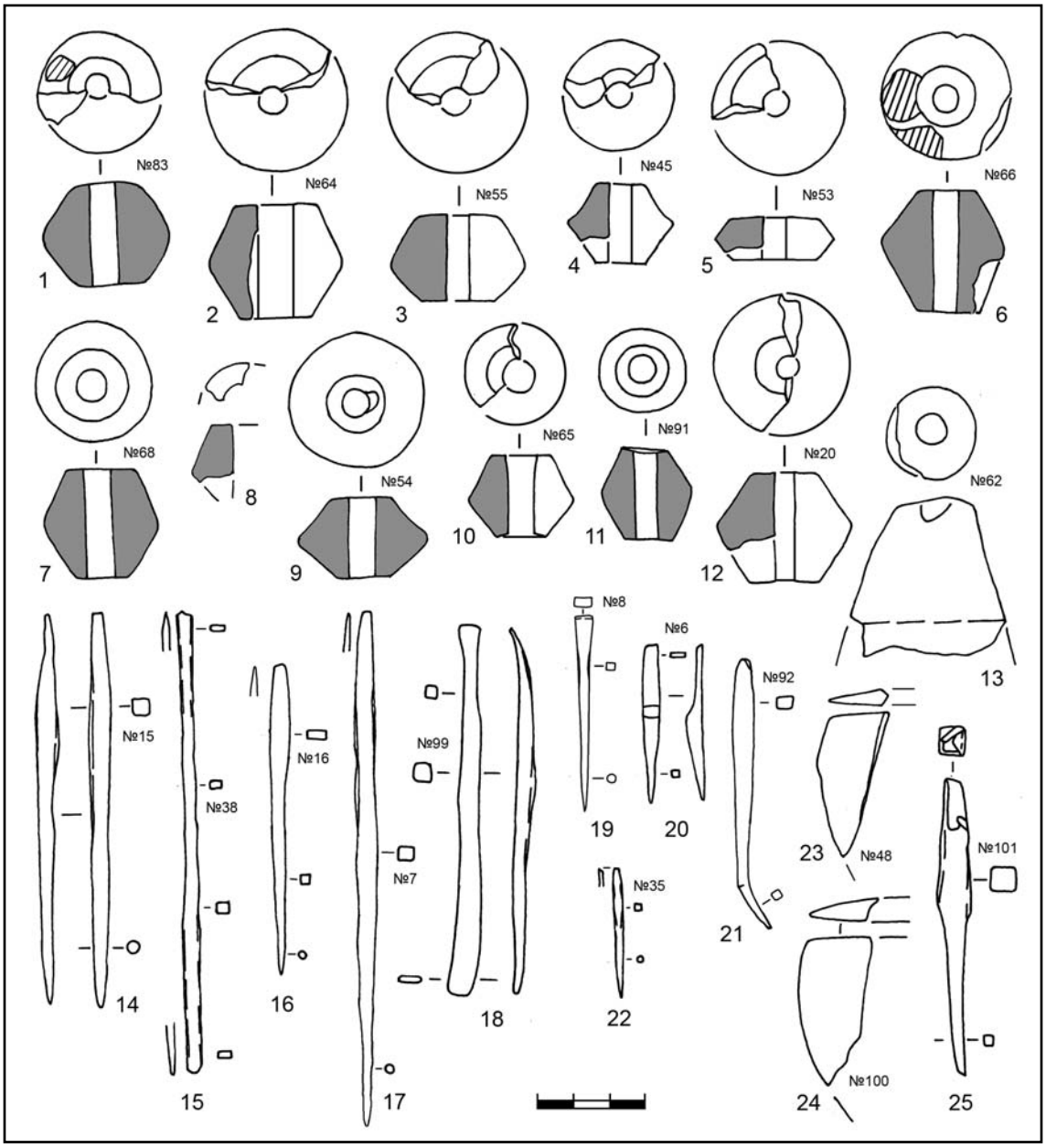

Рис. 14. Стаево-4, глиняные пряслица, обломок грузила и изделия из железа из культурного слоя и подъемного материала. 1—12 — глиняные пряслица (10 — с подлощенной поверхностью, остальные — с шероховатой); 13 — фрагмент глиняного грузила; 14—25 — железные инструменты (по Обломский 2015b: рис. 13; 15; 16; 2016b: рис. 9). Номера находок соответствуют табл. 1.

Fig. 14. Stayevo-4, clay spindle whorls, a fragment of a sinker and iron artifacts from the cultural layer and gathered material. 1—12 — clay spindle whorls (10 — with slightly polished surface, the rest — with rough surface); 13 — fragment of a clay sinker; 14—25 — iron tools (after Обломский 2015b: рис. 13; 15; 16; 2016b: рис. 9). Numbers of finds according to tab. 1.

2 лезвия топоров (рис. 14: 23, 24), 4 рыболовных крючка (рис. 8: 57, 69; 15: 24, 25), 1 булавка (рис. 15: 23), 3 крупных черешковых ромбических наконечника стрел (рис. 15: 28—30), 2 язычка пряжек (рис. 15: 26, 27). Найдены также 3 поковки (кузнечные заготовки). Для большинства из этих предметов определить узкую дату не удается. Достоверно по аналогиям ранним средневековьем датируются лишь наконечники стрел (Казанский 2015: 59—61). Тем не менее, учитывая специализированный производственный характер поселка, рискну предположить, что практически все эти вещи были либо инструментами (как пробойники), либо продукцией средневековых мастеров.

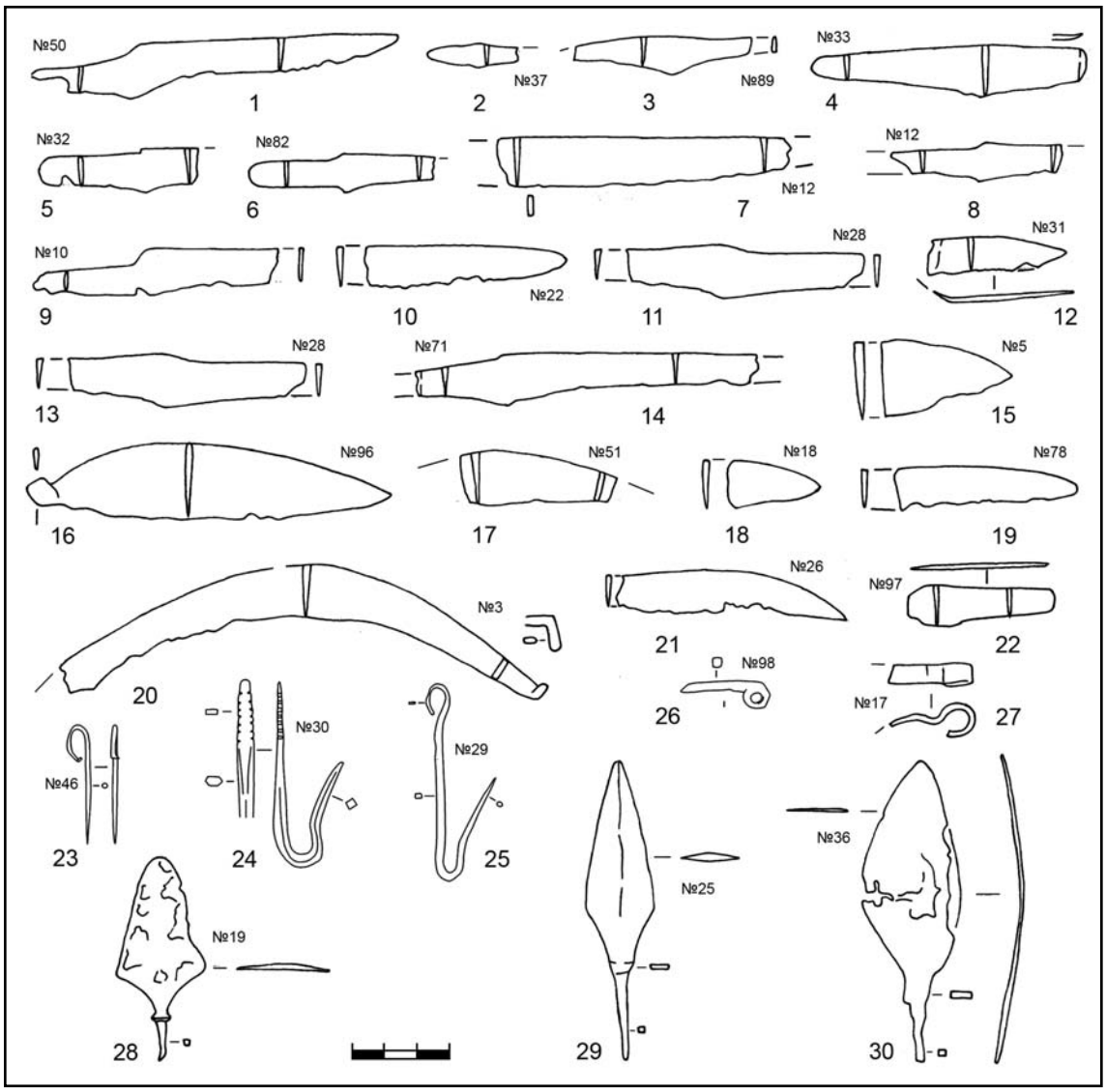

Рис. 15. Стаево-4, изделия из железа. 1—14 — ножи и их фрагменты; 15—19 — серповидные ножи и их фрагменты; 20, 21 — фрагменты серпов; 22 — резец; 23 — булавка; 24, 25 — рыболовные крючки; 26, 27 — язычки пряжек; 28—30 — наконечники стрел (по Обломский 2015b: рис. 7; 9—11). Номера находок соответствуют табл. 1.

Fig. 15. Stayevo-4, iron artifacts. 1—14 — knives and their fragments; 15—19 — sickle-shape knives and their fragments; 20, 21 — fragments of sickles; 22 — cutter; 23 — pin; 24, 25 — fishing hooks; 26, 27 — tongues of buckles; 28—30 — arrowheads (after Обломский 2015b: рис. 7; 9—11). Numbers of finds according to tab. 1.

Хронология памятника определяется по *серии находок из цветных металлов*.

Фибула с пятью отростками на головке, ромбической ножкой и маской зверя на ее конце (рис. 16: 1) сохранилась в виде двух кусков. На оборотной стороне имеются сплошной приемник и две стойки для крепления пружины. Сохранилась ее железная ось и верхняя часть иглы. Фибула относится к широко распространенному в Восточной, Центральной Европе и Подунавье типу Гурзуф. Такие изделия датируются второй половиной V — серединой VI в. Ближайшая в Верхнем Подонье аналогия происходит из могильника Ксизово-19 (Обломский, Козмирчук 2016: 154; Гавритухин 2016: 229—230).

Малая гибридная двупластинчато-пальчатая фибула из бронзы с пятью отростками без орнамента на верхнем щитке снабжена подтреугольным нижним щитком с расширением в верхней части (рис. 16: 2). На оборотной стороне помещены сплошной приемник и стойка для крепления пружины. Она и, очевидно, игла были изготовлены из железа: вокруг

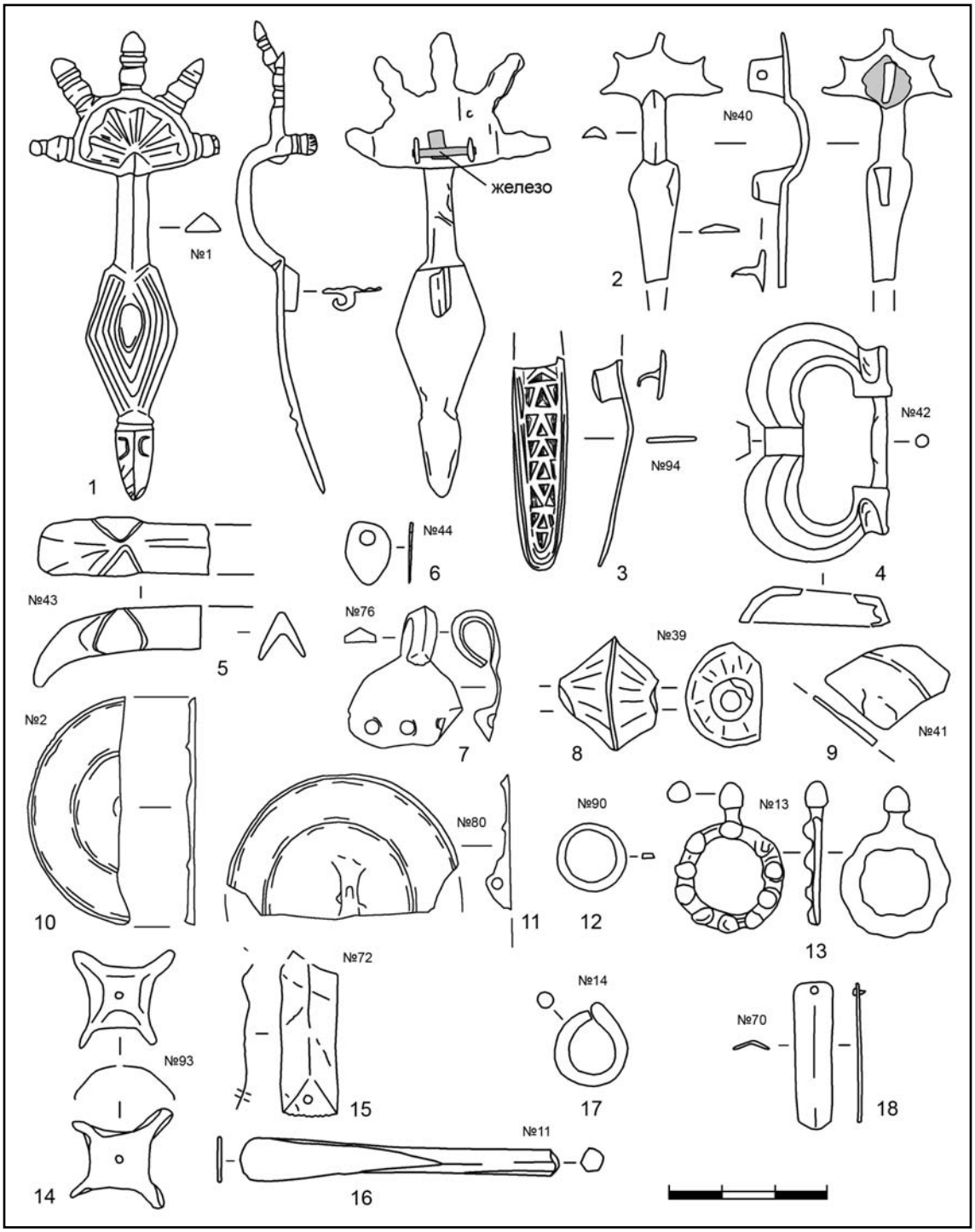

Рис. 16. Стаево-4, изделия из цветных металлов. 1—3, 6, 7,12—14, 16—18 — бронза; 4, 15 — серебро; 5, 9—11 — белый сплав; 8 — свинец или свинцово-оловянный сплав (по Обломский 2015b: рис 12; 2016b: рис. 9). Номера находок соответствуют табл. 1.

Fig. 16. Stayevo-4, artifacts from non-ferrous metals. 1—3, 6, 7, 12—14, 16—18 — bronze; 4, 15 — silver; 5, 9—11 — white alloy; 8 — lead or lead-tin alloy (after Обломский 2015b: рис 12; 2016b: рис. 9). Numbers of finds according to tab. 1.

стойки сохранились окислы. Край ножки фибулы обломан.

Наиболее близкие аналогии этой фибуле происходят из Мощенки (Днепровское лесостепное Левобережье), Медведовки (Среднее Поднепровье) и Керчи (Крым). И. О. Гавритухин датирует эти фибулы второй половиной V в. (Гавритухин 2004б: 214, рис. 2: 12, 14;

Гавритухин, Обломский 2007: 30—31, рис. 22: 14). Тем не менее, фибула из Стаево отличается от перечисленных упрощенной формой отростков, на которых отсутствует рельефная орнаментация, и несколько иными пропорциями нижнего щитка.

Фибула, ножка которой украшена кербшнитным орнаментом (рис. 16: 3), относится к очень редкому типу двупластинчатых. Единственные две аналогии обнаружены на селище Ярок-9, расположенном несколько ниже Стаево в долине р. Воронеж (Обломский 2016а: рис. 12: 4, 5; 13: 1, 2). Аналогичные изделия, где повторялось бы сочетание формы щитков и орнамента на них, мне не известны. В рамках типологического поля, которое опубликовал И.О. Гавритухин, исследуя пальчатую фибулу из Замятино-5, застежки из Ярка-9 занимают место между экземплярами из Земуна, Тамани и Замятино (Гавритухин 2004а: рис. 122: 25, 28, 35). По этим типологическим наблюдениям фибулы из Ярка должны датироваться не ранее второй половины V в. Верхняя дата их неопределенна.

У массивного язычка пряжки из белого металла с подтреугольными выступами у клювовидного основания обломан край, предназначенный для прикрепления к рамке (рис. 16: 5). Сама рамка утрачена, что не позволяет узко продатировать данный предмет. Тем не менее, язычки подобной формы с выступами у окончания, в т.ч. и с сечением в виде латинской буквы V, характерны для пряжек разных типов V—VII вв. Крыма (Айбабин 1990: 29—35, рис. 24: 1, 7; 25: 3—6; 28: 1, 3, 5; 35: 4). Пряжки с такими язычками изредка встречаются и на Кавказе (Мастыкова 2009: рис. 45: 5).

Свинцовая или свинцово-оловянистая биконическая бусина смята с одного из боков (рис. 16: 8). На территории Восточной Европы, в т.ч. и в кладах круга древностей антов первой (ранней) группы по О.А. Щегловой, довольно часты находки ворворок, которые представляют собой как бы половинку изделия типа найденного в Стаево, но не массивного, а полого (Щеглова 2009: 53.). Эти ворворки иногда спаивались вместе широкими основаниями друг к другу, чтобы получить бусины. Такие бусины, в частности, найдены в кладе первой группы в Хитцах Полтавской обл. (Володарець-Урбанович, Сидоренко 2016: 121).

Маленькая пряжка с трапециевидной рамой и обоймой в геральдическом стиле, отлитыми в одной форме, сделана из бронзы. Обойма имеет на каждой из сторон по две выемки, между которыми находятся выступы. Язычок был железным (рис. 10: 19).

Подобные пряжки широко распространены на юге Восточной Европы. В Крыму они относятся к вариантам 5 и 7 трапециевидных пряжек по классификации А.И. Айбабина и датируются им второй половиной — концом VI — первой четвертью — первой половиной VII в. (Айбабин 1990: 48, 49). Наиболее близкий к находке из Стаево экземпляр (с вырезами на обойме) происходит из склепа 420 могильника Скалистое, который А.И. Айбабин датирует второй половиной VI — первой четвертью VII в. (Айбабин 1990^ рис. 46: 26; Веймарн, Айбабин 1993: 174).

На территориях, близких к Верхнему Подонью, в степной зоне подобные пряжки с вырезами происходят из погр. 2 кург. 3 Сивашовки, погр. 7, кург. 1 Бережновки, кург. 5 Виноградного (Комар, Кубышев, Орлов 2006, рис. 13: 20, 21; Комар 2006, рис. 45: 31, 33). Все эти комплексы относятся к т.н. горизонту Сивашовки — Макуховки (643—669 гг. по А.В. Комару) (Комар 2006: 124).

В Среднем Поднепровье такие пряжки относительно редки. По А.В. Скибе они относятся к типу IIC6. Аналогии пряжке из Стаево происходят из Вишенек и Градижска (Скиба 2016: рис. 57: 14, 15). В Поочье такие пряжки известны в погребении с вещами геральдического стиля на могильнике Борок 2 (Ахмедов 2016: рис. 5: 8, 16).

Полая граненая В-образная рама пряжки с выемкой для окончания язычка изготовлена из серебра (рис. 16: 4).

Такие пряжки распространены чрезвычайно широко: в Нижнем Подунавье, Юго-Западном Крыму, в Поднепровье, на Кавказе. В Поволжье относительно редки (Гавритухин, Обломский 1996: 31). И.О. Гавритухин относит их к выделенным им 2—4 горизонтам поясных гарнитур с псевдопряжками, суммарная дата которых — конец VI — третья четверть VII в. (Гавритухин 2001: 31—40).

В Крыму аналогичные пряжки относятся к варианту 6 В-образных по А.И. Айбабину. Они датируются всем VII в. (восьмая и девятая хронологические группы по А.И. Айбабину) (Айбабин 1990: 40, рис. 39: 8—10; 1999: 276—277, табл. XXX; XXXI). Известны пряжки с такими рамами и в причерноморской зоне Кавказа (Бжид, погр. 144, причем вместе с маленькой пряжкой с трапециевидной рамой и обоймой в виде геральдического щита с вырезами) (Гавритухин 2011: рис. 7: 24, 34).

В-образные пряжки с гранеными рамами хорошо известны в Поднепровье в т.н. кла-

дах древностей антов первой группы, правда, у большинства из них внутренняя сторона рамы не В-образная, как у пряжки из Стаево, а прямоугольная. Тем не менее, у пряжек из двух кладов отверстие для ремня — такое же, как в Стаево (Углы и Куриловка) (Корзухина 1996: табл. 98: 3; Родинкова 2010: рис. 6: 1). По моему мнению, клады были сокрыты в третьей четверти VII в. или несколько позже (Обломский, Родинкова 2015: 396).

Относительно редки подобные пряжки в Поочье, хотя и известны (Ахмедов 2010: рис. 3: 1; 4: 2).

В степной зоне похожая пряжка происходит из погребения 2 кургана 3 Иловатки (Комар, Кубышев, Орлов 2006: рис. 49: 36). «Горизонт Иловатки» А. В. Комар датирует около 610—643 гг. (Комар 2006: 124).

Раму пряжки из Стаево по аналогиям можно датировать VII в.

На поселении найдены бронзовый листовидный с гранью посередине наконечник ремешка (рис. 16: 18) и серебряная прямоугольная накладка на пояс с прочерченным орнаментом и мелкими вырезами на окончании (рис. 16: 15). Точно их продатировать невозможно, но подобные детали поясных наборов достаточно характерны для эпохи Великого переселения народов.

Сегментовидная бронзовая подвеска с треугольным в сечении ушком (рис. 16: 7), вероятнее всего, представляет собой часть какого-то сложного украшения с дополнительными привесками типа тех, что распространены в культурах финно-угорского круга, на что указывают три отверстия в ее нижней части.

Аналогии коробчатой (или звезчатой) подвеске (рис. 16: 14) подобрала И. В. Белоцерковская, за что я приношу ей глубокую благодарность.

Такие украшения в рязано-окской культуре появляются в период 2б, т. е. в конце III — первой трети (половине) IV вв. (Белоцерковская 2007: 194). Самые поздние из них в этой культуре относятся ко второй половине V — началу VI вв. (Заречье, погр. 46, с пластинчатыми сюльгамами серии БЗБ) (Белоцерковская 2015: 110, 115, табл. 1, рис. 2: 22). В могильниках мордвы такие подвески называются «звездчатыми», использовались как концевые привески к украшениям головных уборов (Полесских 1962: 179—188, рис. 2: 1). Характерны для IV—V вв. (группа 3 древностей). Примерами могут служить вещи из погр. 51 Селикса-Трофимовского могильника и погр. 10 Ражкинского могильника. Дата — первая половина IV в. (Гришаков 2008: 97—105, рис. 15: 3, 5). Погр. 70 Первого Армиевского могильника, судя по гривне с коробкой диаметром около 5 см, относится к V в. (Рыков 1930: рис. 15).

Коробчатые привески известны и в Чувашии: на городище Ножа-Вар, в погр. 55 Иваньковского могильника (Мясников 2013: рис. 11: 32; 14: 10).

Показательна находка накладки-амулета в виде кольца с шишечками с выступающим за его пределы стилизованным изображением головы человека (рис. 16: 13). Аналогии таким изделиям с разной степенью упрощения изображения известны на поселении Рябовка-3 (восток Днепровского Левобережья) (Обломский, Терпиловский 2001: рис. 8: 5) и Ярок-9 (верховья р. Воронеж)[2].

С поселения происходят три обломка зеркал из белого металла с петлей на обороте и орнаментом в виде двух концентрических валиков (рис. 16: 9—11). Подобные вещи распространены чрезвычайно широко, но на территории Верхнего Подонья они характерны для памятников типа Чертовицкое-Замятино (Обломский, Козмирчук 2016: 161—162). На памятниках пеньковской культуры, элементы которой тоже известны в Верхнем Подонье, зеркала встречаются лишь в виде исключения (Приходнюк 1998: 39, рис. 76: 7), а на колочинских не известны вовсе.

Таким образом, комплекс украшений поселения Стаево-4 демонстрирует связи его обитателей с югом (Причерноморье, Северный Кавказ, возможно, Подунавье) и с севером (Поочье, финно-угорский мир).

Металлургия. Химический анализ шлаков был проведен В. И. Завьяловым (ИА РАН). Результаты изложены в приложении 1. Они свидетельствуют о наличии на поселении производства черного металла.

На памятнике неоднократно встречены куски железной руды (274 экз.) и металлургические шлаки (820 экз.). О том, что остатки металлургии связаны именно с раннесредневековым периодом заселения памятника, свидетельствуют неоднократные находки кусков руды и шлаков в сооружениях вместе с керамикой и вещами этого времени. Повышенная концентрация остатков металлургии наблюдалась в объектах 11 и 13, описание которых приводится выше.

В культурном слое раскопа 1 находки шлаков в плане распределены приблизитель-

[2] Фотография этой вещи опубликована на обложке издания «Тамбовские древности», вып. 3 (Тамбов, 2012 г.).

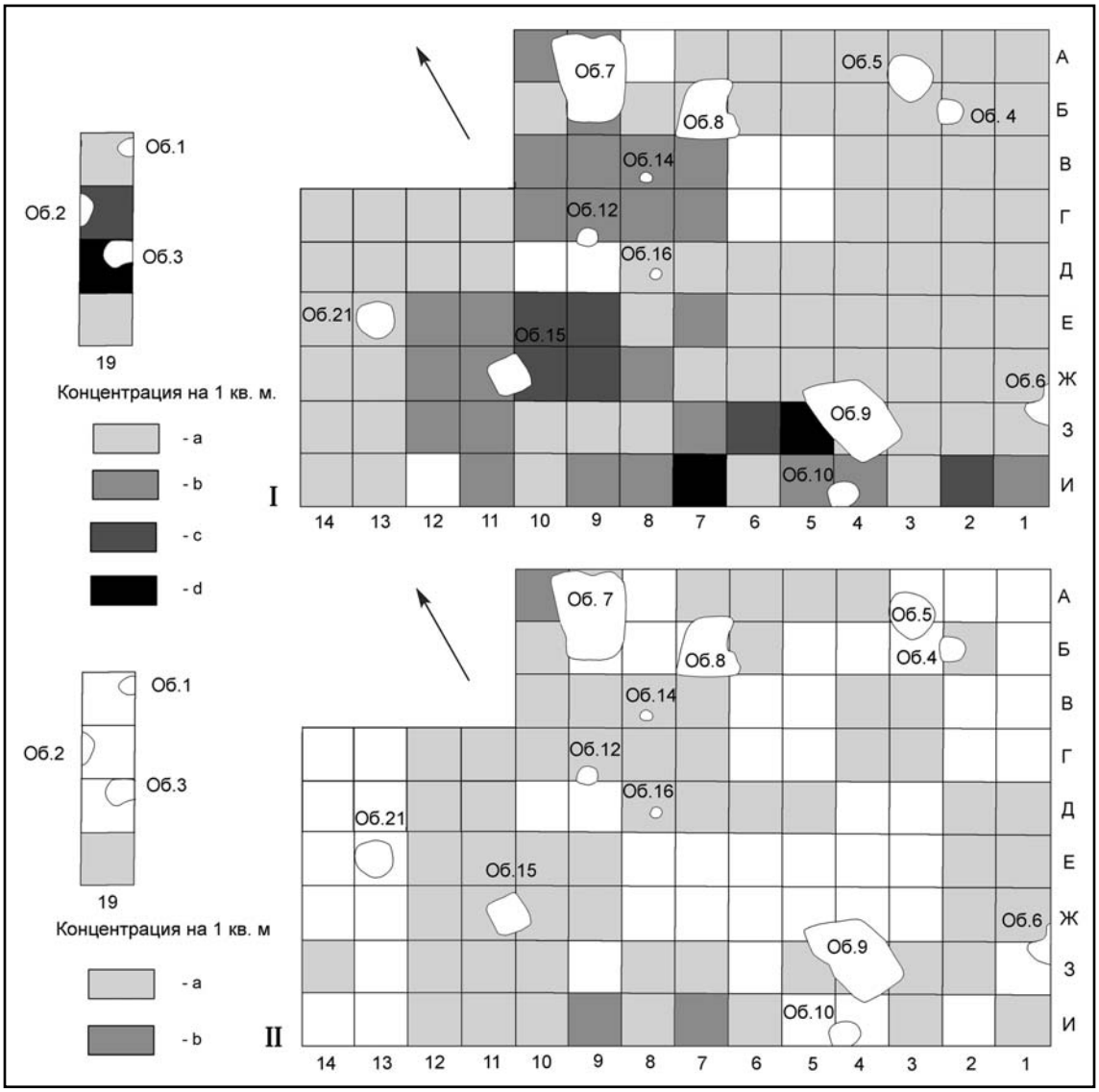

Рис. 17. Стаево-4, раскоп 1, концентрация металлургических шлаков (I) и железной руды (II) в культурном слое: a — 1—5; b — 6—10; c — 11—15; d — более 15 находок на 1 кв. м (по Обломский 2015b: рис. 47; 48).

Fig. 17. Stayevo-4, excavation 1, concentration of metallurgical slags (I) and iron ore (II) in the cultural layer: a — 1—5; b — 6—10; c — 11—15; d — more than 15 finds per 1 square meter (after Обломский 2015b: рис. 47; 48).

но так же, как и керамика раннего средневековья (рис. 17: I), что дополнительно указывает на связь производства металла с этим периодом. Менее отчетлива картина распределения кусков руды (рис. 17: II). В культурном слое раскопов 2—4 шлаков и руды гораздо меньше, но именно здесь находятся объекты, непосредственно связанные с производством железа (№11 и 13). К сожалению, ни один из них не сохранился полностью. Объект 11 представлял собой специализированную постройку с небольшой печью, где производилось измельчение и обогащение руды (обжиг, смешивание с углем и известняком в виде костей).

Сложнее понять предназначение объекта 13, особенно потому, что в плане его восстановить невозможно. Тем не менее, аналогии подобным сооружениям неправильной формы с разнообразными ямами и вырезами в нижней части имеются. В раннеримское время они известны в Карпатах (поселение Ремезивцы), на их краях были установлены металлургические горны (Бидзиля и др. 1983: рис. 12; 13). Хронологически и территориально более близкой к Стаево является обширная землянка на поселении Писарево в бассейне р. Красивая Меча (Верхнее Подонье). Это сооружение относится к культурной группе типа Каширки-Седелок середины III —

Таблица 1.

Индивидуальные находки раннего средневековья из раскопов и подъемного материала поселения Стаево-4

№	Раскоп или подъемный материал (ПМ)	Условия находки	Характер находки	Рисунок №
1	1	Кв. Б-2	Бронзовая фибула	16: 1
2	1	Кв. Е-13	Фрагмент зеркала из белого металла	16: 10
3	1	Кв. И-4	Железный серп	15: 20
4	1	Кв. В-19	Крупный кусок шлака	
5	1	Кв. А-2	Фрагмент железного серпа или серповидного ножа	15: 15
6	1	Кв. И-12	Железный пробойник	14: 20
7	ПМ		Железный пробойник	14: 17
8	ПМ		Железный пробойник	14: 19
9	1	Кв. А-5	Выплеск бронзы	
10	1	Кв. А-4	Фрагмент железного ножа	15: 9
11	ПМ		Фрагмент бронзового прутика с расплющенным концом	16: 16
12	ПМ		2 фрагмента железных ножей	15: 7, 8
13	ПМ		Бронзовый солярный амулет	16: 13
14	1	Кв. Б-7	Бронзовое кольцо	16: 17
15	ПМ		Железный пробойник	14: 14
16	ПМ		Железный пробойник	14: 16
17	ПМ		Железный язычок пряжки	15: 27
18	ПМ		Фрагмент железного серпа или серповидного ножа	15: 18
19	ПМ		Железный наконечник стрелы	15: 28
20	1	Кв. А-3	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	14: 12
21	1	Кв. А-9	Точильный камень	
22	ПМ		Фрагмент железного ножа	15: 10
24	ПМ		Кованый кусочек железа (поковка)	
25	ПМ		Железный наконечник стрелы	15: 29
26	ПМ		Фрагмент железного серпа или серповидного ножа	15: 21
27	ПМ		Кованый кусочек железа (поковка)	
28	1	Кв. И-7	Фрагмент железного ножа	15: 11, 13
29	1	Кв. З-8	Железный рыболовный крючок	15: 25
30	ПМ		Железный рыболовный крючок	15: 24
31	ПМ		Фрагмент железного ножа	15: 12
32	2	Кв. А-2	Фрагмент железного ножа	15: 5
33	ПМ		Фрагмент железного ножа	15: 4
34	2	Кв. А-1	Кованый кусочек железа (поковка)	
35	2	Кв. А-1, промоина	Железный пробойник	14: 22
36	ПМ		Железный наконечник стрелы	15: 30
37	1	Кв. И-5	Фрагмент железного ножа	15: 2
38	ПМ		Железный пробойник	14: 15
39	1	Кв. И-4	Свинцовая бусина	16: 8
40	1	Кв. З-1	Бронзовая фибула	16: 2
41	ПМ		Фрагмент зеркала из белого металла	16: 9
42	ПМ		Пряжка бронзовая или из плохого серебра	16: 4
43	ПМ		Фрагмент язычка пряжки из белого металла	16: 5
44	ПМ		Бронзовая овальная подвеска	16: 6
45	1	Кв. З-8	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	14: 4
46	ПМ		Железная булавка	15: 23
48	1	Кв. В-3	Фрагмент лезвия железного топора	14: 23
50	ПМ		Железный нож	15: 1
51	ПМ		Фрагмент железного серпа или серповидного ножа	15: 17
52	ПМ		Бронзовая пластинка	
53	1	Кв. И-7	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	14: 5
54	1	Кв. Г-9	Глиняное пряслице с шероховатой поверхностью	14: 9

Таблица 1 (продолжение).

№	Раскоп или подъемный материал (ПМ)	Условия находки	Характер находки	Рисунок №
55	3	Кв. В-2	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	14: 3
57	3	Объект 11, заполнение	Железный рыболовный крючок	8: 57
58	3	Объект 11, заполнение	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	8: 58
59	3	Объект 11, заполнение	Железный пробойник	8: 59
60	3	Объект 11, заполнение	Фрагмент глиняного грузила	8: 60
61	3	Объект 11, заполнение	Фрагмент глиняного грузила	8: 61
62	1	Культурный слой	Фрагмент глиняного грузила	14: 13
63	3	Объект 11, заполнение	2 глиняных пряслица с шероховатой поверхностью	8: 63
64	1	Кв. Г-9	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	14: 2
65	3	Культурный слой	Фрагмент глиняного пряслица с подлощенной поверхностью	14: 10
66	1	Кв. В-Г-7	Глиняное пряслице с шероховатой поверхностью	14: 6
67	3	Объект 11, заполнение	Фрагмент глиняного грузила	8: 67
68	1	Кв. Е-10	Глиняное пряслице с шероховатой поверхностью	14: 7
69	3	Объект 11, заполнение	Железный рыболовный крючок	8: 69
70	ПМ		Бронзовый наконечник ремня	16: 18
71	ПМ		Фрагмент железного ножа	15: 14
72	1	Кв. Ж-6	Накладка на ремень из серебра	16: 15
73	3	Объект 11, заполнение	Глиняное пряслице с шероховатой поверхностью	8: 73
74	3	Объект 11, заполнение	Глиняное пряслице	
75	3	Объект 11, заполнение	Фрагмент глиняного грузила	8: 75
76	1	Кв. Д,8	Бронзовая подвеска с тремя отверстиями	16: 7
77	3	Объект 11, заполнение	Фрагмент глиняного пряслица с лощеной поверхностью	8: 77
78	ПМ		Фрагмент железного серпа или серповидного ножа	15: 19
79А	3	Объект 11, заполнение	Глиняное пряслице с шероховатой поверхностью	8: 79А
79	2	Объект 13, яма А, заполнение	Бронзовая пряжка с железным язычком	10: 79
80	ПМ		Фрагмент зеркала из белого металла	16: 11
82	4	Восточная часть раскопа	Фрагмент железного ножа	15: 6
83	1	Кв. Ж-14	Фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью	14: 1
85	1	Кв. Ж-11	Глиняное грузило	11: 5
86	1	Кв. Ж-10	Глиняное грузило	11: 3
87	1	Кв. Ж-10	Фрагмент глиняного грузила	11: 4
88	1	Объект 21, заполнение	Фрагмент глиняного грузила	11: 8
89	5	Кв. Е-1	Нож железный	15: 3
90	5	Кв. Б-1	Кольцо бронзовое	16: 12
91	5	Кв. Л-1	Глиняное пряслице	14: 11
92	5	Кв. Н-2	Пробойник железный	14: 21
93	ПМ		Бронзовая коробчатая подвеска	16: 14
94	ПМ		Ножка бронзовой фибулы	16: 3
96	ПМ		Серповидный нож	15: 16
97	ПМ		Железный резец	15: 22

Таблица 1 (окончание).

№	Раскоп или подъемный материал (ПМ)	Условия находки	Характер находки	Рисунок №
98	ПМ		Железный язычок пряжки	15: 26
99	ПМ		Железное зубило	14: 18
100	ПМ		Обломок лезвия железного топора	14: 24
101	ПМ		Железный инструмент	14: 25

начала/первой половины IV в. (Обломский 1998: рис. 2). По материалам из заполнения, постройка также была связана с металлургическим производством.

Горны для получения железа на поселении пока не обнаружены. Не исключено, что они находились либо в его окрестностях, либо на разрушенном оврагами приречном участке.

В целом, объекты поселения (небольшие постройки, ямы, которых очень мало, производственные сооружения) не производят впечатления предназначенных для постоянного обитания. Скорее всего, мы исследовали участок рабочей зоны, которая посещалась эпизодически, вероятно, в летний период, но в течение довольно длительного времени.

* * *

Проводившиеся ранее в Верхнем Подонье исследования раннесредневековых памятников показали, что на них представлены (в первую очередь, по лепной керамике) элементы колочинской (Ярлуково, Кривец-4, Коровий Брод, Новоникольское-8, вероятно, Терешковский Вал) и пеньковской (Ярок-5, 9, Красный Городок-4, вероятно, Большая Кузьминка) культур. На некоторых памятниках вместе с раннеславянской лепной керамикой обнаружена посуда окского (скорее всего, рязано-окского) круга и украшения финно-угорского происхождения (Кривец-4, Ярок-5, Красный Городок-4, Стаево-5). Керамика, близкая к окской, происходит из Лавского комплекса на окраине г. Елец[3]. Известны в Верхнем Подонье и находки отдельных деталей поясной гарнитуры геральдического стиля (кроме тех, которые обнаружены в Стаево-4 — Красный Городок-2, Кривец-4, Стаево-5), браслетов с расширенными и расплющенными концами, днепровских пальчатых антропозооморфных фибул и других вещей круга происходящих из днепровских кладов первой группы по О. А. Щегловой (Обломский 2011; 2012a; 2012b; 2016a; Зиньковская 2012: 153, рис. 1: 3). Около г. Острогожск на юге Верхнего Подонья найден клад украшений типа Мартыновского (Березуцкий и др. 2017).

Территория лесостепного Подонья в раннем средневековье, очевидно, представляла собой зону колонизации различными группами славянского и финского населения, причем сочетание элементов культуры этих групп было весьма причудливым. Каково же место поселения Стаево-4 среди памятников Верхнего Подонья?

По хронологическим индикаторам раннесредневековый горизонт этого селища датируется второй половиной V—VII вв. По формам лепных сосудов, составу керамического комплекса, находкам конических грузил для ткацких станков, набору пряслиц, традиции использования зеркал, ранних пальчатых и гибридных пальчато-двупластинчатых фибул памятник относится к группе Чертовицкое-Замятино и является самым поздним изо всех известных. В лепной керамике наиболее выразительны «пост-киевская» и «окская» традиции. Для археологии Верхнего Подонья исследование памятника подобного типа — принципиально новое явление, поскольку верхняя граница древностей круга Чертовицкое-Замятино ранее определялась в рамках конца V в. (Обломский 2015a). Разумеется, вывод о существовании памятников типа Чертовицкое позже этого рубежа нуждается в дополнительном подтверждении. Отмечу, что керамический комплекс и набор вещей, очень близкий к происходящему с поселения Стаево-4, получен на соседнем селище Стаево-5, раскопки которого начаты в 2016 г. Эти исследования предполагается продолжить. Не исключено, что после исчезновения памятников типа Чертовицкое-Замятино на Дону не позднее конца V в. — начала VI в., какие-то группы донского населения с традициями местной культуры гуннского времени переселились в верховья р. Воронеж.

[3] Сердечно благодарю автора раскопок Н. А. Тропина за сведения об этих находках.

Приложение.

И. Гошек, В. И. Завьялов.

Химический состав металлургических артефактов из поселения Стаево-4

Исследован химический состав образцов шлака и металлургического конгломерата из поселения Стаево-4. Работы проводились с использованием рентгенофлуоресцентного метода в лаборатории реставрации Института археологии Академии наук Чешской Республики (Прага) на анализаторе NITON XL3t GOLDD+. Анализом определено процентное содержание основных элементов (табл. 2).

Анализ соотношения содержания железа, кремния и алюминия (рис. 18) — главных составляющих металлургических артефактов — демонстрирует присутствие в исследованной коллекции двух групп: с высоким (выше 40%) содержанием железа (соответственно низким содержанием кремния и алюминия): образцы 1187, 1188—1189, 1190, 1195, 1197, 1198—1199; и низким (ниже 40%) содержанием железа: образцы 1192—1194, 1196. Группа с низким содержанием железа является собственно шлаком, то есть стекловидной массой, получившейся в ходе расплава пустой породы, основу которой составляют кремнезём (SiO_4) и глинозём (Al_2O_3). Группа с высоким содержанием железа представлена металлургическим конгломератом — механической смесью недоошлакованной пустой породы, перезакиси железа (магнетита Fe_3O_4) и мелких фрагментов восстановленного железа (корольков).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о присутствии на поселении

Таблица 2.

Содержание основных элементов в металлургических артефактах (в %)

№ п/п	Полевой шифр	№ анализа	Fe	Si	Al	Zr	Mn	Ti	V	Cr	Ca	P
1.	Р-1 И-7	1199	61,259	16,083	12,82	0,004	0,663	0,068	0,017	0,018	0,561	0,401
2.	Р-1 И-7	1189	62,409	11,636	8,913	0,003	0,343	0,067	0,018	0,012	0,241	0,113
3.	Р-1 З-4	1196	35,165	33,895	20,921	0,008	0,218	0,311	—	0,015	1,037	—
4.	Р-1 З-4	1197	59,753	10,923	7,654	0,02	0,588	0,065	0,024	0,018	0,465	0,55
5.	Р-1 З-7	1198	47,657	17,443	11,468	0,003	0,39	0,109	0,02	0,019	0,899	0,316
6.	Р-1	1190	61,121	13,144	7,091	0,004	0,599	0,057	0,021	0,017	0,366	0,181
7.	Р-1 Б-6	1192	19,13	31,908	12,069	0,027	0,213	0,264	0,012	0,01	0,881	—
8.	Р-1 И-7	1187	48,218	24,832	21,762	0,011	0,426	0,237	0,012	0,014	1,002	0,232
9.	Р-1 И-7	1194	36,039	19,427	14,375	0,007	0,665	0,089	0,014	0,013	3,391	1,188
10.	Р-1 И-7	1195	44,131	16,744	10,744	0,009	0,494	0,113	0,015	0,011	3,558	2,15
11.	Р-2	1193	21,798	40,057	3,621	0,027	0,068	0,077	—	0,008	1,163	—
12.	Р-2	1188	58,282	14,929	11,473	0,008	0,076	0,101	0,014	0,014	1,221	0,553

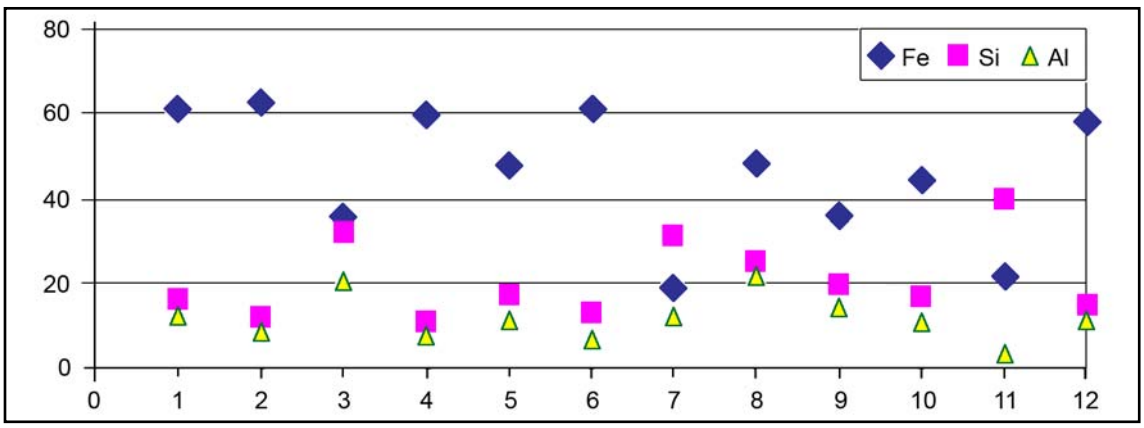

Рис. 18. Соотношение содержания железа, кремния и алюминия в образцах (по оси *x* — порядковый номер образца по табл. 2, по оси *y* — содержание элемента в %).

Fig. 18. The ratio of iron, silicon and aluminum in the samples (X-axis: number of sample by table 2; Y-axis: content of element in %).

Таблица 3.

Оксиды в шлаках (в %%) из Истье-2 и Стаево-4, определённые РФА-методом*

Памятник	MnO	CaO	K2O	Al2O3	SiO2	MgO
Истье 2	1,32	6,08	2,58	26,44	37,41	2,54
Истье 2	1,08	6,23	2,60	25,89	36,25	0,00
Истье 2	1,10	1,12	0,61	13,80	27,95	2,86
Истье 2	0,72	0,67	0,48	10,89	25,21	2,74
Истье 2	0,08	0,59	0,15	7,86	10,79	0,00
Истье 2	1,14	4,06	2,26	26,63	33,75	0,00
Истье 2	0,97	2,72	2,08	25,50	30,47	3,22
Истье 2	1,04	3,19	2,02	20,17	34,03	4,08
Истье 2	0,85	3,28	1,94	20,51	32,21	0,00
Истье 2	0,05	1,13	0,57	6,39	13,03	0,00
Стаево 4	0,55	1,40	1,09	41,13	53,14	3,64
Стаево 4	0,10	1,71	0,80	21,68	31,95	0,00
Стаево 4	0,44	0,34	0,38	16,84	24,91	0,00
Стаево 4	0,77	0,52	0,70	13,40	28,12	3,17
Стаево 4	0,21	1,43	2,01	24,10	92,13	0,91
Стаево 4	0,27	1,23	1,51	22,81	68,29	0,00
Стаево 4	0,09	1,62	1,82	6,84	85,73	0,00
Стаево 4	0,86	4,75	2,80	27,16	41,58	0,00
Стаево 4	0,63	4,98	1,34	20,30	35,82	3,09
Стаево 4	0,28	1,46	1,95	39,54	72,52	5,08
Стаево 4	0,76	0,66	0,38	14,46	23,37	0,00
Стаево 4	0,50	1,26	2,01	21,68	37,32	0,00
Стаево 4	0,85	0,78	1,04	24,23	34,41	0,00

* Примечание: оксиды FeO в обработку данных не включены.

Таблица 4.

Корреляционная матрица собственных значений

Собственные значения	2,6088	1,4535	1,1094	0,4364	0,2875	0,1044
Пропорция	0,435	0,242	0,185	0,073	0,048	0,017
Совокупность	0,435	0,677	0,862	0,935	0,983	1,000

Таблица 5.

Анализ собственных данных корреляционной матрицы — коэффициентов

Переменная	PC1	PC2	PC3	PC4	PC5	PC6
MnO	0,388	0,547	-0,158	0,023	0,701	-0,182
CaO	0,504	0,275	0,295	0,203	-0,558	-0,481
K_2O	0,551	-0,110	0,328	0,167	0,041	0,739
Al_2O_3	0,452	-0,280	-0,252	-0,800	-0,083	-0,082
SiO_2	0,205	-0,728	0,118	0,337	0,365	-0,410
MgO	0,213	-0,068	-0,839	0,420	-0,236	0,122

Стаево-4 металлургического производства, в ходе которого, наряду с рудой, возможно, использовался и металлургический конгломерат, полученный в ходе предыдущих плавок. О возможности вторичной переработки отходов металлургического производства писал А. Эспелунд (Espelund 2005).

Имеющийся в настоящее время банк аналитических данных по химическому составу металлургических артефактов из памятников Северной Евразии позволяет провести сравнительный анализ полученных результатов с материалами из других металлургических комплексов. В частности, мы привлекаем анализы шлаков из поселения Истье-2, находящегося в 175 км к северо-северо-востоку от поселения Стаево.

Поселение Истье-2 расположено на правом (восточном) склоне долины р. Истья (правый приток р. Ока). На памятнике выявлены следы металлургического производства — многочисленные фрагменты железных шлаков, кричного железа, фрагменты керамических сопел (Завьялов, Терехова 2013: 26—27). Ке-

Таблица 6.

Множества, высчитанные для Первого, Второго и Третьего компонентов (PC1, PC2 и PC3)

Памятник	PC1	PC2	PC3
Истье 2	2,91	1,23	0,06
Истье 2	2,39	1,08	1,43
Истье 2	-0,69	1,15	-1,29
Истье 2	-1,46	0,76	-1,14
Истье 2	-2,98	0,59	0,31
Истье 2	1,62	0,94	0,89
Истье 2	1,27	0,55	-0,88
Истье 2	1,31	0,74	-1,11
Истье 2	0,58	0,71	0,91
Истье 2	-2,62	0,55	0,63
Стаево 4	0,89	-1,39	-1,83
Стаево 4	-1,30	-0,46	0,47
Стаево 4	-1,95	0,26	0,04
Стаево 4	-1,09	0,59	-1,36
Стаево 4	0,35	-2,70	0,69
Стаево 4	-0,38	-1,68	0,78
Стаево 4	-0,88	-2,02	1,58
Стаево 4	2,00	0,30	1,35
Стаево 4	0,84	0,50	-0,43
Стаево 4	1,50	-2,55	-1,92
Стаево 4	-1,67	0,89	0,02
Стаево 4	-0,16	-0,31	0,75
Стаево 4	-0,50	0,26	0,06

рамический комплекс поселения можно датировать в пределах конца XI — начала XIV вв., причём основную массу (до 80%) составляет керамика XII—XIII вв. (Стрикалов 2010).

Статистический анализ проводился по содержанию основных окислов (табл. 3). Полученные результаты демонстрируют различие в составе шлаков обоих памятников.

На первом этапе с целью объяснить максимальную дисперсию с наименьшим количеством основных компонентов был проведён анализ по методу главных компонент (Principal component analysis — PCA). Основными компонентами являются линейные комбинации исходных переменных, учитывающие дисперсию данных. Результаты анализа основных компонентов представлены в табл. 4 и 5 и на рис. 18 и 19.

Результат PCA показывает, что имеются три основных компонента, которые в сумме охватывают 86% отклонений (**Первый** компонент представляет 43,5%, **Второй** — 24,2% и **Третий** — 18,5% отклонений).

Таблица 6 и рис. 18 демонстрируют, что изменение в содержании таких окислов, как K_2O, CaO, Al_2O_3 и MnO, представляются наиболее значимыми при формировании Первого компонента, а изменение в содержании

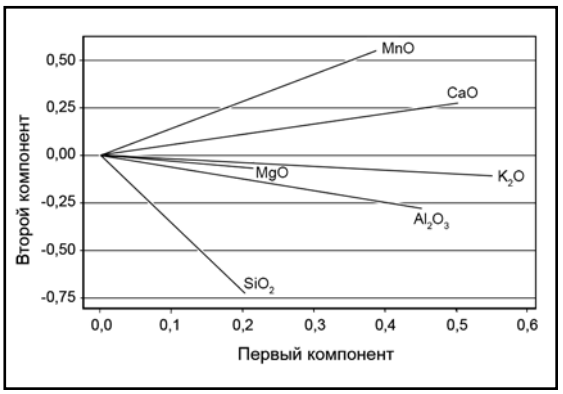

Рис. 19. Диаграмма распределения оксидов, определённых РФА-методом, которая показывает, что MnO и SiO_2 имеют большое значение (MnO положительное, SiO_2 отрицательное) для Второго компонента.

Fig. 19. Distribution of oxides determined by the XRF method, which shows that MnO and SiO_2 are of great importance (MnO positive, SiO_2 negative) for the Second component.

SiO_2 и MnO — наиболее значимыми при формировании Второго компонента. Изменение содержания окиси марганца (MgO) наиболее значимо при формировании Третьего компонента. Справедливость этого утверждения была проверена с помощью факторного анализа.

Построенные расчётные графики (рис. 19) показывают, что Второй компонент (PC2) важен для определения различий в химическом составе между образцами шлака из Истье-2 и Стаево-4.

Расчёт Второго основного компонента проведён исходя из данных, представленных в табл. 3, с применением коэффициентов для PC2 в табл. 5, приведённых ниже:

$$PC2 = 0{,}547\,MnO + 0{,}275\,CaO — 0{,}11\,K_2O — 0{,}28\,Al_2O_3 — 0{,}728\,SiO_2 — 0{,}068\,MgO \quad (1)$$

На втором этапе для того, чтобы определить, действительно ли шлаки из Истья-2 отличаются от шлаков из Стаево-4, была проведена проверка полученных результатов с применением t-метода Стьюдента. В результате этого анализа оказалось, что PC2 для материалов из Истья-2 составляют $0{,}83 \pm 0{,}256$, в то время как образцы из Стаево-4 показали значение $-0{,}64 \pm 1{,}27$, и, таким образом, выборки различаются.

Итак, мы можем заключить, что имеет место различие в химическом составе образцов шлаков из Истья-2 и Стаево-4. Уравнение (1) может предоставить данные для заключения о том, происходили ли проанализированные шлаки или шлаковые включения из поселения Истье-2 или Стаево-4.

Литература

Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 1—87.

Айбабин А. И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: Дар.

Ахмедов И. Р. 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) В: Исланова И. В., Родинкова В. Е. (отв. ред.). *Археология Восточной Европы в 1 тыс. н. э. Проблемы и материалы*. РСМ 13. Москва: ИА РАН, 7—34.

Ахмедов И. Р. 2016. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях. В: Никитин А. О. (отв. ред.). *Древности Поочья*. Сборник научных работ к 60-ти летию В. В. Судакова. Рязань: РИКО, 64—87.

Белоцерковская И. В. 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тыс. н. э.* РСМ 9. Москва: ИА РАН, 186—212.

Белоцерковская И. В. 2015. Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации. В: Гавритухин И. О., Воронцов А. М. (отв. ред). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 4. Ч. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 107—131.

Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., Куцев Е. А. 2017. Острогожский клад (последняя треть — конец VII в. н. э.). *РА* (1), 135—144.

Бидзиля и др. 1983: Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В. 1983. *История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Бирюков И. Е. 2013. Раскопки поселения Большая Кузьминка-4А в Липецком районе. В: Найденов А. А., Чалых Н. Е. (отв. ред.). *Археологические открытия 2013 г. в Липецкой области*. Липецк: Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области, 14—15.

Бирюков и др. 2016: Бирюков И. Е., Голотвин А. Н., Захарова Е. Ю., Чендев Ю. Г. 2016. Раскопки поселения Красный Городок 4 на р. Польной Воронеж (предварительная информация) В: Моисеев Н. Б. (отв. ред.). *Тамбовская старина* 5. Тамбов: ООО «ТПС», 43—49.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.

Володарець-Урбанович Я. В., Сидоренко О. В. 2016. Про обстеження місця знахідки Хитцівського («Лубенського») скарбу. В: Супруненко О. Б. (отв. ред.). *Старожитності Посулля*. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ; УТОПІК, 119—132.

Гавритухин И. О. 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек. В: Сташенков Д. А. (отв. ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма)*. Самара: СОИКМ, 31—86.

Гавритухин И. О. 2004а. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени*. РСМ 6. Москва: ИА РАН, 89—94.

Гавритухин И. О. 2004б. Среднеднепровские ингумации второй половины V — VI вв. В: Горюнова В. М., Щеглова О. А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем* средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 221—227.

Гавритухин И. О. 2011. Фибулы типа Удине-Планис. В: Шаров О. В. (отв. ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Санкт-Петербург; Кишинёв: ВАШ, 463—490.

Гавритухин И. О. 2016. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.)*. РСМ 16. Москва: ИА РАН, 212—240.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: ИА РАН.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. 2007. Днепровское лесостепное Левобережье. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине 1 тыс. н. э.* РСМ 9. Москва: ИА РАН, 9—72.

Гришаков В. В. 2008. Хронология мордовских древностей III—IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья. В: Белорыбкин Г. Н. (отв. ред.). *Пензенский археологический сборник* 2, 82—137.

Завьялов В. И., Терехова Н. Н. 2013. *Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского*. Москва: ИА РАН.

Зиньковская И. В. 2012. О находках раннесредневековых женских украшений в Верхнем Подонье. В: Винников А. З., Лыкова М. И. (отв. ред.). *Дивногорский сборник* 3. Воронеж: Научная книга, 151—153.

Казанский М. М. 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв. *Stratum plus* (5), 43—96.

Комар А. В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII вв. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 5. Донецк: ДонНУ, 7—244.

Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. 2006. Погребения кочевников VII—VIII вв. из Северо-Западного Приазовья. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 5. Донецк: ДонНУ, 245—374.

Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. *МАИЭТ* V, 352—435.

Мастыкова А. В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в.* Москва: Таус.

Мясников Н. С. 2013. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I—VIII веках нашей эры в свете археологических данных. В: Николаев Г. А. (отв. ред.). *Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Научные доклады* 13. Чебоксары, 1—68.

Обломский А. М. 1998. Находки позднеримского вре-

мени на поселении Писарево. В: Медведев А.П. (отв. ред.). *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс.н.э.* Воронеж: ВГУ, 110—123.

Обломский А.М. (отв. ред.). 2007. *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс памятников гуннского времени.* РСМ 6. Москва: ИА РАН.

Обломский А.М. 2011. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона. *Stratum plus* (5), 51—60.

Обломский А.М. 2012a. Материалы VI—VII вв. в Лесостепном Подонье (некоторые итоги раскопок поселения Кривец-4). В: Супруненко О.Б. (отв. ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я.* Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ; УТОПІК, 51—59.

Обломский А.М. 2012b. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования. В: Андреев С.И. (отв. ред.). *Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины* 3. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 172—229.

Обломский А.М. 2015a. Хронология верхнедонских памятников середины I тыс.н.э. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V в.).* Раннеславянский мир 16. Москва: ИА РАН, 291—295.

Обломский А.М. 2015b. *Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2015 г. на поселении Стаево-4 Мичуринского р-на Тамбовской обл.* Архив ИА РАН, Р-1, № 48851, 48852.

Обломский А.М. (отв. ред.). 2015. *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.).* РСМ 16. Москва: ИА РАН.

Обломский А.М. 2016a. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья. В: Кызласов И.Л. (отв. ред.). *Степи Восточной Европы в средние века.* Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. Москва: Авторская книга, 119—149.

Обломский А.М. 2016b. *Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедиции в 2016 г. на поселениях Стаево-4 и 5 Мичуринского р-на Тамбовской обл.* Архив ИА РАН, Р-1, № 51906, 51907.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2001. Славянское поселение и кочевнический могильник V—VIII вв. на Ворскле. *АЛЛУ* 1. Полтава: ВЦ Археологія, 5—16.

Обломский А.М., Родинкова В.Е. 2015. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в.н.э. Хронология событий. *КСИА* 235, 308—403.

Обломский А.М., Козмирчук И.А. 2016. Могильник гуннского времени Ксизово-19. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.).* РСМ 16. Москва: ИА РАН, 134—164.

Полесских М.Р. 1962. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. *СА* (4), 179—188.

Приходнюк О.М. 1998. *Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования.* Воронеж: ВГУ.

Родинкова В.Е. 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени. *РА* (4), 78—87.

Рыков П.С. 1930. *Культура древних финнов в районе р. Узы.* Саратов: СГУ.

Скиба А.В. 2016. *Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль.* Київ: ІА НАНУ.

Стрикалов И.Ю. 2010. Керамика селища Истье 2. В: Завьялов В.И. *Отчёт об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2009 г.* Т. 1. Москва. Архив ИА РАН. Р-1, №37615.

Щеглова О.А. 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний. *Труды ГЭ* 49, 39—65.

Espelund A. 2005. Bloomery ironmaking — witness of skill and organization in the past. В: *Международен симпозиум «Металургията в Югоизточна Европа от древността до края на XIX век»*. София: Съюз на металурзите в България, 13—21.

References

Aibabin, A.I. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) I,* 1—87 (in Russian).

Aibabin, A.I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnical History of Early Byzantine Crimea).* Simferopol: "Dar" Publ. (in Russian).

Akhmedov, I.R. 2010. In Islanova, I.V., Rodinkova, V.E. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Problems and Materials).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7—34 (in Russian).

Akhmedov, I.R. 2016. In Nikitin, A.O. (ed.). *Drevnosti Pooch'ia (Antiquities of the Oka River Basin).* Ryazan: Ryazan Historical and Cultural Society, 64—87 (in Russian).

Belotserkovskaya, I.V. 2007. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 186—212 (in Russian).

Belotserkovskaya, I.V. 2015. In Gavritukhin, I.O., Vorontsov, A.M. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods)* 4. Part 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 107—131 (in Russian).

Berezutskii, V.D., Zolotarev, P.M., Kutsev, E.A. 2017. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 135—144 (in Russian).

Bidzilya, V.I., Voznesenskaia, G.A., Nedopako, D.P., Pan'kov, S.V. 1983. *Istoriia chernoi metallurgii i metalloobrabotki na territorii USSR (III v. do n.e. — III v.n. e.) (History of Iron Metallurgy and Metal-Working on the Territory of the Ukrainian SSR in 3rd Century BC — 3rd Century AD).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Biriukov, I.E. 2013. In Naidenov, A.A., Chalykh, N.E. (eds.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2013 g. v Lipetskoi oblasti (Archaeological Discoveries of 2013 in the Lipetsk Oblast).* Lipetsk: State Department for Protection of the Cultural Heritage of the Lipetsk Oblast, 14—15 (in Russian).

Biriukov, I.E., Golotvin, A.N., Zakharova, E. Yu., Chendev, Yu.G. 2016. In Moiseev, N.B. (ed.). *Tambovskaia starina (Tambov Antiquity)* 5. Tambov: "TPS Ltd" Publ., 43—49 (in

Russian).
Veimarn, E.V., Aibabin, A.I. 1993. *Skalistinskii mogil'nik (Skalistoye Graveyard).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Volodarets-Urbanovych, Ya.V., Sydorenko, O.V. 2016. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Posullya (Antiquities of the Sula River Basin).* Kiev: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 119—132 (in Ukrainian).
Gavritukhin, I.O. 2001. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume)).* Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 31—86 (in Russian).
Gavritukhin, I.O. 2004. In Oblomskii, A.M. (comp.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Zamyatino Archaeological Complex of the Hun Period).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 89—94 (in Russian).
Gavritukhin, I.O. 2004. In Goriunova, V.M., Shcheglova, O.A. (eds.). *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Era and in the Early Middle Age).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 221—227 (in Russian).
Gavritukhin, I.O. 2011. In Sharov, O.V. (ed.). *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark).* Saint Petersburg; Kishinev: High Anthropological School University, 463—490 (in Russian).
Gavritukhin, I.O. 2016. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 212—240 (in Russian).
Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. 1996. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. 2007. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 9—72 (in Russian).
Grishakov, V.V. 2008. In Belorybkin, G.N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2, 82—137 (in Russian).
Zavyalov, V.I., Terekhova, N.N. 2013. *Kuznechnoe remeslo Velikogo kniazhestva Riazanskogo (Blacksmith's Craft of the Ryazan Principality).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Zinkovskaia, I.V. 2012. In Vinnikov, A.Z., Lykova, M.I. (eds.). *Divnogorskii sbornik (Divnogor'e Bulletin)* 3. Voronezh: "Nauchnaia kniga" Publ., 151—153 (in Russian).
Kazanskii, M.M. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 43—96 (in Russian).
Komar, A.V. 2006. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. Donetsk: Donetsk National University, 7—244 (in Russian).
Komar, A.V., Kubyshev, A.I., Orlov, R.S. 2006. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. Donetsk: Donetsk National University, 245—374 (in Russian).
Korzukhina, G.F. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) V,* 352—435 (in Russian).
Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV — seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th — Middle 6th Century AD).* Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
Myasnikov, N.S. 2013. In Nikolaev, G.A. (ed.). *Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. Nauchnye doklady (Scientific Papers of the Chuvash State Institute for Humanities)* 13. Cheboksary, 1—68 (in Russian).
Oblomskii, A.M. 1998. In Medvedev, A.P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Verkhnego Podon'ia pervoi poloviny I tysiacheletiia n.e. (Archaeological Sites of the Upper Don Region in the First Half of the I Millennium BC).* Voronezh: Voronezh State University, 110—123 (in Russian).
Oblomskii, A.M. (ed.). 2007. *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Zamyatino Archaeological Complex of the Hun Period).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 51—60 (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2012. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ya (Antiquities of the Left-Bank Dnieper Basin).* Kiev; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 51—59 (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2012. In Andreev, S.I. (ed.). *Tambovskie drevnosti. Arkheologiia Oksko-Donskoi ravniny (Tambov Antiquities: Archaeology of the Oka-Don Rivers' Plain)* 3. Tambov: Tambov State University, 172—229 (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2015. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V v.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 291—295 (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2015. *Otchet o raskopkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei v 2015 g. na poselenii Staevo-4 Michurinskogo r-na Tambovskoi oblasti (Report on Excavations by the Early Slavic Expedition in 2015 on the Stayevo-4 Settlement, Michurinsk District, Tambov Oblast).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 48851, 48852 (in Russian).
Oblomskii, A.M. (ed.). 2015. *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2016. In Kyzlasov, I.L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka (East European Steppes in Middle Ages).* Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ., 119—149 (in Russian).
Oblomskii, A.M. 2016. *Otchet o raskopkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei v 2016 g. na poseleniiakh Staevo-4 i 5 Michurinskogo r-na Tambovskoi oblasti (Report on Excavations by the Early Slavic Expedition in 2016 on*

the Stayevo-4 and 5 Settlements, Michurinsk District, Tambov Oblast). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 51906, 51907 (in Russian).

Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 2001. In *Arkheolohichnyj litopys Livoberezhnoï Ukraïny (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* 1. Poltava: "Arkheologiia" Center, 5—16 (in Russian).

Oblomskii, A.M., Rodinkova, V.E. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 235, 308—403 (in Russian).

Oblomskii, A.M., Kozmirchuk, I.A. 2016. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 134—164 (in Russian).

Polesskikh, M.R. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 179—188 (in Russian).

Prikhodniuk, O.M. 1998. *Pen'kovskaia kul'tura. Kul'turno-khronologicheskii aspekt issledovaniia (Penkovka Culture. Cultural and Chronological Aspect of Research).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Rodinkova, V.E. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 78—87 (in Russian).

Rykov, P.S. 1930. *Kul'tura drevnikh finnov v raione r. Uzy (Culture of Ancient Finnic Peoples in the Uza River Basin).* Saratov: Lower Volga Institute of Local Studies (in Russian).

Skyba, A.V. 2016. *Poyasni nabory slov'yan: heral'dychnyj styl' (Belt Sets of Slavs: Heraldic Style).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Strikalov, I. Yu. 2010. In Zavyalov, V.I. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v kremle Pereiaslavlia Riazanskogo i na poselenii Ist'e 2 Starozhilovskogo raiona Riazanskoi oblasti v 2009 g. (Report on Archaeological Research in the Kremlin of the Pereyaslavl Ryazanski Town and on the Istye-2 Settlement, Starozhilovo District, Ryazan Oblast, in 2009)* 1. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 37615 (in Russian).

Shcheglova, O.A. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 49, 39—65.

Espelund, A. 2005. Bloomery ironmaking — witness of skill and organization in the past. In *Mezhdunaroden simpozium «Metalurgiiata v Iugoiztochna Evropa ot drevnostta do kraia na XIX vek» (Metallurgy in Southeastern Europe from the Antiquity to the End of 19th Century: Scientific Symposium).* Sofia: Bulgarian Union of Metallurgists, 13—21.

Статья поступила в сборник 24 мая 2017 г.

Andrei Oblomskii (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Обломский Андрей Михайлович (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

Vladimir Zavyalov (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[2].

Завьялов Владимир Игоревич (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: v_zavyalov@list.ru

Jiři Hošek (Prague, Czech Republic). Dr. Archeologický Ústav AV ČR[3].

Гошек Иржи (Прага, Чехия). Доктор. Институт археологии Академии наук Чешской Республики.

E-mail: hosek@arup.cas.cz

Addresses: [1, 2] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; [3] Letenská 4, Malá Strana, Praha 1, 11801, Czech Republic

Д. Елинкова

К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа

Keywords: Central and Eastern Europe, Early Middle Ages, Prague-type pottery culture, Přítluky cemetery, cremation graves, contacts, trapezoidal pandants, buckles, amber

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, раннее средневековье, культура с керамикой пражского типа, могильник Пржитлуки, погребения с трупосожжением, контакты, трапециевидные подвески, пряжки, янтарь

D. Jelínková

On the Issue of Some Female Adornments from a Cremation Cemetery of the Prague-type Pottery Culture in Přítluky

The paper deals with some adornments from cremation graves of the Prague-type pottery culture (PTPC) in Přítluky. Written documents reveal that 3 graves yielded objects identifiable as bronze pendants. One grave contained a trapezoidal sheet-metal pendant with two rows of points at the lower edge, and fragments of another pendant, the second grave most probably contained fragments of a pendant of the same type, and the third grave yielded a part of an unspecified bronze pendant. Similar, mostly undecorated, trapezoidal pendants occurred, sometimes together with large trapezoidal pendants decorated with two rows of tiny points at their lower edge, in contexts of cultures of the Eastern European forest zone since the 5th century. Occurrence of such pendants among the finds of PTPC might represent a contribution of these cultures to emergence of new cultural units during migrations from the east to the west in the 2nd half of the 6th and in the early 7th century. The contacts in opposite west-eastern direction might be indicated by the occurrence of several Merovingian artefacts in Eastern Europe. Attention in this regard has been paid to buckles with trapezoidal shield with crosswise grooves at the base of the tongue, which occur with several cultures of the forest zone and one specimen was also found in a cremation grave of PTPC in the cemetery of Großprüfening, Bavaria.

Д. Елинкова

К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа

В статье рассматриваются некоторые украшения из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа (ККПТ). По сохранившейся документации бронзовые подвески были идентифицированы в трех могилах некрополя. Одна могила содержала трапециевидную пластинчатую подвеску с двумя рядами точек вдоль нижнего края и фрагменты другой подвески, вторая могила, скорее всего, содержала фрагменты подвески того же типа, в третьей могиле был фрагмент бронзовой подвески, не описанный более подробно. Аналогичные, в основном не украшенные, трапециевидные подвески, иногда вместе с большими трапециевидными подвесками, украшенными двумя рядами мелких точек вдоль нижнего края, находят в контекстах культур лесной зоны Восточной Европы уже с V века. Появление подобных подвесок среди находок ККПТ может показывать роль этих культур в возникновении новых культурных общностей во время миграций с востока на запад во второй половине VI и в начале VII вв. Контакты в противоположном направлении — с запада на восток, могут быть продемонстрированы появлением нескольких вещей меровингского круга в Восточной Европе. Особое внимание обращено на пряжки с рамкой, имеющей форму, близкую овалу, и язычком с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным рифлением, которые встречаются в нескольких культурах лесной зоны, а также один экземпляр был обнаружен в погребении ККПТ с трупосожжением на могильнике Гроспрюфенинг, Бавария.

В данной статье[1] рассматриваются некоторые предметы из инвентаря культуры с керамикой пражского типа (ККПТ)[2]. В частности, это касается вновь идентифицированных бронзовых подвесок из могильника Пржитлуки (Моравия, Чешская Республика; рис. 2: 4) и некоторых более редких находок, которые

[1] Работа выполнена в рамках программы исследовательской деятельности Института археологии Академии наук Чешской Республики в Брно на 2012—2017 гг. Благодарю Игоря Олеговича Гавритухина за научное редактирование и правку перевода этой статьи, а также за помощь при ее подготовке.

[2] В восточноевропейской литературе ее обычно называют «пражская культура».

© Д. Елинкова, 2018.

могут помочь прослеживать связи этой культуры с другими, включая весьма отдаленные.

Пластинчатые подвески, которые являлись, вероятно, частью ожерелья, до недавнего времени были известны в контексте культуры с керамикой пражского типа (далее — ККПТ) на территории Моравии только по находкам в жилище 21 в Мутеницах (рис. 1: 1). Это две «медные» подвески трапециевидной формы (одна сохранилась полностью, и от другой — фрагмент), украшенные тремя рядами пробитых или прессованных[3] мелких точек вдоль нижнего края (Klanica 2008: 38, 207 и др., obr. 22: 2, foto 20). Частью ожерелья являлись, вероятно, и три фрагмента спиралей, скорее всего, от подвесок очковидной формы из Микульчиц-Валов. Правда, на этом памятнике они были найдены не в комплексах с керамикой пражского типа, а на участке, где такая керамика присутствовала в разных контекстах,— на северном краю песчаной дюны в центральной части городища, датируемого более поздним временем (Klanica 1995: 382, 423, 433, Abb. 1: Zeitgruppen 1; Profantová 2013: 166—167, obr. 15: 5; Poláček 2008: Abb. 7: 8; Елинкова 2015: 125—126).

Недавно по сохранившейся документации бронзовые подвески были идентифицированы мною в трех могилах некрополя с трупосожжениями ККПТ в Пржитлуках, исследовавшегося Йозефом Поуликом в 1950—1954 гг. Пластинчатая подвеска трапециевидной формы и фрагменты происходят из могилы CLXXIX. Обломки, скорее всего, от трапециевидной подвески происходят из могилы CXLIX. Не описанный точнее фрагмент бронзовой подвески был найден в могиле XVII.

Могила CLXXIX (исследования 1952 г.) — ямная. В описании сказано, что среди сожжённых человеческих костей и угольков, зафиксированных на площади 28×28 см, в гумусовой насыпи северо-восточного сектора кургана 29 на глубине 50 см были найдены «три фрагмента тонкой бронзовой патинированной проволоки и фрагменты бронзовых пластинок. Один из них имеет трапециевидную форму и украшен двумя рядами мелких проколов. На одном конце он просверлен». Эти предметы, среди тех, что сохранились, не удалось найти, но приведённое выше описание позволяет вполне определённо идентифицировать их как целую трапециевидную подвеску, украшенную вдоль нижнего края двумя рядами прессованных мелких точек, с отверстием для подвешивания в верхней части, а также фрагменты еще как минимум одной, скорее всего, подобной подвески. К сожалению, их размеры неизвестны.

Могила CXLIX (исследования 1952 г.) — урновая. Судя по описанию, «нижняя часть урны в черепках» лежала под насыпью кургана 9. Сожжённые человеческие кости и угольки были разбросаны на площади 60×50 см. Из находок в могиле отмечены «бронзовое кольцо из тонкой сильно патинированной проволоки. Концы примыкают друг к другу (диаметр 1,7 см). Часть другого подобного кольца. Малые обломки очень тонко расчеканенных бронзовых пластинок». С большой долей вероятности можно считать, что это фрагменты трапециевидных подвесок и колец для их подвешивания. С ними найдена и «часть железной цепочки, от которой сохранилось одно массивнейшее звено и на нём части двух более тонких звеньев (диаметр звена 1,1 см)». Далее упоминается «стеклянный гомбик», описание которого отсутствует. Затем в описании следует: «от маленького лепного сосудика сохранилось сильно оббитое дно, незначительно вогнутое внутрь и по краю закругленное (диаметр 6,7 см). Материал зернистый, внешняя поверхность красновато-коричневая, внутренняя — черно-серая. Среди других неорнаментированных обломков — один с коническим венчиком». Среди сохранившихся находок описанные найти не удалось. Однако остались рисунки профилей четырех фрагментов (2 венчиков и 2 доньев) от, по крайней мере, двух керамических сосудов, причём приведенному выше описанию вполне соответствуют два фрагмента (рис. 3: 3, 4). «Стеклянным гомбиком» мог быть назван фрагмент серьги со стеклянной бусиной.

Могила XVII (исследования 1951 г.) обнаружена в 8 см над «štěrkem» (вероятно, имелся в виду гравий) в гумусовом слое, в непосредственной близости от могилы XVIII. В описании сказано, что «среди костей, находящихся также рядом с остатками урны, был фрагмент бронзовой подвески, 4 стеклянные бусы и биконическое глиняное пряслице во фрагментах». Часть бронзовой подвески была найдена «вместе с железным кольцом с приплавленной бусиной и фрагментом кости». Среди сохранившихся материалов описанные находки отсутствуют, за исключением остатков урны (рис. 4). Из этих фрагментов реконструируется нижняя часть большого (диаметр дна 10 см) толстостенного (толщина стенок 0,8—1,2 см)

[3] Термин применяется условно. Как наносился орнамент из точечных элементов, выпуклых с одной стороны изделия и вогнутых с обратной, — предмет особого обсуждения в каждом конкретном случае.

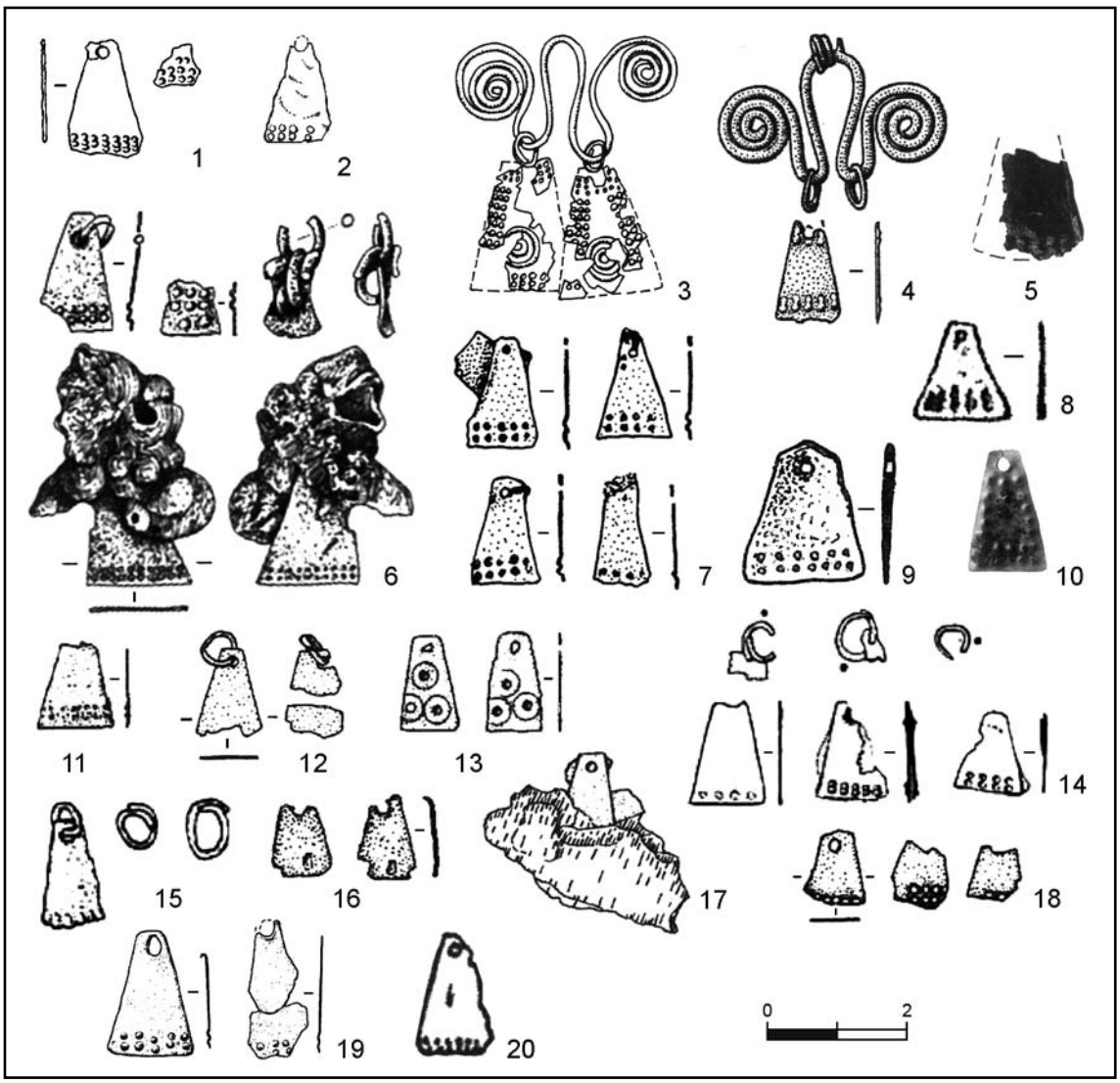

Рис. 1. Малые трапециевидные подвески 2-й половины VI — VII. вв. 1 — Мутенице (по Klanica 2008: obr. 22: 2); 2, 3 — Розтоки (по Профантова 2015: рис. 4: 4; 5: 12); 4 — Гроспрюфенинг (по Losert 2011: Abb. 3: 4, 5); 5 — Колин (по Profantová 2013: obr. 14: 5); 6 — Либерзее (по Bemman, Wesely-Arents: Taf. 59: 3, 16); 7 — Нова-Гута (по Parczewski 1988: ryc. 19: 1—4, 8); 8 — Зимно (по Аулих 1972: табл. XII: 22); 9 — Селиште (по Рафалович 1972: рис. 33: 11); 10 — Голубице (по Profantová 2013: obr. 14: 4); 11—18 — Штраубинг (по Geisler 2011: Taf. 68: 257/41—43; 144: 442/63; 183: 500/17; 186: 507/4—5; 200: 563/5; 212: 608/3—4; 242: 685/4—5; 262: 726/7—9; 19 — Оберленц (по Stadler 1998: Abb. 1: 1, 2); 20 — Линц-Цицлау (по Landenbauer-Orel 1960: Taf. 2: 13/8).

Fig. 1. Small trapezoidal pendants from the second half of the 6th and from the 7th century. 1 — Mutěnice (after Klanica 2008: obr. 22: 2); 2, 3 — Roztoky (after Профантова 2015: ris. 4: 4; 5: 12); 4 — Großprüfening (after Losert 2011: Abb. 3: 4, 5); 5 — Kolín (after Profantová 2013: obr. 14: 5); 6 — Nowa Huta-Mogiła (after Parczewski 1988: ryc. 19: 1—4); 7 — Liebersee (after Bemman, Wesely-Arents: Taf. 59. 3, 16); 8 — Zimno (after Аулих 1972: табл. XII: 22); 9 — Selişte (after Рафалович 1972: рис. 33:11); 10 — Holubice (after Profantová 2013: obr. 14: 4); 11—18 — Straubing (after Geisler 2011: Taf. 68: 257/41—43; 144: 442/63; 183: 500/17; 186: 507/4—5; 200: 563/5; 212: 608/3—4; 242: 685/4—5; 262: 726/7—9; 19 — Oberlienz (after Stadler 1998: Abb. 1: 1, 2); 20 — Linz-Zizlau (after Landenbauer-Orel 1960: Taf. 2: 13/8).

сосуда, изготовленного из теста с примесью крупной (диаметром до 5 мм) дресвы. Стенки и слегка вогнутое дно у него неровные, покрыты тонким слоем глины коричнево-серого цвета, который местами ободран. Внутри близ дна цвет поверхности у него местами тёмно-серый. Судя по описанию, бусы, среди которых некоторые были деформированы в огне, принадлежают к глазчатым. В описании находок упомянут «фрагмент бронзовой подвески», но его характеристика отсутствует (возможно, подвеска была и не трапециевидной).

Рис. 2. Распространение малых трапециевидных подвесок 2-й половины VI — VII вв. (кроме находок из лесной зоны Северо-Восточной Европы и Поднепровья). 1 — Мутенице; 2 — Розтоки; 3 — Колин; 4 — Пржитлуки; 5 — Гроспрюфенинг; 6 — Либерзее; 7 — Нова-Гута; 8 — Либице-над-Цидлиной; 9 — Зимно; 10 — Селиште; 11 — Голубице; 12 — Штраубинг; 13 — Оберленц; 14 — Линц-Цицлау. Без нумерации — находки из Карпатского бассейна (Алатьян, Будапешт, Болы, Дьод, Колкед–Фекетекапу, Орослань, Печь–Козтемето, Покасепетк, Завод, Зоммерейн) и Мазурского поозерья (Гасиор, Камень, Косево, Миентке, Келлары, Тумяны, Лелески).
Условные обозначения: a — подвески из закрытых поселенческих и могильных комплексов ККПТ; b — подвески, связь которых с ККПТ вероятна или под сомнением; c — подвески из могил с трупоположением меровинского круга, Аварского каганата, олштынской группы и др.; d — положение культур и культурных групп лесной зоны.

Fig. 2. Distribution map of the small trapezoidal pendants in the second half of the 6th and in the 7th centuries (without finds from the north-eastern European forest zone). 1 — Mutěnice; 2 — Roztoky; 3 — Kolín; 4 — Přítluky; 5 — Großprüfening; 6 — Liebersee; 7 — Nowa Huta-Mogiła; 8 — Libice nad Cidlinou; 9 — Zimno; 10 — Selişte; 11 — Holubice; 12 — Straubing; 13 — Oberlienz; 14 — Linz-Zizlau. Without numbered finds from the Carpathian basin: Alattyán, Bóly, Budapest, Gyód, Kőlked Feketekapu, Oroszlány, Pecs Kőztemető, Pókaszepetk, Závod, Sommerein and Masurian lakeland: Gąsior, Kamień, Kosewo, Miętkie, Kielary, Tumiany, Leleseki. Legend: a — trapezoidal pendants from the settlement and grave context of PTPC; b — pendants with probable or uncertain connection with the PTPC; c — trapezoidal pendants from Merovingian or Avar inhumations and from the inhumations of the Olsztyń group; d — direction of arrow shows the position of the forest-zone cultures.

В ареале ККПТ трапециевидные подвески чаще всего встречаются в контексте селищ (рис. 2). Кроме вышеупомянутого объекта из Мутениц, они найдены в двух объектах (1708 и 1717) ККПТ на селище Розтоки близ Праги (рис. 1: 2, 3; Профантова 2015: 103, рис. 4: 4; 5: 11, 12) и в объекте 2006/V из Колина-над-Лабой (рис. 1: 5; Профантова 2015: 103, рис. 4: 9) (оба памятника — в Чехии). Для трапециевидных подвесок с акрополя городища Либлице-над-Цидлиной (Профантова 2015: 103, табл. 2) изображения и описания не опубликованы, а для находки подвески из Голубиц (рис. 1: 10; Profantová 2013: 165, obr. 14: 4; Профантова 2015: 103, табл. 2) не доказано наличие контекста ККПТ (оба памятника тоже в Чехии). В контексте ККПТ интересующие нас находки сделаны в кладе из ямы 45 селища Нова-Гута 62A (рис. 1: 7; Parczewski 1988: 160—161, ryc. 19:

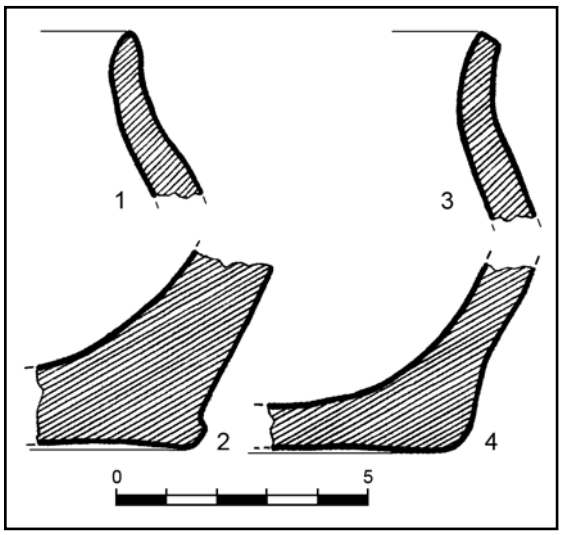

Рис. 3. Пржитлуки, район Бржецлав. Керамика из могилы с трупосожжением CXLIX (по документации Й. Поулика; публикуется впервые).

Fig. 3. Přítluky (distr. Břeclav). Pottery from the cremation grave no. CXLIX (after source materials of J. Poulík, first publication).

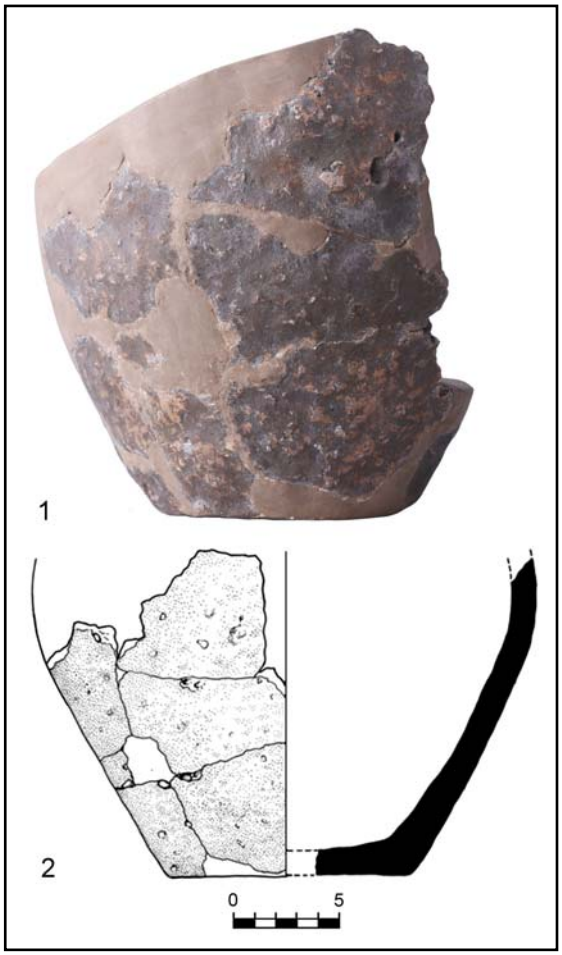

Рис. 4. Пржитлуки, район Бржецлав. Часть сосуда из могилы с трупосожжением XVII (1 — фото М. Баяка; 2 — рисунок С. Плховой с оригинала).

Fig. 4. Přítluky (distr. Břeclav). Part of a vessel from the cremation grave no. XVII (1 — photo by M. Baják; 2 — drawing by S. Plchová; first publication).

1—4) на территории Польши и на городище Зимно (рис. 1: 8; Аулих 1972: табл. XII: 22) на территории Украины. В Селиште на территории Молдовы встречаются находки пеньковской культуры и типичные формы сосудов пражского типа[4]; в публикации трапециевидная подвеска с этого памятника приведена дважды в отличающихся друг от друга рисунках, число таких находок не указано, однако не исключено, что это разные изображения одной вещи (рис. 1: 9; Рафалович 1972а: рис. 3: 5; 33: 11)[5].

Кроме трапециевидных подвесок из могилы CXLIX (и, возможно, из могил CLXXIX и XVII) в Пржитлуках, бронзовые трапециевидные подвески в контексте ККПТ найдены в погребении 2 (ямном, с трупосожжением) из Гроспрюфенинга (рис. 1: 4; Losert 2011: Abb. 3: 4, 5) на территории Баварии, в могилах с трупосожжениями 4108 и, вероятно, 2201 в Либерзее на территории Саксонии (рис. 1: 6; Bemman, Wesely-Arents 2005: 308, 334, Taf. 31: 2201/2; 59: 4108/3, 16 — на этих изображениях трапециевидные подвески помещены «вверх ногами»). Из упомянутой могилы 4108 происходит сосуд, украшенный врезным орнаментом в сочетании со штампами, 3 малые бронзовые трапециевидные подвески, украшенные двумя рядами прессованных точек вдоль нижнего края, и меньшие по размерам фрагменты с тремя рядами прессованных точек. Могила 2201 (с сосудом пражского типа) была впущена в заполнение могилы с трупоположением 2200 (эпохи Великого переселения народов) и содержала фрагменты бронзовых пластинок, среди которых самый маленький, вероятно, был украшен прессованными точками,

[4] Подробнее о памятнике см. в этом сборнике статью И. О. Гавритухина и М. М. Казанского.

[5] По моей просьбе И. О. Гавритухин занимался этим вопросом и подтвердил, что, как он и писал раньше (Гавритухин 1997: 45—46), в Селиште была найдена одна такая подвеска. На рис. 3 и 33 в упомянутой книге (Рафалович 1972а) дублируется не только подвеска, но и другие находки из Селиште, несомненно, представленные в одном экземпляре. Кроме того, рис. 33 в этой книге полностью повторяет рис. 10 из опубликованного отчета о раскопках в Селиште (Рафалович 1972б), где трапециевидная подвеска упоминается в единственном числе.

а бóльшие по размерам фрагменты были без орнамента.

С определенной долей допущения, в контексте ККПТ и интересующих нас находок рассматривается еще один тип украшений. Речь идет о височном кольце из объекта 604 селища Розтоки (Profantová 2013: obr. 17: 8; Профантова 2015: 103, рис. 5: 10). Однако височные кольца со спиральным окончанием в Центральной Европе в контексте ККПТ пока неизвестны (3 спирали из Микульчиц считаются частями подвесок очковидной формы). Представляется, что для рассматриваемого украшения из Розток более вероятна интерпретация как деформированной очковидной подвески. Большая серебряная очковидная подвеска, также деформированная, происходит из Мартыновского клада (Pekarskaja, Kidd 1997: Taf. 1: 31; 7: 2; 8: 2). Височные кольца со спиральным окончанием часто встречаются вместе с очковидными и пластинчатыми подвесками больших размеров в кладах круга Мартыновки[6] (напр., Корзухина 1996: табл. 17, 18, 49; Гавритухин, Обломский 1996: 49—50, рис. 19; Pekarskaja, Kidd 1997: 30—32, Taf. 1: 4; 2: 87—92). Представляется, что височные кольца со спиральным окончанием, как и большие пластинчатые трапециевидные подвески с разнообразным декором, и очковидные подвески больших размеров, распространённые в Среднем Поднепровье и северо-восточнее его, связаны с другим регионом и другим вариантом женских украшений, чем тот, что интересует нас, о чем писал и И.О. Гавритухин (1997: 47).

На памятниках ККПТ встречаются, главным образом, маленькие трапециевидные подвески, с длиной основания 0,6—1,5 см (рис. 1; Гавритухин 1997: рис. 1: 48—55). Преобладает орнаментация из мелких прессованных точек, расположенных вдоль нижнего края подвески, как правило, в два или три ряда (Розтоки, объект 1708; Мутенице, объект 21; Колин-над-Лабой, объект 2006/V; Нова-Гута 62A, клад в яме 45; Пржитлуки, могила CLXXIX; Гроспрюфенинг, могила 2; Либерзее, могила 4108 — подвески с 2 и 3 рядами точек; Зимно — одна из подвесок; Селиште), изредка — в один ряд (например, одна из подвесок из Новой-Гуты). Для ККПТ пока уникален декор двух трапециевидных подвесок (длина основания 1,4 см) на очковидном держателе из объекта 1717 в Розтоках — они украшены двумя рядами прессованных точек по периметру и концентрическими кругами в центральной части изделия (рис. 1: 3; Profantová 2013: obr. 12: 2). Также уникальна небольшая подвеска из Голубиц (район Прага–Запад, без контекста находки), украшенная рядами прессованных точек по периметру изделия (рис. 1: 10; Profantová 2013: 165, obr. 14: 4).

Маленькие трапециевидные подвески, в основном с двумя рядами прессованных точек вдоль нижнего края, довольно часто встречаются в могилах с трупоположением на территории Аварского каганата: Алатьян (Kovrig 1963: 115, Taf. XIV: 166/19—21), Болы (Papp 1963: 186, Tab. XXII: 3, 13), Будапешт (Nagy 1998: 29—30, Taf. 34: 14—42; Taf. 141), Дьёдь (Kiss 1977: 40, Pl. VII: 45/1), Колкед–Фекетекапу (Kiss 1996: 100, 142, Taf. 72: A359/4, 5; 94: A539/15), Орослань (Sós 1958: 106, 110 и далее, Abb. 21; Szatmári 1980: 97—102, Abb. 1; 3), Печь–Кёзтеметё (Kiss 1977: 92, 94, Pl. XXXIV: 6/1, 17/1), Покасепетк (Sós 1963: Abb. 11: 10; Sós 1962: 73, 76, Abb. 25: 10), Зáвод (Kiss, Somogyi 1984: 168,172, Táb. 94: 91/3), Зоммерайн (Daim, Lippert 1984: 234, Taf. 60: 93/7).

Значительно реже такие подвески находят в могильниках с трупоположениями меровингского круга, например, в Штраубинге-Баювареншрассе, расположенном примерно в 40 км к востоку от Гроспруфенинга (Бавария) (рис. 1: 11—18). Четыре могилы там содержали подвески, украшенные вдоль нижнего края 1—2 рядами прессованных точек (Geisler 1998b: Taf. 68: 257/41—43; 144: 442/63; 200: 563/5; 262: 726/7—9). Из одной могилы две подвески имеют по одной точке (Geisler 1998b: Taf. 212: 608/3, 4), в еще одной могиле найдены две небольшие подвески с концентрическими кругами (Geisler 1998b: Taf. 186: 507/4, 5). В двух могилах, учитывая фрагментарность находок, нельзя определить, были ли подвески орнаментированы (Geisler 1998b: Taf. 183: 500/17; 242: 685/4, 5).

В могиле с трупоположением 13 на баюварском могильнике Линц–Цицлау (Верхняя Австрия), в районе таза погребенного, в остатках сумки или мешочка были найдены бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная вдоль нижнего края двумя рядами прессованных точек (рис. 1: 20; Ladenbauer-Orel 1960: 32—33, Taf. 2: 13/8), три бронзовые подвески продолговатой формы и две римские монеты

[6] В восточноевропейской литературе их также называют «первой группы днепровских раннесредневековых кладов (по О.А. Щегловой)», «антские» (и в кавычках или без них) и т.п. Я считаю, что употребляемый И.О. Гавритухиным термин «клады круга Мартыновки» понятен максимально широкому кругу археологов.

с отверстием для подвешивания. Эта могила датируется VII веком.

Две трапециевидные подвески, украшенные вдоль нижнего края двумя рядами точек, были найдены и на позднеантичном могильнике Оберлиенц–Лампрехтсгартен (рис. 1: 19; Stadler 1998: 20, Abb. 11: 1, 2) в Восточном Тироле. Они были обнаружены близ одного из черепов в коллективной могиле 8, которая расположена выше других и является самой поздней. Могила датируется концом VI века. В связи с этим интересно, что в заполнение расположенной недалеко могилы с трупоположением 9 была впущена могила с трупосожжением (Stadler 1998: 17; Losert 2011: 476), которую на этом могильнике, конечно, можно считать чужим элементом.

Ряд находок трапециевидных подвесок в Чехии датируется по составу комплексов (Profantová 2013: 174, obr. 16; Профантова 2015: 101—102, 104—105, табл. 1). Объект 1717 в Розтоках относится, судя по керамическому материалу, к первой (древнейшей) фазе (RI) существования этого селища, датированной на основе ^{14}C последней третью VI — 1-й третью VII вв. Причем данный объект, вероятно, перестал функционировать уже около 600 г., не позднее 620 г. Объект V/2006 из Колина также принадлежит, судя по керамическому материалу, к первой фазе ККПТ на территории Чехии. Объект 1708 из Розток из-за малого количества керамики датируется в рамках фазы I—II чешской шкалы.

Датировка могил с трупосожжением CLXXIX, CXLIX и XVII из Пржитлук пока предварительная. В связи с тем, что как сами подвески, так и другие находки нет возможности изучать по оригиналам, дату могил CXLIX и XVII можно обсуждать только на основе керамики, причём из могилы CXLIX доступны только рисунки профилей (рис. 3) и описание керамических фрагментов. Нижняя часть сосуда из могилы XVII (рис. 4) по морфологии и по составу керамического теста относится к первой фазе ККПТ на территории Моравии, соответствующей первой фазе селища Павлов–Горне-поле, для которой в жилище 953 с помощью ^{14}C получена дата около рубежа VI и VII веков (Jelínková 2012: 16). Аналогично датируется и керамика из могилы CXLIX.

Эту дату подтверждает и сравнение общего характера могилы CLXXIX из Пржитлук с могилой 2 из Гроспрюфенинга. В обоих случаях это были ямные могилы с трупосожжением и небольшими трапециевидными подвесками, украшенными вдоль нижнего края двумя рядами прессованных точек. Также и три фрагмента тонкой бронзовой проволоки из могилы CLXXIX в Пржитлуках могли принадлежать украшениям, аналогичным двум проволочным подвескам очковидной формы из могилы 2 в Гроспрюфенинге, датированной, вместе с другими погребениями этого могильника, 3-й третью VI века (Losert 2011: 476). Конечно, к вопросу о датировке рассматриваемых могил из Пржитлук надо в будущем вернуться в контексте общего анализа находок на этом некрополе.

Общая ситуация на могильнике Гроспрюфенинг, по мнению Г. Лосерта, позволяет сделать вывод, что могилы здесь были оставлены группой людей, пришедшей из Среднего Подунавья или из регионов, расположенных севернее Черного моря, а на запад они ушли ещё до утверждения аварской власти в Карпатском бассейне в 568 г. Могильник находится в непосредственной близости от Регенсбурга, и пришельцы не могли поселиться здесь без разрешения того, кто владел расположенной поблизости крепостью (первоначально римской) Кастра-Регина и её округой. По мнению упомянутого автора, им являлся, вероятно, один из баюварских герцогов, которому была подчинена вооружённая «раннеславянская элита», скорее всего, в роли его союзников. Эта группа, находясь в чуждой культурной среде, использовала могильник, судя по количеству погребенных, по крайней мере, в течение жизни одного поколения, т. е. на протяжении нескольких десятилетий. Она сохраняла свои обычаи и инвентарь, типичные для Восточной Европы, весьма ограниченно воспринимала воздействие окружающей их чуждой среды меровингского круга. Особенно показательно строгое соблюдение обряда трупосожжения, кардинально отличающегося от трупоположения, господствовавшего в округе. Кроме того, могилы характеризуются бедностью инвентаря. Хотя это, может быть, длилось сравнительно недолго, мы видим, что две очень разные культурные традиции могли параллельно сосуществовать без того, чтобы произошла более интенсивная аккультурация с одной или другой стороны или исчезновение одной из традиций (Losert 2011: 483—484).

Датировке и изучению контекста трапециевидных подвесок в Центральной Европе вне Карпатской котловины способствуют также находки в восьми упомянутых могилах из Штраубинга–Баюваренштрассе. Судя по положению на скелетах, большинство интересующих нас подвесок относится к ожерельям, состоявшим также из стеклянных бус.

В неповреждённой и сравнительно богатой могиле 500, кроме не менее, чем двух трапециевидных подвесок (прикипевших к железному предмету), две большие серебряные позолоченные фибулы, украшенные в техниках кербшнит (орнамент в виде плетенки) и ниело, и другие предметы были найдены среди бедренных костей (Geisler 1998a: 183; 1998b: Taf. 182—183). Этот комплекс датирован 3-й третью VI — началом VII вв. (Losert 2011: 476).

Вопрос о том, являются ли находки интересующих нас подвесок в могилах с трупоположением свидетельством экзогамии или контактов двух различных культурных традиций в Нижнебаварском регионе (между Регенсбургом и близлежащим Штраубингом), пока остается открытым.

Тот факт, что носители ККПТ на территории Чехии и Моравии использовали малые трапециевидные подвески (по-видимому, вместе с другими пластинчатыми и проволочными украшениями) как часть женского убора уже на самой ранней фазе ККПТ (в рамках 3-й трети VI в.), т. е. во время освоения славянами этого региона, вызывает ряд вопросов. Они касаются интерпретации культурных изменений, которые произошли именно в это время на огромном пространстве Центральной и Восточной Европы.

К изучению интересующих нас подвесок обращались многие исследователи, причём большинство из них пришло к выводу, что именно с позднего VI в. подвески трапециевидной и очковидной формы получают распространение в результате процессов, охвативших широкой круг культур Восточной и Центральной Европы. М. Парчевский находил прототипы этих украшений в зарубинецкой культуре и на территории современной Литвы, для более позднего времени — в киевской культуре. В VI—VII вв. такие подвески распространились необычайно широко — от Верхней Волги на северо-востоке через Поднепровье и Поднестровье до Среднего Подунавья на западе, причем в среде различных этнических групп: у балтов, финно-угров, славян, на могильниках Аварского каганата и германского круга (Parczewski 1988: 82—84, obr. 19: 1—4). И. О. Гавритухин возражает исследователям, которые считали, что трапециевидные подвески (так же, как, например, и очковидные) в Подунавье могут быть показателями именно славянской культуры. По его мнению, украшения этого круга здесь следует связывать с традициями северо-восточного, лесного мира Европы, но не сомневается, что славяне сыграли в этом контексте важную роль. Контакты разной интенсивности и в различных направлениях на протяжении 3-й трети VI и большей части VII вв. и привели к широкому распространению трапециевидных подвесок и некоторых других типов украшений (Гавритухин 1997: 45—46, 48).

Особое внимание многие исследователи уделяли подвескам из Среднего Поднепровья и примыкающих к нему более восточных и северных регионов. Трапециевидные подвески довольно крупных размеров, сделанные нередко из серебра, встречаются здесь в кладах круга Мартыновки вместе с очковидными и другими подвесками, большими пальчатыми фибулами, шейными гривнами, браслетами и прочими деталями местных уборов (Казанский 2014: 53 и далее; там же литература). Сокрытие этих кладов практически все современные восточноевропейские исследователи датируют около 2-й или 3-й четверти VII в.

Много внимания уделялось также находкам из могил с трупоположением в зоне Аварского каганата. Здесь малые трапециевидные подвески, составляющие вместе с другими типами украшений ожерелья, характерны для ряда сравнительно богатых женских погребений, датированных в основном т. н. раннеаварским периодом — от 568 г. до середины VII в. (Garam 2001: 45—46, Tab. 23, 24), хотя встречаются до начала VIII в. (например, в Зоммерейне). Э. Гарам высказала мнение, что разнообразные бронзовые и серебряные пластинчатые подвески, включая трапециевидные, нельзя связывать с традициями восточных групп славян и называть их «антские древности» (ср. точки зрения М. Парчевского и И. О. Гавритухина), принесенные из Среднего Поднепровья в Подунавье (Garam 2001: 45—46). По её мнению, аналогичные части ожерелий в этих регионах имеют общие корни в византийском художественном ремесле. Их изготовление на основе принципа *imitatio imperii* было требованием варварских элит, в Среднем Подунавье — элит Аварского каганата.

Н. Профантова, в связи с оценкой подвески очковидной формы с двумя пластинчатыми трапециевидными привесками из объекта 1717 в Розтоках, также пишет о «византийском» культурном импульсе, но не утверждает, что это импорт из Византии. По её мнению, рассматриваемый тип ожерелья, не производившийся из благородных металлов, пользовался широким спросом со стороны не только носи-

телей раннеславянской культуры (Profantová 2013: 176).

В Мазурском поозерье, в западнобалтской культурной среде позднего VI — VII вв. трапециевидные подвески и некоторые другие изделия занимали как бы изолированное положение (из недавней литературы см.: Hilberg 2009; Rudnicki 2010). Здешнюю культуру характеризуют связи с отдалёнными регионами, которые проявлялись во ввозе ряда украшений и их местной имитации. Это рассматривается как следствие активных контактов со Средним Подунавьем, культурами меровингского круга, Скандинавией, по-разному проявлявшихся на различных стадиях развития культуры населения Мазурского поозерья. На ее поздней фазе, в рамках т. н. Ольштынской группы (3-я треть VI — VII вв.) значительно усиливает компонент, который В. Хильберг называет «местным», характерным для восточноевропейской лесной зоны. Зона распространения этих вещей охватывает обширные пространства, включая Среднее Поднепровье и Центральную Европу. Трапециевидные подвески, наряду с так называемыми славянскими пальчатыми фибулами и другими характерными украшениями, по мнению В. Хильберга, использовались жителями Мазурского поозёрья как сознательное выражение их новой культурной идентичности, что стало причиной постепенного исчезновения деталей убора, характерных для предыдущей фазы развития их культуры. Происхождение трапециевидных подвесок автор связывает с лесной зоной северо-восточной части Европы (Hilberg 2009: 299, 342).

По мнению М. Рудницкого, появление трапециевидных подвесок в ольштынской группе отражает трансрегиональные, далекие связи со славянской средой между Днепром и Дунаем. Контакты с Поднепровьем могли проходить по путям, идущим через север Мазовии, Западный Буг и Припять. Существенное изменение характера находок в Мазурском поозёрье с 4-й четверти VI в. можно связать с расселением в Карпатском бассейне славян и аваров после поражения гепидов в 568 г. (Rudnicki 2010: 681—682, mapa II).

Распространение трапециевидных и других подвесок этого же круга в среде разных культур, как и вариативность этих украшений, указывают на сложность функционирования тогдашних сообществ, различие исторических контекстов, многообразие контактов между культурами и этническими группами.

И. О. Гавритухин выделил несколько серий и вариантов трапециевидных подвесок Восточной и Центральной Европы VII—X вв. Картографирование показало, что определенные разновидности этих украшений связаны с различными территориальными и культурными контекстами (Гавритухин 1997: 44, рис. 1; 2). Он отметил, что трапециевидные подвески из кладов круга Мартыновки отличаются от тех, что найдены в Центральной Европе, бóльшими размерами, разнообразием форм и декора. Вероятно, эти, по стилю однородные, украшения связаны и с разной структурой женского убора. Лишь одна находка из клада круга Мартыновки (из Нижней Сыроватки) близка находкам в Среднем Подунавье и на памятниках ККПТ (Гавритухин 1997: 47, рис. 1: 18: 2: 36). То есть трапециевидные подвески в Центральной Европе появились не из Среднего Поднепровья, как считали многие исследователи.

Типологически наиболее близкие между собой маленькие трапециевидные подвески с полоской из точек по нижнему краю И. О. Гавритухин отнес к дунайско-висленской серии, представленной в некоторых могилах с трупоположением в зоне Аварского каганата и на востоке культур меровингского круга, а также на ряде памятников ККПТ (Гавритухин 1997: рис. 1: 28—55; 2: а; № 1—12 по каталогу и карте). На севере вещи этой серии достигают Мазурского поозёрья (Гавритухин 1997: 49, рис. 1: 24—27; 2: 14—15). Это отражает, по мнению исследователя, трассы культурных контактов от Среднего Подунавья через Моравские ворота, затем по Висле, уходя на Мазурское поозёрье, откуда контакты шли к Верхнему Днепру и далее на восток (Гавритухин 1997: 47—48, 50, рис. 2: а, б). Учитывая, что во всех упомянутых культурах нельзя проследить возникновение рассматриваемых украшений, встает вопрос — где они возникли? Автор, исходя из доступных тогда материалов, пришел к выводу, что это должна быть лесная зона Восточной Европы, возможно, в районе между Неманом и Верхним Днепром, хотя этому и нет прямых доказательств (Гавритухин 1997: 48).

На работу И. О. Гавритухина опирался М. Казанский, который привел список находок (включая трапециевидные подвески) VII — начала IX вв., по его словам, подунайского происхождения, в ряде культур восточноевропейской лесной зоны (Kazanski 2000: 29, 38—40, Fig. 6). Он пришёл к выводу, что распространение таких находок в лесную зону в течение VII в. стало результатом контактов этого региона со Средним Подунавьем.

Недавно опубликованные находки трапециевидных подвесок (включая комплексы) с памятников ряда культур лесной зоны Восточной Европы (и пересмотр их хронологии) дают новые возможности для решения вопросов датировки и происхождения интересующих нас подвесок.

Недавно И. В. Белоцерковской было опубликовано большое количество малых (в основном неукрашенных) бронзовых трапециевидных подвесок из могил с трупоположением на могильниках Заречье и Кораблино, относящихся к культуре рязано-окских могильников в среднем течении Оки (Белоцерковская 2014: рис. 1: 37, 43; 3: 25—27, 47; 4: 5, 39; 5: 9, 22, 35, 50, 56; 6: 24). Они использовались как части ожерелья, украшений головы и одежды. Особенно важен комплекс из погребения 16 могильника Кораблино, содержащий не только неукрашенные трапециевидные подвески, но и две такие подвески, украшенные вдоль нижнего края двумя рядами точек (рис. 5: 13—15), а также нагрудную бляху с крышкой, ожерелье, перстни, накосник и другие вещи, датирующие комплекс V веком (Белоцерковская 2014: 203, рис. 3: 21—37). Трапециевидные подвески высотой l—1,5 см, которые были пришиты к одежде, составляли часть ожерелья и/или украшения головы, происходят и из других могильников этой культуры, например, из комплексов Никитинского могильника, датированных 2-й половиной V — рубежом V и VI вв. (Воронина, Зеленцова, Энговатова 2005: 67, 79—81, рис. 36: 1).

В мощинской культуре (III—VII вв., бассейн верхнего течения Оки), кроме больших (в т. ч. ранних) экземпляров, теперь стали известны и маленькие бронзовые трапециевидные подвески. Для датировки последних важна маленькая неукрашенная трапециевидная подвеска (рис. 5: 12), найденная, вместе с вариантом местной фибулы типа Картавцево — Серенск, лощеной и грубой лепной керамикой, включая фрагмент сковородки, на Акиньшинском городище в объекте 2а, датированном серединой V в. (Воронцов 2016: 225, рис. 9).

Серединой I тыс. датированы и некоторые неукрашенные трапециевидные подвески, найденные на поселениях культуры длинных курганов (Михайлова 2014: 100). Две трапециевидные подвески с Дьякова городища (давшего название дьяковской культуре), украшенные двумя рядами точек, датированы не позднее VII в. (Гавритухин 1997: 48, рис. 1: 23; Кренке 2016: 281; Kazanski 2000: Fig. 6: 28).

Трапециевидные подвески стали известны и на Верхнем Дону, на памятниках типа Чертовицкое — Замятино (конец IV — V вв., вероятно, исключая конец V столетия). На поселении Ксизово-19, в том числе в зоне разрушенных погребений (могильник с трупоположениями типа Животинное), датированных по фибулам (в т. ч. дунайских типов) поздней частью указанного хронологического отрезка, найдено 11 неукрашенных бронзовых трапециевидных подвесок (рис. 5: 1—11; Обломский, Козмирчук 2015: 148, 157, рис. 236: 1—11; Обломский 2015: 298, рис. 324: 4—6). Четыре из них удлинённые (высота 1,6—2,5 см, ширина основания 1,1—1,3 см), остальные — более низкие, иногда с высотой, равной длине основания; некоторые из них имеют кольца для подвешивания.

Связь малых трапециевидных подвесок культур лесной зоны Восточной Европы или лесостепи Верхнего Подонья с подвесками из расположенного почти на 1000 км к западу Мазурского поозёрья может быть предметом обсуждения. Это касается и вопроса их соотношения с гораздо более удалёнными находками из Центральной Европы (рис. 2). Объяснений широкому распространению этих украшений можно назвать много, в том числе — связывать его с изменениями, которые произошли в результате миграций в течение 2-й половины VI — середины VII вв. В их числе — движение различных этнических групп, в том числе славян, на запад, что привело к формированию новой этнокультурной картины вплоть до части культур меровингского круга. Малые трапециевидные подвески, связанные с традициями некоторых культур лесной зоны (в отличие от больших, характерных для кладов круга Мартыновки), могли появиться западнее посредством таких миграционных волн.

Новая культурная ситуация и конфигурация связей прослеживается и под влияниями, идущими в конце VI и VII вв. с запада на восток. Например, появление в лесной зоне Восточной Европы вещей, обычных в культурах меровингского круга.

Примером контакта двух различных культурных миров («северо-восточного» и меровингского) прямо в Подунавье является пряжка, найденная в могиле с трупосожжением 6 раннеславянского могильника Гроспрюфенинг (рис. 6: 1; 7: 1; Losert 2011: 478 и далее, Abb. 5: 1), о котором уже шла речь. Такие пряжки, с рамкой, имеющей форму, близкую к овалу, и язычком с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным риф-

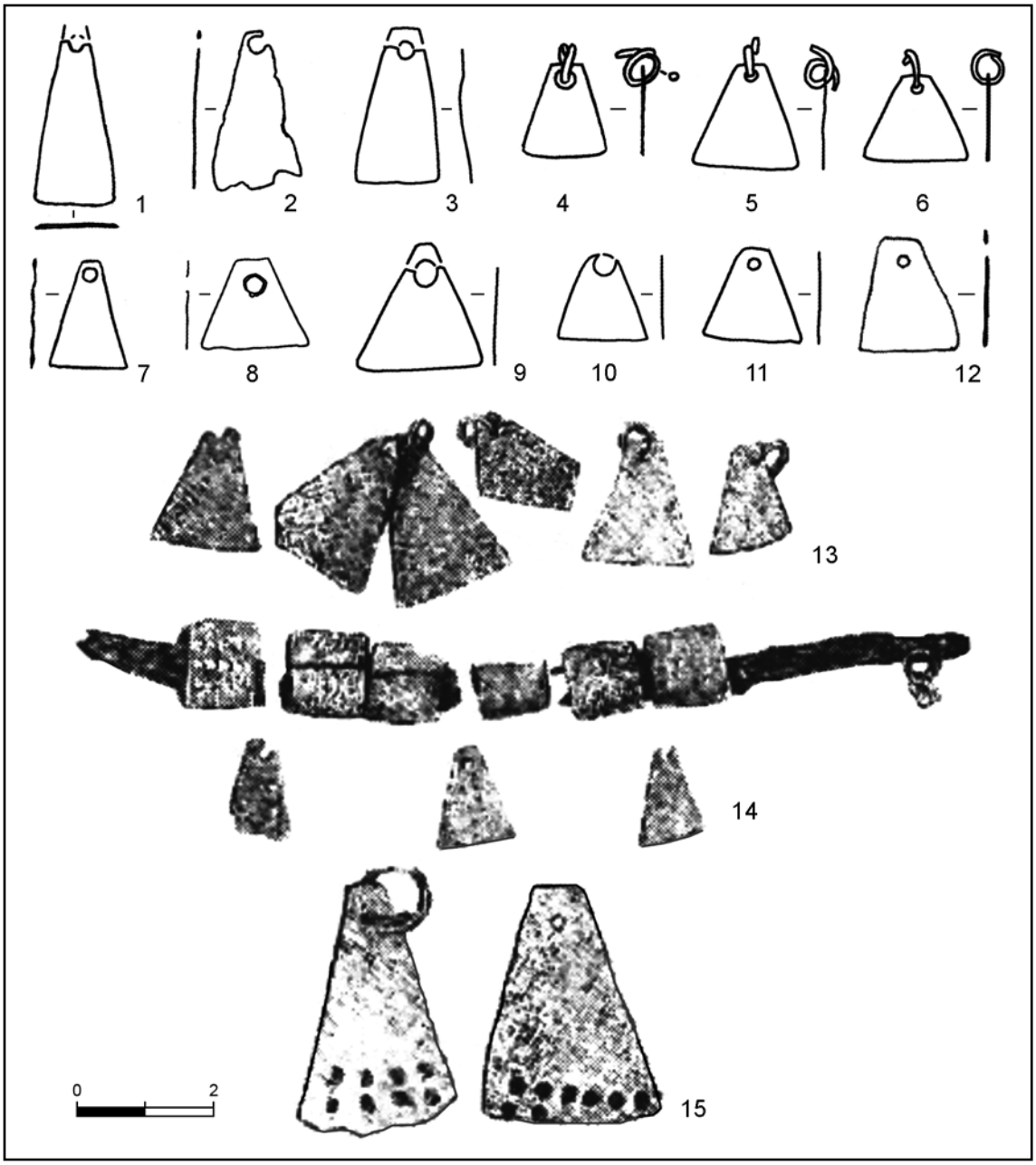

Рис. 5. Трапециевидные подвески V века. 1—11 — Ксизово-19 (по Обломский, Козмирчук 2015: рис. 236:1—11); 12 — Акиньшинское городище (по Воронцов 2016: рис. 9: 5); 13—15 — Кораблино, погребение 16 (по Белоцерковская 2014: рис. 3: 25—27).

Fig. 5. Trapezoidal pendants dated from the 5th century. 1—11 — Ksizovo 19 (after Обломский, Козмирчук 2015: ris. 236:1—11); 12-Akinshino hillfort (after Воронцов 2016: рис. 9: 5); Korablino 16 (after Белоцерковская 2014: рис. 3: 25—27).

лением, на территории Моравии в контексте ККПТ пока не известны, но такой экземпляр найден в Голубицах (район Брно–Пригород) в лангобардской могиле 30 с трупоположением (рис. 6: 3; 7: 4; Čižmář 1997: obr. 3; 2011: 146, Taf. 12, 30/1), датированной 2-й половиной VI в. (Tejral 2011: 70). Пряжки этого типа, часто с отдельной накладкой на пояс, в весьма большом количестве представлены в могилах с трупоположением на территории Германии (например, рис. 6: 6; Koch 2001: 62, 296—297, 437, Taf. 30: A4—5, Abb. 23: M54), есть они и на территории Франции (например, рис. 6: 7; Guillaume 1975: 250, 331, fig. 22: 115/7).

Восточнее такая же пряжка была найдена на могильнике Тумяны в Мазурском поозерье (рис. 6: 5; 7: 6; Исланова 2016: рис. 22: 6; 1997:

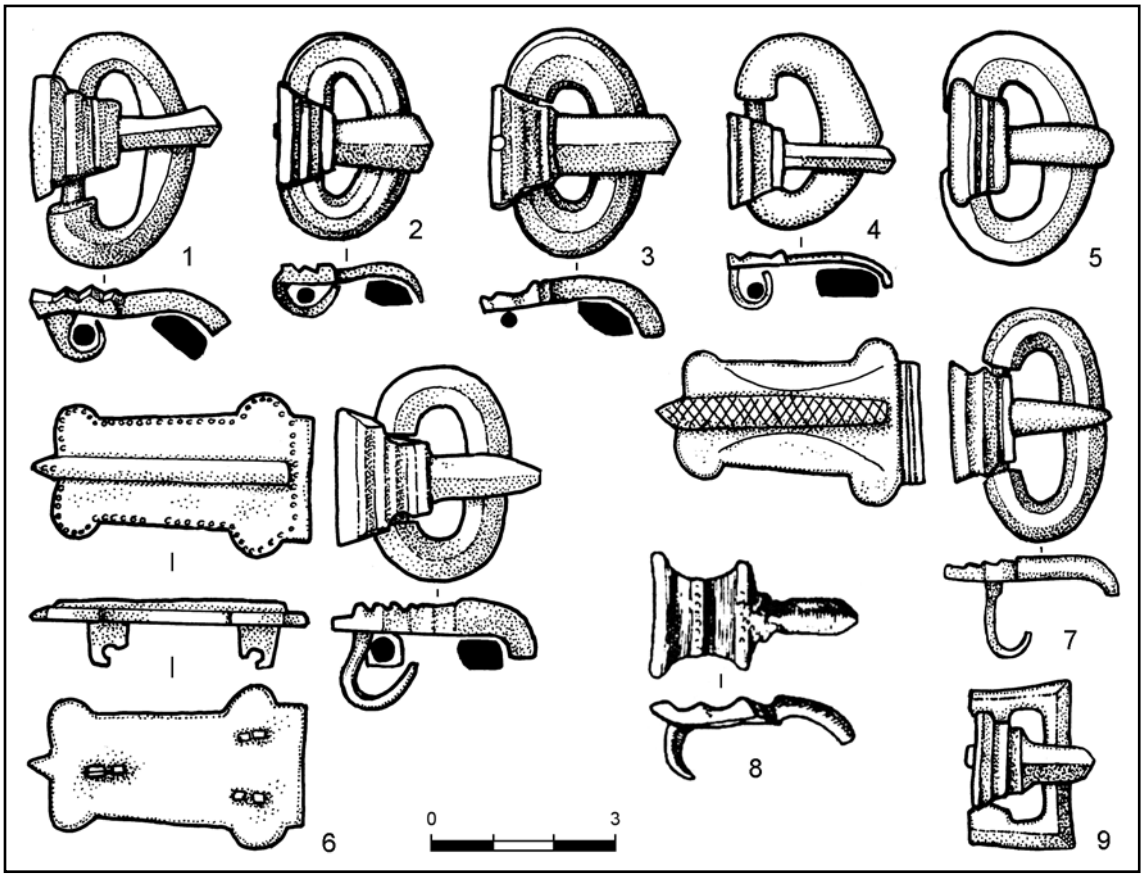

Рис. 6. Пряжки с язычком с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным рифлением. 1 — Гроспрюфенинг (по Losert 2011: Abb. 5: 1); 2 — Юрьевская Горка (Стан) (по Исланова 1997: рис. 73: 15); 3 — Голубице (по Čižmář 2011: Taf. 12: 30/2); 4 — Рысна-Сааре II (по Исланова 2016: рис. 22: 6); 5 — Тумяны (по Кулаков 1989: рис. 35: 2); 6 — Плейдельсхайм (по Koch 2001: Taf. 30: 76/4, 5); 7 — Диё/Мёз) (по Quillaume 1974/5: Fig. 22: 115/7); 8 — Великие Будки (по Горюнова 1992: рис. 1: 5); 9 — Зимно (по Аулих 1972: табл. XI: 12).

Fig. 6. Samples of buckles with trapezoidal shield with crosswise grooves at the base of the tongue. 1 — Jurjevskaja Gorka (Stan) (after Исланова 1997: рис. 73: 15); 2 — Holubice (after Čižmář 2011: Taf. 12: 30/2); 3 — Großprüfening (after Losert 2011: Abb. 5: 1); 4 — Rysna Saare II (after Исланова 2016: рис. 22: 6); 5 — Tumiany (after Кулаков 1989: рис. 35: 2); 6 — Pleidelsheim (after Koch 2001: Taf. 30: 76/4, 5); 7 — Dieue/Meuse (after Quillaume 1974/5: Fig. 22: 115/7); 8 — Velikije Budki (after Горюнова 1992: рис. 1: 5); 9 — Zimno (after Аулих 1972: табл. XI: 12).

46; Кулаков 1989: 190, рис. 35: 2) и в одном из объектов на селище Юрьевская Горка, относящемся к культуре раннеславянского круга на Верхней Волге (рис. 6: 2; 7: 7; Исланова 1997: 35, 46, рис. 73: 15, 77: 5; 2016: 158, рис. 46: 4). И. В. Исланова отметила их аналогию и из могильника культуры длинных курганов в Рысна-Сааре II на территории Эстонии (рис. 6: 4; 7: 8; Исланова 2016: рис. 22: 6; Михайлова 2014: рис. 4: 4), связываемой рядом исследователей со славянами. Правда, эта пряжка имеет несколько иную форму рамки. Пряжки из Рысна-Сааре II и Юрьевской Горки рассматривал и М. М. Казанский (Казанский 1999: 404, ris. 1: 8; Kazanski 2000: 24, fig. 4: 15), в этой связи он обратил внимание и на сходство некоторых керамических форм из Юрьевской Горки и ККПТ (Kazanski 2000: 24, Fig. 4: 18—22), что обсуждалось в ином контексте и ранее.

Язычок, такой же, как у интересующих нас пряжек, но в сочетании с четырёхугольной рамкой, известен и на памятнике ККПТ — городище Зимно (рис. 6: 9; 7: 5; Аулих 1972: 61, табл. XI: 12). Аналогичный рассматриваемым граненый клювовидный язычок с рифленой площадкой удвоенно-трапециевидной формы от пряжки неизвестного типа происходит из клада в Великих Будках, т. е. из зоны кладов круга Мартыновки (рис. 6: 8; 7: 9; Горюнова 1992: 129, рис. 1: 5).

Тип пряжки из Плейдельсхайма, которому близок экземпляр из Юрьевской Горки, У. Кох относит к 6-й фазе могильников меровингского круга на территории Южной Германии, датированной около 555—580 гг. (Koch 2001: 62,

Рис. 7. Распространение пряжек, имеющих язычок с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным рифлением. 1 — Гроспрюфенинг; 2 — Плейдельсхайм; 3 — Диё/Мёз; 4 — Голубице; 5 — Зимно; 6 — Тумяны; 7 — Юрьевская Горка; 8 — Рысна-Сааре; 9 — Великие Будки. Условные обозначения: a — пряжки с овальной рамкой; b — язычок с трапециевидной площадкой с поперечным рифлением; c — пряжка с четырёхугольной рамкой; d — стрелкой указано положение культур и культурных групп лесной зоны.

Fig. 7. Distribution map of buckles with trapezoidal shield with crosswise at the base of the tongue from the second half of the 6th and from the 7th century. 1 — Großprüfening; 2 — Pleidelsheim; 3 — Dieue/Meuse; 4 — Holubice; 5 — Zimno; 6 — Tumiany; 7 — Jurjevskaja Gorka; 8 — Rysna Saare; 9 — Velikije Budki. Legend: a — buckles with oval shaped frame; b — trapezoidal shield with crosswise groves at the base of the tongue; c — buckle with rectangular frame; d — direction of the arrow: shows the position of the forest-zone cultures.

85 и далее, Abb. 23). Г. Лосерт схожие пряжки (варианта 8 по его классификации — с гладкой трапециевидной площадкой у основания язычка) датирует 550—575 гг. (Losert, Pleterski 2003: 209, Abb. 38: 24—26; Losert 2011: 478 и далее). Пряжки из Рысна-Сааре II и Юрьевской Горки отнесены к периоду IIA культуры псковских длинных курганов, датированному 2-й половиной VI — VII вв. (Исланова 2016: 150, рис. 29: период IIA; Михайлова 2011: 531, рис. 2: 2). В. И. Кулаков, связывал пряжку из Тумян с Западной и Центральной Европой и датировал около 525 г. (Кулаков 1989: 162). В. В. Аулих (1972: 61) находит пряжке из Зимно аналогии в аламанских могильниках на территории Вюртемберга, датированных от 2-й половины VI до VII вв. Самую позднюю дату имеет язычок из клада в Великих Будках, сокрытие которого было отнесено к самому концу VII в., а может быть, даже к чуть более позднему времени (Горюнова 1992: 129, рис. 1: 5).

О дальних контактах между Центральной Европой или районом Мазурского поозёрья и культурами лесной зоны Восточной Европы (рис. 7) уже говорилось выше в связи с трапециевидными подвесками. Выразительные следы ремесленной деятельности по обработке цветных металлов на поселении Юрьевская Горка (Исланова 2016: 157—158) не исключают возможности производства местных вариантов изделий центральноевропейского круга в восточноевропейской среде.

Об дальних торговых и культурных контактах славян, на этот раз с Прибалтикой, могут свидетельствовать и очень редкие находки янтаря на памятниках ККПТ.

В сохранившейся документации есть упоминание о находке янтаря в могиле с трупосожжением XIX из могильника Пржитлуки.

Эта могила была обнаружена в слое гумуса над «гравием». В нижней части урны, среди небольшого скопления сожжённых человеческих костей, были найдёны «фрагмент янтаря, двойная чёрная бусина с тремя глазками (голубыми на белом фоне), три бусины из цветного стекла, поврежденные в огне, остатки расплавленного украшения жёлтого цвета (возможно, бусины), прикипевшего к косточке, и угольки». Среди сохранившихся находок эти выделить не удалось, поэтому нельзя определить, янтарь был представлен в виде сырья, полуфабриката или фрагмента бусины. Словосочетание «фрагмент янтаря» может свидетельствовать о том, что если это и была бусина, то, скорее всего, не целая или не обработанная.

Янтарь из могилы XIX в Пржитлуках является третьей известной мне находкой в зоне ККПТ, причем единственной из могилы с трупосожжением. Первой такой находкой является половина янтарной бусины, обнаруженная в жилище 59 на селище Бахуж-16 (Parczewski 1995: 58—59, Abb. 5: 5) в Юго-Восточной Польше. Так как это была бусина с явными следами ручной обработки, которая представляла собой, вероятно, бракованное изделие, М. Парчевский рассматривал возможность связи этого фрагмента с находками из находящейся на удалении в 40 км мастерской на поселении Свильча, относящемся к финалу пшеворской культуры (1-я половина V в.). Второй находкой является кусок янтаря, по-видимому, балтийского происхождения, из жилища 1071.1 в Розтоках (Kuna, Profantová 2005: 54, 201, obr. XXV: 5, 6; Профантова 2015: 112).

«Фрагмент янтаря» из могилы XIX в Пржитлуках, кусок со срезанной частью поверности из Розток и, вероятно, повреждённая часть бусины со следами обработки из Бахужа могут рассматриваться как свидетельство импорта янтаря в виде сырья и его обработки в среде носителей ККПТ.

Хотя находки из янтаря в контексте ККПТ очень редки, в предыдущем периоде в Подунавье, в лангобардских могильниках с трупоположениями янтарные бусы неплохо представлены в течение 1-й и начала 2-й половины VI в. на территории Моравии (например: Čižmář 2011: 143, 166, 171, 178, 179, 203; Klanica, Klanicová 2011: 238, 247, 252, 259, 266, 270, 271, 288, 294) и на могильниках в Паннонии, датируемых как около середины VI в., так и немного более ранним временем (например: Bóna 2009: 18, 20; Bóna, Horwáth 2009: 33, 34, 38, 39, 46, 50, 56, 66, 116, 128, 137, 139, 141, 144, 145, 147, 153, 154, 155, 156, 164, 166; Vida 2008: Abb. 10; Stadler 2008: 283, Kat. 78; Heinrich-Tamaska 2008: 302, Kat. 105; 2008a: 310). Т. Вида отмечает, что наиболее распространённым украшением лангобардских женщин в Паннонии было ожерелье из стеклянных или янтарных бус (Vida 2008: 83). Важно то, что эти украшения сохраняются у лангобардов и позднее, когда они ушли в Северную Италию, оставив в 568 г. Паннонию (например, Theisen 2008: 392, Kat. 198: 3).

Также на памятниках в долине Дуная близ Регенсбурга У. Кох отмечает наличие янтарных бус только в погребениях VI и начала VII вв. (Koch 1968: 53). Со 2-й четверти VII в. отмечено уменьшение количества бус из янтаря и на могильнике Альтенердинг в Южной Баварии, где, в отличие от комплексов VI в., они встречаются изредка и в небольших количествах. Похожая ситуация прослеживается и на могильнике Клепсау (Losert, Pleterski 2003: 73) на территории Баден-Вюртенберга. С точки зрения обсуждаемой темы важны также находки янтарных бусин из четырёх поздних могил в Штраубинге–Баювареншрассе, в которых они встречены вместе с трапециевидными подвесками. Это составляет 50% могил с трапециевидными подвесками на этом памятнике, причём в могиле 257 вместе с этими подвесками было найдено 18 янтарных бусин (Geisler 1998a: 73; 1998b: Taf. 68: 45—63).

Янтарные бусы происходят также из сравнительно богатых могил Аварского каганата в Карпатском бассейне, датированных 1-й половиной VII в. (например: Garam 1993: 56, 80, 103, Taf. 9: 6, 7), спорадически их можно найти в некоторых менее богатых могилах на других могильниках этого круга, относящихся к «среднеаварскому» периоду, датируемому около последней трети или четверти VII в. (Garam 1979: 17, 19; Kovrig 1975: 136; Tőrők 1975: 333; и др.).

Янтарные бусы есть и в кладах круга Мартыновки, сокрытых во 2-й или 3-й четверти VII в. (Корзухина 1996: 373, 377, 401, 403, 419, табл. 22: 27, 27: 6—22, 47: 4—6; 63: 2—4, 105: 5—7; Гавритухин, Обломский 1996: 45, 46, 146).

Итак, мы видим, что янтарные бусы встречались в конце VI и 1-й половине VII вв. во всех областях, граничащих с ККПТ. Самым простым объяснением значительного большего числа находок янтарных бус в могилах с трупоположением меровингского круга или Аварского каганата, по сравнению с могильными комплексами ККПТ конца VI — середины VII вв., может быть различие в обряде по-

гребения и особенно малое число исследованных могил с трупосожжением ККПТ. Янтарь (нем. Bernstein — «горящий камень») плавится при температуре 287°С (гораздо легче, чем стекло) и горит при 287—375°, причём оставляет малозаметные следы. К сожалению, исследования остатков погребальных костров из раннеславянских могил пока не проводились.

На количество янтарных изделий (не только в ККПТ) могла повлиять также высокая стоимость янтаря. На его высокую цену, например, в Римской империи, указывает выражение одного из друзей императора Нерона, который, говорят, в 60 г. н. э. заявил, что рабыню можно купить дешевле, чем кусок янтаря (http://www.mingeo.wz.cz/geostezka/geoZajimavost015.htm).

На то, что и во время существования ККПТ янтарные изделия имели высокую стоимость и их могли позволить себе только достаточно богатые люди, указывает отмеченное выше сравнительное богатство могил с янтарными бусами в Аварском каганате (Garam 1993: 56, 80, 103, Taf. 9: 6, 7), в могилах меровингского круга, таких, как Штраубинг. Клады круга Мартыновки, по мнению И. О. Гавритухина и А. М. Обломского, также связаны с элитной частью носителей пеньковской и колочинской культур (Гавритухин, Обломский 1996: 145)[7].

Уменьшение числа находок янтарных бус с середины VII в., по-видимому, связано с упомянутыми выше культурными и политическими изменениями, происходившими в Европе в середине — 3-й четверти VII в.

Литература

Ахмедов И. Р. 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы.* РСМ 13. Москва: ИА РАН, 7—34.

Ауліх В. В. 1972. *Зимнівське городище (слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині).* Київ: Наукова думка.

Белоцерковская И. В. 2014. Женский костюм окских финнов V—VII вв. Традиции и новации. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.* РСМ 15. Москва: ИА РАН, 178—229.

Воронков А. М. 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.).* РСМ 17. Москва: ИА РАН, 221—260.

Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. 2005. *Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977—1978 гг.* Труды отдела охранных раскопок ИА РАН 3. Москва: ИА РАН.

Гавритухин И. О. 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. *ГАЗ* 12, 43—58.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст.* РСМ 3. Москва: ИА РАН.

Горюнова В. М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья. *АВ* 1, 126—140.

Елинкова Д. 2015. К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности. *Stratum plus* (5), 117—150.

Исланова И. В. 1997. *Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья.* Москва: Эдиториал УРСС.

Исланова И. В. 2016. Раннесредневековые группы памятников на северо-западе Восточной Европы. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.).* РСМ 17. Москва: ИА РАН, 136—220.

Казанский М. М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *АВ* 6, 404—417.

Казанский М. М. 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.* РСМ 15. Москва: ИА РАН, 45—137.

Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. *МАИЭТ* V, 352—435.

Кренке Н. А. 2016. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москва-реки. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.).* РСМ 17. Москва: ИА РАН, 261—332.

Кулаков В. И. 1990. Могильники западной части Мазурского поозерья конца V — начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.). *Barbaricum* 1989. Warszawa, 148—275.

Михайлова Е. Р. 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов. В: Шаров О. В. (ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка.* Санкт-Петербург; Кишинев: Stratum Plus, 527—554.

Михайлова Е. Р. 2014. *Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология.* Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing.

Михайлова Е. Р. 2016. Памятники культуры псковских длинных курганов близ деревни Березицы. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.).* РСМ 17. Москва: ИА РАН, 395—417.

[7] Элита понимается как социальный слой, определяющий развитие общества. В данном случае она могла напоминать, например, бондов в Скандинавии в эпоху викингов (пояснения И. О. Гавритухина).

Обломский А.М. 2015. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения). В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.).* РСМ 16. Москва: ИА РАН, 296—308.

Обломский А.М., Козмирчук И.А. 2015. Могильник гуннского времени Ксизово-19. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.).* РСМ 16. Москва: ИА РАН, 134—164.

Профантова Н. 2015. Славяне на территории Чехии и их контакты в VI—VII вв. *Stratum plus* (5), 97—116.

Рафалович И.А. 1972а. *Славяне VI—IX веков в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Рафалович И.А. 1972б. Раскопки раннеславянского поселения VI—VII вв.н.э. у села Селиште. В: Рафалович И.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг.* Кишинев: Штиинца, 122—143.

Bemman J., Wesely-Arents E.M. 2005. *Liebersee. Ein polykulturellen Bestattungsplatz an der sächsischen Elbe*. Band 5. Dresden: Landesamt für Archäologie mit Landesmuseum für Vorgeschichte.

Bóna I. 2009. Bezenye-Paprét. In: Bóna I., Horváth J.B. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn*. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 15—25.

Bóna I., Horváth J.B. 2009. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn.* Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Čižmář M. 1997. Langobardský sídlištní objekt z Podolí, okr. Brno-venkov. K problematice langobardských sídlišť na Moravě. *Archeologické rozhledy* 49, 634—642.

Čižmář M. 2011. Das Gräberfeld von Holubice. In: Tejral J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren* I. Brno, 129—224.

Daim F., Lippert A. 1984. *Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge.* Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Garam E. 1979. *Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kiskőre*. Fontes archaeologici Hungariae. Aedes Academiae Scientiarum Hungaricae Budapestini MCMLXXIX. Budapest: Akademiai Kiadó.

Garam E. 1993. *Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum*. Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Seria Archeologica I. Budapest: Ungarischen Nationalmuseum.

Garam E. 2001. *Funde byzantinischer Herkunft in er Awarenzeit vom Ende des. 6. bis zum Ende der 7. Jahrhunderts.* Monumenta Avarorum Archaeologica 5. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Geisler H. 1998a. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde.* Textband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.

Geisler H. 1998b. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde.* Tafelband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.

Guillaume J. 1975. Les Nécropoles Mérovingiennes de Dieu/Meuse (France). *Acta Praehistorica et Archaeologica* 5/6, 211—349.

Heinrich-Tamaska O. 2008. Keszthely-Fenékpuszta. Komitat Zala. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 291—307.

Heinrich-Tamaska O. 2008a. Vörs. Komitat Somogy. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 308—311.

Hilberg V. 2009. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwaderungszeitlichen Brandgräberfeld von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary.* Band 2. Neumünster: Wachholtz.

Jelínková D. 2012. K otázce datování počátků kultury s keramikou pražského typu na Moravě. In: *Příspěvek pro 15. mezinárodní sjezd slavistů v Minsku.* Přehled výzkumů 53 (2). Brno, 7—21.

Jelínková D. 2014. Počátky slovanského osídlení na Moravě. In: Kouřil P. (ed.). *Velká Morava a počátky křesťanství.* Brno, 23—32.

Kazanski M. 2000. Les Slaves dans la zone forestière d´Europe orientale au débat du moyen âge. In: Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Réalités Byzantines 7. Paris: Éditions P. Lethielleux, 17—44.

Kiss A. 1977. *Avar Cemeteries in Country Baranya*. Budapest: Akademiai Kiado.

Kiss A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kõlked-Feketekapu.* Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.

Kiss G., Somogyi P. 1984. *Tolna megyei avar temetök. Budapestini.* Dissertationes Pannonicae. Series III. Vol. 2. Budapest.

Klanica Z. 1995. Zue Periodisierung vorgrossmährischer Funde aus Mikulčice. In: Daim F., Poláček L. (Hrsg.). *Studien zum Burgwall von Mikulčice* I. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 2. Brno, 379—469.

Klanica Z. 2008. *Mutěnice-Zbrod. Zaniklé sídliště ze 7.—10. století.* Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 36. Brno.

Klanica Z., Klanicová S. 2011. Das langobardische Gräberfeld von Lužice (Bez. Hodonín). In: Tejral J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren* I, 225—312. Brno.

Koch U. 1968. *Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg*. GDV Ser. A, Bd. X. Berlin.

Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim.* Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart.

Kovrig I. 1963. Das awarenzeitlich gepidisch Gräberfeld von Allatyán. *ArchHung. XL*. Budapest.

Kovrig I. 1975. The Dévaványa Cemetery. In: Garam E., Kovrig I., Szabó J. Gy., Tőrők Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum.* Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary I. Budapest, 121—155.

Kuna M., Profantová N. 2005. *Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách*. Praha: Archeologický ústav AV ČR.

Landenbauer-Orel H. 1960. *Linz-Zizlau. Das baierische Gräberfeld an der Traumündung*. Wien; München: Anton Schroll & Co.

Losert H. 2011. Das Brandgräberfeld von Regensburg-

Großprüfening und die frühen Slawen in Pannonien. In: Heinrich-Tamaska O. (ed.). *Keszthely-Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia*. Castellum Pannonicum Pelsonense 2. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 475—487.

Losert H., Pleterski A. 2003. *Altenerding in Oberbayern. Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren*. Berlin; Bamberg; Ljubljana: Verlag ZRC.

Nagy M. 1998. *Awarenzeitliche Graberfeld im Stadtgebiet von Budapest.* Vol. I, II. Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest.

Papp L.1963. A Bolyi avarkori temető I. Első kőzlemény. *JPMÉ* 7, 163—193.

Parczewski M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie zródeł archeologicznych*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.

Parczewski M. 1995. Bachórz. Woiwodschaft Przemyśl, Gemeinde Dynów, Fundstelle 16. Mehrkulturensiedlung. In: *Recherches archeologiques de 1991 et 1992*. Kraków, 51—60.

Pekarskaja L.V., Kidd D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7.* Jahrhundert. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelarchäologie 1. Innsbruck.

Profantová N. 2013. Náhrdelníky byzantského (?) původu a bronzové kruhové ozdoby ve slovanském prostředí 6.— 7. století. K interkulturním vztahům. *Památky archeologické* CIV, 149—182.

Poláček L. 2008. Mikulčice und Awaren. Zur Interpretation «awarischer» Funde von Mikulčice. In: *Kultruwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*. Akten der Internationalen Tagung in Bonn, 25.— 28. 2. 2008. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 11. Bonn, 579—589.

Rudnicki M. 2010. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej-świadectwo kontaktów ze Słowianami? Archeológia barbarov 2009 dárstvo Germánov. In: Beljak J., Březinová G., Varsík V. (eds.). *Sídliskové a ekonomické štruktúry od neskorej doby laténskej po včasný stredovek.* Nitra, 669—686.

Sós A.Cs. 1958. Das frühawarenzeitliche Gräberfeld von Oroszlány. *Folia Archaeologica* X, 105—124.

Sós A. Cs. 1962. Vorläufige Mitteilungen über die Asgrabungen in Pókaszepetk. *Folia Archaeologica* XIV, 67—82.

Sós A.Cs. 1963. Archäologischer Nachlaβ der awarenzeitlichen Slawen. *Slavia antiqua* X, 301—329.

Stadler H. 1998. Die Siedlungsgeschichte von Oberlienz nach den archäologischen Zeugnissen. In: *Oberlienz in Geschichte und Gegenwart.* Oberlienz, 9—25.

Stadler P. 2008. Mödling. Bezirkshauptmannschaft Mödling. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 282—283.

Szatmári S. 1980. Das Gräberfeld von Oroszlány und seine Stelle in der frühawarenzeitlichen Metallkunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 32, 97—116.

Theisen U. 2008. Morrione in Campochiaro. Provinz Campobasso, Region Molise. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 389—392.

Tejral J. 2011. Zum Stand der Langobardenforschung im Norddanubischen Raum. In: *Langobardische Gräberfelder in Mähren* I. Brno, 11—73.

Török Gy. 1975. The Visznek Cemetery. In: Garam E., Kovrig I., Szabó J.Gy., Tőrők Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum. Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary* I. Budapest, 321—345.

Vida T. 2008. Die Langobarden in Pannonien. In: *Das Ende der Völkerwanderung. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum*. Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 73—90.

References

Akhmedov, I.R. 2010. In Islanova, I.V., Rodinkova, V.E. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Problems and Materials).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7—34 (in Russian).

Aulikh, V.V. 1972. *Zymnyvs'ke horodyshche: slov'yanska pam'yatka VI—VII st.n. e. v Zakhidnij Volyni (Zimne Fortified Site: Slavic Site of 6th—7th Centuries AD in Western Volhynia).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Belotserkovskaia, I.V. 2014. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations).* Series: Ranneslaviankii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 178—229 (in Russian).

Voronkov, A.M. 2016. In Oblomskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 221—260 (in Russian).

Voronina, R.F., Zelentsova, O.V., Engovatova, A.V. 2005. *Nikitinskii mogil'nik: Publikatsiia materialov raskopok 1977—1978 gg. (Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977—1978 Excavations).* Series: Proceedings of the Department of Rescue Excavations, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 1997. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 12, 43—58 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. 1996. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst.* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Goriunova, V.M. 1992. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 1, 126—140 (in Russian).

Jelínková, D. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 117—150 (in Russian).

Islanova, I.V. 1997. *Udomel'skoe poozer'e v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ia (Udomlya Lake District in the Iron Age and Early Middle Ages).* Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Islanova, I.V. 2016. In Oblomskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkhe-

ologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 136—220 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 1999. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 6, 404—417 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2014. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 45—137 (in Russian).

Korzukhina, G.F. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* V, 352—435 (in Russian).

Krenke, N.A. 2016. In Oblomskii, A.M., Islanova, I.V. (ed.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 261—332 (in Russian).

Kulakov, V.I. 1990. In *Barbaricum* 1989. Warszawa, 148—275 (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2011. In Sharov, O.V. (ed.). *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark).* Saint Petersburg; Kishinev: Stratum Plus, 527—554 (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2014. *Veshchevoi kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiia i khronologiia (Material Complex of the Culture of Pskov Long Barrows: Typology and Chronology).* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2016. In Oblomskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 395—417 (in Russian).

Oblomskii, A.M. 2015. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries.* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 296—308 (in Russian).

Oblomskii, A.M., Kozmirchuk, I.A. 2015. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th— 5th Centuries.* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 134—164 (in Russian).

Profantová, N. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 97—116 (in Russian).

Rafalovich, I.A. 1972. *Slaviane VI—IX vekov v Moldavii (The Slavs in 6th—9th Centuries in Moldavia).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Rafalovich, I.A. 1972. In Rafalovich, I.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1968—1969 gg. (Archaeological Investigations in Moldova in 1968—1969).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 122—143 (in Russian).

Bemman, J., Wesely-Arents, E.M. 2005. *Liebersee. Ein polykulturellen Bestattungsplatz an der sächsischen Elbe.* Band 5. Dresden: Landesamt für Archäologie mit Landesmuseum für Vorgeschichte.

Bóna, I. 2009. Bezenye-Paprét. In Bóna, I., Horwáth, J.B. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn*. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 15—25.

Bóna, I., Horwáth, J.B. 2009. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn.* Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Čižmář, M. 1997. Langobardský sídlištní objekt z Podolí, okr. Brno-venkov. K problematice langobardských sídlišť na Moravě. *Archeologické rozhledy* 49, 634—642.

Čižmář, M. 2011. Das Gräberfeld von Holubice. In Tejral J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren* I. Brno, 129—224.

Daim, F., Lippert, A. 1984. *Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge*. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Garam, E. 1979. *Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kiskőre.* Fontes archaeologici Hungariae. Aedes Academiae Scientiarum Hungaricae Budapestini MCMLXXIX. Budapest: Akademiai Kiadó.

Garam, E. 1993. *Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum*. Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Seria Archeologica I. Budapest: Ungarischen Nationalmuseum.

Garam, E. 2001. *Funde byzantinischer Herkunft in er Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende der 7. Jahrhunderts.* Monumenta Avarorum Archaeologica 5. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Geisler, H. 1998. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde.* Textband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.

Geisler, H. 1998. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde.* Tafelband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.

Guillaume, J. 1975. Les Nécropoles Mérovingiennes de Dieu/Meuse (France). *Acta Praehistorica et Archaeologica* 5-6, 211—349.

Heinrich-Tamaska, O. 2008. Keszthely-Fenékpuszta. Komitat Zala. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen Landes-Museum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 291—307.

Heinrich-Tamaska, O. 2008. Vörs. Komitat Somogy. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 308—311.

Hilberg, V. 2009. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwaderungszeitlichen Brandgräberfeld von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary.* Band 2. Neumünster: Wachholtz.

Jelínková, D. 2012. K otázce datování počátků kultury s keramikou pražského typu na Moravě. In *Příspěvek pro 15. mezinárodní sjezd slavistů v Minsku*. Přehled výzkumů 53 (2). Brno, 7—21.

Jelínková, D. 2014. Počátky slovanského osídlení na Moravě. In Kouřil P. (ed.). *Velká Morava a počátky křesťanství.* Brno, 23—32.

Kazanski, M. 2000. Les Slaves dans la zone forestière d´Europe orientale au début du moyen âge. In Kazanski, M., Nercessian, A., Zuckerman, C. (eds.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Réalités Byzantines 7. Paris: Éditions P. Lethielleux, 17—44.

Kiss, A. 1977. *Avar Cemeteries in Country Baranya*. Budapest: Akademiai Kiado.

Kiss, A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu.* Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.

Kiss, G., Somogyi, P. 1984. *Tolna megyei avar temetök. Budapestini.* Dissertationes Pannonicae. Series III. Vol. 2. Budapest.

Klanica, Z. 1995. Zur Periodisierung vorgrossmährischer Funde aus Mikulčice. In Daim, F., Poláček, L. (Hrsg.). *Studien zum Burgwall von Mikulčice* I. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 2. Brno, 379—469.

Klanica, Z. 2008. *Mutěnice-Zbrod. Zaniklé sídliště ze 7. — 10. století.* Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 36. Brno.

Klanica, Z., Klanicová, S. 2011. Das langobardische Gräberfeld von Lužice (Bez. Hodonín). In Tejral, J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren* I, 225—312. Brno.

Koch, U. 1968. *Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg*. GDV Ser. A, Bd. X. Berlin.

Koch, U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim.* Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart.

Kovrig, I. 1963. Das awarenzeitlich gepidisch Gräberfeld von Allatyán. *ArchHung. XL*. Budapest.

Kovrig, I. 1975. The Dévaványa Cemetery. In Garam, E., Kovrig, I., Szabó, J. Gy., Tőrők, Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum.* Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary I. Budapest, 121—155.

Kuna, M., Profantová, N. 2005. *Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách*. Praha: Archeologický ústav AV ČR.

Landenbauer-Orel, H. 1960. *Linz-Zizlau. Das baierische Gräberfeld an der Traumündung*. Wien; München: Anton Schroll & Co.

Losert, H. 2011. Das Brandgräberfeld von Regensburg-Großprüfening und die frühen Slawen in Pannonien. In Heinrich-Tamaska, O. (ed.). *Keszthely-Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia.* Castellum Pannonicum Pelsonense 2. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 475—487.

Losert, H., Pleterski, A. 2003. *Altenerding in Oberbayern. Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren.* Berlin; Bamberg; Ljubljana: Verlag ZRC.

Nagy, M. 1998. *Awarenzeitliche Graberfeld im Stadtgebiet von Budapest.* Vol. I, II. Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest.

Papp, L.1963. A Bolyi avarkori temető I. Első kőzlemény. *JPMÉ* 7, 163—193.

Parczewski, M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie zródeł archeologicznych.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.

Parczewski, M. 1995. Bachórz. Woiwodschaft Przemyśl, Gemeinde Dynów, Fundstelle 16. Mehrkulturensiedlung. In *Recherches archeologiques de 1991 et 1992.* Kraków, 51—60.

Pekarskaja, L.V., Kidd, D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7.* Jahrhundert. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelarchäologie 1. Innsbruck.

Profantová, N. 2013. Náhrdelníky byzantského (?) původu a bronzové kruhové ozdoby ve slovanském prostředí 6. — 7. století. K interkulturním vztahům. *Památky archeologické* CIV, 149—182.

Poláček, L. 2008. Mikulčice und Awaren. Zur Interpretation «awarischer» Funde von Mikulčice. In *Kultruwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*. Akten der Internationalen Tagung in Bonn, 25. — 28. 2. 2008. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 11. Bonn, 579—589.

Rudnicki, M. 2010. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej- świadectwo kontaktów ze Słowianami? Archeológia barbarov 2009 dárstvo Germánov. In Beljak, J., Březinová, G., Varsík, V. (eds.). *Sídliskové a ekonomické štruktúry od neskorej doby laténskej po včasný stredovek.* Nitra, 669—686.

Sós, A. Cs. 1958. Das frühawarenzeitliche Gräberfeld von Oroszlány. *Folia Archaeologica* X, 105—124.

Sós, A. Cs. 1962. Vorläufige Mitteilungen über die Asgrabungen in Pókaszepetk. *Folia Archaeologica* XIV, 67—82.

Sós, A. Cs. 1963. Archäologischer Nachlaß der awarenzeitlichen Slawen. *Slavia antiqua* X, 301—329.

Stadler, H. 1998. Die Siedlungsgeschichte von Oberlienz nach den archäologischen Zeugnissen. In *Oberlienz in Geschichte und Gegenwart.* Oberlienz, 9—25.

Stadler, P. 2008. Mödling. Bezirkshauptmannschaft Mödling. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 282—283.

Szatmári, S. 1980. Das Gräberfeld von Oroszlány und seine Stelle in der frühawarenzeitlichen Metallkunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 32, 97—116.

Theisen, U. 2008. Morrione in Campochiaro. Provinz Campobasso, Region Molise. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung.* Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 389—392.

Tejral, J. 2011. Zum Stand der Langobardenforschung im Norddanubischen Raum. In *Langobardische Gräberfelder in Mähren* I. Brno, 11—73.

Török, Gy. 1975. The Visznek Cemetery. In Garam, E., Kovrig, I., Szabó, J. Gy., Tőrők, Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum. Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary* I. Budapest, 321—345.

Vida, T. 2008. Die Langobarden in Pannonien. In *Das Ende der Völkerwanderung. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum*. Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 73—90.

Статья поступила в сборник 14 сентября 2017 г.

Dagmar Jelínková (Brno, Czech Republic). PhDr., CSc. Institute of Archaeology of the Czech Academy of Sciences, Brno [1].

Елинкова Дагмар (Брно, Чехия). Доктор истории. Институт археологии Академии наук Чешской Республики в Брно.

E-mail: dagmajeli@seznam.cz

Address: [1] Čechyňská 363/19, Brno, 60200, Czech Republic

А. В. Комар

Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони

Keywords: Northern Black Sea region, Early Middle Ages, nomads, Sivashovka type grave, sword, scabbard, birch bark, decoration

Ключевые слова: Северное Причерноморье, раннее средневековье, кочевники, памятники типа Сивашовки, меч, ножны, береста, орнамент

A. V. Komar

Birch Bark Decoration of Scabbard of an Early Medieval Sword from Yablunya

The paper examines materials of the early medieval nomadic burial from Yablunya (grave 11, barrow 11) in the Berezan river basin (North-West Black Sea region). The grave was discovered in 1974 by the Ingul expedition led by O. G. Shaposhnikova and published later by R. S. Orlov with contradictory chronological, cultural and ethnic attribution.

The fact that some fragments of scabbard and hilt made of organic materials have been preserved makes it an exceptional case. Thus, it is possible to reconstruct the outlook of weapons of ordinary nomads, to study the technology of birch bark lining, stylistic details of ornament and its links with the decoration of synchronous weapons from internments of nomadic nobility. Peculiarities of this funerary rite, as a whole, and analogies to the grave goods allow us to reconsider its attribution as an early Pecheneg site of the last quarter of the 9th century and qualify grave 11 of barrow 11 near Yablunya as Sivashovka type grave dated by the 2nd half of the 7th — early 8th centuries.

А. В. Комар

Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони

В статье рассматриваются материалы из раннесредневекового кочевнического погребения у с. Яблоня (погр. 11 кургана 11) в бассейне р. Березань (Северо-Западное Причерноморье). Погребение исследовано в 1974 г. Ингульской экспедицией под руководством О. Г. Шапошниковой и издано позже Р. С. Орловым с противоречивой хронологической, культурной и этнической атрибуцией.

Редкий случай сохранения отдельных частей ножен меча и рукояти из органических материалов даёт возможность полностью реконструировать внешний вид оружия рядовых кочевников, изучить технологию декорирования берестяной оклейки, стилистические особенности орнамента и его взаимосвязи с декором синхронных предметов оружия из комплексов кочевнической знати. Особенности погребального обряда и аналогии находкам из состава комплекса позволяют отбросить его атрибуцию как раннепеченежского последней четверти IX в. и уверенно отнести п. 11 к. 11 Яблони к памятникам типа Сивашовки 2-й половины VII — начала VIII вв.

Культура рядового кочевнического населения Северного Причерноморья в эпоху раннего средневековья исследована относительно слабо, как из-за малочисленности открытых к настоящему моменту погребений, так и вследствие малоинвентарности погребальных комплексов. Лишь из комплексов знати происходят золотые и серебряные предметы с богатой орнаментацией, отражающие художественные вкусы кочевников рассматриваемой эпохи. В рядовых погребениях предметы с орнаментацией встречаются крайне редко, создавая впечатление полного «аскетизма» и монотонности предметного мира основной части кочевого населения степи раннего средневековья.

Этнографические исследования тюркских народов XIX — начала XX в., сохранивших натуральный характер хозяйства, подсказывают, что это впечатление ошибочно. Цвет и узоры в повседневной жизни кочевника задавали ткани и ковры; тиснёными орнаментами украшались кожаные и берестяные изделия, резными — деревянные и костяные. За исключением кости, материал изготовления таких предметов не располагает к их сохранению в погребениях из восточноевропейских степей. Тем ценнее значение редких случаев, когда орнаментированные фрагменты тканей, кожи, бересты всё-таки попадают в руки исследователей.

В 1974 г. при раскопках кургана 11 возле с. Яблоня (укр. Яблуня, Березанский р-н, Николаевская обл., Украина) на правом берегу р. Березань экспедицией под руководством О. Г. Шапошниковой было открыто ранне-

© А. В. Комар, 2018.

средневековое погребение (№ 11), включавшее в составе инвентаря меч с декорированной берестяной отделкой ножен.

Погребение ввёл в научный оборот Р. С. Орлов, участвовавший в исследовании кургана и издавший свои зарисовки (Орлов 1999: 179—181, рис. 1—3). Первоначально оно было отнесено к выделенному исследователем «сивашовскому типу» погребений VI — начала VIII вв. и датировано началом VIII в. на основании сходства схемы декора ножен с металлическими обкладками оружия из Вознесенки и позднеаварских ременных наконечников (Орлов 1985: 100—104, табл. 2). Эта атрибуция и датировка была принята и нами (Комар 1999: 120—121). Но Р. С. Орлов позже посвятил искусствоведческому анализу декора берестяной накладки отдельный сюжет, датировав на этот раз комплекс п. 11 к. 11 Яблони последней четвертью IX в. и соотнеся его появление с ранними печенегами (Орлов 1999: 179—181; 2000: 1006—1007). Учитывая отсутствие какого-либо сходства погребального обряда и находок из состава п. 11 к. 11 Яблони с печенежскими погребениями, новая атрибуция не представлялась верной, в чём автору данных строк удалось убедить Р. С. Орлова, и эта позиция была отражена в совместной публикации эталонных комплексов типа Сивашовки (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 290, 305, 368).

В коллекции Научных фондов Института археологии НАН Украины из состава п. 11 к. 11 Яблони числились лишь мелкие фрагменты бересты, обломки лепного горшка и часть железных изделий (пряжка, нож) (коллекция № 856), что заставляло считать рисунки Р. С. Орлова основным источником о комплексе, пока автору не попала в руки берестяная обкладка с шифром той же Ингульской экспедиции 1974 г., но записанная после консервации на закрепляющей основе как «Новая Одесса IV, к. 3 п. 3» (ср.: рис. 1: 2; 2: 1, 2). Учитывая отсутствие каких-либо упоминаний о берестяных находках из п. 3 к. 3 Новой Одессы IV, нет сомнений, что перед нами предмет из п. 11 к. 11 Яблони, позволяющий вновь обратиться детальнее к этому интересному комплексу.

Обряд погребения

Для погребения был выбран невысокий расплывшийся курган диаметром ок. 37 м и высотой от древней поверхности ок. 1,8 м, сооружавшийся в несколько этапов путём досыпок. Погребение 11 совершено в северном секторе со смещением от центра на 4 м. Его западный край был подрезан при раскопках бровкой, благодаря чему, впрочем, удалось зафиксировать запуск ямы практически от поверхности с углублением на 0,3—0,4 м в слой первичной насыпи. Уровень дна ямы залегал на 0,6 м выше древней поверхности, из-за чего контуры ямы в слое насыпи читались лишь по дну и не по всей площади.

Погребальное сооружение представлено, скорее всего, ямой с заплечиками, поскольку над скелетом прослежены остатки дерева от рухнувшего перекрытия. Яма с сильно скруглёнными углами, сужается к ногам, вытянута по оси СВ-ЮЗ (азимут 60°) (рис. 1: 1). В юго-западной части её точные контуры не прослежены; общая длина — не менее 2 м, максимальная ширина — 0,97 м, в ногах — ок. 0,75 м. Тело умершего уложено в вытянутом положении со смещением вправо, при этом ещё далее (до искривления линии тела) пододвинуты ноги; азимут по линии позвонков 64°.

На ногах ниже колен прослежены остатки кожи, очевидно, от обуви (ср.: Комар, Кубышев, Орлов 2006: 279, 325). Слева от головы располагался раздавленный горшок (рис. 1: 1a); в области таза — поясная железная пряжка (рис. 1: 1b); у голени левой ноги — нож (рис. 1: 1d); вдоль левой ноги — меч в ножнах, от которых сохранились остатки дерева и бересты (рис. 1: 1c). Вдоль левой (южной) стенки обнаружены остатки черепа и конечностей (?) лошади (рис. 1: 1e), но, к сожалению, не ясно, находились ли они первоначально на дне ямы или же рухнули вместе с перекрытием. Судя по их взаиморасположению, шкура лошади не была растянутой или набитой в форме чучела, а головой «лошадь» ориентировалась в противоположную от человека сторону. Сложно сказать, для чего именно ноги умершего сдвигались под правую стенку, возможно, здесь пытались освободить место для напутственной пищи на деревянном блюде, следов которых, впрочем, не прослежено.

Сопроводительный инвентарь

Лепной горшок. В публикации была предложена реконструкция размеров и формы горшка (Орлов 1999: рис. 1: 5), от которого в коллекции в настоящее сохранились только 3 фрагмента, один с половиной шифра, что говорит об утрате частей сосуда. Форма горшка реконструируется лишь до плечиков (на высоту 12 см) (рис. 1: 4); венчика, судя по полевым записям, не было изначально. Горшок выпол-

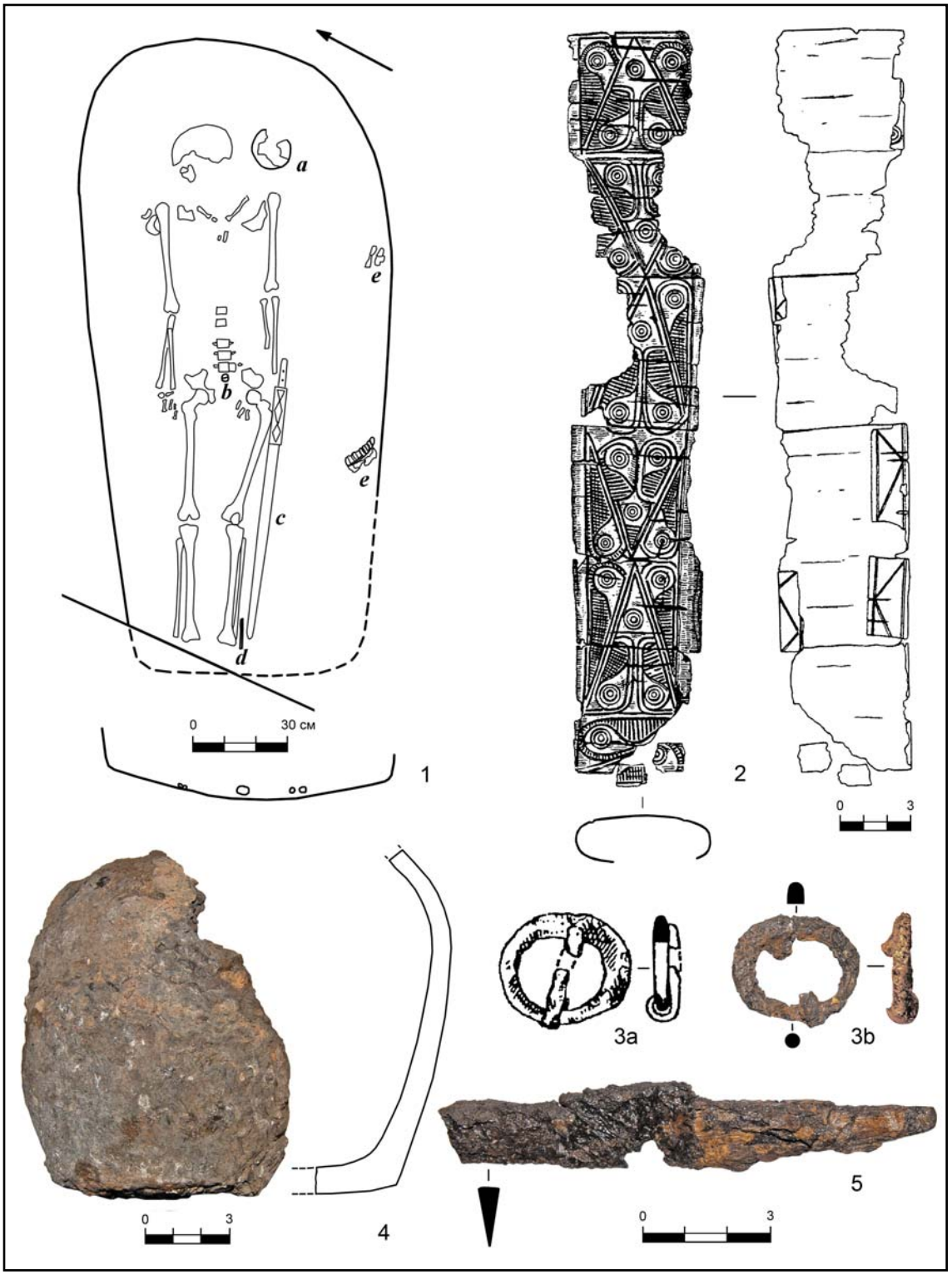

Рис. 1. Погребение 11 кургана 11 Яблони. 1 — план погребения (по полевому чертежу к отчёту: Шапошникова, Фоменко 1975): a — фрагменты сосуда; b — пряжка; c — меч; d — нож; e — кости лошади; 2 — берестяная оклейка ножен (по Орлов 1999: рис. 2); 3 — железная пряжка (3a — по Орлов 1999: рис. 1: 3); 4 — лепной сосуд; 5 — железный нож (3b, 4, 5 — фото и рисунок автора).

Fig. 1. Burial 11 of barrow 11 near Yablunya. 1 — burial plan (after the field drawing for the report: Шапошникова, Фоменко 1975): a — fragments of the vessel; b — buckle; c — sword; d — knife; e — horse bones; 2 — birch bark decoration of scabbard (after Orlov 1999: fig. 2); 3 — iron buckle (3a — after Orlov 1999: fig. 1: 3); 4 — handmade vessel; 5 — iron knife (3b, 4, 5 — photo and drawing by the author).

Рис. 2. Берестяная оклейка ножен из п. 11 к. 11 Яблони. 1, 2 — вид после консервации; 3—6 — детали (увеличены) (фото автора).

Fig. 2. Birch bark decoration of scabbard from burial 11 barrow 11 of Yablunya. 1, 2 — view after conservation; 3—6 — details (increased in scale) (photo by the author).

нен из рыхлого теста с добавлением шамота и толчёных камней. Обжиг костровой, неровный (цвет темно-серый, бурый); черепок чрезвычайно хрупкий. Малые размеры и хрупкость указывают на поспешное изготовление сосуда для ритуала погребения.

Железный нож. Представлен в обломанном виде (рис. 1: 5), в котором, вероятно, находился уже в погребении. Лезвие клиновидное в сечении, максимальная ширина 2 см. Черенок 5,7 см длиной, ширина 1,5 см, толщина до 0,5 см. На черенке слабые остатки дерева от рукоятки.

Железная пряжка. Овальной формы с уплощением по внутреннему контуру (рис. 1: 3a; 3b). Размеры 3×2,5 см, максимальная толщина рамки 0,4 см. Кованый язычок плоский, шириной 0,3 см.

Железный меч. Предмет обнаружить в коллекции не удалось. Согласно рисункам из публикации (Орлов 1999: рис. 1: 7), оружие имело обоюдоострый клинок и асимметричное острие; небольшая асимметрия наблюдается также и в форме рукояти, что сближает общий облик меча с палашами (рис. 3: 2). Деревянная рукоять была покрыта врезными линиями, обеспечивавшими более плотное сцепление руки, и крепилась к полосе двумя заклёпками. Общая длина меча составляла 108 см, максимальная ширина полосы 4,8 см (Орлов 1999: 180).

Фрагменты берестяной отделки ножен меча. В коллекции присутствует береста двух видов.

Первый — тонкая береста белого цвета толщиной менее 1 мм. Сохранилась только в виде очень мелких хрупких фрагментов, на которых не прослежено следов декорирования. На рассмотренных фрагментах также не заметны края надрезов полос, невозможно из них составить и представление об общей площади покрытия, поскольку очевидно, что в коллекцию было взято лишь малое количество такой бересты в качестве образцов.

Второй вид — 4 полосы из толстой бересты жёлтого цвета (толщина до 1,5 мм), полностью очищенной от верхних слоев. В процессе консервации реставратор перенёс их на оклеенную тканью картонную овальную в сечении трубку шириной 5,5 см, не учтя при этом сужение ножен книзу (рис. 2: 1, 2), вследствие чего нижняя часть оказалась приклеенной не совсем ровно. Ширина полос не одинакова, сверху вниз соответственно: 11,5 см, 7 см, 10,5 см, 5,5 см. Края полос подрезаны ровно, хорошо отличаясь от рваных разломов по трещинам. На обратной стороне ножен полосы не смыкались встык, между ними оставался зазор в 2,5—3 см. Общая длина орнаментированной оклейки ножен 34,5 см, что не совпадает с указанными Р. С. Орловым размерами (37,5 см) — по-видимому, в публикацию просто вкралась опечатка.

Декор, сочетающий геометрическую разграфку, растительные мотивы и вписанные концентрические кружки, нанесен тиснением трубочками-штампами разных диаметров и «чеканом» толщиной ок. 1 мм. Местами мастер наклонял инструмент при тиснении, такой ход чекана хорошо виден по характерным «брыжам» бересты (рис. 2: 4), что, одновременно, говорит о его достаточно небольшой ширине. Следы ещё одного тонкого инструмента заметны на примере внутренней продольной разграфки внутри «листьев» (рис. 2: 4), выполненной лишь на части орнамента. Линии декоративной композиции переходят с полосы бересты на полосу, они, несомненно, наносились на уже приклеенную бересту. Скорее всего, именно пропитка органическим клеем и послужила консервантом, который обеспечил её сохранность, в противовес более твёрдым деревянным частям ножен. На обратной стороне ножен сохранившиеся края оклейки также декорированы — здесь видны остатки вертикальной разграфки и вписанный в её контур зигзаг из тупоугольников.

Утраты бересты в верхней части оклейки ножен (рис. 2: 1) случились ещё в древности и они не случайно совпадают по форме и размерам с захватом левой руки — именно здесь приходился главный нажим пальцев при вынимании меча из ножен. В нижней части также разрушен угол, но, судя по фрагментам (рис. 1: 2), обломки оставались ещё наклеенными на ножны, когда попали в погребение. Почти полностью утрачена береста на обороте ножен, что говорит о частом ударном контакте с твёрдой поверхностью, например, полкой деревянного седла.

Следы воздействия другого рода заметны на двух нижних полосах бересты, где с одной стороны есть затёртые участки (рис. 2: 4) — скорее всего, здесь на ножны часто опиралась рука владельца, но без усилия. Состояние берестяной оклейки однозначно свидетельствует, что ножны использовались долгое время и неоднократно в экстремальных условиях (например, боя или турнира).

Реконструкция ножен

Погребение из Яблони даёт редкую возможность реконструировать конструкцию ножен, от которых в условиях плохой сохран-

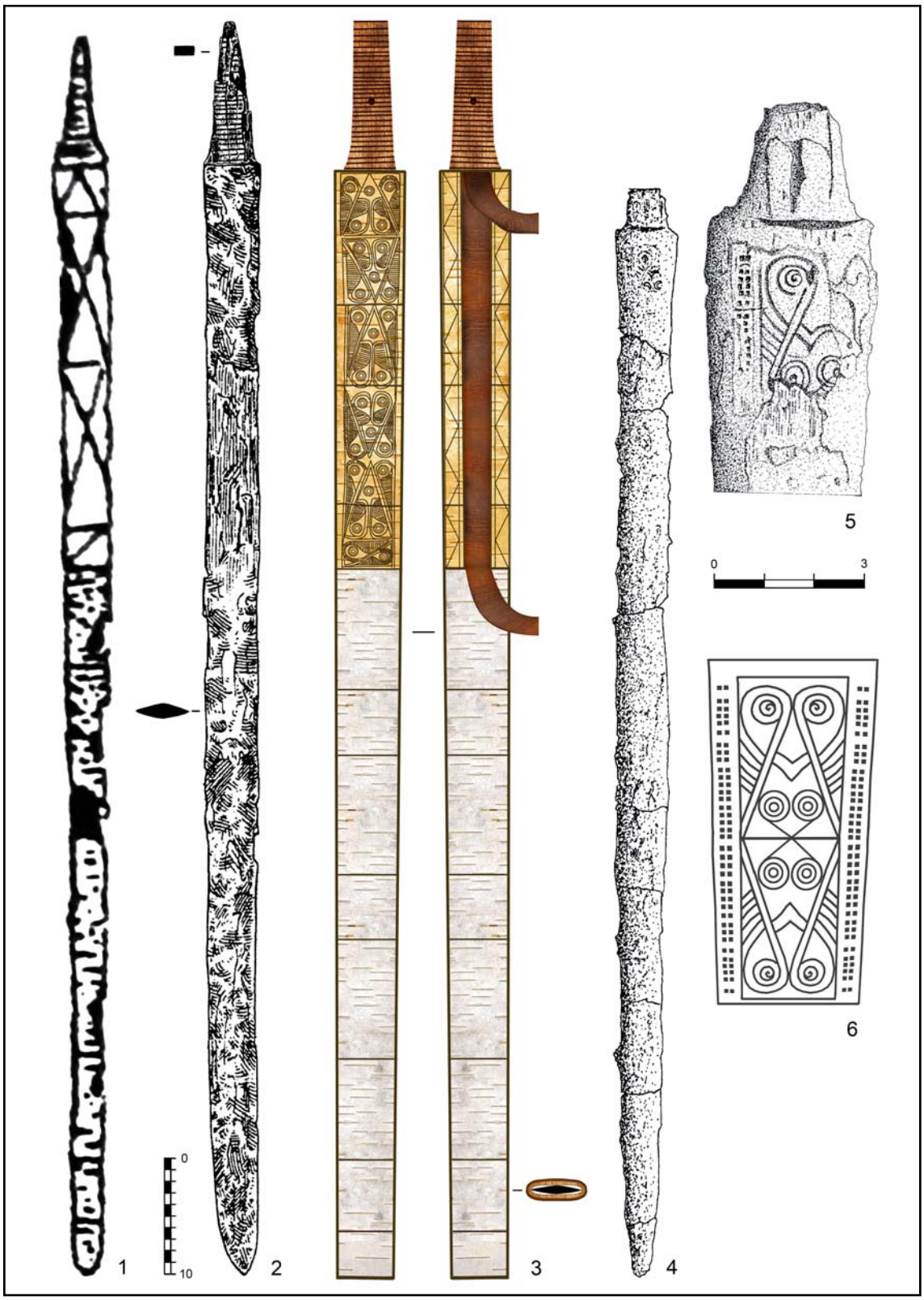

Рис. 3. Мечи с остатками ножен. 1—3 — Яблоня, п. 11 к. 11 (1 — по Орлов 1999: рис. 1: 1; 2 — по Орлов 1999: рис. 1: 4, 7; 3 — реконструкция автора); 4—6 — Деск-М, п. 2 (4, 5 — по Balogh 2004: kep. 4: 28; 6 — реконструкция схемы декора).

Fig. 3. Swords with remains of scabbards. 1—3 — Yablunya, grave 11, barrow 11 (1 — after Орлов 1999: рис. 1: 1; 2 — after Орлов 1999: рис. 1: 4, 7; 3 — the author's reconstruction); 4—6 — Deszk-M, grave 2 (4, 5 — after Balogh 2004: kep. 4: 28; 6 — reconstruction of the decoration scheme).

ности органики не осталось бы ни малейших следов.

«Чистовой» вариант полевого чертежа п. 11 к. 11 Яблони из Научного архива Института археологии НАН Украины даёт более схематизированное изображение меча в погребении (рис. 1: 1), по сравнению с публикацией (Орлов 1999: рис. 1: 1) (рис. 3: 1), но, поскольку полевые чертежи этого кургана были выполнены именно Р.С. Орловым, рисунок из публикации с намного большей детализацией остатков ножен вполне может точнее отображать оригинальный черновой чертёж, сохранившийся у исследователя. На нём хорошо заметно, что оклейка тонкой белой берестой охватывала всю площадь ножен ниже орнаментированной части из толстой бересты желтого цвета (рис. 3: 1). Так же, как и последняя, белая береста нарезалась полосками разной ширины. Их границы местами заметны на рисунке, скорее всего, речь шла о 8 частях.

На верхнем орнаментированном участке ножен нет никаких следов крепления поверх бересты какой-либо металлической обоймы или места перетяжки ножен кожаным ремнём. Предположение о креплении ремня сразу ниже орнаментированной части вызывает проблемы нарушения балансировки меча в подвешенном состоянии. Это подталкивает к выводу, что ремень крепился к ножнам в вертикальном положении в зазор между краями жёлтой бересты. Поскольку в этой зоне (как и в целом на ножнах и поблизости от них) не обнаружено ни гвоздиков, ни заклёпок, ни других металлических деталей, обеспечивавших бы надёжное крепление ремня, единственным вариантом остаётся его прочное пришивание к кожаной основе ножен, только поверх которой уже и клеилась береста.

Конструкция ножен получается достаточно простой. Они состояли из двух тонких трапециевидных вытянутых дощечек с внутренней выборкой под полосу меча. Края, вполне вероятно, фиксировались деревянными штифтиками и клеем. Поверх деревянной основы на органический клей плотно садился кожаный чехол с пришитым ремнём или же кожаными петлями (рис. 3: 3). Точки выхода ремня аналогичны обычному расположению Р-образных скоб, но последние крепились сбоку ножен, позволяя подвешивать палаш в наклонном положении к поясу. В нашей реконструкции такого расположения меча достичь невозможно: и вариант с непосредственно пришитым ремнём, и вариант с кожаными петлями на обороте предполагают ношение на портупее с практически вертикальным положением оружия.

Асимметричное острие полосы и рукоять, чуть расширяющаяся у основания в одну сторону (рис. 3: 2, 3), придают оружию из п. 11 к. 11 Яблони сходство с палашами и свидетельствуют, что в ножны меч вкладывался только в одном положении. Фактически, перед нами функционально и есть всаднический палаш, двулезвийная заточка которого повышала его эффективность как колющего оружия.

Этнокультурная принадлежность и датировка комплекса

Общий комплекс признаков погребального обряда п. 11 к. 11 Яблони полностью соответствует памятникам типа Сивашовки (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 360—373; Комар 2013: 683—726; таб. 12), но наблюдается и редкое сочетание деталей.

Так, впускное погребение в насыпь кургана выше древней поверхности, яма со скруглёнными углами и вероятными заплечиками, ориентировка в сектор СВВ, расположение нерастянутой шкуры лошади головой в противоположную человеку сторону, находят аналогии в сочетании только в погребении 1 из к. 1 Журавлихи (Комар 2006а: 403—405). Положение шкуры лошади в нерастянутом состоянии наблюдаем также в Побужье в п. 11 к. 1 Ковалевки (Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк 1978: рис. 28: 16) и в Поднепровье в п. 3 к. 5 Заплавки (Шалобудов 1983: рис. 1: 1); в Восточном Приазовье такой обряд отмечен в п. 5 к. 4 Крупского и п. 2 к. 29 Чапаевского (Атавин 1996: 209; табл. 1; 4: 1), но следует заметить, что шкуры в Заплавке и Крупском растянуты поперек ног умершего, а не слева. Обратная ориентировка шкуры коня во всех регионах редкостна — в Северном Причерноморье она отмечена только для Яблони и Журавлихи, а в Среднем Поволжье — в п. 2 к. 2 Шиловки (слева на ступеньке подбоя) (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: табл. VI: 2).

Расположение горшка у головы стереотипно, а вот в случае с мечом и ножом есть некоторые особенности. Нож расположен не на уровне бедра, а фактически у стопы (вследствие чего назван Р.С. Орловым «захалявным» (Орлов 1999: 179—180)), а меч уложен слева у ноги, а не сверху на тело под левую руку, как в остальных погребениях типа Сивашовки.

Овальные железные пряжки — достаточно малоинформативный в плане датировки материал, учитывая их чрезвычайно широкий диапазон бытования. Для комплексов типа Сива-

шовки характерны небольшие пряжки с пропорционально толстой рамкой (Комар 2006б: рис. 47: 13, 15—22), в круг которых вполне вписывается и пряжка из п. 11 к. 11 Яблони (рис. 1: 3). Нож с длинным, достаточно массивным черенком (рис. 1: 5) для Северного Причерноморья, несомненно, ранее салтовского периода, с которого распространяются ножи III группы по Р. С. Минасяну (Минасян 1980: рис. 3). Среди погребений типа Сивашовки ему ближе всего нож из п. 5 к. 12 Портового (Баранов 1990: рис. 40: 1). В стратифицированных слоях могильника Лучистое такие находки встречаются в слоях 2-й пол. VI—VII вв. и часто сочетаются с поясными деталями «геральдического» облика (Айбабин, Хайрединова 2008: табл. 148: 15; 179: 7; 2014: табл. 14: 1, 3; 137: 16; 139: 2; 173: 7; 184: 2). Впрочем, в Карпатской котловине у авар этот тип ножей сохраняется и в позднеаварский период (Csallány 1962: Taf. XV: 18, 20).

Двулезвийные мечи без перекрестья и каких-либо металлических деталей ножен обнаружены в п. 5 к. 12 Портового (Айбабин 1985: рис. 9) и п. 5 к. 4 Крупского (Атавин 1996: табл. 3: 10). Обломок двулезвийного клинка с остатками деревянных ножен и следами серебряной оковки сохранился и в составе Перещепинского комплекса (Айбабин 1985: рис. 1: 6; Залесская и др. 1997: кат. 114), но точная форма оружия здесь не реконструируется из-за условий обнаружения. Только обломок двулезвийного клинка был и в п. 2 к. 1 Березовки I (Скарбовенко, Сташенков 2000: рис. 5: 21). Двулезвийный меч с прямым перекрестьем найден в п. 3 к. 5 Заплавки (Шалобудов 1983: рис. 1: 3); отличается данный экземпляр также наличием железного наконечника ножен и петли для крепления.

Техника тиснения по бересте, использованная для ножен из п. 11 к. 11 Яблони, скорее всего, в древности была известна большинству тюркских народов. Лучше всего она представлена в раннесредневековых погребениях Центральной Азии (Евтюхова 1948: рис. 115; Савинов, Павлов, Паульс 1988: рис. 13; Могильников, Суразаков 1994: рис. 15), где лучше сохранность предметов из органических материалов.

В Северном Причерноморье её использование иллюстрирует берестяной колчан из п. 2 к. 3 Сивашовки, большая часть которого была украшена орнаментальными фризами (Комар, Кубышев, Орлов 2006: рис. 21; 22). П. Штрауб, издавший вариант реконструкции декора сивашовского колчана В. В. Дорофеевым, классифицировал орнамент как «геометрический», дополнив его, впрочем, несуществующей деталью в виде «птичьей головы» и соответствующими «аналогиями» (Straub 1998: 330—333, кер. 3: 3, 5)[1]. Эту же иллюстрацию использовал в своей монографии Р. Рашев (Рашев 2004: табл. 36). В процессе подготовки полной публикации комплекса нами была замечена целая серия несоответствий между материалами фотофиксации раскопок и финальными чертежами, в т. ч. и касательно колчана (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 287—290), на что пришлось обратить очень серьёзное внимание, учитывая, что впускные средневековые погребения в условиях охранной «курганной» археологии часто становились заложниками дорогостоящего простоя техники. Спешка при их расчистке и фиксации, к сожалению, объективная часть истории археологии, поэтому роль фотодокументации сложно переоценить для контроля результатов. Именно на основании фотографий п. 2 к. 3 Сивашовки нам пришлось изменить реконструкцию формы колчана, но изданная полевая прорисовка его декора (Комар, Кубышев, Орлов 2006: рис. 22: 4) также оказалась не совсем точной в мелких деталях, имеющих значение.

На участках фотографий с удовлетворительной резкостью (рис. 4: 1) это хорошо заметно при компьютерной обработке. Так, «геометрический» фриз оказался не механически разграфленным, образуя косую сетку, а с намеренным выделением заштрихованных ромбов; внутри же овалов на самом деле нет оттиска круглого штампа большого диаметра, в них вписаны как бы два обращённых зеркально узких листа в профиль (рис. 4: 2). Включённый в овал декор напоминает также распространённые несколько позже бляшки с декором «волной» (Комар 2006б: рис. 36: 38—40). Немного отличается рисунок на металлической обкладке ножен из Вознесенки (рис. 4: 7) — растительный мотив с завитками здесь разделен не горизонтально, а по диагонали, как на реконструируемой горизонтальной полоске декора ножен из п. 11 к. 11 Яблони (рис. 5: 1), образуя при этом подтреугольный лист, разграфленный сеточкой, наблюдаемой и на части листьев ножен из Яблони (рис. 2: 4).

Фактически, на колчане из п. 2 к. 3 Сивашовки и обкладке ножен из Вознесенки на-

[1] Следует отметить, что эта публикация стала полным сюрпризом для А. И. Кубышева, других авторов раскопок и исследователей, работавших над изданием памятника.

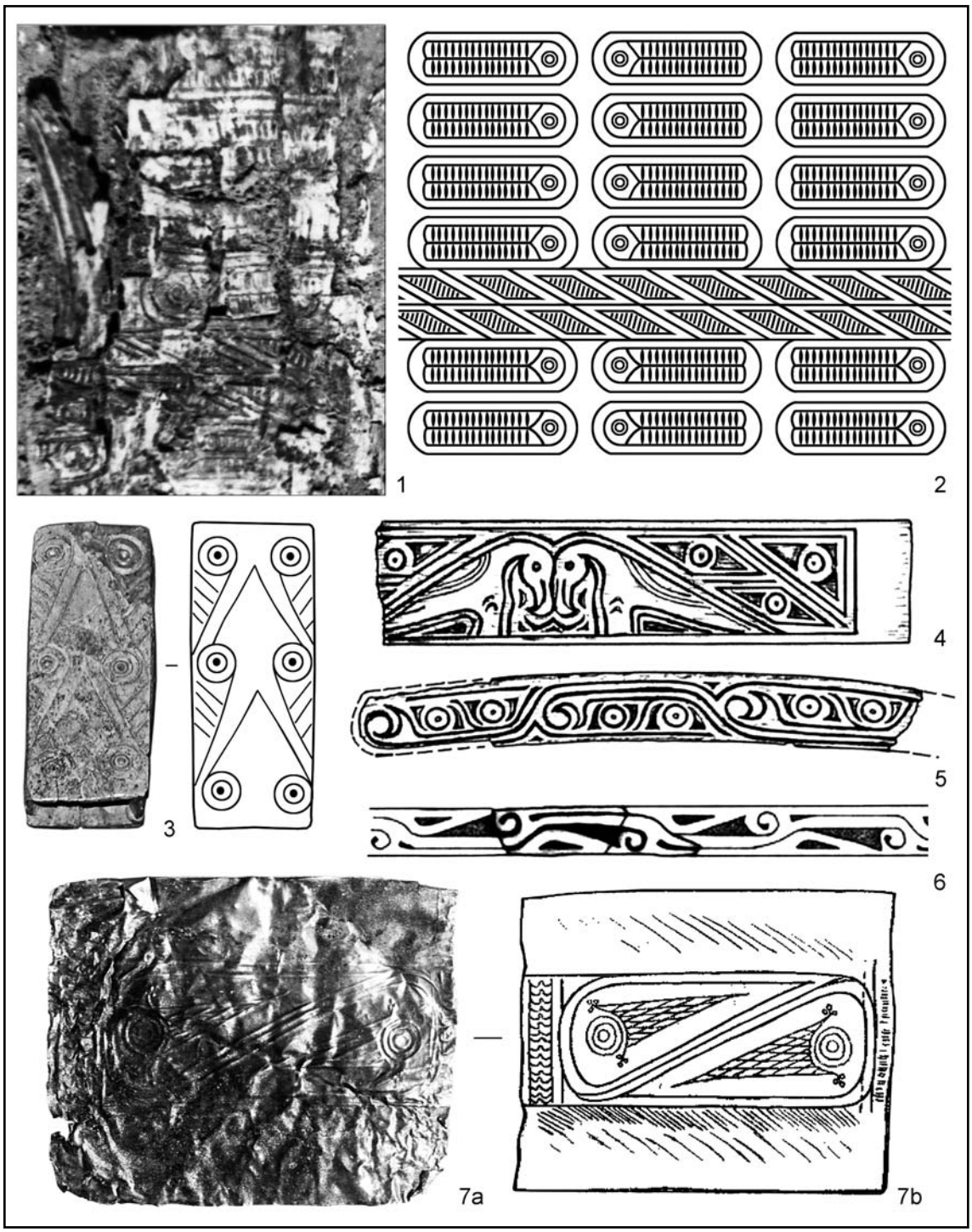

Рис. 4. Орнаментальные мотивы на кочевнических предметах из бересты (1, 2), кости (3—6) и фольги (7). 1, 2 — Сивашовка, п. 2 к. 3 (1 — фото из архива Р.С. Орлова; 2 — реконструкция схемы декора); 3 — Керепеш, п. D (фото и рисунок автора); 4, 5 — Кёлькед-Фетекапу, п. 107 (по Kiss 1996: Taf. 34: 20, 22); 6 — Дьенешдиаш, п. 5 (по Müller 2007: kep. 6: 6); 7 — Вознесенка (7а — НА ИА НАНУ, ф. 11; 7b — по Грінченко 1950: табл. IV: 3). Масштаб разный.

Fig. 4. Ornamental motifs on nomadic objects from birch bark (1, 2), bones (3—6) and foil (7). 1, 2 — Sivashivka, grave 2, barrow 3 (1 — photo from R.S. Orlov's archive; 2 — reconstruction of the decoration scheme); 3 — Kerepes, grave D (photo and drawing by the author); 4, 5 — Kölked-Fetekapu, grave 107 (after Kiss 1996: Taf. 34: 20, 22); 6 — Gyenesdias, grave 5 (after Müller 2007: kep. 6: 6); 7 — Voznesenka (7a — Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, fund 11; 7b — after Grinchenko 1950: table IV: 3). Scale is not uniform.

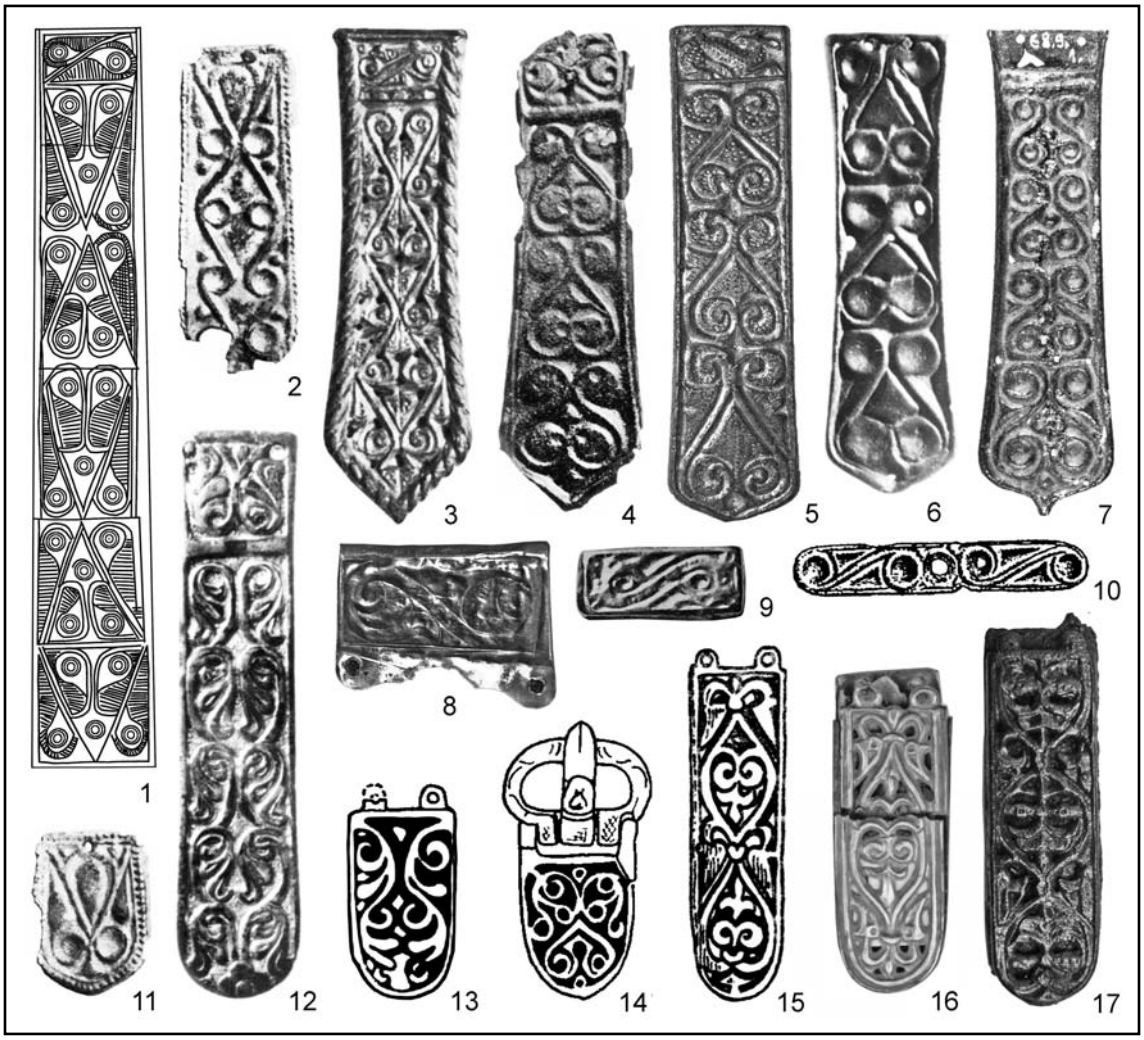

Рис. 5. Мотив перевитых стеблей в орнаментации торевтики. 1 — реконструкция декора ножен из п. 11 к. 11 Яблони; 2, 11 — Гатер, п. 6 (по Fettich 1923—1926: tabl. III: 9, 11); 3 — Сентеш-Нодьхедь, п. 32 (по Csallány 1962: Taf. XV: 9); 4 — Себень I, п. 2 (по Garam 1975: pl. VII: 1); 5 — Национальный музей истории, Будапешт (по Szenthe 2013: fig. 4); 6 — Чепель-Сабадкикёто, п. 5 (по Nagy 1998a: Taf. 184: 1); 7 — Орошхаза-Бонум, п. 62 (по Juhasz 1995: Taf. XXVII: 9); 8 — Кунбабонь, п. 1 (фото автора); 9 — Баллосёг, п. 1 (по Szabó 1939: tabl. 1: 13); 10 — Будапешт, ул. Фехервари, п. 24 (по Nagy 1998a: kep. 11: 6); 12 — Ракош, п. 28 (по Nagy 1998a: Taf. 155: 6); 13, 14 — Чир-Юрт, к. 74 (по Магомедов 1981: рис. 12: 4, 5); 15 — Веселовский, к. 2 (по Мошкова, Максименко 1974: табл. XXIX: 15); 16 — Большая Орловка (по Ильюков, Косяненко 2007: цв. вкл.); 17 — Малая Рязань, п. 5 к. 5 (фото автора). Масштаб разный.

Fig. 5. The motif of interwoven stems in the ornamentation of toreutics. 1 — reconstruction of decor of the scabbard from grave 11 of barrow 11 Yablunya; 2, 11 — Gater, grave 6 (after Fettich 1923—1926: tabl. III: 9, 11); 3 — Szentes-Nagyhegy, grave 32 (after Csallány 1962: Taf. XV: 9); 4 — Szebeny I, grave 2 (after Garam 1975: pl., VII: 1); 5 — National Museum of History, Budapest (after Szenthe 2013: fig. 4); 6 — Csepel-Szabadkikötő, grave 5 (after Nagy 1998: Taf. 184: 1); 7 — Orosháza -Bonum, grave 62 (after Juhasz 1995: Taf. XXVII: 9); 8 — Kunbábony, grave 1 (photo of the author); 9 — Ballószög, grave 1 (after Szabó 1939: tabl. 1: 13); 10 — Budapest, Fehervari str., grave 24 (after Nagy 1998: kep. 11: 6); 12 — Rákos, grave 28 (afetr Nagy 1998: Taf. 155: 6); 13, 14 — Chir-Yurt, barrow 74 (after Magomedov 1981: fig. 12: 4, 5); 15 — Veselovskiy, barrow 2 (after Мошкова, Максименко 1974: табл. XXIX: 15); 16 — Bolshaya Orlovka (after Ильюков, Косяненко 2007: цв. вкл.); 17 — Malaya Ryazan, grave 5, barrow 5 (photo by the author). Scale is not uniform.

блюдается та же манера «геометризации» растительного декора, что и на берестяной отделке ножен из п. 11 к. 11 Яблони. Не обладавший достаточными художественными навыками мастер облегчал себе работу разграфкой геометрических фигур и вписыванием растительных элементов в полученное таким образом пространство. Эта манера напоминает упрощённую геометризированную резьбу на аварских костяных изделиях (Török 1973: abr. 6:

15; Nagy 1998b: kep. 11: 3, 7, 8; Balogh 2016: kep. 58: 10, 13, 14—16) (ср.: рис. 4: 3—6), переходящую и в декор торевтики (рис. 5: 8). Самая близкая на данный момент аналогия ножнам из п. 11 к. 11 Яблони также происходит из юго-восточной Венгрии.

На мече из п. 2 аварского могильника Деск-М (Deszk-M) сохранились остатки декорированной отделки ножен, материал которых Ч. Балог предположительно идентифицировала как «олений рог» (Balogh 2004: 266; kep. 4: 28) (рис. 3: 4, 5). Малая толщина накладки и её плохая сохранность позволяют подозревать, что речь всё же идёт об остатках толстой очищенной от верхних слоёв бересты. По аналогии с ножнами из Яблони, декор ножен из п. 2 Деск-М, скорее всего, мог образовывать симметричную композицию как по горизонтали, так и по вертикали (рис. 3: 6).

Хронологическая позиция этого погребения и сходных аварских комплексов с прессованными подражаниями восточноевропейским деталям «геральдического» стиля уже рассматривалась нами (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 305—306, 334—335). В самом п. 2 Деск-М показательными маркерами для сравнения с восточноевропейскими комплексами выступают поясной наконечник горизонта Уч-Тепе и прессованные круглые бляшки (Balogh 2004: 266; kep. 4: 11—18, 26), находящие аналогии в Вознесенке (Комар 2006б: рис. 36: 34, 44, 45), п. 11 могильника Городской-3 (Сазонов 2009: рис. 1: 1е, 1ж), п. 2 к. 1 Березовки I (Скарбовенко, Сташенков 2000: рис. 5: 2—4), п. 2 к. 2 Шиловки (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: табл. XIII: 4). Погребения: п. 18 Деск-G, п. 18 Деск-H и п. 13 Деск-L (Balogh 2004: kep. 7—13) включают отдельные подражания поясным наборам и мечам с кольцевым навершием горизонта Боча-Кунбабонь, а также «восьмёркообразные» стремена, маркируя временной период, близкий одновременно Перещепинскому и Вознесенскому восточноевропейским степным комплексам. В культуре рядового населения и его родовой знати, оставивших подкурганные погребения сивашовского типа, этот период отражают (из упомянутых выше в контексте аналогий п. 11 к. 11 Яблони) п. 5 к. 12 Портового, п. 11 к. 1 Ковалевки, п. 1 к. 1 Журавлихи, п. 3 к. 5 Заплавки, п. 2 к. 1 Березовки I. Самостоятельный абсолютный репер из них содержит лишь п. 1 к. 1 Журавлихи (солид Констанса II 646/647 гг. чеканки), остальные в целом соотносятся с хронологическими горизонтами Уч-Тепе — Келегеи и Вознесенки в рамках последней четверти VII — первой четверти VIII в. (Комар 2006б: 92—125).

На «варварских» предметах из известных кочевнических комплексов VI — первой половины VII в. нет растительных орнаментов (см. напр.: Комар 2013: табл. 15; 16). Эта тенденция сохраняется до горизонта Перещепины, на этапе которого растительные орнаментальные мотивы представлены только в комплексах высшей знати, в то время как даже на золотых предметах из подкурганных погребений всё ещё доминируют «геометрические» схемы (см.: Комар 2013: табл. 17—19). Колчан из п. 2 к. 3 Сивашовки иллюстрирует попытку в «геометрической» манере выполнить более сложный декор с растительными элементами. Появляются отдельные растительные мотивы и в составе «геометрического» декора пояса из п. 1 к. 2 Васильевки (Хардаєв 2015: рис. 2: 12). Перенесение же новой моды на украшение ножен оружия наиболее ярко выражено в комплексе из Вознесенки, где основу декора составила согдийская «растрёпанная пальметта» (Грінченко 1950: табл. IV; Комар 2006б: рис. 27: 1, 2, 7—10). Именно в этот период появление растительной в основе композиции украшения ножен из Яблони не вызывает никаких противоречий.

Отмеченные Р. С. Орловым параллели между декором ножен из п. 11 к. 11 Яблони и позднеаварскими поясными наконечниками и наконечником из к. 2 Веселовского могильника также не являются ошибкой (рис. 5: 3—7, 12—17). В поясных наборах VIII в. похожие схемы переплетения растительного декора действительно известны в нескольких вариациях, как с реалистично выполненными пальметтами (рис. 5: 12, 13), так и в полностью схематизированном виде (рис. 5: 6, 7, 14); видоизменяется композиция и под влиянием византийских ремесленных школ, что хорошо заметно на изделиях круга Хазарского каганата (рис. 5: 15—17). Важно констатировать, что и сама схема, и её упрощённые версии достоверно бытовали на поясных деталях уже в среднеаварское время (рис. 5: 2, 8, 9, 11), и всё ещё сохранялись и намного позже, как об этом, например, свидетельствует декор псалия «венгерского» облика X—XI вв. из Биляра (Руденко 2001: рис. 17: 18).

Отталкиваясь от параллелей из п. 2 Деск-М и Вознесенки (рис. 3: 5; 4: 7), позднеаварский блок аналогий следует считать лишь дальнейшим развитием орнаментальных традиций, скорее всего, восходящих к центральноазиатским прототипам, но развивавшихся локально с местными особенностями художествен-

ного исполнения и, соответственно, уже под влиянием европейских ремесленных школ соседей.

По сравнению с богато декорированной пальметтами драгоценной отделкой золотом и серебром ножен палашей и ножей из Вознесенки, реконструируемые ножны из п. 11 к. 11 Яблони, разумеется, выглядят очень скромно. Тем не менее, эта находка свидетельствует, что традиция украшать оружие охватывала не только верхние социальные слои кочевнического общества, но и рядовых воинов из «черного народа». В их среде меч также выступал «статусным» предметом, подчёркивая воинскую доблесть его владельца. С таким же художественным вкусом могли орнаментироваться и другие личные вещи, утварь, одежда, жилища рядовых кочевников. Эта сторона их жизни, вероятно, рано или поздно также раскроется по мере накопления новых материалов.

Литература

Айбабин А. И. 1985. Погребение хазарского воина. *СА* (3), 191—205.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. *Могильник у села Лучистое* I. *Раскопки 1977, 1982—1984 годов*. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2014. *Могильник у села Лучистое* II: раскопки 1984, 1986, 1991, 1993—1995 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина.

Атавин А. Г. 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья. В: Сташенков Д. А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара: СОИКМ, 208—264.

Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. 1998. *Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара: СамВен.

Баранов И. А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. Киев: Наукова думка.

Грінченко В. А. 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. *Археологія* 3, 37—63.

Евтюхова Л. А. 1948. *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан: ХНИИЯЛИ.

Залесская и др. 1997: Залесская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонякова Н. А. 1997. *Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад*. Санкт-Петербург: Славия.

Ильюков Л. С., Косяненко В. М. 2007. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки. В: Гугуев В. К. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Дона* 2. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 85—113.

Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. 1978. Раскопки курганов у с. Ковалёвка. В: Генинг В. Ф. (ред.). *Курганы на Южном Буге*. Киев: Наукова думка, 7—130.

Комар А. В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы. *Vita Antiqua* 2, 111—136.

Комар А. В. 2006а. Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5, 403—412.

Комар А. В. 2006б. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5, 7—244.

Комар А. В. 2013. Раздел 6.2. Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI — первой половины VIII в. В: Досымбаева А., Жолдасбеков М. (ред.). *Западный Тюркский каганат. Атлас*. Астана: Service Press, 671—737.

Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. 2006. Погребения кочевников VI—VII вв. из Северо-Западного Приазовья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5, 245—374.

Магомедов М. Г. 1981. Население приморского Дагестана в VII—VIII вв. *Плиска-Преслав* 2, 109—126.

Минасян Р. С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне). *АСГЭ* 21, 68—74.

Могильников В. А., Суразаков А. С. 1994. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II. В: Суразаков А. С. (ред.). *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая*. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 38—48.

Мошкова М Г., Максименко В. Е. 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. В: Мошкова М. Г., Шелов Д. Б. (ред.). *Археологические памятники Нижнего Подонья* 2. Москва: Наука, 5—80.

Орлов Р. С. 1985. Культура кочевников IV—VIII вв. В: Баран В. Д. (ред.). *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, 98—105.

Орлов Р. С. 1999. Про час появи печенігів на території України. В: Терпіловський Р. В. (ред.). *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е.* Київ; Львів: РАС, 174—185.

Орлов Р. С. 2001. Культура неслов'янських народів України IV—VIII ст. В: Толочко П. П. (ред.). *Історія української культури* 1. Київ: Наукова думка, 991—1007.

Рашев Р. 2004. *Прабългарите през V—VII век*. София: Фабер.

Руденко К. А. 2001. *Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследования и каталог*. Казань: Заман.

Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д. 1988. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии. В: Массон В. М. (ред.). *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири*. Ленинград, 83—103.

Сазонов А. А. 2009. Раннесредневековое захоронение с геральдическими бляшками могильника «Городской-3». В: Соколов П. В. (ред.). *Пятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани*. Армавир: АГПУ, 26—30.

Скарбовенко В. А., Сташенков Д. А. 2000. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья. *Краеведческие записки* IX, 166—187.

Хардаєв В. М. 2015. Кочівницькі поховальні комплекси кінця VI—VII ст. біля с. Василівка на Херсонщині. *Археологія* (3), 107—117.

Шалобудов В.Н. 1983. Погребение кочевника VIII века у с. Заплавка. В: Ковалева И.Ф. (ред.). *Древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до нашей эры*. Днепропетровск, 67—68.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. 1975. *Отчёт о работе Ингульской экспедиции в 1974 г.* Киев. Научный архив Института археологии НАНУ. №1974/12.

Balogh Cs. 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkos veretek tipokronológiája. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* X, 241—303.

Balogh Cs. 2016. *Régészeti adatok a Duna-Tisza közi avarok történetéhez*. Budapest: Archaeolingua.

Csallány D. 1962. Der awarische Gürtel. *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 14, 445—480.

Fettich N. 1923—1926. Sárkányábrázolások a magyarországi népvándorláskori emlékanyagban. *Archaeologiai Értesítő* XL, 157—172.

Garam E. 1975. The Szebeny I—III cemetery. In: Kovrig I. (ed.). *Avar Finds in Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar period (567—829) in Hungary)*. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 49—120.

Juhasz I. 1995. *Awarenzeitlische Gräberfelder in der Gemarkung Orosháza*. Budapest.

Kiss A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A*. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie 2; Studien zur Archäologie der Awaren 5. Innsbruck: Wagner.

Müller R. 2007. Gyenesdiás régészeti leletei. In: Molnár A., Gál L. *Gyenesdiás nagyközség monográfiája I: Gyenesdiás története*. Gyenesdiás, 15—45.

Nagy M. 1998a. *Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest* II. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Nagy M. 1998b. Ornamenta Avarica I. Az avar kori ornamentika geometrikus elemei (Ornamenta Avarica I. Die geometrischen Elemente der awarenzeitlichen Ornamentik). *Móra Ferenc Múzeum Évkönyvei — Studia Archaeologica* 4, 377—499.

Straub P. 1998. A Sivašovkai 3. kurgán 2. sírjának faragott mintájú nyírfakéreg tegeze. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyvei — Studia Archaeologica* 4, 325—342.

Szabó K. 1939. A kecskemét — ballószögi avar sír. *Folia archeologica* 1—2, 185—188.

Szenthe G. 2013. Vegetal ornaments in the Late Avar decorative art. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae*. Ser. 3. №1, 303—320.

Török G. 1973. VII. századi sírok Kerepesről. *Folia archaeologica* 24, 113—134.

References

Aibabin, A.I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 191—205 (in Russian).

Aibabin, A.I., Khairedinova, E.A. 2008. *Mogil'nik u sela Luchistoe (Necropolis Near Luchistoe Village)* I. *Raskopki 1977, 1982—1984 godov (Excavations of 1977, 1982—1984)*. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Aibabin, A.I., Khairedinova, E.A. 2014. *Mogil'nik u sela Luchistoe (Necropolis near Luchistoe Village)* II. *Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993—1995 godov (Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993—1995)*. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Atavin, A.G. 1996. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 208—264 (in Russian).

Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "SamVen" Publ. (in Russian).

Baranov, I.A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovsko-maiatskaia kul'tura) (Taurica in Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Grinchenko, V.A. 1950. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 3, 37—63 (in Ukrainian).

Evtiukhova, L.A. 1948. *Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov) (Archaeological Sites of Yenisei River Kyrgyz (Khakassian) People)*. Abakan: Khakassia Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Zalesskaia, V.N., Lvova, Z.A., Marshak, B.I., Sokolova, I.V., Foniakova, N.A. 1997. *Sokrovishcha khana Kubrata. Pereshchepinskii klad (Treasures of the Khan Kubrat: the Pereshchepino Hoard)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).

Ilyukov, L.S., Kosyanenko, V.M. 2007. In Guguev, V.K. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology)* 2. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 85—113 (in Russian).

Kovpanenko, G.T., Bunyatyan, E.P., Gavrilyuk, N.A. 1978. In Gening, V.F. (ed.). *Kurgany na Iuzhnom Buge (Barrows on the Southern Bug River)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 7—130 (in Russian).

Komar, A.V. 1999. In *Vita Antiqua* 2, 111—136 (in Russian).

Komar, A.V. 2006. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5, 403—412 (in Russian).

Komar, A.V. 2006. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5, 7—244 (in Russian).

Komar, A.V. 2013. In Dosymbaeva, A., Zholdasbekov, M. (eds.). *Zapadnyi Tiurkskii kaganat. Atlas (Western Turk's Kaganate. Atlas)*. Astana: Service Press, 671—737 (in Russian).

Komar, A.V., Kubyshev, A.I., Orlov, R.S. 2006. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5, 245—374 (in Russian).

Magomedov, M.G. 1981. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 2, 109—126 (in Russian).

Minasyan, R.S. 1980. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21, 68—74 (in Russian).

Mogil'nikov, V.A., Surazakov, A.S. 1994. In Surazakov, A.S. (ed.). *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaia (Archaeological and Folklore Sources on the History of Altai)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Research Institute of Language and Literature, 38—48 (in Russian).

Moshkova M G., Maksimenko, V.E. 1974. In Moshkova, M.G., Shelov, D.B. (eds.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Podon'ia (Archaeological Sites of the Lower Don Basin)* 2. Moscow: "Nauka" Publ., 5—80 (in Russian).

Orlov, R.S. 1985. In Baran, V.D. (ed.). *Etnokul'turnaia karta territorii Ukrainskoi SSR v I tys. n. e. (Ethno-Cultural Map of the Territory of Ukrainian SSR in the 1st Millennium AD)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 98—105 (in Russian).

Orlov, R.S. 1999. In Terpilovs'kyj, R.V. (ed.). *Etnokul'turni protsesy v Pivdenno-Skhidnij Yevropi v I tysyacholitti n.e. (Ethnic and Cultural Processes in South-Eastern Europe in I Millennium AD)*. Kiev; Lviv: "RAS" Publ., 174—185 (in Ukrainian).

Orlov, R.S. 2001. In Tolochko, P.P. (ed.). *Istoriya ukraïns'koï kul'tury u p'yaty tomakh (History of Ukrainian Art, in Five Volumes)* 1. *Istoriya kul'tury davn'oho naselennya Ukraïny (History of Culture of the Early Poplation of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 991—1007 (in Ukrainian).

Rashev, R. 2004. *Prabălgarite prez V—VII vek (Pre-Bulgarians in 5th—7th Centuries)*. Sofia: "Faber" Publ. (in Bulgarian).

Rudenko, K.A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI—XIV vv. Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog (Turkic World and the Volga-Kama Region in 11th—14th Centuries Artefacts of Askiz Cultural Circle in the Middle Volga Region. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Savinov, D.G., Pavlov, P.G., Paul's, E.D. 1988. In Masson, V.M. (ed.). *Pamiatniki arkheologii v zonakh melioratsii Iuzhnoi Sibiri (Archaeological Sites in the Melioration Areas in Southern Siberia)*. Leningrad, 83—103 (in Russian).

Sazonov, A.A. 2009. In Sokolov, P.V. (ed.). *Piatnadtsatye chteniia po arkheologii Srednei Kubani (15th Readings on the Archaeology of the Middle Kuban River Area)*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 26—30 (in Russian).

Skarbovenko, V.A., Stashenkov, D.A. 2000. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* IX, 166—187 (in Russian).

Khardayev, V.M. 2015. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 107—117 (in Ukrainian).

Shalobudov, V.N. 1983. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Drevnosti Stepnogo Podneprov'ia (III — I tys. do n.e.) (Antiquities of the Middle Dnieper Area: III—I Millennia BC)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 67—68 (in Russian).

Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N. 1975. *Otchet o rabote Ingul'skoi ekspeditsii v 1974 g. (Report on Archaeological Fieldworks of the Ingul Archaeological Expedition in 1974)*. Kiev. Scientific Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1974/12 (in Russian).

Balogh, Cs. 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkos veretek tipokronológiája. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* X, 241—303.

Balogh, Cs. 2016. *Régészeti adatok a Duna-Tisza közi avarok történetéhez*. Budapest: Archaeolingua.

Csallány, D. 1962. Der awarische Gürtel. *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 14, 445—480.

Fettich, N. 1923—1926. Sárkányábrázolások a magyarországi népvándorláskori emlékanyagban. *Archaeologiai Értesítő* XL, 157—172.

Garam, E. 1975. The Szebeny I—III cemetery. In Kovrig, I. (ed.). *Avar Finds in Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar period (567—829) in Hungary)*. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 49—120.

Juhasz, I. 1995. *Awarenzeitlische Gräberfelder in der Gemarkung Orosháza*. Budapest.

Kiss, A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A*. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie 2; Studien zur Archäologie der Awaren 5. Innsbruck: Wagner.

Müller, R. 2007. Gyenesdiás régészeti leletei. In Molnár, A., Gál, L. *Gyenesdiás nagyközség monográfiája I: Gyenesdiás története*. Gyenesdiás, 15—45.

Nagy, M. 1998. *Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest* II. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Nagy, M. 1998. Ornamenta Avarica I. Az avar kori ornamentika geometrikus elemei (Ornamenta Avarica I. Die geometrischen Elemente der awarenzeitlichen Ornamentik). *Móra Ferenc Múzeum Évkönyvei — Studia Archaeologica* 4, 377—499.

Straub, P. 1998. A Sivaľovkai 3. kurgán 2. sírjának faragott mintájú nyírfakéreg tegeze. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyvei — Studia Archaeologica* 4, 325—342.

Szabó, K. 1939. A kecskemét — ballószögi avar sír. *Folia archeologica* 1—2, 185—188.

Szenthe, G. 2013. Vegetal ornaments in the Late Avar decorative art. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae*. Ser. 3. № 1, 303—320.

Török, G. 1973. VII. századi sírok Kerepesről. *Folia archaeologica* 24, 113—134.

Статья поступила в сборник 14 июля 2017 г.

Oleksii Komar (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine [1]; Museum of History of the Desiatynna Church [2].

Комар Алексей Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины; Музей истории Десятинной церкви.

E-mail: oleksii_komar@iananu.org.ua

Addresses: [1] Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine; [2] Volodymyrska St., 6, Kiev, 01001, Ukraine

А. Тюрк

Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы

Keywords: Carpathian Basin, archaeology of the Hungarian Conquest period, 10th century, medieval archaeology, Saltov cultural-historical complex, Khazar Khaganate, Subotsci horizon

Ключевые слова: Карпатский бассейн, древневенгерская культура, X в., средневековая археология, салтовская культурно-историческая общность, Хазарский каганат, субботцевский горизонт

A. Türk

The Eastern Origins of the Early Hungurian Culture in 10th Century AD and Medieval Archaeology of Eastern Europe

Archaeological research on the early history of Hungarians has gone through considerable change during the past decades; a new, critical approach has emerged. The most recent inspection of the archaeological material shows only few and rather debatable connections to the Saltovo culture; however, the only recently identified Subotsci horizon near the Dnieper demonstrates much stronger links to the early Hungarian material culture. The origins of the Subotsci horizon, as well as the origins of Hungarian conquerors, point to the Volga-South Ural region.

А. Тюрк

Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы

За последние несколько десятилетий исследования по археологии и ранней истории венгров претерпели существенные изменения благодаря внедрению новых критических подходов. Новейшие археологические данные отражают лишь немногие и достаточно спорные свидетельства о связи мадьяр с салтово-маяцкой культурой. В то же время, недавно открытый субботцевский горизонт памятников в Поднепровье демонстрирует наиболее сильные связи с венгерской материальной культурой. Истоки субботцевского горизонта и истоки культуры венгерских завоевателей указывают на Волго-Южноуральский регион.

Археологические исследования памятников Карпатской котловины X—XI вв. проводятся уже более 170 лет (Mesterházy 1993). Первое погребение было открыто в 1834 г. (Jankovich 1835), а к настоящему времени есть данные приблизительно о 20 000—25 000 погребениях (Révész 2003: 338).

Большинство венгерских ученых полагает, что в исследовании этого сложного наследия одним из основных вопросов является изучение проблемы происхождения и возникновения этих памятников. Исследования этой проблематики начались уже на рубеже XIX—XX веков. Исходя из данных письменных источников, логичным представляется поиск корней древневенгерской культуры на востоке. Восточное направление в исследованиях до середины 1990-х гг. практически было преобладающим. Не считая нескольких небольших работ, не поднимался вопрос о необходимости исследований, ориентированных в других направлениях (Bálint 1989; Langó 2007: 227—256).

Чанад Балинт позже назвал этот феномен «east-preference» или «Steppenfixirung», и сосредоточенность исключительно на нем считал тупиком в исследованиях данной эпохи. За последние два десятилетия произошёл значительный шаг вперёд, так как в археологии эпохи завоевания венграми родины на должном уровне началось исследование параллелей, известных из византийско-балканского, и в более широком смысле средиземноморского наследия раннего средневековья (Bálint 1999; Bollók 2015).

Однако, по моему мнению, за последние 20 лет возникло отставание в интенсивных исследованиях теперь уже восточных связей

This research was supported by the European Union and the State of Hungary, co-financed by the European Social Fund in the framework of TÁMOP 4.2.4. A/-11-1-2012-0001 'National Excellence Program' ■ Исследование выполнено при поддержке Европейским Союзом и Венгерским государством, софинансировано в рамках программы TÁMOP 4.2.4. A/-11-1-2012-0001.

© А. Тюрк, 2018.

и корней — они не были продолжены на современном методологическом уровне. Новые находки и сложившиеся на основании их анализа интерпретации, предложенные российскими и украинскими учеными, не были включены в исследования, связанные с предками венгров. Несмотря на то, что в 2008 г. появилось первое, напоминающее базу данных, постатейное обобщение восточноевропейских археологических находок венгерского типа (Erdélyi 2008), даже те венгерские исследователи, которые знакомы с русской специальной литературой, до настоящего времени ссылаются на те мнения (например, в связи с салтовской культурой), которые в России и на Украине уже в конце 1980-х годов считались устаревшими (Fodor 1994; 2006; 2009; Wolf 2003). В результате в венгерских школах и сегодня учат, что предки венгров с середины VIII в. проживали в центральной степной части ареала салтовской археологической культуры. На сегодняшний день этот круг памятников можно называть культурно-исторической областью (Комар 1999; 2004), а не одной археологической культурой, как считала Светлана Александровна Плетнёва (Плетнёва 1967; 1981; 1999; 2003).

В то же время, за последние несколько десятилетий на территории России и Украины стало известно огромное количество археологических материалов раннего средневековья, игнорирование которых в плане исследования венгерской культуры X века было бы, по крайней мере, методологической ошибкой такого же масштаба, как ранее, когда на основании отдельных сходных поясных накладок, рассмотренных вне их взаимосвязей, делались попытки определить весь восточноевропейский путь странствий венгров.

В отношении салтовской культуры, к носителям которой традиционно причисляют также предков венгров в VIII—IX вв., в Венгрии практически не отходят от основного направления, сформировавшегося в конце 1960-х годов. Для иллюстрации этой ситуации, пожалуй, не могу привести лучшего примера, чем то, что венгерские исследователи, многократно высказывающиеся по вопросам салтовской культуры, до сих пор ни разу не ссылались на эпохальную по своему значению монографию Геннадия Евгеньевича Афанасьева по данной теме (Афанасьев 1987).

В свете всего этого возникает вопрос: насколько реальной может быть та картина, которую венгерские исследователи представляют в отношении восточноевропейского археологического наследия предков венгров и предполагаемых мест их локализации в Восточной Европе?

Судя по данным письменных источников, поселившиеся в Карпатской котловине предки венгров были связаны происхождением главным образом с Хазарским каганатом. Некоторые авторитетные советские и российские учёные традиционно отождествляли данное историческое образование с салтово-маяцкой археологической культурой. Венгерская археология в полной мере и без критики восприняла это (Афанасьев 1999: 87; 2001: 45; Флёрова 2003: 173). Важно отметить, что археологическая аргументация часто отодвигается на задний план из-за критериев, которые предъявляет историческое исследование (Афанасьев 1987; Werbart 1996; Флёрова, Флёров 2000; Флёрова 2001; 2002; 2002a).

А что демонстрируют археологические находки в плане салтовских проявлений в древневенгерской культуре? Поясная накладка с кольцевидной подвеской из Вереба (Vereb) (рис. 1: 1) рассматривается во главе этого ряда, принимая во внимание, что у салтовских поясных накладок действительно часто встречаются подвески (Erdélyi 1978). Однако если обратить внимание на особенности их исполнения, становится ясным, что у салтовских накладок сечение кольца подвески круглое, в то время как сходные с представленной на веребском экземпляре плоские подвески известны в древнемордовских могильниках (Иванов 1952: 43, таб. XXVIII: 11), а особенно среди находок Больше-Тиганского могильника (Fodor 2009: 44), находящихся к северу от салтовских. О салтовских поясах в целом мы можем сказать, что в основном они изготавливались из бронзы, намного чаще встречались в погребениях, часто имели дополнительные ремни, а что касается размеров, то они намного меньше, особенно их ширина.

К подобным вещам было отнесено и бронзовое зеркало (рис. 1: 9), обнаруженное неподалеку от города Сентеш Ямборхалома (Szentes–Jámborhalom) (Bálint 1975: 57). Сегодня о нем уже известно, что, хотя проводивший раскопки исследователь и причислил его к погребению, на самом деле это случайная находка, которую с большой вероятностью можно отнести к сарматской эпохе (Türk 2010: 280).

К единичным находкам относятся также две копоушки, среди которых одна, из Эгера (Eger-Szépasszonyvölgy), украшена изображением сенмурва (рис. 1: 6) (Révész 1998: 524), которые нельзя считать исключительно салтовскими (Türk 2010: 280). То же самое можно

Рис. 1. Вещи «салтовского» облика X в. из могильников Карпатского бассейна: 1 — накладка из м. Вереб (по Katalógus 1996: 375); 2 — накладка из м. Карош-Эперьешсёг II, п. 50 (фото автора); 3 — накладка из м. Левице-Гена, п. 3 (по Nevizánsky 2006: Taf. 5: 1—10); 4 — серьги из м. Карош-Эперьешсёг II, п. 27 (по Révész 1999: 57); 5 — серьги из м. Сегед-Боярхалом, п. 5 (по László 1996: 49. kép); 6 — копоушка из м. Эгер-Сепасоньвёлдь, п. 26 (по Katalógus 1996: 387); 7 — перстень из м. Пустадобош (по Katalógus 1996: 161); 8 — биметаллический браслет (золото/бронза) из м. Хевеш-Капитаньхедь (по Katalógus 1996: 393); 9 — зеркало из м. Сентеш-Надьтьёке, Ямборхалом, п. 1929/1 (фото автора).

Fig. 1. Finds with 'Saltovo' characteristics in the10th-century heritage from the cemeteries of the Carpathian basin: 1 — beltmound from Vereb (after Katalógus 1996: 375); 2 — beltmound from Karos-Eperjesszög II, grave 50 (photo by the author); 3 — beltmound from Levice-Géňa, grave 3 (after Nevizánsky 2006: Taf. 5,1—10); 4 — earrings from Karos-Eperjesszög II, grave 27 (after Révész 1999: 57); 5 — earrings from Szeged-Bojárhalom, grave 5 (after László 1996: 49. kép); 6 — ear scoop from Eger-Szépasszonyvölgy, grave 26 (after Katalógus 1996: 387); 7 — fingerring from Pusztadobos (after Katalógus 1996: 161); 8 — bi-metal bracelet (gold/bronz) from Heves-Kapitányhegy (after Katalógus 1996: 393); 9 — mirror from Szentes-Nagytőke, Jámborhalom, Grave 1929/1 (photo by the author).

Рис. 2. Вещи «салтовского» облика X в. в Карпатском бассейне: 1— бронзовый конский налобник из м. Карош-Эперьешсёг II, п. 49 (по Katalógus 1996: 98); 2 — стремена с плоской подножкой из м. Сегед-Ётхалом, п. 36 (по Türk et al. 2015: Abb. 71: 2); 3 — астрагалы из Верешедьхаз-Ивач (по Wolf 2000: 178); 4 — амулеты из костей животных из м. Чонград-Венделхалом, п. 39, Халимба-Череш, п. 54 и п. 859, Надьтарча (по Kovács 2000: 69); 5 — лощеный кувшин из м. Карош-Эперьешсёг II, п. 66 (по Révész 1999: 224); 6 — глиняный подвесной

котёл с внутренними ручками-ушками из м. Лебень-Биледомб (по Katalógus 1996: 428); 7 — подбойное погребение из м. Солнок-Ленин сельхозкооп., п 10. (по Madaras 1996: Abb. 2); 8 — колоколовидная могильная яма из м. Долни Петер, п. 61 (по Točík 1969: 23. Abb. 9: 2); 9 — ажурный бронзовый накосник из м. Эгер-Сепасоньвёлдь, п. 26. (по Katalógus 1996: 387).

Fig. 2. Finds with 'Saltov' characteristics in the10th-century heritage of the Carpathian basin: 1 — bronz brass for the horsehead from Karos-Eperjesszög II, Grave 49 (after Katalógus 1996: 98); 2 — stirrup with flat sole from Szeged-Öthalom, V. homokbánya, Grave 36 (after Türk et al. 2015: Abb. 71: 2); 3 — astragalos from Veresegyház-Ivacs (after Wolf 2000: 178); 4 — animal bone amulets from Csongrád-Vendelhalom, Grave 39, Halimba-Cseres, Grave 54 and 859, Nagytarcsa (after Kovács 2000: 69); 5 — polished clay jug from Karos-Eperjesszög II, Grave 66 (after Révész 1999: 224); 6 — clay cauldron from Lébény-Bille hill (after Katalógus 1996: 428); 7 — grave with a sidewall niche from Szolnok-Lenin TSz, Grave 10 (after Madaras 1996: Abb. 2); 8 — bell-shaped grave pit from Dolnỳ Peter, Grave 61 (after Točík 1969: 23, Abb. 9: 2); 9 — openwork cast bronze disc from Eger-Szépasszonyvölgy (after Katalógus 1996: 387).

сказать и о находке в Карпатской котловине, у могильника Карош (Karos-Eperjesszög II), определённой как единственный, по всей вероятности, конский налобник (?) (рис. 2: 1) (Révész 1996: 25, 70. tábla).

Ажурные бронзовые диски с изображением всадника венгры использовали для украшения косы (рис. 2: 1), в то время как в салтовской культуре их вешали на шею или на пояс в качестве амулетов. Среди отдельных перстней (рис. 2: 7) и серёг (рис. 1: 4, 5) действительно имеется сходство, но экземпляры восточного происхождения в большинстве случаев были литыми и изготавливались из бронзы, а у венгров их делали из серебра, и они имели пластинчатую конструкцию (Révész 1998: 525; Türk 2010: 280).

Среди оружия рукоятка сабли, изогнутая к лезвию, и особенно изогнутое лезвие не являются в первую очередь салтовской особенностью (Révész 1998: 525; Türk 2010: 280). В отношении лука и стрел имеется больше сходства, что, однако, наблюдается не в классическом северном, а в южном, степном варианте (соколовском горизонте) (Биро, Ланго, Тюрк 2009), то же самое можно сказать и об одном типе поясной накладки (рис. 1: 3) из Левице (Levice-Géňa) (Nevizánsky 2006).

Параллели, выявленные в погребальных обрядах, такие как и онгоны/амулеты из костей животных и астрагалы (рис. 2: 3, 4), захоронения с подбоями-ступеньками (рис. 2: 7), встречались очень часто, эти явления распространены на бóльшей территории, чем салтовская культурно-историческая область. Среди выявленных в последнее время параллелей в первую очередь можно упомянуть поясную накладку (рис. 1: 3), обнаруженную в одном из карошских захоронений (Karos-Eperjesszög II). В последних работах Иштван Фодор причислил к этому ряду и концевые костяные накладки для футляра лука (Fodor 2009: 54). Стремена с плоской подножкой (рис. 2: 2) и чрезвычайно редкие биметаллические (золото/бронза) вещи в Карпатском бассейне (рис. 1: 8) можно также считать аналогиями.

При сравнении керамического материала двух регионов мы также обнаружили большие расхождения. В Карпатском бассейне до сих пор ещё не найдено салтовской лощёной керамики. В этом отношении один найденный лощеный кувшин (рис. 2: 5) очень далёк от салтовского и ближе к танкеевскому типу. О котлах с внутренними ушками (рис. 2: 6), кроме того, что сегодня они уже не считаются этническим маркером древних болгар, можно сказать и то, что, хотя сущность предмета действительно сходна, но их формы чрезвычайно отличаются (Bálint 1975; Fodor 1975; Takács 1986; Wolf 2006). Салтовские, в большинстве случаев, были изготовлены вручную, с расположенным глубоко на внутренней стороне просверленным ушком, в то время как в Карпатской котловине их уже изготовляли на гончарном круге, с формовкой наоборот, перевёрнутыми на кромку, в направлении дна. Венгерский специалист Миклош Такач считает, что этот метод происходит от дунайских болгар (Takács 1986; 2009). Оксана Лопан, специалист по восточным котлам, также не предполагала непосредственной связи между ними (Афанасьев, Лопан 1996; Лопан 2007). Тесто керамики в Карпатской котловине содержало меньше шамота и больше песка (Türk 2010: 282).

Дополним мнение Чанада Балинта: недостаток венгерских исследований заключается не только в «восточной преференции», но и в том, что на этом пути не достигнуто результата. По моему мнению, вопрос о взаимозависимостях между древностями эпохи «обретения родины» и салтовскими находками можно поставить и наоборот: обнаруживаются ли в материалах салтовской культуры на ее территории в широком понимании — наход-

ки с подозрением на венгерское, и — что ещё важнее — на уральское происхождение?

Хотя Виктор Аксёнов и поставил вопрос о том, что обнаруженные среди салтовских поясных накладок середины IX в. (помимо ранее исключительно бронзовых отливок) литые и прессованные накладки как будто бы отражают венгерское влияние, однако в отношении формы они не являются убедительными параллелями (Аксёнов 2001). В так называемых колоколообразных могилах (рис. 2: 8) погребение лошади, останки которой расположены у ног в форме полукруга — очень редкое явление в обоих регионах, но его исследователь связал с кабарами, которые переселились вместе с венграми. В отношении выделившихся из Хазарского каганата и присоединившихся к венграм кабаров надо подчеркнуть, что попытки их идентификации на основании археологических материалов X в. в Карпатском бассейне до сих пор не дали никаких результатов (Fodor 1986).

Возвращаясь к салтовским погребениям, типы которых сегодня уже достаточно хорошо известны (Langó 2007: 245), можно поставить вопрос: о каком типе погребения может идти речь в отношении гипотетических «салтовских венгров»? О катакомбных погребениях? Кремации? О курганах с квадратными ровиками? Возможно, о типе Зливки среди грунтовых могильников, определённых как болгарские, с бедным археологическим материалом? Могильники сидоровского типа с широкими заплечиками, в которых исследователи видят ранних мусульман, появившихся в IX в. в степях? Или о нетайловском типе, обнаруженном севернее, в лесостепи, который имеет непосредственные параллели с южным, соколовским типом? Или о биритуальных захоронениях типа Красной Горки? Мы нашли некоторое сходство с единственным ржевко-мандровским типом, главным образом из-за погребений с лошадью, хотя археологический материал в них другой. Или в дальнейшем примем, что когда-нибудь они будут обнаружены в так называемом «неисследованном степном варианте»? Но обнаружим ли мы в Восточной Европе, вместо древностей салтовского круга, такие археологические находки, в отношении которых будет возможно показать их более тесную связь с древностями X в. в Карпатском бассейне (Türk 2010: 283; 2012: 14—15)?

Если рассматривать древности в восточном направлении от Карпатской котловины, мы можем упомянуть несколько групп таких находок в различных регионах. Первая из них обнаружена на территории, простирающейся до Молдавии, на внешнем изгибе Карпат. В связи с этими находками, однако, часто трудно решить: датируются ли они периодом до 895 года или после, так как в последнее время возникло предположение, что они могут принадлежать мелким военным контингентам, посланным для охраны горных перевалов (Fodor 1993; Erdélyi 2008: 59—60).

Продвигаясь в восточном направлении до Днестра, можно упомянуть находки, происходящие из Екимауцкого городища, уже давно известные по некачественным иллюстрациям. К сожалению, это — спорадические находки, поэтому при их интерпретации возникают трудности. Согласно публикациям, есть несколько интересующих нас захоронений, впущенных в большой курган эпохи бронзы на Нижнем Днестре. Помимо останков лошади, помещённых у ног, и позолоченного серебряного пояса, необходимо упомянуть в первую очередь лощёную керамику танкеевского типа, которая указывает на непосредственную связь с Волжским регионом (Рябцева, Рабинович 2007; Erdélyi 2008: 61—63).

Далее на восток следует отметить Слободзейский могильник — эталонный памятник (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008), но потом на протяжении 350 километров пока ещё не известно о других похожих памятниках. Затем на обоих берегах Ингула и Днепра располагается примерно 10—12 таких комплексов, которые на основании опубликованной С. А. Плетнёвой первой находки мы можем назвать горизонтом Субботцы (Бокий, Плетнёва 1988; Комар 2008; 2011; 2013). Именно эти новые археологические находки не только определённо выделяются из своей восточноевропейской среды IX века, но одновременно (и на это мы делаем акцент) обнаруживают параллели с Карпатской котловиной и Волжско-Уральским регионом (Bollók 2015: 363—377; Тюрк 2016).

Отсюда в северо-восточном направлении появляются следующие «с подозрением на венгерские» находки: в материалах древнемордовских могильников VIII—IX вв. (Иванов 1952; Воронина 2007; Erdélyi 2008: 70—71). Следующая, географически чрезвычайно важная, территория, которая на основании результатов раскопок последних 6—7 лет также попала на передний план исследований, — это окрестности города Самары. Дмитрий Алексеевич Сташенков считает круг находок из 6—7 местонахождений «венгерско-

подозрительными», они находятся на левом берегу Волги и располагаются примерно в одном блоке (Сташенков 2009).

В Волго-Камском и Южно-Уральском регионах мы находим хорошие параллели эпохи завоевания Венгрии и горизонта Субботцы в караякуповских древностях VIII—IX веков и в предшествующих им памятниках кушнаренковской культуры VI—VIII веков (Белавин, Иванов, Крыласова 2009; Иванов 1999; 2015). Это относится, в первую очередь, к раннему горизонту могильника в Больших Тиганах. Однако в прошлом году расширился ряд демонстрирующих поразительное сходство находок, обнаруженных в могильниках на восточном склоне Урала, в районе Челябинска, неподалеку от ранее известного Синеглазовского озера, и еще более новые находки в районе озера Уелги (Боталов 2017). В моём обзоре я упомянул только самые важные открытия, естественно, их число при более детальном рассмотрении может быть расширено.

Если верить датировкам новых археологических находок кушнаренковской и караякуповской культур, находок из окрестностей Самары (первая треть IX в.) и следующего за ними горизонта Субботцы (вторая половина IX в.) в Поднепровье, то я считаю это еще одной причиной, чтобы в будущем попробовать выявить предков венгров в первую очередь *не* на территории салтовской культурно-исторической общности (Комар 1999; 2011; 2016; Türk 2011; 2012; 2014; Тюрк 2016), которую рассматривали в связи с локализацией загадочной «Леведии».

Литература

Аксёнов В.С. 2001. Контакты венгров с аланами в IX веке — взаимопроникновение культур. В: Шаповалов В.А. (отв. ред.). *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа*. Ставрополь: СтавГУ, 212—214.

Афанасьев Г.Е. 1987. *Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)*. Археологические открытия на новостройках 2. Москва: Наука.

Афанасьев Г.Е. 1999. Салтовская культура в хазарских проблемах. В: Деревянко А.П., Пряхин А.Д. (отв. ред.). *Археология черноземного центра России: история исследований, историография*. Воронеж: ВГУ, 85—89.

Афанасьев Г.Е. 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? *РА* (2), 43—55.

Афанасьев Г.Е., Лопан О.В. 1996. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар. В: Афанасьев Г.Е. (отв. ред.). *Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. Москва: ИА РАН, 18—20.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. 2009. *Угры Предуралья в древности и средние века*. Уфа: БашГПУ.

Биро А., Ланго П., Тюрк А. 2009. Роговые накладки лука Карпатской котловины X—XI вв. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 7. *Хазарское время*. Донецк: ДонНУ, 407—441.

Бокий Н.М., Плетнёва С.А. 1988. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула. *СА* (2), 99—115.

Боталов С.Г. 2017. Погребальный комплекс Уелги и некоторые наблюдения на предмет угорского и мадьярского культурогенеза = A Dél-Urál a 6—11. században. Észrevételek az ugor és a magyar népesség anyagi műveltségének kialakulásával kapcsolatban. In: Türk A. (ed.). *A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4—6.* II. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae 3.2 = Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. Budapest; Esztergom, 267—334.

Воронина Р.Ф. 2007. *Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши: конец IX — начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983—1985 годов*. Москва: Наука.

Иванов В.А. 1999. *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа: Гилем.

Иванов В.А. 2015. Угры Предуралья: продолжение темы. *Поволжская археология* 14 (4), 201—219.

Иванов П.П. 1952. *Крюковско-Кужновский могильник*. Моршанск: Моршанский краеведческий музей.

Комар А.В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы. *Vita Antiqua* 2, 111—136.

Комар А.В. 2004. Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре* 3—4. Материалы II Судакской международной конференции. Киев; Судак: Академпериодика, 87—91.

Комар А.В. 2008. Древние венгры. В: Досымбаева А. (ред.). *Еуразиядағы түрк мұрасы VI—VIII ғғ. = Тюркское наследие Евразии VI—VIII вв.* Астана: Service Press, 214—216.

Комар А.В. 2011. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: Моця О.П. (ред.). *Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України* 7. Київ: ІА НАНУ, 21—78.

Комар А.В. 2013. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. В: Боталов С.Г., Иванова Н.О. (отв. ред.). *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов.* Челябинск: Рифей, 182—231.

Комар А.В. 2016. Поясные наборы IX—X вв. с «мифологическими» сюжетами. In: Bollók Á., Csiky G., Vida T. (eds.). *Zwischen Byzanz und der Steppe: Archäologische und historische Studien Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag*. Budapest,

545—556.
Лопан О.В. 2007. Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками. В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Средневековые древности Дона*. Материалы и исследования по археологии Дона 2. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 240—311.
Плетнёва С.А. 1967. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. МИА СССР 142. Москва; Ленинград: Наука.
Плетнёва С.А. 1981. Салтово-маяцкая культура. В: Плетнева С.А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 62—75.
Плетнёва С.А. 1999. *Очерки хазарской археологии*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим.
Плетнёва С.А. 2003. Венгры. В: Плетнёва С.А. *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XVIII вв.)*. Воронеж: ВГУ, 103—114.
Рябцева С.С., Рабинович Р.А. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X. вв. *Revista Arheologică SN* III (1—2), 195—230.
Сташенков А.Д. 2009. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Конференция «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации»*. Казань: ИИ АН РТ, 228—229.
Тюрк А. 2016. Возможности и перспективы археологических исследований ранней истории угров-мадьяров. В: Голдина Р.Д. (ред.). *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание)*. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 25—29 октября, 2016 г. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 268—272.
Флёрова В.Е. 2001. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? *PA* (2), 71—82.
Флёрова В.Е. 2002. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 2. Донецк: ДонНУ, 163—190.
Флёрова В.Е. 2002а. Проблемы исследования ямных и курганных могильников хазарского времени на Нижнем Дону. *Хазарский альманах* 1. Киев; Харьков, 169—188.
Флёрова В.Е. 2003. Рец.: A. Róna-Tas. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest 1999. 556 p., ill. *PA* (1), 170—176.
Флёрова В.Е., Флёров В.С. 2000. Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры: правомерность выделения. В: *XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. Кисловодск, 137—141.
Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. 2008. *Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)*. Кишинёв: Elan Poligraf SRL.
Bálint Cs. 1975. A szaltovó-majaki kultúra avar és magyar kapcsolatairól = On the Avar and Hungarian relations of the Saltovo-Mayak culture. *Archaeologiai Értesítő* 112, 52—63.
Bálint Cs. 1989. 8.—10. Jahrhundert. In: *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert*. Wien; Köln: Böhlau Verlag, 44—73.
Bálint Cs. 1999. Zwischen Orient und Europa. Die „Steppenfixierung" in der Frühmittelalterarchäologie. In: Henning J. (Hrsg.). *Zwischen Byzanz und Abendland. Pliska, der östliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchäologie*. Frankfurt am Main: Johann Wolfgang Goethe-Universität, 13—16.
Bollók Á. 2015. *Ornamentika a 10. századi Kárpát-medencében. Formatörténeti tanulmányok a magyar honfoglalás kori díszítőművészethez = The Ornamental Vocabulary of the Tenth Century in the Carpathian Basin. Form-historical Studies in the Decorative Arts of the Hungarian Conquest Period*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
Erdélyi I. 1978. A verebi honfoglalás kori sírlelet egyes tárgyainak Don menti analógiái = Analogie de vestiges sépulcraux du Don avec ceux Vereb de l'époque de la conquéte árpádienne). *Alba Regia* 16, 287—292.
Erdélyi I. 2008. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest: Mundus.
Fodor I. 1975. Cserépüstjeink származása = Происхождение глиняных котлов в Венгрии. *Archaeológiai Értesítő* 102, 250—264.
Fodor I. 1986. Néhány régészeti észrevétel a kabar-kérdésről = Some archaeological observations related to the Khabar-question. In: Németh P. (szerk.). *Régészeti tanulmányok Kelet-Magyarországról*. Folklór és Etnográfia 24. Debrecen, 99—114.
Fodor I. 1993. Magyar jellegű régészeti leletek Moldvában = Archaeological finds of Hungarian character in Moldavia. In: Halász P. (szerk.). *Tanulmányok Domokos Pál Péter emlékére*. Budapest: Lakatos Demeter Egyesület, 17—38.
Fodor I. 1994. Leletek Magna Hungáriától Etelközig. In: Kovács L. (szerk.). *Honfoglalás és régészet. A honfoglalásról sok szemmel* 1. Budapest, 47—65.
Fodor I. 2006. A régészettudomány történetisége. A magyar őstörténet példáján = Archäologie als historische Wissenschaft. Am Beispiel der ungarischen Urgeschichte. *Archaeológiai Értesítő* 131, 89—114.
Fodor I. 2009. *Őstörténet és honfoglalás. Magyarország Története* 1. Budapest: Kossuth Kiadó.
Jankovich M. 1835. Egy magyar hősnek, — hihetőleg Bene vitéznek, — ki még a 'tizedik század' elején, Solt fejedelemmel, I. Berengár császárnak diadalmas védelmében Olaszországban jelen volt, újdonnan felfedezett tetemeiről, 's öltözetének ékességeiről. *A Magyar Tudós Társaság Évkönyvei* 2 (1832—1834), 281—296.
Katalógus 1996. Fodor I. (ed.). *The Ancient Hungarians*. Exhibition catalogue. Budapest: Hungarian National Museum.
Kovács L. 2000. Amulette. In: Wieczorek-Hinz H.-M. (Hrsg.). *Europas Mitte um 1000*. Katalog. Stuttgart: Theiss, 69—70.
Langó P. 2007. *Amit elrejt a föld… A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében*. Budapest: L'Harmattan Kiadó.
László Gy. 1996. *A honfoglaló magyarok*. Budapest: Corvina Kiadó.
Madaras L. 1996. Szolnok, Lenin Tsz. (Ugar) 10. századi temetője. Jász-Nagykun-Szolnok megye 10. századi leletei és azok történeti tanúságai = Der Begräbnisplatz aus der Zeit der Landnahme in der Zentrale der Szolnoker „Lenin" Lpg. In: Wolf M., Révész L. (szerk.). *A magyar honfoglalás korának régészeti emlékei*. Miskolc: Herman Ottó Múzeum, 65—116.
Mesterházy K. 1993. A magyar honfoglalás kor régészeté-

nek ötven éve. *Századok* 127, 270—311.
Nevizánsky, G. 2006. Staromadarské jazdecké pohrebisko v Leviciach-Géni = Old Hungarian Horsemen Necropolis in Levice-Géňa. *Slovenská Archeologica* 54 (2), 285—328.
Révész L. 1996. *A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez* = Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert. Miskolc.
Révész L. 1998. Szempontok a honfoglalás kori leletanyag időrendjének meghatározásához a keleti párhuzamok alapján = Geschichtspunkte zur Bestimmung der Chronologie der landnahmezeitlichen Funde Aufgrund der östlichen Analogien. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* 4, 523—532.
Révész L. 1999. *Emlékezzetek utatok kezdetére… Régészeti kalandozások a magyar honfoglalás és államalapítás korában.* Budapest: Timp Kft.
Révész L. 2003. The cemeteries of the Conquest period. In: Visy Zs. (ed.). *Hungarian archaeology at the turn of the millennium.* Budapest, 338—346.
Takács M. 1986. Die Árpádenzeitlichen Tonkessel im Karpatenbecken. *Varia Archaeologica Hungarica* 1. Budapest.
Takács M. 2009. Über die Chronologie der Mittelalterlichen Siedlungsgrabungen in Ungarn. Erläuterungen zu zwei chronologischen Tabellen. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 60, 223—252.
Točík A. 1969. *Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei.* Archeologica Slovaka Catalogi 3. Bratislava: Slovenskej Akadémie Vied.
Türk A. 2010. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In: Tóth G., Szabó P. (szerk.). *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia.* Szeged, 261—306.
Türk A. 2011. *A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör = Die Vorgeschichte der Ungarn und die Archäologie des Saltovo-Kulturkreises*. Doktori (PhD) disszertáció. Szeged.
Türk A. 2012. Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10.–11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. In: Tobias B. (Hrsg.). *Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie, und Methodik.* Mainz, 3—28.
Türk A. 2014. A korai magyar történelem régészeti kutatása napjainkban. In: Sudár B., Szentpéteri J., Petkes Zs., Lezsák G., Zsidai Zs. (szerk.). *Magyar Őstörténet — Tudomány és hagyományőrzés.* MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont. Budapest, 19—30.
Werbart B.I. 1996. Khazars or „Saltovo-Majaki Culture"? Prejudices about Archaeology and ethnicity. *Current Swedish Archaeology* 4, 199—211.
Wolf M. 2000. Acht Spielknochen. In: Wieczorek-Hinz H.-M. (Hrsg.). *Europas Mitte um 1000.* Katalog. Stuttgart: Theiss, 179.
Wolf M. 2003. Adatok a X. századi edényművességünkhöz. A borsodi leletek tanúságai = Informationen zu unserer Töpferkunst des 10. Jahrhunderts. Die Lehre der Funde in Borsod. *Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 42, 85—108.
Wolf M. 2006. Adatok a X. századi magyarság kerámiaművességéhez = Data on Pottery Workmanship of Hungarians in the 10th Century. In: Holló Sz. A., Szulovszky J. (szerk.). *Az agyagművesség évezredei a Kárpát-medencében.* Vesz-prém: MTA Veszprémi Akadémiai Bizottság, 47—58.

References

Aksënov, V.S. 2001. In Shapovalov, V.A. (ed.). *Severnyi Kavkaz i kochevoi mir stepei Evrazii: V Minaevskie chteniia po arkheologii, etnografii i kraevedeniiu Severnogo Kavkaza (Northern Caucasus and the Nomadic World of Eurasian Steppes: 5th Minaev Readings in Archaeology, Ethnography and Regional Studies of Northern Caucasus).* Stavropol: Stavropol State University, 212—214 (in Russian).
Afanas'ev, G.E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII—X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th — 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture)).* Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Afanas'ev, G.E. 1999. In Derevianko, A.P., Priakhin, A.D. (ed.). *Arkheologiia chernozemnogo tsentra Rossii: istoriia issledovanii, istoriografiia (Archaeology of the Central Chernozyom Region of Russia: History of Investigations, Historiography).* Voronezh: Voronezh State University, 85—89 (in Russian).
Afanas'ev, G.E. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 43—55 (in Russian).
Afanas'ev, G.E., Lopan, O.V. 1996. In Afanas'ev, G.E. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Current Issues of Archaeology of the Northern Caucasus: 19th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 18—20 (in Russian).
Belavin, A.M., Ivanov, V.A., Krylasova, N.B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages).* Ufa: Bashkir State Pedagogical University; "Vagant" Publ. (in Russian).
Bíró, A., Langó, P., Türk, A. 2009. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 7. Khazarskoe vremia (Khazar Time).* Donetsk: Donetsk National University, 407—441 (in Russian).
Bokii, N.M., Pletnëva, S.A. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 99—115 (in Russian).
Botalov, S.G. 2017. Pogrebal'nyi kompleks Uelgi i nekotorye nabliudeniia na predmet ugorskogo i mad'iarskogo kul'turogeneza = A Dél-Urál a 6—11. században. Észrevételek az ugor és a magyar népesség anyagi műveltségének kialakulásával kapcsolatban. In Türk, A. (ed.). *A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4—6.* II. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae 3.2 = Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. Budapest; Esztergom, 267—334 (in Russian and Hungarian).
Voronina, R.F. 2007. *Liadinskie drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX — nachalo XI veka: Po materialam Tsninskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1983—1985 godov (Lyada Antiquities. From the History of the Mordva-Moksha. The End of the 9th — the Beginning of the 11th Centuries: on the Materials of the Tsna River Archaeological Expedition, 1983—1985).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Ivanov, V.A. 1999. *Drevnie ugry-mad'iary v Vostochnoi Evrope (The Ancient Ugro-Magyars in Eastern Europe).* Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
Ivanov, V.A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 14 (*4), 201—219 (in Russian).
Ivanov, P.P. 1952. *Kriukovsko-Kuzhnovskii mogil'nik (Kryukovo-Kuzhnoe Burial Ground).* Morshansk: Morshansk Museum of Local Studies (in Russian).
Komar, A.V. 1999. In *Vita Antiqua* 2, 111—136 (in Russian).
Komar, A.V. 2004. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.). *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture (Black Sea Region, Crimea and Russia in History and Culture)* 3—4. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 87—91 (in Russian).
Komar, A.V. 2008. In Dosymbaeva, A. (ed.). *Euraziadag'y*

tu'rk murasy VI—VIII g'g'. = Tiurkskoe nasledie Evrazii VI—VIII vv. (Turcik Heritage of Eurasia, 6th—8th Centuries). Astana: Service Press, 214—216 (in Russian).

Komar, A.V. 2011. In Motsya, O.P. (ed.). *Madyary v Seredn'omu Podniprov'ï (Hungarians in the Middle Dnieper Basin). Series: Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 7.* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 21—78 (in Russian).

Komar, A.V. 2013. In Botalov, S.G., Ivanova, N.O. (eds.). *II Mezhdunarodnyi Mad'iarskii simpozium (2nd International Magyar Symposium).* Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 182—231 (in Russian).

Komar, A.V. 2016. In Bollók, Á., Csiky, G., Vida, T. (eds.). *Zwischen Byzanz und der Steppe: Archäologische und historische Studien Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag.* Budapest, 545—556 (in Russian).

Lopan, O.V. 2007. In Guguev, Yu.K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) 2. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 240—311 (in Russian).

Pletneva, S.A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo Mayaki Culture).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 142. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S.A. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62—75 (in Russian).

Pletneva, S.A. 1999. *Ocherki khazarskoi arkheologii (Essays on the Khazarian Archaeology).* Moscow: Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

Pletneva, S.A. 2003. In Pletneva, S.A. *Kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu srednevekov'ia (IV—XIII veka) (Nomads of the Southern Russian Steppes in the Middle Age (4th—13th Centuries)).* Voronezh: Voronezh State University, *103—114 (in Russian).*

Riabtseva, S.S., Rabinovich, R.A. 2007. In *Revista Arheologică SN* III (1—2), 195—230 (in Russian).

Stashenkov, A.D. 2009. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnyi kongress srednevekovoi arkheologii Evraziiskikh stepei. Konferentsiia «Idel'-Altai: istoki evraziiskoi tsivilizatsii» (International Congress of the Medieval Archaeology of Eurasian Steppes. "Idel-Altai" Conference: Origins of the Eurasian Civilization).* Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 228—229 (in Russian).

Türk, A. 2016. In Goldina, R.D. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of Ural: from the Earliest Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge. 20th Ural Archaeological Conference).* Izhevsk: Institute for Computer Studies, 268—272 (in Russian).

Flerova, V.E. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 71—82 (in Russian).

Flerova, V.E. 2002. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 163—190 (in Russian).

Flerova, V.E. 2002. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kiev; Kharkov: A. Yu. Krymskii Oriental Studies Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 169—188 (in Russian).

Flerova, V.E. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology) (*1), 170—176.

Flerova, V.E., Flerov, V.S. 2000. In *XXI Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (21th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus).* Kislovodsk, 137—141 (in Russian).

Shcherbakova, T.A., Tashchi, E.F., Tel'nov, N.P. 2008. *Kochevnicheskie drevnosti Nizhnego Podnestrov'ia (Po materialam raskopok kurgana u g. Slobodzeia) (Nomadic Antiquities of the Lower Dniester Region (by archaeological findings from the Barrow at Slobozeia Town)).* Kishinev: "Elan Poligraf SRL" Publ. (in Russian).

Bálint, Cs. 1975. A szaltovó-majaki kultúra avar és magyar kapcsolatairól = On the Avar and Hungarian relations of the Saltovo-Mayak culture. *Archaeologiai Értesítő* 112, 52—63.

Bálint, Cs. 1989. 8.—10. Jahrhundert. In *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert.* Wien; Köln: Böhlau Verlag, 44—73.

Bálint, Cs. 1999. Zwischen Orient und Europa. Die „Steppenfixierung" in der Frühmittelalterarchäologie. In Henning, J. (Hrsg.). *Zwischen Byzanz und Abendland. Pliska, der östliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchäologie*. Frankfurt am Main: Johann Wolfgang Goethe-Universität, 13—16.

Bollók, Á. 2015. *Ornamentika a 10. századi Kárpát-medencében. Formatörténeti tanulmányok a magyar honfoglalás kori díszítőművészethez = The Ornamental Vocabulary of the Tenth Century in the Carpathian Basin. Form-historical Studies in the Decorative Arts of the Hungarian Conquest Period*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.

Erdélyi, I. 1978. A verebi honfoglalás kori sírlelet egyes tárgyainak Don menti analógiái = Analogie de vestiges sépulcraux du Don avec ceux Vereb de l'époque de la conquéte árpádienne). *Alba Regia* 16, 287—292.

Erdélyi, I. 2008. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest: Mundus.

Fodor, I. 1975. Cserépüstjeink származása. *Archaeológiai Értesítő* 102, 250—264.

Fodor, I. 1986. Néhány régészeti észrevétel a kabar-kérdésről = Some archaeological observations related to the Khabar-question. In Németh, P. (szerk.). *Régészeti tanulmányok Kelet-Magyarországról*. Folklór és Etnográfia 24. Debrecen, 99—114.

Fodor, I. 1993. Magyar jellegű régészeti leletek Moldvában = Archaeological finds of Hungarian character in Moldavia. In Halász, P. (szerk.). *Tanulmányok Domokos Pál Péter emlékére*. Budapest: Lakatos Demeter Egyesület, 17—38.

Fodor, I. 1994. Leletek Magna Hungáriától Etelközig. In Kovács L. (szerk.). *Honfoglalás és régészet. A honfoglalásról sok szemmel* 1. Budapest, 47—65.

Fodor, I. 2006. A régészettudomány történetisége. A magyar őstörténet példáján = Archäologie als historische Wissenschaft. Am Beispiel der ungarischen Urgeschichte. *Archaeológiai Értesítő* 131, 89—114.

Fodor, I. 2009. *Őstörténet és honfoglalás. Magyarország Története* 1. Budapest: Kossuth Kiadó.

Jankovich, M. 1835. Egy magyar hősnek, — hihetőleg Bene vitéznek, — ki még a 'tizedik század' elején, Solt fejedelemmel, I. Berengár császárnak diadalmas védelmében Olaszországban jelen volt, újdonnan felfedezett tetemeiről, 's öltözetének ékességeiről. *A Magyar Tudós Társaság Évkönyvei* 2 (1832—1834), 281—296.

Katalógus 1996. Fodor, I. (ed.). *The Ancient Hungarians.* Exhibition catalogue. Budapest: Hungarian National Museum.

Kovács, L. 2000. Amulette. In Wieczorek-Hinz, H.-M. (Hrsg.). *Europas Mitte um 1000*. Katalog. Stuttgart: Theiss, 69—70.

Langó, P. 2007. *Amit elrejt a föld A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében.* Budapest: L'Harmattan Kiadó.

László, Gy. 1996. *A honfoglaló magyarok*. Budapest: Corvina Kiadó.

Madaras, L. 1996. Szolnok, Lenin Tsz. (Ugar) 10. századi temetője. Jász-Nagykun-Szolnok megye 10. századi leletei és azok történeti tanúságai = Der Begräbnisplatz aus der Zeit der Landnahme in der Zentrale der Szolnoker „Lenin" Lpg. In Wolf, M., Révész, L. (szerk.). *A magyar honfoglalás korának régészeti emlékei*. Miskolc: Herman Ottó Múzeum, 65—116.

Mesterházy, K. 1993. A magyar honfoglalás kor régészetének ötven éve. *Századok* 127, 270—311.

Nevizánsky, G. 2006. Staromadarské jazdecké pohrebisko v Leviciach-Géni = Old Hungarian Horsemen Necropolis in Levice-Géňa. *Slovenská Archeologica* 54 (2), 285—328.

Révész, L. 1996. *A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Fel-*

ső-Tisza-vidék X. századi történetéhez = Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert. Miskolc.

Révész, L. 1998. Szempontok a honfoglalás kori leletanyag időrendjének meghatározásához a keleti párhuzamok alapján = Geschichtspunkte zur Bestimmung der Chronologie der landnahmezeitlichen Funde Aufgrund der östlichen Analogien. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* 4, 523—532.

Révész, L. 1999. *Emlékezzetek utatok kezdetére… Régészeti kalandozások a magyar honfoglalás és államalapítás korában*. Budapest: Timp Kft.

Révész, L. 2003. The cemeteries of the Conquest period. In Visy, Zs. (ed.). *Hungarian archaeology at the turn of the millennium*. Budapest, 338—346.

Takács, M. 1986. Die Árpádenzeitlichen Tonkessel im Karpatenbekken. *Varia Archaeologica Hungarica* 1. Budapest.

Takács, M. 2009. Über die Chronologie der Mittelalterlichen Siedlungsgrabungen in Ungarn. Erläuterungen zu zwei chronologischen Tabellen. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 60, 223—252.

Točík, A. 1969. *Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei*. Archeologica Slovaka Catalogi 3. Bratislava: Slovenskej Akadémie Vied.

Türk, A. 2010. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In Tóth, G., Szabó, P. (szerk.). *Középkortörténeti tanulmányok 6*. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia. Szeged, 261—306.

Türk, A. 2011. *A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör = Die Vorgeschichte der Ungarn und die Archäologie des Saltovo-Kulturkreises*. Doktori (PhD) disszertáció. Szeged.

Türk, A. 2012. Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10.–11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. In Tobias, B. (Hrsg.). *Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie, und Methodik*. Mainz, 3—28.

Türk, A. 2014. A korai magyar történelem régészeti kutatása napjainkban. In Sudár, B., Szentpéteri, J., Petkes, Zs., Lezsák, G., Zsidai, Zs. (szerk.). *Magyar Őstörténet — Tudomány és hagyományőrzés*. MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont. Budapest, 19—30.

Werbart, B. I. 1996. Khazars or „Saltovo-Majaki Culture"? Prejudices about Archaeology and ethnicity. *Current Swedish Archaeology* 4, 199—211.

Wolf, M. 2000. Acht Spielknochen. In Wieczorek-Hinz H.-M. (Hrsg.). *Europas Mitte um 1000*. Katalog. Stuttgart: Theiss, 179.

Wolf, M. 2003. Adatok a X. századi edényművességünkhöz. A borsodi leletek tanúságai = Informationen zu unserer Töpferkunst des 10. Jahrhunderts. Die Lehre der Funde in Borsod. *Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 42, 85—108.

Wolf, M. 2006. Adatok a X. századi magyarság kerámiaművességéhez = Data on Pottery Workmanship of Hungarians in the 10th Century. In Holló, Sz. A., Szulovszky, J. (szerk.). *Az agyagművesség évezredei a Kárpát-medencében*. Veszprém: MTA Veszprémi Akadémiai Bizottság, 47—58.

Статья поступила в сборник 4 декабря 2017 г.

Attila Türk (Budapest, Hungary). PhD. Pázmány Péter Catholic University, Institute of Archaeology [1].

Тюрк Аттила (Будапешт, Венгрия). PhD. Институт археологии Католического университета Петера Пазманя.

E-mail: turk.attila@btk.mta.hu

Address: [1] Egyetem St., 1, Piliscsaba, 2087, Pest County, Hungary

С. С. Рябцева

Об особенностях морфологии и декора «волынских серег» с тиснеными подвесками

Keywords: Eastern Europe, Old Rus, jewelry decoration, Volhynian type earrings, embossing, granules

Ключевые слова: Восточная Европа, Древняя Русь, ювелирные украшения, волынские серьги, тиснение, зернь

S. S. Ryabtseva

On the Features of the Morphology and Decor of the "Volhynian Type Earrings" with Embossed Pendants

The "Volhynian type earrings" are typical for the full jewelry dress of the population of Eastern Europe in the 10th — the beginning of the 11th century. We put the attention for the decorations with a hollow pendant, welded from two halves, which we selected in type "A" of "Volhynian earrings". Their production on the territory of Old Rus' is confirmed by finds of dies from the burial of a jeweler in the Peresopnytsky cemetery in Volhynian and at the Gnezdovo settlement in the upper reaches of the Dnieper River. Outside Eastern Europe, such decorations are known from the territory of Poland, Hungary and Sweden.

The studied items vary by overall dimensions, design of the rings and suspension. The rings are especially different in size and set the decorating parameters, whereas the suspension, for all its morphological differences, does not differ much in length. There are two variants for rings. The first is a smooth ring. The second one is a smooth ring, unchained in the lower part; one more element is attached to it, creating the effect of "lunula". Rings with lunula are very characteristic for this type of jewelry. Variants with simple rings are less common, but they bring these products closer to other varieties of "Volhynian earrings". Pendants are significantly different in proportion (there are more elongated, there are broad, squat) and decor characteristics. Judging by the sufficient variability of the pendants, there were quite a few masters with dies and skills for making these complex elitist ornaments.

С. С. Рябцева

Об особенностях морфологии и декора «волынских серег» с тиснеными подвесками

«Волынские серьги» характерны для парадного ювелирного убора населения Восточной Европы X — начала XI вв. Мы рассматриваем украшения с полой штампованной, спаянной из двух половинок подвеской, выделенные нами в тип «А» «волынских серег». Их изготовление на территории Древней Руси подтверждается находками штампов из погребения ювелира в Пересопницком могильнике на Волыни и на Гнездовском поселении в верховьях Днепра. За пределами Восточной Европы подобные украшения известны с территории Польши, Венгрии и Швеции.

Рассматриваемые изделия демонстрируют разнообразие в общих размерах, оформлении дужки и подвески. Дужки особенно отличаются по размеру и задают параметры украшения, тогда как подвески, при всех своих морфологических отличиях, по длине отличаются не сильно. Выделяются два варианта оформления дужки. Первый — гладкое кольцо. Второй — гладкое кольцо, раскованное в нижней части, к нему крепится еще один элемент, создающий эффект «лунницы». Дужки с лунницами весьма характерны для этого типа украшений. Варианты с простым кольцом встречаются реже, но именно они сближают эти изделия с другими разновидностями «волынских серег». Подвески значительно отличаются по пропорциям (есть более вытянутые, есть широкие, приземистые) и характеру декора. Судя по достаточной вариабельности подвесок, существовало довольно много мастеров, обладавших штампами и навыками для изготовления этих сложных элитарных украшений.

Если говорить о Николае Петровиче Тельнове, то первые слова, которые приходят на ум, — это друг, учитель, один из основоположников школы средневековой археологии Молдовы. И еще одно важное слово — хранитель. Это и профессиональная работа археолога, педагога по сохранению исторический памяти, это и его кропотливые усилия по сохранению корпоративных традиций, памяти о наших научных предшественниках. Николаю Петровичу принадлежит честь сохранения для истории, исследования и публикации весьма широкого круга памятников, зачастую ранее не известных для нашей территории. В 2008 году и мне посчастливилось работать совместно с Николаем Петровичем над публикацией, введением в научный оборот материалов Алчедарского клада (рис. 1) (Рябцева, Тельнов 2010: 285—300).

Как и многие другие клады, комплекс был открыт случайно во время сельскохозяйственных работ (вспашки поля) в 300 метрах от Алчедарского городища. В кладе представлен достаточно интересный монетный материал

© С. С. Рябцева, 2018.

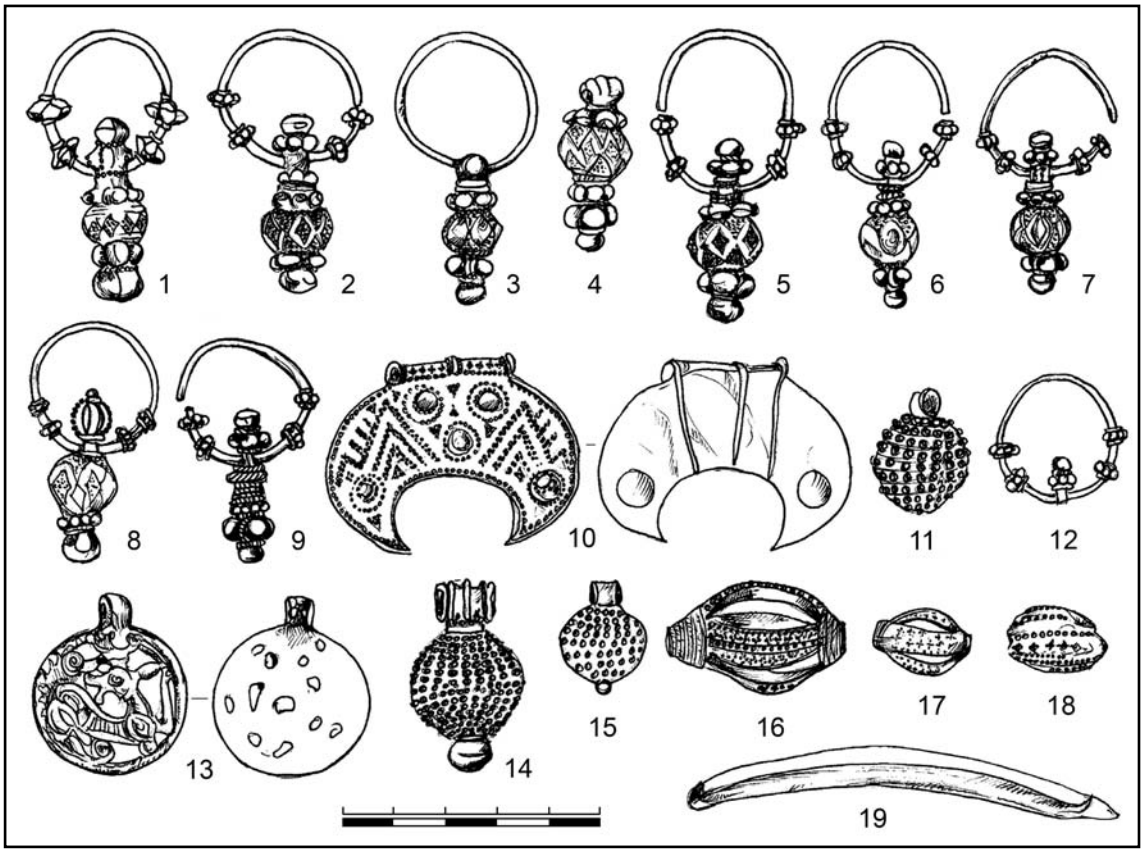

Рис. 1. Украшения и слиток из клада Алчедар (Республика Молдова) (по Рябцева, Тельнов 2010).

Fig. 1. Jewelery decorations and the bullion from the Alcedar hoard (Republic of Moldova) (after Рябцева, Тельнов 2010).

(Болдуряну 2010: 301—306). Дирхем из Алчедарского клада был чеканен во время правления Рукн ад-Даула (934—967), Муизз ад-Даула (934—967) и халифа ал-Мути в городе Рам Хурмуз провинции Хузистан в 349 г. х. (960/961 гг.). В состав клада входили также три византийских милиарисия Иоанна Цимисхия (969—976) и одно подражание куфическим дирхемам неизвестного прототипа. Кроме того, в нем находились двадцать одно ювелирное украшение и гирька весом в 31,2 г. (Рябцева, Тельнов 2010: 285; Болдуряну, Рябцева 2015).

После находок украшений с зернью с городищ Екимэуць и Германарие (Федоров 1953: 104—126, Рабинович, Рябцева, Тельнов 2010: 200—214), подборка изделий, декорированных в зернено-филигранном стиле из Алчедара, явилась хотя и весьма значимой, но, пожалуй, ожидаемой. Ведь городище Алчедар принадлежит к той же группе древностей, кроме того, из материалов курганного могильника, расположенного при этом памятнике, происходит серебряная бусина с зерневым декором (Федоров 1964: 77—88, рис. 35; Рябцева 2006: 145). В составе Алчедарского клада содержится 8 серег «волынского типа», представленных в двух конструктивно-декоративных вариантах, 7 тисненых шаровидных пуговиц, усыпанных зернью, 5 ажурных лопастных бусин разного размера и одна не ажурная удлиненная дольчатая бусина (рис. 1: 1—8, 14, 18). Возможно, к этому же кладу принадлежит и находка золотой зерненой лунницы, а также нескольких «волынских серег» с гроздевидными подвесками (рис. 1: 9, 10, 12).

В то же время, некоторой неожиданностью стало наличие в комплексе литой ажурной подвески «гнездовского типа» (рис. 1: 13). Вещей не только североевропейского круга, но хотя бы имеющих североевропейские истоки, до этого на территории Пруто-Днестровского региона известно не было (Рябцева, Тельнов 2010: 285—293). Необходимо отметить, что до находки из Алчедара уже было учтено 17 местонахождений подобных медальонов. Все они найдены гораздо севернее и происходят с территории России. Наибольшее количество известно в Смоленской области, а 4 находки непосредственно при-

урочены к Гнёздовскому археологическому комплексу (Дементьева 2007: 214—217).

Таким образом, Алчедарский клад значительно расширил наше представление о древностях X — начала XI вв. Пруто-Днестровского региона. При этом «волынская» серьга с полой тисненой подвеской из этого комплекса, как по деталям своего строения, так и по особенностям декора значительно отличается от известных образцов украшений этого же типа, происходящих из других памятников. Этот факт, а также недавние новые находки «волынских серег» в Переспе (Польша) (Bagiñska et al. 2016), Возвягле (Украина) (Петраускас, Рябцева 2017: 35, рис. 1: 1—5), а также инструментария для изготовления подвесок для таких украшений — в Гнёздове (Россия) (Рузанова, Мурашева 2012: 128—137), заставили меня вновь обратиться к данной категории украшений — «волынским серьгам» с полой тисненой подвеской.

«Волынские серьги» характерны для парадного ювелирного убора населения Пруто-Днестровского региона в X—XI вв. В этот набор украшений входила целая подборка изделий, выполненных с применением техник тиснения, пайки, скани и зерни. Большая часть этих вещей изготовлена из серебра, но изредка встречаются и золотые экземпляры. Убор содержал в себе несколько разновидностей «волынских серег», штампованно-филигранные лунницы, плоские и полусферические подвески, разнообразные бусины, в том числе и «лопастные», шаровидные и колоколовидные пуговицы, перстни с полусферическим щитком (Корзухина 1954: 22—23; Рябцева 2006: 147—153, 155—157). Обширный круг аналогов, а в ряде случаев и прототипов этим изделиям, связывается с регионами Юго-Восточной и Центральной Европы, но как единый целостный убор именно такая подборка встречается, кроме Пруто-Днестровского региона, также в памятниках Поднепровья и Побужья. Что касается времени бытования, то для середины X — начала XI вв. характерна вся перечисленная подборка украшений (Корзухина 1954: 22—23, № 15—18, 21; Пушкина 1996: 171—186; Рябцева 2005: 77; Рябцева, Тельнов 2010: 285—300). Позже «волынские серьги» выходят из употребления, а лунницы, полусферические подвески и перстни бытуют вплоть до XII в. (Рябцева 2005: 77—134). Зерненые пуговицы в комплексах второй половины XI — первой половины XII в. представлены уже в основном в виде обломков (например, клад Стражевичи) (Корзухина 1954: 95).

В Пруто-Днестровском регионе вещи с зернью в основном связаны с культурой кольцевых городищ (Екимэуць, Алчедар, Германарие), в качестве отдельных находок представлены и в погребальных комплексах (Бранешть и Джурджулешть) (Федоров 1953: 104—126; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984: 49; Рябцева 2006: 143—168; Рабинович, Рябцева, Тельнов 2010: 200—214; Рябцева, Тельнов 2010: 85—300; Левицкий, Хахеу, Рябцева 2000: 90—96). К настоящему времени из памятников данного региона известна уже практически вся номенклатура зерненых украшений, характерных для восточноевропейских памятников X—XI вв.

Такой тип украшений, как «волынские серьги», был введен в научный оборот еще в конце XIX века. Однако его название является достаточно условным. Подобные вещи встречаются и за пределами Волыни. Часть из них, по всей видимости, носилась не как серьги, а в качестве височных колец. Первая типология всей совокупности данных украшений была предложена Г. Ф. Корзухиной. Опираясь на выделенные ею специфические признаки морфологии и технологии изготовления подвесок, исследовательница поделила изделия на две группы (Корзухина 1946: 49). Более дробную типологию разработала Е. Ю. Новикова (Новикова 1990: 107—114). Нами также была предложена типологическая схема для этих украшений. Первый вариант, по типологии Г. Ф. Корзухиной, «с полой штампованной, спаянной из двух половинок подвеской» был выделен в тип «А» (рис. 1: 1; 2; 3: 1, 3, 4—12). Второй вариант, по Г. Ф. Корзухиной, «с подвеской, составленной из множества полых крупных и мелких шариков» — поделен на типы «В» (рис. 1: 2—8; 3: 2), «С» (рис. 1: 9) и «D» (Рябцева 2005: 92, рис. 17).

С городища Екимэуць происходит 32 экземпляра паянных «волынских» серег (одна пара типа «В», остальные типа «С»), а также ряд литых экземпляров, близких к типу «С» (Федоров 1953: 125; Рабинович, Рябцева 1997: 236—245; Рябцева 2006: 143—168) (рис. 2: 1—3). Из восьми «серег волынского типа», найденных в Алчедарском кладе, одна принадлежит к типу «А» (рис. 1: 1), остальные — к типу «В» (рис. 1: 2—8) (Рябцева, Тельнов 2010: 288, рис. 1).

То, что «волынские серьги» типа «А» изготовлялись на территории Восточной Европы, является доказанным фактом, подтвержденным находкой подборки штампов для тиснения продолговатой подвески для таких украшений, происходящей из захоронения

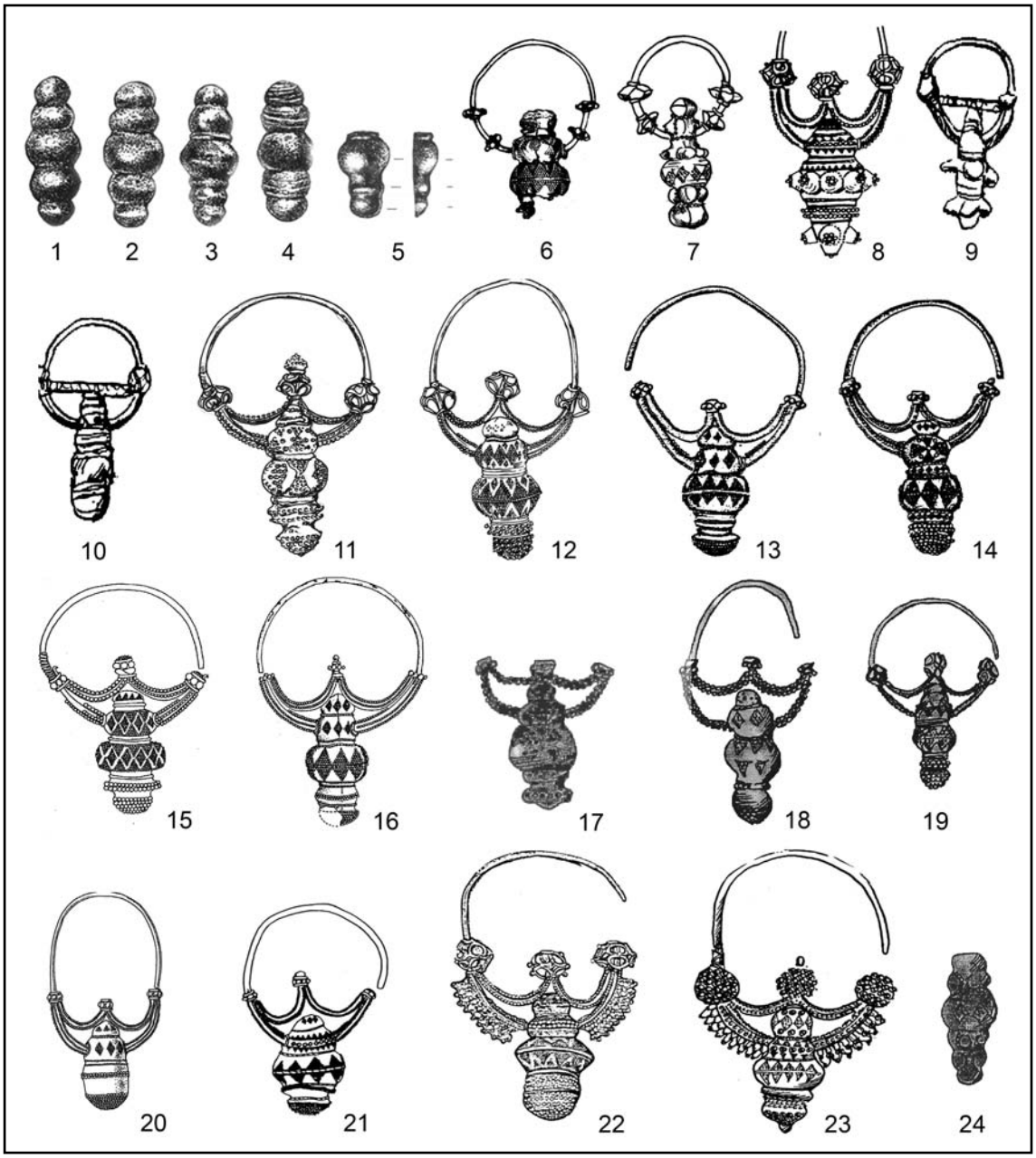

Рис. 2. «Волынские серьги» и штампы для их изготовления. Масштабы разные. 1—4 — Пересопницкий могильник (Украина); 5, 13, 14 — Гнездово (Россия); 6 — Бёсоб (Венгрия); 7 — Алчедарский клад (Республика Молдова); 8 — Тушта (Швеция); 9, 10 — Майков (Польша); 11 — Возвягель; 12 — Гущинский клад; 15, 16 — Берестяне (Украина); 17—19 — коллекция ГИМ; 20 — Искоростень (Украина); 21, 22 — Чеханово (Польша); 23 — Борщевский клад (Украина); 24 — коллекция Государственного Эрмитажа (1—4 — по Корзухина 1946; 5 — по Рузанова, Мурашева 2012; 6, 8 — по Mesterhazy 1994; 7 — по Рябцева, Тельнов 2010; 9, 10, 17—19, 23, 24 — по: Рябцева 2005; 11 — рисунок автора; 12 — по Корзухина 1954; 13, 14 — по Пушкина 1996; 15, 16 — по Гупало 1996; 20 — по Звіздецький, Петраускас, Польгуй 2004; 21, 22 — по Nowakiewicz 1998).

Fig. 2. The "Volhynian type earrings" and dies for their manufacturing. The scale is different. 1—4 — Peresopnitsky burial ground (Ukraine); 5, 13, 14 — Gnezdovo (Russia); 6 — Bé-Szob (Hungary); 7 — Alcedar hoard (Republic of Moldova); 8 — Tosta (Sweden); 9, 10 — Maikov (Poland); 11 — Vozvyagel; 12 — Gushchin hoard; 15, 16 — Berestyane (Ukraine); 17—19 — Collection of the State Historical Museum (Moscow); 20 — Iskorosten (Ukraine); 21, 22 — Czekhanowo (Poland); 23 — Borshchevsky hoard (Ukraine); 24 — Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg). (1—4 — after Корзухина 1946; 5 — after Рузанова, Мурашева 2012; 6, 8 — after Mesterhazy 1994; 7 — after Рябцева, Тельнов 2010; 9, 10, 17—19, 23, 24 — after Рябцева 2005; 11 — drawing by the author; 12 — after Корзухина 1954; 13, 14 — after Пушкина 1996; 15, 16 — after Гупало 1996; 20 — after Звіздецький, Петраускас, Польгуй 2004; 21, 22 — after Nowakiewicz 1998).

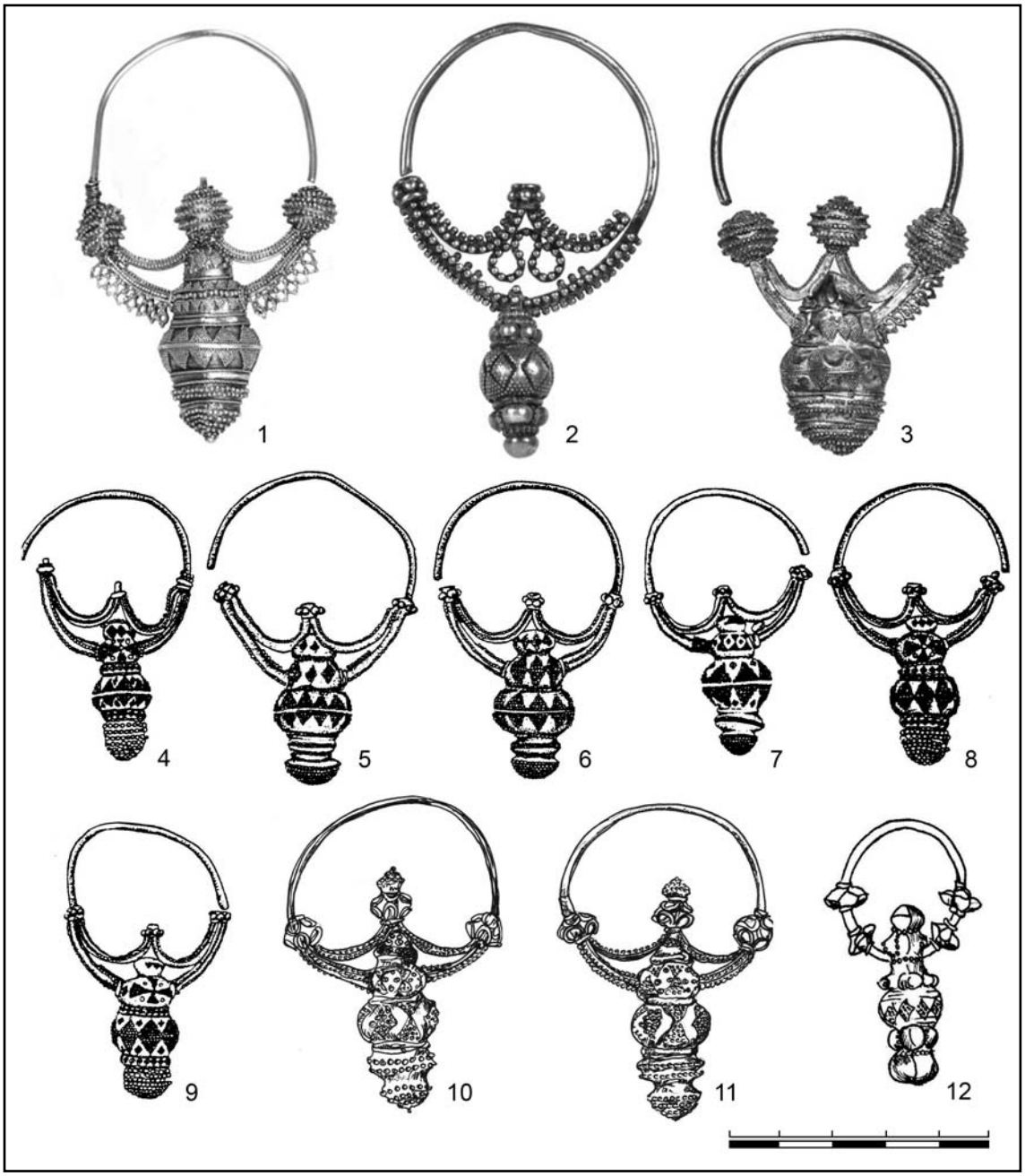

Рис. 3. «Волынские серьги». 1—3 — Борщевский клад (Украина); 4—9 — Гнёздовский клад 1993 года (Россия); 10, 11 — клад Возвягель (Украина); 12 — клад Алчедар (Республика Молдова) (1—3 — по Минасян 2017; 4—9 — по Пушкина 1996; 10—12 — рисунки автора).

Fig. 3. The "Volhynian type earrings". 1—3 — Borshchevsky hoard (Ukraine); 4—9 — Gnezdov hoard of 1993 (Russia); 10, 11 — treasure of Vozvyagel (Ukraine); 12 — Alcedar hoard (Republic of Moldova) (1—3 — after Минасян 2017; 4—9 — after Пушкина 1996; 10—12 — drawings by the author).

ювелира в Пересопнице (рис. 2: 1—4) на Волыни (Корзухина 1946: 48). Недавно фрагмент аналогичного штампа был обнаружен и в Гнёздове на Смоленщине (рис. 2: 5) (Рузанова, Мурашева 2012: 128—137) (рис. 4: 2). К прототипам подобных украшений могут быть отнесены изделия более раннего времени, возникшие под влиянием византийской ювелирной традиции. Их миниатюрные тисненые или литые подвески еще лишены зерневого декора. По всей видимости, в первой половине X века складывается классическая разновидность этих украшений с зерневым декором (Рябцева 2005: 70—104).

На Волыни украшения типа «А» были найдены в Борщевском кладе (рис. 2: 23; рис. 3:

1, 3) и погребении пожилой женщины в кургане М-7 могильника в урочище Майдан у с. Берестяное (рис. 2: 15, 16) (Гущин 1936: 64—66; Корзухина, 1954: 17; Минасян 2017: 240; Гупало 1986: 113—129). Подобные изделия были найдены в Гущинском кладе под Черниговом (рис. 2: 12), на городище Искоростень (рис. 4: 20) и на Строчинском городище под Минском (городище на Менке) (Корзухина 1954: 21; Алексеев 1966: 47, 48, рис. 28; Звіздецький, Петраускас, Польгуй 2004: 74, рис. 20: 2). Недавно в кладе Возвягель (Украина) было найдено еще три целых экземпляра и два фрагмента подобных серебряных позолоченных украшений (Петраускас, Рябцева 2017: 35, рис. 1: 1—5) (рис. 2: 11; 3: 10, 11). В Гнездовском кладе 1993 г. представлено 6 «волынских» колец типа «А», изготовленных из высокопробного серебра (рис. 2: 13, 14; рис. 3: 4—9) (Пушкина 1996: 171—186; Ениосова 1998: 263, 264). Несколько украшений без сведений о точном месте находки хранится в ГИМе и одна подвеска в Государственном Эрмитаже (рис. 2, 17—19, 24) (Рябцева 2005: 93—95).

За пределами Восточной Европы сходные украшения найдены в захоронении в Бёсоб (Венгрия) (рис. 2: 6), кладах Торста (Швеция) (рис. 2: 8) и Чеханово (Польша) (рис. 2: 21, 22) (Mesterhazy 1994: Abb. 10, 11; Nowakiewicz 1998: 540). Недавно 8 подобных «серег» были найдены в Переспе (Польша) (Bagiñska et al. 2016). Кроме того, изделия этого типа хранятся в частной английской коллекции[1].

Если мы обратимся к сравнению известных образцов украшений этого типа (рис. 2; 3), то обнаруживается, что они демонстрируют достаточное разнообразие как в размерах изделий, так и в оформлении их дужки и подвески.

Что касается дужек, то именно они особенно отличаются по размеру и задают параметры украшения, тогда как подвески, при всех своих морфологических отличиях, по длине различаются не сильно (рис. 3). При этом существует всего два основных варианта оформления дужки:

— гладкое кольцо;

— гладкое кольцо, раскованное в нижней части, к нему крепится еще один элемент, создающий эффект «лунницы».

Украшений без лунниц нам известно пока лишь два экземпляра — из Бёсоб в Венгрии и из Алчедара в Республике Молдова (рис. 2: 6, 7). При этом на дужку украшения из Венгрии нанизаны стандартные композиции из проволоки и спаянных в виде «розетки» шариков зерни. Изделие из Алчедара украшено внешне сходными деталями, технологически выполненными совершенно по-другому: они состоят из двух тисненых половинок «розеток». Необходимо отметить, что оформление гладкого кольца простыми колечками и розетками из шариков зерни сближает украшение из Бёсоб с «волынскими серьгами» типов «В», «С» и «D», у которых дужки, как правило, так и оформлялись. Необычные тисненые розетки украшения из Алчедара находят аналогии лишь в том же самом комплексе (рис. 1: 4—5), но подобными деталями декорирована здесь не дужка, а сложносоставная подвеска двух из семи украшений типа «В». На дужки же нанизаны обычные композиции из поволоки и мелких серебряных шариков. Остальные пять «серег» типа «В» из клада Алчедар имеют обычные стандартные подвески.

Представляется, что дужки с лунницами являются характерными именно для типа «А». Опять же, за некоторыми исключениями: «мастер серег Борщевского клада» использовал лунницы и для оформления дужек пары украшений типа «В» (рис. 3: 2). Наиболее роскошные лунницы, дополнительно украшенные в нижней части проволочными фестонами, унизанными шариками зерни, были применены в декоре изделий из Борщевского и Чехановского кладов (рис. 2: 22, 23).

Как правило, «рога» лунниц маркированы или поясками из проволоки и шариков, или ажурными проволочными бусинами. У четырех украшений из Борщевского клада (рис. 2: 23; 3: 1, 3) использованы тисненые гладкие бусины, сплошь покрытые зернью, дополнительно напаянной на проволочные колечки.

Подвески «волынских серег», а значит, и использовавшиеся для них ювелирами штампы, значительно отличаются по пропорциям (есть более вытянутые, есть широкие, приземистые). Это подтверждается и подборкой штампов из Пересопницы, где в сундучке ювелира содержалось 4 штампа, внешне схожих, но отличающихся небольшими нюансами в пропорциях будущих украшений (рис. 2: 1—4). У некоторых подвесок явно выделена многочастность (например, Гущино, Возвягль, Гнездово, Берестяне) (рис. 2: 11—16), другие имеют более расплывчатую каплевидную форму (Искоростень, одна из серег из Чеханово) (рис. 2: 20, 21). На общем фоне выделяется украшение из Алчедара (рис. 2: 7), под-

[1] Благодарю за устное сообщение М. Г. Крамаровского.

веска которого дополнительно декорирована коническими выступами. Выступы на серьге из Алчедара напоминают выступающие литые шарики украшений со сборными подвесками типа «В». В случае клада Алчедар, как мы уже отмечали, подобные выступающие детали на «серьгах типа В» были выполнены из тисненых розеток (рис. 1: 4—5). Что касается конусовидных выступов на «серьгах типа А», то они встречены также на украшении из Тушты, но расположение их на подвеске отличается от того, что представлено на изделии из Алчедара (рис. 2: 7, 8).

Необходимо отметить, что украшения с подвесками, декорированные коническими выступами, характерны для древностей Польши. В этом регионе встречаются изделия, аналогичные древнерусским «волынским» (Чеханово (рис. 2: 22, 23), Переспа[2]), кроме того, здесь широко распространены и своеобразные варианты «серёг», у которых подвеска может быть с едва намеченными перехватами или, наоборот, акцентированно декорирована выступами (рис. 2: 9, 10). Эти украшения близких, но не тождественных «волынским» форм, можно считать местным дериватом, возможно, имевшим с «волынскими» общий прототип. Отличается и оформление дужки. В Польше, наряду с украшениями с простой гладкой дужкой, представлены образцы с «лунницей», отличающейся тем, что верхняя ее часть не прогнута, мягко обтекая верхнюю часть подвески (как у древнерусских образцов), а представляет собой две прямых металлических полоски, соединенных проволочными фестонами. В монографии Ханны Кочка-Кренц приведены сведения о 48 местонахождениях украшений этого типа, основная масса которых происходит из кладов, но есть и шесть находок из погребений. Комплексы датируются последней четвертью X — последней четвертью XI вв., но большая часть их приходится на конец X — начало XI вв. (Kóčka-Krenz 1993: mapa 31). На территории Древней Руси подобные изделия происходят из Тульчинского и Дегтянского кладов и являются польским импортом (Перхавко 1986: рис. 2; Рябцева 2005: 96, рис. 22; Сидорович, Рябцева, Плавинский 2015: 143—180).

Мы уже отмечали, что украшения из Борщевки и Чеханово очень близки по характеру фестончатого декора на дужках, но их подвески выполнены явно разными штампами (рис. 2: 22, 23). Зачастую, в тех случаях, когда мы сталкиваемся пусть с небольшой, но все же серией подобных украшений в одном комплексе (Борщевка, Гнездово, Чеханово) (рис. 2: 13, 14, 21—23; 3: 1, 3—9), тем не менее, украшения выполнены разными штампами. Очень отличаются по пропорциям и декору «серьги» из захоронения в Берестяне (рис. 2: 15, 16). Что касается украшений из Гнездова (рис. 3: 4—9), то, судя по их форме и характеру декора, шесть «сережек» могут быть поделены на 3 группы (из одного, двух и трех изделий). Судя по новой находке штампа, украшения могли быть произведены на месте (рис. 4). Подвески из Гущинского клада практически идентичны и являются парой (рис. 2: 12) (Корзухина 1954: табл. VII: 1. 2). Достаточно единообразно выглядит и комплект из Переспы.

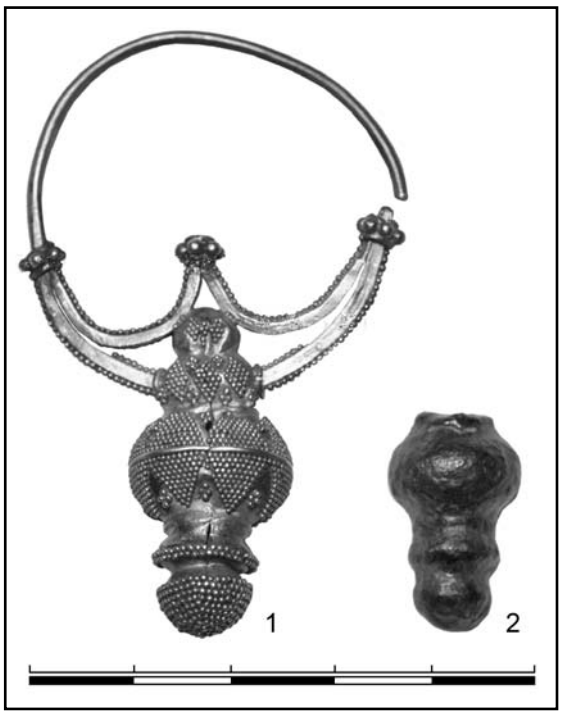

Рис. 4. «Серьга» и штамп из Гнездово (по Рузанова, Мурашева 2012).

Fig. 4. "Earring" and a die from Gnezdovo (after Рузанова, Мурашева 2012).

Что же можно сказать о недавно найденной подборке «серег» из Возвягеля? (Петраускас, Рябцева 2017: 42). Каково их место в рассматриваемом ряду? Безусловно, они наиболее близки (но не идентичны) украшениям из Гущинского клада (рис. 2: 11, 12). Немного отличаются как штампы, которыми изготов-

[2] Эти, пока еще не введенные в подробный научный оборот, украшения нам посчастливилось видеть на экспозиции в Кракове в декабре 2016 года.

лены подвески, так и характер зерневого декора. Кроме того, «серьги» из Возвягеля имеют уникальную деталь, не встреченную пока ни на одном другом украшении — центральная ажурная бусина увенчана сверху еще одной более миниатюрной бусинкой, усыпанной зернью. Между собой рассматриваемые украшения очень близки по пропорциям подвесок (насколько это можно видеть и на фрагментированных экземплярах). Три целых, по всей видимости, точно изготовлены одним штампом. Но вот зерневой декор у одной из серег в верхней части подвески немного отличается (рис. 3: 8).

На территории Восточной Европы отмечается совстречаемость разновидностей «волынских» серег. Например, на городище Екимэуць и в Копиевском кладе найдены серьги типов «B» и «C» (в Копиевском кладе к ним добавляются украшения типа «D», отличающиеся от типа «C» преобладанием к подвеске рядов проволочной обмотки), в Алчедарском и Борщевском кладах — «A» и «B» (Рябцева 2006: 147—153; Корзухина 1954: 84—85; Рябцева, Тельнов 2010: 285—300). По всей видимости, их могли изготовлять одни и те же мастера. Это доказывают некоторые общие приемы, например, декорировка дужки композицией из проволоки и колечек из шариков или крупной зерни, встречающаяся на всех разновидностях «волынских серег». Кроме того, можно говорить о приемах, характеризующих «руку конкретного мастера» — розетки на украшениях из Алчедара, роскошные лунницы на изделиях из Борщевки. Судя по достаточной вариабельности подвесок «серег типа А», существовало довольно много мастеров, обладавших штампами и навыками для изготовления этих сложных элитарных украшений.

Литература

Алексеев Л. В. 1966. *Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.)*. Москва: Наука.

Болдуряну А. И. 2010. Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада. *Stratum plus* (5), 301—306.

Болдуряну А. И., Рябцева С. С. 2015. Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет конца IX — начала XI вв. из Карпато-Днестровского региона. В: Моисеенко Н. С. (ред.). *Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.* Материалы докладов и сообщений международной нумизматической конференции. Санкт-Петербург — Старая Ладога, 3—5 апреля 2015 года. Санкт-Петербург: Знак, 108—115.

Гупало В. 1996. Дослідження курганного могильника в урочищі Майдан біля села Берестяне. *Materiały i Sparawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* XVII. Rzeszów, 113—129.

Дементьева А. С. 2007. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X—XII вв. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника*. Санкт-Петербург: Альфарет, 211—271.

Ениосова Н. В. 1998. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова. В: Седов В. В., Гринев Н. Н. (ред.). *Общество, экономика, культура и искусство славян*. Труды VI Международного конгресса славянской археологии 4. Москва: Эдиториал УРСС, 258—267.

Звіздецький Б. А., Петраускас А. В., Польгуй В. І. 2004. Нові дослідженя Стародавнього Іскоростеня. В: Моця О. П. (гл. ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст.* Київ: ІА НАНУ, 41—50.

Корзухина Г. Ф. 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X—XII вв. *КСИИМК* 13, 45—52.

Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Левицкий О. Г., Хахеу В. П., Рябцева С. С. 2000. Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X—XI вв. *Stratum plus* (5), 90—96.

Минасян Р. С. 2017. О специфике изготовления украшений из Борщевского клада. *Stratum plus* (5), 237—245.

Новикова Е. Ю. 1990. О серьгах «екимауцкого типа». В: *Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ)*. Тр. ГИМ 74. Москва, 107—114.

Перхавко В. Б. 1986. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана. *КСИА* 187, 28—35.

Петраускас А. В., Рябцева С. С. 2017. Новый клад древнерусских ювелирных украшений из окрестностей летописного Возвягеля. В: Горбаненко С. А. (відп. ред.). *Возвягль — Звягель — Новгород-Волынский у часовому зрізі тисячоліть*. Харків; Київ: Стародавній світ, 34—47.

Пушкина Т. А. 1996. Новый Гнездовский клад. В: Новосельцев А. П. (отв. ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1994. *Новое в нумизматике*. Москва: Археографический центр, 171—186.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев, 236—245.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С., Тельнов Н. П. 2010. Итоги раскопок городища Германарие в свете исследования культуры кольцевых городищ в Молдове. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* 2. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Москва: Ломоносов, 200—214.

Рузанова С. А., Мурашева В. В. 2012. Матрица для тиснения подвесок к серьгам «волынского» типа.

В: Белоцерковская И.В. (отв. ред.). *Образы времени. Из истории Древнерусского искусства.* К 80-летию С.В. Студзитской. Труды ГИМ 189. Москва, 128—137.

Рябцева С.С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Рябцева С.С. 2006. Ювелирные украшения Прутo-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X—XI вв. *RA* II (1—2), 143—168.

Рябцева С.С., Тельнов Н.П. 2010. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI вв. *Stratum plus* (5), 285—300.

Сидорович В.М., Рябцева С.С., Плавинский Н.А. 2015. Дегтянский клад середины XI века: состав и контекст. *Stratum plus* (6), 143—180.

Федоров Г.Б. 1953. Городище Екимауцы. *КСИА* 50, 104—126.

Федоров Г.Б. 1964. Работы Пруто-Днестровской экспедиции в 1960—1962 гг. *КСИА* 99, 77—88.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С. 1984. *Бранештский могильник X—XI вв.* Кишинев: Штиинца.

Bagińska et al. 2016: Bagińska J., Sadowski S., Woloszyn M., Nosek E., Stępiński J. 2016. Zanimtrafily nawy stawę. Historia odkrycia i konserwacji skarbów z Perespy. In: *Grody Czerwieńskie — złote jabłko polskiej archeologii*. Seminarium nr 4 Kraków, 7—9.12.2016. Raport ustny.

Kóčka-Krenz H. 1993. *Biżuteria Północno-Zachodnio Słowiańska we wczesnym średniowieczu*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.

Mésterházy K. 1994. Az ún. Tokaji kincs revíziója. *Folia Archaeologica* XLIII. Budapest, 193—239.

Nowakiewicz T. 1998. Nowe odkrycia zausznic typu Borszczewka. *Swiatowit* XLI. Warszawa, 531—543.

References

Alekseev, L.V. 1966. *Polotskaia zemlia (ocherki istorii Severnoi Belorussii v IX—XIII vv.) (Polotsk Land (Sketches on History of Northern Belarus in 9th—13th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Boldurianu, A.I. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 301—306 (in Russian).

Boldurianu, A.I., Ryabtseva, S.S. 2015. In Moiseenko, N.S. (ed.). *Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII—XI vv. (Viking Age in the Eastern Europe by 8th — 11th Century Numismatic Sources).* Saint Petersburg: "Znak" Publ., 108—115 (in Russian).

Hupalo V. 1996. In *Materiały i Sparawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* XVII. Rzeszów, 113—129 (in Ukrainian).

Dement'eva, A.S. 2007. In Murasheva, V.V. (ed.). *Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnykh issledovanii pamiatnika.* Saint Petersburg: "Al'faret" Publ., 211—271 (in Russian).

Eniosova, N.V. 1998. In Sedov, V.V., Grinev, N.N. (eds.). *Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo slavian (Society, Economy, Culture and Art of the Slavs).* Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology) 4. Moscow: "Editorial URSS" Publ., 258—267 (in Russian).

Zvizdets'kyj, B.A., Petrauskas, A.V., Pol'huj, V.I. 2004. In Motsya, O.P. (ed.). (ed.-in-chief). *Starodavnij Iskorosten' i slov'yans'ki hrady VIII—X st. (Ancient Iskorosten' and Slavic Towns of 8th—10th Centuries).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 41—50 (in Ukrainian).

Korzukhina, G.F. 1946. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 13, 45—52 (in Russian).

Korzukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th Centuries).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Levitki, O.G., Haheu, V.P., Ryabtseva, S.S. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 90—96 (in Russian).

Minasian, R.S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 237—245 (in Russian).

Novikova, E. Yu. 1990. In *Problemy arkheologii Evrazii (po materialam Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia) (Issues of the Archaeology of Eurasia: by materials of the State Historical Museum).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 74. Moscow, 107—114 (in Russian).

Perkhavko, V.B. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 187, 28—35 (in Russian).

Petrauskas, A.V., Ryabtseva, S.S. 2017. In Horbanenko, S.A. (ed.). *Vozvyahl'— Zvyahel'— Novhorod-Volynskyj u chasovomu zrizi tysyacholit' (Vozvyagl — Zvyagel — Novgorod Volhynsky in Diachrony of Millennia).* Kharkiv; Kiev: "Starodavnij svit" Publ., 34—47 (in Russian).

Pushkina, T.A. 1996. In Novosel'tsev, A.P. (ed.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1994. Novoe v numizmatike (The Earliest States of Eastern Europe. 1994: Numismatical News).* Moscow: "Arkheograficheskii tsentr" Publ., 171—186 (in Russian).

Rabinovich, R.A., Ryabtseva, S.S. 1997. In *Stratum+ Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological Bulletin).* Saint Petersburg; Kishinev, 236—245 (in Russian).

Rabinovich, R.A., Ryabtseva, S.S., Telnov, N.P. 2010. In Nosov, E.N., Beletskii, S.V. (eds.). *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Its Neighboring Countries)* 2. Moscow: "Lomonosov" Publ., 200—214 (in Russian).

Ruzanova, S.A., Murasheva, V.V. 2012. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva (Images of Time: From the History of the Ancient Art).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 189. Moscow, 128—137 (in Russian).

Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends).* Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Ryabtseva, S.S. 2006. In *Revista arheologică* II (1—2), 143—168 (in Russian).

Ryabtseva, S.S., Telnov, N.P. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 285—300 (in Russian).

Sidarovich V.M., Ryabtseva S.S., Plavinski M.A. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 143—180 (in Russian).

Fedorov, G.B. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 50, 104—126 (in Russian).

Fedorov, G.B. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 99, 77—88 (in Russian).

Fedorov, G.B., Chebotarenko, G.F., Velikanova, M.S. 1984. *Braneshtskii mogil'nik X—XI vv. (Braneshty Burial*

Ground of 10th—11th Centuries). Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Bagińska, J., Sadowski, S., Woloszyn, M., Nosek, E., Stępiński, J. 2016. Zanim trafily nawy stawę. Historia odkrycia i konserwacji skarbów z Perespy. In *Grody Czerwieńskie — zlote jablko polskiej archeologii*. Seminarium nr 4 Kraków, 7—9.12.2016. Raport ustny.

Kóčka-Krenz, H. 1993. *Biżuteria Północno-Zachodnio Słowiańska we wczesnym średniowieczu*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.

Mésterházy, K. 1994. Az ún. Tokaji kincs revíziója. *Folia Archaeologica* XLIII. Budapest, 193—239.

Nowakiewicz, T. 1998. Nowe odkrycia zausznic typu Borszczewka. *Swiatowit* XLI. Warszawa, 531—543.

Статья поступила в сборник 18 ноября 2017 г.

Svetlana Ryabtseva (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova [1].

Рябцева Светлана Станиславовна (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: sveta_earing@mail.ru

Address: [1] Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2000, Moldova

Н. А. Плавинский

Курган 5 могильника Погоща как пример элитарного погребального комплекса конца X — начала XI в. на северо-западе Полоцкой земли

Keywords: Ancient Rus, Polatsk land, barrow cemetery, quasi-chamber burial, inhumation, grave goods

Ключевые слова: Древняя Русь, Полоцкая земля, курганный могильник, квазикамерное погребение, ингумация, погребальный инвентарь

M. A. Plavinski

Barrow 5 of the Pahoshcha Cemetery as an Example of an Elite Burial Complex of the Late 10th — Early 11th Century in the Northwest of Polatsk Land

Pahoshcha barrow cemetery is located in the Braslau district of the Vitsebsk region of the Republic of Belarus. The study of the site was conducted throughout 2005—2009 by the archaeological expedition under the guidance of the author. Barrow 5 can be dated to the boundary of the 10th—11th centuries — the beginning or the first decades of the 11th century. The barrow contained two inhumation burials which were placed in some kind of wooden structure, probably made of boards. The main male burial is exceptionally rich in assortment of grave goods. Features of the burial rite make it possible to classify mound 5 to the circle of quasi-chamber burial antiquities of Ancient Rus.

Н. А. Плавинский

Курган 5 могильника Погоща как пример элитарного погребального комплекса конца X — начала XI в. на северо-западе Полоцкой земли

Курганный могильник Погоща находится в Браславском районе Витебской области Республики Беларусь. Изучение памятника проводилось на протяжении 2005—2009 гг. археологической экспедицией под руководством автора. Курган 5 может быть датирован рубежом X—XI в. — началом или первыми десятилетиями XI в. Курган 5 содержал два погребения по обряду ингумации, которые находились в какой-то деревянной конструкции, вероятно, сделанной из досок. Основное мужское погребение является исключительно богатым по ассортименту инвентаря. Особенности погребального обряда позволяют отнести курган 5 к кругу квазикамерных погребальных памятников Древней Руси.

История и основные результаты изучения курганного могильника Погоща

Курганный могильник Погоща находится в лесу в 500 м к северо-востоку от деревни Погоща на восточном берегу озера Бержонка в Браславском районе Витебской области Республики Беларусь (рис. 1; 2). Изучение памятника проводилось на протяжении 2005—2009 гг. археологической экспедицией под руководством автора. В процессе раскопок было определено, что к моменту начала исследований некрополь состоял из 15 курганов. Раскопки велись сплошной площадью с целью изучения межкурганного пространства, общая исследованная площадь составила 1604 кв. м.

Основные результаты изучения материалов раскопок курганного могильника Погоща сводятся к следующему. В функционировании некрополя можно выделить два культурно-хронологических горизонта. К первому из них относится курган 9, возведенный в VI—VII вв. (Михайлова 2015: 264) или в VII в. и содержащий погребение культуры псковских длинных курганов (Плавинский 2013: 67).

Ко второму культурно-хронологическому горизонту могильника относятся 10 курганов, содержавшие 15 погребений. Датировка этого горизонта укладывается в рамки второй половины X — первой половины XI в., а наиболее вероятным представляется его функционирование в последних десятилетиях X — первых десятилетиях XI в. В по-

© Н. А. Плавинский, 2018.

Рис. 1. Курганный могильник Погоща на карте Восточной Европы.

Fig. 1. Pahoshcha barrow cemetery on the map of Eastern Europe.

гребальном обряде коллектива, оставившего могильник в Погоще, выделяется несколько характерных черт. В планиграфической структуре некрополя доминирующее положение занимают курганы, содержащие мужские ингумации с оружием — курганы 1, 5, 6, 10, 12, 14 (рис. 2). Кроме того, погребения взрослых мужчин имеют схожие черты в обряде и инвентаре. Все они ориентированы головами на восток (с отклонениями). Погребенные в курганах 1, 10, 12, 14 были помещены в берестяные конструкции наподобие гробов, которые находились в больших подкурганных ямах, перекрытых деревянными настилами. В курганах 5 и 6 берестяные гробы с телами умерших помещались в больших по площади деревянных конструкциях, возведенных на основании курганов. В свою очередь, в женском погребальном обряде заметно отсутствие определенного стандарта. Женские погребения имеют подчиненный и вторичный характер в сравнении с мужскими ингумациями с оружием. Всё это даёт основания полагать, что второй культурно-хронологический горизонт курганного могильника Погоща оставлен коллективом, в котором доминирующее положение занимали представители княжеской администрации, имевшие определённое корпоративное представление о погребальном обряде, соответствующем их групповому и социальному статусу (Плавінскі и др. 2014: 155—156). В связи с этим следует также отметить, что могильник Погоща располагается в центре выделенного автором богинско-дривятского микрорегиона культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее — КСПДК), который был заселен самой северо-западной группой населения этой культуры (Плавинский 2015).

Курган 5: описание и датировка погребального комплекса

Основной целью данной публикации является введение в научный оборот материалов исследований кургана 5, который является самым богатым погребальным комплексом не только в могильнике Погоща, но и во всём регионе Браславского Поозерья.

Курган 5 был исследован в 2009 г. **раскопом XII**, имевшим сложную конфигурацию и общую площадь 264 кв.м (рис. 2: 12). Внешне насыпь кургана выглядела полусферической. При этом вблизи от вершины прослеживались две большие ямы диаметром около 2 м. Длина насыпи по линии север — юг составляла 12,5 м, по линии запад — восток — 13 м, его высота — около 1,5—1,55 м. Вокруг кургана (с севера — северо-востока, с востока, с юга и с юго-запада) на уровне современной дневной поверхности прослеживались ровики. Насыпь была покрыта слоем дерна мощностью 0,1—0,2 м (рис. 3) и состояла из желтого песка с отдельными зольными включениями. На основании кургана залегала насыщенная зольно-угольная прослойка мощностью 0,12—0,16 м. В профилях север — юг и запад — восток прослеживались две кладоискательские ямы, которые полностью повредили верхнюю часть насыпи, дошли до зольно-угольной прослойки на основании кургана и заглубились в материк (рис. 4).

По краям насыпи во всех профилях была выявлена зольная прослойка с включениями отдельных мелких угольков шириной 0,8—1,4 м и мощностью от 0,2 до 0,5 м (рис. 3). В северном, западном и южном профилях четко прослеживалось, что данная прослойка состояла из трех отдельных прослоек толщиной от 0,04 до 0,14 м. В восточном про-

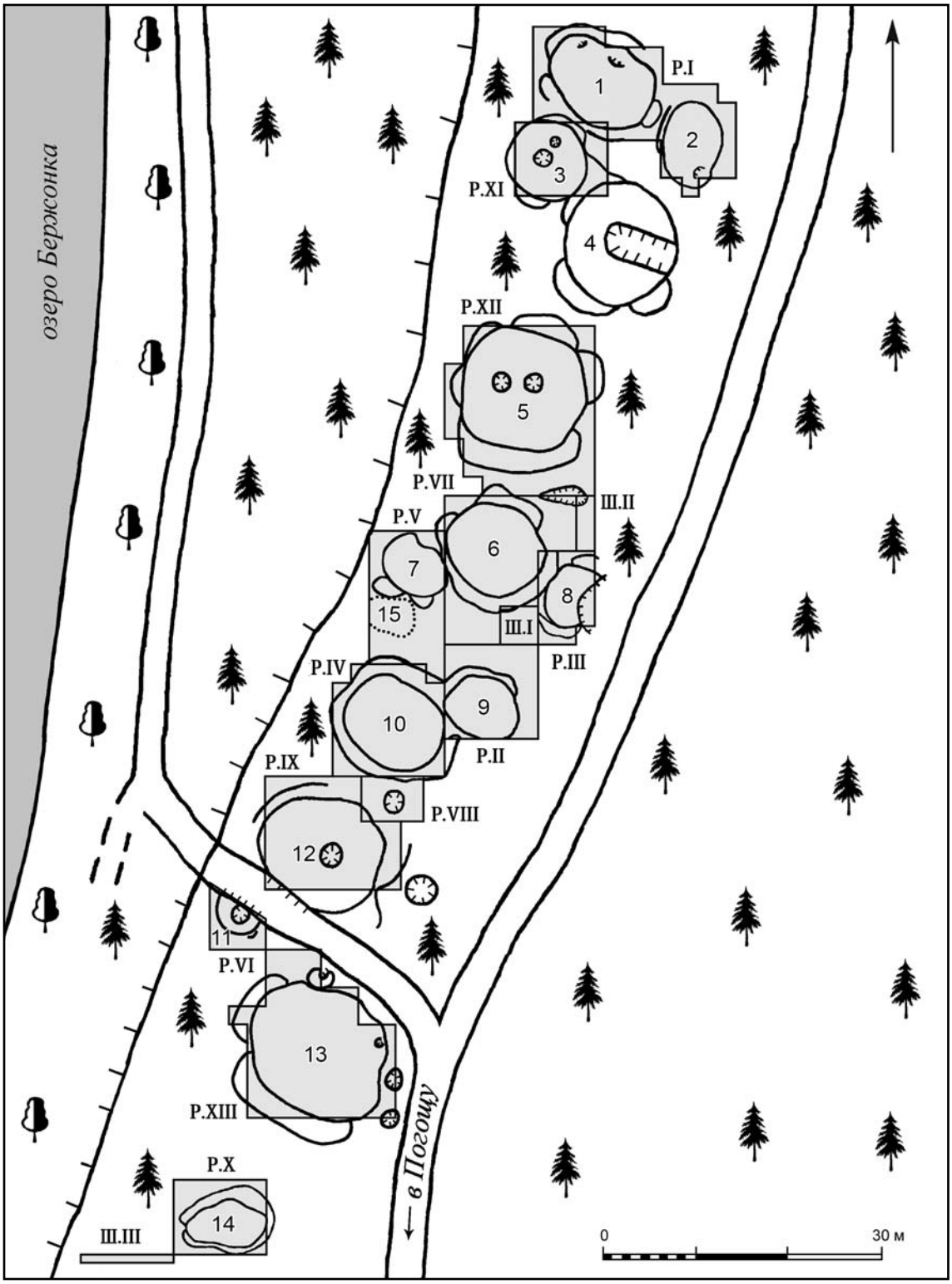

Рис. 2. План курганного могильника Погоща (рис. Н.А. Плавинского).

Fig. 2. Plan of Pahoshcha barrow cemetery (drawing by M.A. Plavinski).

филе они выглядели более аморфно, однако, в общих чертах также «читались» вполне уверенно. Данные прослойки могут быть интерпретированы как остатки кольцевой обкладки основания кургана, вероятно, сделанной из нарезанных пластов дерна. Следует отметить, что обкладки оснований курганных насыпей по периметру кусками дерна с целью укрепления их склонов выявлены также в соседнем с Погощей курганном могильнике

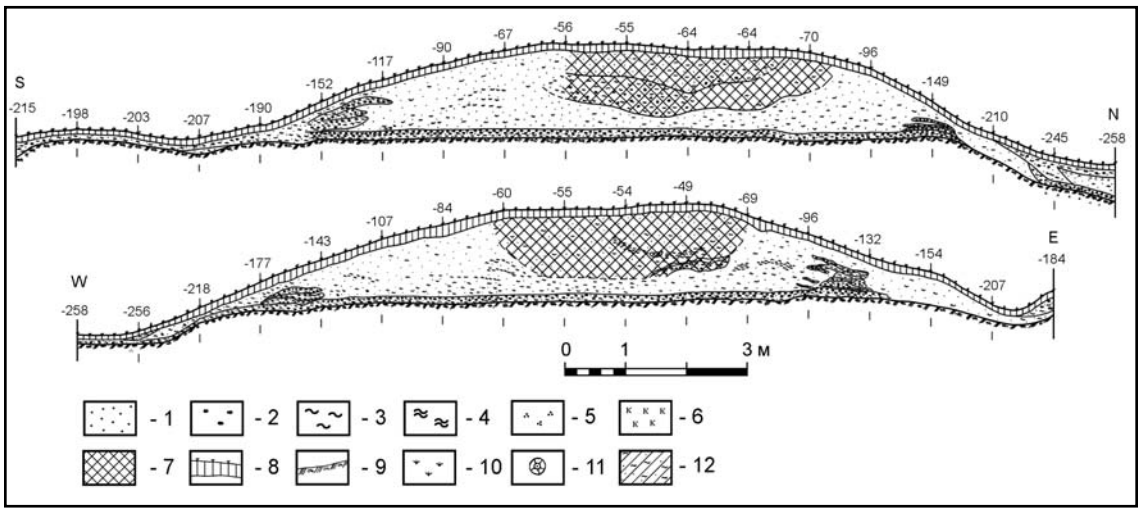

Рис. 3. Курганный могильник Погоща. Профили кургана 5 (рис. Н.А. Плавинского). Условные обозначения: 1 — желтый песок; 2 — уголь; 3 — пепел серого цвета; 4 — пепел белого цвета; 5 — сильно прокаленный песок; 6 — кальцинированные кости; 7 — перекоп; 8 — дерн; 9 — материк; 10 — неисследованный участок (на плане); 11 — дерево (на плане); 12 — прослойка гумусированного песка светло-серого цвета с включениями пепла и отдельных угольков.

Fig. 3. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5 sections (drawing by M.A. Plavinski). Plans and sections legend: 1 — yellow sand; 2 — charcoal; 3 — gray ash; 4 — white ash; 5 — burnt sand; 6 — cremated bones; 7 — pit; 8 — turf; 9 — basic earth level; 10 — unexcavated area (on plan); 11 — tree (on plan); 12 — layer of humified sand with inclusions of ash and single pieces of charcoal.

Опса (курганы 2/14 и 20 (Плавінскі и др. 2014: 79, 99—101, мал. 42: 1; 55; 62)).

Несмотря на сильное повреждение насыпи, перекопы не затронули два погребения, совершенные по обряду ингумации (рис. 4). Оба погребения были ориентированы головами на восток с отклонением к югу, которое составляло приблизительно 18—21°. Погребения находились в некой конструкции из дерева. Эта конструкция, очевидно, имела прямоугольную форму. Она была ориентирована параллельно погребениям и, вероятно, состояла из досок. Остатки конструкции прослеживались в виде контура на зольно-угольной прослойке. Надежных данных об особенностях этой конструкции выявлено не было. Можно только констатировать, что ее ширина составляла 2,85 м. Длину конструкции определить не представляется возможным, но, в любом случае, она была больше 3 м. Высоту конструкции также трудно уверенно определить из-за повреждения насыпи перекопами (рис. 4). Однако, всё-таки, можно полагать, что ее высота могла достигать приблизительно 0,4—0,5 м (рис. 3).

Погребение 1 сохранилось очень плохо: остались только челюсть, кости левой руки, левая бедренная кость и кости правой ноги (рис. 4). Очертания погребения прослеживались по следам тлена — слабой гумусированности песка. Из-за крайне плохой сохранности длина костяка может быть определена только приблизительно — 1,6—1,7 м. Вместе с тем, можно полагать, что, как и некоторые другие ингумации курганного могильника Погоща, погребение 1 в кургане 5 находилось в конструкции из бересты наподобие гроба, остатки которой выявлены слева от левой руки погребенного.

При погребении 1 был выявлен богатый комплекс инвентаря. Справа от погребенного, примерно в 0,6 м к северо-востоку от черепа, был найден наконечник копья с пером ромбической формы с низко опущенными плечиками (рис. 5: 1). Наконечник принадлежит к типу III по А.Н. Кирпичникову. Копья этого типа использовались на Руси на протяжении длительного времени — в IX—XIII вв. (Кирпичников 1966: 12—13). В районе солнечного сплетения, ближе к локтю левой руки, обнаружена бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула с треугольной в сечении дужкой (рис. 5: 8). Аналогичные фибулы датируются в древнерусских курганах в широких рамках X—XII вв., а иногда и XIII в. (Мальм 1967: 153), в Новгороде они встречаются в слоях X—XII вв., но преимущественно — X—XI вв. (Седова 1981: 86; Лесман 1990: 75). Непосредственно под фибулой на-

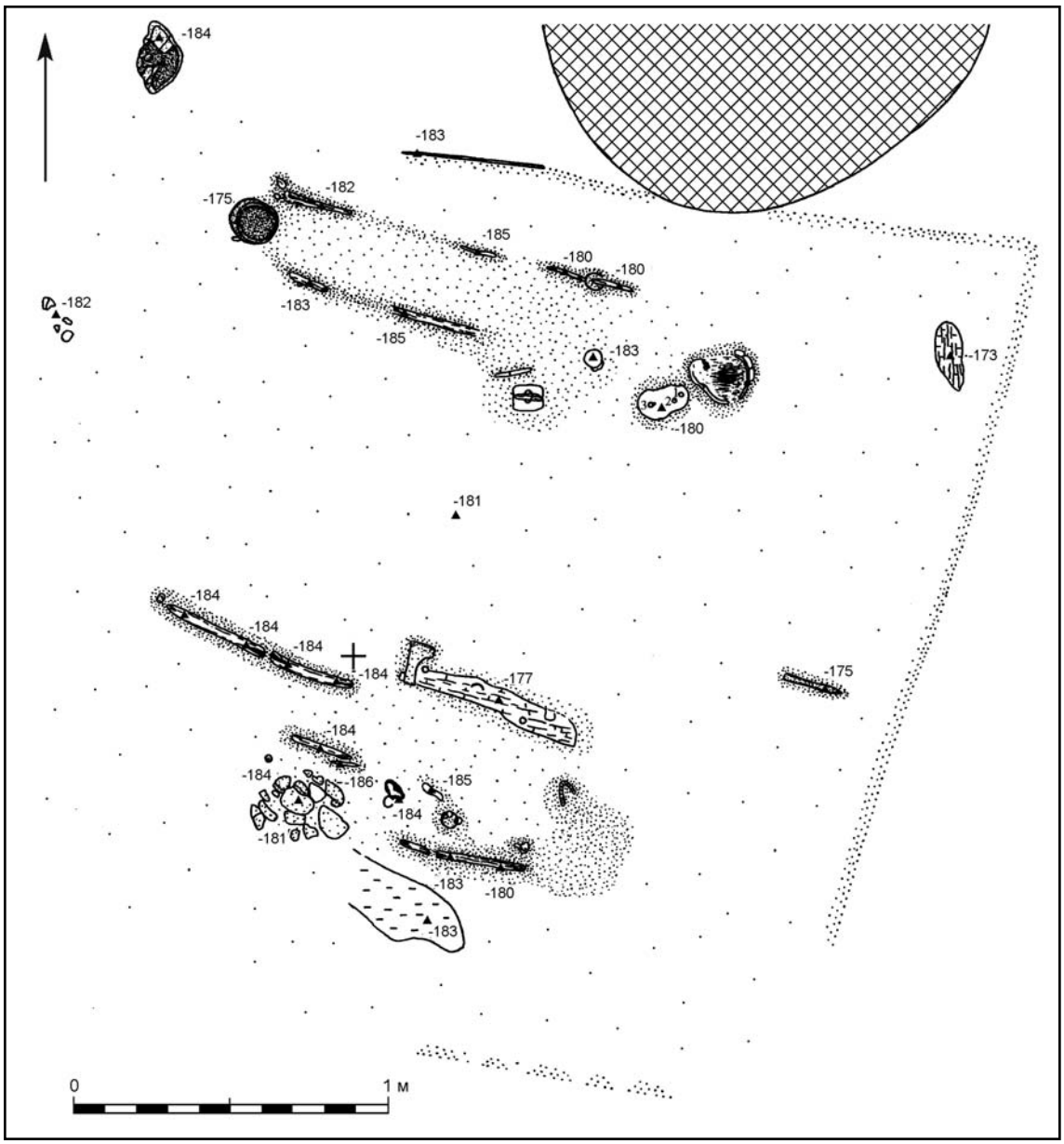

Рис. 4. Курганный могильник Погоща. Курган 5. План погребений 1 и 2 (рис. Н.А. Плавинского).

Fig. 4. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5. Plan of burials 1 and 2 (drawing by M.A. Plavinski).

ходились 3 монеты — два арабских дирхама и один западноевропейский денарий [1]: 1) дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух, Самарканд, 359 г. х., 970/971 гг., пробит с обратной стороны (рис. 7: 12); 2) дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух, Самарканд, 358 г. х., 968/969 гг. (рис. 7: 13); 3) денарий, Оттон III (983—1002 гг.), Священная Римская империя, Кёльн, тип Klüge 21 (рис. 7: 15). Рядом с фибулой, ближе к низу живота, находился железный ключ с округлой «лопастью» (рис. 5: 3), относящийся к типу А по Б.А. Колчину и датирующийся в широких рамках IX/X — середины XIII в. (Колчин 1982: 160). Еще ниже выявлено железное калачевидное кресало с язычком (рис. 5: 6). Аналогичные кресала использовались на Руси до середины XII в. (Колчин 1982: 163). Тут же лежал кресальный кремень (рис. 5: 5). Рядом был вы-

[1] Определение арабских монет осуществлено научным сотрудником отдела нумизматики Государственного Эрмитажа В.С. Кулешовым, западноевропейских монет — научным сотрудником отдела нумизматики Государственного Эрмитажа К.М. Черньшовым, научным сотрудником Музея эстонской истории (Таллинн) И. Леймусом и заведующим учебной лабораторитq музейного дела исторического факультета Белорусского государственного университета В.М. Сидоровичем.

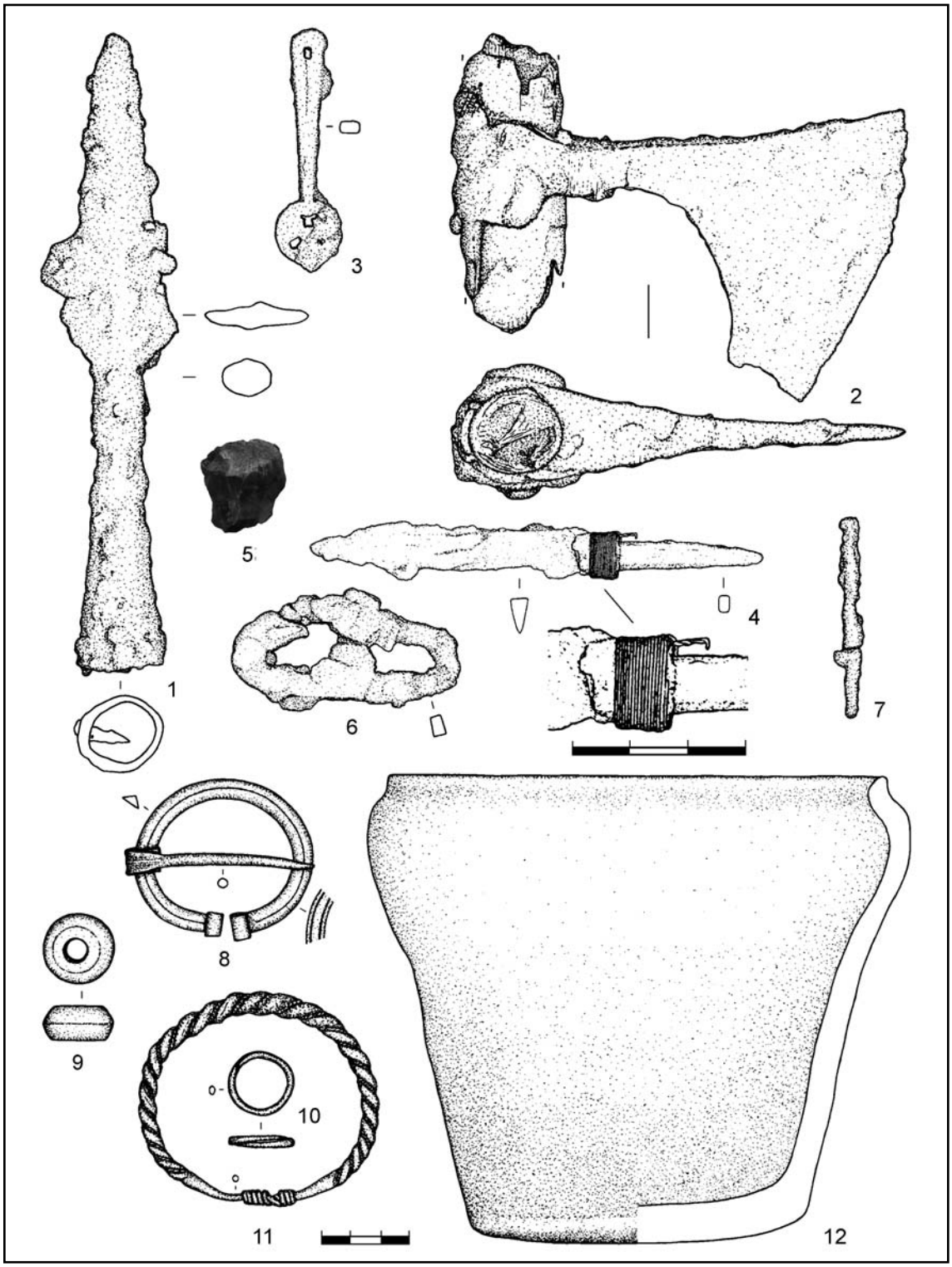

Рис. 5. Курганный могильник Погоща. Курган 5, погребение 1. Погребальный инвентарь: 1 — наконечник копья; 2 — топор; 3 — ключ; 4 — нож с остатками деревянной рукояти, обмотанной серебряной проволокой; 5 — кресальный кремень; 6 — кресало; 7 — игла; 8 — бронзовая фибула; 9 — шиферное пряслице; 10 — перстень из свинцово-оловянистого сплава; 11 — браслет из сплава серебра (?); 12 — лепной горшок (рис. Н.А. Плавинского).

Fig. 5. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5, burial 1. Grave goods: 1 — spearhead; 2 — axe; 3 — key; 4 — knife with the remains of wooden handle wrapped around with silver wire; 5 — flint; 6 — firesteel; 7 — needle; 8 — bronze fibula; 9 — slate spindle whorl; 10 — finger ring of lead-tin alloy; 11 — bracelet of silver (?) alloy; 12 — hand-made pot (drawn by M.A. Plavinski).

явлен сильно коррозированный тонкий стержень (рис. 5: 7), вероятно, игла. Около верхней части левой бедренной кости находился нож с серебряной обмоткой рукояти (рис. 5: 4). Из-за степени коррозированности лезвия, определить тип ножа не представляется возможным. Слева от бедренной кости выявлен развал лепного горшка из теста с примесью некалиброванной дресвы (рис. 5: 12). Горшок принадлежит к так называемой керамике с «плечиком», типичной для КСПДК. Слева от левой ноги, в районе колена, находилось шиферное пряслице розового цвета (рис. 5: 9). Появление шиферных пряслиц в Белорусском Подвинье исследователи относят к концу X в. (Сергеева 1993: 122).

Справа от костяка, поверх несохранившихся костей его правой руки, была выявлена прослойка (рис. 4), которая, вероятно, представляет собой спрессованные остатки «гроба», остатки топорища и, возможно, остатки какого-то деревянного ящика, сундука или какой-то другой ёмкости, в которой был помещен набор торгового инвентаря. В самом низу этой прослойки, на уровне несохранившихся костей таза, находился топор (рис. 5: 2), уложенный лезвием к погребенному и топорищем к его голове. Топор принадлежит к типу IV по А. Н. Кирпичникову и может быть датирован X—XII вв. (Кирпичников 1966: 36). На пальце правой руки находился перстень из овальной в сечении проволоки (рис. 5: 10) из бело-серого металла. Под ним сохранились остатки ткани от одежды. Узкой датировки перстень не имеет. На запястье правой руки выявлен витой браслет из металла белого цвета (рис. 5: 11), вероятно, сплава со значительным содержанием серебра. Браслет изготовлен из двух перекрученных проволок диаметром 0,3—0,4 см, перевитых двумя перекрученными между собой тонкими проволочками диаметром 0,05 см. На концах все проволочки расклёпаны, сами концы аккуратно завязаны. На территории Древней Руси подобные браслеты датируются X—XI вв. (Левашева 1967: 219). Очень близкий браслет происходит из клада XI — начала XII в. из-под деревни Великая Хайча бывшей Волынской губернии (Корзухина 1954: табл. XI: 1).

Над браслетом, ближе к верхнему краю прослойки древесного тлена, под её верхним слоем были обнаружены крайне плохо сохранившиеся остатки кожаного футляра. В футляре и в непосредственной близости от него находилась коробочка с рычажными весами со складным коромыслом, предназначавшимися для мелких взвешиваний, набор гирек-разновесов, монеты и ряд других предметов. Весы находились в латунной двустворчатой округлой коробочке (рис. 6: 4), которая сохранилась в мелких, сильно патинированных фрагментах, причем верхняя створка сохранилась значительно лучше. Коробочка имела диаметр 8,4—8,6 см и высоту около 4 см. На нижней створке нанесен циркульный орнамент под краем. Верхняя створка украшена таким же орнаментом, дополненным геометрическими фигурами из ромбов и циркульных кружков. Циркульный орнамент имеется также на шарнире и застёжке коробочки. Кроме того, в центральной части верхней створки слабо прослеживаются следы ещё одного орнаментального элемента — шестилепестковой фигуры, вписанной в круг, которая достаточно уверенно реконструируется на основании ряда аналогий (Гоняный 1999: рис. 8; Vaškevičiūtė 2001: 2—3 pav.). Внутри коробочки находились две чашечки и коромысло весов (рис. 6: 5). Сильно коррозированное и патинированное биметаллическое коромысло состояло из железной основы с иглой, двух латунных плеч с фигурными концами и латунной «вилки». Концы плеч завершаются уплощенными полукруглыми выступами с отверстиями, в которых имеются кольца, такое же кольцо имеется в отверстии в верхней части «вилки». Ко всем кольцам были привязаны нитки, сохранившиеся благодаря окислам (рис. 6: 1). Общая длина коромысла в сложенном виде составляет 6,3 см, длина его плеч — 5,6 см. Обе латунные чашечки частично фрагментированы. Диаметр чашечек — 7,5 см. Они покрыты циркульным орнаментом под краем, где, кроме того, имеется по 4 отверстия для подвешивания к коромыслу (рис. 6: 1, 3). В отверстиях сохранились фрагменты металлизированных ниток. На Руси рычажные весы были известны уже в X в. (Пушкина 1991: 226—227). На территории расселения ливов в Нижнем Подвинье использование рычажных весов начинается в конце X в., а время их широкого распространения приходится на XI в. (Berga 2009: 47). На юге территории расселения земгалов использование подобных весов фиксируется, начиная со второй половины X в. (Vaškevičiūtė 2001: 282). Набор состоял из 11 сильно коррозированных гирек-разновесов (рис. 7: 1—11), в том числе 9 железных, обтянутых медью бочонковидных и 2 четырнадцатигранных свинцовых гирек (табл. 1).

Датировка биметаллических бочонковидных гирек на территории Древней Руси определяется достаточно широко — они появляются в конце IX в., а в североевропейских

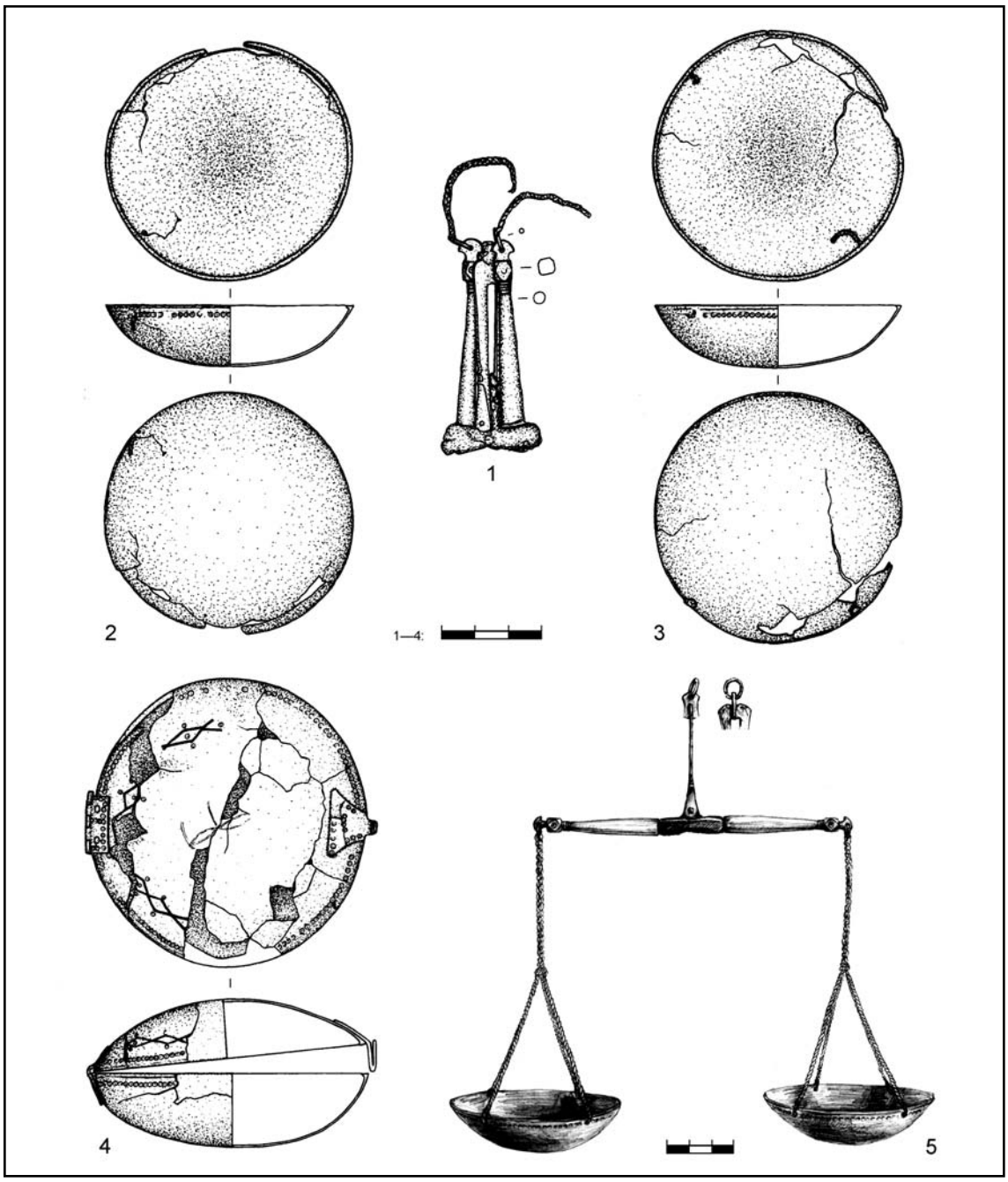

Рис. 6. Курганный могильник Погоща. Курган 5, погребение 1. Погребальный инвентарь: 1 — коромысло рычажных весов; 2, 3 — чашечки весов; 4 — коробочка от весов; 5 — реконструкция рычажных весов (1—4 — рис. Н.А. Плавинского; 5 — рис. М.И. Степановой).

Fig. 6. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5, burial 1. Grave goods: 1 — folding scale balance; 2, 3 — plates of balance; 4 — box for balance; 5 — reconstruction of balance scale (1—4 — drawing by M.A. Plavinski; 5 — drawing by M.I. Stsiapanava).

комплексах встречаются уже в IX в. В свою очередь, четырнадцатигранные гирьки известны в Восточной Европе со второй половины IX в. (Пушкина 1991: 232—233). При этом обычно четырнадцатигранные гирьки делались из бронзы, а находки свинцовых экземпляров считаются достаточно редкими (Пушкина 2010: 148), что пока не позволяет высказывать определённые соображения об их хронологии.

Рядом с коробочкой с весами были обнаружены разнообразные находки. Среди них монеты: 1) дирхам, Саманиды, Наср ибн Ахмад, 31(7 или 9) г.х., 929/930 или 931/932 гг.

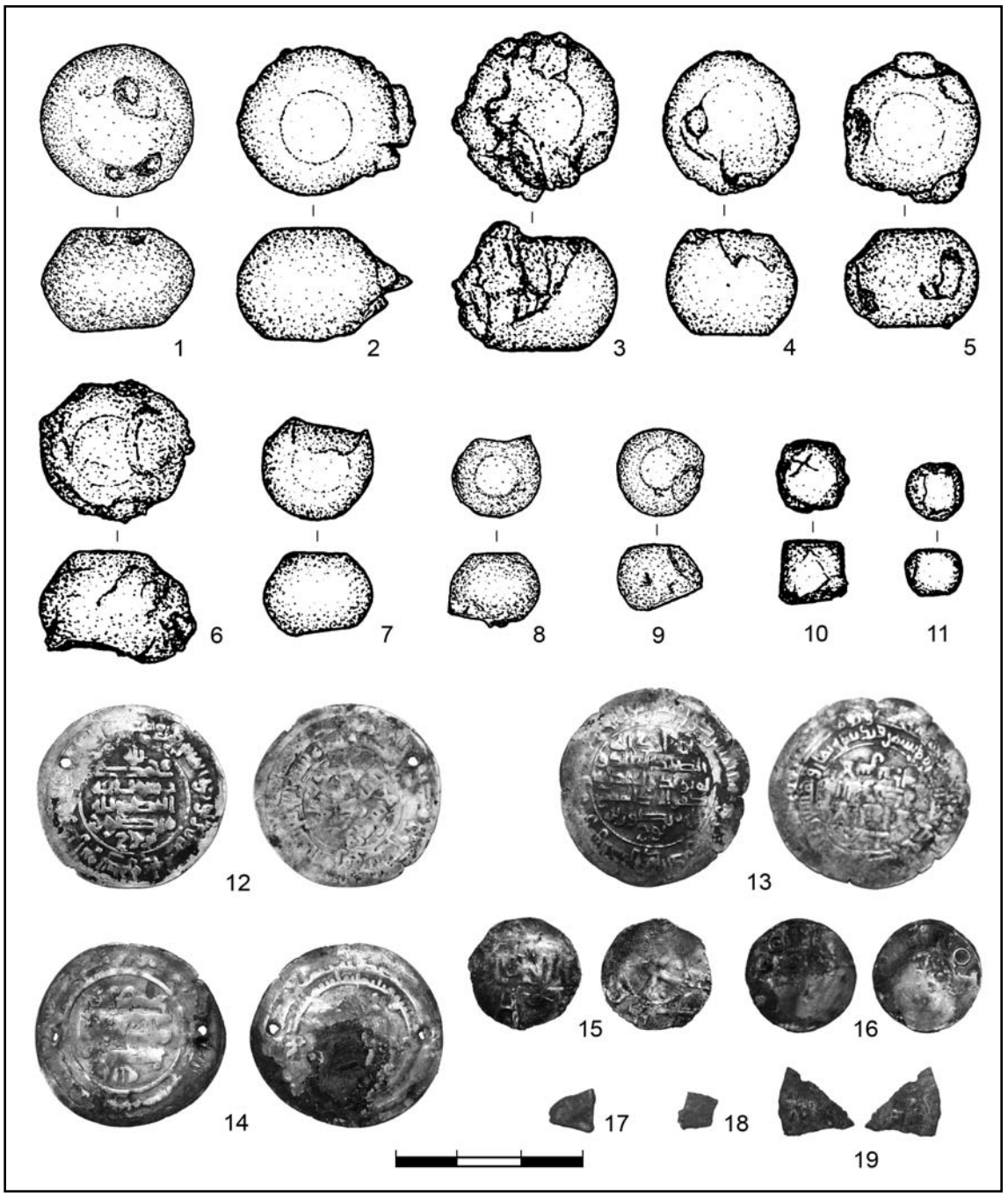

Рис. 7. Курганный могильник Погоща. Курган 5, погребение 1 (1—18) и погребение 2 (19). Погребальный инвентарь: 1—9 — биметаллические бочонковидные гирьки-разновесы; 10, 11 — четырнадцатигранные свинцовые гирьки-разновесы; 12 — дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух, Самарканд, 359 г.х., 970/971 гг.; 13 — дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух, Самарканд, 358 г.х., 968/969 гг.; 14 — дирхам, Саманиды, Наср ибн Ахмад, 31(7 или 9) г.х., 929/930 или 931/932 гг.; 15 — денарий, Оттон III (983—1002 гг.), Священная Римская империя, Кёльн; 16 — денарий, Оттон III (983—1002 гг.), Священная Римская империя, Дортмунд; 17, 18 — мелкие обрезки монет; 19 — мелкий неопределимый фрагмент дирхама X в. (рис. и фото Н.А. Плавинского).

Fig. 7. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5, burial 1 (1—18) and burial 2 (19). Grave goods: 1—9 — bimetallic barrel-shaped weights; 10, 11 — fourteen-sided lead weights; 12 — dirham, the Samanids, Abu Salih Mansur ibn Nuh I, Samarkand mint, 359 AH, 970/971 AD; 13 — dirham, the Samanids, Abu Salih Mansur ibn Nuh I, Samarkand mint, 358 AH, 968/969 AD; 14 — dirham, the Samanids, Nasr ibn Ahmad, place of mint is patinated, 31(7 or 9) AH, 929/930 or 931/932 AD; 15 — denarius, Otto III (983—1002 AD), Holy Roman Empire, Cologne mint; 16 — denarius, Otto III (983—1002 AD), Holy Roman Empire, Dortmund mint; 17, 18 — small cuttings of coins; 19 — small indefinable fragment of a dirham of the 10th century (drawings and photo by M.A. Plavinski).

Таблица 1.

Курганный могильник Погоща. Курган 5, погребение 1. Гирьки-разновесы

№	Форма гирьки	Материал	Размер (в см)	Вес (в г)	Рис.
1	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 2,38, высота — 1,6	37,46	7: 1
2	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 2,3, высота — 1,84	37,5	7: 2
3	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 2,2, высота — 1,86	36,7	7: 3
4	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 2,12—2,14, высота — 1,66	28,53	7: 4
5	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 2,12, высота — 1,6	28,15	7: 5
6	Бочонковидная	железо, медь	Ø — ≈2, высота — не менее 1,5	22,3	7: 6
7	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 1,75, высота — 1,33	12,48	7: 7
8	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 1,37, высота — 1,08	7,59	7: 8
9	Бочонковидная	железо, медь	Ø — 1,36, высота — 1,08	7,26	7: 9
10	Четырнадцатигранная	свинец	ширина — 0,97, высота — ≈1	4,5	7: 10
11	Четырнадцатигранная	свинец	ширина — 0,81, высота — 0,75	3,7	7: 11

(место чеканки покрыто патиной) (рис. 7: 14); 2) денарий, Оттон III (983—1002 гг.), Священная Римская империя, Дортмунд (рис. 7: 16); два совсем мелких обрезка монет размером 0,75×0,7 см и 0,6×0,6 см (рис. 7: 17, 18). Сильно коррозированный цилиндрический замок с продольной ключевой щелью типа А по Б. А. Колчину (рис. 8: 1), датировка которого определяется в рамках IX/X — середины XIII в. (Колчин 1982: 160), а также очень сильно коррозированный ключ с округлой лопастью (рис. 8: 2), относящийся к замку типа А и, соответственно, датирующийся тем же временем. Четырнадцатигранная сердоликовая бусина (рис. 8: 4) может датироваться IX — началом XII в. (Полубояринова 1994: 75—77; Фехнер 1959: 152). Фрагмент деформированной деревянной уплощенной в сечении палочки с тремя сделанными ножом насечками (рис. 8: 8), длиной 3,6 см, очевидно, является фрагментом счётной бирки. В Северной Европе счётные бирки появляются в VIII в. На Руси древнейшие счётные бирки найдены в Старой Ладоге и на Рюриковом городище в слоях первой половины X в. Выявленный в погребении фрагмент может быть отнесён к числу иррегулярных счётных бирок (тип А, вид II) по типологии Р. К. Ковалёва, разработанной на основании новгородских материалов (Ковалёв 2002: 40; Колосницын 2014: 266—273; Тихомирова 2010: 46—51). Там же найден фрагмент круглого в сечении браслета из прозрачного стекла синего цвета (рис. 8: 7). Следует отметить, что в культурном пласте Полоцка стеклянные браслеты появляются в середине XII в., а начинают распространяться только на рубеже XII—XIII вв. или в начале XIII в. (Штыхов 1975: 54; Щапова 1965: 226—227, 234; 1969: 104). Очевидно, что рассматриваемая находка попала в погребальный комплекс намного раньше времени распространения стеклянных браслетов в крупнейшем городском центре Белорусского Подвинья. Бронзовый предмет неизвестного назначения (рис. 8: 3), возможно, являлся ушком какого-то составного изделия. Многогранная головка бронзовой спиралеконечной фибулы (рис. 8: 6) была специально отрублена от дужки. Фибулы с многогранными головками широко известны в древностях Юго-Восточной Прибалтики (Радиньш 2001: рис. 12: 1, 4, 7, 10, 12). На Руси они обычно датируются второй половиной X — началом XI в. (Авдусина, Ениосова 2001: 98; Мальм 1967: 161; Седова 1981: 86). Отрубленный круглый конец булавки с крестообразным навершием (рис. 8: 5) имеет широкие аналогии: такие булавки были распространены у балтских народов, а после были позаимствованы прибалтийскими финнами и использовались на протяжении длительного времени — в последних столетиях I — первых столетиях II тыс. н. э. (Хвощинская 2004: 70; Blujienė 1999: 148—157; The Semigallans...: 53—54, 56, 61, 98, 192; The Curonians... 2009: 109; Zariņa 2006: 132: 5, 6, 19, 22 att.). Отдельные находки подобных булавок известны в Новгороде (Лесман 1990: 73; Покровская 1999: 58; Седова 1981: 73). На территории Беларуси булавки с крестообразными навершиями найдены в Прудниках (Шадыра 2006: 69, табл. 20: 1), Полоцке (Тарасаў 1998: мал. 56: 6) и Витебске (Бубенько 2004: 78, рис. 78: 13). Ещё одна находка происходит из Усвята (Еремеев 2015: рис. 435: 1). Рядом лежали два обрубка бронзовых литых изделий (рис. 8: 10, 11) и маленький плоский дисковидный камушек диаметром 1,3 см (рис. 8: 9).

Головка фибулы, конец булавки, два мелких фрагмента бронзовых изделий и диско-

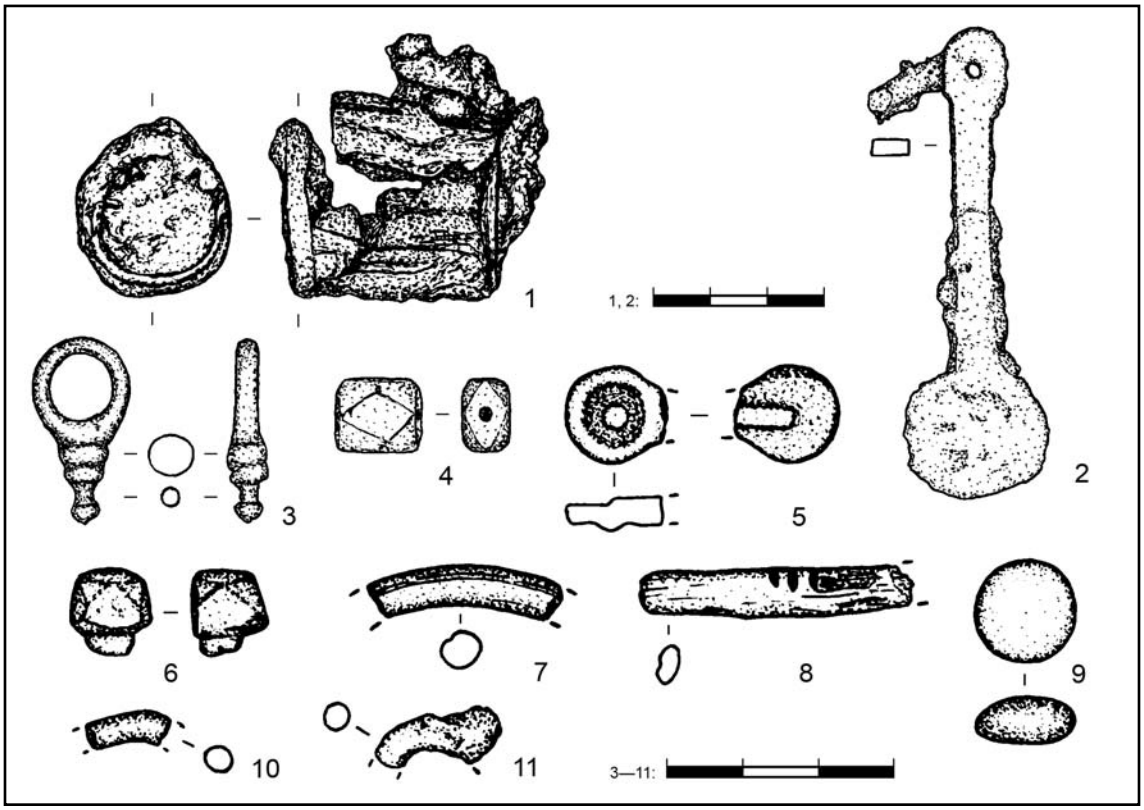

Рис. 8. Курганный могильник Погоща. Курган 5, погребение 1. Погребальный инвентарь: 1 — замок; 2 — ключ; 3 — бронзовое ушко от составного изделия (?); 4 — сердоликовая бусина; 5 — конец булавки с крестообразной головкой; 6 — головка подковообразной фибулы; 7 — фрагмент стеклянного браслета; 8 — фрагмент деревянной счётной бирки; 9 — дисковидный камушек; 10, 11 — фрагменты бронзовых украшений (рис. Н.А. Плавинского).

Fig. 8. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5, burial 1. Grave goods: 1 — lock; 2 — key; 3 — bronze lug from a composite tool (?); 4 — cornelian bead; 5 — end of a pin with cruciform head; 6 — head of a horseshoe fibula; 7 — glass bracelet fragment; 8 — wooden tally-stick; 9 — disk-shaped small stone; 10, 11 — cut-off pieces of bronze ornaments (drawn by M.A. Plavinski).

видный камушек могли использоваться в качестве разновесов для мелких взвешиваний на рычажных весах. Так, следует отметить, что в наборах разновесов, найденных в погребениях ливов в Подвинье, также встречаются фрагменты бронзовых предметов и небольшие камушки (Берга 2011: 168; Zariņa 2006: 172: 2 att.). Каменный шарик входил и в комплект разновесов, найденный в кургане 81 Березовецкого курганного могильника Тверской области (Успенская 1993: 109—110, рис. 17). Вместе с тем, не следует исключать и того, что фрагменты бронзовых изделий могли быть просто металлическим ломом, который собирался с целью дальнейшей переплавки.

На основании выявленного инвентаря погребение 1 может быть датировано достаточно узко. Наличие денариев Оттона III (983—1002 гг.) позволяет определить нижнюю хронологическую границу погребения временем не ранее конца X — начала XI в. Кстати, именно рубежом X—XI вв. датируется, по сведениям Т. Берги, время распространения западноевропейских денариев в Нижнем Подвинье (Берга 1988: 68). Нижняя граница подтверждается и археологическими материалами, в первую очередь, наличием шиферного пряслица. Верхняя граница может быть очерчена на основании наличия многогранной головки фибулы и лепного горшка «с плечиком», типичного для КСПДК, временем не позднее начала/первой половины XI в. (Плавінскі и др. 2014: 31).

Набор монет и торгового инвентаря, выявленный в погребении 1 кургана 5 могильника Погоща, является самым богатым из тех, что были найдены на территории Полоцкой земли. Так, находки торгового инвентаря (рис. 9), кроме Погощи, происходят из кургана 4 могильника Довбор Браславского района (4 биметаллические бочонковидные гирьки (Енуков 1990: 73, рис. 18: 13, 14; Покров-

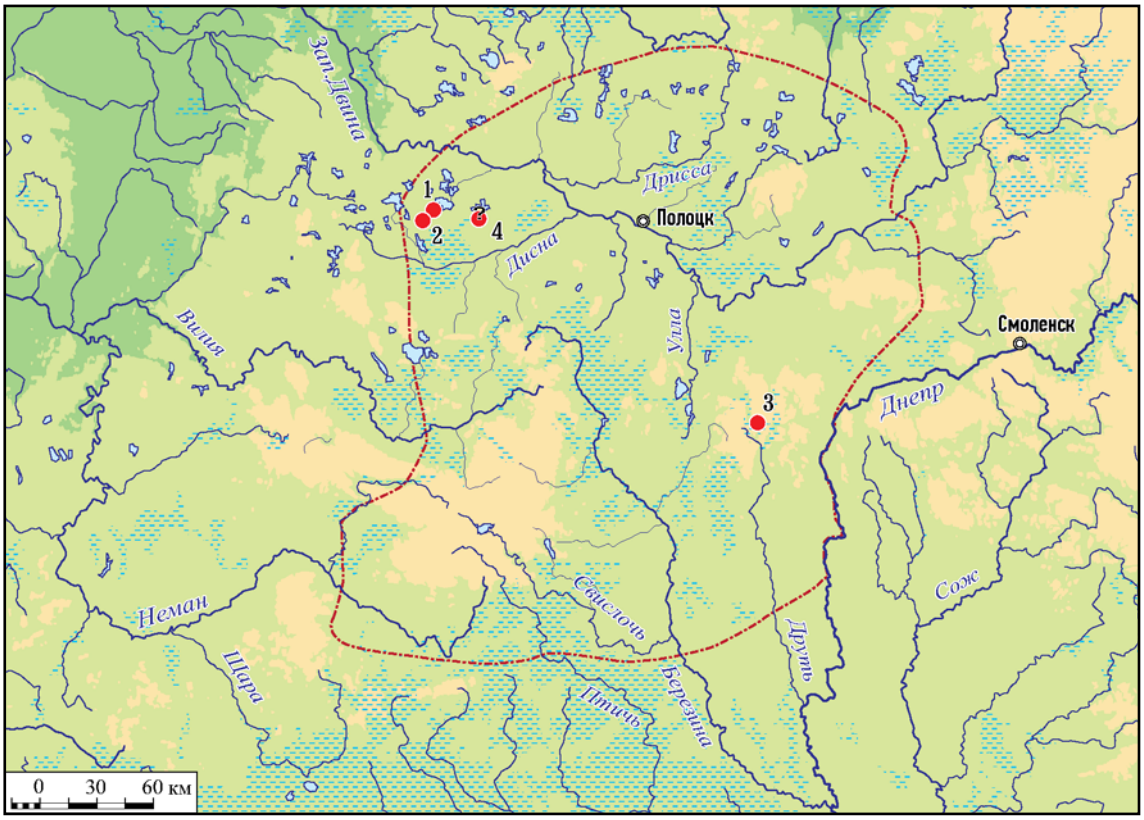

Рис. 9. Находки торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли: 1 — Погоща; 2 — Довбор; 3 — Дроздово; 4 — Кузьмовщина (карта Н.А. Плавинского).

Fig. 9. Finds of trade inventory in barrows on the territory of Polatsk land: 1 — Pahoshcha; 2 — Daubor; 3 — Drozdava; 4 — Kuz'maushchyna (map by M.A. Plavinski).

ский 1895: 204—205)), кургана 3 могильника Дроздово Толочинского района (две чашечки весов и шесть биметаллических бочонковидных гирек (Бектинеев 2014: 48; Левко 2011: 166, рис. 2)) и могильника Кузьмовщина Браславского района (весы (Дучыц 1991: 7)). При этом обстоятельства раскопок в Кузьмовщине неизвестны, и какие-либо изображения или описания находок отсутствуют, что заставляет относиться к этой информации с максимальной осторожностью (Плавинский 2012: 11; 2016: 5).

Находки монет на территории Полоцкой земли, кроме Погощи, выявлены в 20 курганах в 16 могильниках (рис. 10). Кроме того, в карьере на месте могильника Козловцы Миорского района были найдены 3 медные подвески-подражания дирхамам (Рябцевич 2001: 212—213). Могильник Козловцы традиционно интерпретируется в литературе как грунтовый (Семянчук 1993). Однако внимательное изучение отчетной документации (Дучиц, Семенчук 1989: 5—9, рис. 5—16) позволяет полагать, что это был курганный некрополь (Плавинский 2016: 4—5).

К северу от погребения 1, примерно в 0,7—1 м, находилось женское ***погребение 2*** (рис. 4). Оно сохранилось несколько лучше, чем погребение 1 — были найдены фрагменты черепа, частично сохранились кости рук, которые, вероятно, были уложены вдоль тела, и кости ног. Очертания погребения прослеживались по следам тлена — гумусированности песка. Длина скелета — примерно 1,65 м. Погребенная лежала головой на восток в какой-то конструкции из бересты, остатки которой были обнаружены в районе левого предплечья и в районе груди. При погребении 2 были обнаружены следующие находки. В районе шеи и груди находились три грушевидных крестопрорезных бубенчика с орнаментированными створками (рис. 11: 3—5), изготовленные из металла серого цвета (вероятно, свинцово-оловянистый сплав). Бубенчики, очевидно, использовались в качестве пуговиц, которые застёгивали воротник или разрез одежды на груди Датировка грушевидных крестопрорезных бубенчиков определяется концом X — началом XII в. (Мальм, Фехнер 1967: 136; Лесман 1984: 136). На груди лежа-

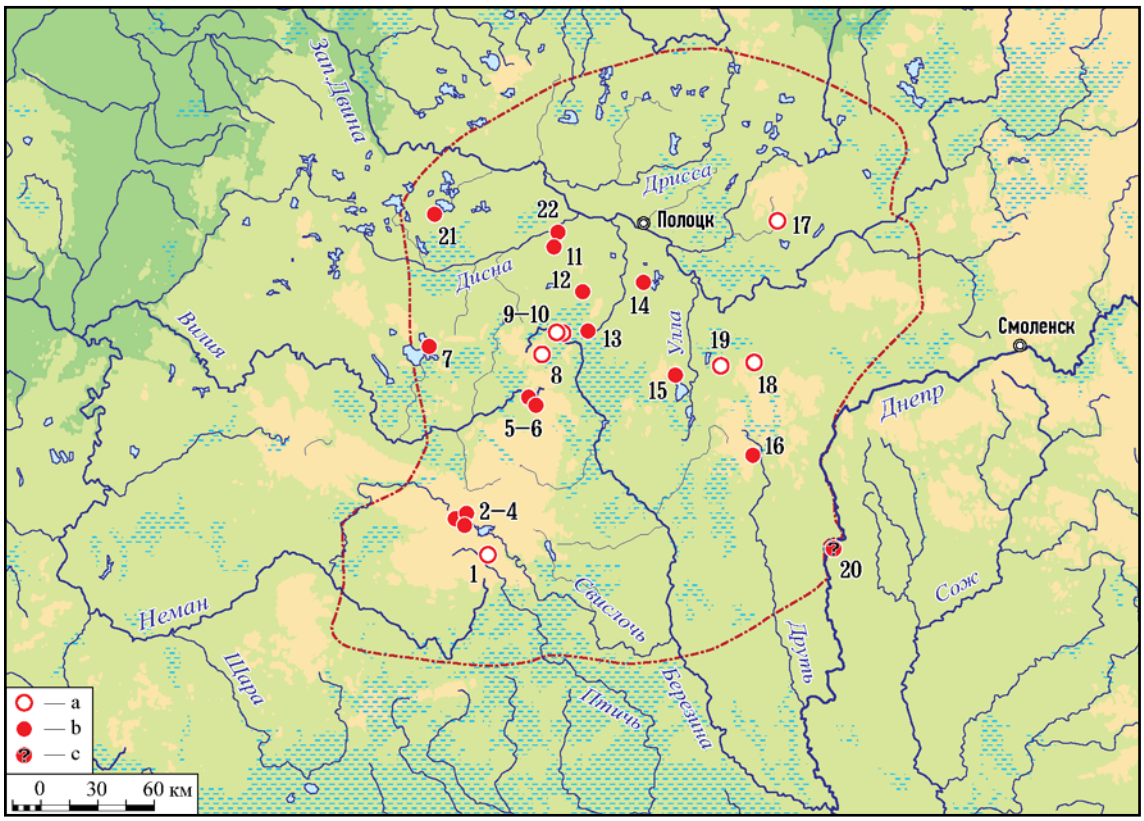

Рис. 10. Находки монет в курганах на территории Полоцкой земли: 1 — Озерцо; 2—4 — Заславль; 5, 6 — Избище; 7 — Новосёлки; 8 — Витуничи; 9, 10 — Поречье (Бирули); 11 — Черневичи; 12 — Шо; 13 — Путилковичи; 14 — Словены; 15 — Слободка III; 16 — Багриново; 17 — Городок; 18 — Богдановское озеро; 19 — Вядец; 20 — Могилёв; 21 — Погоща; 22 — Козловцы. Условные обозначения: a — курган с погребением по обряду кремации; b — курган с погребением по обряду ингумации; c — обряд погребения в кургане неизвестен (карта Н.А. Плавинского).

Fig. 10. Finds of coins in barrows on the territory of Polatsk land: 1 — Aziartso; 2—4 — Zaslawye; 5, 6 — Izbishcha; 7 — Navasiolki; 8 — Vitunichy; 9, 10 — Parechcha (Biruli); 11 — Charnevichy; 12 — Sho; 13 — Putsilkavichy; 14 — Slaveny; 15 — Slabodka III; 16 — Bahrynava; 17 — Haradok; 18 — Bahdanauskaye; 19 — Viadzets; 20 — Mahilyow; 21 — Pahoshcha; 22 — Kazloutsy. Legend: a — barrow with cremation burial; b — barrow with inhumation burial; c — burial rite is unknown (map by M.A. Plavinski).

ла бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула с трёхгранной в сечении дужкой (рис. 11: 10). Под ней сохранились фрагменты ткани, судя по которым, фибула застёгивала какой-то конструктивный разрез одежды. На предплечье правой руки обнаружен бронзовый браслет, изготовленный из двух перекрученных проволок (рис. 11: 8). Концы проволок расклёпаны и аккуратно завязаны. Широкая датировка браслетов этого типа на Руси определяется в рамках X—XI вв. (Левашева 1967: 219). На запястье левой руки находился бронзовый литой круглодротовый браслет с незамкнутыми суженными концами (рис. 11: 7). На концах браслета прослеживается орнамент из параллельных нарезок. Подобные нарезки есть и в центральной части браслета, однако, из-за плохой сохранности, определить характер орнаментации не представляется возможным. Аналогичные браслеты использовались на Руси с конца I тыс. н. э. до XIV в. (Левашева 1967: 214; Лесман 1984: 135; Седова 1981: 84). Рядом с браслетом, в районе пояса погребенной, найдено несколько сильно коррозированных фрагментов железных изделий, в том числе фрагменты лезвия и черенка типологически не определимого ножа, и бронзовое колечко (рис. 11: 9, 11). Под левой голенью находилась миниатюрная литая трапециевидная орнаментированная подвеска из свинцово-оловянистого сплава (рис. 11: 6). Следует отметить, что подобные подвески в северной части лесной зоны Восточной Европы (в Подвинье, Поволховье, Причудье) обычно датируются VIII—IX или началом X в. (Еремеев, Дзюба 2010: 457—459, рис. 356: 2; 357: 1—3; Щеглова 2002: 134—138, 145—147). Находка из погребения 2 свидетельствует, что

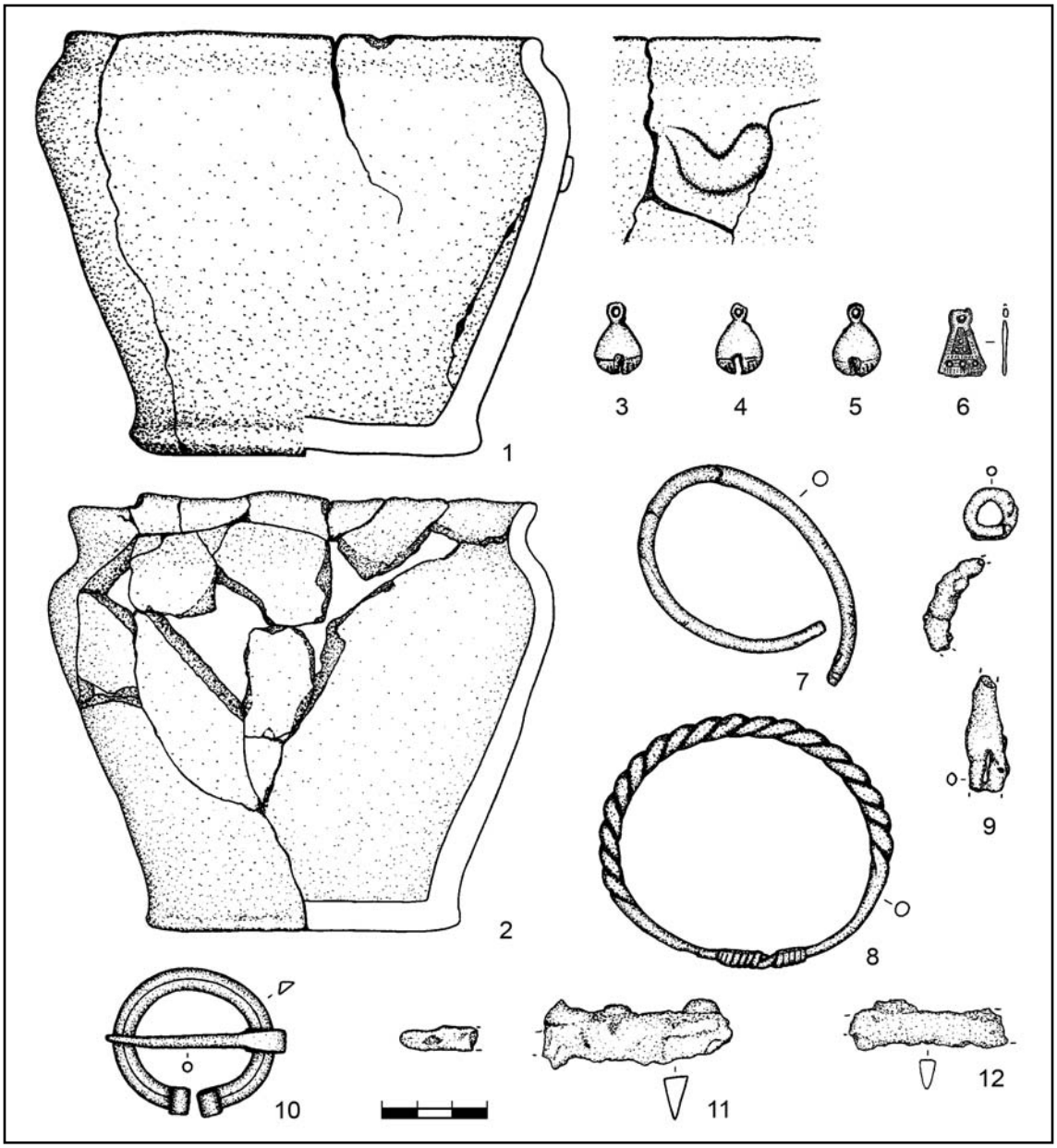

Рис. 11. Курганный могильник Погоща. Курган 5, погребение 2. Погребальный инвентарь: 1, 2 — лепные горшки; 3—5 — грушевидные бубенчики; 6 — трапециевидная подвеска из свинцово-оловянистого сплава; 7, 8 — бронзовые браслеты; 9 — остатки железного предмета неизвестного назначения с бронзовым кольцом; 10 — бронзовая подковообразная фибула; 11, 12 — фрагменты ножей (рис. Н.А. Плавинского).

Fig. 11. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5, burial 1. Grave goods: 1, 2 — hand-made pots; 3—5 — pearshaped bells; 6 — trapezoid pendant of lead-tin alloy; 7, 8 — bronze bracelets; 9 — remnants of the iron item of unknown function with a bronze ring; 10 — bronze horseshoe fibula; 11, 12 — fragments of knives (drawing by M.A. Plavinski).

миниатюрные трапециевидные подвески из свинцово-оловянистого сплава могли использоваться и позднее, по крайней мере, до рубежа X—XI вв. В ногах погребенной выявлен развал лепного горшка из теста с примесью некалиброванной дресвы (рис. 11: 1). Горшок принадлежит к керамике с «плечиком», типичной для КСПДК. На тулове, чуть ниже плечика, имеется горизонтально размещенный луновидный налеп. Под развалом находился фрагмент лезвия ножа (рис. 11: 12), тип которого определить не представляется возможным из-за небольшого размера фрагмента. На расстоянии 0,45 м к северо-западу от правой ступни найден еще один развал лепного горшка с «плечиком» (рис. 11: 2), изготовленного из теста с примесью некалиброванной дресвы. Над скелетом, в районе ног,

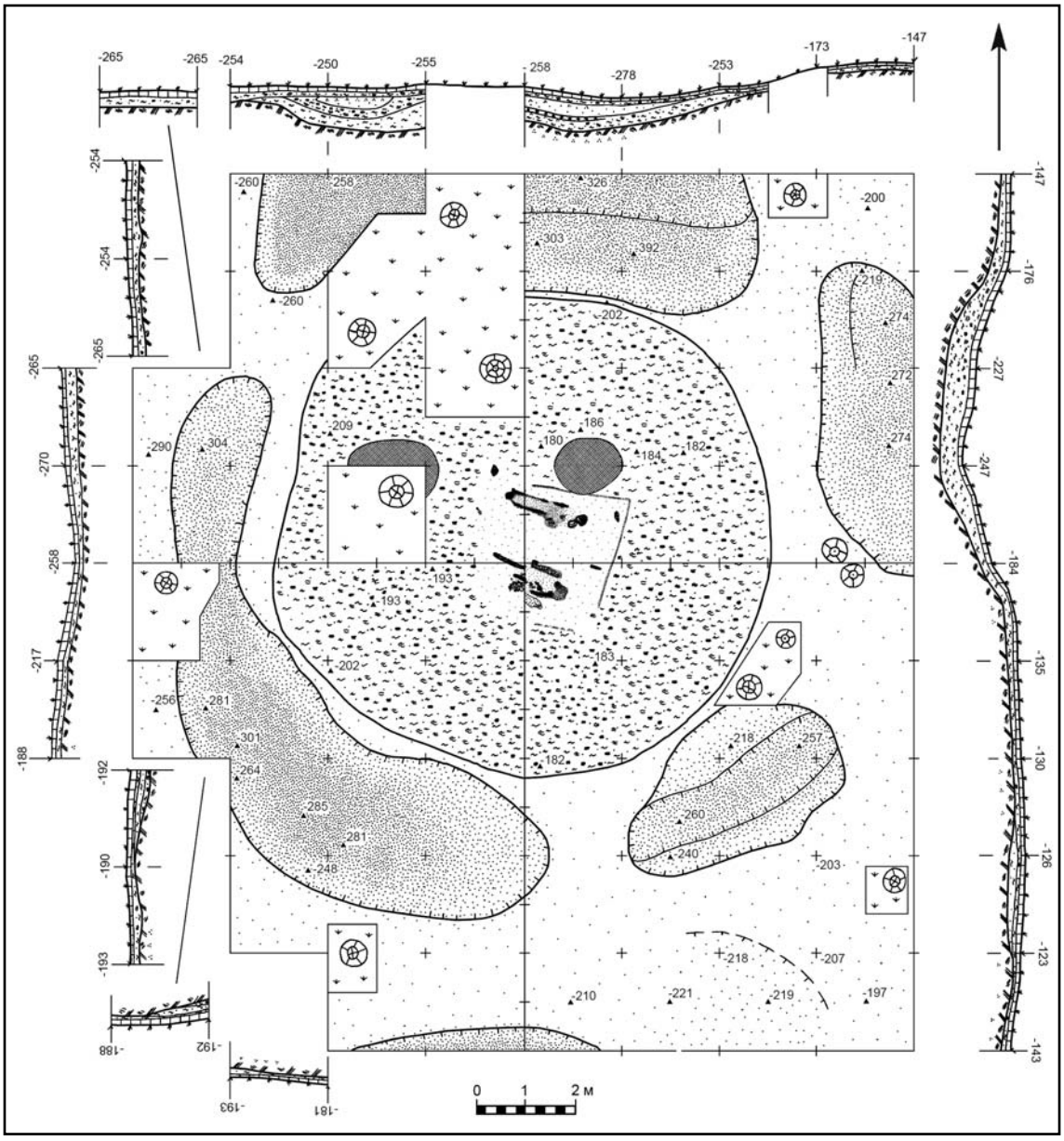

Рис. 12. Курганный могильник Погоща. Курган 5. План материковой поверхности и профили Раскопа XII (рис. Н.А. Плавинского).

Fig. 12. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5. Plan of basic earth level and sections of dig XII (drawing by M.A. Plavinski).

выявлен мелкий неопределимый фрагмент куфического дирхама X в. (рис. 7: 19), который, вероятно, был положен в погребение в качестве замогильного дара.

На основании имеющихся находок погребение 2 может быть датировано концом X — началом или первой половиной XI в. Учитывая очевидную одновременность обоих погребений, время возведения кургана 5 может быть определено рубежом X—XI в. — началом или первыми десятилетиями XI в.

В процессе раскопок было выявлено, что основание насыпи кургана 5 имело округлую форму размером 10×12 м, слегка вытянутую по линии запад — восток (рис. 12). Его окружали четыре ровика, размещенные с севера, северо-востока, юго-востока, запада — юго-запада.

Ритуальные действия, осуществлённые в процессе возведения кургана 5, могут быть реконструированы следующим образом: первоначально на выбранной площадке был разведен погребальный костёр округлых очертаний. После остывания на нём были размещены два погребения в берестяных гробах, которые находились в какой-то деревянной конструк-

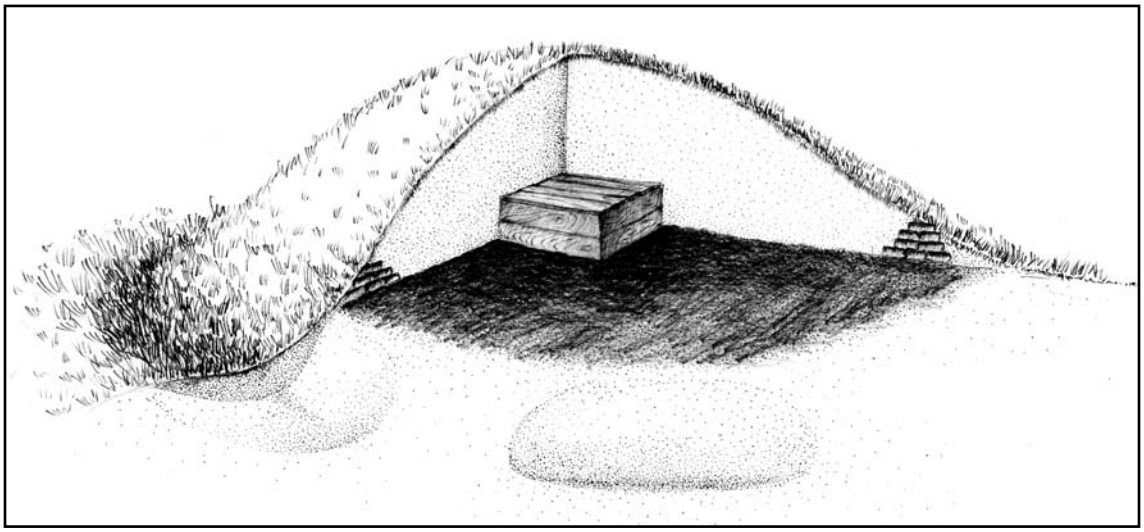

Рис. 13. Курганный могильник Погоща. Курган 5. Реконструкция курганной насыпи (реконструкция Н.А. Плавинского, рис. М.И. Степановой).

Fig. 13. Pahoshcha barrow cemetery. Barrow 5. Reconstruction of mound (reconstruction by M.A. Plavinski, drawing by M.I. Stsiapanava).

ции, вероятно, сделанной из досок. По краю основания будущего кургана была сделана кольцевая обкладка из кусков дёрна, которая должна была исполнять функцию укрепления склонов насыпи (рис. 13). После этого была возведена насыпь, грунт для которой брался из размещенных вокруг ровиков.

Выводы

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют узко датировать курган 5 могильника Погоща рубежом X—XI в. — началом или первыми десятилетиями XI в. Основное мужское погребение 1 является исключительно богатым по ассортименту инвентаря не только для северо-запада Полоцкой земли, но и вообще для территории Северной и Центральной Беларуси. Наличие полного набора торговых принадлежностей, замка, двух ключей, копья и топора, таких диковинных для западных и северо-западных регионов Белорусского Подвинья рубежа X—XI вв. предметов, как шиферное пряслице и фрагмент стеклянного браслета, и даже присутствие в составе инвентаря фрагмента деревянной счетной бирки, позволяет рассматривать его как элитарное. В свою очередь, женское погребение 2 выглядит как сопроводительное. Вероятно, в определенном смысле, погребенная женщина может рассматриваться как часть инвентаря основного мужского погребения.

Как уже отмечалось, погребения взрослых мужчин с оружием в курганном могильнике Погоща находились либо в больших подкурганных ямах (курганы 1, 10, 12, 14), перекрытых деревянными настилами, либо в больших деревянных конструкциях на основании — курганы 5 и 6. Очевидно, что эти конструкции являются важнейшим элементом погребального обряда, отражающим определенные представления о их статусном характере, существовавшие в коллективе, оставившем некрополь в Погоще. Представляется, что аналогии большим подкурганным ямам, перекрытым деревянными настилами, и большим по площади наземным деревянным погребальным конструкциям следует искать в камерном погребальном обряде. Естественно, речь не идет об отнесении кургана 5 (равно как и других упомянутых курганов могильника Погоща) к числу классических древнерусских камерных погребений X в. (о критериях их выделения см.: Михайлов 2001; 2015: 200). Более обоснованным представляется поиск аналогий погребальной конструкции кургана 5 в Погоще среди так называемых «квазикамер», которые встречаются в некрополях периферийных регионов Руси с XI в. К сожалению, на данный момент не существует четкой системы критериев выделения квазикамер, определения их хронологических или региональных особенностей, да и сама идея генетической связи обряда погребения в камерах и квазикамерах остается дискуссионной (Лесман 2014: 79—80; Михайлов 2015: 205—209; Соболев 1997; 2015: 360). В случае с курганом 5 могильника Погоща (равно как и в слу-

чае с курганами 1, 6, 10, 12 и 14 этого некрополя) можно следующим образом определить связь выявленных погребальных конструкций с камерным обрядом погребения. Можно полагать, что представители коллектива, которые возвели курган 5, как и иные курганы со статусными мужскими погребениями в Погоще, имели определенное представление о камерном погребальном обряде или о неких квазикамерных погребальных традициях, отчетливо понимали престижность такого погребального обряда и стремились его воспроизвести в меру своих представлений и возможностей.

Литература

Авдусина С. А., Ениосова Н. В. 2001. Подковообразные фибулы Гнёздова. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника*. Труды ГИМ 124, 93—101.

Бектинеев Ш. И. 2014. *Денежное обращение на территории Беларуси в IX—XVI веках: нумизматические исследования*. Минск: Беларуская навука.

Берга Т. М. 1988. *Монеты в археологических памятниках Латвии IX—XIII вв.* Рига: Зинатне.

Берга Т. М. 2011. Находки разновесов на городищах и поселениях Латвии. *АИППЗ* 56, 166—171.

Бубенько Т. С. 2004. *Средневековый Витебск. Посад — Нижний замок (X — первая половина XIV в.)*. Витебск: ВГУ.

Гоняный М. И. 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье. В: Недошивина Н. Г. (отв. ред.). *Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер*. Труды ГИМ 111, 128—146.

Дучиц Л. В., Семенчук Г. Н. 1989. *Отчет о полевых археологических исследованиях в 1988 г. в Глубокском и Миорском районах Витебской области*. Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларусi. Дело №1059.

Дучыц Л. У. 1991. *Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. Гісторыка-археалагічны нарыс*. Мінск: Навука і тэхніка.

Енуков В. В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным)*. Москва: Курский государственный педагогический институт.

Еремеев И. И. 2015. *Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. 2010. *Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие* 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.

Ковалев Р. К. 2002. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения. *РА* (1), 38—50.

Колосницын П. П. 2014. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации. *АИППЗ* 59, 266—273.

Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей. В: Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). *Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука, 156—177.

Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Левашева В. П. 1967. Браслеты. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 43, 207—252.

Левко О. Н. 2011. Курганные древности X—XI вв. в окрестностях Друцка и друцких волоков. *Acta Archaeologica Albaruthenica* VII, 159—178.

Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). В: Лебедев Г. С. (ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 118—153.

Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). В: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгорода. 1988*. Москва, 29—98.

Лесман Ю. М. 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры. *Stratum plus* (5), 43—87.

Мальм В. А. 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 43, 149—190.

Мальм В. А., Фехнер М. В. 1967. Привески-бубенчики. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 43, 133—148.

Михайлов К. А. 2001. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово. В: Мурашёва В. В. (ред.). *Гнёздово. 125 лет исследования памятника*. Труды ГИМ 124, 159—175.

Михайлов К. А. 2015. Погребальные камеры или псевдокамеры на южном побережье Балтийского моря. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 5, 200—211.

Михайлова Е. Р. 2015. Литые пластинчатые браслеты с продольным ребром: распространение и хронология на северо-западе Восточной Европы. *АИППЗ* 60, 259—269.

Плавінскі и др. 2014: Плавінскі М. А., Дучыц Л. У., Плавінскі А. М., Шадыра В. І. 2014. *Курганныя могільнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (матэрыялы раскопак 1978—2010 гадоў)*. Мінск: Галіяфы.

Плавинский Н. А. 2012. Находки весов и гирек-разновесов на территории Полоцкой земли (конец IX—XI в.). *Банкаўскі веснік* 552 (7), 9—13.

Плавинский Н. А. 2013. К вопросу о погребальной обрядности населения междуречья Западной Двины и Вилии в третьей четверти I тыс. н. э. *Stratum plus* (5), 63—72.

Плавинский Н. А. 2015. Население культуры смоленско-полоцких длинных курганов в Браславском Поозерье. *АИППЗ* 60, 270—285.

Плавинский Н. А. 2016. Находки монет и торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли. *Банкаўскі веснік* 632 (3), 3—7.

Покровская Л. В. 1999. Ювелирные украшения Новгоро-

да X—XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов). В: Гиппиус А.А. и др. (ред.). *Великий Новгород в истории средневековой Европы.* К 70-летию В.Л. Янина. Москва: Русские словари, 51—64.

Покровский Ф.В. 1895. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. *Труды IX Археологического съезда в Вильне в 1893.* I. Москва, 166—220.

Полубояринова М.Д. 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде. В: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. (ред.). *Новгородские археологические чтения.* Новгород: НГОМЗ, 75—82.

Пушкина Т.А. 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья. В: Авдусин Д.А. (ред.). *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города).* Москва: МГУ, 226—243.

Пушкина Т.А. 2010. Клад «ювелира» периода викингов с территории Верхнего Поднепровья. *Archeoloģija un etnogrāfija* XXIV, 147—153.

Радиньш А. 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10—13 веков. *Archaeologia Lituana* 2, 65—118.

Рябцевич В.Н. 2001. Находки брактеатов, имитирующих куфические дирхамы, на территории Беларуси. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі* 3, 211—214.

Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).* Москва: Наука.

Семянчук Г.М. 1993. Новая катэгорыя археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (грунтовыя могільнікі X—XIII стст.). *Гістарычна-археалагічны зборнік* 2, 124—139.

Сергеева З.М. 1993. О распространении находок из волынского шифера в памятниках X—XIII вв. Беларуси. В: Вяргей С., Штыхаў Г. (укл.). *Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў.* Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 121—123.

Соболев В.Ю. 1997. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли. В: Белецкий С.В. (ред.). *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии* II. Санкт-Петербург; Псков: Невельская типография, 272—277.

Соболев В.Ю. 2015. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования. *Археологические вести* 21, 354—367.

Тарасаў С.В. 1998. *Полацк IX—XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія.* Мінск: Беларуская навука.

Тихомирова А.А. 2010. Деревянные бирки на поселениях Верхнего Поволховья X—XV вв. В: Мусин А.Е., Хвощинская Н.В. (ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 46—52.

Успенская А.В. 1993. Березовецкий курганный могильник. В: Недошивина Н.Г. (отв. ред.). *Средневековые древности Восточной Европы.* Труды ГИМ 82, 75—35.

Фехнер М.В. 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. В: Рыбаков Б.А. (ред.). *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 33, 149—224.

Хвощинская Н.В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье).* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Шадыра В.І. 2006. *Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.).* Мінск: Інстытут гісторіі НАН Беларусі.

Штыхов Г.В. 1975. *Древний Полоцк (IX—XIII вв.).* Минск: Наука и техника.

Щапова Ю.Л. 1965. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. *МИА* 55, 164—179.

Щапова Ю.Л. 1969. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. *СА* (1), 225—235.

Щеглова О.А. 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII—X вв. на Северо-Западе Восточной Европы. В: Белецкий С.В. и др. (ред). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 134—150.

Berga T. 2009. Daugavas lībiešu tirdzniecības inventārs. Atsvariņu komplekti no kapulaukiem. *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls* 3, 28—48.

Blujienė A. 1999. *Vikingų epochos kuršių pappuošalų ornamentika.* Vilnius: Lietuvos Istorijos Inst.

The Curonians... 2009: Griciuviene E. (ed.). 2009. *The Curonians: Tribe Culture According to the Burial Data. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue = Kuršiai: genties kultūra laidosenos duomenimis. Baltų archeologijos paroda. Katalogas*. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus.

The Semigallians... 2005: Griciuviene E. (ed.). 2005. *The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue = Žiemgaliai. Baltų archeologijos paroda. Katalogas.* Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus.

Vaškevičiūtė I. 2001. Svarstyklės ir svarstyklių dėžutės pietinėje žiemgaloje. *Lietuvos archeologija* 21, 275—282.

Zariņa A. 2006. *Salaspils laukskolas kapulauks 10.—13. gadsimts.* Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds.

References

Avdusina, S.A., Eniosova, N.V. 2001. In Murasheva, V.V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniia pamiatnika (Archaeological Collected Papers on Gnezdovo: 125 Years of Site Studies).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 124, 93—101 (in Russian).

Bektineev, Sh.I. 2014. *Denezhnoe obrashchenie na territorii Belarusi v IX—XVI vekakh: numizmaticheskie issledovaniia (Coin Circulation on the Territory of Belarus in 9th—16th Centuries: Numismatic Studies).* Minsk: "Belaruskaia navuka" Publ. (in Russian).

Berga, T.M. 1988. *Monety v arkheologicheskikh pamiatnikakh Latvii IX—XIII vv. (Coins on Archaeological Sites in Latvia of 9th—13th Centuries).* Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

Berga, T.M. 2011. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land) 56*, 166—171 (in Russian).

Bubenko, T.S. 2004. *Srednevekovyi Vitebsk. Posad — Nizhnii zamok (X — pervaia polovina XIV v.) (Medieval Vitebsk: Trading Quarters and Lower Castle (10th — First Half of 14th Centuries).* Vitebsk: Vitebsk State University (in Russian).

Gonianyi, M.I. 1999. In Nedoshivina, N.G. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik: Pamiati Marii Vasil'evny Fekhner (Archaeological Collected Papers: In memoriam Maria Fekhner).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 111, 128—146 (in Russian).

Duchits, L.V., Semenchuk, G.N. 1989. *Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniiakh v 1988 g. v Glubokskom i Miorskom raionakh Vitebskoi oblasti (Report on Field Archaeological Studies in 1988 in Glubokoe and Miory Districts, Vitebsk Oblast).* Fund of Archaeological Scientific Documentation, Central Scientific Archive, National Academy of Sciences of Belarus, dossier 1059 (in Russian).

Duchyts, L.U. 1991. *Braslaŭskae Paazer'e ŭ IX—XIII st. (Historyka-arkhealyahichny narys) ((Braslav Poozerye (Lake Area) in 9th—13th Centuries (Historical-Archaeological Sketch)).*

Minsk: “Navuka i tèkhnika” Publ. (in Belorussian).

Enukov, V.V. 1990. *Rannie etapy formirovaniia smolensko-polotskikh krivichei (po arkheologicheskim materialam) (Early Stages in Development of Smolensk-Polotsk Krivichi (by archaeological materials)).* Moscow: Kursk State Pedagogical Institute (in Russian).

Eremeev, I.I. 2015. *Drevnosti Polotskoi zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiiskogo regiona (ocherki srednevekovoi arkheologii i istorii Pskovsko-Belorusskogo Podvin’ia) (Antiquities of the Polotsk Land in Historical Stidying of the Eastern Baltic Region: Essays on the medieval archaeology and history of the Pskov and Belarus part of the Dvina basin).* Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).

Eremeev, I.I., Dziuba, O.F. 2010. *Ocherki istoricheskoi geografii lesnoi chasti Puti iz variag v greki. Arkheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniia mezhdu Zapadnoi Dvinoi i ozerom Il’men’ (Essays on the Historical Geography of the Forest Part of the Route from Varyags to Greeks. Archaeological and Paleogeographical Investigations Between Western Dvina and Il’men’ Lake).* Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 2. Kop’ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th—13th Centuries).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kovalev, R.K. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 38—50 (in Russian).

Kolosnitsyn, P.P. 2014. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land) 59*, 266—273 (in Russian).

Kolchin, B.A. 1982. In Kolchin, B.A., Yanin, V.L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod)).* Moscow: “Nauka” Publ., 156—177 (in Russian).

Korzukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th Centuries).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Levasheva, V.P. 1967. In Rybakov, B.A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 207—252 (in Russian).

Levko, O.N. 2011. In *Acta Archaeologica Albaruthenica* VII, 159—178 (in Russian).

Lesman, Yu.M. 1984. In Lebedev, G.S. (ed.). *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoi zemli (Archaeological Study of the Novgorod Land).* Leningrad: Leningrad State University, 118—153 (in Russian).

Lesman, Yu.M. 1990. In Yanin, V.L., Gaidukov, P.G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on the Archaeology of Novgorod: 1988).* Moscow, 29—98 (in Russian).

Lesman, Yu.M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 43—87 (in Russian).

Malm, V.A. 1967. In Rybakov, B.A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries). Series:* Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 149—190 (in Russian).

Malm, V.A., Fekhner, M.V. 1967. In Rybakov, B.A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries). Series:* Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 133—148 (in Russian).

Mikhailov, K.A. 2001. In Murasheva, V.V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniia pamiatnika (Archaeological Collected Papers on Gnezdovo: 125 Years of Site Studies). Series:* Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 124, 159—175 (in Russian).

Mikhailov, K.A. 2015. In *Ladoga i Ladozhskaia zemlia v epokhu srednevekov’ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 5, 200—211 (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2015. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land) 60*, 259—269 (in Russian).

Plavinski, M.A., Duchyts, L.U., Plavinski, A.M., Shadyra, V.I. 2014. *Kurhannyya mohil’niki zakhadu Braslaŭskaha Paazer’ya (matèryyaly raskopak 1978—2010 hadoŭ) (Barrow Necropolises in the Western Part of the Braslav Lakeland: Results of Excavations of 1978—2010).* Minsk: “Haliyafy” Publ. (in Belorussian).

Plavinski, N.A. 2012. In *Bankaŭski vesnik (Bank Bulletin)* 552 (7), 9—13 (in Russian).

Plavinski, N.A. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 63—72 (in Russian).

Plavinski, N.A. 2015. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land) 60*, 270—285 (in Russian).

Plavinski, N.A. 2016. In *Bankaŭski vesnik (Bank Bulletin)* 632 (3), 3—7 (in Russian).

Pokrovskaia, L.V. 1999. In Gippius, A.A., et al. (eds.). *Velikii Novgorod v istorii srednevekovoi Evropy (Great Novgorod in the History of Medieval Europe).* Moscow: “Russkie slovari” Publ., 51—64 (in Russian).

Pokrovskii, F.V. 1895. In *Trudy IX Arkheologicheskogo s"ezda v Vil’ne v 1893 (Proceedings of the 9th Archaeological Congress in Vilno in 1893)* I. Moscow, 166—220 (in Russian).

Poluboyarinova, M.D. 1994. In Yanin, V.L., Gaidukov, P.G. (eds.). *Novgorodskie arkheologicheskie chteniia (Novgorod Archaeological Readings).* Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 75—82 (in Russian).

Pushkina, T.A. 1991. In Avdusin, D.A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo. K istorii drevnerusskogo goroda (Smolensk and Gnyozdovo: to the History of the Ancient Russian City).* Moscow: Moscow State University, 226—243 (in Russian).

Pushkina, T.A. 2010. In *Archeoloģija un etnogrāfija* XXIV, 147—153 (in Russian).

Radinsh A. 2001. In *Archaeologia Lituana* 2, 65—118 (in Russian).

Ryabtsevich, V.N. 2001. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi (Proceedings on the Archaeology of Belarus)* 3, 211—214 (in Russian).

Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries)).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Semyanchuk, H.M. 1993. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik (Historical-Archaeological Collected Works)* 2, 124—139 (in Belorussian).

Sergeeva, Z.M. 1993. In Vyarhej, S., Shtykhaŭ, H. (eds.). *Chas, pomniki, lyudzi. Pamyatsi rèprèsavanykh arkheolahaŭ (Time, Sites, Men: to the memory of repressed archaeologists).* Minsk: Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, 121—123 (in Russian).

Sobolev, V. Yu. 1997. In Beletsky, S.V. (ed.). *Pamiatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiia. Versii (Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions)* II. Saint Petersburg; Pskov: “Nevel’skaia tipografiia” Publ., 272—277 (in Russian).

Sobolev, V. Yu. 2015. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 21, 354—367 (in Russian).

Tarasaŭ, S.V. 1998. *Polatsk IX—XVII stst.: Historyya i tapahrafiya (Polotsk in 9th—17th Centuries: History and Topography).* Minsk: “Belaruskaya navuka” Publ. (in Belorussian).

Tikhomirova, A.A. 2010. In Musin, A.E., Khvoshchinskaia, N.V. (eds.). *Dialog kul’tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia E.N. Nosova (Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe. Towards E.N. Nosov’s 60th Anniversary).* Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 46—52 (in Russian).

Uspenskaia, A.V. 1993. In Nedoshivina, N.G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities in Eastern Europe).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 82, 75—35 (in Russian).

Fekhner, M.V. 1959. In Rybakov, B.A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries).* Trudy Gosudarst-

vennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 33, 149—224 (in Russian).

Khvoshchinskaya, N.V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhtov'e) (Finns in the West of Novgorod Land (by materials of graveyard Zalakhtovye))*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Shadyra, V.I. 2006. *Belaruskae Padzvinne (I tysyachahoddze n. è.) (Dvina Basin on the Territory of Belarus (I Millennium AD))*. Minsk: Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (in Belorussian).

Shtykhov, G.V. 1975. *Drevnii Polotsk (IX—XIII vv.) (Ancient Polotsk in 9th—13th Centuries)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Shchapova, Yu.L. 1965. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 55, 164—179 (in Russian).

Shchapova, Yu.L. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 225—235 (in Russian).

Shcheglova, O.A. 2002. In Beletskii, S.V., et al. (eds.). *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and its Neighbours in the Middle Age)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 134—150 (in Russian).

Berga, T. 2009. Daugavas lībiešu tirdzniecības inventārs. Atsvariņu komplekti no kapulaukiem. *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls* 3, 28—48.

Blujienė, A. 1999. *Vikingų epochos kuršių pappuošalų ornamentika.* Vilnius: Lietuvos Istorijos Inst.

Griciuviene, E. (ed.). 2009. *The Curonians: Tribe Culture According to the Burial Data. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue = Kuršiai: genties kultūra laidosenos duomenimis. Baltų archeologijos paroda. Katalogas*. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus.

Griciuviene, E. (ed.). 2005. *The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue = Žiemgaliai. Baltų archeologijos paroda. Katalogas.* Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus.

Vaškevičiūtė, I. 2001. Svarstyklės ir svarstyklių dėžutės pietinėje žiemgaloje. *Lietuvos archeologija* 21, 275—282.

Zariņa, A. 2006. *Salaspils laukskolas kapulauks 10.—13. gadsimts.* Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds.

Статья поступила в сборник 31 марта 2017 г.

Mikalai Plavinski (Minsk, Belarus). Candidate of Historical Sciences. International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University [1].

Плавинский Николай Александрович (Минск, Беларусь). Кандидат исторических наук. Международный государственный экологический институт им. А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета.

E-mail: plavinsky_arc@mail.ru

Address: [1] Dalhabrodskaya St., 23/1, Minsk, 220070, Belarus

Р. А. Рабинович

Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.

Keywords: Prut-Dniester interfluve, cultural-historical worlds, Slavs, nomads, Prague culture, Penkovka culture, Luka-Raikovetskaya culture, Balkano-Danube culture, Old Russian culture, cultural groups of Echimăuți-Alcedar, Petruha, Hanska

Ключевые слова: Пруто-Днестровское междуречье, культурно-исторические миры, славяне, кочевники, культуры пражская, пеньковская, лука-райковецкая, балкано-дунайская, древнерусская, культурные группы Екимауцы-Алчедар, Петруха, Ханска

R. A. Rabinovici

The Prut-Dniester Interfluve in the Context of Cultural and Historical Relations of the Surrounding Regions in the Middle of the 5th — Middle of the 11th Centuries

As a result of its unique geographical position, the Carpathian-Dniester region felt a strong impact from the cultural and historical worlds of neighboring regions in the period of 5th—11th centuries. Various peoples penetrated from neighboring regions at different times on the territory of its eastern part — in the Pruto-Dniester interfluve. Among them: Slavs, Turkic-Bulgarian peoples, Alans, Hungarians, representatives of different cultures: Luka-Raikovetskaya, Saltovo-Mayaki and Balkano-Danube. The appearance in the region of the West Slavic population had a particular importance and left antiquities of Echimăuți-Alcedar type. The synthesis of the cultures of Echimăuți-Alcedar and Luka-Raikovetskaya laid the basis for the formation of the Old Russian culture of the Prut-Dniester region in the 10th—11th centuries. The Ancient Russian culture of these region was not homogeneous by its origin and reflected the presence of all migration waves in the Dniester-Prut interfluve.

Р. А. Рабинович

Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.

Уникальное географическое положение Карпато-Днестровского региона привело в V—XI вв. к активному воздействию на него со стороны культурно-исторических миров соседних регионов. В разное время в его восточную часть — в Пруто-Днестровское междуречье проникали из соседних регионов различные народы: славяне, тюрко-болгарские народы, аланы, венгры, носители различных культур: лука-райковецкой, салтово-маяцкой и балкано-дунайской. Особое значение приобрело появление в регионе западнославянского населения, оставившего древности типа Екимауцы-Алчедар. Синтез культур Екимауцы-Алчедар и луки-райковецкой стал основой формирования древнерусской культуры Пруто-Днестровья X—XI вв. Древнерусская культура не была гомогенной, однородной по своему происхождению и отражала присутствие всех миграционных волн в Днестровско-Прутском междуречье.

Вглядись в явление — и увидишь,
что оно есть шелуха другого,
глубже его лежащего.

Павел Флоренский

Если говорить о современной историографии по раннесредневековой археологии Пруто-Днестровья, то роль Николая Петровича Тельнова (которого я считаю своим Учителем и которого я сердечно поздравляю с Юбилеем) среди других исследователей региона — одна из самых значимых. После работ Исаака Александровича Рафаловича в 1960—1970-х гг. именно полевые изыскания Николая Петровича, подхватившего и формально (Николай Петрович был приглашен на работу в Академию наук Молдовы заняться славянской тематикой после того, как не стало И. А. Рафаловича), и неформально от него эстафету молдавского слависта, существенно продвинули наши знания о раннеславянском периоде (VI—VII вв.) истории междуречья. А исследования Н. П. Тельновым древностей

© Р. А. Рабинович, 2018.

VIII—X вв. (Тельнов 1990; 2001—2002) заложили фундамент самого понимания, что такое лука-райковецкая культура в молдавском Поднестровье в основных своих категориях и ее значение для формирования древнерусской культуры.

Но очевидно, что древнерусскую культуру данного региона Н. П. Тельнов видит однородной, гомогенной и развивающейся исключительно из местных древностей лука-райковецкой культуры:

«Древнерусская культура в регионе (Прутo-Днестровском — *Р. Р.*) отличается однородностью. Практически все категории материальной культуры типа Луки-Райковецкой существуют почти в неизменном виде в древнерусской культуре X в. Без изменений остаются типы поселений, типы жилищ, отопительным устройством в которых неизменно остается печь-каменка и т. д. Изменение претерпевает керамика, которая становится гончарной и полностью вытесняет лепную. [...] Пропорции двух типов лепных горшков повторяются и в раннегончарной древнерусской керамике. Неизменным в это время оставался и ассортимент посуды...» (Тельнов 2001—2002: 253).

Рассматривая древнерусскую культуру Пруто-Днестровья как единую и однородную, Николай Петрович включает в нее и памятники типа кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар, связывая их происхождение также с лука-райковецкой культурой. В целом значительную роль древностей лука-райковецкой культуры как местной подосновы в формировании древнерусской культуры, и, заметим, не только ее, но и памятников типа Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень, конечно же, нельзя отрицать. Но мы полагаем, что происхождение культуры кольцевых городищ не связано с местными древностями типа луки-райковецкой (из последних работ см.: Рабинович, Рябцева 2016). Культура кольцевых городищ, по всей видимости, является пришлой в данном регионе, и только со временем, вероятно, под нивелирующим влиянием Древнерусского государства, усилились интегративные связи в регионе между носителями культур разных групп памятников. И тогда из элементов лука-райковецкой культуры, а также древностей, являющихся ее прямыми наследниками (памятников типа Глинжены, бранештского комплекса памятников и др.), и культуры кольцевых городищ начала формироваться общая унифицированная древнерусская культура Пруто-Днестровского региона, включившая в себя, кроме восточнославянского, также и ряд инородных здесь изначально компонентов («западнославянский», «салтоидный», «венгерский»). Причем достаточно заметны следы интеграции и между формирующейся древнерусской культурой и такими группами, как Петруха-Лукашевка и Ханска, участие в генезисе которых «салтоидного», «венгерского» и балкано-дунайского компонентов представляется еще более возможным.

Мы не обсуждаем в данной работе, насколько далеко зашли процессы интеграции вообще и в единую культурную общность в Пруто-Днестровье в X в. в частности. Мы акцентируем внимание на том, что нельзя признать необычным, или, иначе говоря, случайным для региона сам факт участия в этих процессах самых разных инородных этнокультурных элементов (не только культурные влияния, но и присутствие непосредственно носителей). Присутствие инородных культурных элементов (а не просто влияний) в целом в Карпато-Поднестровье фиксируется неоднократно на протяжении тысячелетий, оно, по сути, уже закономерно (Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995).

Карпато-Поднестровье — регион с географически и культурно-исторически детерминированными границами — Днестр, Восточные Карпаты, Нижний Дунай, Черное море. Уникально географическое положение Карпато-Днестровского региона на стыке Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Карпато-Днестровские земли на протяжении тысячелетий традиционно занимают периферийное положение по отношению к культурам, культурным общностям, культурным мирам этих регионов. Они оказывают на Карпато-Поднестровье культурные влияния, выступают для него своеобразными «очагами», источниками культурных влияний. Эти «очаги» оказывали на этот регион активное культурно-историческое воздействие, иногда в виде и непосредственного переселения сюда населения — носителя тех или иных этнических и культурных традиций.

Исследования Карпато-Днестровского региона в разные археологические эпохи (по крайней мере, начиная с эпохи энеолита) показывают закономерность его традиционного расположения на периферии, точнее сказать, в пограничье периферий одновременно нескольких значительных «очагов» культурных влияний (Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995).

Только понимание места Карпато-Днестровского региона в сложившейся веками

и даже тысячелетиями системе культурно-исторических связей позволяет определить роль того или иного этнокультурного компонента, а иногда, собственно, и помогает его выявить в местных древностях.

Пруто-Днестровское междуречье — составная часть Карпато-Днестровского региона, и в нем, как и в соседнем Карпато-Прутском регионе (Румынская Молдова), в той или иной мере отражались вышеуказанные процессы. Естественно, что, несмотря на определенное культурное единство двух частей Карпато-Днестровского региона, их культурно-историческое развитие обладает своими особенностями.

В данной статье мы рассмотрим место Пруто-Днестровского междуречья, как одной из составных частей Карпато-Днестровского региона, в контексте культурно-исторических связей. Их влияние на формирование местной древнерусской культуры не носит случайного характера и практически аналогично имевшему место влиянию с самого начала средневековой эпохи.

Данная работа будет носить достаточно общий характер. Ограниченные объемом статьи, мы в больше мере будем рассматривать в первом приближении направления и тенденции культурного развития, не прибегая непосредственно к анализу конкретных категорий археологического материала, который, собственно, и является основой для самой постановки вопроса о культурно-исторических влияниях на Карпато-Поднестровье соседних регионов в тот или иной период.

Выше мы использовали выражение «очаг» в отношении источников культурных влияний со стороны соседних регионов. Термин «очаг» культурных влияний в отношении отдельных культурных общностей можно соотнести (а в некоторых конкретных ситуациях они, на наш взгляд, адекватны) с понятием «культурный мир» в терминологии М. Б. Щукина (1994: 12—13, 15) и отчасти близким ему понятием «особый этно-исторический круг культур определенной эпохи» по выражению И. О. Гавритухина (2009: 18).

Для начала перечислим эти культурно-исторические миры, вплотную или достаточно близко окружающие Карпато-Поднестровье. Традиционными из них, то есть воздействующими на регион с древнейших времен и непосредственно в эпоху средневековья, являются следующие.

1) «Цивилизационный» (название этого мира, как и все последующие названия миров, даны условно и обусловлены конкретным историческим контекстом). Географически он представляет собой Южные Балканы и Малую Азию. В историческом плане в средневековую эпоху — это Византия, позже (и до сегодняшнего дня) — Турция.

2) «Балкано-Дунайский» (по названию соответствующей археологической культуры). Географически это Нижнедунайский регион — территория современных Южной Румынии и Северо-Восточной Болгарии. В историческом плане это в первую очередь «южнославянский мир» (речь идет в первую очередь о культурном аспекте, а не о языковом), Болгарское государство. В отдельные периоды этот мир выступал проводником влияния мира цивилизационного, например, Первое Болгарское царство приносило в Карпато-Поднестровье образцы византийской культуры — как материальной, так и, по всей видимости, духовной.

3) «Среднедунайский» или «центрально-европейский». Географически это территории к западу от Восточных Карпат. Представлен в средневековую эпоху такими образованиями, как германский мир, «западнославянский мир», Аварский каганат, Великая Моравия, Венгерское и Польское королевства.

4) «Евразийская степь». Степная полоса, протянувшаяся от Алтая до Буджака и устья Дуная. В культурно-историческом плане в эпоху средневековья это многочисленные народы, полукочевые и кочевые, которые традиционно двигались с востока на запад. Кутригуры, оногуры, авары, аланы, печенеги, торки, половцы, монголы и т. д.

5) «Лес и лесостепь» (к северу и востоку, «лесная зона», Восточная Европа в целом). Это «восточнославянский мир», Киевская Русь, Галицкая Русь и т. д.

Не все перечисленные соседние культурно-исторические миры воздействовали на Карпато-Поднестровье в эпоху раннего средневековья постоянно или с одинаковой и не изменяемой интенсивностью. Сила воздействия на культуру региона того или иного «очага» (которую мы можем себе представить, исходя из исторических реалий) не всегда адекватна степени отраженности его в имеющемся археологическом материале. Поэтому часто приходится говорить просто об общей тенденции, направленности того или иного культурного влияния или процесса.

Смены доминирующей роли того или иного мира (или одновременно нескольких миров) происходили относительно быстро, и обоснование хронологии этих изменений в силу ее недостаточной разработанности

в региональной археологии подчас не поспевает за выявлением и анализом отмечаемых культурных влияний и изменений.

Исходя из степени влияния на Карпато-Поднестровье вышеперечисленных миров, а также характеристики возникающей вследствие этого влияния ситуации, культурное развитие региона заметно отличается по периодам: середина V — середина-конец VII вв.; конец VII — конец IX в.; X — середина XI вв.; середина XI — середина XIII вв.

Рассматривая место Пруто-Днестровского междуречья в контексте культурно-исторических связей, которые существенно повлияли на формирование местной древнерусской культуры, для того, чтобы показать традиционность и постоянность этих связей, мы начнем с характеристики более раннего периода, а именно, с самого начала средневековой эпохи.

V — середина-конец VII вв.

Характеризуя в первом приближении период V — середины-конца VII вв., мы можем говорить об очень активном воздействии на Пруто-Днестровское междуречье мира Лес-Лесостепь (заселение антами и склавинами), менее значительном — Евразийская степь (непосредственное пребывание кутригуров), и о культурных влияниях миров Цивилизационного, Балкано-Дунайского и Среднедунайского.

Не позднее середины V в. (о дате этого события см. статью в данном сборнике: Гавритухин, Казанский 2018) обезлюдевший к этому времени Пруто-Днестровский регион оказался в зоне славянских переселений — антов и склавинов, которые отождествляются соответственно с археологическими культурами — пеньковской и пражской.

Распространение пражской культуры, начавшееся из Полесья в северо-западном, западном и юго-западном направлениях не позднее IV в., привело к проникновению носителей этой культуры в Пруто-Днестровские земли с севера — с территории Черновицкой и Винницкой областей современной Украины (Гавритухин 2009: рис. на с. 11). Вероятно, одновременно, в Пруто-Днестровье с востока из лесостепного Побужья стали проникать носители культуры Пеньковка, продвинувшиеся далеко на Нижний Дунай (Рафалович 1972: 41). Количество известных памятников «чисто» пеньковских, как и «чисто» пражских, невелико. Они располагаются чересполосно, и многие поселения этого времени в регионе носят смешанный характер (Рафалович 1972; ДКМ 1974: 83—86). Принеся в регион единообразный тип жилищ — полуземлянку с печкой-каменкой, носители обеих культур отличались лишь профилем превалирующих здесь лепных сосудов да, возможно, чуть более богатым инвентарем у пеньковцев. Чересполосное расположение и смешанный характер пеньковских и пражских поселений не противоречат данным Иордана и Прокопия Кесарийского о расселении антов и склавинов.

Теперь о влиянии культурно-исторического мира Евразийская степь. Оно сказывается в присутствии в Карпато-Днестровских землях кутригуров.

Хотя письменные источники прямо не называют Карпато-Поднестровье зоной пребывания кутригуров, однако частые набеги на Восточноримскую империю на протяжении второй половины V — 50-х гг. VI вв. (Артамонов 2001: 109—144) подразумевают локализацию кутригуров в Нижнем Подунавье и, в частности, Южной Молдове (Буджаке?) наиболее удовлетворительной.

Тем более использование византийцами булгар против германцев в Подунавье в конце V в. могло отражать проживание части кутригуров рядом с Нижним Подунавьем уже в этот период. Возможно, переселение кутригуров на Нижний Дунай произошло все же позже — приблизительно в 551—552 годах, решившихся на это из-за нападений утигуров (Комар 2004: 170).

Рассказывая о вторжении кутригуров в Империю в 559 г., Агафий Миринейский пишет: «Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно» (Агафий Миринейский 1996: 185). Упоминание «спустились на юг», по мнению А. В. Комара, может указывать на Пруто-Днестровское междуречье (Комар 2004: 170). В целом, считает исследователь, время пребывания кутригуров в Северном Причерноморье ограничивается периодом 479—552 гг.; еще некоторое время в период 552—568 гг. кутригуры оставались в Нижнем Подунавье (Комар 2004: 172).

Действительно, последнее упоминание кутригуров в письменных источниках относится к 568 г. и касается их пребывания вместе с аварами уже в Паннонии. Авары, как известно, впервые предстали перед глазами византийцев в 558 году. Константинополь рассчитывал использовать впервые объявившихся кочевников для борьбы с кутригурами и другими врагами Империи. Но очень быстро

авары перешли к самостоятельной политике и из врагов кутригуров сделались их союзниками. Около 559 г. авары по приглашению кутригуров из предкавказских степей перешли на постоянное местопребывание в северопричерноморские степи — на земли кутригуров (Артамонов 2001: 154). В 567—568 гг. авары завоевали Паннонию, где и создали новый каганат. Вместе с аварами ушли из Нижнего Подунавья и северопричерноморских степей и кутригуры (Артамонов 2001: 157; Комар 2004: 171).

По мнению А.В. Комара, причины ухода кутригуров из причерноморских степей были не политические или, вернее, не только политические. Сыграл важную роль климатический фактор — все большее усыхание степи, сопровождавшееся засолением почв, повлекшее за собой постепенное изменение растительного покрова южной, засушливой части степи в сторону полупустынного. Именно изменение климата, очевидно, и «стало главной причиной того, что после переселения кутригуров вместе с аварами в Паннонию в 568 г. и до появления хазар в 679 г., в Северном Причерноморье не известно ни одного заметного племенного объединения кочевников» (Комар 2004: 195—198 и др.).

Учитывая все же не бесспорную локализацию кутригуров в Днестро-Дунайских землях согласно данным письменных источников, нас интересуют археологические свидетельства подобной локализации.

Кутригуры по праву «считаются самыми “неуловимыми” племенами в археологии раннесредневековых номадов Восточной Европы» (Комар 2004: 169), и территория Пруто-Днестровья в этом смысле не является исключением.

Молдавские исследователи И.А. Рафалович, И.Г. Хынку и др., как правило, связывали с пребыванием кутригуров керамику пастырского типа, находимую в мизерных количествах на раннеславянских поселениях. Она свидетельствовала, по их мнению, о тесных контактах славян и кочевников, о том, что они вместе проживали на одних поселениях (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 99—101; Хынку, Рафалович 1973: 165; Рафалович 1972: 36; ДКМ 1974: 84).

Подобная интерпретация шла в русле популярной в 1960—1970-х гг. концепции М.И. Артамонова так называемой пастырской культуры, принадлежащей кутригурам, объединившей в один культурный массив Пастырское городище, среднеднепровские клады VII — начала VIII вв. и пеньковскую культуру. Эта концепция была взята на вооружение и развивалась многими исследователями, но практически сразу идеи «кочевнической» принадлежности пеньковской культуры и Пастырского городища встретили резкую критику со стороны археологов-славистов (см. Приходнюк 2005; Комар 2004: 172—173; 2007, там же литература).

А.В. Комар показал, что с точки зрения номадиста «пастырская культура» — такая же фикция, как и с точки зрения слависта: ни Пастырское городище, ни пеньковская культура никак не связаны с культурой кочевников Северного Причерноморья VI—VII вв. Но культура кочевников представлена хотя и немногочисленной, но вполне выразительной группой подкурганных погребений и поминальных комплексов с четким самостоятельным набором культурных признаков (Комар 2007: 48).

К подобным древностям, и в частности, к древностям кутригуров А.В. Комар отнес в Пруто-Днестровском междуречье погребение 7 распаханного кургана около с. Старая Сарата (Фалештский р-н Молдовы) (Комар 2004: 179 и др.).

Таким образом, у нас есть основания говорить о влиянии на Пруто-Днестровское междуречье в V—VI вв. мира Евразийская степь, даже в виде непосредственного заселения региона новыми в культурном и этническом отношениями группами населения.

В VI — большей части VII вв. влияние мира Лес-Лесостепь играло доминирующую роль в культурном процессе в Карпато-Днестровских землях, однако определенно прослеживается также влияние еще трех миров: Балкано-Дунайского, Цивилизационного и Среднедунайского.

Как влияние Балкано-Дунайского мира мы рассматриваем тот момент, что на поселениях, главным образом, в южной части лесостепной полосы, хотя встречаются и на поселениях в Северной Молдове, в керамическом комплексе, кроме пражских и пеньковских форм, присутствуют горшки, характерные для т.н. культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, распространенной на левобережье Нижнего Дуная (Рафалович 1972: 32, 147—149; ДКМ 1974: 83). Происхождение этой, безусловно, гетерогенной культуры (сегодня она, скорее, видится совокупностью разных по происхождению памятников) очень сложно. Нет находок, свидетельствующих о ее хронологических границах — существовании в V и в конце VII в. Неоспоримо присутствие в ее составе пражских компонентов, что естественно, учитывая данные письменных источников о сла-

вянах, которые совершали походы из-за Дуная на территорию Византии, но остается археологически неуловимым так называемое местное романизованное население (Гавритухин 2009: 13; 2015: 21; Teodorescu 1964: 485—499; Dolinescu-Ferche 1984; Федоров, Полевой 1973).

Культурное влияние на Пруто-Днестровье Цивилизационного и Центральноевропейского миров ощущается по находкам византийских монет и набора металлических изделий, в частности некоторых типов фибул (Рафалович 1972: 32—33; Corman 1998; Гавритухин, Казанский 2018). О существовании в этот период культурных связей с населением причерноморских византийских городов свидетельствует появление на южных поселениях региона крупных широкогорлых красноглиняных амфор, покрытых глубоким и частым, слегка волнистым рифлением, датированных V—VI вв. (Рафалович 1972: 29—42).

Конец VII — конец IX вв.

К концу VII в. наметившийся если не «симбиоз», то содружество пражской и пеньковской культур сменился в Карпато-Поднестровье древностями культуры луки-райковецкой (Хлинча-Яссы I в Восточном Прикарпатье, в терминологии румынских археологов). Относительно немногочисленное и редкое (к настоящему времени известно не более 50 небольших по площади поселений) население региона в VI—VII вв., в VIII—IX вв. оказывается внезапно очень большим (только в Днестровско-Прутском междуречье открыто около сотни очень значительных по площади поселений) (Федоров, Чеботаренко 1974: 12—39; Рафалович 1972: 39—42).

Культура лука-райковецкая сложилась в восточных областях пражской культуры. Датировка ранних комплексов лука-райковецкой культуры затруднена из-за незначительного количества датирующих вещей (Гавритухин 1996: 136—139). Разница между поздними комплексами одной и ранними другой улавливается лишь как тенденция в изменении орнаментации лепных сосудов: в лука-райковецкой керамике венчики уже украшаются пальцевыми вдавлениями (Гавритухин 2009: 9).

По мнению Н. П. Тельнова, лука-райковецкая культура в Днестровско-Прутском междуречье происходит от местных памятников пражской культуры. Процесс плавного постепенного перерастания пражских древностей в типа луки-райковецкой ясно отражен в керамическом комплексе. В то же время специфически пеньковские формы не получили дальнейшего развития в керамике комплексов VIII—IX вв. в Карпато-Поднестровье (Тельнов 1990: 12—14).

Однако резкая диспропорция между количеством, размерами поселений и мощностью их культурного слоя памятников пражского типа и типа луки-райковецкой в регионе не может быть объяснена демографическим взрывом (Тельнов 1990: 6, 13), или только демографическим взрывом, а вызвана значительным притоком нового населения в конце VII — начале VIII вв., создавшим качественно новую демографическую ситуацию в регионе, как считает ряд коллег, к которым я присоединяюсь (Рафалович 1972: 41—42; Chişvasi-Comşa 1958: 76—78).

О том, что первые ранние комплексы лука-райковецкой культуры могли появиться в Пруто-Днестровье извне и параллельно существовать вместе с местными поздними памятниками пражской культуры, может свидетельствовать так называемая поселенческая история. И. О. Гавритухин показывает, что грань между пражской культурой и лука-райковецкой в общепризнанном типологическом отношении изменений в керамике не совпадает с поселенческой историей, которая как раз более точно отражает историческую периодизацию (Гавритухин 2009: 9—10).

Поселенческая история не прослежена стратиграфически на большинстве исследованных раннеславянских памятников Пруто-Днестровья. По И. А. Рафаловичу, на поселении Ханска жилища VI—VII вв. и VIII—IX вв. занимают разные места, и в их заполнении керамика I и II хронологических групп никогда не встречается совместно (Рафалович 1972: 39). Ситуация «визуально» наблюдаемого некоторыми другими исследователями континуитета древностей на поселении Ханска носит, скорее, «идеологический отпечаток», обусловленный идеей диахронной этнокультурной непрерывности автохтонного романизированного населения (Postică 1994: 235 и др.).

Сама по себе наблюдаемая эволюция в керамическом комплексе (практически при еще тех же морфологических и технологических особенностях — появление новой орнаментации) на ряде поселений, например, отмеченная Н. П. Тельновым на материалах поселения Скок, вовсе не свидетельствует с неизбежностью против прилива в регион извне значительной волны носителей ранних лука-райковецких древностей.

А иначе как объяснить резкое соотношение количества в Пруто-Днестровье памятников пражской и лука-райковецкой культур? Иначе как объяснить, почему на большинстве исследованных поселений лука-райковецкой культуры нет подстилающего слоя пражской культуры?

Для объяснения пришлого характера лука-райковецкой культуры в Пруто-Днестровье косвенным признаком может служить и так называемое «бесследное исчезновение пеньковских элементов». Мы должны, вслед за И. А. Рафаловичем и Н. П. Тельновым, признать, что они не участвовали в генезисе местной луки-райковецкой, в отличие от того, как это, возможно, было, по мнению некоторых исследователей, с памятниками типа Сахновка в Поднепровье (Приходнюк 1980; Щеглова 2009: 58). Тогда возникает гипотетическое предположение, что вместе с жителями чисто пеньковских поселений могли уйти за пределы региона и их соседи — жители смешанных поселений и даже, нельзя исключить, чисто пражских. Видимо, Пруто-Днестровье относится к тому ряду регионов, где пока неоднозначно соотношение пражской и лука-райковецкой культур (Гавритухин 2009: 9).

Время появления наиболее ранних комплексов культуры типа луки-райковецкой в Карпато-Поднестровье (последние десятилетия VII в.) в свое время обосновывалось И. А. Рафаловичем нахождением в комплексах бронзовых литых двухпластинчатых антропоморфных фибул пастырского типа, а также бронзовых византийских непробитых монет VI—VII вв. (Рафалович 1972: 39—40). Однако на сегодняшний день хронологические реперы, фиксирующие жесткую смену пражских древностей лука-райковецкими, не столь отличимы и скорее свидетельствуют о периоде сосуществования. И. О. Гавритухин отмечает, что «миниатюрные пальчатые фибулы (поствосточногерманские днестро-дунайской подгруппы), один из главных индикаторов финала пражской культуры, встречены и с керамикой луки-райковецкой культуры, украшенной пальцевыми вдавлениями» (Гавритухин 2009: 10; 2015: 23).

Указывая на пришлый характер древностей лука-райковецкой культуры или большей части их в Пруто-Днестровском междуречье, мы должны указать и на регион, откуда они сюда проникли. И здесь претендентом номер один является мир Лес-Лесостепь, который выталкивал сюда ранние комплексы типа лука-райковецкой культуры, генетически связанные с пражскими древностями.

Однако наряду с древностями «классической» лука-райковецкой культуры в Пруто-Днестровье (это влияние мира Лес-Лесостепь, но только ли?) мы можем отметить и влияние Среднедунайского мира в начальный период существования этой культуры. В местной керамике, относимой исследователями к культуре луки-райковецкой, прослеживаются следы западнославянских, как считал И. А. Рафалович, влияний, особенно проявляющиеся в орнаментации сосудов: появление одиночных прямых и волнистых линий, прямоугольного (шахматного) штампа, зубчатого, зигзагообразного «ёлочкой» орнамента (Рафалович 1972: 162—171).

О среднедунайском импульсе в Карпато-Поднестровье в этот период свидетельствует, на наш взгляд, концентрация в этом регионе находок ножей с волютообразными навершиями (Mitrea 1984: 85—87; Рафалович 1972: 183; Федоров 1960: 285; Рабинович 2005; Мысько, Пивоваров 2010). Практически все исследователи, обращавшиеся к вопросам, связанным с распространением этих изделий в Восточной Европе, или подчеркивали их западнославянское происхождение, или непосредственно связывали их появление в этом регионе с миграциями западнославянского населения (Федоров 1960: 285; Минасян 1978: 151; Перхавко 1979: 47—48; Королькова 1994: 238; Седов 1999: 197—198). Распространение подобных ножей (учитывая их вероятную сакральную функцию) вряд ли могло быть связано с обменом, торговлей или модой.

Прилив западнославянской волны фиксируется и в соседней Трансильвании (западнославянские курганные могильники с кремациями конца VII — начала VIII вв. Нушфалэу и Сомешень) и Верхнем Потисье (курганные и грунтовые могильники с кремациями Сомоторска Гора, Краловска Хлмце) (Comşa 1961: 519—529; Макря 1958; Macrea 1959: 519—527; 1959a: 515—522; Федоров 1960a: 198—200; Древняя... 1991: 185—195).

Среднедунайский мир в этот период был активным источником культурных влияний. Импульс, который он задал, его действие в Восточной Европе ощутили даже культуры лесной зоны. «Волна радикальных изменений в материальной культуре и общем укладе жизни восточноевропейского населения прокатывается с юга на север — от Прикарпатья до Приладожья — между 650 и 760 гг.» — пишет Д. А. Мачинский. О «возвращении» славян с Дуная, как известно, сообщает и Повесть временных лет (Мачинский 1981: 50; Щеглова 1991: 43—50; 2009).

Археологически фиксируется «появление в конце VII — первой половине VIII вв. в Среднем Поднепровье женского убора дунайского происхождения и его дальнейшее развитие в этом районе, что является конкретным свидетельством возвращения сюда части юго-западных славян, оседающих в близкой им этнической среде» (Щеглова 1991: 49; 1990; 2009: 59—61). О перемещении какого-то массива дунайских славян на восток свидетельствует появление Пастырского городища в правобережной части Среднего Приднепровья (Приходнюк 2005: 94—98).

Исторические события, вызвавшие «обратные» перемещения славян на восток, могли быть связаны с приходом тюрко-болгар Аспаруха на Дунай, а еще в большей мере аваро-славяно-византийскими войнами и активностью Аварского каганата, расширяющего сферу своего влияния. Активное аварское проникновение ощущается в конце VII в. в Словакии, где позже начинается смешение славян и авар. Показательной является ситуация в Верхнем Потисье. В VI—VII вв. здесь присутствует сравнительно незначительное славянское население. Но, начиная с конца VII в., происходит резкое увеличение славянского населения (соотношение памятников 1:15), а затем появление и аварского населения, фиксируемого возникновением ингумационных смешанных славяно-аварских могильников (Древняя... 1991: 179—197). Возможно, активность авар, направленная на восток в этот период, была вызвана серьезными обстоятельствами внутренней жизни аварского каганата (Сентпетери 1989: 118; Щеглова 2009: 61).

Таким образом, можно предполагать, что и в период конца VII—VIII вв. (ранней фазы культуры луки-райковецкой, по Н. П. Тельнову) Среднедунайский мир продолжал оказывать влияние на Карпато-Днестровские земли, нельзя исключить и переселений.

А сейчас охарактеризуем культурный мир Евразийская степь, оказавший воздействие в конце VII — X вв. не только на Карпато-Днестровские земли, но и на всю Юго-Восточную Европу.

После распада «Великой Болгарии» на отдельные орды, орда хана Аспаруха откочевала в 679 году на Нижний Дунай и здесь остановилась в Онглосе — современном Буджаке. Вытеснив Византию из Нижнедунайского региона (современные Северо-Восточная Болгария и Добруджа), болгары, смешавшись с местным славянским населением, создали т. н. балкано-дунайскую культуру. На Нижнем Дунае возник новый мощный источник влияний на Карпато-Поднестровье. На период существования Первого Болгарского царства он стал и опосредованным проводником «цивилизационного» (византийского) влияния на исследуемый регион.

Первые поселения балкано-дунайской культуры появились в Карпато-Днестровских землях еще в конце VIII в. (памятники типа Этулия)[1] (Козлов 2015).

В первую треть IX в. резко возросла активность болгарских ханов. Походы Крума и Омуртага довершили начатый франками разгром Аварского каганата, а затем успешно вытеснили франков из восточно-аварских земель (Сентпетери 1989: 119; Сьоке 1989: 105—116).

Археологическим отражением территориального расширения Первого Болгарского царства в последующее время явилось распространение во второй половине IX в. ареала балкано-дунайской культуры на севере и северо-востоке. Памятники этой культуры появляются в Мунтении и Олтении (культура Дриду, по терминологии румынских коллег[2]), сначала соприкасаясь с распространенной в IX—X вв. в предгорных и горных районах этих областей и Трансильвании культурой Буков, а затем и оттесняя ее. IX веком датируются памятники балкано-дунайской культуры на юге Трансильвании в районе Алба Юлии (Сентпетери 1989; Сьоке 1989; Zaharia 1967; Toropu 1976; Comşa 1978; Федоров, Полевой 1973). Согласно данным письменных источников, это могли быть выдвинутые вперед болгарские военные поселения, контролировавшие стратегически важные пункты добычи соли и торговли ею (Сьоке 1989: 105). Более многочисленные балкано-дунайские поселения появляются на юге Трансильвании уже в X в. в связи с изменившейся ситуацией в Нижнем Подунавье.

Территориальное расширение Болгарии при царе Симеоне во всех направлениях, что нашло отражение в расширении балкано-дунайской культуры в конце IX — первой тре-

[1] Достаточно спорным и еще недостаточно исследованным остается вопрос о том, что происходило на юге, в степной части Пруто-Днестровских земель после ухода Аспаруха за Дунай — в период конца VII — конца VIII вв. Почти нет сомнений, что этот район продолжали контролировать болгарские ханы (см. Руссев 2002: 131; 2015).

[2] Правда, румынские ученые в подавляющем большинстве в качестве носителей культуры Дриду видят «местное» восточнороманское население (Zaharia 1967; Toropu 1976; см. также: Чеботаренко 1979; 1983; Федоров, Негруша 1979; и т. д.).

ти X в., затронуло и Карпато-Днестровские земли. Распространяясь на северо-восток, балкано-дунайская культура вытесняет поселения культуры луки-райковецкой, и в Нижнем Поднестровье возникает т. н. нижнеднестровский вариант балкано-дунайской культуры (типа Калфа) (Чеботаренко 1973; Козлов 2015).

Некоторые исследователи, например, Николай Петрович Тельнов, полагают, что на поселениях типа Калфа развитие культуры нижнеднестровского варианта происходило на «местной лука-райковецкой основе». Близка к этому мнению и позиция Н. Д. Руссева: «Нижнеднестровские памятники отражают взаимодействие пришлого из-за Дуная и, вероятно, из-за Карпат населения с восточными славянами — носителями древностей типа Лука-Райковецкая» (Руссев 2002: 131). Некоторые нижнеднестровские балкано-дунайские поселения просуществовали до конца X в., и только новая в этом регионе опасность — печенеги, заставила, по мнению исследователей, их жителей покинуть этот район. Хотя нельзя исключить, что дунайские войны Святослава сыграли в этом определяющую роль.

В это же время, во второй половине X в., погибают или оставляются жителями многие поселения балкано-дунайской культуры на Дунайском Левобережье в Мунтении и Олтении. Население этих покинутых поселков, видимо, частью переходило Дунай под защиту вначале Болгарского, а позднее Византийского государств, а частью, преследуемое печенегами, перемещалось вдоль левого берега Нижнего Дуная и оказывалось в Южной Трансильвании, где именно для этого времени характерна наибольшая концентрация древностей балкано-дунайской культуры (Zaharia 1967; Toropu 1976; Horedt 1958; Федоров, Полевой 1973).

После прихода на Нижний Дунай болгар Аспаруха и создания там Балкано-Дунайского культурного мира конструктивная роль «степного коридора» продолжилась. После прихода Аспаруха «коридор» не бездействовал, а продолжал выталкивать новые кочевнические волны, которые органично входили в культурные общности Карпато-Подунавья, не разрушая их, а лишь придавая им новую специфику. Видимо, это были подвластные Хазарскому каганату народы — тюрко-болгары и аланы, которые двигались на запад, спасаясь от военных потрясений и гражданских войн в Каганате (Плетнева 1981: 65, рис. 39).

Вначале об аланах. Культурные изменения, связанные с уходом в VIII в. части алан из Предкавказья, отмечены на Нижнем Дунае. Они выражаются в находках специфических серолощеных кувшинов аланского северокавказского типа, отмеченных на могильниках Добруджи и Болгарии, а также на левобережье Дуная в Мунтении на поселениях Буков (Ротарь, Тиока) (Comşa 1979: 151—156). О том же говорят находки в четырех пунктах левобережья Нижнего Дуная, в Мунтении, боевых топоров с кинжаловидным лезвием, имеющих аналогии на Северо-Западном Кавказе, в Карачаево-Черкесии в захоронении на р. Кривой (Хеннинг 1989: 91, рис. 2). При движении на Нижний Дунай аланы не могли миновать Карпато-Днестровские земли, и часть из них могла осесть и в этом регионе.

Об аланском присутствии в Северо-Западном Причерноморье в IX—X вв. и о том, что именно эти аланы перешли вместе с венграми из так называемой Ателькузы в Паннонию, на основании анализа письменных источников, пишет О. Б. Бубенок (Бубенок 1997: 90—91).

Довольно многочисленны (уже известно около трех десятков) в Карпато-Днестровских землях находки бронзовых накладок в виде фигурок всадников. Г. Постикэ и И. Тентюк связывают появление этих категорий предметов в регионах к востоку от Карпат с проникновением сюда во второй половине I и в первые века II тысячелетия различных групп аланского населения (Postică, Tentiuc 2014: 45—72).

Гипотезу об аланском происхождении амулета из Старого Орхея, но необходимо отметить, что очень спорную, высказал В. А. Хохлов (Хохлов 2000).

В новейшей работе к мнению об аланском присутствии в Днестро-Дунайских землях обратился Николай Петрович Тельнов. Он пишет об интенсивных контактах венгров с аланским населением перед переселением их в Паннонию в Пруто-Днестровском регионе (Тельнов 2017: 512—513). Николай Петрович считает, что на этапах формирования балкано-дунайской культуры «выделяются аланские поселения со специфической керамикой. Примером может служить поселение Богатое... Законодателями моды в гончарстве и гончарных технологиях были именно аланы» (Тельнов 2017: 512).

Отметим, что гончарный горн, открытый на поселении Богатое, по своей конструкции относится к горнам салтовской строительной традиции и аналогичен многочисленным горнам, открытым в центральной части Пруто-Днестровья и даже севернее на посаде горо-

дища Рудь-«Турецкая тарелка» (Рабинович 1991; Рабинович, Ткачук 1995).

О тюрко-болгарах. Н. Д. Руссев отмечает, что «до утверждения христианства северо-восточные земли Болгарского государства были открыты для новых волн переселенцев из степи. Однако примерно с X в. путь к Дунаю им был отрезан. По этой причине переселенцы с востока стали селиться в центральной лесостепной части Карпато-Днестровских земель» (Руссев 2002: 131; 2015).

Думается, что поселение вновь пришедших тюрко-болгар в центральной части Прут-Днестровья началось все же раньше X в., и именно с ними связано происхождение своеобразной группы памятников типа Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень и соответствующих горизонтов на могильниках Кэпрэрие, Лимбарь и Бранешты (Рабинович 1990; Рабинович, Гукин 1991; Тентюк 1990; Tentiuc 1996; Зверев, Ткачук 2012).

Крупное движение тюрко-болгар из восточных районов на Нижний Дунай в первой половине IX в. отмечено письменными и археологическими источниками (например, эпиграфическая надпись, найденная в Болгарии, в которой говорится об одном из военачальников хана Омуртага, утонувшем в 822 г. в Днепре «на пути с прародины»). Среди основных причин новых передвижений болгар чаще всего называют политическую и религиозную борьбу в Хазарском каганате после принятия хазарской аристократией иудаизма (Чеботаренко 1983: 62; Плетнева 1981: 65).

Возможно, с этими волнами тюрко-болгар и алан связано то, что на восточноаварских землях, между Первым Болгарским царством и Великой Моравией, в это время формируется своеобразная культура — в каком-то смысле дериват салтово-маяцкой культуры. Исследователи говорят о влиянии салтово-маяцкой культуры на позднеаварскую, и оно выражается в различных элементах материальной культуры (керамика, жилища, костюм), и даже в религиозных верованиях (Сьоке 1989: 113—114).

Конец IX — середина XI вв.

Последние, судя по материальным следам в Прут-Днестровье, значительные по размерам волны носителей салтово-маяцкой культуры двинулись в направлении к Нижнему Дунаю в конце IX—X вв. в связи с полным ослаблением Хазарского каганата, нападениями на него печенегов и походами киевских князей (Плетнева 1981: 65, рис. 39). Наплыв в этот период носителей салтово-маяцкой культуры в Прут-Днестровские земли отмечен не только отдельными находками и элементами материальной культуры (ряд находок с поселений, очаги, тамбуры входа, появляющиеся в землянках, юртообразные жилища, гончарные горны салтовской конструкции), но и наличием в регионе ряда могильников (Кэпрэрия, ранняя фаза могильника Лимбарь, несколько погребений в Бранештском могильнике), оставленных, по данным физической антропологии, населением — продуктом смешения тюрко-болгар и славян (Великанова 1978; Чеботаренко 1982; Рабинович 1990; 1997; Зверев, Ткачук 2012; Rabinovici 2016).

Необходимо кратко сказать еще об одном «культурном вале», прокатившемся в IX веке по территории Карпато-Поднестровья, — обретении родины древними венграми.

Конечно, вопрос о том, когда венгры оказались в Причерноморье, к западу от Днепра, дискуссионен. Назывались разные даты — постгуннское время («белые угры» Повести временных лет), 750 г., интервал 20-е — 80-е годы IX в., но если судить по историографии последних десятилетий, то чаша весов все больше склоняется к датировке 30-ми годами IX века. Мы также считаем наиболее доказательной последнюю датировку (Артамонов 2001: 454, 459 и сл.; Spinei 1999: 15—87; Фодор 2015: 41—42; Вернадский 2004: 213—216; Рябцева, Рабинович 2007; Комар 2013).

Данные письменных источников, несмотря на их скудность, позволяют предполагать, что в течение столетия — с 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в. — венгры оказывали существенное влияние политического характера на Карпато-Днестровский регион. Возможно, именно здесь располагалась Ателькуза или, по крайней мере, западная окраина Ателькузы — место пребывания венгров накануне их решающего перехода на новую родину. Видимо, их непосредственное пребывание в регионе оказало существенное влияние на взаимоотношения местного населения, в том числе поднестровских племен уличей и тиверцев, с могущественными соседями — Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Именно венгерский фактор сыграл решающую роль в том, что поднестровские племена — уличи и тиверцы оказались подчиненными Киевской Руси не ранее середины 30-х гг. X в., хотя попытки овладеть их территорией со стороны Киева предпринимались еще в 885 г. (подробно см. Рябцева, Рабинович 2007).

Венгры задержали приход в Карпато-Днестровские земли Руси, что способствова-

ло изоляции местных древностей от скандинавского влияния. Венгры повлияли на складывание престижной дружинной субкультуры в Карпато-Днестровском регионе и могли сыграть роль политически господствующего этнокласса, консолидирующего местное полиэтничное общество (Рябцева, Рабинович 2007; 2014).

Важное значение для идентификации древних венгров в Пруто-Днестровье имеет исследование раннесредневекового могильника Слободзея на левом берегу Днестра (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008; Тельнов 2017). А. В. Комар относит этот могильник к памятникам субботцевского типа и, таким образом, относит к древностям древних венгров на северопричерноморском этапе обретения ими родины (Комар 2011: 56 и сл.). Такого же мнения о Слободзейском могильнике придерживается и Аттила Тюрк (см., например, его статью в настоящем сборнике: Тюрк 2018).

В Карпато-Днестровском регионе были найдены специфичные для венгров предметы вооружения, убранства коня и всадника, декорировки традиционного женского костюма (Рябцева, Рабинович 2007; 2014; Чера 2013). Находки хотя и не многочисленны, но выразительны. Заслуживает внимания то, что они встречаются на всех типах памятников — сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимауцы, Орхей, Тарасово) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладах (Рэдукэнень), и на разных в культурном отношении памятниках. Это и группа кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар, и памятники центральной зоны Молдовы — культурная группа Ханска-Рэдукэнень. Именно с этой последней группой можно связать непосредственное проживание древних венгров (см. Рябцева, Рабинович 2007; 2014; Зверев, Ткачук 2012).

Этот факт говорит о неслучайности тех или иных венгерских находок и предполагает постановку вопроса как о непосредственном пребывании венгров в регионе, так и о степени их влияния.

Так же, как и в случае с аварами, появление венгров в Среднем Подунавье опосредованно сказалось в соседних регионах. Разгромив в конце IX — начале X в. Великоморавскую державу и распространяя свое влияние, венгры вызвали новый отток западнославянского населения на юг и восток (Раткош 1985: 86—87). В то время как в X в. в Южной Трансильвании значительно расширяется ареал балкано-дунайской культуры, в северную часть Трансильвании происходит наплыв западнославянского населения — носителей древностей типа Старе Место (могильник Чумбруд) (Dancanits, Ferencz 1959: 605—615; Федоров, Полевой 1973: 322). Западнославянское влияние и даже непосредственное присутствие западнославянского населения на основании анализа керамики, оружия и снаряжения коня и всадника, украшений ощущается в Восточной Европе в конце IX — середине X вв. вплоть до Гнездова (Каменецкая 1977: 19—20; Малевская 1972: 14—20; Малевская-Малевич 2005; Пушкина 1987: 54—56; Перхавко 1986: 28—35; Рабинович, Рябцева 1997: 240; Ениосова 2017).

В X—XI вв. культура Пруто-Днестровья потеряла тот свой относительно однородный облик, который наблюдался в VIII — первой половине IX вв. (Тельнов 1990). Видимо, уже в период поздней фазы типа луки-райковецкой (по Н. П. Тельнову), благодаря действию в регионе разнонаправленных, но конструктивных культурных влияний Центральноевропейского, Балкано-Дунайского, Степного миров и мира Лес-Лесостепь создались условия для подобной разнородности.

Если говорить о периоде X — сер. XI вв., то мы видим существование на относительно небольшой территории не менее четырех культурных массивов.

На юге — древности балкано-дунайской культуры — окраина, периферия Первого Болгарского царства. Носители их — болгары, южнославянское население.

В северной и центральной части Молдовы до середины X века существуют памятники лука-райковецкой культуры, которые, благодаря интеграции с другими культурными элементами, участвуют в формировании трех новых образований — древнерусской культуры и памятников типа Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень. Лука-райковецкая и древнерусская культуры представлены восточнославянским населением, которое можно, по нашему мнению, отождествить с уличами письменных источников (русские летописи, Баварский Аноним, Константин Багрянородный) (Рабинович 2001—2002; 2007; и др.). Серьезным фактором, повлиявшим на формирование древнерусской культуры, стало вхождение Поднестровья с 30-х годов X века в состав Киевской Руси — вновь влияние мира Лес-Лесостепь (Рабинович 2007а).

Фактически чересполосно с лука-райковецкими и происходящими от них древнерусскими памятниками на северо-востоке региона располагаются появившиеся не позднее

конца IX в.[3] древности типа кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар.

Эта культура, безусловно, пришлая, характеризуется резкими отличиями от местных древностей всеми основными элементами, такими как: фортификация, погребальная обрядность, тип жилищ, типы оружия, которое очень многочисленно, более разнообразная и совсем типологически, морфологически и технологически другая керамика, богатый инвентарь, включая самостоятельное производство ювелирных изделий из серебра, наличие монет. Памятники Екимауцы-Алчедар близки великоморавской культуре и культуре Биело-Брдо, они, безусловно, оставлены мигрантами — западнославянским населением (Рябцева, Рабинович 2009; Рабинович, Рябцева 2016, там же литература). Это население можно с определенной осторожностью отождествить с тиверцами письменных источников (Повесть временных лет, Баварский Аноним) (Рабинович 2011). В конце X — XI веках памятники Екимауцы-Алчедар теряют свою специфичность и вместе с лука-райковецкой культурой начинают формировать ядро древнерусской культуры региона.

В центральной зоне Молдовы в это же время существуют специфичные культурные группы типа Петруха и Ханска (Рабинович 1990; Тентюк 1990; Tentiuc 1996). По данным археологии, в частности, могильников, среди населения, оставившего их, помимо местных восточных славян, можно выделить тюрко-болгар и с определенной осторожностью венгров. Процесс симбиоза протекал очень быстро, и это видно даже по данным антропологии (Великанова 1978).

Органично вписались во все культурные группы региона венгры, которые определяли воинскую престижную субкультуру Карпато-Поднестровья до вхождения региона в состав Киевской Руси.

Итак, мы полагаем, что в X—XI веках в Карпато-Поднестровье протекали весьма активные интеграционные процессы, в которых участвовало население, оставившее все группы памятников. На относительно небольшой территории мы видим полиэтничное население, представленное всеми тремя ветвями славянства, различными группами тюркского, иранского и венгерского населения. Во второй половине X — XI вв. применительно к Карпато-Поднестровью мы можем говорить о нем не только как о периферии соседних миров, но и как о формирующемся самобытном оригинальном культурном мире. Карпато-Поднестровье, занимая периферийное положение по отношению к соседним «очагам» культурных влияний и находясь в зоне их непосредственного воздействия, само в X—XI вв. оказалось в роли своеобразного очага культурогенеза. Последовательное наложение культурных влияний (иногда в виде непосредственного переселения в регион их носителей), стабилизирующая конструктивная роль «степного коридора» в этот период, мирное вживание вновь прибывших в культурную систему, с одной стороны, и открытость, способность ее к восприятию инноваций, с другой, определили ситуацию, когда в регионе с географически и культурно-исторически детерминированными границами стала складываться новая культурная общность.

В этой складывающейся новой культурной общности ее определенная разнородность, вызванная отдаленностью участвующих в ее созидании культурных импульсов, давала ту самую меру необходимого разнообразия, которая и могла создать в регионе яркую самобытную культуру с большим запасом прочности. Учитывая историческую ситуацию, эта региональная культура, в случае ее последующего, протяженного по времени и успешного формирования стала бы неким локальным вариантом культуры Древней Руси, обладающим своей специфичностью, подобно тому, как своей специфичностью обладали и другие регионы Руси.

Поэтому, возвращаясь к мнению Николая Петровича Тельнова и вопреки этому мнению, мы не считаем древнерусскую культуру Пруто-Днестровского междуречья однородной, гомогенной, развивающейся исключительно из местных древностей лука-райковецкой культуры. Разнородная уже по составу участников ее генезиса, древнерусская культура Поднестровья находилась в состоянии интеграции с такими культурными группами, как Петруха-Лукашевка, Ханска-Рэдукэнень и, с большей вероятностью, с балкано-дунайской культурой.

Однако возникший формирующийся очаг культурогенеза не успел себя реализовать. Созидательный процесс, начиная с начала XI вв., а во второй половине XI в. уже постоянно, стал нарушаться заработавшим дестабильно «степ-

[3] Датировку Т. В. Равдиной городищ Алчедар и Екимауцы несколькими десятилетиями X века (Равдина 1988) считаем необоснованной (аргументация: Рабинович 1999).

ным коридором», выталкивающим кочевнические волны (печенеги, позднее торки и половцы). Со второй половины XI в. один за другим погибают или оставляются населением местные экономические центры. Начинается новый этап в истории Карпато-Поднестровья.

Литература

Агафий Миринейский. 1996. *О царствовании Юстиниана*. Пер. М.В. Левченко. Москва: Арктос.

Артамонов М.И. 2001. *История хазар*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Лань.

Бубенок О.Б. 1997. *Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.)*. Киев: Логос.

Великанова М.С. 1978. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I—II тысячелетиях. В: Мохов Н.А. (отв. ред.). *Славяно-волошские связи*. Кишинев: Штиинца, 30—76.

Вернадский Г.В. 2004. *История России*. Т. 1. *Древняя Русь*. Москва; Тверь: Леан.

Гавритухин И.О. 1996. Датировка начальных фаз культуры Луки-Райковецкой. В: Гавритухин И.О., Обломский А.М. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: ИА РАН, 136—139.

Гавритухин И.О. 2009. Понятие пражской культуры. В: Короткевич Б.С., Мачинский Д.А., Сениченкова Т.Б. (ред.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 7—25.

Гавритухин И.О. 2015. Дунайский «страт» раннеславянской археологии. От редакторов этого номера. *Stratum plus* (5), 17—26.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2018. О времени появления славян на территории Молдовы. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования и проблемы*. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь: Stratum Plus, 331—352.

ДКМ 1974: Зеленчук В.С. (отв. ред.). 1974. *Древняя культура Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Древняя... 1991: Гранчак И.М., Червеняк В. (отв. ред.). 1991. *Древняя история Верхнего Потисья*. Львов: Свит.

Ениосова Н.В. 2017. Технология производства ювелиров Гнёздова в X — начале XI вв. по данным трасологии и металлографии. *Stratum plus* (5), 205—236.

Зверев Е.Ю., Ткачук К.Т. 2012. К вопросу о периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в Пруто-Днестровском междуречье. *Stratum plus* (5), 125—148.

Каменецкая Е.В. 1977. *Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Козлов В.И. 2015. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н.э.: балкано-дунайская культура*. Кишинев: Stratum Plus.

Комар А.В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.). *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академпериодика, 169—200.

Комар А.В. 2007. Что такое Пастырская культура? *Проблеми на прабългарската история и култура* 4 (1). София, 35—52.

Комар А.В. 2011. Древние мадьяры и Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї. АДІУ 7*. Київ, 21—78.

Комар А.В. 2013. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. В: Боталов С.Г., Иванова Н.О. (отв. ред.). *II-й Международный Мадьярский симпозиум*. Сборник научных трудов. Челябинск: Рифей, 182—230.

Королькова Л.В. 1994. Вопросы интерпретации ножей с волютообразным навершием. *Тверской археологический сборник*. Тверь: ТГОМ, 234—238.

Макря М. 1958. Славянский могильник в Сомешень. *Dacia* NS II, 351—370.

Малевская М.В. 1972. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики). *КСИА* 129, 14—20.

Малевская-Малевич М.В. 2005. *Керамика западнорусских городов X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Мачинский Д.А. 1981. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). В: Королюк В.Д. (отв. ред.). *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. Москва: Наука, 31—52.

Минасян Р.С. 1978. Железные ножи с волютообразным навершием. *Проблемы археологии* 2. Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. Ленинград: ЛГУ, 148—152.

Мысько Ю.В., Пивоваров С.В. 2010. Находки ножей с волютообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье. *Stratum plus* (5), 309—315.

Перхавко В.Б. 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. *СА* (4), 40—55.

Перхавко В.Б. 1986. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана. *КСИА* 187, 28—35.

Плетнева С.А. 1981. Салтово-маяцкая культура. Балкано-дунайская культура. В: Плетнева С.А. (ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 62—77.

Приходнюк О.М. 1980. *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н.е.* Київ: Наукова думка.

Приходнюк О.М. 1998. *Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования*. Воронеж: ВГУ.

Приходнюк О.М. 2005. *Пастирське городище*. Київ; Чернівці: Зелена Буковина.

Пушкина Т.А. 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса. В: *Труды V Международного Конгресса славянской археологии* III (1б). Москва: Наука, 50—57.

Рабинович Р.А. 1990. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка. В: Дергачев В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 51—57.

Рабинович Р.А. 1991. Гончарный горн на поселении

X—XII вв. у с. Рудь. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы.* Кишинев: Штиинца, 99—109.

Рабинович Р. А. 1997. *Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование*). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Рабинович Р. А. 1999. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. *Stratum plus* (6), 263—275.

Рабинович Р. А. 2001—2002. От ултинзуров к уличам, или предыстория одного летописного племени. *Stratum plus* (5), 282—299.

Рабинович Р. А. 2005. Ножи с волютообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст. *RA* SN I (2), 351—359.

Рабинович Р. А. 2007. Проблема локализации летописных уличей по данным письменных источников различных традиций. *Revista de etnologie şi culturologie* II. Chişinău, 46—51.

Рабинович Р. А. 2007а. Карпато-Днестровские земли и Киевская Русь: особенности взаимодействия. *Русин* 8 (2), 26—36.

Рабинович Р. А. 2011. «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. *Stratum plus* (5), 89—106.

Рабинович Р. А., Гукин В. Д. 1991. Результаты раскопок на поселении Бранешты XIII и некоторые спорные вопросы изучения памятников типа Петруха-Лукашевка. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н. э.).* Кишинев: Штиинца, 205—224.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (отв. ред.). «*Stratum» + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев, 236—245.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2009. Особенности развития древнерусской культуры в Прутo-Днестровском междуречье. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света.* Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 292—308.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2016. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимауцы-Алчедар в Прутo-Днестровском регионе. В: Chudzińska B., Wojenka M., Wołoszyn M. (red.). *Od Bachórza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego = From Bachórz to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe — evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary.* Kraków; Rzeszów: Instytut Archeologii UJ; Instytut Archeologii UR, 323—341.

Рабинович Р. А., Ткачук М. Е. 1995. Исследования на поселении древнерусской культуры у с. Рудь в Молдове. *AB* 4, 165—170.

Равдина Т. В. 1988. О датировке городища Алчедар. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья.* Кишинев: Штиинца, 54—71.

Раткош П. 1985. Великая Моравия — территория и общество. В: Санчук Г. Э., Поулик Й. (отв. ред.). *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение*. Москва: Наука, 81—95.

Рафалович И. А. 1972. *Славяне VI—IX веков в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. 1971. *Очерки истории культуры Молдавии (II—XIV вв.).* Кишинев: Штиинца.

Руссев Н. Д. 2002. Славяне, болгары и Болгарское государство. В: Тельнов Н. П., Степанов В. П., Руссев Н. Д., Рабинович Р. А. 2002. *«И ...разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв.* Кишинев: ВАШ, 67—131.

Руссев Н. Д. 2015. Феномен балкано-дунайской культуры и история Дунайской Болгарии. В: Козлов В. И. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н. э.: балкано-дунайская культура.* Кишинев: Stratum Plus, 278—295.

Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X вв. *RA* SN III (1—2), 195—230.

Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. В: Макаров Н. А., Леоньтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—X вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Русский Север, 259—275.

Седов В. В. 1999. *Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование*. Москва: Языки славянской культуры.

Сентпетери Й. 1989. О позднеаварских и раннеболгарских связях. В: *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 117—123.

Сьоке Б. 1989. О северной границе Первого Болгарского государства в IX веке. В: *Проблеми на прабългарската история и култура.* София, 105—116.

Тельнов Н. П. 1990. *Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Тельнов Н. П. 2001—2002. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв. *Stratum plus* (5) 142—263.

Тельнов Н. П. 2017. К вопросу об этнокультурной ситуации в IX веке в Нижнем Поднестровье. *Добруджа* 32, 503—513.

Тельнов Н. П., Степанов В. П., Руссев Н. Д., Рабинович Р. А. 2002. *«И ...разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв.* Кишинев: ВАШ.

Тентюк И. С. 1990. Некоторые аспекты исследования культуры Рэдукэнень на территории ССР Молдова. В: Демченко Н. А. (отв. ред.). *Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы*. Материалы республиканской конференции. Кишинев: Штиинца, 66—78.

Тюрк А. 2018. Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы. В: Синика В. С., Рабинович Р. А. (ред.). *Древности. Исследования и проблемы.* Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь: Stratum Plus, 421—431.

Федоров Г. Б. 1960. *Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.* МИА 89. Москва: АН СССР.

Федоров Г.Б., Негруша В.М. 1979. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура. В: Марков Д.Ф. (отв. ред.). *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований*. Москва: Наука, 48—56.

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. *Археология Румынии*. Москва: Наука.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. *Памятники древних славян (VI—XIII вв.)*. Археологическая карта Молдавской ССР 6. Кишинев: Штиинца.

Фодор И. 2015. *Венгры: древняя история и обретение родины*. Пермь: Зёбра.

Хеннинг Й. 1989. Восточное по происхождению оружие и снаряжение всадников в кладах сельскохозяйственных железных изделий в Юго-Восточной Европе (VIII—X вв.). В: *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 87—104.

Хохлов В.А. 2000. Об аланской принадлежности амулета из Старого Орхея (Требужен). *AB* 7, 200—205.

Хынку И.Г., Рафалович И.А. 1973. Славяне и тюрко-болгары в VI—X вв. на территории Молдавии по археологическим данным. В: *Славяните и средиземноморският свят VI—XI век*. София, 161—182.

Чеботаренко Г.Ф. 1973. *Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре*. Кишинев: Штиинца.

Чеботаренко Г.Ф. 1979. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Пруто-Днестровского междуречья. В: Королюк В.Д. (отв. ред.). *Этническая история восточных романцев*. Москва: Наука, 86—105.

Чеботаренко Г.Ф. 1982. *Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X—XII вв.* Кишинев: Штиинца.

Чеботаренко Г.Ф. 1983. Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии. В: Зеленчук В.С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 58—79.

Чера С.В. 2013. К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екимауцы. *Stratum plus* (5), 197—202.

Щеглова О.А. 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье. В: *Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья*. Курск: ИА РАН; КГОМА, 162—204.

Щеглова О.А. 1991. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII вв.: причины смены культур. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте*. Материалы методологического семинара. Санкт-Петербург: ИИМК АН СССР, 42—50.

Щеглова О.А. 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 39—65.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. 2008. *Кочевнические древности Нижнего Поднестровья*. Кишинев: Elan Poligraf.

Щукин М.Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.

Юрасов М.К. 2007. Влияние поисков венграми новой родины на освоение восточными славянами междуречья Днестра и Прута. *Русин* 8 (2), 20—25.

Chişvasi-Comşa M. 1958. Slavii de răsărit pe teritoriul RPR şi pătrunderea elementului romanic în Moldova pe baza datelor arheologice. *SCIV* IX (1), 73—89.

Comşa M. 1961. Săpăturile de la Nuşfalău (reg. Oradea). *Materiale şi cercetări arheologice* VII, 519—529.

Comşa M. 1978. *Cultura materială veche românească (aşezările de la Bucov-Ploieşti)*. Bucureşti: Editura Academiei Române.

Comşa M. 1979. Ceramică alanică din secolul al VIII-lea descoperită în centrul Dobrogei. *Pontica* 12, 151—156.

Corman I. 1998. *Contribuţii la istoria spaţiului pruto-nistrian in epoca Evului Mediu timpuriu (sec. V—VII d. Chr.)*. Chişinău: Cartdidact.

Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. 1995. Nonarchaeologycal theory and problem of cultural Heritage. *World Archaeological Bulletin* 8, 9—18.

Dankanits A., Ferencz I. 1959. Săpăturile arheologice de la Ciumbrud. *Materiale şi cercetări arheologice* VI, 605—615.

Dolinescu-Ferche Sz. 1984. La culture «Ipoteşti-Cândeşti». La situation en Valachie. *Dacia* NS 28, 117—147.

Horedt K. 1958. *Contribuţii la istoria Transilvaniei în secolelei VI—XIII*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Macrea M. 1959. Necropola slavă de la Someşeni. *Materiale şi cercetări arheologice* V, 519—527.

Macrea M. 1959a. Śantierul arheologic Someşeni-Cluj. *Materiale şi cercetări arheologice* VI, 515—522.

Mitrea I. 1984. Unele consideraţii privind originea, cronologia şi semnificaţia etno-culturală a cuţitelor cu volute descoperite pe teritoriul României. *Carpica* XVI. Bacău, 85—93.

Postică Gh. 1994. *Românii din Codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii din aşezarea Hansca)*. Chişinău: Universitas.

Postică Gh. 2007. Civilizaţia medieval timpuie din spaţul pruto-nistrean (secolele V—XIII). Bucureşti: Editura Academiei Române.

Postică Gh., Tentiuc I. 2014. Amulete-călăreţi din bronz din perioada medievală timpurie în spaţiul Carpato-Nistrean. *Tyragetia* SN VIII [XXIII] (1), 45—72.

Rabinovici R. 2016. The funerary monuments and the issue of ethno-cultural diversity in Prut-Dniester region during the IX—XII centuries AD. In: *Arheologia mileniului I. Chr.* Vol. V. *Identităţi şi schimburi cultural în mileniul I. Chr.* Brăila: Istros, 247—265.

Spinei V. 1999. *Marile migraţii din Estul şi Sud-Estul Europei în secolele IX—XIII*. Iaşi: Institutul European.

Tentiuc I. 1996. *Populaţia din Moldova centrală în secolele XI—XIII*. Iaşi: Helios.

Teodorescu V. 1964. Despre cultura Ipoteşi-Cîndeşti în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei (regiunea Ploiesti). *SCIV* 4, 485—504.

Toropu O. 1976. *Romanitatea târzie şi străromânii în Dacia Traiană sud-carpatică (secolele III—XI)*. Craiova.

Zaharia E. 1967. *Săpăturile de la Dridu. Contribuţie la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

References

Agathias Scholasticus. 1996. *O tsarstvovanii Iustiniana (On the Reign of Justinian)*. Moscow: “Arktos” Publ. (in Russian).

Artamonov, M.I. 2001. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. 2nd ed. Saint Petersburg: “Lan’” Publ. (in Russian).

Bubenok, O.B. 1997. *Iasy i brodniki v stepiakh Vostochnoi Evropy (VI — nachalo XIII vv.) (Jasz People and Brodniks in the Steppes of Eastern Europe, 6th — Early 13th Centuries)*. Kiev: “Logos” Publ. (in Russian).

Velikanova, M.S. 1978. In Mokhov, N.A. (ed.). *Slaviano-voloshskie sviazi (Relations between Slavs and Vlachs)*. Kishinev: “Ştiinţa” Publ., 30—76 (in Russian).

Vernadsky, G.V. 2004. *Istoriia Rossii (A History of Russia)* 1. *Drevniaia Rus’ (Kievan Russia)*. Moscow; Tver: “Lean” Publ. (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 1996. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. *Gaponovskii klad i ego kul’turno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 136—139 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2009. In Korotkevich, B.S., Machinskii, D.A., Senichenkova, T.B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 7—25 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 17—26 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Kazanskii, M.M. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovici, R.A. (eds.). *Antiquities. Studies and issues*. Essays in honour of Nicolai Telnov on the occasion of his 70th birthday. Kishinev; Tiraspol: Stratum Plus, 331—352 (in Russian).

Zelenchuk, V.S. (ed.). 1974. *Drevniaia kul’tura Moldavii (Ancient Culture of Moldavia)*. Kishinev: “Ştiinţa” Publ. (in Russian).

Granchak, I.M., Cherveniak, V. (eds.). 1991. *Drevniaia istoriia Verkhnego Potis’ia (Ancient History of the Upper Tisza Basin)*. Lvov: “Svit” Publ. (in Russian).

Eniosova, N.V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 205—236 (in Russian).

Zverev, E. Yu., Tkachuk, K.T. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 125—148 (in Russian).

Kamenetskaia, E.V. 1977. *Keramika IX—XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov’ia (Pottery of 9th—13th Centuries as a Source for the History of the Smolensk Part of the Dnieper Basin)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Kozlov, V.I. 2015. *Naselenie stepnogo mezhdurech’ia Dunaia i Dnestra kontsa VIII — nachala XI vekov n.e.: balkano-dunaiskaia kul’tura (Population of the Danube-Dniester Steppes in Late 8th — Early 11th Centuries: Balkan-Danube Culture)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Saint Petersburg; Kishinev: “Kazanskaia nedvizhimost’” Publ.; Stratum plus P.P. (in Russian).

Komar, A.V. 2004. In Kukoval’skaia, N.M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)*. Kiev; Sudak: Akademperiodika, 169—200 (in Russian).

Komar, A.V. 2007. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (1). Sofia, 35—52 (in Russian).

Komar, A.V. 2011. In *Madiari v Seredn’omu Podniprov’ї (Hungarians in the Northern Black Sea Area)*. Series: Arkheologhiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 7. Kiev, 21—78 (in Russian).

Komar, A.V. 2013. In Botalov, S.G., Ivanova, N.O. (ed.). *II Mezhdunarodnyi Mad’iarskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: “Rifei” Publ., 182—230 (in Russian).

Korol’kova, L.V. 1994. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)*. Tver: Tver State United Museum, 234—238 (in Russian).

Macrea, M. 1958. In *Dacia* NS II (in Russian).

Malevskaia, M.V. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 129, 14—20 (in Russian).

Malevskaia-Malevich, M.V. 2005. *Keramika zapadnorusskikh gorodov X—XIII vv. (Pottery of Western Russian Towns in 10th—13th Centuries)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Machinskii, D.A. 1981. In Korolyuk, V.D. (ed.). *Formirovanie rannefeodal’nykh slavianskikh narodnostei (Formation of Early Feudal Slavic Nations)*. Moscow: “Nauka” Publ., 31—52 (in Russian).

Minasian, R.S. 1978. In *Problemy arkheologii (Issues of Archaeology)* 2. Sbornik statei v pamiat’ professora M.I. Artamonova (In memoriam Professor M. Artamonov). Leningrad: Leningrad State University, 148—152 (in Russian).

Mys’ko, Yu.V., Pivovarov, S.V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 309—315 (in Russian).

Perkhavko, V.B. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 40—55 (in Russian).

Perkhavko, V.B. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 187, 28—35 (in Russian).

Pletneva, S.A. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov’ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ., 62—77 (in Russian).

Prykhodnyuk, O.M. 1980. *Arkheolohichni pam’yatky Seredn’oho Prydniprov’ya VI—IX st.n. e. (Archaeological Sites of the Middle Dnieper Basin of 6th—9th Centuries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).

Prikhodniuk, O.M. 1998. *Pen’kovskaia kul’tura. Kul’turno-khronologicheskii aspekt issledovaniia (Penkovka Culture. Cultural and Chronological Aspect of Research)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Prykhodnyuk, O.M. 2005. *Pastyrs’ke horodyshche (Pastyrskoe Hillfort)*. Kiev; Chernivtsi: “Zelena Bukovyna” Publ. (in Ukrainian).

Pushkina, T.A. 1987. In *Trudy V Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology)* III (1 b). Moscow: “Nauka” Publ., 50—57 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 1990. In Dergachev, V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia molodykh uchenykh Moldavii (Archaeological Studies Done by the Young Scholars of Moldavia)*. Kishinev: “Ştiinţa” Publ., 51—57 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 1991. In Chetraru, N.A. (ed.). *Khoziaistvennye kompleksy drevnikh obshchestv Moldovy (Economic Complexes of the Ancient Societies of Moldova)*. Kishinev: “Ştiinţa” Publ., 99—109 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 1997. *Karpato-Dnestrovskie zemli vo vtoroi polovine IX — pervoi polovine XIII vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (The Territory between Carpathians and Dniester in Second Half of 9th — First Half of 13th Centuries: Historical and Archaeological Study)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

Rabinovici, R.A. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 263—275 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 282—299 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 2005. In *Revista arheologică* SN I (2), 351—359 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 2007. In *Revista de etnologie şi culturologie* II. Chişinău, 46—51.

Rabinovici, R.A. 2007. In *Rusin (Rusin)* 8 (2), 26—36 (in Russian).

Rabinovici, R.A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 89—106 (in Russian).

Rabinovici, R.A., Gukin, V.D. 1991. In Bârnea, P.P. (ed.). *Drevnosti Iugo-zapada SSSR (I — seredina II tysiacheletiia n.e.) (Antiquities of South-West of the USSR: I—Mid-II Millennia AD)*. Kishinev: “Ştiinţa” Publ., 205—224 (in Russian).

Rabinovici, R.A., Ryabtseva, S.S. 1997. In Vakhtina, M. Yu., Vinogradov, Yu.A. (eds.). *Stratum+ Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological*

Bulletin). Saint Petersburg; Kishinev, 236—245 (in Russian).

Rabinovici, R.A., Ryabtseva, S.S. 2009. In Korotkevich, B.S., Machinskii, D.A., Senichenkova, T.B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 292—308 (in Russian).

Rabinovici, R.A., Ryabtseva, S.S. 2016. In Chudzińska, B., Wojenka, M., Wołoszyn, M. (red.). *Od Bachórza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego = From Bachórz to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe — evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary.* Kraków; Rzeszów: Instytut Archeologii UJ; Instytut Archeologii UR, 323—341 (in Russian).

Rabinovici, R.A., Tkachuk, M.E. 1995. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 4, 165—170 (in Russian).

Ravdina, T.V. 1988. In Bârnea, P.P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluve)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 54—71 (in Russian).

Ratkoљ, P. 1985. In Sanchuk, G.E., Poulik, J. (eds.). *Velikaia Moraviia ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie (Great Moravia, its Historical and Cultural Role)*. Moscow: "Nauka" Publ., 81—95 (in Russian).

Rafalovich, I.A. 1972. *Slaviane VI—IX vekov v Moldavii (The Slavs in 6th—9th Centuries in Moldavia)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Rikman, E.A., Rafalovich, I.A., Hâncu, I.G. 1971. *Ocherki istorii kul'tury Moldavii (II—XIV vv.) (Essays of the History of Culture of Moldavia in 2nd—14th Centuries)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Russev, N.D. 2002. In Telnov, N.P., Stepanov, V.P., Russev, N.D., Rabinovici, R.A. 2002. *«I… razoshlis' slaviane po zemle» ("And… the Slavs Spread across the Earth")*. Kishinev: High Anthropological School University, 67—131 (in Russian).

Russev, N.D. 2015. In Kozlov, V.I. 2015. *Naselenie stepnogo mezhdurech'ia Dunaia i Dnestra kontsa VIII — nachala XI vekov n.e.: balkano-dunaiskaia kul'tura (Population of the Danube-Dniester Steppes in Late 8th — Early 11th Centuries: Balkan-Danube Culture)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Saint Petersburg; Kishinev: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ.; Stratum plus P.P., 278—295 (in Russian).

Ryabtseva, S.S., Rabinovici, R.A. 2007. In *Revista arheologică* SN III (1—2), 195—230 (in Russian).

Ryabtseva, S.S., Rabinovici, R.A. 2014. In Makarov, N.A., Leontiev, A.E. (eds.). *Rus' v IX—XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura (Rus' in 9th—12th Centuries: Society, State, Culture)*. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 259—275 (in Russian).

Sedov, V.V. 1999. *Drevnerusskaia narodnost'. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Old Russian Folk: Historical-Archaeological Study)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Szentpetery, J. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 117—123 (in Russian).

Szőke, B. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 105—116 (in Russian).

Telnov, N.P. 1990. *Vostochnoslavianskie drevnosti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia VIII—X vv. (Eastern Slavic Antiquities in the Dniester-Prut Interfluve, 8th — 10th Centuries)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

Telnov, N.P. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (*5) 142—263 (in Russian).

Telnov, N.P. 2017. In *Dobrudzha (Dobruja)*, 32, 503—513 (in Russian).

Telnov, N.P., Stepanov, V.P., Russev, N.D., Rabinovici, R.A. 2002. *«I… razoshlis' slaviane po zemle» ("And… the Slavs Spread across the Earth")*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).

Tentiuk, I.S. 1990. In Demchenko, N.A. (ed.). *Arkheologiia, etnografiia i iskusstvovedenie Moldovy: itogi i perspektivy (Archaeology, Ethnography and Art Studies in Moldova: Results and Perspectives)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 66—78 (in Russian).

Türk, A. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovici, R.A. (eds.). *Antiquities. Studies and issues.* Essays in honour of Nicolai Telnov on the occasion of his 70th birthday. Kishinev; Tiraspol: Stratum Plus, 421—431 (in Russian).

Fedorov, G.B. 1960. *Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia v I tysiacheletii n.e. (People of the Prut-Dniester Interfluve in the I Millennium BC)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 89. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Fedorov, G.B., Negrusha, V.M. 1979. In Markov, D.F. (ed.). *Kompleksnye problemy istorii i kul'tury narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Itogi i perspektivy issledovanii (Complex Issues of History and Culture of the Peoples in Central and South-Eastern Europe. Conclusions and Perspectives for Research)*. Moscow: "Nauka" Publ., 48—56 (in Russian).

Fedorov, G.B., Polevoy, L.L. 1973. *Arkheologiia Rumynii (Archaeology of Romania)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov, G.B., Chebotarenko, G.F. 1974. *Pamiatniki drevnikh slavian (VI—XIII vv.) (Sites of Eastern Slavs (6th — 13th Centuries))*. Series: Archaeological Map of Moldavia 6. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Fodor, I. 2015. *Vengry: drevniaia istoriia i obretenie rodiny (Hungarians: Ancient History and the Hungarian Land-Taking)*. Perm: "Zebra" Publ. (in Russian).

Henning, J. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 87—104 (in Russian).

Khokhlov, V.A. 2000. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 7, 200—205 (in Russian).

Hâncu, I.G., Rafalovich, I.A. 1973. In *Slavyanite i sredizemnomorskiyat svyat VI—XI vek (Slavs and the Mediterranean World in 6th — 9th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 161—182 (in Russian).

Chebotarenko, G.F. 1973. *Kalfa — gorodishche VIII—X vv. na Dnestre (Calfa, the Fortified Settlement of 8th — 10th Centuries on the Dniester)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Chebotarenko, G.F. 1979. In Koroliuk, V.D. (ed.). *Etnicheskaia istoriia vostochnykh romantsev (drevnost' i srednie veka) (Ethnic History of Eastern Romans (Antiquity and Middle Ages))*. Moscow: "Nauka" Publ., 86—105 (in Russian).

Chebotarenko, G.F. 1982. *Naselenie tsentral'noi chasti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v X—XII vv. (Population of the Central Part of the Dniester-Prut Interfluve in the 10th — 12th Centuries)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Chebotarenko, G.F. 1983. In Zelenchuk, V.S. (ed.). *Slaviano-moldavskie sviazi i rannie etapy etnicheskoi istorii moldavan (Slavic-Moldovan Relations and Early Stages of Ethnic History of Moldovans)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 58—79 (in Russian).

Chera, S.V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 197—202 (in Russian).

Shcheglova, O.A. 1990. In Terpilovskii, R.V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ia (Proceedings and Studies on the Archaeology of the Dnieper Left-Bank Area)*. Kursk: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Kursk State Regional Museum of Archaeology, 162—204 (in Russian).

Shcheglova, O.A. 1991. In Masson, V.M. (ed.). *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte (Sociogenesis and Cultural Genesis in Historical Aspect)*. Saint PetersburgInstitute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR, 42—50 (in Russian).

Shcheglova, O.A. 2009. In Korotkevich, B.S., Machinskii, D.A., Senichenkova, T.B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Staro-*

go Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World). Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 39—65 (in Russian).

Shcherbakova, T.A., Tashchi, E.F., Telnov, N.P. 2008. *Kochevnicheskie drevnosti Nizhnego Podnestrov'ia (Po materialam raskopok kurgana u g. Slobodzeia) (Nomadic Antiquities of the Lower Dniester Region (by archaeological findings from the Barrow at Slobozeia Town))*. Kishinev: "Elan Poligraf SRL" Publ. (in Russian).

Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v. n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).

Iurasov, M.K. 2007. In *Rusin (Rusin)* 8 (2), 20—25 (in Russian).

Chişvasi-Comşa, M. 1958. Slavii de răsărit pe teritoriul RPR şi pătrunderea elementului romanic în Moldova pe baza datelor arheologice. *SCIV* IX (1), 73—89.

Comşa, M. 1961. Săpăturile de la Nuşfalău (reg. Oradea). *Materiale şi cercetări arheologice* VII, 519—529.

Comşa, M. 1978. *Cultura materială veche românească (aşezările de la Bucov-Ploieşti)*. Bucureşti: Editura Academiei Române.

Comşa, M. 1979. Ceramică alanică din secolul al VIII-lea descoperită în centrul Dobrogei. *Pontica* 12, 151—156.

Corman, I. 1998. *Contribuţii la istoria spaţiului pruto-nistrian in epoca Evului Mediu timpuriu (sec. V—VII d. Chr.)*. Chişinău: Cartdidact.

Gukin, V., Manzura, I., Rabinovich, R., Tkaciuk, M. 1995. Non-archaeologycal theory and problem of cultural Heritage. *World Archaeological Bulletin* 8, 9—18.

Dankanits, A., Ferencz, I. 1959. Săpăturile arheologice de la Ciumbrud. *Materiale şi cercetări arheologice* VI, 605—615.

Dolinescu-Ferche, Sz. 1984. La culture «Ipoteşti-Cândeşti». La situation en Valachie. *Dacia* NS 28, 117—147.

Horedt, K. 1958. *Contribuţii la istoria Transilvaniei în secolelei VI—XIII*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Macrea, M. 1959. Necropola slavă de la Someşeni. *Materiale şi cercetări arheologice* V, 519—527.

Macrea, M. 1959. Śantierul arheologic Someşeni-Cluj. *Materiale şi cercetări arheologice* VI, 515—522.

Mitrea, I. 1984. Unele consideraţii privind originea, cronologia şi semnificaţia etno-culturală a cuţitelor cu volute descoperite pe teritoriul României. *Carpica* XVI. Bacău, 85—93.

Postică, Gh. 1994. *Românii din Codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii din aşezarea Hansca)*. Chişinău: Universitas.

Postică, Gh. 2007. Civilizaţia medieval timpuie din spaţul prutonistrean (secolele V—XIII). Bucureşti: Editura Academiei Române.

Postică, Gh., Tentiuc, I. 2014. Amulete-călăreţi din bronz din perioada medievală timpurie în spaţiul Carpato-Nistrean. *Tyragetia* SN VIII [XXIII] (1), 45—72.

Rabinovici, R. 2016. The funerary monuments and the issue of ethno-cultural diversity in Prut-Dniester region during the IX—XII centuries AD. In *Arheologia mileniului I. Chr.* Vol. V. *Identităţi şi schimburi cultural în mileniul I. Chr.* Brăila: Istros, 247—265.

Spinei, V. 1999. *Marile migraţii din Estul şi Sud-Estul Europei în secolele IX—XIII*. Iaşi: Institutul European.

Tentiuc, I. 1996. *Populaţia din Moldova centrală în secolele XI—XIII*. Iaşi: Helios.

Teodorescu, V. 1964. Despre cultura Ipoteşi-Cîndeşti în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei (regiunea Ploiesti). *SCIV* 4, 485—504.

Toropu, O. 1976. *Romanitatea târzie şi strămânii în Dacia Traiană sud-carpatică (secolele III—XI)*. Craiova.

Zaharia, E. 1967. *Săpăturile de la Dridu. Contribuţie la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Статья поступила в сборник 19 декабря 2017 г.

Roman Rabinovici (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University [1].

Рабинович Роман Аронович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: romanescu@mail.ru

Address: [1] N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

А. А. Романчук

Слово о *Суждале*: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики

Keywords: Ancient Rus, Suzdal, Slavs, archaeology, toponymy, history

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздаль, славяне, археология, топонимика, история

A. A. Romanchuk

A Word about *Sujdal*: a Hypothesis by O. N. Trubachev in the Light of Archeological, Historical and Toponomic Data

O. N. Trubachev's hypothesis is considered in the context of modern knowledge of archaeology and history, as well as in the context of toponomic landscape of the region. The author found out that the hypothesis refers to the knowingly later historical events, compared to the time of appearance of the oikonym. So, the hypothesis needs a significant modification, at least. Basing on the analysis of the toponomic context of the region, the author suggest that the appearance of the oikonym Suzdal was caused by the first wave of Slavic migration to the Volga-Klyazma region. This migration brought a toponomic model that consists of prefix Su- and final -ь to the region. The author also suggests that appearance of Suzdal as oikonym was preceded by use of Suzdal as a hydronym (the old name of the Kamenka river, presumably) or a toponym which named a larger topographical object (Suzdal high plains as a whole).

А. А. Романчук

Слово о *Суждале*: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики

Гипотеза О. Н. Трубачева о происхождении названия города Суздаль была сопоставлена с современными данными археологии и истории, а также топонимическим ландшафтом региона. Было обнаружено, что эта гипотеза апеллирует к заведомо более поздним, сравнительно со временем возникновения ойконима, историческим событиям. И нуждается в, по крайней мере, серьезной модификации. Исходя из топонимического контекста, предлагается связывать появление ойконима «Суздаль» с самой ранней волной славянского заселения Волго-Клязьминского междуречья, принесшей в регион топонимическую модель с префиксальным Су- и финалем -ь. Высказано предположение, что ойкониму «Суздаль» предшествовал гидроним (предположительно — более раннее название реки Каменка) или топоним, обозначавший более крупный топографический объект (Суздальское ополье в целом).

Предваряя текст статьи, хочется сказать несколько слов в качестве предисловия, обращенного к той решающей причине, которая здесь нас всех собрала — юбилею Николая Петровича.

Всегда хочется написать для юбиляра что-то такое, что будет ему чем-то особенно созвучно, близко каким-то его устремлениям и интересам. Не всегда так удается. Но я льщу себя надеждой, что в данном случаем моя статья, попав в сборник в честь юбилея Николая Петровича, как раз попадает и в точку.

Будучи филологом по первому образованию, Николай Петрович сохранил на всю жизнь любовь к поэтике древнерусского языка. И до сих пор он с большой любовью и тщанием собирает, например, литературу о «Слове о полку Игореве».

Поэтому я искренне надеюсь, что Николаю Петровичу будет действительно приятно читать этот плод моих размышлений [1].

Итак, сорок лет назад О. Н. Трубачев назвал одну свою небольшую статью «Снова о названии *Суздаль*».

В ней, опираясь на краткое замечание Ф. Миклошича, он предложил новую этимологию названия города *Суздаль* (Трубачев 2005:

[1] Статья представляет собой развитие идей, высказанных в опубликованной на сайте генофонд.рф (Романчук 2015) работе «И еще раз о Суздале»: http://генофонд.рф/?page_id=6358.

Большое спасибо редакторам сайта генофонд.рф — Е. В. Балановской, Л. С. Клейну и Н. В. Маркиной, а также всем его читателям, принимавшим участие в обсуждении.

© А. А. Романчук, 2018.

301—306). Этимология эта получила широкое признание (Нерознак 1983: 165), и, как полагают, «наиболее предпочтительным в настоящее время представляется предположение О. Н. Трубачева» (Смолицкая 2002: 333).

Вместе с тем, до сих пор никто не пытался проверить гипотезу О. Н. Трубачева с точки зрения данных археологии и истории. А также рассмотреть название *Суздаль* не просто само по себе — но учитывая его топонимический контекст в целом. И, как мне кажется, сегодня есть необходимость снова вернуться к этой проблеме — в том числе отталкиваясь и от результатов некоторых других исследований самого О. Н. Трубачева.

Начнем с того, что составим себе представление о сути гипотезы О. Н. Трубачева, а также и ходе его рассуждений.

О. Н. Трубачев: *Суздаль* и *суздаль*

Итак, «слово *Суздаль* с редким единодушием признано неясным по происхождению. Поиски при этом велись, как правило, в одном направлении, несмотря на сопутствующую этим попыткам неудачу... В двух словах это выглядит так: название *Суздаль* неясно, непрозрачно, оно находится на территории с древним финским субстратом, следовательно, мы имеем здесь дело с нерусским названием» (Трубачев 2005: 301).

Действительно, на финской почве достаточно убедительно объяснить топоним *Суздаль* так и не удалось.

Не увенчались успехом и попытки скандинавской этимологии. Впрочем, эти попытки изначально были очень похожи на народную этимологию; удивительно, что иногда они появляются и в новейших работах (правда, это работы не лингвистов). Как убедительно показала по отношению к вариациям названия топонима *Суздаль* в скандинавских источниках Т. Н. Джаксон: «перед нами попытки передать местное звучание с использованием скандинавских корней» (Джаксон 2001: 155) [2].

Предложение же О. Н. Трубачева заключалось в следующем: «Слово *Су-зда-ль*... правильно образовано в древнерусском языке с помощь вышеназванной именной приставки *су-* и суффиксального *-ль* от глагола СЪЗЬДАТИ, *создать*, ср. аналогичные отношения парных префиксальных имен и глаголов *сувой — свить, сугроб — сгребать/сгрести* в русском языке» (Трубачев 2005: 303).

И, в таком виде, в целом предложение О. Н. Трубачева (с учетом уточнений В. П. Нерознака (Нерознак 1983: 165)) как будто возражений не вызывает.

Правда, он (как отчасти и В. П. Нерознак) совершенно обошел вниманием то обстоятельство, что изначальной формой топонима являлась, видимо, все же *Суждаль*.

Совершенно упускает из виду это обстоятельство и А. К. Матвеев в недавней (опубликованной посмертно) работе, где он попытался предложить мерянскую этимологию ойконима Суздаль (Матвеев 2015: 64) [3].

Между тем, на это особо обращал внимание еще М. Фасмер — возражая против возможности использовать для этимологизации белорусское диалектное *суздалі* (Фасмер 1987: 805). По его мнению, «-з- произошло из -ж- путем дистантной ассимиляции начальному С- ... Сближение с блр. суздалі противоречит старым свидетельствам на -ж-».

Действительно, в летописи мы имеем первое упоминание как *Суждаль*: «Впервые... в Лавр. лет. под 1024 годом: “Всташа волъсви в Суждали”, ПСРЛ I, 147» (Нерознак 1983: 164—165). В сравнительно недавно обнаруженном более раннем источнике, Новгородском кодексе («древнейшая ныне известная

[2] Как отмечает и А. К. Матвеев, «варьирование скандинавских форм (Súrdalar, Surtsdalar, Sursdalr и т. п.) ясно указывает на народную этимологию генетически нескандинавского слова» (Матвеев 2015: 63).

[3] Гипотеза А. К. Матвеева вызывает сомнения еще по ряду причин, в том числе и потому, что, приведя обширный перечень вариантов «проявления русской фонетической и фонетико-морфологической адаптации (мерянского — *А. Р.*) форманта -бол» (Матвеев 2015: 63), он не обнаруживает среди них более ни одного, где исходное «мерян. *-pol, *-bol или *-păl, *-băl» дало бы русское *-дал\-дол*. К тому же, и сам А. К. Матвеев справедливо отмечает важный хронологический показатель: «сегмент -бал... по-видимому, отражающий относительно поздний этап ассимиляции, когда мерянское *ă уже воспринималось русскими как а» (Матвеев 2015: 58). Между тем, очевидно, что ойконим Суздаль является очень ранним и возникает в, по крайней мере, раннедревнерусское время.

Что касается упоминаемой здесь же А. К. Матвеевым гипотезы А. Л. Шилова (тоже предполагающего финно-угорское происхождение ойконима Суздаль), то мне, к сожалению, недоступна эта работа (Шилов 1996), поэтому сложно сейчас дать ей оценку. Но, по всей видимости, к ней отчасти возникают те же вопросы, что и к гипотезе А. К. Матвеева. А отчасти — и новые. Сам А. К. Матвеев оценивал ее как «далеко не бесспорную».

Но, как бы то ни было, излагаемые в этой статье соображения будут иметь, полагаю, значение для любой попытки этимологизировать ойконим Суздаль — будь то на славянской почве или на финно-угорской.

книга древней Руси» (Зализняк 2003: 191)), отражающем события и реалии конца X века, тоже использована форма с *-ж-*: «в соужъдали» (Зализняк 2003: 209).

Если изначальной формой ойконима было именно *Суждаль*, то перед гипотезой О. Н. Трубачева сразу возникает достаточно серьезное затруднение, требующее разрешения.

Правда, В. П. Нерознак, хотя и слишком, на мой взгляд, бегло, высказал предположение, которое, по его мысли, могло бы это затруднение все же разрешить: «можно предположить, что вариант Суждаль возник под влиянием формы *зиждѫ* ‘зижду, строю’» (Нерознак 1983: 166).

Но, не углубляясь пока здесь в этот вопрос, я хотел бы сосредоточить внимание на другой, и, по меньшей мере, — не менее важной проблеме, встающей перед гипотезой О. Н. Трубачева.

А именно: в таком, изложенном выше виде, гипотеза О. Н. Трубачева является принципиально незавершенной.

Попытки же О. Н. Трубачева завершить эту гипотезу — заставили его, на мой взгляд, вступить на весьма зыбкую почву, и вызывают серьезные возражения.

Итак, О. Н. Трубачев, пытаясь придать гипотезе законченный вид, обращает внимание на «такой немаловажный фактор, как отсутствие в известном нам русском и славянском словарном составе апеллатива **суздалъ*. В самом деле, нельзя же, например, считать таковым чисто случайно созвучное слово *суздыль* м. р. ‘сухой, худой человек’, отмеченное в белорусских могилевских говорах...» (Трубачев 2005: 304).

Выход из этой ситуации он видит в том, чтобы ***реконструировать*** «исконно русское апеллативное *Суздаль*, а также его примерное значение ‘глинобитная или кирпичная постройка’. Парный глагол съзьдити имел первоначально конкретное значение ‘слепить из глины’, отсюда его употребительность, например, в церковных сказаниях о создании человека из глины» (Трубачев 2005: 304). По его мнению, «в подтверждениях древних связей гончарства и кирпичного зодчества нет недостатка. Для обоих ремесел един древнерусский глагол ЗЬДАТИ. То же самое действительно и для имени деятеля др.-рус. **зьдъчии:** обозначался этим словом умелец, который “ЗДАЛЪ ДОМЫ”, был, по сути дела, кирпичных дел мастером, хотя он же выступал и как горшечник» (Трубачев 2005: 305).

Но здесь существует очевидная проблема.

Именно логика выдвигаемой им гипотезы требует связать появление названия *Суздаль* — с каменным (строго соблюдая логику гипотезы, следовало бы: кирпичным) строительством в регионе. По его словам: «на фоне деревянных “новостроек” Северо-Восточной Руси ранней поры резко выделялся каменный храм в Древнем летописном Суздале — первый каменный дом на всем Северо-Востоке XI в.; в этой же связи в роли контрастного, культурно отмеченного (merkmalhaftig, markiert, marque) признака выдвинулась, по видимому, и какая-то новаторская строительная техника, которая, наверное, и дала имя Суздалю в отличие от других известных, ближних и дальних городов и весей» (Трубачев 2005: 305—306).

2. Гипотеза О. Н. Трубачева и данные археологии и истории

Однако, как следует из археологических и исторических данных, Суздаль возникает еще в X веке.

Вот что пишет Н. А. Макаров, подводя итоги нескольких десятилетий археологических исследований Суздаля: «М. В. Седова относила возникновение Суздаля к первой половине X в. Согласно её наблюдениям, древнейшее славяно-мерянское поселение представляло собой мысовое городище с тремя линиями рвов и валом в северо-западной части кремля площадью около 1,5 га. Эти укрепления были срыты не позднее первой четверти XI в., очевидно, после восстания волхвов 1024 г., когда Ярослав соорудил более мощные укрепления, охватывавшие площадь 14 га» (Макаров 2012: 204).

Действительно, М. В. Седова полагала, что город Суздаль возник лет на сто ранее его первого упоминания в летописи (Седова 1992: 2, 14—15).

Но даже если исходить из наиболее консервативных оценок археологов, то все же дату возникновения города Суздаль нельзя отнести ко времени более позднему, нежели середина — вторая половина X века.

Если же говорить о письменных источниках, то, как отмечалось несколькими абзацами ранее, первое упоминание Суздаля в летописи относится к 1024 году. А согласно также цитированному выше т. н. Новгородскому кодексу, уже «в 999 г. монах Исаакии был поставлен попом (то есть, стал иеромонахом) в Суздале» (Зализняк 2003: 210).

Существенное значение для датировки возникновения названия *Суздаль* имеют и данные

скандинавской традиции. Именно, как убедительно показала Т. Н. Джаксон, самые ранние названия Суздаля в скандинавской традиции возникли в диапазоне от второй трети X века до, самое позднее, начала XI века (Джаксон 2001: 153).

Очевидно, что возникновение названия *Суздаль* должно было более или менее значительно предшествовать времени его фиксации скандинавскими источниками. К тому же, не приходится думать, что скандинавские источники зафиксировали бы название Суздаля уже в X — начале XI вв., если бы к этому времени он представлял собой уж совершенно незначительно поселение (или, точнее, незначительный топографический объект — но об этом ниже). А это, соответственно, заставляет предполагать еще более длительную предысторию существования и ойконима, и «городского» поселения *Суздаль*.

Тем более, что, как подчеркнула М. В. Седова, в исландском географическом сочинении «Какие земли лежат в мире» Суздаль перечисляется среди восьми древнейших и крупнейших городов Руси (Седова 1992: 5).

Таким образом, можно полагать, что, по крайней мере, к началу — первой трети X века «городок» *Суздаль*, как и его название, — уже существовали [4].

Однако, с другой стороны, «становление его как значимого политического центра, судя по летописи, должно быть отнесено к концу XI столетия, когда город становится предметом ожесточённой борьбы между потомками Ярослава — Олегом Святославичем и Мономашичами» (Макаров 2012: 194). По археологическим же данным: «ранний слой Суздаля беден вещевыми находками, точно определить время возникновения поселения и продолжительность формирования древнейшего слоя с лепной керамикой затруднительно. Можно составить лишь самое общее представление о поселении. Оно возникло не позднее второй половины X в., было укреплено, в отличие от основной массы поселений Ополья, но культурный слой не содержит находок, указывающих на его особый статус и торгово-ремесленный характер» (Макаров 2012: 204).

То есть, в X — первой половине XI в. Суздаль явно существует, но существует все же как сравнительно (с тем же Ростовом, например) рядовое поселение. Предполагать там в это время масштабную престижную архитектуру, и тем более такого типа, которая бы сыграла роль «контрастного, культурно отмеченного признака» — оснований как будто нет.

Более того, масштабное, а скорее — и вообще каменное строительство в Суздале явно не могло начаться ранее, чем Суздаль стал значимым политическим центром. Поскольку, в условиях того времени, каменное строительство для Владимиро-Суздальских земель — это весьма трудоемкое и достаточно экономически затратное дело.

Так, С. В. Заграевский подсчитал, что в среднем плечо подвоза камня для строительства храмов XII века в Суздале и Владимире составляло порядка пятисот километров. А само каменное строительство было трудозатратнее кирпичного (тоже, собственно говоря, недешевого) более чем в десять раз.

Даже если С. В. Заграевский здесь несколько преувеличивает эту разницу, очевидно, что порядок цифр будет примерно таковой.

И, согласно выводам С. В. Заграевского, «в Византии церковное строительство велось из плинфы или в смешанной технике — “opus mixtum”; из камня строили только на некоторых окраинах Византийской империи, и то лишь потому, что в горах и пустынях не было глины для обжига на плинфу. Плинфяной либо смешанной была и строительная техника Киева, Новгорода, Пскова, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Переяславля Южно-

[4] Упомянем здесь и то, что (как отмечала и М. В. Седова (Седова 1992: 4)) Венгерский Аноним называет некий топоним *Susudal* в контексте событий 884 г. — переселения венгров в Паннонию, при пересечении ими Волго-Окского междуречья. И существует уже давняя традиция видеть в этом топониме именно упоминание Суздаля или Суздальской земли.

Однако, действительно ли это упоминание отражает реалии именно IX века? Или же уже XII века?

Мне кажется, что скорее второе.

Но существенно, что, как отмечал А. Е. Леонтьев, направления первоначальной славянской колонизации Ростово-Суздальских земель «определялись не течением рек и наличием свободных плодородных земель — удобные для освоения территории были в изобилии, и их освоение в пределах Ростово-Суздальского княжества затянулось на столетия. Города и поселки возникли, прежде всего, в наиболее обжитых районах дославянского населения края — летописного финского племени мери. ... Суздаль и более поздние княжеские города — Владимир, Переславль, Юрьев возникли в ранее освоенных финских местностях» (Леонтьев 1991: 3). Этот же вывод он повторяет и в диссертации, указывая, что Суздаль возник на месте более раннего «мерянского» неукрепленного поселения (Леонтьев 1991а: 22).

И это дает основания предполагать, что топоним Суздаль может быть не просто древнее возникновения «города» Суздаль — а существенно древнее.

го, Владимира Волынского и всех остальных древнерусских земель (добавлю здесь: включая и соседнюю Рязань. — *А. Р.*), к**роме Галицкой и Суздальской»** (Заграевский 2008: гл. 1).

При этом **«в Галицком княжестве белокаменное строительство началось в 1110—1120-х годах, в Суздальском — в 1152 году** ... (выделено мной. — *А. Р.*)» (Заграевский 2008: гл. 1).

То есть, в Суздале белокаменное (и, главное, масштабное) строительство началось только в середине XII века, при Юрии Долгоруком. Причем первый белокаменный храм Владимиро-Суздальской Руси был построен Юрием Долгоруким в Кидекше, в самом же Суздале при Юрии Долгоруком никакого белокаменного строительства не велось.

Впрочем, может быть, здесь следует ориентироваться не на собственно белокаменное строительство, а на появление первых «кирпичных» (т. е. созданных в технике «opus mixtum» или близкой к ней) культовых строений в Суздале?

Тем более, что реконструируемый О. Н. Трубачевым апеллатив должен был иметь, по его мнению, значение как раз «глинобитная или кирпичная постройка». Да и ведь, безусловно, сильнейшее влияние на О. Н. Трубачева, возможно, ставшее одной из первопричин появления у него этой идеи, оказало как раз открытие археологами на территории Суздаля действительно нерядового объекта — печей для обжига кирпича-плинфы (Варганов 1956; Смолицкая 2002: 333) [5].

Но и здесь данные археологии и истории противоречат гипотезе О. Н. Трубачева: самый ранний эпизод строительства в технике «opus mixtum» в Суздале, судя по имеющимся данным, относится ко времени, тоже заведомо слишком позднему — и связан с деятельностью уже Владимира Мономаха.

Именно при Владимире Мономахе (великий князь в 1113—1125 гг.) построили первую в технике «opus mixtum» церковь в Суздале (собор Рождества Богородицы, около 1101 года) (Воронин 1961: 27—28). И именно ко времени строительства Мономахом церкви в Суздале, очевидно, относится и деятельность этих печей для обжига кирпича-плинфы (Варганов 1956: 54) [6].

Подчеркну здесь, что отнесение первого опыта «каменного» (точнее — кирпично-каменного) строительства в Суздале ко времени Владимира Мономаха является общим мнением исследователей, выводом, который сомнений на сегодняшний день ни у кого не вызывает (Седова 1992: 6).

Таким образом, подводя промежуточные итоги: принятие гипотезы О. Н. Трубачева в ее завершенном виде натыкается на очевидное несоответствие: название *Суздаль*, по всей видимости, появилось заведомо раньше, нежели появились условия, требуемые гипотезой О. Н. Трубачева. И вдобавок, Суздаль, в отличие от почти всех прочих древнерусских центров, характеризуется как раз не кирпичной (что требовала бы логика гипотезы О. Н. Трубачева при строгом ей следовании), но белокаменной архитектурой.

3. Ойконим *Суздаль* — и гидроним *Суздаль*?

В этой ситуации, как мне представляется, гипотеза О. Н. Трубачева требует уточнения и развития в ином направлении.

И для этого следует обратиться сначала к наблюдениям другой, и очень значимой работы В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева (вышедшей в 1962 году) — монографии, посвященной гидронимам Верхнего Поднепровья (Топоров, Трубачев 2009).

Отправным пунктом для такого обращения служит момент, на который обратил внимание сам О. Н. Трубачев.

Именно, рассматривая «*Су-здаль* как образование с приставкой *су-*», он сам подчеркивал*:* «В восточнославянской топонимии и гидронимии эта словообразовательная модель представлена единичными древними образованиями» (Трубачев 2005: 303).

То есть, в случае с названием *Суздаль* мы, судя уже по приставке *су-*, имеем дело с редким в структурном отношении, очевидно архаичным восточнославянским топонимом — и к тому же оформленным тоже «сугубо ар-

[5] Сравните также: «Суздальский собор, поднявший свои полосатые каменно-кирпичные стены на огромную высоту над землей... Самый факт постройки столь необычайного огромного здания воспринимался как своего рода “чудо”, облекавшее князя ореолом сверхъестественного» (Воронин 1961: 49).

[6] К тому же, нельзя не отметить, что, согласно данным письменных источников, примерно синхронно, и тоже по инициативе Владимира Мономаха, был построен и аналогичный храм в близлежащем Владимире-на-Клязьме (Воронин 1961: 39, 42—43). Так что, тут даже хронологический приоритет Суздаля в «кирпичном» (как и «белокаменном») строительстве оказывается под вопросом.

хаической йотовой суффиксацией» (Васильев 2005: 34).

Сам О. Н. Трубачев фактически тоже обратил внимание на соответствующие параллели: «укажем на определенное структурное сходство нашего топонима *Су-зда-ль* и такого знаменитого (в другой связи) восточнославянского речного и местного названия как *Супрасль*, правый приток Нарева и населенный пункт на нем» (Трубачев 2005: 303).

В монографии, посвященной названиям рек Правобережной Украины (1968), О. Н. Трубачев отдельно рассмотрел вопрос о собственно гидронимической модели на *-аль* — которая представлена группой тоже весьма редких «славянских гидронимических суффиксальных производных с формантом — (*а*)*лъ: Криваль...*, *Звиздалъ...*, *Тусталь...*» (Трубачев 2009: 632). Но, применительно к проблеме названия *Суздаль* мы, думаю, должны непосредственно учитывать и еще один тип гидронимов, рассмотренный В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым: «Таль... Вероятно, образовано от причастия на -/ъ русск. талый: таять» (Топоров, Трубачев 2009: 311).

Как гидронимы на *-аль*, так и гидроним *Таль* (и ему подобные) относятся к более обширной группе гидронимов на *-ь* (Топоров, Трубачев 2009: 143, 177—178; Трубачев 2009: 630). Также как и гидронимы на *-ль (-ля)*, — ель и еще некоторые другие.

Сразу отметим, что «происхождение гидронимов на *-ь* неоднородно, как и их состав. С одной стороны, речь идет о чистых основах на мягкий согласный (бывшие основы на *-j-/-jo-*), с другой стороны, — о старых основах, расширенных с помощью йотовых суффиксов» (Топоров, Трубачев 2009: 179). Также среди восточнославянских гидронимов на *-ь* мы видим как этимологизируемые на славянской почве, так и на неславянской (главным образом — балтской).

Вместе с тем, важно, что даже этимологизируемые на неславянской почве восточнославянские гидронимы на *-ь* в своем подавляющем большинстве (если не все) приобретают исход *-ь* уже в славянском осмыслении (или при образовании гидронима славянами от неславянского корня) [7]. И, значительная часть из гидронимов на *-ь* обнаруживает определенную неравномерность в своем территориальном распределении — что любопытно, и на этом мы остановимся подробнее ниже.

Пока же обратим внимание, что среди рассмотренных В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым гидронимов восточнославянского ареала на *-ь* весьма заметное место занимают как раз гидронимы, демонстрирующие отчетливые параллели в ойконимике (Топоров, Трубачев 2009: 145—146, 178—179, 312; Трубачев 2009: 606, 654, 666, 674). Вплоть до того, что для одной из составляющих их гидронимических групп — названий рек на *-гощь*/*-гоща*, — «употребление в качестве гидронимов, по всей видимости, не первично и обязано своим происхождением соответствующим топонимическим случаям» (Топоров, Трубачев 2009: 178).

Вне зависимости от того, насколько последний вывод, по поводу гидронимов на *-гощь*/*-гоща*, верен (здесь возможна иная интерпретация, о которой будет сказано ниже), мы, как мне кажется, по крайней мере вправе поставить вопрос: **не является ли ойконим *Суздаль* образованным от гидронима *Суздаль*?**

Тем более, что в нашем распоряжении имеются сохранившиеся по сей день именно гидронимы *Суздаль*: «гидронимы Су́здарь с вариантом Су́здаль (басс. р. Юг в Вологодской области) и Су́здаль (басс. р. Кострома в Костромской области)» (Матвеев 2015: 63). Правда, как указывает сам А. К. Матвеев, «в первом случае, ввиду смежного названия деревни Су́здалиха, очень вероятен перенос названия из Волго-Окского междуречья самими мерянами или русскими, не исключен он и во втором случае» (Матвеев 2015: 64).

Как бы то ни было, правомерность такой постановки вопроса, кажется, полагаю, еще очевиднее, если мы посмотрим на реестр гидронимов бассейна реки *Клязьма*.

Итак, мы видим среди притоков Клязьмы следующие реки: *Суворощь*, *У́водь* (Урож — приток Уводи; его, видимо, тоже стоит учесть), *Вязь* (приток Учи) и *Радомля*. Ну и, конечно, река, в двух километрах от впадения которой в Клязьму располагался политический преемник Суздаля, город Владимир — река *Нерль* (ее притоком является *Каменка* — на которой, в свою очередь, расположен город Суздаль) [8].

[7] Ср. здесь: «Частотность согласной финали -л (ь) свидетельствует о том, что для мерянских ойконимов на -бол было характерно консонантное окончание на согласный, тогда как гласные финали являются результатом русской адаптации» (Матвеев 2015: 56).

[8] Возможно, тут следует учесть и *Сунгирь* (если, конечно, предполагать его как славянское образование от финно-угорского *ингир* ‘маленькая речка, ручей’ (по поводу *-ингир* см.: Альквист 1997: 30; Матвеев 2015: 123—128). Впрочем, куда вероятнее, что Сунгирь следует сопоставлять с многочисленными во Владимирской области и очевидно финно-угорскими по про-

Среди притоков *Уводи* отдельно стоит упомянуть реки *Талка* и *Тальша* — представляющие собой, очевидно, названия, расширенные с помощью новых суффиксов от гидронима *Таль*.

Помимо названий рек, здесь стоит упомянуть и некоторые ойконимы окрестностей Суздаля — как *Суромна*, *Абакумлево* (от *Абакумль*), *Суворотское*, *Чаславль* (возможно: *Уршель*, *Сулово*).

Список этот далеко не полный — и носит лишь иллюстративный характер.

Таким образом, мы видим, что в бассейне Клязьмы наблюдается целое гнездо гидронимов, образованных по редкой и архаичной славянской топонимической модели с префиксом *Су-* — и/или финалем *-ль*, и, шире — *-ь*. Топоним *Суздаль*, соответственно, является не единичным феноменом в этом микрорегионе — и должен объясняться именно как часть этого топонимического гнезда.

Помимо того, надо полагать (исходя из историко-археологических и лингвистических соображений), что здесь целесообразно не ограничиваться бассейном Клязьмы — но брать шире, вообще Волго-Клязьминское и даже Волго-Окское междуречье. В таком случае, число гидронимов с префиксальным *су-* и/или финалем *-ь* на территориях, соседящих с Суздалем, у нас много больше. Так, среди притоков Москвы: реки *Жмель* (приток *Держи*), *Сукромля* (приток *Держи*), *Иночь*, *Гжелка* (изначально, очевидно — *Гжель*), *Сулоть* (приток *Дубны* (Поспелов 1998: 502)), *Сутоки*, *Сухмань*. Наконец, среди притоков *Тверцы*: *Логовежь*, *Негочь*, *Поведь*. Ну, и сама *Тверца* — ее первоначальное название, очевидно, *Тверь* (Нерознак 1983: 167).

Также, имея в виду наличие рек с название *Супрута* на Верхнем Днепре, «любопытно наличие Супруты в бассейне Оки и Супрутки в бассейне Истры» (Истра — приток Москвы — *А. Р.*) (Топоров, Трубачев 2009: 311).

Примеры для Волго-Окского региона, когда название города образовано от гидронима на *-ь*, у нас тоже есть. Упомянем, в частности, *Рязань*: «название города возможно гидронимического происхождения, ср. названия рек в Поочье, Рязань...» (Нерознак 1983: 152). А также более известный и бесспорный — *Тверь* (Нерознак 1983: 167) [9].

Однако, дело не только в том, что в бассейне Клязьмы мы фиксируем, помимо ойконима *Суздаль*, еще достаточно значительный ряд гидронимов и ойконимов аналогичного типа.

Весьма существенно здесь еще и то, как встречается в восточнославянском ареале соответствующая топонимическая модель: «более половины всех названий на *-ь* сосредото-

---

исхождению гидронимами с начальным *С-* (Сингирь, Сингер и т. п.) (Матвеев 2015: 124). И здесь сразу же стоит отметить, что наличие в рассматриваемом регионе гидронимов с начальным *Су-* (конкретно — *Судогда*), для которых наиболее перспективной представляется именно финно-угорская этимология (Матвеев 2015: 106), априори требует тщательного рассмотрения каждого конкретного случая. В задачи этой работы это не входит, и здесь я лишь хотел бы обратить внимание, что среди них есть те, которые все же очевидно должны трактоваться как славянские — в частности, упоминаемая в следующем абзаце *Сукромля*.

[9] Здесь возникает вопрос о роде соответствующих ойконимов — поскольку уже самые ранние фиксации ойконима *Суздаль* дают его в мужском роде. В этой связи существенно, что в летописи ранние фиксации ойконима Рязань также дают его исключительно в мужском роде: под 1096 годом «иде к Рязаню»; «из Рязаня» (Нерознак 1983: 151). Привычный для нас женский род ойконима *Рязань* — явление сравнительно более позднее.

Также, упомянем здесь еще ряд аналогичных примеров: «к Волыню» (1018 год) (Нерознак 1983: 47); «не дошедше Семыня» (*Семынь* — город в Черниговской земле, упоминается в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1152 годом; существенно, что «название образовано от реки Семынь») (Нерознак 1983: 155).

Напротив, город Ржев (в Тверской области) — первоначально именовался Ржева: в 1386 «князь... взял Ржеву»; «ко Ржеве» (Нерознак 1983: 146). Образован ойконим Ржева/Ржев, по всей видимости, от гидронима *Ржева*.

Любопытна в этом отношении и эволюция ойконима *Москва*.

Первое упоминание Москвы, в 1147 году — «въ Московъ» (Нерознак 1983: 110); ср. здесь: Голтавъ — от Голтава (Нерознак 1983: 61). При этом, отмечает В. П. Нерознак, «особый интерес представляет зафиксированная в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1177 годом форма Московь: “на Московь”; под этим же годом в Ипатьевской летописи: до Москве» (Нерознак 1983: 110—111). И хотя «слово Москва в древнерусском склонялось по типу свекры, любы, букы», но «можно предположить, что первоначальной формой топонима была не *Москы, а Московъ, Московь» (Нерознак 1983: 114).

Факты эти показательны, поскольку демонстрируют, как при переходе от гидронима на *-ль/-ь* к ойкониму мог изменяться род топонима. По всей видимости, для гидронимов соответствующего типа был характерен прежде всего женский род (что следует и из вывода В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о том, что «среди названий рек решительно преобладают формы на *-ля*» (Топоров, Трубачев 2009: 145)). Возникающие от них ойконимы на *-ь*, сочетаясь с понятием ‘город’, в раннее время, по всей видимости, меняли свой род на мужской, подстраиваясь под род определяющего их существительного.

чено в бассейне Десны» (Топоров, Трубачев 2009: 179).

В этом отношении еще выразительнее распределение некоторых составляющих их гидронимических групп. Так, «верхнеднепровские гидронимы на -гощъ/-гоща в подавляющем большинстве расположены в бассейне Десны» (Топоров, Трубачев 2009: 17). Как и гидронимы на *-ля\-ль*: «Являясь характерными для бассейна Днепра, гидронимы на *-ля* распределяются в Верхнем Поднепровье следующим образом: шесть названий к западу от Днепра (из них четыре — на левобережной Припяти) и немногим менее полусотни — к востоку от стержня Днепра; особенно много таких названий по Сожи (15) и Десне (18 без Сейма). За пределами Днепровского бассейна наблюдается резкое падение количества гидронимов на *-ля*, особенно в бассейнах Дона, Днестра и Южного Буга. Напротив, в северном направлении — на верхней Волге, Западной Двине и Немане названия на *-ля* убывают очень постепенно, не образуя резкой границы с соответствующей гидронимией Верхнего Поднепровья» (Топоров, Трубачев 2009: 147).

Отметим в этой связи, что в бассейнах рек Клязьма и Москва фиксируются, как было указано выше, и гидронимы *Радомля* и *Сукромля* — которые идентичны или практически идентичны гидронимам *Сукремля* и *Радомля* бассейна Днепра (и для последних, вдобавок, здесь же фиксируются и парные ойконимы *Сукремль* и *Радомль*). Не исключено, что и ойконим *Суромна* близ Суздаля следует сопоставить с гидронимом *Сукромна* бассейна Десны.

Крайне узко, хотя и несколько отличаясь в ареале, встречаются и собственно гидронимы на *-аль*: «распространение немногих гидронимов с суффиксом — (а)ль, как видим, ограничено бассейном Припяти» (Трубачев 2009: 632). Хотя стоит отметить и в бассейне Десны ряд гидронимов типа *Питаль* — который, формально демонстрируя исход *-аль*, является неясным по происхождению (и, скорее всего, неиндоевропейским (Топоров, Трубачев 2009: 296)).

Гидронимы с префиксальным *су-* демонстрируют тенденцию, аналогичную гидронимам с финалем *-ь*.

Согласно О. Н. Трубачеву, «более половины... гидронимов приходится на Верхнее Поднепровье в широком смысле, а в его составе значительная часть Су- сосредоточена на Десне. Все это в основном случаи с ясной славянской этимологией. ...Интересно отметить, что на Ю. Буге гидронимические сложения с Су- нам неизвестны. ...к бассейну Вислы в его восточной части принадлежат сложения такого типа, восточнославянские по происхождению, ср. Sudol, Sulomie, Suprasl» (Трубачев 2009: 669). При этом, стоит подчеркнуть, «и этимологически, и типологически, и географически», гидронимическая модель с префиксальным *су-* «обнаруживает себя как славянское образование» (Трубачев 2009: 669).

Таким образом, как гидронимы с префиксальным *су-*, так и гидронимы на *-ь* демонстрируют крайне сходное территориальное распределение в восточнославянском ареале — концентрируясь прежде всего в бассейне Десны и Сожи.

И, по всей видимости, их появление в бассейне Клязьмы должно быть связано с той ранней волной славянской колонизации Волго-Клязьминского региона, которую очертили В. В. Седов (по данным археологии) и С. Л. Николаев (по данным лингвистики) [10].

Разумеется, повторю еще раз, все это не дает нам абсолютных гарантий, что топоним *Суздаль* (будь то ойконим, или же, по мо-

[10] В одной из недавних работ я предпринял попытку развить и уточнить предложения В. В. Седова и С. Л. Николаева. Процитирую: «по всей видимости, население тушемлинской культуры в языковом отношении было близко именно носителям “проторостово-суздальского диалекта”, а не кривичам. Вывод этот подтверждается, на мой взгляд, и последними исследованиями С. Л. Николаева (2014: 370)» (Романчук 2014: 351).

Поскольку Десна, и особенно Сож — это область расселения уже летописных радимичей (а для более раннего времени, по археологическим данным — ареал колочинской культуры), то и вышеприведенный вывод (Романчук 2014: 351) должен быть дополнен и скорректирован. Тем не менее, полагаю, мы должны рассматривать бассейн Десны и Сожа не как исходный регион миграции носителей «прото-ростово-суздальского диалекта» — но промежуточный, или даже как «параллельный» — т. е., как регион, куда так же, как и в Волго-Клязьминское междуречье, шло проникновение позднепраславянских групп из ареала тушемлинской культуры.

С чем, однако, в таком случае связан тот факт, что основная концентрация соответствующих гидронимов приходится на бассейн Десны и Сожа?

Полагаю, такое распределение объясняется тем, что именно в момент заселения позднепраславянскими группами (из ареала тушемлинской культуры) бассейна Десны и Сожа происходит резкая вспышка популярности данной гидронимической модели у этих групп. Что, в свою очередь, было связано с определенными социально-демографическими процессами и изменениями в поселенческих моделях, начавшимися у этих праславянских групп в это время и как раз в связи с расселением на новые территории. Впрочем, об этом — ниже.

ему предположению — изначально гидроним) является по своему происхождению безусловно славянским — и объясняться должен, соответственно, именно на славянской почве. Порукой тому служит наличие, как было отмечено выше, среди притоков Клязьмы реки *Судогда* (с одноименным городом на ней), название которой, скорее всего, следует отнести к финно-угорским (Поспелов 1998: 401), или, по крайней мере, неславянским (Смолицкая 2002: 332; ср. гидроним *Судость* — приток Десны (Топоров, Трубачев 2009: 180, 296)). А также рек *Суяга* и *Сойма*.

Вместе с тем, рассмотрение топонимического контекста ойконима *Суздаль* (отметим, что О. Н. Трубачев его топонимический контекст при формулировке гипотезы просто не рассматривал и априори исходил из «славянскости» ойконима *Суздаль*) позволяет рассматривать славянскую версию происхождения ойконима *Суздаль* как все же наиболее вероятную. Равно как и наиболее вероятна связь и этого ойконима, и топонимической модели с префиксальным *су-* и финалем *-ь* в Волго-Окском междуречье с той, самой ранней волной славянского заселения региона, которую В. В. Седов и С. Л. Николаев обозначили как «славяно-мерянскую».

Весьма вероятным представляется и то, что ойкониму *Суздаль* предшествовал гидроним *Суздаль*.

То, что название реки, на которой стоит Суздаль, известно нам лишь как *Каменка* — не представляет собой нечто исключительное и необъяснимое. Хорошо известно, что суффикс *-ка* относится к числу «формантов поздней продуктивности» (Топоров, Трубачев 2009: 180). И заметим, что в бассейне Нерли (и не только) мы очень отчетливо наблюдаем, как у многих рек — ее притоков, появляются вторые, и явно более поздние названия: Желтуха (Печегда); Синюха (Булгаковка), иначе *Гуляка;* Крапивновка (Устье); Дубенка (*Ильмис*); Кукса (Липная).

Особо здесь стоит выделить еще одну, вторую, Каменку среди притоков Нерли — которая носит также (очевидно, более раннее) показательное название *Суяга*[11].

Так что, по всей видимости, гидронимы бассейна Нерли, оформленные формантом *-ка* — в своей основной массе образуют отдельный, и более поздний гидронимический пласт, нежели очевидно архаичные гидронимы на *-ь*. Которые они, очевидно, уже частично вытеснили и продолжают вытеснять.

Не является препятствием для предположения о первичности гидронима *Суздаль* перед ойконимом и то, что, по цитированному выше предположению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, для гидронимов на *–ль* и *-гощь*/*-гость* первичны все же именно соответствующие ойконимы (образованные от соответствующих антропонимов). Поскольку, на самом деле, то, что нам известно о характере раннего славянского расселения на новоосваиваемых территориях, позволяет считать, что достаточно часто изначально не поселение, а та или иная местность, и в первую очередь выделяющиеся в ней топографические объекты (как реки, источники, озера, леса, долины) — маркировалась по имени новопоселенца (главы рода или большой семьи). Поселение же, возникая позже, как раз приобретало название от соответствующего гидронима (или другого аналогичного топонима).

Это хорошо видно на примере многочисленных ранних восточнославянских поселений средневековой Молдовы, образованных с помощью форманта -ва — *Ципова*, *Лалова*, *Рыжкова* и пр. Как свидетельствуют более поздние этнографические данные из этого ре-

[11] Для Каменки, текущей через Суздаль, достаточно давно А. И. Поповым была предложена гипотеза, согласно которой ее первоначальное название было *Кидекша* (с предполагаемым финно-угорским, конкретно мерянским происхождением и исходным значением «каменистая река» (Смолицкая 2002: 148)). Не останавливаясь на правдоподобии этой этимологии (ср. предполагаемое П. Рахконеном мерянское слово со значением ‘камень’ и соответствующий ему круг гидронимов: Кибельша, Кибень, Кибожа, Кибада, Киверевка, Кибердово (Рахконен 2012: 18); см. также (Матвеев 2015: 60); согласно А. Альквист: «Судя по микротопонимии, слово, обозначающее ‘камень’, звучало в мерянском, скорее всего, ближе к мордовским или даже прибалтийско-финским языкам, чем к марийскому языку. Ср., например, основу зафиксированного нами названия оврага в Переславском районе Киврискиий овраг, характеризующийся действительно каменным дном, и фин., кар., вепс, эст. kivi ‘камень’, лив. ki’uv, ki’v ‘камень; жернов’, морд. kev, kav ‘камень; (мн. ч.) жернов’» (Альквист 1997: 32)), отмечу, что поселение Кидекша располагается на Нерли, в километре выше устья Каменки. К тому же, пытаясь мотивировать появление этого названия, сторонники данной версии апеллируют зачастую опять-таки к белокаменному строительству Владимиро-Суздальской Руси (Кидекша-Каменка — потому, что по реке возили камень для этого строительства). Безусловно, такая мотивация тоже является анахронизмом.

Впрочем, даже если принять этимологию Каменки как Кидекши — это никак не может препятствовать тому, чтобы параллельно с финно-угорским названием существовало какое-то время и ее иное славянское название.

гиона, изначально эти топонимы представляли собой составную часть более сложного топонимического конструкта со вторым элементом, имеющим значение ‘колодец, источник’, ‘речка’, или ‘пасека’ (а также, судя по весьма популярной соответствующей восточнороманской топонимической модели с компонентом *valea* ‘долина’ — возможно, и ‘долина’): *Інуцова кірнеца*, *Тербова*, *Мардарева* и пр. — где первый элемент определялся как раз именем первопоселенца\владельца (подробнее: Романчук, Тащи 2010).

В этой связи, и учитывая топонимический контекст региона, мы должны иметь в виду и еще один возможный вариант топонимической эволюции ойконима *Суздаль* — не от гидронима, но от более крупного топографического объекта, именно — ополья.

Как известно, многие ранние древнерусские города Волго-Клязьминского междуречья возникали именно в опольях — представлявших собой острова безлесного ландшафта лесостепного облика среди больших лесных массивов («древнейшие города Залесской земли были построены в так называемых опольях, т. е. своеобразных полях, с получерноземной почвой, находившихся среди громадных лесных пространств. Такие ополья окружали Суздаль, Ростов, Переяславль. От них получили свои дополнительные прозвища города Юрьев Польский и Угличе поле» (Тихомиров 1956: 394)). И здесь любопытным свидетельством служит как раз название города Углич — восходящее, вопреки М. Н. Тихомирову, именно к более раннему *Угличе Поле*: «Угличе Поле — это значительная часть Верхневолжья, местность и город»; город получил свое название позднее, от местности (Смолицкая 2002: 360).

На высокую вероятность такого сценария наталкивают и упомянутые выше данные скандинавской традиции. Ведь они, как уже было отмечено, уделяют достаточно много, я бы сказал — непропорционально много, внимания Суздалю еще в тот период, когда он был достаточно рядовым поселением. И это, собственно, уже представляет собой вопрос, требующий ответа.

Если же предположить, что название *Суздаль* изначально обозначало не поселение, а такой крупный топографический объект, как *ополье* в целом — тогда раннее попадание названия *Суздаль* в скандинавские источники становится вполне объяснимым.

Как бы то ни было, восходит ли название Суздаля к гидрониму, ополью в целом, или же это уже изначально был ойконим — какова, однако, все же его этимология? Что это название означало?

Здесь, как бы мы ни хотели большей определенности, на сегодняшний день возможны несколько вариантов этимологии.

Во-первых, мы могли бы все же прибегнуть к этимологии О. Н. Трубачева — но, разумеется, существенно ее модифицировав.

То есть, не пытаясь искать «каменную или глинобитную постройку», мы можем исходить из того, что первоначальным значением для праславянского *zьdъ* было ‘гончарная глина’ или ‘белая глина’ (Мартынов 2004: 88).

Во-вторых, в своих этимологических поисках мы можем обратить внимание что, отрицая значимость белорусских диалектных данных, О. Н. Трубачев ограничивался учетом лишь части их. Процитирую (выделив соответствующее предложение) работу Н. В. Бирилло по белорусской антропонимике: «СУЗДАЛЬ рэг. ‘сухі, танклявы чалавек’ (Бяльк.), параўн. рэг. ***суздоліць* ‘асіліць, перамагчы, пераадолець’, ‘здолець, быць у сілах зрабіць што-небудзь’ (Нас). — *Сўздалеў*** (выделено мной. — *А. Р.*)» (Бірыла 1969: 397).

В таком случае, если здесь не возникает непреодолимых фонетических препятствий, мы могли бы предположить, что топоним *Суздаль* (буде он изначально гидронимом или же ойконимом) возник от соответствующего антропонима *Суздалъ* (имея в виду славянские антропонимы, «равные нечленным формам прилагательных (Деснивъ, Милъ и др.)» (Васильев 2005: 36). Вспомним здесь, в частности, и известного древлянского князя по имени *Мал*) [12].

Однако, обе эти версии этимологии встречают очень серьезное, на мой взгляд, препятствие — упомянутый выше факт первичности (и длительной устойчивости) как будто именно формы *Суждаль*. Предлагаемое В. П. Нерознаком объяснение этого факта кажется мне совершенно недостаточным.

Поэтому, мне представляется, что искомая этимология топонима Суздаль может быть найдена лишь в том случае, если мы будем ис-

[12] Предположение о том, что название Суздаль образовано от «древнерусского личного имени Суздалъ» высказал ранее Е. М. Поспелов (2007: 401). Однако мне неизвестно зафиксированное письменными источниками древнерусское имя *Суздалъ*. И думаю, что Е. М. Поспелову, вопреки его утверждению, — тоже.

Русское диалектное *суздал* ‘выходец из Суздальского уезда; разъездной торговец мелким товаром’ (СРНГ 2008: 184) — как видим, во внимание здесь приниматься не может.

ходить из того, что первично оно звучало как *Суждаль*. Или даже, возможно, *Суждаля* [13].

Итак, вот то, что на мой взгляд, возможно сказать на сегодняшний день по поводу происхождения названия *Суздаль*. Дальнейшие исследования, вероятно, позволят еще сильнее сузить спектр возможных вариантов объяснения происхождения этого названия. Надеюсь, что моя работа будет этому в той или иной мере способствовать.

Литература

Альквист А. 1997. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии. *Вопросы языкознания* (6), 22—36.

Бірыла М. В. 1969. *Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелатіунай лексікі*. Мінск: Навука и тэхніка.

Варганов А. Д. 1956. Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале. *КСИИМК* 65, 49—54.

Васильев В. Л. 2005. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород: НовГУ.

Воронин В. Н. 1961. *Зодчество Северо-Восточной Руси*. Т. 1. Москва: АН СССР.

Джаксон Т. Н. 2001. *Austr í Görðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. Москва: Языки русской культуры

Заграевский С. В. 2008. *Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника*. Москва: Алев-В. URL: http://www.zagraevsky.com/vsmz1.htm (дата обращения 27.05.2017).

Зализняк А. А. 2003. Проблемы изучения Новгородского кодекса, найденного в 2000 г. В: Молдаван А. М. (ред.). *Славянское языкознание*. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 год. Доклады российской делегации. Москва: Индрик, 190—212.

Леонтьев А. Е. 1991. Заметки о ранней истории Ростова. *Сообщения Ростовского музея* 1, 3—7.

Леонтьев А. Е. 1991а. *Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси)*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.

Макаров Н. А. 2012. Суздальское Ополье. В: Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—X веках: археологическая панорама*. Москва; Вологда: Древности Севера, 194—212.

Мартынов В. В. 2004. *Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян*. Москва: УРСС.

Матвеев А. К. 2015. *Субстратная топонимия Русского Севера* IV. *Топонимия мерянского типа*. Екатеринбург: УрГУ.

Нерознак В. П. 1983. *Названия древнерусских городов*. Москва: Наука.

Николаев С. Л. 2014. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, 365—370.

Поспелов Е. М. 1998. *Географические названия мира. Топонимический словарь*. Москва: Русские словари.

Рахконен П. 2012. Границы распространения мерянo-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки. *Вопросы ономастики* 12 (1), 5—42.

Романчук А. А., Тащи И. Н. 2010. *Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV — начало XVII вв. от Р. Х.)*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* (5), 345—356.

Романчук А. А. 2015. И еще раз о Суздале. http://генофонд.рф/? page_id=6358 (дата посещения 29.07.2017)

Седова М. В. 1992. *Суздаль и его округа в X—XV веках*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.

СРНГ 2008: Сороколетов Ф. П. (ред.). 2008. *Словарь русских народных говоров* 42. *Стриж-Сухловина*. Санкт-Петербург: Наука.

Смолицкая Г. П. 2002. *Топонимический словарь Центральной России*. Москва: Армада-пресс.

Тихомиров М. Н. 1956. *Древнерусские города*. Москва: ГИПЛ.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. 2009. Лингвистический

[13] Еще одним аргументом в пользу последнего предположения, возможно, следует считать данные скандинавских источников.

Поясню.

В цитированной выше работе Т. Н. Джаксон показала, что в скандинавских памятниках есть несколько вариантов именования Суздаля — и все они представляют собой попытку объяснить непонятное для скандинавов местное название.

Причем ранние варианты пытаются вывести название Суздаль от корня surt 'кислый' (самые ранние), или от мифологического существа, великана по имени Сурт, или от глагола со значением «скорбеть» (Джаксон 2001: 155).

И здесь также существенно, что, за исключением одного случая, мы наблюдаем второй компонент скандинавских вариантов — во множественном числе (-dalar). И лишь в одном случае — в единственном числе, т. е. — -dalr.

Соответственно, Т. Н. Джаксон здесь даже оказывается перед определенным затруднением, поскольку ранее она установила закономерность: формы множественного числа для древнерусских топонимов в скандинавской традиции передавали название княжеств, а в единственном числе — городов.

Но для Суздаля речь о княжестве может идти не ранее 30-х годов XII века — что заведомо много позже устанавливаемого ею времени возникновения этих, ранних, названий Суздаля в скандинавской традиции: от второй трети X века до, самое позднее, начала XI века (Джаксон 2001: 153).

Однако если предположить, что скандинавы через ранние варианты названия, со вторым компонентом во множественном числе (-dalar), пытались передать название топонима, которое они застали еще как *Суждаля* — а не Суздаль, то исчезает затруднение, возникшее перед Т. Н. Джаксон. И устанавливаемая ею закономерность, соответственно, избегает необходимости допускать здесь некое исключение, или ошибку трансляции.

Другое же возможное объяснение — что в данном случае через использование множественного числа скандинавы отражали соотнесение топонима изначально не с поселением, но с опольем в целом.

анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. В: Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 4. Москва: Языки славянской культуры, 9—382.

Трубачев О.Н. 2005. Снова о названии Суздаль. В: Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 301—306.

Трубачев О.Н. 2009. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. В: Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 4. Москва: Языки славянской культуры, 383—695.

Фасмер М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Москва: Прогресс.

Шилов А.Л. 1996. *Чудские мотивы в древнерусской топонимии*. Москва: Реформ-пресс.

References

Ahlqvist, A. 1997. In *Voprosy iazykoznaniia* (6), 22—36 (in Russian).

Biryla, M.V. 1969. *Belaruskaya antrapanimiya. Prozvishchy, utvoranyya ad apelatiunaj leksiki (Belorussian Anthroponymy: Nicknames Produced from Apellative Lexics)*. Minsk: "Navuka y tèkhnika" Publ. (in Belorussian).

Varganov, A.D. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 65, 49—54 (in Russian).

Vasil'ev, V.L. 2005. *Arkhaicheskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia) (Archaic Toponymy of the Novgorod Land: Ancient Slavic Forms Derived from Anthroponyms)*. Veliky Novgorod: Novgorod State University (in Russian).

Voronin, V.N. 1961. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi (Architecture of North-Eastern Rus)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Jackson, T.N. 2001. *Austr í Görðum: drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh (Austr í Görðum: Ancient Russian Toponyms in Ancient Scandinavian Sources)*. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Zagraevskii, S.V. 2008. *Novye issledovaniia pamiatnikov arkhitektury Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika (Recent Studies of Architectural Monuments in the Vladimir and Suzdal Museum-Reserve)*. Moscow: "Alev-V" Publ. Available at: http://www.zagraevsky.com/vsmz1.htm (accessed 27.05.2017) (in Russian).

Zaliznyak, A.A. 2003. In Moldavan, A.M. (ed.). *Slavianskoe iazykoznanie (Slavic Linguistics)*. Moscow: "Indrik" Publ., 190—212 (in Russian).

Leontiev, A.E. 1991. In *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia (Reports of the Rostov Museum)* 1, 3—7 (in Russian).

Leontiev, A.E. 1991. *Arkheologiia meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi (Archaeology of the Merya People. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).

Makarov, N.A. 2012. In Makarov, N.A., Leontyev, A.E. (eds.). *Rus' v IX—X vekakh. Arkheologicheskaia panorama (Russia in the 9th—10th Centuries. An Archaeological Panorama)*. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 194—212 (in Russian).

Martynov, V.V. 2004. *Iazyk v prostranstve i vremeni: k probleme glottogeneza slavian (Language in Space and Time: on the Issue of the Slavic Glottogenesis)*. Moscow: "URSS" Publ. (in Russian).

Matveev, A.K. 2015. *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa (Substrate Toponymy of Northern Russia)* IV. *Toponimiia merianskogo tipa (Toponymy of the Merya Type)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Neroznak, V.P. 1983. *Nazvaniia drevnerusskikh gorodov (Names of Ancient Russian Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikolaev, S.L. 2014. In Hrytsenko, P.E. (ed.).*Dialekty v synkhronii ta diakhronii: zahal'noslov'yans'kyj kontekst (Dialects in Synchrony and Diachrony: General Slavic Context)*. Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine, 365—370 (in Russian).

Pospelov, E.M. 1998. *Geograficheskie nazvaniia mira. Toponimicheskii slovar' (Geographic Names of the World: Toponymic Dictionary)*. Moscow: "Russkie slovari" Publ. (in Russian).

Rahkonen, P. 2012. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 12 (1), 5—42 (in Russian).

Romanchuk, A.A., Tashchi, I.N. 2010. *Ranniaia istoriia ukrainskogo sela Bulaeshty v kontekste istorii Moldovy (XIV — nachalo XVII vv. ot R. Kh.) (The Ukrainian Population of Bulaesty and Early History of Moldavian Principality (14th—17th Centuries AD))*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).

Romanchuk, A.A. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 345—356 (in Russian).

Romanchuk, A.A. 2015. I eshche raz o Suzdale (Once more on Suzdal). Available at: http://genofond.rf/?page_id=6358 (accessed 29.07.2017) (in Russian).

Sedova, M.V. 1992. *Suzdal' i ego okruga v X—XV vekakh (Suzdal ant its Environs in 10th—15th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).

Sorokoletov, F.P. (ed.). 2008. *Slovar' russkikh narodnykh govorov (Dictionary of Russian Folk Idioms)* 42. *Strizh — Sukhlovina*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smolitskaia, G.P. 2002. *Toponimicheskii slovar' Tsentral'noi Rossii (Toponymic Dictionary of Central Russia)*. Moscow: "Armada-press" Publ. (in Russian).

Tikhomirov, M.N. 1956. *Drevnerusskie goroda (Towns in Early Rus')*. Moscow: "Politizdat" Publ. (in Russian).

Toporov, V.N., Trubachev, O.N. 2009. In Trubachev, O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura (Papers on Etymology: Word. History. Culture)* 4. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 9—382 (in Russian).

Trubachev, O.N. 2005. In Trubachev, O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura (Papers on Etymology: Word. History. Culture)* 2. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 301—306 (in Russian).

Trubachev, O.N. 2009. In Trubachev, O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura (Papers on Etymology: Word. History. Culture)* 4. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 383—695 (in Russian).

Vasmer, M. 1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russian Etymological Dictionary)* 3. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

Shilov, A.L. 1996. *Chudskie motivy v drevnerusskoi toponimii (Chude Motives in the Ancient Russian Toponymy)*. Moscow: "Reform-press" Publ. (in Russian).

Статья поступила в сборник 22 сентября 2017 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova[1].

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Магистр антропологии. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: [1] Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

М. В. Цыбин

К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX—XVII вв.

Keywords: Middle Don region, Middle Ages, Russian-nomadic frontier, Slavic-Russian population, Saltovo-Mayaki culture, Kipchaks, Golden Horde

Ключевые слова: Среднее Подонье, эпоха средневековья, русско-кочевническое пограничье, славяно-русское население, салтово-маяцкая культура, половцы, Золотая Орда

M. V. Tcybin

To Study the Regularities of Formation of the Russian-Nomadic Frontier in the Middle Don Region in the 9th —17th Centuries

The article is devoted to revealing regularities of formation of the Russian-nomadic frontier in the Middle Don region based on the analysis of the geographical location of the archaeological sites of the 9th—17th cc. The sites of Slavic Borshevskaya culture (the end of the I Millennium AD) are located in the lower reaches of the Voronezh river and on the right Bank of the Middle Don (Central Russian upland). The sites of the Saltov culture are located on the right bank of the Middle Don, to the North of the Tikhaya Sosna river. The left bank of the Middle Don (the Oka-Don plain, Kalacska hill) was not an area of active colonization by the bearers of the Borshevskaya and Saltov cultures.

In 12th — first half 13th centurie, the Russian population is documented in the lower reaches of the Voronezh river, Semiluki area reaches of the Don. Polovtsian nomads used to camp on the right bank of the Middle Don and do not spread beyond the South of the Tikhaya Sosna river and on the left bank of the Middle Don to the Bityug river.

In the Golden Horde period, the Russian population colonized the left bank of the Middle Don. There is archaeological evidence of the coexistence of different ethnic groups. Nomadic sites do not extend to the North of the Tikhaya Sosna river, on the right bank of the Don river, and the mouth of the Voronezh river, on the left bank.

Belgorod defensive line reproduces the line formed by the fortified settlements of Slavic Borshevskaya cultures on the rivers Don and Voronezh, and fortified settlements of the Saltov-Mayaki culture on the Tikhaya Sosna river. The left bank of the Middle Don in the 17th century, just like in the time before that, was still the region of the original colonization by the Russian population.

М. В. Цыбин

К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX—XVII вв.

Предпринимается попытка выявления закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье на основе анализа географического расположения археологических памятников IX—XVII вв. Памятники славянской боршевской культуры конца I тыс. н. э. расположены в низовьях р. Воронеж и на правобережье Среднего Дона (Среднерусская возвышенность). Памятники салтово-маяцкой культуры находятся на правобережье Среднего Дона, севернее р. Тихая Сосна они не распространяются. Левобережье Среднего Дона (Окско-Донская равнина, Калачская возвышенность) не являлось районом активного освоения носителями боршевской и салтовской культур.

В XII — первой половине XIII вв. древнерусское население фиксируется в низовьях р. Воронеж, на семилукском участке течения Дона. Район половецких кочевий находился на правобережье Среднего Дона южнее р. Тихая Сосна и на левобережье Среднего Дона до р. Битюг.

В период Золотой Орды русское население осваивает левобережье Среднего Дона. Здесь археологически фиксируется сосуществование разных в этническом плане групп населения. Севернее р. Тихая Сосна на правобережье и района устья р. Воронеж на левобережье кочевнические памятники не распространяются.

Белгородская оборонительная черта повторяет линию, образованную городищами славянской боршевской культуры по рекам Дон и Воронеж и городищами салтово-маяцкой культуры по р. Тихая Сосна. Левобережье Среднего Дона в XVII в., как и в предшествующее время, являлось для русского населения районом начального освоения.

Среднее Подонье, от низовий р. Воронеж до низовий Хопра и Медведицы, в эпоху средневековья и раннего нового времени являлось контактной зоной славянского и кочевого миров. Этнокультурная ситуация в этом районе пограничья лесостепи и степи не отличалась стабильностью. Не было непрерывной линии развития славяно-русской культуры, с одной стороны, а с другой, не было и стабильности в кочевой степи. Вместе с тем, просматриваются некоторые закономерности в формировании русско-кочевнического по-

© М. В. Цыбин, 2018.

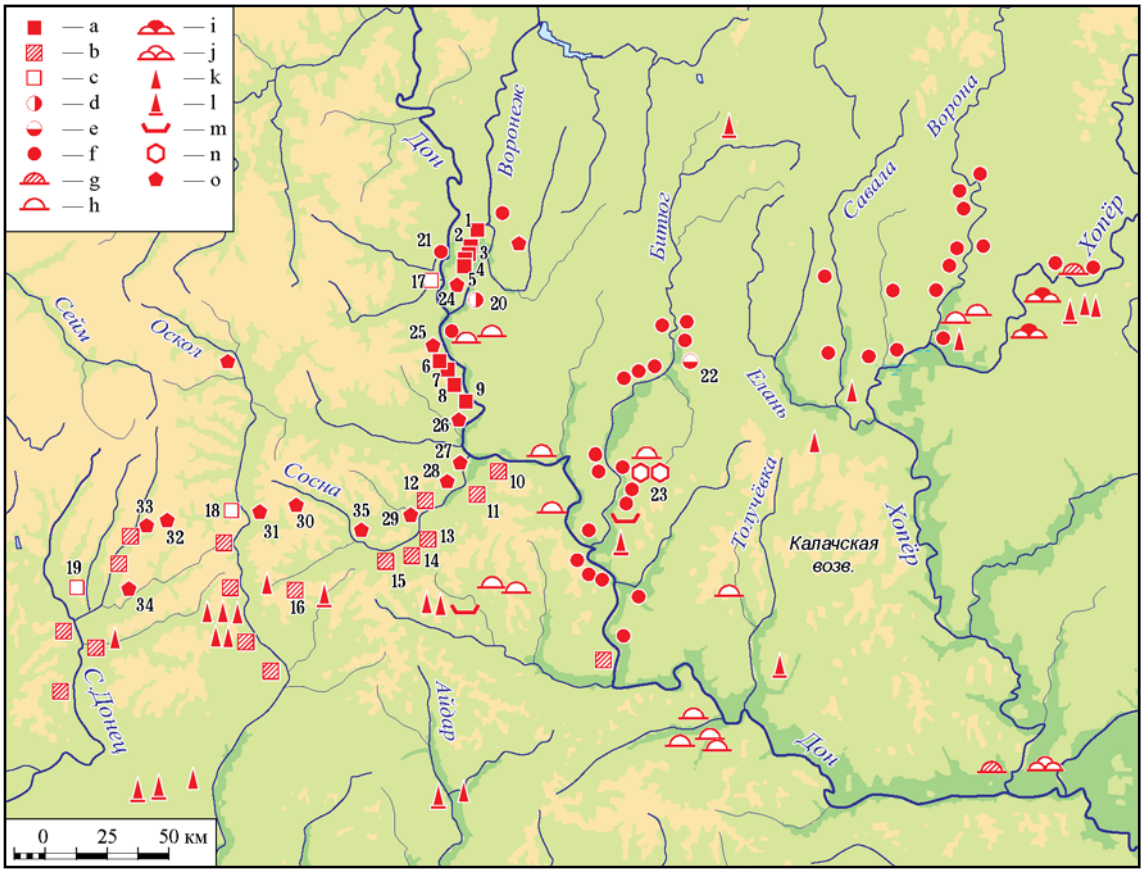

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников IX—XVII вв. в Среднем Подонье.
Условные обозначения: a — городища боршевской культуры; b — городища салтово-маяцкой культуры; c — древнерусские городища XII—XIII вв.; d — древнерусские поселения XII — начала XV вв.; e — поселение с материалами боршевской культуры и русской культуры XIV в.; f — русские поселения XIV в.; g — кочевнические погребения X—XI вв.; h — кочевнические погребения золотоордынского времени; i — кочевнические могильники XII—XIV вв.; j — кочевнический могильник золотоордынского времени; k — каменные половецкие изваяния; l — каменные половецкие изваяния, зафиксированные на месте первоначальной установки; m — грунтовые могильники золотоордынского времени; n — золотоордынские мечети; o — крепости Белгородской оборонительной черты.
Нумерация памятников: 1 — Животинное; 2 — I Белогорское; 3 — II Белогорское; 4 — Михайловский кордон; 5 — Кузнецовское; 6 — Большое Боршевское; 7 — Малое Боршевское; 8 — Архангельское; 9 — Титчиха; 10 — Маяцкое; 11 — Павловское. 12 — Верхне-Ольшанское;13 — Мухоудеровка; 14 — Колтуновское; 15 — Алексеевское; 16 — Красное; 17 — Семилукское; 18 — Холки; 19 — Крапивенское; 20 — Шиловское; 21 — Чернышева гора; 22 — Дрониха; 23 — Красный; 24 — Воронеж; 25 — Костенск; 26 — Урыв; 27 — Коротояк; 28 — Острогожск; 29 — Ольшанск; 30 — Верхососенск; 31 — Новый Оскол; 32 — Яблонов; 33 — Короча; 34 — Нежегольск; 35 — Усерд.

Fig. 1. Schematic location of the archaeological sites of the 9th—17th centuries in the Middle Don region.
Legend: a — fortified settlements of Borshevskaya culture; b — fortified settlements of Saltov culture; c — Russian fortified settlements of 12th—13th centuries; d — Russian settlements of 12th — the beginning of 15th centuries; e — the settlement containing materials of Borshevskaya culture and Russian culture of the 14th century; f — Russian settlements of the 14th century; g — nomadic burials of the 10th—11th centuries; h — nomadic burials of Golden Horde time; i — nomadic burial grounds of the 12th—14th centuries; j — nomadic burial ground of Golden Horde time; k — Polovtsian stone statues; l — Polovtsian stone statues, found in place of the initial installation; m — burial grounds of Golden Horde time; n — Golden Horde mosques; o — fortresses of Belgorod defensive line.
The numbering of the monuments: 1 — Zhivotinnoe; 2 — I Belogorskoe; 3 — II Belogorskoe; 4 — Michailovsky cordon; 5 — Kuznetsovskoe; 6 — Bolshoe Borshevskoe; 7 — Maloe Borshevskoe; 8 — Arkhangelskoe; 9 — Titchikha; 10 — Mayatskoe; 11 — Pavlovskoe; 12 — Verhne-Olshanskoe; 13 — Mukhouderovka; 14 — Koltunowskoe; 15 — Alekseevskoe; 16 — Krasnoe; 17 — Semilukskoe; 18 — Kholki; 19 — Krapivenskoe; 20 — Shilovskoe; 21 — Chernysheva gora; 22 — Dronikha; 23 — Krasny; 24 — Voronezh; 25 — Kostensk; 26 — Uryv; 27 — Korotoyak; 28 — Ostrogozhsk; 29 — Olshansk; 30 — Verkhososensk; 31 — Novy Oskol; 32 — Yablonov; 33 — Korocha; 34 — Nezhegolsk; 35 — Userd.

граничья на протяжении рассматриваемого периода.

Обращает на себя внимание традиция передачи названий рек по течению Среднего Дона. В качестве примера можно привести «Пименово хожение в Царьград», известное также под названием «Хожение Игнатия Смольнянина». Оно является одним из немногочисленных письменных источников, содержащих сведения о Верхнем и Среднем Подонье в конце XIV в. (ПСРЛ 1965: 96). В источнике упоминаются географические ориентиры, относящиеся к Среднему Подонью: устье р. Воронеж, реки Тихая Сосна, Битюг, Похор (Хопер?), Медведица. Реки Хопер и Ворона фигурируют в двух грамотах митрополитов Феогноста (датируется ок. 1343—1352 гг.) и митрополита Алексея (ок. 1356 г.) властям, духовенству и православным жителям Червленого Яра о принадлежности этой области Рязанской епархии (Акты 1964: №312, 313).

Эти названия рек фигурируют и в документах XVI—XVII вв. — периода вхождения Центрального Черноземья в состав Русского централизованного государства и строительства Белгородской черты.

Наряду с названиями рек, русский человек XVII в. имел представление и об инокультурных памятниках. Так, остатки золотоордынских мавзолеев у пос. Красный Бобровского района Воронежской области были упомянуты в отчете Ивана Жолобова, который в 1685 г. возглавлял военно-топографическую экспедицию, обследовавшую берега рек Битюг, Осередь, Дон: «Повыше того броду с левой стороны с Нагайской степи пришла и впала в Битюк реку речка Мечеть. А лесов по ней нет. А в верху той речки на левой стороне стоит татарская мечеть каменная. А от того броду до мечети по сказке того ж воронежца Ивана Дрозжигина с товарыщи версты с четыре. А по досмотру та мечеть стоит на степь в вышину сажени четыре, а около той мечети — сажен с десять. А своды вверху у той мечети розвалялись» («Доезд» 2006: 16). Обращает на себя внимание и название речки Мечеть, связанное с золотоордынским архитектурным памятником.

Начало формирования «исторической памяти» в освоении русским человеком среднедонского региона относится к концу I тыс. н. э., когда по берегам Дона и Воронежа возникли славянские укрепленные поселения (боршевская археологическая культура). Значительный интерес представляет комплекс памятников в низовьях реки Воронеж. За ним в литературе закрепилось название «Вантит».

Низовья р. Воронеж и семилукский участок течения Дона были освоены славянами в конце VIII — X вв. (Винников 1988). Примечательно, что крепость Воронеж конца XVI в. появилась в районе концентрации памятников боршевской культуры (рис. 1). Они располагались как севернее Воронежа (Пряхин и др. 1997а; 1997б), так и южнее (Винников 1988: 27, рис. 1; 1995: рис. 2). В частности, в воронежской нагорной дубраве на участке длиной 7 км располагалось четыре городища: Кузнецовское, у Михайловского кордона, II Белогорское, I Белогорское. Расстояние между городищами — от 2 до 3 км. В качестве примера приведем городища у Михайловского кордона и I Белогорское. Городище у Михайловского кордона имело размеры 300×300 м (площадь около 9 га) и две линии укреплений. На площади городища отмечено 630 западин (места полуземляночных построек). Вполне понятно, что эти жилища могли функционировать не одновременно.

I Белогорское городище имело размеры 400×100 м (площадь около 4 га) и три линии укреплений. В IX—X вв. использовалась внутренняя. Около 300 западин расположены как на защищенной площади, так и в «предградье».

Нужно сказать, что широкомасштабных раскопок на упомянутых городищах не проводилось, хотя на каждом из них относительно небольшие площади исследовались. Городище у Михайловского кордона является одним из крупнейших городищ IX—X вв. на юго-востоке славянских земель.

Столь же выразительны и курганные могильники в этом микрорайоне (их известно пять). Наиболее крупными являются Лысогорский (в настоящее время 237 курганов) и II Белогорский (565 курганов).

Развитие этой агломерации прервалось в конце X — начале XI в. Материалы первой половины XI в. выявлены на Животинном городище, расположенном примерно в 11 км выше по течению реки от I Белогорского городища (Винников 2014).

Южнее крепости Воронеж также известны славянские поселения боршевской культуры. В качестве примера назовем поселение Чижовское-5 (раскопки В.И. Беседина), расположенное в 4 км южнее места расположения крепости Воронеж.

Стоит отметить, что Кузнецовское городище, расположенное в 8 км севернее крепости Воронеж, было известно в XVII веке под названием «Казарское городище». В.П. Загоровский анализировал документы, связанные

с предполагавшимся переносом Успенского монастыря с воронежского посада на Казарское городище. Игумен Феодосий в 1616 году просил у царя Михаила Федоровича разрешения монастырь «с старово места для полые воды перенесть на старое Казарское городище» (Загоровский 1971: 71).

Материалы боршевской культуры известны и на семилукском участке течения р. Дон. Керамика IX—X вв. найдена на Семилукском городище (Пряхин, Цыбин 1996: рис. 7: 12, 13, 42) и городище Чернышева Гора (Голотвин 2014: рис. 22). Отдельные фрагменты славянской лепной керамики встречались нам в районе моста через р. Дон у с.Семилуки.

Говоря о периоде X—XI вв., нельзя не отметить предположение исследователей о прохождении сухопутного пути Булгар-Киев через нижнее течение р. Воронеж и семилукский участок течения Дона (Моця, Халиков 1997: рис. 64; 65).

Южнее по правому берегу Дона располагался ряд славянских городищ: Большое и Малое Боршевские городища, Архангельское городище, городище Титчиха. Рядом с Большим Боршевским городищем находится Боршевский курганный могильник. Эти памятники находятся на участке по течению Дона, протяженностью около 30 км. По прямой линии от Большого Боршевского городища до городища Титчиха около 22 км.

Система городищ славянской боршевской культуры увязывалась с высокими правыми берегами рек Дон и Воронеж. По этой линии проходит и граница между двумя географическими зонами — Среднерусской возвышенностью и Окско-Донской равниной. На левобережье Среднего Дона известны отдельные небольшие поселения боршевской культуры.

В результате раскопок поселения Дрониха на левом берегу р. Битюг у с. Старая Тишанка Таловского района Воронежской области были изучены три полуземлянки, в заполнении которых найдена характерная славянская лепная керамика (Винников и др. 1995). Поселение со славянской керамикой зафиксировано и на р. Карачан у с. Васильевка Грибановского района Воронежской области.

Славянский лепной горшок с остатками кремации найден на р. Хопер у хут. Ендовский Алексеевского района Волгоградской области (Афанасьев 1985: 92, рис. 5). Необходимо иметь в виду и движение славянского населения на юг по течению Дона. Славянское поселение возникло на развалинах Саркела. По мнению С. А. Плетневой, оно связано с носителями боршевской культуры Среднего Дона (Плетнева 2006: 38). На Нижнем Дону и его притоках изучались и другие славянские поселения (Прокофьев 2007).

На Среднем Дону южнее городища Титчиха расположены памятники салтово-маяцкой культуры (рис. 1). Линия памятников салтово-маяцкой культуры по притоку Дона реке Тихая Сосна маркируется серией городищ: Маяцкое, Павловское, Верхне-Ольшанское, Мухоудеровка, Колтуновское, Алексеевское, Красное (Афанасьев 1987: рис. 82). От славянского городища Титчиха до Маяцкого городища по прямой линии около 25 км. Для нашей темы важно отметить, что для славянского населения боршевской культуры и населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры характерен один хозяйственно-культурный тип, основу которого составляло пашенное земледелие и оседлое животноводство. Выявленные различия в процентном соотношении культурных злаков и домашних животных варьируют в рамках этого ХКТ (Колода, Горбаненко 2010: 139—153). В этом плане интересен и процесс проникновения носителей салтово-маяцкой культуры в район поселков славянского населения Среднего Дона и низовий реки Воронеж (Винников 1995: 128—150). Об этом красноречиво свидетельствуют не только находки керамики и вещей салтовского круга на славянских памятниках, но и грунтовое ямное погребение на III Чертовицком городище раннего железного века в низовьях реки Воронеж. В составе погребального инвентаря — арабский дирхем 783 или 785 г. (Медведев 2009). В этом районе, как уже отмечалось выше, расположена группа славянских городищ и курганных могильников.

Необходимо упомянуть, что зоной активных контактов славян и населения салтовской культуры являлся и район Северского Донца (Колода 2015).

На левобережье Дона (в Доно-Хоперском междуречье) известны лишь отдельные памятники салтово-маяцкого круга (Афанасьев 1985). Так на р. Хопер обследовалось селище у хут. Ендовский Алексеевского района Волгоградской области (Афанасьев 1985: рис. 2—4). Г. Е. Афанасьев, обобщив сведения о памятниках салтово-маяцкого круга на левобережье Среднего Дона, пришел к выводу об «освоении плодородных речных долин левых притоков Дона с юго-запада, населением Донецко-Донского междуречья» (Афанасьев 1985: 90). В этом районе, как уже отмечалось

выше, известны и немногочисленные славянские памятники.

Таким образом, левобережье Среднего Дона не являлось зоной стабильного и активного хозяйственного освоения славянами и носителями салтовской культуры (аланский компонент). Подземное святилище-лабиринт в бассейне реки Ворона (правый приток реки Хопер) у с. Власовка Грибановского района Воронежской области исследователи связывают с тюркской этнокультурной средой и датируют IX — началом X вв. (Синюк, Березуцкий 1991). В этом же районе изучено погребение, впущенное в курган эпохи бронзы. Оно интерпретируется как древнеболгарское. Предполагается его одновременность святилищу (Синюк, Березуцкий 1991: рис. 7).

Что касается кочевого населения, то его памятники в рассматриваемом районе малочисленны. Они выявлены на левобережье Среднего Подонья. Это погребения, которые исследователи интерпретируют как печенежско-огузские (Букановская, Никольевка, Свинуха).

Вопрос о преемственности боршевской культуры лесостепного Среднего Подонья и древнерусской культуры последующего периода остается пока открытым.

Во второй половине XI — первой половине XII вв. в лесостепном Верхнем Подонье существовали лишь отдельные поселения. Наиболее изученным из них является Лавское поселение под Ельцом (Тропин 2006). В Среднем Подонье древнерусские памятники второй половины XI — первой половины XII вв. пока не выявлены. Однако стоит вспомнить о существовании в это время городка Белая Вежа в Нижнем Подонье, среди населения которого были и славяне (Плетнева 2006). Течение реки Дон не вышло полностью из сферы жизни славянского населения.

Приток нового населения в рассматриваемый район фиксируется во второй половине XII — первой трети XIII вв. Возникают укрепленные поселения, определявшие восточные границы Черниговского и южные границы Рязанского княжеств. Заселение Лесостепного Подонья шло с территории Днепровского Левобережья, бассейна Оки. Формируется общий контур юго-восточной границы Руси. Эта граница маркировалась городищами «донецкой оборонительной линии» (Донецкое, Хорошево, Мохнач, Гайдары, Крапивенское, Холки) (Дьяченко 1983). Наиболее изученными являются городища Донецкое (Дьяченко 1983) и Холки (Винников, Кудрявцева 1998). На Дону информативным памятником юго-востока Руси является Семилукское городище (Пряхин, Цыбин 1991; 1996). На р. Воронеж изучались Животинное городище (Винников 2014), Романово городище (Андреев 2001), в верховьях Цны — Никольское городище (Андреев 2013).

Для рассматриваемого в данной статье района остановимся на двух памятниках. Животинное городище на правом берегу р. Воронеж содержало материалы конца VIII — начала XIII вв. Между поселениями боршевской культуры и XII—XIII вв., как отмечает А.З. Винников, непосредственной связи нет (Винников 2014: 224). Но представление о заселенности русским населением этого места существовало и в XVII в. В документах этого периода упоминаются само городище под названием «Животинное», а также Животинный затон и Животинный колодец (Загоровский 1973: 19).

На правом берегу р. Дон, недалеко от традиционной переправы, возникает Семилукское городище (Пряхин, Цыбин 1996). Площадь укрепленной части около 1 га, есть селище-посад. На соседнем мысу выявлен гончарный производственный комплекс и грунтовый могильник (исследовано погребение с крестом). Большинство построек синхронизируется по находкам серий гончарных клейм, полученных с одной матрицы. Семилукское городище — сторожевой пункт и административный центр, маркировавший восточное порубежье Черниговской земли и южные пределы Рязанской. Это поселение просуществовало до середины XIII в. Напомним, что на месте Семилукского городище существовал и поселок боршевской культуры.

В рассматриваемом районе есть и неукрепленные древнерусские поселения. Наиболее изученным является Шиловское на левом берегу р. Воронеж в ее низовьях (Пряхин и др. 1987). Вниз по Дону отдельные находки встречены на городище Титчиха.

Большая часть Среднего Подонья входила в Половецкую степь. Картографирование каменных половецких изваяний, проведенное нами с учетом выделения изваяний, зафиксированных на местах первоначальной установки, показывает, что на правобережье Среднего Дона они не распространяются севернее реки Тихой Сосны (на ней, как уже отмечалось выше, располагалась серия городищ салтово-маяцкой культуры). На правобережье Среднего Дона изваяния фиксировались со стороны степи до течения Битюга (Цыбин 2011).

Известны отдельные поселения с древнерусскими материалами на Дону, Тихой Сосне и Битюге. Их традиционно связывают с «бродниками». Однако хронология этих поселков нуждается в уточнении, поскольку на них нет узко датируемых материалов (см., например, Синюк 2015).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что Семилукское городище находилось на значительном удалении от ближайших городских центров юго-восточной Руси. Это обстоятельство характерно и для других поселений (Крапивенское, Холки). В этом плане представляется весьма продуктивным подход В. В. Енукова к характеристике структуры юго-восточного пограничья Руси, в которой не было жесткой разделительной линии между русскими и половецкими владениями, а понятие «поле Половецкое» могло включать остепненные водораздельные территории, подходившие к плотно заселенным участкам древнерусской территории (Енуков 2005). Но при этом стоит обратить внимание, что каменных половецких изваяний, зафиксированных в местах первоначальной установки, между предполагаемой юго-восточной границей Руси и ближайшими городскими центрами нет. Нет и других свидетельств постоянного пребывания кочевников на периферийных участках «поля Половецкого». Представляется, что похожая ситуация была характерна и для XVI в.

Во второй половине XIII — XIV вв. русское население археологически фиксируется в Среднем Подонье. Семилукское городище на р. Дон существовало до середины XIII в. Следов погрома на нем не выявлено. Население покинуло обжитое место, забрав все необходимое. Логично предположить, что маршрут его движения пролегал на север. Но не исключено, что какая-то его часть обосновалась на Чернышевой горе, примерно в 8 км выше по Дону. Здесь известно городище, с которого происходит серия русской керамики ордынского периода (Голотвин 2014). По технологическим особенностям эта керамическая серия близка керамике Семилукского городища. Ее специальный анализ подтвердил это предположение. Высказано мнение о том, что в XIV в. потомки жителей Семилукского городища вернулись на Чернышову гору из Рязанской земли (Скинкайтис 2014: 586).

В низовья р. Воронеж в период Золотой Орды существовал ряд поселений. Наиболее изученным является Шиловское поселение (Пряхин и др. 1987). Судя по монетам, последнее существовало и в начале XV в. Ордынские монеты середины — второй половины XIV в. есть и на других поселениях в низовьях р. Воронеж (поселение Ромашки, раскопки В. И. Такмакова). Таким образом, низовья р. Воронеж и семилукский участок течения Дона были хорошо знакомы русскому населению и после монгольского нашествия.

Русские поселки в XIV в. выдвинулись на Окско-Донскую низменность, в междуречье Дона и Хопра (рис. 1). Общая география их распространения в Среднем Подонье выявлена по материалам археологических исследований (Костенковско-Боршевское Подонье; павловский участок Дона в Донском Белогорье; Побитюжье; Прихоперье (реки Хопер, Савала, Карачан, Ворона) (Цыбин 2008: рис. 1; 2). Наряду с русскими поселками известны погребения кочевников и собственно золотоордынские памятники. В этом плане интересен район Побитюжья. Здесь располагались мавзолеи ордынской элиты, а по течению Битюга — небольшие русские поселки (Цыбин 2007). Выше уже упоминался отчет Ивана Жолобова об экспедиции 1685 г., в котором упомянута «татарская мечеть каменная» на речке Мечеть. Именно в XIV в. русский человек познакомился с географией, ландшафтами Доно-Хоперского междуречья. «Пименово хожение в Царьград», упоминавшиеся грамоты митрополитов Феогноста и Алексея, как представляется, подтверждают это наблюдение.

Известны русские поселки на правобережье Среднего Дона и на р. Оскол. На упоминавшемся городище Холки есть и материалы XIV в. Интересно предположение В. П. Загоровского о локализации городка Оскол, упоминавшегося в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея польскому королю Сигизмунду I (1507 г.), на городище Холки (Загоровский 1991: 19).

Что касается кочевого населения Орды, то территория его хозяйственной деятельности в Среднем Подонье в целом совпадает с зоной половецких кочевий предшествующего периода. Севернее устья р. Воронеж подкурганные кочевнические погребения не известны, нет их и на левобережье Среднего Дона севернее Тихой Сосны.

Этнокультурная ситуация в Среднем Подонье со второй четверти XV в. и до второй половины XVI в. слабо отражена в археологических и письменных источниках. В 90-х годах XV в., как полагал В. П. Загоровский, рассматриваемая территория входила в фактические владения Большой Орды и составляла часть «Поля» (Загоровский 1991: рис. 1). Но по течению Дона и Воронежа существова-

ли рязанские бортные ухожаи и рыбные ловли. Река Дон в XV—XVI вв. продолжала использоваться в качестве водного пути для торговых отношений и дипломатических поездок (Загоровский 1991: 30—31). Поэтому течение Среднего Дона и в этот период не выпало полностью из поля зрения русского человека. «Возрождение русской жизни», по выражению В. П. Загоровского (Загоровский 1991: 3), происходило во второй половине XVI — XVII вв. и было связано с появлением городов «на Поле» и строительством Белгородской оборонительной черты (Загоровский 1968).

Процесс заселения и хозяйственного освоения Среднего Подонья в конце XVI — XVII вв., на мой взгляд, имел некоторые закономерности, проявившиеся в более раннее время. Обращает на себя внимание карта размещения крепостей Белгородской оборонительной черты XVII в. (Воронеж, Костенск, Урыв, Коротояк, Острогожск, Ольшанск, Усерд) (Загоровский 1968: карта на вклейке). Линия Белгородской черты повторяет линию, образованную городищами славянской боршевской культуры по рекам Дон и Воронеж и городищами салтово-маяцкой культуры по р. Тихая Сосна (рис. 1). Как уже отмечалось выше, эта условная линия на протяжении длительного времени разделяла оседлый и кочевнический мир: на правобережье Дона севернее р. Тихая Сосна нет ни каменных половецких изваяний, ни погребений золотоордынских кочевников. В общем плане сопоставима с линий Белгородской черты и юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия. Она достаточно условна, но городища, маркирующие ее (Семилукское на р. Дон, Холки на р. Оскол, Крапивенское на р. Корень), находятся в зонах расположения крепостей Белгородской черты (Воронеж, Новый Оскол, Нежегольск).

Возвращаясь к сюжету основания крепости Воронеж, интересно отметить, что ее возведению на правом высоком берегу р. Воронеж (1586 г.) не предшествовала положенная в этих случаях предварительная разведка местности (Глазьев 2011: 27). Руководителям строительства она была хорошо известна. Как уже отмечалось, сохранившиеся письменные источники свидетельствуют о хозяйственном использовании низовий реки Воронеж в конце XVI в. рязанцами. А достоверные славянские памятники существовали здесь с конца VIII в. Один из руководителей строительства крепости рязанский дворянин Василий Биркин знал географию низовий реки Воронеж, как и течения Дона.

За линией Белгородской черты на левобережье Среднего Дона в XVII в. существовали сезонные поселки на территории ухожаев — участков, которые брались в аренду для охоты, рыбной ловли и других промыслов, например, на реках Осередь и Битюг (Серецкий и Битюцкий ухожаи). Выявленные русские поселения золотоордынского периода в этом районе также могли иметь сезонный характер.

Таким образом, вышеизложенные наблюдения позволяют предполагать наличие закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в эпоху средневековья и раннего нового времени.

Литература

Акты 1964: Греков Б. Д. (отв. ред.). 1964. *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.* Т. III. *Акты мелких владельцев.* Москва: Наука.

Андреев С. И. 2001. Романово городище. *Верхнедонской археологический сборник* 2, 208—224.

Андреев С. И. 2013. *Никольское городище*. Тамбов: ТГУ.

Афанасьев Г. Е. 1985. О культуре донского левобережья середины VIII — начала X в. В: Итс Р. Ф. (ред.). *Историческая этнография.* Проблемы археологии и этнографии III. Ленинград: ЛГУ, 85—93.

Афанасьев Г. Е. 1987. *Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры).* Археологические открытия на новостройках 2. Москва: Наука.

«Доезд» 2006: Гамаюнов А. И., Яблонский А. Я. 2006. «Доезд» жильца Ивана Жолобова 1685 года: описание незаселенных территорий по рекам Битюг, Цна, Осередь и Дон, «мочно ли по тем рекам... построить городы и слободы, и поселить села и деревни...». *Записки Липецкого областного краеведческого общества* V, 8—25.

Винников А. З. 1988. Славянские поселения на р. Воронеж. В: Тимощук В. А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси*. Москва: Наука, 26—31.

Винников А. З. 1995. *Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века)*. Воронеж: ВГУ.

Винников А. З. 2014. *Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж)*. Воронеж: Кварта.

Винников А. З., Кудрявцева Е. Ю. 1998. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства. *Вопросы истории славян* 12, 50—71.

Винников и др. 1995: Винников А. З., Синюк А. Т., Цыбин М. В. 1995. Средневековые материалы с поселения «Дрониха». В: Матвеева Г. И. (отв. ред.). *Средневековые памятники Поволжья*. Самара: СамГУ, 130—138.

Глазьев В. Н. 2011. Основание города Воронежа: итоги изучения. *Из истории Воронежского края* 18, 22—29.

Голотвин А. Н. 2014. Некоторые результаты археологи-

ческого обследования памятника природы «Чернышева гора» на Верхнем Дону. *Верхнедонской археологический сборник* 6, 546—583.

Дьяченко А. Г. 1983. *Славянские памятники VIII — середины XIII в. в бассейне Северского Донца.* Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков.

Енуков В. В. 2005. Северные пределы «поля» в древнерусское время. В: Винников А. З. (отв. ред.). *Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья*. Воронеж: Истоки, 54—61.

Загоровский В. В. 1968. *Белгородская черта*. Воронеж: ВГУ.

Загоровский В. П. 1971. *О древнем Воронеже и слове «Воронеж»: историко-географическое исследование*. Воронеж: ВГУ.

Загоровский В. П. 1973. *Историческая топонимика Воронежского края*. Воронеж: ВГУ.

Загоровский В. П. 1991. *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке*. Воронеж: ВГУ.

Колода В. В. 2015. Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект. *Поволжская археология* 14 (4), 54—91.

Колода В. В., Горбаненко С. А. 2010. *Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне*. Киев: ИА НАНУ.

Медведев А. П. 2009. Салтовское погребение на реке Воронеж. *Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье»* 1. Воронеж, 83—89.

Моця А. П., Халиков А. З. 1997. *Булгар-Киев. Пути, связи, судьбы.* Киев: ИА НАНУ.

Плетнева С. А. 2006. *Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование.* Воронеж: ВГУ.

ПСРЛ 1965: *Патриаршая или Никоновская летопись*. 1965. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Москва: Наука.

Прокофьев Р. В. 2007. Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье. В: Гугуев Ю. К. (отв. ред.). *Средневековые древности Дона*. Материалы и исследования по археологии Дона II. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 215—239.

Пряхин и др. 1987: Пряхин А. Д., Винников А. З., Цыбин М. В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи.* Воронеж: ВГУ, 5—36.

Пряхин А. Д., Цыбин М. В. 1991. Древнерусское Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон (Итоги раскопок 1984—1986 гг.). В: Дьяченко А. Г. (отв. ред.). *Археология славянского Юго-Востока*. Воронеж: ВГПИ, 93—106.

Пряхин А. Д., Цыбин М. В. 1996. Древнерусское Семилукское городище (Материалы раскопок 1987—1993 гг.). В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *На Юго-Востоке Древней Руси*: *историко-археологические исследования.* Воронеж: ВГУ, 29—62.

Пряхин и др. 1997а: Пряхин А. Д., Беседин В. И., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В. 1997. *Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа* 1. Воронеж: ВГУ.

Пряхин и др. 1997б: Пряхин А. Д., Беседин В. И., Разуваев Ю. Д., Сафонов И. Е., Цыбин М. В. 1997. *Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа* 2. Воронеж: ВГУ.

Скинкайтис В. В. 2014. Керамический комплекс золотоордынского времени с поселения Чернышева гора. *Верхнедонской археологический сборник* 6, 584—588.

Синюк А. Т. 2015. Стоянка бродника в устье р. Богучарки. В: *Избранные труды.* Воронеж: ВГПИ, 435—440.

Синюк А. Т., Березуцкий В. Д. 1991. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт. *СА* (3), 250—261.

Тропин Н. А. 2006. *Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII—XV вв.* Елец: ЕГУ.

Цыбин М. В. 2007. Периферия Золотой Орды в Подонье. *КСИА* 221, 166—175.

Цыбин М. В. 2008. Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье. В: Макаров Н. А., Чернов С. З. (отв. ред.). *Сельская Русь в IX—XVI веках*. Москва: Наука, 101—107.

Цыбин М. В. 2011. К изучению северной границы Половецкой земли в Подонье. В: Васильев Д. В., Зеленеев Ю. А., Ситдиков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Астрахань, 2—6 октября 2011 г. Казань: ИИ АН РТ, 125—127.

References

Grekov, B. D. (ed.). 1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV — nachala XVI vv. (Acts of Social and Economic History of North-Eastern Russia in Late 14th — Early 16th Centuries)* III. *Akty melkikh vladel'tsev (Acts of Small Owners).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Andreev, S. I. 2001. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 2, 208—224 (in Russian).

Andreev, S. I. 2013. *Nikol'skoe gorodishche (Nikolskoye Hillfort).* Tambov: Tambov State University (in Russian).

Afanasiev, G. E. 1985. In Its, R. F. (ed.). *Istoricheskaia etnografiia (Historical Ethnography).* Series: Problemy arkheologii i etnografii (Issues of Archaeology and Ethnography) III. Leningrad: Leningrad State University, 85—93 (in Russian).

Afanasiev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII—X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th — 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture)).* Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gamaiunov, A. I., Yablonsky, A. Ya. 2006. In *Zapiski Lipetskogo oblastnogo kraevedcheskogo obshchestva (Papers of the Lipetsk Oblast Society for Local Studies)* V, 8—25 (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 1988. In Timoshchuk, V. A. (ed.). *Drevnosti slavian i Rusi (Antiquities of Slavs and Rus).* Moscow: "Nauka" Publ., 26—31 (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 1995. *Slaviane lesostepnogo Dona v rannem srednevekov'e (VIII — nachalo XI veka) (The Slavs of Forest-Steppe Don Basin in the Early Middle Age (8th — Beginning of 11th Century)).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 2014. *Iugo-vostochnaia okraina slavianskogo mira v VIII — nach. XIII vv. (Zhivotinnoe gorodishche na r. Voronezh) (South-eastern Board of the Slavic World in 8th — Early 13th Centuries: Zhivotinnoye Hillfort near*

the Voronezh River). Voronezh: "Kvarta" Publ. (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Kudriavtseva, E. Yu. 1998. In *Voprosy istorii slavian (Issues of Slavic History)* 12, 50—71 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Siniuk, A. T., Tsybin, M. V. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Samara: Samara State University, 130—138 (in Russian).

Glazyev, V. N. 2011. In *Iz istorii Voronezhskogo kraia (From the History of Voronezh Land)* 18, 22—29 (in Russian).

Golotvin, A. N. 2014. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 6, 546—583 (in Russian).

Dyachenko, A. G. 1983. *Slavianskie pamiatniki VIII — serediny XIII v. v basseine Severskogo Dontsa (Slavic Sites of 8th — Middle of 13th Centuries in the Seversky Donets Basin)*. PhD Diss. Kharkov (in Russian).

Enukov, V. V. 2005. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Dnepro-Donskoe mezhdurech'e v epokhu rannego srednevekov'ia (Dnieper-Don Interfluve in Early Middle Ages)*. Voronezh: "Istoki" Publ., 54—61 (in Russian).

Zagorovskii, V. V. 1968. *Belgorodskaia cherta (Belgorod Abatis Border (Zasechnaya Cherta))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Zagorovskii, V. P. 1971. *O drevnem Voronezhe i slove «Voronezh»: istoriko-geograficheskoe issledovanie (On Ancient Voronezh and on the Word "Voronezh": historical and geographical study)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Zagorovskii, V. P. 1973. *Istoricheskaia toponimika Voronezhskogo kraia (Historical Toponymy of the Voronezh Land)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Zagorovskii, V. P. 1991. *Istoriia vkhozhdeniia Tsentral'nogo Chernozem'ia v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke (History of Integration of the Central Black Earth Region into the Russian State in 16th Century)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Koloda, V. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 54—91 (in Russian).

Koloda, V. V., Gorbanenko, S. A. 2010. *Sel'skoe khoziaistvo nositelei saltovskoi kul'tury v lesostepnoi zone (The Rural Economy of the Bearers of Saltovo Culture in the Forest-Steppe Zone)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Medvedev, A. P. 2009. In *Divnogorskii sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» (Divnogor'e Bulletin: the Papers of the Museum-reservation „Divnogor'e")* 1. Voronezh, 83—89 (in Russian).

Motsia, A. P., Khalikov, A. Z. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, sviazi, sud'by (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Pletneva, S. A. 2006. *Drevnerusskii gorod v kochevoi stepi: istoriko-stratigraficheskoe issledovanie (Old Rus Town in the Nomads' Steppe: a Historical and Stratigraphic Study)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis' (Patriarch's or Nikon's Chronicle). 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 11. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Prokofiev, R. V. 2007. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) 2. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 215—239 (in Russian).

Priakhin, A. D., Vinnikov, A. Z., Tsybin, M. V., 1987. In Priakhin, A. D. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi zheleza vostochnoevropeiskoi lesostepi (Iron Age Archaeological Sites in the Eastern European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 5—36 (in Russian).

Priakhin, A. D., Tsybin, M. V. 1991. In Dyachenko, A. G. (ed.). *Arkheologiia slavianskogo Iugo-vostoka (Archaeology of the Slavic South-East)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 93—106 (in Russian).

Priakhin, A. D., Tsybin, M. V. 1996. In Priakhin, A. D. (ed.). *Na Iugo-Vostoke Drevnei Rusi: istoriko-arkheologicheskie issledovaniia (In the South-Eastern Parts of Ancient Rus': Historical and Archaeological Studies)*. Voronezh: Voronezh State University, 29—62 (in Russian).

Priakhin, A. D., Besedin, V. I., Razuvaev, Yu. D., Tsybin, M. V. 1997. *Vantit. Izuchenie mikroregiona pamiatnikov u severnoi okrainy g. Voronezha (Vantit: Studies in the Micro-Region of Sites near the Northern Outskirts of the Voronezh City)* 1. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Priakhin, A. D., Besedin, V. I., Razuvaev, Yu. D., Safonov, I. E., Tsybin, M. V. 1997. *Vantit. Izuchenie mikroregiona pamiatnikov u severnoi okrainy g. Voronezha (Vantit: Studies in the Micro-Region of Sites near the Northern Outskirts of the Voronezh City)* 2. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Skinkaitis, V. V. 2014. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 6, 584—588 (in Russian).

Siniuk, A. T. 2015. In *Izbrannye trudy (Selected Works)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 435—440 (in Russian).

Siniuk, A. T., Berezutskii, V. D. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 250—261 (in Russian).

Tropin, N. A. 2006. *Iuzhnye territorii Chernigovo-Riazanskogo porubezh'ia v XII—XV vv. (Southern Territories of the Chernigov and Ryazan Principalities Frontier in 12th—15th Centuries)*. Yelets: Yelets State University (in Russian).

Tsybin, M. V. 2007. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 221, 166—175 (in Russian).

Tsybin, M. V. 2008. In Makarov, N. A., Chernov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX—XVI vv. (Rural Rus' in 9th—16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 101—107 (in Russian).

Tsybin, M. V. 2011. In Vasil'ev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)* V. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 125—127 (in Russian).

Статья поступила в сборник 30 июня 2017 г.

Mikhail Tcybin (Voronezh, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Voronezh State University [1].

Цыбин Михаил Владимирович (Воронеж, Россия). Кандидат исторических наук. Воронежский государственный университет.

E-mail: mvcibin@yandex.ru

Address: [1] Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394006, Russian Federation

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков; Санкт-Петербург.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ	— Азовский краеведческий музей. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академия наук Української РСР. Київ.
АП УРСР	— Археологічні пам’ятки Української РСР. Київ.
АПП	— Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГПУ	— Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа.
Бе-СА	— Българското е-списание за археология. София.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАШ	— Высшая антропологическая школа. Кишинев.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВГУ	— Витебский государственный университет. Витебск.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАНИИЯЛ	— Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка и литературы. Горно-Алтайск.
ГИКМ	— Государственный историко-краеведческий музей. Кишинев.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГИПЛ	— Государственное издательство политической литературы. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург.
ДАЗ	— Донецький археологічний збірник. Донецьк.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонГТУ	— Донбасский государственный технический университет. Алчевск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК	— Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕГУ	— Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗГУ	— Запорожский государственный университет. Запорожье.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии. Санкт-Петербург.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва.
ИАИ / И(Б)АИ	— Известия на (Българския) археологически институт. София.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ИАП	— Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.

ИВ РАН — Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИ АН РТ — Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
КГГИ — Крымский государственный гуманитарный институт. Ялта.
КГОМА — Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
КубГУ — Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КФУ — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ЛГПИ — Липецкий государственный педагогический институт. Липецк.
ЛГПУ — Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
МАИЭТ — Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР — Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАСУ — Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ — Национальная Академия наук Украины. Киев.
НВГУ — Нижневартовский государственный университет. Нижневартовск.
НГОМЗ — Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Великий Новгород.
НГУ — Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НМИДК — Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск.
НМЦА ЮФУ — Научно-методический центр археологии Южного федерального университета. Ростов-на-Дону.
НовГУ — Новгородский государственный университет. Великий Новгород.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАМ НАНУ — Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины. Одесса.
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОНУ — Одесский национальный университет. Одесса.
ПГУ — Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология. Москва.
РАЕ — Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАЕН — Российская академия естественных наук. Москва.
РАН — Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГПУ — Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону.
РСМ — Раннеславянский мир. Москва.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
САИР — Свод археологических источников России. Москва.
СамГУ — Самарский государственный университет. Самара.
СГПИ — Саратовский государственный педагогический институт. Саратов.
СГУ — Саратовский государственный университет. Саратов.
СНУ — Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН — Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СОИКМ — Самарский объединенный историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара.
СППіК — Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ССПіК — Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СтавГУ — Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей. Тверь.
ТГУ — Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.

ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Ленинград.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск/Екатеринбург.
УТОПІК	— Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФАЭ	— Фастовская археологическая экспедиция.
ФДКМ	— Фастівський державний краєзнавчий музей. Фастів.
ХГУ	— Харьковский государственный университет им. А. М. Горького. Харьков.
ХГУ	— Херсонский государственный университет. Херсон.
ХНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХОКМ	— Хмельницький обласний краєзнавчий музей. Хмельницький.
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
AÉ	— Archaeologiai Értesítő. Budapest.
AJN	— American Journal of Numismatics. New York.
AK	— Archäologische Korrespondenzblatt. Mainz.
AM	— Arheologia Moldovei. Iaşi.
AP	— Archeologia Polski. Warszawa.
AV ČR	— Academie Věd České Republiky. Praha.
BCH	— Bulletin de correspondance hellenique. Paris.
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus.
CA	— Cercetări arheologice. Bucureşti.
FA	— Folia Archaeologica. Budapest.
IPC AŞM	— Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Chişinău
JAS	— Journal of Archaeological Science. New York.
MA	— Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamţ.
MCA	— Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Kraków.
PBF	— Prähistoriche Bronzefunde. Stuttgart.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RA	— Revista arheologică. Chişinău.
SCIV(A)	— Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie). Bucureşti.
USM	— Universitatea de Stat din Moldova. Chişinău.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.

Древности.
Исследования. Проблемы
Сборник статей
в честь 70-летия Н. П. Тельнова

2018. — 508 стр.

Подписано к печати 05.12.2017 г.

Университет «Высшая антропологическая школа»,
«Stratum plus» Р. Р.
Адрес: ул. Йорга, 5, Кишинев, MD-2009,
Республика Молдова

Формат 60×84$^{1}/_{8}$. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 200 экз. 53 п. л. Заказ № 2820.
Отпечатано в Г.П. ИПФ «Центральная типография»:
Адрес: ул. Флорилор 1, Кишинев, MD-2068,
Республика Молдова

Antiquities.
Studies. Issues
Essays in honour of Nicolai Telnov
on the occasion of his 70th birthday

2018. — 508 pp.

Endorsed for print December 5, 2017.

High Anthropological School University,
"Stratum plus" Journal:
Address: Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009,
Republic of Moldova

Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper no. 1. Offset print.
Font "Liberation". 200 copies. 53 a. s.Order no. 2820.
Printed by State Owned Publisher "Tipografia Centrala":
Address: Florilor St., 1, Kishinev, MD-2068,
Republic of Moldova